

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Г. Виноградова

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Москва - 1898 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во втором выпуске «Книги для чтения по истории средних веков» соединены статьи по наиболее характерным явлениям средневековой жизни: в нем рассматриваются феодализм, папство и империя, крестовые походы, рыцарство и духовная культура этого периода. Разнообразием и важностью затронутых предметов оправдывается, смеем надеяться, значительный объем выпуска. К очеркам, посвященным искусству, приложены иллюстрации. Это немного удорожило издание, но читатели, вероятно, не посетуют на нас за то, что рядом с описанием памятников искусства мы поставили изображения, без которых описания сказали бы очень мало. При этом составители считают долгом выразить благодарность типографии А. И. Мамонтова, которая приложила все старания, чтобы исполнить цинкографии как можно лучше и как можно дешевле.

Первый выпуск «Книги для чтения» был благосклонно принят критикой и публикой. Будем надеяться, что и второй найдет подобный же прием. Позволяем себе лишь разъяснить одно недоумение, которое иногда высказывалось по поводу наших ссылок на источники и пособия. Мы никоим образом не имели в виду представить ученую или педагогическую библиографию по различным вопросам истории средних веков. Составление такой библиографии было бы делом крайне полезным, но она потребовала бы самостоятельной и немалой работы. Наши же указания на литературу отсылают лишь к тем источникам и пособиям, которыми по тем или другим соображениям преимущественно руководствовались составители статей.

Статья о римском праве в средние века и болонском университете была доставлена автором несколько поздно и потому помещена не вслед за № XLIII, как предполагалось, а в конце тома.

Москва, 1 ноября 1897.

XIX. Подготовка феодализма

Европа I в. и Европа XI века

Чтобы судить о великих исторических переменах, лучше всего сравнить состояния одного и того же общества в периоды, отделенные друг от друга большим промежутком времени. Европа около Рождества Христова и Европа тысячного года представляют едва ли меньший контраст, чем общество тысячного года и общество нашего времени. С одной стороны могучая, почти всемирная монархия, под защитой которой разноплеменные области входят в живое общение друг с другом, обмениваются произведениями и идеями, вырабатывают общую гражданственность, общее право, общую духовную культуру. С другой—бесчисленное множество местных кружков—бароний, духовных княжеств, городов; каждый из этих кружков обособляется как в политическом, так и в хозяйственном отношении; а духовная жизнь, хотя и отличается однообразием, но поражена скудостью и сведена на поддержание нескольких простейших идей. Вместо подданства всех единой власти и закону—сложная сеть вассальных отношений, основанных на личной верности; вместо равенства граждан в правах—целый ряд сословных ступеней, завершающихся рыцарской аристократией. Противоположность резкая, а между тем путь от одного состояния к другому—прямой, и переходы на этом длинном пути постепенны и едва заметны.

При изучении этих переходов прежде всего возникает вопрос—почему остановилось движение вперед, почему общественное совершенствование заменилось распадом государства и культуры? А к этому первому вопросу примыкают другие: с каких пор начинается упадок, не следует ли искать его первых признаков еще в римской империи, задолго до победы варваров? Нет надобности в настоящем случае перечислять все причины падения Западной Римской империи. Но можно попытаться указать на черты в быте империи, в ко-

Пособия. *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, III, IV; *Roth*, Feudalitat und Unterthanverband; *Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions de la France; *Duruy*, Histoire des Romains, IV, VII; *Burchhardt*, Das Zeitalter Constantins; *Grober*, Grundriss der Romanischen Philologie; *Mommsen* в Hermes, XXIV; *Blumenstock*, Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums; *Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte; *Виноградов*, Происхождение феодализма в лангобардской Италии.

торых подготовлялись характерные явления средних веков.

Две стороны романизации

Смысл и значение империи заключались в том, что она с помощью греко-римской культуры объединила и переработала народности, жившие вокруг Средиземного моря. Но разрешение этой задачи совершалось, если можно так выразиться, процессом двухсторонним. Кельты, иберы, реты, мавры, иллирийцы, фракийцы цивилизовались до известной степени, подвигались вперед в хозяйстве, гражданском устройстве и образовании; сирийцы, египтяне, племена Малой Азии изменили отчасти свои привычки и воззрения, принаравливаясь к требованиям империи. Но если смешение племен и проникновение их греко-римской культурой было, с одной стороны, великим прогрессом, то, с другой, оно составляло регресс, сопровождалось понижением уровня самой преобразующей культуры. Осиливая варварство и инородные элементы, греко-римская культура воспринимала множество черт от побежденных противников, сама понижалась и грубела. Процесс, который совершался в странах, покоренных римлянами, можно сравнить с тем, что произойдет, если к жидкостям разного цвета примешать яркий окрашивающий состав. Густая примесь передаст свою окраску всем веществам, которые придут с ней в соприкосновение; но чем больше будет количество этих веществ, чем шире разольется новый состав, тем слабее и бледнее будет достигнутая окраска, тем сильнее будут сказываться в ней оттенки, напоминающие первоначальные цвета, с которыми боролась новая примесь. Рим объединил Италию, римские учреждения и латинский язык вытеснили этрусские, самнитские, оскские наречия и учреждения. Италия романизовалась, стала римской, и в свою очередь сделалась очагом романизации для провинций. Ее население культурно, так сказать, переливалось в провинции и преобразовало их на римский лад, так что различия в образованности постепенно сглаживались. Распространение однообразной культуры в политической жизни сопровождалось постепенным уравниванием в правах Италии и провинций, постепенным уничтожением италийских привилегий—своеобразного местного самоуправления, свободы от военного постоя легионов, освобождения от земельного налога и т. п. В начале III-го века Каракалла признал равноправность провинциального и италийского населения, распространив права римского гражданства на все свободное население империи.

Подобная же работа выпала в восточных провинциях на долю греческого языка и греческой культуры, но для простоты мы ограничимся рассмотрением того, что происходило на западной половине империи, в романизованных землях.

Регрессионное движение в империи

Объединению и переработке народностей, стоявших первоначально на низких ступенях гражданственности, отвечает интересный ряд явлений во всех областях жизни, и все эти явления отмечены одной общей чертой с точки зрения развития высшей культуры, получившей преобладание над остальными: они сводятся к понижению уровня, к упрощению задач, к вырождению. Этот процесс замаскировывается успехами и приобретениями, достигнутыми, благодаря политическому прогрессу времени империи: создание прочной власти, обеспечение мира (*Pax Romana*) и гражданского оборота, соединение различных стран в одну экономическую систему с свободной торговлей и живым обменом благ и услуг, привлечение все более и более широких кругов общества к гражданственности и к гражданству

—все эти условия произвели благосостояние, промышленный и духовный прогресс, который, повторяю, выкупал и прикрывал неблагоприятное отягощение культурного общества варварскими, слабо переработанными элементами. Но довольно скоро, уже в III веке наступило время политических невзгод: вторжения варваров, усобицы из-за императорской власти, соревнование армий и провинций подорвали порядок и благосостояние и стали угрожать самому существованию империи. И вместе с тем все сильнее стали обнаруживаться варваризация римской культуры, регрессивное движение во всех областях, регрессивное движение, которое однако совсем не было возвращением к старым привычкам и жизненным условиям, а приводило к образованию новых, своеобразных форм.

Перерождение языка

Достаточно взглянуть хоть на имена римских граждан времен империи, чтобы почувствовать, что мы находимся в очень смешанном обществе. Вместо классических коротких фамилий и *cognomina* перед нами странные, нагроможденные друг на друга варварские клички, плохо прикрашенные надставками *us* и *er* в конце имен. Какие-нибудь *C. Vigellius Raius Plarius Saturninus, T. Flavius Romanus Ulpio Noviomagi Bataus* явно выдают себя за слабо романизованных варваров. Эти варвары должны были, конечно, прежде всего учиться латинскому языку, как общему языку Западной империи: они и научались пользоваться латынью вместо своих местных наречий, но какая же это была латынь! «Латинский язык видоизменяется и по областям, и по эпохам», — замечает блаженный Иероним. Просторечье, *lingua vulgaris*, становилось мало-по-малу в устах бывшего кельта как бы новым романским языком, звуки и формы которого в значительной степени отклоняются от латинской речи под влиянием физиологических особенностей и привычек кельтов.

Влияние кельтского языка на латинский началось с той минуты, как кельты стали говорить по-латыни. Самое устройство органов речи обуславливало ряд особенностей произношения. Отсюда началось развитие романских языков: на первоначальной почве заметно наряду с изменениями, зависящими от роста и развития языка, влияние варваризации и вырождения. Для примера укажем на несколько общеизвестных особенностей французского языка, которые объясняются проникновением кельтских привычек в вульгарную латынь Галлии. Латинское и сохранилось в итальянском, но смягчилось в *u'* (*durus*—*dur*) во французском, и немудрено, потому что галльское население уже в то время, когда оно говорило по-кельтски, произносило именно *u'*, а не *u*. Французская *liaison*, тесная связь между двумя словами, при которой беззвучная конечная согласная первого слова восстанавливается во избежание hiatus'a, восходит к кельтской привычке сливать связанные по содержанию слова как бы в одно сложное слово. В кельтских наречиях ударение так сильно выдвигает тот или другой слог в слове, что остальные слоги становятся несовсем ясными и легко стираются. Во французском это подчеркивание слога с ударением и ступенчатость остальных вызвало ряд существенных изменений. Под его влиянием выпадают группы согласных в слогах без ударения (*augustus*—*aout*), под его влиянием заглушаются и отпадают конечные части слов, следующие за ударением, так что все слова, за исключением оканчивающихся на *e muet*, беззвучное *e*, становятся как бы *oxytona* и *perispomena*. Многие и существенные изменения при переходе от латинского языка к романским не могут быть с точностью объяснены влиянием того или другого наречия, предшествовавшего латыни в романских стра-

нах. Но в целом ряде даже таких изменений выражается во всяком случае распадение латинской речи: формы затемняются, спутываются, пропадают. Латынь Варварских Правд V и VI веков представляет полнейшую путаницу в склонении: творительный является вместо винительного, винительный заменяет именительный и т. п. Но вырождение склонения и замена падежей предлогами начались гораздо раньше: уже в вульгарной латыни I—II веков исчезает родительный падеж, затем стушевывается дательный. Точно также уже в эпоху римской империи наступают такие явления, как обход сравнительной степени при помощи прибавки *magis* и *plus* к положительной и исчезновение превосходной степени; исчезновение страдательного залога¹, замена будущего времени неопределенным наклонением с *habeo* (*je feraifacere habeo*, «имею сделать» вместо «сделаю»). Повторяю, это перерождение латинского просторечия в романские языки—процесс сложный и обусловленный многими причинами; он не всецело объясняется из варваризации римского общества. Относительно отдельных явлений не всегда видно или не всегда доказано, что они сводятся на проникновение варварских элементов в римскую среду, но сколько бы мы ни оговаривались и ни ограничивали наше исходное положение, все-таки остается несомненным, что в любопытной истории возникновения романских языков мы имеем, между прочим, яркое обнаружение того культурного процесса, которым характеризуется переход от римского мира к эпохе варварских государств.

Искусство

Нечто подобное совершается в области искусств. Вступление христианства в мир создало новую могучую силу в художественной области: работа этой силы перед нами в живописи катакомб, в зарождении византийского и романского стилей архитектуры. Таким образом, дело идет далеко не о простом измельчании или упадке, но в целом ряде фактов все-таки дают себя чувствовать понижение культурного уровня и варварская грубость. Когда в Риме воздвигли триумфальную арку победителю Лицинию, покровителю христианства, значительную часть украшающих ее рельефов просто перетасили с арки Траяна, но часть художники IV века прибавили от себя и при этом увековечили упадок скульптуры и эстетического чувства. Фигуры искажены, лица безобразны. На так называемом диске Феодосия символические фигуры внизу скопированы с древних образцов и красивы; на верхних изображениях, списанных с живых людей, верно схвачены грубые, плоские, уродливые и варварские лица, верно переданы тяжелые, расшитые мундиры, заменившие тунику и тогу, а посадка и постановка фигур останавливает внимание неуклюжим, неправильным рисунком. Главное теперь не красота и не выразительность, а колоссальность и драгоценный пестрый материал. Галлиен, жалкое царствование которого заслужило название времени «тридцати тираннов», заказал себе статую в 200 фут. вышины; предполагалось, между прочим, сделать для этой статуи копы таких размеров, чтобы ребенок мог подняться внутри его по лестнице. Для изваяний стали употреблять вместо мрамора редкий, драгоценный, но крайне неудобный для обработки порфир; при изготовлении статуй из этого материала поставщики и полировщики имели больше значения, чем скульптор.

Хозяйство

Для нашей ближайшей цели особенно важно обратить внимание на это постоянное вы-

1 *Librum vendunt* или *liber se vendit* вм. *liber venditur*.

рождение или перерождение древней культуры в экономической области. В начале нашей эры под покровительством империи составилась круг торгового и промышленного обмена, напоминающий нам современный всемирный рынок. Различные области свободно обменивались произведениями и вырабатывали специальности, поддерживавшие друг друга; прекрасные пути сообщения облегчали быстрый обмен, значительные капиталы искали помещения в производительных предприятиях, твердая власть и взаимное доверие способствовали развитию форм кредита. Надо только прибавить, что это процветание не только мирилось с рабским трудом и эксплуатацией провинциального населения, но в сильной степени обуславливалось ими. Уже III век представляет иную картину. Подавление побежденных народностей римскими гражданами прекратилось—население империи вошло в состав римского гражданства. Тем самым поработенные массы, над которыми когда-то свободно оперировали наместники, откупщики и предприниматели, выступили из тени со своими стремлениями и правами: ослабел авторитет центральной власти, зашевелились провинциальные силы, в хозяйственной деятельности получили преобладание местные нужды и потребности мелких людей; уже потому широкая организация производств на начале мирового обмена уступает место более скромным и непосредственным экономическим задачам—каждая общественная группа прежде всего заботится сама о наиболее необходимом в пище, одежде, жилище, обстановке. Наконец, с другой стороны, снабжение римского мира рабами становится все затруднительнее¹, так как завоевательные войны прекратились, а если и удастся временами захватить в плен германцев, славян, гуннов, то они слишком непокорны и грубы для роли рабов. Поневоле приходится предоставлять рабочим значительную долю самостоятельности и вместе с тем разбивать крупные имения на мелкие, оброчные хозяйства, крупные предприятия на мелкие эксплуатации. Наконец, усиление провинциальной и местной жизни совпадает с великими политическими невзгодами—страшными вторжениями варваров, постоянными мятежами войск, соперничеством императоров. Государственная неурядица подрывает уверенность обширных хозяйственных расчетов и содействует с своей стороны стремлению каждой отдельной местности жить и трудиться для себя, поставить себя вне зависимости от воздействия со стороны. В совокупности получается попятное движение общества от сложной меновой системы к простым формам натурального хозяйства. Движение это не прекращается, а скорее усиливается после реставрации империи в IV веке. Власть, правда, восстановлена, но она держится только крайним напряжением всех общественных сил, напряжением, которое устраняет свободу передвижения и соглашения, прикрепляет каждого к определенным занятиям и определенной местности. Экономический организм империи в IV и V веках уже распался на областные и местные кружки, которые все похожи друг на друга—все обращаются к разрешению простейших хозяйственных задач и все выдвигают вперед земледелие и отношения по земле.

Аристократия поздней империи

На этом общем фоне выделяются явления, которые прямо готовят средневековые формы. Несмотря на тягость податей, государство не имело возможности покрыть деньгами все расходы по содержанию и вознаграждению войск, и чем дальше, тем больше распространяется обычай отводить земли войсковым частям и отдельным воинам, обязывая их в

1 В начале III века цена раба определяется в 200 золотых или 500 динариев (Dig. IV, 4, 51). Цена высокая, и это дает повод думать, что рабов было трудно достать.

отплату выступать в поход и защищать границы (*agri limitanei*). Участки эти переходят по наследству в том случае, если наследники берут на себя отбывание воинской повинности на границах; ни в каком случае эти земли не переходят к частным людям и не становятся частными владениями. В конце империи мы встречаемся с целыми племенами варваров (*gentiles*), в положении которых земледелие неразрывно соединяется с воинской повинностью. В Галлии эти отряды распределены по всей стране и носят название лэтов (*laeti*).

Другая характерная черта позднеримского порядка—это политическое значение помещичьей аристократии. Крупное плантационное хозяйство составляет редкое исключение в эту эпоху, потому что такое хозяйство требует как раз обеспеченного обширного рынка, которого не было. Но крупная земельная собственность была чрезвычайно распространена, и собственники эксплуатировали свои имения, раздавая их по частям в долгосрочное и наследственное пользование арендаторам, колонам и рабам. Империя IV и V веков признала собственника посредником между собою и земледельческим населением. Она не только обращалась к магнату с требованием, чтобы он собирал подать с своих арендаторов и колоннов, но поручала ему ставить из них рекрут в войска, судить их по второстепенным делам, заведывать сельской полицией, назначать священников в сельские приходы. Таким образом, к аристократии переходила значительная доля влияния, которое собственно должно было принадлежать чиновникам, представителям государственной власти. И немудрено, что наряду с формальными уступками правительства появляются незаконные захваты власти могущественными аристократами: императоры считают долгом законодательствовать против так называемых *patrocinia*, т. е. против патроната землевладельцев, военных вождей и высокопоставленных чиновников, к которым обращаются мелкие люди, чтобы достигнуть какой-нибудь незаконной льготы, большею частью, чтобы избавиться от податей или заручиться покровительством в службе.

Военный строй

В военной организации особенно сильно заметно сближение и слияние между римскими и варварскими элементами. Армия является могущественным орудием романизации, поглощает и перерабатывает массы варваров, но в то же время это поглощение совершается не безнаказанно: состав войска и военные порядки глубоко изменяются. Начать с того, что пехота легионов уступает все более и более место коннице, в которой служили преимущественно варвары. В эпоху междоусобных войн, предшествовавших образованию империи, на 10 пехотинцев приходился один всадник—кавалерия является совершенно второстепенным родом оружия. В III веке конница по числу равняется пехоте. Соответственно этому наступил ряд изменений в командовании и в тактике. Наиболее характерным признаком наступления средневековых порядков можно считать появление так называемых *буцеллариев*, и я позволю себе остановиться несколько обстоятельнее на этом факте. Мы знаем о нем более всего из вестготских и византийских источников, но он вполне засвидетельствован уже для римской империи начала V века. Буцелларий, в буквальном переводе—«сухарник» (*bucella*—солдатский сухарь),—это нахлебник, дружинник какого-нибудь варварского вождя на римской службе или римского полководца. Буцелларий вступает на службу не римского государства, а частного человека, обязуется перед своим вождем клятвой и ожидает от него содержания, подарков, земельных пожалований. Он может оставить своего вождя и перейти к другому, но в таком случае полученные подарки и пожалования должны

быть возвращены. По смерти буцеллария его наследники получают пожалованные земли только, если продолжают службу умершего. Если умерший оставит после себя дочь-наследницу и она желает сохранить пожалованья воеводы, то она должна при выходе замуж испросить его согласия. Готы и галаты особенно часто упоминаются в качестве буцеллариев. Иногда они образуют многочисленные дружины при римских полководцах. Велизарий повел за собой в Италию 7000-й отряд таких дружинников.

Нетрудно видеть, до какой степени все указанные явления, и общие, и специальные, сближают последние века римской империи с средневековым бытом. Империя постепенно впадала в варварство, и так называемое переселение народов лишь завершило процесс, начавшийся задолго до V века. Во всяком случае появление германских королей на месте римских императоров и римских наместников, наводнение западных областей франками, готами, саксами и т. п. резко усилили центробежные движения в государственном быту и окончательно определили переход к натуральному хозяйству.

Коммендация и вассалитет

Правда, число свободных людей сильно возросло вначале вследствие появления в пределах империи целых племен, пришедших из-за Рейна и из-за Дуная, притока племен воинственных, способных и готовых защищать свою свободу оружием. Это увеличение числа свободных людей ослабило обострившуюся в последние века империи противоположность между аристократами, крупными помещиками, и зависящим от них мелким и полусвободным людом. Но очень скоро отношения попали в прежнюю колею: среднее сословие свободных германцев стало быстро таять, потому что не всем им достались равные доли добычи при завоевании провинций, а кто захватил меньше и оказался слабее, тот скоро почувствовал, как было трудно защищать жизнь, честь и собственность в эту эпоху ожесточенной общественной борьбы. Жизнь общества протекала бурно: войны, усобицы, наезды, разбои, насилия были явлениями повседневными, а между тем государственная власть была слаба, старые же родовые и общинные союзы разстроились. Более слабым оставалось одно — искать покровительства более сильных, становиться, если не их подданными, то их подручными, помогать им устраивать себе маленькие государства в государстве. Частное покровительство такого рода уже очень заметно в меровингской Галлии. Оно носило название *mundium*, *mundeburtis*; искавшие его препоручали себя магнату светскому или духовному, иногда самому королю¹. Кто коммендировался, имея землю, тот обыкновенно передавал ее своему патрону, чтобы тем приобрести как бы его благоволение и покровительство. Весьма часто клиент испрашивал при этом у патрона, или, как стали говорить в средние века, у сеньёра, разрешения пользоваться этой землей до своей смерти (*precaria*). Конечно, сплошь и рядом коммендировались люди слабые, захудалые, бедные, но могло быть и иначе. Магнаты не только окружали себя вооруженными слугами, но держали целые военные

1 По Турской формуле (43), некто поручает себя в виду крайней нужды «in mundoburdum» другого. Делается это на том условии, «чтобы вы помогли и оказывали мне содействие пищей и одеждой, насколько я заслужу и буду того достоин. Пока буду жив, должен я вам, как свободный, оказывать службу и подчинение, и не имею права в течение всей моей жизни выйти из-под вашей власти и покровительства, а должен оставаться под вашей властью и охраной во все дни моей жизни». Ср. в римское время Salvianus, De gubernatione Dei, V: «Многие покидают свои поля и хижины, отдают себя под защиту и покровительство более сильных людей, становятся подручными богачей и как бы переходят под их власть и управление».

отряды, и в подручники к ним шли предприимчивые, энергические люди среднего и мелкого состояния, которым хотелось пожить вольнее, заслужить подарки и пожалованья. Отношение это напоминало древнюю дружину, описанную Тацитом. Скреплялось оно клятвой подручника в верности и готовности служить. Главной формой этой связи была дружинная служба королю (антрустионы, лейды у франков, гезиды, тены у англосаксов)¹. Дружинников и подручников такого рода называли латинскими терминами «*paes*», «*amici*», или германскими «*gasindi*», «*vassi*». Последний мало-по-малу особенно распространился и вытеснил другие, так что такого рода дружинную коммendaцию стали называть вассалитетом.

Иммунитет

Само собою понятно, что, раз в обществах появились такие своеобразные соединения между гражданами, эти соединения должны были в сильной степени затруднить действия государственной власти, равномерное и повсеместное ее применение.

Каждый светский и духовный сеньёр старался отвоевать себе круг влияния, в пределах которого он становился как бы царьком, и королю нельзя было не считаться с ним при осуществлении королевского верховенства и проведении государственных требований. Чтобы взять ратных людей, чтобы взыскивать поборы, чтобы произвести суд и привести в исполнение приговор в пределах такого круга влияния, приходилось принимать в расчет значение сеньёра, приходилось даже обращаться к посредничеству и помощи. Слабые, несовершенные государства варваров стали формально признавать обособленность таких кругов частного влияния: впервые были дарованы такие формальные «иммунитеты» церквям. Тот или другой благочестивый король запрещал своим судьям и полицейским вступать в церковные владения и производить в них какие-либо взыскания в пользу государства; налоги, взносы, пошлины отменялись и переходили к духовному сеньёру—епископу или аббату. Первоначально имелось в виду лишь поручить этому сеньёру производить всякого рода поборы в пользу государства. Но, сделавшись обязательным посредником при взимании, сеньёр вскоре стал присваивать себе самую выручку. Мало того, самые права, связанные с сборами, ценились прежде всего, как доходные статьи, и стали отчуждаться вместе с отчуждением доходных статей. Владелец иммунитета, который сначала должен был взыскивать судебные пошлины в пользу государственного судьи, сделался сам судьей, как скоро ему удалось захватить судебные пошлины в свою пользу,—к тому, кому досталась выручка, естественно перешли и обязанности. Таким образом, на государственной территории образовались и быстро стали расширяться как бы острова независимых властей—иммунитеты.

Бенефиций

Все упомянутые явления тесно переплетались с земельными отношениями, потому что после нашествия варваров хозяйство окончательно возвратилось к натуральной системе—земледелие стало важнейшей его отраслью, а землевладение сделалось главной основой

1 Клятва антрустиона по формуле Маркульфа (1, 18): «Справедливо, чтобы тот, кто обещал нам ненарушимую верность, пользовался бы нашей защитой. А так как такой-то верный нам человек явился, по повелению Божию, в наш дворец и поклялся с оружием в руках следовать за нами и хранить нам верность, то мы постановляем и приказываем настоящей грамотой, чтобы вышеназванный впредь считался в числе наших антрустионов. И если бы кто дерзнул его умертвить, то пусть знает, что приговорен будет к уплате вергельда в размере 600 солидов».

всей общественной жизни. Всякий сколько-нибудь продолжительный и значительный обмен услуг между двумя лицами сводился в конце концов не на денежные расчеты, а на кормление при известном имении или на пожалование имения в вознаграждение за службу. Денег было мало видно в гражданском обороте, за то натуральные повинности и сборы натурой были самым обычным явлением. Так было в частном быту, так было и в государственном. Помещик вознаграждал своих помощников по управлению имениями, своих слуг, подручников выдачами из своих амбаров и кладовых, предоставлением участков земель в пользование, иногда пожалованием участков. Тот, кто шел на службу и обязывался верностью, рассчитывал на такого рода вознаграждение, хотя оно редко оговаривалось в определенных выражениях. Король по отношению к государственной службе держался тех же приемов, что остальные помещики. Он не имел в своем распоряжении обширной податной системы, потому что деньги собрать было неоткуда; приходилось довольствоваться выдачами натурой и доходами с имений. При этих условиях вознаграждение за государственную службу графов, антрустионов, духовных лиц, писцов, счетчиков, полицейских, дружинников, телохранителей и вассалов всякого рода сводилось преимущественно на продовольствование натурой, а также на предоставление участков земель в пользование и в наследственное владение. Такого рода вознаграждения считались щедротами, благодеяниями, «бенефициями» короля; предполагалось, что они даруются по свободному решению и без видимого обусловливания той или другой службой. В действительности все-таки вышло, что важнейшие виды служб зависели от выдачи в вознаграждение имений и участков. Обратно, при самой выдаче сначала не оговаривалось прямо, что участок дан за такую-то службу, но фактически пожалование обусловливалось именно этою службою и, будучи полным и безусловным по форме, становилось условным по существу. Если человек переставал служить или служил дурно, у него можно было отнять пожалование; если он умирал, переход пожалования к наследнику не разумелся сам собою, а наступал в зависимости от того, продолжал ли наследник нести службу. В конце концов, условность бенефициального или ленного владения стала оговариваться определенно и была обставлена определенными юридическими положениями.

Секуляризация и рыцарская служба

Два исторических факта особенно содействовали ускорению процесса феодализации в западной Европе. В VIII-м веке политические отношения на Западе представляли величайший хаос; в главном из основанных германцами государств—в франкском королевстве—государственная власть пришла в упадок, средства для земельных раздач истощились, областные начальники сделались как бы самостоятельными князьями, остатки центральной власти перешли от королей к начальникам дворцового правления и дружины—к палатным мерам. А между тем надвигалась грозная сила ислама, и вестготское королевство в Испании уже пало под ее ударами. Под водительством Каролингов франкское государство оправилось и отразило арабов, а затем при Карле Великом оно соединило вокруг себя все главные страны, занятые романо-германским населением, и продвинуло границы христианской культуры далеко на восток. Но для таких необыкновенных подвигов требовались и чрезвычайные средства. Каролинги, начиная с Карла Мартелла, массами захватили церковную недвижимую собственность и обратили ее на раздачи воинам. Однако на этих секуляризованных землях все-таки признавалось высшее право церкви: она считалась лишь уступленны-

ми государям и их слугам во временное и условное пользование по особой нужде. Оттого именно на землях, взятых у церквей, условность бенефициального владения была ранее всего обставлена определенными юридическими формами. Вообще Каролинги, и в особенности Карл Великий, не считали нужным бороться против описанных нами выше отношений, в которых подготовлялся феодализм. Они предпочли упорядочить их и воспользоваться ими, насколько возможно, для государственных целей. Так, они признали сеньёрат, но усилили ответственность сеньёров за их подручных друзей. Постоянные наступательные войны Карла Великого способствовали, кроме того, коренному изменению военной системы. Поголовное ополчение свободных было слишком тяжеловесно и плохо вооружено, чтобы оказать существенную пользу в таких войнах. Нужно было иметь под рукой особый военный класс, способный переносить тяготы ежегодных походов. В связи с этим появляется правило, что одни лишь владельцы 4 наделов обязаны участвовать в походах. Остальные свободные люди складываются, чтобы выставить одного ратного человека с каждых 4 наделов. Иначе говоря, войско аристократизируется. Главной его составной частью становятся всадники, одетые в кольчуги. Это превращение закрепляется окончательно вследствие норманнских набегов IX и X веков. Неповоротливые, плохо снаряженные массы ополчения не выдерживали столкновений с северными разбойниками и не могли следовать за их быстрыми переходами. В отпор норманнам западное общество строит замки и вырабатывает рыцарскую конницу. Но от этого превращения выиграла не центральная власть, а сеньёры областей. Общество уже не в силах группироваться около отдаленных центров, каждая часть его ищет защиты вблизи, у более или менее могущественного местного магната, и для удовлетворения самых настоятельных потребностей такого рода охрана оказывается наиболее подходящей.

В заключение можно сказать, что подготовка феодализма сводится, в сущности, на развитие трех основных положений: 1) постепенность культурного роста не допускает быстрого появления обширных и сложных государственных систем у молодых, невоспитанных историей народов. Если уже в поздней империи влияние варваров сказывается в понижении государственных требований и возрастании центробежных сил, то нашествие германцев привело к окончательному распадению на мелкие политические кружки. 2) Организация этих местных кружков на аристократическом начале обуславливается тем, что германские племена не просто подвигались от простейших форм к более сложным, а попали на почву, подготовленную римским социальным строем и сами прошли военную историю, благоприятствовавшую развитию аристократических неравенств. 3) В известной мере феодализм был приспособлением государственной организации к условиям натурального хозяйства, и в этом отношении он не только установился в западной Европе, завоеванной германцами, но проник и в восточную, византийскую Европу, где военная служба и помещичья власть получили постановку, напоминавшую каролингские порядки и восходившую в сущности к быту империи IV и V веков.

Павел Виноградов

XX. Альфред Великий

Англия в римское время

В наше время многие жалуются, что пришла тяжелая пора, что жить трудно и невесело. Без сомнения, у каждой эпохи свои заботы и затруднения—немало их и у нас; но нам грешно было бы горевать или отчаиваться, потому что мы живем и действуем в такой обстановке, о которой и помышлять не могли наши предки. Чтобы оценить по достоинству, что дает нам крепкое, благоустроенное государство, утвердившиеся правила христианской нравственности, запас знания и искусства, чтобы не относиться к этим великим благам культуры безотчетно и безучастно, лучше всего оглянуться назад, последить за тем, как медленно и болезненно все это вырабатывалось, или хотя бы справиться, каково жилось людям в ту или другую отдаленную эпоху, чем они пользовались, что им угрожало и что давало силы для борьбы.

Современная Европа занимает особое положение в жизни земного шара. Она меньшая и главная из частей света. Ея образованность дала ей перевес материальный и духовный—она направляет всемирную торговлю и промышленность, ея государства широко распространили свое влияние на другие части света, ея идеи проникают в жизнь дикарей и народов чуждой культуры. Духовная сила Европы проявляется в внешних резких формах, наперекор многим невыгодным условиям местности и климата. Маленькая Англия с ея малоплодородной почвой и тяжелым климатом, напр., сделалась повелительницей населения в 200 миллионов, разбросанного по всему земному шару, сделалась величайшей торговой державой и великим средоточием науки, литературы, практической мудрости.

Не то было 1000 лет тому назад. Мало того, что безлюдье и пустырь царили там, где теперь теснится и работает энергическое население: где появлялись люди, им приходилось заботиться о самых необходимых условиях существования, приучаться к самым первоначаль-

Пособия, кроме Саксонской хроники и биографии *Accepa. Pauli*, The life of Alfred the Great, translated by *B. Thrope*; *Winckelmann*, Geschichte der Angel-sachsen; *Du-Chailli*, The Viking age; *Steenstrup*, Normannerne, II.

ным основам общежития. Первую попытку внести порядок и образованность на остров сделали римляне, которые господствовали там более 3 веков¹. Они покорили дикое кельтское население, приучили его к оседлости и земледелию, построили города Лондон, Йорк, Линкольн, Бат и многие другие². Вместе с городом появилась торговля, проведены были великолепные дороги, следы которых сохранились до сих пор. Наконец, по стране появились именья римских помещиков с обширными хозяйственными постройками и прекрасными жилыми помещениями. Римские владельцы устраивались в них с комфортом и даже роскошью.

Но римское влияние было все-таки поверхностным—оно не привело к коренному преобразованию кельтского населения. Когда, в начале V века легионы ушли из Британии, чтобы защищать другие провинции Западной империи, римская культура быстро пришла в упадок, и повсюду появилось прежнее кельтское варварство. На западе, напр., в теперешнем Уэльсе, важным центром римской жизни был город Иска—он до сих пор носит название Caerlon, т. е. *castra legionis*—лагерь легиона,—но, несмотря на название, вся эта местность совершенно утратила римскую образованность и вернулась к языку и патриархальным обычаям кельтов.

Завоевание англосаксов

Еще резче был переворот на востоке острова, потому что туда вторглись германские племена англов и саксов, которые опустошали страну и избивали население. В Саксонской летописи записано, напр., под 491 годом: «В этом году Элле и Цисса осадили Андредечестер и убили всех, кто жил в нем; ни единого бритта не осталось в живых». В южной Англии римляне построили богатый, прекрасный город, называвшийся *Verulamium*. После нашествия саксов от него осталась груда развалин, и в XI веке монахи с.-альбанского монастыря, находившегося по близости, построили громадный собор, для которого материал добывали из этих развалин: оттуда брали мрамор, тесаные камни, черепицы.

Пришло однако время, когда даже англ и саксы перестали грабить и опустошать, а стали заводить постоянные поселения и так или иначе устраиваться на завоеванной почве. Так как римская культура была почти уничтожена, то приходилось начинать сначала. Полудикие германцы уселись, наконец, по местам, разделили между собой землю и рабов—порабощенных кельтов, и мало-по-малу, несмотря на смуты и войны, стало складываться общество. Этот рост общества совершался, как всегда, в трех направлениях: появлялся и развивался правильный труд, хозяйство—вместо грабежа и захвата; появлялись и развивались новые взгляды на мир, на, жизнь человека и его назначение—являлся запрос на знание, стремление к возвышенным религиозным идеалам; наконец, укреплялся порядок отношений между людьми—закон и правительство, которые заботятся о том, чтобы люди не истребаляли и не притесняли друг друга, а помогали бы друг другу.

Успехи хозяйства

В устройстве труда и хозяйства приходилось бороться с дикой, девственной природой:

-
- 1 От царствования Клавдия в половине I в. по Р.Х. до царствования Аркадия и Гонория в начале V в.
 - 2 В Англии много городов, имена которых оканчиваются на *честер*: *Leicester*, *Gloucester*, *Chichester*, *Cirencester*, *Chester* и т. п. Названия их взяты от латинского *castra* (лагерь), потому что они выросли из римских лагерей.

леса и болота покрывали еще большую часть английской почвы—бобры и рыси разгуливали там, где теперь стучат фабричные колеса и работают усовершенствованные земледельческие машины. Англы и саксы отчасти применились в своем хозяйстве к характеру лесной местности. Для рогатого скота не было еще хороших пастбищ; овец, которыми впоследствии так славилась Англия, также еще разводили мало. За то великое значение приобрело разведение свиней. Это неприхотливое животное легко находит себе корм в лесных местностях, и громадные стада свиней составляли главное богатство знатных саксов; свинопасы были немаловажными людьми в этом обществе, и некоторые из них достигали высокого положения даже при дворе. Понемногу расчищалась местность и для хлебопашества, при чем пользовались, конечно, остатками обработки еще от римского времени, а отчасти даже приемами, перенятыми у римлян.

Зачатки просвещения у англо-саксов

Также из Рима пошли начатки духовного просвещения. Образовались среди варварства острова духовного просвещения при церквях и монастырях. Под влиянием папы трудами италийских и греческих миссионеров проникло христианство к англо-саксонским язычникам, а вместе с ним проснулось уважение к духовной жизни и к знанию, понимание того, что есть высшие силы, чем сила оружия, высшие цели, чем материальное могущество или удовольствие. Уже в VII и VIII веке среди английского духовенства встречаются ревностные и образованные люди, которые пользовались известностью во всей западной Европе. Беда Преподобный на крайнем севере саксонских поселений, в Ярроу, в Нортумберланде, составлял свои объемистые пояснения к Священному Писанию, пользуясь при этом трудами латинских и греческих отцов церкви, составлял и руководства по светским наукам—по грамматике, арифметике, астрономии, музыке, наконец, составил замечательную историю церкви у англосаксов, которая служит драгоценным источником сведений о прошедшем этого народа и привлекает читателя искренностью, здравым смыслом, образностью своего рассказа. А когда Карл Великий в конце VIII в. делал попытку поднять образование и улучшить быт своих франков, то лучшего своего помощника в деле просвещения он нашел опять-таки на том же британском острове, в лиц диакона йоркской церкви Алкуина. При разрешении спорных богословских вопросов франкские епископы обращались к советам и указаниям англосаксонского духовенства.

Государство и дружина

Всего затруднительнее оказалось дело государственного устройства. Варвары не умели подчиняться общей власти: жертвовать своей свободой, стеснять себя ради какого-то дальнего правительства они не хотели. Если они и признавали над своей личной волей чью-либо власть и авторитет, то искали этой власти и авторитета вблизи от себя, в каком-нибудь тесном и хорошо знакомом кругу. Родство, соседство, союз дружинников вокруг любимого вождя были доступны их пониманию, и потому соединение людей в группы началось с образования сплоченных родов, сельских общин, дружин. Эти союзы были сильны, люди были к ним привязаны и готовы были жертвовать ради них даже жизнью, между тем как обширные княжества и королевства колебались и распадались. Чтобы показать, какую силу имела, например, связь дружинников с вождем, приведу один отрывок из Саксонской летописи. Дело было в 784 году; одного из королей западных саксов, Киневульфу, убил эте-

линг¹ Кинегард. Когда тени (дружинники) короля узнали о бунте, они поспешно побежали к замку, где убили короля. Этелинг предлагал им сдаться, обещая жизнь и деньги, но ни один из них не согласился; они бились до тех пор, пока их всех перебили, кроме одного, да и тот был заложник из бриттов и притом весь изранен. На другое утро тени, оставшиеся позади, услышали, что короля убили; они прибыли к месту и нашли этелинга в замке; он и его люди заперли ворота. Тогда этелинг стал уговаривать дружинников взять, сколько сами захотят, земель и денег, только бы они отдали ему королевство; и он сказал им, что с ним их родственники, которые не хотят его покинуть. Тени отвечали: «Нет у нас родни дороже нашего вождя, и не пойдем мы за его убийцей». Люди этелинга сказали дружине: «Уходите с миром; так предлагали мы и товарищам вашим, которые были с королем». Дружина отвечала: «Не хотим вас слушать, как не слушали наши товарищи, которых вы убили вместе с королем». И начался бой у ворот, и тени ворвались и перебили этелинга и его людей, всех, исключая одного.

Общество, разбитое на маленькие кружки родичей, соседей, дружинников, не могло жить в мире и порядке: междоусобная борьба постоянно тревожила его и мешала успехам хозяйства и просвещения. Мало-по-малу однако и эти грубые отношения стали улучшаться. Правительство становилось крепче и начало стеснять усобицы. Многочисленные племена и княжества англов и саксов слились в семь королевств, затем в три королевства, наконец, в одно королевство. В областях сложилось самоуправление: дела обсуждались и решались на собраниях сотен и графств, в которых участвовали свободные землевладельцы округа. В общем порядке и правосудия стало больше, и можно было ожидать дальнейшего прогресса в хозяйстве, просвещении и государственной жизни.

Набеги норманнов

И как раз в это время, в IX веке, обрушилось на Британию новое бедствие, худшее, чем голод или моровая болезнь,—появились норманны. Как набеги англосаксов разрушили римскую культуру, так начинающаяся культура англосаксов чуть не была стерта с лица земли набегами норманнских викингов.

Слово «викинг» значит—морской король. Оно собственно применялось к начальникам добровольных дружин, которые выселялись из Дании, Норвегии и Швеции и на своих лодках отправлялись грабить европейские страны. Появлялись они в Балтийском море и в Северном, в Атлантическом океане и в Средиземном море, проникали в Англию, Францию, Испанию, в Россию, в византийскую империю. Еще в конце VIII века началось движение выходцев, и в течение 2-х столетий оно не останавливалось. Поводом к этому «второму переселению народов» был недостаток пропитания на родине и неохота к мирным занятиям. «Молодежь, говорит один летописец, часто составляла заговоры против отцов и дедов, чтобы завладеть их имуществом. Поэтому существовал древний обычай—собирать молодых людей по жребию и изгонять их из государства, чтобы они сами добыли себе государство, а прочее население могло жить в мире. Изгнанники приносили жертву Тору и поднимали на кораблях своих военное знамя». По преданию, викинг бросал вверх копье, и смотря по тому, куда оно падало, направлялся в ту или другую сторону.

О судах, на которых совершались эти дальние походы, мы можем составить себе точное

1 Этелингами назывались члены королевских фамилий.

понятие, потому что их сохранилось несколько экземпляров. В Гокстаде, в Норвегии, напр., нашли зарытою в земле отлично сохранившуюся лодку, в которой был похоронен витязь. Она имеет по 16 уключин для весел с каждой стороны, длина ея 15 ф. при 15 ф. в ширину. Помещалось на ней, вероятно, около 60—70 человек. Самый спуск корабля сопровождался странной церемонией, которая предвещала его кровавое дело: к скалкам, по которым судно скользило в воду, привязывали людей, так что киль обагрался кровью.

Из таких утлых суденышек составлялись разбойничьи флоты викингов. Множество гибло во время переходов, и все-таки из года в год записывают западные летописи, что пришло 60, 100, 200, 300 судов; иногда собиралось до 1000. В сражении норманны строились на носовой части корабля, прикрываясь щитами, так, чтобы составить непроницаемую стену. Но суда служили для них только средством передвижения. Прибыв в несчастную страну, которую они избрали местом своих действий, они проникали в нее как можно дальше по какой-нибудь реке, укреплялись на острове или возвышении и начинали грабежи и наезды. В сухопутных сражениях они строились клином или свиной головой. Главное дело было, впрочем, не в кораблях и не в военном строе, а в железном характере и свирепой храбрости этих воинов.

Рагнар Лодброк

Во многих сагах воспевали они свои подвиги. Вот рассказ о гибели Рагнара Лодброга, одного из знаменитейших викингов, который, между прочим, разграбил Париж в 845 году. Сага полна вымыслов и неточно передает события, но ее характеристика быта верна и красноречива. «Рагнар думал, как приобрести вечную славу. И вот он сделал 2 корабля больше всех, какие когда-либо делались в северных странах. Жена спросила его, куда он хочет идти. Он сказал, что пойдет в Англию. Тогда жена сказала: «Опасен твой поход—лучше возьми больше судов, хотя бы каждое было поменьше». Он отвечал: «Что за подвиг покорить страну со многими кораблями! А вот покорить Англию с двумя кораблями—такого примера еще не было». Перед уходом жена дала ему рубашку, приговаривая: «Вот тебе рубашка, не шитая, а тканая, вытканная с любовью; не пойдет кровь из ран и не порежет тебя клинок в чудной одежде, посвященной богам». Во время путешествия разразилась буря, и корабли потерпели крушение, но люди спаслись и высадились на берегах Англии. И Рагнар стал брать деревни и замки. Тогда король английский Элла созвал всех людей своего царства—всех, кто только мог держать щит и ездить на лошади. Рагнар вышел на битву в шлеме и в рубашке, которую дала ему жена. Целый день бились враги. Всех людей Рагнар перебил. Против него никто не мог устоять, но когда все его товарищи пали, то его окружили щитами и взяли в плен. И бросили его в яму, наполненную змеями, но змеи не трогали его. И народ говорил: «Это великий человек—его не ранило оружие сегодня и не кусают змеи». Тогда Элла велел снять с него рубашку. А Рагнар запел: «Я бился в 51 сражении, о которых идет великая слава. Многих я ранил, но не думал я, что придет мне смерть от змей. Часто случается то, о чем меньше всего думаешь». Змеи впились в него, и он умер. Но на родине остались его сыновья, и они явились мстить за отца. Старший, Ивар, разбил и взял в плен Эллу. И Ивар сказал: «Надо припомнить, какой смертью он уморил отца нашего. Пусть тот из моих людей, кто лучше всех режет по дереву, вырежет орла на его спине, и пусть орел этот будет красен от крови». Элла умер от раны, и они решили, что достаточно отоместили за отца».

Жажда борьбы и крови у этих страшных людей иногда порождала душевную болезнь. Норманны считали храбрыми из храбрых так называемых берсеркеров. Самое имя показывает, что они выходили на бой в одной рубашке, без всяких оборонительных доспехов (berserk—голая рубашка). Некоторые из них делали это не из удали, а под влиянием какого-то безумия или бешенства. У одного викинга было 12 сыновей берсеркеров. Они ходили всегда на одной лодке и никого постороннего к себе не пускали. Они знали за собой бешенство и чувствовали приближение припадка. Если не предстояло сражения или грабежа, то они высаживались на берег и там бросались на деревья и скалы—иначе они перебили бы своих же друзей.

Датские набеги на Англию

С 789 г. начинаются в Саксонской летописи скорбные записи о норманнских набегах. Одним из первых дел викингов было сожжение монастыря в Ярроу, где действовал Беда. Но особенно частыми и разрушительными сделались набеги при короле Этельвульфе, во 2-й половине IX в. Во всех направлениях искрестили викинги английскую территорию. Не один раз саксы одерживали верх в битвах против датских отрядов, но это не останавливало новых пришельцев, да и побитые не падали духом, а при первой возможности возобновлялись набеги. В 869 году образовалось на востоке первое постоянное поселение норманнов. Грабежи и истребление однако продолжались. Не буду распространяться об их ужасных подробностях—надо только отметить, что особенно свирепствовали язычники против церквей и монастырей.

Сыновья Этельвульфа упорно продолжали бороться и один за другим умирали во время отчаянных попыток защитить свою родину. Корона, наконец, досталась в 871 г. младшему из них, Альфреду. Он был человек слабого здоровья, но сильный духом. Он приучил себя не обращать внимания на припадки болезни и принимал участие во всех упражнениях и подвигах своих витязей, сделался неутомимым охотником и всегда был впереди, во главе войска. Уже при старших братьях ему пришлось принимать участие в делах правления. 22-хлетним юношей он вынес на своих плечах всю тяжесть большого сражения с датчанами. Начальствовал войском король Этельред, но он не хотел начинать битвы прежде, чем кончится обедня, и Альфреду пришлось несколько часов одному стоять против норманнов. Наконец, кончилась обедня, явился на подмогу Этельред, и викингам нанесено было сильное поражение. К несчастью, и эта победа только на минуту отвратила опасность. Датчане тотчас оправились и через две недели сами разбили Этельреда и Альфреда. Вскоре после этого поражения Этельред умер, а Альфред сделался королем. Положение было отчаянное. Англичане выбились из сил. Большая часть их войск состояла из плохо вооруженных земледельцев и мелких помещиков. Людей приходилось вновь и вновь отрывать от хозяйства, чтобы отражать неутомимых разбойников. Помимо того урона, который наносили норманны битвами и грабежами, постоянный страх перед нападением, необходимость ежечасно поднимать на ноги население, гонять его из области в область, отрывать от занятий на долгие сроки—приводили государство к совершенному разложению. У самых энергичных деятелей опускались руки, народом начинала овладевать безнадежная апатия. И вот, первые годы царствования Альфреда, несмотря на всю его храбрость и искусство, сложились крайне печально. В 876 году «войско», как называли датчан, поселившихся в восточной Англии, ворвалось в Уессекс. Альфред встретил их и предложил выкуп. Они согласились по-

мириться, выдали заложников и дали присягу на ожерелье, смазанном кровью, что не будут тревожить подданных Альфреда. Эта присяга считалась у них особенно священной, и тем не менее они ее нарушили. Большая часть войска тайком ушла на запад, захватила там важный город Экзетер и как ни в чем не бывало возобновила свои грабежи. А в 878 году датчане прошли через всю южную часть острова, разбили все отряды, которые им попадались навстречу, и, повидимому, положили конец англосаксонскому государству. Король Альфред с небольшой кучкой дружинников принужден был бежать в Ательне, местечко, заброшенное среди Сомерсетских болот. Пользуясь недоступностью этой местности, Альфред укрепился там и начал, в свою очередь, делать набег из своего убежища на появлявшихся вблизи датчан. После нескольких удачных стычек он решился, наконец, выйти в поле и кликнуть клич всему саксонскому народу. С восторгом отозвались на этот призыв его верные подданные. Патриотизм и настойчивость англичан оказались, наконец, сильнее дикой отваги норманнов. На краю гибели удалось удержаться и оправиться. После ряда столкновений датский король Гутрум заключил мир с Альфредом. Не могло быть и речи о полном освобождении Англии — «войско» слишком глубоко пустило корни на востоке острова. Пришлось поделить Англию почти пополам: Лондон остался за датчанами, но впоследствии Альфред отбил его у них. Лучшим подтверждением договора, было то, что датский король принял христианство и крестным отцом его был Альфред.

Разсчитывать на прочное замирение все-таки было нельзя, и в продолжение царствования Альфреда много раз еще пришлось отбивать нападения. В конце века, напр., высадился в Англии знаменитый викинг Гастинг, который долго опустошал Францию и Нидерланды. Англию он тоже исходил вдоль и поперек, но встретил повсюду энергический и хорошо организованный отпор.

Изменения в военном строе

Дело в том, что долгия бедствия от первых нападений многому научили английский народ, а в лице Альфреда нашелся замечательный руководитель, который умел не только распоряжаться на поле сражения, но и подготавливать защиту издалека. Внимание и предприимчивость его не ослабевали. С разных сторон заботился он об укреплении своего государства. Прежде всего, конечно, надо было подумать об улучшении военных сил и военного устройства. Англы и саксы почти совершенно отвыкли от мореплавания, хотя когда-то сами пришли на остров Северным морем. Альфред устроил флот из «длинных» судов, который должен был следить за морскими разбойниками и мешать их высадке.

Затем произошла реформа сухопутного войска. Альфред только в крайних случаях прибегал к вызову в ополчение всего свободного населения; как мы видели, это не достигало цели, потому что собиралась неумелая и плохо вооруженная толпа, а между тем тягость таких сборов была великая. За то король обратил особенное внимание на усиление, хорошее снаряжение и выучку отборных отрядов, составленных из дружинников — из так называемых тенов. Они обыкновенно являлись в кольчугах, с шлемом и на конях и приводили с собой каждый по несколько пеших, легковооруженных воинов. Таким образом составлялись войска, способные выдержать натиск норманнов в открытом поле, быстро собиравшиеся по вызову и легко передвигавшиеся с места на место. Это преобразование военного строя совершалось в силу роковой необходимости и глубоко влияло на всю жизнь народа, на занятия, привычки и права населения. Дело в том, что для составления таких хорошо

вооруженных дружин, своего рода постоянного войска из служилых людей, как говорили у нас в старину, надо было обеспечить военный класс и выдвинуть его из остального общества. При Альфреде определяется именно выделение такого военного, служилого класса. Английское население распадается на две части. Одна посвящает себя мирным занятиям—земледелию, промышленности, и отвыкает от оружия; другая специально занимается военным делом и требует от рабочего класса прокормления и услужения. Каждый тен становился помещиком, на доходы с имения содержал своих военных помощников, а собирал эти доходы, благодаря труду многочисленного рабочего населения, которое возделывало его поля, приносило ему в оброк разные припасы и продукты, иногда платило ему деньги, хотя денег вообще в то время было мало. Вот, напр., что обязан был делать крестьянин в одном из дворцовых имений короля Альфреда. «Каждая семья платит 40 пенсов в осеннее равенство и дает 6 боченков пива, 3 меры пшеницы и 3 фунта ячменя; они обязаны вспахать 3 десятины и посеять на них хлеб из собственных семян и в свое время снять и убрать его; скосить полдесятины и убрать сено; наколоть 4 охапки дров и уставить в поленницу, и привести изгородь на 8 сажений, а в Пасху дать 2 овец и 2 ягнят, и помогать мыть и стричь овец». Подобные же повинности несли крестьяне в имениях церквей, монастырей и частных владельцев. Таким образом, в борьбе с датчанами общество разделилось на два слоя или пласта. Образовывалась наверху своего рода верхняя корка или броня, которая должна была защищать рабочий люд от нашествий и избавить его от необходимости постоянно бросать плуг и браться за меч. За то рабочий люд попал в зависимость и подчинение от своих защитников—тенов или рыцарей.

Заботы о просвещении

Итак, мы видим, что возрождение общества не ограничивалось ни удачными битвами, ни чисто военными мерами. Чтобы сопротивляться, общество перестраивалось на новый лад во всей своей внутренней жизни, и король Альфред по мере сил содействовал этому переустройству. Он говорил, что король имеет свое ремесло и что ему нужно три орудия, чтобы заниматься им. Эти орудия—три сословия: священники, воины и рабочие. Без них король не может показать искусства в своем ремесле. Но он пошел еще дальше, понял и провел еще более глубокую идею, понял, что для истинного успеха мало оружия и могущества, мало материального порядка и благосостояния, а нужно духовное улучшение. Этот человек, который в продолжение целой жизни не сходил с коня и бился с норманнами, уделял при всем том время на труды литературные и написал более, нежели многие из наших самых плодovitых литераторов, несмотря на то, что его мучила неизлечимая, страшная болезнь. И эти занятия литературою были не забавой поверхностного любителя, не развлечением государственного человека, который уходит от наскучившей политики в иную, привлекательную область. Они были серьезным делом дальновидного и глубоко-совестливого правителя, который вполне понял, что просвещение не роскошь, не излишество, а величайшая сила, к которой рано или поздно приложится все остальное. Чтобы стало больше порядка, закона, нравственного долга в государстве, надо больше света. У этого великого воина была одна, страсть, которая не всем будет понятна в настоящее время,—страсть учиться и учить. Как он учился, рассказал его сподвижник, кельтский монах Ассер. В детстве он жадно прислушивался к родным саксонским песням и сказаниям. Мальчиком он был вместе с отцом в Риме, видел там остатки великой истории и великой красоты древняго

мира, присмотрелся к понятиям и манерам образованных италианцев папского двора, но это пребывание на светлом юге прошло быстро, как сон. Опять очутился он на своем туманном острове, и пошли долгие годы битв, засад, бегства, приключений. Только на 40 году от роду нашел король время, чтобы научиться латинской грамоте, и, едва, научившись, он уже стал хлопотать о том, чтобы перевести с латинского на английский сочинения, которые казались ему особенно замечательными и назидательными. Так как знание было для него не капризом и не забавой, то он горячо стремился тотчас передать его другим, распространить свет вокруг себя. Всякий другой отступился бы в отчаянии от непосильного дела. За время датских набегов Англия одичала, зачатки культуры, насажденной Августинем и Феодором тарским, Бедой и Алкуином, заглохли. Вот как говорит сам Альфред о положении образования в его время (предисловие к Григорию, *Cura pastoralis*). «Часто приходилось мне думать, что в прежнее время было много мудрых людей в Англии, как духовных, так и светских; то было благословенное время для Англии. Тогдашние короли повиновались Богу и его заповедям. Внутри государства они поддерживали мир, нравственность и власть, извне расширяли свою страну. Удача им была и в войне, и в просвещении. Духовенство ревностно занималось и учением, и учительством, и всем тем, что церкви должны делать ради Бога. Иностранцы искали мудрости и наставления в нашей стране, а мы теперь сами принуждены обращаться к иностранцам. Все это пришло в такой упадок, что едва немногие священники понимали богослужебные книги или могли перевести письмо с латинского на английский. Когда я вступил на престол, к югу от Темзы я не знал ни одного такого. Благодаря всемогущему Богу, мы имеем теперь хоть несколько учителей».

Усилия Альфреда и в этом случае принесли плоды. Он содействовал тому, что английское духовенство возобновило прекратившийся было заботы об образовании как в своей среде, так и среди светского общества. Вновь начались терпеливые труды монастырских отшельников над переписываньем текстов Священного Писания, отцов церкви, иногда древних авторов, над посильными переводами, объяснениями, пересказами, даже самостоятельными обработками.

Переводы Альфреда

Но вернемся к самому Альфреду, к его литературным интересам и работам; оне дадут нам некоторую возможность познакомиться с самым содержанием тех идей, которые руководили образованными людьми того времени. Он так дорожил всякой светлой мыслью и новым сведением, что постоянно носил при себе записную книжку и вписывал в нее интересные сообщения своих собеседников. Кельт Ассер, германский сакс Иоанн, франк Гримбальд были главными его помощниками и советниками по части литературы. Их услугами пользовался он и при составлении своих переводов. Переводил он не слово в слово, а старался лишь схватить мысль писателя. Главная цель была составить своего рода энциклопедию сведений и поучений для духовенства и народа. Беда тоже стремился к этому в свое время, но Беда прошел правильную школу классического и церковного образования и потому остался в старой, налаженной рамке семи свободных искусств и богословия. Он так и пишет—грамматику, риторику, арифметику, астрономию, музыку, толкование Священного Писания. Альфред—гениальный самоучка, удивляющий свежестью, широтой и оригинальностью взгляда. Его энциклопедия совсем другая. Он переводит всеобщую историю испанского священника Павла Орозия, затем родную, английскую историю Беды, трактат

италианца Боэция «Об утешении в философии», и «Пастырское правило» папы Григория Великого—руководство для священников в их сношениях с паствой. Энциклопедия Альфреда имеет, таким образом, гораздо более практический характер, ближе к жизни и не вдаётся в бесплодные учения мелочи.

Что особенно для нас ценно, Альфред принаравливал тексты переводимых писателей к интересам и потребностям своего времени: многое опускал, изменял порядок, делал вставки и дополнения. В Орозии он особенно внимательно останавливается на географическом введении, так что обзор всемирной истории становится в то же время обзором известного во время Альфреда мира. Одна часть земной поверхности была гораздо важнее и известнее переводчику, англичанину IX в., чем автору-испанцу V века,—именно, северная Европа. И у Альфреда мы находим ценные вставки—разказы 2 путешественников, датчанина Отгера, который обошел берега Норвегии и Мурман и дошел до Белого моря, и англичанина Ульфстана, который из Шлезвига проплыл Балтийским морем и описал быт эстов, живших по его юго-восточному берегу. Очень характерна также переработка Боэция. Автор был знатный римлянин, писавший вскоре после падения Западной империи, когда в Италии господствовали остготы. Он не мог примириться с унижением своей родины, хотя правил ею мудрый и гуманный король Теодорих Великий. Душа римлянина ищет утешения от превратностей и случайностей жизни в наследии древняго мира—в его литературе и философии. Подобно философам-стоикам, Боэций удаляется в себя, в свои мысли и воспоминания, и таким способом находит твердость и спокойствие, чтобы переносить невзгоды. Альфред вполне становится на сторону просвещенного римлянина. В историческом очерке, прибавленном к сочинению Боэция, он рисует своего соплеменника Теодориха кровавым тиранном, гонителем христианства и просвещения. Родство по духу с Боэцием оказалось сильнее родства по крови с Теодорихом. «Утешение в философии» было особенно понятно Альфреду: ведь он всем был обязан твердости своего духа, мужеству в борьбе против превратностей и козней, которыми судьба осаждает и мучает людей. А затем, как просветитель Англии, Альфред видел в Боэции как бы посредника между образованностью древняго мира и обществом варваров, которое, блуждая во мраке, ловило последние отблески, доходившие от древняго просвещения. И в этом случае однако Альфред не следует рабски за Боэцием, а поступает своеобразно. Боэций был православный христианин, но и на содержании, и на форме его сочинения сказалось преимущественно влияние языческой философии. Для Альфреда просвещение неразрывно связано с христианством, и при всяком удобном случае он выдвигает значение религии. Оттого и посвятил он много времени и старания на перевод «Пастырского руководства» папы Григория. В духовенстве он находил главных помощников в просветительной своей деятельности и видел в ней средство не для простого увеличения знаний, а для воздействия на нравственность и поведение.

Нет в истории более трогательного и величаваго образа, чем этот неутомимый боец, который стоял на страже против разбойников и не одичал, не отдал душу насилию, а полюбил свет и правду. Сам Альфред лучше всего передал сущность своего характера в одной из своих прибавок к Боэцию. Слова его необыкновенно просты. «Теперь могу сказать: я стремился жить достойно, пока живу, и оставить память о себе в добрых делах тем, кто будет жить после меня».

Павел Виноградов.

XXI. Набеги викингов

Норманнские пираты

Северная часть европейского материка была населена норманнами. Они занимали территорию современных государств Норвегии, Швеции и Дании, т. е. Скандинавский полуостров и Ютландию. В Норвегии горы, покрытые вечным снегом и льдом, тянутся вдоль всей страны, множество озер и быстрых рек покрывают ее как бы водяною сетью, а море со всех сторон врывается в материк. В Дании многочисленные острова разбивают страну на отдельные, более или менее обширные области, разделенные водой, и только Швеция носит в значительной своей части характер равнины. Таким образом, все эти страны различны между собою, и это различие мешало объединению отдельных племен, населявших их, в одно целое государство. В Норвегии и Дании даже природные условия гораздо более способствовали развитию обособленных мелких государств, управлявшихся каждое своими вождями, конунгами.

Добывание средств к жизни нелегко давалось «северным людям», норманнам; правда, густые леса одевали склоны гор, заливные луга были покрыты обильной травой, вид страны не производил впечатления бесплодной пустыни; но хлебные растения плохо выросли под холодными лучами скандинавского солнца, земля давала скудное пропитание ее обитателям. Неурожаи и голод постоянно посещали норманнов, и многим из них волею-неволею приходилось искать средств к жизни вне своей родины. По свидетельству средневековых летописцев, у норманнов через известные промежутки времени достигшие совершеннолетия юноши покидали родину и отправлялись искать счастья на чужой стороне. Это были младшие братья, не получавшие доли в отцовском наследии, обездоленные люди, которым дома нечего было терять, и, наконец, лица, жребием обреченные на оставление отечества. Родная земля не могла прокормить их, и всем этим пасынкам земли давала приют другая великая «свободная стихия» — море.

Пособия. *Annales Berliniani*; *Steenstrup*, Normannerne, I и II; *Depping*, Histoire des expéditions maritimes des Normands; *Стрингольм*, Походы викингов; *Тегнер*, Фритиоф, в русском переводе *Я. Грота*.

Было бы однако ошибкою думать, что подобное удаление из отечества было связано у норманнов с умалением личного достоинства, что ремесло пирата считалось у них позорным. В числе таких изгнанников бывали люди очень знатного происхождения. Не только «ярлы», представители аристократического слоя норманнского общества, но и сыновья конунгов, носившие королевский титул, стояли во главе подобных дружин. Младший сын короля, не получивший власти над страной, имел в своем распоряжении безграничное королевство на волнах океана, которое давало ему больше доходов, чем королевские домены его старшему брату. Золото и серебро и богатая добыча были его уделом, а его отважные подвиги на море воспевались в песнях «скальдов»; имя его делалось именем национального героя в устах народа. И викинги любили свое водное королевство и умирали в борьбе за обладание им с неменьшим одушевлением, чем герои, жертвовавшие жизнью за свое отечество. На своих легких судах викинги совершали самые отважные плавания, не только появлялись у северных берегов Германии и Франции, высаживались на великобританские острова, но проникали и в Средиземное море, Архипелаг и достигали даже до Иерусалима; на севере они доходили до Гренландии и берегов Северной Америки. Многие гибли от бури в морских волнах, многие падали в кровавых схватках; но смерть в бою или во время похода не пугала поклонников религии Одина.

Устав викинга

«Мы не признаем другого права, кроме права меча, у нас нет иной цели, кроме как умерщвлять врагов и грабить добычу», говорил предводитель викингов, разорвавших замок одного скандинавского ярла; но при всем том среди этой вольницы с течением времени сложился целый ряд обычаев, которые, хотя и не имели значения закона, но тем не менее свято сохранялись викингами. Один из шведских поэтов нашего столетия (Тегнер) следующими стихами охарактеризовал «устав викинга»:

Ни шатров на судах, ни ночлега в домах:
Супостат за дверьми стережет;
Спать на ратном щите, меч булатный в руках,
А шатром—голубой небосвод.
Как у Фрея¹, лишь в локоть будь меч у тебя:
Мал у Тора гремящего млат.
Есть отвага в груди—ко врагу подойди—
И не будет короток булат.
Как взывает гроза, подыми паруса:
Под грозою душе веселей.
Пусть гремит, пусть ревет: трус—кто парус совет!
Чем быть трусом, погибни скорей.
Ты купца, на пути повстречав, защити;
Но возьми с него должную дань.
Ты владыка морей, он же прибыли раб:
Благороднейший промысел—брань.
Ты по жребью добро на помосте дели,
И на жребий не жалуйся свой;
Сам же конунг морской не вступает в дележ:
Он доволен и честью одной.

1 Фрей—бог плодородия.

Но вот викинг плывет: нападай и рубись;
Под щитами потеха бойцам;
Кто отстанет на шаг, тот не наш: вот закон;
Поступай, как ты ведаешь сам.
Победив, укротись: кто о мире просил,
Тот не враг уже боле тебе.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай;
Тот презрен, кто откажет мольбе.
Рана—прибыль твоя: на груди, на челе
То прямая украса мужам:
Ты чрез сутки, не прежде ее повяжи,
Если хочешь собратом быть нам.

Влияние походов на викингов

По мере того, как походы викингов захватывали все более широкие пределы, по мере того, как они становились действительными королями моря и встречи с ними боялись флоты всех государств тогдашней Европы, изменялся и самый характер норманнских мореплавателей. Доля викинга стала гораздо завиднее доли мирного обитателя континента; слава, богатство и почести сделались по преимуществу их уделом. Не одни только люди, которых не могла кормить родная земля, стали принимать участие в отважных экспедициях викингов: все, кого воодушевляло стремление к славе и подвигам, поступали в их дружины или собирали вокруг себя новья. Вскоре только тот мог выдвинуться среди норманнов, кто пользовался репутацией отважного викинга, а молодой человек, не изведавший счастья на море, считался трусом и пользовался всеобщим презрением. Вместе с тем самые экспедиции викингов, кроме богатства и военной славы, доставляли им богатый запас сведений, которых они не могли бы получить у себя на родине. Благодаря этим экспедициям, норманны приходили в соприкосновение с самыми отдаленными странами, знакомились с бытом и нравами различных племен, стоявших выше их на уровне культурного развития. Они не только грабили и разоряли европейские государства, они учились у их обитателей и приносили семена чужеземной культуры к себе на родину. Таким образом, походы викингов имели образовательное значение для норманнов, которое они и сами сознавали; в различных сагах мы находим указания на то, что викинги, кроме военных подвигов и добычи, намечали себе и более возвышенные цели: они стремились узнавать нравы и обычаи «других вождей», хотели подражать примеру своих великих предков, «которые далеко ездили и желали изведать все, за то и получили себе великую известность и славу». Отважные пираты мало-по-малу становились наиболее сведущими людьми в своем отечестве, покровительствовали национальной поэзии скальдов, нередко сами бывали такими поэтами.

Походы викингов оказали на норманнов благотворное влияние и в другом отношении. Выше мы говорили о той обособленности, которая составляет важную черту норманнских гражданских общин. Не существовало единого норманнского государства: и Норвегия, и Швеция, и Дания представляли группы отдельных государств, между которыми не было никакой солидарности. Люди, разделенные между собою горными хребтами и реками, не могли иметь живых и правильных сношений друг с другом. Вот почему на севере Европы долгое время не возникало никакой прочной государственной организации. Но эти естественные преграды, воздвигнутые между отдельными союзами людей на суше, исчезали,

когда они отправлялись на море. Опасности плавания и военной жизни тесно связывали их между собой и объединяли под властью какого-нибудь отважного вождя. Между самими вождями часто устанавливались отношения «названного братства». Отношения эти ознаменовывались символическим обрядом. Вступавшие в подобный союз делали себе легкий надрез на руке, кровь их, капая на землю, смешивалась, и это смешение крови служило залогом образовавшегося между ними братства. Названные братья по воспитанию или по оружию были связаны между собою узами еще более тесными, чем родство по крови, и вместе с тем устанавливалась связь также и между их дружинами. Так образовывались большие союзы викингов, которые не только были в состоянии делать завоевания на самом континенте Европы, но и основывать на почве этих завоеваний прочные государства.

Впечатление набегов на европейские государства

Посмотрим теперь, какое впечатление производили набеги норманнов на европейские государства, и остановимся на некоторых наиболее замечательных их экспедициях.

Разсказывают, что Карл Великий, находясь в одном из приморских городов южной Франции, заметил, что к гавани города приближаются какие-то корабли. Окружавшие Карла принимали их за купеческие суда, но сам Карл догадался, что это был флот викингов, и сказал: «Эти суда не с товарами, а с ратными людьми». Между тем викинги, узнав о присутствии самого Карла, быстро уплыли снова в море. Тогда Карл покачал задумчиво головой и сказал вслед удалявшимся викингам: «Меня мучит великая скорбь: я предвижу, сколько зла причинят они моим детям и их потомкам». Мы не знаем, насколько справедлив этот рассказ, насколько старый император действительно предугадал ужасное бедствие, грозившее империи после его смерти. Во всяком случае, в основе этого рассказа лежит совершенно верный исторический факт: одно только имя Карла Великого удерживало при его жизни викингов от пределов франкской монархии. И действительно, вскоре после смерти Карла флоты викингов появляются у берегов Голландии, Фландрии и Франции, делают попытку подняться вверх по Сене. Один из прирейнских городов, Дорштадт, в течение трех лет трижды был разграблен норманнами. В то же самое время в англосаксонских летописях находим известия: «Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников—датчан, норвежцев, готов и шведов; они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей».—«Викинги не щадят никого, пока не дадут слова щадить. Один из них часто обращает в бегство десятых и даже больше. Бедность внушает им смелость; скитания делают невозможной правильную борьбу с ними; отчаяние делает их непобедимыми».

После смерти Людовика Благочестивого, когда усилившиеся междоусобия между его сыновьями привели к распадению монархии Карла на три самостоятельные государства, Франция больше всего пострадала от нападений норманнов. Король французский Карл Лысый был совершенно неспособен оказать сильный отпор отважным дружинам викингов; он большею частию предоставлял защиту страны самому населению; королевские войска редко выходили навстречу норманнским отрядам. Карл предпочитал покупать за деньги мир у норманнов и, уплачивая им огромные для того времени денежные суммы, облагал тяжелыми поборами церковь, в руках которой находилось тогда наибольшее количество золота и серебра. Храмы и монастыри чаще всего разграблялись норманнами, и лица, принадлежавшие к клиру, таким образом больше всех страдали от жестокостей, которыми со-

проводились норманнские разорения. Поэтому в хрониках той эпохи, писавшихся монахами, мы встречаем многочисленные рассказы о набегах викингов, которые представляются, как последствия гнева Божия на Францию за грехи ее населения. Подобные же мысли высказывались и на церковных соборах. Так, на одном соборе епископы говорили мирянам: «Вы видите, что в наказание за неповиновение христиан заповедям Божиим и постановлениям церкви Господь допустил в самое сердце королевства, до самого Парижа, самых жестоких язычников и заклятых врагов христианства». — «Печально время, в которое мы живем», пишет один епископ, «ибо неистовства язычников вызвали всеобщее бедствие и разорение. Королевства, некогда столь славные, лишились своей славы; короли, некогда столь сильные, лишились своего могущества. Воды рек еще окрашены кровью жертв и покрыты разлагающимися трупами; кости пленников норманнских гниют без погребения на островах Сены; берега, некогда прекрасные, как рай, совершенно опустошены огнем и мечем». — «Грехи наши виною во всех бедствиях», восклицает другой монах: «несправедливости священников и князей превзошли всякую меру; они исказили правосудие, потворствовали пролитию крови, исполнили все греха и преступления. Чтобы заставить нас плакать о наших прегрешениях, Господь попустил варварам обнажить меч отомщения, обратил их в оружие против нас».

В тех мрачных красках, которыми французские монахи описывают набеги викингов, нет преувеличения. О кровавых разорениях и беспощадности викингов к своим врагам свидетельствуют нам и скандинавские саги. Но та своеобразная поэзия, которая была присуща смелым подвигам «морских королей», не могла не ускользнуть от средневековых летописцев, современников норманнских набегов. Последствия варварства викингов были у всех перед глазами: викинги оскорбляли христианские святыни, разоряли и сжигали города и монастыри, обращали в пустыни плодоносные поля, — вполне естественно, что в памятниках той эпохи они характеризуются одними только отрицательными чертами. Свободолюбивый дух викингов, их отважная предприимчивость, высокое представление о силе и могуществе человека видны тем не менее и сквозь эту призму рассказов о насилиях и жестокостях, совершенных норманнами.

Гастинг

Одним из наиболее выдающихся викингов той эпохи был Гастинг. Он явился во Францию вместе со своим воспитанником Бьёрном-Иерисидой (Железный бок), сыном конунга Лодброга, во второй половине IX века во главе многочисленного флота норманнов. Имя Гастинга навело ужас на всю Францию. Под его начальством викинги проникли во Францию сначала через устье Лоары и, поднявшись вверх по реке, опустошили всю страну, лежавшую по ее течению, подвергли страшному разгрому город Нант; также действовали они в областях по Гаронне. Наконец, по течению Сены Гастинг дошел до Парижа и занял этот город. Карл Лысый со своим войском стоял в это время около Сен-Дени и не смел выступить против грозного врага. «Кто бы подумал, кто бы вообразил», пишет один монах, «видимое ныне нашими глазами, предмет наших вздохов и слез? Орда, составленная из морских разбойников, проникла до Парижа и сожгла церкви и монастыри на берегах Сены! Кто бы представил себе, что простые разбойники отважатся на такие предприятия и что, увы! такое славное и сильное, великое и населенное королевство постигнет участь позора и унижения от грабительства этих варваров? За несколько перед сим лет не ожидали увидеть, что

они награбят такое множество сокровищ в наших областях, опустошат их, а жителей уведут в рабство; даже и не предчувствовали, что они осмелятся занести ногу во внутренность королевства». По счастью для Франции, среди норманнов открылась в то время какая-то болезнь, и Карлу удалось купить у них мир за 7000 фунтов серебра.

Взятие Луны

Из всех предприятий Гастинга наиболее характерным для этого викинга является его поход в Италию (около 859 г.). «Все государства мира», говорил Гастинг, «должны увидеть нашу славу. Сотни тысяч уже пали от нашего меча; но всякий воин, достигнув одной цели, стремится к высшей; если мы подарим римскую корону Бьёрну-Иернсиде, наша слава разнесется по всему свету». Флот викингов достиг города Луны, в бухте Специи. Город этот со своими высокими стенами и башнями сильно подействовал своим внешним видом на воображение норманнов. Они подумали, что это и есть самый Рим. Приблизившись к городу, Гастинг увидел, что укрепления его слишком сильны и едва ли удастся взять город приступом. Поэтому он придумал хитрость. Послы Гастинга явились в Луну во время праздника Рождества Христова и заявили, что флот викингов пришел в гавань города с мирными целями: он занесен сюда бурей, вождь викингов опасно болен и хочет перед смертью принять христианство. Известие это было принято с восторгом населением Луны; граф города был восприемником викинга, а сам епископ совершил над ним таинство крещения. Ночью жители города слышали громкий плач на кораблях норманнов: пришла весть, что Гастинг умер, завещал все свои богатства церкви и выразил желание быть погребенным в городском монастыре. В торжественной похоронной процессии, устроенной Гастингу, участвовало большое число норманнов; они наполнили церковь, куда собрались также и граф и знатнейшие граждане Луны. Но когда был окончен погребальный обряд и готовились опустить гроб в могилу, крышка его поднялась, из гроба встал Гастинг в полном вооружении и мечем своим убил епископа, совершавшего богослужение. Примеру его последовали остальные норманны: граф и вся знать Луны были перебиты. Викинги отворили ворота города своим товарищам. Норманны без труда овладели Луной и предали город грабежу и разрушению. Только тогда узнали они, что взятый ими город был не Рим.

Осада Парижа

В старости Гастинг, утомленный трудами военной жизни, пожелал окончить спокойно свои дни и воспользоваться плодами своих побед. Он принял христианство и получил от короля Карла Лысаго графство шартрское. Отважный викинг, гроза морей, сделался мирным феодальным бароном. Эта перемена в личной судьбе Гастинга вполне соответствовала новому характеру, который получили набеги викингов в конце IX века. Викинги не довольствовались более одной военной добычей и славой—они стремились сделать прочные завоевания на континенте Европы. Отряды их никогда не покидали совершенно Франции; тот или другой город, та или другая местность находились в течение продолжительного времени в руках норманнов; туда прибывали к ним весной новые дружины, отсюда они совершали свои набеги вглубь страны. Как на подобную попытку прочно основаться на французской почве, следует смотреть на продолжительную осаду Парижа норманнами, длившуюся десять месяцев,—быть может, самое упорное и трудное военное предприятие норманнов.

Знаменитая осада Парижа началась в конце ноября 885 года и тянулась до октября 886 года. Огромные силы норманнов поднялись вверх по Сене и подступили к Парижу. Самый город был расположен в то время на острове Сены, предместья его лежали на обоих берегах реки. Эти предместья не были ничем укреплены, но город был хорошо защищен стеною и башнями, а главное, крепкими мостами через реку. Защитою Парижа руководили граф Эд, сын знаменитого Роберта Смелого, мужественно защищавшего свою страну от норманнов, и епископ парижский Гослин. Францией управлял в то время Карл Толстый, который снова соединил в руках своих все владения Карла Великого и носил императорский титул, но был человек совершенно ничтожный, занятый одними придворными интригами и к тому же страдавший постоянными головными болями, близкий к умопомешательству. Париж должен был обороняться собственными силами, помощь от императора пришла только в самом конце. У норманнов не было умения вести правильную осаду, не было необходимых осадных орудий; этим объясняется успешная оборона Парижа. Мужество оборонявшихся при скудном запасе съестных припасов и открывшихся среди осажденных болезней не спасло бы города, если бы норманны могли вести свои действия более энергично. Все их многочисленные попытки овладеть Парижем ограничивались приступами против отдельных укреплений и постоянно разбивались об отчаянное сопротивление оборонявшихся. Тучи стрел и камней сыпались на них с башен, их попытки поджечь деревянные укрепления города за немногими исключениями оканчивались неудачно. Среди оборонявшихся господствовало сильное религиозное воодушевление, благодаря увещаниям епископа Гослина; воодушевление это еще усиливалось рассказами о видениях, бывших некоторым благочестивым гражданам Парижа, и о чудесах, совершавшихся при мощах св. Германа и св. Женевиевы, защитников Парижа. При всем том к концу осады силы осажденных истощились, запасы съестных припасов приходили к концу, и город не мог бы держаться дольше, если бы не подоспели, наконец, войска императора. Но Карл Толстый, по примеру своего предшественника, избегнул решительного столкновения с норманнами: он за деньги купил у них мир и побудил снять осаду Парижа.

В следующем году Карл Толстый был свергнут с престола, и французская корона по праву должна была перейти к последнему мужскому потомку Каролингов во Франции, малолетнему Карлу (впоследствии король Карл Простоватый). Но французский народ избрал королем героя обороны Парижа, графа Эда. Несмотря на мужество Эда и его отважную борьбу с норманнами, королевская власть во Франции была слишком слаба, чтобы остановить вторжения викингов. Их нападения на Францию были так же часты, как и прежде, и сопровождались еще большими жестокостями. В это время на соборе в Меце (888 г.) были установлены особые молитвы об освобождении страны от норманнских набегов, а в некоторых церквях на ектениях стали возгласить прошение: «A furore Normannorum libera nos, Domine!» Не менее Франции страдали от набегов викингов в конце IX и начале X вв. Германия и Англия.

Один из главных героев этой эпохи норманнских набегов, датчанин Рольф, был основателем нормандского герцогства во Франции (911 г.). Так отважные пираты сделались основателями государств: начался новый период в истории норманнов. Период этот лежит вне пределов нашей статьи. В эту эпоху роль норманнов в истории европейских государств становится значительнее и почетнее: из разрушителей они обращаются в созидателей государ-

ственного порядка; но этому новому периоду недостает того, что привлекает нас в очерченной только-что беглыми чертами эпохе. Смелые викинги, свободные, как стихия, на которой выросло их могущество, становятся в тесные рамки феодального государства, и вместе с тем исчезают в их жизни те черты, которые сохранились до нашего времени в песнях скандинавских скальдов.

Б. Гольденвейзер.

XXII. Феод и сеньерия

Обычаи и записи обычаев

Феодальный строй, как самобытная социально-политическая система, засвидетельствованная историческими памятниками XI—XIII вв., противопоставляется обыкновенно государственному быту античного мира и общественной жизни европейских народов новых времен. Система феодальных отношений была закреплена, как обязательная правовая «норма» (т. е. узаконенное правило поведения и обязательный для подражания образец), но не писанными законами в роде римского права, а долгое время только живучим обычаем (*coutume*), устно или силою примера передававшимся от предков к потомкам. Член феодального общества терял чувство собственной безопасности и обеспеченной собственности почти каждый раз, когда от него требовали «письменного документа» для доказательства одного из его обычных прав, и мог сослаться в защиту обыкновенно только на свидетельство старожил в околodge, спрошенных под присягой (*enquête recognitio*). Но этот способ установления обычного права посредством опроса соседей под присягой не мог спасти ни свободы, ни имущества средневековому человеку, если какой-нибудь законник, воспитавшийся на римском праве, начинал к общественному положению и способу владения француза или немца XIII в. применять определения и мерки римского права для понятия «свободного человека», «собственника» и т. п., потому что значения этих понятий в римском праве и в средневековом обычае не всегда совпадали. Итак, обязанности и права средневекового человека держались только голосом народа, взаимной порукой среди каждой словесной группы, иногда просто силою честного слова, а иногда грубым самосудом. Если сосед нарушал в средние века права другого, то обиженному недостаточно было установить перед судом или общественным мнением свою правоту, чтобы возстановить утраченное или возместить потери; ему нужно было еще самому найти «принудительную силу» и заставить обидчика вернуть захваченное неправдою. Такую принудительную силу средневековый истец находил чаще всего опять-таки среди равных себе, т. е. в той же самой общественной

Источники. *Luchaire*, Manuel des Institutions Francaises; *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte; *Stubbs*, The Constitutional History of England; *Vinogradoff*, Villenage in England.

группе, которая по требованию суда формулировала обычай и засвидетельствовала давность его права. Если «равные» не поддержат, то истцу оставалось только в первую половину средних веков прибегнуть к самоуправству, т. е. на несправедливость ответить насилием и отнять то, чего ответчик не хотел вернуть по доброй воле; во вторую половину средних веков, когда у всех европейских народов стала крепнуть центральная правительственная власть, истец мог отказаться от кулачного права и обратиться к суду короля, князя или их чиновников.

Чем более колебалась сила обычая и предания, тем сильнее сказывалась потребность и в сильной правительственной власти с многочисленными агентами, и в писанном законе. Но первые записи обычаев отдельных стран и провинций, по которым можно воскресить всю феодальную систему, исходили часто не от официальных властей, а от частных юристов; оне должны были служить руководством для судей и тяжущихся сторон в эпоху, когда устное право по памяти стало разлагаться и изменяться под влиянием новых веяний. Таковы, напр., для Франции обычаи Анжу, Мэна и Орлеана, свод которых ошибочно приписан св. Людовику (так называемые *Etablissements de St.-Louis*), или записи обычаев Бовэзи, сделанные бальи Бомануаром (*Coutumes de Beauvoisis*).

Аллод

В период полного расцвета феодализма, в XI—XIII вв., у отдельных европейских народов можно было еще найти три вида права собственности: аллод, бенефиций, фео́д.

Аллодом (*allodium*, *alleu*) называлась земля совершенно свободная, находившаяся в полной собственности лица; собственник не нес за нее службы, не платил повинностей и по своему произволу распоряжался ею; никакой высший сеньёр не имел над нею права суда или полицейской расправы. Переход по наследству от отца к сыну, без всякого вмешательства со стороны какого-либо сеньёра, составлял отличие аллода как от временного бенефиция, который после смерти пользовавшегося им возвращается к собственнику, так и от фео́да, который после смерти ленника, хотя и переходит к его наследнику, но только с согласия сюзерена, покупаемого за известный денежный взнос. Аллод всегда оставался как бы за пределами собственно феодального строя. Аллодальные земли существовали в небольших количествах в течение всех средних веков и встречались не только в руках знати, но иногда и в собственности у простых людей. В особенности много было их на юге Франции, в областях герцогства Аквитании и графства тулузского, где германская начала потонули в недрах латинского населения, писанное право взяло верх над обычным, а города сохранили значительную долю политической самостоятельности; в центральных и северных провинциях Франции аллоды в виде исключения удержались до конца XIII в. Поучительна феодальная перепись, произведенная в 1272—73 гг., по повелению герцога Аквитании—короля английского, в его континентальных владениях на юге Франции. Собственники аллодов должны были здесь являться заодно с ленниками перед герцогскими чиновниками и объявлять форму и условия своего владения (*tenure*); многие ленники были одновременно и собственниками аллодов. Тут нашлись аллоды настолько свободные, что их собственники не признавали даже права за королевским чиновником требовать каких-либо сведений и отказывались давать ответы. Другие собственники объявляли, что никакими повинностями равно ни перед кем не обязаны. В древних городах, как Бордо, аллодальная собственность оказалась общим правилом, а феодализм—исключением, между тем как в новых городах—в

коммунах—преобладала форма ленного владения. Горожане Бордо утверждали, что их дома, виноградники, поля—по большей части аллоды, все равно, кому бы они ни принадлежали, и что они никому не обязаны отчетом за них. В некоторых провинциях действовало даже юридическое правило, становившееся в спорных случаях на сторону аллодальной собственности: *nul seigneur sans titre*, т. е. всякая земля, над которой никто не мог путем письменного документа доказать свое феодальное верховенство, считалась тем самым за аллод ее владельца¹. Побуждения к превращению аллодов в феоды были у собственников XII—XIII вв. все те же, как и в период зарождения ленной системы: боязнь остаться изолированными и без покровителей, давление и запугивание со стороны соседних сюзеренов, политика королей, которые враждебно смотрели на независимую собственность и распространяли на нее верховные права, выработавшиеся собственно над феодами. В особенности при описях ленов (*recognitiones feodorum*) сеньеры удачно прибегали к устранению аллодальных владельцев и вынуждали у них согласие на признание феодальных уз. При аквитанской описи 1272—73 гг. собственники аллодов спешили ответить на призыв чиновников, что они превратили уже свою землю в феоды или что они делают это теперешним своим заявлением; некоторые просто передают аллоды герцогу, и простая запись, которую делают комиссары в регистрах описи, получает силу настоящей дарственной записи. Дело в том, что аллодальные собственники были, правда, свободны от всякой феодальной службы, но за то и были предоставлены одним своим силам при защите земель в случае войны или насильственного захвата. Не имея возможности рассчитывать на поддержку сюзерена, они (например, в Лангедоке) образовали иногда в своей среде союзы ради целей взаимной охраны. Так исчезают аллоды перед совокупным натиском феодального принципа и монархической власти в большинстве французских провинций. Раньше конца XIII в. Бомануар удостоверяет уже, что в области Бовэ формы аллодального владения более не существует, а столетие спустя этот итог многовекового процесса закрепляется формулой: *nulle terra sans seigneur*, которая на деле чаще всего применяется в пользу короля.

Бенефиций

Собственностью бенефициальной (*benefitium*) называется такое имущество, которое в сущности находится только в пользовании владельца. Превращение бенефициев в лены совпадает с происхождением самой ленной системы. В период сложившагося феодализма бенефиции, которые всегда могут быть взяты собственником обратно, не встречаются, и даже бенефиции срочные, не наследственные, редки, хотя из XI в. можно привести еще достаточно примеров. С X в. феоод становится преобладающим типом условной собственности. Крупные бенефиции, с которыми связана была политическая власть и широкое право суда, сделались наследственными ленами еще в период Каролингов. Но маленькие бенефиции долее всего сохраняли характер временного пользования; напр., участки земли, которые большие бароны раздавали рыцарям или министерiales под условием рыцарской службы (*benefitia militaria*), после смерти воина возвращались к барону и не могли отчуждаться. Сеньеры, графы, герцоги, короли пытались сохранить за зависимыми от них землями бенефициальный характер, но сами владельцы настойчиво стремились к превращению их в

1 В отличие от правила других провинций, боле благоприятного для феодализма: *nulle terre sans seigneur*, т. е. всякий владелец, который не мог доказать права полной собственности над землей, должен был признать зависимость от верховного сюзерена смежных ленов.

передаваемые по наследству лены. Такому превращению подвергались не только земли, но даже должности, которые по своему смыслу должны бы быть временными. Вообще же от прежнего права собственности сюзерена над зависимым бенефицием осталось в эпоху Капетингов только несколько закрепленных обычаем привилегий—формальное согласие на переход лена по наследству, сильно оспариваемое право отбирать лен в известных, строго определенных случаях и некоторые материальные выгоды.

Феод

Слово феод (*feodum, feudum*) появляется в актах различных французских провинций задолго до XI в., а с конца этого столетия вытесняет слово «бенефиций». В наиболее распространенном смысле феодом называется земля, за которую вассал, или знатный наследственный владделец (*vassalus, homo*), несет в пользу собственника сеньёра (*dominus*) особые обязанности, почитаемые благородными, напр., военную службу. Такой феод отличен от бенефиция, который не отягощен обязанностями службы, и от «оброчной земли» (*censive*), которая находится в руках простолюдина, уплачивающего ежегодно денежный оброк (*cens*) или несущего неблагородные служебные повинности в роде барщины.

Среди земель знати, составлявших наследственные лены под условием службы сеньёру, различались простыв феоды и сеньёрии. Сеньёриями назывались те феоды, с которыми связана какая-либо власть государственного, административного или политического характера, принадлежавшая при Карле Великом исключительно государю или его агентам. Эти феоды-сеньёрии¹ возникли по преимуществу из смешения права собственности с государственною властью. Их собственники часто бывали наследниками древних общественных должностей или занимали определенное место в феодальном обществе. Все феодальные земли, подчиненные одна другой, были ведь расположены как бы в лестницу: одни феоды господствовали над другими, но большинство их одновременно бывало и подчиненным, и господствовавшим; так получалась цепь ленов, зависимых один от другого, начиная от простого вавассера (подвассала) или экюйэ (оруженосца) и кончая герцогом, который сам зависит уже от короля. Но эта лестница систематизирована для Франции только теориями феодальных юристов XIII в., а в XI в. она менее сложна, не так выдержана и определена не столь точно. Большинство знатных феодов—только части сеньёрий; их владельцы несут только обязанности по отношению к сеньёру, а сами не пользуются важными правами административными или судебными; они могут отдать часть своего лена третьему лицу и подчинить его своим феодальным правам, но сюзеренами они все-таки не станут.

Лены без земельной основы

В лены отдавались не только земли. Сеньёры раздавали на ленных условиях: 1) должности, начиная с самых важных административных и судебных и кончая чисто ремесленными обязанностями,—повара, мельники приносят «присягу» и называют леном свою кухню или мельницу, за которую несут службу; 2) свои доходы и права над другими лицами и чужими землями: какой-нибудь вассал графа Шампани держит на ленных условиях от

1 В терминологии французского феодализма «сеньёр» (*seigneur*) означает то феодала вообще, в смысле «господина» (*dominus, Herr*), которому вассалы, министералы, вилланы несут свои повинности, то лишь феодала (сир, виконта, графа, герцога), наделенного, кроме фискальных прав, еще государственными и политическими правами, т. е. «феодального государя» (сюзерен, *Furst*), то специальный титул («сир») низшего слоя этих феодалов (в противоположность графам и герцогам).

него (*fief-lige*) половину пчел, которые он найдет в лесах; на юге Франции лен иногда состоял из комнаты в замке или части укрепленной площадки; 3) церковные десятины или части десятин церквей, аббатств, кафедральных соборов и епископских кафедр. Начиная с XII в., вошло в обычай раздавать в лен суммы денег или постоянные ренты из казны сеньёра. Рядом с *fief-terre* и *fief-office* становится *fief-argent*. В XIII в. случаи денежных инфеодаций крайне многочисленны; сеньёры стремятся деньгами увеличивать число зависимых людей. Как феодами-должностями сеньёры добывали себе администраторов, сборщиков податей, судей для отправления своих феодальных прав, так денежными ленами они приобретали военную силу для защиты от врагов. Денежные феоды облегчили возможность быть ленником нескольких сеньёров сразу, и короли могли, раздавая пенсии, вступать в феодальную связь с вассалами второй руки (*аррьер-вассалами*), которые по своим землям были уже непосредственными ленниками графов, герцогов и т. п.

Переход земель по наследству

Среди незнатных людей наиболее распространенным видом наследования в средние века был раздел земли после смерти собственника отца поровну между всеми детьми, без различия пола. В среде знати надо по отношению к порядку наследования отличать аллодиальную собственность от феодальной. Аллоды первоначально делились поровну, как и земли простолюдинов. Южная Франция, где аллодиальная собственность была особенно распространена, применяла долго тот же равный раздел и к феодам. Но в большей части французских областей право первородства взяло верх и распространилось даже на аллоды. В XI—XIII вв. право первородства было уже преобладающим признаком феодальной земли. Но надо, впрочем, делать различие между крупными сеньёрями, или баронствами, и простыми феодами. По кутюмам Орлеана и Анжу XIII в., простой феодал делился между наследниками, но не поровну. Старший получал обыкновенно $\frac{2}{3}$ недвижимости и отцовский очаг. Но когда дело идет о баронии, то право первородства строже: барония вся целиком переходит к старшему, а младшие получают только какую-либо доходную статью во временное пользование (*узуфрукт*). Смысл такого установления ясен: барония, как крупная политическая единица, не могла идти в раздел без утраты своего значения; военный феодал мог свободно дробиться до тех пор, пока доходов каждой выделяемой части хватало на содержание конного рыцаря. Чем более крепнет политический смысл в среде баронских семейств, тем строже они сами соблюдают эти привилегии старших.

Но и в тех случаях, когда феодал раздроблялся, следы его прежнего единства не исчезали, и между родственниками, участвовавшими в разделе, устанавливалась определенная обычаям солидарность, «равенство» (*parage, paragium*). Младшие братья не были, правда, обязаны приносить старшему присягу за свою долю, но на деле это было обычным во многих семьях. В других случаях младшие наследники приносили присягу прямо верховному сюзерену лена. Соучастники в разделе (*coseigneurs*) должны были блюсти между собой дружбу, не заводить войн в своей среде; никто из них не мог строить себе замка без согласия остальных; если один продавал свою долю, то все остальные сохраняли на некоторое время право выкупа; если соучастник признавал свою зависимость от какого-либо нового сеньёра, то другие могли принудить его порвать эту новую зависимость. Встречались случаи, где сеньёрия не дробилась между родственниками, а все владели ею сообща попеременно, каждый в свою очередь. Изгой первоначально устранился от прав, которые принадлежали бы

их отцам. Но по мере того, как от устного права Франция переходит к праву письменному, предпочтение боковых линий исчезает, а изгои вступают в права наследства. В XIII в. это становится правилом и в странах кутюма, и в областях писанного закона¹. Но боковые родственники не сразу примирились с этим, и борьба дядей из-за наследства от брата со своим племянником, в особенности в XI веке, не редкость.

Древнее германское право, в отличие от римского, исключало женщину от наследства недвижимостью, земель. Феодальное право тщетно старалось удержать это правило. С конца X в. и на севере Франции, и на юге, где влияло римское предание, женщины наследуют феоды, распоряжаются ими, а в XII в. это становится повсеместно общим правилом; но наследницы феофов несли, конечно, некоторые обязанности через наемных заместителей.

Опека

Если при смерти феодала его наследник еще несовершеннолетний, то и феодал, и малолетний собственник его поступали под опеку (*en bali, in ballio*). Права опекунов над феодалами (*bailles, ballivi*), в противоположность простой опеке над землями простых людей (*tutelli*), очень обширны; балли ставится как бы заместителем малолетнего, пользуется всеми его доходами, несет за него все обязанности. Опекуном становится или кто-либо из родичей умершего, или его сюзерен. Из родичей сначала берутся восходящая линия (опека отца, деда), затем боковые (напр., старший брат); боковые родичи, вступая в опеку, должны были купить это право у сюзерена. Каждый опекун, совершенно как если бы лен перешел к нему самому по наследству, приносит сюзерену присягу на вассальную зависимость и вместе с доходами лена берет на себя и все обязанности за него. Чтобы оградить жизнь опекаемого малолетнего от алчных покушений боковых наследников, которые зачастую делались и опекунами, создана была «двойная опека». Один опекун оберегал личность ребенка, другой его собственность. Возраст совершеннолетия колебался в различных областях между 14—15 годами и 21 годом.

Отчуждение лена

Право отчуждения ленов (продажи, дара, залога) было тоже ограничено и обставлено различными формальностями. Даже собственник аллода мог продать его только с согласия ближайших родственников, в особенности братьев. Такое же разрешение родственников требовалось при продаже своей доли в каком-либо феоде, поступившем в раздел. Но, кроме того, для продажи любого феодала требовалось в XI столетии разрешение сюзерена, как верховного собственника участка. В XII—XIII вв. в актах о продаже уже не считали необходимым упоминать о согласии сюзерена—оно подразумевалось само собою, но за то ему уплачивалась известная сумма при каждом переходе лена из рук в руки вследствие отчуждения; эти поборы назывались *quinte lods et ventes* и т. п. На юге Франции право сеньёра отличалось большей строгостью: сеньёр мог долго спустя после продажи уплатить покупщику заплаченные за феодал деньги и взять назад лен в силу своих верховных прав (*retrait feodal*).

Согласие сюзерена требуется и на всякое действие вассала, которое может обезценить лен. Сюда относили случаи, когда вассал замещал себя другим человеком, стоявшим ниже

1 Франция с XIII—XVIII вв. делилась на две неравные полосы: одна, северная, охватывала области обычного права (*les pays de droit coutumier*) где обычаи германского происхождения по преимуществу лежали в основании гражданского права; другая, южная полоса обнимала области, где писанное римское право не переставало применяться в сфере гражданских отношений (*les pays de droit écrit*).

его по положению, но в особенности освобождение рабов и вклады в церкви. Так как раб входил в самый состав феода, то в древнейшие времена его освобождал не ленник, а сюзерен; но в XIII в. это право сюзерена перешло просто в согласие на освобождение раба ленником, которое в конце концов давалось после освобождения в виде утверждения. Наиболее ущерба приносил феодальным интересам переход земель в руки церкви. Клерики и монахи считались как бы «мертвой рукой» (*gens de mainmorte*¹): церковь не умирает и не отчуждает, к тому же она пользуется многими привилегиями; земли, отданные ей, утрачены навсегда для феодального общества. Бывали сеньерии, где такое «умерщвление лена» (*amortissement*) было вообще запрещено; в других оно дозволено только с согласия ближайшего сюзерена, который более всего теряет от таких вкладов. Но в виду того, что лен в руках церкви никогда не мог стать выморочным, от *amortissement* страдала вся лестница сюзеренов, начиная с ближайшего и кончая королем. В XII в. герцоги и графы предъявляли свои права—запрещать вклады земель в церкви, а в XIII веке короли, как верховные сюзерены, стали утверждать, что без их разрешения нигде во Франции земли не могут отторгаться в пользу духовенства. Юристы прямо утверждали, будто бы право *amortissement*—привилегия королевской власти.

Знатность

Знатными людьми (*nobles*) считались в XI веке собственники знатных земель, т. е. феодалов (*fief-terre*). Там, где, как, например, в южной Франции, было много аллодов, граница между знатными и простыми людьми сглаживалась. Вторым признаком знатности стало допущение к посвящению в рыцари. Хоть и простые люди, и даже рабы попадали иногда в рыцари, но преобладающим правилом было, что в рыцари попадал преимущественно знатный, т. е. владелец лена. «Рыцарь» почти всегда «знатный», но знатный не всегда рыцарь. Наследственность в деле доступа к рыцарству рано стала приниматься в соображение и давала право на посвящение даже без лена. Это сословие, владеющее феодами и посвящаемое в рыцари, т. е. *noblesse*, и жило сообразно своему особому частному праву, отличному от обычаев среди простых людей (*Lehnrecht* и *Landrecht*, *gentilshommes* и *coutumiers*). В начале феодального периода XI—XIII вв. все различные названия для отдельных групп знати были еще не установившимися и смешивались. В XII в. вошло во всеобщее употребление название «баронов» (*barones*); так назывались группы всех сеньеров, владеющих значительными ленами на правах первородства и зависящих непосредственно от одного и того же сюзерена. Конечно, была значительная разница между группами баронов короля, герцога, графа и группой баронов вокруг простого сеньера. Непосредственные вассалы каждого сюзерена принимают также название его равных (*pairs*), которое остается впоследствии только за самыми важными баронами среди групп, окружающих короля, герцога или сеньера². В одном регистре Филиппа-Августа из начала XIII в. перечисляются по разрядам

1 Под *mainmorte* в общем смысле слова разумеется положение земельной собственности, собственник которой не может распоряжаться ею, т. е. не имеет права ни отчуждать, ни завещать ее. Отсюда *homme de mainmorte* тип тесной крепостной зависимости, при которой сеньер наследовал своему крепостному, если у того не было прямых наследников мужского пола.

2 При Филиппе-Августе насчитывали только 12 пэров французского короля - шесть светских (герцоги Нормандии, Бургонии, Гиенны, графы Фландрии, Тулузы, Шампани) и шесть духовных (архиепископ рейнский, епископы Лана, Лангра, Бовэ, Шалона и Нойона). Тринадцатым был, конечно, сам король, как герцог Иль-де-Франса. Позднее титул пэра стал распространяться путем пожалования и на другие феодальные государства.

все знатные, зависящие прямо или посредством других ленников от короля Франции. В этой ранней классификации французская знать делится на 5 слоев: 1) графы и герцоги короля Франции (*comites et duces regis Franciae*). Здесь, кроме глав феодальных государств, на которые распадалась Франция, т. е. пэров короля, помещены и непосредственные вассалы меньшего значения (граф де Суассон) и даже вассалы второй руки (аррьер-вассалы—граф де Бар-сюр-Сэн, *Bar-sur-Seine* и т. д.). 2) Бароны короля Франции (*barones regis Franciae*). Здесь под баронами понимаются второстепенные сеньеры. Такие бароны не имеют права чеканить монету, но они пользуются везде, кроме Нормандии, где высшая юрисдикция—привилегия герцога, правом высшего и низшего суда. Большинство баронов в регистре Филиппа-Августа титулуются, как «сеньеры» и «виконты» (сир де Монморанси, де Монфор, виконт де Тюрени и т. д.), но здесь также «видам» де Пикиньи и коннетабль Нормандии. 3) Кастелляны (*castellani*). 4) Рыцари (*milites*), т. е., вероятно, те, кто имел право идти на битву с собственным отрядом и знаменем (*bannierets, vexillarii*). 5) Вавассеры (*vavassores*), владельцы рыцарских ленов, вся низшая знать, живущая в городах и сельских округах. Вавассер или вовсе не имеет права суда, или пользуется только низшей юрисдикцией. В некоторых местностях к вавассерам приравниваются наделенные ленами министерялы, т. е. люди несвободных состояний (*sergent fiefte, serviens*) и башелье, т. е. рыцари без ленов, напр., младшие сыновья.

Пока владение феодем было главным признаком знатности, богатые горожане и даже крестьяне могли приобретать знатность простой покупкой ленов. Кутюмы XIII в. признавали это право, хотя с течением времени и стали его ограничивать. Ордонанс Филиппа Смелого от 1275 г., облагавший незнатных людей при покупке феодеов тяжелым побором (*droit de franc-fief*) затруднил этот способ приобретения знатности. Но с конца XIII века в знать можно было попасть и по пожалованию (*lettre d'anoblissement*) суверена; это становится постепенно привилегией короля, и парижский парламент перестает признавать за главами крупных феодальных государств право жаловать виллана в рыцари.

Hommage и foi

Первой и самой существенной обязанностью вассала было—признать по отношению к сеньеру свою вассальную зависимость (*hommage, hominium*) по земле и принести ему присягу в своей личной верности (*foi, fidelitas*). Этими двумя обрядами как бы устанавливалась феодальная связь между каждым новым поколением сюзеренов и вассалов, хотя в сущности начало такой наследственной связи относилось к отдаленным временам их предков. Очевидно, что коммендация эпохи Каролингов легла в основание фуа и оммажа, но только вместо тогдашних терминов *beneficium, vassus, senior*, стали господствующими названия *feodum, homo, dominus*. *Hommage* кладет начало вассальной зависимости по лену. Сперва он приносился за землю, позднее за всякую должность или сумму денег. Форма самого обряда тоже была заимствована у древней коммендации. Вассал являлся к своему сеньеру, опускался на колени, влагал свои руки в руки сеньера и объявлял себя его «человеком» (*homme*), т. е. вассалом, за известный лен. Сеньер дает ему поцелуй мира в губы и поднимает его. Первоначально можно было становиться в зависимость вассальную или министеряльную, не получая сразу лена, а служить только в надежде на будущее. Но позднее, в эпоху расцвета феодальной системы, с присягой на вассальную зависимость соединялось обыкновенно требование лена. Дарование лена, или инвеститура, совершались

сеньёром посредством символического вручения какой-либо вещи—перчатки, посоха, копья со знаменем и т. п. Этим обрядом завязывается связь между двумя лицами и двумя землями; вассал принимает в то же время на себя известные обязанности, соблюдать которые он должен обещаться под присягою. Таково именно назначение (*foi, fides*), или клятва в верности, которую вассал произносит, положив руку на Евангелие или на ковчег с мощами.

Древнейшее свидетельство эпохи Капетингов об обязанностях, связанных с клятвою в верности, дает письмо Фульберта шартрского к герцогу Аквитании из начала XI века. Епископ обозначает эти обязанности словами: *incolume, tutum, honestum, utile, facile, possibile*; это означает, вероятно, что вассал не должен злоумышлять ни против жизни, ни против здоровья своего сеньёра, не должен выдавать его тайн, ни вредить безопасности его крепостей, не должен наносить ущерба ни его чести, ни справедливости его суда; не должен делать затруднений или препятствий тем предприятиям, которые возможны или даже легки для сеньёра, а, напротив, всюду стараться помогать ему. Все это отрицательные обязанности; положительный долг вассала Фульберт определяет словами *consilium et auxilium, conseil и aide*. Из этих обязанностей «совета» и «помощи» вытекли постепенно все служебные и денежные повинности, в частности служба в набеге и на походе, в судах и советах и т. д. В силу оммажа вассал входил, как звено, в феодальное общество, но обязанность верности (фуа) существовала и до утверждения феодальной системы в отношениях между подданными и главой государства, а в эпоху феодализма она распространялась не только на вассалов, но и на все свободное население сеньерии. Аллодиальный собственник был связан этой обязанностью, по крайней мере, по отношению к высшему сюзерену. Оммаж приносится при каждой перемене ленника (обыкновенно дается срок в 40 дней), а в некоторых областях даже и при перемене сюзерена. Различали не менее двух видов оммажа—обыкновенный *hommage*, который влечет за собой только обязанности, перечисляемые Фульбертом, и *hommage lige (ligeitas)*, «ближнюю зависимость», как связь более тесную. «Ближний вассал» (*homme lige*) несет все обязанности, связанные с обыкновенным оммажем, но, кроме того, и некоторые усиленные повинности; напр., он должен служить сюзерену на своих издержках в течение всего времени войны, которую тот ведет против своих врагов, тогда как обыкновенный вассал обязан по кутюмам только к 40 дням службы и притом на содержании сюзерена. «Ближняя зависимость» (*ligence*)—это как бы оборонительная и наступательная лига между сюзереном и вассалом. Засвидетельствование своей зависимости по лену и личной верности не ограничивалось обоими обрядами оммажа и фуа, а закреплялось часто письменным актом, удостоверявшим, что обряды состоялись, и перечислявшим взаимные обязанности вассала и сюзерена.

Во многих грамотах фуа и оммажа вассал обещает верность сеньёру, «мужем» (*homme*) которого он себя признает, оговаривая, впрочем, долг верности по отношению к одному или нескольким другим лицам, которым ранее дал такую же присягу. В особенности при заключении оборонительного и наступательного союза в форме *ligence* вассалы часто делают в пользу перечисляемых поименно лиц изъятие из обязанности поддерживать своего нового сеньёра против его врагов. Чаще всего такая оговорка делается вассалами второй руки (*arriève-vassaux*) в пользу верховного сюзерена.

Военная служба

Какие же обязанности в частности падали на вассала в силу его долга «советовать» и «помогать» сеньёру? Военная служба вассала вытекала из его присяги (*foi*) защищать жизнь, члены и честь сюзерена, а не только из ленной зависимости (*homage*). Высшие сюзерены могут поэтому требовать ее не только от непосредственных вассалов, а от всех подданных (напр., министерялов и горожан) сеньёра: это называется *ban*. В известных случаях, когда всей стране угрожает опасность, сюзерены могут призвать к службе на защиту Франции подданных второй руки и аррьер-вассалов, т. е. людей, зависимых от них через посредство других сеньёров: это и есть *arrière-ban*. Военная обязанность специально вассалов сводится к трем повинностям: 1) собственно военная служба, т. е. в походе и в набеге; 2) сдача своих замков по первому требованию сюзерена; 3) охрана замка сюзерена. На деле военные обязанности вассалов крайне разнообразны, как это видно из заявлений вассалов, призванных к военным действиям в 1272 г. при Филиппе III Смелом. Одни связаны обычной обязанностью служить 40 дней на своем иждивении, другие на иждивении сеньёра, третьи обязаны только защищать замок; некоторые вносят деньги (*auxilium*) на войну, но избавлены от личного участия. Военная служба определялась словами *ost* (войско) и *chevauchee* (набег). *Ost*—это правильный поход большой армии, собранной для важной войны, чаще всего для осады крепости. *Chevauchee*—это легкая экспедиция, кратковременный набег на неприятельскую страну. Вся масса вассалов созывается обыкновенно только для крупной войны, а для небольшого предприятия обращаются лишь к ближайшим. Сообразно количеству земли в лене изменялся и размер военной повинности. Первоклассная барония ставит сюзерену несколько сотен рыцарей, иной феодал—только одного, а случается, что 10 или 12 свободных, но незнатных людей, наделенных землями за службу, сообща выставляют одного воина в рыцарском вооружении (*homme d'armes*). Служба рыцарем в походе или в экспедиции длилась чаще всего 40 дней, но в иных местах долгое время не было постоянного предела для требований сюзерена. Уже с XII в. вассалы стремятся перевести личную военную повинность на денежную. Если исключить случаи призыва всех зависимых людей на защиту страны (*arrière-ban*), то рыцари, отправляющиеся в XIII в. в поход,—по большей части воины по ремеслу, нанятые на службу тем, кто обязан выставлять отряд за свои лены. Рыцарство, нанятое за жалованье, всюду заменяет в это время войско феодалов, несущих личную повинность. Бароны сами путем *fiefs-argent* и *contrats de ligeance* добывают себе отряды таких рыцарей-наемников, служба которых надежнее вынужденной помощи ленников.

Служба в курии

Гражданские обязанности, падающие на вассала в силу его присяги (*foi*), обозначаются словом «совет», *consilium*. Вассалы обязаны по требованию сюзерена являться к его двору и судить или подавать совет по делам, касающимся государства. Из этой обязанности помогать сеньёру в его «феодалном дворе», палате вассалов (*curia*), произошли с течением времени все государственные учреждения, окружавшие в средние века монархическую власть. Право графов, герцогов, королей созывать вокруг себя вассалов для совета ограничивалось, по обычаю, чаще всего тремя разами в год, т. е. праздниками Рождества, Пасхи и Пятидесятницы. Эта обязанность совета в «курии» (*le service de cour*) вытекала из присяги в верности (*fidelitas*), а не из вассальной зависимости (*homagium, hominium*), а потому сюзерен

мог бы призывать и всех свободных людей своей сеньерии, но чаще всего он ограничивался только вассалами, да и из их среды требовал к себе только наиболее близких ему. В собрании такого двора сеньёра, или его палаты (*curia*), происходил и суд. Всякий суд феодальной эпохи покоился на принципе, что каждый может быть судим только своими равными. Поэтому двор сеньёра (*cour du seigneur*) состоит из вассалов или просто из подданных (*fideles*), смотря по положению подсудимых. Чтобы такой «двор» считался состоявшимся, требовалось, по крайней мере, три участника, не считая самого сеньёра. Судебная палата, т. е. двор, созданный не для совета, а для суда, собирается под председательством сюзерена или его должностного лица (офисье), но судят пэры; они выслушивают свидетелей, приводят их к присяге, требуют иногда судебного поединка и, наконец, произносят приговор. Если сторона, проигравшая дело, считает приговор несправедливым, то она заявляет свое неудовольствие (*fausser le jugement*) не против сеньёра, а против пэров, которые должны быть готовы сами выйти на поединок с челобитчиком. Если сеньёр отказывается созвать пэров для суда по требованию истца, то в силу такого отказа в справедливости (*default de droit, deni de justice*) теряет феодальное право суда на этот раз, и истец может обратиться уже в суд сюзерена, своего сеньёра (*demander la cour*). Суд пэров разбирает всякия распри как между пэрами, так и между вассалом и сюзереном.

Денежные повинности

Из обязанности «помощи» (*auxilium*) вытекали и все денежные повинности вассала. При установлении феодальных отношений новый вассал всегда платил что-либо за инвентитуру, иногда просто пару перчаток, копье, железную шпору, иногда золотую шпору или лошадь. С конца XIII в. этот подарок заменяется денежным взносом. Такой же взнос делался также при каждой перемене сюзерена или вассала вследствие смерти и перехода прав по наследству; в этом случае взнос назывался на севере Франции «рельефом» (*relief*). Чаще всего он уплачивался только при перемене сеньёра, но с некоторых ленов рельеф брался и при вступлении во владение наследника умершего вассала. Различен бывал и размер рельефа. В Нормандии рельеф брался в сто ливров с баронии и 15 ливров с *fief de haubert*, т. е. с лена, за который владелец несет службу в кольчуге. Затем сеньёр брал денежные поборы и в случае отчуждения лена, например, при его продаже, при освобождении рабов на волю, при переходе земель к церкви. Ордонанс Филиппа Смелого от 1275 г. определял, что при пожертвовании лена в пользу церкви король должен был получать доход с него за два года.

Денежная помощь вассалов при определенных обычаях случаев называлась первоначально талией (*taille, tallia*). По определению древних юристов, «феодальная помощь» (*aide feodale*)—это помощь деньгами, собираемая сеньёром с его вассалов и «людей обычного права» (*hommes coutumiers*¹), т. е. со всего населения сеньерии, с людей как знатных, так и простых, с церковных и городских общин, составляющих как бы часть феодальной иерархии. Трудно сказать, падали ли эти поборы когда-либо всей своей тягостью на знатных людей, потому что непосредственные вассалы сюзерена тотчас слагали талию на зависимых от них простых жителей феода. Феодальная талия ведет свое начало от той древнейшей, произвольной по размеру талии, которую сеньёры брали при начале средних веков, со всего, преимущественно рабского населения сеньерии (*tallia ad voluntatem, ad placitum*).

1 Т. е. все не-вассалы и свободные, держащие участки на правах вилланов.

По отношению к свободным, но незнатным людям эта произвольная талия (*taille a merci*) превратилась затем в талию постоянного размера (*taille abonnee*), уплачиваемую в виде ежегодной ренты селами и городами, или вовсе исчезла в силу хартий о привилегиях. Но талия сохранилась в виде поборов, приуроченных к определенным случаям и падающим на всех владельцев ленов и оброчных земель. Таких случаев (*cas feodaux*) для феодальной помощи обычай насчитывал чаще всего четыре, но, впрочем, кутюмы крайне разнообразны и в этом вопросе. Напр., граф Прованса, по статуту 1235 г., требовал феодальной помощи: 1) когда он в первый раз без вооружения отправлялся ко двору императора; 2) когда он призывался императором в вооружении; 3) когда он или его сын посвящались в рыцари; 4) когда он выдавал замуж своих дочерей; 5) когда он отправлялся в крестовый поход; 6) когда он попадал в плен и должен был платить выкуп. Кроме того, помощь собиралась иногда, когда сюзерен покупал новую землю, а епископы и аббаты требовали ее от своих людей, когда папа собирал с них самих какой-либо побор. В сущности таким же фискальным побором было и право «постоя» (*le gite* и *la procuration*, *gistum* и *procuratio*), которое падало не только на монастыри, города и крестьян, но и на знатных вассалов. Феодал обязан был принимать и содержать на свой счет сеньёра и его свиту во время их передвижений. Высшие бароны, герцоги, графы и король широко пользовались этим правом и с особенной строгостью следили за его соблюдением. Кутюмы до мелочей определяли размеры этой повинности. Напр., в герцогстве Аквитании сеньёры Соммьера (*Sommieres*) должны были при посещении их замка подавать герцогу и десяти его рыцарям мясо поросят и коров, капусту, горчицу и жареных цыплят. Если среди сеньёров Соммьера был на лицо рыцарь (*sic!*), то он должен был без голенищ, в пурпуровых чулках и с золотыми шпорами на ногах прислуживать герцогу за столом. В лесистых местностях право *procuration* применялось ради охоты. В Аквитании, в превотэ Марсан, Бернар де Кастелар должен был принимать у себя шестерых охотников, сопровождающих герцога, давать им хлеб, вино, мясо и на следующее утро вести их в лес под условием, чтобы его предупредили за три дня. Феодалы стремились ограничить эти тяжелые для них права или превратить их в определенный денежный взнос. В XII в. сеньёр мог пользоваться правом *gite* не чаще трех раз в году. При переводе повинности на деньги она, уплачивалась или раз в год сразу, или только в случае, когда сам сеньёр являлся лично и требовал постоя. Будучи превращено в денежную ренту, право постоя могло передаваться, жаловаться или продаваться.

Возвращение лена сеньёру

Обязанности вассалов в сущности составляют в то же время права сеньёров. Но бывают случаи, когда сеньёр прямо-таки вступает во владение зависимым от него леном. В Лангедоке в случае смерти вассала сеньёр распускал свое знамя над всеми землями феода, в особенности на вышке самой высокой башни замка. Это возвращение феода к сюзерену, конечно, фиктивно и прекращалось в тот день, когда наследник умершего или его опекун принесут *homage* и *foi*. Но сюзерен вступал иногда и в действительное обладание леном — как опекун, в случае конфискации или если лен становился выморочным имуществом. С XI в. обычай вознаграждает сюзерена правом опеки над леном за утрату той службы, которой еще не может нести его малолетний наследник. В руках некоторых сюзеренов право опеки превращалось в средство увеличивать свои доходы в ущерб интересам наследников и вело к хищническому хозяйству в опекаемом феоде. По мере того, как наследственный ха-

рактен ленного владения укореняется, в борьбу с сюзереном из-за права опеки с успехом вступают боковые родичи малолетнего ленника. Но в некоторых сеньериях опека сеньёра удержалась, несмотря на усилия родичей, напр., в герцогстве нормандском и в графстве Бретань. Опека наступала иногда и при жизни совершеннолетнего вассала, если он отправлялся надолго в путешествие, паломничество или крестовый поход. Любопытный случай опеки сюзерена дошел от 1268 г. в грамоте графа де Форэ (Forez), сеньёра Боже (Beaujeu), к королю Людовику Святому. Барон заявляет, что он кругом в долгах и близок к банкротству, которое поведет к раздроблению сеньерии. Он просит короля ради сохранения баронии в целости взять ее в свои руки, получать с нея доходы и доверить опытным людям трудную ликвидацию его дел; когда кредиторы будут удовлетворены, тогда лен без препятствий должен был вернуться к законным наследникам. Еще в одном случае возвращается лен к сюзерену—когда он становится выморочным, т. е., если у умершего нет законных наследников (*la desherence*). Право сеньёра отобрать у вассала лен в случае нарушения верности (*deloyaute*) оставалось теоретически в полной силе в течение всего феодального периода. Каждое нарушение одной из многочисленных обязанностей вассала могло повлечь за собой конфискацию лена. Принцип наследственности феода внес на деле и сюда некоторые ограничения. Различные проступки, которые могли повлечь утрату лена, сводились в сущности к четырем: 1) отказ в оммаже; 2) отказ от военной службы и неисполнение требования сеньёра сдать ему замки; 3) нарушение законов и постановлений палаты (*curia*) сюзерена, грабежи и т. п. преступления против общего права; 4) возстание и открытая война против сюзерена. Впрочем, сеньёр не мог один без постановления пэров конфисковать лен у одного из своих вассалов. Виновного требовали поэтому прежде всего на суд равных. Если «измена» была доказана и пэры постановили конфискацию, то тогда только приводил ее сеньёр в исполнение. Епископы-сеньёры могли, впрочем, до конфискации отлучить неверных вассалов и этим, может быть, заставить их одуматься. Если вассал, который совершил преступление против общего права, влекущее за собой конфискацию ленов, зависел сразу от нескольких сюзеренов, то являлся вопрос, кто же из них начнет преследование, кто воспользуется конфискованными землями. В 1217 г. герцог Бургонии, граф Шампани, граф Невера разрешили, напр., этот вопрос для своих общих вассалов в том смысле, что конфискацию производит тот сюзерен, которого виновный в своих записях верности и вассальной зависимости оговаривал, как «первого» между всеми своими сеньёрами. Первоначально конфискация производилась на веки вечные, но понятие наследственности ленов стало с конца XI в. смягчать ее. Сюзерен удерживал теперь лен непокорного вассала только, пока тот не раскается и не принесет снова присягу на верность и зависимость. Часто сюзерен ограничивался тем, что отбирал или разрушал замок вассала.

Обязанности сеньёра

Феодальная связь держалась, конечно, более всего верностью вассала, его точностью в отправлении обязанностей, но в сущности самый договор, был ли он записан или только предполагался при обряде оммажа и фюа, всегда считался взаимным: он связывал обоюдно и вассала, и сеньёра. Сеньёр несет свои собственные обязанности по отношению к вассалу и соблюдает с своей стороны верность ему. Уже Фульберт шартрский, перечисливши обязанности вассала, прибавляет: «Сеньёр должен за все эти обязанности воздавать равное своему вассалу. Если он не сделает этого, то по справедливости будет считаться неверным».

сеньёром, подобно тому, как неверным и клятвопреступным станет считаться и вассал, если будет пойман при нарушении обязанностей действием или попусшением». Отождествляя обязанности сеньёра и вассала, епископ шартрский впадает в преувеличение. В действительности сюзерен обязан только охранять вассала, т. е. не вредить ни его жизни, ни членам, ни собственности и защищать его от врагов. В XIII в. *Etablissements de St.-Louis* точнее перечисляют возможные случаи нарушения обязанностей со стороны сюзерена. Если сеньёр откажет вассалу в суде своего двора и это будет доказано, то вассал с своим леном будет зависеть уже не от него, а от сюзерена своего прежнего сеньёра¹. В средневековой истории особенно известны два примера «измены» со стороны сеньёра, а именно английского короля Иоанна Безземельного. В 1200 году Иоанн похитил невесту у своего вассала Гюга X Ле-Брэн, графа де Ла-Марш, и женился на ней. Это «нарушение верности» (*deloyaute*) вызвало общее возмущение всех вассалов герцогства аквитанского, которые и перенесли свою вассальную зависимость (*hommage*) по обычаю на короля Филиппа-Августа, сюзерена для Иоанна Безземельного за земли в пределах Франции. Вассалы Пуату и Нормандии вскоре последовали примеру аквитанцев; это было причиной тому, что в начале XIII в. Плантагенеты утратили свои владения на материке. Преступление, совершенное тем же английским королем против своего вассала и племянника Артура, графа Бретани, стало снова поводом вмешаться Филиппу-Августу и окончательно отобрать анжуйские лены. Итак, *deloyaute* сюзерена, «вероломство», тоже вело к нарушению ленного договора, но феодал конфисковался тогда уже не у вассала, а у сеньёра. Прекращение *hommage*'а символизировалось в церемонии *exfestucatio*; обряд этот состоял в том, что ломали и бросали на землю пук соломы (*festuca*), изображавший вассальную связь. Фламандский хроникер Гальберт брюггский (*Galbert de Bruges*) рассказывает под 1128 г. пример подобного разрыва вассальной зависимости при столкновении фландрских баронов с их графом Гильомом Клитоном (*Cliton*). Один из баронов, Иван д'Ало (*Iwan d'Alost*), произнес в общем собрании знати и горожан Фландрии горячую речь против всех вероломств графа и потребовал его в назначенный день на суд баронов Фландрии. Гильом Клитон, не желая являться на суд, собрал в Ипре войско наемных рыцарей и простолюдинов и предложил Ивану судебный поединок. Барон Иван отказался и в день, назначенный для суда, послал графу Гильому от имени баронов и горожан Гента через герольдов следующую весть: «Сеньёр граф, настал день, когда ты должен был явиться мирно, без обмана и оружия, чтобы дать отчет в своем поведении; ты не сделал этого, а, напротив, угрожаешь нашим людям своими вооружениями. Вследствие этого Иван д'Ало, Даниэль де Терремонт и жители Гента, обвиняя тебя в том, что ты вероломно идешь резать их, поручили нам возвестить тебе, что они сбрасывают с себя оммаж и фуа, которые верно соблюдали до этого дня, и совершить за них эксфестукацию». Герольды тут же преломили солому от имени их повелителей и удалились.

У сеньёра были еще некоторые отрицательные обязанности по отношению к вассалу. Он не мог, напр., требовать более тяжелых вассальных повинностей, нежели как они определены кутюмом или ленным договором; не мог без согласия вассалов вводить в своих землях новых обычаев (*exactiones et consuetudines novae*). Это ограничение фискальной и за-

1 Итак, *deni de justice* ведет теперь к полному разрыву феодальной связи между сеньёром, отказавшим в суде, и его вассалом; прежде сеньёр, отказавший в суде, утрачивал свое феодальное право суда над вассалом только на этот частный случай, который и переносился в высшую инстанцию, т. е. на суд верховного сюзерена.

конодательной власти сюзерена повело к образованию в областях провинциальных штатов (*etats provinciaux*), которые давали согласие на налоги и часто добивались при этом отмены злоупотреблений или издания новых ордонансов.

Разрушение феодальной зависимости

Хотя теоретически взаимные обязанности сюзеренов и вассалов точно определены, но на деле все феодальное общество сдерживается по преимуществу силой. Вассалы исполняют свой долг, только пока сеньёр достаточно силен, чтобы принудить их к повиновению; при первой возможности начинаются нарушения всех обещаний. Но связь между сеньёром и вассалом всегда может быть порвана по взаимному согласию или, когда вассал может доказать вероломство сеньёра, отказаться от него (*desavouer*) и избрать себе нового. «Отказы», в особенности в пользу верховного сюзерена, встречались часто и без вины непосредственного сеньёра. Вернув лен или отказавшись от ренты, вассал всегда мог сделаться свободным (*deguerpiement*). Наконец, вассалы, пользуясь каким-либо затруднительным положением сеньёра часто просто начинали возмущение и отказывались от зависимости (*refus d'hommage*); тогда начиналась война между сеньёром и его «мужем». Если узы вассальной зависимости не могли дать обществу мира, то и иерархия между ленами и сеньериями соблюдалась далеко не всегда. В теории между сюзереном и ленниками его вассалов, т. е. аррьер-вассалами не должно быть никаких сношений; это выражено в положении: *vassallus vassalli mei non est meus vassallus*¹. Верховный сюзерен не должен вмешиваться в дела зависимого от него сеньёра и не должен без его согласия привлекать к себе его мужей в непосредственные вассалы. Но на деле сюзерены часто вставляли новые звенья в феодальную иерархию или сокращали число прежних ступеней. Во второй половине XI в. Эташ, граф де Булонь, числился, напр., сюзереном ленов Гэнен и Эклюз (*Henin* и *Ecluse*, около Дуэ) и уступил свое ненадежное право на оммаж в этих местах сеньёру д'Ардр на ленных условиях; сеньёр д'Ардр (*d'Ardres*) сделался таким образом новым звеном в феодальной цепи, а сеньёры Гэвена и Эклюза из непосредственных вассалов графа Булони стали его аррьер-вассалами. По *Etablissements de St.-Louis*, сеньёр мог передать власть над вассалом только своему пэру, так чтобы не выросло над ним новой ступени феодальной иерархии. Но во вторую половину средних веков гораздо сильнее было в феодальном обществе противоположное течение, уничтожившее промежуточные звенья между верховным сюзереном и вассалами второй руки. Это течение повело к образованию крупных провинциальных сюзеренов—графов и герцогов, а впоследствии и к сосредоточению всех вассальных зависимостей в руки короля. Такому уничтожению посредствующих звеньев («иммедиатизация», *immédiatisation*) содействовали сами вассалы мелких сеньёров, обращаясь за защитой чаще всего к более могущественным сюзеренам—герцогам, графу, королю; а верховные сюзерены видели в иммедиатизации средство увеличить свое войско и охотно пользовались всеми случаями, когда феодальный обычай давал им право входить в сношения с вассалами второй руки, т. е. напр., правом призывать аррьер-бан или теми случаями, когда непосредственный сеньёр отказывал сеньёру в суде или умирал без наследников. Во многих провинциях аллодиальные собственники, стоящие вне феодальной иерархии, блюдают долг «верности» по отношению к верховному сюзерену, герцогу или графу провинции, а не местному сеньёру, с феодалом которого переплетаются их аллоды. Многие хроники рисуют картину

1 Вассал моего вассала мне не вассал.

этого безпрестанного передвижения из вассалов второй руки в ряды непосредственных ленников; например, в конце XI века сеньёры д'Ардра стремятся перескочить через своих прямых и естественных сюзеренов—графов де Гинь (Guines) и принести присягу прямо верховному сюзерену, графу фландрскому, который, конечно, всячески поддерживает их. Но сеньёры д'Ардра были наказаны в свою очередь: их собственные вассалы, сеньёры Гэнена и Эклюза, подражая их примеру, в обход сеньёрии ардрской, стали давать присягу тем же верховным сюзеренам, т. е. графам фландрским. Хроникер Ламберт негодует во имя феодального права, попранного в ущерб ближайшим сеньёрам «без стыда и узды». Сеньёр ардрский отомстил за уменьшение своих прав и обратил в рабство всех людей из Гэнена и Эклюза, которых схватил в своей сеньёрии. Заметив однажды при дворе графа фландрского Эсташа де Гэнен, своего непокорного вассала, тот же Арнуль ардрский громко стал обвинять его в измене за переход с своей присягой к графу Фландрии и вызвал его на дуэль; он забыл, что его предки совершили то же самое преступление относительно графов де Гинь. Правда, графы де Гинь и сами не задумались прибегнуть к такому же вероломству; с конца XII в. они отделяются от сюзеренитета Фландрии и начинают тяготеть к верховному сюзерену—королю Франции Филиппу-Августу: в 1211 г. граф де Гинь принял ленную присягу королю Франции и его сыну. Так идет в течение столетий эта скачка вассалов, разумеется, не без препятствий, и конечная цель ее—сюзеренитет короля. Это те центростремительные силы феодализма, которые сначала действуют одновременно с силами центробежными (т. е. раздачей феодалов, мятежами ленников и т. п.), но к XIV в. берут верх и готовят новую монархию.

Война

Итак, под покровом обычного права действовала в феодальную эпоху, как живой закон, все-таки *сила*, в особенности открытая, в виде войны и поединка. Война была главным занятием феодальной аристократии. Феодал ведет войну с своими сеньёрами, с епископами и аббатами, если их владения соприкасаются, с вассалами, равными ему, с вассалами, от него зависимыми, наконец, со своими родичами. Каждый раз, когда феодал не находит защиты для своих прав у сеньёра, он прибегает к оружию. Цель войны однако не всегда самозащита, а часто хищничество, желание воспользоваться затруднениями соседей или сеньёров и округлить свои владения на их счет. Иногда феодал шел на войну без определенной цели, почти как на турнир, только из ненависти к покою. Частные войны (феды) не только факт и привычка: даже в конце XIII в. это все еще право феодала (*droit a la guerre privée*). Правда, при Людовике Святом оно уже не так широко, как в XI в.: с XII в. составители записей обычного права до мелочей определяют подробности войны и судебного поединка и ограничивают немного грубую силу. Из кутюмов Анжу, вошедших в *Etablissements de St.-Louis*, следует, что частная война была дозволена под условием соблюдать предписанные обычаи формы и притом между вассалами одной и той же ступени и вообще против всех, кроме сюзерена. Но в сущности кутюм не выдерживает и этого запрещения, а, предполагая возможность войны вассала с сюзереном, безусловно запрещает только призывать себе на помощь против сеньёра еще кого-либо, кроме членов своей семьи. Право частной войны принадлежит только знати, а простые люди должны были разбирать свои распри перед судом.

Чтобы начать войну «согласно с законом», следует перед началом враждебных действий

послать противнику вызов (*defi*), письменно или устно через глашатая. После вызова должна пройти, по крайней мере, неделя или две до начала самой войны. Родственники обеих враждующих сторон до 4-го колена могут принять участие в войне, но на них нельзя нападать, пока не пройдет сорока дней после открытия враждебных действий (*quarantine le roi*); однако они могут остаться и в стороне, нейтральными, если откажутся от своего родственника, ведущего войну, и станут под охрану его противника. Некоторые разряды лиц всегда остаются неприкосновенными для воюющих—духовенство, женщины, несовершеннолетние, паломники. Война прерывается иногда временным перемирием (*treve, treuga*) по обоюдному договору, заключенному перед друзьями, по приговору суда равных или требованию сюзерена; конец войне полагается миром. Вред феодальных войн живо чувствовался уже с XI в., и церковь сделала первые попытки ограничить или даже вовсе прекратить их посредством Божьего перемирия или мира (*treve de Deux, paix de Deux*). Не довольствуясь духовным орудием отлучения, она стремилась создать и материальную силу для насильственного подавления всех междоусобий. Во второй половине XI в. каждая епархия могла стать округом для особой лиги мира под руководством епископа. У такого общества мира бывал свой устав, своя казна, магистратура и что особенно важно, вооруженная сила, способная восстанавливать порядок и карать виновных. Нарушители спокойствия и мира призывались на суд «мировых судей» (*judices pacis*) под председательством епископа. Бароны, которые не подчинялись приговору добровольно и не боялись отлучения, подвергались преследованию вооруженной силы—армии мира, состоявшей из приходских милиций под знаменем епископа. Миротворческие усилия церкви только отчасти увенчивались успехом, пока к ней не примкнула королевская власть, начиная с Людовика Толстаго. В XIII в. королевская власть чувствует себя уже достаточно сильной, чтобы рядом ордонансов подавлять турниры, судебные поединки и частные войны. Теперь и само общество приходит на помощь церкви и королю: возникает обычай «обезпечения» (*assurance, assecuramentum*). Если одна из враждующих сторон в разгар неприязненных действий или еще до начала войны хочет прекратить ее или обезопасить себя от угрожающей опасности, то она обращается к суду короля, сеньёра или коммуны и просит «обезпечения». Противник принужден явиться к судье и клятвенно обещать не вредить ни жизни, ни собственности противника. Согласится ли противник или нет дать требуемое обещание, это все равно: если он начнет враждебные действия, то будет считаться виновным в нарушении перемирия или обезпечения. Итак, «обезпечение»—это мир, насильственно навязанный одной из воюющих сторон судом. Отвергнуть обезпечение особенно трудно, когда его требует королевский балы или сам парламент. Впрочем, все эти меры ограничились, но не истребили междоусобий. Частная война исчезла только вместе с феодализмом.

Мелкия сеньёрии

Некоторые из крупных феодалов были в то же время и политическим целым, а их владельцы, находясь на вершине феодальной иерархии, пользовались правами чисто государственными. Среди таких феодалов с политическим значением можно различить, во-первых, «крупные сеньёрии», или «феодальные государства». Эти государства находились в руках родов, прочно укоренившихся в той или другой провинции. Родоначальники таких феодальных династий перехватили и раздробили между собой ту политическую власть, которую упустили из рук слабые преемники Карла Великого. Наиболее важные между ними и

по обширности владений, и по размерам власти носили титулы герцога и графа; но и другие под более скромным названием виконта или сеньёра (сира) держат все еще значительные лены у себя в руках и имеют власть государей. Многие из глав таких феодальных государств отличаются от королей только титулом; большинство имеет в пределах своих владений чисто «королевские права» (*droits regaliens*), т. е. высшую власть законодательную и административную, юрисдикцию в последней инстанции, власть над церковью в смысле влияния на выборы духовных лиц и право пользоваться доходами епископских кафедр во время вакансий, право войны и мира, начальство над войском всей провинции и т. п. Главы маленьких сеньерий сводились на положение очень зависимых вассалов и пользовались менее полными, сильно ограниченными политическими правами; сюда относятся кастелляны, виконты, видамы, авуэ (фохты).

Сюзерены редко давали вассалам право строить замки. Замок (*castellum*) становился обыкновенно сам по себе центром юридической и политической власти, простиравшейся на всю соседнюю территорию. Вокруг замка возникало «кастеллянство»; на обязанности кастелляна лежало охранять замок и судить зависимое население, за что он и получал доходы с земель. Во многих частях Франции кастелляны (*chatelains*) назывались и виконтами. Но в сущности чаще всего виконты (*viccomites*) бывали первоначально только заместителями своих графов (вице-графы) и лишь с течением времени становились наследственными феодалами второго порядка и начинали называться не по графству, а по имени главного из своих уделов. Правда, некоторым из виконтов удавалось иногда расширить свою власть на целую провинцию и подняться в ряды высших сеньёров, соперничая с графами и герцогами. Авуэ и видамы (*advocati* и *vicedomini*) должны были первоначально защищать светские интересы церковных имуществ и управлять ими, при чем авуэ состояли при монастырях (*advocati*), а видамы при епископах (*vicedomini*). Адвокаты брались часто из крупных баронов и охрану монастырских интересов только присоединяли к своему прежнему сюзеренитету, между тем как видамы—мелкие феодалы в зависимости от епископов. Адвокатство над монастырем часто оставалось должностью или, как в Нормандии, принадлежало герцогу над всеми обителями его феодального государства; но иногда оно превращалось в наследственный лен, и авуэ заменял собой аббата во всех случаях, когда тот должен был действовать, как вассал сюзерена или как феодальный сеньёр своих собственных вассалов и зависимых людей. Например, аббат не может идти на судебный поединок, и за него выходит адвокат. Видам (*vicedominus*) был первоначально заместителем епископа из среды духовенства епархии, но феодализация всего средневекового общества отразилась и на нем и превратила его в светскую должность, дававшуюся в наследственный лен. Видам охраняет епископские земли, заменяет епископа в суде сюзерена, сам отправляет епископский суд во владениях кафедры, ведет епископский отряд в лагерь сюзерена и т. п. Сеньерией видама бывал обыкновенно дом вблизи епископского дворца или земля в городе и сельской округе.

Крупные сеньерии

Происхождение крупных феодальных государств (сеньерий, графств, герцогств) и их династий различно. Родоначальники некоторых из них были высшими должностными лицами при Каролингах и превратили временную должность в наследственную собственность. Но другие поднялись в среду графов и герцогов из мелких должностных лиц или просто из

собственников бенефициальных и аллодиальных, благодаря энергии, хищничеству или случаю. Например, в Германии национальная герцогская власть вырастает у отдельных немецких племен в эпоху падения Каролингов, прикрываясь сначала то титулом маркграфов, то послов государевых, то герцогов в смысле IX в., т. е. постоянных должностных лиц, поставленных с военной властью во главе крупных территорий. У саксов герцогская власть ведет начало от Лиудольфа, потомка одного саксонского героя из времен борьбы против Карла Великого. Лиудольф и по происхождению, и по земельной собственности пользовался большим влиянием во всей территории саксонского племени, породнился с Людовиком немецким и получил от него под титулом маркграфа власть более широкую, нежели как у простого графа. Его сыновья Бруно и Оттон фактически пользуются уже герцогской властью в новом смысле князей национальных территорий и феодальных государств, а последний получает от короля Конрада и официальный титул герцога. В Баварии герцогская власть Лиутпольда вырастает прямо из полномочий пограничного графа (маркграфа) в борьбе против чехов и моравов. Во Франконии поднялись—было одновременно два рода—потомки двух графов из эпохи Людовика Благочестивого, графов Поппо и Гебегарда, которые называются чаще Бабенбергерами и Конрадинцами. Последняя ветвь, члены которой чаще всего носили имена Конрадов, при поддержке королевской власти и майнцского архиепископа взяла верх и достигла герцогского положения. Немецкие герцоги после падения Каролингов уже не должностные лица короля, а признанные им территориальные князья с наследственной властью. Они являются на съезды, которые собирает король (*colloquium*), и обязаны ему военной службой, но все-таки от них исходит теперь по преимуществу непосредственное воздействие на отдельные германские племена. От их поддержки зависят короли, которые сами избираются из среды герцогских родов (саксонского, франконского, швабского). При случае герцоги могут даже становиться опасными для центральной монархической власти Германии. В попытках сдерживать дальнейшее развитие герцогской власти и парализовать их влияние, короли должны были опираться на другую территориальную власть—на епископов и на своих министериалов. Точно также и во Франции в основу крупных государств ложилась иногда какая-нибудь национальная группа (герцогства Нормандия, Гасконь, графство Бретань). В X—XI вв. один и тот же барон безразлично называл себя здесь то герцогом, то графом и даже маркизом. В XII в. герцогская корона стала, наконец, считаться выше других, и главы феодальных государств с титулом графов перешли в разряд герцогов (Бретань только в 1297 г.), потому что и простые сеньеры стремились теперь к графству. С этих пор к титулу стали всегда прибавлять и название определенного лена, чего в X в. не делали: сначала *dux Normannorum*, *comes Andegavorum* и т. д., а затем *dux Normanniae* и т. п. Как и во всех крупных ленах, в феодальных государствах раньше всего установились неделимость и право первородства при наследовании. В самых важных из феодальных государств власть герцога или графа освящалась религиозной церемонией коронации, напоминающей венчание на царство королей. Иногда, чтобы укрепить право старшего сына, графы и герцоги уже при своей жизни короновали его и брали себе в соправители.

Судьба крупных сеньерий была во Франции различна в зависимости от географического положения, от степени развития в каждой сеньерии отдельных социальных элементов, от характера мелких вассалов и т. п. Самый законченный тип феодального государства пред-

ставляло собой в XI—XII вв. герцогство Нормандия. Герцог нормандский был самым полновластным из баронов и лучше всех других умел добиваться повиновения. Только в Нормандии высшая юрисдикция, опека над малолетними знатными или вакантными аббатствами составляли исключительную монополию герцога; только здесь удалось главе сеньерии ввести свои гарнизоны в замки вассалов и сохранить непосредственное влияние на ленников второй руки. Его власть над церковью не была ограничена другой, более высшей: он, а не французский король, влиял на выборы архиепископа руанского или епископов Нормандии вообще, он получал доходы кафедр во время вакансий. Городские общины тоже не могли играть в Нормандии самостоятельной роли: они были основаны преимущественно самими герцогами (Генрихом II и Иоанном Безземельным), получили сильную военную организацию, но мало независимости и политических прав. Судебные и административные учреждения герцогства, сложились еще в XII в. и служили образцом для Капетингов XIII в. Размеры, которые приняла герцогская власть в Нормандии, зависели в значительной степени от того, что герцогами нормандскими бывали могущественные короли английские. В графстве фландрском, которое при альзасских графах одновременно зависело и от Капетингов, и от империи, уже с XII в. пышно развились города; демократическая партия в коммунах стала с XIV в. распоряжаться судьбами родины. По географическому положению вдали от Парижа и по силе римского государственного предания графство тулузское могло бы, казалось, выработать сильную графскую власть. Действительно, долгое время графы тулузские ничем не связаны с главой монархии: они не приносят ему оммажа, не присутствуют при коронации, не посылают отряда в войско и свою вассальную зависимость проявляют только в том, что в своих грамотах ведут счет по годам царствования французского сюзерена. Но, несмотря на свою независимость от короля, графы тулузские у себя в государстве пользовались лишь малой долей власти над зависимыми вассалами.

Ордоны и штаты

К барону перешли все права, которыми пользовались некогда Каролинги над землями его сеньерии, между прочим, и власть законодательная, т. е. право издавать ордоны. Это право принадлежит барону без всяких ограничений в пределах его доменов, т. е. земель, которыми он владеет непосредственно. Но он стремится распространить право законодательства и на те части сеньерии, где он только феодальный сюзерен, т. е. на лены своих вассалов. Однако здесь он ограничен уже своими вассалами, которые имеют тоже право издавать постановления для ленов, находящихся у них в прямом владении и т. д. *Establisement de St.-Louis* говорят: «Ни король не может связывать законами (*mettre ban*) земли барона без его согласия, ни барон—земли вавассера без согласия (*assantement*) вавассера». Отсюда ордонанс, общий для всей сеньерии, должен быть утвержден всеми феодалами сеньерии и издается только в торжественном собрании всех вассалов, составляющем «полный двор» сеньера (*la cour plenièrè, curia plena*). Иногда в таком ордонансе (*ordinationes, assistae, constitutiones*) отмечается просто, что он издан сюзереном по требованию и с совета его прелатов и баронов, но иногда упоминается согласие аррьер-вассалов, вавассеров, кастелянов и рыцарей. Некоторые ордоны перечисляют всех вассалов и аррьер-вассалов, участвовавших в *curia plena* или даже подписавшихся под постановлением и скрепивших его своими печатями. Все те советники сюзерена, которые не входят в состав феодальной иерархии сеньерии, т. е. чиновники из мирян или клериков, не упоминаются в ордо-

нансах. Но на собраниях «полного феодального двора» редко решают вопросы правильным счетом голосов, а чаще всего согласие дается большим количеством вассалов первого и второго разряда, находящихся на лицо, и постановление считается тогда обязательным для всех. «Полные» собрания редко бывали таковыми на деле, и голоса приехавших не столько считаются, сколько взвешиваются. Бароны, подписавшиеся под законом, как бы берутся тем самым осуществлять его и принуждать к тому же лиц, не приехавших на заседание двора. Иногда ордонанс прямо упоминает о присяге подписавшихся баронов—силой добиваться повиновения закону со стороны лиц, которые бы попытались нарушить его. С XII века города постепенно организуются в коммуны, т. е. в свободные и привилегированные общины, из которых каждая входит в состав феодальной иерархии на правах «коллективного» вассала и составляет один лен, одну феодальную единицу. Тогда через своих представителей этот новый тип вассалов начинает появляться и в «полных» куриях герцогов и графов. Большая часть древнейших постановлений касается установления общественного мира. По мере того, как задачи законодательства осложняются, наряду с полной курией (*cour pléniere*), которая собирается в чрезвычайных случаях или в определенные праздники (Рождество, Пасха, Троицын день), начинает с XII в. законодательствовать «ограниченная курия» (*cour restreinte*) из чиновников и избранных прелатов и баронов, особенно преданных династии. Это совпадает с ростом герцогской власти вообще: в законодательной деятельности сеньёра и его приближенных масса второстепенных вассалов начинает видеть залог порядка и охотно подчиняется им. Таким образом, с одной стороны крепнет, как постоянное учреждение, ограниченная курия аристократического характера из избранных вассалов или даже просто частный совет сеньёра (*conseil privé*), а с другой из полной курии (*cour pléniere*) сеньёрии вырабатываются к XIV в. периодические провинциальные чины. Правда, не везде *cour pléniere* прямо переродились в провинциальные чины. Чаще всего *etats provinciaux* XIV в. зарождаются, как новые образования по своим целям, преимущественно финансовым, но они собираются на тех же феодальных началах, как и их образец, т. е. съезд всех вассалов. Провинциальные чины XIV в. созываются преимущественно для утверждения чрезвычайных субсидий, или *aides*; подают при этом случае ходатайства и часто ценою налогов добиваются обнародования ордонансов с какими-либо льготами. В своей организации провинциальные чины вообще подражали «генеральным чинам» (*etats généraux*), которые созывались со всей Франции, и преемственно примыкают к *cour pléniere* верховного сюзерена, т. е. французского короля.

Суд

Графы, герцоги и простые сеньёры отправляют суд, или как крупные земельные собственники в пределах уделов, или как феодальные сюзерены—над своими непосредственными вассалами, или как преемники должностных лиц Каролингов—в пределах всей сеньёрии. В Нормандии вся высшая юрисдикция находилась в руках герцога; он судит (*haec placita ad ensum ducis pertinent*): за убийство тайное и явное, за увечье, грабеж, разбой, поджог, вооруженное нападение, все дела, касающаяся войска, монеты, перемирия, скрепленного перед королевскими судьями и т. д. Нормандские бароны, вассалы герцога, ведают только гражданские дела да мелкие проступки. Но в других герцогствах и графствах юрисдикция сюзерена более ограничена в пользу его непосредственных вассалов. Например, в Бретани XI и XII в. от двора вассалов нельзя было апеллировать ко двору сю-

зерена, хотя бы речь шла о сознательно несправедливом решении или отказе в суде. Первоначально в судебных собраниях вассалов (т. е. тех же *cour pleniere* и *cour restreinte*, но заседавших ради судебных дел) председательствовал и вел суд сам сюзерен; но с умножением дел эта обязанность передавалась важному должностному лицу, сенешалу или бальи. Для такого суда сюзерена и его двора не было ни положенного времени, ни постоянного места, ни определенного состава; даже названия его были различны (*curia*, *assisia*; в Нормандии *scaccarium*, *echiquier*; в Шампани *grands jours*; в XIII в. во Франции *parliamentum*). Состав съезда вассалов ко двору сюзерена при отправлении суда постепенно суживается, как и *cour pleniere* вообще, которая превращается в простой совет, который законодательствует, управляет, судит. При всей изменчивости состава, этих советов в них заметны две группы — вассалы сюзерена и его должностные лица, чиновники (офисье). Постоянной составной частью судебного совета бывали те мелкие должностные лица из рыцарей, клериков, буржуа (с конца XII в.), которые занимали в нем сначала второстепенное место; но вследствие их преданности исключительно сюзерену, их специальных сведений (многие из них юристы по ремеслу), их способности к усидчивой работе, они становятся под именем *justiciers* душой судебных заседаний и переростают аристократическую часть советов, прелатов и баронов, отбывающих свою «судебную повинность»; эти «судьи» вознаграждаются уже жалованьем. Впрочем, и из среды вассалов выделяется группа *conseillers barons*, т. е. баронов-советников, которые, благодаря близости к сеньёру, чаще всего или почти всегда на лицо в его совете. В провинциях, где судебная власть сюзерена была особенно обширна, рано стали облегчать суд для отдаленных уголков и приближать заседания совета к месту жительства тяжущихся. В Нормандии возникли для этой цели «странствующие суды» (*tribunaux itinérants*). Сенешал Нормандии каждые три года объезжал все герцогство и держал, по поручению сюзерена, «ассизы верхней палаты» (*assises de la haute cour*) во всех главных местечках. Кроме того, герцоги нормандские рано усвоили обычай посылать один или два раза в год в каждое графство комиссии из трех-четырех баронов или рыцарей (*barones* и *milites jurati*), дававших присягу судить честно и по закону; они собирали ассизы из сеньёров, виконтов, духовенства и судили от имени герцога. Но в отдельных местечках существовали и постоянные представители судебной власти сюзерена. В конце XIII в. большинство баронов, по примеру королей, учреждают для этого *grands ballis*, которые председательствуют на ассизах вассалов для суда над знатью (*assises des chevaliers*), а для суда над разночинцами созывают свои собственные ассизы.

Должностные лица

Для целей управления вообще вокруг каждого сеньёра, стоят те же должностные лица, как и у короля, — сенешал, шамбрье, коннетабль, бутелье, шанселье (канцлер); последний берется из духовенства. Должности эти, в особенности сенешала и бутелье, первоначально составляли как бы наследственные лены в руках известных семейств, тем более, что оне влекли за собой пользование известными доходами с земель, общин горожан, корпораций ремесленников и т. д. Короли раньше всего, уже с начала XII в., подавили у себя наследственный характер этих должностей. Самым важным сановником был в феодальном государстве сенешал. В Нормандии и Анжу он как бы второй сеньёр сеньерии: он ведал суд и местную администрацию, командует армией, руководит домашним управлением у государя.

Сюзерен в исключительных случаях вмешивается в управление тою частью своих зе-

мель, которая находится в руках его вассалов. Его собственные уделы (домены, *raus d'obedience*), в которых он хозяйничает непосредственно, расположены отчасти крупными гнёздами в одной какой-либо местности, отчасти разбросаны повсюду между ленами вассалов, иногда даже в чужих сеньориях. С конца XII в. сюзерены стремятся округлять всю массу своих уделов путем обмена, покупки, захвата и упорядочить в них систему местного управления. Представителями герцогской власти в городах и сельских областях были офисье (чиновники), которые на севере Франции чаще назывались прево (*prevot, praepositus*), а на юге *baile (bajulus)*; под этим верхним слоем чиновников стояли уже на низших ступенях приказные люди, представлявшие власть сюзерена в отдельных коммунах, селах, деревушках, хуторах: это всевозможные дойены (*decani*), мэры (*maiores*), фермье (*villici*), между которыми многие сами принадлежали еще к крепостному сословию. Чаще всего каждый представитель герцогской власти был и сборщиком доходов, и судьей, и полицейским, и главой милиции, и администратором. Должности прево и баблей носили бенефициальный характер, т. е. давались пожизненно под условием присяги в верности, для знатных—даже оммажа, и со всеми подробностями обряда инвеституры. Но стремление превратить и их в наследственные лены для незнатных не удалось; чаще встречалась наследственность среди низших приказных людей, дойенов, мэров и т. п. Как в юрисдикции, так и здесь герцоги старались теснее связать с собой местные власти. Поэтому в XIII в. над прево начинает создаваться еще слой чиновников высшего разряда, которые называются то бальи (во Франции, Нормандии, Фландрии и т. д.), то сенешалы¹ (в Анжу, Пуату и т. д.). Филипп-Август около 1190 г., кажется, первый установил *les grangs bailliages* в своих доменах. Вместе с созданием такой иерархии в администрации началась и специализация; напр., сборы доходов как с доменов (чаще всего натурой), так и с вассалов сдавались на откуп особым сборщикам (*releveurs*), иногда наследственным. С течением времени эти финансовые агенты сюзеренов стали тоже выстраиваться в иерархическую лестницу, и при дворе герцога появился «главный сборщик», или «казначей» (*releveur general* или *tresorier*), к которому стекались все сборы. В XIII в. такой сановник встречается в большинстве крупных сеньорий. Надзор за всеми сборщиками и проверка их счетов поручались сюзереном сначала кому-либо из членов феодального двора без всякого порядка. Но затем эта обязанность принимает характер правильной и постоянной службы. Из среды совета (*curia*) сюзерена выделяется тогда и для контроля над финансовым управлением особая палата, совершенно как и для суда. В конце XIV в. это финансовое учреждение называется «счетной палатой» (*chambre des comptes*), а советники, отряжавшиеся для проверки счетов и суда в случае финансовых злоупотреблений, назывались, напр., в Нормандии «баронами казначейства» (*barons et clercs de l'echiquier*). Очень выгодно было право чеканки монеты, предоставленное сюзеренам главных феодальных государств и сеньорам меньшей важности; каждый из них мог запретить доступ в свою сеньорию для монеты других баронов.

Церковь

Отношения сеньоров к церкви пережили два периода—ранний, до Григория VII, и второй, после реформ этого папы. Еще до восшествия на престол Гуго Капета произошло разделение епископств на епископства королевские и сеньориальные. К сеньорам, заступившим место короля эпохи Каролингов, перешло, напр., право влияния на выборы еписко-

1 Этих сенешалов не следует смешивать с офисье (должностными лицами) королевского двора.

пов. На юге Франции это право приняло характер собственности, которую легко можно передавать и другим. Сеньёр иногда сам прямо назначает епископа и затем право утверждения передает собранию, более или менее набранному из народа (такой порядок часто применялся в Нормандии), а то он уступает свое право духовенству и народу, а сам только председательствует на собрании и утверждает избранника. Во всяком случае, по феодальным воззрениям, сеньёр дарит (*donat*) епископство, т. е. земли, связанные с кафедрой, самую кафедру и сан епископа с принадлежащей ему юрисдикцией. Взамен он требует от епископа выражения подданства, которое называется то *hominium*, то *fidelitas*. Сеньёры XI в. сильно злоупотребляли этим правом выбора: захватывали сами сан епископа, расхищали церковные земли, раздавали кафедры родственникам. Церковная реформа XI и XII вв., проведенная соединенными усилиями папства и монашества, ограничила это влияние светских сеньёров на церковь. Папам удалось искоренить старую инвеституру (инвеституру кольцом и посохом), вместо назначения сеньёром установить выбор капитулом собора, епископский оммаж заменить простой присягой на верность. Но в Нормандии, где власть герцога была так сильна, реформа мало что изменила. Точно также и аббатства раздавались сюзеренами в наследственные бенефиции до реформы, которая исходила из монастыря клюнийского и Рима. Иногда феодалы сами захватывали аббатства силой или по договору с монахами. Значительная часть обитателей с их землями и оброчными статьями попала, таким образом, в руки светских семейств, передававших их по наследству (*abbates laici, abbates milites, irreligiosi*). После реформы XI в. многие светские бароны сохраняли титул аббатов, но действительными настоятелями были уже дойены. Усилия пап и монахов-аскетов сломили чисто феодальное право собственности сюзеренов над аббатствами.

Таков строй французской сеньерии. В сущности и вся Франция, как феодальное государство с королем (герцогом Иль-де-Франса) во главе, мало чем отличалась от зависимых герцогств и часто подавала им пример, так как верховный сюзерен Франции раньше своих пэров выступил на путь переработки феодальных учреждений в государство; только Нормандия составляла в этом отношении исключение. Но некоторые стороны феодального строя развились характернее в Германии и Англии и для своей истории оставили там гораздо больше памятников; таково сословие министерялов в Германии, а в Англии — вотчинные (манориальные) суды.

Министерялы

В Германии на церковных землях, в особенности среди земледельческого населения епископских территорий, раньше всего произошло смешение и уравнивание всяких сословных противоречий, различных ступеней рабской и крепостной зависимости, существовавших на лицо в начал средних веков. Это уравнивание клонилось к установлению смягченного вида крепостной зависимости (*Horigkeit*), основанной на системе оброчных повинностей отчасти самого лица, отчасти его собственности. Здесь наследственность отступила назад перед фактическим положением; вопрос шел не о свободе или рабстве, а о принадлежности к церковной земле или лену светского феодала; важен был не официальный акт отпуска раба на волю, а зачисление зависимаго от церкви человека в разряд ли «поденщиков» (дагевардов, *dageward*), «оброчных людей» (цензуалов, *Zinsleute*) или «слуг» (*Dienstleute*) в более высоком смысле, т. е. министерялов. И среди оброчных людей (*consuales, tributarii, vestigales*), конечно, есть ступени. Переход на церковную землю вообще был уже первой

ступенью смягчения рабской зависимости, а перевод крепостного (Knecht'a) на оброк есть как бы освобождение. Большинство «оброчных» — люди свободные, будут ли то рабы, освобожденные на волю с переводом на оброк, или искони свободные люди, севшие на церковные земли под охрану епископа с обязательством платить. Как раз из среды оброчных людей возвышается к половине XI в. привилегированная группа министериалов (Dienstmannen). Их тяглом является не барщина, не оброк, а известная «служба». Чаще всего это служба по хозяйству, в качестве лесничих, конюшенных, ключников (cellerarii) и т. п. «Служебное положение» при королевской, монастырской, епископской или частной владельческой мызе повышало положение этих зависимых людей; они получали большие наделы земель, носили оружие, постепенно стали призываться к конной службе в войске, что освобождало их уже от всякой другой «низкой» повинности. Высоко поднимала человека из среды оброчных и служба при «дворе» как духовных, так и светских господ, в качестве конюшенных, стольников, кравчих и т. п. (Marschakl, Truchsess, Schenk, Kammerer). Но такие службы бывали всегда малочисленны, а потребность в военной защите заставляла господ поднимать сразу целые слои зависимых людей чуть не до положения вассалов. Генрих I пользовался службой министериалов и для увеличения конницы, и для укрепления и защиты бургов. С распространением рыцарства целые группы министериалов, уже раньше служивших в рыцарском вооружении, получали посвящение и пополняли ряды рыцарей. Сообразно различию в службе министериалы скрывались под разнообразными названиями — *servientes* (слуги), *domestici* (при доме), *curiales* (при дворе), *militares ministri* (несущие рыцарскую службу), *clientes* (подручные, зависимые люди) и т. д. Даже те слои, которые постепенно вырабатывались в среде самих министериалов, были отмечены у народа особыми названиями: различали «лучших», «высших», «знатных» министериалов (*meliores*, *optimi*, *nobiles* и т. д.). Различие в положении господ отражается, конечно, и на министериалах; «слуги» короля, архиепископов, имперских монастырей пользуются преимуществами особенно высокого положения. Если первоначально от произвола господина зависело, приставить ли зависимого человека ко двору или к военной службе, то с течением времени укореняется начало наследственности, и принадлежность министериала к тому или другому слою становится прочной, а каждый слой приобретает в силу обычая известные права; так вырабатывается особое «право министериалов», напр., еп. Бургарда вормсского (*Dienstrecht*). Юридически министериалы не принадлежали ни к свободным, ни к крепостным. Они наравне со свободными допускаются, например, в свидетели, но господин отчуждает их наравне с другими зависимыми людьми, чаще всего вместе с землей. Служба министериалов не была даровой. Те, кто служил при господине, получали кров и содержание. Другие вознаграждались земельными бенефициями, которые становятся затем наследственными, не хуже знатных ленов, вместе с определенным служебным тяглом. Между министериалами и их землями установилась такая связь, что и те и другие раздаются сразу. Но рядом с наследственными бенефициальными землями, которыми они могут распоряжаться только в редких случаях и с разрешения господ, министериалы обзаводятся и другими землями, купленными или пожалованными в полную собственность. На таких землях у министериалов бывали и зависимые люди, из которых они набирали себе воинов в помощь на войне. Как раз военная служба всего чаще отслаивала от всего сословия министериалов группы чисто рыцарского характера. Другие слои министериалов наполняли, по указанию господ, их города то в качестве гарнизонов, то ради мирных занятий менял и других промыслов.

Английский манор

Сельская Англия разделялась в феодальную эпоху на единицы, которые назывались «поместьями» (manors), и каждый манор состоял из центральной части—помещичьей экономики (demesne) и группы наделов (holdings), которые во всем, что касается повинностей, находятся в разнообразных отношениях к центру (вилланы, свободные поселенцы и т. д.). Demense—это та часть владений лорда, которая разрабатывается преимущественно для его собственного потребления и только в небольших количествах для продажи. Demense обрабатывается хозяйственным способом, т. е. плугами экономики, но почти везде упряжкам экономики на помощь приходят consuetudines villae, т. е. барщинная работа крестьян. Отсюда тесная связь между всей тяглой землей (tributary land) и барской, доманиальной землей, которая лежит не отдельными участками, а полосами переплетается с пашнями села. Хозяйство в экономике, сбор доходов, надзор за работами, манориальная полиция требуют значительного числа приказчиков и рабочих. Крупные сеньеры, у которых в различных графствах насчитывались иногда десятки маноров, поручали заведывание своими именьями обыкновенно сенешалу, и тот во всех случаях должен был представлять собой лорда—председательствовать на манориальном суде (manorial courts), выслушивать отчеты, руководить расследованиями под присягой и оценкой и решать все главные вопросы хозяйства. В каждом отдельном маноре мы всегда находим два лица, наделенных властью: бэлиф (bailiff или beadle) был человеком, которого лорд брал иногда со стороны и который был поставлен следить за выгодами хозяина; он собирал ренты и вынуждал барщины, вел обработку фермы, заботился о скоте, о постройках и всем инвентаре экономики. Эти обязанности часто сдавались на откуп (firma) за определенную ренту, и тогда управляющий назывался firmarius. На ряду с управляющим стоит всегда геев (староста), или praepositus, взятый из среды крестьян села и чаще всего избранный ими самими. Рив действует, как представитель общины и по отношению к лорду, и в делах общественных; он должен помогать управляющему во всех его обязанностях, следить за исполнением крестьянами возложенных на них работ, за пахатбой, жнитвой и т. д. За управляющим и ривом идут уже различные специальные приказчики: messor, на ответственности которого лежит уборка хлеба, akermanni, или сагисарии, которые вместе с погонщиками направляют плуги, пастухи для всякого рода скота и т. д. На ряду с приказчиками по хозяйству стоят и служащие люди с чисто полицейскими обязанностями; например, иногда существует особый «turnbedellus», собирающий людей на собрания сотни и графства. Третий отдел министерялов составляет домашняя челядь, служащая при особе лорда, при его гардеробе, его кухне и т. п. Военные обязанности и потребность в охране заставляют лорда держать при себе вооруженных слуг. В Англии все три разряда министерялов называются sergeants и servants (servientes). Все они избираются первоначально из массы населения манора и вознаграждаются то долей доходов, порученных их заведыванию, то иждивением, то освобождением от повинностей за свои надель, а то в XIII в. служат и за жалованье. Обычай освобождать надель «слуг» от повинностей создает группу совершенно свободных земельных владений; это путь к свободе. Итак, в маноре всегда налицо: 1) масса, состоящая из лиц различных несвободных состояний (вилланов); 2) барская экономика; 3) группа людей, которая приводит всю машину в движение. Но в каждом маноре всегда есть и кучка свободных людей, и группа свободных надель; хотя, может быть, свободные и платят ренту или даже несут работу за землю, но они живут по добровольному договору и всегда могут уйти. Происхождение участков

для свободных весьма различно. Иногда это издревле свободные участки, подпавшие с течением времени суду лорда, иногда они выделены из «барской» земли (*demesne*), иногда это уголки от земель села, которые не умещались в общую дележку на виргаты (размер обычного надела виллана) и розданы на особых условиях в аренду; то это новые заимки, которым лорд покровительствует льготами, то участки «слуг», то наделы вилланов, откупившихся от повинностей, и т. п. Свободные люди, а часто и свободные участки принадлежат к манору не на правах собственности, а в силу того, что входят в судебно-административный округ манора и подчинены суду лорда. Вилланы и участки, отягощенные повинностями виллана, распадаются обыкновенно на обширные группы, и в среде каждой группы все крестьяне и все наделы несут уже совершенно тождественные повинности; свободные же поселенцы (*фригольдеры*) держат землю каждый на особом условии: один за 10 акров платит 3 шиллинга, другой за 8¹/₂ акров — фунт перцу и т. д. Но в положении всех этих свободных людей есть одна общая черта: они держат свои участки по особому договору с собственником. Достается ли свободный надел (*frechold*) виллану в добавок к его крестьянской виргате, или дается он в награду министерялу, или свободный участок образовался из крепостного вследствие выкупа, — всегда и везде держание свободной земли покоится на особом договоре.

Сельский сход

Село (*township*) составляло единицу, объединенную фискально, хозяйственно, административно, юридически, что-то отдельное от манора и все-таки включенное в него. Такая сельская община ограничивала на собраниях манора (*manorial courts*) власть лорда, но она не была силой прямо противоположной ему; напротив, лорды очень часто искали в ней опоры против своих министерялов, учет которых был труден. Позднее средневековое право различало два типа сеньеральных курий в маноре — *the Court Baron* и *the Customary Court*¹; *Court Baron* — это «двор» сеньера для свободных поселенцев (*free tenants*): он ведал их мелкие сделки и тяжбы между ними; *the Customary Court* ведал все несвободное население манора. Но первоначально такого разделения не существовало, и еще в XIII в. был только один «манориальный двор», который назывался «галимотом» (*halimot*). Обыкновенно галимот собирался раз в три недели, но иногда созывался и по произволу лорда. Постоянными членами его были крестьяне сельской общины (*township*) и владельцы участков на полях манора вообще. Для важных дел (например, когда вешают крепостного) изредка призываются по уговору несколько свободных людей со стороны. Местом собрания бывал замок манора (*manoria hall*, отсюда *hali-mot*). Вся курия или 12 присяжных из ее среды указывают тут всех, кто провинился дурным поведением или совершил какой-либо определенный проступок. Пахари, которые дурно выполнили свою работу на пашнях лорда, виллан, бежавший из села и живший на чужой земле, человек, не исполнивший приказа лорда, женщина, сорвавшая замок, который бэлиф повесил на ее коттэдже, неисправимый распутник, нераз оштрафованный уже в церковных судах, — все они подвергались по приговорам галимота штрафу или заключению в колодки. Таким образом, эта манориальная курия ограничивала произвол лорда или его управляющего, потому что все члены галимота, а не

1 Первоначальное значение слова «*baron*» (барон) — вообще свободный человек. Под «*custom*» (обычай) разумелись повинности вилланов, державшиеся обычаем. *Consuetudinarii* или *costumarii* — это те, которые несут «обычные повинности» (*customary services*), т. е. и вилланы, и свободные, держащие участки на условиях вилланов.

лорд и не его управляющий определяли проступки против интересов лорда. Может быть, и самый размер штрафа даже для вилланов устанавливался собранием, а не лордом. Галимот разбирает и все гражданские дела по владению, наследству, приданому, аренда и т. п. Но и по гражданским судам лорд или его заместитель остаются тоже только председателями суда, а самое обследование вопроса и постановление приговора находится в руках 12 присяжных или всего «двора».

Особенно важно участие полной курии во всех сделках по переходу крестьянских участков земли из рук в руки. Такой переход мог происходить только через посредство лорда (или его заместителя), который будто бы вновь вступает (*reenters*) во владение отчуждаемым участком и передает его затем новому крестьянину-владельцу, как если бы это действительно было совершенно новым пожалованием (*surrender and admittance*). В этом участии лорда при отчуждениях сказывается его верховное право на землю сельской общины; но и это верховное право опять-таки было ограничено манориальным двором, который в сущности своим свидетельством только и обеспечивает отчуждение. Для владельца на правах крестьянина (*base tenure*) существовали особые названия—«державший в силу записи в свитках двора» (*tenant by copy of court roll*) или «державший в силу трости» (*tenant by the rod, par la verge*). Название это происходит от того, что и для крестьянского надела существовала своя символическая инвеститура: лорд или управляющий передавал надел посредством вручения трости или ветки. Во многих местностях виллан, получая надел, должен был приносить присягу на верность (*oath of fealty, per fidelitatem*), но без оммажа, и в присягу входили слова: «Я ищущу защиты у вас для жизни и для имущества» (*I will be justified by you in body and goods*). Но этот обряд передачи земельной собственности вовсе не предполагает непременно за лицом, вручающим трость, верховную собственность на землю. Обряд коренится еще в праве салических франков; там в каждой передаче земли должно было участвовать третье лицо, посредник или свидетель, который берет символически (посредством трости, *festuca*) землю у прежнего собственника и передает ее затем новому лицу путем того же символа. Этот древний германский обряд и был перенесен традицией на средневековую инвеституру, при чем на лорда или управляющего перешла роль посредника. Но такое вручение крестьянского надела в средневековой Англии должно быть засвидетельствовано не одним только лордом или управляющим, а всем двором¹ и заносится в протокол заседаний курии (отсюда *tenant by copy of court roll*). Свободный человек может вступать в сделки от своего имени и притом посредством хартий, но вилланы должны довольствоваться символическими обрядами перед «*plena curia*», т. е. манориальной палатой. Ссылка на «свитки курии» (*rotuli curiae*) или на свидетельство всей манориальной палаты, а то и 12 присяжных из ее среды—единственное средство для виллана, если надо удостоверить, что известный участок принадлежит ему, хотя у него и нет хартии (*verificare per recordum rotulurum seu 12 juratorum ejusdem curiae per voluntatem domini et senescalli*). Вообще состав манориальной курии—смешанный, из вилланов и фригольдеров. По воззрениям средних веков, манориальная курия не может состояться, если в ней не будет на лицо хоть нескольких свободных людей. Часто требуется для законности курии не менее четырех фригольдеров, так как четырех бывало достаточно, чтобы в случае надобности составить

¹ В сущности и пожалование лена происходит в феодальной курии из вассалов сеньёра, которые, напр., по Иерусалимским Ассизам, и могут всегда удостоверить факт инфеодации.

как бы отдельный «двор свободных» в среде «полного двора» (напр., для удостоверения какого-либо факта, касающегося свободного человека манора). Вообще над таким «полным» манориальным двором носится идея «свободного двора», исключаящего рабов, но не отождествляющего с ними вилланов, которые стоят как бы ближе к свободным.

Министерiales и поместные курии достигли в Германии и Англии особенно характерного развития, но они существовали и во Франции, а в той или другой форме и всюду, где только был феодализм.

Евг. Щепкин.

XXIII. Сельское население Германии в XI и XII вв.

Свободные земледельцы в древней Германии

Прежде, чем говорить о положении сельского населения в XII веке, необходимо вкратце изложить историю землевладения в Германии с древняго времени до занимающей нас эпохи.

Во времена Тацита население Германии было уже оседлым и земледельческим; события последующаго времени уничтожили однако первоначальныя германскія поселения. В течение нескольких веков мы видим всю Германию в непрерывном движении, и в то время, как многие из народов германских переселялись за Рейн и за Дунай в пределы римской империи и там делили между собою ея богатое наследство, внутри самой Германии шли постоянныя войны и передвижения, которыя имели результатом соединение мелких народцев в большія племена фризов, саксов, турингов, швабов и баварцев.

Военно-родовой быт германцев этого времени определил первоначальный характер землевладения. Германскіе народцы делились на сотни (военная организация), из которых каждая заключала в себе население родовых союзов; при завоевании каждая сотня получала по разделу определенную территорию в 2—3 кв. мили, на которой и располагалась несколькими поселениями. Поселения эти, раскинутыя как бы островами среди лесов Германии, состояли обыкновенно из 20—30 дворов, расположенных или скученно, или же в виде замкнутой геометрической фигуры круглой или овальной формы. Земля находилась в общинном владении селения. Для того, чтобы распахать поле, нужно было предварительно вырубить и выкорчевать часть леса и расширить землю под пашню; для одной семьи задача эта была в то время непосильною, что неизбежно вело к соединению труда; нет сомнения в том, что первоначально все жители населения общими силами обращали лес под пашню, которую вместе и обрабатывали, а затем делились плодами урожая.

В период Салической Правды уже нет более общиннаго владения пашнею: вся пашня

Пособия. *Lamprecht*, Deutsche Wirthschaftenlaben im Mittelalter; **Inama-Sternegg**, Deutsche Wirthschaftsgeschichte.

разделена между отдельными дворами. Пахатная земля (Flur)—ближайшая к поселению—охватывает его со всех сторон; она состоит из многих участков (sampus, gewanne—кон) разной величины и формы, из которых каждый разделен на столько полос (Aecker, pl. от Acker), сколько дворов в селении; каждый двор владеет, таким образом, несколькими полосами пахатной земли (черезполосность владения). Очевидно, что, переходя постепенно к оседлому образу жизни и перенося весь свой труд от ухода за стадами на обработку земли, население брало под распашку все новые и новые участки, пока, наконец, не распахало земли столько, что обработкой ее могло доставлять себе необходимые средства к жизни. Луга, пастбища и леса попрежнему составляли общее достояние населения—Allmende.

Двор вместе с наделами пахатной земли был полною собственностью отдельной крестьянской семьи и назывался гуфою (huba, mansus), при чем гуфа равнялась площади приблизительно в 8—10 десятин. Долгое время количество гуф в каждом поселении оставалось неизменным, ибо не было ни разделов, ни переделов земли: вследствие установившегося обычая весь надел передавался одному из сыновей, а избыток населения селился новыми деревнями в марке той же системы; от VI—VII века возникло таким образом множество новых деревень.

Крупное землевладение в древней Германии

До сих пор шла речь только о свободных германцах, которые с прекращением передвижений образуют класс мелких землевладельцев, обращаются в крестьян; но в то же время развивается и крупное землевладение.

Германское общество времен Тацита уже различает классы свободных, благородных (nobilitas), зависимых и рабов. При земельных разделах знатные получали отдельно большие сравнительно земли (agri pro numero cultorum secundum dignationem partiuntur); земля их возделывалась зависимыми людьми—полусвободными (liti) и рабами (servi, manscipia), которыми они преимущественно владели. Во время непрерывных войн развивается власть герцога (dux) и значение его свиты-дружины (trustis, comitatus), что, естественно, создает при завоеваниях новых крупных землевладельцев. Наконец, германские племена постепенно покоряются и входят в состав усиливающейся франкской монархии; развившаяся затем идея, что вся незанятая земля (res nullius) принадлежит государю, и раздача ее во владение преимущественно церкви и должностным лицам (графам) создают еще вид земельной аристократии.

Итак, во владении короля, церкви, должностных лиц и потомков племенной аристократии находилась вся остальная земля.

Большие земли крупных собственников не могли быть возделаны трудом полусвободных и рабов: этот класс общества был для того недостаточно многочисленным; поэтому главной задачей землевладельцев было привлечь на свои земли новых поселенцев. В то же время крестьянское население начинает испытывать недостаток в земле: отсутствие свободной земли не позволяло уже больше выводить новых колоний, а принуждало дробить гуфы между наследниками. Избыток населения должен был искать себе места на чужой земле, хотя это было сопряжено с ограничением свободы и имущественною зависимостью. Поселенцы устраивались на землях крупных землевладельцев деревнями такого же типа, как было описано выше, но становились в ряды зависимаго класса полусвободных и платили

оброк (*census*) землевладельцу.

Зависимое крестьянство

Но не только избыток свободного населения переходит в зависимое состояние—все крестьянское население с течением времени становится мало-по-малу в зависимость от крупных землевладельцев.

Тяжелые повинности, из которых первое место занимает военная (обязанность участвовать в походах), падавшая на весь свободный класс общества, десятина в пользу церкви, отнимавшая $\frac{1}{10}$ долю урожая, далее большие штрафы (*compositio*) за правонарушения и притеснения должностных лиц—все эти причины подрывали благосостояние мелких собственников; а неудачные войны, особенно во время последних Каролингов, и вторжения внутрь страны датчан, славян, венгров и норманнов разорили многие местности Германии. Чтобы уйти от разорения или уклониться от тяжелых повинностей, было одно средство—отказаться от свободы и перейти в зависимость (*in obsequium, in servitium*), под покровительство крупного землевладельца. И действительно, крестьяне отказываются от своей земли и свободы в пользу крупных землевладельцев, которые оставляют за ними их землю, но только на право пользования и за оброк. Говоря о причинах исчезновения самостоятельного класса мелких земельных собственников, нельзя умолчать о побуждениях религиозных, обогативших церковь, в особенности же монастыри.

К XI-му веку мелкое землевладение уже почти исчезло, почти вся земля собралась во владении монастырей, духовенства и светской аристократии; сельскохозяйственное же население этих земель, состоявшее первоначально из рабов, полусвободных, а затем перешедших в зависимость свободных крестьян, сливается в один общий класс крепостного населения.

Организация поместья

Центром всякого крупного светского¹ владения была барская усадьба (*villa*)—местопребывание сеньора, где он жил, окруженный многочисленной толпой слуг. Дворня эта, преимущественно рабского происхождения, исполняла все домашние службы и изготовляла все нужное для домашнего обихода. Нужно заметить, что из ее среды выделились с течением времени некоторые слуги, снискавшие себе доверие или расположение господина, и им даются особые назначения, заведывание, напр., какою-либо отраслью хозяйства, одним словом, разные *ministeria*, так что над обыкновенными слугами возвышается особый класс министриалов, которые и в сельском хозяйстве имели весьма большое значение.

Сельскохозяйственное население было частью также рабского происхождения; тут же вокруг усадьбы теснились лачуги холопов (*mancipia casata*), занятых сельскохозяйственными работами; своего земельного надела холопы эти не имели, а возделывали господскую пашню, примыкавшую к усадьбе (*domanium, terra salica*). Класс рабов, впрочем, никогда не был в Германии особенно многочисленным, и доманиальная земля, обрабатываемая их трудом, занимала потому не очень значительную площадь.

За пределами доманиальной земли начинались участки зависимаго, крепостного крестьянского населения. Крестьянские земли не сплошной массой окружали усадьбу; главной особенностью средневекового землевладения была его раздробленность: владение в 10

¹ Хозяйство на монастырских землях, в общем весьма сходное с описываемым, имеет некоторые особенности, которых по краткости статьи мы касаться не будем.

—15,000 десятин раскинуто было иногда на сотни верст; в разных местах были группы в 20—30 крестьянских дворов, которые с разных сторон тянули к одному центру, находясь в оброчной зависимости от одного сеньёра.

Оброк, первоначально главная повинность зависимаго крестьянского населения по отношению к господину, платился продуктами крестьянского хозяйства, к которому мы теперь и обращаемся.

Крестьянское хозяйство

Хозяйство в это время почти повсеместно было трехпольное; трехпольная система уже с IX века вытесняет собою систему переложную и одинаково принимается как в господском, так и в крестьянском хозяйстве. Пахатная земля селения, разбитая для хозяйственных целей на 3 поля (Feld), представляет в то же время ужасную череполосицу. Уже раньше было указано на то, что крестьянская гуфа состояла из небольших полос; но к XI-му веку очень немногие семьи владеют полною гуфою: некоторые пользуются лишь половинным наделом, другие довольствуются $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и меньшей долей гуфы; дробление пахатной земли между наследниками из поколения в поколение увеличивает череполосицу. Такое разделение пахатной земли порождало большие хозяйственные затруднения (к некоторым полям, напр., не было иного проезда, как через полосы соседей) и необходимо требовало и поддерживало принудительный севооборот (Flurzwang). Каждое поле распахивается и засеивается одновременно всеми крестьянами селения, общими силами ставят крестьяне изгороди кругом засеянного поля, чтобы уберечь его от потравы, в одно время убирают озимое, а затем и яровое и по жнитву пускают пастись скот.

Необходимо подчеркнуть, что пахатная земля не была в общинном пользовании селения: каждая крестьянская семья владеет пахатым наделом отдельно, и надел этот остается в потомстве данной семьи, все более и более дробясь с течением времени. Земельных переделов не бывало. Только сенокосы, пастбища и леса находятся в общинном пользовании селения.

Здесь кстати упомянуть о том, что, кроме пашенной земли, в частном владении отдельной семьи была еще земля огородная—небольшие участки, тесно примыкавшие к крестьянским дворам, где, кроме овощей, сажались крестьянами несколько плодовых деревьев и сеялось немного льну.

Главным богатством крестьянина, кроме земли, было несколько голов домашнего скота. Лошади в крестьянском хозяйстве были редкостью (пахали на коровах самодельными земледельческими орудиями); 4 коровы, столько же свиней и стало баранов в 15—20 голов составляли обыкновенное достояние крестьянина.

Оброк и барщина

Продуктами своего хозяйства и платил крепостной крестьянин лежавший на нем оброк господину. Оброк взимался натурою: зерном, хлебом, льном, домашнею птицею, яйцами, баранами и поросятами; приблизительно $\frac{1}{5}$ доля ежегодного крестьянского дохода отдавалась господину в виде оброка, так что $\frac{4}{5}$ оставалось в хозяйстве крестьянина. Уплата оброка влекла, конечно, за собою повинность доставить в определенное время все эти припасы на своих подводах на господский двор.

Сбор всех этих продуктов и забота о своевременной уплате крестьянами породили в больших владениях весьма сложную хозяйственную организацию. Центром управления была, само собою разумеется, господская усадьба, но отдаленные от усадьбы гуфы крепостных собираются около местных центров; там, где расположена группа в 12—24 крестьянских двора, ставится барский двор (*curtis dominicus*) и поселяется управитель (*villicus*, *Meier*) из министерялов, присланный из усадьбы для хозяйственных распоряжений. Впрочем, задачи этих управителей очень скоро усложняются, ибо на крестьян мало-помалу возлагается новая и притом самая тяжелая повинность; мы разумеем барщину.

Располагая массою зависимаго крестьянского населения, землевладельцы начинают пользоваться его трудом для дальнейшего развития хозяйства. Под надзором управителя крестьяне какой-либо местной группы расчищают новые земли из-под леса и обращают их в господскую пашню (*terra salica*, *Beunde*); эта пашня затем уже из года в год обрабатывается по наряду крепостным крестьянским трудом, подобно тому, как доманиальная земля трудом холопов-земледельцев; крестьяне обязаны доставлять на эти земли навоз для удобрения и исполнять все земледельческие работы: *mansionarii debent jugera dominica arare, seminare, colligere et in orreum deducere suo tempore, et sepem facere*.

Особенно тяжелы были работы, если вновь расчищенная земля обращалась под виноградники. А необходимо заметить, что землевладельцы старались увеличить из года в год площадь таких запашек. Барщина, ставшая в скором времени общею повинностью всего крепостного населения, обыкновенно была трехдневная, хотя в некоторых местностях назначались и по 4 дня в неделю.

За барщиною однако следует еще множество других повинностей; издельные повинности были, впрочем, в разных владениях настолько разнообразны, что приходится ограничиться лишь указанием на главнейшие из них. Забота о господских зданиях, следовательно, строительные работы и доставка кирпичей и черепиц, нужных для постройки; работа на господских огородах, посев льна и уход за ним; устройство на реках заколов для рыбной ловли; уход за стадами; охрана и рубка леса, доставка дров, приготовление жердей для виноградников, досок и обручей для бочек, сбор желудей и ягод, наконец, служба в сторожах для охраны усадьбы с ее богатствами—все это возлагается на крепостных крестьян.

В заключение скажем, что XI век служит уже переходным временем для крестьян к другому, более легкому положению. Высшее сословие, увлекаясь военными задачами, забрасывает свои хозяйственные центры—усадьбы и переселяется со своими министерялами за зубчатые стены замков, а крестьянские повинности с начинающимся развитием торговли и городов переводятся на деньги; барские запашки тоже за известный денежный оброк сдаются в общинное владение ближайшим крестьянским селениям; натуральное хозяйство мало-помалу уступает место денежному, наконец, денежный оброк фиксируется и с каждым десятилетием становится легче вследствие последовательного падения ценности денег.

Нашей задачей было дать понять о времени натурального хозяйства и наибольшего развития крепостного права.

Алексей Кедров.

XXIV. Французские города в средние века

Упадок городов в варварских государствах

Варварским государствам, основанным германскими племенами на развалинах Западной римской империи, досталось в наследство значительное количество городов, когда-то богатых и оживленных, служивших центрами не только управления, но и весьма развитой в то время промышленности и торговли, и даже просвещения. Особенно много таких городов было в Галлии, где одних *civitates* (крупных городов, пользовавшихся самоуправлением) насчитывали до 112, не говоря уже о мелких укреплениях (*castra*). Кроме того, уже в первую половину средних веков стали возникать и новые города: чаще всего окрестное население стекалось под защиту стен замка или укрепленного аббатства, вокруг которых таким образом возникал город: такова история, между прочим, Монпелье на юге Франции, Брюсселя и Гента на севере. Такому сосредоточению населения в укрепленных местах немало способствовали в IX в. частые нашествия норманнов, которые опустошали страну и разоряли ее жителей: этим нашествиям обязан своим возникновением и первоначальным развитием, напр., г. Сент-Омер. Иногда города вырастали вокруг вновь возникшего рынка, в поместьях того или иного феодального владельца.

Таким образом, с самого начала средневековой истории Франции в этой стране не было недостатка в городах. Но в то же время все складывалось в высшей степени неблагоприятно для населения этих городов. Городские центры сразу потеряли свое прежнее значение, так как варварские короли и их приближенные, крупные землевладельцы как германского, так и галло-римского происхождения,—одним словом все, что составляло высший класс общества того времени, расселилось по своим поместьям, оставивши на долю городов низшие слои населения—купцов и ремесленников, труд которых презирали варвары-пришельцы. Торговля стала быстро приходить в упадок: ей был нанесен решительный удар уже одним фактом уничтожения Западной римской империи, которая соединяла в одно целое добрую

Пособия. *Guizot*, Histoire de la civilisation en France; *Luchaire*, Manuel des institutions francaises; *Aug. Thierry*, Lettres sur l'histoire de France; *Luchaire*, Les communes francaises a l'epoque des Capetiens directs; *Lavisse et Rambaud*, Histoire generale, t. III.

половину культурного мира того времени, облегчая этим торговые сношения и обмен продуктов различных частей этого великого целого, предоставляя к услугам купцов превосходные дороги и иные пути сообщения, о которых так заботились римские императоры. Не в лучшем положении очутилась и промышленность: германские завоеватели еще не совсем вышли из того первоначального момента экономического развития, который носит название натурального хозяйства и характеризуется тем, что каждый сам производит все предметы, нужные для удовлетворения его простых и несложных потребностей; к услугам же наиболее значительных и богатых из них были рабы и население поместий, которое доставляло своему господину все необходимое для жизни, еще не совсем утратившей свою первобытную грубость. Что касается туземцев, то общий уровень их быта должен был значительно понизиться уже потому, что они сами опустились в положение завоеванных и только очень немногим из них удалось удержаться в верхних слоях общества рядом с завоевателями, с которыми они и слились впоследствии. Промышленность пала, и скоро почти единственным промыслом, значение которого в жизни не только не утратилось, но еще и увеличилось, осталось земледелие; лучшим доказательством этой перемены в экономической жизни населения служит то, что горожанам пришлось взяться за плуг и обрабатывать окрестности своего города не хуже поселян.

Упадок городов выразился не только в торговом и промышленном затишье, наступившем после завоевания Западной римской империи германскими племенами, не только в понижении материального благосостояния горожан. Рядом с этим неуклонно шло и ухудшение в юридическом положении городского населения. Оно должно было подчиниться тем же условиям, которые мало-по-малу привели весь мелкий люд средневекового государства в зависимость от крупных землевладельцев, этих «государей в своем поместье». К концу X-го века во французских городах почти не оставалось свободных людей: почти все они слились с деревенским населением в одну общую массу безправных сервов, «обывателей» (*manants, manents*), к которым с таким презрением относились бароны и рыцари и которых духовные проповедники настойчиво убеждали отдавать кесарево кесареви, безропотно и безпрекословно подчиняться своим земным господам.

Каждый город превратился в собственность какого-нибудь феодального владельца, в большинстве случаев епископа, который еще во время римской империи пользовался значительным влиянием и авторитетом среди городского населения. В некоторых городах власть делилась между несколькими господами; так, например, Арль в XII в. представлял собой собственно четыре отдельных города: 1) кремль (*cite*), принадлежавший архиепископу; 2) старый город (*vieux bourg*), который делили между собой граф прованский, архиепископ и семейство Порселле; 3) рынок, зависевший от архиепископа, который половину его отдал в лен виконту марсельскому, а другую половину вилге арльскому, и, наконец, 4) новый город (*bourg neuf*) — владение сеньера *des Vaux*.

Положение вилланов

Положение массы населения в средневековом обществе, которое признавало только два класса людей, имеющих значение и пользующихся благами жизни, — феодальных владельцев, баронов и духовенство, было в высшей степени тяжелое и безотрадное. Эти несчастные сервы и вилланы во всем зависели от своего сеньера, который мог их «сжарить и съесть», по выражению немецкой поговорки, мог их «убить и изувечить», как гласила соответствующая

шая французская пословица. Вилланы несли тяжелые повинности в пользу феодального владельца, платили ему всевозможные подати и пошлины, работали на него барщину, подчинялись его суду и управлению; хуже всего было отсутствие каких бы то ни было гарантий, полный произвол, который мог проявлять барон по отношению к своим подданным: благодаря этому, ничто не сдерживало жестокости и корыстолюбия феодального владельца в том или другом отдельном случае. Вот какими чертами описывает их положение Готфрид де Труаес: «Крестьяне, которые работают за всех и трудятся безпрестанно, во все времена года, которые предаются рабским занятиям, презираемым их господами, находятся в постоянном угнетении для того только, чтобы доставлять другим пищу и одежду, а также средства для их безпутной жизни. Их преследуют пожарами, грабежом и войной; их бросают в темницы и накладывают на них оковы, а потом заставляют платить выкуп, или же морят голодом и подвергают всевозможным пыткам... Несчастные кричат, их вдовы плачут, сироты стенают, а кровь мучеников льется...» Любопытен в этом отношении документ, составленный Варином, епископом г. Бовэ и предложенный им королю Роберту (996—1031); по мысли составителя этого проекта, все феодалы должны бы были дать следующую клятву: «Я не стану отнимать (у поселян) ни быка, ни коровы, никакой другой скотины; я не буду хватать ни крестьянина, ни крестьянки, ни купца; я не буду отбирать у них денег и заставлять их платить выкуп. Я не хочу, чтобы они лишались своего имущества из-за войны, которую ведет их сеньёр; я не буду подвергать их ударам, чтобы отнять у них средства к существованию. С первых чисел марта и до праздника Всех Святых я не буду хватать ни коня, ни кобылы, ни жеребенка, пасущихся на лугу; не буду разрушать и жечь домов, разорять мельниц, не окажу покровительства никакому вору». Стоит только в этом отрывке заменить слова: «я не стану отнимать» словами: «я отнимаю», «я не буду хватать» — «хватаю», и вместо идеала, который, конечно, никогда не мог быть достигнут в эту эпоху, мы получим печальную действительность, от которой так страдали средневековые вилланы.

Внешний вид города

Итак, история средневековых городов начинается картиной полного их упадка: сразу же был подрезан нерв, которым живет и держится трудовое население города, — торговля и промышленность. Само собой разумеется, что обстоятельства, последовавшие за водворением германцев в Галлии, могли только еще более ухудшить положение городов: борьба мелких германских государств друг с другом, поглощение их франкской монархией, междоусобия и неурядица меровингской эпохи, распад франкской империи и междоусобия Каролингов, постоянные набеги арабов с юга и норманнов с севера и запада — все это не могло способствовать возрождению городов и подъему благосостояния их жителей. Вследствие недостатка безопасности, отсутствия крупных центров и упадка промышленности наступает продолжительное затишье в торговле. Исключение составляют лишь некоторые южные города, в которых никогда не прекращаются торговые сношения с Италией, Грецией, Востоком. В остальных же французских городах население беднеет, и численность его заметно сокращается. Самая территория многих городов суживается. Город перестал быть промышленным, торговым и культурным центром; он сделался по преимуществу укрепленным местом; в интересах же защиты требовалось сократить по возможности крепостную территорию — вот почему во многих городах (например, в Париже, Бордо, Пуатье и др.) обширные пространства, которые были заселены во времена римской империи, в начале средних ве-

ков оставляются за чертой городских стен. Внутри этих стен население скучивается как можно теснее: чтобы сберечь место, древний храм, как, например, в Перигё, превращают в крепостную башню; арена римского цирка (в Ниме) застраивается домами, и на её месте образуется, таким образом, целый квартал; дома растут вверх, а не в ширину, и каждый верхний этаж выдается над предыдущим, нависая над улицей, и без того тесной и узкой. Так выработалась физиономия типичного средневекового города, сохранившаяся в старинных кварталах многих западно-европейских городов и до сих пор.

Возрождение промышленности и торговли

Но вот, наконец, брожение, поднятое великим переселением народов, окончательно улеглось; из хаоса стали выясняться определенные очертания средневекового государства и общества; установился мало-по-малу известный порядок, — правда, мало удовлетворительный на наш взгляд, но все-таки порядок, определенный и устойчивый, выработавшийся в полном соответствии с сознанием и потребностями людей того времени. Установилась относительная тишина и спокойствие, отношения людей друг к другу получили характер определенный, нормальный, и жизнь вошла мало-по-малу в свою обычную колею. Снова началось медленное поступательное движение вперед, развитие, которое как будто было приостановлено катастрофой варварского нашествия и разрушения римской империи на западе: по крайней мере, за ним трудно было следить в первые века последовавшего за этой катастрофой хаоса и брожения, которым обыкновенно сопровождается установление нового строя жизни на развалинах разрушенного старого порядка.

В связи с общим развитием шло и торгово-промышленное развитие Франции и других европейских стран. Население увеличивалось, его потребности росли вместе с ростом благосостояния, улучшением и осложнением жизни, а также в зависимости от общего повышения уровня культуры; между отдельными местностями завязывались и крепились торговые сношения, которые становились все более и более оживленными. Значительный толчок развитию ремесл и торговли был дан знакомством западно-европейского христианского общества с восточной арабско-мусульманской культурой; эти два мира постоянно сталкивались в Испании, где шла непрерывная борьба христиан с маврами, и на востоке, куда европейцы совершали паломничества, а впоследствии крестовые походы; а за пилигримом и крестоносцем обыкновенно по пятам следовал купец, воинский стан часто превращался в ярмарку, и кровавая борьба с оружием в руках всегда порождала мирные торговые сношения. Востоку Европа обязана знакомством с целым рядом новых предметов (преимущественно предметов роскоши), которые с тех пор вошли в употребление и оживили не только торговлю, но и европейскую промышленность. Оживлению торговли во Франции способствовало, кроме того, еще и завоевание Англии Вильгельмом нормандским (1066 г.) — событие, надолго связавшее обе эти страны.

Таким образом возродилась промышленность и торговля в западной Европе, и с половины средних веков и та и другая стали быстро развиваться. Были, правда, обстоятельства, несколько стеснявшие это развитие; в то время денег в обращении находилось сравнительно мало; с другой стороны, и кредит был слабо развит: христианская мораль осуждала отдачу денег в рост и взимание процентов; этим сначала занимались исключительно евреи, а они, находясь в угнетении и подвергаясь постоянным преследованиям и вымогательствам, в накоплении денежных богатств видели единственное средство борьбы с христианским об-

ществом; рискуя часто потерять свой капитал, отданный в рост, они, естественно, стремились вознаградить себя за этот риск огромными процентами. Все это вместе взятое делало кредит, столь необходимый в торговле, чрезвычайно дорогим: обычный процент в средние века был от 40 до 60 на сто, а иногда и значительно выше; рассказывают, что один английский аббат занял 25 фунтов, а через 4 года его долг возрос до 840 ф. Провоз товаров на каждом шагу встречал различные затруднения: дороги и мосты находились иногда в самом плачевном состоянии; кроме того, купец всегда мог опасаться вооруженного нападения, рискуя не только имуществом, но и жизнью. На пути встречалась масса застав, у которых приходилось платить пошлину: чтобы провезти товар по всему течению Луары, нужно было 74 раза оплачивать его пошлиной (правда, большей частью весьма незначительной), на Гаронне—70 и на Сене с Роной—60 раз! И тем не менее торговля развивалась, так как жизнь брала свое, постоянно шла вперед, постепенно ослабляя все эти препятствия, вырабатывая все новые и новые средства для борьбы с ними. При этом необходимо иметь в виду одно обстоятельство: торговля в средние века сильно страдала вследствие раздробленности и страны, и народа, распавшихся на множество маленьких, обособленных друг от друга миров: никогда, может быть, не существовало такого множества мелких перегородок, разделявших и людей, и землю, как в то время; но за то в средние века не было высоких китайских стен, которые в новое время стали отделять одно государство от другого, а это значительно облегчало международные сношения: приходилось очищать товар пошлиной при проезде через каждое феодальное поместье, через каждый город, но эти сборы были ничтожны, и купцу не угрожали, как теперь, громадные покровительственные пошлины на границе между двумя государствами, потому что таких границ не существовало: в XII или XIII в. трудно было сказать, где кончается Франция и где начинается Испания, Англия, германская империя или Италия. Нормандия, Прованс и Бургундия в то время не были слиты в одно государство, и жители их не составляли одной и той же нации; поэтому сношения между ними были несколько затруднены; но в то же время рыцарям или купцам различных стран ничто не мешало войти в непосредственные сношения и соединиться вместе для достижения какой-нибудь общей цели. Вот почему в средние века были возможны такие своеобразные явления, как крестовые походы, в которых участвовали люди различных национальностей, или как торговые союзы в роде знаменитой балтийской Ганзы или лондонской, считавшей в числе своих членов множество иностранных городов. Такой же международный характер имеют и большие средневековые ярмарки. Эта эпоха по справедливости считается золотым веком ярмарок: никогда они не были такими оживленными, такими пестрыми по своему составу, как в средние века; на ярмарке Lendit, которая происходила на С.-Денисской равнине, каждый французский город имел свое место и своих представителей; в Бокэр ежегодно стекались купцы из Барцелоны, Генуи, Венеции, Константинополя, Александрии, Леванта, Туниса, Марокко. В Шампани, являвшейся центром для западно-европейской торговли того времени, ярмарки следовали одна за другой почти непрерывно; здесь можно было встретить не только французов из Бретани, Прованса, Анжу и Гаскони, но и фламандцев, и немцев из южных и прирейнских областей, и италианцев, и испанцев, и англичан.

Городские корпорации

Итак, продолжительный застой в области торговли и промышленности уступает, нако-

нец, место оживлению, все более и более увеличивающемуся. С воцарением Капетингов во Франции торговля начинает расти и крепнуть, а вместе с нею растет и благосостояние горожан, крепнут их силы. Препятствия, которые эти люди встречают на своем пути, заставляют их лишь сплотиться для более успешной борьбы с ними. Безправные купцы и ремесленники, угнетаемые у себя дома феодальным владельцем и подвергающиеся безчисленным опасностям за пределами своего города, естественно соединяются в группы для взаимной поддержки и помощи. В наше время во всяком благоустроенном государстве существует сильная правительственная власть, которая обладает громадными средствами для заботы об общем благе, для защиты слабого от обид и насилий со стороны сильного, для ограждения прав и интересов каждого. Средневековое государство такой власти не знало: там всякий барон был «государем в своем поместье» и, являясь скорее помещиком, чем государем, заботился не о благе подвластного населения, а о том, как бы повыгоднее его эксплуатировать. Постоянные распри баронов друг с другом делали войну нормальным явлением в то время; право сильного одерживало верх над всяким другим правом; защиты искать было негде, и слабым не оставалось никакого другого средства для ограждения себя и своего имущества от насилий, как соединиться вместе. И действительно, мы видим, что в ту эпоху чрезвычайно развиты были всякого рода товарищества, союзы и общества. Даже среди духовенства они были широко распространены в виде монашеских общин и капитулов, братских союзов нескольких капитулов, а также соединений многих аббатств под главенством одного из них, являющегося как бы метрополией. Если даже это привилегированное сословие прибегало к союзам для взаимопомощи, то тем более нуждался в них мелкий люд, населявший средневековые города. К концу XI и началу XII в. в этих городах почти повсеместно появляются гильдии, присяжные общины (*conjurations*), братства, дружества, беседы (*bauquets*) и другие корпорации под различными наименованиями. Всех их можно разделить на три категории: торговые, промышленные и религиозные. Купцы соединялись в общества не только для защиты друг друга от насилий со стороны баронов, но и для взаимной помощи на случай пожара или гибели судов, а также для того, чтобы монополизировать торговлю в известной области. Так возникли корпорации суконщиков, менял, «водяных купцов» (*marchands de l'eau*) и пр.; эти общества представляли собой купеческую аристократию города, члены их были более или менее крупные капиталисты. В свою очередь и люди, занимающиеся одним и тем же ремеслом, соединялись вместе для взаимной помощи, поддержки и защиты во имя общих интересов. Кроме того, среди горожан составлялись братства с религиозной и благотворительной целью. Каждое братство выбирало себе в патроны какого-нибудь святого, память которого оно благоговейно чтит церковными службами, религиозными процессиями и общими трапезами, принимавшими часто характер веселого, разгульного пиршества; братчики помогали друг другу в случае болезни, увечья, смерти и других бедствий. Часто такой религиозно-благотворительный характер имели корпорации купцов и ремесленников. Наконец, в XI в. церковь стала устраивать «общества мира» с целью хотя несколько ограничить частные войны феодалов; эти общества, в которых участвовали и горожане, имели свою казну, выборных должностных лиц, судебный трибунал и даже войско, чтобы силой заставлять феодалов подчиняться правилам «Божьего мира», установленного еще в предшествовавшем столетии. Существование подобных организованных обществ имело громадное значение для горожан и оказало заметное влияние на их дальнейшую судьбу. В этих товариществах и братствах они соединялись во имя об-

щей цели и общих интересов, присягали верой и правдой служить общему делу и помогать своим собратам; они устраивали собрания, на которых обменивались мыслями, обсуждали свое положение и придумывали средства для достижения намеченной цели; они составляли общественные кассы и выбирали должностных лиц, представителей корпорации, которые действовали от ее имени и стояли на страже ее интересов;—все это превращало кучку безправных сервов, из которых каждый в отдельности был жалким ничтожеством в глазах феодала, в организованную общественную силу, с которой этому самому феодалу волей-неволей приходилось считаться. Правда, организация эта предназначалась для достижения мелких целей во имя специальных интересов; но могло наступить время, когда она пригодится и для иной, более высокой и крупной цели.

Возстания городского населения

И такое время скоро наступило. Мы видим, что материальное положение горожан стало заметно улучшаться; в руках некоторых из них накапливались более или менее значительные капиталы; это обстоятельство вместе с образованием среди них организованных обществ придавало городским купцам и даже ремесленникам некоторую фактическую силу и влияние. А между тем их юридическое положение оставалось все то же: попрежнему они оставались подданными феодального владельца, попрежнему их сеньёр мог с ними сделать все, что ему вздумается, мог грабить их и притеснять, требовать совершенно произвольных податей и повинностей, мог издеваться над их человеческим достоинством. Естественно, что такое ненормальное положение не могло долго существовать, тем более, что с каждым годом эта ненормальность становилась сильнее и резче. Феодальный гнет был так силен, с такою тяжестью давил на безправную массу населения, что даже крестьяне не раз пытались от него освободиться. Еще в конце X в. произошло возстание крестьян, охватившее чуть не всю Нормандию; такие возстания не раз повторялись и в последующие столетия, вплоть до знаменитой жакерии в середине XIV в.; но судьба всех этих движений была большей частью весьма печальна—бароны подавляли их с страшной жестокостью, и положение крестьян оставалось прежним. Но то, что не удавалось жалкому, забитому Жаку Боному, озверевшему от постоянного гнета и нищеты, то удалось материально обеспеченному купцу-горожанину, который стал уже привыкать к некоторой свободе и давно уже научился энергично бороться во имя своего интереса, дружно действуя с своими собратьями по торговле или ремеслу для достижения общей цели. С половины XI в. и особенно в течение XII в. в разных городах Франции, сначала южных, а потом северных, начинают вспыхивать возстания городского населения против феодальных владельцев¹. Вот история одного из них, наиболее богатая драматическими подробностями.

Ланская коммуна

Город Лан (Laon) к концу XI и началу XII в. был одним из крупных северно-французских городов. Принадлежал он епископу. Ланская кафедра представлялась заманчивой целью для происков разных влиятельных и богатых людей. Благодаря интригам и подкупам, во главе епархии становились часто люди недостойные, жестокость и алчное корыстолюбие которых делало их правление невыносимым для жителей города. Трудно себе представить,

¹ Самые ранние из известных в истории случаев возстания горожан и дарования им самоуправления относятся, правда, к 957, 967, 984 и 1003 гг., но это были очень редкие исключения: разгар освободительного движения приходится на конец XI и начало XII-го века.

что происходило в Лане в это время! Знатные со своими служителями открыто разбойничали, с оружием в руках нападая на мирных граждан; всякий прохожий не только ночью, но даже среди белого дня подвергался опасности быть ограбленным, даже убитым. В свою очередь и горожане творили всевозможные насилия над крестьянами, приходившими в город на рынок: они заманивали поселян в свои дома и выпускали их оттуда, только получивши выкуп, точь в точь как это делали рыцари в своих крепких замках. Правительство епископа не только не боролось с этим злом, но даже освящало его своим примером: на граждан накладывались произвольные подати, которые всячески вымогались с них; тех, кто не в состоянии был уплатить эти подати, бросали в тюрьму. Награбленные таким образом деньги делились между епископскими чиновниками и городской знатью, с которой они большей частью состояли в родстве. Положение дел еще ухудшилось с тех пор, как епископская кафедра в Лане сделалась вакантной. Оно, впрочем, нисколько не стало лучше и тогда, когда, наконец, в 1106 г. в город явился новый епископ, некто Годри. Это был нормандец по происхождению, искатель приключений и приспешник Генриха I английского. Получивши, благодаря подкупу, ланскую епархию, он и в новом своем сане сохранил прежние привычки заносчиваго и наглаго воина; больше всего любил он говорить о сражениях и об охоте, об оружии, о лошадях и собаках. Среди его слуг был негр, один из тех черных невольников, которые с первого крестового похода стали входить в моду при дворах феодалов. Годри употреблял своего негра в качестве палача для пыток и казни не понравившихся ему горожан. Первым актом его правительственной деятельности в Лане была казнь одного буржуа, осмелившегося осуждать нового епископа. Вслед за тем он приказал в собственном доме выколоть глаза другому несчастному, которого заподозрили в сношениях с врагами епископа. В 1109 году в кафедральном соборе было совершено убийство, в котором оказался замешанным сам епископ. Граждане заволновались и стали собирать сходки, на которых решили, во что бы то ни стало, освободиться от тирании и получить право самим выбирать должностных лиц, другими словами, установить в своем городе коммуну; такая коммуна уже существовала в Нуайоне с 1108 года, и оттуда постоянно приходили вести о прелестях этого нового коммунального устройства, при котором в городе воцарился мир, правда и законность. В это время Годри отлучился в Англию, и ланской епархией управляли клирики и рыцари, к которым и обратились жители города; за приличную сумму те согласились даровать Лану самоуправление, видя в этом лишь случай сразу сорвать хороший куш и нисколько не думая о будущем. Явился епископ и, тоже соблазненный деньгами, дал свое согласие, отказавшись за себя и за своих преемников от сеньориальных прав на город. Чтобы окончательно укрепить за собой свободу и самоуправление, ланские горожане отправили послов с богатыми подарками к королю Людовику VI. Они обязывались платить королю ежегодно известный взнос и, кроме старинных повинностей военной (*ost et chevauchee*) и судебной (*cour pleniere*), предоставляли королю право приезжать в город три раза в год и кормиться на городской счет со своей свитой (*droit de gite*) или же каждый раз получать вместо этого 20 ливров; с своей стороны король в подтверждение коммунальной грамоты приложил к ней свою большую печать и даровал горожанам право судиться на месте и обещал ни в каком случае не вызывать их для суда за пределы родного города, что обыкновенно составляло для населения весьма значительную тягость.

Уничтожение коммуны

Повидимому, все шло хорошо. Жители Лана добились, наконец, желанной свободы и самоуправления. Они заручились не только согласием своего сеньёра-епископа, но и покровительством самого короля. Прошло уже около трех лет, в течение которых горожане успели вполне оценить все преимущества нового порядка управления и даже несколько привыкнуть и привязаться к благам недавно приобретенной свободы. Если и раньше они способны были на энергические усилия, чтобы добиться этой свободы, которую они знали только по наслышке и о которой могли только мечтать, то тем более они готовы были бороться за нее теперь, когда они на собственном опыте убедились, что значит не зависеть ни от чьего произвола и самим заботиться о своих интересах, когда у них явилась уверенность, что никто не может прийти и отнять их имущества или посягнуть на их личность, а если и найдется такой человек, то он будет наказан, как преступник, а нарушенное право его жертвы будет восстановлено. Трудно, очень трудно было бы теперь заставить их отказаться от самоуправления и вернуться в прежнее состояние. А между тем как раз в это время епископ Годри задумал произвести такую попытку. Он уже раскаивался в том, что отказался от своих феодальных прав на город и тем лишил себя источника постоянных доходов, к которому, бывало, мог прибегать, когда вздумается. О том, что он продал свои права за крупную сумму и таким образом капитализировал свои доходы, епископ перестал думать, как только эти деньги были истрачены, что случилось очень скоро. Его настроение вполне разделяли рыцари, жившие в городе и его окрестностях: им также пришлось прекратить свои грабежи и безчинства над горожанами. Проклятая коммуна у всех у них была, как бельмо на глазу; нужно было ее уничтожить. Но сделать это без ведома короля было бы опасно. И вот Годри употребляет все усилия, чтобы привлечь короля на свою сторону. В апреле 1112 года, по его приглашению, Людовик VI является в Лан в страстной четверг со своим двором и свитой, чтобы встретить там праздник Пасхи. Епископ с таким усердием начинает убеждать короля и его советников уничтожить коммуну, что даже забывает свои архипастырские обязанности и не появляется в церкви. Встревоженные дошедшими до них слухами горожане предлагают королевским советникам 400 ливров, чтобы те стояли за их правое дело. Тогда епископ предлагает 700 ливров; его аргументы оказываются, таким образом, более вескими и убедительными, и судьба коммуны решена. Коммунальная хартия (грамота) была объявлена уничтоженной, выборные городские власти получили приказ от имени короля и епископа сложить с себя свои обязанности, выдать городскую печать и знамя; было запрещено звонить в висевший на башне колокол, которым открывались и закрывались их заседания. Таким образом, ланская коммуна была уничтожена, несмотря на то, что признавать и уважать ее клялись за себя и за своих преемников не только епископ, но и сам король. Впрочем, совесть их могла быть спокойной: Годри своей епископской властью разрешил от клятвы и себя, и всех других, когда-то присягнувших коммуне. Легко себе представить, какое впечатление произвело все это на горожан; волнение, возникшее среди них, приняло настолько угрожающие размеры, что король нашел более благоразумным переехать на всякий случай из того дома, где он остановился, в епископский дворец. На рассвете другого дня он поспешно выехал из Лана со всей своей свитой, так и не дождавшись Светлого праздника, для которого он приехал сюда. Негодование народное достигло крайних пределов, когда узнали, что епископ со своими друзьями решил собрать обещанные королю деньги с самих горожан и притом распределить этот сбор так, чтобы каждый

дал на уничтожение коммунальной свободы ровно такую же сумму, какую он заплатил за ее приобретение. Епископу Годри мало было поработить снова жителей г. Лана, он хотел еще надругаться над ними.

Бунт в Лане

Горожане заволновались, стали собираться тайные сходки, и на одной из них 40 человек поклялись убить епископа и его приспешников. Стали проявляться весьма зловещие признаки, свидетельствующие о наступающей грозе. Годри получил даже прямое извещение о составившемся заговоре против него, но отнесся к этому с хвастливым пренебрежением: в его глазах горожане представлялись презренной сволочью, на угрозы которой не стоило даже и обращать внимания. Что могут они сделать со своими возмущениями? «Если бы Жан, мой негр, говорил епископ, вздумал взять самого опасного из них за нос, то бедняга не осмелился бы даже ворчать на это. Я заставил их отказаться от того, что они называют своей коммуной, и мне без труда удастся принудить их к спокойствию». Однако Годри ошибался: справиться с народной яростью оказалось труднее, чем он думал. В четверг на Святой в городе поднялся страшный шум; под окнами епископского дворца стали раздаваться все усиливавшиеся, грозные крики: «коммуна, коммуна!» Толпа горожан, вооруженных, чем попало, быстро увеличиваясь, заняла все соседние здания и стала осаждать дворец епископа. При первых же известиях о бунте рыцари, обещавшие Годри свою помощь в случае надобности, стали стекаться со всех сторон; но народ перебил их в одиночку по мере того, как они приходили. Наконец, дом епископа был взят приступом, и Годри едва успел переодеться в платье своего слуги и спрятаться в погребе, в бочке, которую он закрыл над собой. Но и это не спасло его; разъяренные горожане скоро открыли его убежище, и один из преследователей, подойдя к бочке, стал стучать в нее палкой и спрашивать: «Есть ли там кто-нибудь?» — «Здесь томится несчастный пленник», отвечал из бочки дрожащий голос. Но епископа тотчас узнали и вытащили за волосы. Его поволокли на улицу, осыпая ударами. Несчастный все время молил о пощаде, предлагал поклясться на Евангелии, что откажется от епископства, сулил отдать все деньги, какие у него были, обещал даже навсегда покинуть страну. Но ничто не помогало: его не слушали, и единственным ответом на все его мольбы и обещания были новые удары и проклятия. Наконец, один горожанин нанес ему топором смертельный удар в голову, и почти в то же время другой удар разсек ему лицо. Годри отрубили палец, на котором блестел его епископский перстень. Тело несчастного, с которого сорвали всю одежду, оставили валяться на улице, и каждый, проходя, бросал в него камнями и грязью, издевался и проклинал покойного епископа. Долго еще после этого неистовствовала городская чернь, давая волю накопившемуся чувству озлобления; с яростью она набрасывалась на всякого, кого считала подозрительным, и беспощадно грабила и жгла дома своих врагов.

Разграбление Лана

Наконец, страсти народные улеглись; прежние обиды и насилия были отомщены, враг уничтожен, и наступила пора спокойно оглядеться кругом, разобраться в том, что произошло, подумать о будущем. А будущее это не представляло ничего утешительного: без всякого сомнения, король примет энергичные меры, чтобы наказать возмущившихся жителей г. Лана, которые осмелились ослушаться королевского распоряжения и к тому же совершили целый ряд преступлений. О защите собственными силами против могущественного ко-

роля нечего было и думать; надобно было или смириться, или найти себе защитника, который бы мог померяться с королем. Последнее мнение одержало верх, и горожане обратились за помощью к личному врагу Людовика VI, Томасу де-Марль. Это был типичный феодал своего времени, не признававший никакой власти над собой, энергичный и жестокий, всегда имевший под рукой значительную военную силу и употреблявший ее часто для грабежа и разбоя на больших дорогах: немало купцов и пилигримов томилось в мрачных, сырых подземельях его замка, где их пытали, чтобы вымучить побольше денег. За хорошее вознаграждение он согласился помочь гражданам Лана; но и этот неустрашимый рыцарь не находил возможным защитить город от королевских войск: он предложил жителям Лана в виде надежного убежища свои владения. Значительное большинство их приняло предложение де-Марля, и часть ланского населения переселилась в его замок Креси, часть в бург Ножан. Окрестные жители, узнавши о том, что Лан оставлен без защиты, стали во множестве приходить туда в надежде на добычу. Сам отец Томаса, сир де-Куси, лично привел с этой целью своих крестьян и вассалов; «и хотя они явились последними», замечает один современник, «но добычи нашли почти столько же, как если бы раньше их туда никто не являлся». В свою очередь и приверженцы епископа подняли голову и не упустили случая выместить на оставшихся горожанах то, что они вытерпели от них во время возстания: они произвели страшную резню на улицах, нападали на несчастных буржуа в их собственных домах, преследовали их даже в церквях; многих повесили, других привязывали к хвосту лошади, которую потом пускали вскачь. О грабеже и говорить нечего: брали все, что только попадалось под руку, даже громоздкую мебель, не брезгали и дверными замками. Наконец, против горожан и их защитника выступила духовная и светская власть: Томас де-Марль был объявлен в опале и отлучен от церкви; к его врагам присоединились некоторые соседние бароны и между ними родной его отец. Де-Марль отбивался, как мог, и беспощадно разорял монастыри и духовные владения. Сам король осадил его замок Креси и при помощи ополчения, собранного из местных жителей, заставил его сдаться на капитуляцию. Де-Марль должен был принести присягу, дать залог и уплатить значительный выкуп; с горожанами же ни в какие сделки не вступали: их просто повесили. Та же участь постигла и укрывшихся в Ножане. Тела их были брошены на съедение собакам и птицам. Вслед за тем король вступил в Лан и водворил там мир. Совершены были разные очистительные церемонии и употреблены меры к восстановлению разрушенных церквей. Архиепископ реймский нарочно прибыл в город, чтобы отслужить торжественную обедню за упокой душ всех тех, кто погиб в дни возстания; во время церковной службы он произнес горожанам красноречивую проповедь на текст из 1-го послания ап. Петра: «Рабы, со всяким страхом повинуйтесь господам своим, не только добрым и кротким, но и злым».

Последующая история Лана

Так кончилась первая часть той кровавой драмы, какую представляет собой история Лана в эту эпоху. Но стремление к свободе, которой уже успели вкусить горожане, было так велико, зависимое положение так невыносимо, что, несмотря на жестокую расправу, волнения скоро возобновились. И вот, в 1128 году один из преемников Годри, опасаясь новой революции, вторично даровал жителям г. Лана самоуправление на прежних началах. Грамота, данная этим епископом, была также утверждена Людовиком VI. Характерно, что при этом решили не употреблять ненавистного слова «коммуна», и новое свободное устрой-

ство городской общины было названо «учреждением мира» (*institutio pacis*).

Около полустолетия после этого Лан наслаждался миром и спокойствием под защитой своих свободных учреждений. Но когда в 1175 г. епископом сделался Рожер де-Розуа, он снова стал стремиться к уничтожению коммуны. Так как Рожер был силен своими связями с окрестными феодалами, большей частью его родственниками, то и горожане решили обезпечить себе на всякий случай союзников; с этой целью они заключили договоры с коммунами городов Суассона, Велли и Крепи, а также вошли в сношение с королем Людовиком VII; тот за известную сумму денег дал им новую хартию, подтверждающую грамоту его отца. Епископ произвел попытку добиться своей цели с оружием в руках, но эта попытка не имела успеха. За то, когда в 1180 г. умер Людовик, он успел убедить его преемника Филиппа-Августа в правоте своего дела; главным аргументом были, конечно, деньги. В 1190 г. новый король издал указ, которым уничтожалась ланская коммуна, так как она нарушала права и вольности местной церкви; сделал это Филипп II «из любви к Богу и пресвятой Деве Марии», «желая избежать всякой опасности для своей души», а также для того, чтобы обезпечить себе «благополучный исход паломничества в Иерусалим, которое он должен предпринять». Однако уже в следующем году благочестивый король решил пренебречь спасением своей души и за приличное вознаграждение со стороны горожан восстановил коммунальную хартию. После этого прошло еще сто лет, в течение которых отношения между горожанами с одной стороны и епископом и членами местного духовенства—с другой, естественно, оставались натянутыми, что подавало повод к постоянным недоразумениям и даже столкновениям. В 1294 г. два рыцаря, родственники одного из клириков местного капитула, поссорились с каким-то буржуа и поколотили его в его собственном доме; на шум прибежали соседи и, вооружившись палками и камнями, стали преследовать рыцарей, которые обратились в бегство и нашли себе убежище в епископской церкви. У дверей церкви стал собираться народ, громко требуя выдачи преступников; капитул отказал им в этом. Тогда выведенная из себя толпа выломала двери, набросилась на обоих рыцарей и на того клирика, который впустил их в церковь, и избивала всех троих до полусмерти. Дело приняло весьма серьезный оборот: горожане оказались виновными в нарушении права убежища и в оскорблении святыни. В оскверненной кровопролитием церкви перестали совершать богослужение, из нея вынесли церковные сосуды со святыми дарами, епископ отлучил от церкви членов городского управления и наложил интердикт на весь город. Капитул принес жалобу папе Бонифацию VIII, который обратился к королю Франции с требованием уничтожить ланскую коммуну. Филипп IV Красивый назначил следствие, и на основании данных этого следствия, представленных в парижский парламент, коммуна в г. Лане была еще раз уничтожена. Впрочем, не так-то легко было уничтожить учреждения, просуществовавшие около двухсот лет и успевшие за это время сделаться привычными и даже необходимыми населению большого города; а что это население дорожило своей свободой и умело за нее постоять, видно из предшествующей истории города Лана. Возвращение ланских горожан в прежнее положение безправных сервов, подчиненных произволу феодального владельца, представляло бы теперь вопиющий анахронизм; с другой стороны, новый порядок, при котором все население государства непосредственно подчиняется центральному правительству, еще не созрел и не установился в определенные, прочные формы. Как бы то ни было, парламентский указ не был приведен в исполнение: капитул должен был удоволь-

ствоваться денежным вознаграждением и очистительными обрядами со стороны горожан, а этим последним была оставлена коммуна, но под одним очень важным условием—лишь до тех пор, пока это будет угодно королю. С этого времени решающим моментом в истории ланского самоуправления окончательно делается король: при его дворе начинают усиленно ходатайствовать горожане о прочном утверждении коммуны, епископ—об ее полном уничтожении; успех этих ходатайств изменяется, смотря по обстоятельствам; главным средством для достижения успеха всегда являются деньги. В 1322 г. Карл IV уничтожил коммуны и передал юрисдикцию, принадлежавшую выборным должностным лицам, своему ланскому прево; впрочем, горожанам удалось добиться неисполнения этого указа, и тяжба между ними и епископом возобновилась. При Филиппе VI Валуа епископ просит о приведении в действие королевского указа во всей его силе, заявляя, что иначе произойдут великие бедствия и что в самом городе существует много людей, которые вовсе не желают коммуны,—обстоятельство, которое следует подчеркнуть. Сначала король не обращал внимания на эти ходатайства, но в 1331 г. издал ордонанс, которым собственно и заканчивается история ланской коммуны. Филипп VI в этом своем указе заявляет, что в последнее время в те промежутки, когда в Лане была уничтожаема коммуна, город пользовался вполне удовлетворительным управлением королевских чиновников, точно так же, как и другие города, в которых никогда не бывало коммуны. В виду этого отменяется коммунальное самоуправление г. Лана, и на будущее время всеми делами будет заведывать балли Вермандуа или его наместник. Кроме того, в Лан назначается городской прево, который будет решать все судебные дела; он же назначит ремесленного старшину (*maitre de tour les metiers*); для сбора сумм, необходимых на разные городские нужды, горожанам предоставляется выбирать из своей среды под руководством прево 6 доверенных лиц. Этим окончилась полная высокого драматизма борьба жителей г. Лана за свободу и независимость. Кровавые эпизоды встречаются и в летописях других городов, которые с таким же упорством стремились сбросить с себя гнет феодального произвола. Так, в Камбрэ установленная в 1076 г. коммуна несколько раз уничтожалась, но каждый раз горожане добивались ее восстановления. Еще до этого года они трижды возставали против своего сеньера, но безуспешно, при чем первое возстание в 957 г. было подавлено с чрезвычайной жестокостью: воины епископа, ворвавшись в город, перебили многих горожан, другим отрезывали ноги или руки, выкалывали глаза или же отправляли к палачу, который клеймил им лбы каленым железом.

Успех борьбы часто облегчался тем обстоятельством, что в городе был не один, а два или несколько сеньеров, которые сплошь и рядом соперничали друг с другом: случалось, что подданные одного феодального владельца во время возстания находили себе деятельного союзника в лице сеньера другой части города. В Оксерре, напр., граф дал свое согласие на установление коммуны на зло епископу, в Амьене же, наоборот, епископ стал на сторону горожан против графа.

Значение коммунального движения

История ланской коммуны типична для многих французских городов, но далеко не для всех. Не говоря уже о том, что во многих из них, как мы увидим ниже, никогда не было коммунального устройства, даже те, которые становились коммунами, достигали этого не всегда путем открытой борьбы. Не раз феодальный владелец города добровольно соглашался даровать своим подданным самоуправление, принимая близко к сердцу их интересы; ча-

сто он делал это для прекращения смуты или для того, чтобы предупредить волнения. При мерами могут служить города Нуайон и Сен-Кантен: жители первого из них постоянно ссорились с местным духовенством; тогда епископ (Бодри), желая прекратить эти ссоры, созвал всех жителей—клириков, рыцарей, купцов и ремесленников, и представил этому собранию грамоту, на основании которой в городе учреждалась коммуна. Это случилось в 1108 г. За несколько лет перед тем, в 1102 г., граф Вермандуа с целью предотвратить беспорядки, подобные происшедшим в соседнем городе Бовэ, даровал жителям С.-Кантена коммунальное устройство, признавать которое покаялись как духовные лица, так и рыцари. Некоторые феодалы, особенно светские, с течением времени начали понимать, что, предоставляя городу свободу, они способствуют благополучию горожан, а также процветанию всей местности, и таким образом не только ничего не теряют, но еще и выигрывают. Наконец, в большинстве случаев как мирного, так и революционного освобождения города деньги играли весьма значительную роль; оне часто делали феодала податливее, склоняли его к уступкам, оне же обеспечивали горожанам могущественных союзников до короля включительно.

Первые попытки городского населения выбиться из-под феодального гнета встретили, естественно, решительный отпор со стороны средневекового общества: оно было возмущено этим стремлением рабов сбросить с себя веками освященное рабское иго, оно видело в этом преступление, бунт, нарушение законов божеских и человеческих. «Коммуна, восклицает аббат Гиберт ножанский (в 1124 г.), слово новое, ненавистное! Благодаря ей, оброчники (*capite censi*) освобождаются от всякой зависимости и взамен этого платят лишь обыкновенную ежегодную подать; благодаря коммуне, за преступления они отвечают лишь штрафом, размеры которого точно определены законом; от всяких других денежных повинностей, которые несут рабы, они освобождаются». В 1099 г. Ив шартрский заявлял, что клятвы, данные горожанам, не должны никого связывать: оне не имеют силы, так как противоречат каноническим законам и постановлениям отцов церкви. По мнению парижского синода, коммуны устанавливают «дьявольские обычаи, направленные к ниспровержению судебной власти церкви». Понятно, что при таком отношении горожанам пришлось употребить громадные усилия, пролить немало крови и еще больше истратить денег, чтобы добиться желанной свободы. Но раз брешь была пробита, дело освобождения городов пошло быстрее: слово «коммуна» перестало быть новым и мало-по-малу вошло в сознание средневекового общества, и если оно еще долго оставалось ненавистным для многих, особенно для духовенства, то во всяком случае с городским движением пришлось считаться серьезно, как с явлением, которое совершается в силу каких-то глубоко лежащих жизненных условий и притом развивается постепенно и неуклонно, с каждым десятилетием становясь все более и более значительным. Чем больше было коммун во Франции, тем легче было устроить новую коммуну в каком-нибудь городе или вообще добиться свободы и самоуправления в той или иной форме. Освободительное движение становилось настолько могучим, что уже немногие феодалы решались, во что бы то ни стало, противиться ему; большинство предпочитало уступить, пойти на сделку, так или иначе предупредить могущее произойти возстание; при этом одними руководило корыстолюбие и жадность, другими—благоразумное понимание своих истинных интересов. К аналогичным результатам стали приводить и такие случайные на первый взгляд обстоятельства, как личные добродетели сеньёра, забота его о благе

своих подданных или же политический расчет: во Фландрии, напр., в 1127—28 гг. два соперника, заявившие права на это графство, старались превзойти друг друга в щедрой раздаче привилегий и вольностей местным городам, чтобы этим привлечь их на свою сторону. В том же направлении начала развиваться и политика королей и крупных сюзеренов. Правда, почти во всех этих случаях феодальные владельцы не дают своим городам полной свободы, а лишь обезпечивают их на будущее время от произвола в сборе податей и пошлин, в пользовании разнообразными повинностями в суде и в администрации.

Таким образом, мы видим, что далеко не все города с оружием в руках завоевали себе свободу и стали самостоятельными. Тем не менее открытая борьба горожан с феодалами занимает, бесспорно, видное место в истории освобождения французских городов: она во всяком случае кладет ему прочное начало; кровавые революции в том или другом городе представляют собой яркие признаки того, что вопрос этот достаточно назрел. Но чем более развивается освободительное движение, тем более мирный характер оно получает, встречая на своем пути все менее и менее препятствий и в то же время постоянно усиливаясь обстоятельствами, благоприятствовавшими ему. Первые крики: «коммуна, коммуна» резали ухо, возмущали общественное сознание; свободная самоуправляющаяся городская община казалась вопиющей несообразностью, так как нарушала исконные права, перепутывала обычные понятия. Но прошло несколько веков, и аномалией стало безправное, рабское положение городского населения, ничем не защищенного от произвола своего феодального владельца.

В конце концов все французские города освободились от феодального гнета; но степень и формы их свободы не везде были одинаковы. Здесь, как и во всем в средние века, царствовала удивительная пестрота и разнообразие. Несмотря однако на это, все освободившиеся города можно подвести под два основных типа: *коммуны* и *villes de bourgeoisie* (или *villes franches*).

Коммуна

Слово «коммуна» значит община, сообщество, члены которого присягают поддерживать и защищать друг друга, верой и правдой служить всему целому; отсюда такое устройство называется иногда «присяжной общиной» (*commune jurée*) или даже «заговором» (*conjugation*). В состав этой общины далеко не всегда входили все жители данного города. Во многих случаях членами коммуны были только владельцы недвижимого имущества в черте городского округа. Кроме того, в коммуну обыкновенно не принимались лица, опозоренные по суду, несостоятельные должники, больные проказой, незаконнорожденные, иногда — крепостные, лично зависящие от какого-нибудь сеньера. Жители города, принадлежавшие к привилегированным сословиям, на севере обыкновенно также не входили в состав коммуны; напротив, на юге они большей частью являются влиятельными членами городской общины: там города были богаче и крупнее, в них издавна жили и даже занимались торговлей многие рыцари и духовные лица, которые более или менее сливались с высшим классом торгово-промышленного населения города и зачастую участвовали в приобретении им независимости. Таким образом, коммуна являлась в некоторой степени обособленным мирком, ревниво оберегавшим права и привилегии, которые принадлежали ее членам. Чтобы вступить в эту привилегированную общину, нужно было заплатить известный взнос. С другой стороны, в виду тесной взаимной связи ее членов выступление из коммуны также

сопровождалось известными формальностями: раньше, чем выйти из коммуны, нужно было с ней разсчитаться.

Другими отличительными чертами коммуны, кроме взаимной связи ее членов, являются: свобода и самостоятельность, выражающаяся в полном самоуправлении, и определенные, точно установленные договорные отношения к бывшему феодальному владельцу города; условия этого договора выражены в особой грамоте, так назыв. коммунальной хартии, которую дает своим бывшим подданным, организовавшимся в свободную общину, их бывший сеньёр и которую для большей крепости подтверждает сюзерен этого сеньёра, чаще всего сам король—верховный сюзерен всей страны.

Устроивши у себя коммуну, горожане тем самым выходили из состава зависимой безправной массы населения и поднимались в верхний слой привилегированного феодального общества. Естественно при этом, что на организации свободной городской общины отразились характерные особенности современного общественного строя. Средние века знали только два класса людей: или лично зависимого человека—виллана, серва, «подлаго» обывателя, лишенного не только каких бы то ни было политических прав, но и в большей или меньшей степени прав гражданских; или же совсем свободного человека, свобода которого была сопряжена с известной, иногда весьма значительной долей политической независимости. Поэтому и коммуна получила характер независимой общины, наделенной некоторыми верховными правами, которые в новое время принадлежат лишь центральному правительству страны, в средние же века принадлежали всякому барону, бывшему полновластным государем в своей баронии. Коммуна сделалась таким же маленьким государством в государстве, каким было в то время любое феодальное владение, с той только разницей, что в баронии государем был барон, в коммуне же верховная власть принадлежала всей совокупности ее членов и осуществлялась выборными должностными лицами. Такие коллективные сеньёрии не были новостью в средние века: стоит только вспомнить многочисленные аббатства и капитулы. Как сеньёрии, городской общине принадлежала законодательная власть: ее выборные правители издавали распоряжения, имевшие силу закона для всего населения коммунальной области. Они были облечены также и судебной властью над членами общины (иногда, впрочем, с некоторыми ограничениями): в знак этого на границе коммунального округа ставилась виселица и позорный столб. Городские власти, подобно сеньёру, могут собирать подати и пошлины с подчиненного им населения. Коммуна имеет право войны и мира: она может воевать, для чего имеет свое войско—коммунальную милицию, может заключать союзы и всякие договоры с другими маленькими государствами, из которых состояло средневековое королевство; на юге, напр., города Арль, Авиньон, Марсель и сеньёр Барраль де-Бо заключили между собой в 1247 г. союз оборонительный и наступательный на 50 лет; в 1226 г. Арль посылает 12 депутатов для заключения «союза, дружбы и общения» с королем Франции Людовиком VIII. Символами коммунальной независимости являются печать и башня (*beffroi*), на которой висели призывные колокола. На вышке этой башни помещались сторожевые, которые зорко оглядывали горизонт и тотчас били в набат, как только замечали появление какой-нибудь опасности; в те же колокола звонили, чтобы призвать обвиняемых в суд, чтобы возвестить работникам о начале и конце рабочего дня, а всем жителям города о солнечном восходе или о том, что наступил час тушить огни. На звуки этого колокола иногда собирались граждане на вече для обсуждения

разных важных вопросов. В нижнем этаже башни помещалась зала, где заседал городской совет, а также муниципальный архив и арсенал. Если в каком-нибудь городе уничтожалась коммуна, то обыкновенно отбирали у мэра печать, снимали вечевой колокол, а самую башню разрушали до основания.

Сеньёр города

Так как коммуна приравнивалась к сеньёрии, то она должна была занимать определенное место в феодальной иерархии; нет барона, у которого бы не было сюзерена, — сам король держит свою землю от Бога, — и у коммуны был свой сюзерен (обыкновенно бывший феодальный владелец города или же король), который был обязан не только уважать ее права и привилегии, но и оказывать ей покровительство и защиту, в чем он торжественно присягал. С своей стороны, коммуна несла по отношению к этому сюзерену все обязанности настоящего вассала. Ее представители приносили сюзерену присягу, в которой клялись «верно служить ему и оберегать его тело, члены, жизнь и владения» от врагов; присяга эта возобновлялась при перемене как сеньёра, так и городских правителей. В качестве вассала коммуна была обязана своему сюзерену военной повинностью (*ost et chevauchee*), размеры которой были точно определены; кроме того, она должна была помогать ему деньгами в обычных «четырёх случаях». В свою очередь и коммуна могла иметь своих вассалов: так, напр., в 1220 г. два рыцаря принесли присягу в верности (*hommage*) Авиньону за те деревни и замки, которые они держали от этого города; в Нормандии г. Руану присягали соседние сельские коммуны. Не всякая коммуна, конечно, в действительности осуществляла все свои верховные права в качестве коллективной сеньёрии; не всякий коммунальный город был на самом деле настоящей республикой. Но то же самое можно сказать и о баронах, с которыми мы сравнили свободные городские общины: каждому барону в принципе принадлежали верховные права государя, но далеко не каждый барон на самом деле пользовался ими. Дело в том, что в средние века мало было иметь какое-нибудь право: необходимо было еще обладать достаточной силой, фактическим могуществом, чтобы на практике воспользоваться этим правом; а между тем многие города, особенно на севере Франции, были слишком слабы и ничтожны для этого. Кроме того, не все они при одинаковых обстоятельствах добились свободы. Одни завоевали ее с оружием в руках; но победа горожан над феодальным владельцем далеко не всегда бывала полной и окончательной. Другие получили свободу путем мирного соглашения, заключили со своим сеньёром сделку, и в коммунальной хартии, в которую занесены были условия этой сделки, были приняты во внимание интересы обеих договаривающихся сторон, т. е. не только горожан, но и их бывшего владельца, сохранявшего иногда часть своих прежних прав. Естественно поэтому, что во многих случаях независимость коммуны, ее суверенитет оказались в большей или меньшей степени ограниченными.

Городской совет

В принципе коммуна пользовалась полным самоуправлением и свободой в своих внутренних делах; но на практике, совет, как увидим ниже, этот принцип нередко нарушался. Все коммунальные дела ведались выборным городским советом, члены которого назывались *жюрэ* (*jures, iurati*), *пэрами* или *эшевенами* (*eschevins, seabini*). Число их колебалось от 12 (в Перонне), 13 (в Бовэ) до 100 (в Руане) и даже более; в Бордо в XIII в. было 2 совета, один в составе 30, другой — 300 членов. Такое же разнообразие замечается и в способе

их избрания, а также в организации городского совета: нет, кажется, избирательной системы, которая бы не практиковалась в той или другой коммуне. В Руане, напр., а также в других городах, где действовало руанское право, должность пэра была пожизненной; когда пэр умирал, оставшиеся в живых члены совета выбирали ему преемника; всех пэров было 100; они выделяли из своего состава комиссию из 24 жюрэ, которая в свою очередь распалась на 2 подкомиссии: одну из 12 эшевенгов и другую из 12 советников; пэры собирались раз в две недели по субботам, жюрэ—еженедельно, эшевенги—2 раза в неделю; последние заведывали текущими делами, составляя то, что теперь у нас называется управой. В Марселе из 89 членов совета 80 принадлежали к классу богатой буржуазии, 3 представляли сословие клириков, имеющих степень доктора; остальные 6 вакансий были замещаемы ремесленными старостами. В Арле в совете заседали архиепископ, консулы и наиболее значительные из граждан. В Монпелье граждане выделяли из своей среды избирателей второй степени; эти последние вместе с выходящими в отставку консулами выбирали 60 нотаблей, из которых посредством жребия избиралось необходимое число должностных лиц. В Бовэ 13 пэров выбирались 22 местными промышленными корпорациями, при чем 7 приходились на долю одной только корпорации мясников, т. е. крупных капиталистов, денежной аристократии; все остальные 21 корпорация выбирали 6 пэров. В Athys 12 жюрэ избирались ежегодно всем населением города. В Амьене каждый год старосты ремесленных корпораций выбирали 12 эшевенгов, которые, в свою очередь, избирали себе еще 12 товарищей; таким образом составлялся совет из 24 членов. В Перонне 2 старосты выбирают 24 избирателей, которым уже принадлежит выбор 12 жюрэ. В Камбрэ членов городского совета назначал архиепископ.

Мэр

Главою городского правительства был мэр или, как его называли на юге, консул (а также синдик); мэр был обыкновенно один, редко 2; число консулов колебалось от 2 до 6, иногда их было больше. Способы их избрания были также различны: во многих случаях мэра выбирали члены городского совета, иногда—их избиратели, т. е. старосты корпораций, при чем их свобода выбора была ограничена: они могли лишь выбрать одного из трех кандидатов, которых им указывали выходящие в отставку члены городского совета и мэр. Наконец, в некоторых городах в избрании мэра решающее значение имел сеньёр города: по *Establissemens de Rouen*, напр., сто пэров выбирали из нотаблей города трех кандидатов; одного из них герцог или король утверждал в должности мэра. В Лектуре и Альби консулы избирались народным собранием; но чаще всего на юге Франции эти должностные лица представляли собой в определенной пропорции два класса, входившие в состав городского населения: собственно горожан (буржуа) и знатных, принадлежащих к коммуне. В Арле сначала было по 2 консула обеих категорий; впоследствии эти числа изменились на 4 и 8; в Корде консулов было 2 и 6, в Рабастане 2 и 8. В Ниме в 1208 г. решили, чтобы в интересах согласия между обеими группами населения на будущее время консулов из знати выбирали горожане, а консулов из горожан—знатные. Так как раздоры и междоусобия составляли большое место средневековых городов, то случалось, что некоторые из них призывали себе правителя со стороны, который бы не принадлежал ни к какой из городских партий: в первой четверти XIII в. мы видим таких чужеземцев во главе Марселя, Арля и Авиньона; они назывались подеста, пользовались диктаторской властью и были большею частью знатными

выходцами из Италии.

Мэр был главою муниципального управления: он созывал городской совет, председательствовал на его административных и судебных заседаниях, хранил коммунальную печать и ключи от городских ворот; он же предводительствовал коммунальной милицией и являлся представителем коммуны во всех ее внешних сношениях. В Амьене мэр имел право назначать некоторых низших должностных лиц; в Руане власть его была особенно значительна; в Байонне должность мэра получила специально военный характер—другия обязанностей, соединенные с нею, лежали на помощник мэра.

Кроме мэра и членов городского совета, в состав коммунальной администрации входил ряд низших должностных лиц, как-то: казначей (иногда, впрочем, эту должность исполнял один из жюри); клерк—по нашему секретарь и делопроизводитель (лицо весьма влиятельное); сержанты, исполнявшие должность судебных приставов, а также полицейских чиновников; сторожевые, которые стояли на часах на городской башне и звонили в колокола; привратники и др. Все эти городские чиновники и служители назначались мэром или членами совета, иногда же их избирателями, т. е. старостами промышленных корпораций. Таков был состав коммунальной администрации, которой принадлежала весьма значительная власть над членами городской общины; всякий ослушник строго наказывался—в виде крайней меры его могли изгнать из коммуны, отобрать его имущество и даже срыть до основания дом, в котором он жил.

Участие народа в управлении

Народная масса в управлении коммуной играла весьма незначительную роль: время от времени народ собирался по звону вечерового колокола, но вся его роль ограничивалась тем, что он выслушивал и принимал к сведению то, что постановляли правители. Только в исключительных случаях, да и то в позднейшую эпоху, выступает он в более активной роли: в Лионе, напр., в 1292 г. народ собирают, чтобы он высказался за или против принятия покровительства французского короля; почти в то же время (1283 г.) королевские чиновники, присланные в Руан, чтобы привести в порядок коммунальные финансы, производят это в присутствии народного собрания; в 1320 г. мэр Аббевиля, обвиненный в лихоимстве, оправдывается перед вечем и защищает свое управление от нападок членов городского совета; в 1332 г. мэр Сен-Жан-д'Анжели созывает всех членов коммуны, чтобы обсудить союзный договор и принять новый налог; в 1320 г. королевские комиссары, явившись в Санлис, собирают вече и опрашивают горожан одного за другим, хотят ли они сохранения коммуны или нет,—и громадное большинство дает отрицательный ответ. Самый важный вопрос, в котором больше всего и легче всего могло бы выразиться народоправство,—вопрос о способе избрания должностных лиц, решался, как мы видели, далеко не в пользу демократии. Напротив, правительство большей части коммунальных городов, по крайней мере, в период существования коммун, представляет собой настоящую олигархию: вся власть в них принадлежит немногим богатым фамилиям, из которых образуются как бы правительственные династии; члены этих «*линьяжей*» крепко держат в своих руках главные муниципальные должности. Такому положению дел как нельзя более соответствует канцелярская тайна, которой окружены были действия коммунального правительства: в Руане, Аббевиле, Суассоне и др. городах виновный в разглашении этой тайны лишался своей должности; пэры Санлиса в конце XIII в. присудили к штрафу одного гражданина, который хвастался,

будто знает все, что происходит в заседаниях городского совета. Должностные лица, пользовавшиеся весьма значительной властью и притом получившие эту власть не в силу народного избрания, естественно, часто возбуждали против себя нарекания в среде городского населения, тем более, что они сплошь и рядом злоупотребляли своей властью. Необходимо было оградить их от проявления народной антипатии и даже ненависти; и действительно, большинство коммунальных хартий содержат особые постановления на этот счет: в Аббевиле значительный штраф налагался на всякого, кто осмелится в заседании городского совета дурно отозваться о его членах или же ложно обвинить их в произнесении несправедливого приговора; в 1300 г. один буржуа весьма непочтительно говорил о мэре, эшевенах и об их чиновниках, заявляя, между прочим, что они «обирают народ до последней нитки»; за это его лишили права обращаться к суду эшевенов, т. е. одного из самых важных гражданских прав; в Амьене оскорбление действием мэра наказывалось отсечением кулака.

Финансы

Но, несмотря на все эти устрашающие постановления, недовольство народа своими правителями росло и росло и под конец стало проявляться с необычайной силой и резкостью. Самой слабой стороной коммунального управления были финансы. Расходы свободной городской общины были очень велики и обременительны. Мы уж не говорим об обыкновенных расходах на текущие общественные нужды: они были ничтожны в сравнении с расходами чрезвычайными. За то эти последние доходили иногда до громадных размеров. Прежде всего горожанам приходилось платить—и платить очень дорого—за свою свободу и самоуправление; они или одновременно вносили своему бывшему феодальному владельцу крупную сумму, или же выплачивали ему ежегодную ренту,—иногда и то и другое вместе. Платить приходилось не только своему сеньёру, даровавшему коммунальную хартию, но и королю, который утверждал ее. Редко горожанам удавалось сразу добиться полной свободы и независимости: зачастую сеньёр оставлял за собой более или менее значительную часть своих феодальных прав над коммунной и ее членами—их надо было выкупать одно за другим. Откупившись, наконец, от подданства и ставши в вассальные отношения к своему сеньёру, коммуна, как было указано раньше, продолжала нести известные повинности, из которых самая тяжелая была военная: сначала горожане несли ее натурой, потом стали мало-по-малу заменять ее ежегодным денежным взносом. Из истории г. Лана мы видели, что добиться устройства коммуны еще не значило обеспечить себе навсегда свободу: коммуна неоднократно грозила уничтожением, и каждый раз несчастные буржуа должны были раскошелиться, чтобы сохранить за собой права, купленные такой дорогой ценой. Все это были расходы, так сказать, нормальные; но и кроме этого постоянно представлялись разные экстренные случаи, к которым придирались, чтобы выманить у горожан более или менее значительную сумму. Любопытен в этом отношении отрывок из записи расходов нуйонской коммуны за 1260 год: «Когда король (Людовик Святой) отправлялся за море, мы дали ему 1500 ливров (около 150 т. франков на теперешние деньги). Когда он был за морем, королева дала нам знать, что король нуждается в деньгах, и мы дали 500 ливров. Когда король вернулся из-за моря, мы ему заняли 600 ливр., из которых получили только 500, а 100 оставили ему. Когда король заключил мир с английским королем, мы дали 1200 л. Каждый год мы должны платить 200 л. за коммуну, которую нам даровал король; кроме того, подарки проезжающим через город (знатым) особам ежегодно обходятся нам в

100 л. и даже более. Когда граф анжуйский (брат короля) был в Эно (Hainaud), нас известили, что он нуждается в вине; мы послали ему 10 бочек, что стоило вместе с доставкой 100 лив.» Кроме того, граждане Нуайона послали графу 500 сержантов, чтобы охранять его владения, а также телохранителей,—все это обошлось в 1100 л. Наконец, «когда королевская армия выступала, нам сообщили, что графу нужны деньги и что с нашей стороны было бы подлостью не прийти к нему на помощь; мы заняли ему 1200 л., но из них скинули со счетов 300 для того, чтобы получить расписку с приложением печати на остальные 900».

Весьма важную статью расходов для каждой коммуны составляли судебные штрафы. Беспокойные горожане находились в постоянной борьбе с своим сеньёром и другими феодалами, а также с капитулами из-за юрисдикции, права обложения, повинностей и т. п. Озлобленные этой борьбой буржуа позволяли себе иногда крайне резкие выходки против своих врагов, особенно против духовенства: они нарушали права своих противников, творили над ними насилия и всякие беззакония, не останавливаясь даже перед кощунством. Однажды граждане С.-Рикье решили насмеяться над монахами местного аббатства, с которыми они были постоянно на ножах. Ежегодно в праздник Lendit монахи устраивали торжественную процессию, в которой несли мощи основателя своей общины и мощи св. Вигора. Но в 1264 г. жителям этого города пришлось полюбоваться процессией совсем иного рода. Буржуа взяли дохлую кошку и положили ее в раку, подобную той, в которой хранились мощи св. Рикье; в другой раке поместили лошадиную кость, долженствующую изображать руку св. Вигора. Затем, напяливши на себя шубы, понесли эти предметы по городским улицам, пародируя торжественное шествие монахов. Вдруг явились какие-то два субъекта и стали между собой ожесточенно драться; процессия остановилась, и из толпы раздался возглас: «Святой Рикье! ты не пойдешь дальше, старина, пока не водворишь мира между этими двумя врагами!» Едва это было сказано, как борцы прекратили драку, пали друг к другу в объятия и обменялись братским поцелуем. Вся толпа стала кричать о «чуде», совершенном мощами св. Рикье. Но этого мало: горожане построили часовню с роскошно убранном алтарем и поместили туда раки с кошкой и лошадиной костью. Наивные богомольцы и путешественники, не подозревая о кощунстве, заходили сюда поклониться мощам святых угодников. Два дня простояла часовня, вокруг которой буржуа устраивали неприличные танцы.

Столкновения горожан с духовенством и феодалами были самым заурядным явлением. И каждый раз, когда эти столкновения принимали слишком серьезный характер, дело кончалось обращением к королевскому парламенту, который рано присвоил себе право суда над коммунами. Парламент не щадил горожан и приговаривал их к денежному штрафу, который иногда доходил до огромных размеров: так, напр., в 1305 г. коммуна г. Бовэ должна была уплатить 10 т. ливров, т. е. более миллиона франков.

Финансовый упадок коммун

Откуда же брала коммуна деньги, чтобы погашать все эти чрезвычайные расходы? Главным, основным источником дохода был прямой налог на членов коммуны. Но сбор этого налога был сопряжен с огромными затруднениями: некоторые совсем уклонялись от его уплаты, другие утаивали значительную часть своего имущества, чтобы уменьшить оклад; многие оказывались не в состоянии платить, и недоимки накапливались иногда за 10 и более

лет. Раскладка подати почти никогда не обходилась без злоупотреблений: стоявшие у власти богатые буржуа пускали в ход все свое влияние, чтобы свалить главную тяжесть податей на низшие классы, которые, разумеется, не в состоянии были ее вынести. Отсутствие правильной отчетности давало коммунальным правителям полную возможность не церемониться с общественной казной: Бомануар (писатель конца XIII в.) рассказывает, что должностные лица, отслуживши свой срок, передавали власть своим братьям, племянникам и другим родственникам и, когда по прошествии 10—12-ти лет граждане требовали у них отчета, то заявляли, что дали уже отчет друг другу. Если мы прибавим к этому отсутствие бюджета, которого не знали в средние века, ведение денежного хозяйства изо дня в день, как придется, то получим полную картину печального положения коммунальных финансов. Правительству любой коммуны на каждом шагу приходилось считаться с недостатком денег на покрытие какого-нибудь текущего расхода, с хроническим превышением расходов над доходами. Единственным средством выйти из подобных затруднений казался заем, и коммуны стали пользоваться этим средством так широко, что скоро окончательно запутывали свои денежные дела. По сделанным займам приходилось платить 10—15%, иногда даже до 25-ти, или же выплачивать кредитору пожизненную ренту; благодаря этому, ежегодный дефицит только увеличивался, так как никаких существенных мер для устранения зла не принимали, и все оставалось попрежнему. Займы приходилось делать все чаще и чаще, пока, наконец, не наступал момент полного банкротства: кредит оказывался исчерпанным, по прежним обязательствам нечем было платить. Тогда коммуна обращалась к королю, который поручал своим чиновникам привести в порядок денежные дела, своей властью принимал меры, чтобы обезопасить этот порядок на будущее время и обыкновенно сохранял за собой контроль над финансовым управлением коммуны; иногда такая ликвидация сопровождалась уничтожением коммуны в данном городе. Период финансового банкротства свободных и независимых городских общин начался со второй половины XIII в.

Политическое вырождение коммун

Параллельно с этим развивался и процесс политического крушения коммун. Мы видели, что коммунальное устройство в громадном большинстве французских городов носило аристократический характер. Такое положение дел неминуемо должно было привести к борьбе народной массы с правительственной аристократией. Пока все силы, все внимание городского населения было поглощено борьбой с феодальным владельцем, все классы горожан являлись тесно сплоченными этим общим делом, сознанием общей опасности. Но как только цель была достигнута и коммуна обеспечивала, себе более или менее прочное существование, так тотчас же обнаруживался разлад между отдельными составными частями коммуны: все ярче и ярче выступала разница интересов богатых и бедных, хозяев и работников, правящих и управляемых. В 1233 г. в Бовэ произошло кровавое возмущение городской черни против «менял»; порядок был восстановлен, только благодаря вмешательству короля. В Генте для прекращения распри между низшими слоями населения и городским правительством в 1275 г. потребовалось посредничество графини фландрской и третейский суд с.-омерской коммуны, постановивший, что все распоряжения гентских эшевеннов, которые покажутся народу нарушающими его интересы, будут передаваться на рассмотрение графа фландрского. Почти в то же время в Дуэ рабочие ткацкого цеха встают против

своих хозяев. В Аррасе рабочие разбивают дома своих цехмейстеров (ремесленных старост) и разгуливают по городу с знаменами, громко требуя смерти мэра и эшевенгов. В Сене в 1283 г. городские партии не могут прийти к соглашению относительно выбора должностных лиц, и дело окончилось тем, что весь состав муниципалитета был назначен королем; в Дижоне по такому же поводу король не только назначил своей властью членов городского правительства, но и совсем уничтожил коммуну. Сначала городская аристократия пыталась насильственными мерами удержать за собой свое привилегированное положение: так, в 1245 г. в Дуэ ремесленникам и черни под страхом сурового наказания были запрещены как бы то ни было сообщества, опасные для существующего порядка. Но натиск демократии был слишком силен, и высшей буржуазии пришлось сделать мало-по-малу целый ряд уступок: ремесленные корпорации получили более широкое участие в выборе должностных лиц; рядом с прежним муниципалитетом во многих коммунах стали представители народной массы, которые защищали ее интересы, имели право контроля над финансовой частью и даже до некоторой степени участвовали в управлении городом. Таким образом, к началу XIV в. коммуны приобретают несколько более демократическое устройство, но превратиться в демократические республики свободные городские общины не успели: естественный ход их развития был нарушен вмешательством посторонней силы, которая с каждым годом становилась все грознее и могущественнее. Королевская власть, так успешно боровшаяся с политической независимостью феодалов и духовенства, наложила руку также и на коммунальную свободу. Мы уже видели, что коммуна, освободившись от подданства своему феодальному владельцу, становилась в более непосредственные отношения к королю; скоро вошло в обычай, что король непременно подтверждает коммунальную хартию, а вместе с этим он не замедлил присвоить себе и право уничтожать ее; коммуны подчинились юрисдикции королевского парламента, который часто налагал на них огромные штрафы. Наконец, постоянные столкновения коммуны с ее многочисленными внешними врагами, а еще более междоусобия и взаимные распри горожан давали королю множество поводов вмешиваться во внутреннюю жизнь свободного города. Финансовые затруднения приводили к королевской опеке над денежным хозяйством коммуны, распри политические и социальные — к опеке над ее управлением. Таким образом, в силу вещей коммуна утратила свои характерные признаки — перестала быть обособленной, независимой общиной, феодальной единицей, свободно входившей в договорные отношения с другими такими же феодальными единицами; мы не говорим уже о тех весьма частых случаях, когда вмешательство короля приводило к прямому, формальному уничтожению коммуны в данном городе. В окончательном результате ко времени вступления на престол династии Валуа во Франции уже не было коммун, а если некоторые города еще и сохранили это название, то лишь в виде переживания: здесь, как и во многих других случаях, форма пережила содержание, когда-то ее наполнявшее.

Таким образом, горожане, которые в начале XI в. были подданными феодалов, к концу XIV-го превратились в подданных короля. И это уже большой шаг вперед; но прежде, чем достигнуть такого положения, они пережили несколько веков борьбы за свободу. Городское население за это время научилось сознательно относиться к своим интересам, энергично отстаивать свое право, жертвовать для свободы и имуществом, и жизнью. Подобный исторический опыт не мог пройти безследно, и, действительно, он создал из французской буржуа-

зии крупную общественную силу, третье сословие, которое еще в средние века с честью заняло свое место рядом с первыми двумя сословиями, а в новое время оказалось достаточно сильным, чтобы одержать над ними верх. Коммунальная форма городской свободы, как форма чисто средневековая, связанная с обособленностью и политической независимостью города, просуществовала сравнительно недолго: вместе с другими средневековыми явлениями она исчезла, но, несмотря на это, она оказала глубокое влияние на судьбу городского населения во Франции.

Ville de bourgeoisie

Как уже было упомянуто раньше, далеко не все французские города прошли через эту форму свободы. Большинство из них никогда не было коммунами. Но и в их положении произошло существенное изменение во вторую половину средних веков: жители этих городов, оставаясь подданными своих феодальных владельцев, получают от них целый ряд привилегий, касающихся разного рода повинностей, податей и пошлин, а также суда и даже администрации. Почти всегда эти привилегии сопровождаются и дарованием личной свободы горожанам, т. е. права свободного перемещения, вступления в брак и распоряжения своим имуществом. Первые случаи такого наделения горожан привилегиями встречаются уже в конце X в., в XI в. они еще довольно редки, но в течение XII и XIII столетий почти все французские города переходят в этот разряд так называемых *villes franches* или *villes de bourgeoisie*. Иногда горожане сами присваивают себе известные права и вольности, пользуясь удобным случаем, и сеньёру остается лишь признать совершившийся факт; чаще же всего сами феодальные владельцы даруют подвластным им городам большую или меньшую степень свободы. При этом некоторыми из них руководит правильный расчет, разумные хозяйственные соображения: чем выше материальное благосостояние горожан, тем больше доходов будет получать сеньёр с принадлежащего ему города, а так как личная и имущественная необеспеченность, произвол в обложении податями и пошлинами, злоупотребления феодальной администрации—все это в корне подрывает благосостояние торгово-промышленного городского населения, то, следовательно, нужно все это устранить. Такая разумная хозяйственная политика требует не только большого практического смысла, но и значительных средств: чем мельче хозяйство, тем скaredнее хозяин, тем труднее ему вести свое хозяйство рациональным способом; вот почему *villes de bourgeoisie* легче всего и в большем количестве появляются в доменах короля и других крупных феодальных владельцев. Но и остальным по разным мотивам приходилось наделять свои города привилегиями и вольностями: во многих случаях сеньёр приобретал во владение город силой оружия, в приданое за женой или покупал его за деньги, и, чтобы привязать к себе своих новых подданных, оказывал им разные милости; еще больше нуждался он в расположении горожан, когда получал владение по наследству и на это же наследство оказывались еще и другие претенденты. Нередко у города оказывалось несколько владельцев, права которых до такой степени перепутывались между собой, что не было никакой возможности разобрать в каждом отдельном случае, что кому принадлежит, кто и в какой доле участвует в получении судебной или иной пошлины; тогда совладельцы решались перенести эту мудреную задачу из области политики в область арифметики: предоставляя горожанам устраиваться, как они знают, сеньёры соглашались брать с них раз навсегда определенные платежи, которые уже и делили между собой. Многие феодалы, нуждаясь в деньгах, продавали горожанам

большую или меньшую степень гражданской свободы: за известный единовременный взнос они отказывались от своей произвольной власти и точно определяли на будущее время все платежи и повинности городского населения. Наконец, чем больше появлялось привилегированных городов, тем легче становилось получать привилегии остальным: волей-неволей сеньёр соглашался на уступки, потому что иначе его город пустел, так как жители перебегали в соседние *villes de bourgeoisie*. Между феодалами установилась своего рода конкуренция в раздаче вольностей горожанам: каждый старался ценой привилегии не только удержать население своего города, но, если можно, и переманить к себе подданных своего соседа.

Размеры вольностей колебались в очень значительных пределах: в одних случаях привилегия касалась лишь некоторых повинностей и пошлин, суд же и управление попрежнему оставались в руках сеньёра; в других не только регулировались все денежные счета города с владельцем, но горожане получали в свои руки и суд, и заведывание всеми своими делами: такой город отличался от коммуны только тем, что не имел политических прав и жители его не составляли присяжной общины; как бы обширны ни были привилегии *villes de bourgeoisie*, она оставалась все-таки в подданстве у своего сеньёра и не занимала самостоятельного места в феодальном обществе в качестве коллективной сеньории.

Орлеан

О характере привилегий, которыми был наделен такой город, лучше всего можно судить по отдельным примерам. Город Орлеан, например, расположенный на территории королевских доменов, никогда не был коммуной: все время им управляли чиновники короля—прево и сержанты. Положение жителей этого города в начале средних веков было, конечно, ничуть не лучше, чем в других городах Франции. Но, начиная с половины XI в., Орлеан получает от своего сеньёра-короля одну привилегию за другой, и в общей сумме эти привилегии настолько улучшают быт орлеанского населения, что окончательный результат получается почти такой же, как и в городах, переживших период коммунальной свободы и самоуправления. В 1051 г. Генрих I, по просьбе епископа и жителей г. Орлеана, издает приказ, чтобы во время сбора винограда городские ворота не запирались, так что каждый может свободно въезжать и выезжать из города, не платя при этом обычной пошлины. В 1137 г. Людовик VII запрещает своему прево и сержантам в Орлеане притеснять жителей; он обещает не задерживать горожан насильно в тех случаях, когда они будут призваны к его королевскому двору, а также не допускать никаких злоупотреблений в чеканке монеты; за это король будет получать известную подать с каждой меры зерна и вина. Через 10 лет он уничтожил в Орлеане *droit de mainmorte*, одну из самых тяжелых и ненавистных феодальных повинностей: в силу этого права сеньёр наследовал имущество виллана, если у того не было прямых наследников; даже в тех случаях, когда виллан получал свободу распорядиться известной частью своего имущества, его наследник должен был уплатить значительную пошлину сеньёру. В 1168 г. тот же король старается устранить злоупотребления при сборе пошлин, а некоторые из этих последних совсем уничтожает; кроме того, он издает несколько распоряжений, благоприятствующих свободе торговли и облегчающих гражданские сделки. В 1183 г. Филипп-Август освобождает от подати (*taille*) настоящих и будущих жителей Орлеана, а также дарует им разные другие привилегии, как-то: не быть вызываемым на суд дальше известных местностей, расположенных недалеко от Орлеана, не

подвергаться судебным штрафам свыше 60-ти су, за исключением некоторых, точно определенных случаев, и т. д.; за это король выговаривает себе пошлину в два денье с меры вина и хлеба.

Все эти привилегии нисколько не изменяли политического положения горожан, которые попрежнему оставались подданными своего сеньёра; жители Орлеана не получили даже самоуправления в какой бы то ни было форме: во главе города, как и раньше, стоял королевский прево, а не выборный мэр. И тем не менее быт орлеанского населения под влиянием этих привилегий существенно изменился к лучшему: оно было теперь избавлено от некоторых наиболее тяжелых и стеснительных повинностей; промышленность и торговля получили возможность более свободного развития, более прочное и обеспеченное положение; из области суда и управления были устранены многие злоупотребления, а главное, прежний произвол, ничем не стесненный и не сдерживаемый, каждую минуту угрожавший и личности, и имуществу горожанина, постепенно уступил место определенному порядку, точно установленным правилам: под защитой этого порядка горожане получили возможность гораздо более мирного, спокойного существования; быстрее пошло вперед развитие, постепенное накопление материальных и духовных сил; прочнее оказывались уже приобретенные результаты этого развития.

Грамота Лорри

Орлеан получил свои привилегии и вольности постепенно, в течение значительного промежутка времени. Но бывали случаи, когда сеньёр сразу давал городу целый ряд новых прав. Мало-по-малу выработались даже известные формы грамот, которые заключали в себе множество отдельных привилегий относительно податей и пошлин, всевозможных сборов и повинностей, суда и т. д. Подобные грамоты похожи были на коммунальные хартии и так же, как оне, производили в быте городского населения резкий переворот, с той только разницей, что переворот этот касался не политического, а лишь гражданского их положения. Одной из наиболее распространенных была грамота, города *Lorris et Gatinais*, утвержденная Людовиком VII в 1155 г.; в течение 40 лет такая же хартия была дана еще семи городам.

Вот некоторые из постановлений этой грамоты, заключающей в себе всего 35 параграфов.

2) Никто из жителей *Lorris* не должен платить ввозной пошлины за свои съестные припасы; ни весовой пошлины за хлеб, который он добудет своим трудом или трудом своего рабочего скота; ни торговой пошлины (*forage*) за вино, которое он получит с своих виноградников.

3) Никто из жителей этого города не будет вытребован ни пешком, ни с лошадей в такое место, из которого он не может вернуться домой в тот же день.

4) Никто из них не платит дорожных сборов по пути до *Etampes*, до Орлеана, до Миллы и до *Melun*.

5) Никто из идущих или возвращающихся с ярмарки или рынка в *Lorris* не может быть арестован или вообще подвергнут судебному преследованию, если только преступление, в котором он обвиняется, не совершено в тот же самый день.

8) Никто из жителей Лорри не должен выходить за пределы города, чтобы судиться с королем.

10) Никто не будет пользоваться какими-нибудь преимуществами относительно срока продажи вина (*ban public*), кроме короля, которому предоставляется начинать таковую раньше других, но только в своем погребе.

12) Если кто-нибудь поссорится с другим, но не вломится в его дом, а потом они поми- рятся, не принося жалобы прево, то с них не станут взыскивать штрафа ни в нашу пользу, ни в пользу нашего прево. В случае, если жалоба уже была принесена, они все-таки могут кончить дело миром, заплативши штраф; если же на них не был наложен штраф, то они ничего не должны платить ни нам, ни нашему прево.

15) Никто из горожан Лорри не обязан нам дорожною повинностью (*corvée*), за исклю- чением двух раз в год, когда они должны перевезти наше вино в Орлеан, но ни в какое дру- гое место.

17) Всякий может продать свое имущество, получивши за него деньги, уйти из города по-добру по-здорову, куда ему угодно, если только он не совершил какого-нибудь преступ- ления в городе.

18) Кто проживет в приходе Лорри год и один день, и за это время никто не предъявит на него свои права, и ни мы, ни наш прево не запретят ему жить в этом приходе, тот может оставаться в нем и на будущее время в полной свободе и безопасности.

29) Жители Лорри могут собирать в лесу валежник для своей надобности.

32) Если кого из горожан обвинят в чем-нибудь и его нельзя будет уличить на основа- нии свидетельских показаний, то он может очиститься принесением присяги.

35) Мы приказываем, чтобы каждый раз при смене прево или других должностных лиц в городе (*sergents*) они клялись нерушимо соблюдать все эти постановления.

Как видно из приведенных отрывков, все эти привилегии касались лишь гражданского быта городского населения, ни в чем не изменяя его политического положения.

Villes neuves

К той же категории *villes de bourgeoisie* можно отнести и многочисленные слободы, ко- торые король и другие феодальные владельцы основывали на своей земле (такие слободы назывались *villes neuves*). Каждому из них, естественно, было выгодно иметь в своих владе- ниях лишний поселок с рынком или даже ярмаркой и получать с его жителей и приезжих торговцев разные пошлины; но чтобы найти охотников поселиться в новой слободе, нужно было заманить их разными льготами, обещающими спокойное и обеспеченное существова- ние, нужно было оградить их от произвола феодального сеньёра и его приказчиков и для этого раз навсегда определить виды и размеры разных податей, пошлин и повинностей. В виду этого феодал, задумавший основать слободу, заранее издавал грамоту, в которой и перечислял привилегии и вольности будущих жителей слободы.

Вот образчик такой грамоты.

«Я, Генрих, граф de-Troyes, сим объявляю: да будет ведомо всем и на будущия времена, что я установил нижеследующия правила для жителей моей слободы близ Pons-sur-Seine:

Всякий, проживающий в вышеуказанной слободе, будет платить ежегодно 12 денье и меру овса за свою усадьбу; если же он хочет получить участок пахатной земли или луга, то будет платить по 4 денье за argent (немного менее $\frac{1}{2}$ десятины). Дома, виноградники и луга могут быть проданы или отчуждены по воле того, кто их приобретет. Жители слободы должны будут выступать в поход только в тех случаях, когда я сам буду предводительствовать войском. Я дарую им, кроме того, право выбирать 6 эшевенгов, которые будут заведывать делами общины и присутствовать на судебных заседаниях моего прево. Я постановляю, что никакой сеньёр, рыцарь или другой кто не может схватить и увести жителя слободы под каким бы то ни было предлогом, если только этот человек не его раб и за ним не числится недоимки.

Дано в Provins в лето от воплощения Христова тысяча сто семьдесят пятое».

С. Моравский.

Пространные или так называемые Паннонские жития свв. Кирилла и Мефодия

1. Житие св. Кирилла

Месяца февраля в 14-й день житие и подвиги блаженного учителя нашего Константина философа, первого наставника славян¹.

1 История сохранила нам лишь немногие документальные источники о жизни и деятельности славянских первоучителей. Вполне справедливы слова профессора Воронова: «Плодотворная жизнь и деятельность свв. Кирилла и Мефодия, посвященная почти всецело славянству, была отдалена от круга ближайших интересов Византии и ее историков и прямо несочувственна латино-немецкому духовенству, а поэтому, несмотря на громадное значение для всего славянского мира, была или неизвестна современным греческим и латинским историкам, или игнорирована ими. Современные славянским первоучителям византийские историки и латинские анналисты не оставили нам ни одного известия о них, и тогда как в византийской литературе, можно сказать, не осталось ни малейшего воспоминания о них, Запад сохранил лишь несколько посланий, меморий, отрывочных известий, относящихся к их деятельности в Моравии и в Риме. Помимо этих немногих латинских официальных источников, история Кирилла и Мефодия слагается главным образом на основании преданий, сохранившихся в благоговейном в их памяти мире славянском; наиболее полные известия о них почерпаются из источников славянских или, хотя писанных на латинском и греческом языках, но составленных по славянским источникам. Но все эти памятники славянского происхождения, богатые содержанием, не имеют характера несомненных и вполне достоверных исторических документов. Почти все они (если не все без исключения) написаны не современниками, составлены на основании преданий более или менее поздних, написаны с целями более нравственного, чем исторического свойства, рассеяны на пространных нескольких веков, принадлежат различным славянским народами. Порча преданий с течением времени, национальные пристрастия авторов, особенные цели при составлении памятников, личные воззрения, соображения и догадки, неизбежные при составлении документов по преданию, — все это влияло на историческое значение этих памятников, обуславливало различие показаний, противоречия в известиях, примесь субъективного элемента к исторической истине». — Из всех легендарных источников о деятельности первоучителей славянских, по полноте заключающихся в них данных и их достоверности, первое место занимают пространные жития свв. Кирилла и Мефодия, известные под именем Паннонских. Они были открыты профессором москов. духов. академии А. В. Горским, который напечатал извлечение из них с историко-критическим исследованием в № 6 Москвитянина 1843 года. В 1865 году труд Горского был перепечатан в Кирилло-Мефодиевском Сборнике, изданном

Благослови отче.

Вступление

І. Бог милостивый и щедрый, ожидающий, чтобы все люди принесли покаяние, пришли к познанию истины и спаслись,—не желает Господь смерти даже и закоренелого грешника, даруя ему спасительное покаяние и сохраняя жизнь его,—не позволяет человеческому роду отпасть от Него по нерадению, подпасть соблазну диавола и погибнуть, и во все времена и лета не перестает творить нам великия благодеяния, как прежде, так и ныне, чрез посредство патриархов и отцов, пророков, апостолов и мучеников, праведных мужей и учителей, избирая их от многоятежной жизни сей. Ибо знает Господь своих избранных, когда говорит: овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их и называю их по имени, и оне идут

Погодиным. Горский полагал, что оба жития были написаны в Паннонии во время близкое к деятельности первоучителей, и считал вероятным, что их составителем было одно лицо.—После исследования Горскаго особенного внимания заслуживают следующие труды, посвященные деятельности славянских первоучителей: 1) Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Профессора А. Воронова.—Труды Киевской Духовной Академии, октябрь 1876 г., январь, апрель, август, сентябрь 1877 г. В этом сочинении рассматриваются дошедшие до нас источники, относящиеся до истории и апостольской деятельности свв. Кирилла и Мефодия на языках славянском, греческом и латинском, при чем автор дает обстоятельную оценку каждого из них. Что касается жит, то автор, согласно с Горским признает, что оба жития составлены одним лицом; но в дальнейшем не разделяет мнения Горскаго, полагая, что составитель житий был славянин, принадлежавший восточной церкви и живший не в Паннонии, а в Болгарии, что он не был учеником и очевидцем деятельности свв. Кирилла и Мефодия и жития составлены им не ранее второй четверти X в. Но самым любопытным в труде Воронова является его мнение, что первоначально жития были написаны не на славянском языке, а на греческом. Возражения против этого мнения представлены нами в статье при издании поучений Климента: «Климент, епископ словенский».—Труд Ундольскаго с предисловием П. А. Лаврова в «Чтениях Общ. Ист. и Др. Рос.», 1895 г. 2) Свв. Кирилл и Мефодий. Профессора И. Малышевскаго.—Речь произнесенная на акте в киевской духовной академии 7 апреля 1885 г.—Труды Киевской Духовной Академии, май, июнь, август, сентябрь, октябрь и ноябрь 1885 г.—Это сочинение представляет самый полный обзор деятельности свв. Кирилла и Мефодия, при чем следует отметить старание автора возможно ближе держаться фактов, сообщаемых пространными житиями свв. Кирилла и Мефодия. 3) Святые Константин и Мефодий, первоучители славянские. Речь 7 апреля 1885 г., в день памяти тысячелетия со времени кончины Мефодия, профессора моск. духов. академии Е. Голубинскаго.—Прибавление к изданию Творений Святых Отцов в русском переводе, 1885 г., часть 36, книжка III.—Что касается других пособий по разным вопросам, относящимся к деятельности славянских первоучителей, то особенного внимания заслуживает Кирилло-Мефодиевский Сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный профессором М. Погодиным. Москва, 1865 г.—Из статей, помещенных в нем, кроме вышеупомянутого исследования Горскаго, наиболее важны еще следующие: Кирилл и Мефодий, славянские просветители. Архиепископа Филарета черниговскаго;—Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном свв. Кириллом и Мефодием. К. И. Невоструева;—Службы свв. Кириллу и Мефодию. В. И. Григоровича;—Те же службы по синодальному списку;—О древних канонах свв. Кириллу и Мефодию. А. В. Горскаго, и другия.—Помимо статей научнаго характера в этой книге с интересом могут быть прочитаны речи, проповеди и газетныя статьи по случаю празднования тысячелетия со времени изобретения славянской азбуки и перевода на славянский язык Священнаго Писания —11 мая 1863 г. Различные источники, относящиеся к жизни и деятельности первоучителей славянских, печатались неоднократно в разных ученых изданиях. Пространныя жития были напечатаны профессором И. М. Бодянским в Чтениях Общества Истории и Древностей Российских: Константина Философа, в 16 списках 1863. II, 1864. II, 1873. Г.—Мефодия, в 8 списках 1865. I. Там же напечатано Похвальное слово свв. Кириллу и Мефодию, в 15 списках 1855. II, 1866. II.—Похвальное слово св. Кириллу напечатано в упомянутом уже Кирилло-Мефодиевском Сборнике. Оба жития напечатаны также Шафариком в его книге: Избор юго-славянских достопамятностей. U Praze 1873. 2-е издание. В нем Шафарик разделил их на главы; это разделение удержано и в предлагаемом русском переводе.

за Мной, и Я даю им жизнь вечную (Иоан. 10.27.28). Так и нашему поколению Господь воздвиг такого учителя, который просветил народ наш, омрачивший ум своей слабостью, подпавший соблазну диавольскому и не восхотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие его кратко передает нам, каков он был, чтобы, слушая об его подвигах, желающий подражать ему почувствовал бодрость и отверг леность, помня слова апостола: подражайте мне, как я Христу (1 Коринф. 4.16)¹.

Происхождение Константина

II. В городе Солуне жил один человек знатного рода и богатый, по имени Лев, занимавший должность помощника военачальника². Он был правоверующий и соблюдал все заповеди Божии, подобно библейскому Иову. Бог благословил супружество его, даровав ему семерых детей, из которых младший был Константин философ, наставник и учитель наш. Когда мать родила его, взяла ему кормилицу, но младенец не хотел принимать молоко от чужой груди, и мать сама должна была вскормить новорожденного. В этом виден особый промысл Божий, чтобы дитя, вскормленное чистым молоком материнским, осталось доброй отраслью доброго корня. С того времени благочестивые родители дали обет остаться, как брат и сестра, и так жили о Господе 14 лет, пока их не разлучила смерть, не нарушив данного обещания. Когда отец Константина умирал, мать оплакивала отрока, говоря: ни о чем другом я так не забочусь, как об этом младенце, что с ним будет. Отец сказал ей на это: поверь мне, жена, я надеюсь, что Бог пошлет ему такого отца и попечителя, который печется о всех христианах, что и сбылось³.

Детские годы

III. Когда Константин был 7-ми лет, он видел сон. Мне снилось,—разсказывал он отцу с матерью,—что стратиг собрал всех девиц нашего города и сказал мне: выбери себе из них подругой жизни и помощницей, какую хочешь. И я, посмотрев на всех, увидел одну, превосходившую других красотой лица, сияющую и украшенную золотыми монистами, бисером и всякого рода украшениями, имя которой было София, т. е. премудрость; ее я и выбрал. Выслушав этот рассказ, родители сказали ему: сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей (Притчи Солом. 6.20). Ибо заповедь есть светильник и наставление—свет (Притчи Солом. 6.23). Скажи премудрости: ты—сестра моя, и разум назови

1 Тексты Священного Писания, встречающиеся в житиях, приводятся по синодальному переводу Библии.

2 По объяснению Горского, слова жития: «предрежа сан другареск под стратигом» означают, что Лев был «друнгарий под стратигом»,—это второе лицо после главного военачальника.

Из сказанного здесь о происхождении Льва видно, что житие не дает точного указания на ту народность, к которой принадлежали святые первоучители. Но это и неважно. Если они были греками, тем выше их подвиг—перевод Священного Писания на славянский язык и введение богослужения на языке славянском в тех славянских землях, в которых им суждено было проповедовать христианство. Если же они были славяне, то лишь по происхождению; что же касается их культуры, то ею они всецело обязаны Византии. Гораздо важнее их происхождение из Солуны, такого города византийской империи, в котором греки соприкасались с славянами настолько, что должны были знать и славянский язык. Близость к славянскому населению, по крайней мере, в избранных натурах могла умерять надменность, какую по отношению к варварам чувствовал грек, гордый неизмеримым превосходством своей культуры. Этою близостью значительно объясняется самоотверженная деятельность святых братьев на благо славян.

3 Так как составитель жития, говоря о смерти Константина, относит ее к 869 году и упоминает, что ему было тогда 42 года, то этим самым определяется и год его рождения—827.

родным твоим (Притчи Солом. 7.4). Премудрость светит сильнее солнца, и, если ее будешь иметь спутницей в жизни, она тебя избавит от многого зла. Отданный учиться, Константин превосходил успехами прочих учеников, удивляя всех быстротою памяти. Один раз вместе с другими товарищами, имевшими обыкновение забавляться ястребиною охотой, Константин вышел в поле, взяв своего ястреба. Он пустил его, но, волею Божией, внезапно поднявшийся ветер унес его ястреба; отрок впал в такое уныние и печаль, что два дня ничего не ел. Милосердый Господь по своему человеколюбию, не желая дать Константину привыкнуть к житейским удовольствиям, уловил его на охоте ястребом, как в старое время Плакиду оленем¹. Размышляя над суетой сей жизни, Константин горько жаловался: такова жизнь наша, что взамен мимолетной радости приносит долгую печаль; с этого дня пойду лучшим путем, не буду проводить время в треволнениях жизни. И он оставался дома, изучая наилучшие творения Григория Богослова, которому, начертав на стене крестное знамение, написал такую похвалу: «О Григорий! телом человек, ангел душою; ты, будучи телом человек, явился ангелом. Уста твои, как уста серафимов, прославляют Бога и просвещают вселенную толкованием истинной веры. Услышь меня, с верою и любовью к тебе прибегающего, и будь моим просветителем и учителем». Вдумываясь в творения Григория Богослова, Константин не всегда постигал глубокий смысл их, что приводило его в великое уныние. Случился в это время в Солуне странствующий учитель грамматики, и Константин, придя к нему и припадая к его ногам, умолял поучить его грамматическому искусству; но учитель этот, зарывший свой талант в землю, сказал ему: юноша, не трудись: я отказался кого бы то ни было учить науке этой во все дни моей жизни. Напрасно вторично со слезами просил его Константин, говоря: возьми всю долю моего отцовского наследства, только научи меня. Не хотел послушать его учитель, и юноше оставалось снова искать утешения в молитве об исполнении его сердечного желания. И ждать пришлось недолго: Богу угодно было в скором времени исполнить волю боящегося Его. Царский опекун, называемый Логофет, до которого дошли слухи о красоте, мудрости и прилежных занятиях Константина, послал за ним, вызывая его в Царьград учиться вместе с императором². Услышав это, отрок с радостью отправился в путь и на пути, преклонив колена, горячо молился: Боже отцов и Господи милости, сотворивший все словом Твоим и премудростию Твоею устроивший человека, чтобы он властвовал над созданными Тобою тварями. Даруй мне приседящую престолу Твоему премудрость, да разумею, в чем воля Твоя, и спасусь я, раб Твой и сын рабы Твоей (Прем. Солом. 9.1—2; 4—5), и, окончив молитву Соломона, встал и сказал: аминь.

1 Здесь разумеется известное обращение в христианство Евстафия Плакиды: один раз на охоте Плакида погнался за оленем и долго не мог догнать его, пока, наконец, олень не перескочил через глубокий ров, сделав тем для всадника дальнейшее преследование невозможным. Подъехавший на коне Плакида, взглянув на стоявшего по другую сторону рва оленя, увидел между его рогами светлый крест с изображением распятия Христова. Изумленный Плакида услышал голос: Плакида, что ты Меня гонишь? Я Христос. Известны Мне твои благодеяния и милостыни нищим, и ради этого явился Я тебе сейчас, чтобы уловить тебя Моей человеколюбивою сетью.

2 Михаилу в это время (в 842 году) было всего только три года и, понятное дело, Константин не мог учиться вместе с ним. Неточность этого указания исправляется ниже, в следующей главе, где идет речь о занятиях Константина и где ни слова не сказано, чтобы он учился с царем.

Вызвавший Константина Феоктист Логофет был одним из опекунов малолетнего Михаила в годы управления империей его матери св. Феодоры.

Годы ученья в Царьграде

IV. Когда Константин прибыл в Царьград, его отдали учиться. В три месяца изучив грамматику, он приступил к изучению прочих наук. Учился Гомеру и геометрии у Льва¹, диалектике и предметам философским у Фотия²; учился также и риторике, арифметике, астрономии, музыке и всем прочим искусствам эллинским³. Все эти предметы Константин изучил так, как другой на его месте изучил бы лишь один из них: быстрота его способностей не уступала прилежанию, что содействует успехам в изучении наук и искусств. Он отличался кротостью характера, вступал в беседу с тем, с кем она была полезнее, удалялся людей строптивых, стремясь как бы, переменяв земное на небесное, выйти из оков тела и жить с Богом. Увидев, что он за человек, Логофет дал ему власть над всем домом своим и позволение входить в царский дворец; и спросил его раз: философ, я хотел бы знать, что такое философия? Не задумываясь, отвечал Константин: познание Божеских вещей и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу и добродетелью уподобиться Творцу, создавшему его по Своему образу и подобию. С тех пор Логофет, муж столь высокий и почтенный, еще более полюбил его и расспрашивал о всем. Константин преподавал ему философию, в краткия слова влагая глубокий смысл. Сохраняя чистоту мысли, ведя жизнь, угодную Богу, Константин приобретал всеобщую любовь. И Логофет оказывал ему всякую честь и нередко предлагал много злата, от которого он отказывался. Раз Логофет сказал ему: твоя красота и мудрость внушают мне сильную любовь к тебе. У меня есть дочь духовная, моя крестница, красивая и богатая, знатная родом; если хочешь, я отдам ее за тебя; от императора ты получишь теперь великую честь и княжение, а ожидай еще большей почести: вскоре будешь стратигом.—Велик дар, который ты предлагаешь,—отвечал ему философ,—требующим его, но для меня нет ничего выше учения, которым обогатив ум, хочу искать прадедовской чести и богатства (ср. главу IX и главу XI). Выслушав такой ответ, Логофет пошел к императору и сказал: наш философ не любит жития сего, и, чтобы не отпустить его от себя, пострижем его в священный сан и отдадим на службу; пусть будет библиотекарем у патриарха при храме св. Софии⁴; по крайней мере, таким образом, его удержим. Так и сделали. Недолго пробыв в этой должности, Константин удалился на берега Золотого Рога⁵ и скрылся в одном монастыре. Шесть месяцев искали его и едва нашли. Не находя возможным принудить его к исполнению прежней службы, упросили его принять зва-

1 Это был, вероятно, Лев, митрополит солунский, который с восстановлением иконопочитания после Феофила, лишившись кафедры, сделался начальником основанного Вардою училища в Константинополе и учителем философии.

2 Это был знаменитый впоследствии патриарх константинопольский Фотий, тогда еще светский чиновник и молодой человек.

3 У придворных преподавателей Константин выслушал полный тогдашний курс наук, состоявший из так называемых *trivium*'а и *quadrivium*'а; при этом в грамматике, которая должна быть понимаема в более обширном смысле филологии и к которой он питал особенную природную склонность, он показал успехи чрезвычайно быстрые, а в науках философских, которые преподавал Фотий,—успехи столько серьезные, что прозвание философа, с которым он известен, было усвоено ему еще во время учения. (Святые Константин и Мефодий, первоучители славянские.—Голубинский, стр. 164).

4 Строго говоря, особой должности библиотекаря в Константинополе не было; но была должность хартофилакса, который был как бы секретарем патриарха. В его ведении была и патриаршая библиотека. В деяниях 7-го вселенского собора хартофилакс, вероятно, и называется *βιβλιοφνλαξ τον πατριαρχειον*.

5 В славянском тексте: Узкое море—перевод греческого *στενον*; в русских памятниках—Суд.

ние учителя философии для греков и иностранцев¹. И он его принял.

Диспут Константина с патриархом Аннием (иконоборцем)

V. В это время константинопольский патриарх Анний² продолжал еще учить иконоборческой ереси, говоря: не почитайте святых икон. Был собран собор по этому случаю, на котором были обличены его заблуждения, а сам он был лишен патриаршества. Но это не могло; Анний говорил: насильем изгнали меня, не могли победить в прениях—никто не может противостать словам моим. Тогда царь и вельможи, приготовив философа, послали к Аннию с такими словами: если победишь этого юношу в споре, получишь обратно престол патриарший. Анний, увидев философа, столь юного возрастом, и посланных с ним, сказал им: вы все недостойны моего подножия, как я буду с вами спорить?—Суди не по-людски, а по-Божьему,—отвечал философ,—ведь ты, как и все мы, из земли и души создан Богом, а потому, смотря в землю, человек, не возносись.—Не подобает осенью искать цветов и старца гнать на войну, как какого-нибудь юношу,—сказал Анний.—Сам говоришь против себя,—отвечал ему философ,—скажи, в каком возрасте душа сильнее тела?—В старости,—отвечал Анний.—На какую брань мы тебя гоним, на телесную или на духовную?—На духовную,—отвечал Анний.—В таком случае ты нас сильнее,—сказал философ,—а потому не говори таких притч; не без времени ищем цветов, не без времени вызываем тебя на бой.—Посрамленный такими словами Анний на другой предмет обратил беседу: скажи мне, юноша, отчего вы не покланяетесь кресту, когда он разломан, и не лобзаете его, а иконе, если она и до персей только написана, не стыдитесь воздавать поклонение?—Крест имеет четыре части,—отвечал философ,—и если недостает одной части его, уничтожается образ креста, а икона лицом изображает образ того, по подобию которого она написана; не лицо льва, не лицо рыси видит, кто на нее смотрит, а образ того, в честь кого она написана.—Каким образом вы покланяетесь кресту без надписания,—продолжал старец,—хотя есть и другого рода изображения креста, а иконе вы не воздаете чести, если не будет написано имени того, кого она изображает?—Всякий крест имеет сходство с крестом Христовым,—отвечал философ,—а иконы не все изображают один образ.—Бог говорил Моисею: да не сотворим всякого подобия,—сказал старец,—каким же образом вы, создавая подобия, покланяетесь им?—Если бы Бог сказал: не сотвори никакого подобия,—отвечал на это философ,—ты был бы прав; но Бог сказал: не сотвори всякого подобия, т. е. недостойного. Не мог возразить на эти слова, старец и, посрамленный, умолк.

Сарацинская миссия

VI. После того агаряне, называемые сарацинами, воздвигли хулу на божество Святой Троицы, говоря: как вы, христиане, признавая одного Бога, делаете из Него трех, утверждая, что есть Отец, и Сын, и Святой Дух? Если вы можете объяснить это публично, то пришлите к нам таких людей, которые могут говорить об этом и с нами спорить. Философу было тогда 24 года. Император, созвав собор, призвал его и сказал ему: слышишь ли, философ, что говорят на нашу веру скверные агаряне? Ты, слуга и ученик Св. Троицы, ступай и

1 Вероятно, отсюда и произошло наименование Константина философом как в славянских источниках: в Сборнике 1076 г., в месяцеслове Остромирова Евангелия и в древнейших прологах, так и в латинских, напр., у Анастасия библиотекаря в деяниях собора константинопольского 869 г., в послании папы Иоанна VIII к Святополку от 880 г., в древнейших латинских легендах и проч.

2 Патриарх Анний или Ианнес, по смерти императора Феофила низложенный с престола, известен упорством в иконоборческих мыслях.

вступи в борьбу с ними, и Бог, совершитель всякого дела, славимый в Троице Отец, и Сын, и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу слова и явит тебя другим Давидом, с тремя камнями победившим Голиафа, и да возвратит тебя к нам, сподобив небесного царствия.— Услышав это, Константин отвечал: с радостью иду за христианскую веру: что может быть для меня отраднее в этой жизни, как жить во Святой Троице и умереть, исповедуя ее? Вместе с ним послали Георгия Асикрита. Прибыв туда, они тотчас же были свидетелями того, как сарацины глумились над жившими в их владениях христианами, оскорбляя их чувства. На дверях христианских домов с наружной стороны были написаны изображения демонов. Агаряне спросили философа: понимаешь ли, философ, что обозначают эти изображения?—Вижу изображения демонов,—отвечал он,—и думаю, что внутри этих домов живут христиане, с которыми вместе демоны жить не могут и бегут вон. А где нет снаружи их изображений, с теми они живут внутри.—Сидя за обедом, сарацины, гордые книжной мудростью, знавшие геометрию, астрономию и другие науки, испытывали Константина, говоря: философ, не дивное ли чудо видно в том, что пророк Магомет принес нам благовестие от Бога и обратил в свою веру многих людей, и все мы храним данный нам закон, ни в чем от него не отступая; а вы, христиане, исповедуете Христов закон одни так, другие иначе, кому как угодно.—Отвечал на это философ: наш Бог подобен морской пучине. Пророк говорит о нем: род Его кто извест? от земли вземлется живот Его (Ис. 53.8). В поисках Его многие входят в эту пучину, и сильные умом, обогащая свой разум, переплывают пучину и возвращаются, а слабые—подобно людям, покушающимся переплыть море в гнилых кораблях,—одни утопают, другие же, ослабляемые ленью, с трудом совершают путь. Не таково ваше учение: оно легко и доступно всякому, и старому, и малому; оно не возвышается над людскими привычками: его всякий может исполнить. И не дал вам ваш пророк никакой заповеди, не удержал вашего гнева и похоти, но попустил им, в какую он пропасть тем самым может вас вринуть, мудрый да разумеет. Не так Христос: подвигами веры и добродетели Он постепенно возводит человека от низшаго к высшему, до полного совершенства. Творец всяческих между ангелами и животными сотворил человека, даром слова и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов; кто к чему приближается, тот и приобщается или высокога, или низкаго. Спросили его снова: как единого Бога славите, как трех, называете Его Отцом, Сыном и Духом? Если так, дайте Ему и жену, чтобы от Него расплодилось многие боги.—Не говорите такой безумной хулы,—отвечал на это философ,—мы хорошо научены пророками, отцами и учителями славить Троицу, Отца, Слово и Дух, три лица в едином существе: Слово воплотилось в Деве и родилось нашего ради спасения, как свидетельствует и ваш пророк Магомет, написав так: мы послали дух наш к деве, соизволив на то, чтобы она родила; его устами возвещаю вам Троицу.—Пораженные этими словами магометане обратились к другим предметам: если это так, гость наш, как ты говоришь,—сказали они,—если Христос—Бог ваш, то отчего же вы не поступаете, как Он повелевает? В Евангелии писано: молитесь за врагов ваших, благотворите ненавидящим и преследующим вас, обращайтесь ланиту бьющим (Матф. 5.); но вы не так поступаете, а остерите оружие ваше против тех, которые поднимают его на вас.—Когда в законе есть две заповеди,—отвечал на это философ,—кто исполняет закон: тот ли кто соблюдает одну заповедь, или кто обе?—Конечно, тот, кто обе,—отвечали они.—Философ продолжал: Господь сказал: молитесь за обижающих вас (Матф. 5.44); но сказал также: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Иоан. 15.13). Ради друзей мы так и делаем, чтобы вместе с те-

лом не была пленена душа их. — И снова спросили его: Христос дал дань за Себя и других; отчего же вы этого не делаете? Если не хотите платить за себя, то отчего, по крайней мере, такому великому и сильному народу, каковы измаильтяне, не даете дани за ваших братьев и друзей; мы немного и просим: одну золотую монету, и, пока свет стоит, сохраним между собою мир, не нарушая его, как другие. — Отвечал философ: если кто, имея учителя, желает идти по его следам и встретит другого, который совращает его, друг или враг ему будет такой человек? — Враг, — отвечали они. — Когда Христос дал дань, — сказал тогда философ, — чье было царство? измаильтянское или римское? — Конечно, римское, — отвечали они. — Можно ли в таком случае, — сказал он, — ставить нам в вину, что мы все даем дань римлянам?¹ — После этого много и других вопросов предлагали ему, испытывая его знания во всех искусствах, какия знали сами. И Константин на все давал им объяснение, и во всем верх был на его стороне, так что они сказали ему: как это ты все знаешь? — Отвечал философ: один человек, почерпнув морской воды, носил ее в мехе и хвалился прохожим: смотрите, вот вода, которой нет ни у кого, кроме меня. Подошел тогда к нему житель морских берегов и сказал: не стыдно ли тебе говорить так и хвастаться этим смердящим мехом, когда мы имеем целую пучину морскую. Так и вы поступаете; а от нас пошли все искусства². — После этого повели его в старинный сад, в котором было много редких растений, и он им объяснил, как они произрастают. Тогда показали ему все их богатство, палаты, украшенные золотом и серебром, драгоценными камнями и жемчугом. Смотри, философ, какия чудеса ты видишь, — говорили они, — как велика сила, как несметно богатство амерумны³, сарацинского владыки. Неудивительно это, — сказал Константин, — почесть и слава Богу, сотворившему все сие и давшему на утешение людям; Ему принадлежит все это, а не кому-либо другому. — Услышав такие слова, мусульмане не могли сдержать злобы и дали ему выпить яду; но милостивый Бог, сказавший: если и что смертоносное выпьют, не повредит им (Марк, 16.18), спас его и возвратил здоровым в свою землю.

VII. Спустя некоторое время Константин отрекся от мира и жил в уединении и безмолвии, внемля себе одному и ничего не оставляя на завтрашний день, все раздавая нищим, возлагая надежду на одного Бога, Который каждый день о всех печется. Раз, в один из праздничных дней, когда слуга его с печалию говорил: ничего не имеем в такой великий праздник, сказал ему Константин: Напитавший израильтян в пустыне пошлет и нам здесь пищу; ступай и позови, по крайней мере, пять человек нищих и не отчаивайся в Божией помощи. И, когда было время обеда, принес один человек много разных яств и десять золо-

1 Римлянам, т. е. грекам. Византийские греки называли себя ромеями, а свою империю — ромейскою.

2 В этой притче и заключительных словах всего лучше выразилось убеждение Константина в превосходстве греческой культуры пред арабской.

3 А. В. Горский полагал, что Константин был не у самого халифа Джахара Мотавакела (817—861), а у эмира мелитинского, которого, по словам продолжателя Константина Порфирогенета. *Αμβροσιος* *ἐκλεβαν οἱ πολλοί*. Но позднейшие исследователи, Голубинский и за ним Малышевский, склоняются к мнению, что Константин был у самого халифа, арабский титул которого — Эмир-Аль-Муменин (глава правоверных) — передается по-гречески *αμερομινης*, *αμεριμινης*, *αμεραμνοννην*, а отсюда в славянских текстах жития: богатство много амермнинно владыки срацинска (список 1479 г. Бод. № XIII, амермнинно Бод. № V, амаврино Бод. № I). Великое богатство, роскошнейшие дворцы и необыкновенные сады, показанные Константину, ясно указывают не на иного кого, как на самого халифа.

тых монет. И воздал Константин хвалу Богу за все это. Вскоре он отправился на Олимп¹ к брату своему Мефодию и жил там, возсылая безпрестанно молитвы к Богу, занимаясь одним лишь чтением книг.

Хазарская миссия

VIII. В это время прибыли к императору послы от хазар, которые говорили: мы с незапамятных времен знаем единого Бога, который над всеми, и поклоняемся Ему на востоке, сохраняя при этом некоторые постыдные обычаи свои; евреи убеждают нас принять их веру, а сарацины, с другой стороны, общая нам мир и многие дары, склоняют нас к своей вере, говоря: наша вера лучшая, чем других народов. Поэтому мы посылаем к вам послов, храня старинную дружбу и любовь к вам, ибо вы народ великий и от Бога владеете царством; спрашивая вашего совета, просим прислать к нам человека книжного, чтобы принять вашу веру, если он одержит верх в спорах с евреями и сарацинами. Император, отыскав философа, объяснил ему дело хазарское и сказал: иди, философ, к этим людям и беседуй о св. Троице с Ея помощью: никто другой не может этого достойно принять на себя.—Константин отвечал: если приказываешь, государь, с радостью иду на это дело пеший, босой и безо всего, согласно заповеди Христа своим ученикам.—Отвечал на это царь: хороши твои слова, если бы ты сам по себе хотел действовать, но, как представитель царский, блюдя честь государства, иди с почетом и помощью царя. Константин тотчас отправился и сначала остановился в Херсоне; здесь научился он еврейскому языку, перевел восемь частей грамматики и, благодаря этому труду, достиг более глубокого знания в языке еврейском². Жил в Херсоне один самарянин, который приходил к нему спорить, приносил и показывал ему книги самарянския; философ попросил у него эти книги и, затворившись у себя в доме, отдался молитве и, умудренный Богом, начал читать книги без ошибки. Видя это, самарянин воскликнул: воистину верующие во Христа получают благодать Святого Духа. И крестился сам и сын его. Тут же, в Херсоне, нашел Константин евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорившаго русским языком, и говорил с ним; и, усвоив этот новый язык, сравнивал его письмена, гласныя и согласныя, с своим языком и скоро начал читать на новом языке и мог объяснять прочитанное³. И дивились ему, хваля Бога.

- 1 Здесь разумеется Олимп малоазийский (на юго-востоке от Бруссy), усеянный многими монастырями.
- 2 Горский об этом переводе заметил: «Неизвестно, с какого и на какой язык и для кого». Малышевский, напоминая при этом рано обнаружившийся в Константине интерес к изучению грамматики (сравни 3 главу жития), замечает: «С тех именно пор мог у него сложиться навык изучать язык научно-грамматически, что тем более должно было иметь место при изучении чужого языка. А что в IX в. уже существовали еврейския грамматики, еврейские лексиконы, что между учеными евреями были тогда грамматики, лексикографы,—это признается исследователями еврейской литературы». — Прибавим к этому, что в древней славянской литературе есть один грамматический труд с таким заглавием: «Осьмь честыи слова, елико глаголем и пишем», в некоторых списках приписываемый Иоанну Дамаскину: книга святого Иоанна Дамаскина философская. О осми частех. Рук. Синод. библи. № 156. Перевод этого труда на славянский язык приписывается некоторыми Иоанну экзарху болгарскому.
- 3 Русское евангелие, о котором говорится в этой главе, есть, по всей вероятности, готский перевод евангелия Ульфилы, а русский человек, упоминаемый здесь, есть, вероятно, варяго-русс. Таково мнение большинства ученых. Объяснение, которое предлагали Горский и др., видевшие в этом известии жития вставку, теперь можно считать излишним. Тексты жития дошли до нас в большом количестве списков, и все списки согласны в существенных подробностях.

Обретение мощей св. Климента

Здесь же, в Херсоне, узнав, что св. Климент еще лежит в море, помолившись, Константин сказал: верую в Бога и надеюсь на св. Климента, обрету его мощи и вынесу их из моря. Он убедил архиепископа, и духовенство, и благочестивых мужей сесть на корабль и отправиться на то место. Море было совершенно покойно, и приехавшие начали копать берег с пением молитв. И тотчас распространилось благоухание, словно от множества кадил. И вслед затем явились св. мощи; взяв их, с великою честью и славою внесли в город, как он об этом пишет в обретении мощей святого³. В это время воевода хазарский с войсками осадил один из близких к Херсону городков; узнав об этом, философ не поленился прийти к нему и, вступив с ним в беседу и дав ему наставление, настолько укротил его, что он обещал ему креститься, и удалился, не причинив никакого вреда христианам осажденного городка; а Константин отправился в обратный путь; и в первый час⁴, за молитвою напали на него угры, завывая, как волки, думали убить его. Но Константин, окончивший службу, не устрасился их и не оставил своей молитвы, взывая: Господи помилуй! Увидев его молящимся, по Божию повелению, угры смягчились и начали кланяться ему; и, выслушав изуст его наставления, отпустили его вместе со всей его дружиной.

Беседы с хазарами

IX. Сев на корабль, Константин отправился в Хазарию, на Местийское озеро (Азовское море) и к Каспийским воротам Кавказских гор⁵. Хазаре послали ему навстречу хитрого человека, который вступил с ним в беседу и сказал ему: дурной у вас обычай, вы ставите вместо одного царя другого из иного рода, а мы управляемся одним родом⁶.—Отвечал ему философ: Бог вместо Саула, не поступавшего Ему угодно, избрал Давида, угождающего Ему, и род его.—Тогда хазарин продолжал: вы с книгами в руках говорите все притчи, а мы не так; но, как бы поглотивши всю мудрость, выносим из персей, не гордясь так писанием, как вы.—На эти слова отвечу тебе так, сказал ему философ: если ты встретишь нагого человека и он тебе скажет: есть у меня много одежд и много золота, поверишь ли ты, видя его нагим?—Сказал: нет.—Философ продолжал: так и я говорю тебе: если ты поглотил всю муд-

3 В этом месте житие дает нам интересное указание на то, что обретение мощей св. Климента, папы римского, которого Константин был главным виновником, было им описано. В открытом недавно проф. Фридрихом письме библиотекаря Анастасия к епископу Гавдерику это известие жития вполне подтверждается. Из письма Анастасия видно, что Константин философ написал на греческом языке три сочинения, относящиеся к чествованию св. Климента: 1) историческую повесть, 2) торжественное слово и 3) стихотворную похвалу. По мнению проф. Ягича, первое сочинение имеет в виду данное место жития Кирилла; а со вторым ближе соприкасается помещенное в Макарьевских Четьях Минейх под 23 янв.: «слово на пренесение мощем преславнаго Климента историческую беседу имущее». Напечатано в Кирилло-Мефодиевском Сборнике, 319—326. Еще вероятнее, что славянский перевод этой статьи с греческого в том виде, как он до нас дошел, представляет переделку, составленную из обоих названных сочинений Константина, на что указывает как заглавие статьи, так и ее содержание. В первой части ее преобладает исторический рассказ, а конец имеет характер похвального слова. Подробности об открытии проф. Фридриха в брошюре И. В. Ягича: Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. С.-Петербург. 1893.

4 Здесь, вероятно, разумеется совершение богослужения первого часа, отчего ниже и сказано: он уже кончил службу.

5 Следы пребывания хазар близ Каспийского моря сохранились в наименовании его хазарским.

6 О том, что хазары жили родовым бытом, говорит также Иоанн экзарх болгарский в Шестодневе, где сказано: и в блъгарех испръва роды бывают кнези. сын в отьца место и брат в брата место, и к-заръх такожде слышим бывающе. Лист 130 (должен быть 140) издания Бодянского.

рость, то скажи мне, сколько родов от Адама до Моисея и сколько лет владел каждый род? — Не в состоянии будучи дать ответ на это, собеседник умолк. Когда пришли к кагану и стали садиться обедать, спросили его, обратившись к нему: как нам почтить тебя, чтобы по-садить сообразно с твоим саном? — Отвечал Константин: я имел деда великого и славного, который стоял близко к царю и, отвергнув добровольно данную ему великую честь, был изгнан, и, удалившись в чуждую страну, обнищал, и там меня родил. Я ищу эту старую дедову честь и не заслужил иной, ибо я внук Адамов. — Достоин и справедливо говоришь ты, гость, отвечали они; и стали относиться к нему тем с большим вниманием. За обедом каган, взяв чашу, сказал: я пью во имя единого Бога, сотворившего всякую тварь. — В ответ на это философ, взяв чашу, произнес: пью во имя единого Бога и Его Слова, сотворившего одним словом всякую тварь, Которым небеса утвердились, и животворящего Духа, Которым стоит вся сила их. — Отвечал ему каган: мы все одинаково говорим о нем, различно только Его понимаем. Вы славите Троицу, а мы единого Бога, придерживаясь книг — Слово и Дух проповедуют книги, отвечал философ: если кто тебе воздаст честь, а слова твоего и духа твоего не чтит, а другой чтит и тебя, и твое слово, и твой дух, который из двух воздаст тебе большую честь? — Тот, который чтит и меня, и мое слово, и мой дух, отвечал каган. — По этому самому мы поступаем лучше в отношении к Богу, доказывая это делами и слушая пророков. Ибо Исая сказал: слушайте меня, Иаков и Израиль, призванный Мой; Я первый, Я и последний, Я был там, и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его (Исая 48.12—16). — Тогда иудеи, стоявшие около него, сказали ему: скажи, как может женский пол вместить во чреве Бога, на Которого и взирать не может, а тем менее родить Его? — Философ, указав пальцем на кагана и на его первого советника, отвечал: если кто скажет, что первый советник не может угостить кагана, а последний его раб может и угостить кагана, и воздать ему честь, скажите мне, как мы назовем такого человека: умным или неразумным? — Конечно, неразумным, и даже очень. — А какое из видимых творений, продолжал философ, самое совершенное? Человек, отвечали ему, ибо он создан по образу Божию. — Если так, сказал философ, то как гром не убьет тех, которые говорят: Бог не может вместиться в человека, когда Он и в купину вмещался и в облак, бурю и дым, являясь Моисею и Иову. Ибо каким образом может болящий получить исцеление от другого болящего, и род человеческий, пришедший в истление, от кого мог получить обновление, как не от самого Творца своего. Скажите мне: если врач хочет приложить пластырь болящему, приложит ли его к дереву или камню и исцелится ли таким образом больной? И Моисей, простерши руки, в молитве сказал Духом Святым: в громе и гласе трубном не являйся к нам, Господи щедрый, но вселись в наши утробы, отняв наши грехи. Так говорит Акила¹. — После этих слов разошлись с обеда, назначив день для дальнейшего собеседования.

Прения с иудеями

Х. Снова сев с каганом, философ сказал: я один среди вас, без рода и друзей. Мы спорим о Боге, в руках Которого всяческая и сердца наши. Те из вас, которые сильны словом, когда поймут нашу беседу, пусть скажут: это так, а чего не поймут, пусть просят объясне-

¹ Грек Акила, известный при императоре Адриане, принявший хр. крещение, но ставший в христианстве сторонником иудейства, или иудействующим христианином, перевел Ветхий Завет с еврейского на греческий язык.

В дошедших до нас рукописных библейских текстах, именно в Книгах Царств, встречаются ссылки на Акилу наряду с другими переводчиками и толкователями Ветхого Завета.

ний.—Мы придерживаемся в писании не буквы, а духа, отвечали иудеи: скажи нам, какой закон Бог даль людям сначала? Моисеев или тот, который вы держите?—Потому ли спрашиваете, что держитесь первого закона? сказал философ.—Да, подобает держаться первого, отвечали они.—Если хотите держаться первого закона, продолжал философ, то оставьте обрезание.—Почему говоришь так? спросили они.—Скажите мне правду, отвечал философ, в обрезании ли дан первый закон или в необрезании?—Они отвечали: мы думаем—в обрезании.—Философ сказал: не Ною ли Бог дал закон вначале, после отпадения Адама, называя закон заветом? Ибо Он сказал ему: вот Я поставляю завет мой с тобою, и с семенем твоим, и со всем потомством твоим (Быт. 9.9) в трех заповедях. И все ешьте, как и зелень травную, что есть в поднебесной, и что на земле, и что в водах, только плоти с душою ея, с кровию ея не ешьте; и кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека (Быт. 9.3—4.6). Что вы скажете на это, утверждая, что держите первый закон?—Отвечали ему иудеи: мы считаем первым закон Моисеев, этот же Бог не называл законом, а заветом, как и прежде заповедь Адаму в раю и Аврааму обрезание. Ибо иное дело закон, а иное дело завет. Оттого Бог и выразил то и другое различными словами.—А я скажу вам, отвечал им философ, что закон называется заветом. Ибо сказал Бог Аврааму: и будет завет мой на теле вашем заветом вечным. И сие будет знаменем завета между Мною и тобою (Быт. 17.11—13). И Он опять вопиет к Иеремии: слушайте слова завета сего и скажите мужам Иуды и жителям Иерусалима; и скажите им: так говорит Господь Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который Я заповедал отцам вашим, в день, в который вывел их из земли египетской (Иерем. 11.2—4).—Иудеи отвечали на это: так и мы думаем, что закон называется также заветом. И все, которые держались закона Моисеева, угодили Богу. И мы, держась его, надеемся быть угодны Богу; а вы, поставивши другой закон, попираете закон Божий.—И хорошо делаем, сказал философ, ибо, если бы Авраам не принял обрезания, а держался завета Ноева, не назвался бы он другом Божиим. И Моисей, написав закон, не соблюдал прежнего. Так и мы поступаем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божия заповедь пребывала твердой. Ибо, дав закон Ною, не сказал ему, что даст другой, но пребывающий во веки в душу живу. Равным образом, и давая обещание Аврааму, не возвестил ему, что даст другой закон Моисею. Вы соблюдаете закон. А Бог устами Иезекииля вопиет: изменю его и дам вам другой. А Иеремия сказал: вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, такой завет, какой Я заключил с отцами их, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской; тот завет Мой они нарушали, и Я возненавидел их. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его и буду им Богом, а они будут Моим народом (Иер. 31.32—33). И опять тот же Иеремия сказал: так говорить Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и разспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему и найдете покой душам вашим. Но они сказали: не пойдем. И поставил Я стражей над вами, сказав: слушайте звука трубы. Но они сказали: не будем слушать. Итак, слушайте народы и знайте собрание, что с ними будет. Слушайте Меня: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их, ибо они слов Моих пророков не слушали и закон мой отвергли (Иер. 6.16—19). И не только этими местами могу вам доказать, что закон престанет, но и многими другими свидетельствами пророков.—Отвечали ему иудеи: всякий иудей знает, что будет так, но еще не пришло время Мессии.—К чему говорите так, когда знаете, что

Иерусалим разрушен и жертвы престали и все сбылось, что о вас предсказали пророки. Малахия говорит: нет Моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф (Малах. I. 10. 11).—Они отвечали: слова, которые ты говоришь, значат: все народы будут благословены ради нас и обрезаны в Иерусалиме.—Сказал им философ: так говорит Моисей: если будешь слушать гласа Моего и будешь исполнять все, что скажу тебе, проведу пределы твои от моря Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки Евфрата (Исх. 23. 22.31). А мы, народы языческие, благословимся о Том, о Ком благословено семя Авраама, о Ишедшем от корня Иесеева, Названном чаянием язык и светом всей земли и всех островов, просвещенные славою Божией, независимо от того закона (т. е. Моисеева) и места (т. е. Иерусалима). И Захария сказал: ликуй от радости дочь Сиона: се Царь твой грядет к тебе кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной; и в другом месте: тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук, и Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря и до моря и от реки до концов земли (Захар. 9. 9—10). Иаков сказал: не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов (Бытие 49.10). Видя все это сбывшимся и исполнившимся, кого иного ждете? Даниил, наученный ангелом, сказал: семьдесят седмин до Христа Владыки, то есть 490 лет, определены, чтобы запечатаны были видение и пророк (Дан. 9.24—25). Какое, вы думаете, царство разумеет Даниил под железным царством в образе (виденном Навуходоносором)?—Они отвечали: римское.—А камень, отвергнутый от горы не руками, Кто есть? (Дан. 2.45),—спросил их философ.—Помазанный, отвечали они: если же, как ты говоришь на основании пророков и других доказательств, Он уже пришел, то каким образом римское царство доселе сохраняет господство?—Философ отвечал: оно уже не сохраняет; ибо прошло, как и прочия. Наше царство не римское, но Христово, как сказал пророк: воздвигнет Бог небесный царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно (Дан. 2.44). Не христианское ли царство ныне называется именем Христовым, и римляне поклонялись идолам, христиане же—то из одного, то из другого народа и племени—царствуют во имя Христово, как говорит, обращаясь к вам, пророк Исайя: не оставите имя ваше избранным Моим для проклятия; и убьет тебя Господь Бог, а рабов Своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины; и кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины (Исайя 65. 15—16). Не сбылось ли все предсказанное о Христе пророками? Так говорит Исайя об Его рождении от Девы: се Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит с нами Бог (Исайя 7.14). А Михей сказал: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ Мой, Израиля, и котораго происхождение из начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить (Мих. 5.2 ; св. Матф. 2.6). И Иеремия говорит: спросите и разсудите: рождает ли мужчина? велик тот день, не было подобного ему; это бедственное время для Иакова, но он будет спасен от него (Иер. 30.6). А Исайя сказал: еще не мучилась родами, а родила; прежде, нежели наступили боли ея, разрешилась сыном (Исайя 66.1).—Иудеи опять сказали: мы благословенное племя Сима, благословены отцом нашим Ноем, а вы нет.—Отвечал им Константин: благословение вашего отца есть не что иное, как

слава Богу, и иным чем оно быть не может, ибо «благословен Господь Бог Симов» (Быт. 9.26), сказал Ной, а к Иафету, от которого мы произошли, сказал: да распространит Господь Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых (Быт. 9.21)¹.—Итак объяснял им из пророков и других книг, пока они сами не признались: все это так, как ты говоришь. И снова сказали: как вы, уповая на человека, думаете быть благословенными, а писание проклинает такого человека. В ответ на это спросил их философ: Давид проклят или благословен?—Сказали: благословен.—И мы уповаем на Того, на Кого он, отвечал философ: он сказал в псалмах: человек мирный со мною, на которого я полагался (Псал. 40.10). А этот человек есть Христос Бог; а кто уповает на простого человека, того и мы считаем проклятым.—Тогда иудеи предложили ему другой вопрос: каким образом вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отвергал его, а исполнил, согласно закону Моисееву?—Отвечал философ: Кто сказал Аврааму: и поставлю завет Мой между Мною и тобою, Тот пришел и исполнил его. И было соблюдаемо обрезание до Мессии, а нам Он дал крещение². Снова спросили его иудеи: каким образом вы, поклоняясь идолам, думаете угодить Богу?—Философ отвечал: прежде научитесь различать имена, что значит икона и что значит идол. И, рассмотрев это, не нападайте на христиан, ибо десять значений имеет этот образ в вашем языке. Спрошу вас и я. Не образ ли скинии, которую видел на горе Моисей, принес вам и не по этому ли образу построил скинию с помощью искусства из дерева, кожи и шерсти и поставил в ней изображения херувимов? Если он так это сделал, то скажем ли мы, что вы поклоняетесь дереву, коже и шерсти, а не Богу, в то время давшему такой образ. То же можно сказать и о храме Соломона, в котором были изображения херувимов и ангелов и многия другия. Так и мы, христиане, создавая образы Божиих угодников, оказываем им честь, отделяя доброе от образов демонских. Ибо и Писание порицает приносящих в жертвы сыновей и дочерей и проповедует гнев Божий, и то же Писание в других случаях хвалит приносящих в жертву сыновей и дочерей своих³.—Иудеи сказали ему: как вы едите мясо свиней и зайцев и не боитесь быть противны Богу?—Отвечал им: первый завет повелевал: все движущееся, что живет, да будет вам в пищу; как зелень травную, даю вам все (Быт. 9.9). Для чистых все чисто, а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены ум и их совесть (1 Тим. 1.15). И Бог говорит в Бытии: все весьма хорошо, но ради вашей алчности исключил немного только: и ел Иаков и насытился и оставил Бога (Второзак. 32.15); и в другом месте: сели люди есть и пить и встали плясать.—Все, сказанное о прениях, мы привели из обширного изложения вкратце ради памяти. А кто хочет узнать эти святые беседы в полном виде, найдет их в книгах, которые перевел наш учитель и ар-

- 1 Малышевский объясняет это место так: «Философ, объяснив смысл Ноева благословения, заметил, что от этого благословения ничего уже не осталось у иудеев, но что исполнилось и исполняется над христианами из народов потомства Иафета благословение, данное ему: да распространит Господь Иафета и внидет в селения Симовы. Это был намек на разсеяние и умаление иудеев, как народа, и на повсюдное распространение христианства и возрастание христианских народов».
- 2 Очень вероятно, что сокращение полных бесед Кирилла, писанных на греческом языке, повело к некоторым неясностям изложения в этой главе жития. Следующее затем место, представляющее параллель к Толковой Палее (памятник, в котором заключается толкование Ветхого Завета, направленное против иудеев, с значительными вставками из источников апокрифических), опущено, так как представляет большое затруднение при переводе.
- 3 Это место переведено по списку жития Кирилла у Бодянского № 1, представляющему в данном случае значительное отличие от списка, напечатанного Шахариком.

хиепископ Мефодий, брат Константина философа, разделив их на восемь частей¹). В них можно видеть силу слова, поражающего противников, подобно пылающему пламени.—Каган хазарский и его вельможи, выслушав все слова его, сказали ему: ты послан Богом для нашего наставления и знаешь писание, наставляемый Богом; ты все сказал нам, как следует, и досыта усладил нас, как мед, сладкими словами святых книг. Мы люди простые и верим, что все, что ты говорил, исходит от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, объясни нам все, о чем мы тебя спрашиваем, в притчах. С этим разошлись до следующего дня.

XI. Собравшись на другой день, сказали ему: докажи нам, честной муж, притчами, какая вера лучше всех других. Отвечал им философ: были двое супругов у одного царя в великом почете, очень любимы; и когда они согрешили, изгнал их царь из земли своей. Жив много лет в изгнании, они родили детей в нищете. Дети их, собираясь, совещались, каким бы путем вернуть им прежнее место; каждый из них советовал по своему; какому же совету следовать, не лучшему ли?—Они сказали: чего ради ты говоришь так? каждый свой совет считает лучшим; так и сарацины свой, а другие другой. А ты скажи нам, какой из них разум велит считать лучшим?—Отвечал философ: огонь изсушает золото и серебро, а человек умом отсекает ложь от истины. Скажите мне, что было причиной первого падения? Не видели сладкого плода и не похотение ли Божества?—Они сказали: это так.—Сказал философ: если кто-нибудь, поев меду или напившись холодной воды, заболит, и врач, придя, скажет ему: ешь еще больше меда и выздоровеешь; а тому, кто пил воду, скажет: напившись холодной воды, встань на морозе нагим, и выздоровеешь; а другой врач не то скажет, но предпишет противное болезни лекарство: вместо меда пей горькое и постись, а вместо холодного пей теплое и горячее; который из двоих искуснее врачует?—Все отвечали: тот, который предписывает противные болезни лекарства. Ибо горестию настоящей жизни следует умертвить похоть наслаждений, и смирением гордость, врачую противное противным. Так и дерево сначала растит шип, а потом приносит плод, как мы имеем обыкновение говорить.—И отвечал философ: хорошо вы сказали. Ибо закон Христов являет остроту жизни в Боге, а в вечных жилищах приносит плод сторицею.—Тогда один из них, хорошо знавший злобу сарацинскую, спросил философа: скажи мне, гость, отчего вы не следуете Магомету? Ведь он очень похвалил Христа в своих книгах, сказав, что от девы, сестры Моисея, родился великий пророк, который и мертвых воскрешал, и всякие недуги исцелял высшею силою?—Отвечал ему философ: пусть каган нас разсудит. Скажи мне: если Магомет пророк, то как мы будем веровать Даниилу, который сказал: до Христа всякое видение пророчества престанет. Как же может быть пророком вали Магомет, явившийся после Христа? Если мы его назовем пророком, то придется отвергнуть Даниила.—Многие тогда сказали: что говорил Даниил, говорил Духом Святым. Что же касается Магомета, то мы все знаем, что он лжет и пагубник общему спасению, что даже лучшие из своих заблуждений он изрек на гибель и соблазн.—Сказал первый советник приятелям сарацинским: с Божиею помощью гость наш всю гордыню жидовскую низверг на землю, а вашу скверну перебросил на другой берег реки. И, обращаясь к народу, прибавил: Бог дал власть над всеми народами царю христианскому, ему же дал и совершенную мудрость, так точно и совершенную веру, и помимо

1 В этих словах житие сохранило нам известие о составлении Кириллом на греческом языке изложения прений с иудеями и магометанами, которое на славянский язык было переведено Мефодием. Ни греческий оригинал, ни славянский его перевод до нас не дошли.

этой веры никто не может достигнуть жизни вечной. Да будет вечная слава Богу.—Все в один голос сказали: аминь.—Тронутый этим философ со слезами сказал тогда, обращаясь ко всем: братья, отцы, друзья и чада, вот Бог дал разум на все и достойный ответ. Если есть еще кто-либо, желающий спорить, пусть придет, чтобы или одержать верх, или быть побежденным в споре. А кто послушает нас, пусть крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то я снимаю с себя вину за это; тот увидит (кто был прав) в день судный, когда Ветхий деньми сядет судить все народы.—Отвечали они: мы не враги себе и от сего дня постепенно, кто может и хочет, велим тому креститься по доброй воле. А кто от вас на запад кланяется, или по-жидовски молится, или сарацинскую веру держит, скоро от нас смерть получит.—И так разошлись с радостью. И крестилось их до 200 человек, отвергнув мерзости язычества и незаконные браки. А каган написал императору такое письмо: ты прислал к нам, государь, такого мужа, который нам объяснил святость христианской веры и словом, и делом. И убедившись, что эта вера истинна, мы повелели креститься добровольно, надеясь со временем и сами это сделать. Мы все приятели твоему царству и готовы тебе на службу, куда нас ни потребуешь.—Провожая философа, каган предлагал ему многие дары, но Константин не принял их, говоря: дай мне, сколько у вас есть в плену греков; это мне лучший дар. И собрали до 200 пленных и дали их ему, и он с радостью отправился в обратный путь.

Проповедь у народа фульскаго

ХII. Придя в безводные пустыни, путешественники едва могли переносить жажду. Найдя воду в болоте, не могли ее пить, потому что вода была горькая, как желчь. Когда все разошлись искать лучшую воду, Константин сказал своему брату Мефодию: я не могу выносить жажды, почерпни воды этой; кто израильтянам обратил горькую воду в сладкую, тот и нам дарует это утешение. Почерпнув, нашли, что вода была сладкая, как мед, и холодная; пили ее и прославили Бога, посылающего такие милости рабам своим.—В Херсоне, ужиная с архиепископом, философ сказал ему: отче, благослови меня, как бы благословил меня отец мой. И когда его спросили, почему он сделал это, философ отвечал: истину говорю, утром он оставит нас и отойдет к Богу. Так и случилось—сбылись слова его.—У народа фульскаго¹ был огромный дуб, сросшийся с черешней, у которого приносили жертвы, называя его по имени: Александр, и не позволяли женскому полу приступать к нему и жертвам его. Услышав это, философ не замедлил пойти к ним и, став посреди их, сказал: если эллины пошли в вечную муку, покланяясь, как Богу, небу и земле, таким великим и добрым созданиям, то как можете избежать вечного огня вы, покланяясь дереву, ничтожному творению, всегда готовому сгореть в огне?—Отвечали они: не мы начали это делать; мы это приняли от отцов наших, и у этого дерева находим исполнение прошений наших, чрез него сходит к нам дождь и многое другое. И как можем мы сделать это (сжечь дерево), когда до сих пор никто из нас не дерзал этого сделать. Всякий, кто дерзнет на это, сейчас же умрет, и не видать нам будет более дождя до кончины.—Отвечал философ: Господь вопиет, говоря: и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам в Фарсис в Пулу и Луду, к натяги-

1 Вероятно, в окрестностях г. Филлы, в Крыму, недалеко от Судака или Сурожя, упоминаемого в житии Иоанна, епископа готскаго, на греческом языке. Известна и епархия Фульская, соединявшаяся иногда с сурожскою.

вающим лук, в Тубалу и Явану, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей; и они возвестят народам славу Мою» (Исайя, 66.18—19). А у Иеремии сказано: вот Я пошлю множество рыболовов, говорит Господь, и будут ловить их; а потом пошлю множество охотников, и они погонят их со всякой горы, и со всякого холма, и из ущелий скал (Иеремия 16.16). Вот Евангелие Нового Завета Божия, в который вы крестились. И так сладкими словами уговорил их и повелел им срубить дерево и сжечь. Поклонившись ему, старейшина их подошел и поцеловал святое Евангелие; его примеру последовали и все остальные. Приняв из рук философа белые свечи, с пением направились к дереву. Константин, взяв топор, сам ударил им 33 раза и велел всем рубить его, выкорчевать и сжечь. В ту же ночь дождь, посланный Богом, напоил землю, и с великою радостью прославили Бога, и возвеселился о сем Бог.

XIII. Философ отправился в Царьград, там видел императора и жил при церкви святых апостолов, пребывая в безмолвии и молясь Богу. Была в храме святой Софии чаша из драгоценных камней—дело Соломона; на ее гранях были еврейские и самарянские надписи, которых никто не мог ни прочесть, ни объяснить. Философ, взяв чашу, прочел эти надписи и дал им объяснение. На первой грани было написано: прорицай до восхода звезды, в пиво буди, Господи, первенцу, бдящему ночью. На другой грани была надпись: на вкушение Господне сотворена древа иного; пей и упейся веселием и возопи: аллилуйя. На третьей грани: вот князь, и весь сонм узрит славу его, и царь Давид посреди их, и затем было написано число 990. Разсчитав время, философ нашел, что от 12 года царства Соломонова до царства Христова прошло 990 лет. Это было прорицанием о Христе¹.

Призыв в Моравию и изобретение славянских письмен

XIV. В то время, как философ радовался о Господе, подоспело другое дело и труд не меньший прежних. Ростислав, князь моравский, наставляемый самим Богом, совещался с зависимыми от него князьями моравскими и послал послов к царю Михаилу с такими словами: наши люди оставили язычество и приняли христианство, но у нас нет такого учителя, который бы нам объяснял на языке нашем христианскую веру, чтобы, следуя нашему примеру, и другие страны нам уподоблялись. Поэтому пошли нам, государь, такого епископа и учителя: от вас во все страны исходит добрый закон. На собранный по этому случаю собор царь призвал Константина философа и, дав ему выслушать это дело, сказал: знаю, что ты очень утомлен, философ, но необходимо тебе идти туда. Никто, кроме тебя, не может исполнить это дело.—Философ отвечал на это: хоть я и утомлен, и нездоров, иду туда с радостью, если только они имеют письмена.—Дед мой, и отец мой, и многие другие, искавши их, не нашли, отвечал Константину император: как я могу найти их?—А в таком случае, сказал философ, как могу я писать слова на воде, что грозит навлечь на меня имя еретика?—Отвечал ему царь со своим дядей Вардою: если ты хочешь, может тебе дать это Бог, который дает всем просящим у Него без сомнения и отверзает стучащим.—По своему обычаю философ удалился в уединение и вместе с помощниками своими отдался молитве. Вскоре Бог

1 В распространенном виде это сказание входило в сборники различного содержания. Смотри один вариант у Срезневского в Малоизвестных памятниках № 40, и у Порфирьева в книге: Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки, из Палей № 866, стр. 240—241.

услышал молитву рабов Своих и открыл ему письма¹, и тотчас он составил славянскую азбуку и начал писать слова Евангелия: в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог было Слово, и проч.² Узнав об этом, царь обрадовался и вместе с советниками своими прославил Бога. И послал Константина со многими дарами, написав Ростиславу такое послание: Бог, который призывает всякого человека прийти к познанию истины и достигнуть высшего совершенства, виде твою веру и подвиг, сотворил для вас в наши лета, что бывало только в старья времена, явив буквы на языке вашем, которых у вас не было раньше, дабы и вы причтены были к великим народам, которые славят Бога своим языком. И мы послали к вам того, кому Бог открыл эти письма, мужа достойного и благоверного, знаю -

1 Призыв славян моравских вызвал Константина на двойной труд — изобретения славянских писмен и перевода Священного Писания на славянский язык.

Относительно писмен возникает вопрос, какой из двух славянских алфавитов, кириллица или глаголица, был изобретен св. Кириллом. Этот вопрос имеет обширную литературу, но, несмотря на это, не считается вполне разрешенным. В последнее время в науке заметно стремление и глаголический алфавит выводить из письма греческого (скорописного), которое в эпоху Кирилла было употребительно у греков. Но далеко не все глаголические буквы могут быть выведены из греческой скорописи. За то вне всякого сомнения стоит зависимость от греческого уставного письма кириллицы. Сказание о письменах славянских черноризца Храбра, по всей вероятности, имело в виду кириллицу.

Перевод Священного Писания и богослужебных книг справедливо считается самым великим подвигом славянских первоучителей. Дав славянам возможность слушать богослужение и пользоваться Священным Писанием на их родном языке, св. Кирилл, как человек великий, возвысился над предразсудком, который господствовал не только в западной половине христианского мира, но и у греков. Есть неоспоримые доказательства, что современные св. братьям греки так же, как и римляне, были склонны допускать богослужение лишь на языках греческом и латинском (на еврейском, в действительности, не было совершаемо богослужение), и до Кирилла славяне тех областей, которые соприкасались с Византией, не получили богослужения на родном языке.

Помимо исключительной высоты нравственного уровня первоучителей, их миссионерская деятельность на востоке не могла не оказать благотворного влияния в данном случае. Первоучители могли слышать совершение богослужения на языке арабском; не говорим уже о том, что они знали о применении к переводу Священного Писания и богослужению родного языка и других народов востока (это видно из 16 главы жития Кирилла). В этом сказалось несомненное преимущество их принадлежности к восточной половине церкви. Интересам научным к языкознанию и археологии Кирилл обязан тем, что знал о переводе Священного Писания на язык готский и о богослужении на этом языке.

Что касается вопроса о том славянском наречии, на которое был совершен перевод Священного Писания, то этот вопрос вызывает в науке далеко не одинаковое решение. Насколько можно судить по языку старейших текстов Священного Писания, этим языком должен быть такой, который принадлежал к юго-славянским наречиям. А так как св. Кирилл и Мефодий знали язык славян солунских, и их первые ученики — помощники, которых они должны были взять с собою из Константинополя, также могли быть только славяне из Македонии или Болгарии, то, по всей вероятности, на их наречие и был сделан перевод. Что главными сотрудниками Константина должны были быть византийские славяне, это должно следовать и из того, что переводить Священное Писание и богослужебные книги приходилось с языка греческого, а предполагать знание греческого языка у моравян трудно. Не следует опускать из виду еще того обстоятельства, что, если бы Константин и Мефодий перевели Священное Писание на язык тех славян, которые их призывали, то они должны были бы в таком случае переводить на наречие западно-славянское, так как перевод был окончен в Моравии, а в Паннонию принесен уже готовым, что странно забывают те, которые всюду выдвигают на первый план Паннонию. Равным образом и перевод Библии трудами Мефодия был совершен также точно в Моравии, а не в Паннонии. Но всякий согласится; что в основе старейшего перевода лежит не западное славянское наречие. И только потому, что деятельность св. братьев протекла на западе, в языке некоторых из старейших текстов мы находим следы фонетики (в незначительной степени) и лексического запаса западно-славянских наречий.

2 Этими словами начинается евангелие недельное, расположенное в порядке годичного богослужения,

щаго книги философа. Прими этот дар, большой и честнейший всякаго злата и сребра, драгоценных камней и богатства преходящаго. При помощи его поспеши утвердить начатое тобою дело и всем сердцем взыщи Бога. Не отринь общаго спасения, но подвигни всех бодро идти по истинному пути, чтобы и ты, приведший их твоим подвигом к разумению Бога, принял свою мзду в сей век и будущий за души всех, хотящих уверовать в Христа Бога нашего отныне и до кончины, и оставил, подобно великому царю Константину, о себе память последующим поколениям.

Установление богослужения на славянском языке

XV. Когда Константин прибыл в Моравию, с великою честью принял его Ростислав и, собрав учеников, отдал их на учение. В скором времени Константин перевел весь церковный чин и научил их утрене, часам, вечерне, повечерию и литургии. И отверзлись, по слову пророка, уши глухих, и услышали слова писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог возвеселился о сем, а диавол устыдился. Слово Божие распространялось, но не потерпел этого добра завистливый искони и треклятый диавол, вошел в сосуды свои и начал возстановлять многих, говоря: не прославляется о сем Бог. Если бы Ему было это угодно, не могли бы Он сделать, чтобы и они издавна писали письмена и славил Бог на своем языке? Но он избрал только три языка—еврейский, греческий и латинский, которыми подобает прославлять Бога.—Так говорили латинские архиереи, иереи и ученики их. Вступив в борьбу с ними, как Давид с иноплемениками, Константин победил их словами Писания и назвал их трезычниками, потому что они ссылались на то, что надпись Пилата на кресте Христа была написана лишь на трех языках. И не только это одно говорили они, но учили и другому безчеству, говоря, что под землей живут люди с большими головами, и всякий гад есть творение диавола, и если кто убьет змею, тому простится девять грехов; если кто убьет человека, три месяца пусть пьет в деревянной чаше и не прикасается к стеклянной; и не возбраняли приносить жертвы по старому обычаю, не препятствовали незаконным бракам¹. Все эти заблуждения Константин посеял, как терние, и попалил огнем слова, говоря: принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои (Пс. 49.14). Жены юности твоей не отпусти. Если же, возненавидев, ее отпустишь, не покроет безчестье похоти твоей, говорит Господь Вседержитель. Поэтому берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей; вы творили то, что я ненавидел, потому что Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, которую ты оставил, между тем как она подруга твоя и жена завета твоего (Малах. 2.13—16). И в Евангелии сам Господь говорит: вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И опять говорю вам: кто разводится с женой своей, кроме вины разведенной, тот прелюбодействует (Матф. 5.27—28—33). Потому и сказано в Писании: что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Матф. 19:6).—Сорок месяцев пробыв в Моравии, Константин отправился в Рим, чтобы посвятить учеников своих. На пути туда принял его к себе Коцел, князь паннонский, и захотел сам научиться славянским книгам и отдал до 50 учеников учиться им. И, оказав ему великую честь, проводил его. И не взял Константин ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата,

начиная с недели пасхальной. Сравни в житии Мефодия примечание к гл. XV.

1 Об истреблении различных заблуждений у моравлян кратко упоминает и составитель древнейшей легенды латинской.

ни серебра, ни чего-либо иного, проповедуя слово Евангелия без мзды. Выпросил только у них обоих 900 пленников и отпустил их.

Диспут в Венеции

XVI. Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, священники и черноризцы, как вороны на сокола, и воздвигли трезычную ересь, говоря: скажи нам, как ты создал для славян книги и учишь по ним, чего до сих пор никто не изобретал, ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы знаем только три языка, которыми следует в книгах славить Бога: еврейский, греческий и латинский. — Отвечал им философ: не идет ли на всех одинаково дождь, посылаемый Богом? Не сияет ли для всех равно солнце? Не дышем ли все мы одним воздухом? Как же вы не стыдитесь признавать только три языка, обрекая на слепоту и глухоту все остальные языки и племена? Скажите мне, безсилен ли Бог дать то, что имеют другие, или по зависти не желает этого. Что нас касается, нам известны многие народы, знающие книги и воздающие хвалу Богу каждый на своем языке; таковы следующие: армяне, персы, авазги, иверы (грузины), сугды, готы, обры (авары), турси, хазаре, арабы, египтяне и многие другие¹. Если их пример вас не убеждает, да судят вас слова Писания. Не вопиет ли Давид, говоря: воспойте Господу вся земля, воспойте Господу песнь новую; и опять: воскликните Богу вся земля (Пс. 65.1). Пойте и возвеселитесь и воспойте. И в другом псалме: вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему вышний (Пс. 116.1). И опять: хвалите Господа все народы, хвалите Его все люди, всякое дыхание да хвалит Господа (Пс. 150). Так и в Евангелии сам Господь говорит: тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими (Иоан. 1.12). И в другом месте: не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе (Иоан. 17.20.21). И в Евангелии от Матфея: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Матф. 28.18.20). И в Евангелии от Марка: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сие знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками (Марк. 16.15.17). Говорит и вам, учителям, закон: горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете (Матф. 23.13). В Евангелии от Луки: горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения, сами не вошли и входящим воспрепятствовали (Лук. 11.52). И апостол Павел в послании к коринфянам сказал: желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он при том будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением? И бездушные вещи, из -

1 Иоанн Златоуст в толковании на св. Иоанна писал: сирияне, египтяне, индийцы, персы и ефиопляне и многие другие народы, переложивши на свой язык его учение, научились любомудрствовать, хотя и варвары. — В большинстве списков читается *турси*. в некоторых *турци*. Шафарик предполагает, не возникло ли *готфи*, *обри*, *турьси* из первоначального: *готфи ти руси* (*рьси*?), считая русских, упоминаемых в глав VIII, не славяно-руссами, а варяго-руссами в Таврии. Или, быть может, разумеются турсиллинги?

дающий звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслих? И если труба будет давать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. Но если я не понимаю значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец. Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви. А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования. Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом. Ибо, если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: аминь, при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего, я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке. Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни. В законе написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушают Меня, говорит Господь (Исайи 28.11.12). Итак, языки суть знамения не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих. Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь? Но когда все пророчествуют и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом, тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог! Итак, что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование: все сие да будет к назиданию. Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое или, много, трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу. И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение. И духи пророческие послушны пророкам; потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых. Жены ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит (Быт. 3.16). Если же оне хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома, у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви. Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло? Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам; ибо это заповеди Господни. А кто не понимает, пусть не понимает. Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками. Только все должно быть благопристойно и чинно (1 Коринф. 14.5—40). И в другом месте говорит: и всяк язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Филип. 2.11).—Таковыми словами и многими другими посрамил их и, оставив их, удалился.

Встреча в Риме с папой Адрианом II. Пребывание в Риме

XVII. Узнав о нём, римский папа послал за ним. И когда пришел в Рим, сам папа Адриан вышел к нему навстречу со всеми гражданами со свечами, потому что он нес с собой

мощи св. Климента, мученика и папы римского. И Бог тотчас сотворил славныя чудеса: человек разслабленный исцелел, и многие другие исцелились от различных недугов; равным образом и пленники, призвавшие имя Христа и святого Климента, избавились от плена. Приняв славянския книги, папа положил их в церкви св. Марии, что в яслях¹, и пели над ними святую литургию. После того папа повелел двум епископам Формозу и Гандерику посвятить славянских учеников. И когда они были посвящены, тотчас пели литургию в церкви св. апостола Петра на славянском языке, а на другой день в церкви св. Петронилы, а на третий день в церкви св. Андрея, а потом опять в церкви великаго учителя вселенскаго Павла апостола. И всенощную пели на славянском языке, а на утро литургию над его святым гробом вместе с Арсением, одним из семи епископов, и Анастасием библиотекарем². Философ с учениками своими не переставал возсылать хвалу Богу за все это. Римляне же постоянно приходили к нему и обо всем его спрашивали и получали от него неоднократно объяснения. Приходил к нему и один иудей и спорил с ним, и один раз ему сказал: еще не пришел Христос по счислению лет, о котором пророки говорят, что Он должен родиться от Девы. Философ же, сочтя все годы от Адама по родам, объяснил ему с очевидностью, что уже пришел и столько лет прошло с того времени до ныне, и, вразумив, отпустил его.

Болезнь и кончина Кирилла

XVIII. В Риме Константина постигли немалые труды, так что он заболел и, долго терпя недуг, увидел раз Бога в видении и начал петь так: о рекших мне «войдем в дом Господень» возвеселился дух мой и сердце возрадовалось. И, облекшись в честныя ризы, пребыл так целый день, радуясь и говоря: отныне я не слуга ни царю, ни кому-либо иному на земле, но только Богу Вседержителю. Я не был, и стал, и есмь во веки. Аминь. На другой день принял святую схиму, приобщив свет к свету, и назвался Кириллом. И пребыл в схиме 50 дней, и, когда приблизился час его преставления в вечныя жилища, подняв руки, со слезами молился Богу такими словами: Господи, Боже мой, Ты, Который сотворил ангельские чины и безплотныя силы, протянул небо и основал землю и все сущее призвал от небытия к бытию; Ты, всегда слушающий исполняющих волю Твою, боящихся Тебя и хранящих заповеди Твои, услышь мою молитву, и верное Твое стадо, к которому приставил меня, неключимаго и недостойнаго раба Твоего, сохрани, избави его от безбожной злобы язычников, говорящих на Тебя хулу, погуби трезычную ересь и возрасти Твою церковь множеством и соедини всех во единодушии и сотвори изрядных людей, единомыслящих о вере

1 Здесь разумеется церковь Sanctae Mariae ad praesepe.

2 Формоз, епископ португальский, Анастасий библиотекарь и Арсений, епископ ортинский, могли быть в Риме в 868 г., когда сюда прибыли Константин и Мефодий. Ранее, в 867 г., там не было Формоза, посланного в конце 866 г. папою Николаем в Болгарию для удержания ея за римским престолом. В конце 869 года из Рима выехал Анастасий, посланный в Константинополь. Этими объяснениями А. В. Горского, подробно изложенными в его исследовании, подтверждается точность показаний жития.

Анастасий библиотекарь, известный ученостью, близко познакомившись с Константином, называет его в предисловии к собору 869 г. и в письме к Карлу Лысому человеком великим, благочестивым, высоким учителем. Гавдерик, епископ велитернский, со вступлением на престол папы Адриана был возвращен из ссылки.

Анастасий упоминает, что Константин объяснял на этих беседах творения Дионисия Ареопагита, переводом которых на латинский язык занимался сам Анастасий.

Твоей и правом исповедании, вдохни в сердца их слова Твоего учения. Они Твой дар, и если Ты принял нас, недостойных проповедания Евангелия Христа Твоего, остриющихся на дела благия и творящих Тебе угодное, то, что Ты мне дал, как Твое, Тебе предаю. Устрой его сильною Твоею десницею и покрой кровом крыл Твоих, да все восхвалят и прославят имя Твое, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.—Всех облобызав святым целованием, сказал: благословен Бог наш, Который не дал нас уловить зубам невидимых врагов наших, но сокрушил их сеть и избавил нас от истления.—И так почил о Господе 42 лет, в 14-й день февраля второго индикта в лето от сотворения мира 6377 (869 г.). И повелел папа всем грекам, бывшим в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним. И сотворили ему проводы, как самому папе. Тогда брат его Мефодий обратился с такой просьбой к папе: мать обязала нас клятвой, чтобы того, кто из нас умрет первый, другой брат перенес в свой монастырь и в нем предал погребению.—И папа повелел вложить его в раку и забить железными гвоздями. И так оставалось тело семь дней в ожидании пути. Но епископы римские сказали папе: если его, странствовавшего во многих землях, Бог привел сюда и взял его душу, то здесь и следует ему быть погребенным, как достойному почтения мужу.—И сказал папа: ради святости его, отступая от римского обычая, погребу его в моем гробе, в церкви святого апостола Петра.—На это возразил Мефодий: если вы меня не послушали и не отдали его мне, то пусть положат его, если это вам угодно, в церкви святого Климента, с мощами которого он пришел сюда.—Так и повелел сделать папа. И снова собрались епископы со всем народом, желая отдать ему последний долг; и когда хотели положить его на место, епископы сказали: откройте раку, посмотрим, цел ли он, не взято ли что у него. И, трудившись много, не могли открыть раку, по Божию повелению. Итак, с ракою положили в гроб на правой стороне алтаря, в церкви святого Климента, где начали совершаться многие чудеса, видя которые, римляне еще более прониклись почитанием к нему и, написав икону над гробом его, начали совершать над ним службы день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему так тех, которые Его славят. Тому слава и честь и поклонение во веки веков, аминь.

2. Житие св. Мефодия

Месяца апреля в шестой день память и житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия, архиепископа моравского.

Благослови отче.

Вступление

1. Бог благий и всемогущий сотворил из небытия в бытие все существующее, видимое и невидимое, и украсил всякою красотою, размышляя над которою, человек лишь отчасти может уразуметь и познать Того, Который сотворил столь многия и дивныя творения. Ибо из величия и красоты произведений составляется понятие и о Творце их, Которого ангелы воспевают тресвятым гласом и все правоверные славят во Святой Троице, т. е. в Отце и Сыне и Святом Духе, в трех ипостасях, т. е. в лицах, но в едином Божестве. Прежде всякого времени свыше всякого понимания Отец родил Сына, по словам Премудрости: прежде всех гор раждает меня. И в Евангелии само Божие Слово, воплотившееся в последние лета на -

шего ради спасения, сказало, пречистыми устами: Я в Отце и Отец во Мне (Иоан. 14.11). От Того же Отца исходит и Святой Дух, как сказал сам Сын Божиим гласом: Дух истинный, Который от Отца исходит (Иоан. 15.26). Этот Бог создал всякую тварь, как говорит Давид: словом Господа сотворены небеса и духом уст Его все воинство их (Пс. 32.6). Ибо Он сказал—и сделалось; Он повелел—и явилось (Пс. 32.10). Прежде всего Он сотворил человека, взяв от земли глину и вдунув от Себя душу животворящим дуновением, и одарил его разумом и свободною волею, да войдет в рай. И, чтобы испытать его, дал ему заповедь, сказав, что—если сохранит ее, будет бессмертен, если же преступит, смертию умрет по своей воле, а не по Божию велению. Тогда диавол, увидев человека столь почтенным и поощряемым занять то место, с которого он ниспал чрез свою гордыню, склонил его преступить заповедь, и человек был изгнан из рая и осужден на смерть. С тех пор диавол не переставал учить и разными кознями соблазнять человеческий род. Но Бог по великой милости и любви не оставил окончательно человека, но во все времена и лета избирал мужей, видя добрые дела и подвиги которых, люди могли бы им уподобляться и стремиться к добру. Таков был Енос, который первый стал призывать имя Господне. За ним Енох, угодив Богу, преставился. Ной оказался праведным в своем роде и спасся от потопа в ковчег, чтобы снова земля исполнилась твари Божией и украсилась. По разделении народов Авраам познал Бога, когда все впали в заблуждение, и назвался другом Божиим, получив обетование: в семени твоём благословятся все народы. Пробрауя Христа, Исаак возведен был на гору в жертву Богу. Иаков погубил идолы тестя (Быт. 35.24) и видел лестницу от земли до неба и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по ней, и, благословляя сыновей своих, пророчествовал о Христе. Иосиф в Египте прокормил людей (во время голода), явившись угодным Богу. Иов авсидийский, человек праведный и непорочный, как пишут книги, претерпев посланное ему искушение, был благословен Господом. Моисей с Аароном в иереях Божиих назвался Богом фараона (Исх. 7.1), навел казнь на египтян и вывел из Египта людей Божиих с помощью светлого облака днем и огненного столпа ночью; разделил море и прошел по суху, потопив египтян; в безводной пустыне напоил людей водою и насытил ангельским хлебом и птицами; говорив лицом к лицу с Богом, насколько возможно человеку говорить с Богом, дал людям закон, Божиим перстом написанный. Иисус Навин разделил людям Божиим обетованную землю, одолев врагов. Судьи также одержали много побед. Самуил, снискав милость Божию, помазал и поставил царя словом Господним. Давид с кротостию управлял народом и научил псалмам. Соломон, всех людей превосходивший от Бога дарованной ему премудростию, оставил много наставлений в притчах, хотя сам и не исполнил их. Илия голодом обличил злобу человеческую; воскресил мертвого отрока; словом низвел огонь с неба, и сжег им жертвы, и избил мерзких жрецов (Ваала); и вошел на небо на огненной колеснице и конях, даровав ученику сугубый дух пророчества. Елисей, получив плащ Илии, сотворил сугубые чудеса. Прочие пророки каждый в свое время пророчествовали о дивных событиях, которые должны были произойти. После них великий Иоанн, ходатай между Ветхим Заветом и Новым, был крестителем Христа, свидетельствовал о Нем и проповедал Его живым и мертвым. Святые апостолы Петр и Павел с прочими учениками Христа, подобно молнии, обошли весь мир и осветили всю землю. После них мученики своею кровию омыли скверну, а преемники святых апостолов, крестив императора, многими подвигами и трудами сокрушили язычество. Честный Селиверст с 318-ю отцами при помощи императора Константина, собрав первый никейский собор, победил Ария и проклял его

и воздвигнутую им на Святую Троицу ересь, уподобившись Аврааму, который с 318-ю рабами поразил царя еламского и принял благословение и хлеб с вином от Мельхиседека, царя салимокаго, ибо он был иерей Бога Вышняго. Григорий Богослов с 150-ю отцами и с императором Феодосием великим в Царьграде подтвердил святой символ, т. е. Верую во единого Бога. На этом соборе, отлучив от церкви Македония, прокляли его и хульное учение его, которое он говорил против святого Духа. Целестин и Кирилл с двумя-стами отцов и императором Феодосием малым в Ефесе ниспровергли заблуждения Нестория. Лев и Анатолий с правоверным императором Маркианом с 630 отцами в Халкидоне прокляли безумное заблуждение Евтихия. Вигилий с богоугодным Иустином и с 165 отцами, собрав пятый собор и рассмотрев современные ему лжеучения, их осудили¹. Агафон и папа римский с 170-ю отцами, с честным императором Константином на шестом соборе пресекли многия смуты и, осудив на изгнание, прокляли Феодора фараньскаго, Севира и Пирона, Кира александрийскаго, Гонория римскаго, Макария антиохийскаго и прочих сообщников их, а христианскую веру, на истине поставив, утвердили².

Происхождение Мефодия

II. Вслед за всеми этими милостивый Бог, который желает, чтобы всякий человек был спасен и пришел к познанию истины, в наше время ради народа нашего, о котором никто никогда не позаботился, воздвиг на служение нашего учителя, блаженного Мефодия, которого подвиги и добрые дела не стыдно сравнить с такими же этих угодников. Ибо одним он был равен, другим уступал немногим, а некоторых превосходил: отличавшихся даром слова подвигами, а подвижников словом. Всем избранникам Божиим уподобляясь, он отражал в себе все их черты, обнаруживая страх Божий, соблюдение заповедей, чистоту плоти, неусыпность молитв, святость, силу и мягкость слова, силу—на врагов, мягкость—на принимающих вразумление, гнев, крепость, милосердие, любовь, страсть и терпение—(одним словом) был все для всех, чтобы все приобрести (1 Коринф. 9.22). И рода был с той и другой стороны не низкаго, а весьма добраго и честнаго, угоднаго Богу и известнаго императору и всей стране солунской, что было видно и по самой его наружности. Поэтому и греки любили его с детства и часто вступали с ним в беседу, а, наконец, и сам император, узнав его редкия способности, дал ему во владение славянское княжество—для того, прибавлю от себя, чтобы он мог изучить все обычаи славянские и мало-по-малу с ними свыкнуться, словно предвидел, что придется послать его учителем славянам и первым их архиепископом.

III. Пробыв на том княжении многие годы, Мефодий видел без конца суету мирской жизни и мрак земных забот оставил для помыслов о небе; не хотел он благочестивую душу осуетить непрестанно и, воспользовавшись удобным временем, оставил княжение и удалился на Олимп³, где живут святые отцы, и там принял пострижение, облекшись в

1 Лица лжеучителей не указаны в житии.

2 На том основании, что, упоминая о вселенских соборах, автор жития ставит впереди имя пап и при перечислении соборов упоминает только о шести, между тем как Константин и Мефодий жили и действовали после седьмого вселенского собора, А. В. Горский думал, что житие Мефодия было составлено в стране, признававшей церковную зависимость от римскаго престола. Но профессор Воронов указал, что и у византийских писателей IX века соблюдается такой же точно порядок: у Амартала, Феофана и даже у Фотия; а седьмой вселенский собор не сразу был признан и церковью восточною.

3 То есть вышеупомянутый Олимп малоазийский (сравни житие Кирилла, гл. VII).

черные ризы; и смиренно пребывал в повиновении, вполне соблюдая монашеский устав, прилежно занимаясь книгами.

Мефодий у хазар и в Моравии

IV. В это время император послал брата его философа¹ в Хазарию, а этот взял его к себе в помощники. Были там иудеи, ярые хулители христианской веры. Мефодий не ослушался, сказав: я готов умереть за христианскую веру, отправился вместе и, как раб, служил меньшему брату, оказывая ему полное повиновение. И братья одержали верх над противниками Христа и посрамили их: Мефодий—силою молитвы, Константин—силою слова. По возвращении их император и патриарх, увидев способность Мефодия к подвигам христианской жизни, склоняли его принять посвящение в сан архиепископа, предлагая ему почетное место, где была потребность в таком муже. И только после отказа его поставили его игуменом в монастыре, называемом Полихрон, который был богат средствами и братией: в нем было до 70 отцов².

V. В эти дни Ростислав, князь славянский, и Святополк послали послов из Моравии к императору Михаилу с такими словами: Божиею милостью мы здоровы, но пришли к нам учителя христианской веры из Италии, Греции и Германии, учат нас различно; а мы, славяне, простые люди, и нет среди нас такого человека, который исправит нам всякую правду. Тогда император Михаил сказал философу Константину: слышишь, философ, в чем дело. Никто другой, кроме тебя, не может его исполнить. А потому даю тебе дары, и, взяв брата своего игумена Мефодия, отправляйся. Ведь вы оба солуняне родом, а солуняне все свободно говорят по-славянски³.—Не смели братья ослушаться Бога и царя, внимая словам святого апостола Петра: Бога бойтесь, царя чтите. Сознывая величие предстоящего подвига, братья предалися молитве с остальными своими единомышленниками. И явил Бог философу славянския письмена. И, устроив письмена и совершив перевод, он отправился в Моравию, взяв Мефодия. С обычною покорностью Мефодий служил философу и учил вместе с ним. Три года пробыв в Моравии, они отправились в Рим для посвящения учеников своих.

VI. Папа Николай, до которого дошли слухи о подвигах их, послал за ними, желая их видеть, как ангелов Божиих. Он освятил их учение, положил славянское Евангелие на алтаре святого апостола Петра, а блаженного Мефодия посвятил во священника⁴. Но было в

1 Интересно, что житие не называет даже имени Константина. И вообще, по справедливому замечанию А. В. Горского, в житии Мефодия по большей части опускается, что подробнее изложено в житии Кирилла. В этом видят указание на то, что оба жития написаны одним автором.

2 А. В. Горский заметил: «монастырь Полихрон неизвестен». Позднейшие исследователи указали его место: «монастырь этот находился у азиатского берега Мраморного моря, близ Кизика» (Малышевский). Что касается дальнейших слов жития об этом монастыре, то А. В. Горский слова: «ему же се мера 24 спудове злата» находил неясными. В старших списках вместо «се мера» стоит «съмера» (mensura); а что касается слова «спуд», то у Миклошича, кроме других значений этого слова, приведено значение «талант». Повидимому, этими словами определялось богатство монастыря.

3 В этих словах, вносимых составителем жития в уста императора Михаила, заключается важное и интересное указание на степень распространенности среди солунян знания языка местного славянского населения т. е. славян македонских.

4 Папа Николай, вызывавший в Рим Константина и Мефодия, не дожидаясь их прибытия, и встречал святых братьев преемник его Адриан, как это видно из XVII главы жития Кирилла.

Не должно быть странным, что Мефодий посвящен был во священники, хотя был уже и игуменом (смотри главу IV). В Греции в то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и

Риме немало и таких людей, которые порицали славянския книги и говорили, что не следует никакому народу иметь своих букв, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата на Кресте Господа. Таких папа назвал пилатниками и трязычниками и предал их проклятью. Одному из таких епископов, который был заражен этим недугом, повелел по-святить из учеников Мефодия трех священников и двух чтецов.

VII. Спустя немало времени, философ на смертном одре сказал Мефодию, брату своему: брат, мы были подобны паре волов, пахавших одну борозду; и вот я падаю на лехе, скончав дни свои, а ты так сильно любишь гору (т. е. Олимп); смотри же, не оставляй ради горы своего учения, которым скорее можешь быть спасен.

Мефодий поставляется епископом Паннонии

VIII. В это время Коцел, князь паннонский, послал к папе послов и просил его отпустить к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. Папа отвечал: не тебе одному только, но и всем странам славянским посылаю его учителем от Бога и святого апостола Петра, первопрестольника и хранителя ключей от царствия небеснаго. И отправил его с таким посланием¹: «Адриан епископ и раб Божий² к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение. Слышали мы о ваших духовных подвигах, которых вам желали, молясь о вашем спасении, что воздвиг Господь сердца ваши искать Его и показал вам, что не только верою, но и добрыми делами должно служить Богу. Ибо вера без дел мертва есть; и ошибаются те, которые думают, что знают Бога, а делами от него отпадают; ибо не только у нашего святительскаго престола просили вы учителя, но и у благовернаго императора Михаила, и он послал вам блаженного Константина философа с братом, прежде чем мы успели послать кого-либо. Они же, узнав, что области ваши принадлежат апостольскому престолу, против канонов ничего не сделали, но явились к нам с мощами святого Климента. И мы, испытав тройную радость, постановили послать в земли ваши Мефодия, посвятив его с учениками, сына нашего, мужа, исполненнаго разума и правовернаго, чтобы он научил вас, как вы просили, объясняя книги на языке вашем, весь церковный чин вполне и с святою литургией и крещением, как начал это вспомоществомый благодатию Божией и молитвами святого Климента Константин философ. Так, если и кто другой в состоянии будет достойно и правомерно объяснять их, да будет благословен на это святое дело и самим Богом, и нами, и всей кафолическою и апостольскою церковию, чтобы вы скорее познали заповеди Божии. Один только сохраните обычай: читать на литургии апостол и евангелие сперва по-латыни, а потом по-славянски, чтобы исполнились слова Писания (о том), что все народы восхвалят Господа (Псал. 116. 1); и в другом месте: все возглаголют на различных языках величие Божие, как Дух Святый внушит им отвечать (сравни Деян. 2. 4). Если же кто из избранных вами учителей, падких на слухи и отвращающих от истины к заблуждению, дерзновенно начнет соблазнять вас, порицая книги на языке вашем, такой да будет отлучен и да будет предан суду церкви, пока не исправится.

простые монахи (Голубинский, стр. 190).

- 1 На латинском языке это послание папы Адриана до нас не дошло. Перевод славянского текста на латинский язык напечатан чешским ученым Ербенем в издании: Regata Bohemiae et Moraviae. Pars I Prague 1855.
- 2 Титул папе в житии передан не вполне правильно: «раб Божий» вместо «раб рабов Божиих», т. е. *servus servorum Dei*. Неправильность может объясняться простым опущением слова «раб»: старая форма родительного падежа множественного числа равнялась именительному единственного.

Такие люди суть волки, а не овцы, которых следует знать по плодам их и беречься их. Вы же, возлюбленные чада, послушайте Божие учение и не отриньте церковное поучение, чтобы пребыть истинными поклонниками Бога, нашего Отца небесного со всеми святыми. Аминь». И Коцел принял Мефодия с великою честью и снова послал его к папе вместе с двадцатью почтенными мужами, чтобы посвятил его на епископство в Паннонии, на престол святого апостола Андроника, из числа семидесяти¹. Так это и было.

Немецкое духовенство преследует Мефодия

IX. После этого старый враг, завидующий добру и противник истине, возстановил против Мефодия врага моравского короля вместе со всеми епископами, которые обвиняли его, говоря: ты учишь в нашей области.—Отвечал на это Мефодий: если бы я знал, что это ваша область, не вступал бы в ее пределы, но она принадлежит святому Петру. А потому скажу вам правду: если вы из ревности и алчности, вопреки канонам, посягаете на старья области, возбраняя проповедь Божия учения, то берегитесь, как бы, желая прошибить железную гору костяными теменами, не пролить ваш мозг.—Ему отвечали: не быть добру, когда говоришь так сердито.—Отвечал Мефодий: не стыжусь говорить правду и в присутствии государей. Делайте со мной, что вам угодно. Я не лучше тех, которые за правду положили жизнь после многих мучений.—После того, как долго и много говорили и не могли ему дать ответа, сказал король: не утруждайте моего Мефодия, он вспотел, словно у печи.—Отвечал на это Мефодий: да, государь, люди, встретив раз потного философа, спросили его: отчего ты вспотел? С грубыми людьми спорил, сказал он.—После этих прений разошлись, а Мефодия заточили в Швабии и держали в заточении два года с половиной².

Мефодий архиепископ Моравии

X. Весть о том дошла до папы, и лишь только он узнал это, послал проклятие на врагов Мефодия, да не поют литургии все епископы королевские, пока его держат в заключении; и тогда отпустили его, сказав Коцелу: если будешь держать у себя такого человека, не избежишь нашего осуждения. Но они сами не ушли от святого суда Петрова. Четверо этих епископов умерли³. Как раз в это время моравляне, поняв, что немецкое духовенство, которое жило у них, питает к ним неприязнь и злоумышляет против них, прогнали их всех и послали сказать папе: так как и прежде отцы наши от святого Петра приняли крещение, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем. Тотчас же послал его папа; и князь Святополк со всеми моравлянами принял его и поручил ему все церкви и новопосвященных во всех городах. С того дня начало преуспевать Божие учение, увеличилось число посвящаемых во все города, а язычники веровали в истинного Бога, оставляя свои заблуждения. И

1 «Ни в одном сказании о Кирилле и Мефодии не говорится, чтобы Мефодий сначала послан был из Рима только священником, а потом уже епископом. Но нет уважительных причин отвергать сего. Жизнеописатель знает даже и то, как велико было числом посольство, чрез которое Коцел просил папу о посвящении Мефодия в епископы. И когда он представляет действующим одного Коцела, то этим показывает, что знает тогдашние обстоятельства Ростислава и Святополка».—Горский, стр. 33.

2 В высшей степени интересно, что этот, повидимому, совершенно легендарный рассказ подтвердился открытыми в последнее время папскими буллами.—Рассказ о встрече потного философа встречается в сборниках изречений «о премудрости философии».

3 В округе зальцбургского архиепископа Адальберта (ум. 875), которого разумеет здесь составитель жития, в IX веке были епископы регенсбургский, фрейзингенский—Ганнон (ум. 875 г.), пассавский—Герменрик (ум. 874 г.) и бриксийский; список последних епископов в конце IX столетия неполон.

самая моравская область начала расширяться и побеждать своих врагов, как об этом постоянно рассказывают и сами моравляне.

XI. Был в нем и дар пророчества, и сбывались многие его предсказания, два примера которых мы расскажем. Языческий князь, весьма сильный на берегах Вислы, насмеялся над христианами и причинял им вред. Послав к нему, Мефодий сказал: хорошо бы тебе, сын мой, креститься в своей стране и по доброй воле, чтобы не пришлось, попавшись в плен, быть крещеным в чужой стране и против воли, тогда вспомнишь мои слова. Что и случилось.—Другой раз, когда, Святополк вел войну с язычниками и не имел успеха в затянувшейся долгое время борьбе, Мефодий по случаю приближавшегося праздника святого апостола Петра послал сказать князю: если обещаешь в день святого Петра с воинами своими выслушать у меня богослужение, твердо верую—Бог предаст тебе врагов твоих в самом скором времени. Так это и случилось.—Некто другой, один богатый советник князя, женился на свояченице и, несмотря на увещания и наставления и утешения, Мефодию не удалось развести их. Другие же из духовенства, лицемерно себя называющие Божиими рабами, тайно развращали их, льстя им ради богатства их, чтобы потом отлучить от церкви. Видя это, Мефодий сказал: придет время, они не помогут вам, и будете поминать слова мои, но ничего нельзя будет сделать. И Бог оставил их, и внезапно постигла их напасть, и не осталось от них следа, словно от праха, развеянного ветром.—И много подобных предсказаний в образе притч исходило из его уст.

XII. Не терпя это, старый враг и завистник человеческому роду вооружил против Мефодия одних явно, других тайно, как Дафана и Авирона против Моисея. Это были страдающие инопаторскою ересью¹, и совращающие на свою сторону с праваго пути слабейших; они говорили: папа нам дал власть, а его велит изгнать вон и с учением его. Собрались тогда, все моравляне и велели прочесть перед ними папское послание, чтобы услышать об изгнании. Все, как это обыкновенно бывает с народом, печалились и скорбели, лишаясь такого пастыря и учителя, кроме слабых, которых увлекал обман, как ветер листья. Прочтя послание папы, нашли, что в нем было написано: брат наш святой Мефодий правоверен, делает дело апостольское, и ему вручены все славянские земли самим Богом и папским престолом, и кого он проклянет, будет проклят, кого посвятит, тот будет свят. Посрамленные этим враги Мефодия со стыдом разошлись, как туман.

Путешествие Мефодия в Царьград

XIII. На этом только не остановилась их злоба; стали говорить: император на него гневается; если попадет ему в руки, не быть ему в живых. Не допуская и этой хулы на раба своего, милосердый Бог вложил в сердце императора мысль—как и всегда сердце царей в руце Божией—послать послание к святому с такими словами: отче честный, сильно желаю тебя видеть. Будь же добр, приди к нам, чтобы мы могли видеть тебя, пока еще ты жив, и слышать твою молитву. Святой тотчас отправился в Царьград, где император принял его с великою почестью и радостью; похвалив его учение, удержал из его учеников священника и диакона, с книгами². Исполнив все желая святителя, ни в чем его не послушавшись, обло-

1 Под именем ереси инопаторской разумеется учение латинян, которые утверждали, что Дух Святой исходит от Отца и Сына (*Πατρὸς καὶ Υἱοῦ* или *Υἱοῦ καὶ Πατρὸς*).

2 Т. е. византийский император Василий Македонянин. Путешествие Мефодия в Царьград относится, по всей вероятности, к 881 или 882 г. Отсюда видно, что Мефодий захватил с собою в Царьград бого-

бызав и щедро одарив, проводил его обратно на его кафедру. Также принял его и патриарх.

XIV. На обратном пути Мефодий кознями диавола испытал многия бедствия, в пустынных местах от разбойников, в море от бури, на реках от непредвиденных мелей, так что сбылись на нем слова апостола: много раз был в путешествиях, в опасностях от разбойников, в опасностях на море, в опасностях на реках, в опасностях между лжебратиями, в труде и изнурении, часто в бдении, голоде и жажде (2 Коринф. 11. 26. 27), и прочих бедствиях, упоминаемых апостолом.

Труды по переводу Священного Писания

XV. После этого, удалившись от шума и возложив заботу на Господа, Мефодий посадил из своих учеников двух священников-сорописцев и в скором времени перевел с греческого языка на славянский все книги Священного Писания вполне, кроме Маккавейских, в течение шести месяцев: начав от марта месяца до двадцать шестого дня октября месяца¹. Окончив перевод, воздал достойную хвалу и славу Богу, дарующему такую благодать и успех. И, отслужив вместе с клиром своим литургию, отпраздновал память святого Димитрия².—Раньше, вместе с Константином философом, переведены были только Псалтирь, Евангелие и Апостол, и избранные службы церковныя.—Тогда же Мефодий перевел Номоканон и Патерик³.

XVI. Прибывший в это время на Дунай король венгерский захотел видеть Мефодия. Несмотря на то, что некоторые говорили и думали, что это свидание грозит ему опасностью, он отправился к нему. Король принял его, как подобает государю, радостно, с почестями и славою. Побеседовав с ним, как надлежало вести беседы таким людям, и с любовью облобызав его, отпустил с великими подарками, сказав: помяни меня, честной отец, в святых

служебныя книги.

- 1 В этой в высшей степени важной главе составитель жития дает ясное указание на то, что перевод Священного Писания на славянский язык святыми Кириллом и Мефодием был исполнен не сразу. В начале миссионерской деятельности святых братьев в славянских землях Кирилл и Мефодий перевели только Евангелие с Апостолом, т. е. Евангелие апракос (недельное, в порядке годичного круга церковной службы) и Апостол апракос (т. е. недельный, в том же порядке), и богослужебныя книги (сравни главу XV жития Кирилла, где исчисляются виды богослужения: утренняя, часы, вечерня, похвала, литургия). В последние годы архиепископского служения Мефодием были переведены все остальные книги Священного Писания (канонические), кроме Маккавейских. Это последнее показание жития подтверждается свидетельством Иоанна экзарха болгарского, который говорит: великий архиепископ Божий Мефодий брат (Кирилла) преложи (т. е. перевел) вся уставныя книги 60 от еллинска языка в словенск.—«Чтобы судить о вероятности столь скорого переложения св. книг на славянский язык двумя священниками, замечает по этому поводу А. В. Горский, должно иметь в виду, что а) весь Новый Завет и Псалтирь были переведены уже ранее. Переведено было немало глав из В. Завета, которые читаются в паремиях: но сей перевод, как и ныне еще можно примечать, разнится от перевода цельных книг, совершенного при Мефодии; и в этом заключается новое доказательство справедливости повествуемого жизнеописателем. б) Книги Маккавейския, а с ними, вероятно, Книга Товии, Есфирь и 3-ья Ездры, не были еще переведены при Мефодии. След., если не треть, то более четверти труда слагалось с новых переводчиков».
- 2 Святитель Димитрий солунский, покровитель Солуны—родины святых Кирилла и Мефодия—был особенно близок их сердцу, и очень понятно желание Мефодия окончить перевод к 26 октября, дню памяти солунского великомученика.
- 3 Что касается перевода Номоканона, то думают, что был переведен Номоканон Иоанна Схоластика, представляющий более краткую редакцию этого памятника сравнительно с Номоканоном Фотия.

твоих молитвах¹.

Последние дни и кончина Мефодия

XVII. Так удалил святой обвинения против себя со всех сторон, заградил уста многочисленных, свершил свой путь, соблюл веру и ожидал праведного венца. Таким образом, угодивши Богу, был возлюблен Богом, и близко стало время принять покой от страданий и воздаяние за многие труды. Моравляне обратились тогда к нему с вопросом: кого из учеников своих, честной отец и учитель, желаешь ты видеть преемником своего учения?—И указал им на одного из известных учеников своих, по имени Горазда, говоря: вот свободный человек земли вашей, хорошо знающий латинский язык и правоверный. Буди с ним воля Божия и ваша любовь, как и моя.—Было вербное воскресение; весь народ собрался в этот день в церковь, вошел и Мефодий, хотя и больной, и, преподав присутствовавшим последнее наставление, благословил царя и князя, духовенство и весь народ и в заключение сказал: дети мои, постерегите меня до третьего дня. Так и было. На рассвете третьего дня с последними словами: «Господи, в руке твоей предаю мою душу» почил на руках иереев в шестой день месяца апреля, в 3-й индикт 6393 года от сотворения мира.

Ученики почившего разсудили достойным образом воздать ему последнюю честь и, отслужив заупокойную литургию на языках латинском, греческом и славянском, положили его в соборной церкви. Безчисленные толпы собравшагося народа, мужчины и женщины, старые и малые, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовы и сироты, иностранцы и местные жители, больные и здоровые, провожали его со свечами, оплакивая доброго учителя и пастыря, который был все для всех, чтобы все приобрести. Ты же, чтимый святитель, призирая нас своими молитвами, избавь нас, учеников своих, от всякой напасти, распространяя учение, прогоняя ереси, да, живши здесь достойно звания нашего, станем с тобою, твое стадо, одесную Христа Бога нашего, приемля от Него жизнь вечную². Тому честь и слава во веки веков. Аминь.

3. Житие Климента, епископа болгарского³

(БОЛГАРСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Жизнь и деяния, исповедание и отчасти повествование о чудесах иже во святых отца нашего Климента, архиепископа болгарского. Сочинение, написанное святым и славным

- 1 Попытку подтвердить это известие жития сделал Малышевский, допускающий появление угров у Дуная с воеводою Лебедем на основании рассказа Константина Порфирогенета. Тр. К. Д. А. Ноябрь. 446—462.
- 2 Окончание жития дает Малышевскому повод видеть в его составителе непосредственного свидетеля и участника событий, одного из учеников блаженного Мефодия.
- 3 Предлагаемый перевод жития Климента с греческого языка на русский сделан профессором А. И. Меншиковым и был напечатан в юбилейном издании московского университета: Материалы для истории писем Москва, 1855 г. По точности этот перевод считается одним из лучших; равным образом им вполне передается витиеватый, исполненный риторических украшений стиль оригинала. Пользуясь этим переводом, мы допустили лишь незначительные изменения при передаче собственных имен славянских. Их мы передаем согласно болгарскому переводу жития, сделанному Д. Матовым под редакцией профессора М. С. Дринова.

Феофилактом, архиепископом первой Юстинианы и всей Болгарии и магистром риторов в Константинополе¹.

Вступление

1. Придите, чада, послушайте мене (Псал. 33.12), придите, и повем вам, вси боящиися Бога (Псал. 65.16), яко познает род ин, сынове родящиися (Псал. 77.6), и людие зиждеми восхвалят Господа (Псал. 101.19). Так говорил Давид—и мы теперь с ним; ибо величие Божие должно возвещать во всякое время и для всех; и не по этому только—ибо, сколько бы мы ни возвещали и ни изрекали, недосказанного останется безчисленное множество,—но потому что проповедание величества, чудес Божиих и в нерадивейших и заснувших для дел благих производит некоторое пробуждение. Многие думают, что наши времена не имеют ничего похожего на старинные, что, напротив, прежние и чудесами просвещались, и украшались житиями мужей, которые, будучи в теле, жили почти безтелесно, а нашему поколению ничего подобного не даровано от Бога; поэтому и к жизни благой, как будто бы теperшняя природа не вмещает ея, сделались жалким образом неспособными эти плохие знатоки и слишком самоуверенные; ибо существо природы все одно и то же и не изменилось, и Господь оставил Себе и в наши времена весьма много людей, которые, не преклонив колена (3 Цар. 19.18) ни перед какою дольною тварию, во славу Отца небесного просияли светом жизни своею, явившись светильниками миру, содержащими в себе слово жизни. Так и болгарскую страну просветили в последние времена блаженные отцы и учителя, сиявшие учением и чудесами, житием и словом явившись угодными пред Богом, коих всю жизнь описать мне хотелось, но это превосходит силы моего слова². Впрочем, представивши и некоторые только черты, я могу изобразить и человеколюбие, и благодать Бога, сущаго с нами и имеющего быть, как Он обещался, во вся дни до скончания века (Мат. 28.20), и показать всем людям, что не природа у нас изменилась, но извратилось произволение.

1 Житие Климента в надписании приписывается архиепископу болгарскому Феофилактору. Но на том основании, что в самом житии, в главе XVIII, автор выставляет себя лицом самым близким к Клименту, Добровский и Миклошич не находили возможным признать составителем жития архиепископа Феофилакта, так как Климент умер в 916 г., а Феофилакт в 1107 г. При этом Добровский думал, что неизвестный автор жил после Феофилакта, а Миклошич полагал, что автор-болгарин написал житие в X веке. Мнение Миклошича разделял Бодянский, предполагая лишь, что житие сначала было написано славянином и на славянском языке, а позднее было переведено на греческий язык. Шафарик высказывал предположение, что житие Климента, составленное одним из его учеников, было лишь переделано и исправлено архиепископом Феофилактом. В последнее время профессор Воронов старался отстоять принадлежность жития архиепископу Феофилактору. Замечательное ораторское искусство, обширная богословская ученость и, в частности, близость изложения учения о Св. Духе в житии Климента и в трактате «О том, в чем обвиняются латиняне», по мнению Воронова, говорят за авторство Феофилакта. Но в таком случае остается трудным объяснение указанного места в XVIII главе жития.

Что касается содержания жития Климента, то по важности заключающихся в нем известий после пространных житий ему принадлежит первое место в ряду источников для истории св. Кирилла и Мефодия. Оно составляет как бы продолжение пространных житий: в нем определяется вероисповедный характер деятельности св. первоучителей, изображается судьба моравской церкви после смерти св. Мефодия и излагается история просветительной деятельности учеников его, главным образом знаменитейшего из них, св. Климента, в Болгарии, куда принуждены они были удалиться из Моравии.

2 В отличие от пространных житий, житие Климента приписывает св. Кириллу и Мефодию участие в просвещении Болгарии, как это видно из данного места и следующей главы.

Изобретение писмен и перевод Священного Писания

II. Какие же это отцы? вы, может быть, желаете узнать. Мефодий, который украсил епархию паннонскую, будучи архиепископом моравским, и Кирилл, который, будучи велик в любомудрии внешнем, еще более был в любомудрии внутреннем и постигал природу вещей существующих, в особенности же—Единого Сущаго, от Котораго все из небытия получило бытие. Они-то, чистотою жизни вселивши в себя Бога и страха ради, зачатого во чреве, стремясь родить дух спасения (Ис. 26.18), вполне предавались поучительному слову, провозвещаемому на языке эллинском, и действием таковой мудрости многие были привлечены. Но как славянское племя, или же болгарское, не разумело писаний, изложенных на языке эллинском, то святые мужи находили в этом величайшее бедствие и считали для себя предметом неутешной скорби то, что светильник писаний не возжигается в мрачной стране болгарской,—смущались, сетовали и готовы были отказаться от жизни. Что же они делают? Обращают взоры свои к Утешителю, от Коего происходит первоначальное дарование языков и сила слова; от Него просят они благодати для того, чтобы изобрести письмена, сообразная с грубостью языка болгарскаго, и перевести божественныя писания на звуки этого народа. И действительно, предавшись строгому посту, постоянной молитве, изнурению тела, сокрушению и смирению души, они достигают желаемого¹; ибо близ Господь, как говорится в Писании, всем призывающим Его во истине (Псал. 144.18), и еще глаголющу ти, речет: се приидох (Ис. 58. 9). Бог приближайся Аз есмь, а не Бог издалеча (Иерем. 23.23). Так и они в свою очередь ощущают благодать Духа, как утро готовое (Ос. 6. 3), и свет разума возсиял для праведников (Псал. 96.11. 111. 4), и соединенное с ним веселие разогнало прежнюю их скорбь. Итак, получивши это вожделенное дарование, они изобретают славянския письмена, переводят боговдохновенное писание с эллинскаго языка на болгарский, и стараются о том, чтобы ревностнейшим из учеников своих передать божественное учение. И немалое число людей пили от источника их учения. Из них избранными и вождями всего сонма были: Горазд, Климент, Наум, Ангеларий и Савва².

Путешествие в Рим

III. Зная, что и Павел сообщал апостолам о своем благовествовании (Гал. 2.2), спешат и они в Рим, чтобы показать блаженнейшему папе труд своего перевода Св. Писания; достигли туда благополучно и не напрасно стремились. Возседавший тогда на апостольском престоле Адриан, услышавши о их пришествии, возрадовался величайшею радостью. Поражаемый издалеча громом славы, распространившейся об оных святых, он желал видеть и сияние обитавшей в них благодати и испытывал по отношению к божественным мужам то чувство, какое Моисей по отношению к Богу, желая, чтобы и лицо ему явилось и чтобы он мог видеть разумно (Исход. 33.23 и 12). Адриан уже не в состоянии был удержать себя, но, взявши весь священнический чин с находившимся тогда при нем архиерейским, вышел в сретение святым, имея, по обычаю, пред собою знамение креста и блистанием светильников знаменуя сияние радости и вместе, можно сказать, сияние принимаемых им гостей, в прославление коих славимый во святых своих Господь благоволил совершиться

1 О молитве перед изобретением писмен говорится и в пространных житиях (Жит. Кир. гл. XIV, житие Меф. гл. V).

2 Вместе с Кириллом и Мефодием упоминаемые здесь святители были чтимы болгарскою церковью под именем «святых седмичисленников» (*οι αγιοι επταριθμοι*). В честь их была составлена особая церковная служба.

чрез них многим чудесам во время их вхождения. Когда же открылся пред глазами папы их труд и когда он увидел сделанный на помянутом языке перевод Св. Писания, этот плод апостольский, то не знал, что делать от радости; он ублажал святых мужей, называл их различными именами—отцами, чадами возжеленными, радостью своею, венцом веры, диадемою славы и красоты церкви. Потом что он делает? Взявши переведенные книги, принес к святому жертвеннику, посвящая их, как некий дар, Богу и показуя, что такими жертвами плодов словесных благоугождается Бог (Евр. 13.16) и что такого рода плоды приносимые приемлет Он в воню благоухания¹. Ибо для Слова что может быть приятнее слова, разрешающего словесных от безсловесия, так как подобное сорадуется подобному (Песн. в нед. Ваий, после еванг. на утрен.)? А мужей в церкви провозгласил апостольскими, так как они совершили подвиг равный Павлову, стремясь принести Богу жертву от язык совершенную и святую (Римл. 15.16); потом из числа лиц, сопутствовавших святым, тех, которые, по за-свидетельствованию их учителей, были довольно сведущи в языке славянском и отличались благочестивою жизнью, одних удостоил степени пресвитеров, других сделал диаконами; самого же великого Мефодия, несмотря на то, что он долго отказывался и уклонялся, рукополагает во епископа Моравии паннонской², считая несправедливым не почитать именем того, кто удостоен самага дела; ибо столь же грешно, когда кто-нибудь, будучи епископом по существу дела и по достоинству, оставляется скрываться в ряду мирян и, будучи светильником, полагается под одр неизвестности (Лук. 8.16). Итак, Мефодия римский первосвященник украшает епископским достоинством, или, лучше сказать, украшает им епископию, а Кирилла, который был истинным философом, великий архиерей призывает во Святаа Святыа, чтобы там, внутри скинии истинной совершать служение, и духовнее и бо-жественнее приобщатся таин и чаши новой причащаться.

Кончина Кирилла

Святой Кирилл, как будто бы ему назначено было пребывать во плоти на столько времени, чтобы изобрести письмена и сделать перевод Св. Писания, послуживши сим воле Божией, переселяется к Богу, Который научил его разуму (Псал. 93.10). Предузнав свою кончину, он облачается в образ монашеский, которого давно желал, но по смиреномудрию не решался принять на себя, как нечто великое и превышающее силы его, и, приобщивши свет к свету, преставился на небеса, иде же есть Христос,—покинув юдоль плача, сень омрачения, ил тинный, пришельствие в здешнем мире; дух он предал, а тело его, которое прежде естественного умерщвления подвергалось добровольному, с подобающими почестями и песнями, папою в сопровождении клира, погребено в храме Климента, того Климента, который сопутствовал верховному из апостолов Петру и мудрость эллинскую покорил премудрости Христовой, как служительницу своей госпоже³. Таким образом, мудрец приемлет

1 Сведения, сообщаемые в этой главе, о прибытии св. Кирилла и Мефодия в Рим, о встрече их папою Адрианом, о признании папою перевода Свящ. Писания и об освящении славянских книг вполне согласны с рассказом пространного жития Кирилла, гл. XVII. Опущено лишь указание на принесение в Рим мощей св. Климента.

2 В этом случае житие Климента расходится с житием Мефодия (глава VI-я).

3 О последнем времени жизни Кирилла, его пострижении в схиму и погребении передается вполне согласно с пространным житием св. Кирилла. Есть даже одно выражение, вполне соответствующее тексту пространного жития: *το των μοναχων σχημα ελαμψενηνται... και φωτι φως προσλαβον*—в светя мнишькыи образ облаче се и свет кь свету приемь.

мудреца, великий учитель приобщает к себе глас слова, руководитель языков водворяет у себя того, кто светом познания просветил прочие языки. При сем, во свидетельство того, какая слава на небесах ожидает Кирилла, сам Бог посылает знамения и видимое делает предвестником невидимаго; потому что и бесноватые, пришедши ко гробу, получали исцеление, и во многих других болезнях благодать Св. Духа была бичем их прогоняющим; ибо, как скоро кто-нибудь или приходил ко гробу, или призывал имя богоносного сего отца, по мере веры находил избавление от своего недуга; поэтому Кирилл велик был в устах римлян, а еще более в их душах. Итак, чудотворения служили основанием славы его, а эта слава — достижением высшей почести, а почест сего святого — утверждением славы Божией¹.

Мефодий епископ Моравии

IV. Такова была кончина Кирилла, и такова честь воздана ему от священнейшего папы и от Бога. Мефодий же, потерявши своего сотрудника и спутника, который во всем был ему настоящим братом, по плоти и во Господе, скорбел в душе своей по чувству человечества и увлекался привычкою, но, с другой стороны, столько же, если только не больше, и утешался, надеясь в Кирилле иметь помощника в служении учительства тем более, чем действительнее дерзновение, которое он имеет, по отрешении от плоти, приближаясь к Богу. Когда же наступило время Мефодию отправиться в епископию той страны, он, простершись на гробе брата и многократно повторяя дорогое имя Кирилла, оплакавши плотское свое одиночество и испросивши себе молитв его, отправился с учениками в путь. Прибывши в Моравию, он был истинным епископом, отпечатлевая в себе все те черты, в которых у ап. Павла представлен образ епископа (1 Тим. 3.2 и сл.), и просиявая пред всеми учением; ибо он не зарывал таланта, не продавал благодати дара духовного и власть свою не превращал во власть величия и удовольствия внешнего; напротив, всем сообщал дарованное ему благо, одинаково распространяя светозарный луч слова, и не назначая известной меры в даянии пищи евангельской. Тот, кто и прежде епископства так прилежал слову учения, не подвергаясь притом никакой опасности за свой образ действий, теперь, когда вверено ему самое дело, когда он получил священный залог и уже знал, что горе апостолу неблаговестующему, не должен ли был прилепиться к учению, предаваться ему вполне и весь день поучаться словесам Божиим, вселяющим в него сладость паче меда и сота? Действительно, он и Ростислава, который был князем моравским, не переставал каждый день вразумлять и направлять душу его по заповедям Божиим, и также поучал Коцела, бывшего правителем всей Паннонии, убеждая его страху Господню пригвоздиться и, им удерживаясь и управляясь, как бы некоею уздою, уклоняться от всякого зла.

Обращение в христианство Бориса, князя болгарского

Кроме того, болгарского князя Бориса, который жил во времена греческого императора Михаила, великий Мефодий, еще прежде сделавши чадом своим и пленивши его отечественным своим (греческим) языком, во всех отношениях прекрасным, в это время непрестанно осыпал благодетельными дарами словес и поучений². Этот Борис был вообще мужа ума правого и к добру расположенного; при нем и народ болгарский начал просвещаться св. крещением и христианством, в то время как и эти святые мужи, т. е. Кирилл и Мефо-

1 О чудесах при гробе св. Кирилла говорится и в пространном житии.

2 В данном месте болгарский князь Борис признается духовным чадом Мефодия, что стоит в связи с признанием участия свв. Кирилла и Мефодия в просвещении Болгарии.

дий, увидевши множество верующих и заметивши, что чад, раждающихся водою и духом, становится все более, а пищи духовной для них совсем недостает, изобрели письма, как мы об этом сказали выше, и переложили Св. Писание на болгарский язык, чтобы родившиеся чада Божия достаточно имели божественной пищи и могли достигать исполнения духовного и приходить в меру возраста Христова. Таким образом, болгарский народ, оставив скифское заблуждение, познал истинный и прямой путь, который есть Христос, и, наконец, хотя и поздно и уже в 11-й или 12-й час, вошел в вертоград божественный, по благодати их Призвавшего; ибо призвание этого народа последовало в лето от сотворения мира 6377¹.

Борьба с немецким духовенством против *filioque*

V. Итак, великий Мефодий не переставал каждый раз делать князьям наставления всякого рода, то руководствуя их к благочестивой жизни, то предлагая им чистое учение церкви, как бы царскую и неподдельную монету, и во всей целостности и неповрежденности напечатлевав его в душах их. Ибо и тогда уже были люди, которые хотели преобразовать и изменить догматы, поставленные отцами нашими в церкви Божией, и порчею, введенною франками, многие заразили свои души, утверждая, что Сын рожден от Отца, а Дух Святой исходит от Сына. Против них возставши, св. Мефодий, частию из слов самого Господа, частию из учений св. отцов старался уничтожить мудрование и всякое возношение ума, взимающегося на разум Божий и таким образом многих привел в послушание Христово (2 Коринф. 10. 5), обращая их от неправого учения к учению истинному и чистому и из недостойных изводя их честными (Иер. 15.19), — почему он и был и назывался устами Божиими. Таким образом, число верующих с каждым днем умножалось, и слово Божие росло, как говорится у евангелиста Луки об учении апостолов, или, по словам Ветхого Завета (2 Цар. 3.1), дом Давидов возвышался и укреплялся, а дом Саулов упал и изнемогал, уменьшаясь с каждым днем. Секта же еретиков, побеждаемая силою и истиною слова, что только могла, или, лучше сказать, что ей внушал отец лжи, который есть человекоубийца искони и в злодеянии хвалится, то и делала, безчисленными озлоблениями и искушениями стараясь угнетать святого; так как они и Святополка, сделавшагося после Ростислава князем моравским, человека грубого и сущности добра не понимающего, уловивши лестью, совершенно подчинили своему учению. Он, будучи рабом удовольствий женских и валяясь в грязи нечистых дел, мог ли не предаться умом своим скорее им (еретикам), отворяющим ему двери к удовлетворению всех страстей, нежели Мефодию, посрамляющему душестленную горечь всякого удовольствия?² Ибо что выдумал Евномий, начальник ереси аномеев, для того, чтобы привлечь к себе больше учеников, то же замыслило и безумное порождение франков, т. е. все прощать грешникам так, без всякого со стороны их сокрушения и раскаяния, за одно согласие с своими догматами, и позволять им провождать жизнь в нечистоте за то

1 Что касается перевода Свящ. Писания на болгарский язык, то из жития Климента это указание проходило и в другие памятники болгарской литературы. Так, в синодике 1211 года св. Кирилл прославляется, как переведший божественное писание с греческого языка на болгарский и просветивший болгарский род; также в Вратиславской рукописи 1357 года. См.: Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских первоучителях М. Дринова. С.-Петербург, 1885 г.

2 Житие Климента в непривлекательных чертах представляет моравского князя Святополка; если даже и находить в этом много преувеличений, то, с другой стороны, нельзя отрицать несомненные недостатки этого князя, которыми умели пользоваться враги Мефодия. И из пространного жития видно, что Святополк не сумел достойным образом оценить Мефодия и не всегда его поддерживал (см. гл. IX, XI, XII).

только, чтобы доставить успех превратному своему учению, подобно таким людям, которые в обмен друг другу дают один — помет, а другой — грязь; и достойны они этих сокровищ за такую продажу, в которой и покупка нечиста, и плата отвратительна¹. Таким образом, Святипопк, будучи развращен этими людьми, которые все ему позволяли, весьма мало обращал внимания на то, что говорил ему Мефодий; напротив, он обращался с ним, как с своим врагом (Сирах. 1.25); ибо мерзость грешнику благочестие, как говорится в Писании. Но чего не говорил великий Мефодий в утешение и чего не представлял в угрозу князю? То на основании божественного писания вводил он правоту учения и убеждал внимать ему, как строителю жизни и источнику спасения; ибо и Господь учил, что в испытании писаний заключается живот, и Исайя заповедует нам почерпнуть воду не из нечистоты ересей, но из источников спасения (Исайи 12.3); то устрашал его тем, что, если он присоединится к еретикам, то погубит и себя, и всех своих подданных, сделавшись удободоступным и удобопобеждаемым для врагов; ибо нечестие хоть и расцветает ненадолго, но впоследствии цвет этот осыпается (Димосф. Олине. 2.10), чтобы благочестивые люди не научились злу; это, говорил он, последует с князем после его смерти, что и сбылось, согласно с предсказаниями святого. Ибо, доколе Мефодий находился в живых, доколе ни князь не разродился еще пагубным плодом своего сердца, но носил в себе василиска, кроющегося и питающегося в яйцах аспидовых, ни правосудие не поражало его бичем своим, но, хоть держало лук напряженный и показывало сверкающий меч, но не пустило еще стрелы в сердце врага и не утвердило руку на поражение; но когда и святого не стало, и всякая злоба возсталла, не скрывая уже срамоты своей под какою-нибудь завесою и маскою, но безчинствуя на подобие блудницы и воздвигая гонение на правоверных, тогда и Бог не преминул покарать князя. Но об этом после.

Кончина Мефодия. Горазд, его преемник в Моравии

VI. В то время Мефодий предсказал князю о собственной своей кончине, долженствовавшей последовать через три дня², делая это предречение, как я думаю, в подтверждение того учения, которое он безпрестанно старался внушать; ибо, если это предречение, исполнившееся на самом деле, представляло его пророком, получившим прозрение будущего от Духа, то очевидно, что и учение, им распространяемое, есть духовное и боговдохновенное. Созвавши учеников своих, он, по примеру Павла или, лучше сказать, Самого И. Христа, увещевает их и утверждает прощальною своею беседою, изображая чадам наследие благое и достойное трудов, подъятых им для того, чтобы стяжать это достояние. Что же это за наследие? может быть, вы захотите узнать. Слова Божия, вожделенна паче злата и камне честна многа (Псал. 18.11), и мудрость, которую лучше есть куповати, нежели злата, сокровища и серебра. Возлюбленные мои, говорит он, вы знаете силу еретиков в злобе (2 Кор. 4.2), и как они, искажая слово Божие, всячески стараются напоить ближних учением превратным и нечистым, принимая и употребляя в пособие два средства, — убеждение и строгость, одно для людей более простых, другое для боязливых; но о сохранении ваших душ неприкосновенными от того и другого я надеюсь и молюсь; ибо ни убедительностию слов вы не увлечетесь, ни тщетною лестию не восхититесь, потому что вы основаны на кам-

1 Такое отношение немецкого духовенства к слабостям паствы подтверждается рассказом гл. XI жития Мефодия.

2 Об этом житие Климента говорит согласно с житием Мефодия (гл. XVII).

не апостольского исповедания и учения, на котором созданной церкви врата адовы не одолеют,—ибо верен Тот, кто обещал сие,—и никаким страхом не поколеблетесь в твердых сердцах ваших; ибо вы знаете, что говорится в Писании: не убойтесь от высоты дня (Псал. 55.3), и от убивающих тело, души же не могущих убить (Матф. 10.28). Напротив, подкрепляйте прочих хранить залог, который мы получили от апостолов и по временам от отцов и который они потребуют от нас в день воздаяния. Вот я предсказал вам и чрез это предсказание сделал вас причастными греху; аще не бых пришел (Иоан. 15.22), говорит Христос, и глаголали им, греха не быша имели; чист аз от крове вашей (Деян. 20.26.27), не обвинухся бо сказать вам, напротив, делом стража, согласно с словами Иезекииля, я бдительно занимался; блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, и со всею осмотрительностью старайтесь сохранить сердца ваши и братий ваших; яко посреде сетей минуете и по забралом града ходить будете (Сирах. 9.18); ибо по смерти моей внидут волцы тягцы в вас (Деян. 20.29), не щадящие стада, чтобы увлечь народ вслед за собою,—которым противостаньте вы, твердые верою; Павел это вам чрез меня завещает. Но сый над всеми Бог и Отец, и прежде век безстрастно рожденный от Него Сын и Дух Св. от Отца исходящий наставит вас на всяку истину и представит вас непорочны в похвалу мою в день Христов (Филипп. 2.16). Сказавши это и много другого, он предал дух ангелам, сопровождавшим его и сохранявшим во всех путях его, со славою занимавши архиерейскую кафедру 24 года и многим трудом и подвигом устроявши спасение не только свое, но и прочих людей; ибо он не своих выгод искал, но общих для многих людей, чтобы они спаслися, и днем, и ночью проводя время в том только, что было полезно для других. Этому служит доказательством множество пресвитеров, диаконов и иподиаконов, коих, он умирая, оставил до двухсот в церквях своей епархии; если же было столько служителей алтаря, то какое множество, надо полагать, мирян. Между ними первое место занимал Горазд, которого выше мы видели в числе избраннейших учеников Мефодия и который от самого сего святого, предузнавшего свою кончину, поставлен был епископом моравским¹.

VII. Но дерзновеннейшая толпа еретиков не перенесла того, чтобы видеть Мефодия и по смерти живым себе противником; придите, сказали они, насилие сотворим Горазду и уловим его лестию (Прем. Солом. 2.10-17); яко неподобно есть нашему житию его и отменны суть стези его и поносит нам грехи наши; если же его оставим в живых, то опять оживет для нас Мефодий. Таким образом, его лишают епископского достоинства, а некоего Вихника, который и сам упоен был неистовою ересью, и других мог упоить, а потому и предан был Мефодием с анафемою сатане вместе с сонмом людей, с ним бесновавшихся,—этого Вихника (о труды и подвиги, подъятые Мефодием! о Троица, сливаемая в личных свойствах!) возводят на кафедру, или, лучше сказать, ниспровергают чрез него епископскую кафедру, которая, сколько чрез Мефодия прославилась и возвысилась над многими другими, столько чрез Вихника, унизилась, склонившись в бездну безславия².

Борьба учеников Мефодия против *filioque*

VIII. Таким образом он захватил в свои руки епископство незаконно, тогда как оно ни-

1 Горазда указывает своим преемником Мефодий и в пространном житии.

2 О происках епископа Вихника против Мефодия не говорится ни в одном из известных доселе сказаний о св. Мефодии, а такой образ действий этого епископа подтверждается двумя папскими письмами папы Иоанна VIII в 881 г. и папы Стефана V в 885 г.

сколько ему не принадлежало, учеников сам себе приавши честь и сделавши хищение (Филипп. 2.6), а званного от Бога оттолкнул силою мышцы грешника. Ересь поднимает теперь главу свою и превозносится над православным сонмом учеников Мефодиевых; и вот они, поднявши крик и возставши против верных, говорят: для чего вы доселе прилепляетесь к словам Мефодиевым, уже согнившим и мертвым, а не присоединяетесь к живому архиепископу и не исповедуете Сына, рожденного от Отца, и Духа, от Сына исходящего? Они же чрез Горазда и Климента отвечали, что Мефодий еще жив, и мы об этом знаем совершенно от Господа, Который то говорит, что веруяй в Него, еще и умрет, оживет (Иоанна 11.25), то учит, что Бог Авраама, и Исаака, и Иакова называется Богом живых, а не мертвых; и так что же за грех с нашей стороны, что мы имеем учителя, живущаго в Боге, духовно с нами присутствующаго и беседующаго и против вас укрепляющаго? Что же касается до новой веры вашей, мы, не находя, чтобы она подтверждалась свидетельством какого-нибудь Писания или принята была св. отцами, боимся подвергнуть себя проклятию, так как ап. Павел ясно говорит: еще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет (Галат. 1.9). Мы веруем в Духа Сына, равно как в Духа жизни и истины, кои суть Сын (Иоан. 14.6), и признаем Духа за ум Христов; но чтобы он происходил от Сына, этого учения мы не принимали и не примем—не отречемся от веры и не будем хуже неверных (1. Тим. 5.8); нет, клянемся освящением благодати Св. Духа;—мы веруем, что Дух Святой исходит от Отца и что виновник и Изводитель Его есть Родитель Сына; но что Он также принадлежит и Сыну и чрез Него подается всем тем, которые бывают достойны; но иное дело сказать—исходит, другое—подается: первое служит к изъяснению образа бытия Св. Духа, ибо, как Сын рождается от Отца, так и Дух Святой исходит от Него; а слово «подается» объясняет не образ бытия, а указывает на обогащение и раздаяние. Чтобы уяснить это, сколько можно, каким-нибудь примером, представь себе, что какой-нибудь царь источает из своих сокровищ величайшее богатство; сын, взявши его, делает своею собственностью и раздает тем, которые ему благоугождают; Царь есть Отец; богатство,—выражаясь согласно с этим подобием,—есть Дух, источаемый из неизреченных сокровищ Отца; сын царев есть Присносущнаго Отца Сын, Которому принадлежит и чрез Котораго подается Дух. Видите, как мы понимаем о Св. Духе, что Он не исходит от Сына, но чрез Него подается. Если же тебя смущает то, что Сын дунул на апостолов и сказал: примите Дух Свят (Ион. 22.22), то худо ты читал и понял Евангелие: Он дал апостолам одно из дарований Св. Духа, именно отпущение грехов, как это видно из последующаго, и Исайя действие Св. Духа называет духами (Исайи 11.2),—а не самый Дух даровал Он тогда ученикам. Ибо ясно, что, если бы Он тогда дал Св. Духа, то впоследствии сошествие Его в день Пятидесятницы или было излишне, или это было сошествие другого духа, если оно не было излишне. Какой же был это дух? Церковь доселе признает единого Духа Святаго. Если их будет два, то который же из них не святой? Если святой есть тот, который дан был в дуновении, и если Господь дал Его самого, а не одно из дарований Духа, то явно, что Сошедший в Пятидесятницу был не святой. Но да обратится эта хула на главы ваши. Вы, полагая два начала—одно в Отце для Сына, другое в Сыне для Духа, беснуетесь каким-то новым манихейским безумием. А у нас един есть Бог, и одно начало Сущих от Него, Отец; по отношению к Сыну Он есть Отец, а по отношению к Духу—Изводитель, подобно, как солнце, будучи одно, служит началом луча и света или теплоты. Таким образом, лучу присущ свет или теплота, как и Сыну Дух, и свет принадлежит лучу, как Дух Сыну; но оба из одного начала. И как в этом примере чрез луч сообщается свет или

теплота вещественному миру; так чрез Сына подается умной твари Дух Святый. Если вы другое Евангелие, как манихеи от Фомы, можете представить, в котором бы излагалось такое учение о Св. Духе, то докажите, что оно принадлежит к канону Св. Писания, и мы замолчим и даже станем почитать вас за своих благодетелей. Но если рай церкви напояется четырьмя потоками, изливающимися из одного источника,—Матфеем, Марком, Лукою и Иоанном,—на что, думаю, и вы согласны,—то кто вводит пятое Евангелие, тот проклят. Но Иоанн представляет нам Сына говорящим о Духе истины, Иже от Отца исходящем. Перестаньте же изощрять против себя грозный меч, перестаньте препираться с Сыном Божиим, великим Благовестником, из Котораго, чрез Котораго и для Котораго произошло все Евангелие; перестаньте без Духа учить о Духе, или, лучше сказать, перестаньте говорить от духа противнаго.

IX. При этих словах сообщники Вихника не могли удержать себя и, зажавши уши, как никогда побивавшие камнями Стефана, мужественного свидетеля Слова,—это только хорошо и сделали они, как недостойные слышать такие слова,—начали кричать и приводить все в беспорядок и чуть не подняли рук на православных, утружденному языку придавая в пособие руки; но, наконец, отступивши, обратились к последнему своему убежищу, к низкому Святополку, и клеветают на православных, будто бы они замышляют произвести возмущение и могут возстать против его власти, если не будут согласоваться в учении с властителем; ибо держаться противнаго учения есть вместе и противоборствовать. Князь, призвавши последователей Мефодиевых, говорит им: что это за раскол делается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою, как враги? Не братья ли все вы и не христиане ли? Для чего ж вы не соглашаетесь между собою и не стараетесь о единении?—Они же устами Горазда и Климента (эти два мужа вели разговор с князем), как бы своим языком, отвечали: князь! много надобно бы говорить нам об этом; ибо не о маловажном предмете и не в маловажном деле предстоит нам опасность, но о догмате церкви, касающемся Св. Троицы, и в деле спасения нашей души, что для нас всего существеннее; но, как незнакомство твое с Св. Писанием не позволяет тебе выслушивать более продолжительныя и глубокия разсуждения, то мы на твой вопрос просто отвечаем, что разъедемся потому, что и Господь пришел вверещи меч и разделить лучшее от худшаго (Матф. 10.34); и о Давиде знаем, что он ненавидел ненавидящих Господа (Пс. 138.21) и особенно чтит друзей Христовых; а христианами никогда не признаем мы людей, не принимающих Евангелия. Ибо, тогда как в нем Един от Св. Троицы, Сын Божий, сказал: Дух истины, иже от Отца исходит,—эти люди утверждают, что Дух Святый исходит от Сына. Но если бы это было действительно так, то почему бы Господу не сказать: Дух истины, который от Меня исходит? Вот первое доказательство. Другое то, что второй константинопольский собор первосвященителей, собравшихся со всей вселенной, изъяснил догмат о Св. Духе, так как для того и собрался, чтобы опровергнуть духоборца Македония, изложивши символ веры не в опровержение постановленного на соборе никейском, но,—так как тогда не возникало споров о Св. Духе,—в дополнение онаго, как сын, сохраняя наследие отца. В этом-то символе, взятом из греческих книг, который каждодневно произносишь в церкви и ты, князь, видим мы исповедание веры в Духа Святаго, исходящаго от Сына, или от Отца? Как же нам согласиться с людьми, которые мудрствуют вопреки Евангелию и изложению отцов по внушению Св. Духа? Как согласиться с теми, которые поднимают вопль с земли, по внушению

чревоушителей? Кое общение свету ко тме? говорить божественный апостол. Итак, если они переменят свои мнения и согласятся с Евангелием и св. отцами, то мы поспешим к ним, как к братьям, бросимся в объятия и обнимемся. Если же они, покинув единого наставника нашего Христа, пойдут по руководству своего ума и осуетятся помышлениями своими, то мы никак не решимся по их истолкованию изучать догмат о Св. Троице.—Так отвечал сонм православных, поручивши говорить от лица своего Горазду и Клименту.

Х. Князь же едва ли понял что-нибудь небольшое из того, что ими было сказано; ибо он в познании истин божественных был совершенно невежда как потому, что и воспитался более, как варвар или, просто сказать, как безсловесное животное, так и потому, что ум его помрачен был нечистою плотоугодия, как об этом выше сказано. А как же можно постигнуть учение о Троице человеку, чуждому святости целомудрия, ея же кроме никто же узрит Господа (Евр. 12.14). Но он, наученный еретиками, которым был вполне предан, такой дал ответ православным: я признаю себя человеком совершенно неученым и в догматах несведущим. Я человек неграмотный, но христианства держусь и буду держаться. А этих недомыслий и споров, которые вы поднимаете, не могу решить на основании доказательств и различить лжеучителя от православного. Итак, я, как христианин, разсужу вас; будьте покойны; я и об этом догмате даю такой же приговор, какой привык давать и о прочих делах: кто первый придет и поклянется, что он верует истинно и православно; о том я буду судить, что он нисколько не претывается и не уклоняется от точного смысла веры,—тому и церковь вручу и предоставляю заведывание делами церковными, по чину пресвитерскому.

XI. Франки, с величайшею готовностью желая принять клятву, не дождавшись еще конца решения княжеского, поклялись и тем утвердили свое злочестивое учение, положивши конец безумному суду сообразный. При таких судьях ересь увенчалась победою над православием и получила полную власть притеснять и влачить истинных рабов Христовых и блюстителей веры. Ибо, сказал князь, если кто уличен будет неверующим по учению франков, тот будет предан им в руки, и они могут с ним делать, что хотят. Какое слово может изобразить, что после этого сделала злоба, получивши в свои руки власть? Это поистине огонь в лесу, раздуваемый ветром; одни принуждали приложиться к лукавому учению, другие защищали веру отцов; одни готовы были все сделать, другие—все потерпеть; иных мучили безчеловечно, у других расхищали дома, с нечестием соединяя любостяжание, иных нагими влачили по терновнику, и притом людей престарелых, которые переступили уже за пределы жизни человеческой, означенные у Давида (Пс. 89.40). А из пресвитеров и диаконов, тех, которые были моложе, еретики предавали иудеям, сами Иудиной участи и удавления будучи достойны. Как он продал Христа, так эти еретики рабов И. Христа, или, лучше, друзей Его, как сам И. Христос называл их, смею даже назвать помазанников, или христов, продавали всегда преогорчевающим Его врагам (Иоан. 15.14—15). Всех же их было немало, но до двух-сот считалось одних служителей алтаря, как мы сказали прежде¹.

Преследование учеников Мефодия в Моравии

XII. А которые стояли на степени учителей, как тот самый Горазд, часто нами упоминаемый, родившийся в Моравии и владевший совершенно обоими языками, славянским и

1 Рассказ о преследовании учеников Мефодия после его смерти подтверждается инструкцией папы Стефана V в 887 г., два года спустя после смерти их учителя.

греческим¹, которого добродетель Мефодия даровала кафедре, а злоба еретиков, низведши сего мужа с кафедры, лишила ее украшения,—также Климент, пресвитер, муж ученейший, и Лаврентий, и Наум, и Ангеларий²,—этих и многих других мужей знаменитых, заковали в железа, держали в темнице, в заключении, где всякое утешение было возбранено, так как ни родственники, ни знакомые ни под каким видом не смели иметь к ним доступа. Но Господь, утешающий смиренных, врачующий сокрушенных сердцем (2 Кор. 7. 6) и, соразмерно с множеством болезней, утешениями веселящий душу, утешил святых, пославши им помощь от Святаго (Пс. 93. 19). Они, будучи обременены узами железными, и в этом состоянии не забывали о молитве; напротив, воспевши песни третьего часа, пропели потом немой за псалмами припев, в котором мы молимся, чтобы Пресвятый Дух, ниспосланный в третий час апостолам, обновился и в нас. Бог же, призревши на землю, сотворил ю трястися (Пс. 103.32); и вот, сделался трус великий, подобный тому, который был в то время, как Павел молился в оковах, и как бы шум с небеси,—и оковы спали (Деян. 16.25—26); и бывшие дотоле узниками сделались свободными, будучи связуемы одною неразрывною любовью ко Христу. Таким образом, Бог стряс землю и смутил ю (Пс. 59. 4). Потрясены были и жители того города и приведены в смятение этим событием, удивляясь и недоумевая, что бы значило такое явление, посланное от Бога. Когда же приблизились к темнице и увидели, что случилось со святыми, и как они по спадении с них оков оставались совершенно свободными, приивши слухом, как говорит Давид, божественную радость (Пс. 50. 10), с поспешностью пришедши к князю, говорят: что это такое? доколе мы будем противоборствовать силе Божией? доколе не увидим света истины? Или мы имеем очи и не видим, имеем уши и не слышим (Пс. 124.16—17), как истуканы, о которых говорит Давид, или как те люди, которые, по изображению Исайи, приняли духа умиления (Ис. 39.40). Ужели не познаем случившагося чуда? Ужели не убоимся божественного знамения? Не лучше ли нам сделаться узниками, связанными почитанием к этим разрешенным от уз?—Но язык еретиков опять покушается оклеветать чудо, как фарисейский старался оклеветать то, что тогда было совершаемо Господом; они называют это явным чародейством и хитростью волшебства, другими словами, они приписывали это необыкновенное действие Веельзевулу, сами будучи исполнены силы его. После того—нужно же было, чтобы не познал сего неразумный князь—святых опять обременили оковами, тягчайшими прежних, и изнурением в темнице, еще более безотрадным, нежели прежде. Прошло три дня, и вот опять, когда они совершали молитву третьего часа, случилось то же самое, что прежде: трус, соединенный с шумом с небеси, и спаждение оков,—и опять богоборцы, не объявивши ничего князю об этом происшествии, подвергли святых тем же самым оскорблениям, которых, по суду истины, сами были вполне достойны. Но Бог открывает с обеих сторон взаимное соревнование в действии

1 Согласно с житием Мефодия, Горазд считается урожденным моравлянином; только в житии Мефодия говорится при этом, что Горазд хорошо знал не греческий язык, а латинский. Шафарик, соединяя оба указания, полагал, что Горазд в совершенстве знал латинский и греческий языки.

2 Здесь житие приводит имя Лаврентия, не называя имени Саввы (сравни выше, гл. II). О Лаврентии нигде в другом месте не говорится. Шафарик предполагал здесь ошибку. В болгарском синодике упоминаются Климент, епископ Моравы, Савва, Горазд и Наум, много потрудившиеся «о словенских книгах». Дринов объясняет это тем, что в синодике оценивается плодотворная деятельность свв. Кирилла и Мефодия и учеников их на учено-литературном поприще. О литературных трудах свв. Кирилла и Мефодия и их учеников идет речь у Шафарика в его сочинении «Расцвет славянской письменности в Болгарии», Русский перевод в Чтениях Общества Истории и Древностей, год третий (1847—1848), VII.

злости, с одной стороны, и в учении, вселяющем радость, с другой. По прошествии десяти дней опять в третий раз восток свыше посетил (Лук. 1. 18) подвижников. Но безчувственные еретики остались опять в том же самом ожесточении; стропотное не делалось правым (Лук. 3. 5), и недостаток разумения в познании добра не восполнился. Итак, к боли ран, которую чувствовали святые, еретики прибавили еще более. Получивши от князя позволение поступать, как им заблагоразсудится, они выводят их из темницы, истязуют ударами, как говорится, нечеловеческими, не давая никакой пощады ни сединам, ни слабости, которой от многих изнурений подвергались тела святых.

XIII. Но ничего этого не узнал князь, раболепствовавший еретикам; ибо он по обстоятельствам находился в отлучке; а если бы был дома, то еретики не показали бы таких жестокостей над исповедниками истины; потому что он, хоть в тысячу раз более расположен был к франкам, но, несмотря на свою полузверскую и жестокую природу, уважал добродетель святых мужей, в особенности когда Бог сотворил трижды повторившееся чудо. После таких безчеловечных ударов еретики, не давши святым подкрепить себя сколько-либо пищею—ибо они никому не позволяли бросить ни одного куска хлеба рабам И. Христа, и можно сказать, помазанникам, или христам,—отдали их воинам отвести в разные места, прилежащая к Истру¹, обрекши граждан небесных на всегдашнее изгнание из города. Воины, люди грубые—ибо это были немцы,—и в природе своей имея что-то зверское, а потом увеличивши это зверство вследствие приказания, взявши святых, выводят из города и потом, снявши с них одежды, повлекли их нагими. Таким образом, в одно и то же время подвергали их двоякой скорби: позору и неприятному действию холодного воздуха, облегающего всегда страны, при Истре находящиеся. Они даже прикладывали мечи к их выям, как бы намереваясь поразить, и подставляли к бокам копыя, как бы готовясь вонзить оные, чтобы они не однажды умирали, но столько раз, сколько того ожидали; и все это наказано было воинам от врагов. Но когда они уже находились на далеком расстоянии от города, то воины, которые вели, покинувши их, отправились опять в город.

Удаление их в Болгарию

XIV. А исповедники Христовы, помня слова Господа, заповедавшего гонимым из одного города бежать в другой (Матф. 10.23), влеклись желанием в Болгарию; в Болгарию стремились дух их; в Болгарии надеялись они найти успокоение. Но и в этом отчаявались, если бы им не удалось скрыть пути своего; поэтому они и старались укрываться от взоров всех, претерпевая нужду в пище и одежде. Итак, они принуждены были от страха разлучиться друг от друга, и разошлись в разные стороны, по Божию изволению, чтобы также и большее число стран озарить светом Евангелия.

XV. Климент, взявши с собою Наума и Ангелария, пошел по направлению к Истру; и вот, они попадают в одно селение, желая дать некоторое успокоение телу, изнуренному лишением пропитания и крова. Тут, поискавши, кто в этом селении боголюбив и страннолюбив и известен благочестивою жизнью, а потому и был тем самым сыном мира, о котором говорит Христос,—когда нашли такого человека, у него и расположились. У этого человека был сын и единокровный, и прекрасный, и находился в цветущем возрасте; как скоро странники вошли к нему в дом, сын этот отошел из сей жизни; этот прекрасный юноша—

1 Истр—Дунай.

единственное око у отца и цветущая отрасль своего рода. Что, вы думаете, ощущал тогда отец? Чего не говорил он, подвергшись несчастным образом такому бедствию при вступлении странников в его дом?—«Хороша эта награда за гостеприимство; для того я отворил вам дверь, чтобы дом мой сделался заперт, оставшись без наследника? Для того подал я вам руку, чтобы лишиться этой единственной у меня правой руки? О, горестный тот день, в который вы вступили в это селение! О, мрачный свет, который показывал вам путь к моему дому! Верно, вы чародеи и враги Бога Единого, и вот, я получаю от Него наказание за то, что вас, Ему ненавистнейших, пустил под кров свой. Много и других я впускал в дом, и предлагая во имя Божие от плодов, какие у меня были, и принимая по возможности; но Господь умножал дом мой—у меня не убывало, а прибывало; и эту трату я находил для себя приращением, и семя, посеянное о благословении,—жатвою благословенною (2 Кор. 9.6), обильным плодом, вознаграждающим труд земледельца. А теперь... но, о сын мой любезнейший, ты, который для меня несравненно лучше и дороже всех моих стяжаний, или лучше сказать, милее утробы и вождеденнее самой жизни, ты убит приходом ко мне этих проклятых. Наверное, это колдуны, демоны, убийцы, которые утешаются смертью детей. Но вы не избежите наказания, хотя бы вооружились всею своею магиею; попавши в руки отца, который из-за вас оплакивает сына, сына единокровного и прекрасного, за все, что вы сделали, получите теперь достойную награду.—И вот, уже требовал для них оков и мучений. Но они и сами страдали не менее отца, и могло ль быть иначе с душами сострадательными и человеколюбивыми, а сверх того, они терпели еще от стыда. Но, ободрившись верою, для которой все возможно, по словам Господа, и самое невозможное, решились прибегнуть к молитве; с кротостью стараясь успокоить кипящий гнев отца и смягчить жестокость справедливого негодования, они говорили: человек Божий! Мы не волшебники, напротив, и других, которые этим занимаются, предаем проклятию; но мы служим Богу истинному, о Котором знаем и верим, что Он страшен и для стражей адских, Который прикосновением руки низлагает смерть (Лук. 7.14) и одним воззванием возвращает жизнь четверодневному и уже смердящему мертвецу (Иоан. 11.39.43). Итак, если ты думаешь, что мы виновны в смерти твоего сына, то из-за нас будь покоен, ибо мы уповаем, что Господь для нас дарует ему жизнь. Потом, помолившись над юношею,—о, новое чудо! о, благодать Твоя, Спасителю Христе, приносящая!—представили живого сына томящемуся по нем отцу. Что же тогда отец? «Святые мужи, рабы Божии, спасители моего дома», начал звать и, не владея собою от радости, в каком-то необыкновенном восторге и изступлении кричал: простите мне, отцы преподобные, простите: я был в непростительном неведении о вас. Но вот вам все мое имущество в распоряжение, и сам я буду вашим слугою; пользуйтесь моими благами и делайте, что вам угодно, дайте только видеть мне моего сына, которого вы мне ныне родили».

Ученики Мефодия у Бориса и его сановников

XVI. Они же, будучи довольны верою этого человека и поспешая в подлежащий путь, принявши от его усердия только то, что необходимо было для пути, пошли по направлению к Истру, будучи провождены с великою почестью от человека, удостоенного такого чуда. Когда же они, пришедши на берега Истра, увидели поток великий и непроходимый, то, связавши три дерева липовою корою и будучи охраняемы силою свыше, переплыли на них через реку и таким образом, убегая от потопа ересей, по Божию промыслу, спаслись помо-

щию дерев; и, пришедши в Белград (этот город знаменитейший из всех, лежащих при Истре), явились к Боритакану¹, которому в то время вверено было его охранение и, по желанию его, рассказали о всем, что с ними случилось. Так как Боритакан, выслушав этот рассказ, получил о них понятие, как о мужах великих и приближенных к Богу, то и счел необходимым отправить чужестранцев сих к болгарскому князю Борису, у которого он служил воеводою; ибо он знал, что Борис жаждет таковых людей. Итак, давши им успокоиться от дальняго пути, он послал потом князю этот многоценный дар, объяснив ему, что это именно такие люди, которых он с великим усердием ищет. Когда они пришли к Борису и были приняты с великою почестию, подобающе людям всякаго уважения и почтения достойным, князь расспрашивал о их приключениях, и они рассказали ему о всем сначала до конца, не опустивши ничего. Князь, выслушавши это, усердно благодарил Бога, пославшаго таковых служителей своих, как благодетелей Болгарии, даровавшаго учителей и насадителей веры, людей не каких-нибудь обыкновенных, но исповедников и мучеников. Давши им священническая одежды и оказавши всякую почесть, приказал определить им жилища, назначенныя для первых из его друзей, и предоставил им во всем изобилии пользоваться всем необходимым, вполне понимая, что развлечение мысли заботою о какой-нибудь мало-важной потребности телесной весьма много отнимает от занятий, посвященных Богу; а им самим овладело сильное желание каждый день беседовать с ними, узнавать от них древния повествования и жития святых и устами их перечитывать то, что находится в писаниях. И из лиц, его окружавших, те, которыя отличались перед прочими знаменитостию рода и большим богатством, приходя к святым, как дети к учителям, спрашивали о всем, что относилось ко спасению, и, почерпая из оных приснотекущих источников, пили сами и сообщали эту воду домам своим, и особенное показывали расположение к святым, стараясь каждый о том, нельзя ли как-нибудь убедить их войти в дом свой, считая присутствие этих учителей освящением его и веруя, что, где находятся сии три мужа, во всем между собою соединенные, и душою и телом, там присутствует и сам Господь. Но святые, избегая беспокойств и вместе стараясь делать угодное князю, не решались вступать в дома частных лиц, разве когда изъявлял на то свое согласие боголюбивый оный князь. Таким образом, один болгарин, по имени Ехач, из числа сановников, пришедши к князю, просил позволения принять священнейшаго Климента с преподобным Наумом в свой дом; князь, будучи хорошо расположен к просителю, охотно согласился и наказал: учителей этих принимать со всею почестию, пока мы совершенно не устроим при них всего, что надобно сделать. Освящается также и дом Часлава пребыванием в нем Ангелария, ибо и на его просьбу о принятии к себе этого наставника князь изъявил свое согласие. Но не суждено было Чаславу долго наслаждаться его пребыванием в сей жизни: Ангеларий, поживши у него несколько времени, с радостию предал дух свой в руки святых ангелов. А Климент и Наум оставались у Ехача, пользуясь всякою почестию; но большую и важнейшую пользу приносили они своими дарами, ибо, сея смена духовныя, сами пожинали телесныя плоды в доме этого человека.

1 Боритакан, Ехач и Довета (или Добета): вельможи Бориса носят имена не-славянския. Исключение составляет лишь Часлав. Это указывает на господство у болгар туранской стихии.—Први основи словенске књижевности межу балканским словенима. Културно историјске студије Стојана Новаковича. Београд 1893.

Климент в Кутмичевице

XVII. Потом этот истинный воевода Божий Михаил, названный у нас прежде Борисом, так как он не переставал всячески заботиться о том, как бы этим священным мужам доставить всякий случай к исполнению дела Божия, по вразумлению Божию, отделяет от Котокия Кутмичевицу и поставляет над нею начальником Довету, освободив его от управления; Довете же дает блаженного Климента, или, лучше, Довету¹ поручает Клименту, а еще вернее сказать, одного другому: одного, как исполнителя во всем, другого, как человека, имеющего воспользоваться содействием такого помощника для достижения желаемой цели. Ибо Климент посылался учителем Кутмичевицы, и по всей стороне жителям отдавались приказания, чтобы этого святого принимать с усердием и доставлять ему все в изобилии и самое лучшее, приветствовать его дарами и посредством видимых сокровищ любви, отложенных для душ, приобретать его и делать общим для всех; а что еще более доставляло ему уважения, сам Борис предложил в дар блаженнейшему Клименту три дворца в Диаболее², превосходные по великолепию, принадлежавшие графскому роду. Кроме того, около Ахриды³ и Главеницы подарил ему места для отдохновения⁴.

Пастырская и учительская деятельность Климента

XVIII. Вот что сделано со стороны князя; так чудная душа, изливающая любовь во Христе, сколько возможно, на служителя Христова, служила и для прочих образцом такого многоценного усердия. Как же вел себя Климент? Не сделался ли он надменным от почестей и, составивши о себе понятие выше того, чем он был, не стал ли после того жить роскошнее, в той мысли, что он все уже исполнил? Совсем нет; напротив, он, как будто бы еще ничем и нисколько не служивши Христу, эти самые почести принял за начало своего подвига в слове и тщания в деле проповедания и никогда не переставал заботиться о том, как бы не обмануть князя в надеждах, которые на него были возлагаемы. Таким образом, в этих странах, о которых мы упомянули, он и язычникам громогласно проповедывал спасение Божие, и всем вообще, в беседах своих излагая понятие о спасительных заповедях Христовых и божественных догматах и стараясь внушить, что, как жизнь благочестивая без здравого учения есть в сущности мертва и непрочна, так и учение без жизни не ведет к животу вечному; первую он сравнивает с слепцом, имеющим ноги и руки, а другое — с человеком зрячим, у которого оторваны руки и ноги. В каждом округе своей паствы имея несколько мужей, избранных из числа прочих, и притом довольно многих, так как их насчитывалось до 3050 человек, — с ними большею частью беседовал и раскрывал им более глубокия места Св. Писания, а нас смертных и недостойных, по благоутробию доброты своей, между всеми другими сделал к себе приближеннее, и потому мы во всякое время находились при нем, следя за всем, что он делал, что говорил и чему посредством того и другого научал. Итак, мы никогда не видали его праздным; напротив, он или учил детей, и притом

1 О имени Добеты смотри предшествующее замечание.

2 Диаболея у южных славян передается Деволь у Матова, Девол у Новаковича.

3 Ахрида — у южных славян Охрид — на берегу Охридского озера.

4 Подвергнув рассмотрению приводимыя в этой главе названия местностей, Новакович в указанном выше сочинении делает следующие выводы: 1) что Кутмичевица была всего ближе к Деволу, на равном расстоянии между Главеницей и Охридом; 2) что положение областей Котокия и Кутмичевицы следует искать не на востоке Македонии, а на юго-запад от македонско-албанского озерного предела, между Авлоной и Корчей; 3) что вся эта местность имела славянское население.

различно—одним показывал начертание писъмен, другим объяснял смысл написанного, иных руководил и упражнял в письме,—или предавался молитве и не только днем, но и ночью, или занимался чтением, или писал книги, а иногда в одно время делал два дела, занимаясь письмом и уча какой-нибудь науке детей; ибо он звал, что праздность научает всякому злу (33.28), как мудрость, научающая всякому добру, изрекла устами одного из своих служителей. Поэтому ученики его были превосходнейшими из всех как по жизни, так и по учению; ибо они, будучи так хорошо насаждены и так тщательно напоены, необходимо должны быть и возвращены от Бога (1 Кор. 3. 1). Из них поставлял он чтецов, иподиаконов и пресвитеров; в каждом округе отправление дел поручалось трем-стам учеников, которые, не требуя себе платы, сами не несли никакой повинности князю, но приносили службу Богу и Ему определены были платить или, правильнее, воздавать долг. Вот действия Климента в продолжение целых семи лет.

Смерть Бориса

XIX. Восьмой год его учительства был уже последним годом жизни раба Божия Михаила-Бориса, освященного князя Болгарии. После него княжеское достоинство принимает сын его Владимир, который по прошествии четырех лет своего княжения преставился¹; наследником же всего остался брат его Симеон, который первый назван был царем болгарским. Он рожден Михаилом по образу его и по подобию и сохранил в себе неподдельные черты душевной доброты; в обращении со всеми был прост и благосклонен, в особенности к тем, которые выказывали доброту нравов; жизнь вел самую христианскую, показывал теплую веру и снедаем был ревностью дома Божия (Пс. 68. 10). Таким образом, он восполнил то, что оставалось недоконченным после отца,—усилил проповедание слова Божия и построением повсеместно церквей утвердил непоколебимо православие и проложил широкий и безпрепятственный путь закону Божию.

Климент постановляется епископом Велицы

XX. Когда слава, делавшая Климента великим и ставившая все выше, нежели, как он сам о себе думал, так как и действительно он восхождения положил в сердце (Пс. 83. 6) Велицы. достигла, наконец, и до царя Симеона и поселила в нем любовь к доблести этого учителя; тогда царь призывает к себе святого, вступает с ним в разговор и, ощутив освящение от самого наружного его вида,—ибо вид блаженного Климента внушал величайшее к нему уважение в самих врагах,—много говорил в прославление страны болгарской и почитал блаженным свое царствование, в которое такое благо даровано было от Бога. После того Климент, соблюдавши доселе и наставлявши тех, которые из окружавших его были разумнее прочих и которые все внимали ему, как отцу, в той уверенности, что то только угодно Богу, что они делают в честь его, возводится в степень епископа Дрембицы и Велицы², и, таким образом Климент делается первым епископом в народе болгарском. Когда же ему вручено было дело епископства, то он эту высоту достоинства сделал лестницею возвыше-

1 Борис, Михаил не умер на великокняжеском престоле, а оставил его для монашества, старший сын Бориса Владимир точно также не умер на престоле, а был низведен с него отцом или братом.—Голубинский.

2 В болгарском переводе эти имена читаются: Дрембика или Велика. В святцах глаголического Асеманова Евангелия и в заглавии одного из похвальных слов Климент называется епископом величским. а не велицким и не белицким, как его называет Голубинский. Смотри об этом у Дрипова и Новакови-ча.

ния к Богу и к прежним трудам присоединил в несколько раз более.

Пастырские труды Климента

XXI. Соломон говорит, что приложивый разум приложит болезнь (Еккл. 1. 18); а Симеон, прилагая Клименту почеть, приложил ему болезнь; ибо он, нашедши, что народ этой области с словом Божиим и писаниями совершенно незнаком и не наставлен ни в чем, что украшает церковь и устроит народ духом благочиния и порядка, не давал сна очам, ни веждам дремания (Пс. 131. 4); напротив, в попечении о народе находил для себя пищу и удовольствие; всегда поучал и всегда устроил, изгоняя невежество, упорядочивая беспорядочное,—и был всем вся (1 Кор. 9.22), смотря по нужде каждого; научал клир церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопения и молитв, так что, наконец, клирики его паствы были ничем не ниже других, славившихся в этом роде, а между тем более всех украшались всеми похвальными свойствами; в народе укреплял умы и утверждение веры их полагал на камени праваго служения христианского; ибо он был вовсе невежественный и просто сказать, скотоподобный. Притом, питая таким образом словом, этим истинным хлебом, укрепляющим сердца, он не заботился и телесно питать тех, которых находил нуждающимися в этой пище; иначе он вполтину только подражал бы своему Иисусу, о котором знал, что Он вместе с учением питал и хлебами неблагодарных. Поэтому он был и отец сирых, и помощник вдовиц, заботившийся о них всеми способами; дверь его всегда была, отверста для всякого бедного, и странник не ночевал у него за воротами.

Литературные труды Климента. Поучения на праздничные дни.

XXII. В образец жизни своей поставил он себе великаго Мефодия и, с ним сообразуя свои действия, заботился и молился, как бы не уклониться от него; жизнь его и деяния, как бы некоторую картину искуснаго в живописи художника, взявши за образец своей жизни, тщательно старался по нем изобразить себя. Ибо он знал жизнь его так, как никто другой; потому что, еще от юности и с ранних лет последовавши за, ним, видел все своими глазами, что делал его учитель. Зная грубость народа и совершенное невежество в познании писаний, и замечая, что многие священники болгарские, выучившись только читать, не понимают греческих сочинений и потому не просвещены, так как на болгарском языке не было поучительных слов, приноровленных к празднествам,—зная все сие, он и против этого старается принять свои меры и помощью их разрушает преграду невежества; составив на все праздники поучительныя слова, простые и ясныя, которыя, не заключая в себе ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были и для самаго простаго болгарина, поучениями этими питал души слабейших, поивши их млеком, так как они не в состоянии были принимать пищи боле крепкой, и был другим Павлом для других коринфян, болгар. Из них можно научиться таинствам празднеств, совершаемых о Христе и во Христе, а также и в память Пресвятыя Богородицы, которая многократно, как вы знаете, совершается ежегодно; ревностью Климента в этих словах разсеяно много похвал и повествований о Ея чудесах; найдешь и Крестителя не лишенным подобающих ему похвал и узнаешь о чудных обречениях главы его; встретишь жития и пути проповедания пророков и апостолов, подвигами мучеников окрылишься и возвысишься к Тому, Кто приобщил их к Себе Своею кровию. Ты любишь правила жизни и действий преподобных отцов и ревнитель жития безплотнаго и безкровнаго? Найдешь и это обработанным на болгарском языке премудрым Климентом. Говорят, все эти сочинения сохраняются людьми трудолюбивыми, и из них одни написаны

в честь многих святых, другия в похвалу Пречистой Божией Матери, в виде молитв и благодарственных песней; вообще все, что относится к церкви, чем украшаются памяти Господа Бога и святых Его и души возбуждаются, все это Климент предал нам болгарам¹.

XXIII. Эти творения он оставил и в монастыре своем, который построил в Ахриде, еще при жизни блаженного Бориса, прежде, нежели совершенно принял епископию великую. Именно, после того, как он увидел, что этот князь всю подвластную себе Болгарию опоясал семью соборными храмами и возжег как бы некий светильник седмисвещный, то и сам захотел построить свой собственный монастырь в Ахриде; к этому монастырю присоединил еще другую церковь, которая впоследствии сделана архиепископскою кафедрою; таким образом, в Ахриде было три церкви, одна соборная и две, построенные св. Климентом, которые величиною были гораздо меньше соборной, но по своей округлости и сферическому виду казались приятнее. Климент всеми способами старался изгнать из сердец болгар нерадение к делам благочестия и, привлекая красотою зданий, собрать их воедино и вообще смягчить сердца их, дикость и закоснелость относительно богопознания. Но тут еще нет ничего необыкновенного, что он старался изменить образ мыслей в людях и сообщить им характер образования и достоинства человеческого; но тогда как во всей стране на почве болгарской росли только дикие деревья и недоставало плодов, годных для употребления, он и это благодеяние даровал ей, вывезши из страны греческой всякого рода садовые деревья и дикие растения чрез прививание сделавши плодовитыми, чтобы, как я думаю, и этим самым научить души человеческия усваивать себе соки благотворные и приносить Богу плод исполнением Его божественной воли, которая сделалась для него единственным брашном. Так он заботился о пользе душ и о том, чтобы всеми способами расширить церковь Господню, не взирая ни на какие потребности тела (Деян. 20.24) и не дорожа душою своею, по словам божественного апостола, но заботясь, чтобы многие достигли спасения.

XXIV. Когда он питал таковую привязанность к Богу и как сын, любил Отца Небесного, ужели сын не имел достаточных свидетельств о том, что и он от Бога взаимно возлюблен? Нет, Бог прославляет и его, даруя благодать чудотворения. А каким образом, об этом сейчас услышите. Климент возвращается из Главеницы в Ахриду как для того, чтобы видеть жителей этой страны, тверды ли они душою и подкрепляются ли страхом Божиим, как бы неким жезлом, так вместе и для того, чтобы на свободе побеседовать с Богом в монастыре, к которому по красоте его будучи привязан, скучал, когда отвлекался куда-нибудь в другое место. Когда он проходил, двое каких-то расслабленных,—из коих один, кроме расслабления, лишен был и вожденнейшаго для всех зрения,—попавшись ему на глаза, возбудили в сострадательнейшей душе его сожаление. Но сколько он готов был к состраданию, столько же склонен и к смирennemудрию; даже в нем более было заботы о том, чтобы чудотворение его осталось втайне, нежели в расслабленных желая получить исцеление. Таким образом, он, осмотревшись вокруг и не выдавши никого, возводит очи свои к небу, воздевает преподобныя руки к молитве (1 Тим. 2.8) и низводит Божию помощь; этими руками, которыя воздевал он в молитве, касается потом тел расслабленных, и это прикосновение его

1 До нас дошли двенадцать поучений, на содержание которых указывается в этой главе, с именем Климента, епископа словенского. Житие верно характеризует простоту и ясность изложения этих поучений и панегирический характер некоторых из них, приближающий их к церковным песнопениям. Сведения о литературной деятельности Климента можно найти в упомянутом выше труде: «Климент, епископ словенский».

произвело в них скрепление и сочленение. И вот, как говорится у Исая, каждый из них заскакал, как елень (Ис. 35.6), с тою только разницею, что это был не хромой и не один член своего тела имел поврежденным, но весь был недвижим и нисколько не отличался от земли, на которой лежал. И слепому вскоре возсиял луч исцеления, и он, увидевши свет, громогласно величал Господа. Однакож чудотворение это не должно было совершенно укрыться от взоров человеческих; его видел один из служителей Климентовых, которого, заметивши потом, и Святитель, когда узнал, что тут был невидимый зритель, хотя он и принял к келье, чтобы укрыться, выговаривал ему за дурной поступок и наказал ему с угрозою никому не рассказывать о случившемся, доколе Климент не преставится из сего мира.

XXV. Наконец, согбенный старостию и изнуренный трудами, он думал отказаться от епископства, не потому, чтобы хотел оставить свою должность и уклониться от служения, в котором Дух Святой поставил его пасти церковь Божию (Деян. 20.28), но по страху святому и божественному; ибо он боялся, да ради немощи его не разорится дело Божие (Рим. 14.20). И вот он, пришедши к царю, говорил: благочестивейший из царей! доколе тело мое служило мне к подъятию трудов и забот церковных, которыя, по моему убеждению, тяжеле государственных, дотоле оставить церковь Господа Бога, которую он сам вручил мне рукою власти твоей, считал я делом совершенно предосудительным и неприличным даже наемнику, которому свойственно бежать и оставлять овец, когда видит волка грядуща (Иоан. 10.12), а у меня какая причина покинуть стадо Божие, когда я не вижу никакого волка? Поэтому я до самого этого времени и не оставлял. Но теперь, когда ты видишь, как старость и множество различных трудов совершенно лишают меня всех сил, позаботься о церкви и поставь в дому Господнем правителя, который бы, с духовною силою соединяя крепость телесную и будучи моложе меня, принял на себя попечение о церкви. Исполни это последнее мое желание. Дай мне в эти немногие дни побеседовать с собою и с Богом; лучшим для этого жилищем нахожу монастырь; дозволь мне умереть в нем. Что теперь общего между моею дряхлостию и заботами, которыя требуют членов гораздо крепче моих? Ап. Павел называл епископство делом, которого поэтому должен быть чужд (Тим. 3.1), кто становится совершенно неспособен к делу. Не допусти, чтобы церковь, процветшая при моем управлении и возвысившаяся над многими, при мне же опять стала увядать, но сохрани ея благолепие, как я сказал, под управлением других, меня сильнейших и способнейших. Ибо я очень боюсь, чтобы по причине слабости моей, дела не пришли в дурное состояние». Царь, пораженный неожиданностию слышанных им слов,—конечно, поразительно слышал то, чего кто не хочет,—сказал: «что ты говоришь, отец? Как можно мне перенести, когда увижу, что на этой кафедре, при твоей жизни, будет возседать другой? Как можно мне лишить царство свое твоих архипастырских благословений? Отречение твое от епископской кафедры служит для меня неприятным предзнаменованием того, что я лишусь царского престола. Не оскорбил ли я чем-нибудь твое преподобие, согрешивши по неведению,—так как я действительно не знаю, в чем я согрешил против тебя,—а ты может быть щадя нас, как отец, не хочешь обнаружить моего дурного с тобою поступка, но скрываешь истинную причину под видом своей слабости; скажи, прошу тебя, я готов загладить это, и как сын уврачевать болезнь своего отца. Если же ни в чем не можешь обвинить нас, то зачем ты сам хочешь опечалить тех, которые ничем тебя не опечалили? Ни клир не можешь ты обвинять в непослушании и непокорности, потому что ты сам, родивши всех посредством Евангелия, избрал

себе и Богу, ни нас упрекать в том, что мы очень скоро уклоняемся от твоих заповедей, и ничего другого не видим укоризненного относительно твоих действий. Для чего же ты ставляешь детей плакать о том, что ты их оставляешь без всякой причины? Послушайся, отец. Если же не так,—то, осмелюсь сказать, чтобы ты ни говорил, я не послушаюсь, и чтобы ты ни делал, не склонюсь на твою просьбу. Увольнение бывает только для людей недостойных, а ты выше всякого достоинства».

Перевод Цветной Триоди

XXVI. Преклоняется старец этими словами, и ничего более не говоря царю об увольнении, возвращается в монастырь; но тут находит Вышняго Царя споспешествующим его цели. Ибо по возвращении своем он вскоре подвергается болезни, и предузнавши о своей смерти, дает церквам болгарским прощальный дар, состоящий в прибавлении к триоди того, чего в ней не доставало; именно все, что поется от недели Новой (Фоминой) до самой Пятидесятницы, докончил он в это время. Отсюда людям прозорливейшим можно заключить, каков должен быть в здоровом состоянии тела тот, который и в самой болезни изнурял себя трудами. Но поистине внутренний человек его обновлялся, елико внешний тлел (2 Кор. 4,16), и он мог с апостолом Павлом говорить: «егда немощствую (2 Кор. 12,10), тогда силен есмь». Что еще? Он делает завещание, и это согласно с правилами (церковными), как о книгах им написанных, так и о прочем имуществе, которое принадлежало ему, или лучше сказать Богу, к Которому он все относил, и Которым, как единственно добрым бисером, подобно мудрому купцу, обогащался, не заботясь много о раковинах. Разделивши все на две части, одну половину оставил епископии, а другую обители, ясно показавши и здесь, и как приобретать должно, и что раздел его был по Божию мановению. Ибо он допускал и приобретение от благоверных князей и царей, которых никак не должно охлаждать отказом, тем более, когда они еще не вышли из состояния грубости. Пример этому показал и сам Господь, как Он жену, пришедшую к Нему с миром, не только не презрел, но и принял ее и дал место в Евангелии. С другой стороны и нестяжательность обнаружил, согласную с Евангелием и правилами церковными и безпримерно похвальным образом.

Кончина Климента

XXVII. Так поживши и так украсивши дарованную ему от Бога кафедру, положив конец, сообразный с началом, и совершивши кров вполне приличный основанию, переселился ко Господу. Святое тело его, равночестное с душою, по священному обряду будучи отпето и почтено, хотя не по тому достоинству, котораго он заслуживал, по крайней мере, по силам чтителей, положено в этой обители во гробе, устроенном собственными его руками, по правую сторону трапезы, 27-го июля, в царствование Симеона, царя болгарскаго, в лето от сотворения мира 6424.

XXVIII. Но вот, на что я не обратил еще внимания,—не малое доказательство сочувствия душ святых: пред кончиною Климента некоторые из его учеников видели во сне Кирилла и Мефодия, которые пришли к этому святому и предвозвестили исход жизни его. И так он, казалось, отошел от нас и покинул здешнюю жизнь, но благодать его не покинула нас, напротив останки сего учителя еще и доселе творят благодеяния, исцеляя всякой недуг и всякую болезнь (Матф. 9,35). Доказательством сказанного мною служит больной, имевший изсохшие руки и ноги, который, прибывши к храму, когда совершалось божественное

священнодействие, получил исцеление. Народ не знал его, кто он и откуда. Но как он к служению стал прибавлять благодарение, изливался в исповедании своем перед Богом, простирая исцелившие свои руки, и своими воплями становился уже скучным для бывших тогда в храме, что наконец спрашивают его о причине этого благодарения, и он рассказывает все: что он сам также из Ахриды, и страдал уже несколько лет этою болезнью; когда безнадёжность столько же одолевала его, как и болезнь, то он вознамерился поклониться гробу святого, не пошлет ли ему утешения все-исцеляющий во Христе Климент; таким образом, поползши на руках и ногах, достиг гроба этого Святого; тут пришел в изступление и видел некоего старца, который, прикоснувшись власам его, велит ему встать, и вместе с этим словом он слышит в теле стук, как бы кости его, сходясь между собою, ударились одна об другую; верно в это время члены его совокуплялись и расправлялись жилы, чтобы произвести движение; после того, пришедши в себя, говорит он: я был здоров, и руки у меня уже не сухие, ноги уже не сухие, и уже нет расслабления в теле, и вот я воздеваю руки к тому, кто простер мне их, и теперь стою на ногах своих. Так говорит имевший недавно изсохшие руки и ноги, источая из глубины сердца глаголы исповедания; с ним согласовались предстоявшие и также славил Святого благодарственными гласами. Что мне упоминать еще о том или другом? Кто не знает, сколь много бесноватых, сколь много одержимых другими болезнями получили избавление от тяжких страданий, или пришедши ко гробу, или призвавши только имя его с верою, которая поистине бывает при этом деятельною помощницею? Поэтому болгары, от малаго до великаго, вкушая благодать, происходящую от сего Святого, показывают невыразимое усердие в его чествовании, делая ему каждый посильные приношения.

Заключение

XXIX. О, божественная и священная глава, в которой Дух Святой утвердил свое сидение! о, светило, господствующее не о нем только и не ночью только, но и ночью и днем озаряющее нас твоими дарами, боремся ли мы когда с искушениями и как бы какою ночью облегаемся мраком искушений, или наслаждаемся покоем, и проясняемся как бы некоторым светом, в то и другое времена мы сподобляемся твоей благости! О, труба, которою воспет трубил нам Утешитель! О, Пастырь добрый, положивший за нас—твоих овец, святую душу, и потом и многими трудами устроивший и управивший стадо Божие, водворивший нас на месте златном, на основании писаний, твоими устами изъясненных; воспитавший нас на воде упокоения, во святом Крещении, и наставивший на стези правды, к деланию добродетели! Чрез тебя вся болгарская страна познала Бога, ты наполнил и украсил церкви песнями и псалмопениями, празднества просветил поучительными чтениями; чрез тебя монашествующие житиями Св. Отец руководствуются к подвигам; чрез тебя священники научаются жить согласно с постановлениями церковными; о, Ангел земный и человек небесный! о, маслина ни мало не оскудевающая предвозвещенным у пророка туком, и даже еще обильнейших сынов плодоприносящая (Ср. Псал. 62.6. 35.9. 127.4), о, путеводитель слепых, о, котором бы из двух слепотствований и путеводств не помышлял кто-нибудь! О ты, приведший ко Господу люди избранны (Тит. 2.14), ревнители добрым делом, которых они в тебе видели! Паки и паки призри на твое наследие,—поистине ты теперь больше имеешь силы, нежели когда был в теле,—и прогони злую ересь, которая, как язва, вкралась на пагубу твоего стада, в особенности после твоего успения во Христе, да не разсыплет и не погубит

она овец пажити, тобою указанной. О, пастырь святыи и добрый! Соблюди и от варварских нашествий неприкосновенными питомцев твоих, сохраняя вас, как во всякое время, так в особенности теперь, когда скорбь приближается, когда нет помогающего, когда Скифский меч упился в крови болгарской, когда руки безбожников мертвые тела новых чад твоих выбросили на снедение птицам небесным,—их ты сокруши десною рукою Бога, Которому ты служил, мир даруя людям своим, дабы мы и торжество твое могли устроить во всякой радости, чрез тебя прославляя Отца и Сына и Св. Духа, как единого Бога, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

4. Житие и перенесение мощей св. Климента¹ (ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Константин и хазары

I. В годы правления Византией императора Михаила был один муж знатного происхождения, родом из Солуня, именем—Константин, котораго за чудесный ум, с малолетства в нем открывшийся, по справедливости прозвали философом. Достигши зрелых лет, он привезен был родителями в столицу. Там, как муж весьма благочестивый и благоразумный, украсился священническим саном. В то же время к упомянутому императору прибыли послы от хазар, прося и моля, прислать к ним ученаго мужа, который бы научил их неложно кафолической вере, прибавляя между прочим, каким образом то иудеи, то сарацины стараются обратить их в свою веру. Но мы, не зная на чью сторону лучше склониться, решились просить совета о вашей вере и спасении у верховнейшаго и кафолическаго императора, полагаясь на вашу верность и старинную дружбу. Тогда император, посоветовавшись с патриархом, призвал пред себя упомянутого философа и с величайшею честью отправил его туда с хазарскими и своими послами в полном уповании на его благоразумие и красноречие².

Константин в Херсонесе

II. Итак, немедленно приготовив все нужное, он пустился в путь и прибыл в Херсонес,

- 1 Так называемая итальянская легенда *Vita cum translatione S. Clementis*, составленная лицом, принадлежащим римской церкви, на сколько можно судить по ее содержанию, излагает нам деятельность святого Кирилла в связи с перенесением в Рим обретенных им мощей святого мученика Климента, папы Римскаго. Оттого в итальянской легенде и отведено рассказу об обретении и перенесении мощей святого Климента такое видное место, что А. В. Горский определил содержание легенды в следующих словах: «сия легенда есть, собственно, повествование о перенесении мощей святого Климента, а не о деяниях Константина».—А так как обретение мощей святого Климента Кириллом стояло в связи с его поездкой для проповеди к хазарам, то, сказав несколько слов о происхождении Кирилла, легенда начинает с рассказа о прибытии в Константинополь хазарскаго посольства и об отъезде Константина в Хазарию и затем, рассказав об обретении мощей святого Климента, кратко говорит о результатах хазарской миссии. Далее, так как мощи святого Климента были принесены Константином из Моравии, то легенда опять-таки в самых кратких чертах говорит о посольстве Ростислава в Константинополь и о прибытии в Моравию Константина, которое повело за собой вызов его в Рим. Наконец, быстрая кончина Константина в Риме дала повод составителю легенды рассказать о последних днях его жизни и обстоятельствах его погребения, тем более что погребение Кирилла в храме св. Климента нераздельно соединяло воспоминание о св. мученике с памятью о том человеке, который был главным виновником обретения его мощей.
- 2 Рассказ о посольстве хазарском поразительно близок к житию Кирилла.

весьма близкий и смежный с землею хазар. Тут остановился на несколько времени, желая обучиться языку этого народа¹. Между тем, по внушению Бога, который уже положил открыть правоверным своим столь драгоценное сокровище, т. е. тело св. Климента, упомянутый муж, как любознательный испытатель, начал от местных жителей прилежно наведываться и тщательно испытывать, что до него дошло, частью чрез письменное предание, частью по слуху, о теле блаж. Климента, о храме, воздвигнутом ангельскими руками, и о гробе его. Все объявили, что, как пришельцы из разных народов, а не местные уроженцы, ничего не знают, о чем он спрашивает; ибо чудо морского отлива, знаменитое в истории страданий упомянутого первосвященника, давно уже прекратилось за грехи и нерадение жителей, и море прежние свои места покрыло волнами. Сверх того, и от многих набегов варваров храм оставлен и разрушен, страна эта опустела и сделалась необитаемою. Да и самый гроб св. мученика с телом покрыт был волнами².

Обретение мощей

III. Таким ответом весьма удивленный и крайне опечаленный, философ обратился к молитвам, чтобы ему открыто было свыше, ради заслуг упомянутого первосвященника³, чего не мог узнать от людей. Он пригласил митрополита из самого города, именем Георгия, вместе с причтом церковным и народом, да просят того же от небес⁴. Сверх того, рассказывая деяния страстотерпца, или чудеса блаженнейшего мученика, весьма многих воодушевил увещаниями своими приступить к отысканию столь драгоценного и столь долго пренебрегаемого сокровища и с помощью Божиею извлечь на свет. В один день, 30-го⁵, как пишут, января, при тихой погоде вступивши на корабль⁶, путеводимые Христом, пускаются в дорогу, т. е. упомянутый философ с епископом и честным клиром и некоторыми из города. Итак, плывя морем, с великою набожною и упованием, с псалмопением и молитвами, прибыли на остров, где находится, как думали, тело святого мученика. При блеске светильников обходя все места того острова, начали там с большим усердием возсылать моления и прилежно рыть в одном кургане, где, как должно было догадываться, покоится сокровище.

IV. Долго и много рыли, надеясь на Божие милосердие. Наконец, внезапно возсияла, подобно некоторой лучезарнейшей звезде, одна из костей неоцененного мученика. При этом зрелище все исполнились неопisanного восторга и уже без всякого побуждения наперерыв копали землю. Тогда показалась святая голова его. Все со слезами возопили к небу, возсылая хвалы и благодарения Богу. Такой радости, если вообразить не можем, то тем более описать; ибо столько все восхищены были, как обретением святых мощей, так и благоуханием, что мечтали быть в раю. Потом принялись опять за работу, и, отрывая частичку за частичкой, ископали всё. Напоследок нашелся и самый якорь, с которым он бро-

1 Согласно с житием Кирилла.

2 Эта подробность стала известной составителю легенды из письма библиотекаря Анастасия (смотри брошюру Ягича, стр. 10).

3 Как в житии Кирилла.

4 Об этом составитель легенды знал из латинского перевода повествования об обретении мощей святого Климента, составленного Кириллом.

5 Согласно с тем же источником.

6 Как в житии Кирилла гл. VIII.

шен был в море¹.

Итак, при всеобщей несказанной радости, вызванной столь великим Божиим благодеянием, по совершении на том месте таинств святым первосвященником, сам святой муж, возложивши на собственную главу святыя мощи², при восклицаниях всех сопутствующих вступил на корабль и потом с хвалебными песнями перенес их в столицу Глорию³. При приближении к городу, встретил их со многими другими доблестный Никифор, князь того города, и, поклонившись святым мощам, с радостью предшествовал, поспешая в город. Там еще, при всеобщих восклицаниях приняв, поклонился святому и честному телу и рассказал в присутствии всего народа таинственное его обретение. Когда уже начинало смеркаться и от безчисленного множества народа идти далее невозможно было, то с рачительною осторожностью положили тело в храме св. Созонта, в предместьи города, а наконец перенесли в церковь св. Леонтия. На другой день утром, при стечении всего народа, взявши святыя мощи, с великими хвалами обошли кругом весь город и, таким образом, принесли их в соборную церковь, с честью там положили и потом, все радуясь, возвратились по домам⁴.

Проповедь в Хазарии

VI. После этого упомянутый философ отправился в путь и, прибывши к тому народу, куда был послан, проповедывал Искупителя всех Бога, и силою своего слова отвратил всех тех от заблуждений, которых обольстило вероломство сарацин или иудеев. Утвержденные в кафолической вере и наученные, они с великою радостью благодарили всемогущаго Бога и служителя Его, Константина философа. Сверх того, они послали к императору письмо, благодаря, что постарался обратить их к истинной и кафолической вере, и утверждая, что они за это всегда пребудут вернейшими и покорными власти его. Отпуская же философа с великою честью, принесли они ему драгоценнейшие дары, которых он, как истинный философ, не принял, а просил вместо, всех даров, отпустить с ним, сколько есть, чужеземных пленников. Это тотчас было исполнено⁵.

Посольство Ростислава

VII. По возвращении философа в Константинополь, услышал князь моравский Ростислав о том, что сделал философ в области хазар. Посоветовавшись с своим народом, послал он послов к упомянутому императору, донося, что народ его отступил от идолопоклонства и желает соблюдать закон христианский, но не имеет такого учителя, который бы наставил его читать и совершенно разуметь самый закон; и для того просит прислать такого человека, который бы мог ясно показать народу веру и порядок Закона Божия и путь истины. Император, вняв просьбе Ростислава, призвал к себе того же упомянутого философа и по-

1 Как и в слове на перенесение мощей, в котором упоминается появление ребра, главы, прочих членов и, наконец, якоря.

2 Так и в слове.

3 Здесь текст легенды представляет искажение, подобное которому находим в *Legenda Aurea* Иакова де Ворagine. В последней в рассказе об обретении мощей Климента, заимствованном у Льва Остийского из митрополита Георгия, явилось *civitacula Georgia*, так точно как здесь: *metropolia Gloria*.

4 Тот же самый порядок обратного шествия, и в слове, где упоминается о внесении мощей в храм Созонта, св. Леонтия, и, наконец, после крестного хода кругом города в соборную церковь. Вообще весь рассказ легенды есть сокращение весьма подробного повествования слова.

5 Рассказ о результатах проповеди у хазар вполне согласен с тем, что передается в житии Кирилла, глава XI в конце.

слал его туда, т. е. в страну славян, вместе с братом его Мефодием, наделивши их щедро на путевые издержки. Когда же с Божиею помощью они пришли в те страны, то жители места того, узнавши о приходе их, очень обрадовались, ибо слышали, что они принесли с собою мощи св. Климента¹ и Евангелие, переведенное упомянутым философом на их язык. Итак, вышедши за город навстречу, приняли их с честью и великою радостью. Святые мужи ревностно приступили к делу, ради которого пришли, начали учить детей грамоте, устроить церковныя службы и изошрять красноречие свое на исправление разных заблуждений, которыя нашли в народе, и таким образом очищая это зараженное тернием поле от множества корней пороков, сеяли семена слова Божия. Они пробыли в Моравии четыре года с половиною, научили народ католической вере и оставили там разные писания, нужные для церковной службы².

Путешествие в Рим

VIII. Услыша все это, славнейший папа Николай весьма обрадовался и пригласил их к себе апостольскими письмами. Восхищенные таким известием, они благодарили Бога, что удостоились приглашения первосвященника. Отправясь немедленно в путь, они взяли с собою еще некоторых из учеников своих, которых считали достойными получения епископского сана, и, таким образом чрез несколько дней прибыли в Рим.

IX. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился к Господу³. Адриан второй, преемник его на римском престоле, услыша, что философ несет с собою тело св. Климента, трудами его обретенное, весьма тому обрадовался, и, вышедши навстречу за город с клиром и народом, принял их с великою честью. Между тем, в присутствии святых мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцеления: кто-бы ни был одержим какою болезнию, поклонившись святым мощам мученика, тотчас исцелялся. Первосвященник и весь народ римский, радуясь и ликуя, возносил великое благодарение и хвалу Богу, который, спустя столь долгое время, в дни их сподобил их принять в свою столицу святого и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всех апостолов, и не только весь Рим, но и всю Римскую империю просветить его знамениями и добродетелью⁴. Итак, возблагодаря упомянутаго философа за оказанное благодеяние, рукоположили его и Мефодия в епископы, а прочих учеников их в пресвитеры и диаконы⁵.

1 И в этой главе составитель легенды не опускает случая коснуться главным образом, интересующаго его предмета, упоминая о встрече мощей св. Климента в Моравии, о чем ни слова не говорится в про- стран- ных житиях.

2 В этой главе весьма важно упоминание о переводе Священнаго Писания, о славянском богослужении и об обучении грамоте детей. Интересна одна подробность об окончании перевода Евангелия в Константинополе.

3 Автор ита- лианской легенды, близко знавший римския обстоятельства, передает их точнее, чем это встречаем в паннонских житиях. Он говорит о вызове Константина папою Николаем и не забывает упомянуть о смерти этого папы, не дозволившей ему видеть святых Кирилла и Мефодия (сравни VI главу жития Мефодия).

4 Касаясь событий только, на сколько они относились к перенесению мощей Климента, автор обходит молчанием все, что житие Кирилла говорит о славянских книгах, о богослужении на славянском языке и т. д.

5 О посвящении Кирилла в епископы умалчивает житие Кирилла; Анастасий, как видно из его письма, тоже не знал об этом. Но фрески, открытыя в церкви св. Климента, изображают Кирилла, лежащим в гробу в епископском облачении.

Кончина Константина

Х. Когда же философ, или Константин, почувствовал приближение своей смерти, то с позволения первосвященника¹ дал себе имя Кирилла, говоря, что имя это внушено ему было свыше, и таким образом через сорок дней² почил в Господе 17 марта³. Святый отец папа повелел, как римскому, так и греческому духовенству, собраться на погребение его с псалмами и песньми, свечами и ладаном, и погребсти с такою же честью, как самого первосвященника.

ХІ. Тогда вышеупомянутый брат его Мефодий, пришедши к первосвященнику и повергшись к стопам его, сказал: достойным и нужным считаю внушить твоему святейшеству, что при выходе из дома нашего на службу, совершенную нами при помощи Божией, мать со слезами просила, чтобы, в случае смерти одного из нас, тот, кто останется в живых, привез усопшаго в свой монастырь и там предал погребению с подобающей честью. Итак, позволю рабу твоему исполнить долг, чтобы не оказаться поступившим противно мольбам и закликаниям матери.—Папа, хотя с трудом, однако согласился на его требование: положивши рачительно тело усопшаго в мраморный гроб и запечатавши собственной печатью⁴, чрез семь дней он отпускает Мефодия. Тогда римский клир, по совещании с епископами, кардиналами и вельможами города, приступил к первосвященнику и говорил так: мы считаем за недостойное дело отпустить в другие края, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрез котораго Рим и церковь сподобились стяжать столь драгоценное сокровище, котораго Бог из отдаленных и чуждых стран по милости Своей благоволил к нам привести и от нас восхитил в небесное Свое царствие. Лучше пусть будет погребен он здесь с честью, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену в столь знаменитом граде. Такой совет понравился первосвященнику: он велел положить его в церкви св. Петра, т. е. в собственной своей усыпальнице.

ХІІ. Мефодий, видя намерение свое не исполненным, приступил опять с просьбою: когда неужгодно было вам удовлетворить моему требованию, то молю вас, владыки, да будет погребен брат мой в церкви св. Климента, котораго тело трудами его обретоно и сюда принесено.—Святейший отец внял этому молению и при стечении клира и многочисленнейшаго народа, с великою радостью и благоговением, положили Кирилла, вместе с мраморным гробом, куда прежде папа заключил его, в приготовленном для того склепе по правую сторону алтаря, с гимнами и великими благодарениями Богу, творящему в том месте чудеса, во славу и хвалу имени Своему, ради заслуг и молений угодников Своих благословенному и препрославленному во веки веков. Аминь.

Считаем не лишним прибавить указания на труды, касающиеся вопросов об алфавитах. Всегда будет иметь значение известное сочинение Шафарика: «О происхождении и родине глаголитизма» (русс. перевод). Москва, 1861. Из чтений Общ. Ист. и Древн. Росс. 1860 г. С новыми взглядами на глаголицу можно познакомиться в статье проф. Беляева: «История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы». Ученые записки казанского универс. по истор.-филолог. факультету

1 Подробность лишняя против жития Кирилла.

2 В житии Кирилла—50 дней.

3 В житии Кирилла—14 февраля.

4 Подробность, лишняя против жития Кирилла.

1885 г. Казань, 1886. Нам остается еще заметить, что литература по кирилло-мефодиевским вопросам чрезвычайно обширна как у нас, так и у других славян и не перестает расти; нами указаны лишь немногие сочинения, а едва ли найдется исследователь в обширной области славяноведения, который бы не внес своей лепты для посильного разрешения того или другого из этих вопросов. Историк славянских литератур может испытывать удовлетворение отмечая такое богатство, свидетельствующее о самом живом интересе представителей славянской науки к памяти славянских первоучителей, трудам которых суждено было стать краеугольным камнем славянского просвещения.

П. Лавров.

XXVI. Симеон, царь Болгарский

Славяне и Византия

«На четвертый год своего правления», рассказывает византийский историк Прокопий, «император (Юстиниан) назначил Хильбуда военачальником Фракии, вверил ему защиту Дуная и приказал не пропускать варваров чрез эту реку, ибо *гунны, анты и славяне*, переправляясь через Дунай, страшный вред наносили Римлянам».

«В жестокой битве Хильбуд пал, вместе со многими Римлянами: с этого времени ничто уже не препятствовало варварам переходить реку, и римские (т. е. византийские) города были открыты для их нападений». «Они не давали пощады никому; лишь только врывались они в римскую область, немедленно истребляли все, что им попадалось на пути, и детей и взрослых, так что вся Фракия и Иллирия долгое время усеяны были непогребенными трупами.»

Славяне-язычники ничуть не лучше были своих товарищей-гуннов: они безжалостно избивали тех из своих пленников, кого не в состоянии были увести с собой. «Проклятое племя славян» — вот обычное выражение, которое употребляют византийские писатели VI века для обозначения этого народа.

Лет четыреста после этого был в Константинополе послом от императора Оттона I епископ кременский Лиутпранд. Приглашенный на парадный обед во дворце, он, к большому своему негодованию, заметил, что первое место за столом отвели не ему, послу западного императора, а какому-то варвару, с обритой головой и в странной одежде, подпоясанной вместо пояса медной цепью. Оскорбленный епископ немедленно встал из-за стола и удалился из зала. Его догнал византийский куропалат¹ и стал объяснять, что обижаться не на

Источники и пособия: переписка патриарха Николая Мистика с царем Симеоном (Migne, *Patrologiae cursus completus, series Graeca*, т. CXI); *A. Rambaud, L'empire grec au dixieme siecle: Constantin Purphurogenete*, Paris 1870; *М. Дринов*, Южные славяне и Византия в X веке, М. 1871 (в «Чтениях» Общ. Ист. и древн.); *М. Соколов*, Из древней истории болгар. Спб. 1879.

1 Высшая придворная должность в Византии.

что. «Это, ведь, посол царя болгарского», говорил куропалат: «он во всех придворных церемониях всегда занимает первое место, выше всех других послов: таков наш договор с его государем, договор, скрепленный клятвой, которого нельзя изменить». Византийский придворный называл при этом болгарского государя «Василевсом», как и своего собственного императора: между тем государю Лиутпранда греки давали титул только короля—*Ρηξ*. Повелитель «проклятого племени славян» был теперь для Византии первым царем во вселенной, после наследников Юстиниана. Он являлся перед своим народом в пурпуре и короне императоров; епископ его столицы, Преслава, носил звание патриарха. Болгарский «Василевс» был женат на принцессе византийского царствующего дома, и его дочери считались наиболее подходящими невестами для сыновей императора. Тот народ, который для историков VI столетия был скопищем разбойников, обладал теперь блестящей для своего времени литературой; на его языке распространялось Священное Писание среди других славянских племен. В его землю «вся благая сходились», по выражению русского князя Святослава: здесь пересекались торговые пути, связывавшие Византию с северо-восточной Европой. На Балканском полуострове выросла новая великая держава; незадолго до посольства Оттона I она уже спорила за первенство с самой Восточной империей. Но самые младшие из спутников Лиутпранда, вероятно, дожили до того времени, когда от всего этого блеска и величия ничего не осталось: ни царя, ни его двора, ни царства, ни патриархата. Страна опять стала византийской провинцией, какой была при Юстиниане. Греческие чиновники, — по-прежнему они называли себя «Римлянами» — собирали подати, византийское духовенство управляло церковью, византийский стратег с императорскими войсками отбивал нападения варваров, «часто переходивших через Дунай и опустошавших римския провинции»: тогда их звали гуннами, теперь печенегами и половцами, но это были народы одной семьи, одной расы и одного обычая. Только страшные славяне из грозных врагов империи превратились в особаго рода оброчную статью, более или менее исправно доставляя деньги в казначейство и рекрутов на пополнение армии: нужны были неслыханные вымогательства императоров из дома Ангелов, чтобы они снова толпами хлынули на империю, «истребляя все, что им попадалось на пути».

Трудно найти лучший пример «непрочности всего земного», чем судьба первого болгарского царства. Но заниматься нравоучительными размышлениями — не дело истории; история есть наука, и, как наука, она занимается изучением причин исторических событий и законов, которые управляют исторической жизнью народов. Какая были причины быстрого роста и еще более быстрого упадка первого славянского царства на Балканском полуострове? Ответив на этот вопрос, мы ответим в то же время и на другой, более общий: почему вообще из славянского населения полуострова, до самого недавнего времени, ничего не выходило, — несмотря на его многочисленность и несомненные духовные способности? Почему славяне, за редкими исключениями, всегда оставались данниками, сначала греков, потом турок? Это объясняют обыкновенно их раздорами: но раздоров было не меньше у русских славян, и здесь они также задерживали развитие государственной жизни, — задерживали, но не могли остановить. Почему на Балканском полуострове случилось обратное?

Первые поселения славян на Балканском полуострове

Первые крупные поселения славян по ту сторону Дуная образуются в половине VI столетия, — если верить современникам. Новейшие ученые, на основании различных косвен-

ных указаний, считают их гораздо старше, отодвигая первых славянских поселенцев к III и даже II веку нашей эры. Отдельные случаи такого рода, конечно, могли быть,—но византийцы не обратили на них внимания, следовательно, их было немного и они не были значительны. Около 550 года Прокопий отмечает, что славяне «не только грабили страну, но и зимовали в ней без страха, как бы в своей собственной земле». А живший несколько позже в Константинополе церковный историк Иоанн из Эфеса записал у себя вот что: «На третий год по смерти императора Юстина (Второго, царствовавшего с 565 по 578 год) и по вступлении на престол Тиверия Победоносного проклятый народ славян произвел набеги на всю Элладу, окрестности Солуны и всю Фракию. Они завоевали много городов и укрепленных мест, опустошали, жгли, грабили страну и владели ею; они поселялись в ней без страха, как будто она им принадлежала... Грабежи их простирались до самой внешней стены (Константинополя); все императорские стада сделались их добычей. *До сих пор они спокойно живут в римских провинциях*, без заботы и страха, грабя, убивая и сожигая; они сделались богатыми, владеют золотом и серебром, табунами коней и оружием; лучше самих римлян научились они воевать». Описание осады Солуны славянами в 597 г.,—описание, принадлежащее очевидцу—наглядно показывает, как «научились они воевать». (См. статью № 3).

Но не все так легко перенималось, как военные машины. Государственная власть, например, растет медленно и постепенно, «органически», ее нельзя было занять. В первое время у славян много было племенных и родовых князьков, которые часто ссорились между собою. «Некоторых из них», говорит император Маврикий (VI в.), «не бесполезно прибавить к рукам обещаниями или подарками, в особенности тех из соседних, которые поближе, а на других идти войной, для того чтобы общая опасность не вызвала у них единения или монархии». Но монархия пришла к балканским славянам извне, и Византия невольно сама облегчила это дело, уступив в 679 г. страну между Дунаем и горами пришлому тюркскому племени *болгар*.

Болгаре

С первых веков по Р. Х. на Европу начинает изливаться тот поток тюркских народов, который достиг самой большой силы и стремительности во вторую половину средневековья—во времена Чингисхана и Тимура. Первыми являются на сцену гунны, потом авары (обры), болгаре, угры, печенег, половцы. С болгарами Византия познакомилась уже в конце V века: в 498 г. они подступали к Константинополю. Но затем эта орда исчезает в массе аваров, подчинивших себе все племена между Доном и Дунаем, в том числе и наших дулебов-волян. Только в царствование Гераклия (610—641) болгаре вернули себе самостоятельность: около этого времени упоминается их каган или хан Куврат (Коурт славянских источников). После его смерти они разделились на несколько орд, как это легко делалось у степных кочевников: две орды остались около Дона и, вероятно, потом, подвинувшись на север, основали знаменитое в русской истории царство камских болгар. Прочие три орды пустились к западу: одна ушла в нынешнюю Венгрию и смешалась с аварами; другая проникла еще далее, в Италию, и утвердилась в Равеннской области; третья орда, под предводительством Аспаруха (или, по славянским памятникам, Испериха), перешла Днепр и Днестр и, вскоре затем, перекочевала на южный берег Дуная, в нынешнюю Добруджу, по своему географическому характеру составляющую продолжение черноморских степей.

Быт болгар

В своем быте болгаре мало чем отличались от других народов того же племени: они кочевали с места на место, жили скотоводством и грабежом. Подобно гуннам, венграм и тата-рам, они были ловкие наездники и превосходные стрелки. Они принесли с собою на Дунай азиатскую одежду и обычаи: ходили в чалмах, ели на полу, носили конский хвост (турецкий «бунчук») вместо знамени, для присяги ставили перед собой саблю. Как и большая часть степных кочевников, которые проводят все почти время под открытым небом, болгаре поклонялись небесным светилам, солнцу, месяцу и звездам. Впрочем, ни их быт, ни религия их не оказали большого влияния на туземное население занятой ими страны: орда Испериха была для этого слишком малочисленна. Этнографическое значение тюркского племени для Болгарии не больше того, какое имели для древней Руси пришлые варяги: как и Русь, мы имеем полное право считать Болгарию X века чисто славянской страной. Но в политическом отношении болгарское завоевание было для балканских славян чрезвычайно важно: вся жизнь новых пришельцев проходила в войне, в набегах на окрестные народы; это неизбежно вело к развитию военной дисциплины и сильной, монархической власти, как это мы и видим у всех тюркомонгольских племен, от гуннов Аттилы до османов Магомета II. Борьба с сильной, централизованной Византией всегда еще более способствовала развитию такой власти: с османами XIV—XV вв. повторилось то же, что пережили болгаре в VII—IX в. Дисциплина в болгарской орде была так строга, что всякий взрослый мужчина, осмелившийся покинуть страну без разрешения хана, считался дезертиром и подлежал смертной казни. Если же ему удавалось бежать, казнили стражу. Смертью наказывали даже того, у кого оружие во время войны находили в неисправности. Славяне, покоренные вновь пришедшим племенем, были подчинены этим порядкам. Восемь славянских племен, живших до тех пор отдельной жизнью, слились в одно целое, были даже перетасованы, передвинуты с места на место, ради большого удобства при обороне страны; десятки тысяч славянских семейств были переведены с южной стороны Дуная на северную, с тою же целью.

Оттого с появлением болгар за Дунаем резко изменяется отношение балканских славян к Византии. Прежде они имели только отрицательное значение,—значение нарушителей порядка в империи; под властью тюркских ханов они становятся важной политической силой, к помощи которой прибегают сами императоры. Юстиниан II, царствовавший с 685 г., был свергнут с престола константинопольским населением; он бежал сначала в Херсонес, но так как и здесь настроение народа было ненадежно, то изгнанный император должен был искать гостеприимства у хана Тервела, преемника Испериха. Болгарский хан не только принял Юстиниана с почетом, но, собрав все свои войска, помог ему овладеть Константинополем и вернуть себе престол. За это Тервел получил титул кесаря, т. е. помощника императора; ему было дано право носить императорскую одежду и сидеть рядом с императором; византийские придворные преклонялись перед ним, как перед собственным государем. Но и помимо всего этого, хан, видимо, произвел очень сильное впечатление на греков, и у них впоследствии ходили баснословные рассказы о его страшном богатстве и необыкновенной щедрости. Тервел, будто бы, клал на землю свой щит, выпуклостью вниз, на щит клал плеть, с которою ездил верхом, и потом засыпал щит и плеть золотом, так что их не было видно; воткнув в землю копье, накладывал с обеих сторон доверху шелковые ткани;

раздавал своим воинам деньги целыми ящиками, правою рукою загребая золото, левою серебром. После смерти Тервела власть хана, видимо, пришла в упадок; династии быстро сменяют одна другую и не находят уже безусловного повиновения, как прежде: в правление некоего Телеца более 200.000 славян выселились из Болгарии в Малую Азию, и хан не имел силы их удержать. Весьма возможно, что именно в это время развились те аристократические учреждения, которые мы находим в позднейшей Болгарии: сословие *боляр* (*βοιλαδες* греческих писателей), из которых шесть главных, «*великих боляр*», составляли верховный совет при государе. Боляре занимали самостоятельное положение в государстве: византийское правительство отличало их от остального населения, и византийский логофет, спросив, по обычаю о здоровье болгарского царя, должен был, вслед затем, спросить о здоровье «боляр»,—сначала шести «великих», затем всех прочих. Все эти подробности болгарского государственного устройства мы узнаем от писателя X века, императора Константина Багрянородного; но происхождение их относится, конечно, к более раннему времени, потому что, уже начиная с IX столетия, власть болгарского государя все более и более усиливается. Это было следствием, с одной стороны, изменившегося международного положения их государства, с другой—принятия ими христианства.

Война с Никифором

На положении Болгарии сильно отразились те мировые события, которые происходили далеко к западу от нея,—в нынешней Франции и Италии. Возникновение империи Карла Великого имело ближайшим результатом разгром варварских народов, беспокоивших границы этой империи. При этом разрушено было и громадное царство Аваров, занимавшее тогда (конец VIII столетия) как раз место нынешней Австрии; западной его частью завладели франки, остальные области поделили между собою восточные соседи, причем больше всего пришлось на долю болгар. Хан их, Крум, получил, благодаря этому, в свое распоряжение такие силы, какими никогда не располагали его предшественники; враг у него теперь был только один—Византия: авары уже не грозили ему с тыла, как прежде. Крум начал с того, что напал на те укрепленные города по линии Балкан, где еще держались греческие войска, и овладел Средцом (теп. София). Это повело к войне с императором Никифором; с обеих сторон были пущены в ход все силы, и одолели болгаре. С самого начала обнаружилось, что обычных средств империи не хватит для борьбы с Крумом: пришлось прибегнуть к чрезвычайным налогам и завербовать, в придачу к регулярным войскам, толпы бедняков, вооруженных одними палками и пращами; это увеличило число солдат, но за то понизило качество армии.

Поход начался, впрочем, счастливо для Никифора: он овладел «аулом» хана,—«так называют болгаре жилище своего государя», говорит греческий летописец; «аул» находился близ нынешней Шумлы. «Крум стал просить мира,—очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифор прервал переговоры, то нашел себя запертым деревянными завалами; Крум загородил, как стенами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно громом; обходя местность и ища выхода, он говорил: «птицами разве мы отсюда вылетим». Два дня прошли спокойно; в ночь на субботу 25 июля (811 г.), слышали шум оружия и движение войска; все ждало с трепетом; на заре *болгаре*, соединившись с *аварами*, ударили на греческий стан и всех избили, самого императора Никифора, его сановников, патрициев, стратегов, областных начальников и безчисленное множество воинов: «погиб в тот день цвет хри-

стиан, пропали императорския украшения и все оружие. Не дай Бог христианам видеть когда-нибудь подобный день! Отрубленную голову Никифора, воткнутую на копье, долго показывал Крум приходившим к нему от разных народов посетителям, потом выложил череп серебром и сделал чашу, из которой пили на торжественных пирах *славянские* вожди». В этом рассказе любопытно, между прочим, что для греческого писателя «болгаре» и «славяне» были уже одним народом, между тем, как авары, — те же турки, только другой ветви, — у него уже строго отличаются от «болгар». Отсюда видно, как сильно ославились к IX веку потомки Испериха и его товарищей. Самым важным событием в истории этого смешения двух народностей было принятие христианства болгарским государем, в половине того же IX столетия.

Романское и греческое влияние

Население римских провинций к югу от Дуная, до начала славянских вторжений, исповедывало, конечно, христианскую веру: язычество при Юстиниане было уже редким исключением. Славяне жестоко опустошили страну, но далеко не истребили всего населения. Мало того: поселившись на Балканском полуострове, они многое заимствовали у туземного населения, — конкретные, наглядные доказательства этого дают языки сербский и особенно болгарский. В VI веке население придунайских провинций империи говорило романским, т. е. испорченным латинским языком; в болгарском мы встречаем значительное количество латинских слов: *клизура* — лат. *clausura*, *еирек* (хлев, овчарня) от лат. *grex* (стадо), *бакълъ* (сосуд) лат. *rosulum*, *турло* (стадо, толпа) — лат. *turma*, *виръе* (зеленеет) лат. *viret* и т. д. Некоторые из этих слов, вошедшие в славянский перевод св. Писания, усвоены всеми славянскими языками: *цъсарь*, *царь* от лат. *caesar*, *оцътъ* — лат. *acetum* (горькое питье), *рака* — лат. *arca*, *олтарь* — лат. *altare*. Влияние не могло ограничиться одним языком: сохранились известия, что пришельцы, не смотря на враждебные отношения к империи, иногда становились христианами. В житии св. Димитрия Солунского рассказывается, что многие варвары крестились под влиянием тех христиан, которых они уводили с собой в плен. Позже, когда в самой империи получил преобладание греческий язык, романское влияние должно было смениться греческим: перейдя Дунай, болгаре нашли к северу от Балкан греческое духовенство, подчиненное константинопольскому патриарху.

Проповедь христианства

Насколько многочисленна была паства этого духовенства, сказать, конечно, трудно; одно не подлежит сомнению, что болгаре очень рано могли познакомиться с христианским вероучением, и, как совершенно справедливо выразился один русский исследователь, «трудно подыскать причину не того, почему болгаре приняли христианство, а того, — как это они так долго оставались язычниками». Причину эту, кажется, следует видеть в той железной дисциплине, которой они были обязаны своими военными успехами: без разрешения хана никто не смел креститься, а ханы не расположены были к христианству, потому что враждовали постоянно с Византией. Сохранились любопытные предания, показывающие, как истинное учение медленно, но неуклонно завладевало самым семейством болгарскаго государя. Вот что рассказывает болгарский епископ Феофилакт, — писатель очень поздний, XI века, но пользовавшийся древними местными записями. «Когда Крум покорил многие города Римлян и взял знаменитый Адрианополь, то жителей его он переселил в те города, которыми завладел раньше. В числе этих переселенцев был один муж, по имени Кинам, по

внешности блестящий и изящный, а по душевным качествам превосходивший всех своих товарищей. При разделе пленных он достался Омвритагу, сыну Крума. Он был любим своим господином и всеми прочими, так как бесспорно превосходил всех; только одно в нем печаливало их: он отличался от них религиею. Поэтому варвар употреблял все старания, чтобы отлучить его от Христа. На первый раз он испытал его веру следующим образом: совершивши одно блестящее жертвоприношение и приготовивши при этом роскошный обед, он приказывает благородному Кинаму садиться вместе и обедать с прочими начальниками. Но тот, помня, что нет у Христа ничего общего с Велиаром, и что верующим во Христа невозможно пить чашу Господню и чашу бесовскую, отверг предложение обедать с ними». Варвар настаивал на своем. Кинам, вместо повиновения, стал доказывать пустоту язычества и проповедовать о Христе. Омвритаг не вынес этого и приказал запереть слугу Христова в тюрьму, в которой он и оставался до смерти Омвритага. Умирая, он оставил трех сыновей. Старшему из них было имя Энравота, второму Звиничес, а третьему Маломир; последнему досталась и власть отца. Энравота, по провидению Божию, вспомнил о христианине Кинаме: он послал к брату Маломиру и просил его отыскать Кинама и прислать к нему. Маломир не оставил без внимания просьбы брата и стал отыскивать этого человека; он нашел его в тюрьме, голодного, грязного, побледневшего, ослабшего, так сказать, призрак прежнего Кинама и, оправивши, насколько можно было, послал к брату Энравоте». Тот не мог даже сразу и узнать своего старого знакомого: так изменился Кинам от своего долговременного заключения. На вопрос пораженного Энравоты, — из за чего он терпел все это, Кинам отвечал, что пострадать за веру Христову — высшее благо для христианина. «Энравота, приняв к сердцу слова мудрейшего Кинама, как пищу, воспламенился стремлением к вере Христовой. Он любил этого человека и постоянно в разговорах расспрашивал его о христианстве». Последствием этих разговоров было то, что Энравота крестился и стал ревностным христианином. Когда узнал об этом брат его Маломир, он «призвал Энравоту к себе и принял его не как брата, но как отступника переданной отцами веры», и потребовал отречения. Энравота ответил, что он отвергает язычество со всем его служением, но чтит Христа, как истинного Бога, и оказывает ему должное поклонение. За это он был казнен и перед смертью, будто бы, предсказал скорое обращение всей Болгарии в христианство. Это и случилось, в самом деле, очень скоро, — при его племяннике Борисе, — по словам архиепископа Феофилакта, с детства уже расположенном к христианству; существует другое предание, очень известное, — что сестра Бориса, захваченная при одном набеге византийскими войсками, была воспитана в Константинополе в христианской вере, и, вернувшись на родину после размена пленных, склонила брата принять крещение. Как бы то ни было, очевидно, что среди ближайшего потомства обращение Бориса в христианство не считали чем-то внешним и знали, что оно было издавна подготовлено успехами христианской проповеди в царской семье.

Крещение кн. Бориса

Непосредственным поводом крещения, по словам византийских летописцев, были: голод и нападение неприятелей на Болгарию. Пораженный этими бедствиями, и не находя утешения в языческой религии, Борис стал искать его в христианстве. О голоде около 863 г. говорят в один голос и западные летописи; эта беда, повидимому, была повсеместная. Что же касается стесненного положения Болгарии, вынудившего Бориса искать помощи у Ви-

зантии, то это достаточно опровергается условиями договора, который империя заключила с Борисом тотчас после крещения: по этому договору не Болгария, а Византия сделала уступки. Значительная полоса земли, составлявшая прежде собственность империи, перешла к Борису. Но ошибаясь относительно подробностей события, византийские писатели совершенно верно передают смысл его: это, в самом деле, была самая крупная победа, одержанная греками над их страшным соседом. Константинопольский патриарх Николай, в письме к преемнику Бориса, такими словами характеризует обращение Болгар в христианство: «Было некогда время, когда Римляне и Болгаре ссорились между собою, поднимали друг на друга оружие,—и языческое нечестие, в котором вы пребывали, разделяло нас, как непроходимая стена. Но когда Бог, возлюбив мир, просветил вас светом своего познания, прекратилась вражда, остановились военные действия, любовь заступила место раздоров, мы стали союзниками и друзьями». На сорок слишком лет северная граница империи была обеспечена от нападений,—если не считать случайного столкновения около 890 г., в котором, к тому же, кругом было виновато византийское правительство. Но этого мало: в течение тех же сорока лет совершилось мирное завоевание Болгарии греческой культурой, в лице болгарского государя, ставшего полу-греком (*ἡμιεὐρώς*). Что этот государь пойдет гораздо дальше, чем могли желать его учителя,—в том виноваты уже не греки, а законы истории, в силу которых всякое начало, раз проникшее в жизнь, стремится развиваться до крайних возможных пределов.

Нет надобности говорить о благотворных нравственных последствиях крещения для болгарского народа. Но на первых порах оно и политически было очень выгодно: во-первых, самый этот народ стал действительно существовать только с тех пор, как две его части, тюркская и славянская, окончательно слились на почве общей религии и общей культуры. С другой стороны, военно-деспотическая власть хана стала постепенно сменяться более возвышенной, боле нравственной формой власти христианского царя; прежние болгарские государи были заняты, больше всего, поддержанием дисциплины, теперь они начинают заботиться о просвещении и нравственном воспитании своего народа. Общество стало крепче, власть стала сильнее и, в то же время, чище; обратная сторона дала себя почувствовать только гораздо позже: но уже в самую первую минуту высшие классы болгарского общества и сам царь Борис стали смутно догадываться, что им предстоит зависимость не от одной православной восточной церкви, но и от восточной империи. Тотчас по принятии Борисом христианства, бояре устраивают заговор против царя; византийцы объясняют этот заговор языческим фанатизмом, но так как никаких других признаков фанатизма мы не находим, то правдоподобнее видеть здесь чисто политическую реакцию против византизма, а не против христианства,—что подтверждают и позднейшие боярские возмущения, уже несомненно политические (X века). С другой стороны, сам Борис завязывает переговоры с Римом, старается освободить болгарскую церковь из-под власти константинопольского патриарха; но Константинополь был ближе и перевес остался за ним.

Молодость Симеона

Здесь воспитывался и наследник Бориса—Симеон. Он получил вполне греческое образование: изучал «риторику Демосфена и силлогизмы Аристотеля», как выражается один современник. О широте и разнообразии его умственных интересов свидетельствуют те литературные работы, которые были исполнены, впоследствии, по его поручению, а отчасти и

им самим (см. статью «Болгарская письменность»): здесь есть и богословие, и проповеди, и космография, и история. По словам хорошо его знавшего патриарха Николая, он вполне усвоил себе нравственные идеалы своей новой религии: «ненавидел зло больше, нежели кто-либо из людей, почитал справедливость, а к несправедным делам чувствовал отвращение; не был рабом удовольствий, а в пище был не меньше воздержан, чем отшельники, которые живут в горах; вина совсем не пил: одним словом, от монахов, покинувших мир, отличался только тем, что управлял данною ему от Бога страной». Но, к несчастью для греков, он увлекался не только нравственно-религиозными, но и политическими их идеалами. Греки не признавали на земле иной верховной власти, кроме власти их императора; все остальные государи были только «правители» (*οἱ ἡγεῖς*), «начальники» (*αρχόντες*), властвующие, покуда император им это позволяет, но только в силу этого позволения: за верную службу они награждались римскими, императорскими чинами, — патриция или консула; за то в случае неверности их можно было и наказать — здесь не было нарушения права. Только один император выше всякого права: его судит только Бог, который поставил его своим заместником на земле. Но эта, так страшно высоко стоящая над людьми власть, была в то же время доступна каждому православному христианину: закона престолонаследия не было, престол, в сущности, был избирательный; если иногда на нем сменялось несколько поколений одной семьи, то это была, не более, как счастливая случайность. С другой стороны, Византия, с своей крайней этнографической пестротой, не обращала, и не могла обращать внимания на происхождение: нация была безразлична для империи; единственной духовной связью, соединявшей ее подданных, была религия. От кандидата на престол требовалось только православие: почти все племена, подвластные Византии, могли указать в числе императоров своих представителей, в том числе, может быть, и славяне, — если не в лице Юстиниана, по всей вероятности, фракийца, то в лице Василия Македонянина, старшего современника Симеона (Василий умер в 886 г.). Живя в Константинополе, будущий болгарский государь мог каждый день видеть перед собою воплощение этой теории: императора, перед которым падали ниц высшие лица в государстве; его блестящий двор с торжественным церемониалом; всю ту стройную административную машину, которою он руководил, по которой малейшее распоряжение, сделанное в Константинополе, с точностью выполнялось в Дирраихуме или Тарсе; наконец, его огромное войско, еще в XIII веке производившее, по внешности, сильное впечатление на иностранцев, не выдавших его в деле. И все это не было недоступно для Симеона: не только болгарский принц, простой солдат, при удаче, мог рассчитывать на императорский трон: редкий выдающийся человек в Византии не имел на этот счет предсказаний от астрологов и прорицательниц. Как было не родиться у этого «полу-грека» мысли — стать со временем Василевсом римлян (*Βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων*)?

Война с Львом VI и мадьярами

Внешние обстоятельства роковым образом толкали его к той же цели: сама Византия поставила его в такое положение, где оставалось только выбирать между подчинением империи, или господством над нею, — середины не было. Ко времени восшествия на престол Симеона, около 890 г., невыгоды от сближения с Византией для Болгарии, успели уже достаточно определиться. По старым договорам болгарские купцы имели право торговать в

Константинополе: чтобы создать монополию (исключительное право торговли) для греков, болгар заставили перебраться в Фессалонику и там еще стали притеснять разными несправедливыми поборами. Вероятно, в Константинополе черезчур понадеялись на свое влияние при болгарском дворе, но напрасно: Симеон, правивший тогда вместе с братом Владимиром, вступился за своих подданных и нанес сильное поражение грекам. Тогда царствовал император Лев VI, человек очень ученый, за что его и прозвали «философом», но не отличавшийся искренностью, блестящий представитель дипломатического искусства Восточной империи, того искусства, которое сделало слово «византийский» синонимом хитрости и коварства. Он не задумался поднять против своих новых «братьев во Христе» дикую языческую орду мадьяр¹, кочевавших тогда между Днестром и Дунаем. Нужно припомнить, что тогдашняя Болгария не совпадала с теперешней: к царству наследников Крума, после падения аваров, принадлежали земли на северном берегу Дуная, нынешняя Румыния и отчасти Венгрия. Их то и стали опустошать мадьяры, и Симеону не удалось их вытеснить отсюда окончательно, хотя он и разбил их при помощи другой такой же орды — печенегов. Мадьярам удалось даже, на византийских судах, перебраться на южный берег Дуная, где они ограбили и сожгли столицу болгарского государя — Преслав. Не скоро оправилась Болгария от этого погрома, которым она была обязана византийской политике; если у Симеона раньше было какое-нибудь уважение к его учителям византийцам, то оно должно было исчезнуть после этого коварного удара из-за угла; и когда, впоследствии, греческий патриарх пробовал обращаться к царю с нравоучениями, — он всегда встречал в ответ горькую иронию. «Ты не добьешься своей цели — овладеть императорским престолом», писал ему патриарх Николай, «без страшного кровопролития». — «Значит, с помощью кровопролития этого можно достигнуть», ответил Симеон, намекая на то, что сами греки не стесняются в средствах. «Ты требуешь невозможного», писал другой раз патриарх. — «Я ведь не требую, чтобы ты воскресил убитых болгар», возражал царь, имея в виду, конечно, тех, кто погиб по милости византийцев.

Гораздо важнее всего было то, что теперь Болгария была поставлена между двух огней, как во времена аваров; недавний союзник, печенеги, был мало надежен: при всякой войне с Византией можно было ожидать нападения с тыла. Чтобы обезопасить свое царство, Симеон должен был избавиться от одного, либо от другого из двух своих врагов; Византия в это время казалась наиболее слабым из них, и болгарский царь решил начать с нея.

Первая война с Константином VII

На императорском престоле, после смерти Льва (912 г.), остался восьмилетний ребенок, — Константин VII Багрянородный, будущий знаменитый писатель; его именем управлял дядя, Александр, человек совершенно неспособный. Вдобавок, покойный император оставил сыну чрезвычайно тяжелое наследство. Как известно, православная церковь запрещает четвертый брак. Лев VI, у которого слово редко сходило с делом, сначала подтвердил это церковное правило строгим указом; а потом сам женился в четвертый раз. Тогдашний патриарх, уже знакомый нам Николай, возстал против такого беззакония, был за это лишен кафедры и заменен Евфимием, умевшим угодить императору. Но лучшие люди византийского общества были на стороне сверженного патриарха. Константин VII имел несчастье

1 Угров нашей летописи.

родиться именно от этого, запрещенного церковью, брака, и в глазах многих был царевичем не совсем законным. По этому поводу и при дворе, и в народе были большие несогласия, как нельзя боле благоприятные для замыслов Симеона. Предлог для войны не трудно было найти: регент Александр, всегда нетрезвый, грубо обошелся на аудиенции с болгарскими послами; в ответ на это Болгария начала военные действия. Повидимому, империя совсем не была готова к войне: Симеон почти без сопротивления подошел к самой столице. Во второй раз со времен Крума константинопольское население увидело у стен города болгарские полчища: но тогда единственной целью их был грабеж, теперь намерения их вождя были гораздо серьезнее. Симеон не скрывал, что он пришел за императорской короной; но, очевидно, раздоры между сторонниками и противниками Константина VII казались из Болгарии значительнее, чем были на самом деле. Ворота города не отворились перед Симеоном, а взять его силой он не мог. «Увидав крепость стен, множество воинов, каменометных и стрелометных орудий, которыми могли защищаться осажденные, он отказался от своей надежды и просил мира»; так говорят византийские летописцы. Эта хвастливая фраза означает, что царь завязал переговоры, с целью, конечно, выиграть время, потому что на следующий год нападения болгар возобновились, причем они взяли Адрианополь. Насколько мало Симеон был похож на просителя, видно из того, что он требовал от пришедших к нему византийских послов «преклонения» (*προσκυνησις*), какое обыкновенно совершалось перед императором. Перемирие, наконец, было заключено; мать императора, Зоя, управлявшая теперь государством после смерти Александра, обязалась заплатить значительную сумму денег и за то получила обратно Адрианополь. Но, конечно, не это заставило Симеона отказаться от его плана: главным условием мира был брак императора с дочерью болгарского царя; Симеон, повидимому, рассчитывал занять положение «отца императора» (*βασιλεοπατωρ*)—титул предусмотренный византийской иерархией,—и управлять империей до совершеннолетия своего зятя. А совершеннолетие Константина VII,—по характеру кабинетного ученого, а вовсе не государя,—наступило, как показали последствия, очень не скоро, много лет после смерти Симеона. Неизвестно, был ли заключен формальный договор на этот счет, или же дело ограничилось словесными обещаниями. Как бы то ни было, греки и не думали его исполнять; им только нужна была отсрочка, нужна для того, чтобы приготовиться к новой войне, которая должна была навсегда покончить с Болгарией.

Опыт убедил их, что нельзя давать Симеону начинать войну; легкая болгарская конница могла опустошить страну раньше, чем мог выступить в поход хотя один византийский легион. Нужно было напасть на врага врасплох и, по возможности, в его собственной земле. Два года кипела неустанная работа в арсеналах, на верфях—и в дипломатической канцелярии императорского правительства; к 917 г. все было готово. Наняты были на византийскую службу печенеги, которых императорский флот должен был перевезти через Дунай: вторично готовилось нападение из-за угла, с таким успехом испытанное несколькими годами раньше, при помощи Магьяр. В то же время заключено было перемирие с главным врагом на востоке, с арабами, что дало возможность переправить в Европу отборные, закаленные малоазийские войска. План кампании был задуман мастерски: сухопутная армия должна была двинуться к северу берегом Черного моря, в то время, как флот высаживал печенегов около устьев Дуная. При удаче, византийские войска могли в несколько переходов достигнуть самого сердца Болгарии, Преслава, при неудаче, они отступали прямо на

Константинополь и закрывали столицу. Неизвестно, как вышел бы Симеон из этого положения,—вдвое более трудного, чем во время первой войны, когда он имел дело с Византией и Мадырами поочередно, а не сразу. Но ему помогли византийские генералы. Начальник флота, адмирал (*δρουγγαριος*) Роман Лакапин, происхождением из бедного армянского семейства, всем обязанный своим личным заслугам и милости Льва VI,—был нелюбим среди византийской знати, для которой он был чужим, был выскочкой. Как нарочно, посланный за печенегами «патриций» Богас был его личным врагом,—и они поминутно ссорились; печенеги, видя такие отношения византийских полководцев, решили, что из затеянного предприятия добра не выйдет, и вернулись домой. Нападение с тыла, таким образом, не удалось; но не лучше была ведена и главная атака, по такой же причине. Главнокомандующий сухопутной армией, Лев Фока, тоже не терпел Лакапина, но, вдобавок, и боялся его. Дело в том, что тогда уже вполне обнаружилось все неудобство женского управления во время войны; стало очевидно, что во главе регентства должен стать какой-нибудь способный и энергичный генерал. По общему мнению, таких было два: сам Лев Фока и Роман Лакапин. Пока соперники были в Константинополе, они могли наблюдать друг за другом и были, относительно, спокойны. Но теперь они были далеко от столицы, и Лакапин, по морю, мог скорее до нея добраться, чем Фока сухим путем: первый, следовательно, с большим удобством мог захватить власть в свои руки. Это очень заботило Фоку,—больше, нежели заботили его стоявшие перед ним болгарские войска; последствия не трудно угадать. Главные силы противников сошлись около города Анхиала, в том месте, где отроги Балкан спускаются к Черному морю. «20 августа (917 г.)—записал у себя византийский летописец, был бой между болгарами и римлянами на реке Ахелое, и по неисповеданным судьбам Всевышняго, римляне всем войском (*πανστρατι*) обратили тыл и побежали, и страшный поднялся вопль,—сами друг друга давили, а неприятель нагонял и бил, и произошло такое кровопролитие, какого не было от века». Семьдесят лет спустя историк Льву Диакону показывали на этом месте груды костей,—это были останки несчастных солдат Льва Фоки. Одним из немногих, оставшихся в живых в этот день,—был сам главнокомандующий, кое-как добравшийся до ближайшей византийской крепости, Месемврии. Со времени гибели Никифора империя еще ни разу не была в таком отчаянном положении. Смятение константинопольского правительства перешло всякие пределы: регентство не нашло ничего лучше, как просить у Симеона прощения за свою дерзость. Патриарх Николай, в качестве главы восточной церкви поддерживавший сношения со своим «духовным сыном», писал болгарскому царю, что войско было послано «не ради войны, не для убийства и кровопролития, но чтобы показать только вид военных действий (*τον πολεμον σχηματιζειν*),—для нерушимого укрепления союза дружбы между римлянами и болгарами (*ασφαλη τον δεσμον εξεργασασθαι της φιλιας*)». Патриарх заранее собирался написать об этом Симеону, но позамешкался, «сам не знаю как», говорит он: «видно грехи мои помешали». Но, чувствуя, что такому странному объяснению никто не поверит, патриарх подробно перечисляет мотивы, побудившие Византию к войне: пограничные начальники доносили в Константинополь, что болгаре собираются напасть на Драч (Диррахрум) и Солунь, что они подбивают на империю печенегов и т. д. Все это, конечно, не имело никакого значения для Симеона, который действовал не под влиянием минутного раздражения, а по

заранее обдуманному плану, стремясь к вполне определенной цели. Он казался к ней ближе, нежели когда-нибудь. Армия империи, армия, собиравшаяся так долго и с такими издержками, не существовала более; а во главе империи стоял теперь государь даже не сомнительной законности, как прежде, а прямо насильственно захвативший власть. Мрачные предчувствия Фоки вполне оправдались: адмирал Лакапин, действительно, сверг правительство Зои при помощи своих моряков, женил Константина VII на своей дочери и заставил себя провозгласить сначала Василеопатором, потом Кесарем, наконец, императором. В Византии нередко было два государя: иногда отец короновал сына при жизни, иногда короновали двух братьев,—для лучшего укрепления династии. Но чтобы при живом государе надел на себя императорскую корону совершенно посторонний человек,—это было неслыханным нарушением обычая. Симеон не замедлил воспользоваться этим, он не признал законным правительства Лакапина, и с этих пор отправлял все свои послания на имя сената, а не императора. Теперь его стремление к императорскому престолу получило некоторое нравственное оправдание: он шел против узурпатора, не против законного государя. Престол можно было считать вакантным: Константин не управлял, он носил только титул. Симеон с презрением отказался породниться с Лакапиным, как предлагал тот же патриарх Николай; он потребовал от константинопольского народа—изгнать похитителя престола и провозгласить императором его, Симеона. В ожидании этого он ввел при своем преславском дворе византийский придворный этикет и греческий язык; его войска приветствовали его, как Василевса Римлян. Но и страх константинопольского двора и большие ожидания царя болгарского были одинаково преждевременны.

Значение Анатолии

Правда, что в Европе империя теперь ограничивалась стенами столицы: почти все европейские владения Византии, не исключая собственной Греции и берегов Адриатического моря, лежали открыты перед болгарами; но центр тяжести государства давно уже перешел из Европы в Азию; малоазийские провинции, так называемая Анатолия, даже после опустошений, произведенных здесь в XI—XII веках Сельджуками, продолжали составлять ядро империи: отсюда в XIII столетии никейские императоры защищались против франков, отсюда они завоевали обратно Константинополь; а завоевание самых этих провинций османами было сигналом окончательного падения империи. Ужас византийцев перед Симеоном больше всего усиливался ожиданием, что болгаре немедленно перенесут войну в малую Азию; когда до патриарха Николая дошел слух, что неприятель напал на Лампсак (город на южном берегу Мраморного моря), патриарх, извещая об этом Романа Лакапина, прибавляет: «Дай Бог, чтобы слух был ложен; но если, действительно, началось это (т. е. война в Азии), и они (болгаре) осмелились вторгнуться в область Лампсака, трудно будет поправить дело». Когда увидели, что Симеон не смеет или не может перейти Дарданеллы, у всех отлегло от сердца; об этом свидетельствует один, очень характерный, признак: патриарх продолжал переписываться со своим «духовным сыном»,—но тон его писем становится гораздо суше, резче, независимее. Теперь он уже не просит прощения, а попрекает, иногда даже грозит.

«Вот», говорит он в одном месте, «старанием императора на вашу власть и ваш род могущественное нашествие если не нарядилось, то наряжается,—нашествие Руси и с ними пе-

ченегов, еще же и алан¹ и западных турок², которые все единомысленно согласились пойти на тебя войною». — «Дело состоит в том, чтобы... непрестанно вызывать эти и другие скифские племена до тех пор, пока они не истребят весь род болгарский». Все это было неправда, — но патриарх хоть на письме мог отвести душу и показать Симеону, что не так уже страшны болгары, как сами думают. Симеон, вероятно, понимал, что опустошения Фракии, повторявшейся из году в год, не могут его привести к цели: но повести войну далее он не мог, потому что нельзя было воевать в Малой Азии, имея за спиной укрепленный лагерь такой силы, какой представлял из себя Царьград.

Значение Константинополя

Все сводилось к тому, чтобы овладеть столицей империи; сделаться императором можно было только в Константинополе. Помимо военных соображений, это было нравственной необходимостью: мы с трудом можем себе представить, какое значение придавали тогда православные люди этому городу. «Вспомни», писал патриарх Симеону, «какого народа я, хотя и недостойный, архиепископ, какого города, какой области (*ἐξουσίας*) — единственной, которой сам Христос повелел вместо себя властвовать на земле». В представлении старых русских людей, XV—XVI века, воспитанных на византийских понятиях, судьба не только империи, а всего мира была связана с этим городом: всемирную историю делили на три периода: первый, когда господствовал старый Рим, на берегах Тибра, второй период — господство Нового Рима, построенного Константином, в последнем будет господствовать третий Рим — Москва, а четвертому не быть. Симеон был воспитан в тех же понятиях: ставя выше всего на свете императорское достоинство, он не мог не ставить выше всех городов императорского города. Не только православные, — враги православной веры еретики-богомилы по своему выражали ту же мысль: они верили, что в св. Софии живет «князь этого мира», темный бог зла, во власти которого находится весь материальный мир. Только здесь, в св. Софии можно было стать православным императором; только благословение константинопольского патриарха могло освятить власть Симеона. Он делал попытки получить благословение от другого патриарха, римского: но совесть его, выросшая в преданиях греческой церкви, не могла удовлетвориться этим благословением. Сношения с папой привели только к тому, что болгарская церковь получила независимого патриарха, признанного впоследствии и восточной церковью. Но вообще папа не помог Симеону, а под конец стал даже действовать против него, ибо в это время было достигнуто соглашение между восточной и западной церковью. Итак, добром или силой, но нужно было войти в Царьград, нужно было добиться признания от патриарха и народа константинопольского. Добром они не хотели поддаться, нужно было брать силой, но силы у болгарского царя не оказалось.

Достаточно взглянуть на карту Константинополя, чтобы видеть, что едва четвертая часть его окружности обращена к суше: южная сторона города обращена к Пропонтиде, восточная к Босфору, северная выходит на Золотой Рог. Западная, — длиною в четыре с небольшим версты (4950 метров), защищена была глубоким рвом наполненным водою, около 10 сажен ширины, и двумя стенами — внутренняя проходит на расстоянии 9 сажен от внешней и на столько же возвышается над нею; на стенах 118 высоких башен: в таком виде пред-

1 Кавказский народ.

2 Т.е. мадьяр.

ставляется нам средневековой Константинополь. Когда, в 1453 г., Магомет II осаждал город, в нем было не более 7.000 чел. гарнизона: тем не менее, туркам удалось прорваться через сухопутную ограду, только овладев наперед Золотым Рогом, т. е. поставив греков между двух огней; и то лишь благодаря тому, что у султана были огнестрельные орудия большого калибра. Можно себе представить, какие трудности приходилось одолевать тому, кто осаждал город со стороны суши в X веке, когда, вдобавок, за его стенами было не 7, а, по малой мере, 70 тысяч войска. Тогда Константинополь был, не в переносном, а в буквальном смысле слова, неприступен: в 1204 г., во время 4-го крестового похода, венецианцам удалось им овладеть только со стороны моря: здесь ограда была втрое длиннее и соответственно слабее. Только тот, кто владел морем, у кого был флот, мог надеяться здесь на успех: но у болгар своего военного флота не было. Симеон был слишком хороший полководец, чтобы не понимать этого затруднения: не было своего, он придумал занять флот. Он стал искать помощи у арабов—в то время второй морской нации на Средиземном море после греков: варварские корсары нового времени были только слабым воспоминанием о тех безстрашных моряках, которые некогда владели Критом и Сицилией. Симеон отправил посольство к Фатлumu, арабскому халифу Африки, предлагая ему союз и обещая, в вознаграждение, поделиться с ним добычей,—вероятно, уступив ему часть провинций империи. Халиф сначала согласился и отправил вместе с болгарскими послами своих уполномоченных для заключения договора. Но посольство это попало в руки Византии; император задержал болгар, арабов же богато одарил и отпустил с обещанием платить халифу ежегодную дань. Халиф, с чисто семитической расчетливостью, нашел, что небольшая верная выгода лучше огромного, но ненадежного барыша, и заключил договор с Византией.

Нападение хорватов

Так рушилась надежда Симеона—получить корабли хотя путем союза: но без кораблей он ничего не мог сделать. Между тем длинная и бесплодная война делала свое дело: почва начала колебаться под болгарским царем. В самой Болгарии были недовольные, и недовольство это, скоро после смерти Симеона, разразилось целым рядом возстаний. Но в тех славянских землях, куда не простиралась непосредственная власть болгарского царя и где правили его подручники, уже при его жизни дошло до открытого возмущения. Кто был тут главным действующим лицом, угадать не трудно: в 924 году, когда Симеон последний раз подступил к Константинополю, туда привезли головы и оружие болгарских вождей, убитых в Сербии, князь которой был вассалом царя болгарского. То же византийское влияние, которое внушило Симеону мысль об императорской короне, действовало и на других славянских князей: только, не смея мечтать об империи, они довольствовались титулами проконсулов и патрициев. При помощи этого средства, Роман Лакапин привлек на свою сторону владетеля Захлумья¹, Михаила Вышевича, который прежде помогал Симеону против сербов. Мало того, единственное южно-славянское племя, успевшее к тому времени образовать государство, хорваты объявили Болгарии войну, после того как их правитель, Томи-слав, стал византийским проконсулом (*ανθυπατος*) и, в качестве такового, получил в управление принадлежавшие империи города Далмации. Хорватия могла тогда выставить, по словам Константина Багрянородного, 60.000 конного и 100.000 пешего войска. Такой противник почти стоил мадьяр; а стены Царь-града смотрели так же неприступно, как и

1 Нынешняя Герцеговина и южная Далмация.

прежде. Симеон признал свою неудачу и выразил желание вступить в переговоры.

Смерть Симеона

Ему не удалось свергнуть Лакапина; он хотел, по крайней мере, унижить самозванного императора, насколько можно. Царь отказался вести переговоры через послов и требовал личного свидания. Как ни было для империи унижительно идти навстречу врагу, но для нея окончить войну было не меньше нужно, чем Симеону. Вне стен города, у Космидия, на северо-западном конце Золотого Рога, была построена площадка, куда должна была пристать императорская триера. В этот самый день болгаре ограбили и сожгли церковь Богородицы у Источника, одну из главных святынь окрестностей Константинополя: это было грубое издевательство. Но этого было мало: чтобы показать, что просителями мира являются греки, а не он, болгарский царь четыре дня заставил себя дожидаться. Когда он наконец удостоил явиться, его солдаты встретили его громкими приветствиями, как Василевса римлян, — хотя настоящий Василевс стоял тут же. Прежде чем сойти с коня, он послал несколько человек из своей свиты, чтобы осмотреть площадку, — нет ли где засады. Все это Лакапин должен был терпеть: византийские историки говорят, что он поразил своего противника своим, полным достоинства, смирением. Как бы то ни было, переговоры не привели, однако, ни к чему: или Симеон, или Византия желали слишком многого. Между тем болгарское войско, посланное против хорватов, было разбито. Симеон должен был вернуться в Преслав и умер здесь 27 мая 927 года, не успев отомстить своему новому противнику.

Так вся жизнь величайшего из болгарских царей ушла бесплодно, ушла на дело, совершенно чуждое благу Болгарии. Такова была судьба южно-славянских племен: все лучшие их люди, едва усвоив себе византийскую культуру, становились византийцами по своим политическим убеждениям. Их стремления были направлены не к тому, чтобы основать независимое славянское государство, — потому что варварское государство для них, воспитанных на византийских понятиях, было низшим, как бы даже незаконным типом политической жизни. И Стефану Душану, как Симеону Болгарскому, снилась императорская корона: но прав был патриарх Николай, перечислявший Симеону в одном письме всех покушавшихся на независимость империи и потерпевших неудачу, и пророчивший ему ту же судьбу. Империя охотно принимала к себе иностранцев, но подчиняться иностранцам не хотела: ее нельзя было сделать ни болгарской, ни французской, ни сербской; ее можно было только уничтожить и поставить на ее место совсем новую, — турецкую империю.

После смерти своего врага, Византия поспешила заключить мир с его преемником: раз главное притязание болгарского царя было устранено, Лакапин был согласен на очень большие уступки, тем более, что этими уступками теперь можно было купить не только мир, но и союз сильного соседа. Петр Симеонович, очень набожный и вовсе не воинственный государь, женился на внучке Романа; как близкий родственник царствующего дома, он получил титул Василевса, кстати сказать, очень подешевевший в то время: кроме Константина VII, его носили тогда еще три лица из фамилии Лакапинов: Роман и его два сына. Само собою разумеется, что Петр был Василевсом только болгарским, но не «римским». Болгарские послы получили «шаг» перед всеми другими, — что, как мы видели в начале этого рассказа, было особенно неприятно Лиутпранду. Важнее этих формальностей было признание независимости болгарского патриархата; но этот единственный серьезный результат войн Симеона был не на пользу Болгарии; предоставленная самой себе, болгар-

ская церковь оказалась слишком слаба, чтобы бороться с ересями, потеряла свое нравственное влияние на народ и не могла предупредить разложения болгарского царства. Были, кроме того, в этом договоре и кое-какие земельные уступки в пользу Болгарии, но оне с лихвой возмещались тем, что византийское влияние при преславском дворе господствовало теперь безраздельно.

Что выиграла Болгария от этой перемены? Могла ли она снова продолжать мирное усвоение христианской культуры, прерванное двадцать лет назад? Целое поколение выросло во время войны с империей; целое поколение привыкло смотреть на византийцев, как на непримиримых врагов. Способ ведения войны, в те времена неизбежно сопровождавшейся разбоем, в особенности разграбление болгарскими монастырями и церквями, на что особенно жалуются патриарх Николай в своих письмах,—все это не могло не понизить нравственного уровня новообращенных христиан. Но когда война кончилась и византийское влияние снова начало проникать в страну, это влияние принимало такие формы, которые совсем не были приятны массам народа. Приходившие в Болгарию «греки» были совсем не такого свойства люди, чтобы внушать к себе уважение. «Они непостоянны в своих политических убеждениях, хвастливы, высокомерны, лжесвидетели, златолюбивы, судят по мзде»; так изображает этих пришельцев один памятник «отреченной» письменности, распространенной среди народа. Нехорошее впечатление производили сами «греки», еще хуже были для народа те порядки, которые заимствовались из Византии. Около этого времени мы начинаем встречать в Болгарии крепостных крестьян, «париков» (*пароики*), особенно на церковных землях. Раньше их незаметно, и, по аналогии с другими славянскими областями империи, где в VII—VIII веках земледельческое население было свободно, нужно думать, что их и не было. Греческое название делает вероятным, что это учреждение зашло из Византии, где против развивавшегося крепостничества приходилось принимать меры уже императорам-иконоборцам¹. Подтверждается это еще и тем обстоятельством, что еретики-богомилы², враги всего греческого, нападали между прочим и на крепостничество: «рабу не велят работати господину своему», говорит их обличитель, пресвитер Козьма. Как бы то ни было, несомненно, что тяжелое положение крестьянства много помогло распространению этой секты, имевшей роковое влияние на судьбу Болгарии.

Богомилы, кроме того, по словам Козьмы, «ругались старейшинам и укоряли бояр»: но сами бояре вовсе не принадлежали к числу тех, кто был доволен сближением с Византией. Для них «греческое» влияние означало господство централизации и чиновничества, падение боярских привилегий, основанных на обычаях. Недаром первое сближение с Византией, крещение Бориса, имело следствием боярское возмущение. В первые же годы правления Петра Симеоновича устроили против него заговор какие-то «вельможи, возвысившиеся при Симеоне»: они имели в виду посадить на престол меньшого брата царя, царевича Иоанна. Через два или три года отложились правители некоторых западных областей, и провозгласили царем старшего сына Симеонова, Михаила, невольно постриженного в монахи. Михаил умер, и это прекратило возмущение; характерно, что мятежники жестоко грабили соседние византийские области: новые историки основательно видят здесь доказательство того, что ненависть к «грекам» была одной из причин возмущения. Наконец, около 960 года началось

1 См. статью «Иконоборцы», в 1-м выпуске «Книги для чтения».

2 См. ст. «Средневековые ереси».

там же, на западе, громадное возмущение, с которым Петр уже не в силах был справиться: он удержался на престоле в Преславе, но западные области составили особое политическое целое, во главе которого стал руководитель мятежа, боярин Шишман. Государство Симеона начало разлагаться; русское нашествие Святослава его dokonчило: но воспользовались этим не русские, а тот сосед, которого так не любили болгаре, — Восточная империя.

М. Покровский.

XXVII. Никифор Фока

Задачи Византии

По ее положению на крайнем юго-востоке Европы и в западной части передней Азии, Византийской империи суждено было принять самое деятельное участие в «вечном вопросе» борьбы Европы с Азией, в решении того, сумеет ли первая отстоять от напавших на нее из Азии враждебных сил свою свободу и культурное достояние. В течение всей своей многовековой истории Восточная империя вела на азиатских границах почти непрерывную борьбу. В конце концов она не устояла в ней и пала, но пала уже в то время, когда Европа настолько окрепла, что опасность азиатского завоевания не могла серьезно грозить ей. В этой защите Европы с востока заключается одна из величайших заслуг Византии перед человечеством. Борьба в Азии требовала от нее очень значительного напряжения сил, но ею не ограничивались внешние затруднения империи: серьезная опасность грозила ей и со стороны северной европейской границы. Впрочем, эти враги были опасны все-таки гораздо менее, чем азиатские и, сравнительно легко усваивая приходявшие из империи зачатки культуры, они сами становились потом в ряды борцов против Азии. Кроме только что указанного всемирно-исторического значения, внешние отношения Восточной империи оказали чрезвычайно сильное влияние на внутреннюю историю ее, на весь склад ее государственной и общественной жизни. Многие стороны византийского быта в значительной степени объясняются именно преобладанием внешних задач, необходимостью быть вечно во всеоружии, напрягать все народные силы, чтобы только отстоять себе независимое существование. Так, например, нельзя не уловить значительного влияния этого фактора в том чрезвычайно сильном развитии центральной власти, которое составляет одну из отличительных черт византийской государственной жизни. Этим же (конечно, только в известной степени) объясняется тот застой, то отсутствие живого, свободного развития, которое харак-

(По сочинению *Густава Шлюмбергера*: «Un empereur byzantin au dixieme siecle Nicephore», Paris, 1890). Другия пособия: *Литупранда* Antapodolis u Legatio (Pertz, M. L. H. Scrip. III); *Ramnaud*: «L'empire grec au X siecle»; *Герцберг*: Geschichte der byz. und des Osman. Reiches; *Скабаланович*: «Византийское государство и церковь в XI в.»).

теризует внутреннюю историю Византии. Народу, вынужденному напрягать свои силы в крайне тяжелой внешней борьбе, трудно двигаться быстро по пути внутреннего развития, такая борьба поглощает слишком много его жизненных соков, требует от него слишком много жертв. В таком невыгодном положении находилась Восточная империя, оно же долго тормозило внутреннее развитие русского народа.

Реакция против Ислама

Крайняя опасность стала грозить Византии с того времени, как на северных границах ее выросло царство болгарское, а силы Азии объединились под знаменем Магомета, и со всей страстностью религиозного фанатизма ринулись в борьбу с «неверными». Но и тогда империя, подкрепленная массой славян, поселившихся на ее территории, нашла в себе довольно сил, чтобы отбиться от страшных врагов. Впрочем, Византия вышла из этой борьбы не без значительных потерь, она поплатилась целым рядом прекрасных провинций. Между тем прошло первое одушевление последователей Ислама, давшее им силы в короткое время широко раздвинуть границы мусульманского мира. Борьба постепенно теряла ту напряженность, какой отличалась ранее. По мере достижения успеха, поклонники пророка остывали и втягивались в мирную жизнь. Благодаря распадению халифата, исчезло единство мусульманского мира, и тогда началась реакция со стороны Восточной империи. Она стала стремиться к возвращению важнейших из потерянных провинций и, под впечатлением первых успехов, мечтала уже о полном восстановлении своей некогда столь обширной границы. Вторая половина десятого и начало одиннадцатого века были эпохой высшего подъема византийского духа, временем таких значительных военных успехов, каких империя не видела со времени Юстиниана. Тогда мы видим на константинопольском престоле таких первокласных воителей, как Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и Василий II, вполне достойных преемников боевой славы римской империи. Первым в ряду стоит Никифор Фока.

В начале ноября 959 года в роскошном императорском дворце «Новаго Рима» скончался Константин VII Багрянородный. Ему наследовал двадцатилетний сын Роман II (959—963), женатый на Феофано, женщине необыкновенной красоты и почти столь же необыкновенной порочности, происходившей из очень низкого звания (она была дочерью содержателя гостиницы и носила до замужества имя Анастазо). Роман не был лишен некоторых хороших свойств, но страсть к удовольствиям заглушала в нем все остальное, вполне поглощала его, и личное участие его в современных ему событиях было совершенно ничтожно. Всеми делами руководил при нем главный евнух Бринга, человек очень способный, но крайне эгоистичный и безнравственный. Он был первым министром при Константине VII, и перемена на троне не изменила его положения.

Разграбление Фессалоники

Самым значительным событием кратковременного правления Романа II была снаряженная Брингою экспедиция для завоевания у арабов Крита. Этот громадный остров имел тогда особенно важное значение по своему положению между Европой и Африкой, между христианским и мусульманским мирами, которые находились в почти непрерывной борьбе. В 824 году им овладели андалузские арабы, воспользовавшиеся возмущением ренегата Фомы против императора Михаила II. Беззащитный Крит был страшно разграблен ими, епископ гортинский Кирилл замучен, а избежавшее гибели население насильно обращено в

ислам. Для упрочения своего господства во вновь завоеванной стране арабы построили недалеко от мыса Харакса, в почти неприступной позиции, знаменитую крепость Хандакс, которая дала новое имя всему острову (Кандия). Почти непрерывный прилив новых отрядов поклонников пророка подкреплял первых счастливых искателей приключений, и войска Михаила II тщетно пытались вернуть потерю этой важной в военном отношении позиции. С тех пор Крит стал настоящим гнездом отчаянных грабителей и искателей приключений, истинным бичом всех берегов Архипелага, столицей арабских пиратов, наводивших ужас на христианское население прибрежных городов. Императорский флот был безсилен предупреждать производимые арабами опустошения, так как было почти невозможно своевременно уследить за быстрыми, легкими судами мусульман. История разграбления Фессалоники наглядно показывает, насколько беспокоило и опасно для империи было такое соседство, и до какой дерзости доходили иногда арабы в своих набегах. В 904 году громадная и великолепная Фессалоника, пользовавшаяся славой второго после Константинополя города Восточной империи, неожиданно попала в руки мусульман. В один из июльских дней на гладкой лазурной поверхности моря совершенно неожиданно показался перед городом флот из 54 судов. На каждом корабле находилось по двести пиратов, большей частью негров из Эфиопии. Наскоро организованное сопротивление населения, захваченного совершенно врасплох, конечно, не могло быть успешным, мусульмане ворвались в город, и начались безконечные сцены убийства, грабежа и всяких насилий. Рассказ об этом несчастии сохранился в сочинении Иоанна Камениата, очевидца и жертвы этого несчастного дня. Он сам был в числе тех двадцати двух тысяч пленных, которых мусульмане пощадили или вследствие их молодости, дававшей грабителям надежду выгодно сбыть свой живой товар, или же вследствие богатства, обещавшего получение за них значительного выкупа. Надо прочесть его живые страницы, чтобы составить себе ясное представление о размерах несчастия и о страданиях увезенных мусульманами обитателей Фессалоники. Предводимые известным ренегатом Львом Триполитанским, пираты, чтобы предупредить преследование со стороны императорского флота, поспешили как можно скорее вернуться с громадной добычей в безопасные убежища Крита. Впечатление, которое произвело это событие на современников, было неизгладимо. Сцены, подобные происходившим в Фессалонике, конечно, в меньших размерах, непрерывно разыгрывались в разных углах Архипелага, и можно себе представить, какое раздражение и отчаяние должны были вызывать оне в незащищенном населении прибрежных городов, и какой громадный ущерб наносился этим греческой торговле. В конце царствования Константина Порфирородного была организована обширная экспедиция против Крита. Во главе ее был поставлен стратег Самоса, Константин Гонгил, человек неспособный и слабый. Поход окончился очень печально, и войску едва удалось спастись от конечного истребления. После этой неудачи императорских войск дерзость пиратов стала превосходить всякое вероятие. Империи необходимо было во что бы то ни стало покончить с этим хищническим гнездом, и правительству Романа II принадлежала честь счастливого выполнения этой крайне трудной задачи. Выбор главнокомандующего для задуманного похода сделан был в высшей степени удачно: во главе грандиозной экспедиции решили поставить Никифора Фоку, снискавшего уже к этому времени на арабской границе Малой Азии громкую боевую славу.

Фамилия Фока

Никифор Фока происходил из старинной каппадокийской фамилии, уже до него давшей Византии несколько замечательных полководцев. Так, его дед, называвшийся также Никифором, отличался сначала в Италии и Сицилии, откуда он при Василии I-м прогнал мавров, потом, при Льве VI-м, в успешной борьбе с болгарами. Один из его сыновей, domestik и начальник гвардии, Лев, был даже в малолетство Константина VII-го претендентом на императорский престол, но Роман Лакапин одержал над ним верх и ослепил его. Другой его сын, Варда Фока, отец нашего Никифора, пользовался громадной популярностью за военные заслуги, оказанные им империи в борьбе с арабами. Кроме того, Варда помог Константину Багрянородному освободиться от сыновей Романа Лакапина. Наконец, один из братьев нашего Никифора, Константин Фока, стратег пограничной Селевкийской фемы, погиб в плену у арабов, другой же, Лев, обладал военными дарованиями, почти приравнявшими его, как полководца, к более знаменитому брату, которого во время критского похода он и заместил в командовании малоазиатскими войсками.

Характеристика Никифора

Никифор Фока представляет типичнейший образ императора-воителя, каких мы время от времени встречаем на константинопольском престоле. По всему складу характера, по вкусам и по привычкам он был воином. Большую часть жизни провел он в походах и вполне сроднился с лагерной обстановкой. Никифор неизменно оказывал военному элементу предпочтение, которое впоследствии сильно не нравилось населению столицы. За то постоянная заботливость о нуждах солдат и справедливость снискали ему любовь войска, хотя нельзя сказать, чтобы Никифор потакал дурным инстинктам солдат: в наказании серьезных проступков он был беспощадно строг. Так, когда был взят Тарс, несколько армянских воинов, вопреки приказанию полководца не трогать жителей, которые еще не покинули города, позволили себе нанести оскорбление нескольким арабским девушкам. За это, по приказу Никифора, им отрезали носы и руки. Энергия, сила физическая и душевная выражались во всей его плотной, мощной фигуре. По темпераменту это был человек необузданно страстный. Религиозность составляла, наряду с военными талантами, черту, передававшуюся в роде Фока как бы по наследству. Мы знаем, что дядя Никифора, Михаил Малейн, причтен даже православной церковью к лику святых. И Никифор был проникнут глубоким религиозным чувством. Он не только строго исполнял все церковные предписания, но даже вел жизнь полумонаха, аскета, спал на жесткой подстилке, носил власяницу своего святого дяди, которого высоко чтил, усердно постился и мало изменил этим привычкам даже тогда, когда из походной палатки перешел в роскошный императорский дворец Константинополя. Редкая в то время в высших кругах византийского общества чистота нравов дополняла нравственный облик Никифора, отчасти напоминающий образ сурового монаха-воина, составлявший идеал позднейших духовно-рыцарских орденов. Нелюдимость, известная доля коварства и скупость составляли темные стороны его характера. Никифор Фока не был человеком, способным привлекать к себе сердца людей. Замкнутость в себе, грубость, сухость и нелюбезность в обращении отдаляли от него большинство тех, кто приходил в близкое соприкосновение с ним. Избалованная константинопольская чернь особенно не прощала ему скупости, которая, с точки зрения государственных интересов, составляла в то время скорее достоинство, так как финансовое положение империи было плохо, а на ведение тяжелых

войн требовалась масса денег. При начале критского похода Никифору было около сорока семи лет, следовательно, он был тогда в полном расцвете сил. В общем, это был незаменимый вождь для той борьбы, которую Византии приходилось тогда вести почти на всех границах.

Назначение его главнокомандующим армии, долженствовавшей возвратить покой значительной части Империи, было с восторгом принято всюду, исключая, конечно, некоторых придворных кружков, где были недовольны новым возвышением Никифора, да нескольких лиц, которые сами метили на столь видный пост и завидовали Никифору.

Состояние мусульманского мира

Момент для решительных действий против Крита был выбран также очень удачно. Политическое положение мусульманского мира, полная анархия, уже несколько времени царившая среди него, не позволяли критским пиратам надеяться на сколько-нибудь серьезную помощь со стороны их единоверцев. Аббасидский халиф Альмоти был только тенью властителя, вся же действительная власть перешла в руки его начальника гвардии, буидского султана Муиц-Аддаулаха. Повсюду в мусульманской Азии и Африке правили тогда отдельные династии (Гамданиды, Саманиды, Икшиды, Фатимиды и др.), бывшие фактически совершенно независимыми от Багдадского номинального главы всех правоверных. Соперничество этих династий как между собой, так и с буидскими султанами значительно ослабляло мусульманский мир. Наиболее важными среди этих многочисленных государей были два славных гамданида, братья Насер-Аддаулах и Сеиф-Аддаулах. Первый правил в Моссуле, второй в Алеппо, так что в их руках была вся северная Месопотамия и большая часть Сирии.

Приготовление к критскому походу делались крайне спешно и в громадных размерах: чтобы привести к желанному исходу, удар должен был быть быстрым и сильным. Громадный флот был собран в Золотом Роге.

Состав византийского войска

Экспедиционный корпус был сосредоточен в самом Константинополе. Чрезвычайно живописную, разнохарактерно пеструю картину представляли византийские войска того времени. Тут были прекрасно дисциплинированные отряды из европейских фем, составлявшие ядро лучших армий империи, на вербованные среди грубых, но свежих и сильных крестьян из Фракии и Македонских гор. К ним присоединялись «восточные» солдаты азиатских фем, обитатели Каппадокии, Ликаонии, Понта, из которых вырабатывались превосходные воины. Далее, в византийских войсках X века можно было видеть в довольно большом числе армянские отряды и наемную Русь, которая приплывала на лодках однопалубных в Константинополь искать счастья и золота. Русь высоко ценилась византийскими императорами. Закованные с головы до ног, в тяжелых железных шлемах и кольчугах, с огромными длинными щитами, вооруженные широким мечем, длинным копьем, украшенным маленьким куском цветной материи, и кривым топором, они считались драгоценной частью византийских войск за их храбрость и способность увлекаться битвой до самозабвения, входить в воинский азарт, и императоры не скупились платить значительные суммы, чтобы купить себе их услуги. В войске Никифора были также славянские поселенцы из Македонии и Вифинии, далматинцы и четыре тысячи мардантов, потомков сектантов пав-

ликиан из Ливана. Венгры, печенеги, хазары, составлявшие легкую кавалерию, дополняли иногда пестрый состав византийской армии того времени. Великолепные отряды императорской гвардии также приняли участие в критской экспедиции. На суда насажено было еще несколько эскадронов катафрактарной тяжелой кавалерии, в которой и лошадь и всадник были покрыты железной кольчугой.

Флот

Флот, предназначенный для перевозки этих войск на Крит, был поставлен под прямое начальство Китонита Михаила, исполнявшего обязанности великого друнгария, т. е. главного адмирала. В этом флоте числилось до трех тысяч судов всякого рода. Основу его составляли две тысячи хеландий. Это были массивные галеры, приводившиеся в движение двумя рядами весел с каждой стороны, верх кораблестроительного искусства византийцев X века. Хеландии были разной величины, и соответственно ей число гребцов изменялось от ста до двухсот пятидесяти на каждой, причем в большинстве случаев гребцы были в то же время солдатами. На палубе каждого из этих кораблей возвышалась деревянная башня (ксилокастрон), на которой помещались военные машины и солдаты. Назначением ее было осыпать в бою противника массой стрел и дротиков. Но что делало эти суда страшнее всего для сарацин, так это находившееся на каждом из них приспособление для выбрасывания ужасного «жидкого или греческого огня», составлявшего, как известно, один из наиболее ценных секретов византийского правительства. Такие корабли назывались «огненосными» (*πυροφόροι*). На носках хеландий находились бронзовые позолоченные изображения льва с открытою пастью или какого-либо другого животного. Из их пасти выходили длинные гибкие трубочки, похожие на наши пожарные рукава, которые можно было направлять по желанию в ту или другую сторону. Они то служили для выбрасывания на неприятелей струи «жидкого огня». Иногда такие приспособления находились также на корме и на боках кораблей. Греческий огонь взрывался с большой силой и с оглушительным треском, давал при этом массу дыма и производил значительные опустошения. Кроме описанного выше, были и другие способы его употребления. Так, его бросали на палубу неприятельских кораблей и во внутренность осажденных городов, пользуясь для этого особыми машинами. Иногда его метали из маленьких ручных трубочек, а также в особых глиняных сосудах, представлявших нечто подобное гранатам нового времени. В средневековых памятниках находится много описаний того невыразимого ужаса, который наводило на варваров разрушительное действие греческого огня. Кроме него, византийские войска забрасывали неприятеля сосудами с кипящей водой, маслом и с химическими составами, некоторые из которых должны были, например, производить страшную вонь и тем приводить в разстройство силы противника. Советовалось даже бросать в среду неприятелей сосуды со змеями, скорпионами и т. п., что вызывает улыбку у современного читателя. Каждая хеландия находилась под начальством друнгария, имевшего под своей командой целый штат низших офицеров, носивших названия карабов, протокарабов, поддрунгариев, друнгарокомитов и т. д. Отдельными группами хеландий (3 или 5) командовали комиты, находившиеся все, в свою очередь, под общим начальством главного друнгария, носившего позднее титул великого дуки. За двумя тысячами хеландий, в ряду судов, предназначавшихся для критской экспедиции, шли тысяча транспортных кораблей еще больших размеров, чем хеландии. Каждый из них сопровождался и защищался двумя хеландиями. Триста кораблей, нахо-

дившихся каждый под командой протокараба, везли громадное количество зерна, муки и других жизненных припасов, а также массу осадных машин и значительный запас оружия. Особые суда, построенные по образцу русских, предназначались для наемной Руси. Число кораблей, как мы видели, было огромно, и современные событию известия говорят, что почти весь императорский флот был приведен в действие, что вне экспедиции осталось сравнительно немного судов, предназначавшихся только для охраны столицы и нескольких других важнейших пунктов.

Высадка в Крите

Флот Никифора снялся с якоря в последних числах июня или в первых числах июля 960 года. В ясный летний день, при блеске южного солнца, в чудной панораме Константинополя и Золотого Рога, флот и провожавшие его зрители, которые покрывали берега, должны были представлять великолепную картину. Под позолоченными и разукрашенными мозаикой сводами более чем пятисот константинопольских храмов, во всех многочисленных монастырях его совершались в момент отплытия экспедиции молебствия об успехе доброго начинания. Как только слухи о надвигающейся грозе достигли Крита, сильное волнение охватило его население, и эмир Абд-эль-Азис тотчас принял все меры, чтобы привести города острова в годное для защиты состояние. В маленьком порте, лежащем на азиатском берегу, несколько южнее Эфеса, весь флот соединился. Когда греки проплыли остров Нию, они вступили в часть моря, которая была тогда мало знакома им, потому что давно уже ни одно греческое судно не плавало в этих водах из страха перед мусульманскими корсарами. Эта часть пути была довольно опасна и требовала большой осторожности. Чтобы обезопасить насколько возможно успех высадки, Никифор позаботился о том, чтобы весь флот появился перед Критским берегом одновременно. Место высадки точно не известно. Подплывши к берегу, греки увидели, что возвышенности, господствующие над ним, заняты были арабами, белые костюмы и оружие которых ярко блестели под лучами горячего южного солнца. Дессант начался под прикрытием лучников и пращников, частой стрельбой удерживавших мусульман на некотором расстоянии от берега. Громадные корабли были разогнаны на веслах и направлены на песчаный берег, на который с них опустили наклонные плоскости, и византийская панцирная кавалерия на лошадях и в полном вооружении съехала по ним на берег. Пока продолжалась высадка, Никифор Фока разделил свой авангард на три отряда. Императорская пехота, над которой возвышался целый лес копий, была построена в густую колонну и, прикрываясь щитами, которые образовывали над головами воинов как бы крышу, не теряя ни минуты, пошла в атаку. Во главе каждого отряда шел окруженный духовенством в полном облачении епископ, неся большой крест с частицей животворящего древа. Сарацины засыпали нападавших массой стрел и смело бросались на них, но не могли прорвать византийских рядов. Фанатические дервиши, чтобы возбудить ревность в поклонниках пророка, безбоянно бросались в среду сражающихся и погибали. Шаг за шагом должны были отступать арабы после страшного кровопролития. Между тем катафрактарная кавалерия, рассыпавшись по всем направлениям, захватила массу пленных. Несколько дней подряд после высадки почти непрерывно продолжались сражения, похожие одно на другое и не дававшие никаких ощутительных результатов. Чтобы воспрепятствовать приходу подкреплений из Сирии или Киликии, из Египта, Фатимидской Африки или даже, пожалуй, из отдаленной Андалузии, Никифор разставил флот в различных

пунктах около критского берега так, чтобы, по возможности, блокировать весь остров. После первых успехов, византийцам пришлось вскоре понести серьезный урон: значительный отряд, отправленный в глубь острова, был уничтожен арабами, благодаря тому, что он разбросался, так как солдаты разбегались для фуражировки.

Осада Хандакса

Никифор решил нанести врагу сразу смертельный удар и осадил Хандакс, столицу критских арабов. Это была очень сильная крепость, славившаяся неприступностью. Между тем надеяться на прочное завоевание всего острова можно было только овладев ею. Итак, византийская армия двинулась к Хандаксу по благодатной стране, плодородие и богатства которой производили сильное впечатление на воинов. Повсюду при ее приближении арабское население, захватив наиболее ценное из своего имущества, спешило укрыться в горах, потому что некогда обращенных ими в ислам туземцев выходили навстречу освободителям. Войско Никифора Фоки, по обычаю того времени, уничтожало все на своем пути, жгло села и запасы хлеба, срубало пальмовые и другие плодовые деревья, словом, старалось обратить вражескую страну в пустыню. После нескольких стычек, армия достигла Хандакса. Имя это происходит от арабского слова *Khandak*, обозначающего широкий ров, которым первые арабские завоеватели, явившиеся на Крит, окопали свой лагерь, ставший для них базисом дальнейших военных действий. Хандакс лежал недалеко от развалин древнего города Кносса, камни из зданий которого пошли на постройку новой крепости. Хорошо укрепленная с моря, крепость лежала на выровненной площадке огромной скалы с почти отвесными боками. Ясное понятие о неприступности этой позиции дает героическое сопротивление, которое впоследствии Бофор и Морозини оказали здесь в течение длинного ряда лет (1648—1669) далеко превосходившим численностью оттоманским силам. Многочисленные башни, высокие стены такой ширины, что по ним могли ехать рядом две колесницы, и громадные двойные рвы, все эти препятствия, которые императорскому войску предстояло преодолеть, чтобы взять крепость, посеяли сомнение в сердцах многих из византийских солдат. В момент осады город был переполнен окрестными жителями, искавшими в нем защиты от «многобожников». Нельзя было и думать тотчас же взять Хандакс приступом, и Никифор решил блокировать его. Тогда греки совершили колоссальную работу: они выкопали кругом всего города с его укреплениями ров и насыпали вал, которые, упираясь двумя концами в море, опоясали Хандакс. Таким образом доступ в осажденную крепость стал возможен только со стороны моря, но там караулил сильный греческий флот, и Хандакс оказался отрезанным от остального мира. Между тем как шла осада, греческое войско высылало внутрь острова отдельные отряды, которые доканчивали его покорение и должны были снабжать припасами осаждающую армию. Скоро в блокированной крепости стал сказываться недостаток хлеба, и тогда положение осажденных стало делаться угрожающим. Источники сохранили нам один любопытный эпизод этой осады. Эмир Абд-эль-Азис, при первом известии о надвигавшейся на Крит грозе, просил о помощи фатимидского халифа и испанского омайяда Абдер Рамана III. Последний отправил предварительно послов, которые прибыли, когда остров был уже наполовину завоеван, а Хандакс блокирован.

Однако им удалось подойти ночью к стенам крепости и по спущенным канатам проникнуть в город. Но увидавши уже начавшийся там голод и убоявшись разделить при взятии города христианами печальную судьбу его обитателей, послы сочли положение своих еди-

новерцев безнадежным и, не смотря ни на какие просьбы, поспешили удалиться, отказавшись обещать осажденным, в виду безнадежности их положения, какую-бы то ни было помощь от своего владыки. Осада Хандакса продолжалась всю зиму с 960 на 961 г. и сопровождалась частыми вылазками осажденных. Однажды сорок тысяч арабов, явившихся по всей вероятности из внутренних частей острова, решили произвести нападение на греческий лагерь, уговорившись наперед с осажденными единоверцами, чтобы те сделали одновременно сильную вылазку. Арабы возлагали большие надежды на неожиданность предполагавшегося нападения, но Никифор был во время предупрежден и, не дожидаясь врагов, сам в светлую ночь двинулся навстречу арабам и атаковал их на одной возвышенности. Мусульмане потерпели страшное поражение, и Никифор велел выставить на остриях пик перед глазами кандиотов громадное количество голов погибших, а также приказал бросать головы посредством метательных машин во вражеский город. Между тем и византийское войско стало страдать не только от наступившего дурного времени года, от холода и от постоянных дождей, отличавших эту особенно суровую зиму, но также и от недостатка в хлебе. Зима с 960 на 961 г. была голодным временем почти для всего Востока. Боясь, что недостаток в провианте может оставить без действительного результата все уже понесенные для снаряжения экспедиции громадные затраты и усилия, и сознавая необходимость во что бы то ни стало довести задуманное дело до конца, Никифор настоял, чтобы императорское правительство снабдило войско хлебом, как-бы дорого это ни стоило. Его требование было исполнено, и обилие снова появилось в византийском лагере. Ряд отчаянных вылазок осажденных был последовательно отбит греками, и час гибели Хандакса приближался.

Падение Хандакса

С наступлением первых весенних дней, domestik повел свои войска на приступ, но арабы геройски отбили первое нападение. 7 марта 961 года должна была решиться судьба Хандакса: на этот день был назначен вторичный штурм. Никифор объехал перед битвой ряды войск, обращаясь к солдатам с ободряющей речью, обещая пальму мученичества, всем, кто погибнет в борьбе с «нечестивыми агарянами», врагами св. Креста. Священники обошли ряды, совершая богослужение и причащая воинов. В месте, выбранном для атаки, греки разставили впереди метательные машины, и массы камней и стрел посыпались на осажденных. К основанию вала был подведен колоссальный таран и греки начали громить им стену, заставивши защитников ее отступить перед градом стрел и камней. В то же время многочисленные минёры (землекопы) под защитой подвижных башен, с которых метали греческий огонь, спустились в ров и начали подкапывать стену. Когда подкоп был уже достаточно велик и стена стала грозить упасть и задавить работавших под ней, тогда минёры установили под стеной подставки из очень сухого дерева, потом окончательно подкопали ее и зажгли подпорки. Последняя перегорела и часть стены с двумя башнями рухнула, и императорские отряды тотчас устремились через образовавшуюся брешь в крепость. Началось страшное кровопролитие. Опыленные успехом и раздраженные предшествовавшими неудачами, византийцы не щадили даже безоружных женщин и детей. Арабы сопротивлялись отчаянно, и Никифору стоило большого труда успокоить своих воинов и спасти жизнь тем мусульманам, которые еще не успели подвергнуться печальной участи своих погибших соотечественников. Сам старый эмир, его дети, многочисленные жены, все арабские начальники, а также красивейшие женщины и наиболее сильные и молодые пленники предназначались для

триумфа, как добыча победителей. Остальные жители были отданы в рабство солдатам, которые продавали их торговцам живым товаром, недостатка в которых никогда не бывало в таких случаях: работорговцы сопровождали в походе войска, когда могли надеяться на большое число пленных. Арабский историк Новаири передает, что греки убили до двухсот тысяч критян и приблизительно столько же увели в плен. Город, конечно, был страшно опустошен, все богатства, награбленные арабами большею частью у византийцев же за столько лет счастливых набегов, снова попали в руки христиан. В порыве энтузиазма, войско предложило Никифору титул «победоносного». Он принял его и сохранял и впоследствии. Тотчас по взятии города, Никифор отправил в Константинополь вестников, которые должны были сообщить в столице радостную весть, а затем он позаботился о том, чтобы прочно обезопасить за империей ее новое приобретение. Стены Хандакса были срыты самими несчастными его обитателями, которых принудили к этой работе, рвы были засыпаны, и недалеко от разрушенного города построено новое греческое укрепление. Видя, что остров окончательно попал в руки христиан, арабское население его стало через депутатов молить доместика о пощаде. Повсюду была восстановлена императорская администрация, и во главе ее стал стратег, которому оставили сильный отряд войск. Мечети были повсюду упразднены. Таким образом Крит оказался навсегда потерянным для арабов¹, спокойствие и сравнительная безопасность могли теперь снова воцариться на море. Святой Никон Метаноит явился апостолом Крита, снова обративши потомков некогда завоеванного арабами христианского населения к вере их предков.

Маллоазиатский поход

Весть о падении Хандакса быстро облетела Византию, и легко представить себе, с какой радостью принималась она повсюду. Популярность счастливого доместика сильно возросла, и в глазах народа он стал теперь первым среди полководцев империи. В награду за столь важную победу Никифор Фока получил триумф, на этот раз, впрочем, неполный, а так называемый «пеший» триумф, т. е. он не ехал на колеснице, влекомой белыми конями, а шел во время церемонии пешком. Почти тотчас же после триумфа Никифор должен был снова стать во главе армии. На этот раз его назначили главнокомандующим в Малую Азию, где во время критского похода борьбой с арабами, шедшей на азиатской границе империи почти непрерывно, руководил его брат, доместик Лев Фока. Наиболее беспокойными и опасными врагами империи в Азии были в эту эпоху уже не слабые халифы багдадские, а два арабских владетеля, уже упомянутые нами гамданиды Насср-Аддаулах и еще более славный Сеих-Аддаулах, алеппский владетель Сирии и части Месопотамии. Это был блестящий арабский государь, неутомимый воитель и в то же время поклонник искусства и ценитель красоты; двор напоминал роскошью рассказы Тысячи и одной ночи. С самого вступления на престол Алеппо Сеиф-Аддаулах вел почти непрерывную войну с греками. Облеченный званием доместика восточных скол, Никифор тотчас по возвращении с Крита начал свои победоносные походы против гамданидов. Мы не имеем возможности, по недостатку места, входить в изложение событий этой борьбы, но должны указать хотя на самые крупные факты и результаты ее. Походы Льва и Никифора Фоки и их преемника Иоанна Цимисхия

1 Около 250 лет он был под властью Восточной империи и достался во время четвертого крестового похода Бонифацию Монферратскому, который передал его скоро венецианам. Венециане владели им несколько столетий, пока после славного сопротивления, о котором мы уже упоминали, Критом не овладели, наконец, османские турки.

представляют одну из самых блестящих страниц военной истории Византии. Они подняли престиж ее в Азии до такой высоты, на какой он не стоял уже давно, и до какой ему уже не суждено было подняться никогда потом. Первое затруднение в военных операциях против мусульманских владений Передней Азии представляла находившаяся в руках арабов Киликия, и Никифор с огромной армией двинулся через Тавр на завоевание ее. Поход был очень удачен: в двадцать два дня императорские войска овладели пятьюдесятью пятью городами и крепостями. Осенью 962 г. греки снова перешли Тавр, взяли Анозарбу, Сиз (древний Флавиополь), Мараш и Мамбедж на Эвфрате, потом перешли через Аманский хребет и явились в Сирии. Успехи Никифора завершились на этот раз ударом, особенно чувствительным для арабов: сама роскошная столица славного гамданида, город Алеппо попал двадцать третьего декабря в руки византийцев и был страшно разграблен. Впрочем, и после этого армия Никифора Фоки все-таки покинула Сирию, не надеясь, вероятно, на возможность удержаться там более продолжительное время в виду приближения сильных армий из взбудораженного известием о взятии Алеппо мусульманского мира. В городе Дзаментау (Tzamandos), в каппадокийской феме этого имени, Никифор узнал важную новость: 15 марта 963 года скончался император Роман II. Носились слухи, будто его отравила Феофано. Умирая, Роман назначил своими преемниками двух своих малолетних сыновей, Василия и Константина, уже облеченных саном *βασιλεως*. Регентство же было передано Феофано, которой Бринга должен был помогать в делах правления.

Относительно Никифора Фоки, умиравший император выразил свою волю, чтобы за ним во всяком случае была сохранена должность domestika vostonnykh skol. Всеми делами попрежнему заправлял паракимомен (главный постельничий) Бринга. Он старался отдалить от дел Феофано, что вызвало в властолюбивой, гордой и строптивой императрице сильное раздражение против первого министра. Тотчас по смерти мужа Феофано завязала сношения с победоносным и в высшей степени популярным domestikom vostonnykh skol, который уже давно страстно любил ее, что, очевидно, было не безызвестно императрице. Переговоры Никифора с ней кончились политическим переворотом. После нового триумфа, данного Никифору в награду за сирийский поход, Бринга, опасаясь слишком популярного полководца, решил предупредить опасность с этой стороны энергичным действием: именно, он составил план выколоть Никифору глаза и сослать его, что было одним из обычных наказаний в Византии, вообще не отличавшейся мягкостью своего уголовного кодекса. Никифор узнал о замыслах Бринги и укрылся в соборе святой Софии. Благодаря заступничеству патриарха Полиевкта, воспротивившагося жестокому плану первого министра, сенат решил снова поставить Никифора во главе восточных отрядов. Тогда Бринга попытался было привлечь на свою сторону Иоанна Цимисхия и сделал ему заманчивые предложения, но тот открыл Никифору интриги паракимомена, и 3 июля 963 года войско в Кесарии провозгласило Никифора императором. Никифор тотчас назначил Иоанна Цимисхия domestikom vostonnykh skol, с высоким чином магистра, и оставивши его в Азии, сам быстро двинулся к Константинополю. Народное возмущение, поднявшееся при известии о приближении его к Константинополю, довершило дело: 16 августа совершился уже торжественный въезд и коронация Никифора, а 20 сентября его бракосочетание с Феофано.

С небольшим шестилетнее правление Никифора Фоки имеет очень важное значение во внешней истории Византийской империи. Ряд успехов, начавшийся при Романи II погоре-

нием Крита, продолжался и при Никифоре.

Походы в Киликию и Сирию

Первым крупным военным предприятием Никифора после вступления на престол был поход против арабов (964—965). Греки завоевали остров Кипр, взяли сильные мусульманские твердыни Киликии—Тарс и Массиссу и вернули под свою власть страну между Тавром, морем и Аманским хребтом, важную по ее географическому положению. Тарс стал резиденцией стратега. Несчастье, случившееся с греками в Сицилии, где арабы взяли, наконец, Раметту, остававшуюся последним оплотом христиан на острове, несколько омрачило радость, вызванную новым торжеством в Азии креста над полумесяцем. В 966 г. Никифор снова предпринял поход в Сирию, имевший на этот раз характер набега. 25 Января 967 года умер его постоянный враг Сеиф-Аддаулах. Свой последний поход против сарацин неутомимый император совершил в 968 г., следовательно, не задолго до смерти. Целью его были Антиохия и Алеппо, важные города, которые, находясь в руках арабов, постоянно угрожали малоазиатским владениям греков. И на этот раз успех сопутствовал Никифору. Он опустошил северную Сирию, перешел Ливанские горы, явился в Финикии и в Ноябре 968 г. подошел к Антиохии. Антиохия была, впрочем, взята уже без него, так как угрожавшее нашествие русских, война в Италии и внутренние затруднения заставили Никифора поручить осаду этого города своим помощникам, патрицию Михаилу Вурцу и стратопедарху Петру Фоке, племяннику Никифора. 29 Октября 969 года Антиохия, древний Феуполис, славный город, бывший некогда соперницей Византии на Востоке, была взята греками, после 230-летнего пребывания во власти мусульман. Теперь греки сделались хозяевами обоих склонов Тавра, и вскоре после этого Кургуя, узурпатор Алеппо, признал себя в вассальной зависимости от империи. Эти два факта были достойным завершением целого ряда побед Никифора, они знаменовали полное торжество христиан над неверными и произвели чрезвычайно сильное впечатление на обе враждующие стороны. Никогда еще ислам не терпел такого страшного поражения. Казалось, что присоединение всей Сирии и Палестины и возвращение христианам Гроба Господня стало лишь вопросом времени, и благочестивый Никифор уже питал надежду достойно завершить этим ряд своих побед на Востоке.

В Европе наибольшее внимание императора привлекала Болгария. Ея упадок при царе Петре, наследнике знаменитого Симеона, привел императора к решению воспользоваться ослаблением еще недавно столь грозного соседа и окончательно обезопасить с этой стороны империю. Предлогом к разрыву послужило требование болгарскими послами дани, которую до тех пор Византия платила Болгарии, и взамен которой болгары брали на себя обязательство препятствовать венграм проникать в пределы империи. В 967 году Никифор открыл военные действия против болгар. Известно, как он обратился за помощью к русскому великому князю Святославу, и как вскоре должен был заметить, что новый союзник оказался опаснее того врага, против которого его призвали. Борьба же греков с Святославом относится уже к царствованию Никифорова преемника.

Отношения к западной империи

Кроме дел арабских и болгарских, был еще вопрос, касавшийся внешних отношений Византии, который сильно занимал Никифора в последние годы его жизни, именно вопрос об отношении к восстановленной Оттоном I римско-германской империи. Походы 951 и

962 г. и победы над Беренгаром II Иврейским отдали большую часть Италии в руки Оттона, и 2-го Февраля 962 года папа Иоанн XII короновал его в Риме короной Священной Западной римской империи. Тогда Оттон I стал стремиться к обладанию всей Италией и готовиться к борьбе с мусульманами, владевшими Сицилией. Желание приобрести византийские фемы Южной Италии и в то же время не разорвать совсем с греками, союз с которыми был бы полезен ему для подготовлявшейся борьбы с арабами, навело Оттона на мысль о брачном союзе его сына с византийской царевной, причем невеста должна была, по мысли Оттона, передать своему мужу, в виде приданого, власть над Апулией и Калабрией. В 967 году Оттон отправил к Никифору послом венецианца Доменика, чтобы испросить для Оттонова сына руку Феофано, сестры малолетних императоров Василия и Константина. Посольство это не привело к желаемому результату, и Оттон попытался силой добыть себе греческие города Италии. Он осадил Бари, но ошибся в расчете легко завладеть этим городом. Неудача под Бари снова направила мысли Оттона к его любимому проекту брачного союза его сына с византийской принцессой. Трудное поручение хлопотать в Константинополе об этом щекотливом деле он возложил на одного из самых близких к себе лиц, на кремонского епископа Лиутпранда, человека способного, ученого и красноречивого, хорошо знакомого к тому же с обычаями константинопольского двора, так как Лиутпранд был уже в 949 г. в Византии послом от Беренгара II-го к Константину Багрянородному. В сочинениях Лиутпранда осталось описание его путешествий в Константинополь. Эти страницы представляют один из любопытнейших исторических памятников, так как они живо рисуют нам отношения людей запада к византийцам и обычаи придворной константинопольской жизни X века. Поэтому мы остановимся несколько подробнее на рассказе Лиутпранда о его вторичном путешествии в Византию.

Путешествие Лиутпранда

Лиутпранд прибыл в Константинополь в первых числах 968 года. Никифор Фока был в это время сильно озабочен, во-первых, затруднениями на северных границах империи, именно надвигавшейся опасностью русского завоевания Болгарии, во-вторых, приготовлениями к походу в Сирию и, наконец, итальянскими делами. Поведение Оттона в Италии привело Никифора в сильное раздражение, которое ясно сказалось в крайне нелюбезном приеме, встретившем Оттонова посла. Вспоминая о своем пребывании в Византии в 949 году, Лиутпранд мечтал о торжественном и благосклонном приеме и теперь, но тотчас по прибытии в Константинополь должен был горько разочароваться: его встретили сурово, даже враждебно, с ним стали обращаться как со шпионом, держали его и его свиту все время в полуплену и осыпали оскорблениями. Обиженный до глубины души и достаточно настрадавшийся Лиутпранд постарался отомстить грекам, в самых темных красках описавши в своем докладе Оттону Никифора, его двор и вообще византийские порядки, до каррикатурности преувеличивая иногда описание слабых сторон греков. Впрочем, основа Лиутпрандова рассказа всегда верна, и это дает ему интерес и важное значение в ряду свидетельств о греческой империи X-го века. Никакой высокий чиновник не встретил посла западного императора при въезде его в Константинополь, как это было в обычае при прибытии важных посольств. Греки заставили Лиутпранда и его свиту довольно долго прождать перед Золотыми воротами под проливным дождем, потом им велели сойти с лошадей, и они должны были пешком пройти по ужасным улицам, по колена в грязи, до «Мраморна -

го дворца», назначенного для жительства посольства. Лиутпранд описывает этот «дворец», как каменное строение, по которому свободно гуляет ветер, в котором можно было замерзнуть в холодное время года, промокнуть во время дождя, словом, внутри которого всегда ясно чувствовалось, какая погода была на улице. Несчастный Лиутпранд не нашел там удобств, на которые он рассчитывал, и даже воду ему приходилось покупать у носильщиков. Посольство держали как пленников, и стража не позволяла никому без особого разрешения ни входить, ни выходить из «дворца». Большой гастроном, Лиутпранд несколько раз жалуется на плохой стол, который он получал теперь в Константинополе, и особенно на, недостаток хорошего вина, так как греческие вина отзывались гипсом и смолой. 6-го июня Лиутпранд был принят куропалатом Львом, братом императора, исполнявшим в это время важную должность логофета дрома, в обязанности которого, между прочим, входило представлять царю иностранных послов. Этот прием имел целью подготовить аудиенцию у императора. Лев отказался признать за Оттоном титул императора, который, говорили греки, должен принадлежать лишь государю Константинополя. Оттона же Лев называл лишь королем (οηξ). Куропалат не принял даже собственноручно Оттонова письма и велел взять его у Лиутпранда переводчику.

Прием у императора

7 го июня, в праздник Пятидесятницы, Лиутпранд был принят самим Никифором в знаменитой зале Триклина. В описании этого приема Лиутпранд дает карикатурное изображение императора: «Меня привели, пишет он, перед Никифора, человека чудовищного вида, пигмея с жирной головой, похожего своими маленькими глазами на крота. Его безобразие дополняют короткая, широкая и густая борода с проседью, длинные густые волосы, большой живот и сухие бедра. Он эфиоп по цвету кожи, и никто не захотел бы встретиться с ним в глухую полночь. Его язык нагл, он хитер, как лиса, клятвопреступен и лжив, как Улисс». Раздраженный епископ не хвалит даже знаменитого своей роскошью парадного императорского костюма, который, будто бы, носил явные следы продолжительного употребления. Никифор принял Лиутпранда, сидя на золотом троне, стоявшем на возвышении, к которому вело несколько порфировых ступеней. На левой стороне от него, несколько позади, сидели молодые цари, «прежде его государи, теперь же подчиненные», ядовито замечает Лиутпранд. Император принял Лиутпранда не любезнее куропалата и высказал ему в резкой форме упреки за поведение Оттона в Италии, в котором он видел грубое нарушение своих неоспоримых прав, особенно за нападение на византийские города. «Так как твоему господину не удалось его незаконные предприятия против моих итальянских провинций, то он послал теперь тебя к нам под ложным предлогом дружбы, с единственной целью шпионить за нами», так заключил император. Лиутпранд отвечал ему длинной речью, которую Никифор прервал заявлением, что ему надо идти в собор Святой Софии. Это было в Пятидесятницу, а в большие праздники всегда происходили торжественные выходы императоров в один из храмов столицы, чаще всего в Святую Софию. Лиутпранда поместили на возвышенном месте, в трибуне певчих цирковых партий, которые пели славословия в честь императора. По словам Лиутпранда, ни весь кортеж, ни представители церковных партий, стоящие вдоль всей площади Августеона от дворца до Великой Церкви (т. е. Св. Софии), ни высшее чины империи в скарамангиях (парадное византийское одеяние) ярких цветов,—все это, будто бы; не только не представляло ничего замечательного, но

даже выказывало бедность империи. В этом, конечно, нельзя дать веры его показанию, так как мы знаем о богатстве и роскоши, царивших при константинопольском дворе, которыми в 949 году восхищался и сам Лиутпранд. В то время как император двигался к церкви, певцы возглашали: «Вот идет утренняя звезда, вот поднимается заря! Он отражает в своем взгляде солнечные лучи. Вот шествует бледная смерть сарацин, царь Никифор! Многая лета августу Никифору! Народы, поклоняйтесь ему, почитайте его, склоняйте выи ваши под его власть!» Описывая этот выход, Лиутпранд снова осыпает Никифора всевозможными насмешками и оскорблениями. Когда длинные религиозные церемонии в Святой Софии окончились, Оттонова посла пригласили к обычному в таких случаях при константинопольском дворе праздничному столу.

Пир

Пир продолжался обыкновенно очень долго, отличался ослепительной роскошью и проходил при строжайшем соблюдении крайне сложного, до мелочей выработанного этикета, составлявшего одну из особенностей византийского двора. Высшие сановники империи, составлявшее «синклит», иностранные послы и, далее, епископы, священники, монахи, наполняли «Desapneacubita». Это был роскошный зал с позолоченным плафоном, со стенами, украшенными мозаикой, изображающей деревья, цветы и плоды, с полом, выложенным из драгоценных сортов мрамора. Так как парадные обеды продолжались долго, то зажигались большие серебряные канделябры. На противоположной от главного входа стороне зала, на возвышении, на которое вели порфировые ступени, помещался полукруглый стол (апокоп-тик) с диваном на двенадцать мест, который предназначался для императора и нескольких лиц самого высшего ранга. Перед ним стояли параллельно девятнадцать больших столов, уставленных золотой утварью, с диванами на двенадцать мест перед каждым. Места были расположены так, чтобы никто из приглашенных не сидел спиной к императору. По обе стороны императорского стола помещались певцы из собора Святых Апостолов и из Святой Софии. Когда император входил в зал, поднималась пурпурная занавесь, отделявшая помещение, где его ожидали приглашенные, от места пира, и все гости падали ниц, закрывая глаза рукой, как бы ослепленные блеском солнца. Когда император занимал свое место, особый чиновник (артоклин) вызывал каждого приглашенного и указывал ему место, которое он должен был занять сообразно своему рангу. Наконец, все было готово, император давал знак певцам, и те пели гимн в честь его. При возглашении строфы, призывающей благословение неба на голову императора, все должны были подниматься и сбрасывать верхнюю накидку, когда же пение кончалось, они садились и снова надевали сброшенное платье. Блюда греческого стола, сильно приправленные оливковым маслом, чесноком и луком, не нравились Лиутпранду. В конце обеда подавался десерт, состоявший из разных сладких блюд и плодов, которые приносились в золотых чашах, вследствие их громадности и необыкновенной тяжести подававшихся на стол с помощью особых приспособлений. Тогда начинались развлечения: танцы, представления эквилибристов и т. п. Наконец, один из чиновников давал знак к удалению, гости проходили перед императором и выходили в противоположные двери. Лиутпранду отвели за предназначенным для иностранных послов столом пятнадцатое место, что было страшным оскорблением для посла Западного императора, и Лиутпранд живо почувствовал это.

Из Лиутпрандовой свиты к императорскому столу не пригласили никого. За столом Ни-

кифор расспрашивал Лиутпранда относительно сил, которыми Оттон располагал в Италии, относительно подчиненных ему земель и числа его войск, над которыми он грубо насмехался. «Вы не римляне, а лангобарды», такими словами закончил император свои насмешки. На это Лиутпранд, будто бы, ответил Никифору, что римляне происходят от шайки беглых рабов и грабителей, и что от такой-то «знати» произошли те, кого греки называют космократорами, т. е. императоры. Не будем пересказывать многочисленных разговоров между восточным императором и послом западного, которого в Византии трактовали тогда просто как посла одного из многочисленных варварских королей: все они велись в том же тоне не сдерживаемого взаимного раздражения и насмешек, обыкновенно очень грубых. Лиутпранд, если верить его рассказу, отвечал императору смело, иногда даже дерзко.

Переговоры греков с Лиутпрандом

Несчастное посольство продолжало мучиться в своем «мраморном дворце», а переговоры плохо подвигались вперед. Когда Лиутпранд коснулся главного пункта, составлявшего цель его посольства, и передал предложение Оттона, чтобы император выдал одну из дочерей Романа II и Феофано за молодого Оттона и дал бы в приданое за ней апулийскую и калабрийскую фемы, то услышал гордый ответ, что «брак порфирородной царевны с варваром есть неслыханное дело, и что если Оттон просит о нем, то никак не царевне следует приносить с собой приданое, а сам Оттон должен дать грекам достойное вознаграждение за столь высокий союз. Пусть король Оттон возвратит нам Рим с Равенной и со всей территорией, которой мы владели некогда на юге от этих городов, и мы пошлем ему нашу царевну. Если же, оставивши мысль о брачном союзе, он будет искать только нашей дружбы, то пусть по крайней мере очистит город Рим и его территорию, возвратит римлянам их свободу и вернет в прежнее подчинение нам возмущившихся князей Капуи и Беневента, бывших рабов нашей священной империи». Так говорил паракимомен Василий, занимавший важные должности протоасикрита и протовестиария, который на этот раз вел переговоры с Лиутпрандом. Из этих слов и из всего поведения императора и его приближенных по отношению к себе, из самого приема и тех невозможных условий, в которых поставлены были в Константинополе он и его свита, Лиутпранд должен был понять, что он ошибся в своих расчетах, и что надежды на соглашение было очень мало. К тому же, действительно, крайне тяжелая обстановка жизни так измучила несчастного прелата, что он даже заболел и стал желать лишь одного—как можно скорее выехать из Константинополя, некогда столь гостеприимного, теперь же так опротивевшего ему. 29-го июня Лиутпранд снова присутствовал при высочайшем выходе и церковной церемонии и был опять за императорским столом. За столом его поместили ниже только что прибывших послов болгарского царя Петра. Считая, что это оскорбление, нанесенное в его лице его государю, превосходит меру терпимаго, Лиутпранд встал из-за стола, что произвело, конечно, настоящий скандал. На его жалобу греки возразили Лиутпранду, что болгарин, правда, грязен, груб и препоясан медной цепью, но что он тем не менее имеет высокое звание патриция, и что поэтому нельзя поместить его ниже епископа, тем более франкского (как в Византии называли иногда безразлично латинян и германцев). Кончилось тем, что куропалат отослал Лиутпранда обедать вместе с дворцовой челядью в гостиннице. Не решаясь, несмотря на все свое раздражение против Оттона, прервать переговоры и отослать Лиутпранда, может быть, надеясь еще добиться от него какой-нибудь уступки, Никифор еще несколько раз приглашал его к себе.

Однажды за столом, в присутствии патриарха и многих епископов, Никифор коснулся церковных разногласий, Лиутпранд, по его словам, «изящно» отвечал императору на его вопросы «по внушению Св. Духа», выставляя превосходство западной церкви перед восточной. Между тем император послал в Италию на помощь своим стратегам флот, отправление которого Лиутпранд видел с крыши своего «дворца», или, лучше сказать, тюрьмы. 20-го июля, накануне отправления в сирийский поход, Никифор дал еще раз аудиенцию Лиутпранду и, наконец, разрешил ему уехать 26-го июля; находясь уже на азиатском берегу, в Брии, среди войска, император снова вытребовал к себе Оттонова посла. Насколько при- страстен был Лиутпранд и насколько льстил он своему государю, можно видеть из того, что он позволяет себе смеяться даже над войсками Никифора.

Он пишет, что они состоят не из людей, но скорее из существ, подобных людям, что Никифор смотрит не на качество, а лишь на количество их, и что он раскается в этом, когда его многочисленная, но слабая армия встретится с малочисленными, но опытными в военном деле немецкими солдатами. И это он говорил про те войска, которые взяли Хандаке, Тарс, Массису и Алеппо, и которыми предводительствовал один из величайших полководцев своего времени! В Брии после новых переговоров, столь же мало успешных, как и прежние, Никифор пригласил Лиутпранда присутствовать на охоте и обещал показать ему онагров (т. е. диких ослов), содержащихся в огороженном парке. На охоте куропалат заметил Лиутпранду, что церемониал запрещает быть в шляпе там, где находится император. «Мы позволяем приходящим к нам от вас держаться их родных обычаев», возразил упрямый Лиутпранд. Он отказался снять шляпу и должен был, по требованию Льва, оставить парк.

Обратное путешествие Лиутпранда

27 июля Лиутпранд получил прощальную аудиенцию, но императорский наместник в Константинополе, евнух патриций Христофор, продолжал удерживать его, под предлогом того, что морская дорога небезопасна от сарацин, а сухопутная занята венграми. Между тем 15 августа в Константинополь прибыли послы от папы Иоанна. В своем письме папа называл Никифора греческим императором и просил его породниться и утвердить прочную дружбу с «августейшим римским императором» Оттоном. Такое титулование привело константинопольское правительство в сильное раздражение и еще более ухудшило положение Оттонова посла. Лиутпранду ставили на вид, что папа сделал это, несомненно, с одобрения его государя. Послов же папы греки заключили в тюрьму. Наконец, Лиутпранда отпустили, передавши ему две грамоты: написанный золотом и снабженный золотой печатью хризовулл, собственноручно подписанный киноварными чернилами Никифором и предназначенный для Оттона, и аргировулл для папы, подписанный куропалатом Львом. «Мы считаем вашего папу недостойным письма от императора, поэтому ему посылает письмо куропалат», заявили при этом греки Лиутпранду. 2 октября несчастный кремонский епископ, наконец, покинул Византию, которую он не преминул наделить в рассказе об этом самыми нелестными эпитетами клятвопреступной, лживой, грабительской и т. п. Рассказывая о своем возвращении, Лиутпранд передает несколько эпизодов, довольно ценных для ознакомления с провинциальной византийской администрацией. Мы приведем некоторые из них. 49 дней продолжалось его путешествие до Навпакта (при Коринфском заливе), которое он совершил частью верхом на осле или на лошади, частью пешком. Здесь Лиутпранд

разстался с провожавшим его дворцовым чиновником (*diasostes*) и, сопровождаемый императорскими «*mandatores*», направился на двух маленьких кораблях к Отранто. *Mandatores* не позаботились запастись пропуском, и благодаря этому местные власти чинили Лиутпранду и его спутникам много затруднений. Почти тотчас же после их отплытия началась буря, и несчастные пловцы носились по морю, боясь пристать к берегу, так как население могло ограбить и, пожалуй, даже убить их. Наконец, буря утихла, и Лиутпранд пристал к острову Левкадии. Здесь его очень нелюбезно встретил епископ, от которого Лиутпранд узнал, между прочим, какие страшные поборы установил Никифор с духовенства, чтобы содержать свои армии: епископ Левкадии должен был ежегодно платить с принадлежавшего ему церкви имущества сто золотых. Потом он, конечно, наверстывал их страшной симонией и взяточничеством, составлявшими отличительную черту византийского правления. 18 декабря путники пристали к Корфу. Здесь, прежде всего, их посетил Михаил, стратег фемы Семи островов. Лиутпранд должен был сделать ему дорогой подарок, но тем не менее стратег заставил его потерять в бесплодном ожидании двадцать дней, причем все время посылы, вопреки дипломатическим обычаям, должны были кормиться на свой счет. Согласно полученным из Константинополя инструкциям, стратег должен был тотчас по прибытии, без замедления, передать посольство в руки китонита Льва, которому было поручено на корабле из императорского флота переправить его в Анкону. Но Михаил задерживал Лиутпранда, надеясь получить от него новые подарки. Даже низшие агенты, например, курьер, которому поручено было отвести посольство на корабль, старалась эксплуатировать послов и также всячески вымогали, что можно. Курьер пытался даже обворовать епископа. Лиутпранд, рисуящий все, может быть, уже в преувеличенно-черных красках и видевший, пожалуй, всякие ужасы там, где их могло и не быть, передает даже, будто курьер уговаривал капитана корабля бросить послов на произвол судьбы на каком-нибудь пустынном острове. На этом останавливается в дошедшей до нас рукописи любопытное донесение Лиутпранда. Итак, миссия, порученная кремонскому епископу, не удалась, посольство Оттона вернулось без желанного результата и мы видим, что поздней осенью 968 и в следующем 969 году враждебные действия в Италии продолжались с переменным счастьем¹.

Убийство Никифора

Блестящий исход сирийского похода 968 года, завершившагося для империи таким торжеством как взятие Антиохии, казалось, надолго обещал Византии спокойствие на Востоке и давал, наконец, Никифору возможность действовать более решительно на Западе. Расхваленным Лиутпрандом немецким войскам, может быть, пришлось бы встретиться лицом к лицу с покорителем Крита, если бы неожиданная смерть последнего не изменила хода дел. В начале 969 года Никифор вернулся в столицу. В Болгарии в это время дела шли все хуже и хуже для империи. Святослав торжествовал над болгарами, и стало ясно, что Византии необходимо было вступить в борьбу с русским князем, чтобы не дать ему прочно утвердиться в Болгарии, так как тогда затруднения на северной границе приняли бы слишком опасный для империи оборот. Поэтому Никифор решился поддержать болгар в их борьбе с Русью. В залог вновь заключенного союза две болгарских царевны прибыли в

1 Брак Оттона II с византийской принцессой Феофано, как известно, все-таки состоялся, но уже в царствование Никифорова преемника, 14-го апреля 972 года. По новейшим исследованиям, эта Феофано была не сестрой Василия II, а другой племянницей Иоанна Цимисхия.

Константинополь и были обручены с малолетними Василием и Константином. Но Никифору не суждено было встретиться со Святославом. В ночь с 10 на 11 декабря 969 года во внутренних покоях константинопольского дворца разыгралась драма, столь обыкновенная в Византии: император был убит заговорщиками. Во главе заговора стояла сама императрица, которой к тому времени уже наскучил пятидесятилетний суровый, нелюбезный и скупой Никифор. Переворот был совершен в пользу Иоанна Цимисхия, близкого родственника и боевого товарища Никифора. Войны, которые Фока вел почти непрерывно, вынуждали его к значительному увеличению податей и к другим финансовым мерам, напр., к выпуску плохой серебряной монеты, к обложению принадлежавшей духовенству земельной собственности и к запрещению дальнейшего увеличения ея. Большинство этих мер тяжелым бременем ложилось на народ и поселило в сердцах его сильное недовольство против Никифора, бывшего ранее столь популярным. Особенно раздражено было духовенство. Поэтому население столицы довольно спокойно встретило весть о смерти Никифора и провозглашение Иоанна императором и опекуном малолетних царевичей. К счастью для Византии, убийца Никифора оказался достойным продолжателем побед своего славного предшественника, так что Никифоровы приобретения не были потеряны для империи.

Дм. Каринский.

XXVIII. Папа Николай I

Духовная и светская власть в половине IX века

После Карла Великого государи возстановленной им империи недолго сохраняют за собою принадлежавшее ему влияние на церковные дела: для этого власть их была слишком ослаблена междоусобиями и раздѣлами. Это ослабление светской власти в то время, как духовная сохраняет завоеванное ею благодаря первым Каролингам положение, изменяет отношение между ними: из подчиненной духовная власть понемногу становится господствующею. Объединение народов Запада, увенчанное возстановлением империи, оживило римския предания и значение Рима в глазах народов романо-германских; теперь император, власть котораго ограничивается одною Италией, перестает представлять надлежащим образом это единство и роль представителя его переходит к преемникам св. Петра. Наконец, изменяется отношение последних к представителям местных церквей: прежнее номинальное верховенство превращается в монархическое подчинение. Такому переходу содействовали и политическія условия эпохи — IX века. То было время частых династических смут, в которых не могли не принимать большого участія и представители церкви, в случае неудачи поддерживаемой ими партии подвергавшіеся со стороны противников преследованиям. От частых смут терпели не только представители церкви, но и ея достояніе. При ослабленіи светской власти и вовлеченіи ея во вражду партий, на месте добиться управы было далеко не легко. Сами митрополиты, естественные защитники своих епископов, еще сильнее втягивались в политическую борьбу и утрачивали возможность быть безпристрастными судьями в делах, нередко задевавших и их интересы, и их самолюбие. Обиженным оставалось искать суда и управы в другом месте, и самым подходящим для этого казался римскій престол, представители котораго стояли далеко от местных столкновений и очень расширили свое влияние на местные церкви в VIII веке. При этом, конечно, те лица, интересы которых задевались приговорами пап, склонны были поднимать вопрос, на каких собственно постановленіях церковнаго права основаны апелляціи от приговоров местных судов к суду папы.

Пособія. *Ranke*, Weltgeschichte, VI Theil; *Rocquain*, La papauté au moyen-âge

Исидоровы декреталии

Ответ должны были дать знаменитые Лжеисидоровы декреталии. То был сборник церковных законов, в который, на ряду с подлинными, давно имевшими законную силу, актами, внесено было около сотни подложных документов, отнесенных к первым векам христианства. К подлинным актам тут были присоединены подложные послания и постановления пап раннего времени, а для прикрытия подлога в сборник были вставлены неимеющие отношения к главной цели выписки из Библии, постановлений соборных, из церковных писателей. Сборник этот был ложно приписан знаменитому ученому начала VII века Исидору севильскому, а на деле составлен лицом, по всей вероятности, принадлежавшим к духовенству реймской митрополии. Главною целью его была защита епископов против светской власти; достигнуть этого имелось в виду посредством ограничения жалоб на епископов, затруднения процедуры, запрещения поношений во время процесса. В сборнике преобладает взгляд, что мотивами к обвинениям служат большею частью нерасположение и злоумышление. Согласно велению апостолов, епископы во всех бедах должны искать себе прибежища у наместника св. Петра, как главы церкви, который возстановит несправедливо осужденных товарищами из страха перед светскою властью. Все, отнятое у них, должно быть им возвращено, в противном случае осудившие их епископы и их государи подвергаются отлучению от церкви. Епископы могут быть судимы только собором, созванным с разрешения папы, которому принадлежит право окончательного приговора. Таким образом, декреталии предоставляли папе полную власть над митрополитом, делали его защитником духовенства, и особенно епископов от светского суда и правительства, от власти митрополитов и областных соборов. Потому епископы с самого начала содействовали распространению сборника; как это нередко бывает, они слишком увлеклись интересами минуты и в этом увлечении не заметили того, что декретами современем могут сделаться в руках пап отличным орудием для обуздания не только светской власти, но и самих епископов. Пока, впрочем, до этого было еще далеко.

Сборник декреталий составлен был в реймской митрополии в половине IX века и возник, следовательно, без содействия и вероятно, даже без ведома пап. Конечно, декреталии оказали им большую услугу, но в то же время несомненно, что при господствовавшем тогда направлении умов едва ли нужны были искусственные средства, чтобы доставить владычеству идее церковной монархии, охватывающей весь западный мир и находящейся под управлением преемника апостола Петра. Духовное могущество папы имело своею основною потребность людей найти прочную опору для своих надежд в тяжкие времена, среди подавляющих переворотов. Эту опору могла давать тогда только церковь, и, укрепляя власть главы ее, люди думали подкрепить свои нравственные силы.

Папа Николай I

В Риме декреталии упоминаются впервые в 860 г., и первый стал ссылаться на них, по видимому, папа Николай I. Вот как отзывается о нем современный летописец: «С ним нельзя сравнить ни одного папу после Григория Великого: он господствовал над королями и тираннами и подчинял их своей власти, как будто был властителем мира. Он был смиренным, кротким, любящим и доброжелательным к епископам и священникам, соблюдавшим заповеди Господа, и напротив, грозным и страшно строгим к уклонявшимся с прямого пути: его можно было бы принять за нового Илию, воскрешаго в наши дни по слову Бога,

если не телом, то духом и доблестью». Император Людовик II сам содействовал избранию Николая и первое время поддерживал с ним дружеские отношения.

Столкновение с Равенной

Одним из поводов к ухудшению их послужило столкновение папы с архиепископом Равенны, последней независимой епархии в Италии, которого Николай отлучил за отказ от участия в римских соборах, неповиновение их решениям и запрещение духовным епархии апеллировать к папе. Архиепископ пожаловался на отлучение императору, который отправил его с своими послами в Рим для примирения с папой, но последний отклонил ходатайство Людовика и воспользовался неудовольствием населения епархии для личного вмешательства в ее дела. Тогда архиепископ должен был покориться и признать главенство папы.

Столкновение с Реймсом

Тот же принцип апелляции к римскому престолу привел Николая к столкновению с примасом Галлии, архиепископом реймским Гинкмаром, низложившим на поместном соборе епископа Ротада и недопускавшим его до апелляции. Николай предписал Гинкмару возстановить Ротада в сане или явиться вместе с ним к ответу в Рим; при этом он объявил, что не питает никакого особого расположения к Ротаду, но будет до смерти защищать права папства: права эти—спасительное оружие для всей церкви; кто из епископов знает, что участь Ротада не постигнет вскоре и его, а в таком случае у кого он будет искать защиты? Увидя, что Гинкмар не выполняет его требований и не пускает Ротада в Рим, папа обращается к Карлу Лысому и всеми силами закликает его помочь гонимому: если государи допустят умаление прав папы, то какую последний окажет им в случае нужды помощь? Королева писала Николаю два раза, прося его оставить дело, но он отказался сделать это, несмотря на все хлопоты, причиненные ему. «Если бы в вашем королевстве к вам обратился несчастный человек, называя себя жертвою несправедливости, вы не отвергли бы его призыва. Как вы можете убеждать нас оставаться глухими к голосу нашего брата?» Наконец, после ряда оттяжек и уловок со стороны Гинкмара, Ротаду удалось добраться до Рима; никто из обвинителей не явился, и папа признал его оправданным и возстановил в сане, который Ротада и сохранил за собою до кончины. Из всего этого видно, что право апелляции было тогда оспариваемо, и что папе понадобилось много энергии, чтобы восторжествовать над упорным сопротивлением Гинкмара.

Спор с Кельном и Триром

Кроме Равенны и Реймса, счастливый случай помог Николаю одержать верх над Кельном и Триром по делу о разводе короля Лотарингии Лотаря II с его женой Теутбергою. Из трех сыновей Лотаря I, владевших Лотарингией, Провансом и Италией, только у Лотаря II были дети, но не от бездетной жены, а от некоей Вальдрады, обрученной с ним еще в детстве при жизни отца. Чтобы бывшие земли Лотаря I оставались в потомстве его, нужно было узаконить брак с Вальдрадой и происходивших от него детей, а для этого признать недействительным церковный брак с Теутбергою. Были пущены в ход ложные обвинения и признания на исповеди самой Теутберги в ее грехах, и на этом основании собор епископов Лотарингии, быть может руководясь еще соображениями политическими, произнес нужный для Лотаря приговор, и затем он обвенчался с Вальдрадой, которая была признана ко-

ролевой. Тогда папа выразил сильное неудовольствие на то, что областной собор взял на себя решение столь важного дела и что король повиновался этому приговору, не дождав-шись согласия папы. К нему и обратилась Теутберга, поддерживаемая Карлом Лысым. Король согласился на пересмотр дела новым собором, на котором должны были присутство-вать епископы Франции и Германии и папские легаты. На деле на собор явились почти одни только епископы Лотарингии и легаты папы. Неизвестно, убедились ли последние предъявленными доводами или были подкуплены Лотарем, только собор признал брак с Вальдрадою законным и послал в Рим со своими постановлениями двух главных членов, архиепископов Кельна и Трира. Папа созвал тогда свой собор в Риме, который под предсе-дательством его постановил, что решение епископов Лотарингии, как нарушающее права Римского престола, не имеет силы, а оба архиепископа, как их руководители, должны быть лишены священства. Присматриваясь ближе к различию между решениями обоих соборов, находишь в нем один из важнейших моментов в истории западной церкви. Если бы реше-ния поместного собора остались в силе, то за областным духовенством сохранилась бы зна-чительная самостоятельность: ведь в самой Италии слышались еще утверждения, что воля римского престола не есть еще церковный закон. Но именно поэтому Николай был непоко-лебим и чужд всякой уступчивости: он принадлежал к тем людям, которых можно назвать воплощенною системою. Идея единой церкви и всемирной власти папства была мыслью его жизни. Решения римского собора, провозглашавшие и в тоже время прилагавшие к делу всевластие папского престола, были его собственными решениями, его личными мыслями. Сильно ошибался тот, кто думал, что на него повлияет присутствие императора, брата Лота-ря, и его войска. Действительно, император сильно был оскорблен постановлениями рим-ского собора, нанесшими чувствительнейший удар его дому, но был возбужден и неслыхан-ным образом действий папы, созывом собора без его согласия и низложением архиеписко-пов за исполнение возложенного на них поручения. В гневе император приблизился к Риму с войском и низложенными епископами, чтобы добиться восстановления их в сане или наложить руки на папу. Последний заперся в Латеране и велел для умиловления Бога устраивать крестные ходы. Нападение войска на один из них и произведенный при этом насилия еще более обострили положение: казалось, близок открытый разрыв импера-тора с папой. Вооруженная толпа ворвалась в храм св. Петра и силою возложила на гроб апостола непринятый папою протест архиепископов против низложения. В это время произошло свидание папы с заболевшим Людовиком, и оба архиепископа получили прика-зание покинуть Италию, но согласие папы и императора не было восстановлено, и послед-ний отправился праздновать Пасху в Равенну. Пользуясь этим, оба архиепископа, по воз-вращении в Германию, разослали ко всем товарищам упомянутый протест, представляв-ший собою жестокие нападки на безграничные притязания папы, но не нашли у других епископов того сочувствия, которого ожидали. Перевес явно склонился на сторону папы.

Столкновение с Фотием

И на восточную церковь Николай I распространил идею римского верховенства, с из-вестною необходимостью развившуюся из истории запада. Для папы было приятною неожиданностью, что император Михаил III обратился к нему за советом по поводу споров, возникших тогда в церкви Константинопольской. Как известно, нелюбимый при дворе за свою строгость патриарх Игнатий был низложен, и его место занял знаменитый Фотий, до

того бывший мирянином; но у Игнатия было в церкви много сторонников, и между обеими партиями начался спор, не прекращенный собором в Константинополе, высказавшимся за Фотия. Михаил III счел нужным узнать мнение папы; Николай отнесся к этому запросу с римской точки зрения, считающей папу представителем единства церкви. Здесь, в лице Фотия и Николая, сошлись два человека, из которых одного можно считать представителем греческой церкви, а другой не допускал ничего противного церкви римской. Папа объявил, что смена патриарха без согласия Рима нарушает соборные постановления, которым противоречит и возведение в патриархи мирянина, и потребовал вообще соблюдения в Константинополе предания римской церкви. С такими же требованиями обратился он и к другим патриархам востока. Для ближайшего ознакомления с положением дел папа послал в Константинополь легатов, которые приняли сторону Фотия и участвовали в соборе, утвердившем низложение Игнатия и возведение в патриархи Фотия. Противники последнего обратились к папе, и он созвал с своей стороны в Риме собор, который объявил Фотия лишенным духовного сана за то, что он вопреки преданию апостольскому и каноническому достиг патриаршества. Главный вопрос заключался в том, насколько заслуживают внимания римского собора решения собора Константинопольского; решения эти были не только уничтожены, но и объявлены великим преступлением. Наконец, было заявлено безусловное верховенство римской церкви, а Михаил III приглашен выступить против разрушителей церкви.

Спор церквей все разгорался. В 866 г. папа Николай сделал попытку отнять у Константинополя церковную власть над Болгарами. Римские миссионеры оспаривали учение греческой церкви об исхождении св. Духа и сильно возставали против греческих обычаев, касавшихся поста, миропомазания и браков священников; они хотели создать римский патриархат в Болгарии. Тогда Фотий задумал нанести удар притязаниям римской церкви нападением на самого папу. Как один из замечательнейших учителей церкви в эту эпоху, он поставил крупнейший из когда-либо поднимавшихся вопросов—вопрос о противоположности между Константинополем и Римом, и для решения его хотел созвать вселенский собор с участием трех других патриархов. Исполнить мысль эту вполне ему не удалось, но на соборе присутствовали и представители других патриархов; папа на нем был объявлен виновным и была провозглашена анафема ему и всем, поддерживающим с ним общение. Происходило это летом 867 года, а осенью того же года покровитель Фотия, Михаил III, был умерщвлен и на престол вступил его любимец Василий Македонянин. Новый император изменил церковную политику своего предшественника: Фотий был удален и патриархом снова сделался защищаемый папою Игнатий. Николай торжествовал на Востоке, как и на Западе. В этот момент боец Божий, как называет его биограф, скончался.

Заключение

Удачный исход всех этих столкновений, помимо прочаго, зависел еще и от того, что в каждом из них на стороне папы были преимущества, которыми он и сумел мастерски воспользоваться: в споре с Равенной Николай опирался на недовольство местного населения действиями архиепископа; в деле Ротада он выступил защитником преследуемого митрополитом епископа, в деле Теутберги—охранителем святости брачного союза от прихоти короля и угодливости епископов; наконец, в вопросе о низложении Игнатия, кроме прав Рима, папа защищал еще независимость духовной власти от капризов двора. Благодаря все-

му этому, Николаю удалось возвести папство на небывалую дотле высоту, но удержалось оно на ней не долго. Ослабление светской власти шло все усиливаясь, и скоро она утратила возможность не только господствовать над церковью, но даже просто быть ей полезною, и тогда папы попали в унижительную зависимость от римских феодалов; с другой стороны, ослабело на время и сознание церковного единства Запада. Эта зависимость от феодалов и упадок вселенского авторитета пап продолжались до времени Оттонов, когда снова возобновилось поступательное движение папства.

Н. Шамонин.

XXIX. Оттон Великий

Осенью 935 года, с королем Генрихом случился легкий апоплексический удар; король вскоре оправился от болезни, но она напомнила ему о близости смерти. Поэтому Генрих не медленно по выздоровлении занялся решением вопроса о престолонаследии, не желая, чтобы после его кончины государство оказалось в таком же неопределенном положении, в каком оно было по смерти Людовика Дитяти и Конрада.

Во время своего семнадцатилетнего царствования Генрих положил прочное начало объединению германских племен и успешно защищал страну от внешних врагов; эти подвиги давали ему право полагать, что после его кончины князья опять изберут королем одного из представителей саксонского дома. Генрих боялся только, чтобы не возникло неспоконья вследствие честолюбия его сыновей, которые могли оспаривать друг у друга право на престол. Самый старший сын Генриха—Танкмар—не мог рассчитывать на корону, так как рожден был от первого брака Генриха, а этот брак признан был церковью незаконным. Старший сын от второго брака—Оттон—родился тогда, когда Генрих был еще только герцогом саксонским, и только третий сын, тоже Генрих, родился уже после того, как отец избран был в короли. Хотя этот Генрих по наружности очень походил на отца и был любимцем матери, однако сам старый король предназначил в преемники себе Оттона, так как он отличался ясным умом, твердым характером, силою воли и другими качествами необходимыми для государя.

Источниками при составлении настоящей статьи служили: *Liudprandi*, Antapodosis (Pertz, Monumenta Germaniae Historica, Scriptorium, T. III, p. 273—339); *Liudprandi*, Liber de Rebus gestis Ottonis Magni Imperatoris (ibid., p. 340—346); *Liudprandi*, Relatio de legatione Constantinopolitana (ibid., p. 347—363); *Widukindi*, Res Gestae Saxonicae (ibid., p. 416—467); *Thietmari*, Chronicon (ibid., p. 743—757); *Ruotgeri*, Vita Brunonsis Archiepiscopi Colonensis (ibid., t. IV, p. 254—275); *Hrotsuithae*, Carmen de gestis Oddonis I Imperatoris (ibid., p. 317—335); *Odilonis*, Epitaphium Adalheidae Imp. (ibid., p. 637—645). **Пособиями** служили: *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, B. I. *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart, 1860. B. III. *Lamprecht*, Deutsche Geschichte, Berlin, 1892, B. II. *Bryce*, The Holy Roman Empire. *Гильфердинг*, История балтийских славян, т. I, М. 1855. О. Иегер. Всеобщая история.

Характеристика Оттона

Имеющиеся у нас сведения о личности Оттона относятся к более позднему времени. Летописец изображает его человеком грузного телосложения (*moles corporis*), с румяным лицом, украшенным бородою, с быстрыми, как бы метаящими молнии, глазами (*oculi rutilantes et in modum fulguris splendorem quendam emittentes*); широкая грудь его была покрыта волосами, как бы львиною гривой (*pectus leoninis quibusdam sparsum iubis*); современники, даже собственный сын, называли его львом; в этом теле обитал упорный, вечно деятельный дух: король даже во сне имел обыкновение говорить. Оттон отличался неровной, то медленной, то быстрою походкою; пылкая натура его была отчасти смягчена воспитанием, но даже в старости он легко терял самообладание. Подобно отцу своему, Оттон был страстным охотником, отличался общительностью и щедростью по отношению к друзьям, но о своем королевском призвании был более высокого мнения и даже постился накануне тех дней, когда ему приходилось являться перед народом с короной на голове (*quotienscumque sit opus corona portanda, jejunium semper praecedere pro veto traditur*. Widukindi, *Res Gestas Sax.* II, 36). При неутомимой энергии и страстной отзывчивости, Оттон не обладал выдающимися талантами, он не был хорошим дипломатом и полководцем, не обладал он и даром спокойной наблюдательности; тем не менее, благодаря настойчивости и умению пользоваться обстоятельствами, он достиг замечательных успехов.

Избрание Оттона в короли

Решив предоставить старшинство Оттону, Генрих созвал герцогов, графов и епископов в Эрфурт и указал им на Оттона, как на желательного для него преемника. Князья изъявили согласие избрать Оттона в короли по смерти Генриха. Тогда король распределил свои имения и движимое имущество между всеми сыновьями и особенно щедро наделил старшего, Танкмара.

Вскоре после эрфуртского съезда с Генрихом случился второй удар, от которого он скончался (2 июля 936 г.). Тогда франконцы и саксонцы собрались для решения вопроса, кому из сыновей Генриха быть королем. Большинство избирателей осталось верно слову, данному покойному королю, и преемником его избран был Оттон. После этого предварительного избрания состоялось окончательное избрание в Ахене, куда съехались вельможи уже из всех германских герцогств, а не только из Франконии и Саксонии. В колонной зале ахенского дворца Оттона посадили на мраморный трон Карла Великого при громких рукоплесканиях всех вельмож, наполнявших залу. Таков был франкский обычай избрания в короли.

Коронация Оттона

Из залы дворца Оттон отправился в сопровождении герцогов, графов и других знатных лиц в ахенский собор, построенный Карлом Великим. Церковь была полна, на хорах теснились многия сотни людей, собравшихся издалека посмотреть на великое торжество. При входе в собор Оттон был встречен архиепископом майнцским Гильдебертом, который взял короля за руку, привел его к гробнице Карла Великого и сказал, обращаясь к народу: «Вот Оттон, которого Господь избрал вам в короли, на которого король Генрих указал, как на желательного ему преемника, которого все князья уже провозгласили королем. Если этот выбор вам угоден, то поднимите правыя руки». Все подняли руки с громкими криками одо-

брения. Тогда архиепископ подвел Оттона к алтарю, на котором лежали знаки королевского достоинства и приступил к обряду коронования и миропомазания. Вручая Оттону меч, Гильдеберт сказал: «Прими этот меч и рази им всех врагов Господних, язычников и еретиков». Подавая скипетр, архиепископ увещевал короля отечески наказывать подданных; совершая миропомазание, Гильдеберт говорил Оттону: «Пусть никогда не истощится у тебя елей милосердия, будь милостив к священно-служителям, помогай вдовам и сиротам». Возложив при содействии архиепископа кельнского на Оттона корону, Гильдеберт отвел его к воздвигнутому невядалеке от алтаря королевскому месту, где Оттон оставался до конца литургии, а затем в торжественной процессии возвратился во дворец. Там устроен был коронационный пир, за которым королю служили герцоги лотарингский, франконский, баварский и швабский. Такой порядок впервые установился на коронационном торжестве Оттона; король таким образом показал, что считает герцогов своими слугами.

Борьба Оттона с герцогами

Вскоре после коронации Оттону представился случай показать, что он будет достойным преемником своего отца. В первый же год после воцарения нового короля вспыхнула в государстве усобица, грозившая уничтожить ту, еще слабую связь между германскими племенами, для упрочения которой столько потрудился король Генрих. Через несколько месяцев после коронации Оттона скончался герцог баварский Арнульф. Баварцы недовольны были преобладанием саксонцев в Германии и неохотно подчинялись королю из саксонского дома, вспоминая о временах полной самостоятельности своей земли. Таким настроением баварцев воспользовался старший сын Арнульфа Эбергард. Немедленно после кончины отца он вступил в управление Баварией, не испросив на то соизволения Оттона и даже отказался дать королю ленную присягу.

Не успев склонить Эбергарда к повиновению увещаниями, Оттон занял своим войском Баварию, изгнал Эбергарда, а герцогом баварским назначил дядю его Бертольда. Следовательно, звание герцога получено было Бертольдом не по наследству и не вследствие народного избрания, а по назначению; Оттон дал понять, что считает герцога не государем, а лицом, занимающим государственную должность, которую король может поручить тому или другому лицу по своему усмотрению. Назначив Бертольда герцогом, Оттон ограничил его власть, отняв у него право назначать епископов; это право было передано королю. Другое ограничение герцогской власти состояло в том, что Оттон учредил в Баварии должность пфальцграфа, который был представителем короля в верховном суде, заведывал королевскими замками, имениями, ленами и собирал принадлежавшие королю доходы. Влиятельную должность баварского пфальцграфа Оттон поручил племяннику герцога Бертольда Арнульфу, который по необходимости должен был верно служить королю, так как при враждебном отношении герцога к власти пфальцграфа, Арнульф мог сохранить свое значение в Баварии только при поддержке со стороны Оттона. Таким образом король надеялся предупредить возобновление смуты в Баварии, внося рознь в баварский герцогский дом.

Защитники герцогской власти задумали ослабить усилившуюся королевскую власть тем же самым средством, которым Оттон ослабил герцогскую власть в Баварии, т. е. вызвав раздор в королевской семье. Воспользовавшись неудовольствием Танкмара против Оттона, герцог франконский Эбергард склонил старшего брата короля к возманию, в котором и сам принял участие, побуждаемый не только желанием ослабить королевскую власть, но также

старинною враждою франков к саксам; эта вражда вновь вспыхнула, когда королевская корона перешла к саксонскому герцогскому дому. Возстание было неудачно: Танкмар вскоре погиб в сражении, а Эбергард изъявил полную покорность королю, который не лишил его герцогства только вследствие усиленного ходатайства архиепископа майнцского.

Печальный исход дела, затеянного Танкмаром, не послужил предостережением для младшего брата Оттона, честолюбиваго Генриха, который составил план свергнуть короля с престола и захватить власть в свои руки. Герцоги франконский Эбергард и лотарингский Гизельберт охотно согласились помогать Генриху, полагая, что он будет в полной от них зависимости, если достигнет власти с их помощью. Кроме того, Генриху обещал помогать король западных франков Людовик IV.

Давно уже западно-франкское (нынешняя Франция) и восточно-франкское (нынешняя Германия) государства оспаривали одно у другого руководящую роль в средней Европе. Временный перевес той или другой стороны проявлялся, как и теперь еще, во владении спорными областями на границе, носившими тогда название герцогства Лотарингии. Генрих I завоевал эту область для Германии, но каждый сколько нибудь могущественный король западных франков X в. стремился отвоевать ее обратно. К этому стремился и Людовик IV, и момент для того был избран им благоприятный, когда Оттон занят был прекращением усобицы в Германии.

Многие представители высшего духовенства Германии, и в их числе новый архиепископ майнцкий Фридрих, тоже недовольны были усилением власти Оттона и тайно сносились с Генрихом. Положение Оттона было тем более затруднительно, что он должен был в одно и то же время и бороться с внутренними врагами, и вести войну на севере и востоке с датчанами и славянами, которые подняли возстание, пользуясь германскими усобицами. Два года продолжалась война Оттона с братом и непокорными герцогами. Во время этой войны Эбергард и Гизельберт погибли, а король западных франков принужден был заключить мир с Оттоном, которому удалось вооружить против Людовика герцога Франции Гуго Великаго. Генрих, оставшийся без союзников, смирился и получил прощение от брата, который только короткое время содержал его под строгим надзором, а потом назначил его герцогом лотарингским, отняв, таким образом, наследство у сына Гизельберта. Во Франконию, по смерти Эбергарда, Оттон не назначил герцога; сам король считался с того времени герцогом франконским. Все громадное личное имущество Эбергарда было конфисковано Оттоном, который, благодаря этому, получил возможность достойно вознаградить оставшихся верными ему герцогов швабского и баварского.

Генриху вскоре наскучило в Лотарингии и он оставил порученную его управлению страну; тогда Оттон назначил герцогом лотарингским лучшего из своих полководцев Конрада Краснаго, одного из франконских графов. Между тем многочисленные враги Оттона стали склонять Генриха к новым попыткам овладеть престолом. Однако уже не рассчитывали на успех открытого возстания и составили заговор с целью убить короля. Заговорщики, в числе которых был и новый архиепископ майнцкий Фридрих, намеревались убить Оттона во время пасхальных празднеств 941 г., когда ко двору должны были собратся все знатнейшие вельможи. Совершенно случайно заговор был открыт, большинство заговорщиков казнено, но Генриху, за которого со слезами просила Оттона королева-мать, и на

этот раз даровано было прощение.

Великодушие брата оказало сильное впечатление на Генриха; он искренно раскаялся и стал так усердно служить Оттону, что уже через четыре года (в 945 г.) король назначил его герцогом Баварии, где тогда скончался Бертольд. Управляя Баварией, Генрих оказал великие услуги германскому народу, так как вел непрерывную борьбу с кочевниками венграми. Генрих мужественно отражал их нападения и даже перешел в наступление, проник в самые кочевья венгров и освободил многих германских пленников.

Ограничение власти герцогов

Возстание герцогов против Оттона только содействовало усилению королевской власти. Оттон окончательно утвердил за собою право назначать герцогов по своему усмотрению. В Франконии герцогская власть была уничтожена, в других герцогствах сильно ограничена; герцоги лишились права начинать войну и заключать мир, назначать епископов. Когда умирал герцог, Оттон назначал ему преемником человека, на которого мог положиться, часто происходившего не из той страны, управлять которою его назначали; такой герцог мог держаться в стране только тогда, когда оставался верен королю. Впоследствии Оттон старался замещать герцогские вакансии своими родственниками. Так, в 945 г. назначен был герцогом в Баварию брат Оттона Генрих, в 948 г. в Швабию—сын Лиудольф; в то же время Оттон выдал дочь свою Лиутгарду замуж за герцога лотарингского Конрада.

Власть герцога в значительной степени ограничивалась присутствием в каждом герцогстве представителя короля—пфальцграфа. Несмотря на это, у герцогов оставалась еще довольно значительная власть, так как они были непосредственными начальниками местных графов, маркграфов и других ленников, обязанных по приказу короля являться на службу с известным числом воинов. Правда, лены раздавались большею частью самим королем и не были еще наследственны, как во Франции: раздаваемые королем лены сохранялись за ленниками только до тех пор, пока они были верны своему сюзерену. С своей стороны, щедрый король, располагавший громадными средствами, умел расположить к себе ленников: большие богатства, принадлежавшие Оттону, наряду с другими средствами помогли королю сделать так много для упрочения единства государства и для усиления королевской власти, а сильная королевская власть была необходима в то время для защиты низших сословий, которые в половине X в. почти утратили древнюю свободу.

Королевская власть и феодализм

Во время продолжительной смуты и неурядицы при последних каролингах никто не думал об общей защите страны: сильные строили замки, а слабые делали их крепостными и таким образом получали защитников; правитель—граф, владетель иммунитета—епископ или аббат усиливали свою власть и почти не признавали далекого сюзерена; правитель или собственник известного участка земли делался государем людей, живших на нем; язва феодализма быстро распространилась по Германии, и ко времени Оттона почти исчезла древнегерманская правительственная организация по округам (*Gauverfassung*), графы-феодалы и владетели пожалованных королем иммунитетов стали почти неограниченно господствовать над народною массою: суд и расправа, финансовая и военная организация зависели от феодалов, а так как писанными законами тогда еще не руководились в Германии, то король был единственным защитником слабого от произвола сильного, к нему обращались все не-

довольные судом местных правителей и всегда получали удовлетворение. Благодаря этому народ сочувствовал усилению королевской власти и, таким образом, облегчал Оттону осуществление главной задачи его внутренней деятельности. Сочувствие народа этой деятельности Оттона вызывалось и другим обстоятельством: в смутный период, до утверждения саксонской династии, Германия без сильной королевской власти едва не сделалась добычей кочевников.

Возстание Лиудольфа и Конрада. Усиление королевской власти и упрочение германского единства

Хотя Оттону удалось к концу сороковых годов X в. назначить герцогами своих родственников, однако этим самым он поставил в зависимость спокойствие государства от согласия между членами королевского дома, которое не было особенно прочно. И действительно, уже в 952 г. началась в Германии новая усобица вследствие ссоры сына Оттонова Лиудольфа, герцога швабского, с братом короля Генрихом, герцогом баварским, к владениям которого Оттон присоединил отделенное от королевства Итальянского герцогство Фриульское, хотя Лиудольф имел виды на эту страну. Кроме того Лиудольф, старший сын короля, опасался, что при дальнейшем усилении королевской власти Оттон, подобно отцу своему Генриху, позаботится о том, чтобы преемником ему был избран не старший сын, а один из младших. Совершенно неожиданно Лиудольф приобрел важного союзника в лице зятя короля герцога Конрада Лотарингского, который недоволен был Оттоном, не утвердившим договор Конрада с правителем Италии Беренгарием; мало того, Конрад не получил от Оттона никакой награды за свою победу над возмущившимся против короля вассалом: личная обида, нанесенная Конраду, имела, как это не раз случалось в средние века, важные политические следствия.

Оттону пришлось выступить с войском против сына и зятя, которые объявили себя защитниками местных, племенных интересов и возмутили против короля Швабию и Лотарингию. Лиудольф отправился также к саксонцам и искал союзников для мятежа среди саксонской знати, которая недовольна была стремлением короля утвердить свою власть и государственный порядок в соседних с Саксонией славянских землях, где саксонское дворянство привыкло уже в течение целых столетий произвольно и жестоко распоряжаться.

В то же самое время, когда междоусобная война началась в Швабии и Лотарингии, произошло возстание против Оттона в Баварии и Франконии. Баварцы недовольны были правлением саксонца Генриха и, пользуясь затруднительным положением короля, возстали под предводительством пфальцграфа Арнульфа, который был обижен тем, что по смерти дяди его Бертольда герцогом баварским назначен был не он, а Генрих. Во Франконии сеял смуту архиепископ майнцский Фридрих, недовольный усилением королевской власти. Архиепископу легко удалось возмутить франконских феодалов, которые не могли примириться с новыми порядками, введенными у них Оттоном, после того как он уничтожил герцогскую власть во Франконии и сам стал управлять этой страной. Мятежники действовали не без успеха: перед пасхою 953 г. король попал в их руки; Лиудольф и Конрад заманили Оттона в Майнц и здесь предложили обезоруженному королю условия, от которых он отказался, как от вынужденных, лишь только очутился на свободе.

Смута продолжалась до конца 954 г. и несколько раз положение Оттона было критическим тем более, что возмущившиеся против короля князья призвали на помощь венгров.

Кочевники нахлынули на Германию и опустошали ее до тех пор, пока Оттону не удалось их прогнать. Этим призыванием в страну дикой орды кочевников противники Оттона окончательно погубили свое дело: их сторонники поняли, что усобицы могут довести Германию до гибели, решили для общего блага пожертвовать местными, племенными интересами и стали переходить на сторону победителя венгров—короля, которому поэтому удалось подавить возстание, причем Лиудольф и Конрад были лишены герцогств. Швабским герцогом сделан был вместо Лиудольфа Бургард, хотя и бывший в родстве с королевским домом, но происходивший из Швабии. Отнятую у Конрада Лотарингию Оттон отдал брату своему Брунону, архиепископу кельнскому, который, таким образом, соединил в своем лице две важнейшие должности—герцога, лотарингского и архиепископа кельнского. Сторонник возмущившихся герцогов архиепископ майнцский Фридрих умер еще до прекращения усобицы. Все принимавшие участие в возстании епископы были по повелению Оттона лишены сана и жестоко наказаны, а на их место поставлены преданные Оттону лица. Исход возстания особенно важен потому, что даже баварцы, самое самостоятельное племя в государстве, убедились в необходимости государственного союза для обеспечения племен.

Правление Оттона

После окончательной победы Оттона над непокорными герцогами личность короля получает большое значение в управлении государством. Оттон не любил долго оставаться на одном месте; по всей Германии были разбросаны его замки и дворцы и он часто переезжал из одного в другой, так как желал все видеть, во всех делах принимать непосредственное участие. Эти постоянные переезды короля с места на место сближали его особу с германскими племенами и содействовали объединению Германии. Несмотря на отсутствие постоянной резиденции, Оттон любил окружать себя блеском и пышностью, особенно во время больших праздников. Тогда ко двору являлись высшие представители духовенства с поздравлениями, приезжали герцоги и графы с дарами, князья соседних, зависимых от Германии народов привозили дань. Во время такого съезда король совещался с вельможами о важнейших государственных делах, устраивал церковные соборы, причем сам Оттон заседал среди епископов и аббатов и имел решительное влияние на ход прений.

Отношение Оттона к церкви

Хотя Оттон был глубоко религиозным человеком, однако в первые годы своего царствования он не особенно покровительствовал высшему духовенству, которое во время упадка каролингской монархии стало стремиться к полной независимости, а такие притязания шли в разрез с понятиями Оттона о королевской власти. Во время борьбы Оттона с герцогами большинство епископов явно и тайно поддерживало врагов короля. Поэтому, подчинив окончательно герцогов, король обратил большое внимание на духовенство.

С особенным усердием стал заботиться Оттон о делах церковных с тех пор, как им овладело сильное религиозное настроение, вызванное внезапным несчастьем в его семье: в 946 г. скончалась его супруга Юдифь; все оплакивали кончину доброй королевы, умевшей смягчать суровость своего супруга, но особенно сильное впечатление произвела смерть Юдифи на самого Оттона; он стал искать утешения в священном писании; после кончины супруги Оттон, который не умел до того времени читать, хотя понимал не только немецкую, но также латинскую и славянскую речь, принялся за азбуку и вскоре научился читать

св. книги. Вместе с тем Оттон стал особенно заботиться о церкви, и главным его сотрудником в этом отношении был младший брат его Брунон, с детства предназначенный к духовному сану и получивший поэтому прекрасное для того времени образование у англо-саксонских и греческих монахов.

Сделавшись архиепископом кельнским, Брунон в то же время стоял во главе королевской канцелярии. Благодаря Брунону возстановлена была придворная школа, процветавшая при Карле Великом; ко двору Оттона приглашены были такие ученые, как Ратгер, епископ веронский, Лиутпранд, епископ кремонский, Израиль, епископ шотландский. Благодаря придворной школе дети Оттона, особенно будущий император Оттон II, получили хорошее образование. Эта школа содействовала появлению литературы, правда, весьма своеобразной,—национальной по содержанию и древне-классической по форме. Писали, конечно, по-латыни. Это было как бы второе после эпохи Карла Великого возрождение литературы. Замечательно, что в эту эпоху являются и писательницы-монахини.

Из возстановленной Бруноном придворной школы вышли государственные деятели и новые епископы, уже вполне преданные королю; их содействием Оттон хотел воспользоваться для упрочения нового государственного порядка и для усиления королевской власти. Дело в том, что после борьбы своей с герцогами Оттон отчасти отказался от своей системы замещения герцогских вакансий и раздачи ленов, так как эта система не вполне оправдала его ожидания, не избавила страну от усобиц: и вновь назначаемые ленники, пользуясь при феодальных порядках громадной властью в своих ленах, вскоре делались столь же самостоятельными, как и наследственные.

Возвращаясь к системе своего отца, Оттон начал опять передавать герцогства по наследству от отца к сыну, опять стал назначать герцогами правителей, происходивших из той страны, управлять которою им поручалось. Далее, если граф или другой какой-нибудь ленник, умирая, оставлял сына, способного занять его место, то Оттон стал поручать сыну лен отца, а не назначал на место умершего новое лицо. Но так как наследственность ленов и дальнейшее усиление феодалов должно было ослабить королевскую власть, то Оттон придумал новое средство против усиления вассалов и стал раздавать лены преданным ему представителям духовенства новой школы, выдвигая, таким образом, как противовес против светской аристократии, сословие духовное. В этом сословии наиболее влиятельные места занимались монахами, среди которых не могла, конечно, утвердиться идея наследственности ленов. Как ни щедро раздавал Оттон лены епископам и аббатам, но по смерти каждого из них лен опять возвращался к королю, который отдавал его кому хотел. Кроме того, при господствовавшем еще среди светских феодалов невежестве, образованных, ловких, умелых правителей можно было найти только среди духовенства.

Так как Оттон роздал очень много ленов духовным лицам, то общее управление страпою получило церковный характер; при этом и духовенство должно было заняться многими делами совершенно светскими, духовные лица сделались государственными сановниками; они должны были следить за тем, чтобы их вассалы были всегда готовы явиться по указу короля на военную службу, должны были даже, вопреки канонов церковных, сами предводительствовать на войне. Занимая важнейшие правительственные места в государстве, духовные лица непрестанно призывались ко двору для разрешения разных дел.

Получив большое значение в светских делах, церковь должна была допустить вмешательство короля в дела духовные. Как защитник и покровитель церкви, Оттон считал себя в праве распоряжаться духовными делами: никакой съезд духовенства не мог состояться без его разрешения, никакое, касавшееся церкви постановление не имело силы без его утверждения. Оттон сам учреждал новые епископства, назначал и смещал епископов, по своему усмотрению распоряжался церковными имуществами для политических целей. Однако, духовенство, заняв важнейшие правительственные места, получило также исключительное влияние на дела государственные и на общественный строй самого государства. Церковь в X в., как и в первые эпохи средних веков; была по преимуществу носителем идей; если, благодаря деятельности Оттона, церковь стала в более близкое отношение к государству, то оно должно было взять на себя новые, более широкие задачи. Церковь была в то время единственной властью, употреблявшей доходы с крупного имущества на общественные, а не на частные потребности; будучи обязана своим строем римской императорской эпохе, церковь стала в этом отношении на той точке зрения, которой государства могут достигнуть лишь в эпохи высшей культуры. Тесно слившись с государством, церковь должна была передать ему стремление к достижению этих высших задач; она должна была сделать ближайшим его идеалом воздействие во имя гуманности и нравственности, что далеко выходило за пределы задач древне-германского государства, которое своею целью ставило лишь охранение мира. Те всеобъемлющие формы управления, которые развиты были церковью для достижения идеальных целей, были при Оттоне предоставлены в распоряжение мирской власти для выполнения государственных централистических задач. Только усвоив эти начала, немецкое государство впервые получило возможность быть истинным государством и, вместе с тем, сделаться вполне христианским государством: был проложен путь к тесному слиянию христианской и национальной жизни на церковной почве.

Оттон не только распоряжался по своему усмотрению духовными делами, но также видел в епископах важнейших правительственных чиновников, а в аббатствах—один из главных финансовых источников государства. Все это несогласно было не только с лжеисидоровыми декретами, но даже и с древними каноническими постановлениями, и духовенство, принимая лены от короля, как бы связывало себе руки. Но вновь назначенные Оттоном духовные сановники архиепископы: кельнский (брат короля Брунон) и майнцский (сын короля Вильгельм) полагали, что усиление королевской власти и участие духовенства в управлении содействуют установлению царства Христова на земле.

При слиянии государства с церковью неминуемо должен был возникнуть вопрос о подчинении одной силы другой. Оттон добивался такого слияния, чтобы при помощи церкви господствовать, но чтобы надолго упрочить за собою ее поддержку он должен был иметь власть над всемирным епископом церкви. Неизбежным следствием церковной политики Оттона было стремление обладать Римом, эта политика заставляла национального германского короля добиваться мировой императорской короны, а одною из главных задач императора священной римской империи—к этому сану стремился Оттон—была защита христианства и распространение его по всей земле.

Раздав значительную часть ленов духовенству, Оттон достиг той цели, к которой стремился: власть его стала более сильною, чем до убоицы 952—954 гг. Но следствия этого союза короля с духовенством были благодетельны только до тех пор, пока духовенство во

всем оказывало содействие королю. Впоследствии духовенство, приобрет громадную политическую силу, оказалось не менее мятежным, чем те, кого оно должно было сдерживать. Духовенство вошло в феодальную систему, и король, таким образом, сам содействовал тому, чтобы эта система получила впоследствии еще большее развитие.

Война Оттона с славянами

Много сделано было Оттоном для объединения германских племен и для упрочения в Германии государственного порядка; не менее потрудился он, защищая Германию от внешних врагов и покоряя соседние народы. Еще Генрих подчинил некоторые племена балтийских славян; чешский князь Вячеслав признал над собою его власть, но еще при жизни Генриха произошло в Чехии возмущение: Вячеслав был убит своим братом Болеславом, который захватил в свои руки власть и объявил страну независимой от немцев. Борьба Оттона с Болеславом была продолжительна; девять лет прошло, пока чешский князь опять признал себя ленником германского короля.

Покоренные Генрихом славянские племена, жившие по нижней Эльбе, при первом известии о смерти этого короля отказались повиноваться немцам. Оттон должен был лично выступить против отложившихся племен, заставил славян опять подчиниться и поручил храброму, энергичному маркграфу Герону держать их в повиновении; кроме того, Герону поручено было защищать Саксонию от нападений других племен балтийских славян, еще не покоренных немцами и населявших всю страну между Заалой и Эльбой, с одной стороны, и Одером, с другой. Племена эти (главнейшие из них лютичи и бодричи, делившиеся на ратарей, доленчан, черепнян, гаволян, лужичан, стодорян и брежан) с самого начала царствования Оттона стали нападать на пограничные германские земли, предавая огню и опустошению деревни, убивая жителей. Герону приходилось вести с этими славянами ожесточенную, почти непрерывную войну, причем он наводил своею жестокостью ужас на врагов. По временам только враждующие стороны заключали перемирие. Во время одного из таких перемирий славяне задумали нечаянно напасть на Герона и убить его, но предприятие не удалось: немец оказался коварнее. Герон, не подавая виду, что знает о намерениях славян, пригласил к себе на пир 30 славянских князей, напоил их пьяными до безчувствия и потом приказал всех их убить.

Это кровавое дело еще сильнее воспламенило вражду славян к немцам, и началась между ними борьба, не на живот, а на смерть, борьба особенно тяжкая для немцев, «потому что славяне», рассказывает немецкий летописец: «отличаются удивительною выносливостью, легко переносят величайшие трудности, довольствуясь весьма скудною пищею; им кажется чуть не забавою то, что мы, германцы, переносим с величайшим трудом. (*Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum et quod nostris gravi oneri esse solit, Slavi pro quadam voluptate dicunt.* — Widukindi, *Res Gestae Sax.* II, 20). Но несчастием балтийских славян было отсутствие у них порядка и единодушия; только тогда заботились они об общем благе, когда являлся у них более энергичный князь, умевший подчинять себе своевольных, вообще же княжеская власть была у них очень ограничена. Народы славянские ослабляли друг друга междоусобиями и в конце концов должны были подчиняться немцам.

Начало онемечения балтийских славян

Герон завоевал Сгорелец (переименованный немцами в Бранденбург) и покорил всех славян до Одера, а те славянские племена, которые жили между низовьями Эльбы и Одера были покорены самим Оттоном. Все покоренное население должно было платить дань немцам; кроме того, славяне обязаны были исполнять всякия работы в имениях короля и его вассалов; имения эти образовались из участков, отнятых Оттоном у местных князей и розданных его вассалам немцам. Эти поселенные среди славян вассалы короля должны были постоянно быть готовыми к войне и подавлению возстания. По всей пограничной области настроены были укрепленные города-бурги с особыми начальниками бургграфами, которым подчинены были мелкие вассалы, сами же бургграфы были под непосредственным начальством маркграфа Герона. Так положено было начало немецкой колонизации в славянской стране и вместе с тем онемечению балтийских славян.

Заботы Оттона о распространении христианства среди славян

Впрочем, онемечение балтийских славян шло сначала крайне неуспешно, потому что славяне, покорившиеся немцам после продолжительной, упорной борьбы, продолжали относиться с глубокою ненавистью к своим притеснителям, которые, к тому же, были другой веры и говорили на непонятном славянам языке. Славяне все еще были язычниками и приносили своим богам даже человеческия жертвы. Самою угодною, по мнению славян, жертвою богу войны Святовиту был христианин-немец. Оттон полагал, что страна окончательно умиротворится только после принятия славянами христианства; по повелению короля посланы были к славянам саксонские священники, распространявшие среди язычников христианство под охраною жестокаго маркграфа Герона; из страха пред грозным маркграфом многие славяне приняли христианство, хотя совсем не знали сущности христианскаго учения, так как чужеземцы-проповедники, объяснявшиеся с ними через переводчиков, не объясняли славянам св. писания, а заставляли только бессмысленно заучивать непонятныя славянам латинския слова молитв. В области лужичан, ратарей и гаволян Оттон учредил два епископства и все славяне принуждены были платить духовенству десятину и кроме того особую подать с сохи.

Возстание Стоинева

Само собою разумеется, что суровыя меры Оттона не могли примирить славян с их угнетенным положением и, воспользовавшись первым удобным случаем—последнею борьбою короля с герцогами—они возстали в 954 г. под предводительством энергичнаго князя Стоинева и не только разорили многие из построенных у них бургов, но даже проникли в Саксонию, куда привел их изменивший королю знатный саксонец Вихман. Обстоятельства сначала благоприятствовали славянам: хотя к концу 954 г. усобица в Германии была уже прекращена, однако Оттон не мог еще идти против возмущившихся славян, так как должен был обратить все свои силы против напавших на Германию венгров и только в конце 955 г. мог отправиться против славян.

Прежде чем король выступил в поход против славян, явилось к нему посольство от возставших племен. Послы объявили Оттону, что народ их не может выносить немецких порядков в своей стране; пусть немцы оставят их землю, тогда они будут безпрекословно платить дань Оттону. Король не согласился и возобновилась кровопролитная война. Немцы

опять победили и новыми жестокостями хотели отучить славян от бунтов. Предводитель возстания кн. Стоинев был убит, и голову его воткнули на кол; 700 дружинников Стоинева, попавших в плен, были обезглавлены; советнику Стоинева выкололи глаза, вырвали язык и в таком виде еще живого бросили в кучу трупов. Но и после этого борьба немцев с славянами не прекращалась: еще несколько походов пришлось предпринять Оттону (в 959 и 960 гг.), прежде чем утвердилась его власть над балтийскими славянами.

Подчинение Польши и сношения с Россией

Окончательная победа Оттона над балтийскими славянами оказала сильное впечатление на других соседних славян, и вскоре (в 963 г.) польский князь Мечислав принужден был признать себя ленником Оттона. Даже в далекое русское княжество проникла слава Оттона: в 959 г. явились при его дворе послы от великой княгини русской Ольги, в св. крещении Елены. Трудно определить цель этого посольства, но результатом его было то, что Оттон послал в Россию ученого монаха Адальберта с братиею для проповеди; впрочем, миссионеры Оттона не имели на Руси никакого успеха, так как вступивший в управление государством Святослав приказал прогнать этих немцев из своей земли,—надо полагать, что ему были отчасти известны миссионерские подвиги маркграфа Герона у балтийских славян.

Датская Марка

Война Оттона с балтийскими славянами продолжалась так долго (около 24 лет) потому, что король не всегда мог обращать против них все свои силы, его часто отвлекали усобицы в Германии, борьба с датчанами и особенно с венграми. Датчане, соединившиеся тогда под властью Гарольда Синезубаго, уничтожили Датскую Марку (Dannmark), учрежденную еще Генрихом I, и сожгли германские поселения в этой Марке. Оттон во главе многочисленного войска проник далеко в глубь Ютландии, сделал Гарольда своим вассалом, восстановил германские поселения на границе с Данией и снова присоединил Шлезвиг к Германии.

Борьба Оттона с венграми

Борьба Оттона с венграми имела несравненно большее значение, чем поход его в Данию, и началась вскоре после воцарения Оттона, так как венгры, узнав о смерти их победителя Генриха, бросились на Германию; больших усилий стоило тогда Оттону прогнать дикие орды кочевников. После этого нашествия, венгры повторяли свои набеги всякий раз, когда Оттону приходилось вести борьбу с герцогами, но с 945 года набеги венгров редко были удачны, так как новый герцог баварский Генрих усердно их отражал; только во время последней борьбы Оттона с герцогами венгры, призванные возставшими против короля вассалами, проникли в глубь страны, но все-таки были прогнаны Оттоном. Через год (955 г.) венгры повторили набег с гораздо более значительными силами. Огромная венгерская орда проникла в Баварию и обложила Аугсбург. Туда поспешил Оттон в июле 955 г. Один из немецких князей, бывший пфальцграф баварский Арнульф, призвавший во время возстания венгров, дал им на этот раз знать о движении Оттона. Венгры оставили Аугсбург и расположились на обширной равнине у левого берега Леха. Германское войско было в несколько раз меньше венгерского; поэтому решено было отложить сражение до прибытия подкрепления из Франконии и Швабии.

Битва при Лехе и ее значение

Оттон расположился лагерем на левом же берегу Леха, недалеко от табора венгров. Когда подошли подкрепления, Оттон не мог уже сдерживать свое войско, горевшее нетерпением сразиться с ненавистным врагом. Накануне решительной битвы в немецком войске все постились и исповедывались, готовясь к смерти. В самый день сражения,—это было 10 августа, на память св. муч. Лаврентия—на разсвете совершено было в лагере Оттона торжественное богослужение. Коленопреклоненный король со слезами молился в виду всего войска, причастился св. Таин и дал обет в случае победы построить храм во имя св. Лаврентия. Горячая молитва воодушевила войско; с распущенными знаменами бодро выступили немцы из лагеря.

Войско германское было разделено на восемь колонн; каждая колонна состояла из 1000 прекрасно-вооруженных всадников, из которых каждый имел при себе конюха и несколько слуг. Первые три колонны состояли из баварцев; в четвертой колонне шли франконцы, которыми командовал Конрад, бывший герцог лотарингский; он хотел верною службою против врагов отечества и христианства загладить свое участие в возмании против Оттона. Ядро войска составляла пятая колонна, которою начальствовал сам Оттон. Короля окружали самые храбрые воины, выбранные из всего войска. Последние три колонны состояли из швабов и чехов. Не успели еще немцы приблизиться к табору венгров, как Оттону донесли, что часть неприятельскаго войска наступает с тылу. Дело в том, что ночью на 10 авг. Булцу, кархан или главный предводитель венгров, переправил часть своего войска на правую сторону Леха. Этот отряд расположился против лагеря Оттона, находившагося на левом берегу, и незаметно наблюдал за движениями немцев; лишь только они выступили из своего лагеря к неприятельскому, отряд венгров перешел на левый берег, очутился в тылу немцев и напал на колонны, бывшие в арьергарде. Швабы и чехи не устояли, многие из них были убиты и взяты в плен; обоз попал в руки неприятеля, и венгры стали приближаться с тылу к той колонне, которою начальствовал сам король. Тогда Оттон приказал Конраду, стоявшему с франконцами впереди королевской колонны, повернуть фронт, выдвинуться из общей линии войска и напасть на венгров, напавших с тылу. Конрад сделал искусное движение, внезапно напал на венгров, обратил их в бегство, освободил пленных швабов и чехов, отбил обоз.

Тогда только когда было отбито нападение с тылу, можно было начать сражение с главными силами венгров. Оттон приказал расширить боевую линию так, что в нее вошли три первые баварския колонны и та колонна, которою начальствовать он сам; затем король обратился к воинам с такою речью: «Теперь настало время показать мужество и любовь к отечеству; перед вами неприятель, много превосходящий вас числом, но вам ли бояться его? Вы вооружены гораздо лучше венгров и, что главнее всего, с вами Бог, ваше самое надежное оружие. Смело пойдем на врага, лучше пасть в битве со славою, нежели жить в позорном порабощении». Сказав эти слова, Оттон взял щит и священное копьё и первым устремился на своем боевом коне против неприятеля. Все войско последовало за королем, венгры не выдержали этой стремительной, единодушной атаки. Сражение было непродолжительно, неприятель обратился в бегство. Много тысяч венгров было перебито немцами, которые преследовали неприятеля на большом расстоянии. Храбрый Конрад, так успешно начавший битву, пал во время сражения смертью героя. Весь лагерь венгров достался побе-

дителям и все захваченные венграми во время похода пленники были освобождены.

Битва при Лехе принимается некоторыми за конец переселения народов, так как венгры, в течение полустолетия опустошавшие Францию, Германию и Италию после нанесенного им при Лехе страшного поражения перестали совершать набеги, начали мало по малу покидать кочевой образ жизни, стали принимать христианство и окончательно утвердились в плодородной дунайской низменности, западную часть которой успели все-таки занять немецкие поселенцы, защищавшие восточную часть Баварии и образовавшие Восточную Марку (Ostmark), из которой впоследствии возникло герцогство Австрия (Oestreich). Победа над венграми, которую современники по ее всемирному значению сравнивали с победой Карла Мартела над арабами, сделала Оттона как бы защитником всего западно-европейского христианства от нападений языческой орды, достойным императорского титула. Собравшиеся вечером, после сражения на Лехском поле вельможи приветствовали Оттона императором.

Отношения Оттона к Бургундии, Франции и Италии

Оттон, действительно, стал стремиться к получению императорской короны, что обусловливалось, между прочим, и политическим влиянием его в тех частях империи Карла Великого, которые со времени Карла Толстого не были соединены с Германией. Зять Оттона, король западных франков Людовик IV, неуспешно боровшийся со своими вассалами и даже захваченный в плен герцогом Франции Гуго Великим, просил помощи у короля Германского. Оттон совершил несколько походов в страну западных франков и, наконец, в 950 г., благодаря содействию духовенства, заставил герцога Гуго признать Людовика королем. В благодарность за это Людовик отказался от своих притязаний на Лотарингию. Таким образом, Оттон утвердил свое влияние во Франции, которая некоторое время была в вассальных к нему отношениях. Еще большим влиянием пользовался Оттон в королевстве Бургундском, которым до 943 г. управлял, как опекун несовершеннолетнего короля бургундского Конрада.

Будучи попечителем бургундского королевского дома, Оттон не мог не вмешаться в дела Италии, так как бургундские каролинги с самого начала X в. старались подчинить своей власти Ломбардию, где от 888 г., когда свергнут был Карл Толстый, постоянно шла борьба между разными претендентами на престол, родственниками Каролингов. С 926 г. королем Италии был Гуго, отчим короля бургундского Конрада, воспитанника Оттонова. Этот Гуго женил, конечно, не без согласия Оттона, сына своего Лотаря на сестре своего пасынка короля Конрада, юной Адельгейде. Так начались между Оттоном и королем Италии Гуго дружественные отношения, которые испортились только тогда, когда в Германию убежал один из вассалов короля Гуго—маркграф иврейский Беренгарий, замышлявший овладеть Италией. Впоследствии, в 947 г., по смерти короля Гуго, Беренгарий не без содействия Оттона возвратился в Италию и сделался правителем Ломбардии, хотя королем считался Лотарь, сын Гуго.

Оттон и Адельгейда

Лотарь умер в 950 г., и Беренгарий поспешил принять титул короля. Но молодая вдова Лотаря, Адельгейда, славившаяся красотой и умом, пользовалась в стране большим расположением; ее сторонники полагали, что не Беренгарию следует принять титул короля, а

тому, кого вдовствующая королева изберет себе в супруги. Поэтому Беренгарий предложил Адельгейде выйти замуж за сына его Адальберта. Адельгейда отказалась и была посажена в мрачную тюрьму, в уединенном замке, на берегу оз. Гарда. В тюрьме вдову короля подвергали всяким унижениям и даже истязаниям; из всей многочисленной свиты ей оставили одну служанку и духовника. Между тем Беренгарий, сделавшись королем, вызвал всеобщее неудовольствие своею несправедливостью, и это обстоятельство содействовало усилению сочувствия к Адельгейде. Один из ее сторонников, епископ Адельгард, нашел возможность сообщить томившейся в тюрьме королеве о своей готовности дать ей убежище в принадлежащем ему замке Каноссе. Тогда бывший при Адельгейде священник вместе с ее служанкою вырыли подземный ход под стеною тюрьмы; этим ходом вывели Адельгейду и после многих приключений и опасностей привели ее в Каноссу, где она была уже в полной безопасности.

Из Каноссы Адельгейда обратилась с жалобой на Беренгария к бывшему опекуну своего брата, королю Германии. Оттон, конечно, знал о нравственных достоинствах и красоте сестры его воспитанника и решил не только выступить ее защитником, но и жениться на ней. К этому браку побуждала Оттона, кроме симпатии к Адельгейде, еще надежда овладеть Италией при помощи той партии, которая сочувствовала несчастной королеве; вместе с тем Оттон надеялся принять уже 30 лет никем не носимый титул императора, на что, казалось, имел полное право, будучи, по женской линии, потомком Карла Великого и нося титул короля франков. С большим войском прибыл Оттон в 951 г. в Ломбардию и был радушно принят недовольными Беренгарием феодалами. Овладев столицей Ломбардии Павией, Оттон отправил в Каноссу к Адельгейде послов с богатыми дарами просить ее руки и пригласить ее в Павию. Посольство было принято Адельгейдою благосклонно, она отправилась в Павию, где состоялось ее бракосочетание с могущественнейшим государем Европы. Адельгейда достигла такого величия спустя короткое время после самых тяжких бедствий и унижений; ее удивительная судьба осталась в памяти народа, который упоминает во многих легендах о романтической судьбе этой королевы.

Первые переговоры о принятии императорского титула

Овладев Ломбардией, Оттон вступил в переговоры с папою Агапитом II относительно восстановления империи и венчания его, Оттона, императорскою короною. Но папство, достигшее в половине IX в. большого могущества при великих папах Николае I и Иоанне VIII, ко времени Оттона пришло в совершенный упадок. Ряд позорных пап, достигших позорными средствами престола, так унизили папство, что в 932 г. римлянину Альберiku удалось овладеть Римом и церковною областью. Двадцать два года правил Альберик со славою Римом, предоставляя папам ведать только церковные дела. Само собою разумеется, что Альберик, самостоятельно правивший Римом, не соглашался впустить туда Оттона, который прежде всего лишил бы Альберика власти. Поэтому Агапит, действовавший в пользу Альберика, должен был отказать в содействии Оттону, и ему для получения императорской короны оставалось только идти с войском на Рим, чтобы низложить Альберика. Но обстоятельства сложились так, что Оттон должен был отложить поход на Рим. Дело в том, что Беренгарий не был еще окончательно побежден, в Германии опять началась усобица—возстание Лиудольфа и Конрада. Поэтому Оттон возвратил Беренгарию Ломбардию, заставив его присягнуть себе, как сюзерену, а сам поспешил в 952 г. в Германию.

Избрание Оттона II в короли

Только к 960 году в Германии восстановлено было полное спокойствие, и Оттон стал помышлять о новом походе в Италию с целью довершить то дело, которое пришлось отложить в 952 г. Но прежде чем предпринять поход в Италию для получения императорской короны, Оттон созвал в мае 961 г. знатнейших светских и духовных лиц в Вормс, где по желанию короля избран был ему в преемники сын его от Адельгейды—Оттон (Лиудольф скончался до 961 г.). Королевичу Оттону было только 7 лет и он не только был избран в преемники своему отцу, но даже торжественно коронован в Ахене своим дядею, архиепископом кельнским и братом архиепископом майнцским. Избрание такого юного короля считалось явлением необычайным и, действительно, стоит в некотором противоречии с принципом свободного избрания.

Оттон, Беренгарий и Иоанн XII

Устроив дела в Германии, Оттон занялся приготовлениями к походу в Италию, куда еще с 954 г. его звали итальянские князья, притесняемые Беренгарием, совсем не исполнявшим своих ленных обязанностей по отношению к Оттону; но тогда Оттон, занятый подавлением междоусобий и борьбою с венграми и славянами, не мог действовать более или менее решительно против Беренгария. Однако просьбы о помощи из Италии не прекращались. В 960 году с такою просьбою обратились к Оттону из Рима, где с 952 года обстоятельства переменились. В 954 году скончался Альберик; светская власть над Римом и церковною областью перешла к шестнадцатилетнему сыну его Октавиану, который по смерти папы Агапита II в 955 году, семнадцати лет от роду, сам вступил на папский престол под именем Иоанна XII и, таким образом, опять соединил духовную власть римского первосвященника со светскою властью государя Рима и церковной области. Иоанн XII не обладал блестящими способностями своего отца, и этим спешил воспользоваться Беренгарий, чтобы увеличить свое королевство на счет церковной области. Теснимый Беренгарием, папа просил помощи у Оттона, приглашал его в Рим, изъявляя готовность возложить на него императорскую корону, если он возвратит церковной области захваченные Беренгарием земли. Так предлагал Оттону императорскую корону сам Иоанн XII, отец которого не соглашался даже впустить Оттона в Рим.

Предложение Иоанна было сделано Оттону как нельзя более кстати. Во-первых, в западной Европе продолжало господствовать убеждение, что империя римская не перестала существовать, хотя по временам и не было императора, было междуцарствие. Воспоминания о славной эпохе Карла Великого, при котором императорская власть восстановлена была посл трехвекового междуцарствия, еще более утверждали в этой мысли, а бедствия, постигшие Западную Европу вскоре после Карла Великого, во время бездействия императорской власти, были, казалось, самым ясным доказательством необходимости объединения всего западно-европейского христианского мира под властью императора. С другой стороны, никто, казалось, не был более способен восстановить императорскую власть, чем Оттон, избавивший христиан Западной Европы от нашествий кочевников, распространивший христианство среди язычников славян, владевший самым могущественным в Европе королевством, носивший к тому же титул короля франков и бывший по женской линии потомком великого императора Карла.

Положение Италии в пол. X в.

Не мало облегчало Оттону задачу восстановления империи и положение, в котором тогда находилась Италия. Множество мелких владетелей, едва признававших власть государей, носивших титул королей Италии, довели до полного разорения эту страну, страдавшую в то же время от набегов венгров и завоеваний арабов.

Вследствие этих опустошительных нашествий значительная часть населения Италии собралась в города и, возобновив укрепления прежних времен, отсиживалась за ними от набегов неприятеля. Это скопление населения в городах, вызванное страшным бедствием, разорением деревень, имело и некоторые благоприятные последствия: с одной стороны, оно способствовало быстрому развитию городской жизни и вместе с тем процветанию некоторых ремесл и искусств, с другой стороны, общая опасность и необходимость жить вместе под охраною городских стен способствовали сближению различных элементов населения, романских и германских, и ускорили их слияние, вырабатывая общий язык и сглаживая различие в обычаях. Но в то же время ненадежность всех условий жизни имела крайне дурное влияние на нравственное состояние общества. Все торопились жить, и мелкое честолюбие при господствовавшем беззаконии спешило поскорее достигать своей цели, не разбирая средств: на чьей стороне была сила, тот пользовался ею, как тиран; вероломство, двоедушие, коварство и жестокость вошли как бы в закон общественной жизни страны. Подобное воззрение на жизнь не могло не отразиться на общественных и семейных нравах; в первой половине X в. разврат достиг в Италии крайних пределов.

От церкви в это время нельзя было ожидать спасения, хотя и не было среди духовных лиц недостатка в строгих и серьезных людях, которые с ужасом смотрели на то «сатанинское господство», которое охватило тогда все общество в Италии. Епископы, достигшие при полном упадке центральной власти большого могущества, мало отличались своими нравами от мирской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, которые оказывали лишь весьма слабый отпор общей испорченности, но хуже всего было то, что не избегло общей испорченности и папство, которое раньше не для одной только Италии было источником указания и назидания в деле веры и совести. Папы сделались орудием разных партий и знатных фамилий. В течение почти полувека две знатные, но порочные римлянки, Феодора и ее дочь Мароция, возводили на папский престол своих не менее порочных родственников и друзей, пользуясь для того тайными убийствами и другими подобными средствами. Папство пришло в совершенный упадок.

Хотя Октавиан, сделавшись под именем Иоанна XII папою, снова соединил духовную власть папы с властью государя Церковной Области, но от этого положение дел несколько не улучшилось, так как юноша Иоанн превосходил порочностью своих предшественников и всем казалось, что только сильная власть императора может водворить порядок в Италии и церкви. Оттон же тем более мог рассчитывать на успех в Риме, что сам папа его приглашал туда. Принимая предложение Иоанна, Оттон клятвенно подтвердил все права папы, обязался возвратить Церковной Области все земли, захваченные соседними владетелями, но в то же время объявил, что, короновавшись императором, он сам, подобно Карлу Великому, будет верховным сюзереном Рима и церковной области. В политическом отношении просьба Иоанна XII до некоторой степени напоминает обращение папства к Пипину Короткому за 200 лет перед тем: вмешательством извне папа старается избавиться от домаш-

няго врага.

Второй поход Оттона в Италию и принятие императ. титула

Предоставив управление Германией брату Брунову и сыну Вильгельму, поручив их заботам своего младшего сына, незадолго перед тем коронованного королем, Оттон осенью 961 г. в сопровождении супруги, с большим войском, в котором были даже отряды славян, отправился в Италию. Войско Беренгария было вскоре рассеяно немцами, Ломбардия опять подчинилась Оттону, который 31 января 962 г. беспрепятственно подошел к Риму.

На встречу Оттона вышел из вечного города крестный ход, в котором принимала участие вся римская знать; представители знатнейших родов римских приветствовали короля, целовали его ноги и посадили на коня, присланного папою. По улицам, переполненным неслетными толпами народа, в торжественной процессии ехал Оттон до храма св. Петра; на ступенях церкви, в полном облачении, окруженный духовенством сидел папа на золотом троне. Когда король сошел с коня и поднялся по мраморным ступеням, папа встал, поцеловался в уста с королем и подал ему руку. Затем подошли к так называемым серебряным воротам храма. Прежде, чем войти в собор, Оттон торжественно объявил, что явился в Рим обезпечить благо города и церкви и подтвердить за папою пожалования прежних императоров.

2 февраля, в день Сретения Господня, Оттон и Адельгейда были коронованы Иоанном XII императорскою короною.

Отношение Оттона к папе

Оттон, сделавшись императором, приобрел верховную власть над Римом, и папа стал владеть этим городом и Церковною Областью только, как ленник императора; Иоанн XII и римские граждане поклялись над «драгоценным телом св. Петра» соблюдать верность по отношению к императору и никогда не оказывать помощи ни Беренгарию, ни сыну его Адальберту. Вскоре Иоанну пришлось убедиться, что Оттон не только стеснил его светскую власть, но также будет вмешиваться в дела церковные. Из Рима Оттон уехал в Павию, и, как верховный защитник церкви, созвал там собор для решения некоторых важных дел. Папа на этот собор приглашен не был, а епископов Оттон старался привлечь на свою сторону и щедро раздавал им иммунитеты. Слишком поздно понял Иоанн, что он сам выпустил из рук ту власть, которая ему досталась благодаря подвигам его отца, и стал подумывать о том, как бы избавиться от своего защитника.

Из Павии Оттон отправился против Беренгария, который все еще держался в одном из укрепленных замков, но и на этот раз императору не пришлось покончить с Беренгарием. Оттону донесли, что Иоанн бунтует римлян против императора, вступил в сношения с Адальбертом и по прежнему ведет весьма развратную жизнь. Сначала Оттон не предпринимал еще решительных мер против Иоанна; «Папа еще мальчик», говорил император: «пример хороших людей может его исправить». Но Иоанн не думал об исправлении. Он вошел в сношения с византийским императором, пригласил в Рим Адальберта, которому помогали неверные арабы; этого мало—папа послал доверенных лиц к язычникам венграм с целью побудить их к новому нашествию на империю. Узнав об этом, Оттон приостановил военные действия против Беренгария, немедленно отправился с войском к Риму и осадил резиденцию папы. Иоанн принужден был бежать, и римляне отворили ворота императору.

Оттон воспользовался победой как нельзя лучше; он заставил римлян вторично присягнуть ему и дать торжественное обещание «не избирать и не поставлять никого папою без согласия и избрания императора» (*praeter consensum atque electionem domini Imperatoris Augusti*). Так должны были римляне отказаться от важнейшего принадлежавшего им права свободного избрания папы, император же приобрел такое преимущество, какого не имел и Карл Великий: замещение папского престола стало так же зависеть от Оттона, как и назначение епископов в Германии, и император немедленно показал, что желает в полной мере воспользоваться приобретенным правом. Как изменились обстоятельства за 100 лет! В 866 г. папа Николай I судил короля Лотаря II, правнука Карла Великого, а в 968 г. император выступает уже судьей папы.

Для суда над папою Оттон созвал в Риме собор, состоявшийся под его председательством. Иоанн, конечно, не явился на суд, и доклад о его преступлениях был заслушан собором в его отсутствие. Затем отцы собора, руководимые императором, просили его, «чтобы он изгнал из святой римской церкви то чудовище, пороки которого не могут быть искуплены никакою добродетелью, и на его место поставил другого, который представлял бы образец добродетельной жизни». Иоанн был низложен «за развращенные нравы», а папою, с согласия Оттона, избран Лев VIII. После избрания нового папы, Оттон опять обратился против Беренгария, взял его в плен и сослал в Бамберг. Не смотря на это, Италия не скоро успокоилась. Иоанн имел не мало сторонников среди римлян, которым совсем не нравилось подчинение чужеземцу Оттону. Неудивительно поэтому, что уже в начал 964 г. вспыхнуло возмущение против императора и его ставленника Льва. В феврале 964 г. Иоанн вступил в Рим и снова занял папский престол, а Лев VIII спасся бегством и обратился за помощью к императору, который не успел еще удалиться из Италии. Оттон направился с войском к Риму, но еще до прибытия императора Иоанн внезапно умер; по словам летописца, папа скончался от раны, нанесенной ему в одной загородной вилле дьяволом; надо полагать, что роль дьявола была на этот раз исполнена одним оскорбленным супругом. По смерти Иоанна XII, римляне все-таки не пожелали подчиниться немецкому ставленнику Льву VIII, а избрали и поставили папою Бенедикта XI, без согласия Оттона, вопреки данной ему присяге. Но император осадил Рим и, взяв город, низложил Бенедикта XI, а римлян заставил снова признать папою Льва VIII. Таким образом, Оттон показал, что никто не может сделаться папою без его согласия.

Империя Оттона

Только в январе 965 г., после трехлетнего отсутствия, возвратился Оттон в Германию, возстановив Священную Римскую империю. Но эта империя многим отличалась от империи Карла Великого, даже территория ее была несколько иная. Так, на Пиренейском полуострове Оттон вовсе не имел владений; во внутренние дела Франции и Бургундии он и не вмешивался, хотя Людовик IV и Конрад признавали его своим сюзереном. Даже та часть Италии, которая завоевана была Оттоном (южная Италия, как и при Карле Великом, все еще принадлежала византийскому императору), не составила одного государства, с Германией: для Италии был особый канцлер, особые законы. Таким образом, в возстановленной Оттоном империи части монархии Карла Великого составили как бы союз государств, причем под непосредственным управлением Оттона были только Германия и значительная часть Италии. Если ученые современники и связывали с императорскою короною притяза-

ние на всемирное господство, то политик X столетия, которому известна была печальная судьба этой короны со времени падения Каролингов, мог признать в ней только символическое значение нравственного превосходства немецкого государства над слабейшими соседними государствами и фактического права верховной защиты церкви. Так думал и Оттон; из нового своего величия он не создал притязания на неограниченную власть в Италии, как это делал Карл Великий по образцу римских цезарей. Императорскою властью Оттон пользовался главным образом для господства над церковью.

Но если на западе и на юге власть нового императора была слабее, нежели власть Карла Великого, то на севере и востоке Оттон довершил многое из того, что было только начато Карлом. Считая одною из главных задач императора защиту и распространение христианской веры, Оттон деятельно заботился об утверждении христианства среди покоренных им Балтийских славян и, кроме того, положил начало их онемечению, поселив между ними своих вассалов. Чешский князь и датский король были ленниками Оттона и платили ему дань. Датский король вскоре после своего подчинения Оттону, в 966 г. принял крещение и крестил свой народ. Польский князь Мечислав, крестившийся около того времени под влиянием своей супруги Домбровки, должен был позволить немецким проповедникам распространять христианство в Польше. Сношения Оттона с Россией указывают на то, как далеко на восток распространилось влияние императора.

Отношения к арабам

Не на одном только востоке пользовалось почетом имя Оттона. В 950 г. кордовский калиф Абдеррахман прислал к Оттону послов, которые просили государя Германии принять на себя посредничество между арабами и христианами северной Испании. Так начались сношения Оттона с арабами; при помощи этих сношений он надеялся остановить поступательное движение мусульман, которые в то время не только отняли у греков Сицилию, но даже заняли некоторые пункты в южной Франции и завладели в южной Италии некоторыми городами, принадлежавшими грекам. Но, само собою разумеется, дипломатические представления не подействовали на арабов, и Оттон составил план силою изгнать неверных из Сицилии и южной Италии.

Третий поход в Италию

Сознание необходимости принять решительные меры против поступательного движения арабов явилось у Оттона во время его третьего похода в Италию. Этот поход был предпринят императором вскоре после возвращения в Германию: в январе 965 г. Оттон возвратился из Италии, а в августе 966 г. был вынужден опять отправиться в эту страну, так как римляне снова возмутились против папы, возведенного на престол по указанию императора. На этот раз Оттон строго наказал бунтовщиков: 13 вожаков возстания было повешено, многие сосланы в Германию. Для предупреждения волнений на будущее время Оттон назначил в Риме своего префекта, который должен был управлять городом вместе с папою, ставленником императора. Устроив таким образом дела в Риме, Оттон захотел обезопасить своему сыну на случай своей смерти императорскую корону. Поэтому в Рим был вызван 14-летний король Оттон, принимавший уже участие в управлении Германией, конечно, под руководством старшего брата, архиепископа майнцского Вильгельма, который сделался канцлером по смерти Брунона, случившейся в 965 г. Молодой король прибыл в Рим и в

праздник Рождества 967 г. был коронован императорскою короною подобно тому, как и сын Карла Великого Людовик был коронован еще при жизни своего отца.

Отношения к Византии

Во время пребывания старого императора в Риме к нему обратились за помощью против арабов некоторые князья южной Италии. Оттон охотно согласился помогать им и привел их в ленную от себя зависимость, хотя эти князья считались подвластными византийскому императору. Престол византийский занимал в это время весьма энергичный император, знаменитый полководец Никифор Фока. Узнав об измене князей южной Италии, Никифор немедленно собрал войско, чтобы наказать изменников, но вскоре явилось к нему посольство от императора Оттона I, который просил у Никифора руки падчерицы его, дочери императора Романа II, для своего сына-императора. Эта царевна была сестрою царевны Анны, на которой 16 лет спустя женился великий князь русский Владимир. Оттон надеялся, что южно-итальянские владения греков будут отданы его сыну, как приданое, но Никифор и слышать не хотел об уступке своих владений в южной Италии. Переговоры были прерваны и началась война. Оттон отправился с войском в южную Италию, но, не имея флота, он не мог прочно утвердиться в этой стране, так как греки постоянно получали с моря подкрепления.

Более двух лет продолжалась в Южной Италии война с переменным счастьем. Оттон не прекратил военных действий и по смерти Никифора (970 году), когда в Константинополе воцарился Иоанн Цимисхий. Занятый войною со Святославом, Цимисхий не мог обратить всех сил против Оттона и отправил к нему послов, которые объявили, что византийский император согласен дать в супруги Оттону II царевну Феофано, но никогда не согласится на уступку своих итальянских владений. Так как война продолжалась уже около трех лет и введена была с сомнительным успехом, то Оттон согласился на предложения Цимисхия тем более, что новый византийский император изъявил согласие признать императорский титул Оттона, на что не соглашался Никифор. В Константинополь отправлено было Оттоном блестящее посольство с архиепископом кельнским во главе за царевною Феофано. В начале 972 г. Феофано прибыла в Италию, 14 апреля состоялся ее торжественный въезд в Рим, где она была коронована императорскою короною и обвенчана с Оттоном II, которому было тогда 17 лет.

Кончина Оттона

Оба императора, отец и сын с супругами пробыли в Риме до мая 972 г. и только в сентябре возвратились в Германию, в которой старый император не был с 966 г. За время шестилетнего отсутствия императора, в Германии скончались старший сын его архиепископ Вильгельм, дочь Лиутгарда и мать Матильда. Вдова Генриха погребена была рядом с могилою ее супруга в Кведлинбурге и туда поспешил Оттон по возвращении в Германию поклониться гробу матери. В Кведлинбурге же императоры праздновали Пасху 973 г. По случаю праздника ко двору Оттона съехались герцоги и все знатнейшие духовные и светские вельможи Германии и Италии, явились с поздравлениями и привезли дань польский князь Мечислав и чешский Болеслав II, а король датский прислал с данью большое посольство. Кроме того, прибыли в Кведлинбург с поздравлениями послы из России, Болгарии, Греции. Даже венгры, недавно злейшие враги Германии, прислали к Оттону посольство с дара-

ми. Это блестящее собрание живо напоминало императору о всех подвигах его многотрудной жизни, было наглядным указанием всех достигнутых им успехов.

Во время пребывания в Кведлинбурге Оттон по прежнему проявлял необыкновенную деятельность; между прочим он снарядил миссию в Венгрию для проповедывания христианства, но дни императора были уже сочтены: все видели, что смерть близких родных сильно повлияла на Оттона, он вдруг как-то одряхлел и постарел, хотя ему шел только 62-й год. Чувствуя необходимость в отдыхе, Оттон после пасхальных торжеств отправился в замок Мемлебен, где в 936 г. скончался Генрих I. В Мемлебен Оттон прибыл 6 мая 973 г. Путешествие очень утомило старого императора; однако на следующий день он по привычке поднялся на разсвете, чтобы не опоздать к заутрени. Весь день Оттон чувствовал себя слабым, но не терял бодрости и даже шутил за обедом, но когда несколько часов спустя он стоял в церкви за вечерней, то внезапно почувствовал упадок сил и лишился чувств. Стоявшие кругом князья поддержали его и перенесли на кресло, вскоре император пришел в себя и сказал, что желает причаститься Св. Таин. Несколько минут спустя после принятия Св. Таин Оттон тихо скончался при пении священных гимнов всеми присутствовавшими в церкви.

Еще современники Оттона удивлялись его подвигам и называли Великим. Это имя вполне заслуженно сохранил он и в истории.

Виталий Эйнгорн.

XXX. Религиозно-общественный идеал папы Григория VII¹

Французская поговорка — «все дороги ведут в Рим», — быть может никогда не заключала в себе более верной характеристики состояния Западной Европы, чем во второй половине XI-го столетия, в дни понтификата Григория VII-го. Рим никогда не был в большей степени, чем в те времена, мирообъемлющим центром, в котором узлом сходились все нити западно-европейской истории, пружиной, все приводящей в действие. Если мы станем на точку зрения великаго папы и взглянем на мир, как он ему представлялся с высоты апостольскаго престола, перед нами, «как с высокой башни», откроются необъятные горизонты: мы будем поражены необычайной широтой той исторической перспективы, которая служит папе ареной деятельности. На севере скандинавския государства, на юге северная Африка, на западе — Испания, на востоке — Киев, Константинополь, армянския церкви малой Азии — таковы географическые пределы кругозора Григория — те крайние пункты земной поверхности, с которыми он так или иначе пребывает в сношениях, на которые простирается если не власть, то деятельность преемника св. Петра.

В этих пределах перед нами развертывается необычайно разнообразная панорама. На севере христианские миссионеры одерживают победу за победой: великий перелом совер-

1 Предлагаемая статья представляет собою извлечение из только что напечатаннаго труда автора — «Идея Божескаго царства в творениях папы Григория VII и публицистов его времени». Главнейшими источниками как для статьи, так и для названной работы послужили: Monumenta Gregoriana (Jaffe, Bibliotheca rerum germanicarum, т. II), два тома Monumenta Germanicae Historica, libelli de lite imperatorum et pontificum (S. XI, XII), Monumenta Germaniae, Scriptores; издание Пертца (первые 14 и 20 том), сочинения Петра Дамиани (изд. Migne, два тома) и Mansi, Sacrorum Concillorum Nova et amplissima collectio. Из пособий в особенности важны: *Gieshbrecht*, Geschichte der Deutschen Kaiserzeit, *Meyer von Knonau*, Jahrbucher des deutschen Reichs, *Gfroerer*, Papat Gregorius VII; *Martens*, Gregor VII, Sein Leben und Wirken; *Hauck*, Kirchengeschichte Deutschlands; *Mirbt*, Die Publicistics im Zeitalter Gregors VII. Мы не считаем нужным давать здесь биографическые сведения о Григории, так как русский читатель может найти их в общедоступном изложении знатока занимающей нас эпохи — харьковскаго профессора Вязигина (Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность, библиогр. библ. Павленкова). В другом труде — «Личность и значение Григория VII в исторической литературе» (П. 1892) тот же автор подвергает основательному критическому разбору главнейшия из указанных пособий и дает весьма подробныя библиографическые указания.

шается в Швеции, которая обращается из язычества в христианство. На юге и юго-востоке мусульмане теснят христиан и служат вечной угрозой для одряхлевшей византийской империи. На западе совершается наступательное движение христиан против мусульман, у коих испанские дружины вместе с французскими рыцарями отвоевывают пядь за пядью родную землю. Норманнские князья—Рожер и Роберт Гюискар одерживают ряд побед над сарацинами и завершают завоевание Сицилии. «Схизматики» Греки находятся в непрерывном колебании между старинной враждой к апостольскому престолу и страхом перед мусульманскими нашествиями, который заставляет византийских императоров обращаться к помощи славы латинского христианства, искать сближения с ним. В средней Европе папа озабочен судьбами Франции, которая находится в состоянии полнейшей анархии; не сдержанные уважением к королевской власти, французские феодалы ведут между собой непрерывные частные войны, и сам король, бессильный управлять своим государством, предпринимает разбойничьи подвиги, грабя на больших дорогах проезжих купцов. В отдаленной Англии у апостольского престола имеется друг, не всегда, впрочем, верный и надежный: это «перл между князьями»,—Вильгельм Завоеватель, покоривший Великобританию с благословения римского первосвященника. А в соседней Германии, на глазах Григория, возгарается пламя всеобщего междоусобия. Здесь в начале его понтификата идет междоусобная война между королем и его возмущившимися подданными: здесь вопреки надеждам папы устроить мир— зарождался церковный спор, полувекковая борьба между святительскою и царскою властью.

Этнографический состав тех областей, на которые простирается влияние папы, отличается чрезвычайной пестротой, и территориальные пределы его духовной власти безпрестанно меняются: в числе корреспондентов, к коим обращаются папские послания фигурирует русский князь Изяслав Ярославич, коего сыну—Ярополку папа именем св. Петра «отдает» Киев, рядом со Свеном—датским королем, Аназир, мавританский царь, рядом с испанским епископом Симеоном.

Уже одно это пестрое разнообразие корреспондентов папы, среди коих имеются лица самых различных общественных положений, представители всех возможных стран и народностей,—указывает на разнообразие деятельности Григория и на необычайную широту его стремлений. В творениях этого папы весь христианский мир того времени находит себе отражение. Эта широта географического кругозора великого святителя свидетельствует не только об объеме его власти и влияния: она обуславливается необычайной широтой того политического и общественного идеала, который связывает его как главу католического христианства со всеми концами вселенной. Он хочет всех привести к единству стада Христова под властью единого вселенского пастыря, сплотить человечество во единое социальное тело, устроить на земле единое «*божеское царство*». Во имя этого идеала папа признает себя ответственным пред Богом: «раб рабов» Божиих он, обязанный пекусь обо всех—«всем одинаково должник»—народам близким и отдаленным.

Григорий—преемник Августина

I. В задачу настоящего очерка не входит ни жизнеописание Григория, ни изложение тех исторических событий, коих он был свидетелем и участником. Мы ограничимся здесь краткой характеристикой того религиозно-общественного идеала, которому он служил как практический деятель и как мыслитель-теоретик.

Прежде всего следует констатировать, что идеал этот не нов и не составляет результата изобретения мысли самого Григория. Великий папа продолжает дело, до него начатое, изменяет и развивает начала, раньше его высказанные.

В жизни своей всемирной паствы он стремится осуществить ту идеальную программу, которая уже в V веке выразилась в общих чертах в знаменитом трактате блаженного Августина «О граде Божием»¹. Для Августина «божеское царство» есть правда вселенной, сокровенный смысл всего существующего. Все в мире подчинено вечному закону Создателя; в основе вселенной лежит единый архитектурный план, от века предначертанный в божественном разуме. Постольку «божеское царство» есть факт вечной действительности: Бог вечно царствует: не только на небе, но и на земле все носит на себе отпечаток Его мысли и воли. Но на земле «божеское царство» достигает совершенного и полного своего обнаружения лишь постепенно, в процессе исторического развития; здесь оно представляет собою не совершившийся факт, а *цель*, к осуществлению которой должна стремиться человеческая воля.

Этим определяется жизненная задача человека, а вместе с тем—политическая и общественная задача человечества. Как в небесной жизни ангелов, так и в земной жизни человечества «божеское царство» должно наполнить все собою, *стать всем во всем*. Единый Бог управляет вселенной, а потому форма «божеского царства» есть *единство*. На небе ангелы и святые составляют единое общество; они живут в совершенном подчинении воле Создателя, иначе говоря,—пребывают в совершенном *единстве* с Ним.

Подобно обществу ангелов и человечество должно собраться во единый социальный организм—объединиться во единый храм Божий. На земле мысли Создателя противятся греховные влечения человеческой природы; вследствие грехопадения прародителей человечество подчинено власти наследственного, первородного греха. Со дня этого первоначального грехопадения «божескому царству» на земле противопоставляется темное, бесовское царство. Поэтому, в нашей греховной природе все двойится, все противится божественному единоначалию: борьба противоположных страстей и влечений, борьба духа с плотью,—таковы проявления этой роковой двойственности во внутреннем мире человека; та же двойственность сказывается и в жизни человеческого общества, в форме междоусобной борьбы отдельных лиц, сословий и государств. Вместо единого «божеского царства» на земле существует множество земных, человеческих царств, которые ведут между собою ожесточенную борьбу. Будучи последствием греховного состояния, это разъединение рода человеческого должно упраздниться вместе с грехом: единство «божеского царства» в конце веков восторжествует над дроблением и раздором царств земных, и все народы сольются во единую «христианскую республику»: в этом, по Августину, заключается конечная цель и завершение исторического процесса.

На земле «божеское царство» олицетворяется церковью; поэтому единство «града Божия» для Августина есть прежде всего единство католическое, единство церкви как всемирного союза людей во Христе. Но с другой стороны, у отца латинского христианства церковь облекается во всеоружие государственных атрибутов и функций. Она имеет право силою

1 Более подробные сведения об Августине читатель найдет в моем сочинении: «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V-м веке. Мирозерцание блаженного Августина». Москва, 1892.

светского меча *принуждать* к истинной вере всех противящихся и непокорных; в деле установления религиозного единства государство должно служить ей как орудие. Более того—государство имеет право существовать, лишь поскольку оно входит в церковь как составная ее часть, всецело поглощается ею. Для Августина государство свободное и независимое от церкви есть лишь «разбойничье общество» в большом размере.

Августин—родоначальник теократического идеала средних веков

II. В последующем развитии средневековой истории изложенные нами мысли Августина становятся общим достоянием. Учение «о Граде Божием» составляет краеугольный камень всего политического мирозерцания средних веков. Им вдохновляются как политические теоретики, так и церковные, и государственные деятели. Продолжателями дела Августина являются не только папы, но и императоры.

Любовь к «единству» есть, можно сказать, центральный мотив средневековой истории, одна из главных пружин, приводящих в движение средневековое общество. Человечество, собранное во всемирный церковный организм, есть именно тот идеал, во имя которого западная церковь называет себя католическою; в нем и папство находит себе идеальное обоснование. Ради религиозного объединения человечества необходим единый авторитет, единая духовная власть, которая служит видимым центром церковной организации. Этим средневековые учителя доказывают необходимость монархического, папского начала в церкви. Той же идее объединения человечества во всемирную *respublica christiana* служит и «священная римская империя» германских императоров. Рядом с духовной властью, которая проповедует и учит, христианское единство должно охраняться еще и светскою властью, которая карает и принуждает. Церковь в своей видимой организации подвержена нападению внешних врагов; чтобы оградить ее против натиска внешней силы, чтобы заставить народы войти в ее ограду и обеспечить ей всемирное владычество, нужен светский меч, нужно *католическое, т.-е. универсальное царство*. Так понимали свою задачу основатель священной римской империи—Карл Великий и его преемники; также точно понимали ее и римские первосвященники. Карл Великий считал себя повелителем над всеми королями запада, Оттон III-й мечтал о восстановлении империи в том виде, как она существовала при древних римских кесарях; а папа Иоанн VIII-й называл императоров «владыками мира» (*totius mundi domini*) и писал королю Людовику II-му до коронования его императорской короной: «если вы с Божией помощью станете римским императором,—вам будут подчинены все царства». Вера в необходимую связь между католическою церковью и универсальной светскою организацией пережила падение древней империи запада; она же и составила, как это прекрасно выяснено новейшим историком—Брайсом,—идеальную основу «священной римской империи» германских императоров. Ближайший сотрудник и советник Карла Великого—Алькуин Йоркский говорил, что должна существовать единая империя, дабы во всех сердцах запечатлелась «*единая католическая вера*», дабы повсеместно утвердилось «*единство мира и единство совершенной любви*». Сам Карл Великий, говоря словами его биографа, вдохновлялся идеалами бл. Августина и «усплаждался» его книгами, в особенности трактатом *De Civitate Dei*. У того же Августина ищет оправдания священной римской империи аббат Энгельберт, писатель XIV века, т.-е. той эпохи, когда создание Карла В. пережило себя, и императоры—его бессильные преемники—влачили жалкое существование.

Словом, от начала средних веков Августин господствует над умами. По его плану строится «христианская республика» римских пап и императоров. В борьбе между папством и империей, возгоревшейся при Григории VII-м обнаруживается несовершенство этого плана и его внутренняя несостоятельность.

III. Между универсальным идеалом западного католичества и историческою действительностью средних веков существует глубокое, непримиримое противоречие. Единству этого идеала противопоставляется крайнее раздробление и раздвоение общества. Универсальная в идее,—католическая церковь есть фактически церковь *местная*, связанная тесными географическими пределами. На востоке ей противопоставляется, как внешняя граница, греческая церковь, которая не поддается латинизации; ее с трех сторон охватывает мусульманский мир; ей приходится вести борьбу с язычниками севера и северо-востока. Универсальное владычество священной империи есть владычество только номинальное; ей противопоставляется на Востоке другая, византийская империя с такими же универсальными притязаниями; константинопольские кесари не хотят признавать германских королей за римских императоров и величают их «царями Франков»; в западной Европе точно также главенство германских императоров над другими королями остается голым притязанием без всякой возможности фактического осуществления.

Единство западной церкви есть единство местное, латинское. Но и в пределах латинского мира все двоятся, и единство остается идеальным требованием. Двойственно, прежде всего, самое социальное устройство церкви, где каждый епископ—вместе с тем и светский князь, где епископы и аббаты—вместе с тем и вассалы королей. Представители универсальной идеи церкви, они связаны местными мирскими интересами; представители власти духовной,—они находятся в феодальной зависимости от властей мирских, управляют территориями королей, поставляют им контингенты вооруженных людей и нередко сами фигурируют в их войске.

Брак духовенства

Осуществление идеала «божеского царства» в XI-м веке задерживается разнообразными препятствиями. Прежде всего этому идеалу не соответствует жизнь самих пастырей церкви. Брак духовенства, воспрещенный церковными канонами, в занимающую нас эпоху всюду составляет обычное явление. В Италии, Германии, Франции, Англии и Испании большая часть *священников, диаконов и церковно-служителей—женаты*, многие епископы живут в явном браке. В этом заключается один из главных факторов, препятствующих *объединению католической иерархии*. Женатый священник опутан сетью сложных отношений родства и свойства; родственные отношения связывают священников с интересами местными; семейная жизнь вообще приковывает их желания и помыслы к земле, заставляя их забывать об универсальных, общих интересах религии; с семьей связан целый мир материальных, земных забот; понятно, что, увеличивая материальные потребности духовенства, семейный быт тем самым усиливает зависимость его от сильных мира сего. Не даром ходячее предание приписывает Григорию многозначительные слова: «не может церковь освободиться от рабства мирянам, доколе духовные лица не будут освобождены от жен». Семья духовных лиц служит *средоточием их частных интересов, центром партикуляризма* по преимуществу; она вносит рознь и раздвоение в иерархию; в этом заключается главная причина того, что Григорий VII-й и другие сторонники церковных преобразований в XI-м веке

стоят за безбрачие духовенства *во имя идеала «божеского царства» католически единого и целостного.*

Симония

Другая причина, препятствующая объединению иерархии, есть повсеместно распространенная в XI-м веке *симония*, — купля-продажа духовных должностей. Из многочисленных свидетельств писателей XI-го века мы узнаем, что симония в то время распространена во всех возможных видах. Говоря словами одного из типичнейших сторонников церковных преобразований эпохи, предшествовавшей понтификату Григория — кардинала Гумберта, — предметом продажи в его время служит все то, что имеет какое-либо близкое или отдаленное отношение к христианской вере и церкви: продаются за деньги должности пресвитеров, диаконов, экономов, продаются церкви и монастыри; нет того клочка церковной земли или хижины, принадлежащей церкви, которая бы не продавалась, так что во всем христианском мире ничто не остается непроданным. От низших и до высших ступеней иерархии все торгуют церковью, все продают и покупают; на ряду с духовными лицами — епископами, которые посвящают за деньги, — продавцами являются императоры, короли, князья и судьи мирские, которые назначают на духовные должности за деньги, тогда как их обязанность заключается в том, чтобы защищать церковь, карать светским мечем всех тех, кто повреждает ее чистоту.

Понятно — почему симония на ряду с браком духовенства повреждает единство церковной организации: симония погрешает именно против того принципа, который лежит в основе социального единства церкви и составляет ее отличие от мира — *против благодати*; приобретение духовного сана для симониста уже не есть дар свыше, а результат компромисса между материальными, *частными* интересами продавца и покупателя. В симонии выражается рабская зависимость церкви от элементов *местных*, территориальных, — от избирателей, которые за деньги избирают своих пастырей, и от мирских властей, торгующих духовными должностями; в ней воплощается партикуляризм средневекового общества — те частные своекорыстные интересы, которые возстают против единства «божеского царства». Если «божеское царство» в глазах ревнителей церковных преобразований XI-го века олицетворяется мистическим числом — *единицей*, все приводящей к единству, то симония представляется им во образе «*злой двойцы*» — подлаго, «схизматического» числа, которое все разсекает, пробивает на части церковь — тело Христово.

Расхищение церковных имуществ женатыми духовными и симонистами

Брак духовенства и симония повреждают единство и целостность церкви не только в сфере иерархических отношений, но и в сфере имущественной, экономической.... У писателей X-го и XI-го века мы находим во множестве повторений жалобу на расхищение церковных имуществ духовными — женатыми и симонистами. Сплошь да рядом мы узнаем, что тот или другой женатый священник или епископ наделил приданым из церковного имущества своих дочерей, обогатил из него своих сыновей. Вообще, содержание семейств духовенства поглощает доходы церкви и влечет за собой уменьшение их богатств.

Что касается симонии, то она часто влечет за собою настоящее разорение церквей. Уже самый факт купли-продажи духовных должностей в огромном большинстве случаев предполагает, что как для покупателя, так и для продавца корыстная цель стоит на первом пла-

не: та или другая церковная должность, которая служит предметом торговой сделки, рассматривается прежде всего как ценность, из коей обе стороны стремятся извлечь наибольшую выгоду. При таком настроении понятно, что пастырь-симонист, счастливый обладатель той или другой доходной церковной должности, заботится лишь о себе и о своем потомстве, если он имеет таковое; холост ли он или женат, он в большинстве случаев не думает о благе своей церкви и о материальном благополучии своих преемников. Расхищение у церковных имуществ симонистами обуславливается еще и тем, что церковные должности сплошь да рядом покупаются в долг, так что покупатель рассчитывает вознаградить продавца из приобретаемого им церковного имущества; для покрытия таких долгов нередко продаются драгоценности, украшающие стены храмов, и даже черепицы с крыш церковных зданий. Вообще очевидно, что симонисты не для того покупают епископства и аббатства, чтобы предаваться аскетическим подвигам; а потому мы охотно поверим той характеристике, какую дает упомянутый нами кардинал Гумберт духовным—симонистам: пастыря-наемники, они пасут себе, а не Богу, не берегут и не спасают от волков своих овец, а пьют их молоко, стригут их шерсть и упиваются их кровью.

Светская инвеститура

IV. На ряду с симонией и браком духовенства единство церковной организации повреждается тем способом замещения высших духовных должностей, который господствует в XI-м веке—*светской инвеститурой*. По смыслу древнего церковного правила, за которое еще в V-м веке высказывается папа Лев Великий, епископы должны свободно избираться клиром и паствой их диоцезов. В XI-м веке господствует иной порядок замещения вакантных епископских кафедр, имеющий силу векового обычая. В Италии и в Германии в занимающую нас эпоху, по открытии вакансии вследствие смерти епископа—посох и кольцо умершего пастыря доставляются королю депутацией из знатных духовных и мирян епископского города. Король, по совещании с приближенными, отдает по своему усмотрению кафедру кандидату, уже намеченному клиром и паствой вакантного епископства или же кому-либо другому—обыкновенно через вручение посоха и кольца, причем вновь назначенный приносит королю вассальную присягу в верности. Это вручение посоха и кольца, совершаемое королем часто в церкви—лично или через представителей—и есть та процедура, которая в XI-м веке впервые получает название инвеституры. Вслед за инвеститурой совершается интронизация—восшествие на епископскую кафедру, т. е. торжественный акт вступления нового пастыря в его епископские права. После всего этого уже совершается посвящение епископа митрополитом. При таком порядке замещения епископских кафедр представитель духовной власти—митрополит—играет совершенно самостоятельную роль: после интронизации вновь назначенного кандидата, ему остается только посредством возложения рук санкционировать решение светской власти. В таких же точно условиях находится и инвеститура аббатов. Назначение аббатов королем составляет общее правило; выборы аббата монастырем имеют место лишь в том случае, если монастырь прямо на то уполномочен особой привилегией—иммунитетной грамотой, исходящей от королевской власти; впрочем, и иммунитеты монастырей часто нарушаются и не служат гарантией против произвола короля в тех случаях, когда последний заинтересован в назначении того или другого аббата.

В Германии король чаще всего назначает на вакантные кафедры членов своей придвор-

ной капеллы, которая поистине служит разсадником епископов; служба при дворе является вернейшим путем для достижения высших духовных должностей; последние чаще всего даются за какая-либо служебная отличия, или же приобретаются путем подкупа короля, его родственников, а также—влиятельных придворных.

Вот эти-то олицетворяемые инвеститурой права светской власти представляют собою величайшую угрозу единству иерархической организации. Благодаря светской инвеституре замещение епископств и аббатств зависит *не от единой духовной власти, а от множества мирских государей*. Вместо того, чтобы быть единым домом Божиим, церковь распадается на части; она представляет собою разсыпанную хранину, безсвязное собрание отдельных местных церквей и, следовательно, перестает быть *церковью католическою*. Церковные писатели XI-го века жалуются на то, что вследствие светской инвеституры, святители рабствуют могущественным мирянам. Забывая об обязанностях своего сана, духовные из пастырей превращаются в придворных, ведут светский образ жизни; покидая свою паству, они живут при царских дворцах, исполняют разнообразные поручения светских государей, не имеющие ничего общего с их святительским служением: они думают только о мирских выгодах, служебных отличиях и наградах.

Чтобы пастыри церкви стали воистину орудиями, проводниками божеского царства на земле,—недостаточно уничтожить брак духовенства и симонию: нужно спасти святителей от того порабощения их мирскими властями, которое выражается в светской инвеституре. Этим определяются основные задачи той программы церковных преобразований, которая уже задолго до понтификата Григория нашла себе выражение в деяниях пап и в творениях церковных писателей XI-го века,—те принципы, осуществлению коих великий святитель служит до и после своего посвящения в папы.

Мирообъемлющий план Григория

V. Основным мотивом всей жизни и деятельности Григория служит сознание несоответствия между идеалом католического единства и жизни современного ему христианского общества. Этим мотивом определяются прежде всего те требования, которые он предъявляет к современным ему пастырям церкви.

Чтобы быть достойными служителями теократического идеала—представителями «божеского царства» на земле, святители должны отдаться ему всецело. Подобно Христу—Первосвященнику и Царю—священники,—совершители безкровной жертвы, должны сами стать *жертвой Богу*. Вне церкви члены клира не должны обладать своей самостоятельной жизнью: они должны принадлежать ей душой и телом. Они должны отказаться от частной свободы, чтобы стать исключительно лицами должностными. Носители идеи божеского царства единого и целостного,—они в самих себе должны являть образ совершенного *единства и целостности*. Служение алтарю требует, *во-первых*, воздержания от тех плотских, чувственных влечений животной природы, которые нарушают единство духовной жизни—*совершенного целомудрия*. *Во-вторых*, оно требует полнейшей независимости от *человеческих господ*—от всяких чисто-мирских интересов и влияний. И наконец, *в-третьих*—священнослужители должны стать воистину членами той апостольской иерархии, которая, начинаясь на земле, воздымается к небу в виде правильно организованной лестницы чинов, на подобие чинов ангельских, и находит себе завершение в лице верховного апосто-

ла, которому дана власть разверзать врата небес всем смертным.

В одной из последних своих энциклик, обращенной ко всем верным (в 1084 г.), Григорий, подводя итоги своей деятельности, пишет, что он с самого начала своего понтификата руководился одним господствующим стремлением: «чтобы церковь—невеста Христова, госпожа наша и мать,—вернувшись к тому, чем ей быть подобает, пребывала всегда *целомудренною, свободною и католическою*».

Этот католический идеал великого святителя сталкивается с теми препятствиями, о которых мы выше говорили. Половое воздержание, симония и светская инвеститура—таковы те три основных проявления земного дуализма в жизни клира, которые нарушают единство церкви: идеалу совершенного целомудрия противопоставляется брак духовенства; вместо единства религиозной жизни в духовной среде господствует та двойственность помыслов и интересов, коей крайним выраженьем служит торг благодатью; единовластие идеала противопоставляется в действительности двоеначалие, олицетворяемое светской инвеститурой пастырей.

Целомудрие и воздержание служителей алтаря, их независимость от мира—как чисто отрицательные требования—не определяют собою положительного содержания преобразовательной программы Григория. Та *положительная цель*, ради которой служители алтаря должны отречься от семейной жизни и быть независимыми от мира, есть осуществление на земле совершенного католицизма, проведение в мир апостолата, пресуществление через св. Петра земной иерархии, а через нее и земной церкви в небесную. В борьбе против брака духовенства, против симонии и светской инвеституры проходит красной нитью одна цель, один общий мотив: духовенство должно порвать с родственными связями, местными интересами, местными мирскими властями *для того, чтобы стать всецело и исключительно иерархией Петра*.

В этом заключается основной принцип проводимых Григорием церковных преобразований. Но социально-политическая программа великого папы далеко не исчерпывается преобразованием быта духовенства. Петр—камень, на котором зиждется здание вселенской церкви, не должен быть только мистическим главою иерархии в тесном смысле слова: он должен везде присутствовать, быть повсюду невидимо деятельным; он должен наполнить все собою, проникнуть во внутреннюю жизнь народов и овладеть их бытом, стать всемирным воспитателем. Законы его должны нормировать не только духовный, но и светский порядок. Наконец, он должен покорить себе весь внешний церкви мир, привести к единству «божеского царства» язычников и схизматиков, находящихся вне церковной ограды.

Церковные преобразования, как мы увидим, составляют собою лишь часть того мирообъемлющего плана, которым руководился великий папа; чтобы надлежащим образом понять смысл этих преобразований, мы должны здесь предварительно обрисовать этот план в его целом.

Настроение Григория

VI. Строитель всемирного здания теократии, преемник св. Петра имеет дело с непокорным материалом, с камнями живыми, которые сопротивляются плану архитектора и не хотят сложиться во единый дом Божий. Язычники и схизматики, ограничивающие католическую церковь извне, не хотят войти в ее ограду. Против католического единства возстают

изнутри индивидуалистические стремления средневекового общества, которому тесно в рамках теократии, свобода человека, который не хочет и не может быть низведен до степени пассивного архитектурного материала. Осуществление единства божеского царства встречает сильные препятствия со стороны мирских элементов, которые возмущаются против закрепощения мира церковью и отстаивают против духовной власти свою светскую автономию. Другим препятствием оказываются сами пастыри церкви, которые не желают пожертвовать для нея своей семьей и личностью и не могут нести для нея ига суровой монашеской дисциплины. И наконец, единство нарушается спором самих строителей теократии — папы, ее духовного главы и императора, ее светского органа.

Разнородные стихии средневекового общества, непрерывно враждуют друг с другом и никак не могут прийти в состояние устойчивого равновесия между собой. Здание всемирной теократии беспрестанно разсыпается под руками архитектора; он вечно вынужден вновь строить из развалин. Эта Сизифова работа вносит элемент утомления и тревоги в настроение Григория; он грустен; глубокая скорбь обо всем мире как руководящий мотив вечно возвращается в его переписке. В интимных письмах к друзьям он беспрестанно говорит о множестве забот, со всех сторон его обступающих, об опасностях, которыми окружена церковь; он подавлен сознанием своего личного безсилия — нести тяжкое бремя вселенского папства. Жалоба на пастырей церкви, которые думают только о мирских выгодах, о земных почестях и славе, встречается в этих письмах во множестве повторений: Григорий беспрестанно говорит об архиепископах и епископах, которые потакают порокам своей паствы и подчиненного им низшего духовенства, преданного «конкубинату и симонии»: по словам папы, в странах запада, юга или севера почти вовсе нет епископов, законно приобретших власть и по закону живущих, таких епископов, которые управляли бы христианским народом с любовью Христовой, а не из мирской корысти. Также между светскими государями Григорий не находит таких, «которые ставили бы славу Божию выше собственной своей славы». Что же касается ближайших соседей апостольского престола — римлян, ломбардов и норманнов, то они, по его мнению, — «хуже иудеев и язычников».

Безотрадным представляется состояние земной церкви: в ней все противоречит идеалу невесты Христовой — чистой и непорочной голубицы. В самый год вступления своего на апостольский престол (в декабре 1073 г.) Григорий говорит о предстоящей ему непосильной задаче — спасти ее от угрожающего ей полного крушения; а немногим больше года спустя он пишет аббату Гуго Ключнскому: «Я часто молил Иисуса, чтобы Он взял меня из этой жизни или помог через меня общей нашей матери; и однако Он до сих пор не извлек меня из этой великой напасти; и жизнь моя не принесла пользы матери — церкви, к коей Он словно приковал меня цепями. *Со всех сторон окружает меня ужас страдания и скорбь всемирная*». В письмах к друзьям, близким людям, подобные жалобы, как стон наболевшей души, сами собой вырываются из-под пера папы. Мольба о ниспослании смерти к Иисусу «нищему» (pauper Jesus), покровителю всех страдальцев, повторяется во множестве вариантов в каждом письме к ключнийскому аббату: «поспеш, не откладывай, не медли, ускорь мой конец, освободи меня ради любви к Пресв. Деве и св. Петру!» И так как Бог не внимает молитвам грешника, то папа просит ключнийских монахов молиться о скорейшем его избавлении в надежде, что ради заслуг и святой жизни этих подвижников молитвы их скорее будут услышаны.

Ответственность папы за грехи мира

Трудиться для всех для Григория значит тоже, что скорбеть обо всех. Он—пастырь, подъемлющий на себе тяжесть грехов своей всемирной паствы, чувствует себя в положении должника, подавленного сознанием неоплатного долга, перед людьми и перед Богом. Говоря словами папы, добрые и злые качества управляемых «берут свое начало от поставленных над ними правителей светских и духовных»; поэтому Григорий, как глава вселенской церкви, чувствует себя за всех ответственным и виновным за князей, пастырей и народ. Совершают ли карфагенские католики преступление против своего епископа, возгорается ли междоусобная война в Германии, или совершается избиение христиан сарацинами на дальнем востоке,—за все ответствен папа. «Я должен взывать к вам, я должен исправлять вас,—пишет Григорий в 1073-м году к пастве и духовенству карфагенской церкви, предавшим своего епископа Кириака на суд сарацинским властям,—дабы не понести наказание за грехи ваши на страшном суде от Судьи праведного и нелицеприятного». В 1073-м году папа хочет выступить в роли посредника между германским королем Генрихом IV-м и его возмущившимися подданными—саксонцами, устроить дело мира между ними, из страха оказаться в противном случае виновным в небрежении о спасении вверенного ему стада; он боится—не выполнить долг любви перед св. Петром, возложившим на него тяжелое бремя вселенского папства. В 1080-м году Григорий пишет к английскому королю Вильгельму Завоевателю, что он должен будет перед судом Вышнего дать ответ за всех царей, в том числе и за него—Вильгельма.

Разнообразие деятельности папы

Понятно, что при таком понимании задач главы вселенской церкви, ответственного за все и за всех,—деятельность папы разнообразится до бесконечности; внимание его устремлено зараз во все концы вселенной. В письме к клюнийскому аббату Гуго, Григорий в 1073 году жалуется на непомерное количество дел духовных и мирских, под тяжестью коих изнемогает его дух и немощное тело. Не находя в столь тяжелые времена поддержки и помощи на земле, он вынужден нести свое бремя один, при ежеминутном опасении не выдержат, пасть под давлением стольких забот и тревожений. Папа обращается с упреком к аббату,—который «из лени, под суетными предлогами» медлит посетить его, столь нуждающегося в дружеском участии и помощи. Он просит молитвенного заступничества монахов, которое одно только может отвратить гибель, грозящую церкви и ее верховному пастырю. Через четыре года Григорий жалуется тому же Гуго Клюнийскому на непосильные труды, опасности, вследствие коих жизнь ему постыла и смерть стала его мечтою. Один лишь Страдалец Иисус мне утешитель,—воскликает он: в себе самом я безпрестанно умираю и только в Нем от времени до времени оживаю. «И когда силы мои приходят в полное истощение,—я с воплем взываю к Нему: если бы Ты возложил на Моисея и Петра такую тяжесть,—я думаю, что она и их отяготила бы. Что же станет со мною, ничего не значущим в сравнении с ними! И так, если Ты не решил допустить меня до падения и первосвященническую власть—до посрамления, Тебе остается самому с Твоим Петром управлять этой властью!» В 1082 году в письме к одному французскому епископу—Гуго Диезскому, Григорий признает, что, в виду большого количества занятий, мысли его раздроблены между множеством предметов: сил его не хватает для важнейших дел, коими он поглощен; папа боится, что многие второстепенные дела ускользают от его внимания или вовсе им забыва-

ются. В теократическом плане Григория папство являет собою как бы земное отражение Провидения, которое промышляет о великом и о малом, входит в разнообразные нужды людей и печется обо всем том, что требуется для их спасения.

Двоякого рода задачи теократии

VII. Теократии, по мысли папы, предстоят двоякого рода задачи: она должна распространиться в ширь и в глубь, преодолеть врагов, извне противящихся объединительным стремлениям папства и справиться с силами, изнутри повреждающими единство «божеского царства».

По отношению к окраинам, границам римско-католического мира, папа преследует две цели. *Во-первых, границы эти должны быть расширены* всеми возможными способами: посредством завоеваний предстоит отторгнуть у мусульман новые территории для распространения католической веры; путем миссии имеют быть приобретены для св. Петра язычники севера. И, наконец, предстоит привлечь к единению веры «схизматиков»-греков; а этого представляется возможным достигнуть путем сношений с духовными и светскими властями восточных христиан; другим орудием сближения может послужить братская им помощь против общего врага—неверных. Вторая задача заключается в том, чтобы так или иначе закрепить за св. Петром новые территориальные приобретения католиков—связать периферию латинского христианства с Римом—его центром. *Параллельно с завоеваниями рыцарей и миссионеров должна совершаться централизация, религиозно-политическое объединение народов.*

План крестового похода

Обе эти задачи привлекают внимание Григория с самого начала его понтификата. Тотчас по восшествии его на апостольский престол восточная церковь становится предметом его сосредоточенных забот.

В 1073 и 1074 году в ряде посланий, обращенных к властителям западной Европы и «ко всем верным св. Петра», папа проповедует крестовый поход против неверных востока, которые, по его словам, истребляют восточных христиан «как мелкий скот». Григорий хочет выручить восточную церковь из бедственного положения, положить душу свою за «заморских братьев»—греков; для этого он собирает из всех концов Европы разноплеменное войско с тем, чтобы самому лично вести христианские дружины против мусульман. Главная цель этого предприятия заключается в том, чтобы привлечь «схизматиков»-греков к единению веры, возстановить истинно отеческие отношения между Римом и его «дочерью»—восточной церковью. Взамен оказанной им помощи, греки должны подчиниться власти преемника св. Петра и признать его верховенство. В письме к германскому королю—Генриху IV-му, Григорий откровенно высказывает этот главный мотив задуманного им похода: «всего более побуждает меня к этому делу,—пишет он,—то обстоятельство, что константинопольская церковь, расходящаяся с нами по вопросу о св. Духе, стремится возстановить согласие «с апостольским престолом». И почти все восточные христиане готовы, пожертвовав своими разногласиями, подчиниться решению св. Петра. Настало время исполниться пророческим словам Спасителя, обращенным к верховному апостолу: *«и ты никогда, обратившись, утверди братьев твоих».*

Воинственные планы папы рушатся как вследствие обнаруженного восточными христи-

анами (в начале 1075 г.) нежелания признать Петрово первенство, так и вследствие внутреннего раздора западно-европейского мира, который парализует его наступательные замыслы. После 1074 года мысль о крестовом походе уже не встречается в переписке Григория.

Политика Григория

Тот монархический, папский идеал, который лежит в основе восточной политики великого святителя, связывает его и с противоположной, западной окраиной христианского мира. Здесь он с самого начала своего понтификата становится руководителем предприятия испанских князей и французских рыцарей, которые стремятся вырвать Испанию из под власти мусульман. В этом деле, как и в задуманном им крестовом походе, расширение сферы могущества папства служит для Григория главной целью. Благословляя христианских воинов на борьбу против испанских мусульман, он в ряде посланий к участникам этого предприятия настаивает на том, что Испания «издревле принадлежала св. Петру». Французские и испанские князья могут владеть землями, какие будут завоеваны ими у мусульман лишь в качестве вассалов папы; иначе апостольский престол будет вынужден воспротивиться их предприятию и даже воспретить задуманный ими поход. Папа готов скорее примириться с владычеством неверных в Испании, чем допустить какое-либо нарушение действительных или мнимых прав св. Петра со стороны христиан.

В странах, составляющих подобно Испании передовые посты римского католичества, особенно сильно сказывается необходимость противопоставить врагам могущественную, сплоченную организацию. Католическое «единство» здесь нуждается в разнообразных мерах охранения. Григорий заботится о том, чтобы оно господствовало не только в церковной, но и в чисто светской сфере, чтобы оно не нарушалось ссорами испанских князей между собой. Так в 1079 году, он, в качестве верховного судьи, берет на себя решение спора между двумя сыновьями барселонского графа, угрожая церковными карами тому из них, кто не подчинится решению апостольского престола; посредничество папы в данном случае обусловливается опасением—как бы ссора двух христианских князей в соседстве враждебных церкви сарацинов,—не повредила успехам католицизма в Испании.

Заботы о скандинавских государствах

Такой же политики папа держится и на дальнем севере, где он в 1079 году мирит датского короля с его родными братьями, которые силою хотят заставить старшего брата—поделить с ними датское королевство; тут опять-таки Григорию приходится указывать на опасность ссоры христианских князей в соседстве и близости общего врага—язычников. На дальнем севере, как и на крайнем западе он является апостолом мира между христианами.

Идея международного царства церкви

В переписке с окраинами западного христианства католический идеал Григория противопоставляется всем врагам католичества—язычникам, мусульманам и «схизматикам», которые все время имеются в виду. Здесь, в отличие от внешнего церкви мира, католичество обнаруживается прежде всего как единая политическая организация, единое международное *царство*. Истинный католицизм должен проявиться как *мир вселенной*, мир внутри католических государств и в их отношениях друг к другу. Убеждая разсорившихся князей севера оставить вражду в виду общей опасности, грозящей со стороны язычников, Григорий ссы-

лается на текст Евангелия: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе падет».

Понятно, что объединительные стремления папства встречаются с препятствиями особого рода в странах наиболее отдаленных от Рима—духовного центра католического христианства, непосредственно соприкасающихся с чуждыми латинству народностями. С одной стороны, в Испании, где сохранились кое-какие следы господствовавшего некогда арианства и прискиллианистской ереси, с другой стороны, в славянских странах—против латинизации церкви возмущается национальный элемент. В Испании Григорий с успехом ведет борьбу против местного, готского богослужебного обряда, заменяя его римским чином богослужения; он отвечает отказом на просьбу богемского герцога—Вратислава о разрешении совершать в Богемии церковные службы на славянском языке. Именно в этих странах папе приходится в особенности резко подчеркивать универсальный, международный характер церковной организации, отстаивать *единство латинского обряда*. На окраинах римско-католического мира особенно рельефно проявляется космополитический характер римской централизаторской политики. Не довольствуясь латинизацией обряда в испанской церкви, Григорий, ради более тесного подчинения ей Риму—не прочь ослабить национальный характер самой испанской иерархии. Так он убеждает кастильского короля, чтобы тот не противился замещению толедской кафедры иностранцем, указывая при этом на международный характер христианской «республики», в коей душевные качества должны цениться более, чем происхождение из той или другой национальности.

С точки зрения своего космополитического, римского идеала, Григорий вообще относится враждебно ко всяким проявлениям национальных особенностей в жизни церкви. Национальные различия в богослужении представляются ему *принципом еретическим, схизматическим*; национальный испанский обряд для него—«толедское суеверие»; всякие национальные отклонения от латинского обряда суть «еретические искажения»; только латинский язык есть язык католический; прочие языки Суть «языки еретиков». Папа настаивает на повсеместном введении латинского обряда, чтобы римская церковь питала вверенных ей сынов Христовых «не различными сосцами и не различным молоком, *дабы, согласно апостолу* (1, Кор. 1,10) *они были едино и не было между ними расколов.*»

Папа как всемирный законодатель, учитель и воспитатель народов

Являясь в роли блюстителя единства всемирного божеского царства, Григорий хочет вступить в близкое, интимное знакомство со всеми странами, руководить воспитанием народов, определять направление внутренней и внешней политики государств, быть всюду законодателем и учителем. «У предшественников наших, согласно присущему им праву, было в обычае»—пишет он (в 1075 г.) Свену, датскому королю,—«в посланиях, полных любви, *учить все народы путями Господними*, обличать всех царей и князей в том, что достойно порицания, и предписаниями закона всех призывать к вечному блаженству. Ибо закон римских первосвященников подчинил себе более земель, нежели закон римских императоров. По всей земле пронесся звук слова их, и Христос стал владыкою над теми, кому некогда повелевал Август». Так понимая задачи своего служения, Григорий среди самых трудных обстоятельств своей жизни, отвсюду стесненный, всегда сохраняет всю широту своего кругозора. Среди забот, гнетущих его в ту или другую минуту, среди опасностей, лично ему угрожающих, он всегда обладает достаточной свободой духа, чтобы отвлечься от

злости дня и думать о нуждах отдаленных стран. В самый разгар борьбы с Генрихом IV в 1076 году он ведет деятельную переписку с церквами северной Африки и Испании. В 1080-м году, среди осложнений, вызванных его вторым интердиктом против Генриха, он находит время, чтобы интересоваться богослужебными особенностями церквей Армении, и помышляет о поездке в Испанию в видах исправления кастильского короля, вовлеченного в ересь влиянием некоего Роберта «лжемонаха». Наконец, в 1081 году, когда между ним и Генрихом IV-м идет борьба из-за Италии и Рима, Григорий все еще хочет направлять внутреннюю политику государей Испании, вмешиваясь не только в церковные, но и в чисто светские дела. Так, в это самое время он возстает против того черезчур влиятельного положения, какое занимают евреи в королевстве Леоне и Кастилии, и требует от короля Альфонса VI, чтобы тот не позволял этой «синагоге сатаны» владычествовать над христианами.

Сознавая себя должником всех верующих во Христа, папа считает себя в особенности обязанным пещись о нуждах отдаленных народов, живущих «как бы на крае земли». Озабоченный тем, что норвежцы терпят крайний недостаток в учителях, сведущих в христианской вере, он предлагает норвежскому королю прислать в Рим нескольких знатных молодых норвежцев: получив религиозное воспитание «под крыльями св. Петра», они вернутся на родину просвещенными и опытными миссионерами. Григорий встревожен тем, что в Дании среди христиан, несовершенным образом усвоивших евангельское ученье, остатки язычества воскресают в форме суеверий. Народная молва приписывает священникам власть над внешней природой, делая их наряду с колдуньями ответственными за такие стихийные бедствия, как неблагоприятная погода или заразные болезни. Папа требует, чтобы датский король, искореняя подобные суеверия, защищал духовенство от причиняемых ему обид. Узнав, что в отдаленной Шотландии мужья нередко продают своих жен, он пишет архиепископу Ланфранку, чтобы тот подвергал строжайшим церковным карам лиц, виновных в этом преступлении, и всеми силами заботился об уничтожении этого варварского обычая. Желая поддерживать постоянные сношения с скандинавскими странами и вникать в подробности их быта, Григорий неоднократно требует от шведского и датского королей, чтобы они присылали в Рим таких духовных лиц, которые знакомили бы папу с бытовыми особенностями их стран, а по возвращении на родину — сообщали бы своим королям наставления и требования апостольского престола.

Борьба против неурядицы феодального быта

Заботясь о религиозном воспитании народов, Григорий считает себя обязанным вести энергичскую борьбу против темных, отрицательных сторон феодального быта. Из Англии, Франции и Германии до апостольского престола безпрестанно доходят известия об ужасах непрекращающихся частных войн, о разбойнических подвигах рыцарей на больших дорогах, об ограблении и насилиях над путешествующими духовными лицами и преступлениях против церковных имуществ. Сам французский король не стесняется «по обычаю разбойников» грабить проезжих купцов. В тот век господства грубой силы папа считает обязанностью своего сана «приходить на помощь всем угнетенным и, не щадя своей жизни, буде это окажется нужным, сражаться против врагов Божиих мечом Духа, т. е. словом Божиим, доколе они не обратятся». Обращаясь к правителям всех стран света, королям, герцогам, графам, Григорий во множестве посланий напоминает им о их обязанности ограждать церковь против хищнических нападений, блюсти мир, защищать бедных, вдов, сирот, в особенности

малолетних, странников, вообще всех тех, кому грозит наибольшая опасность стать жертвой сильных; заступничеством за слабых и беспомощных более, нежели чем-либо другим, князья стяжают себе вечные награды. Уча сильных мира сего, Григорий выступает против них с смелым словом изобличения в тех случаях, когда они оказываются не на высоте своих обязанностей, требует от них удовлетворения, грозит им и налагает церковные кары за преступления и насилие. С апостольским служением, — повторяет папа во множестве посланий, — связана обязанность, согласно словам пророка Исаии, «вещать громко, никогда не умолкая» о грехах князей и народов (Ис. 58, 1). Слова св. Писания «проклят, кто удерживает меч свой от крови» (Иерем. 48, 10), по словам Григория, грозят небесными карами прежде всего святителю, который не решается умерщвлять плотскую жизнь острием меча духовного, т. е. изобличать пороки людей словом учения. Отличительная черта истинного пастыря именно в том и заключается, что он мужественно противостоит волнам, расхищающим стадо Христово, хотя бы с опасностью для собственной жизни, «полагает душу свою за овец».

В своем заступничестве за безвинно-страждущих Григорий выказывает величайшую энергию. Он не стесняется подвергнуть церковной каре французского короля Филиппа I-го за целый ряд преступлений, между прочим за ограбление им итальянских купцов. Вообще, если из писем Григория мы узнаем о всевозможных преступлениях знатных и сильных всех стран света, это обуславливается тем, что папа считает себя обязанным *судить* эти преступления, не оставляя их безнаказанными. В тот век феодальной неурядицы слабое развитие государственного единства составляет силу церкви: она вынуждена заменять собою отсутствующий светский порядок; папа берет под свое покровительство неприкосновенность личности и имущества именно вследствие отсутствия сильной светской власти, которая могла бы обезпечить своим подданным мир и безопасность, защищать сирых и слабых против нападений сильных.

Папа как всемирный сюзерен

IX. Вмешательство церкви в мирские дела вынуждается тем, что светские власти не стоят на высоте своей задачи; рядом с ними и вместо них папа должен стать судьей и законодателем в управляемых ими территориях. Анархия, неурядица феодального быта составляет необходимое предположение папской теократии и служит ей оправданием.

Чтобы спасти мир, нужно подчинить его церкви. Папа должен явиться в роли светского владыки, превратить светских властителей в своих вассалов. Мы уже ознакомились с теми посланиями Григория, где он объявляет Испанию «собственностью св. Петра». С подобными притязаниями папа выступает не в одной Испании. До нас дошли договоры, устанавливающие вассальные отношения к нему князей Италии — Ландульфа Беневентского, Рихарда Капуанского и главного герцога норманнов — Роберта Гюискара, из коих двое последних называют себя князьями «милостью Бога и св. Петра». Во Франции папа считает своими вассалами графа Вильгельма Бургундского, который еще при папе Александре II-м дал торжественную клятву по первому требованию апостольского престола являться с войском на защиту владений св. Петра, графов Раймунда Сенжильского (впоследствии Тулузского) и Амедея Савойского, которые клялись той же клятвой. С 1081 года Бертран, граф провансский, отдает себя и свои владения в распоряжение св. Петра, дабы тем заслужить прощение грехов себе и своим родителям. Кроме того, за время своего понтификата Григорий

заявляет о ленных правах св. Петра на Сардинию, Корсику, Венгрию, Далмацию и Англию. Наконец, он считает Саксонию собственностью святого Петра.

Теоретическое оправдание ленных притязаний папы

В оправдание этих притязаний Григорий ссылается на легендарный «дар Константина Великого», будто бы подарившего западную римскую империю папе Сильвестру I-му, а также—на столь же легендарный «дар» Карла Великого, будто бы отдавшего Саксонию св. Петру. Доказательством прав апостольского престола на Венгрию служит опять таки мнимый дар венгерского короля—Стефана I-го, яко бы возобновленный впоследствии императором Генрихом III-м.

Понятно, что при таком широком понимании названных легендарных даров, папство должно превратиться во всемирную империю. Вместо императора папа должен стать всемирным сюзереном. Григорий прямо усваивает себе мысль, выраженную в даре Константина, что «папе принадлежит право распоряжаться императорскими инсигниями»; он считает самую императорскую власть заимствованною от апостольского престола; на этом основании он в 1084-м году требует, чтобы будущий германский король—преемник «низложенного» Генриха IV-го и убитого антикороля Рудольфа—принес апостольскому престолу настоящую вассальную присягу.

Во всех концах западной Европы папа открывает какая-нибудь владельческие права римской церкви, словно весь западно-европейский мир составляет дар св. Петру. Григорий не утверждает прямо, что мир составляет собственность верховного апостола. Но он а priori убежден в том, что вселенная ради спасения человеческих душ должна быть подчинена его власти. При этом он, как и многие другие клерикальные деятели его времени, плохо различает между духовной властью и политическим верховенством и часто смешивает последнее с собственностью. Поэтому-то под руками Григория духовная власть св. Петра безпрестанно материализируется в собственность.

Притязания папы не ограничиваются теми территориями, которые он считает «подаренными» св. Петру. Он, между прочим, считает себя верховным сюзереном и в Киеве, который он «отдает в дар» князю Изяславу Ярославичу. Здесь уже, очевидно, папа не может надеяться доказать своих прав ссылкой на какой-нибудь действительный или мнимый дар; этим несомненно доказывается, что он верит во всемирные сюзеренные права папы как такового, независимо от существования тех или других дарственных хартий. Основанием притязаний папы на Киев служит простое неразличение между правами папы, как духовного главы христианства, и чисто светскими полномочиями преемника св. Петра, как владыки над земными царствами. Киевский князь,—поясняет Григорий в своем послании,—должен стать вассалом св. Петра, «дабы заслужить постоянное предстательство верховного апостола перед Богом, стяжать себе его молитвами славное царствование на земле и вечное блаженство в будущей жизни».

Не довольствуясь присвоением тех или других земель, тех или других прав мирских властителей, Григорий в сущности хочет присвоить себе всяческую власть на земле—светскую и духовную. В этом мы еще раз будем иметь случай убедиться при рассмотрении церковных преобразований Григория и формулированной им теории папской власти.

Оригинален ли Григорий как деятель церковной реформы?

Х. Та программа церковных преобразований, которой следует великий папа, в большей своей части не составляет плод его самостоятельной мысли. Не подлежит сомнению, что Григорий, поскольку дело идет о борьбе против брака духовенства и симонии, оригинален не как мыслитель-теоретик, а как *герой* той идеи, за которую он ратует. Каноны, воспрещающие брак духовенства, появляются уже в IV-м веке (Эльвирский собор). Начиная с IV века и вплоть до понтификата Григория, воспрещения эти беспрестанно повторяются, хотя и нарушаются на практике. Точно также и борьба против симонии начинается с незапамятных времен. В настоящее время можно считать общепризнанным, что в той мотивировке, какую Григорий дает этой части реформы, нет ничего существенно нового, ничего такого, что бы раньше его не было высказано его предшественниками—писателями и практически-ми деятелями. Равным образом и церковное законодательство за время понтификата этого папы по вопросу о безбрачии духовенства и симонии не обогатилось каким-либо новым содержанием, которого бы не было в канонах, изданных при его предшественниках. Оригинальность Григория, как законодателя по названным вопросам, может быть признана лишь постольку, поскольку он успел обнаружить эту оригинальность до восшествия своего на апостольский престол, когда, еще будучи кардиналом Гильдебрандом, он руководил политикой пап—ближайших его предшественников по кафедре.

Идея безбрачия предшественников Григория. Петр Дамиани.

Идея безбрачия уже задолго до понтификата Григория нашла себе наиболее полное теоретическое выражение в творениях кардинала Дамиани—одного из типичнейших в XI веке сторонников церковно-общественных преобразований. Дамиани возстает против брака духовенства, потому что считает совершение таинств несовместимым с какими бы то ни было половыми отношениями служителей алтаря с женщинами. По мнению названного писателя, безбрачный клир должен выделяться из народной среды как «Божий удел», специальный дар Богу: священники для того должны быть свободны от рабских дел мира сего, чтобы «принадлежать в совершенном послушании рабства Божеству». Духовные не должны быть женаты, потому что женатый «заботится о мирском—как бы угодить жене»; они же должны заботиться «о Божьем—как бы угодить Богу». По Дамиани, брак духовенства имел смысл лишь в ветхозаветные времена, в связи с кастовым устройством ветхозаветной теократии. Тогда брак был нужен для продолжения священнического колена Левия. *В христианстве, под царством благодати, упраздняется этот кастовый принцип*; в универсальной христианской теократии священники избираются из среды всего христианского народа; духовенство перестает быть союзом плоти и крови. Высказываясь за упразднение семейного быта клира, Дамиани хочет устроить жизнь духовенства на коммунистических началах. Он стоит за восстановление древних правил о «канонической», совместной жизни духовенства. В силу этих правил духовные лица, состоящая при одной епископской церкви, должны составлять каноническое общежитие, т. е. спать в общем помещении, делить общую трапезу и, *не имея ничего своего*, совместно пользоваться доходами с церковного имущества. Спасая членов клира от искушений против целомудрия, эти канонические общежития способствуют осуществлению совершенного единства интересов среди духовенства. Раздельность имущества несовместима с единством душ. Не даром Библия учит, что «не только левиты, но и скот левитов составляет собственность Божества».

Идея безбрачия у Григория

В том же смысле высказываются все вообще сторонники безбрачия, в том числе и Григорий. Он подобно Дамиани и другим клерикальным учителям XI века отождествляет брак духовных лиц с «блудодеянием» и негодует против тех служителей алтаря, которые дерзают «одними и теми же руками возносить на алтаре тело Христово и прикасаться к телу блудницы». Для него точно также идеал безбрачия связывается с тем особенным «рабством Богу», которое должно отличать духовных от мирян; он также думает, что семейный быт служителей алтаря влечет за собою гибельное для дела Божия «порабощение клира» мирской средою. Как и все прочие сторонники преобразований XI века, он предвидит опасность расхищения церковных имуществ женатыми духовными, а также опасается возможности превращения женатого духовенства в наследственную касту: поэтому он энергически настаивает на соблюдении канонов, воспрещающих замещение церковных должностей детьми женатых духовных. Он разделяет коммунистические тенденции Дамиани по отношению к иерархии и в связи с идеей безбрачия настаивает на восстановлении канонических общежитий. Согласно тому плану реформ, который он проводит, служители алтаря должны обнищать для церкви, стать для нея безбрачными аскетами; но церковь обогащается их нищетою: сокращением материальных потребностей пастырей сохраняется и закрепляется за нею ее имущество; богатства церкви должны служить не частным интересам женатых духовных и их родственников, а универсальным целям божеского царства.

Григорий с самого начала своего понтификата должен был повсюду, а в особенности у себя дома, в Риме, вести многотрудную борьбу не только с женатыми духовными, но также и с их сыновьями, родственниками и близкими, которые занимали видное место в ряду врагов реформы и папства: он, следовательно, не мог не знать, что брак духовенства открывает в иерархию дверь тем центробежным силам феодального общества, которые нарушают единство и целостность церкви как в сфере духовной жизни, так и в сфере имущественной, экономической. Из свидетельства клерикального писателя Бонитона, в данном случае совершенно достоверного, мы узнаем, что Григорий учредил в Риме каноническое общежитие не только для того, чтобы положить предел «конкубинату» и вообще невоздержанию духовных лиц, но также и для того, чтобы изолировать их от их родственников и близких.

Григорий о симонии

Во имя тех же мотивов Григорий вооружается против симонии. Подобно другим клерикальным писателям и церковным деятелям его времени он понимает симонию чрезвычайно широко; с его точки зрения под понятие симонии подходит не только купля-продажа церковных должностей, но и приобретение духовного сана или должности *службой*, вообще какими бы то ни было материальными услугами или даже лестью светским правителям. На этом основании Григорий и его сторонники признают светскую инвеституру *видом симонии*: ибо при светской инвеституре всегда происходит обмен услуг между светским сюзереном, ее дающим и духовным вассалом, ее получающим: здесь плата за получение церковной должности выражается в форме службы духовного вассала.

По словам Григория не только в широком, но и в тесном смысле слова симония, как «продажа алтарей» есть «общий грех почти всей земли». Григорий знает, что опасность велика, и борьба против укоренившегося зла требует напряжения всех его сил. Он отлично понимает, что исход этой борьбы есть вопрос жизни и смерти для церкви: ибо раз симония

превращает дар благодати в *товар*, зависящий от человеческого произвола, продавца и покупателя, церковь перестает быть богоучрежденным порядком; она продается как жалкая раба, «протитуируется дьяволу» и, следовательно, перестает быть невестой Христовой. В частности симония представляет собой величайшую угрозу римской централизации: она влечет за собою расхищение церквей и порабощение их мирянам, зависимость их от местных элементов, в особенности—от местных мирских владык. Повсюду «продавцы церквей» являются ожесточенными врагами римского единства. На севере Италии знать отстаивает против Рима местную автономию ломбардских церквей между прочим потому, что эта автономия дает ей возможность извлекать доходы из продажи церковных должностей; в Германии главными виновниками раздора являются симонисты—советники короля; во Франции также симония разрушает иерархическую связь между церквями местными и церковью вселенскою. Григорий не может не видеть, что симония дробит и рвет на части ту *единую церковь*, земным олицетворением коей служит римский первосвященник; он прямо говорит, что симонисты «стремятся потрясти ту недвижимую скалу, на которой покоится церковь римская»; они—«несомненные предшественники антихриста, и прислужники сатаны»; в устах папы это—не простая риторическая фигура, а выражение глубокого убеждения. Симония, вошедшая в обычай, связывается с другим преступлением, которое, по Григорию, «хуже колдовства и идолопоклонства»—с *упорным неповиновением декретам апостольского престола*.

Насильственные меры против брака духовенства и симонии

XI. В виду повсеместного распространения симонии, в виду привязанности пастырей церкви к семейной жизни и упорного нежелания большинства из них «жить по чину ангелов»—церковная реформа должна осуществляться путем насильственных мер.

Вследствие сопротивления духовных, папство оказывается вынужденным для искоренения в их среде брака и «торга благодатью» прибегает к содействию светского меча.

На этот путь политика апостольского престола вступила благодаря влиянию кардинала Гильдебранда, впоследствии папы Григория. По его наущению папа Стефан IX-й вступил в союз с народным движением «патаров» в Ломбардии, направленным против симонии и брака духовенства. Следуя его внушениям, папа Николай II издал в 1059 году канон, воспреещающий мирянам слушать мессы женатых духовных. Влиянием Гильдебранда объясняется и то, что этот канон был в 1063 году торжественно возобновлен папой Александром II-м. По его наущению папа, Александр II благословил вожака патаров—Эрлембальда священным знаменем св. Петра, предписав ему «биться против врагов церкви всякий раз, когда безумие их превзойдет меру». С этим знаменем в руках Эрлембальд во главе миланской черни стал проливать кровь женатых и преданных симонии священников Милана; покровительствуемое апостольским престолом движение «патаров» сопровождалось насилиями, грабежами и всякого рода надругательствами над таинствами женатых священников. Когда Григорий вступил на апостольский престол, он стал насаждать реформу такими же способами в Германии, при помощи герцогов и других крупных вассалов германского короля.

Те элементы мирского общества, при содействии коих осуществляются преобразования, весьма разнообразны как по своим стремлениям, так и по своему составу. Между теми ми-

рянами—«воинами Божиими», которые сражаются против врагов реформы и папства, мы видим не одних безкорыстных идеалистов, рыцарей аскетического идеала; рядом с ними есть множество лиц, материально заинтересованных в уничтожении брака духовенства и симонии. В Ломбардии борьба за реформу осложняется борьбой аристократии и демократии; здесь богатое и могущественное духовенство связано с дворянским сословием узами кровного родства: брак духовенства дает возможность ломбардским феодалам пристраивать своих дочерей замуж за духовных лиц—владельцев богатых бенефиций; а симония превращает церковные должности в монополию богатых, могущих заплатить. Понятно, что простой народ заинтересован как в уничтожении этой монополии, так и в осуществлении безбрачия, которое представляется могущественным орудием демократизации духовного сословия. В Германии, напротив того, реформа связывается преимущественно с интересами крупных магнатов, герцогов. Здесь король служит оплотом и союзником недовольных реформой элементов. Поэтому за реформу стоят все те светские вассалы короля, которые заинтересованы в том, чтобы ослабить королевскую власть и усилиться на ее счет с помощью папы.

Таким образом, теократия должна осуществляться при помощи таких элементов мирского общества, которые заботятся лишь о земном своем благополучии. Этот неестественный союз царства не от мира сего с плотью и кровью не может не иметь роковых последствий для самой идеи «божеского царства»: церковь не может безнаказанно вступить в сделку с чуждыми ей материальными интересами; чтобы заинтересовать эгоизм людей, ее загробный идеал должен *изменить себе самому*, спуститься до низменного мирского уровня. И в самом деле, идея «божеского царства», при столкновении с несовершенной земной действительностью, изменяет свое содержание: насыщаясь прахом земным, она впадает во внутренняя противоречия. Увлекаясь борьбой против симонистов и женатых духовных, Григорий и его сторонники все более и более упускают из вида нравственную цель реформы и подчиняют ее целям политическим. В сущности они должны знать, что при низком в общем нравственном уровне современного им духовенства принудительные, насильственные меры не могут приучить духовенство к половому воздержанию, а могут привести к результату как раз противоположному—к развитию противоестественных пороков и к замене сожительства с законными женами тайными сношениями с наложницами. Путем принудительных мер можно осуществить *институт* безбрачия, но нельзя достигнуть утопической цели «целомудрия». Тем не менее реформаторы XI-го века охотнее мирятся с тайными пороками, которые искажают нравственный облик пастырей, чем с явным браком, который прикрепляет их к миру постоянными, прочными узами. Сами того не замечая, они подменяют идеал добровольного аскетического подвига целомудрия идеалом внешнего порядка. Единодержавие преемника св. Петра, *внешнее объединение иерархии в нем*, становится для Григория на первом плане, заслоняя собою другие задачи церковных преобразований. Для достижения этой цели, он не гнушается никакими средствами, не останавливается даже перед подкупом народных масс, вербует себе сторонников деньгами. При этих условиях папа может извне господствовать над людьми, но он не в силах высоко поднять их религиозное настроение. Указывая им путь к небу, он должен вместе с тем прельщать их осязательными выгодами. Чтобы быть в действительности вселенским пастырем, владыкой над иерархией, папа должен пользоваться тем антагонизмом, какой существует между пастыря-

ми церкви и частью мирского общества. Он—блюститель мира и единства церкви—должен опираться на силы центробежные, сеять рознь между пастырями и пасомыми, чтобы поведать теми и другими. Подавляя индивидуальную свободу в иерархии, он вместе с тем разнуждывает индивидуальную свободу мирян против иерархии. Разрешая мирянам удалять от алтарей духовных лиц, не приговоренных к отрешению от должностей духовным судом, единственной компетентной в такого рода делах инстанцией, он делает пасомых судьями над пастырями. Тем самым он колеблет основы того иерархического строя, за который он ратует. В этом заключается одно из тех основных противоречий церковной политики Григория, которые нарушают целостность и единство его иерархической системы.

Борьба против светской инвеституры

XII. Для завершения реформы, проводимой Григорием, как мы видели, необходимо изменить существующий порядок замещения высших духовных должностей. Григорий, как и прочие сторонники церковных преобразований, осуждают светскую инвеституру во имя *единства* иерархического строя церкви. Между тем инвеститура в занимающую нас эпоху служит необходимой опорой и основой *единства государственного*. В этом заключается трагический интерес столкновения между святительской и царской властью и в особенности—между папством и империей в XI-м веке.

В занимающую нас эпоху сильная государственная организация может возрасти только на теократической основе. Одна церковь в состоянии связать во единый политический организм множество разрозненных и раздробленных феодальных единиц. Среди центробежных сил феодального общества она одна представляет собою начало объединяющее, централизирующее. Это верно в особенности относительно германского королевства и империи, где король может царствовать лишь в качестве владыки над церковью.

Связь между королевской властью и ее светскими вассалами до крайности ослабляется наследственностью светских ленов, которая в XI-м веке составляет общее правило: владея своими ленными территориями на основании частного, наследственного права, германские герцоги, князья и графы не чувствуют себя ничем обязанными своему верховному сюзерену. Каждый из них стремится основать династию самостоятельную и независимую по отношению к императору; наследственность ленов тесно связана с сепаратистскими стремлениями, которые выражаются в глухой вражде и в открытых восстаниях князей против главы государства. В действительности император может рассчитывать на верность большинства своих светских вассалов лишь постольку, поскольку он в состоянии заинтересовать их какой-нибудь выгодой или силой принудить их к повиновению.

Церковная организация является могущественным противовесом против этих индивидуалистических стремлений светских феодалов. Соответственно с теми общественными задачами и целями, которые преследует церковь, замещение ее высших должностей определяется не частными наследственными привилегиями, а публично-правовыми началами. Епископы и аббаты не суть родоначальники династий; духовные лены не вырождаются в их частную собственность. После смерти того или другого епископа или аббата король каждый раз вновь активно проявляет свое право верховенства, отдает кому хочет пастырский жезл, располагает территориями подвластных ему епископств и аббатств. Вследствие этого духовные вассалы находятся в более тесной зависимости от королевской власти, чем васса-

лы светские. Благодаря инвеституре король получает возможность замещать церковные кафедры людьми испытанной преданности; именно инвеститура епископов дает ему возможность противопоставлять разрозненным светским князьям сплоченную армию князей духовных. Если мы примем во внимание, что в Германии воинская повинность ложится всею тяжестью не столько на светские, сколько на духовные лены, что королевское войско составляет преимущественно из контингентов, поставляемых имперскими церквами, а войны, в особенности походы в Италию, ведутся преимущественно за их счет, то мы поймем, что власть короля над епископатом составляет здесь главную основу его власти вообще.

Значение инвеституры в германском королевстве и империи

В Германии король может царствовать лишь в качестве венчанного святителя, владыки над церковью. Поэтому вопрос об инвеституре есть вопрос о жизни и смерти для германского королевства и империи. Империя, какой она представляется в действительности и как ее понимают сторонники императорской власти, есть *святительское царство*; поэтому с уничтожением светской инвеституры она должна перестать быть единым целым, распасться на части. Спор об инвеституре не есть борьба между церковью с одной стороны и чисто светским государством с другой. Государства, совершенно свободного от церкви, построенного на чисто светской основе, средние века вообще не знают. По вопросу об инвеституре вступают между собою во вражду две теократии, или, лучше сказать, два органа христианской теократии, две партии в церкви и в государстве. При этом борьба обостряется самой однородностью спорящих. Обе стороны согласны между собою в том, что божеское царство должно наполнить собою все земное, что оно есть высшая цель, которой одинаково должны служить мир и клир. Вопрос идет только о том, — кому принадлежит преимущественное право вести людей к осуществлению этой цели на земле, — кто должен стоять на вершине христианского общества — царь, образ Давида и Моисея, или святитель — преемник Аарона. Мирская власть, которой с точки зрения императоров и королей принадлежит господство, играет в клерикальной схеме роль подчиненного орудия; и наоборот, то, что с клерикальной точки зрения должно стоять на вершине всего общественного здания, — стоит в царской теократии внизу; святительская власть здесь помещается у подножия царского престола и служит ему опорой. Теократия царская представляет собою как-бы отражение теократии папской, но только в опрокинутом виде. По меткому выражению клерикального писателя Гумберта, благодаря светской инвеституре здесь весь канонический порядок *висит вниз головой*.

Доводы защитников светской власти в пользу инвеституры

Сторонники империи, защищая светскую инвеституру, ссылаются на *святительский характер* царской власти. В силу помазания *король не есть простой мирянин*: с его саном связывается особый пророческий дар, которого не лишены даже цари — язычники; ему сообщается свыше способность угадывать волю Провидения; в силу особого дара Духа Святого, он может распознавать и назначать на вакантные кафедры угодных Богу избранников. Оправдание светской инвеституры заключается в *теократической миссии* царей, в их призвании блюсти мир и единство церкви. Некоторые писатели прямо учат, что епископы должны пребывать в сыновнем подчинении своему государю и от него держать свою власть, *дабы царство приводилось к единству*. В глазах сторонников империи святительская, пастырская полномочия связаны с самой природой царской власти, а потому присущи всем царям

вообще. Но из среды всех царей выделяется «князь над князьями» — император, глава мира, источник всякого закона и власти на земле. Император — непосредственный представитель Бога, «*викарий Христа*» на земле. Если другим царям принадлежит власть над теми или другими местными церквами, то император призван владычествовать над самим апостольским престолом, т. е. над вершиной вселенской иерархии. Писатели — империалисты прямо рассматривают право императора замещать римскую кафедру как частное проявление его власти над церковью вообще. Это — лишь разновидность инвеституры, хотя назначение римских епископов и не сопровождается вручением им посоха и кольца. В этой теории священной римской империи, которой держатся писатели-империалисты занимающей нас эпохи, выразился тот идеал, к которому в действительности стремились императоры: Генрих III-й назначил одного за другим четырех пап на апостольский престол; а Генрих IV-й дважды низложил Григория и в Бриксене — на соборе германских и итальянских епископов — возвел на его место антипапу-Виберта (Климента III-го).

Если в других государствах светская инвеститура имеет характер *местной узурпации*, то в универсальной по своей идее священной римской империи она приобретает характер *универсальный* и грозит привести к порабощению апостольского престола, а с ним вместе — вселенской церкви — светской властью императора. Этим объясняется тот факт, что священная римская империя служит главной ареной борьбы между святительской и царской властью; здесь спор об инвеституре приобретает особую остроту сравнительно с другими странами. Если император отстаивает против папы целостность и единство империи, то и папа сражается за самое существование святительской, папской теократии.

Цели Григория в борьбе против инвеституры

XIII. В 1075-м, 1078-м и 1080-м году Григорий издает целый ряд законодательных постановлений против светской инвеституры. Устраняя светские власти от замещения высших духовных должностей, папа провозглашает вместе с тем принцип свободных выборов епископов духовенством и паствой их диоцезов. Но для осуществления теократического идеала, папы и этого мало. Для последовательного проведения в жизни церкви того монархического, папского начала, которое олицетворяет собой ее единство, недостаточно освободить иерархию от мирских властителей: необходимо поставить ее в более тесную зависимость от св. Петра и его преемника; а для этого нужно подчинить влиянию апостольского престола самое замещение вакантных кафедр.

Эта тенденция несомненно обнаруживается в изданном папою законе 1080 года. В силу этого закона, по открытии епископской вакансии в той или другой епархии, папа или митрополит посылают туда епископа для того, чтобы блюсти за законностью избрания. Если избиратели, совершая выборы, увлекутся какими-либо посторонними побуждениями, например, соображениями лести или страха перед могущественными светскими властителями, то самые выборы должны считаться недействительными; при этих условиях клир и народ теряют свое избирательное право; вместо них право замещения вакантной кафедры переходит к митрополиту или к папе.

Закон этот дает возможность папе контролировать и направлять выборы и даже прямо назначать новых епископов. В действительности Григорий широко пользуется этой prerogative. Из собранного новейшими историками материала видно, что он старается, где

только возможно, через посредство своих легатов влиять на епископские выборы и даже прямо назначать своих кандидатов. Вскоре после воспреещения инвеституры эти назначения перестают быть исключением: они совершаются в нарушение принципа «свободных выборов» и, следовательно, в нарушение того древнего канона, на который опирается папа.

Григорий хочет не только взять в свои руки замещение церковных кафедр: он старается вообще поставить высших представителей иерархии в более тесную от себя зависимость. В отдельных случаях он соглашается на посвящение архиепископов под условием предварительного принесения ими вассальной присяги, в силу коей они обязуются «воинствовать св. Петру», защищать его светские владения. После разрыва с Генрихом IV он начинает требовать, чтобы немецкие епископы служили ему войском. Он вообще хочет быть не только духовным главою, но и верховным сюзереном епископов, присвоить себе по отношению к ним всю ту власть, которая раньше принадлежала королям и императорам. Сторонники Григория до известной степени основательно упрекают империалистов в том, что они присваивают императору полномочия главы церкви и «не хотят иметь другого первосвященника кроме кесаря». Но поэтому самому паписты хотят вырвать целиком власть над епископатом у королей и императоров; а это значит тоже, что отнять у последних их царские функции и поставить папу на их место.

Для Григория и его сторонников, как мы сказали, объединение иерархии служит руководящим мотивом в борьбе против инвеституры. Говоря словами клерикального писателя начала XII-го века—епископа Брунона Сегнийского, при существовании инвеституры «извращается вера, утрачивается свобода церкви, уничтожается священство, *закрывается единая и единственная дверь церкви, и открывается множество других дверей*; всякий, кто входит ими, есть вор и разбойник». По мнению другого писателя, современника Григория, Ансельма Луккского, государь, инвестирующий епископов, тем самым узурпирует власть того привратника, который должен отворять дверь истинным пастырям во двор овчий. Для пастырей, входящих в церковь, «единой дверью», апостол Петр должен служить привратником и ключником. В этом и заключается та главная тенденция сторонников преобразований, которая проводится под именем «свободных канонических выборов».

XIV. Иерархия земная в учении Григория строится по образу и подобию небесной, ангельской иерархии. В послании к трем французским архиепископам, написанном в 1079 году, он объясняет, что весь строй вселенной покоится на иерархических началах. В лестнице существ тварь от твари различается своим значением и чином, при чем низшая степени должны подчиняться высшим. Чины небесного воинства—ангелы, архангелы, херувимы и серафимы не равны между собою по степени значения и власти. И тем не менее в ангельском обществе господствует мир и согласие; все эти ангелы, располагаясь в стройном порядке иерархической лестницы, составляют единую курию, единое царство небесного Царя. Такой же порядок должен господствовать и в церкви—земном отражении «божеского царства». Здесь также должна существовать иерархическая лестница чинов—епископов, архиепископов, патриархов, которая должна находить себе завершение в едином начальнике—папе.

Значение св. Петра в теократической системе Григория

Посредником между небесной и земной иерархией является «небесный ключник»—

св. Петр, который с одной стороны отпирает и запирает смертным врата небес, а с другой стороны в лице папы является в земном воплощении. Эта посредническая роль верховного апостола, в лице коего небо встречается с землею, объясняет нам его центральное значение в папской системе.

«Власть ключей», присвоенная верховному апостолу, истолковывается Григорием в смысле власти над целым зданием церкви. В силу этого полномочия и поручения «пасти овец Христовых» св. Петр властвует не только в небесной сфере, но и в нижнем, земном этаже «божеского царства»: он отворяет и затворяет людям небеса: тем более он вправе судить о земном. Верховный апостол располагает не только теми или другими дарами благодати: он — *орган благодати в универсальном ее действии*. помимо его никто не спасается, никто не проникает в рай. Выражение «благодать св. Петра», безпрестанно повторяющееся в произведениях Григория, употребляется им в смысле *благодати вообще в земном ее действии*.

«Благодать св. Петра»

Говоря словами папы, благодать св. Петра — для всех «жизнь и блаженство»; гнев его — для всех «погибель». В руках св. Петра — не только все царства царей, но и души верующих, в силу данного ему преимущественного права связывать и разрешать. Он может дать или отнять спасение и честь как в этой земной, так и в будущей, загробной жизни. Отождествление «благодати св. Петра» с благодатью вообще явствует из того, что Григорий возвещает «достоверную надежду спасения» всем повинующимся апостольскому престолу и, «неизбежное осуждение» всем противляющимся ему. Отлучение от церкви нередко выражается Григорием в формуле: «отлучаю от благодати св. Петра»; а подвергнуться проклятию св. Петра значит для него тоже, что «утратить благодать Божию». Кто лишен благодати св. Петра, тот, по объяснению папы, становится членом общества дьявола, отлученный лишается не только небесных благ: он вообще во всех делах своих утрачивает божественную помощь: не может он одержать победы на войне, ни в чем-либо преуспеть в мире. Иначе говоря, утрата «благодати св. Петра» — тоже, что утрата благодати вообще: местами выражения «благодать Божия» «и благодать св. Петра» прямо употребляются, как синонимические.

Через св. Петра его преемник — римский первосвященник становится видимым центром действия благодати на земле. Действия папы, как должностного лица, суть действия самого верховного апостола. Вследствие этого жизнь и деятельность каждого папы в глазах Григория приобретает *характер необходимости*. Как он, так и другие писатели его направления видят в отдельных папах *избранных благодати св. Петра, действующей с неодолимой силой*. Св. Петр заранее предвидит и избирает своих преемников и руководит их действиями задолго до их возведения на апостольский престол. После посвящения в папы над каждым римским первосвященником совершается то же чудо, как и над верховным апостолом: его немощное человеческое естество превращается в твердую скалу, в несокрушимый камень веры.

Непогрешимость и святость папы

Отсюда вытекает вера в *непогрешимость* папы. Григорий усвоивает себе воззрение псевдоисидоровых декреталий, в силу коего во главе римской церкви не может стоять еретик, и

римская церковь не будет заблуждаться во век, так как сам Спаситель молился о том, чтобы не оскудела вера св. Петра. Другое последствие посвящения в папы есть святость посвященного. По мысли псевдоисидоровых декреталий, разделяемой Григорием, папы, правильно возведенные на апостольский престол, «заслугами *св. Петра становятся лучше*»: верховный апостол снабжает их «неизсякаемым приданым заслуг и наследием невинности»; этими заслугами св. Петра они приобретают «святость». В глазах Григория, папа, если можно так выразиться, до такой степени *пресуществляется* в св. Петра, что его личные качества не оказывают никакого влияния на его должностные действия: от него отнимается *свобода погрешать* в области догмата; он становится как бы автоматом благодати Петровой. Между верховным апостолом и его преемником происходит непрерывное интимное общение. «Разбираем ли мы письма, к нам обращенные, или выслушиваем речи говорящих,— говорит Григорий,— он (св. Петр) распознает, из какого настроения проистекает написанное и сказанное». Папу постоянно просвещает верховный апостол, который «не может быть введен в заблуждение лживыми уверениями».

Замена Христа св. Петром у Григория

По смыслу папской теории Григория, церковь строится на двойственном основании— благодати св. Петра и заслуг св. Петра. Вместо Христа Его верховный апостол становится главным виновником спасения людей. Вообще умаление значения Христа составляет естественный и необходимый результат всей разбираемой нами теории папской власти. Св. Петр в глазах Григория представляет собою власть близкую к людям, с которой они должны считаться в каждом своем действии; чем более преувеличивается значение этой власти, тем более образ Христа блекнет в отдалении. Христос управляет церковью не сам непосредственно, а лишь через верховного апостола. В качестве вселенского пастыря папа говорит и действует как «викарий св. Петра». Его именем он обещает людям рай или ад, земные или небесные награды и наказания, отнимает царства у одних и отдает другим, «связывает и разрешает»; через св. Петра, как мы уже видели, совершается вообще все то, что творится благодатью на земле. При этих условиях само собою разумеется, что Христос перестает быть центром действия благодати по отношению к земной церкви. Св. Петр заслоняет Его собой и становится вместо Него посредником между Богом и людьми. В том изображении папской теократии, какое дает нам Григорий, фигура св. Петра наполняет собой весь первый план; за ним на втором плане виднеется в облаках неясный облик Спасителя, Христос не наполняет собою настоящей, земной жизни церкви Петровой. Он представляет собою преимущественно ее отдаленное палестинское прошлое и ее будущее— грядущее царствие.

Значение св. Петра в жизни мирского общества

XV. Охарактеризованные только что основные принципы папской теории Григория представляют собой ключ к пониманию всего того, что он учит о взаимных отношениях церкви и мирского общества.

Св. Петр не есть представитель одной только римской кафедры. Он—мистическое олицетворение того строя, который должен господствовать во всей церкви. Вся иерархия сверху до низу должна стать иерархией апостольской, иначе говоря,—иерархией Петровой. Служение св. Петру должно быть высшей целью и для самих мирян: внимая словам его

апостольского послания (I Петра, II, 9), все мирское общество должно организоваться в «царское священство», в послушное папе святительское царство. Благодать св. Петра есть объединяющее начало—тот цемент, который скрепляет людей в организованное общество. С отнятием этой благодати рушатся царства, весь общественный организм распадается на части. Иными словами, в жизни земной церкви св. Петр должен наполнить все собою, стать всем во всем.

Св. Петр должен не только объединить в себе иерархию: он должен проникнуть в мир, наполнить содержанием жизнь светского общества. Среди христиан всех состояний, церковь—вообще единственное объединяющее, связующее начало: ею держится всякое общество, всякое государство, кроме общества дьявола—царства антихриста. Связь между сюзереном и вассалом, на которой покоится весь феодальный строй — скрепляется феодальной присягой: залогом прочности всех феодальных обязательств служит та вера Христова, которую должны защищать короли, во имя коей клянутся их вассалы. Союз между вассалом и сюзереном есть *союз веры и верности*, поэтому самому—он подлежит власти церкви, которая скрепляет и нормирует все те отношения, в основе коих лежит вера. Глава церкви—св. Петр и его преемник—папа может расторгнуть этот союз; он может разрешить подданных от присяги, от повиновения их государю, когда власть последнего перестает служить той христианской вере, во имя которой дана присяга. Папа может отлучить государя от церкви и тем самым изолировать его от всех—поставить его вне общества, вне христианского закона; властью римского первосвященника светский государь может быть временно отрешен от власти или на веки низложен. Наконец, разрешив подданных от присяги, папа может связать их обязанностью повиновения другому монарху, если это требуется интересами христианской веры.

Таковы притязания, выразившиеся в двух знаменитых письмах Григория к епископу Герману Мецскому. Папа дважды отлучил Генриха IV-го от церкви, дважды воспретил ему царствовать и разрешил его вассалов от присяги. В посланиях к Герману Мецскому, написанных после обоих отлучений—в 1076 и 1081 году,—он хочет оправдать свой образ действий. Чтобы успокоить сомнения верующих душ,—он задается целью показать, что карательные меры против Генриха представляют собою осуществление прав, искони принадлежавших апостольскому престолу.

Вопрос о праве папы отлучать царей

Прежде всего требуется уничтожить возражение тех сторонников Генриха, которые утверждают, что *король вообще не может быть отлучаем*. В ответ на это возражение Григорий ссылается на те евангельские тексты, коими устанавливается власть св. Петра над церковью. Поручая верховному апостолу «пасти овец»,—Спаситель не исключает царей из числа последних: давая апостолу власть ключей, власть «вязать и решить» на небе и на земле, Христос опять-таки никого не исключил, никого не изъяс из-под этой власти. Как овцы Христовы—цари одинаково со всеми прочими смертными подчинены св. Петру; этой власти не подчиняется лишь тот, кто сбрасывает с себя иго Христово и предпочитает нести иго дьявола. Кто не считает для себя возможным быть «связанным» постановлениями церковной власти,—тот не может ждать от церкви и «разрешения» (т. е. отпущения грехов): следовательно, кто не признает над собой этой власти,—тот вовсе отчуждается от Христа.

Возражая против права папы отлучать королей и императоров, сторонники империи исходят из того положения, что король получает свою власть *непосредственно от Бога*, а потому не может быть никем судим кроме Бога. Напротив, Григорий во всем своем учении предполагает, что власть св. Петра есть первоисточник всякой власти на земле, в том числе и власти царской. Ясное дело, что при таких условиях вопрос об отлучении королей сводился к вопросу о самом существовании святительской и царской власти. Если папа—вселенский пастырь, то ему, как блюстителю чистоты церковного стада, принадлежит право отлучать королей, как и всех прочих смертных. Но король, который может быть судим и отлучаем высшей земной властью, уже не есть непосредственный «викарий» Христа на земле. Если, напротив, король, как помазанник Божий, не подчинен никакому человеческому суду и власти, то папа уже не есть вселенский пастырь: он не может удалить из стада паршивую овцу: его власть «связывать и разрешать» подвержена изъятиям, ограничениям.

XVI. Ради осуществления единодержавия св. Петра в церкви, как его понимает Григорий, власть царская должна быть всецело подчинена власти святительской. Преемник св. Петра должен пользоваться всяческой властью на земле: он может не только отлучать, но и низлагать царей и возводить своих ставленников на их место.

По Григорию то и другое право вытекает прежде всего из принадлежащей апостолам Петру и Павлу власти «вязать и решить»: в силу этой власти апостолы могут «отнимать и давать каждому по заслугам: империи, царства, княжества, герцогства, маркграфства и всяческие человеческие владения». В знаменитом письме к Герману Мецскому, написанном в 1081 г., Григорий выводит те же права папы из «власти ключей», принадлежащей св. Петру. «Разве не может судить о земном,—читаем мы здесь,—тот, кому дана власть отворять и затворять врата небес. Да не будет так. Или вы не помните,—что сказал апостол Павел: *Разве вы не знаете, что мы будем судить ангелов? Кольми паче—мирския дела*».

Аргумент *a fortiori*

На подобных же доказательствах *a fortiori* построена вообще вся аргументация Григория. Если апостольский престол может судить о делах духовных, то почему он не может судить и о светских делах? Если св. апостолы могут отнимать и раздавать патриархаты, архиепископства и епископства, то почему же они не могут делать того же и в нисней, мирской сфере, т. е. располагать царствами? Слабая сторона всех этих рассуждений, согласно верному замечанию современного немецкого историка—Мартенса, заключается в применении аргумента *a fortiori* к областям неоднородным. Из того, напр., что духовник освобождает кающегося от греховных уз, не следует, что он может сделать для своего духовного сына меньшее в другой сфере, напр., освободить его от его долговых обязательств. И точно также из того, что папа может отрешать пастырей от должностей—не следует *a fortiori*, что он может низлагать королей.

Причины партийного ослепления Григория и его сторонников

Замечательно, что указанное заблуждение вовсе не есть только индивидуальный, личный промах Григория; тот же аргумент *a fortiori* повторяется многими писателями и составляет одно из общих мест клерикальной публицистики того времени. Ясное дело, что это общее партийное ослепление не есть результат простой случайности, а обуславливается действием общих исторических причин, влиявших одинаковым образом как на практических

деятелей, так и на писателей занимающей нас эпохи.

Указанное заблуждение обуславливается тем смешением церкви и государства, которое составляет капитальный грех всего средневекового строя. Порядок благодатный и мирской до того тесно переплетены и перепутаны, что трудно определить,—где кончается церковь, и где начинается государство. Оттого-то, несмотря на попытки различить и разграничить эти две сферы, писатели и практические политики их безпрестанно смешивают, рассматривают их как однородные. Для Григория и его сторонников государство имеет право существовать лишь как нисшая сфера того же «божеского царства» коего высшее проявление есть церковь; поскольку государство есть самостоятельный союз, преследующий, в отличие от церкви, свои особые задачи и цели, оно есть «общество разбойников»,—изобретение сатанинской гордости людей. Этим и объясняется распространение власти ключей римского первосвященника на государственную сферу путем аргумента *a fortiori*; если папа господствует в церкви—высшей сфере божеского царства, то он *тем более* может распоряжаться и в нисшей сфере того же божеского царства—в государстве. Ему, как ключнику царства небесного, принадлежит власть над всем зданием христианского общества: значит, помимо его никто не может владычествовать, управлять христианами,—ни царь, ни епископ.

Григорий вообще различает власть духовную и законную светскую власть, лишь как высшую и нисшую инстанцию в пределах одной и той же «христианской республики», а не как разнородные две власти: они разнородны, лишь поскольку светская власть есть власть тиранническая по своему происхождению или по тем целям, которых она преследует. Государство, чтобы стать правомерным христианским союзом—должно слиться с церковью, поглотиться ею—в этом заключается основной принцип всей государственной теории Григория. В двух знаменитых письмах к Герману Мецскому мы находим чрезвычайно резкое противопоставление духовной и светской власти. Здесь Григорий прямо называет царскую власть дьявольской узурпацией; он учит, что цари произошли от разбойников, присвоивших себе власть над равными себе, т.-е. над людьми. Власть царская есть «изобретение человеческой гордости», власть святительская, напротив,—божественное установление. «Первая непрестанно гоняется за суетной славой; вторая, напротив того, всегда стремится к небесной жизни».

Слияние церкви и государства в теократической системе Григория

Казалось бы, такая противоположность исключает всякую возможность какого бы то ни было единения или даже мирного сожительства между церковью и государством. Что может быть общего между царством не от мира сего и обществом дьявола—продуктом греха и тираннической узурпации! Но по странной логике это резкое противопоставление духовного и светского порядка нужно Григорию именно для того, чтобы подготовить их слияние. Чтобы покрыть свой грех и перестать быть дьявольской узурпацией,—царская власть должна подчиниться святительской власти всецело. Умаление светской власти здесь имеет целью сделать церковь всеильной в государстве. Для Григория святительская власть настолько же выше царской, насколько золото драгоценнее свинца. Согласно словам папы Геласия,—цари должны подчиняться святителям, а не наоборот, ибо святители за самих царей имеют отдать отчет Всевышнему в день суда. Эта ответственность предполагает власть святителей над царями; пользуясь этой властью, римские первосвященники неоднократно отлучали и даже низлагали светских государей. Григорий ссылается на пример папы Захария, который

низложил франкского короля Хильперика не столько за грехи его, сколько потому, что он не мог с пользой царствовать: вместо Хильперика Захар возвел на королевский престол Пипина—отца Карла Великого.

Борьба Григория против владычества над церковью светской власти

Чтобы понять смысл аргументации Григория, нужно прежде всего помнить, что та царская власть, которую он хочет умалить, черпает всю свою силу во владычестве над церковью, над епископатом. Обе спорящие партии смешивают церковь с владычеством государства: для обеих значение царской власти вообще измеряется значением ея в церкви. Если империалисты некоторым образом видят в короле святителя над святителями, то Григорий хочет прежде всего доказать, что король и император в церкви значит меньше, чем простой клирик: отсюда, уже сама собой вытекает полнейшая зависимость царской власти от святительской: царь должен подчиняться папе во всем в качестве низшего члена клира. По своему положению в церкви короли и императоры—ниже простых экзорцистов, которые составляют предпоследний разряд церковно-служителей: ибо экзорцистам дана власть изгонять демонов, коей короли не имеют. Если, таким образом, простые церковно-служители возвышаются над царями, то во сколько же раз превосходят их епископы! Цари не пользуются властью разрешать от грехов, которая дается каждому священнику: они вообще не обладают властью вязать и решить. Из этого подчиненного положения царей в церкви папа заключает, что они вообще подлежат суду святителей, а тем паче—суду римского первосвященника. Словом, Григорий выводит право папы судить и низлагать королей из того, что короли лишь в наименьшей степени располагают духовной властью. Как ни странен кажется этот логический скачек с нашей современной точки зрения,—в те времена люди не могли сознавать главного промаха папской аргументации в виду указанных нами особенностей того средневекового строя, среди которого они жили и действовали.

Противоречия в отношении Григория к светской власти

XVII. Отношение Григория к светской власти не может быть вполне последовательным. Мы уже видели, что он осуществляет реформу при содействии мирян, коих он делает судьями над пастырями; в борьбе против враждебных апостольскому престолу государей он должен опираться на другие мирские власти. Принудительное единство святительской теократии вообще нуждается в содействии светского меча для своего осуществления. Одну и ту же светскую власть требуется умалить и унижить, поскольку она препятствует осуществлению «божеского царства» на земле и возвысить, поскольку она служит его целям. Отсюда в произведениях Григория—две противоречивые характеристики светской власти: будучи продуктом греха, нечестивой узурпации, она вместе с тем—необходимый орган теократии, хотя и подчиненный папе, как высшей инстанции.

Даже в письмах к Герману Мецскому, написанных под непосредственным впечатлением столкновения папы с императором, сталкиваются об эти противоположные тенденции. Мы уже видели, что в этих письмах отрицательное отношение Григория к светской власти выражается в крайне резкой форме. Но тут же, в письме к Герману за 1081 г., мы сталкиваемся с таким учением о задачах христианской монархии, которое плохо вяжется с предшествовавшей отрицательной характеристикой государства. Цари,—читаем мы здесь—должны *блюсти души* своих подданных и отдавать о них отчет Всевышнему; церковь возводит ца-

рей и императоров не ради их суетной славы, а «*ради спасения многих*»; этим определяются основные обязанности государей.

Понятно, что царь, который ведет своих подданных ко спасению, уже не есть только светский властитель. Это, повидимому, сознает и сам Григорий. В другом письме он утверждает, что тело церкви управляется двумя властями—царскою и святительскою, которые в ней столь же необходимы, как два глаза в человеческом теле. По поводу предстоящего в 1081-м году избрания германского короля на место низложенного Генриха и убитого анти-короля Рудольфа, папа обращается с мольбой к Спасителю, чтобы Он дал церкви такого защитника и «*правителя*» (*rectorem*), какого ей подобает иметь. В 1074-м году, намереваясь отплыть в крестовый поход на восток, Григорий хочет поручить вместо себя управление римской церковью германскому королю—Генриху IV-му. Также точно противоречиво учение Григория о *происхождении* светской власти: называя ее, как мы видели, изобретением человеческой гордости, Григорий в некоторых письмах утверждает, что она произошла от божественного установления.

Вообще, когда требуется смирить непокорных светских властителей, папа утверждает, что они не имеют в церкви никакой власти или пользуются властью меньшею, нежели нисшие члены клира; когда требуется приобрести в мирских государях помощников и союзников, он рассматривает их как некоторого рода святителей, поставленных управлять церковью. Эти противоречия не составляют только черту политики папы, колеблющейся в зависимости от оппортунистических соображений. Они коренятся в самом существе теократического идеала, который исходит из аскетического презрения ко всему мирскому и вместе с тем нуждается в содействии мирской власти для своего осуществления. Двойственная оценка государства и мирской власти вообще присуща тому августиновскому пониманию «божеского царства», которое господствует в средние века. С одной стороны, церковь рассматривается здесь, как единственная положительная величина: по сравнению с ней—мирское царство, как такое, есть прах и тлен; мирская власть, как такая, есть проявление человеческого греха или ничтожества. С другой стороны, именно это отрицательное отношение к государству ведет к тому, что церковь становится на его место, поглощает его в себе: государство превращается в часть божеского царства, часть церкви; светские власти становятся в ней правителями и как бы чинами ее иерархии.

—————

Как в своей практической деятельности, так и в своих литературных произведениях Григорий VII является героем и апологетом той теократической системы, которая в то время господствовала в жизни европейских народов. Поэтому противоречия его мысли суть противоречия самой исторической действительности XI столетия.

Осуществление единого «божеского царства» на земле составляет идеальную цель средневековой теократии; ее основная задача заключается в устроении вселенского, *католического* мира, в уничтожении раздора и неурядицы в человеческом обществе. Мы видели, что этот идеальный мотив лежит в основе всего того, что думает и делает Григорий. В действительности, однако, самое существование теократии в средневековой, католической ее форме обуславливается дроблением феодального общества, тем состоянием раздвоения и разлада, которое составляет характерное его отличие. Мы уже видели, что в занимающую нас эпоху

церковь оказывается вынужденною присвоивать себе функции государства именно вследствие отсутствия прочного светского порядка, который обеспечивал бы неприкосновенность личности и имущества. Мы уже говорили о том, что германское королевство и империя покоится на теократической основе за невозможностью построить государство на чисто светских началах. Сторонники папства и империи заявляют себя в принципе врагами всякого индивидуализма; и, тем не менее, индивидуалистические стремления средневекового общества составляют необходимое предположение как святительской, так и царской теократии. В борьбе против императора папа вынужден опираться на центробежные силы, на враждебных единству империи германских князей. Союзниками императора, напротив того, является враждебное римской централизации духовенство, центробежные силы иерархии.

В средневековой теократии государство и церковь сливаются так, что исчезают всякия определенные границы между ними. Но именно это отсутствие границ делает неизбежным *спор о границах*. Слияние церкви с государством неизбежно влечет за собою как присвоение царских функций святительской властью, так и узурпацию святительских полномочий царями. Именно то понимание *единства*, которое мы находим у писателей и деятелей занимающей нас эпохи, делает неизбежным *двоевластие*, спор о первенстве между святительской и царской властью. В раздоре двух высших в католическом мире властей, двух органов средневековой теократии обнаруживаются ее роковые противоречия и ее внутренняя несостоятельность.

Кн. Е. Трубецкой.

XXXI. Ломбардские города в XII веке

Города и епископы в Ломбардии

В борьбе империи и папства на почве Италии при переходе ее в XII столетие мы наблюдаем две новые черты. С одной стороны меняется самый характер борьбы: в Риме духовные интересы все более уступают место интересам политическим. Дело идет уже не о том, чтобы обезпечить церковь от вторжений светской власти, как это было в XI веке, а о том, чтобы защитить светскую власть папы и помешать императору утвердить свое владычество в Италии. С другой стороны, рядом с церковной иерархией и феодальной монархией выступает новая политическая сила—вольные городские общины Ломбардии, являющиеся представительницами национальной идеи в Италии.

В XII веке Ломбардия была страной муниципального духа по преимуществу. Если и нельзя установить непосредственной преемственной связи между римскими муниципиями и городскими общинами средних веков, то несомненно все-таки, что именно в Ломбардии городская жизнь сохранилась лучше, чем где бы то ни было. В IX и X веке епископы стали настоящими государами ломбардских городов. Постепенно они захватили в свои руки власть, принадлежавшую некогда графам. Если в некоторых городах, как например в Милане, еще держатся графы и маркграфы, то значение их кажется ничтожным рядом с положением епископа¹. Под сенью этой епископской власти складывается общинная жизнь Ломбардии. Окруженный крепкими стенами, населенный жителями, которых связывали общие интересы, город рано приобретает сознание своей силы и умеет им пользоваться. Купцы и ремесленники составляют отдельные корпорации, обладающие самоуправлением; соединяясь вместе, эти корпорации вырабатывают постепенно общинную администрацию. Даже епископ, управляющий городом, носит до известной степени характер муниципаль-

Пособия: *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit; *Lovisse et Rambaud*, Histoire generale T. II; *Georges Guibal*, Arnaud de Brescia et les Hohenstaufen; *Giesebrecht*, Arnold von Brescia; *Prutz*, Staatengeschichte des Abendlandes; *Stacke*, Deutsche Geschichte.

1 Многочисленные привилегии, данные имп. грамотами ломбардским церквям, дают нам достаточные сведения о подобном порядке вещей.

ного магистрата. Граждане имеют голос при его избрании, а епископ с своей стороны, назначая доверенных лиц для суда и администрации, выбирает их из среды граждан. Тот же епископ собирает в случае необходимости народное собрание. И нигде в Ломбардии епископ не стоял так высоко, как в Милане, где уже с IX века он был почти всемогущим. В X веке, когда город насчитывал 300 т. ж., и промышленность и торговля его процветали, архиепископ Гериберт считал себя настолько сильным, что вступил в борьбу с самим императором.

Устройство городов

Но почти для всех городов наступает момент, когда городская община, окрепшая под владычеством епископа, хочет избавиться от власти, которою она уже тяготится. Так, в Кремоне еще в начале XI века граждане изгоняют епископа Ландульфа и разрушают его дворец. Реформы в церковной организации и спор из-за инвеституры ослабляют власть епископов, вносят новое движение в городскую жизнь и благоприятствуют стремлениям городов к независимости. В Милане с этого времени идет постоянная борьба города с архиепископом и среди этих смут слагается постепенно муниципальное правление. С другой стороны, города представляют такую силу, что в борьбе духовной и светской власти и та и другая старается иметь их на своей стороне и, конечно, приобретает их поддержку не даром. Если Генрих IV освобождает жителей Лукки от власти епископа Ансельма, то и графиня Матильда дает подобную привилегию жителям Мантуи. Таким образом права верховной власти, попавшие тем или другим путем в руки епископа, переходят к городу. Этот переворот в городской организации, подставивший в большинстве городов городскую автономию на место епископской власти, заканчивается уже в первой половине XII века. В Ломбардии он ознаменывается всего более распространением консульства, которое раньше являлось лишь в виде исключения в отдельных городах¹.

Общинное управление ломбардских городов слагалось из трех существенных элементов: консулов, совета и народного собрания. В руках консулов лежала власть административная, судебная и военная. Но не всегда власть консулов распространялась одинаково на все классы городского населения; в средневековом быту городские классы были для этого слишком обособлены. В ломбардских городах мы имеем таких класса три, не считая духовенства: дворянство (*milites, capitani, valvassores*), торгово-промышленный класс и простой народ (чернь). В некоторых городах дворянство не входило вначале в общую организацию, как напр. в Модене до 1185 г. В Генуе духовенство и чернь (*minores*) в половине XII в. пользовались покровительством общины, но не составляли ее части. По большей части консулов было 12, но число их менялось иногда в одном и том же городе. В Милане в 1117 г. было 18 консулов, в 1130—20 и в 1162—8. Иногда число их соответствовало числу городских кварталов (*rioni, sestieri*). Рядом с консулами действовал городской совет, носивший обыкновенно название *credentia*, потому что члены его давали обещание доверять консулам (*credentiam consulum juraverunt*). В некоторых городах власть консулов была значительно связана этими советами, но мы, к сожалению, мало знаем относительно способа их составления. Что же касается народного собрания (*concio publica, parlamentum*), то оно собиралось только в особенно важных случаях и состояло из всех членов общины

1 Так, мы находим консулов в Бландрате в 1093, в Асти 1095, Комо 1109. Милане 1107, Гуастале 1115, Пиаченце 1126, Модене 1150 и т.д.

(communitas). В некоторых городах консулы, слагая должность, давали отчет о своем управлении в этих собраниях. Организация ломбардских городов не была однообразной в виду того, что каждый город имел свои статуты, где одинаково можно было встретить следы как римского, так и ломбардского права. Свободное устройство и богатство ломб. городов невольно бросалось в глаза иностранным писателям, и Отто Фрейзингенский, дядя и историк Фридриха Барбаруссы, с удивлением описывает устройство городов, где дворянство идет рука об руку с горожанами и где люди низкого происхождения носят оружие, принадлежащее рыцарям, и занимают значительные должности. При внимательном взгляде на городскую жизнь можно было, конечно, заметить и те слабые стороны, которые прикрывались наружным блеском. Свобода и равенство не царили во внутренней жизни города. Община строго следила за отдельной личностью, и гражданин был связан сословием, к которому он принадлежал, ремеслом, которым он занимался, приходом и кварталом, в котором он жил. Консулы и совет определяли рамки не только его политической свободы, но и его частной жизни. Было определено число смоковниц и миндальных деревьев на его поле и число священников и свечей на его похоронах. Но главное зло было в тех, внутренних и внешних междоусобицах, от которых никогда не отдыхали ломб. города. Внутри городских стен шла постоянная борьба между зажиточными гражданами и чернью, между знатными домами, окружившими себя вооруженными клиентами, иногда между отдельными кварталами и улицами. Еще опаснее была вражда городов между собою. Не щадились средства, чтобы унижить соперника, а, если можно, стереть его с лица земли. XII век дает нам много примеров такой беспощадной жестокости. Когда жители Милана после долгой осады взяли Лоди, они разрушили стены, сожгли дома, разогнали население и превратили город в груды развалин. И обратно, когда Фридрих Барбарусса решился уничтожить ненавистный ему Милан, никто не исполнял воли императора с таким усердием, как жители соседних Лоди, Кремоны, Новары и Павии.

Фридрих Барбарусса

Образование свободных городских общин в Ломбардии к половине XII в. находит себе объяснение также в положении императорской власти со времен Генриха IV. Ни Генрих IV во время своей неудачной борьбы с римской церковью, ни Генрих V, заключивший невыгодное для империи соглашение с Римом, не могли пользоваться вполне своими верховными правами над Италией. Не сделали ничего для возрождения императорской власти и следующие государи: Лотарь и Конрад III. Но такое отношение не могло длиться вечно. Столкновение с Римом и ломбардскими городами стало неизбежно, когда престол Германии заняла личность, подобная преемнику Конрада III. Фридрих Барбарусса является самой крупной фигурой среди германских императоров ср. в. В нем соединились выдающиеся личные достоинства, мужество, политический смысл и высокое понятие о своем королевском и императорском сане. В политике Фридриха Барбаруссы, как и других германских государей, следует различать деятельность короля и императора. В первом отношении он старался утвердить единство правления, ослабить значение крупных феодалов и подавить самоуправство мелких. Действуя одновременно в интересах Германии и своих собственных, он увеличивал могущество дома Гогенштауфенов, распространяя его владычество на Бургундию и отдаленный Неаполь. Более видной, хотя и менее прочной по достигнутым результатам, была его деятельность в качестве главы священной-римской империи. Здесь че-

столюбивый и для своего времени достаточно образованный император поставил себе самые высокие цели: не даром он брал себе за образец создателя священной-римской империи, которого он объявил святым в 1165 г., и смотрел на себя, как на преемника императоров древнего Рима. Едва избранный на престол, он пишет папе, что его честолюбие заключается в том, чтобы «возстановить в прежней силе и полноте величие римской империи», а один из современных летописцев говорит про него: «во все время его царствования ничто не было так близко его сердцу, как возстановить римскую империю такую, какою она была прежде». Были моменты в царствование Фридриха, когда он, казалось, стоял на высоте, к которой стремился. Таков был 1157 г. с его сеймами в Безансоне и Вюрцбурге. На первом император принял присягу своих бургундских вассалов и простер область своего влияния до Прованса, на втором его приветствовали посольства Италии, Франции, Бургундии, Дании, Испании, Англии и Византии. Исходя из идеи священной-римской империи, Фридрих называет королей Англии и Франции *reges provinciarum*. И, по крайней мере, король первой, Генрих II, сам признавал подобное отношение. Во время того-же сейма в Вюрцбурге, посылая в подарок императору роскошный шатер, он пишет: «Англию и все, что относится к нашим владениям, отдаем мы в Ваше распоряжение, чтобы все было там устроено по Вашему желанию. Да будет между нашими народами единение и беспрепятственные сношения, но так, чтобы Вам, как высшему, принадлежал распоряжение, и у нас не будет недостатка в желании повиноваться». Высокие притязания императора всего рельефнее должны были отразиться на его отношениях к Италии. Преследуя свои цели в этой области, Фридрих мог, повидимому, рассчитывать на более прочные результаты своей деятельности. Ни Карл Великий, ни Оттон I не имели ясного представления о тех императорских правах, на которые они ссылались. Фридрих же был окружен легистами, докторами Болонского университета, которым он поручает определение своих прав. И легисты дают императору самые выгодные для его власти положения, они говорят ему, что его воля имеет силу закона, что ему принадлежит не только верховная власть, но и собственность над миром.

Римская церковь неизбежно должна была столкнуться с императором, который предъявлял права и полагал свою руку на то, что церковь привыкла уже считать своей собственностью. «Святой Петр—единный государь Рима»—говорит папа.—«Если я не господин в нем, то я император только по имени»—отвечает Фридрих. Но, ссылаясь на античные предания, называя себя преемником Константина, Феодосия и Юстиниана, Фридрих остается в то же время сыном своего века: мы видим в нем благочестивого католика и истого германца. Фридриху дорого достоинство церкви и он не видит в папе лишь политического противника, подобно своему внуку, для которого все средства хороши, чтобы унижить папу. В XII веке римские предания возрождались не только в теоретическом обосновании императорской власти, но и в попытке возродить идею римского народовластия. В беспокойном всегда Риме в половине XII в. произошел крупный переворот, во главе которого стояла замечательная личность Арнольда Брешианского. Это была не только смелая, но преждевременная и заранее обреченная на неудачу попытка церковной реформы, но и целый политический переворот, пытавшийся вновь создать в Риме правительство «сената и народа римского». Римская республика должна была опереться на кого-нибудь в борьбе с папой и она обращалась к Конраду III и теперь к Фридриху Барбаруссе. Она хотела видеть в императоре носителя верховной власти римского народа и надеялась достигнуть от него утверждения

приобретенных прав и освобождения от папской власти. Фридрих был оскорблен и как император и как германец. Мы не можем считать вполне точным ответ Фридриха, приведенный его историком Отто Фрейзингенским, но, если не слова, то мысль императора передана верно: «Напрасно говорите вы о прежнем величии и великолепии Рима; не только владычество, но и самая доблесть перешли к германцам. Поэтому правят вами германские короли, думают за вас германские князья, сражаются за вас германские воины. Я прихожу не для того, чтобы получить от вас что-либо, но чтобы вас спасти от внутренних и внешних раздоров». Руководствуясь подобными взглядами, Фридрих пожертвовал римской революцией и Арнольдом Брешианским папе и выпустил из рук готовое оружие против римской церкви.

Желая быть господином в Риме и Италии, Фридрих не мог безразлично смотреть на свободное развитие ломбардских городов, которые в течение целого века отвыкли от сильной императорской власти. То, что Фридрих сказал в 1158 г. о Милане, относилось и к свободной Ломбардии вообще: «Высокомерие их подняло голову против римской империи и в настоящее время старается потрясти всю Италию. Поэтому мы хотим обратить против них все силы этой империи». Свободы Ломбардии и идеалы императора не могли быть осуществлены в одно и то же время. Обе стороны прибегли к оружию, чтобы защитить то, что они считали своим правом. 22 года длилась борьба Фридриха в Италии и 6 раз переходил он для этого через Альпы. Все это время можно удобно разделить на два периода. Первый—торжество императора—выразился теоретически в постановлениях Ронкальского сейма и реально в разрушении мятежного Милана. Второй—торжество городов—привел прежде к фактическому уничтожению императорской силы в битве при Леньяно и получил затем формальное определение на Венецианском конгрессе и в Констанцком договоре.

Первый поход Фридриха

Осенью 1154 г. Фридрих в первый раз переходит Альпы. Целью его было надеть императорскую корону в Риме, но в то же время император не мог пройти через Ломбардию, не напомнивши ей городам о своих верховных правах и не устранивши тех злоупотреблений, жалобы на которые дошли до него в Германии. Еще в Констанце посольство от Лоди умоляло его спасти город от тирании Милана. Теперь на Ронкальском поле близ Пиаченцы Фридрих выставил свой королевский щит и потребовал к себе своих итальянских вассалов. Начались жалобы, Маркграф Монферратский, единственный крупный сеньёр верхней Италии, не склонившийся еще перед могуществом городов, указал на то, как вообще пал авторитет короля в Италии, и в частности обвинил особенно города Асти и Кieri. Затем целый ряд жалоб посыпался на самовластие Милана. Подняли их несчастные города Комо и Лоди и поддержали Павия и Кремона. Попытка Милана деньгами—он предлагал 4 т. марок—купить себе владычество над Комо и Лоди была отвергнута. Не имея достаточно войска и озабоченный иными вопросами, Фридрих оставил пока в покое сильный Милан, но показал пример своей строгости, разрушивши более мелкие города: Розато, отказавший ему в провианте, Асти, Кieri и Тортону, на которую жаловалась преданная императору Павия. Тортонна упорно защищалась два месяца, и гибель ее произвела сильное впечатление на страну. Надевши на себя в Павии ломбардскую корону (15 апреля 1155 г.), Фридрих пошел далее в Рим, куда манило его коронование в соборе св. Петра. Не без труда удалось Фридриху добыть себе императорскую корону. Для этого понадобилось соглашение с Адрианом IV, потребовавшим выдачи бежавшего из Рима Арнольда Брешианского и заставившим импера-

тора выполнить обряд держания папского стремени при свидании в Сутри, а затем и кровавое столкновение с римлянами, одинаково недовольными как императором, так и папою.

Второй поход и взятие Милана

Прошло целых 4 года, прежде чем Фридрих нашел возможным снова явиться в пределах Италии. На этот раз были приняты все меры, чтобы выступить с такой силой, пред которой ломбардские города должны были бы преклониться. Отношения в Германии были поставлены так, чтобы развязать Фридриху руки в Италии, и большие военные силы были собраны со всего государства. Летом 1158 г. начался поход. Через Большой Бернارد двинулись войска из Бургундии и Лотарингии, по побережью Адриатики из Австрии и Каринтии и через Бреннеров проход сам император с отрядами франков, баварцев и швабов; за ним следовали саксы. При Брешии присоединились к нему итальянские вассалы и верные ему города Павия, Парма, Кремона, так что образовалось до 100 т. пехоты и 15 т. конницы. Все эти силы двинулись на объявленный в опале Милан и 6 августа 1158 г. приступили к его осаде. Соппротивление Милана не было на этот раз продолжительно: болезни и голод скоро ослабили воинственное настроение миланцев, и благодаря стараниям графа Гвидо де Бландрата в начале сентября была заключена капитуляция с императором. Требования последнего были приняты: Лоди и Комо становились независимыми, все жители Милана присягали на верность императору, платили значительную сумму денег—9 т. марок серебра,—выставляли 300 заложников, а главное, возвращали ему все коронные земли и верховные права, и обещали обращаться к нему за утверждением своих консулов. 8 сентября последовала торжественная сцена подчинения мятежного города императору. Население города длинной процессией потянулось в лагерь Фридриха просить себе прощения. Впереди с архиепископом во главе шло городское духовенство с крестами и кадилницами, затем консулы, члены совета и дворянство с босыми ногами и обнаженными мечами, привязанными к затылку, наконец, простой народ, с веревками на шее, истощенный голодом и одетый в рубище. Все это пало на землю перед императором, сидевшим на престоле. Первый заговорил архиепископ и в своей речи взывал к снисхождению Фридриха. Тот поцеловал его в знак примирения и указал ему место среди остальных епископов. Следующее слово принадлежало одному из консулов, по имени Obertis ab Orto.—«Мы согрешили», говорил он, «и сотворили незаконное, мы просим прощения и кладем наши мечи к вашим ногам и нашу жизнь в ваши руки». Тронутый этой покорностью, император отвечал: «Я рад, что жители Милана предпочли, наконец, мир войне. Сколько несчастья было бы предотвращено, сколько добра было бы сделано, если бы граждане с самого начала предпочли эту благую часть! Я предпочитаю, чтобы мне повиновались добровольно, чем по неволе, я предпочитаю миловать, нежели казнить, но пусть никто не забывает, что меня легче победить покорностью, чем войною. Я надеюсь, что город и вперед будет оставаться на этой верной стезе, и он будет испытывать тогда не силу и строгость мою, а расположение и милость».

Определение прав императора

Милан преклонился перед волею императора, но одним этим не мог удовлетвориться Фридрих. Он хотел раз навсегда привести в полную ясность свои права, как верховного ленного государя Ломбардии, и в том же году 11 ноября, на празднике св. Мартина, на Ронкальском поле, был созван для этого новый сейм. Его задачей было, по собственным словам Фридриха, «выяснить вполне законы империи, вышедшие из обыкновения и поза-

бытые». Чего можно было ожидать от победоносного императора, видно уже из обращенных к нему слов архиепископа миланского: «Знай, что вся законодательная власть народа принадлежит тебе; твоя воля—закон, ибо сказано: что угодно князю, то имеет силу закона». Император назначил особую комиссию из 4 болонских юристов и 28 депутатов от 14 ломбардских городов для определения прав императора над Ломбардией¹.

Работы комиссии показали, что, несмотря на численное превосходство представителей городов, главную роль в ней играли все-таки болонские юристы. Это были ученики знаменитого Ирнерия: Булгарус, Мартин Гозиа, Иаков и Гуго де Порто Равенната. Фридрих не даром принял болонскую школу под свое особое покровительство и поставил профессоров права наравне с рыцарями. Одушевленные только что возрождавшимся тогда изучением древне-римского права и исходя из средне-вековой идеи, что священно-римские императоры германской нации являются преемниками Юстиниана, Феодосия и Константина, они провели очень высокое представление о положении императора вообще; определяя же его права, как государя, по отношению к городам, они оставили без внимания тот действительный порядок, который сложился сам собою в Ломбардии с XI века. Императору возвращались все регалии, от которых должны были отказаться епископы, князья и консулы, бывшие представителями городской автономии. В качестве таких регалий к императору отошли все территориальные владения, т. е. герцогства, маркизаты, графства и маркграфства, затем чеканка монеты, право обложения налогами и многообразными пошлинами того времени, обогатившая его казну на 30 т. ф. лишних в год. Ему же принадлежало право уголовного суда и назначение городских магистратов, подест, консулов и судей, хотя и с согласия общины. Этим создавалась столь резко выраженная феодальная монархия, какой еще никогда не было в Ломбардии и которая не могла не противоречить сильно развитому в ней республиканскому духу. Наиболее важно было право назначения городских магистратов, которое делало Фридриха не только ленным главою, но и настоящим государем этих городов. Правда, Фридрих обещал—и это вошло в самые постановления сейма—что, если кто докажет, что он получил от императора или его предшественников какие-либо особые права или льготы, то он может сохранить их, хотя бы они противоречили принятым на сейме решениям. Но привести эти доказательства было не так легко, и оговорка эта мало смягчала поэтому безотрадный для городов результат Ронкальского сейма. Духовные и светские князья присягнули новому государственному закону, и Фридрих оказался на такой высоте, что придворные юристы имели некоторое основание называть его «господином мира», скрепившим приобретения оружия святостью закона². Новый порядок в Ломбардии сопровождался и новым явлением в городской организации. Как преобладание свободного начала совпало с развитием консульства, так усиление монархического характеризуется распространением должности подеста. Имя это встречается, правда, и раньше, но в виде исключения, как например в Болонье, в 1151—53 г. Но как общее учреждение это—новость, и в таком смысле отмечает это явление современный писатель, Отто Морена, говоря об учреждении должности подеста в Лоди в 1159 г. Сохранилось известие, что Фридрих советовался с предста-

1 Instit., 1, 2, 6. Quod principi placuit, legis habet vigorem, cum populus ei et in eum suum imperium et potestatem concesserit

2 Юрист Мартин называет императора dominus mundi столько же de proprietate, сколько же и de jure. Как высоко ставилась законодательная и юридическая власть Фридриха, видно из того, что некоторые положения Ронкальского сейма, например, о присяге малолетних, вошли в Corpus juris.

вителями Милана, как лучше обеспечить верность ломбардских городов, и те посоветовали назначить верных людей подестами. Подесты стали главными проводниками императорской власти. Будучи высшими сановниками города, они мало-по-малу перевели на себя большую часть той власти, которая принадлежала прежде консулам. Чтобы подеста меньше зависел от местных страстей и партий, он был, обыкновенно, родом из другой местности и не оставался долго на своем посту. Эти-же причины делали его склонным злоупотреблять своею властью, прикрываясь интересами короны. Отношения к нему городского населения могли быть только враждебными.

Ронкальский сейм 1158 г. привел совершенно к иным последствиям, нежели ожидали: вместо того, чтобы водворить спокойствие и мир, он дал новый повод к столкновениям и войнам. Ответственность за это падает на обе стороны. С одной стороны, ломбардские города, торжественно признавая в таких обширных размерах права императора над собою, надеялись на то, что на практике они не будут применяться во всей их полноте; они рассчитывали также на свои отдельные привилегии и частные соглашения с императором, как это и было с Миланом. С другой стороны, и Фридрих совершал, может быть, самую крупную ошибку в своей политике, считая, что определениями Ронкальского сейма навсегда урегулированы его отношения к Ломбардии. Видя свой идеал в прошлом, уже отжившем времени, Фридрих, при всем своем политическом такте, не имел ясного представления о современной Италии и о том, что может он с нея требовать. Постановления Ронкальского сейма были для него определением тех прав, от которых он, как священно-римский император, отступить не мог, и потому ломбардские города, не желавшие примириться с потерей своей городской свободы, были для него лишь мятежниками, по отношению к которым Фридрих был беспощаден, нисколько не увлекаясь личной местью.

Новая борьба с Миланом

Как только дело дошло до применения на деле решений сейма, начались столкновения с городами и прежде всего все с тем же Миланом. Разногласие вышло принципиального характера, как это и следовало ожидать. Император послал туда своего канцлера Райнальда Дасселя, архиепископа Кельнского и пфальцграфа Отто Вительсбаха, чтобы назначить городских сановников: он опирался, следовательно, на общее решение сейма. Но в Милане имели в виду капитуляцию, заключенную с императором при сдаче города и предоставлявшую им право выбора своих магистратов: Ронкальские постановления, как было упомянуто выше, допускали возможность особых условий в виду ранее дарованных привилегий. Только в таком случае представители Милана на сейме могли признать его решения, не делаясь изменниками против своего родного города. Упорство императорских послов довело дело до открытого мятежа в Милане, при чем толпа кидала камни в окна дома, где поместились послы, и угрожала даже их жизни. Послы поспешили удалиться, и разгневанный Фридрих потребовал удовлетворения. Новые переговоры не только не привели к соглашению, но еще более обострили дело, когда выведенные из терпения миланцы заявили, что они «обещали императору верность, но не обещали соблюдать ее». Они подразумевали, конечно, «если и он с своей стороны не будет соблюдать договора».

16 апреля 1159 года Милан был снова объявлен в опале: область его была осуждена на разграбление, жители на рабство, самый город на уничтожение. Император вызывал новые войска из Германии и собирал вокруг себя силы ломбардских городов. Гнет новых поряд-

ков не успел еще оттолкнуть все ломбардские города от Фридриха, и большинство их последовало его призыву. Сторону Милана держали только Крема, Брешиа и Пиаченца. Оставив пока в покое Милан, Фридрих приступил сначала к осаде Кремы. Она длилась целых 7 месяцев, и обе стороны соперничали не только в мужестве и выносливости, но и в ненависти и жестокости¹. Когда город был доведен до крайности, герцог Саксонский Генрих Лев выступил посредником и император позволил жителям покинуть город. Среди суровой зимы 20 т. ч. вышли из Кремы и на чужбине должны были искать себе убежища. Город был разрушен и его развалины красноречиво говорили Милану об ожидающей его участи.

В 1161 г. император получил наконец требуемые подкрепления из Германии, и тогда началась вторая осада Милана. Город был отрезан от всякого сообщения с внешним миром: Фридрих хотел голодом принудить его к покорности. Миланцы отчаянно защищались, и взаимное раздражение и ненависть росли в обоих лагерях. Пленные не знали пощады: их калечили или вешали. Фридрих дал обет не надевать короны до тех пор, пока мятежный город не будет покорен. Наступил следующий 1162 год. Пожар уничтожил запасы города, и нужда с каждым днем становилась ужасней. И вот, как 4 года тому назад, Милан решился просить пощады. Посольство от города предложило императору: уничтожить все укрепления, отказаться от всех союзов, принять в город императорское войско, предоставить императору назначение городских сановников, отказаться от всех верховных прав, выдать 300 заложников и заплатить значительную сумму денег. Город не мог идти далее в своей покорности, и тем не менее условия эти не были приняты в совете императора. Канцлер Райнольд требовал для удовлетворения чести императора безусловной покорности, и Фридрих согласился с ним. 1-го марта 1162 года консулы и другие представители города явились в лагерь при Лоди, бросились Фридриху в ноги и заявили, что Милан сдается на волю императора. Через 3 дня 300 рыцарей вручили Фридриху ключи от всех ворот и укреплений и 36 городских знамен. Затем, 6 марта последовала самая сдача города, которая своим печальным характером должна была произвести неизгладимое впечатление на присутствующих. Все население города, разделенное на отряды, явилось снова как и в 1158 г. в лагере императора. Все шли босые, с веревками на шее, с головами, посыпанными пеплом, с горящими свечами в руках. Но на этот раз у миланцев не было уже надежды на милосердие Фридриха. Император, бывший в это время за столом, заставил их долго дожидаться под проливным дождем. Наконец он вышел и занял место на троне, окруженный немецкими князьями. Безконечные толпы потянулись перед ним, кладя к его ногам свои знамена. Наконец дошла очередь до знаменитой кароччио миланцев. Под звуки труб, которые, «звучали как-бы на похоронах умирающей гордости города»—говорит очевидец, некто Бурхард—высокая мачта, украшенная крестом и изображением благословляющего Амвросия, склонилась перед троном, как бы прося пощады городу. Ответ был не менее красноречив: по знаку императора святыня миланцев была разбита в куски, и весь народ с плачем кинулся на землю, чувствуя, что пришел конец их родному городу. Все присутствующие были тро-

1 В войске Фридриха играли отрубленными головами пленных, как мячами, а на стенах города рвали в куски воинов императора. Между прочими Фридрих приказал привязать заложников, данных ему Кремою, в том числе несколько детей, к осадной башне и придвинуть ее к вражеским стенам в надежде, что это ослабит их сопротивление. Но осажденные направили свои выстрелы на роковую башню и громко прославляли счастливую участь своих детей, которые в таком нежном возрасте пали за свободу отечества.

нуты, но «лицо императора не изменилось». Три раза граф Бландрата пробовал говорить в пользу побежденных, но «лицо императора оставалось как бы окаменевшим». Наконец, среди всеобщей тишины раздался уверенный голос Фридриха: «По закону вы все потеряли право на жизнь. Я подарю вам ее, но приму такие меры, что впредь подобные проступки станут для вас невозможны». Судьба Милана была решена на сейме в Павии. Всего ожесточеннее говорили против него его ломбардские противники. «Милан должен осушить», — говорили они, — «ту чашу скорби, которую он некогда готовил другим. Он должен быть разрушен, как он сам разрушил Лоди и Комо». И это мнение было принято. Жители Милана должны были в течение 8 дней покинуть осужденный на гибель город и поселиться в 4 поселениях на расстоянии 2 миль одно от другого. 26 марта, после того как все население бежало и рассеялось в окрестностях, император торжественно вступил с войском в город, причем для него была разрушена часть стены, так как он не хотел проехать обычным путем через городские ворота. Затем приступили к уничтожению города и жители Лоди, Павии, Кремоны и Комо могли удовлетворить вполне свою ненависть к бывшему противнику. От великолепного Милана уцелели только некоторые церкви и дворцы и по самому месту его провели плугом борозду и посыпали ее солью в знак того, что это место должно оставаться пустынным на веки. На праздник Пасхи в Павии император снова возложил на себя корону, но он ошибался, если думал, что разрушением Милана он окончательно закрепил свой авторитет в Италии.

Александр III

Замирение Ломбардии могло быть только временным. Слишком развито в ней было чувство национальной и городской самостоятельности, чтобы разрушение Милана могло совершенно подавить его. К тому же соперничество императорской и папской политики должно было поддерживать тайные надежды ломбардцев. В последней области далеко не все обстояло благополучно. Фридрих с его высокими задачами менее, чем кто-либо, мог ужиться с Римом и его традициями. Его добрые отношения к Адриану IV, вынужденные обстоятельствами, не были продолжительны. Уже на Безансонском сейме 1157 года посол папы, энергичный кардинал Роланд Бандинелли, говоря об императорской короне, назвал ее «benefitium», чем хотел показать, что это лен, данный Фридриху папою. Это вызвало сильное негодование среди германских князей, и последовала целая переписка между императором и папою. Не найдя поддержки среди германских епископов, Адриан на этот раз уступил и заявил, что слово «benefitium» было употреблено в смысле «благодетельство». Отношения испортились снова после Ронкальского сейма. Фридрих решился воспользоваться сполна всеми своими правами не в одной только Ломбардии. Был поднят вопрос о регалиях, принадлежавших императору во времена Каролингов и Оттонов в церковной области; от итальянских епископов потребовали исполнения ленных обязанностей — папа настаивал, что епископы по отношению к императору только подданные, но не вассалы — наконец, император распорядился по своему усмотрению владениями маркграфини Матильды. Римская церковь, давно уже смотревшая на эти земли, как на свою собственность, была сильно раздражена этим и выражения в переписке обоих глав христианского мира становятся все более резкими. Смерть Адриана IV в 1159 г. помешала ему отлучить Фридриха от церкви, о чем уже поговаривали в Риме, но в то же время она еще ухудшила положение. Кардиналы разделились при выборе папы и в то время, как приверженцы императора выбрали Викто-

ра IV, его противники остановились на упомянутом выше Роланде Бандинелли, принявшем имя Александра III. Последний, несмотря на то, что его не приняли в Риме, имел несравненно более силы, чем его соперник, бывший только орудием Фридриха. Он удалился во Францию, нашел себе признание и поддержку во Франции, Англии и Испании и для Фридриха было чувствительным ударом, когда синод, собранный в Тулузе в 1160 г., подтвердил выбор Александра, несмотря на противодействие императора¹. Фридрих желал уже положить конец схизме, но едва в 1164 г. умер Виктор IV, канцлер Райнальд провел выбор нового антипапы Пасхалиса III, и император не мог отказать ему в своем утверждении. На следующий год Александр III поладил с римским населением, вернулся в свою столицу и из Рима призывал подданных Фридриха к мятежу против отлученного императора. Уже в Германии многие епископы, лишь скрепя сердце, подчинялись Пасхалису, а в Ломбардии призыв папы мог быть встречен не иначе, как с восторгом. Положение Ломбардии было чрезвычайно тяжело после разрушения Милана, об этом согласно говорят все современные источники. И навязанные городам подесты и присланные императорские уполномоченные позволяли себе притеснять и грабить беззащитное население.

Союз ломбардских городов с папой

Раздавались жалобы на то, что налоги взыскиваются вшестеро более, чем следовало, что налагаются тяжкие принудительные работы, что малейшее сопротивление карается большими денежными штрафами и тюремными заключениями; должностные лица обвинялись в продажности и насилиях. Императору, при всем желании, было невозможно устранить все эти злоупотребления. Он часто сменял подест, в 1163 г. лично приезжал в Италию, но исправления отдельных злоупотреблений не могли устранить всего зла и недовольство росло. Ломбардские города и папа подавали друг другу руку. Иоанн Салисбурский пишет по этому поводу: «Приговор (папы) произвел уже свое действие. Произнесенный в силу полномочий св. Петра, он был, повидимому, подтвержден Господом. Итальянцы, узнав о нем, отделились от императора. Они возстановили Милан, изгнали схизматических епископов, призвали обратно католических епископов, единодушно присоединились к святому престолу».

Брожение, вызванное гнетом императорского правительства, все более и более охватывало города северной и средней Италии. В нем значительную вину нес суровый канцлер Райнальд, не остановившийся даже перед тем, чтобы перенести св. мощи из Милана в свой Кельн, куда он привлек этим массу богомольцев. К практическим последствиям недовольство привело прежде всего в Веронской марке. Здесь образовался союз нескольких городов, ставший зародышем великого ломбардского союза. Александр III поспешил оказать свою поддержку этому союзу. Тогда на сейме в Вюрцбурге 1165 г. по настоянию канцлера Райнальда все духовные и светские князья с императором во главе присягнули, что они никогда не признают папою ни Александра, ни кого-либо избранного его партией, но будут всегда поддерживать Пасхалиса III и его законных преемников. За измену присяге виновные подвергались самым тяжким взысканиям. Тогда же Фридрих объявил святым своего предшественника, Карла V., как-бы желая этим показать, что он не отступит от завещанного им идеала. Но сила Александра III все росла, и его союз с ломбардскими городами сде-

1 Канцлер Райнальд в письме к Людовику VII доказывал «право императора разрешать церковные споры, возникающие в Риме».

лал Рим центром итальянской политики, а папство охранителем национальной и городской свободы в Италии. При таких то обстоятельствах в октябре 1166 года Фридрих предпринял свой четвертый поход в Италию. «Чтобы утвердить своего папу Пасхалиса и наказать вероломство миланцев»,—говорит Отто Фрейзингенский. Фридрих идет прямо на Рим, имея главной целью изгнать оттуда Александра. Город и самый собор св. Петра берутся приступом, алтари и могила апостолов покрываются кровью. Александр бежит в Беневент, а Пасхалис занимает Латеран и надевает императорскую корону на супругу Фридриха. Но быстрый успех сменяется не менее быстро наступившим бедствием. Во время неблагоприятной августовской погоды моровая язва распространяется в войске Фридриха. Император теряет 25 т. ч.—в том числе многих важных своих сподвижников, как напр., канцлера Райнальда,—и с очень малыми силами принужден отступить к Павии. Катастрофа эта сразу подняла дух во враждебных ему партиях. При дворе Александра к Фридриху применили слова Библии: «И послал Господь ангела, и тот истребил всех храбрых и главноначальствующаго и начальствующих в войске царя Ассирийскаго. И возвратился он со стыдом в страну свою»¹. Еще полнее было торжество в Ломбардии. Рим не был еще взят Фридрихом, как к союзу против него примкнули Кремона, Брешиа, Бергамо, Мантуа и Феррара, и Веронский союз постепенно обращался в обще-ломбардский. Таким образом в марте 1167 г. возникла знаменитая лига, заключенная 15-ю городами на 20-ти летний срок². Союз был заключен «против всякаго, кто будет притеснять их или воевать с ними, против всякаго, кто будет требовать с них больше, чем это делалось со времен Генриха V до вступления на престол императора Фридриха.

Внешним признаком этого союза было возобновление разрушеннаго Милана: население вернулось на прежнее место, построило новыя укрепления, и Милан опять встал во главе ломбардских городов. В виду общей опасности, города, казалось, забыли свое прежнее соперничество. Теряя все более почву в Италии—даже верная до сих пор Павия стала колебаться—и не имея пока помощи из Германии, Фридрих поспешил вернуться на родину окольным путем через Савойю, при чем в Сузе едва избегнул покушения на свою жизнь. Этого только и ждали в Ломбардии. Последние немецкие наместники и гарнизоны были изгнаны, и почти вся Италия примкнула к союзу, возобновленному на 50 л. Велись переговоры с императором Мануилом—незадолго до того Византия искала в Риме соединения корон обеих империй—и с королем Сицилийским. В одной из своих булл папа писал: «Нет сомнения, что в силу божественнаго внушения, ради защиты свободы церкви Божией и вашей против Фридриха, именуемаго императором, вы заключили этот договор мира и согласия и соединились, чтобы видимым образом свергнуть иго рабства». Папа грозит при этом отлучением тем, кто не будет повиноваться правителям лиги, избранным из городских консулов. В своей ненависти к Германии Италия почерпала, повидимому, сознание своего национального единства. На берегах Танаро лига выстроила новую крепость и в честь папы назвала ее Александрией.

Поражение при Леньяно

6 лет важныя дела задерживали Фридриха в Германии. Нужно было не только долж-

1 Паралипоменон 2, 32, 21.

2 Города эти были: Милан, Кремона, Бергамо, Брешиа, Мантуа, Феррара, Верона, Виченца, Падуа, Лоди, Пиаченца, Парма, Модена, Болонья, Венеция.

ным образом подготовиться к походу, который обещал быть решительным, но и уладить свои отношения дома: Фридрих успел, между прочим, провести избрание в короли своего 5-ти летнего сына Генриха. Только в 1174 г. Фридрих с значительным войском вступил в Италию. Сжегши Сузу, некогда грозившую ему гибелью, он приступил к осаде Александрии, этого символа ломбардской независимости. Осада пошла неудачно. Нездоровая болотистая местность и осенняя непогода задерживали осадные работы, а жители мужественно защищались в ожидании помощи, которую должны были прислать им их союзники. После 6-ти месячной осады император отступил к Павии: его самолюбие было задето этой неудачей. Открылись на короткое время, но остались без результата переговоры с городами и папой. Они были безуспешны, потому что император продолжал стоять на почве Ронкальских постановлений и Вюрцбургского сейма, на что не могли, конечно, согласиться его противники. Оставалось, следовательно, продолжать военные действия, но для них нужны были новые военные силы. Он были затребованы, но получены далеко не в том размере, как желал император. Генрих Лев, до сих пор деятельно поддерживавший Фридриха в его борьбе в Италии, отказал ему в помощи, и даже личные просьбы императора оказались тщетными. Следующей весной (1176 г.) император вместе с войсками, успевшими прийти из Германии, перешел в наступление. Не дождавшись присоединения архиепископа Христиана Майнцского, стоявшего во главе императорского войска в Тоскане и Умбрии, маркграфа Монферратского и других верных ему вассалов Фридрих встретился с 100 т. ломбардским войском при Леньяно (29 мая). Это было наиболее решительное и в то же время самое несчастное сражение Фридриха. Вначале оно было удачно для немцев. Император, легко заметный по своему блестящему вооружению, врезался во вражеское войско и принудил одно крыло его к отступлению. Но непоколебимо стоял центр ломбардского войска, где была помещена под предводительством Альберто де Джиуссано «дружина смерти»—900 избранных рыцарей из благородных фамилий, поклявшихся победить или умереть—и такая же стойкая «дружина кароччио» из 300 человек. Поддерживаемая с фланга отрядом брешианцев, дружина смерти пробила императорские ряды и произвела этим переполох во вражеском войске. Он увеличился еще более, когда вслед за знаменоносцем пал на землю сам император, под которым была смертельно ранена лошадь. Весть о мнимой смерти императора уничтожила последний порядок в его войске: оно побежало, преследуемое ломбардцами, и многие, уцелевшие от руки врага, погибли в волнах Тичино. Богатый лагерь вместе с копьём и щитом императора достался победителям. Сам Фридрих, с трудом спасшийся с поля битвы, лишь на четвертый день явился в Павию, где императрица, считая его мертвым, готовилась уже надеть траур.

Удар был силен и должен был разрушить мечты Фридриха об империи в духе Карла V. Надо было спуститься на более реальную почву и вступить в переговоры с противниками. Как искусный политик, Фридрих попробовал разъединить врагов и обратился к папе, минуя пока ломбардские города. Переговоры начались при папском дворе в Ананьи. Фридрих признал Александра III верховным пастырем церкви и отказался от притязаний на императорские права в Риме и на все земли, которые церковь считала своею собственностью, до владений маркграфини Матильды включительно. Папа с своей стороны признал все замещения церковных должностей, сделанные Фридрихом и выставленными им антипапами. Обе стороны ставили себе кроме того задачею установление общего мира—сюда относились

ломбардские города, Сицилия и даже Византия—и для этого после долгих переговоров с городами был назначен конгресс в Венеции. Александр III не отстранил себя от союзников: он дал обещание ломбардским городам не заключать мира помимо них. «Мы желаем такого мира с императором»—отвечали города:—«чтобы честь Италии была сохранена и наша свобода не нарушена»¹.

Мир в Венеции

Летом 1177 г. уполномоченные собрались на конгресс в Венеции. При разнообразии интересов всех сторон заключение всеобщего мира не могло быть достигнуто. Были только подтверждены с некоторыми ограничениями статьи заключенного между императором и папою договора в Ананьи, по отношению же к ломбардским городам было заключено лишь перемирие на 6 лет, с королем сицилийским на 15 лет. Затем отлучение от церкви было снято с императора, и Фридрих со своим двором торжественно въехал в Венецию. Папа, окруженный кардиналами, встретил его на паперти собора св. Марка. Фридрих, «осененный Духом Святым и забывая о своем императорском достоинстве, бросился к ногам папы». После того, как император поцеловал ногу папы, последний поднял его со слезами на глазах, поцеловал и благословил. При последовавшем затем отъезде из собора император, идя пешком, поддерживал стремя папы. Таким образом по странному совпадению, ровно через столетие со времен Каноссы, повторилось опять унижение империи перед папством². 1-го августа последовало торжественное закрытие конгресса. Папа сидел на высоком троне, имея по правую руку от себя императора, а по левую посла короля сицилийского. Он выразил свою радость, что церковь вновь нашла своего потерянного сына, а император в ответной речи торжественно заявил, что он был неправ, что он сошел с пути справедливости, но что, просвещенный милосердием Божиим, он заключил мир с папой, королем сицилийским и ломбардскими городами. Враги Фридриха имели право считать себя победителями. В таком положении был не только папа, но и ломбардские города, которые, по условиям заключенного с ними перемирия, получили право свободного избрания городских сановников и могли ожидать еще большего от предстоящего мирного договора. На конгрессе в Венеции рядом с церковной иерархией и империей впервые выступает третья, равноправная с ними сила—вольная городская община. Это было явление первостепенной важности.

25 июня 1183 года был, наконец, подписан окончательный мир с ломбардскими городами в Констанце. Он утверждал самостоятельность городских общин, оставляя в то же время за императором известные верховные права. Города могли возобновлять союз по собственному желанию, внутри городских стен они имели все верховные права, вне их только те, которые были им специально предоставлены³. В каждом городе оставался наместник импе-

1 В этих словах можно было бы видеть идею общего отечества для жителей полуострова, если бы мы не знали в то же время, что под именем Италии разумели тогда преимущественно Ломбардию.

2 Современные источники из партии вельфов преувеличивают унижение императора, говоря, что папа поставил ногу на затылок склонившегося к его ногам императора со словами свящ. Писания: «На ехиднах и львах будешь ты шествовать», на что Фридрих будто-бы ответил: «Эта честь не тебе, а св. Петру». Мы не имеем основания верить этому рассказу, так как сам папа в своих письмах ничего не говорит об этом.

3 Те права, которые были спорными, или разрешались третейским судом или откупались за известную сумму в год.

ратора, представлявший высшую апелляционную инстанцию. Консулы и другие городские сановники избирались свободно городами, но утверждались в своей должности императором, которому они и приносили присягу на верность. Точно также присягали императору все граждане от 17 до 70 лет и возобновляли свою присягу чрез каждые 10 лет. Города по прежнему несли на себе содержание императорского двора, но было оговорено, что император не должен стеснять их слишком долгим пребыванием. Договор не говорит ничего о подестах, но современные источники указывают на то, что они становятся выборными. Они сохраняют за собой обширную юрисдикцию, но в важных вопросах не могут принимать решения без участия совета, избранного тем же городом¹.

Определения Констанцкого мира легли в основу дальнейшей жизни ломбардских городов. Их последующия отношения к Фридриху были только миролюбивыми. Когда император в 1184 г. в 6-й раз прибыл в Италию, он встретил со стороны городов самый радушный прием и отвечал им новыми милостями. Натянутые отношения Фридриха к преемникам Александра III заставляли его искать поддержки городов. Так, главному из них, Милану, было предоставлено право уголовного суда и верховные права в его владениях между Аддой и Ольо, и благодарный город просил как чести для себя, чтобы предстоящая свадьба сына императора была отпразднована в его стенах. Наступившая безопасность со стороны империи невыгодно отразилась на внутреннем согласии Ломбардии. Великая лига распадается и уступает место частным союзам. Так, уже в 1191 г. Кремона, Павия, Комо, Бергамо и Лоди соединяются против Милана и других городов. Но подобные явления были неизбежны при политическом и торговом соперничестве ломбардских городов, их свободной городской организации и увлекающемся характере населения. В минуты серьезной опасности ломбардские города умели соединять свои силы для защиты своей национальной и городской свободы. Они доказали это в следующем веке, когда им пришлось еще раз отстоять свои с таким трудом приобретенные права против последнего крупного представителя дома Гогенштауфенов и его традиций.

С. Рашков.

1 С положением и обязанностями подест нас знакомят многочисленные статуты XII и XIII вв. (города Пистойя, Модена, Феррара, Сиенна и др.), а также трактат того же времени — *Oculus pastoralis*.

XXXII. Папа Иннокентий III

(По статье В. И. Герье, «Вестник Европы», 1892 г., № 1-2)

Трактат о презрении к миру

К последним годам XII-го века относится одно из весьма замечательных в литературе проявлений аскетического мировоззрения—это латинский трактат «о презрении к миру и о бедственном состоянии человека». Его молодой еще тогда автор, по имени Лотарь, принадлежал к богатой и древней дворянской семье лангобардского происхождения из окрестностей Рима; он был сын Трасмунда, графа Сигнии; этот графский титул стал потом наследственным, т. е. фамильным именем его рода—*dei Conti*. Лотарь в своей юности посещал университеты в Болонье и Париже; в первом—он сделался правоведом, а во втором, центре схоластики, он приобрел основательное знакомство с богословием. По возвращении на родину Лотарь принял посвящение, поступил в папскую канцелярию и получил звание кардинал-дьякона при одной из римских церквей на Капитолии.

Написанный им трактат свидетельствует с первых слов об учености и высоких дарованиях автора. Он обладал достаточным для того времени знакомством с римской языческой литературой; знание же св. писания с его стороны было просто неисчерпаемо, и нужные ему тексты всегда следуют у него длинной чередой для подтверждения и уяснения каждой его мысли; что же касается до его дарований, то они лучше всего могут быть засвидетельствованы сопоставлением его трактата с знаменитой книгой Августина *о божеском царстве*. Проводя ту же идею об аскетическом пренебрежении к миру, Лотарь сумел быть не подражателем, а достойным последователем Августина; его язык вообще, а иногда и самые обороты его речи, в своей эпиграмматической меткости и в своем ритмическом благозвучии, живо напоминают Августина: это такое же изобилие красноречия в изображении человеческих бедствий, тот же высокий риторический пафос. Их оценка обличает в юном авторе особенно глубокое знание человеческого сердца и умение тонкой обрисовки порочных типов среди людей. Но нельзя при этом не подметить одного различия. У Августина аскетизм

изливается из глубины изстрадавшейся души; это плод пережитого сердцем переворота; новый автор «презрения к миру» относится к своему предмету, как прозорливый наблюдатель, как психолог, с оттенком горделивого пренебрежения к увлечениям и слабостям людским. У Августина поэтому возвышенная, страстная речь почти всегда гармонирует с пафосом убеждения; в трактате же Лотаря красноречие отзывается литературной обработкой и иногда резко выделяется на фоне неприглядной картины. Чтобы познакомить читателей с этим замечательным произведением аскетической эпохи, мы укажем на общий план его и остановимся на некоторых выдающихся его местах. В посвящении своего труда епископу портуенскому дьякон Лотарь говорит, что он воспользовался небольшим досугом, чтобы изобразить презренность человеческого состояния для подавления гордости, источника всех пороков. Дьякон Лотарь знает цену своему литературному таланту, и чтобы не впасть самому в упомянутый им порок, он просит епископа, если тот найдет какие-нибудь достоинства в его труде, приписать всю заслугу милости Божьей; вместе с тем он предлагает епископу, «с его соизволения», изобразить и достоинство человеческой природы, обусловленное милосердием Христа, для того чтобы высокомерный смирился, смиренный же душою возвысился. Эта вторая часть, сколько нам известно, осталась ненаписанной.

Изображение человеческих бедствий начинается с колыбели человека,—с обращенной к матери жалобы, зачем она дала жизнь существу, обреченному на постоянный труд, вечное горе и страх, и— что всего печальнее—на смерть. Анализируя с точки зрения средневековой физиологии состав человеческого тела, автор отводит человеку среди всего творения самое низменное место: звезды и планеты созданы из огня; бури и ветры—из воздуха; рыбы и птицы—из воды,—только человек, подобно вычным животным, сотворен из земли. С беспощадным реализмом средних веков, чуждым нашему эстетическому вкусу и не поддающимся переводу на наш язык, автор изображает немощи человеческой жизни—с детства до старости. Описание младенчества, плачущаго, слабого и беспомощнаго, вызывает у автора восклицание: «счастливы те которые умирают прежде, чем родятся»; а характеристика старости оканчивается обстоятельным и полным жизненной правды изображением старика. Описав внешний вид дряхлаго человека, Лотарь продолжает: «старик легко раздражается и с трудом успокаивается, скоро верит и поздно разуверяется, цепок к жизни и жаден, печален и сварлив, склонен к болтливости и неохотно слушает, прославляет предков, презирает современников, осуждает настоящее, восхваляет прошлое, вздыхает и тревожится, хворает и коченеет».

Переходя к занятиям и состояниям людей, автор развертывает перед нами широкую картину человеческой суетливости и суеты: «несутся смертные и бегут взад и вперед по дорогам и чрез преграды, взбираются на горы, перебираются через утесы, преодолевают Альпы, пролагают путь через пропасти, проникают в ущелья, рыщут по недрам земли, по пучинам морским, по неизведанным рекам, по чащам лесным, по непроходимым пустыням, подвывая себя ветрам и дождям, грому и молнии, волнам и бурям, обвалам и безднам».

Перечислив затем всевозможные промыслы, которым предаются люди, Лотарь продолжает: «задумывают смертные и раздумывают, советуются и устраивают, жалуются и ведут тяжбы, расхищают свое добро и похищают чужое, торгуют и обманывают, спорят и состязаются,—и все это для того, чтобы накапливать сокровища, увеличивать барыши, гоняться за выгодой, приобретать почести, возвышаться в звании, расширять власть свою—и во всем

этом обретают лишь труд и огорчение».

Автор далее изображает пред нами в наглядном контрасте жалкую участь бедняка и бедственное в другом смысле состояние богача, положение подвластного человека и его господина. Чрезвычайно метко говорит обо всем этом современник и знаток феодального быта: «холоп вечно служит, терпит угрозы, обременяется барщиной, удручается побоями, лишается своего достоинства; если нет у него своего добра, то его принуждают приобретать, а если есть какое-либо имущество, то его у него отнимают. Виноват господин—холоп за него отвечает; а виноват холоп—пеня с него идет в карман господину».

Большая глава посвящена бедствиям супружеского быта; по средневековому монашескому воззрению, главной виновницей этих бед является, конечно, женщина. Не без справедливой иронии говорит Лотарь при этом о способе заключения браков: «всякий товар и всякая самая ничтожная вещь в хозяйстве сначала осматривается, потом приобретается; только невесту едва показывают, для того чтобы она не опротивела, прежде чем повенчаются, и какова бы она ни оказалась, она приобретается навсегда». Три вещи гонят человека из дома—дым, капающая сквозь крышу вода и «злая жена». Описание дурной жены трудно было бы привести целиком; но в нем есть черты, обнаруживающие в авторе не поверхностное только знание женских недостатков: «Вечно она жалуется,—вот такая-то наряднее меня, и все отдают ей почет, я же жалка в собрании женщин, мною одной пренебрегают и всеми я презираема.—Она одна хочет быть любима, одна быть предметом прославления; в любви к другим она усматривает ненависть к себе, в похвале других она подозревает свое безчестие. Достоинство любви все, что она любит; подлежит ненависти все, чем она пренебрегает. Она хочет побеждать, но не сносит победы над собою; ей невыносимо угождать другим, но для себя она требует господства над всеми. Она стоит на том, чтобы быть всемогущей, и нет ничего ей не по средствам».

Разсмотрев разные источники человеческих бедствий, автор приходит к следующему выводу: «кто-же когда-либо провел до конца в свое удовольствие хотя бы один приятный день? кого не смущал в такой день укор совести, приступ гнева или движение какой-нибудь страсти, кого не огорчал какой-нибудь ущерб, какая-нибудь обида, кого не оскорбляло в этот день какое-нибудь зрелище, какое-нибудь слово или дело? А помимо того, за земною радостью всегда наступает неожиданное горе, и что начинается в веселии—кончается в печали».

Итак, сквозь жизнь, отравленную горечью, человек быстро приближается к смерти, но он не хочет видеть ее. Всегда последний день жизни кажется первым, и никогда первый день не представляется последним, хотя всегда следовало бы человеку жить так, как будто ему каждую минуту предстоит кончина. Ибо беспрестанно нарождается будущее, беспрестанно умирает настоящее, и что прошло, то навсегда исчезло. Живя, мы постоянно умираем, и перестанем умирать, лишь когда перестанем жить».

Прошло немного лет после того, как был написан трактат о пренебрежении к миру, а автор его—кардинал-дьякон Лотарь—был уже избран своими товарищами на папский престол.

Регистр Иннокентия III

Как папа, Лотарь принял скромное имя, которое он сделал одним из самых громким в

истории—имя Иннокентия—безвредного. Он был третьим папою этого имени. Папы обыкновенно выбирали себе имена не случайно, но имея в виду своих предшественников. Какими соображениями руководился Иннокентий III, неизвестно, но его выбор знаменателен для истории. Иннокентий I был современником великого Августина, и во время разгрома и развенчания языческого Рима бежал в Равенну под покровительство императора. Иннокентий II был творцом высшего процветания того духовного Рима, который сменил собою ветхий, политический Рим. Какой контраст между Иннокентием I и III и какой необъятный исторический процесс разделяет эти два имени!

Правление папы Иннокентия III имеет для истории выдающийся интерес не только потому, что при нем папство достигает своего зенита, но и потому еще, что деятельность этого папы проходит при полном освещении истории. Деловая переписка пап издавна составляла предмет особенной заботы со стороны папской канцелярии. Последняя снимала копии с важнейших папских посланий и хранила в архиве, собирая их по годам, так что каждому году правления папы соответствовала особая книга общего сборника, так-называемого регистра. К сожалению, за исключением Григория VII, до нас не дошли регистры предшественников Иннокентия III. Они были утрачены во время смутной эпохи, когда папские архивы приходилось перевозить из одного города в другой. Регистр же Иннокентия III сохранился почти за все 18 лет его правления (исключая последние три года).

В издании творений Иннокентия III небольшой трактат дьякона Лотаря «О презрении к миру» совершенно утопает среди необъятной массы исходивших от него посланий, имевших в виду дела церкви и мира. В дошедшем до нас регистре Иннокентия III заключается 3702 послания, между которыми есть, правда, и письма, обращенные к самому папе. Но к этому числу нужно добавить множество других писем Иннокентия или отрывков из них, сохранившихся в иных местах, так что по сию пору насчитывают 5416 писем, относящихся к Иннокентию, и это число еще может значительно возрасти.

В регистре за один первый год помещено 583 послания, и по ним вполне можно судить о том, как быстро кардинал—дьякон Лотарь вошел в свою новую роль, в какой полноте и безусловности он усвоил себе представление о мировом призвании папства, и в какой степени его ум был занят и его время поглощено самыми разнообразными обязанностями и заботами. Для образчика приведем несколько строк из письма за № 536, которое характеристично в обоих упомянутых отношениях. В этом письме папа так перечисляет свои обязанности: «мы прилагаем наши старания к исправлению пришедшей в упадок церкви, заботимся об обеспечении справедливости за угнетенными, даем ответы на поступающие от разных лиц к нам запросы, направляем в разные стороны от лица нашего послов для установления мира и согласия между враждующими и ради нужд различных церквей и областей и в то же время печемся о доставлении помощи земле восточной».

Так в сжатых выражениях папа сам характеризует главное содержание своей обширной деловой переписки и массу различных интересов, сосредоточивавшихся в римской курии. Историк достаточно, разобравшись в этой груде посланий, разгруппировать их по содержанию, чтобы читатель по одним рубрикам составил себе понятие о том, чем стал тогда папа для западно-христианского мира и чего ожидал этот мир от папы. Переписка Иннокентия III правильнее всего разбивается на следующие шесть групп: первую и самую ха-

рактёрную из них составляют так называемые консультации, т. е. письма, в которых различные духовные и светские лица обращаются к папе, как к верховному учителю мира, с вопросами и запросами по всевозможным религиозным, каноническим и житейским недомениям; другую, самую многочисленную, группу составляют апелляции, т. е. обращения к папскому суду по разным тяжбам или жалобам на приговоры и распоряжения местных властей; третья группа включает в себе письма, касающиеся замещения на церковные должности, спорных выборов и прямых назначений папою на так называемые бенефиции, т. е. второстепенные церковные должности, сопряжённые с более или менее значительными доходами; четвертую группу, весьма знаменательную для того времени, представляют письма, в которых папа дарует какую-нибудь привиллегию или подтверждает привиллегии, данные предшественниками; пятую группу образуют письма административного содержания, в которых папа является общим правителем церкви, зорким блюстителем её разнообразных интересов и на самых отдалённых её окраинах: то Иннокентий III запрещает венецианскому дожу и народу под предлогом торговли доставлять сарацинам оружие и другие нужные для войны предметы; то он взывает к вестфальскому рыцарству и посылает его в Ливонию для борьбы с язычниками. Наконец, в особую группу можно выделить послания, касающиеся политических вопросов, в которых папа, глава церкви, в силу её власти становится верховным руководителем светских властей.

Не Иннокентий III, конечно, создал положение, отражающееся так ярко на его переписке; оно было подготовлено до него продолжительным историческим процессом, и достаточно было вступления на папский престол энергической личности при благоприятных для папства условиях, чтобы как с вершины горы, незаметно достигнутой путником, пред ним внезапно открылась во всей её широте необъятная картина папской власти и мощи. Останемся и мы на минуту на этой картине и рассмотрим прежде всего, какое положение занимал тогда папа относительно церкви, какие задачи налагало на него это положение и как относился к ним Иннокентий III.

— — — — —

Каноническое право

Всего более отразилась деятельность Иннокентия в области канонического права, что вполне соответствовало как характеру римской церкви, так и самого Иннокентия, который был ещё более юристом, чем богословом. До своего возвышения на папский престол он занимал должность аудитора, т. е. докладчика по юридическим делам при курии, и когда стал папою—приобрёл прозвище «Соломона» своего времени. Ни в чём, может быть, не проявляется так ярко историческая связь и преемственность между древним Римом и Римом католическим, как в области права. Вся духовная жизнь древнего Рима преимущественно сосредоточивалась в правоведении и в разработке права. Эта жизнь пускает в католическом Риме новый могучий росток—каноническое право. В силу самых условий католицизма, источником и регулятором права становится папа. Его решения и постановления—*декреталии*—все более и более оплетают и заслоняют старое каноническое право, и потребность в этих декреталиях так велика, что литература, так сказать, опережает в этом отношении деятельность папства, и уже в X веке возникают псевдо-исидоровы декреталии, т. е. подложный сборник декретов, приписываемых прежним папам. На этой почве могла быстро развиваться законодательная деятельность пап, особенно после 1150 г., когда бенедиктинец Гра-

циан составил в Болонье свой сборник, в котором церковные каноны и папские декреты были соединены в один общий свод, сделавшийся в университетах предметом ученых истолкований и глосс. Из последовавших за этим временем пап никто не проявил такой творческой деятельности в области декреталий, как Иннокентий III, и когда его второй преемник, Григорий IX, для устранения противоречий между безчисленными декреталиями поручил составить систематический свод их, то в этом знаменитом памятнике канонического права декреталии Иннокентия заняли триста глав.

Мы, конечно, не можем входить в ближайшее рассмотрение законодательства Иннокентия III и приведем для характеристики этой деятельности его собственные слова из одной декреталии; в ней особенно наглядно проявляется, каким образом папские притязания на высшую законодательную власть в церкви шли навстречу потребности самих местных церквей в объяснении закона и установлении повсюду разнообразного права в силу того, что право по своей идее есть нечто абсолютное и необходимо ведет к единству. «Так как апостольский престол, на котором мы, хотя и незаслуженно, возседаем, возвеличен над всеми церквами мира не по человеческому, но по божественному учреждению, то справедливо и уместно, чтобы к римской церкви, как к учительнице и матери, были обращены все вопросы и сомнения по различным статьям права: на тот конец, чтобы тот, кто установил право, сам же и истолковал его» (I, 313). Самый случай, вызвавший это заявление папы, замечателен тем, что показывает, как по самому культурному строю средних веков юридические вопросы сплетались с церковным учением, и как вследствие этого, право римского епископа, «толковать писание» неминуемо должно было сделаться источником юридического супремата. В Бурже произошел спор из-за десятинного сбора с одного участка земли между двумя капитулами, прежде владевшими ею, и монахами соседнего монастыря, которым отказал эту десятину пользовавшийся ею по ленному праву рыцарь. Вопрос — чисто юридический, усложненный сплетением канонического права с феодальным, но он еще более усложнился тем, что обе стороны сослались на церковные авторитеты: монахи привели в свою пользу слова св. Иеронима в письме к папе Дамазу, писанные в то время, когда еще не было рыцарей, владевших на феодальном праве церковными имуществами и доходами, а другая сторона старалась подкрепить свои притязания каким-то постановлением папы Льва.

Весьма часто юридические запросы, обращенные к папе, имеют практический, чисто житейский характер. Так, оксерский епископ однажды спрашивает папу о том, в каком смысле следует понимать слово *новъ* (*novalis*, X, 110); папа отвечает, что оба толкования, упомянутые епископом, согласны с употреблением этого термина в римском праве; словом *новъ* обозначается и поле, оставленное под паром, и срубленный под пашню лес; но в привилегиях, выданных его предшественниками, под словом *новъ* разумелись залежи настолько давняя, что их запашки никто не запомнит. Здесь юридический вопрос побудил папу войти в исследование юридической терминологии и коснуться хозяйственного быта. Число спорных вопросов возрастало вследствие того, что область права была тесно связана с областью нравственности, блюстительницей которой была церковь, а отсюда возникали такие недоумения, разрешить которые был в силах только папа: то его извещают о монахе, который, желая вылечить женщину, разрезал ей нарыв в горле и стал причиной ее смерти; вопреки его приказанию беречься, женщина не береглась, пошла на работу и умерла от

кровотечения из раны. Монах этот имел священнический сан; спрашивается: может ли он после этого священствовать? В другой раз студент духовной семинарии, к которому ночью забрался вор, в борьбе с ним поранил его; по этой ране вор был разыскан и судом приговорен к жестокому наказанию, от последствий которого он умер. Спрашивается: может ли студент, косвенный виновник смерти человека, быть посвящен в священники? Особенно много недоумений вызывали брачные и бракоразводные дела, тесно связанные со всеми сторонами житейского быта, и в виду всего этого обращенные к папе запросы по этим делам представляют самый любопытный материал для истории средневековой культуры.

Курия, как высшая судебная инстанция

Но не только источником закона и мудрости, а также и источником правосудия был папа во времена Иннокентия III; мы касаемся здесь одной стороны деятельности папы, которая имела громадное влияние на развитие папской власти и судьбу церкви. Ничто в такой степени не содействовало возвышению папы над церковью и превращению римской курии в царство, как то, что в римской курии стали видеть высшую инстанцию в судебных делах. И в этом вопросе ясно видно, что нравственные причины лежали в основании папского владычества, и что притязания папы на власть встречали себе сочувствие в силу известных потребностей местных церквей. При отсутствии прочной государственной связи не могла удержаться и правильная организация национальной церкви в различных странах, и в тяжбах между прелатами или местными церковными учреждениями часто не было всеми признаваемо и высшего судьи кроме римского епископа. Поэтому лучшие из пап могли благоприятствовать перенесению дел в Рим не из одного властолюбия, но чтобы облегчить справедливость и дать убежище угнетенным. Но как скоро был открыт путь в Рим по судебным делам, так по нем стали следовать густые толпы не только угнетенных и жаждавших правосудия, но и тех, кто желал укрыться от правосудия или видел в этом средство выигрыша. Неправое дело, перенесенное в Рим, и апелляция сделались одним из главных источников обогащения папской казны и многочисленных должностных лиц папской канцелярии. Но в то же время эти апелляции превратили кафедру римского епископа в судилище с судебными департаментами и с сложным канцелярским делопроизводством, допускавшим всевозможные притеснения и злоупотребления.

Во времена Иннокентия III зло достигло уже больших размеров. В одном, по крайней мере, отношении этот папа старался противодействовать злу: в уголовных и дисциплинарных процессах против духовных лиц, старавшихся путем апелляции избежать кары своего духовного начальства. В этих случаях Иннокентий III не раз решительно запрещал апелляции не только на решение своих легатов, но и на приговоры местной власти, внушая в своих посланиях, что апелляция была придумана, чтобы служить спасительным средством для угнетенных и для помощи невинным, а не для защиты несправедливости и для укрывательства от заслуженного наказания. Так, однажды, предостерегая епископа веронского против «нечестных апелляций», Иннокентий заявлял, что апеллирующие хотят того, чтобы он прослыл среди людей за «немую собаку, не умеющую лаять», и покровителем пороков.

В средневековой Европе, еще вполне подчиненной феодальным формам, папство впервые осуществило политический тип централизованной монархии с самодержавным правителем и с правильно организованной администрацией, заправлявшей из столицы самыми отдаленными окраинами. В истории этого царства правление Иннокентия III представляет

собой критическую и в этом смысле интереснейшую эпоху. Это момент высшего расцвета теократического царства, но момент, когда уже обнаруживаются признаки и причины предстоявшего ему увядания. И расцвет, и увядание, обуславливаются одним и тем же принципом—доведением до полного и крайнего развития начала власти и единодержавия в церкви.

«Викарий Христа»

Как в истории всякой другой власти, так и папской, следует прежде всего отметить развитие самого принципа или расширение самой идеи этой власти; это обыкновенно происходит таким образом, что власть выводят из более высокого или священного источника и этим возвеличивают характер власти, ее назначение и права. Именно в этом направлении Иннокентий III сделал решительный шаг, и новый оборот в папской политике обнаружился при нем в характерном признаке, так как для нового усиления власти была придумана соответствующая формула. Движущей силой в истории развития власти была идея о наследовании римским епископом полномочий, данных апостолу Петру. Папа требовал для себя первенства пред другими епископами, как «преемник» первого из апостолов (*princeps apostolorum*); он хотел стоять во главе церкви, как «викарий», т.-е. наместник того Петра, кому было сказано: «паси овцы мои». При Иннокентии III наряду с прежней формулой появляется другая, более сильная: из наместника Петра папа становится наместником самого Бога. Как ни высоко был поставлен апостол Петр над людьми, он был человек, его авторитет основан на поручении, данном ему свыше, и его викарий, таким образом, является лишь бледным отражением божественной власти. Но почему бы этому викарию не подняться выше и не заимствовать свое призвание непосредственно из божественного источника? Замечательно, что именно тот папа, который так беспощадно анализировал и так реально изобразил физическое и нравственное ничтожество человека, в первый же год своего правления не усомнился признать за собою и за целым рядом людей божественный характер: «Римский первосвященник,—провозгласил Иннокентий,—поистине называется наместником не простого человека, а истинного Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостолов, однако мы не его и не какого-либо апостола или человека, но самого Иисуса Христа наместники».

И в этом случае Иннокентий только завершил то, что было подготовлено предшествующей эпохой. Этому новому возвеличению идеи папства в титуле папы всего более содействовал неутомимый поборник теократического идеала—Бернард Клервоский. В своих письмах и в своих трактатах он несколько раз называет папу викарием Христа. Правда, что Бернард еще не придает этому титулу исключительного значения, ибо в трактат «О нравах и должности епископов» называет и их викариями Христа. Однако, в последнем своем сочинении—«*De Consideratione*»—Бернард пользуется рассказом евангелиста Иоанна о появлении Христа ученикам на море Тивериадском, причем Петр бросился в море навстречу Господу, тогда как другие ученики приплыли в лодке (XXI, 7—8), чтобы видеть в этом знамение особого священства Петра (*signum singularis pontificii*); на этом основании Бернард величает апостола именем «единственного викария Христа», который должен был стоять во главе не одного народа, а всех племен.

Таким образом, был указан путь для преемников Петра, и полвека спустя звание «викария Христа» сделалось привилегией и официальным титулом римских епископов; а на

этой почве само собою явилось то новое толкование, которое видело в папе не подобие «простого человека», а наместника «истинного Бога».

Понятно, что с таким поднятием идеи папства все учреждение папства выдвинулось на новую высоту. Это очень наглядно выразилось в самых обрядах и именно в том обряде, который составлял средоточие и сущность христианского богослужения—в причащении. Еще до Иннокентия III папа стал причащаться не у алтаря, а на месте более возвышенном, т.-е. поднявшись на место, где стоял его престол, и притом особым способом, который мы не станем подробно описывать. Мы имеем, однако, основание упомянуть об этом в истории Иннокентия, так как в сочинениях этого папы находим попытку объяснить аллегорический смысл этого нововведения, причем оно мотивируется параллелью между способом действия Христа в Эммаусе и причащением папы. Замечательно при этом, что папа кроме аллегорического повода знал еще и исторический, но предпочел о нем умолчать, так как «не мог того найти в каком-либо подлинном писании».

Мы видим из этого, что в то самое время, когда в католицизме духовенство стало возвышаться над миром посредством причащения под обоими видами, тогда как миряне были лишены чаши, папа с помощью того же средства, т.-е. особого способа причащения, стал подниматься над священством.

Положение папства при вступлении Иннокентия на престол

При оценке светской политики Иннокентия III, его ошибок и увлечений в этой области, его принципов и их результатов, нужно ради справедливости иметь в виду прежде всего то положение дела, которое Иннокентий застал, восходя на престол св. Петра, и то необыкновенно благоприятное для папства стечение обстоятельств, которое как бы силою рока увлекало Иннокентия вперед по пути безпримерного успеха и невиданного величия. Будучи кардиналом, Иннокентий был свидетелем давно небывалого унижения папства, особенно чувствительного после его возвышения Григорием VII и недавней силы при Александре III. Положение это обуславливалось как полным ничтожеством предшественников Иннокентия, так и силою личности и колоссальными размерами власти современного им императора. Судьба средневековой Европы покоилась как будто на весах; в одной чаше их находилось папство, в другой—империя; положение весов зависело от того, уравнивались ли личности одновременных пап и императоров, или на одной стороне оказывался значительный перевес. И никогда еще чаша папства не была так легковесна, как при Целестине III, потому что никогда еще на противоположной чаше не было такого груза, каким был Гогенштауфен Генрих VI. В борьбе с императорами самым верным оплотом пап давно уже были норманнские короли, в непосредственном соседстве с вотчиною св. Петра владычествовавшие над Сицилией и Неаполем. Но в конце XII-го века именно в этом отношении наступил самый неожиданный оборот дела. Династия норманнская прекратилась в мужском колене, и наследница их владений вышла замуж за наследника Фридриха Барбароссы, принося с собою в приданое могущество и сокровища своих предков самому энергическому, крутому и предприимчивому из Гогенштауфенов. Таким образом, сопернику пап удалось занять в самом тылу их командующее делом положение. Распоряжаясь абсолютною властью и военными средствами своих норманнских предшественников, Гогенштауфен взял в тиски, между

норманской монархией и Германией, Ломбардию и Рим. Он не только умирил строптивую демократию северной Италии, но во всех папских владениях, не забывая о даре Константина и дарственной грамоте Пипина, насаждал своих воевод и даже в самом Риме превратил старинное, почетное, но бессильное звание городского префекта в действительное орудие императора над колыбелью империи.

Все это совершилось на глазах кардинал-дьякона Лотаря. Воспитанный в традициях папского Рима, с душою, способной понимать упоение власти, он видел, как преемники Григория Великого и Григория VII, провозгласившие себя наместниками Божиими, в своей собственной столице перестали быть хозяевами и распорядителями. И вдруг, на его глазах, дело приняло совершенно другой оборот. 23-го сентября 1197 года неожиданно умер император Генрих VI; его наследник Фридрих был трехлетним ребенком; держава Гогенштауфенов, сила которой заключалась в единстве руководившей ею воли, распалась; правление Неаполем и Сицилией перешло в руки вдовы умершего императора: брат императора Филипп, прибывший в Италию, чтобы отвезти своего юного племянника в Германию для венчания его немецким королем, был задержан на пути в Монтефиасконе, поднявшейся при первом известии о смерти императора народной волной; сама Германия тотчас распалась на два враждебных лагеря: гибеллинов и вельфов и среди всех этих смут, сопровождавших крушение империи, 8-го января следующего года возшел на папский престол Иннокентий III.

Сама судьба вложила в руки молодого папы восстановление папства. Пред Иннокентием открылась необъятная перспектива и цель, достойная великого политика. Быстро прошел он одну за другою все стадии, которые вели к этой цели, и следить за ним по этому пути всегда будет задачей увлекательной для историка; мы только в общих чертах дадим себе отчет об исполнении им своей задачи.

Рим и папская область

Прежде всего надо было Иннокентию обезопасить папство в самом Риме. Римский префект, восстановленный в своих правах Генрихом VI в качестве императорского наместника или губернатора Рима, потеряв под собою почву, променял господина и признал себя вассалом папы. Таким образом навсегда исчезла самая тень императорской власти в Риме, ее права перешли к римскому епископу.

Вторым делом Иннокентия в области светской политики было восстановление папской области в средней Италии и уничтожение тех вассальных по отношению к императору воеводств, которые Генрих VI образовал над землями и городами, прежде принадлежавшими св. Петру. Иннокентий достиг этой цели в союзе с итальянским национальным духом, враждебным иноземному владычеству. В первый же год своего правления Иннокентий заявил, что Италия достойна быть обладательницей обеих властей или двойного примата, так как по божескому промыслу ей достался принципат над всеми областями. «В силу этого нам надлежит,—говорит папа,—позаботиться об Италии особым отеческим попечением». Как видно из этих слов, папство при Иннокентии провозгласило себя поборником национального принципа в Италии, и этим способом оно во все времена достигало в Италии наибольших своих успехов. До какой степени Иннокентий хорошо понимал силу волны, его поднимавшей, видно из того, что когда один из немецких воевод, Конрад фон-Урслинген,

которого император поставил герцогом сполетским, предложил папе признать себя его данником и ленником и предоставить ему все свои крепости, то Иннокентий отверг это выгодное для него предложение. «Он склонился в сторону свободы,—говорит его биограф,—так как многие возроптали, что он будто бы покровительствует тевтонам, которые поработили их жестокой тиранией». Опираясь на антифеодальные муниципальные и национальные стремления, Иннокентий легко и быстро совершил переворот, заменив в средней Италии императорскую власть папскою. Еще летом 1198 года, он имел возможность объехать многочисленные города герцогства Сполетского и Умбри—Сполето, Ассизи, Фолиньо и многие другие и принять их в подданство римской церкви. Даже Перуджа в то время признала над собою его верховную власть. Иннокентий благоразумно довольствовался одним принципом, не торговался с городами относительно частностей, щедро предоставляя им муниципальные права. Но, вместе с тем, он и здесь, как и в других областях вотчины св. Петра, озаботился об упрочении папской власти: назначал правителей (легатов или ректоров), строил укрепления и поручал их папским кастелланам.

Императорская корона

Итак, светские владения папства были снова ему возвращены; но мог ли Иннокентий считать их окончательно обеспеченными от нового захвата? В Италию может придти новый император и снова насаждать своих воевод по городам и замкам вотчины св. Петра. Иннокентий очевидно мог быть покоен относительно этой вотчины лишь в том случае, если ему бы удалось также успешно разрешить в своем интересе более трудное и сложное дело о наследии императорской короны; здесь наглядно для нас обнаруживается связь между вотчинными интересами пап и их общей политикой относительно империи. Но вопрос об империи и об отношениях к ней папства имел для пап еще принципиальное значение. Мы касаемся почвы, на которой практические интересы пап сплетаются с теоретическими соображениями, где папы-идеалисты должны были становиться политиками, а политики—искать опоры в идеалах, где защитники идеи презрения к миру превращались в самых энергичных поборников власти над миром.

Момент был настолько благоприятен для папы, что только дряхлый старец или мечтатель на престоле св. Петра упустил бы его. Ни в каком случае не был на это способен Иннокентий.

Продолжавшаяся уже более века борьба между священством и царством, между папством и империей, только что приведшая к полному торжеству империи, могла только теперь или никогда разрешиться в пользу папства, ибо «ныне,—восклидал Иннокентий,—церковь по милости Божией обретается в единстве, империя же по вине греков разделена».

Слабая сторона империи заключалась в отсутствии наследственности в ней. Князья-избиратели были слишком заинтересованы в недопущении наследственности, так как каждое новое избрание служило обеспечением их независимости и источником личных для них выгод. Поэтому и фактический переход власти от отца к сыну в той же династии не мог искоренить принципа избирательности императора. Хотя в XII веке императорская власть принадлежала Гогенштауфенам уже в трех поколениях, Генрих VI тотчас по рождении у него сына позаботился о том, чтобы он был избран князьями королем Германии или, как

тогда его называли, римским королем. Но ранняя смерть императора разрушила его династические расчеты. Брат Генриха, Филипп, пытался сначала поддержать права племянника, но так как ему не удалось привезти молодого Фридриха из Италии и в Германии начались смуты, то он был принужден, в интересах своего дома и империи, сам выступить кандидатом в императоры и был избран в марте 1198 г. Но этим дело не окончилось. Победенные Гогенштауфеном вельфы выступили для нового состязания с ними. Они породнились с английским королевским домом; король Ричард, лично оскорбленный Генрихом VI, помог своему племяннику, Оттону Брауншвейгскому, приобрести приверженцев; его сторону принял влиятельный архиепископ кельнский, и четыре месяца спустя после избрания Филиппа Оттон был провозглашен своей партией императором.

Таким образом Иннокентию представилась возможность с высоты папского престола рассматривать вопрос о «трех избранниках Германии».

Оттон, стесненный своим противником, все упования свои возложил на Иннокентия, уверил его в самых ласкательных выражениях в своей сыновней преданности и давал самые торжественные обещания служить интересам римской церкви. Но иначе поступили приверженцы Филиппа: они отправили папе послание от имени и частью за личной подписью главнейших князей империи—одного патриарха, 4 архиепископов, 22 епископов, 4 аббатов, короля богемского, 8 герцогов, 6 маркграфов и 3 пфальцграфов,—в котором просили папу «не протягивать никоим образом руки на права империи к обиде ея», заявляя, что она отнюдь не потерпит, чтобы право церкви было кем-нибудь нарушено или умалено. В силу этого они испрашивали его благорасположения к своему королю и господину для того, чтобы несправедливость не торжествовала над справедливостью, но ложь всегда уступала правде.

Между тем дела принимали для Оттона дурной оборот: король Ричард, поддерживавший его деньгами, умер, и некоторые из его приверженцев перешли на сторону Филиппа. Торжество Гогенштауфенов было близко. Тогда Иннокентий, вместо того, чтобы склонить всех окончательно в пользу Филиппа, и замирить Германию, решился выступить из своего выжидательного положения и открыто высказался за Оттона. Он сделал это в знаменитом историческом документе: «Заявление по зрелом обсуждении папы Иннокентия по делу о трех избранных на империю». «В интересах папства, говорит здесь Иннокентий, обсудить тщательно и осторожно устройство римской империи, ибо, как известно, империя принадлежит папе и по началу своему, и по концу. По своему началу—потому что императорская власть перенесена из Греции папством и в интересах папства ради его защиты; по своему завершению—потому что император чрез возложение руки получает от первосвященника окончательное и последнее свое повышение, так как им благословляется, им венчается и им облачается властью». Затем в документе рассматривается с трех точек зрения, как надлежит папе действовать относительно трех избранников, а именно, что возможно или дозволено, что достойно и что полезно. Аргументация относительно первого из кандидатов, шестилетнего Фридриха, отличается явной казуистикой, так как папа рассматривает вопрос, возможно ли возражать против его избрания, несмотря на то, что оно подтверждено повторными клятвами князей, а разрешает этот вопрос в утвердительном смысле, на том основании, что князья, избирая двухлетнего ребенка, не могли знать, будет ли он пригоден для царства: «разве он не мог оказаться глупым или настолько опрометчивым, что был бы недостой-

ин даже менее важной почести?» А затем случилось событие, которого не предвидели князья, и которое делает невозможным соблюдение клятвы — смерть отца. Ибо так как империя не может быть управляема наместником (*procurator*), и император не может быть избран на время, и церковь не может и не желает обойтись без императора, то ясно, что дозволено обеспечить империю другим лицом. Впрочем, решающий в глазах папы аргумент был, конечно, последний, а именно, что для курии было вредно признание короля Неаполя и Сицилии императором Германии, так как от такого соединения церковь пришла бы в полное разорение.

В числе аргументов против Филиппа, самую большую роль играет тот, что он был отлучен от церкви за захват в вотчине св. Петра, и хотя потом с него было снято это отлучение, папа доказывает, что снятие было совершено с нарушением формы и потому не может считаться состоявшимся. Другой аргумент, почему церковь не должна, согласиться на избрание Филиппа, сводится к тому, что еслибы Филипп следовал теперь за братом, подобно тому, как его брат Генрих наследовал отцу, то казалось бы, что империя досталась им не по избранию, а принадлежит по наследству, и таким образом стало бы наследственным достоянием, что должно быть следствием добровольного признания. А что полезно противодействовать Филиппу, то это для всех очевидно. «Ибо он тиранн и из рода тираннов, и если бы мы ему не противодействовали, то поступили бы, как будто вооружая против себя бешеного и вручая ему меч на нашу гибель». Затем следует длинный обвинительный акт против всех предков Филиппа, чтобы выставить их наследственными врагами церкви, при чем первым из рода Гогенштауфенов поставлен Генрих V, последний из франконского дома, сестра которого вышла замуж за одного из Гогенштауфенов. В противоположность этому папа, слегка и вскользь упомянув о возражениях против поддержки Оттона, горячо высказывается за него в безконечной тираде, в которой факты затемнены и искажены казуистикой, политические мотивы софистически скрыты за религиозными соображениями, поддерживаемыми текстами писания. «Так как равное или даже большее число из тех, которых касается избрание императора, склонились, как известно, в пользу Оттона; так как годность и достоинство избираемого должны быть приняты в соображение не менее и даже более, чем число избирателей, и не столько важно численное большинство со стороны избирающих, сколько здравое их разсуждение; так как Оттон более пригоден к управлению империи, чем Филипп, в силу того, что Господь карает грехи отцов в потомках их до третьего и четвертого колена, если они ненавистники его, Филипп же подражает грехам предков своих в притеснении церкви, и хотя мы и не должны за зло воздавать злом, но оказывать благодеяние обидавшему нас, мы, однако, и не обязаны вознаграждать почестями за оскорбление тех, кто пребывает в обычной к нам враждебности, и не должны вооружать против себя умоизступленных; и так как, наконец, Господь, как видно из Писания, чтобы сокрушить гордеца, избрал скромного и принял в цари Давида, то очевидно, что и нам позволительно, и нам следует, и нам полезно выказать Оттону нашу апостольскую благосклонность».

Борьба между Оттоном и Филиппом Швабским

Таким образом Иннокентий открыто вступил в распрю за императорскую корону, когда эта распря уже близилась к концу, чтобы восстановить равновесие между двумя мировыми властями в пользу церкви; вмешавшись в борьбу, папа упорно вел ее и поддерживал Оттона, несмотря на то, что обстоятельства становились все более неблагоприятны для послед-

няго. Наступил момент, когда дела Оттона приняли такой дурной для него оборот, что Иннокентий, под влиянием отчаяния, впал в тяжелую болезнь и в Германии распространились слухи о его смерти. Радостные известия, что король английский Иоанн решился энергичнее поддерживать Оттона, что французский король Филипп-Август, союзник Гогенштауфенов, согласился, по настоянию папы, остаться нейтральным, и некоторый военный успех, одержанный Оттоном, снова оживили надежды и восстановили силы Иннокентия. Но ему предстояло большое разочарование. Иоанн Безземельный денег не дал, и главный покровитель Оттона, архиепископ кельнский, виновник всей междоусобной войны, перешел на сторону Филиппа, его примеру последовали другие князья, между прочим родной брат Оттона. Напрасно стыдил папа немецких князей: «не человеку друг, а фортуне тот, кто, подобно тростнику на ветру, колеблется от случайностей, и кому улыбался в счастье, того покидает в опасности». Но самому папе пришлось изменить политику; он воспользовался случаем, чтобы через аквилейского патриарха, лица близкого к Филиппу, завести с ним сношения по делу одного епископа. Следствием этого было письмо Филиппа к Иннокентию, чрезвычайно благородное по тону, исполненное чувством собственного достоинства, но очень почтительное к папе. Тогда папа поручил патриарху устроить перемирие между воюющими. Филипп перемирия не принял, и Оттон едва избег плена; он был всеми оставлен. При таких обстоятельствах Иннокентий уступил и отправил в Германию легатами двух влиятельных кардиналов с обширными полномочиями. Легаты сняли с Филиппа отлучение, уговорили его положить оружие и предложили соглашение, в силу которого Филипп должен был быть признан императором, а Оттон женился на его старшей дочери и получил в приданое родовое герцогство Гогенштауфенов. Во время этих переговоров случилось неожиданное и небывалое событие: Филипп был убит, по личным неудовольствиям, своим вассалом графом Виттельбахским.

Иннокентий достиг своей цели: он клеймил с негодованием позорное дело убийства, но его радость не знала границ; его ставленник и орудие стали во главе империи; спокойствие вотчины св. Петра и господство церкви над миром были обеспечены. Его письмо к Оттону — ликующий гимн во славу церкви и идеального божеского царства, которое должно было наступить под ее покровом. «Благословен будь Господь, который по невыразимому своему милосердию исполнил наше желание относительно тебя, главной Его части, и, как мы твердо уповаем, не отступит от нас, пока желание наше не исполнится вполне, к хвале и славе имени Его, к чести и пользе церкви, а также империи и всего христианского народа». Восхваляя достоинства Оттона, папа восклицает, что может похвалиться словом Господним и сказать, что нашел человека по сердцу своему: «О, драгоценный сын мой, моя душа так слилась с твоею, и сердце твое так срослось с моим, что, как мнится нам, мы как будто одного и того же хотим и желаем, как будто составляем одну душу и единое сердце; какую можно ожидать от этого пользу, того ни пером нельзя написать, ни языком сказать, ни даже умом помыслить. Ибо нам двоим, главным образом, поручено управление этим миром; если мы будем единомышленны и согласны в добре, то на самом деле, как сказал пророк, солнце и луна будут идти своим чередом, кривда станет правдой и все шероховатое сделается ровным, так как нам двоим с Божьей помощью ничто не может препятствовать и воспротивиться, ибо в наших руках оба меча, о которых Господь сказал апостолам: «довольно их!» Ибо священнический авторитет и царская власть, присущие нам в своем высшем проявле-

нии, которые обозначаются теми двумя мечами, совершенно довлеют благополучному исполнению своего назначения, если только каждый из нас будет мощно поддерживать другого. А так именно полезно и так должно быть, чтобы каждая сторона находила у другой действительную помощь для того, чтобы порядок мира, пришедшего от изобилия зла к полному разорению, нашими работами был восстановлен с искоренением в нем пороков и насаждением добродетели».

Последняя часть письма принимает более деловой характер; папа озабочен тем, чтобы уладить все спорные пункты по делам римской вотчины и обеспечить исполнение щедрых обещаний, данных Оттоном курии. Несмотря, однако, на эту тень, пробегающую по письму, нельзя думать, чтобы Иннокентий в переписке с новым императором не переживал, действительно, моментов идеального настроения, когда перед ним раскрывалась широкая перспектива плодотворной деятельности: притязания папства осуществились; папа на самом деле имел право утверждать, что в его руках источник и венец императорской власти, и чего нельзя было бы достигнуть с покорным и преданным императором, который всем был обязан римской церкви?

И однако, для Иннокентия было бы лучше, если бы ему не выпало на долю это торжество; для него было бы менее тяжело претерпеть много зла от своего явного противника Филиппа, чем испытать то горе, которое ему готовил его «драгоценнейший» сын. Год спустя по смерти Филиппа, в 1209 г., Оттон прибыл в Рим для коронования. Торжественный обряд совершился в полном порядке. При выходе из собора император, по обычаю, держал стремя папы, и оба потом верхами отправились с блестящей свитой в Латеран, чтобы отпраздновать торжество. Торжество было омрачено, как бывало иногда и прежде, кровавым столкновением между римским населением и войсками императора, которые считали себя в праве требовать угощения. В стычке погибло много людей, и еще больше пало лошадей рыцарской свиты. Оттон потребовал вознаграждения, и отказ папы был первым поводом к недоразумению между ними. Это было печальной случайностью, но недоразумение приняло более роковой и неизбежный характер, когда Оттон, надев на себя императорскую корону, проникся традицией своих предшественников и захотел вступить во все их права относительно светской власти в Италии и в Церковной Области. Иннокентий увидел пред собою врага, превзошедшего тех, кто был из породы тираннов. Мы не станем следить за подробностями и перипетиями новой распри между царством и священством. Уже в следующем году Иннокентий отлучил Оттона от церкви и объявил князей Германии свободными от верности тому, кто «не остается верным Богу и церкви». Но декреталями нельзя было побороть Оттона, и Иннокентию пришлось против Оттона прибегнуть к помощи ненавистных церкви Гогенштауфенов и содействовать притязаниям на отцовский престол юного Фридриха, несостоятельность которого и пагубное значение для церкви он так систематически изложил пред всем миром. После трехлетней борьбы Фридрих одолел своего соперника и в 1215 году, незадолго до смерти Иннокентия, самый юный из трех избранников короновался в Ахене короной Германии. Автор трактата о презренности мира и людей имел за это время много поводов убедиться в справедливости своей нравственной теории, и много глубокой горечи находим мы за эти годы в переписке Иннокентия. «Господу и вам,—пишет он архиепископу равеннскому,—жалуемся мы на императора, который, не помня наших благодеяний и забыв свои обещания, воздал нам злом за добро, ненавистью за любовь, обиду за

милость, оскорблением за почет; как нечестивый сын, он начал с угнетения своей матери, которая со всем усердием старалась, против общего, почти всех, желания, возвысить его на престол, как это вам и другим вполне известно; многие теперь глумятся над нами, говоря, что мы по заслугам страдаем, так как сами сковали меч, которым нам нанесена тяжелая рана; но пусть глумителям ответит за нас Всевышний, которому ведома чистота наших помыслов и который, как видно из писания, сам не без причины о себе сказал: «жалею, что создал человека».

—————

Священство и царство

Как видно из приведенных данных, вмешательство Иннокентия III в дело империи было для него источником многих разочарований и ударов, тяжелых для его личного чувства. И однакоже, в вековом антагонизме между папством и империей именно Иннокентий III окончательно склонил весы в пользу духовной власти. Иннокентий застал дело в таком положении, что в Риме командовал императорский префект, а римский епископ был менее обеспечен в своих светских правах и в своей независимости от светской власти, чем любой из епископов священной римской империи, и воспользовавшись обстоятельствами, Иннокентий смело провозгласил теорию, в силу которой самое могущественное государство тогдашнего времени становилось вотчиной св. Петра, а преемник римских цезарей и Карла Великого—простым ставленником римского епископа. Иннокентий нашел императора, который из личных видов дал свое согласие на эти притязания, и, несмотря на энергические протесты немецких князей, аргументация Иннокентия III вошла в декреты, т.-е. стала каноническим законом для всего западного мира.

В ответ послам короля Филиппа Иннокентий подвел спорный вопрос об избрании преемника Генриху VI под общую теорию о преимуществе священства над царством. Аргументация обращается отчасти в представлениях, взятых из действительных отношений между духовною и светскою властью. Достоянее тот, кто получает десятину, чем тот, кто ее платит; ниже стоит тот, кто получает благословение, чем тот, кто его дает; достоянее тот, кто дает помазание, чем помазанник, и т. д. Еще более важны по своим последствиям и еще сильнее выражают притязания папской власти примененные к данному вопросу толкования разных текстов св. писания. В них ясно проглядывает намерение отождествить духовную власть с божественною, чтобы поставить ее выше светской власти. Слова книги Бытия о Мельхиседеке, что он был «царем государства и слугою Всевышнего», дают Иннокентию повод противопоставить государству божество (*civitatem et divinitatem*) и сопоставить с различием между ними подобное различие между царем и священником. Текст из книги Исхода (XXII, 28): «Судей не злословь и начальника в твоём народе не поноси» истолковывается Иннокентием так, что «Господь священников назвал богами, а царей начальниками». Другой текст дает повод отождествить священника с ангелом Пасхи; эта дальнейшая аргументация уже кажется ослаблением. «Князьям дана власть на земле, а священникам на небе. Одни поставлены над телом, другие—над душою, и насколько душа достоянее тела, настолько священник достоянее царя».

Вторая часть аргументации принимает исторический характер: «ибо священство не только превосходит царство по достоинству, но и по времени... Оба они, как царство, так и

священство учреждены были для народа Божьяго; но священство — по Божьему постановлению, царство же — вследствие людского вымогательства» (*per extortionem*). Что у евреев священство предшествовало царству — легко было подтвердить всем известными фактами; но чтобы не осталось сомнения относительно такого же хода дела у язычников, у которых, по свидетельству писания, царство ведет свое начало от Бэла у ассирийцев, а от Нимврода — у вавилонян, Иннокентий указывает на то, что Ной предшествовал этим царям и был правителем над ковчегом, т. е. «как бы священником церкви».

Точно также и далее преимущество священства над царством доказывается не только происхождением, но и всей их историей. Против того и другого воздвигнуты были соблазн и раскол; но раскол не одолел священства, как показывает история еврейского народа; раскол же, воздвигнутый против царства, не был усмирён, а превозмог, как-то свидетельствует история царя Саула. Точно также и в дальнейшем течении времени не священство, а царство подверглось разделению после Соломона. Но алтарь с золотым тельцом, воздвигнутый у израильтян, был сокрушен и рука царя сожжена, разделение же царства Иудейского осталось до конца. И что случилось в ветхом завете, то повторилось и в новом; одновременно произошло разделение как священства, так и царства при папе Иннокентии II и при короле Лотаре. Против Иннокентия возстал Анаклет, против Лотаря — Конрад. Но в обоих случаях взяли верх католики — ибо Иннокентий короновал Лотаря — и потерпели поражение схизматики Анаклет и Конрад, ибо правда побеждает кривду. То же повторилось и при папе Александре III, когда император Фридрих, не как защитник церкви, а как притеснитель ея, содействовал схизме и благоприятствовал схизматикам. Но схизма погибла со схизматиками. Ныне же церковь, по милости Божией, состоит в единстве, империя же, в силу грехов, разделена. Церковь, однако, воздаёт царству не тем, что от него получила, но соболезнает ему. Впрочем, к апостольскому престолу давно уже надо было обратиться, и ему это дело подлежит, так как он перенес империю с востока на запад, и по его же усмотрению дается императорский венец.

«Священство выше царства по достоинству, по назначению и по происхождению». Это положение можно считать краеугольным камнем средневекового мировоззрения — его основание можно найти уже в «божеском царстве» Августина; но теперь новое применение получает эта формула: если священство достойнее царства, то в силу того оно имеет право требовать себе его подчинения, и так как священство олицетворяется папою, то формула эта на практике приводила теперь к требованию, чтобы светские власти подчинялись папе и в светских вопросах.

Вот в этом заключается новый поворот в средневековой жизни, насколько она находилась под влиянием папства, и нельзя не сказать, что виновником этого поворота был в значительной степени Иннокентий III. Ему же принадлежит значительная доля ответственности в том, что папство, став во главе церкви, как божеского царства, признало царствование своим призванием на земле и распростерло свою власть из области духовных интересов в светские. Этот процесс, обнаружившийся яснее в XIII в. после Иннокентия III, привел к падению римской церкви, а вместе с нею и средневекового мировоззрения. Требуя себе подчинения светских интересов во имя своего духовного значения, папство, повидимому, выиграло и достигло небывалого величия и авторитета; но это было самообольщение, потому что чем более оно связывало себя светскими интересами, чем более оно ими поглоща-

лось, тем более материализировалась и затемнялась представляемая им идея, которой оно была обязана своею силою, и тем слабее, следовательно, становился его авторитет.

Личность Иннокентия

В Риме сосредоточивалась такая масса мирских дел и забот, с которою могла справляться только такая могучая и энергическая личность, как Иннокентий III. Но сам Иннокентий — был ли он действительно в состоянии справиться с своими обязанностями? Через всю его переписку постоянно тянется жалоба, что он изнемогает под бременем дел. Он неоднократно в ней заявляет, что «не желает, как и не должен того желать — отдавать предпочтение мирскому пред духовным». Но имел ли он, при условиях, в которых находился, возможность постепенно «избирать верный путь», чтобы как он выражается, «не пренебрегать светскими интересами и в то же время *выше их* ставить, как и следовало, духовные» (II, 202)? Нужно отдать справедливость Иннокентию: в своей личной жизни он старался, сколько мог, среди житейских волнений не терять из вида духовной цели. Так, среди забот об управлении миром Иннокентий находит досуг, чтобы написать ряд проповедей перед Рождеством на тему о пришествии Христовом. Он делает это, чтобы «вырваться из забот мирских, которые под давлением злобы времени сильно меня отягощают, и не пренебречь вовсе духовною заботою, которая ради обязанности апостольского служения в особенности на мне лежит». Но в самом посвящении этих 29 проповедей аббату Арнульфу Иннокентий метко изображает состояние своего духа, и в этом изображении нельзя видеть только обычное авторское оправдание. «О, если бы я по обязанности проповедника сам исполнял то, о чем сейчас говорил! но я подавлен скоплением стольких процессов, опутан узами стольких дел, что по необходимости, разбившись по частям, я должен оказаться более слабым по каждой отдельной части. Предаваться созерцанию мне не дозволено, ибо даже дышать мне не дают. Я так отдан другим, что почти перестал принадлежать самому себе». При таком обременении делами страдали не только духовные обязанности, но и в светских делах были неизбежны упущения, как в этом искренно признается Иннокентий в письме к архиепископу пизанскому, которому, вместе с другими лицами, папою был поручен сбор денег в пользу крестового похода (1, 409). Папа оправдывается пред ними в том, что, хотя он не припомнит, «*точно* ли он выразился» в письме к нему, но во всяком случае намерение его было таково, чтобы собранная сумма денег была употреблена по назначению, а в Рим был доставлен только общий ее итог. «Если же в письме, нами к вам посланном, может быть, что-нибудь и содержится в том смысле, чтобы все собранные деньги прислать нам, то это произошло не по нашему намерению, а вследствие излишества занятий, относительно которых мы должны сказать, что чем большему количеству предметов мы посвящаем наше внимание, тем менее тщательно мы в состоянии подумать о каждом отдельно».

Вот это признание Иннокентия: «Чем больше дел мы охватываем, тем менее с ними справляемся», могло бы служить эпиграфом для его правления и характеристикой для созданного им положения дела.

Если личность, одаренная такой энергией и такой страстью к деятельности, жаловалась, что ей непосильна задача, взятая на себя папством, то что же приходилось сказать о других, менее способных и мощных преемниках Иннокентия III? Судьба Европы стала зависеть от того случайного обстоятельства, кого именно запертые в конклаве кардиналы возведут на престол св. Петра. Но не в этом только заключалась ненормальность положения, в

котором находилось папство. Чем энергичнее был папа, чем более он отдавался своему призванию, тем более он приходил в соприкосновение с миром, тем резче он должен был проявлять в нем свою власть, тем более зависим становился он от лиц, служивших ему орудием, тем более он нуждался в золоте, чтобы содержать своих многочисленных служителей, — одним словом, тем более духовная власть папы принимала мирской характер. Таким образом, должны были все более и более мельчать и понижаться идеальные задачи папства, средства для достижения этих задач становились целью, и божеское царство Августина превращалось в вотчину св. Петра.

XXXIII. Фридрих II Гогенштауфен

Положение Фридриха в истории

Первая половина XIII столетия была последним актом вековой борьбы империи и папства¹. Несмотря на кажущуюся победу папства, исход ее был одинаково печален для обеих сторон, так как оба эти непримиримые начала взаимно подорвали друг друга. Ни империя, ни папство не оказались способными осуществить идею универсальной монархии, на которой было основано все церковно-политическое развитие Средних веков. XIII в. носит в себе уже влияние нового времени, но пока этот новый порядок намечается на фоне старого, отсюда та двойственность, которую мы наблюдаем в представителях этого века. Стоит только сопоставить Фридриха II с Людовиком IX, чтобы понять, как далеко могут отстоять друг от друга во времени два современных деятеля. В то время как Людовик является представителем прошедшего, воплощая в себе лучшие качества средневекового государя, Фридрих вносит с собою в XIII столетие такие черты, которые значительно опережают его время. Это обстоятельство дает личности Фридриха очень сложный характер. Сравнительно легко дать характеристику любого из его предшественников на императорском престоле. Фридрих Барбарусса, Оттон I, Карл V. настолько цельные личности, что кажется нетрудным проникнуть в их душу и представить себе их характер и образ мыслей.

Фридрих II не поддается так легко анализу. Гогенштауфен по отцу, он носит немецкое имя и крепко держится за высокое представление о священно-римской империи, которое оставили ему в наследство отец и дед. Норманн по матери, он чувствует себя дома в своем сицилийском королевстве и лишь в минуты необходимости появляется в Германии, интересами которой он нередко жертвует ради других целей. Стоя во главе средневекового католического общества, Фридрих вращается среди чуждых ему восточных элементов и по степени своего образования, по религиозному индифферентизму и широкому пользованию жизнью является предвестником далекой еще эпохи Возрождения. Наконец, по своему госу-

Пособия: *Zeller*, Friedrich II et la chute de l'empire; *Schirrmacher*, Friedrich II; *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom, V B.

1 См. статьи «Григорий VII» и «Ломбардские города в XII в.».

дарственному идеалу и по смело задуманной попытке осуществить его в Сицилии, этот средневековый государь носит в себе черты, которые были бы уместны в представителе просвещенного абсолютизма XVIII века.

Детство Фридриха

Единственный и давно жданный сын Генриха VI и Констанции родился в маленьком городке Иези (Iesi) в Анконской марке 26 дек. 1194 г. и при крещении получил имя Фридриха-Рожера. Это были имена двух его дедов, и они указывали ребенку на две короны, которые его ожидали. Одна из них—сицилийская—была наследственная, а другая—императорская—казалось, была обеспечена ему решением германских князей, избравших его римским королем на сейме в Франкфурте 1196 г. Давно уже империя не стояла на такой высоте, как в этом году Генрих VI, силою утвердившийся в Сицилии, замышлял уже сделать корону священно-римской империи наследственной в своем доме и в тоже время мысленно протягивал руку к короне империи восточной. Его преждевременная смерть в 1197 г. сразу погубила все достигнутые им результаты. Его малолетний сын оказался вассалом папы и не был уверен даже в своей сицилийской короне, а в Германии от него отвернулись не только вельфы, избравшие королем Оттона IV, но и гибелины, поневоле променявшие его на Филиппа Швабского. И как раз в это трудное для империи время самый яркий представитель папских стремлений, Иннокентий III занял римский престол и стал опекуном маленького Фридриха, который в конце 1198 г. потерял мать и остался круглым сиротой, не имея еще 4 л. от роду.

Детство Фридриха прошло при такой печальной обстановке, которая напоминает нам юные годы Иоанна Грозного. Он был игрушкой в руках партий, которые, захватывая в свои руки власть, завладевали и особой короля. Вождь одной из них, Каппароне держал при себе Фридриха, как пленника. Все разноплеменное население Сицилии пришло в брожение. Итальянцы думали, что со смертью Генриха VI можно будет свергнуть немецкое иго, немцы в лице Маркварда Анвейлера и маркиграфа Дипольда Фобурга упорно отстаивали свое положение; арабы на острове подняли мятеж, так как боялись, что из Рима посягнут на их религиозную свободу. Но главное, около Фридриха не было лиц, искренне ему преданных, на которых он мог бы положиться. Мальчик рано пришел к убеждению, что он должен рассчитывать только на самого себя. Злое чувство против окружающих накопилось в душе Фридриха, и в одном из своих писем он восклицает: «Кто видел когда-нибудь столь преступных людей, столь безстыдных злодеев? Когда случалось королю, полному стремления мощно править с высокого престола, карать подобныя злодеяния?» Тяжелая школа, пройденная в детстве, подавила в нем сердечность и искренность, но дисциплинировала его сильный ум и воспитала в нем сильную волю. Он научился скрывать свои истинные намерения, идти к цели так, чтобы противники этого не замечали, научился извлекать возможно большую пользу для себя из лиц и обстоятельств, с которыми он встречался. Фридрих не стеснялся впоследствии в трудную минуту брать на себя известные обязательства, от исполнения которых он отказывался, когда успех переходил на его сторону. Он имел перед глазами хороший пример подобной политики в лице своего канцлера Вальтера Палеара, архиепископа Троянского, умевшего сохранить свое положение при всех партиях и потерявшего его лишь по совершеннолетию Фридриха.

С 14-тилетнего возраста воспитателем Фридриха становится Ченчо Савелли, впослед-

ствии папа Гонорий III. При исключительных дарованиях и любознательности Фридрих не мог не сделать успехов независимо от свойств своих наставников. В письмах Иннокентия III мы часто встречаем указания на эти успехи. «Со дня на день становится король умнее и благоразумнее»—пишет он королю Арагонскому в 1204 г., а через 4 года он сообщает тому же лицу: «Окрыленными стопами вступает он в годы зрелости и, опережая возраст своими дарованиями, он достойным удивления образом кладет начало своего счастливого правления».

Образование Фридриха

Широкое и разностороннее образование Фридриха станет нам понятным, если мы обратим внимание на то, что его культурная обстановка была настолько же благоприятна, насколько политическая и домашняя были печальны. Сицилия XIII в. была счастливым пунктом, где сходились, дополняя друг друга, образованности латинская, византийская и арабская. Недаром Палермо того времени называли трехязычным городом. В этом оживленном торговом пункте собралось самое пестрое население, составленное из всех народностей, обитавших по побережью Средиземного моря, и свободно встречались три религии: христианская, магометанская и еврейская. Духовная жизнь была шире и свободнее, чем где бы то ни было. Здесь одновременно можно было изучать римское право и науки, принесенные греками и арабами, поэзию провансальскую, которая уже вымирала, и поэзию итальянскую, которая только зарождалась.

Фридрих широко воспользовался тем, что давало ему современное состояние знания в южной Италии. Он хорошо знал науки математические и естественные, изучал астрономию и неразрывную с ней в то время астрологию. Его трактат о соколиной охоте («*De arte venandi cum avibus*»), обнаруживает в нем солидные познания в анатомии и зоологии. Свой интерес к последней науке он доказал и тем, что составлял целые зверинцы из редких животных, которые сопровождали его даже в походах. Фридрих занимался также медициной, хирургией и ветеринарным искусством, сам составлял рецепты. К языкам он имел особые способности: кроме итальянского и немецкого, он владел французским, греческим, даже арабским. Он писал стихи на языках латинском и итальянском, и Данте в своем *De vulgari eloquio* называет его одним из родоначальников итальянской поэзии. Около него группируется целая школа сицилийских трубадуров, которые по образцу своих провансальских собратьев воспевают любовь и наслаждение. В числе их, следуя примеру своего государя, находятся и важные сановники в роде Петра Винеа. Будучи тонким знатоком античного искусства, Фридрих переносит в Палермо мраморные колонны Равеннского храма, а воздвигнутые им дворец в Фоджио и замок в Капуе представляют в своей архитектуре ту изящную гармонию, в которой чувствуется уже будущий стиль Возрождения.

Но знание не было для Фридриха лишь предметом любознательности: он видел в нем важный элемент общественного благополучия. Чтобы распространить образование в своем государстве он основывает университет в Неаполе. В грамоте, изданной по этому случаю в 1224 г. и разосланной по всему королевству, он говорит между прочим, что в Неаполе будут преподаваться все науки для того, «чтобы алчущие знания находили нужную для них пищу в самом королевстве и не были вынуждены ради образования покидать свое отечество и выпрашивать его, как милостыню, за-границей». Фридрих берет под свое покровительство и знаменитую медицинскую школу в Салерно: в 1231 году он издает распоряжение, воспре-

щающее врачам практиковать в Сицилийском королевстве иначе, как с разрешения этой школы. Он привлекает к своему двору ученых и писателей, напр., Леонардо Пизанского, знаменитого математика, введшего неизвестную прежде христианам алгебру и посвятившего императору свой «Трактат о квадратных числах», и Михаила Скота, который перевел для него многие трактаты Аристотеля и в числе их «Историю животных». Посылая эти переводы в Неаполитанский университет, Фридрих пишет: «наука должна идти наравне с законом и оружием, без нея человек не может достойно воспользоваться своею жизнью». «Мы думали», — продолжает он дальше, — «что нам не будет удовольствия пользоваться ими (переводами), если мы не сделаем их доступными и для других. Никто не имеет большего права на источник античной мудрости, как тот, кто пользуется им для утоления жажды к знанию юности». В письме к жителям Верчелл Фридрих идет еще далее и высказывает мысль, которая сделала бы честь деятелю и более позднего времени: «Мы считаем выгодным для себя давать нашим подданным возможность образования, наука сделает их более способными управлять и собой и государством». Подобные просветительные идеи, несомненно, знаменательны в устах государя XIII в., даже если мы примем во внимание, что практическая деятельность императора не всегда им строго соответствовала.

Покровительствуя науке, Фридрих не обращает внимания на вероисповедание ученого. Ученый еврей Иаков Бен-Абба-Мари, поселившийся в Неаполе, благодарит Бога за то, что Он «вложил в сердце господина его, императора и короля Фридриха, любовь к знанию и к тем, кто его разрабатывает, и сделал его столь благосклонным, что он заботится о нуждах их самих и их семейств». Фридрих находится в постоянных сношениях с арабскими учеными в Египте, Испании и Африке, он ставит им всевозможные философские вопросы и текст их вместе с ответами ученых сохранился на арабском языке под названием «Сицилийских вопросов». Впрочем, не одни только научные интересы отличали двор Фридриха. Роскошная природа Сицилии, старая традиция норманнского двора и сильное влияние востока создали здесь ту свободу нравов, которая дала потом римской курии богатый материал для нападок на частную жизнь Фридриха. В этой последней области Фридрих был действительно далек от церковного идеала, и некоторым оправданием ему могло служить только то, что заключаемые им брачные союзы носили преимущественно политический характер. В 1209 г. 14-ти лет от роду он вступает в свой первый брак с Констанцией Арагонской, чтобы приобрести поддержку ее брата. Констанция была уже вдовою короля Эммериха Венгерского и значительно старше Фридриха. Вторично Фридрих женится в 1225 г. на Иоланте, дочери Иоанна Бриенского и благодаря ей приобретает права на Иерусалимское королевство. Через 10 лет в Кельне был отпразднован третий брак императора с Изабеллой Английской, причем опять политические расчеты имели для него более значения, чем прославленная красота принцессы. Обладая пылким темпераментом южанина, Фридрих создавал себе в своих замках, как напр., в Лючере, обстановку, уместную при дворе какого-нибудь восточного султана. Побочные дети императора стояли всегда очень близко к престолу и во всяком случае Энцо и Манфред были ближе его сердцу, нежели рожденные императрицами Генрих и Конрад.

Отношение к церкви

Воспитанный среди этой свободы мысли и чувства, Фридрих и по отношению к церкви должен был занять более самостоятельное положение. Очень трудно представить себе ясно

религиозные воззрения императора. На современные показания не всегда можно полагаться, так как сторонники папства не останавливались перед самыми неосновательными обвинениями, а с другой стороны некоторые резкие выражения, вырвавшиеся у Фридриха во время его последней борьбы с Римом, не могут выражать его истинных убеждений. Григорий IX доходил до того, что открыто обвинял императора в неверии и самом крайнем материализме. Альберт Бегамский уверял, что Фридрих не верил в бессмертие души¹.

Эти обвинения остались, конечно, недоказанными, но несомненно, что Фридрих не был правоверным католиком в духе XIII века. Непримируемая ненависть церкви к Фридриху вытекала из верного убеждения, что император не преклонится добровольно перед Римом. Церковь не могла действовать на него ни тем обаянием, которое она имела в глазах верующего, ни суеверным страхом, которым она действовала на грубую толпу. Фридрих ясно видел недостатки современной церкви и, если он и служил ей интересам, когда это было ему нужно, то он громко указывал на них во время своей борьбы с папами. Напоминая, что «первобытная церковь имела своими основами бедность и простоту», он осуждал роскошь и богатство современного духовенства и во время разгара борьбы смело брал на себя инициативу ее реформы. «Помогите нам», — писал он, — «против этих гордых прелатов, чтобы мы могли утвердить нашу мать, церковь, давши ей вождей, более достойных править ею, и чтобы мы могли согласно нашему долгу исправить ее для блага ее и славы Божией!» Фридрих завидует тем государям, которые соединяют духовную и светскую власть в своих руках. «Счастливая Азия!» — восклицает он в письме к одному греческому властителю, — «счастливые державы востока, которым нечего бояться ни оружия своих подданных, ни интриг своих первосвященников!» Но в то же время Фридрих возвращается на средневековую точку зрения, когда ему нужно окружить божественным ореолом свою императорскую власть. Рим не мог быть доволен, слыша, какими выражениями стали пользоваться при императорском дворе. «Наша обязанность», — говорит Фридрих, «любить Иези, благородный город Марки, где наша божественная мать произвела нас на свет, и где распространился блеск нашей колыбели. Никогда эта благословенная земля, этот Вифлеем, где Цезарь увидел свет, не изгладится из нашей памяти и из нашего сердца». Его окружающие разделяют эти идеи, и один из них пишет: «Бог установил на земле своим сподвижником и наместником римского императора, государя по имени и на деле, божественный дух которого в руках Бога, направляющего его по Своему желанию». Отсюда один шаг, чтобы из канцлера Петра Винеа сделать апостола Петра: «Петр, на камне которого основана императорская церковь, Петр, на груди которого отдыхает душа Августа, когда он разделяет тайную вечерю со своими учениками». Мистическое настроение, порожденное недовольством современной церковью, распространялось по Италии и было на руку императору. В Калабрии еще в конце прошлого века благочестивый аббат Иоахим Флор проповедовал «вечное евангелие» и обещал наступление царствия Духа Св. после царств Отца и Сына. Пылкие души ждали уже появления новой церкви и в одном стихотворении, которое в Риме поспешили приписать Фридриху, но которое, по другой традиции, принадлежит перу состоявшего при императоре в качестве переводчика Михаила Скота, мы читаем такие строки: «Судьба нам воз-

1 Очень резко выражаются об отношениях Фридриха к религии и другие писатели в роде Мартина Минорита или Иоанна Винтертура. Так, первый в своей хронике «*Flores temporum*» заставляет императора высказывать предположение, что, если бы князья согласились с его установлениями, то он сумел бы лучше предписать всем народам, как нужно жить и веровать.

вещает, звезды и полет птиц нам предсказывают, что будет только один молот для всей все-ленной. Рим, который давно уже колеблется, вступивши на путь заблуждений, падет и перестанет быть столицей мира». Если эта идея и не дана самим Фридрихом, то во всяком случае она согласуется с теми высокими целями, которые он себе наметил.

Приобретение императорской короны

Царствование Фридриха II можно разделить на три периода. Первый, от начала его самостоятельной деятельности и до 1230 года, обнимает собою время, в течение которого он возвратил своему дому положение, утраченное посл смерти Генриха VI, и ради этого выдержал свою первую борьбу с Римом. Второй период занимает пять следующих самых спокойных, но в то же время самых важных лет его царствования, так как в это время он усиленной законодательной деятельностью складывал новые основы могущества Гогенштауфенов. Последний период начинается в 1236 г., когда Фридрих начинает военные действия в Ломбардии, за которыми следует затем новый разрыв с папой. Тогда открывается последняя решительная борьба с Римом, оканчивающаяся в 1250 г. одновременно смертью императора и падением империи.

Фридрих начинает самостоятельную деятельность в 1208 г., объявивши себя совершеннолетним 14-ти лет от роду. Его внимание было обращено прежде всего на Сицилию. Положение этого королевства было так смутно, что Фридриху удалось возстановить в нем порядок лишь к половине 20-х годов. Тогда-то, усмирив возстание арабов на о. Сицилии, он переселил часть их в южную Италию и основал большие военные колонии в Лючере и Ночере. Этими арабскими силами он широко пользовался потом во время войн с Римом. Иннокентий III, отмечавший научные и государственные успехи своего питомца, скоро должен был заметить и его стремление к самостоятельности. Уже в 1209 г. по поводу назначения архиепископа палермского папа делает ему строгое внушение. «Мы боимся»,—пишет он Фридриху,—«что ты, введенный в заблуждение окружающими тебя, вступаешь на путь тех жестоких тиранов, которые, стертые с лица земли за свои злодеяния, подвергаются теперь жестокому возмездию. Ты должен довольствоваться тем земным, что мы тебе дали, и не простирать руку к духовной области, принадлежащей нам одним. Ты должен подумать о том,—и найти в этом предостережение для себя,—что тяжелые времена посетили твое царство ради прегрешений твоих предков, которые тоже посягали на духовную область».

Тем не менее в Риме нуждались в Фридрихе. Оттон IV, бывший прежде послушным орудием папы, круто изменил свою политику, как только надел императорскую корону и почувствовал свою силу. Иннокентий III жаловался на измену императора, применял к себе библейский текст, где выражается раскаяние о сотворении человека, и в письмах к Филиппу Августу сожалел о том, что не послушался его советов. Но перемена, происшедшая в Оттоне, была неизбежна по самой сущности отношений между империей и папством и, противопоставляя Оттону IV Фридриха, папа должен был сознавать, что и это орудие изменит ему, как только достигнет цели, и что никакие договоры не оградят надолго интересов римской церкви.

В 1212 году Фридрих отправился в Германию добывать себе с помощью папы ту корону, которую папа отнял у него 16 л. тому назад. По пути, в Риме произошло свидание Фри-

дриха с Иннокентием III. Переговоры, веденные там, остались для нас неизвестными, но грамоты, данные Фридрихом в Эгере 12 июля 1213 года и в Страсбурге 1 июля 1216 года, открывают нам те уступки, которые Фридрих делает церкви. Он подтверждает вновь ленную зависимость Сицилии от Рима и обещает немедленно по достижении императорской короны отказаться от сицилийской в пользу своего сына Генриха. Обе короны не должны быть впредь соединяемы в одних руках, и поэтому до совершеннолетия Генриха Сицилия управляется лицом, назначаемым папою и ответственным перед ним. Купивши себе этой ценою поддержку Рима и именуя себя королем «милостью Божией и папы» Фридрих с очень незначительными силами переходит Альпы и собирает вокруг себя князей, сохранивших верность Гогенштауфенам. Он заключает в Вокулере союз с Филиппом Августом, оттесняет Оттона IV к Кельну, и 9 декабря 1212 г. коронуется римским королем в Майнце. Три года благоприятных для него военных действий утверждают его положение в Германии. Разбитый в июле 1214 г. французами при Бувине, Оттон теряет последних своих союзников и удаляется в свои родовые земли. В 1215 г. Фридрих вторично коронуется в Ахене и при этом исполняет второе настойчивое желание Рима: надевает на себя крест и обещает лично участвовать в крестовом походе.

Крестовый поход

Дальнейшая политика Фридриха направлена на то, чтобы избавиться от тех обязательств, которые он взял на себя перед Римом в то время, когда нуждался в его помощи. Главным образом, нужно было предотвратить отделение Сицилии от империи. В преследовании этой цели Фридрих показывает себя тонким и беззастенчивым дипломатом. Правда, его задача облегчалась тем, что с 1216 г. Иннокентия III заменил в Риме бывший воспитатель Фридриха, добродушный Гонорий III. В течение нескольких лет Фридрих как бы издевается над стараниями Рима настоять на отделении Сицилии и на осуществлении крестового похода. Он вызывает маленького Генриха в Германию, берет у него управление Сицилией и в апреле 1220 г. проводит его избрание римским королем, т. е. своим преемником в Германии. На протесты папы он отвечает, что избрание было произведено без его ведома. В том же году он возвращается в Италию, уступает папе в безконечном вопросе о владениях маркграфини Матильды, именуется себя «покорным сыном» папы, манит последнего надеждою на крестовый поход и добивается этим путем венчания императорской короной с правом сохранить пожизненно Сицилийское королевство. В день своего коронования император дает церкви широкие привилегии, но этими льготами он, не без умысла, задевал свободную организацию итальянских городов: Фридрих сознавал, что борьба с Римом неизбежна и старался по возможности изолировать последнего.

Чтобы не раздражать церковь, Фридрих охотно помогает ей там, где это не затрагивает его собственных интересов. Своими суровыми эдиктами против еретиков¹—а это понятие все расширялось на языке римской церкви—свободомыслящий император показал эгоистичность своей политики и неразборчивость своих средств. Это тем более характерно, что в это же время такой строго-церковный король, как Людовик IX, отказывался приводить в

1 Особенно важен в этом отношении эдикт, подписанный в Равенне в 1232 г. Император выражал в нем твердое желание «уничтожить всеми средствами в Германии, где царила всегда истинная вера, еретическую скверну». Папские инквизиторы были поставлены под особое покровительство императора. Они оставили после себя самую печальную память в стране, и глава их, Конрад Марбургский, носивший титул *inquisitoris hereticae pravitatis*, погиб насильственной смертью в 1233 г.

исполнение церковных отлучения своей светскою властью. Но для Гонория всего интереснее был вопрос о крестовом походе и тут Фридрих подвергал терпение своего бывшего наставника самому жестокому испытанию. Он всегда находил возможность отсрочить поход под тем или другим предлогом. В 1221 г. приходит известие о падении Дамьетты, и папа, начиная терять терпение, грозит императору отлучением.

На личном свидании в Вероли в апреле 1222 г. Фридриху удается успокоить Гонория, и в марте следующего 1223 года назначается для обсуждения дела конгресс в Ферентино. Здесь Фридрих берет на себя обязательство выехать в Палестину в 1225 году и действительно при помощи магистра тевтонского ордена, Германа Зальца, делает большие приготовления к походу в Германии и Италии.

В 1225 году папу постигает новое разочарование: император снова откладывает поход на два года и в то же время двумя мерами обнаруживает истинные цели своей политики. Вступая в брак с Иолантой и принимая титул короля Иерусалимского, он придает предстоящему крестовому походу династический характер, чего вовсе не имели в виду в Риме, а затем император решился воспользоваться навязанным ему церковью походом, чтобы утвердить свое положение в Италии и главным образом в Ломбардии. Фридрих заводит речь о «возстановлении прав империи», требует военной службы от обитателей Сполето, находившихся под владычеством Рима, и на Пасху 1226 г. созывает сейм в Кремону для обсуждения предполагаемого похода, а главное—утверждения порядка и мира в империи. В Ломбардии поняли замыслы Фридриха, и города решили отстаивать свою свободу и права, которые они в прошлом столетии купили дорогой ценой.

Ломбардский союз был возобновлен на 25 лет, проходы в Германию были заперты, и сейм не мог состояться. Фридрих не хотел пропустить момента, когда римская курия, связанная предстоящим походом, не могла открыто поддержать ломбардские города: он положил на них опалу и объявил их лишенными всех прав, приобретенных по констанцкому миру¹.

В то же время назначенный легатом крестового похода еп. Гильдесгеймский отлучил города от церкви. Гонорий III не признал этого отлучения, но вместе с тем не находил в себе решимости открыто выступить против Фридриха. Смерть его, последовавшая в марте 1227 г., выручила Рим из затруднительного положения. Место Гонория III занял, под именем Григория IX, Уголино Конти, родственник Иннокентия III по крови и духу. Убежденный приверженец иерархической идеи, Григорий IX, несмотря на свой 80-ти летний возраст, был полон энергии и горячности. С таким противником нельзя было продолжать прежнюю игру, и Фридриху оставалось или открыто вступить в борьбу с папством или же дать поймать себя на данных им обещаниях и выполнить то, чего желала римская церковь. Фридрих предпочел последнее. Вмешательство папы остановило готовую вспыхнуть в Ломбардии грозу, крестоносное ополчение, в котором соединились немецкая, итальянская и отчасти французская силы, собралось в Бриндизи и оттуда вышло в море. 8 сентября отплыл и сам император, но уже 11-го он вернулся обратно в виду постигшей его болезни. Нет никакого основания заподозреть в данном случае поведение Фридриха. Болезни,

1 Это решение касалось городов: Милана, Вероны, Пиаченцы, Верчелл, Лоди, Александрии, Тревизо, Падуи, Виченцы, Турина, Новары, Мантуи, Брешии, Болоньи и Фаенцы.

действительно, свирепствовали в лагере крестоносцев и сопровождавший Фридриха ландграф Людвиг Тюрингенский умер вскоре после этого возвращения. Но в Риме обрадовались возможности вызвать разрыв с императором. Григорий IX ухватился за удобный случай вывести церковь из того неясного и невыгодного положения, в которое поставила ее излишняя уступчивость его предшественника. 29 сентября в Ананьи папа отлучил Фридриха от церкви и наложил интердикт на все местности, где он будет находиться. Предлогом было выставлено уклонение от похода, но настоящей причиной был, конечно, быстрый рост могущества Гогенштауфенов и возобновление той опасности, которая угрожала церкви некогда со стороны Генриха VI. Послания папы, составленные в таких страстных выражениях, которые ясно показывали, насколько земные интересы руководили Римом, разнесли осуждение императора по католическому миру. Гордая энергия Гогенштауфенов проснулась в Фридрихе. В ответном послании он не столько останавливается на оправдании своего возвращения, сколько принципиально нападает на политику папы. Он обвиняет его в незаконном стремлении ко всемирному господству и призывает европейских государей к совместному отражению грозящей им со стороны Рима опасности, причем в судьбе, постигшей Раймунда Тулузского и Иоанна Безземельного, указывает ожидающую их будущность. Обвинениям папы в распущенном образе жизни он противопоставляет указание на уклонение от идеала самой церкви и этим как-бы становится на точку зрения тех сект, которых он сам преследовал. Фридрих приказывает прочитать в Капитолии этот манифест «по воле сената и народа римского», берет обратно сделанные им уступки Риму Анконской марки и владений Матильды и на праздник Пасхи 1228 года поднимает через партию Франжипани мятеж в Риме, который заставляет бежать Григория IX.

Еще неприятнее было для Григория, что отлученный император в июне 1228 г. отплыл в Святую землю, несмотря на то, что папа отменил крестовый поход. Фридрих хотел показать миру, что он заботится об интересах христианства более, нежели папа. В Риме поняли опасность и употребили все меры, чтобы сделать поход Фридриха безуспешным. Католическое духовенство и орден тамплиеров получили инструкцию противодействовать всем мерам императора, а когда не смутившийся этим Фридрих надел на себя без церковных обрядов королевскую корону в Иерусалиме, архиепископ кесарийский наложил интердикт на Святыя места. В то же время в Европе распространяли всевозможные клеветы на деятельность императора, его обвиняли даже в том, что он продавал интересы христианства мусульманам. Принимая во внимание эти неблагоприятные условия, нельзя не удивляться результатам, достигнутым Фридрихом. Отказавшись от химерических планов уничтожить неверных, он предпочел вступить с ними в соглашение. Договор, заключенный с султаном Малек-ель-Камилем в феврале 1229 г., дал христианам больше, чем сколько они добились раньше с оружием в руках. В пользу Фридриха свидетельствуют в данном случае и показания такой достойной личности, как Герман Зальца, и то, что папа сам одобрил потом это соглашение. В Риме, впрочем, и не давали себе особенного труда маскировать свои цели и, когда в том же году Иоанн Бриенский с папскими войсками вторгнулся в Апулию, было ясно, что дело шло о том, чтобы разорвать опасное для Рима соединение Сицилии с империей. Фридрих принужден был вернуться, чтобы защищать свои владения. Папския войска были вытеснены из пределов Сицилийского королевства и 23 июля 1229 г. при посредстве герцога Леопольда Австрийского и Германа Зальца был заключен мир в С. Жермано. Папе

были гарантированы его светские владения и верховные права над Сицилией, Фридрих отказывался от вознаграждения за совершенный папою опустошения в Апулии и освобождался от наложенного на него отлучения. 1 сентября между обоими противниками состоялось торжественное свидание в Ананьи. «Папа говорил со мною от чистого сердца» — писал по этому случаю Фридрих — «он успокоил и прояснил мою душу, я не хочу вспоминать более о прошлом». Со своей стороны Григорий IX пишет: «Император явился на свидание с нами с сыновним усердием и преданностью, мы очень тепло беседовали друг с другом и я видел, что он был готов всеми силами исполнять наши наставления и наши желания». Заявления эти не могли быть искренними: с обеих сторон смотрели на соглашение в С. Жермано, как на вынужденное перемирие, а не вечный мир. В особенности Фридрих мог быть убежден, что мировое господство Рима может быть основано только на полном падении Гогенштауфенов, и в следующее затем мирное пятилетие он разворачивает изумительную деятельность. Он старается создать себе прочное положение против Рима, но при этом в Сицилии и Германии он идет совершенно различными путями.

Политика императора в Сицилии

Обнародованные в 1231 г. в г. Мельфи «Конституции Сицилийского королевства» составляют эпоху в истории государственных учреждений Европы. Это была радикальная попытка заменить феодальное государство таким порядком, в котором-бы король, обеспечивая спокойствие в стране, пользовался за то безграничной властью и поглощал своей личностью всю общественную жизнь. В дни своей юности Фридрих испытал все неудобства феодального строя и, так как этот строй был насильственно введен в чуждое ему первоначально норманское государство, то не представлялось большого труда ввести в жизнь эти новые «конституции». Создавая строго-бюрократическую систему, которая безпрекословно проводила королевскую волю от центрального правительства до самых низших инстанций и отдаленных уголков государства, Фридрих не только создавал себе неограниченную власть, но достигал и другой, не менее важной цели. При новом строе Сицилийское королевство выходило из-под влияния римской церкви, и верховные права св. Петра теряли всякое практическое значение. Отсюда — то противодействие, которое оказывал законодательной деятельности Фридриха Григорий IX; но римские увещания не оказали действия ни на самого императора ни на его главного сотрудника в этом деле, архиепископа Капуанского.

Нападение на феодальный мир было сделано одновременно с двух сторон: со стороны владений и со стороны прав. Земли, захваченные в смутное время из королевских доменов, должны были быть возвращены; все укрепления, построенные сеньерами со времени смерти последнего норманского короля Вильгельма II, срыты. Подчиненная административной и судебной власти королевских чиновников, феодальная знать теряла свои бывшие привилегии. Сеньеры теряли навсегда право уголовного суда в своих доменах и в то-же время, наравне с простыми людьми, подлежали смерти, если совершали убийство. Они не могли носить оружия, если не состояли на королевской службе; даже для брака их детей требовалось королевское разрешение. Новые «конституции» были не менее строги и по отношению к церкви. Духовенство подлежит отныне королевской юрисдикции и налогам; за исключением немногих случаев, в роде прелюбодеяния, оно лишается права суда над мирянами, точно так-же, как и права занимать общественные должности. Церковь теряла и с матери-

альной стороны, так как было запрещено жертвовать или продавать ей землю. Подобные же ограничения постигли и городские общины: они потеряли право избирать себе подеста, консулов или ректоров. В новом государстве не может быть никакой независимой власти рядом с неограниченной властью короля. Правда, король собирает иногда сеймы и даже, чего до сих пор никогда не было, приглашает на них представителей от городов, но собрания эти не играют никакой роли. Относительно городских представителей мы не можем теперь даже сказать, подавали-ли они там свое мнение или только выслушивали королевские инструкции.

Весь государственный механизм представляется нам по новым «конституциям» в следующем виде. Во главе государства стоит король, облеченный неограниченной властью. При этом власть законодательная находится исключительно в его руках, а власть административная и судебная передается им в известных пределах тем или другим сановникам, по его воле назначаемым и сменяемым. Центральными учреждениями являются *Magna curia* с обширными полномочиями в области суда и администрации и *Magna curia rationum*, заведывавшая финансами страны. *Magna curia*, заседавшая в Капуе, состояла из 4 юстициариев под председательством великого юстициария. Последний был главным сановником государства и носил почетный титул «зеркала справедливости». Его суду подлежали непосредственно все вопросы компетенциального характера, государственные преступления и важнейшие вопросы ленного права; он же был высшей инстанцией для всех других дел. Где пребывал великий юстициарий, там низшие инстанции прекращали свою деятельность. В административно-судебном отношении все королевство распадалось на 4 части и во главе каждой стояли особый юстициарий и камерарий. Первому принадлежали уголовный суд и заведывание полицией, второму гражданский суд и финансовое управление.

На финансовую сторону в законодательстве Фридриха было обращено особое внимание. Вся система казалась направленной главным образом на то, чтобы извлечь государству возможно большую сумму доходов, и в этом отношении королевство Фридриха оставило далеко за собою всю остальную Европу. Доходы казны были самого различного происхождения: они шли с королевских доменов, которыми в каждой провинции заведывал особый прокуратор и которые частью эксплуатировались хозяйственным способом, частью отдавались в аренду, с поземельного налога, так называемой коллекты, некогда сбиравшейся в исключительных случаях, но теперь обратившейся в постоянный налог, и целого ряда налогов косвенных. И здесь Фридрих как-бы опережает свое время, вводя стеснительную и мелочную опеку над народным хозяйством. Торговля солью, железом, медью и сырым шелком была признана государственной монополией, торговля хлебом была обставлена такими мерами, что и ее можно было до известной степени считать монополией. Вывозные пошлины были чрезвычайно высоки: со скота и хлеба брали натурой третью часть. Таможенная система была строго разработана и обходилась государству очень дорого. Внутреннее производство и торговля были также очень стеснены: со всех главных предметов потребления, в роде рыбы, плодов и т. п. брали известный налог. К королевским доходам относились и конфискации имущества, не редкая при частых в стране смутах. Но несмотря на массу этих налогов, напрягавших иногда до последней степени платежные силы его богатой страны, правительство Фридриха нуждалось в деньгах. Так много поглощали денег роскошный двор ко-

роля, необходимое содержание больших сухопутных и морских сил¹ и дорого стоящая бюрократическая машина, на которой держалось его управление. Строго последовательное во всех своих частях государственное здание, построенное Фридрихом, создало ему неограниченное положение в стране, какого не имели современные монархи. Но в том деспотическом характере, которым была проникнута его система, лежало и ее осуждение. Было предусмотрено все, что касается военных, финансовых и полицейских повинностей подданных, но о правах их мало или вовсе не упоминалось. Гнет этой системы тяжело ложился на страну, тем более что соединение судебных и административных функций в одних и тех же руках порождало массу злоупотреблений, против которых мало помогали постоянные ревизии и часто мелочный контроль высшей администрации. Неудобства эти особенно чувствовались во время отсутствия императора, и в 1240 г. он установил для таких случаев нечто в роде военной диктатуры, заменяя на это время великого юстициария обер-юстициарием и капитаном, стоявшим во главе военных сил королевства. В этом дополнении всего яснее сказался деспотический характер всего учреждения.

Политика в Германии

Совершенно иного направления держалась деятельность Фридриха в Германии. Центр тяжести своего политического положения Фридрих перенес в Сицилию, и рядом с ней германская корона имела для него второстепенное значение. Родившись и воспитавшись в Италии, Фридрих был гораздо менее немцем, нежели норманном, и его политика в Германии носила династический и личный, но никак не национальный характер. Преследуя свою цель—соединить в руках Гогенштауфенов короны Германии и Сицилии и утвердить свое положение в Италии в ущерб притязаниям папы,—Фридрих хотел создать в Германии такой порядок, который по возможности развязал-бы ему руки в Италии. Для этого он решил привязать к своему дому и своей политике германских князей, поступившись в их пользу правами своей королевской власти и свободой германских городов. Достигая отчасти желанной цели, Фридрих нанес этим много вреда самой стране: феодальная разрозненность, уступавшая уже место централизации власти в других государствах, окрепла еще более на почве Германии и подготовила печальную эпоху междуцарствия.

Уже на Франкфуртском сейме 1220 г. Фридрих дал значительные привилегии духовным князьям, предоставивши им между прочим право располагать своим достоянием по духовному завещанию; но особенно важны для последующей истории Германии постановления сеймов Вормского 1231 и Равенского 1232 г. На первом Фридрих обнародовал акт первостепенной важности—*Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundaronum*. Этим статутом князьям обезпечивались почти полные права верховной власти в пределах их владений (так назыв. *Landeshoheit*), и города приносились им в жертву. «Всякий князь»—читаем мы в этом акте—«должен свободно пользоваться, согласно обычаям страны, всеми правами, судом, графствами и сотнями, которые ему принадлежат, как собственность или как лен. Графы этих сотен будут владеть ими от имени местного государя». Владения крупных феодальных владельцев начинают таким образом принимать характер маленьких

¹ Сухопутная войска состояли из ополчения коронных вассалов—единственного остатка феодальной системы—и значительных наемных отрядов. На флот было обращено особое внимание. Большая корабельная верфи и магазины со всеми необходимыми приспособлениями были построены в Мессине, Неаполе и Бриндизи. Там же стоял и военный флот.

государств. «Горожане, именуемые *Phalburgeri*»¹—читаем мы дальше—«теряют свои права.... Люди, зависящие от князей, дворян и церквей, не будут более допускаться в королевские города. Домены и лены, занятые городами, будут возвращены князьям, дворянам, их людям и церквям. Города не будут иметь права суда вне городских стен. Король не будет строить новых замков и городов в ущерб князьям. Он не будет чеканить во владениях князя новой монеты, которая могла-бы вредить монете последнего. Всякий епископ и князь империи должен и может, в интересах империи и своих собственных, укреплять свой город рвом, стеною и всяким другим способом». Для этой почти неограниченной княжеской власти делается только одна оговорка: князья не могут делать новых постановлений и устанавливать новых прав без согласия представителей страны.

В решениях Равенского сейма мы читаем еще более жестокие строки относительно муниципальной свободы, которую император называл «ядовитым растением» и которую он хотел «вырвать с корнем» и в Германии и в Италии. «В Германии укоренились отвратительные обычаи, которые под личиною общего блага скрывают в себе ложные и несправедливые начала. Права имперских князей страдают от этого и поэтому ослабляется и императорская власть. Мы желаем, чтобы права и милости, предоставленные князьям императором, были истолковываемы в самом широком смысле и чтобы они пользовались ими беспрепятственно. Поэтому этим эдиктом мы отменяем и кассируем во всех городах и местностях Германии общины, советы, магистратов или ректоров граждан и всех остальных сановников, поставленных общиной без согласия архиепископов и епископов. Мы отменяем также все товарищества и союзы ремесленников... В былое время управление городами и всеми землями, данными императорами, принадлежало архиепископам и епископам. Мы желаем, чтобы оно было возвращено им лично или тем лицам, которых они назначат. Мы берем обратно все привилегии, все жалованные грамоты, которые великодушные наше, наших предшественников и даже самих архиепископов и епископов дало в ущерб интересам князей и империи как отдельным лицам, так и городам относительно общин и союзов». Такими эдиктами Фридрих хотел вернуть на два века назад общественное развитие Германии. К счастью, это было невозможно; решения, принятые на этих сеймах, никогда не были осуществлены вполне на деле и городская свобода не была подавлена на столько, как этого желали император и князья. Если иногда император и делает слабые попытки поднять значение императорской власти, то это сопровождается всегда такими оговорками в пользу княжеских интересов, которые лишают эти меры серьезного значения. Таковы были решения Майнцского сейма 1235 года, уничтожившие право частной войны, давшие императорским приговорам законодательное значение и создавшие в Германии верховный королевский суд по образцу сицилийского. Учреждение это сопровождалось однако оговоркой, что суд этот не компетентен в делах, касавшихся личности и интересов князей.

Цель, поставленная Фридрихом при такой политике в Германии, была до известной степени достигнута. До половины 40-х годов, когда крайнее напряжение римской вражды создало противокоролей в Германии, император не встречал серьезной оппозиции с этой стороны. Мало того, в трудное время, когда молодой Генрих задумал создать себе независимое положение в стране против отца, лояльное поведение большинства князей разстроило его планы. Принужденный искать примирения с Фридрихом, Генрих на свидании в Аквилее

1 Лица, не жившие в городе, но пользовавшиеся правами горожан.

дал клятву не выходить из отцовского повиновения и князья поручились за него императору. Когда же он возмутился вновь и в 1234 году вступил в сношения с ломбардскими городами, князья снова остались верны Фридриху. Тогда-то в 1235 г. Генрих был лишен своего королевского сана и отправлен в Апулию, а во главе германского правительства был поставлен сын Фридриха от второго брака, Конрад. Замечателен тот факт, что из оппозиции отцу Генрих принял под свое покровительство гонимые императором города.

Но для самой Германии отсутствие сильной правительственной власти было только печально, так как оно создавало анархию и произвол сильных. Такие примеры, как кровавая вражда между архиепископом Майнцским и ландграфом Тюрингенским, не были единичными. Один современный писатель справедливо замечает, что страна гибла, «как некогда Израиль, когда в нем не было царя; всякий делал то, что он хотел». Понятно, что при таком отношении к Германии император мало интересовался распространением и утверждением немецкого элемента за Эльбой и на берегах Балтийского моря. Если здесь были достигнуты за это время важные результаты, то это зависело от общих условий, толкавших немцев в славянские пределы, и энергии пограничных князей, сломивших могущество Вальдемара II Датского.

Ломбардия

В 1235 г. Фридрих мог с известным чувством удовлетворения взглянуть на то, что было им достигнуто в Сицилии и Германии. Оставался еще один существенный для него вопрос: его отношения к Ломбардии. Не утвердивши прочно своей власти в этой стране, Фридрих не мог считать своей цели вполне достигнутой. Но как раз тут императора ждали наибольшие затруднения. Ломбардские города никогда добровольно не согласились бы пожертвовать своей свободой, а за ними стоял Григорий IX, ждавший только удобного случая, чтобы возобновить борьбу с императором. Еще в 1232 г. ректоры лиги возобновили свой союз в Болонье «против всякого, кто нарушит их права или насильственно проникнет на их территорию». Они просят в то же время вмешательства папы, чтобы «император не вступил в Ломбардию с армией», так как видят в этом нарушение Констанцского мира. Союзы городов, с целью противодействовать Фридриху, образуются и в средней Италии: так, в 1237 году соединяются для этой цели Сполето, Перуджия, Фолиньо и другие. Против городских союзов император поддерживает некоторых тиранов и его главным сподвижником в северной Италии был жестокий Эццелин III из фамилии Романо, подчинивший себе Падую, Тревизо и Феррару¹. Фридрих сам вызвал разрыв, потребовав от ломбардцев распускания союза и безусловного признания его прав над страной. Так как эти требования не были приняты, то в 1236 г. он вступает с значительными силами в Ломбардию. Немногие города, как-то: Кремона, Бергамо, Парма, Реджио, Модена и Верона принимают его сторону. Между тем лига постепенно расширяется и принимает название *Societas Lombardiae, Marchiae et Romagnae*. Успех сначала принадлежит Фридриху: он занимает крепкую Мантую и в ноябре 1237 г. наносит лиге решительное поражение при Кортенуове. Захваченную в этом сражении карроччио миланцев он посылает в дар сенату и народу римскому, конечно, не без умысла задеть этим папу, покровителя лиги. В письме, сопровождавшем этот дар, мы читаем то обращение к прошлым традициям Рима, которого тщетно ждали столетие

1 Чтобы лучше привязать к себе этого важного союзника, император выдал потом за него свою побочную дочь Сельваджию.

тому назад от Фридриха Барбаруссы Арнольд Брешианский и его сторонники, и которое не могло не подействовать на легко увлекающихся римлян: «Вам, Квириты, приписываем мы честь наших подвигов и всех побед, нами одержанных, до того момента, когда мы возвратимся, окруженные великолепным успехом, в тот город, откуда мы вышли с боязнью и безпокойством. И вот, опережая и воодушевляя примером нашим желание вашего патриотизма, мы возвращаем к жизни античных цезарей, которым сенат и народ римский присуждал лавры триумфа. Мы посылаем вам колесницу побежденного Милана и доспехи разбитых врагов. Мы даем вам теперь залог нашего величия и нашей славы; мы сочтемся окончательно, когда мы увидим умиротворенную Италию, столицу нашей римской империи. Примите, Квириты, с благодарностью доказательство победы вашего императора. Пусть они возбуждают в вашей душе наилучшие надежды; вам ручается за это то старание, с которым мы хотим возобновить античные традиции; мы постараемся возстановить древнее величие вашего города». Император затронул вскоре интересы Рима и другим способом. Он женил своего побочного сына Энцио на Аделазии, вдове Убальдо Висконти, имевшей права на часть о. Сардинии, и Энцио принял титул короля Сардинского. Но Рим сам заявлял притязания на этот остров и видел в этом шаге императора вызов себе. Воспользовавшись неудачей Фридриха под Брешией, которая поколебала несколько его положение, Григорий IX в вербное воскресенье, 20 марта 1239 г., отлучил его от церкви. И это второе отлучение, подобно первому, было вызвано чисто политическими расчетами папы. Еще до разрыва, Григорий IX в одном письме к Фридриху напоминал ему о даре Константина, который, будто бы, вместе с знаками императорского достоинства, передал римскому первосвященнику не только город Рим, но и все западные провинции империи. Если папы и передали светской власти «могущество меча», то они нисколько не имели в виду «уменьшить по существу юрисдикцию Рима». — «Ты подчинен контролю папы», — заканчивает письмо Григорий. Осуществить этот контроль значит сломить совсем империю, и это попытался теперь сделать папа. В предстоящей борьбе папа имел значительные преимущества перед Фридрихом. Как и в прошлом столетии, Рим мог прикрываться национальными интересами Италии и его союзники ради собственных выгод были теснее привязаны к нему, чем союзники Фридриха, готовые изменить при первой неудаче. Против своекорыстной политики Рима император попробовал апеллировать к общественному мнению Европы и 20 апреля он обнародовал послание, в котором, оправдывая свое отношение к Риму, он взывает к посредничеству современных государей. Он умоляет кардиналов собрать вселенский собор и берется доказать на нем свои обвинения против папства. Он указывает затем государям на грозящую и им опасность. «Папе будет легко» — пишет он, — «унизить других королей и князей, если будет сломлено могущество римского императора, против которого он направил свои первые удары. Мы взываем к вашей помощи, чтобы мир знал, что наша общая честь затронута каждый раз, как светский князь подвергается нападению».

Участие папы в борьбе

В Риме делали все возможное, чтобы повредить императору. Францисканские монахи проповедывали войну против нечестиваго Гогенштауфена и папа обещал участникам ея те преимущества, которыми пользовались только крестоносцы¹. Легат папы в Германии, Аль-

1 В энцикликах папы к личности отлученного императора применялись самые яркие краски апокалипсиса: «Страшный зверь выплыл из моря. У него ноги медведя, зубы льва, члены леопарда, он

берт Богемский, архидиакон Пассауский, пытался создать там другого короля в лице Абея Датского. Он привлек на свою сторону короля богемского и герцогов австрийского и баварского, но его замыслы были разстроены архиепископом Зигфридом Майнцским, правившим от имени малолетнего Конрада. Вообще германские епископы оставались пока верны императору, который так много для них сделал. Но папа готовил императору новый удар: он созвал на Пасху 1241 г. собор в Риме, чтобы придать более торжественный характер осуждению императора. На такой собор, созванный в Риме и бывший под давлением папы, Фридрих не мог согласиться. Нужно было во чтобы то ни стало его разстроить.

Императорский флот, предводимый королем Энцио, напал близ Мелории на генуэзскую флотилию, которая везла епископов, ехавших на собор и севших на суда в Генуе. Из 27 кораблей 22 попали в руки Энцио, и целая толпа архиепископов французских, английских, итальянских и испанских оказалась в плену и была отвезена в Неаполь. Собор не состоялся к великому неудовольствию Григория IX. Военные действия в Италии не прекратились даже тогда, когда пришла страшная весть о монгольском нашествии на Германию. Правда, татары повернули скоро обратно, но то, что обе главы западного христианства, занятые своими распрями, ничего не сделали для отражения этих варваров, еще раз доказало европейским народам, что отныне они должны рассчитывать только на свои собственные силы. В это время, 21 августа 1241 года, скончался почти в столетнем возрасте Григорий IX. Он пал как бы на поле битвы, не уступивши ничего из своих высоких притязаний.

Иннокентий IV

Узнавши о смерти своего противника, Фридрих поспешил доказать свои миролюбивые намерения: он очистил римские владения и освободил большинство захваченных в плен прелатов. Но кардиналы не могут никак прийти к соглашению среди смут, господствующих в Риме. Выбранный в ноябре 1241 г. Целестин IV умирает до своего посвящения и почти два года римский престол остается вакантным. Это не могло не нанести ущерба римскому авторитету и среди наиболее самостоятельно поставленной галликанской церкви возникала мысль обойтись помимо римского главенства. Наконец, в июне 1243 года Синибальдо Фиески занял папский престол под именем Иннокентия IV. Уже самое имя нового папы указывало на дорогу, которой он будет следовать, и Фридрих был прав, выразившись, что он потерял дружественного ему кардинала, чтобы найти враждебного папу. Это не помешало ему, однако, вступить в мирные переговоры с Иннокентием. Со стороны Рима были поставлены самые тяжелые условия: полная амнистия всем противникам императора, вознаграждение церкви за убытки и безусловное подчинение папскому авторитету во всех церковных вопросах. Чтобы доказать свое миролюбие, Фридрих в марте 1244 г. принял в принципе эти условия, рассчитывая в дальнейших переговорах привести их к более выгодному для себя толкованию. Но римская курия оказалась крайне неподатливой в этом отношении и, так как она настаивала, чтобы мирные условия были распространены и на ломбардские города, то переговоры оборвались. Тогда папа вместе с кардиналами тайно покинул Рим, где он не признавал себя вполне безопасным, и на генуэзских судах бежал в Геную. Болезнь задержала Иннокентия IV в этом городе, и отсюда он обратился с просьбой к Людовику IX позволить ему приехать во Францию и там собрать вселенский собор. Несмотря на ходатайство Ключийского монастыря, где короля застало письмо папы, Людовик, ссыла-

открывает пасть только для того, чтобы поносить имя Господа» и т. д.

ясь на мнение баронов, отвечает отказом. Тот же ответ дает и король Англии и папа направляется тогда в Лион, входивший в состав империи, но представлявший собственно собою городскую республику под верховной властью архиепископа. Из Лиона были разосланы грамоты, созывавшие вселенский собор в этом городе на июнь 1245 года.

На приглашение папы откликнулись преимущественно епископы романских стран; английских прибыло мало, а из Германии, кроме папского легата, всего двое. Фридрих не ожидал для себя ничего хорошего от этого собора, но, так как не мог помешать ему собраться, то он отправил на него своим уполномоченным великого юстициария Фаддея Суэсского. Собор был открыт 28 июня в соборном храме Лиона. Папа начал речь на слова псалма: «Много огорчений в сердце моем». Он перечислил пять забот, тяготящих его: испорченность прелатов, высокомерие сарацин, греческую схизму, нашествие монголов и преследование церкви императором Фридрихом. Сравнивая эти заботы с пятью ранами Спасителя, он словами пророка Иеремии (плач Иеремии 1,12) обращался к присутствующим: «Да не будет этого с вами, вы, проходящее путем! Взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь, какая постигла меня, какую наслал на меня Господь в день пламенного гнева своего?» Но из пяти своих забот папа прямо перешел к последней, т. е. к императору Фридриху. Вопросы, поднятые на предварительном заседании уполномоченным от Англии и присутствующим лично на соборе латинским императором Балдуином, были отсрочены папою.

Напрасно Фаддей Суэсский указывал на миролюбивое настроение императора и предлагал новые уступки с его стороны, если папа снимет с него отлучение; напрасно также указывал он на королей Англии и Франции, готовых поручиться за Фридриха. Иннокентий отклонил это предложение, заявляя, что он не желает иметь трех врагов вместо одного. Он ставил ультиматумом Фридриху немедленное очищение папской области и подчинение ломбардского вопроса его решению. На заседании 5 июля папа подверг самой строгой критике всю частную жизнь императора. Фаддей Суэсский с большим искусством опровергал обвинения папы и потребовал затем отсрочки заседаний, чтобы дать возможность Фридриху прислать новые инструкции или прибыть лично. Это несколько не входило в планы папы, но, так как Фаддея энергично поддерживали уполномоченные королей Франции и Англии, то Иннокентий дал отсрочку на 12 дней. Это был слишком малый срок, даже если принять во внимание, что император сам подвинулся к французской границе и находился уже в Турине. Действительно, новые уполномоченные Фридриха не успели доехать до Лиона, как папа, воспользовавшись истечением назначенного им срока, собрал третье заседание собора 17 июля. Декрет, осуждавший Фридриха, был уже выработан заранее в тайных заседаниях и подписан 150 прелатами, преимущественно французскими и испанскими. Осужденный за клятвopреступление, оскорбление церкви, еретические мнения, преступные сношения с магометанами и нарушение ленных обязанностей, Фридрих лишился своих корон и владений; его подданные освобождались от принесенной ему присяги, те же, которые сохраняли ему верность, подлежали отлучению. Германским князьям предоставлялось выбрать нового короля, а дальнейшую судьбу Сицилии папа предоставлял своему усмотрению. Фаддею Суэсскому ничего не оставалось, как апеллировать к будущему папе и будущему вселенскому собору. «Это день гнева»,—вскричал он— «день скорби и гибели и враги христианства порадуются этому».—«Я исполнил свой долг»,—отвечал папа—«все остальное в воле Божией». Современный историк, Матвей Пари (Paris) рассказывает, что

Фридрих, узнавши о решении собора, велел принести себе свои короны и, надевши одну из них, вскричал: «Я еще не потерял ее и не потеряю без больших кровопролитий. Если я был обязан этому человеку каким-либо послушанием и уважением, то теперь я свободен от этого долга».

Фридрих упорно выдерживал отчаянную и неравную борьбу, потому что враги были со всех сторон. Обращение Фридриха к современным монархам не дало ничего кроме дипломатического вмешательства Франции. Два раза, в 1245 и 46 гг., Людовик IX имел свидание в Ключни с Иннокентием IV, но убеждения французского короля не произвели желанного воздействия на политику папы. Между тем проповедь крестового похода против Фридриха не осталась без результата. В Сицилии вспыхивали частые возстания, вызываемые отчасти непомерным финансовым гнетом, так как эта несчастная страна должна была окупать борьбу императора с Римом. Фридрих жестоко усмирал эти волнения и поднял целое гонение на духовенство, державшее сторону папы. Не обращая внимания на римское отлучение, он силою принуждал совершать богослужение при своем дворе. В Германии пришло в движение все, что так или иначе могло выиграть от измены императору. Здесь продолжал действовать против Фридриха энергичный легат папы Альберт Бегамский. «Возвратить престол Фридриху II!»—писал он герцогу Баварскому, желавшему остаться верным императору:—«этого не могли бы сделать ангелы и архангелы! Церковь Божия должна одерживать верх в борьбе, которую она поднимает и, еслибы у вас было столько золота, как у Соломона, вы не могли бы противиться могуществу Божию и непреклонной воле апостольского престола». 22 мая 1246 года три рейнских курфюрста,—архиепископ Зигфрид перешел уже на сторону Рима—выбрали римским королем ландграфа Генриха Тюрингенского. Последнему удалось разбить короля Конрада в сражении при Франкфурте на Майне, но в начале следующего года смерть избавила императора от этого противника. Папская партия поспешила создать нового противокороля в лице графа Вильгельма Голландского, пережившего Фридриха. Во время этой борьбы с врагами отца Конрад убедился в ошибке последнего, думавшего купить привязанность князей пожертвованием городской свободы. Конрад привлек города на свою сторону и не без успеха пользовался их силами. С 1246 года Регенсбург становится главным опорным пунктом Конрада. Никто не смел показываться на улицах города со знаками крестового похода против Фридриха и находившиеся под интердиктом горожане приучились обходиться без духовенства и сами хоронили своих мертвецов. В Италии император лично действовал против ломбардцев и Рима. Его главными помощниками были Эццелин Романо, Энцио и другой побочный сын его Фридрих Антиохийский, начальствовавший над его войсками в Тоскане. Но счастье все более и более покидало императора. 18 февраля 1248 года он потерпел решительное поражение под Пармой, причем враги завладели его лагерем и в том числе его короной и печатью. На следующий год новый удар постиг Фридриха: его любимец Энцио попал в плен жителям Болоньи, и никакие обещания и угрозы императора не могли возвратить ему свободы. Окруженный изменами и заговорами на свою жизнь, Фридрих потерял доверие даже к самым близким к нему людям и жертвою его подозрительности пал, между прочим, и знаменитый Петр Винеа. Обвиненный в сношениях с папой и в попытке отравить императора, Петр был заключен, предан суду и в припадке отчаяния разбил себе череп о стены своей темницы. Вопрос о виновности его остался до сих пор неразрешенным. Данте, хотя и поместил его в аду, не

мог однако верить в измену того, кто, по его словам, владел «обоими ключами от сердца Фридриха». — «Клянусь», говорить Петр Винеа в поэме Данте: «что я никогда не изменял моему столь достойному господину. И если кто-либо из вас вернется в мир, пусть он очистит мою память, еще страдающую от нанесенного ей удара».

Кончина Фридриха

К концу 1250 г. счастье как будто улыбнулось императору: верные ему кремонцы одержали победу над ополчениями Болоньи и Феррары. Фридрих поспешил сам из южной Италии в Ломбардию, но тяжелая болезнь заставила его остановиться в Фиорентино, не большом местечке близ Лючеры. От этой болезни ему не суждено было уже оправиться. 19 декабря 1250 г. Фридрих скончался на руках сына Манфреда, к которому он особенно привязался с тех пор, как Энцио был для него потерян. Архиепископ Беральд Палермский, преданный друг императора, причастил умирающего, несмотря на тяготевший над ним индигт. По поводу этой кончины упомянутый выше Матвей Пари пишет: «Таким образом сошел с лица земли величайший из государей, который поражал и потрясал мир; он скончался, освобожденный от проклятия и, как говорят, облаченный в одеяние цистерцианского ордена, сокрушаясь и раскаяваясь удивительным образом». Предсмертные распоряжения императора подтверждают спокойный характер его кончины. Это не помешало Риму распространить известие, что Фридрих умер со скрежетом зубным, как и подобало нераскаянному грешнику. Папа ликовал: «Да возликует небо, да сотрясется земля от радости! Громы и бури, так давно висающие над нашими головами, по неизреченному милосердию всемогущаго Бога, превратились в нежные зефиры и свежая росы». Тело Фридриха было положено в Палермском соборе в великолепном порфировом саркофаге, поддерживаемом четырьмя львами. Оно было облечено в драгоценные восточные ткани, на которых были вытканы надписи на арабском языке. Вместе с покойным положили в гробницу его меч, державу и корону, за которую он так долго и упорно боролся. Вместо пышной надписи, составленной архиепископом Беральдом, на гробнице Фридриха находятся теперь только три слова: *beatus quia quiescit*.

Падение Гогенштауфенов

Вместе со смертью Фридриха падает окончательно достоинство империи и гибнет самая фамилия Гогенштауфенов. Его сыновья сходят со сцены один за другим жертвами все той же непримиримой вражды Рима. В 1254 году умирает во цвете лет император Конрад IV, в 1266 г. в битве при Гранделле был убит король Манфред Сицилийский, в 1272 г. скончался Энцио, до конца жизни оставаясь в руках болонцев. За 4 года перед тем внук Фридриха, последний Гогенштауфен, Конрадин, как преступник, сложил свою голову на плахе в Неаполе. Отныне священная римская империя становится призраком, которому суждено было еще пять с половиной веков тяготеть над западной Европой. Преемники Гогенштауфенов, практичные Габсбурги, с самого начала отказались от высокого идеала своих предшественников и, довольствуясь одним титулом, оставили Италию в покое.

Но и римская церковь не долго могла торжествовать свою победу. Борьба с Гогенштауфенами доказала духовную несостоятельность Рима: слишком очевидны были мирские цели этой борьбы и непозволительны для церкви те средства, которыми она велась. Кроме того, папство, унизив империю и обнаружив этим свои честолюбивые замыслы, возбудило

подозрительность западно-европейских государств, доросших уже до национального самосознания и тяготившихся опекой Рима. Через полвека Филипп IV отомстил папе за унижение светской власти, и преемники Иннокентия IV должны были вынести «Вавилонское пленение» на французской почве. Народное мнение ставило папам в вину печальное состояние церкви. Матвей Пари рассказывает между прочим в своей хронике, будто преемник Иннокентия, Александр IV, видел во сне, как Христос, сидя на престоле, произносил приговор над покойным папой в присутствии жены, олицетворявшей собою церковь. Папа был обвинен в том, что он разорил церковь, и Христос осудил его.

Царствование Фридриха и его борьба с папством оставили после себя надолго воспоминание и в Италии и в Германии. Это была слишком выдающаяся и оригинальная личность, чтобы не поразить воображения современников. Мистическое направление его времени связывало с ним самые противоречивые ожидания. В то время, как францисканцы, бывшие его врагами, хотели видеть в нем антихриста, пришедшего погубить церковь, в Швабии, в конце его царствования, доминиканцы, видевшие в свою очередь антихриста в папе, называли Фридриха и его сына «совершенными» и «праведными» и ожидали, что император будет защитником и преобразователем церкви.

Смерть Фридриха, противоречившая этим ожиданиям, не разрушила однако связанных с ним апокалипсических надежд. Ей не хотели верить и отсюда целый ряд самозванцев, прикрывавшихся его именем. Такой самозванец явился в южной Италии в 1259 г. и нашел поддержку у враждебных Манфреду баронов Сицилии и Апулии. В 1288 году под именем Фридриха выступил в Кельне некий Дитрих Гольцшух (Holzschuh) и имел такой успех, что даже ломбардские города посылали осведомиться о его личности. Самозванец был сожжен, как колдун, в Майнце, но через несколько времени в Любеке появился другой. Легенда не умерла и тогда, когда нельзя было уже более сомневаться в смерти императора. Она изменила только свой характер: стали ждать, что в известную минуту он вернется к жизни и с этим ожиданием стали связываться те или другие заветные мечты в роде восстановления всеобщего мира, освобождения Гроба Господня и т. п. В 1348 году Иоанн Винтертур сообщает, что Фридриха ждут во главе громадной армии и что он преобразует весь существующий порядок. «Ему необходимо вернуться, прибавляют те, которые так думают, даже если он разрублен в куски, даже если он обращен в пепел в пламени костра». Легенда XV в. помещает императора в замок Кифгёйзер в Тюрингии: он сидит там, склонившись головою на стол, вокруг которого обвилась его длинная борода. Еще во времена Карла V, в 1537 году одна поэма предвещала его возвращение. Лишь позднее народная память стала подставлять в этой легенде вместо Фридриха II его деда Фридриха Барбаруссу, а популярная баллада Рюкerta, вышедшая в 1813 года, окончательно утвердила эту новую редакцию в ущерб первоначальному характеру легенды.

С. Рашков.

XXXIV. Подготовка первого крестового похода

Анархия во Франции

Так как первый крестовый поход был, главным образом, делом французов, то для понимания тех мотивов, которые двинули огромные массы народа на далекий Восток, необходимо обратить внимание на положение Франции в то время. В начале XI в. королевская власть страдала полным безсилием, неукротимые мелкие владельцы попирали ногами общественный порядок, стремления к научному образованию и художественному наслаждению понижались в одно время с материальным благосостоянием народов. Для всей западной Европы наступила мрачная и грубая эпоха, богатая насилиями и жестокостями. Главное бедствие эпохи—частные войны, мелкие ссоры землевладельцев, занявшие место крупных нашествий X в., нападений норманнов, сарацинов и венгров. Потомки тех вождей, под сенью замков которых население укрывалось тогда от этих нашествий, теперь из-за ничтожного предлога начинают друг с другом войны. Тяжелому строю закованных в железо рыцарей предшествуют кучки стрелков, оторванных от их работ земледельцев и ремесленников и наемных бродяг, привлеченных страстью к грабежу и кровопролитию. Все они кидаются на поля, истребляют посевы, захватывают скот, сожигают постройки. Так действуют передовые войска. Дело решается схваткой рыцарей, которая могла продолжаться несколько часов без всякого вреда для сражающихся. Побежденные бегут в свои замки, редко преследуемые победителями, занятыми разбором пленников. Из последних на состоятельных налагается тяжелый выкуп, другие должны обрабатывать поля новых господ, а негодные для этого умерщвляются. Между тем наемники рассеиваются в беспорядке, каждый опустошая мимоходом земли и стараясь посредством грабежа извлечь какую-нибудь выгоду из похода. Трупы остаются без погребения, земля без обработки,—и при таких условиях зашедшая с Востока на Запад моровая язва производит здесь страшное опустошение.

Пособия. *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs; *Michelet*, Histoire de France, t. II; *Васильевский*, Византизм и печенеги.

Естественныя бедствия

Вот как описывает современник те бедствия, которые постигли в это время (1031—1033 г.) Бургундию и центральныя области Франции: «Землю начал опустошать голод, и роду людскому грозила скорая гибель. Вода залила поля, и нельзя было выбрать удобнаго времени, чтобы засеять поля или убрать жатву. Казалось, стихии яростно боролись друг с другом, тогда как на деле он повиновались воле Бога, каравшаго людей за их злобу. Вся земля до того была залита непрерывными дождями, что в течение трех лет нельзя было найти ни одной борозды, пригодной для посева. В пору жатвы поля оказывались покрыты сорными травами. Самые лучшие всходы давали при жатве только одну шестую часть, и эта шестая доставляла самое большее горсть зерен. Этот мстительный бич явился сначала на Востоке, опустошил Грецию, перешел в Италию, распространился по Галлии, не пощадил и Англии. Никто не ускользал от его ударов. Вельможи, люди достаточные, бедняки одинаково испытывали голод, у всех от него бледнели лица; общий голод прекратил наконец насилия вельмож. Всякий продавец съестнаго мог просить самую высокую цену и был уверен, что получит ее без спора. Почти всюду мера зерна продавалась за 60 золотых; иногда даже шестую часть меры покупали за 15 золотых. Голод продолжался и тогда, когда был съеден весь скот и птица; для утоления его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще, для спасения от смерти, выкапывали корни деревьев, рвали траву по берегам ручьев; но все было тщетно, так как один Бог может быть прибежищем против Божьяго гнева. Воображение отказывается представлять себе все ужасы этой страшной години. Но, о ужас, верить-ли тому? муки голод заставили людей пожирать человеческое мясо. Люди нападали на дорогах на путников, убивали их, разрывали тела на части, жарили их и пожирали. Другие покидали родину, чтобы избежать голода; им давали приют на дорогах, но ночью сами хозяева душили их, чтобы питаться их мясом. Иные показывали детям яйцо или яблоко, заманивали их в сторону и там пожирали. Во многих местах вырывали трупы с тою же ужасною целью. Наконец это безумие или, вернее, бешенство дошло до такой степени, что даже животным было легче ускользнуть от рук убийц. Казалось, употребление человеческого мяса начало обращаться в обычай. Один злодей отважился даже вынести его на рынок вареным, все равно как мясо животных. Его схватили,—он даже не запырлся,—и сожгли. Другой ночью пошел и похитил мясо, которое зарыли в землю, съел его и тоже был сожжен».—В лесу подле Макона некий злодей построил себе хижину, где и убивал путников, останавливавшихся у него, и затем пожирал их трупы. Одни из гостей заметили там человеческия головы и успели убежать и донести. В хижине нашли 48 голов мужчин, женщин и детей. Летописец лично присутствовал при сожжении злодея.—«Многие начали мешать остатки муки или отрубей с белою землею, похужею на глину, и из смеси пекли хлеб. Лица их бледнели и худели, кожа натягивалась и пухла, голос слабел и напоминал собою жалобный крик издыхающей птицы». Пришла новая беда: привлеченные множеством непогребенных трупов, начали нападать на людей волки. Тогда люди богобоязненные стали рыть большия ямы и кидать в них по 500 трупов и более. «Иногда несчастные, услышав, что есть области, где голод не так свирепствует, покидали для них родину, но на дороге падали от истощения и умирали. Этот страшный бич свирепствовал в течение трех лет в наказание за грехи людей. На нужды бедных жертвовали церковныя украшения и сокровища, давно назначенныя на такое употребление. Но праведное мщение неба еще не было удовлетворено, и во многих местах церковных сокровищ

не хватило на нужды всех бедных».

Ожидание конца мира

Подобные бедствия во Франции XI в. были явлением вовсе не чрезвычайным: из 72 лет (987—1099 гг.) 48 падают на голод и эпидемии. Понятно, как эти невзгоды должны были укреплять верование в близкий конец мира, присущее древнему христианству. Средневековый строй не имел внешней правильности античного общества: в нем трудно было уловить внутренний глубокий порядок. Мир этот видел в себе только хаос: он стремился к порядку и ожидал его только от смерти. Притом, в эту пору чудес и легенд, когда все представлялось в странном свете, как будто сквозь цветные стекла, возможно было сомнение, уж не сон ли один эта видимая действительность. Чудеса наполняли обыденную жизнь. Сам диавол не старался больше скрываться: в Риме видели его торжественное явление пред папою чародеем. Среди стольких явлений, видений и странных голосов, среди чудес Бога и ухищрений диавола, кто мог сказать, что земля не обратится на утро в дым при звуке роковой трубы? Тогда очень могло бы оказаться, что то, что мы называем жизнью, есть на деле смерть, и мир, погибая, подобно легендарному святому, только «начал бы жить и перестал умирать». Такой конец мира скорби был вместе и надеждою, и ужасом для средних веков. Посмотрите на старинные статуи в соборах X и XI вв., худые, немые, с застывшею на лице гримасою, с видом страдальческим как жизнь, и безобразным как смерть. Посмотрите, как нетерпеливо оне ждут этой желанной и страшной минуты, этой второй смерти воскресения, которая должна вывести их из их несказанной скорби, вернуть из ничтожества к бытию, от гроба к Богу. Это изображение несчастного мира, доведенного до отчаяния рядом переворотов. Рушилась римская империя; пала и империя Карла V.; христианство надеялось сначала излечить земные бедствия, а они продолжались, несчастье за несчастьем, переворот за переворотом. Перемена была необходима, и все ее ожидали. Пленник ждал ее в мрачной башне, в гробовой темнице; раб ждал на своей пашне под тенью ненавистного замка; монах ждал среди монастырских воздержаний, тайных тревог сердца, среди искушений и падений, угрызений совести и чудных видений, служа жалкою игрушкою для диавола, который жестоко издевался над ним и вечером, сдерживая с него покрывало, весело шептал ему на ухо: «ты осужден!» Все желали выйти, во что бы то ни стало, из невыносимого положения. Они предпочитали предаться раз в руки Божии и успокоиться на веки, хотя бы на раскаленном ложе. Притом это мгновение, когда пронзительный звук трубы архангела поразит слух мучителей, тоже должна была иметь своею прелесть: тогда из подземелья замка, из монастыря, с пашни, среди общего плача, разнесся бы ужасный хохот. При всеобщем ужасе иные расточали в отчаянном разгуле богатство, но большинство, как это бывает всегда в великом несчастье, находили себе некоторое успокоение только под кровом церквей. Люди массою несли к алтарям пожертвования землями, домами, крепостными. Все эти дарственные грамоты носят на себе отпечаток одного и того же верования: «Вечер мира приближается, говорят оне; каждый день приносит новые бедствия; я, граф или барон, дал такой-то церкви для спасения своей души...» Кроме религии, не на что было опереться истомленному народу. Все другие интересы утратили значение, ни жизнь, ни имущество не были защищены от грубого насилия. Так создалось настроение, относившееся враждебно к земному миру и в то же время стремившееся к небесному блаженству; так явилась при общем возбуждении умов готовность покинуть все земные блага, пренебречь всеми человеческими

привязанностями; лишь-бы открыть себе путь к мистическому единению с Господом Богом.

Усиление религиозного настроения

В своем религиозном настроении большинство людей этой эпохи стремилось погрузиться в глубочайшие пропасти духа, где затем должен был зажечься и охватить всего человека луч божественной благодати. Они изгоняли из сердца всякую мысль о внешнем мире, о наслаждении чувствами, проникались сознанием своей испорченности и греховности, обращали взоры к величию и благости Божией; всеми внешними и внутренними средствами поддерживали они уже горевший в них жарко пыл, и когда они обливались слезами и в сокрушении падали ниц, тогда, бывало, ими овладевал трепет восторга, им представлялось раскрытое небо и падающие на них лучи его света. Эти минуты они считали своею настоящею жизнью, а часы, протекавшие без такой смены сокрушения и восторга, представлялись им заточением в материи и грехе. Так содействовали они умерщвлению телесного существования, потому что не могло же сохраниться физическое здоровье при этом постоянном распадении и возбуждении, при этом пылком и мрачном энтузиазме, при тех бурных потрясениях, которых они требовали ежедневно от своих нервов и духа. Такое повышенное состояние нашло у людей того времени техническое название *comunctio* (наитие); они сообщают друг другу, как сегодня отлично оно им удалось, как вчера оно было невозможно для их закоснелого сердца. Короче сказать, они вели постоянную борьбу против мира телесного и чувственного, даже не подозревая возможности здорового мирозерцания, которое может сознать присутствие Бога с веселым лицом и в спокойном повседневном состоянии.

Как и следовало ожидать, монахи шли во главе своих современников по пути умерщвления плоти ради мистических восторгов. Дисциплина в монастырях стала строже не для устранения непослушания или безнравственности, а прямо для приведения каждого в такое возвышенное настроение. На всем Западе славился уже тогда строгостью своего устава Клуни. Но мистицизм не ограничивался одними монастырями, а разливался широко по всему Западу, выражаясь во всевозможных формах. Замечательно широкое распространение в то время наклонности к отшельничеству. Люди бегут в леса от семьи и общества, даже из монастырских келий, прибегая для устранения препятствий к хитрости и силе, едва останавливаясь перед явлениями святых, запрещающих им бегство. Они строят себе хижины из древесных ветвей, иногда поселяются по несколько человек вместе, убегают от людей, относящихся к ним с удивлением, и только голод заставляет их показывать взорам людским свои исхудалые и одичавшие фигуры. Но нужда для них и высшее наслаждение; неудивительно, что им является Бог и Его ангелы, если дух их возбужден усиленным размышлением, а тело подавлено голодом, бичеванием и ночными бдениями.

Говорят, человек всегда достигает того, к чему стремится всеми силами души. Поистине не напрасны были стремления и этих монахов; чудеса стали для них делами столь же обычными, как для нас естественный ход вещей. Они беседовали с Богом, с Спасителем и Его Матерью, с легионами святых; повседневные события превращались в их руках в чудеса и знамения Божии. Эти чудеса были произведениями глубокого убеждения и духовного страдания живых людей, полных силы и свежести духа, людей, призванных к великим делам и при всех их заблуждениях совершавших подвиги. Не следует также думать, что этот аскетизм господствовал только в тесном кругу; более широкое влияние с его стороны следовало

бы предполагать уже судя по числу монастырей и отшельников и по чрезвычайной силе всего направления. Легко заметить на самом деле, что вызвавшее аскетизм настроение проявляло свое влияние во всех слоях общества.

Влияние аскетизма

Прежде всего, под влиянием его стоит научное богословие и философия той эпохи, и притом в большей степени, чем этого можно было ожидать по существу дела, так как подобный аскетизм враждебен всякой науке, и представители его, если и занимаются ею, то только с известными целями, напр., изучают грамматику, чтобы понимать Библию. Несомненно поэтому, что расцвет схоластики уничтожил бы вполне научные стремления, если бы они уже тогда не вступили в союз с иерархией. Тем менее удивительно, что общее настроение стремится в течение XI в. повлиять во многом на только что зарождающееся научное движение. В этом отношении особенно замечательно стремление знаменитейших людей эпохи, при толковании Библии, наряду с буквальным смыслом, выдвигать, по древнему церковному обычаю, смысл аллегорический. Но всего резче проявляется стремление к материальному обладанию таинством в споре о пресуществлении, привлекавшем к себе внимание всего Запада и замечательном по тому упорству и горячности, с каким он был веден. Тот же мистицизм охватывает и мирян: всюду все сословия выказывают к подвижникам безграничный энтузиазм. Не довольствуясь этим, они стремились сами покинуть мир и знаки достоинства, уйти к монахам, надеть их платье; они искали в монастырях маленького уголка, где бы можно было укрыться. Монахам приходилось заботиться об одном, как бы мешать вступлению в их среду людей знатных и сильных. По словам современника, никогда князья и бароны не основывали на севере Франции столько монастырей, как в последней четверти XI в. В простом народе общее настроение выражалось с исключительной силой и в самых грубых формах. Туда, где жил отшельник, стекались массы людей, желая видеть его, касаться его одежды, следовать его примеру. Все обязанности отступали перед этою высшею: земные узы, даже самая святая, люди расторгали, земными радостями и страданиями пренебрегали без колебания. Почитание мощей и святых в то же время достигло высшей степени; достаточно напомнить один часто приводимый факт: народ намеревался убить уезжавшего угодника, чтобы мощи его сохранить в городе, как драгоценность. В эпоху набегов норманнов и венгров, в IX—X вв., настоятели церквей и монастырей особенно заботились о спасении от хищных язычников мощей, приносившихся нередко из Италии и особенно из Рима, где благочестивые люди доставали их всевозможными способами, не стесняясь прибегать даже к воровству. Во избежание осквернения их уносили в безопасные места. Теперь, когда набеги язычников прекратились, а религиозное настроение усилилось, явилось стремление разыскивать спрятанные мощи, и взамен разрушенных варварами церквей и монастырей создавались для них новые. Ко времени этой «строительной горячки» XI в. и относится начало романской архитектуры.

Паломничество

Вполне естественным выражением общего настроения представляется и паломничество: сколько случаев к самоистязанию представляло странствование в Рим или даже в Иерусалим, как сильно должно было удовлетворяться стремление иметь Бога перед телесными глазами, когда человек ступал на землю, по которой ходил Христос, или осязал камни Его гробницы. По словам летописца первой половины XI в., особенно возросло число паломни-

ков, когда до Запада дошла весть о восстановлении разрушенного перед тем храма Гроба Господня: отовсюду шли в Иерусалим невероятные массы, неся дары на постройку храма. Раз толчек был дан, движение получило такой общий характер, какого невозможно было ожидать. Почин принадлежал народным массам, за которыми последовали высшие сословия; затем тронулись в свою очередь сами короли, графы, епископы; наконец, чего никогда не было видано, стали предпринимать это далекое и тяжелое путешествие даже женщины, как самые знатные, так и беднейшие. Вера паломников была так крепка, что многие из них просили у Господа, как милости, смерти у Святого Гроба, жертвуя, таким образом, жизнью для Бога, своею кровью искупившего мир. Так было с одним паломником из Бургундии, по имени Летбальдом. Придя в Иерусалим и посетив все Святыя места, он отправился на Масличную гору, с которой Спаситель вознесся на небеса. Там Летбальд простерся на земле, раскинув руки крестом, и погрузился в восторженное состояние. Слезы ручьями текли из глаз его, а между тем душа была объята благоговейною радостью. После долгой молитвы он поднялся и, протянув руки к небу, сказал: «Господи Иисусе, если мне суждено умереть в нынешнем году, дай мне, прошу Твое всемогущее милосердие, умереть в виду св. горы. Я твердо верю, что, приведя меня сюда здоровым и невредимым, ты сжалясь над моею душою и даруешь ей райское блаженство». Затем он вернулся с товарищами в гостиницу, отказался от пищи и, легши в постель, задремал; вероятно, ему предстало небесное видение, так как вдруг он воскликнул: «Слава тебе, Боже мой! слава Тебе!» Товарищи разбудили его, и он стал жаловаться на нездоровье. К вечеру он попросил причастить его, и это было напутствием его в вечность, так как тотчас он почил в Бозе. Рассказ о смерти его летописец слышал сам из уст его товарищей.

Среди пилигримов встречается не мало людей, потомки которых участвовали впоследствии в первом походе, напр., Роберт, герцог Нормандии, дед крестоносца, — Роберт, граф Фландрии, отец участника 1-го похода, — Вильгельм, граф Тулузский, отец графа Раймунда, — великий грешник Фулько, граф Анжу, — наконец, сам Адемар Монтейль, впоследствии духовный глава похода. Эти аристократы вели с собою большую свиту; к ней присоединились другие паломники, и таким образом составлялись отряды в сотни и даже тысячи человек. Самый крупный из известных нам доходил по скромному расчету до 7,000 человек; в состав его входили немцы и англичане, а руководителями были архиепископ Майнцский и несколько других немецких епископов и вельмож. Странники достигли своей цели, но только после ряда бедствий, стоивших жизни большей части паломников. Уцелевшие считали себя с этих пор в непосредственной близости к Богу. Святость места часто проявлялась в чудесах и видениях; пылкое негодование на владычество неверных вытекало прямо из веры в действительное присутствие Христа.

Положение Востока

До семидесятых годов XI в. почти вся Сирия находилась под властью Фатимидов, от которых иногда тяжело приходилось туземным христианам и западным паломникам. Еще хуже стало положение тех и других, когда ею овладели дикие турки сельджуки. За допущение в св. град они требовали с каждого странника по золотой монете; не могшие заплатить пошлину, — а таких было очень много, так как паломники были люди большею частью бедные и лишались последнего от грабежей во время пути, — бродили под стенами Иерусалима и нередко погибали от голода или неприятельского меча. Впущенные в город терпели со

стороны мусульман угрозы и преследования, особенно обрушивавшиеся в торжественные дни на христианские храмы и духовенство. Понятно, как все эти притеснения должны были действовать на восторженно настроенных паломников и какое впечатление производили их рассказы по возвращении на их благочестивых соотечественников.

На пути в Иерусалим и обратно паломники большей частью проходили чрез Византию, поклонялись ее святыням, дивились ее богатствам и великолепию, знакомились с ее политическим положением. Последнее за время от смерти грозного Болгаробойцы до выступления ловкаго Алексея Комнена далеко нельзя было назвать блестящим. Внутри государства происходили частые смуты, многие заражались «болезнью пурпура», управление было в расстройстве, казна истощена, благосостояние народа подорвано. Извне ей в то же время грозили сильные враги и с севера, и с востока, и с запада. Самая удача шла во вред государству. Конец X и начало XI в. были ознаменованы упорной и в конце концов удачной борьбой Василия II с болгарской державой Самуила. Против болгар лукавая политика Византии пользовалась нередко помощью задунайских варваров печенегов, которые таким образом постепенно втягивались в дела полуострова, действуя сначала как орудие в руках греков, а потом и в своих собственных видах. Положение изменилось, когда с падением Болгарии исчезла стена, мешавшая прежним союзникам сталкиваться. Тогда оказалось, что близость печенегов еще опаснее, чем соседство ослабянвившихся болгар. Дикие орды не раз проникали на правый берег Дуная, переходили через Балканы, опустошали Македонию, Фракию и подступали к стенам самой столицы. Правда, нашествия кончались обыкновенно тем, что орды варваров, после непривычного изобилия и излишеств, начинали страдать от эпидемий и голода в опустошенных землях; назад возвращались немногие. Тем не менее опустошения не могли не отзываться губительно на благосостоянии населения. Императоры не раз пытались воспользоваться пленными печенегами для заселения опустевших земель Болгарии и для пополнения своих войск, но при первом случае пленники обращали свое оружие против Византии. Особенно опасно было прибегать к услугам печенегов в борьбе с сельджуками: встречаясь на полях М. Азии, в рядах армии Романа Диогена и султана Альп-Арслана, печенеги и турки легко приходили к сознанию своего кровного родства и понимали друг друга. И в Азии императоры своими ошибками помогали успехам грозных врагов, какими были для них турки при первых трех султанах до распада их державы в начале 90-х гг. XI в. И в Азии императоры сами прорвали плотину, ограждавшую империю от новых врагов, когда, увлекшись стремлением к присоединениям, уничтожили независимость Армении и, для пополнения своей казны, заменили в пограничных областях службу в милиции денежными взносами; так при самом появлении турок империя лишилась энергичного вассала и 50 т. милиции, храбро отстаивавшей свою родину. В результате бурного напора сельджуков и ошибок и слабости Византии получилась утрата М. Азии, до того служившей для империи главной основой могущества, так как здесь была наиболее сплошная масса греческого населения. Любопытно при этом, что это население, повидимому, охотно подчинилось туркам, избавлявшим крестьян от власти помещиков и тяжелого византийского управления. Таким образом, новые завоеватели приблизились уже к Босфору и Дарданеллам.

Кроме этих врагов, империи в начале правления Комнена пришлось еще обороняться от предприимчиваго владетеля южной Италии, Роберта Гвискарда, задававшего целью, с

благословения Григория VII, покорить Византию. Разноплеменное войско императора большею частью терпело поражения в этой борьбе, и только ловкая диверсия Комнена в тыл неприятеля заставила Гвискарда удалиться в Италию, оставив в Эпире для продолжения военных действий своего сына Боэмунда, впоследствии одного из главных участников 1-го похода. Заключалась эта диверсия в союзе с врагом папы Генрихом IV и в поддержке возстания итальянцев против тяжелого норманского господства. Оборона папы и подавление возстания надолго задержали Гвискарда в Италии, а когда он уже направился в Эпир, чтобы лично возобновить войну, на пути его постигла неожиданная кончина. Так кончилась эта война, навсегда прославившая имя Гвискарда: все были уверены, что не умри он, Византия была бы завоевана. Заметили еще, что для отражения флота Гвискарда, Алексей прибег к помощи Венеции, купив ей содействие за дозволение торговать беспошлинно во всех областях и городах империи. Благодаря этому Венеция сразу обогнала Амальфи, игравший до того главную роль в торговле с Византией. Факт усиления Венеции особенно важен потому, что с этих пор для Византии получает важное значение политика западная.

Вслед затем возобновилась борьба с печенегами, которые, разбив императора, перешли Балканы, заняли Филиппополь и приблизились к самым стенам столицы. В то же время среди турок явился смелый вождь, по имени Чаха, который, владея побережьем М. Азии и островами, завел флот и начал грозить Константинополю с моря. Кроме того, он завязал сношения с печенегами и предложил им напасть на империю одновременно и с суши, и с моря. Как раз в это время Алексей получил известие о приближении половцев, о которых никак нельзя было сказать, на чью сторону они станут. Одним словом, положение было таково, что, как выражается современник, «судя по человечески, не было спасения». В эту тяжелую минуту Алексей послал отчаянное письмо с просьбой о помощи к Роберту Фризу, графу Фландрскому, которого он за несколько лет перед тем принимал в столице на обратном пути из Иерусалима и который уже тогда обещал ему помощь против печенегов и действительно прислал 500 рыцарей. В письме говорилось, что империю греческую сильно теснят печенеги и турки, захватившие почти все области ее кроме Константинополя, которому враги грозят теперь и с суши, и с моря. «Я сам, облеченный саном императора, принужден постоянно бегать пред лицом турок и печенегов.... я лучше хочу быть под властью ваших латинян.... лучше, чтобы Константинополь достался вам, чем язычникам. В нем находятся драгоценные святыни Господни». Послание оканчивается перечислением этих святынь и богатств столицы и повторением просьбы о помощи. Но прежде, чем послание это могло произвести свое действие, положение дел изменилось: половцы стали на сторону Алексея, и с их помощью ему удалось сломить навсегда силу печенегов.

Таким образом создалась та среда, из которой естественно развилось крестоносное движение, нам представляющееся невероятным. Но очевидно, поход 1096 г. не мог быть выполнен одними аскетами: слишком грузною для них была его земная оболочка. Притом, этот аскетизм по природе своей был делом чисто личным: он мог случайно сблизить массу людей, но люди эти не могли единодушно решить и сообща провести поход. Для всякой крупной войны нужен свой руководитель. Между тем презрение к миру, вызвавшее этот аскетизм, не у всех своих последователей было также и бегством от мира; были и другие умы, в которых это презрение вызвало стремление к власти над миром, а стало быть, и к великим войнам.

Главенство пап

Некогда, в дни Карла и Оттона Великих, главою для западного христианства служил император, но для XI в. это было уже невозвратимым прошлым: даже в Германии и Италии знать с нетерпением переносила власть императора, а в остальной Европе ее и совсем уже не признавали. Дать Западу нового императора стремилось то же церковное настроение, которое влекло к войне с исламом. Светская монархия вообще представлялась аскетизму неспособной вести людей к спасению: носители ее, как и остальной мир, были земного и греховного происхождения; одно только было на земле установление, в котором непрестанно проявлялся Дух Божий, это—церковь с папою во главе. Одна она была призвана к господству над миром. Когда императорская власть оказалась неспособной представлять христианство, папы проявили готовность завладеть рядом с церковною также и светскою властью и затем выступить в роли руководителя похода Западной Европы на мусульман в Азии. Первый стал проводить настойчиво эту идею Григорий VII. Он разделял основное стремление мистиков содействовать проявлению Бога на земле и нуждался, подобно им, для поддержания своей бодрости в начатой с этою целью борьбе с целым миром, в мистических восторгах; но он тотчас покидал путь аскетизма, как только, укрепившись в своем главном стремлении, переходил к вопросу о воздействии на мир. Мистики хотят проложить путь для божественного начала уничтожением материи,—они выступают против нея как против начала целиком враждебного; Григорий старается подчинить себе земной мир, как мятежную область: в его глазах он негоден только потому, что осмелился стать самостоятельным или даже заявить притязание на господство над церковью. В этом заключается второе различие: мистики, окружающие его, признают, правда, внешнюю церковь и ее установления, но внутри ее высшее совершенство достигается только личными подвигами; Григорий сам опирается постоянно на них, но для него настоящее Богоявление это—видимое на земле могущество церкви. Не придай он известного направления своему веку, западная церковь раздробилась бы на безчисленные кельи отшельников; он сдержал эти центробежные силы и основал на ряд веков величавое здание своей теократии. Та же точка зрения заметна и в знаменитом призыве к походу на Восток. Св. Гроб упоминается в нем только раз, и то мимоходом; его исключительная цель—отнятие М. Азии у сельджуков, затем избавление от них Греции и подчинение ее римскому престолу. Для Западного было, конечно, очень важно, что папа призвал к общей борьбе против врагов веры все нации, как будто они были членами единого царства, но мысль о походе мистическом по его целям, без ясной связи с интересами Западного,—о походе только ради св. Гроба и спасения душ борцов,—такая мысль не могла явиться в ум Григория, соединявшем реальную последовательность с стремлением к небесному. Борьба с Генрихом IV потребовала вскоре всех сил Григория, и о походе за море не было уже больше речи.

В виду неудачи, какую потерпел Григорий VII в борьбе за осуществление своих колоссальных планов, неудачи, зависевшей от непримиримости их с господствовавшим строем,—его более ловкий преемник Урбан II несколько сузил притязания папства, чтобы тем легче провести их в таком виде. Наперекор взглядам Григория, церковь признала теперь существующие формы государства; зато влияние ее охватило весь Запад и отсюда вступило в тесное соприкосновение со всеми проявлениями мирской жизни. Благодаря новой политике, к концу 1094 г. было достигнуто освобождение церкви и установление общего ее гос-

подства над Западом; центру ея, папству, принадлежала вполне верховная власть. Урбан отказался от полного подчинения светских властей, зато вступил всюду с ними в союз, оказывая на них в массе случаев влияние и настойчиво удерживая их в тесной связи с Римом. Повиновение Риму составляло основу религиозного сознания, всюду проявлялась эта вновь созданная власть, Запад представлялся объединенным до того неизвестными или несознанными узами. Имея в распоряжении такую силу, деятельный Урбан естественно стремился испытать ее на великом предприятии. Перед глазами у него был пример Григория — его мысль о походе в Грецию. Урбан воспользовался ею, но придал ей иную форму: и здесь он дал больше свободы тем силам, которые должны были ему служить; как и в светских делах Запада, он довольствовался верховенством более неопределенным, но и менее оспариваемым. Но прежде всего он подошел к аскетизму ближе Григория: для последнего целью была его церковная монархия; Урбан поставил цель в этой сфере, которая была всего приятнее для мистиков. Призвав Запад к освобождению св. Гроба, он создал движение, связанное с землею восторженною верою этих мечтателей; одним словом, объект борьбы дан был аскетизмом, а папе принадлежало ея объединение и завершение.

Роль норманнов

Призыв папы встретился с воинственным настроением народов Запада. За утратой старых форм для выражения единства, новое время искало для него новых представителей и в сфере светской. Ими оказались норманны, захватившие тогда все страны Запада и наложившие на их стремления общий отпечаток. С IX в., когда они впервые столкнулись с монархией Каролингов, они сильно повлияли на Германию, утвердились во Франции, основали колонии в Италии, наконец, завладели вполне Англией. Их соплеменники плавали до Исландии и Гренландии, основали на широких равнинах восточной Европы русские княжества и отсюда вступили в непосредственные сношения с Византией. Повсюду они являются одинаково резкими фигурами: отважные и беспокойные, ловкие и хищные, они постоянно преследуют одне и те же цели; они упорно сохраняют основу своего характера и однако скоро сливаются с самыми различными элементами. Они относятся почти враждебно к наличным формам политической жизни, к государственной связи, к притягательной силе родины. Они составляют племя героев и государей, опирающееся, без всякого основания права и законности, только на личную храбрость. При неутомимости их в одиночку и при распространении их шаяк по всей Европе, они довели до высшей степени, когда-либо виданной миром, жажду приключений и войны ради самой войны. Все народы, которых они касались, по доброй воле или по принуждению были втянуты в этот круговорот, новая тревога охватила с тех пор земли и моря от Киева до Исландии. По их пылу, распространению, стремлению к личному героизму их можно сравнить с аскетами церкви; по крайней мере в крестовом походе те и другие действовали в тесном союзе и очень сходным образом.

Сначала, правда, казалось, что у норманнов мало склонности к союзу с стремлениями христианскими и церковными. Известно, как крепко держались они на родине за служение Азам, как потом они принимали новую веру только по мирским побуждениям. Еще в начале XI в. они так же мало чувствовали в себе призвание к собственно религиозным войнам за христианство, как раньше против него. Но, сливаясь быстро с окружающим в светских отношениях, они подчинялись так же быстро и влияниям духовным, и скоро приняли решающее участие в их развитии. Во-первых, они тоже увлеклись господствующим мисти-

цизмом: с начала XI в. они давали паломников не меньше любой западной нации; один летописец жалуется, что когда они впервые столкнулись враждебно в Апулии с греками, то путь в Иерусалим был на много лет загражден для норманнов. Затем они всюду вступили в тесный союз с стремлениями иерархии,—результат почти одинакового отношения обеих сторон к светским властям. Одушевлявший норманнов дух представляет, впрочем, самую странную смесь: они торгуются и спорят с папою, которого вообще глубоко почитают, из-за малейшего права, из-за всякого клочка земли. С своей стороны, Григорий отлично понимал их и не уступал своего; он часто говорил: «я могу быть с ними в мире, когда только захочу, но я хочу заключить только выгодный мир». Так спорили они, пока Генрих IV не пошел на Рим; тогда согласие тотчас возобновилось. Точно так же относились они и к монастырям: они без стеснения грабили и разоряли их, но в то же время заботились и о спасении душ богатыми дарами в Монте Кассино, глубоким почтением к святым аббатам и монахам, наконец, общим разрешением от грехов, которое они испрашивали у папы.

Первые попытки похода

И вот мы видим в XI в. целый ряд походов, в которых находит себе выражение вновь созданная связь народов Запада. Главными деятелями в борьбе с неверными являются норманны и вообще романские народы, больше немцев поддавшиеся аскетизму и норманнскому влиянию. Так из южной Италии норманны, под знаменем папы и с верою в помощь неба, отнимают у сарацинов Сицилию;—из северной Италии соединенный флот Генуи и Пизы, с благословения папы и под знаменем св. Петра, идет к варварийским берегам, берет и разрушает города и налагает на эмира дань; из Франции неоднократно отправляются целые ополчения на помощь христианам в Испании. Наконец, на Балканском полуострове норманны то нападают на восточную империю с благословения папы, то защищают ее вместе с другими выходцами с Запада против сельджуков, поступая тысячами в войска Комнена. О настоящем религиозном пыле тут, конечно, мало речи, но все же новые пришельцы постоянно пробуют свою силу на магометанах. Так постепенно Запад привыкает к мысли о борьбе с сарацинами для помощи грекам. Сам Алексей просит о ней Роберта фландрского и даже Урбана II. Это послужило решающим толчком. Здесь соединились иерархическое единство и мистическое воодушевление, страсть к приключениям и страсть к войне. Весь Запад проникся стремлением идти общим походом на общего врага.

Клермонский собор

Одержав верх над Генрихом IV, Урбан II собрал весною 1095 г. большой собор в Пьяченце, на котором был осужден император, а также король французский за похищение чужой жены, и были выслушаны послы императора Алексея, призывавшие западных христиан на помощь против сельджуков. Урбан тотчас обратился к верным с призывом, и многие уже тогда обещали ему идти в Византию на борьбу с врагами креста. Затем папа отправился во Францию, где сторонники церкви были всего многочисленнее и ревностнее. К 18 ноября по приглашению папы собрались отовсюду массы духовных и мирян на собор в Клермон. В день открытия на нем насчитали 14 архиепископов, 250 епископов и 400 аббатов, а мелких духовных и мирян собралось бесчисленное множество. Разрешив церковные дела и отлучив короля Филиппа за непокорность от церкви, папа созвал 20 ноября всех присутствовавших на торжественное заседание. Стечение народа было так велико, что не могло уместиться ни в одном здании, и потому собрание происходило вне города, на широкой

равнине. Там папа, окруженный епископами и князьями, духовными и рыцарями, обратился к народам Запада с призывом к походу для освобождения Гроба Господня из рук неверных. Еще папа не кончил своей речи, как слушатели начали шумно выражать свой восторг. Мысль эта давно жила в них, только никто не признавал ее и вряд ли кто ее предполагал; раз она была высказана, она овладела их сердцами, возбуждая в них и скорбь, и гнев, и безмерный восторг. Когда речь кончилась, раздались возгласы: «Так Богу угодно», и толпы духовных и мирян кинулись к Урбану с изъявлением своей готовности к походу. Одним из первых приблизился к папе Адемар Монтейль, епископ Пюи, и, преклонив колена, просил благословения на поход. Урбан с радостью исполнил его просьбу и тотчас назначил его своим легатом, т. е. руководителем будущего войска. Адемар был человеком ученым и светским; он славился своим благочестием и в то же время умением охранять права своего сана и внушать уважение сильнейшим вельможам. На другой день пришли вестники от Раймунда, графа тулузского, с извещением, что и он примет участие в походе и надеется привести значительные силы. Могущество и пример Раймунда должны были сильно помогать осуществлению похода. Число крестоносцев росло со дня на день, и скоро выяснилось, что нельзя и думать о немедленном выступлении. Чтобы облегчить сборы, папа провозгласил Божий мир, поставил под охрану церкви имущество паломников и приказал всем епископам Запада проповедывать поход в своих епархиях. Адемар с своей стороны сборным местом для всех участников назначил Константинополь, а временем выступления день Успения.

Н. Шамонин.

XXXV. Вожди первого крестового похода

Воодушевление, овладевшее вслед за речью папы присутствовавшими на Клермонском соборе, в короткое время передалось тем странам и народам, до которых доходила весть о нем. Особенно всколыхнулась, как и следовало ожидать, Франция, откуда толчок передался с одной стороны в Италию и Испанию, с другой в Англию и Скандинавию. Слабее отозвался он в Германии, хотя и тут дело не обошлось без отголосков. Поднялись знатные и простые, все дороги покрылись вооружающимися и выступающими, все дела остановились, все другие интересы отошли на задний план. Запад, тревожимый избытком сил, увидел открытым пред собой счастливый выход: в борьбе между духом и материей люди нашли наконец цель совершенно идеальную, но достижимую только земным оружием. Произошло в огромных размерах то, чего и следовало ожидать: аскетическое направление овладело целиком идеей папы, как только она выразилась в словах и на деле.

Народное движение

Положение сельского населения во Франции было тогда очень печально: всюду нарушался гражданский порядок, и отдельное лицо было беззащитно против притеснений землевладельцев. В Германии долголетняя борьба государства и церкви тоже воскресила величайшую грубость. Полное безначалие царило в Италии; тот же результат вызвал в Англии жестокий деспотизм, особенно тяготевший над народом. Повсюду открытие Востока подавало надежду на освобождение из тяжелого положения. Современник так описывает народное движение во Франции: «Графы еще думали о своих приготовлениях, рыцари едва начинали о них помышлять, как народ уже кинулся в движение с неудержимым пылом. Никто из бедняков не думал о недостаточности своих средств и о трудностях такого пути. Каждый покидал свой дом, виноградник, свое наследие, продавал их за дешевую цену и с радостью шел в поход. Франция страдала тогда от голода; неурожаи, следовавшие один за другим, подняли цены на хлеб до необычайной высоты. Жадные купцы, по своему обыкновению, пользовались общим бедствием. Хлеба было мало и он был дорог. Бедные заменяли

Пособия: *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs.

его кореньями и дикими травами. Как вдруг раздался повсюду в одно время призыв к крестовому походу, и этот призыв разбил замки и цепи, запиравшие житницы. Припасы, продававшиеся очень дорого, когда никто не двигался, страшно упали в цене, когда все поднялись и стали готовиться к походу. Вместо исчезнувшего голода явилось изобилие. Так как каждый спешил в богоугодный поход, то все торопились обратить в деньги все ненужное для пути. Предметы, нужные для похода, поднялись в цене, остальные шли за ничто. Сначала эти продажи вызывали со стороны соседей безконечные насмешки, но скоро сами они увлеклись примером других. Еще накануне они говорили путникам: «Несчастливые вы люди: если вы не погибнете от бедствий, ожидающих вас в пути, у вас не окажется ничего по возвращении». А на другой день они сами продавали свое имущество и становились спутниками тех, кого перед тем осыпали насмешками. Трудно описать толпы детей, юношей, стариков обоого пола, отправлявшихся таким образом на священную войну. Они, конечно, не имели ни намерения, ни сил участвовать в битвах; они обещали себе только мученичество под оружием или в темницах неверных. Они говорили воинам: «Вы храбры и сильны, вы и будете сражаться; мы разделим с Христом его страдания и завоюем себе небо». Чрезвычайно трогательное зрелище представляли эти бедные крестоносцы: они подковывали быков, как лошадей, запрягали их в двуколесные тележки и помещали на них свои скудные пожитки и маленьких детей. На пути, при виде каждого замка, каждого города, дети протягивали руки и спрашивали: «Не это ли тот Иерусалим, к которому они направляются»? Во главе этих масс стояли вдохновенные проповедники, с увлекательным красноречием призывавшие их к борьбе за Спасителя.

Петр Амьенский

Из них особенно прославился Петр Амьенский, так описываемый тем же современником: «Я видел, как он проходил чрез города и селения, окруженный толпою, осыпаемый подарками, прославляемый всеми за святого, так что я думаю, никогда ни один смертный не был предметом такого восторга. Все приносимые ему деньги он отдавал бедным или употреблял на избавление от беспорядочной жизни несчастных женщин, доведенных бедностью до такой крайности. Все признавали его власть. Никто лучше его не умел улаживать несогласия и мирить самых жестоких врагов. Что-то божественное чувствовалось в его малейших движениях, во всех его словах. Доходило до того, что народ вырывал, как святыню, волосы у мула, на котором он ехал. Я не оправдываю такого чрезмерного восторга, но он показывает, какое впечатление производил Петр на народ».

Взволнованные такими проповедниками, массы народа вовсе не думали подчиняться опостылевшим мирским властям, да и считали такое подчинение совсем бесполезным: оне были убеждены, что сам Бог будет их вождем и защитником, что он будет заботиться о них и предаст в их руки имение безбожных и неверных. К папе эти массы чувствовали, если не сознательную ненависть, то, по крайней мере, полное равнодушие. На это указывает любопытный взгляд на происхождение крестового похода, сложившийся несомненно среди них и отмеченный стремлением приписать главную долю папского участия идеальному аскету. Взгляд этот приписывает почин похода Петру Амьенскому, которому во сне явился Спаситель и велел призывать верных к освобождению св. Гроба. Папа смиренно и радостно услышал слова призыва и благословил Петра на проповедь. И тогда поднялись все страны и все князья и рыцари во всей Франции на освобождение св. Гроба. Движение представлено тут

делом воли Божией, действовавшей чрез слабого отшельника; папа занимает всего третье место, да и тут его роль неважная. Сказание это сложилось позднее: из современников никто не знает Петра, как вестника Божия, предтечу папы, возбудителя всего Запада. Север Франции знает его за одного из народных проповедников, англичанам и итальянцам он неизвестен, у немцев его представляют вождем первых полчищ. Дальнейшая роль его в походе самая незначительная. О смерти его говорится всего несколько слов. Как мог бы огранчиться ими соотечественник и современник, если бы приведенное сказание было хоть на чем-нибудь основано? Важно оно совсем в другом отношении: оно указывает еще раз на силу аскетического настроения. Настроение целого века стремится здесь овладеть всем крестовым походом, ставя во главе его, вместо папы, простого отшельника. Известно, насколько это ему удалось. Петр Пустынник приобрел всемирную славу. Целые века никто не сомневался, что именно он толкнул Запад в крестовые походы. И все это основано на песнях, лишенных всякого фактического основания и выдающих за факты поэтические сказания. Для всех современников Петр просто темный фанатик, только после призыва папы собравший свое ополчение из крестьян. Нельзя искать мотивов движения главным образом на Востоке и связывать подвиги крестоносцев с прежними паломничествами чрез этого паломника-монаха. Движение было скорее результатом великого внутреннего развития, нашедшего для себя высшее выражение в папстве и потому только папа, раз он сознал свое положение, мог придать этому стремлению плоть и кровь. Одному папе принадлежит та слава, большую часть которой до наших дней оспаривал у него Амьенский пустынник. Папа выступил в Клермоне в то время, когда у всех было бессознательное стремление на Восток, но никто не умел ясно его выразить. Папа выразил то, что у всех было на сердце, и тогда поднялись князья и рыцари, знатные и простые, а среди последних и Петр Пустынник.

При тогдашнем настроении не трудно было взволновать массы призывом к походу на Восток, но трудно было удержать в границах толпы людей, отказавшихся от всех гражданских связей и считавших себя в простоте души избранным войском Божиим. В сознании своей привилегированности первые крестоносцы считали себя в праве брать все, что им нужно, у жителей тех областей, через которые они проходили, и беспощадно карать малочисленных за всякое оказываемое ими при этом сопротивление. Отсюда ряд стычек с туземцами, тем более ожесточенных, чем беспорядочнее были толпы крестоносцев и чем менее туземцы разделяли их настроение. В Венгрии и Болгарии дело дошло до настоящих битв. Вожди полчищ, увлекшие за собою массы, сохраняли влияние только до тех пор, пока их наставления отвечали желаниям увлеченных, а потом их совсем переставали слушать, тем более, что в этих массах, наряду с людьми искренно верующими, должно было попадаться не мало и таких, для которых поход представлялся удобным случаем к удовлетворению низких страстей. Сам Петр утратил влияние на свое ополчение и по переправе в Азию, видя бесплодность своих настояний, покинул его на произвол судьбы, оказавшейся, как известно, очень плачевною.

Рыцарское ополчение

Между тем на Западе начались настоящие приготовления к походу под влиянием папства и рыцарства. Собирались войска; знать, особенно во Франции, с вассалами и слугами находилась в полном движении. Первые отряды двинулись в поход уже в марте 1096 года, за ними выступали без перерыва следующие. Движение продолжалось все лето и осень.

Большинство направлялось чрез Альпы в Апулию, чтобы оттуда переправиться в Грецию. Возбуждение было страшное, города были наполнены вооруженными отрядами, по дорогам шло непрерывное движение; прохожему приходилось от одного лагеря переходить к другому. Воины были свежи и воодушевлены, настоящие труды и опасности были еще далеко. Оставшиеся смотрели с удивлением, как тысячи совершенно чужих людей, сегодня отряд с севера, завтра другой с юга, с одинаковым восторгом двигались к одной цели. Большинство снаряжалось так, как будто не рассчитывало на возвращение; они везли с собою все свое имущество, оружие, утварь, деньги, и вели всех людей. Их палатки блистали золотом, в обозе везли рыболовные сети и охотничьих соколов, религиозные стремления не убили в них любви ко всякой роскоши. Скоро за ними отправились люди, рассчитывавшие извлечь выгоду из этой страсти, певцы, шуты, музыканты, большими толпами обоего пола; среди них тоже раздавался духовный клик: «Так Богу угодно!» Всюду, куда приходили отряды, сбегался народ: иному зрителю их прохождение могло представляться сновидением.

Его вожди

В этом рыцарском ополчении можно различить три главные группы: лотарингскую, провансальскую и норманскую. Каждая из них выставила своего типичного вождя, создала особое представление о своей роли в великом движении. Одним из первых выступил в поход Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии. Род свой он вел от Карла V., получил рыцарское воспитание и под влиянием матери проникся церковным благочестием. Когда, спустя много лет, он помог своими подвигами успеху похода и когда, по счастливой случайности и по воле своих товарищей, он стал защитником св. Гроба и привлек к себе внимание всего Запада, тогда и начало его деятельности стало представляться его почитателям столь-же блестящим. По их убеждению, избраннику Господа приличествовала юность, богатая земными почестями, подготовлявшая к тем чудесам, какими не мог похвалиться никто другой из смертных. За выделением этих поэтических преданий, представляется несомненным, что Готфрид стал на сторону Генриха IV в его споре с папою и получил от него сан герцога, но вовсе не предпринимал ничего особенного в пользу императора, а жил в своем родовом замке, занимаясь только фамильными и областными делами; о более широких вопросах он не заботился и при выборе друзей и врагов мало обращал внимания на интересы императора и папы. В эти мелкие дела был он погружен до тех пор, пока призыв к походу на Восток не открыл пред ним сразу новую сферу действия. Нельзя сомневаться в том, что Готфрид был очень религиозен: уже раньше он выражал желание идти на освобождение Палестины; однако он вовсе не был намерен посвящать на это всю свою жизнь и потому заложил свою резиденцию епископу Люттиха с правом выкупа для себя и наследников. До сих пор он пользовался репутацией храброго, прямого и благочестивого рыцаря, но не выдавался особенно ни талантами, ни духовным энтузиазмом. В поход он повел с собою значительное войско, но не особенно надежному указанию, 70 тысяч человек.

Из прочих вождей рыцарского ополчения наиболее типичными представляются Раймунд Тулузский и Боэмунд Тарентский, один представитель церковного направления, другой — политик норманской школы. Под знамя Раймунда Сен-Жилля, графа Тулузского, стеклась масса провансальских рыцарей. Сам Раймунд отличался сильным благочестием; издавна он был приверженцем римской курии; перед походом он старался обеспечить себе успех богатыми вкладами в церкви и монастыри. В отличие от других князей, он не терпел

нужды в деньгах и потому не продал и не заложил ни клочка обширных владений для покрытия расходов. Перед выступлением он еще раз отправился на поклонение к наиболее уважаемому святому, выпросил себе частичку мощей его и затем пустился в поход. Под его знаменем собралось войско более сильное, чем у кого другого из князей: в состав его вошли рыцари всей южной Франции; многие из них продали свои имения, чтобы собрать средства для похода. С войском Раймунда шел легат папы и два епископа со множеством духовных. На знамени графа было изображение св. Девы. Из Франции движение перешло в Италию, и здесь на него оказали решительное влияние норманны. Старший сын Гвискарда, Боэмунд, уже прославившийся в войне с греками, по смерти отца должен был довольствоваться маленьким княжеством Отранто. Он был слишком честолюбив, чтобы не искать большего и потому, когда Урбан провозгласил крестовый поход, решил воспользоваться этим движением и за потери в Италии искать возмещения на Востоке, которого он, наверное, никогда не терял из виду. Правда, средств у него было немного и на них нельзя было собрать большого войска, но он отлично умел пользоваться обстоятельствами для увеличения его численности. На берегу Италии скопилось в это время много мелких отрядов, ожидавших переправы в Грецию; многие из них Боэмунду удалось склонить к вступлению в его войско. Затем он привлек на свою сторону своего родственника Танкреда, одного из знаменитейших рыцарей первого похода, до тех пор не показывавшего еще никакой склонности к роли военачальника. В третьих, наконец, войско Боэмунда было подкреплено массой рыцарей, которые как раз в 1096 г. под начальством норманнских вождей осаждали мятежный Амальфи, увлеклись общим движением и по приглашению Боэмунда приняли крест. Так оказался он во главе сильного войска, при помощи которого рассчитывал завоевать себе приличное княжество на Востоке. Для этого он был как-бы создан: у него был свободный взгляд на вещи и умение пользоваться обстоятельствами; он сознавал свои способности и умел ими распоряжаться; он отличался чрезвычайной ловкостью и неукротимой энергией, всегда ясно представлял себе свою цель и в видах ее подстраивал все мелочи. Огромные физические силы благоприятствовали его деятельности. Уже современники не признавали в нем особенного религиозного энтузиазма; большинство думало, что его оружие направлено не на Иерусалим, а на Византию.

Организация

Как эти, так и прочие князья действовали самостоятельно. Огромное движение, охватившее тогда весь Запад, именно и замечательно по отсутствию верховного внешнего руководства. Первое место среди крестоносцев занимал, положим номинально, папский легат, но ведь не мог же он руководить на деле военными действиями. Каждый барон считал себя вполне равным князьям и присоединялся к их отрядам, только пока это было ему угодно. Так-же свободно меняли службу и простые рыцари и солдаты. По прибытии в неприятельскую страну, подчинение естественно становилось более прочным, но и здесь, особенно в конце похода, часто выступает дух начальной независимости. При таком устройстве, что случилось бы с этим войском, если бы все оно не было одушевлено одною мыслью, если-бы для всех образ св. Гроба не был главным руководителем и постоянным напоминанием о порядке и подчинении? Только после распада внешних связей религиозное единство достигло наивысшего своего выражения.

Планы Комнена

По уговору, все войска крестоносцев должны были сойтись в Константинополе. Ко времени их прибытия положение Византии было уже далеко не таким, как за несколько лет, когда Алексей Комнен так настойчиво просил у Запада помощи. Двойное нашествие печенегов и турок было отражено при помощи половцев; с таким же успехом была подавлена и внутренняя смута. Никогда еще Алексей не был так силен, как в 1096 и следующих годах. Крестоносцы с удивлением увидели, что Византию нечего спасать от язычников, что с нею надо считаться, а войско ее нельзя обратить во вспомогательный отряд; в рядах этого войска они с удивлением заметили тех самых мусульман, которые притесняли христиан и от которых они собирались освободить св. Гроб. С своей стороны, император Алексей тоже был неприятно разочарован. Много раньше, в опасные минуты он просил помощи у Запада, рассчитывая на присылку отдельных отрядов, которые войдут в состав его армии. Тогда Запад не прислал никого, а теперь, когда нет особенной нужды в его помощи, к столице приближается громадное войско. Император решился заставить франков принести ему ленную присягу за те земли, которые они отнимут у турок и которые принадлежали некогда Византии: крестоносцы могли распоряжаться ими только с согласия императора и должны были вообще рассматривать их, как области греческой империи. На пути к этой цели он заранее должен был ожидать неприятных переговоров, упорного сопротивления и даже прямо враждебных действий со стороны грубых и могучих пришельцев; потому он заранее принял соответствующие меры, насколько то позволяли силы империи: войско и флот были приведены в порядок, казна находилась в сносном положении, в провинциях все было подготовлено. Всего опаснее было допустить крестоносцев до соединения их громадных сил, а во избежание этого нужно было прекратить сношения между отдельными отрядами и затем договариваться с каждым вождем отдельно.

Готфрид со своим войском мирно дошел до Филиппополя; здесь он получил известие, что Гуго Вермандуа захвачен императором и вынужден принести ему ленную присягу. Это возмутило Готфрида, и он допустил войско до грабежа. Под Константинополем посол императора пригласил герцога на личное свидание в столице; Готфрид от свидания отказался, но обещал принести присягу. Затем император предложил войску расположиться в Пере, чтобы изолировать его и предупредить беспорядки. Готфрид на это согласился, но отклонил снова всякие переговоры и откладывал решение со дня на день; он желал дожидаться прочих князей и избегнуть, вопреки обещанию, присяги. Император все сильнее настаивал на решении, герцог сухо уклонялся, уверяя, что он не настолько еще доверяет императору, чтобы решиться на личное свидание. Тогда Алексей окружил стоянки франков турецкими и славянскими войсками, строго приказав им мешать всякому сообщению Готфрида с другими князьями, особенно с Боэмундом. Между тем, отовсюду приходили известия о приближении прочих отрядов, и опасность становилась все более грозной. Император медлил до последней крайности, наконец, когда войско Боэмунда приблизилось к столице на несколько дней пути, он решился на насильственные меры. При этом он имел в виду запереть лотарингцев в Пере и постоянными нападениями принудить их к покорности, но они выбрались из западни и направились к стенам столицы, чем сильно смутили ее население, а затем, грабя и опустошая, рассеялись по ее окрестностям. Положение становилось критическим: Боэмунд, оставив войско позади, уже спешил в столицу на свидание с импе-

ратором; к счастью Алексея, ему удалось так изолировать князей, что они и не подозревали взаимного положения. Пока не удалось одолеть упорства герцога и храбрости лотарингцев; чего же нужно было ожидать от соединения его с хитрецом Боэмундом и враждебно относившимися к грекам норманнами? Оставалось во что бы то ни стало покончить с Готфридом до прибытия Боэмунда. Алексей еще раз попытался вступить в переговоры чрез посредство Гуго Вермандуа, но Готфрид принял его очень грубо: «Ты, сын короля, сделался рабом и теперь хочешь и меня сделать им?» Он отказался присягнуть и до прибытия прочих вождей переправить свое войско в Азию. Тогда Алексей напал на франков со всем войском, нанес им большой урон и принудил герцога принести ленную присягу, а затем, со свойственным ему уменьем, одарил и обласкал Готфрида, так что он с этих пор выказывал большую преданность императору и помогал ему своим влиянием на прочих князей.

Вопреки всем ожиданиям, поладить с Боэмундом удалось легко. Для основания царства на Востоке он сам нуждался в помощи Алексея, а потому, когда император потребовал от него присяги, он сначала представил несколько возражений, но потом принес ее без колебания и ограничений. Алексей был очень этим обрадован и одарил его так богато, что он воскликнул: «Будь у меня такая сокровища, я подчинил бы себе весь свет». Тут он попросил императора дать ему звание главнокомандующаго на Востоке. Исполнение этого желания изменило бы характер похода: вместо папы и его легата руководителем стал бы номинально Алексей, а на деле честолюбивый князь Тарента. Понятно, император, хоть и в любезной форме, но отклонил просьбу. Не так легко было поладить с Раймундом, человеком горячим, упрямым, глубоко проникнутым сознанием религиозного значения похода, но в то же время очень дорожившим и мирскими выгодами. Это—прямой контраст с Боэмундом, который, имея всегда в виду целое, уступает в мелочах и пользуется всем, что только ведет к цели. Напротив, Раймунд в одно и то же время и нерешителен, и упрям, ничем не хочет жертвовать, ни в чем уступать и потому на каждом шагу сам ослабляет свои успехи. Требование Алексея оскорбило его и с религиозной стороны—неужели боец Господа должен брать на себя земное иго?—и со стороны мирского расчета: неужели он должен заранее отказываться от плодов победы? Боэмунд, не привыкший стесняться, легко вышел из затруднения: установив возможность прибыли, он заботу об исполнении клятвы предоставил затем грекам. Раймунд, у которого совесть была еще сильнее корыстолюбия, остался при раз выраженном безусловном отказе. Тогда греки напали на неожиданных ничего подобного провансальцев и нанесли им значительный урон. Насилие только усилило гнев Раймунда, который открыто обвинял императора в измене и думал только об отомщении за такое вероломство. Тут вмешался Боэмунд: спор этот был ему противен, да и опасен для его целей. Он объявил, что считает императора правым и будет защищать его против всякого нападения. Такое вмешательство разсердило Раймунда: он прервал спор, посоветовался со свитой и затем объявил, что согласен дать обещание не предпринимать ничего против жизни и чести императора. Алексей, которому вмешательство Боэмунда внушило некоторые подозрения, объявил себя удовлетворенным. Гнев Раймунда и подозрения Алексея скоро привели того и другого к союзу против ненавистного норманна.

Присягнувшим князьям Алексей с своей стороны обещал в скором времени привести лично на помощь войско; уже тогда он должен был понять, что, без всяких с его стороны усилий, ему не получить своей доли добычи. Настоящего соглашения он с самого начала не

мог иметь в виду, зато он добился от крестоносцев формального признания своего верховенства и таким образом обосновал на будущее время самые широкие притязания.

Спор из-за Антиохии

На походе чрез Малую Азию и при осаде Антиохии Боэмунд, как самый опытный из вождей, оказал крестоносному ополчению массу услуг: он заботился о снабжении его припасами, руководил военными действиями, напр., осадой Никеи, сражением при Дорилее; одним словом, ему больше кого другого крестоносцы обязаны были своими успехами. Но услуги эти он оказывал не безкорыстно. С самого начала Боэмунд задался мыслью при помощи крестоносцев создать себе самостоятельное владение на Востоке и, пока его и их интересы совпадали, он работал энергично и успешно. Под Антиохией пришел час расплаты. Антиохия должна была стать владением Боэмунда, и все его искусство направлено было к тому, чтобы устранить препятствия к достижению этой цели, а их было не мало. Нужно было добиться согласия князей на то, чтобы город, завоеванный их общими трудами, достался одному Боэмунду; нужно было устранить сопротивление греческого посла, требовавшего передачи города императору; наконец, нужно было еще взять самый город. И вот, когда осада затянулась, а с Востока появились известия о приготовлениях турок к новому походу на выручку Антиохии, когда положение крестоносцев стало критическим, Боэмунд объявил, что он человек небогатый, не может больше тратить времени и сил на осаду и покинет ее, если ему не будет обеспечено солидное вознаграждение. Предъявляя свое требование, Боэмунд знал, что его содействие для успеха крестоносцев необходимо и что они вынуждены будут обещать за него все, чего он ни потребует. И действительно, князья принуждены были принять его требование и обещать ему ключ к Сирии, Антиохию. Один граф Раймунд, верный своему упрямству и греческим симпатиям, отказал в согласии, но это не имело особого значения. Затем Боэмунд вступил в дружеские переговоры с греческим послом и под большим секретом сообщил ему, что князья очень раздражены против него, так как приписывают интригам греков новый поход турок. Опасаясь за жизнь свою, бедный посол покинул лагерь франков и оставил поле действия за Боэмундом. Тут энергия последнего еще более растет. Благодаря его содействию, крестоносцам удалось отразить новое войско турок и окончательно запереть все выходы из крепости. Счастье снова улыбнулось Боэмунду: считая его, как и все неприятели, главою ополчения, к нему обратился один из офицеров гарнизона с предложением сдать часть городской стены, и скоро условие было заключено. Тогда Боэмунд снова обратился к князьям и заявил, что у него есть возможность легко завладеть городом, но что он воспользуется ею только в том случае, если ему предоставят владение им. Князья снова усомнились в своем праве распоряжаться Антиохией в виду присяги императору и отвергли требование Боэмунда, который перестал руководить военными действиями: осада остановилась, а известия с Востока становились все более грозными. Крестоносцы пришли в уныние, князья собрались снова и постановили единогласно отдать Боэмунду Антиохию, если он поможет им завладеть ею и спасет их таким образом от гибели.

Затягивая из своих видов осаду, Боэмунд, несомненно, страшно рисковал своим счастьем и своими соратниками. Его не беспокоили те потери, от которых он мог избавить ополчение, если бы занял город при первой возможности; не обращая внимания на неизбежную гибель в случае неудачи, он бездействовал до последней минуты; он хотел добиться раз на

меченной награды во что бы то ни стало, хотя бы из-за этого должны были погибнуть и он, и все его соратники. Много раз он показывал, что он один умеет оживить силу войска; без сомнения, поэтому у него была возможность останавливать все действия по своему желанию. Если осада затянулась до того времени, как он добился согласия князей, то зависело это от его желания. Благодаря этому промедлению, город был взят всего за три дня до прибытия полчищ Кербоги, потерявшего понапрасну целых три недели под стенами Эдессы.

В то время, как крестоносцы сами были осаждены в Антиохии Кербогой, Боэмунд снова сделал много для их спасения. Вместе с Адемаром он остановил начавшееся в момент паники беспорядочное бегство из города, которое должно было предать всех в руки турок; в виду общего беспорядка, ему же совет князей предоставил на две недели главное начальство с неограниченными полномочиями для восстановления дисциплины. Замечателен этот выбор самого способного, но и наименее религиозного из вождей в то именно время, как, под влиянием страшных бедствий осады, мистическое настроение достигло в войске необычайной силы и выразилось в ряде разных видений. Опасность и нужда были слишком сильны: приходилось обращать внимание больше на способности, чем на настроение вождя. И Боэмунд не обманул возлагавшихся на него надежд. В некоторых отрядах люди целиком разбежались и попрятались по домам, откуда их ничем нельзя было вызвать. Боэмунд, не медля, приказал зажечь в нескольких местах здания, огонь быстро распространился, масса домов сгорела, отовсюду выбегали с добычею беглецы; на другой день они собрались толпами пред жилищами князей и стали настойчиво требовать, чтобы их вели на бой с Кербогой. В главной битве христиане были обязаны победой больше всего искусству и мужеству Боэмунда.

Затем снова выдвинулся вопрос об Антиохии. Окончательное решение его стало еще затруднительнее, так как исчезло всякое сдерживающее влияние, и все зависело от спорящих князей. От императора не было ответа на посланную ему просьбу о помощи и напоминание об его обещании принять личное участие в борьбе с турками; оказалось потом, что, узнав от беглецов из Антиохии о безнадежном положении крестоносцев и считая их погибшими, император не стал продолжать уже начатаго похода и вернулся с половины дороги назад.

Таким образом, по феодальным воззрениям, он не исполнил первой обязанности сюзерена—защищать своих вассалов и тем порвал ленные отношения с крестоносцами. С другой стороны, умер духовный глава похода Адемар Монтейль; правда, он не оказывал большого влияния на ход действий, но своим нравственным влиянием сильно поддерживал дисциплину в войске и согласие между князьями, наконец, представлял постоянно духовный характер и духовное единство похода. Особенно важно было то, что он умер как раз в тот момент, когда наружу выступили мирские интересы и раздор князей. Боэмунд осуществил широкие планы с чрезвычайною последовательностью, смелостью и ловкостью; он вел скрытую игру до тех пор, пока результаты ее не выяснились несомненно у всех на глазах. Раймунд тоже желал основать в Азии самостоятельное владение, но ему недоставало искусства Боэмунда. Еще до осады он пытался неудачно захватить врасплох Антиохию; затем он успел завладеть в ней двумя укреплениями и хотел завладеть кремлем, но без успеха: комендант настоял на сдаче его Боэмунду. Когда игра последнего раскрылась, Раймунд страшно был раздражен успехом соперника и решительно отказался сдать ему свои укрепления, ссылаясь на присягу императору. С этих пор, под влиянием зависти и огорчения, он

стал упорным противником планов Боэмунда. У личной вражды была и более широкая подкладка. Уже давно начались столкновения у провансальцев с норманнами, со временем все более ожесточенные. Современник так характеризует противников: у норманнов гордый взгляд и живой ум, они скоро хватаются за меч, а в прочем расточительны и не умеют наживать; провансальцы, напротив живут скупой, жадны к наживе, трудолюбивы, но не так воинственны, голод только поощряет их рвение и они проводят весь свет мелкими хитростями. Столкновения между ними начались еще во время осады на фуражировках: отдельные партии грабили друг друга, и из этого развилась настоящая вражда. Новый материал для ссор доставила затем находка св. копья: едва прошла опасность, как северные французы и норманны заговорили об обмане, даже и подстроенном-то неловко. Особенно отличился Боэмунд, рядом с насмешками выставлявший доводы исторические и догматические. Против него с жаром выступил Раймунд. За князьями последовали племена, и вопрос о владении Антиохией приобрел одинаковую важность как личную, так и национальную. На совете, созванном для решения его, Боэмунд доказывал необязательность присяги императору и настаивал на безусловном исполнении своего договора с князьями; Раймунд стоял на утверждении, что присяга на кресте и Евангелии должна навсегда сохранять свою силу. Большинство склонялось скорее на, сторону Боэмунда, но не хотело открытым приговором оскорбить одного из спорящих, и потому вопрос остался нерешенным и войско не выступило из Антиохии.

Тогда выдвинулась снова та сила, которая создала все движение и воспрянула во время последних бедствий—аскетическое настроение массы. Войско уже с самого начала было недовольно решением князей остановиться на несколько времени в Антиохии по разным соображениям, военным и политическим: оно стремилось достигнуть поскорее цели похода и рассчитывало на легкую победу над испуганным врагом; к тому же масса воинов не знала, чем существовать на время перерыва военных действий. Тогда князья вызвали к себе на службу охотников до войны и добычи, обещая им жалованье и участие в отдельных набегах; из этого приглашения видно, насколько тут подчинение зависело от добровольного соглашения. В мелких набегах на земли турок прошло лето, прошел назначенный для выступления срок, а князья все не двигались и спорили из-за Антиохии. В войске снова произошло стремление идти в Иерусалим. Сильнее всего проявилось оно среди провансальцев, как ни по сердцу был им спор с ненавистным Боэмундом. Сначала их недовольство медленностью князей выражалось тихо в дружеских беседах, затем в более крупных группах, наконец бурное движение охватило всю массу. «Князья отказываются вести нас в Иерусалим, так выберем себе в вожди храброго рыцаря, и он с помощью Божией проведет нас к св. Гробу». Скоро послышались и более грозные речи: «Пусть кто угодно владеет золотом кесаря или богатствами Антиохии, мы пойдем вперед под руководством Христа. Если спор будет еще продолжаться, мы разрушим город, и тогда настанет мир, царивший до завоевания его». Услышав такие речи, Раймунд испугался и тотчас приказал выступать. С своим отрядом он направился к значительному городу Мааре и едва начал осаду его, как явился Боэмунд с целью помешать ему овладеть одному крепостью. Скоро она была взята: провансальцы и норманны заняли ее в одно время, и из-за нея начался такой же спор, как за Антиохию, что задержало на несколько недель продолжение похода. Это страшно раздражило провансальцев, поднялся крик: «князья спорят из-за каждого города, который Бог предает

в наши руки; так разорим этот, чтобы он нас больше не смущал». Народ кинулся, разрушил почти весь город и тем принудил Раймунда двинуться дальше на юг. Боэмунд воспользовался этим для того, чтобы произвести нападение на те укрепления Антиохии, которые еще более заняты оставшимися провансальцами; он вытеснил их и стал единым властителем города. Раймунд был сильно возмущен этим и решился сделать еще попытку: вместо прямого пути в Иерусалим, он повел войско к берегу моря, желая покорить себе область эмира Триполи. Прибыв к замку Аркас, Раймунд, несмотря на мирные предложения эмира, стал осаждать его. Осада шла медленно, войско было недовольно новой остановкой. Тут подошли Готфрид и Роберт Фландрский, тоже спешившие в Иерусалим. Раймунд, не выясняя своих планов, настаивал на продолжении осады, прочие князья по убеждению Танкреда, состоявшего на службе у Раймунда, но втайне действовавшего наперекор его интересам по инструкциям Боэмунда, хотели скорее идти в Иерусалим. Масса войска была на их стороне. Единственную поддержку оказали Раймунду явившиеся в лагере под Аркасом греческие послы: от имени императора они жаловались на захват Антиохии и просили крестоносцев подождать несколько месяцев, пока подойдет к ним император с войском и большими подарками. Но большинство князей не желало промедления, боялось за настроение войска и не хотело союза с вероломными греками. Кроме того, Танкред, в случае прибытия императора и основания так близко от Антиохии тулузского княжества, должен был опасаться за целостность владений Боэмунда. Несмотря на все это, князья не решались пойти наперекор неумолимому желанию Раймунда, но он и на этот раз должен был уступить стремлению всего войска. Последним овладело сильное возбуждение: безпрестанно являлись рассказы о видениях, побуждавших идти скорее к св. Гробу. Один из них послужил последним толчком, опрокинувшим все мирские расчеты. Раздался общий призыв к походу; против воли Раймунда и даже прочих князей, воины зажгли палатки и нестройными толпами двинулись в поход. Раймунд проливал слезы гнева и скорби, но все было напрасно: движения невозможно было остановить. Сам Готфрид, до того только споривший, расхаживал по лагерю, убеждая воинов настаивать на их похвальном решении.

Осада и взятие Иерусалима

Таким образом аскетическое настроение, вызвавшее самый поход, одержало в конце его решительную победу. Мирские интересы, навязанные ему сначала Боэмундом, а потом графом Тулузским, были вырваны с корнем; прочие князья, у которых не хватало силы противодействовать влиянию обоих соперников, вздохнули теперь свободно, когда вышли из сферы влияния одного, а упрямство другого было сокрушено силою народного стремления. С этих пор поход к Иерусалиму продолжался уже без перерыва. В Рамле, в 16-ти милях от цели похода, раздалось несколько голосов, что нужно сначала сокрушить в их стране силу египтян, завладевших между тем Палестиной, и тогда она сама собою подчинится крестоносцам. Но как можно было при такой близости Иерусалима удержать общее стремление исполнить свой обет? да и вообще какие решающие доводы можно было привести в эту минуту в пользу такого далекого предприятия? Войско решило единодушно идти к Иерусалиму. В последнюю ночь народной тревоги нельзя было удержать, толпа за толпою пускалась в путь. Провансальцы покинули Рамлу ранним утром без всякого порядка, некоторые с обнаженными, в увлечении пылким благочестием, ногами, большинство поспешным шагом, чтобы раньше других достигнуть каждого местечка, каждого замка и завладеть ими. Так,

волнуемые разнородными страстями, исполненные благочестия и алчности, совершали они последний переход; наконец, им остался только один горный хребет, за которым лежал Иерусалим, толпа за толпой взбиралась на гору, и там, взойдя на нее, они увидели перед собою башни священного города. Это потрясло их всех, исчезли мирския стремления и соображения, они пали на колена и в слезах прославляли Господа, приведшаго их сюда. С удвоенным рвением стали затем они спускаться на равнину, чтобы с последним усилием пожать плоды стольких трудов.

Через неделю крестоносцы произвели на город первое нападение с восторженным мужеством, но и с полным пренебрежением ко всяким приготовлениям. На Масличной горе жил тогда святой отшельник; князья обратились к нему с вопросом, что будет с ними, и он предсказал им, что на другой день в девятом часу Бог предаст Иерусалим в их руки. Потому немедленно был предпринят штурм; франки неудержимо подвигались вперед и скоро заняли наружные укрепления, но тут, имея всего одну лестницу, они очутились пред высокою внутреннею стеною; не колеблясь, они приставили к ней лестницу, по которой пытались без успеха подняться несколько французов. Тут все убедились, что так овладеть городом нельзя. В страхе и трепете войско отступило. Было решено не производить новых нападений до постройки необходимых машин, для чего потребовалось преодолеть ряд затруднений, а в это время между князьями поднялись новые споры. Танкред занял для себя лично Вифлеем, против чего возстал Раймунд, воскрешая старую вражду. Важнее был другой спор. Князья были так уверены в успехе своего оружия, что уже тогда возбудили вопрос, кому из них достанется корона св. Гроба. Пригласили на совет духовенство, и оно тотчас заявило протест против всяких выборов, так как прежде всего нужно де назначить духовного главу, патриарха, который и будет владельцем Иерусалима и уже от себя назначить наместника для охраны мирских интересов страны. Пока остановились на безспорно самом разумном решении—сначала завоевать город и потом уже заботиться о приискании для него владельца. В день взятия Иерусалима, Готфрид после полудня, говорят, в тот самый час, когда окончились страдания Христа, придвинул свою осадную башню к самой стене, спустил подъемный мост и вместе с другими перешел на стены. В то же время Танкред и Роберт Нормандский с своей стороны пробили брешь в стене и проникли с войском в город. Провансальцы все еще не могли подняться; наконец, на Масличной горе показался всадник в блестящем вооружении, щитом указывая на Иерусалим; тогда в город ворвались и они. Гарнизон Давидовой башни сдался Раймунду под условием безпрепятственного отступления в Аскалон, и граф захватил себе башню.

Касательно участия князей в последовавшем за штурмом кровопролитии в источниках даются такие указания: Готфрид не думал о грабеже, а стремился только кровью сарацинов отплатить за осквернение св. города; первыми проникли в город Танкред и Готфрид: вероятно много крови пролили они в этот день. Танкред, с своей стороны, спешил раньше всех в мечеть Омара, о богатствах которой до него дошли сведения; он прибыл туда раньше массы беглецов и преследователей и спрятал в безопасное место находившиеся там сокровища. Тотчас затем в мечеть ворвались густые толпы противников; резня в ней и перед нею продолжалась до вечера, когда уцелевшие магометане сдались Танкреду, обещавшему им, как своим пленникам, полную безопасность. Затем он кинулся дальше по городу на поиски за золотом и серебром, за лошадьми и мулами, за домами, полными всякого добра. На дру-

гое утро толпа франков взобралась на крышу храма, куда Танкред спрятал своих пленников, и перебила несчастных. Сокровищами, похищенными из мечети Омара, князю не долго пришлось пользоваться: было решено обратить языческие храмы в христианские святилища, и Танкреда принудили вернуть похищенное достояние церкви.

Правление Готфрида Бульонского

Увлечение победою и набожностью естественно прошло не сразу: слишком неделю стекались толпы к св. Гробу, а отдельные лица услаждались добычею, захваченною при занятии города. Наконец, князья собрались на совет об устройстве завоеванной земли, и тут тотчас с обычною силою возобновились старые споры. Прежде всего нужно было устранить притязания духовенства, требовавшего выбора и господства патриарха; это удалось без труда, так как у него не было в это время влиятельного представителя. Перейдя к выбору светского государя и вождя, князья естественно раньше всех обратили внимание на графа Тулузского. С удалением Боэмунда он, без сомнения, занял в войске самое влиятельное положение по числу приверженцев и богатству, по неутомимости, с какою заявлял притязания, и по настойчивости, с какою старался их провести. Правда, он больше вызвал вражды, чем добился успехов, но зато он высоко поставил свою репутацию. Это доказывает прочная память, какую он оставил по себе на Востоке. Поэтому ему и предложили прежде всех корону, но он отклонил ее, говоря, что никогда не будет носить здесь земного венца, но не будет и противником другого, который пожелает надеть его на себя. Не трудно подыскать для его отказа и другие мотивы: он хорошо знал, что у него много сильных противников, а главное — он утратил поддержку своих провансальцев, которые старались помешать его избранию всевозможными наветами. Тогда князья обратились к герцогу Лотарингии, он изъявил согласие и был без всяких возражений выбран защитником св. Гроба. От титула короля и торжественного венчания Готфрид уклонился, не известно, по собственному ли побуждению, или следуя благочестивому желанию баронов.

Первые шаги нового государя были направлены на то, чтобы побудить графа Раймунда к передаче захваченной им твердыни столицы, башни Давида. Раймунд в этом отказал, объясняя, что он намерен до Пасхи оставаться еще в Иерусалиме и желает сохранить до тех пор приличное его сану положение. Его не испугали сильнейшие угрозы Готфрида; прочие князья, как это бывало и прежде, одобряли требование короля, но не решались высказаться открыто. До решения вопроса стороны согласились передать замок непричастному посреднику, одному епископу, а тот немедленно отдал башню королю. Сильно раздраженный этим, Раймунд тотчас оставил Иерусалим, чтобы, согласно обычаю, побывать на Иордане и там наломать пальмовых ветвей. Весь этот эпизод показывает, какое слабое впечатление произвел выбор Готфрида на его прежних перов.

Прошел месяц посл взятия Иерусалима, и крестоносцам пришлось идти к Аскалону для отражения грозных сил египетского визиря. Здесь между обеими сторонами оказывается такая же резкая разница, как под Антиохией между войском крестоносцев и полчищами Кербогги: египтяне, без сомнения, превосходили христиан вооружением, обилием припасов, пышностью и богатством; в состав их войска входили эфиопы, арабы и даже сельджуки, и потому, при всем его внешнем блеске, в нем отсутствовали сознание общности и преданность вождю и его интересам; рядом с этим заметна была у многих заносчивость: они уже везли с собою цепи и веревки для будущих пленных. Войско крестоносцев проявляло те-

перь не менее энергии, чем под Антиохией. Как там его увлекало вперед безграничное отчаяние, так здесь ликующее воодушевление, не признававшее больше никаких препятствий, ничего невозможного. Они шли в бой, как на пир и на праздник; враги казались им робкими, как лани, и невинными, как ягнята, потому что, по их убеждению, Бог был на стороне христиан. Правда, кони их были слабы, оружие без блеска, масса воинов выходила в поле, как и под Антиохией, в бедной изорванной одежде, утомленная трудами и лишениями или истощенная бурными удовольствиями последнего месяца, но в бой они шли тем с большим пылом, что только там могли они найти добычу, наслаждение и отдых. Впереди войска несли крест и копье Господа, в Иерусалиме духовенство и беспомощные молились о победе,—другого гарнизона там не было,—как могли они не победить этих врагов? И действительно, была одержана решительная победа. После сражения Раймунд завязал переговоры с комендантом Аскалона, в котором господствовало полное уныние. Туда удалился раньше гарнизон Давидовой башни и он выставил на стене знамя своего спасителя, графа, Тулузского. Последний тотчас стал утверждать, что по старому обычаю город составляет теперь его собственность, но на него, как король, заявил свои притязания Готфрид. Прочие князья, на этот раз не колеблясь, подтвердили мнение графа, но Готфрид ни за что не хотел уступить. Раймунд был страшно раздражен и объявил, что он намерен тотчас удалиться; герцог стоял на своем, и граф исполнил свою угрозу. Аскалониты естественно узнали о споре и его последствиях, отказались от сдачи, и столь важный для обороны против Египта город был утрачен раньше, чем приобретен.

В конце 1099 года патриархом Иерусалима был выбран папский легат, архиепископ Дагоберт. Он объявил, что для приличного содержания патриаршаго двора ему необходимо известное количество земли, и поэтому потребовал себе сначала четверть города Яффы. Готфрид торжественно уступил ему ее. Тогда Дагоберт предъявил второе более важное требование: Иерусалиму, как городу, посвященному Господу, нужен не светский глава, но духовный, как это утверждало уже до завоевания духовенство; притом же у патриархе есть заслуженное право на него: в эпоху угнетения он был единственным бесспорным главою всех христиан Иерусалима; таким образом, он требует от христианских князей только восстановления тех прав, которые оставили неприкосновенными языческие эмиры. Действительно, по договору императора Константина Мономаха с египетским халифом, христианам был отведен в Иерусалиме отдельный квартал, и суд над ними предоставлен патриарху. Патриарх добился своего: в первый день Пасхи Готфрид передал ему, в присутствии духовенства и народа, Иерусалим с башней Давида и всем округом; однако герцог продолжал владеть городом до расширения королевства одним или двумя городами, а в случае его смерти без мужских наследников, город безпрекословно должен был перейти к патриарху. Вообще Готфрид признал себя вассалом св. Гроба и патриарха и обещал по мере сил оборонять интересы Бога и патриарха. Такой оборот дела вполне соответствовал настроению народа и самым определенным образом выставил духовный характер этого государства; впервые, со смерти Адемара Пюискаго, церковная власть вернула себе то положение, которое она занимала в начале крестового похода. Светский государь был с этих пор только вторым человеком в королевстве.

Прошел год со времени взятия Иерусалима, и Готфрида не стало.

Разсматривая его роль в движении крестоносцев, мы не найдем ни одной черты, кото-

рая давала бы нам право назвать его гениальной или даже просто крупной личностью. Под Константинополем он сильно смущает императора своим упорством, не обращая внимания ни на какие доводы и в то же время не думая указывать основания своего образа действий. Затем до поражения Кербоги его совершенно затмевает князь Тарента: планы Боэмунда постоянно определяют движение ополчения, его деятельность непрерывно обуславливает успехи крестоносцев. Далее возгорается спор из-за Антиохии, на несколько месяцев замедляющий поход; но у Готфрида, как и у других князей, не оказывается достаточно энергии, чтобы вмешаться решительно в распрю. Вскоре затем под Триполем он, несмотря на полную определенность своих взглядов, является только орудием в руках норманских политиков и под конец берет верх только благодаря народному движению, в создании которого он не принимал ни малейшего участия. Далее, как правитель св. Земли, он, правда, был поставлен в тяжелые условия, но ведь условия оставались все теми же, когда Балдуин Эдесский вдохнул в королевство новую жизнь. Наконец, никто не мог конечно отвергать его силы и храбрости, но как можно было одним этим приобрести себе особенную славу при таких соперниках?

Одним словом, во всех светских делах он не создал ничего крупного и даже никогда не пытался протестовать против превосходства Боэмунда и Раймунда в этой области. Тем более следует указать, что это превосходство ни на шаг не совлекло его с пути, и эта настойчивость вместе с целью, на которую она была направлена, только и объясняют положительную основу его характера, а также возможность столь блестящей и прочной известности. По словам современника, он был столь же благочестив, как и храбр, он был настоящим монахом в одежде воина, как и в облачении герцога; подтверждение этого замечания мы находим во всех событиях похода. Более, чем кто из его товарищей, он, при всех столкновениях с светскими интересами, старался сохранить религиозный характер похода: перед его глазами стоял только св. Гроб, и он совершенно был чужд всякой мысли о власти и захвате земель. Это не такой человек, который мог бы оказать решительное влияние на ход событий, но во всяком случае это—человек с непоколебимым характером, остающийся верным себе, несмотря на все внешние влияния, и строгостью религиозных стремлений далеко превосходящий своих более быстрых товарищей. Боэмунд, без сомнения, остроумнее и ловчее его, Раймунд отзывчивее и подвижнее, но главной награды в этой религиозной войне заслуживал все-же больше, чем они, всеми затмеваемый, сосредоточивающий свое внимание на религиозной цели герцог Лотарингии.

Отсюда понятно то пристрастие, с которым Запад прославлял его память и создал для героя новую жизнь: на всем Западе творцом похода было то именно настроение, которое доводило Готфрида до несправедливого пренебрежения к другим силам. Если никто из блестящих и энергических героев не мог в глазах народа затмить Готфрида, то это свидетельствует в пользу бессознательного, но и безошибочного такта легенды, хотя она и украсила более блестящими цветами завоевание Антиохии, чем взятие Иерусалима. Отдельная ее часть проникнута рыцарским и поэтическим духом, но, при всем внешнем блеске, в глубине ее проходит неизгладимая мистическая мысль, в конце концов вызвавшая ее целиком на свет. Легенда прославляет одного любимого Богом мужа и окружает его бездействием таким ореолом, какого не удостоивается геройство норманнов и провансальцев.

Н. Шамонин.

XXXVI. Иерусалимское королевство

I. Страна, население, земледелие, торговля, колонии, образованность

Население Иерусалимского королевства

Частая смена народов-завоевателей, прилив паломников, посещения купцов издревле делали население Иерусалима пестрой смесью племен. Крестовые походы только еще усилили разнообразие в народонаселении Палестины. Выходцы из северной и южной Франции, бретонцы и провансальцы, ломбардцы, венецианцы, тосканцы, сицилийцы, лотарингцы, фрисландцы, немцы, скандинавы, англичане, валлийцы, шотландцы, венгерцы и т. д. слились здесь в господствующие сословия Иерусалимского королевства. А под их властью или рядом с ними продолжали жить остатки туземных племен—сирийцы, армяне, греки, арабы, турки. Среди магометан преобладали арабы, как старинные завоеватели Сирии, ставшие оседлым, мирным населением. Напротив, турки встречались редко: они, ведь, овладели Палестиной незадолго до появления христиан, и их чисто военное господство пало вместе с Иерусалимом. Однако и магометанство вообще далеко не было преобладающей религией в Сирии. Не говоря уже о евреях и греко-православных, как раз здесь удержались остатки древне-христианских сект—яковитов, несториан, маронитов.

Уроженцы мелких областей западной Европы, раздробленной на феоды, впервые сталкивались здесь и замечали различие или сходство между своими наречиями и обычаями; понятие народа французского, немецкого, итальянского выросло над народцами маленьких провинций,—графств и герцогств. Глубокий знаток Палестины Яков Витрийский¹ вы-

Источники: *Prutz*, Kulturgeschichte des Kreuzzuge; *Prutz*, Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens; *Heyd*, Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age; *Beugnot*, Assises de la Haute Cour и Assises de la Cour des Bourgeois.

1 Jacobus a Vitriaco.

сказал мнение, что завоеватели сделали бы лучше всего, если бы поделили между собой тягла государственной жизни сообразно своим способностям и характеру: например, итальянцы, преимущественно венецианцы, генуэзцы и пизанцы могли бы взять на себя заботы о материальных интересах, торговлю и промышленность, а французы и немцы — защиту страны от неверных, так как итальянские горожане хорошо знали морское дело и, отличаясь воздержностью, легко переносили климат; французы же выдавались своей воинственностью и хорошими боевыми лошадьми, а немцы — тяжелыми панцырями. Однако, различие в способностях и наклонностях не предотвратило враждебного соревнования между нациями. Численно всегда преобладали французы, а туземцы-магометане звали вообще всех пришельцев с запада франками: со времен Карла В. франкский народ олицетворял для арабов католическую Европу. Продолжительная разлука с родиной, семьей и обычными занятиями вредно отзывалась на нравах жителей Иерусалимского королевства, тем более, что крестоносцы позволяли себе многое относительно врагов-магометан, что безусловно было бы преступлением и грехом на западе, напр., нарушение договоров. По словам арабов, Жоселен III, граф Эдесский, заключал мир с Нуредином, а как только опасность минует, изменял своим клятвам. С другой стороны, роскошь и утонченные наслаждения Востока заразительно действовали на франков. Низшие классы крестоносцев ради торговли и промыслов с самого начала стояли гораздо ближе к туземцам-магометанам, нежели рыцари. Да и нужда чаще вела их к отпадению от христианства, чем их феодальных сеньёров. Во время голода в 1190—91 гг. из лагеря христиан перед Акконом солдаты толпами бежали к Саладину: кто наелся там досыта, тому уже не было охоты ворочаться назад. Часто даже рыцари, уличенные в каком-либо преступлении, следовали примеру низших и становились отступниками и перебежчиками. Такие ренегаты были естественными посредниками между христианами и магометанами.

То постоянное население Иерусалимского королевства, которое усвоило себе смешанную полувосточную, полугерманскую культуру, называлось пуллами. Яков Витрийский понимает под пуллами все то потомство пришлых христиан, которое родилось уже в Палестине¹. Но историк похода Людовика VII Французского понимает под пуллами только смешанное население Палестины, родившееся от франка-отца и матери-сирийки или наоборот; таково и было, вероятно, первоначальное, более тесное значение слова. Под влиянием климата и туземного населения пуллы быстро стали терять свои европейские привычки. Яков Витрийский произносит над ними строгий приговор: пуллы, по его словам, не походят на своих воинственных предков; они выросли в роскоши, изнежены, женственны, охотнее идут в расслабляющие восточные бани, чем на борьбу с неверными; одежды у них пышные, мягкие, нравы распущенные; они ленивы и трусливы, малодушны и боязливы. Магометане не боятся их; если бы не помощь франков и не приток новых сил с Запада, так одни пуллы не в состоянии были бы сопротивляться им. Охотнее всего пуллы блюдут мир со своими соседями, но между собой они в постоянных ссорах и призывают неверных на помощь друг против друга. В личных сношениях они лживы, скрытны, их семейная жизнь мало чем отличается от магометанской, и жены их живут вдали от общества, словно

1 Для самого слова «пуллы» Яков Витрийский дает двойное объяснение: или от pullus (жеребенок), так как пуллы были «новичками» сравнительно с туземным сирийским населением, или от названия итальянской провинции Апулии, откуда чаще всего будто бы были родом их матери.

в гареме. К святыням Палестины и Иерусалима пуллары равнодушны, религиозное рвение паломников для них непонятно; страдания пилигримов не трогают этих полумагометан, которые стараются только правдой и неправдой обогащаться на счет странников. Те арабские женщины, на которых часто женились пуллары, принимали христианство только внешним образом, и среди такой смешанной семьи не было ни христианства, ни магометанства, а обыкновенно—только самые грубые суеверия.

А что же случилось с туземным населением Палестины? Население в городах и пригородных областях, над которыми еще недавно господствовали турки, было попрежнему главным образом христианским и состояло из греков, армян, сирийцев, живших промыслами и земледелием. Только в немногих городах (Триполисе, Бейруте, Сидоне) магометане получили позволение жить и заниматься своими промыслами: прядением шерсти и тканьем: вся же масса арабского населения под властью франков осталась в селах на положении колонов (крепостных), обрабатывавших земли господ и плативших им определенную часть своего урожая. При первом завоевании рыцари присваивали себе земли не только врагов-магометан, но и всего христианского населения. Этим крестоносцы как бы толкали его в лагерь ту-рок. С течением времени франки заметили свою ошибку и сделали христианам ряд уступок. Но сирийцы никогда не получили равенства с франками и затаили свое недовольство. Франки не могли вполне полагаться на них и считали их лживыми, наклонными к магометанству и культуре арабов, на языке которых они и говорили, удерживая греческий только для богослужения. По городам сирийцы занимались промыслами, в сельских областях садоводством и земледелием, напр., разведением сахарных плантаций. Как раз в сельских областях добились они впоследствии, благодаря своему хозяйственному значению, и большей независимости. По обычаям Иерусалимского королевства, там, где они жили густой массой и составляли особые общины (коммуны), сирийцы имели свои собственные суды (*cours de reis*—от арабского слова *reis*, т. е. староста) Подобные же уступки, как сирийцам-христианам, франки сделали и евреям: и в Иерусалимском королевстве и на Кипре евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. В северной части Иерусалимского королевства важную долю населения составляли армяне; с выдающимися способностями к торговле они соединяли воинственность, часто рыцарскую, и под властью крестоносцев были по своему положению приравнены к сирийцам.

Земледелие

Паломников и крестоносцев, которые приходили в Палестину из северных, более суровых стран, поражали роскошь и щедрость южной природы в некоторых частях Сирии. Буркгардт из Монте-Сиона, посетивший Восток около 1280 г., хвалит плодородие густонаселенных частей Ливана и Антиливана с их пастбищами, садами и виноградниками; местность вокруг Курдского укрепления¹, по его словам, густо заселена крестьянскими дворами, покрыта насаждениями маслин и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раем показалась ему затем береговая полоса около Триполиса; нигде он не видывал такого количества вина, оливок, фиг и сахарного тростника. Собственно земледелие далеко не было настолько развито, чтобы избавить страну от необходимости ввозить хлеб с Запада. Сеяли, как и теперь, только пшеницу и ячмень, да некоторые струч-

1 Одна из главных крепостей северной Сирии (*Castrum Curdorum*).

ковыя растения: бобы, горох, чечевицу. Но зато садоводство достигало здесь высокой степени совершенства. Уже в начале средних веков вина Палестины считались самыми крепкими и благородными при дворе византийских императоров. Буркгардт особенно хвалит лозы на высотах Вифлеема и по скатам Ливана близ Сидона. Маслины произрастали не только в садах на равнине Триполиса и по склонам Фавора; за Иорданом эти деревья попадались еще густыми рощами; самые оливки собирались главным образом на масло. Из фруктовых деревьев обычными были: фиги, лимоны апельсины, гранаты, миндаль, но для более привычных франкам груш, яблок, вишен и орехов условия почвы и климата были здесь не так благоприятны, и их выписывали из Дамаска. Все побережье и в особенности область Триполиса славилась своими плантациями сахарного тростника. Франки научились у сирийцев добывать сахар, выдавливая сок из тростника особыми прессами в роде мельниц; для этих работ употреблялись часто магометан-пленники. Тир даже славился своими сахароварнями; отсюда выписал Фридрих II в 1239 году мастеров, чтобы поднять в Сицилии упавшее было там сахарное дело. Франки, как ученики и преемники арабов в Палестине, занялись и насаждением плантаций хлопчатника. Но кажется, эта отрасль земледелия не имела в их руках большого успеха: хлопок из окрестностей Лаодицеи, Бейрута и Аккона ценился всегда ниже привозного из Алеппо и Амаха (Hamah) и не мог равняться даже с хлопком Армении и Дамаска. Под господством христиан упала и культура бальзамного дерева. Петр из Монте-Кассино в плодородной низине Иерихона нашел еще плантации этих деревьев; стволы надрезывались острыми камнями, и драгоценный сок собирался по каплям. Однако франки внимательнее отнеслись к другим подобным же деревьям, из которых добывались лекарства и благовонные масла, наприм., мирра, мастика, терпентин. На границе сельско-хозяйственной и собственно промышленной деятельности стояло разведение шелковичных червей, достигшее в Сирии высокой степени процветания еще при господстве византийцев; да и франки знали тутовое дерево уже в южной Италии и Сицилии. Средоточием этого промысла был Триполис, где в конце XIII в. работало не менее 4 тысяч ткацких станков для шелку. К ткацкой промышленности примыкали красильни; в долине Иордана разводилось индиго, а на берегу древней Финикии попрежнему находили знаменитую пурпуровую улитку. Стеклянными произведениями все еще славился Тир.

Сельское население

Но франки не внесли в страну более совершенных приемов хозяйства, разве что только италийские колонии (коммуны) и духовно-рыцарские ордена применяли к разработке своих земель рациональные приемы: вся масса франкского рыцарства не шла далее чисто хищнического отношения к угольям и приспособлялась к тому строю сельской жизни, который сложился еще до крестовых походов. Поземельные отношения в сельских областях вели свое начало от порядков, существовавших под византийским владычеством. Арабы-завоеватели сменили только сирийских и византийских помещиков в их власти над землями. Колоны (крепостные), преимущественно сирийского происхождения, продолжали нести в пользу арабов повинности, к которым они были раньше обязаны относительно греков или своих единоплеменников. По магометанскому праву, население вновь завоеванных областей должно было платить подушную подать, как выкуп за свою жизнь и свободу, и затем поземельную подать, которая не должна была превышать половины урожая; то населе-

ние, которое переходило в ислам, попадало еще в более благоприятные условия и платило только обычную у магометан поземельную десятину. Завоевание Палестины турками ничего не изменило в положении колонов, потому что и среди них господствовали чисто феодалные отношения: вождь-завоеватель раздавал завоеванные земли своим полководцам, которые дробили их далее между своими подчиненными. Каждый турок-земледелец нес военную повинность по отношению к верховному собственнику, от которого получил землю, а доходы с земли и ее населения давали ему возможность отбывать эту повинность. Поэтому турки, оставаясь чисто военным слоем населения, не вникали в хозяйственные порядки на своих землях, предоставляя их ведению самих оброчных колонов и следя только за правильным поступлением оброка (ренты). Эту оброчную систему хозяйства удержали и рыцари франки.

Немногочисленные крестьяне, переселявшиеся с Запада, представляли в Иерусалимском королевстве исключение по своему сравнительно независимому положению. Чаще всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельско-хозяйственными продуктами. Сохранилась, наприм., грамота Балдуина III от 1153 г., определяющая условия, на которых Жирар-де-Валанс получил от короля дозволение заселить один хутор (*casale*) латинскими колонистами: колонисты получали от предпринимателя усадьбу и участок земли в полную наследственную собственность, но должны были зато платить королю с урожая своих полей $\frac{1}{7}$, с виноградников и садов $\frac{1}{4}$, а с насаждений маслин даже $\frac{2}{3}$; пятнадцатый хлеб из их хлебных печей принадлежал тоже королю.

Напротив, масса сельского населения, оставшаяся от арабского владычества, находилась в тяжелой крепостной зависимости и составляло одно целое с земельными участками, на которых жила: сирийский крепостной мог быть даже оторван от семьи, продан, подарен или дан в обмен своим господином. Кипрский юрист Филипп Наварский приравнивает таких крепостных к рабочему скоту или сельско-хозяйственным орудиям; без всяких личных прав они были отданы на произвол рыцарей и фохтов. Различие в религии или, по крайней мере, в расе между господином и вилланом и отсутствие освященного временем «обычая» сделали крепостную зависимость на Востоке более тягостной. В тот короткий промежуток времени, когда Ричард Львиное Сердце предоставил Кипр тампльерам, они вызвали возмущение сельского населения острова, вздумавши, было, обращаться с ним, как со своими колонами в Сирии, т. е. подвергать их побоям и облагать податями. Обыкновенно рыцарский лен распадался для целей хозяйства на хутора, а отдельный хутор (*casale*) дробился уже на плуги (*charrue, carrucata*), т. е. участки земли, для ежегодной обработки которых хватало пары волов; к хутору примыкали леса и луга, находившиеся в общем пользовании крестьян, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насаждения маслин. Крепостные, обрабатывавшие такой хутор, несли повинности трудом, продуктами земли и даже деньгами. Они доставляли в замок рыцаря кур, яйца, хлеб, мед. Хотя путешественник XIII в. Рубрук (*Roubrouque*) и отмечает, что сирийские крепостные в общем платили $\frac{1}{3}$ урожая, но, кажется, никаких твердых пределов для оброка не существовало. Из личных повинностей (барщин) самая тяжелая—работа над проведением и починкой дорог—существовала уже при арабах.

Городское население

Гораздо сильнее был прилив западных переселенцев в города, где прежнее население при первом завоевании было или перебито, или вытеснено на окраины. Появление крестоносцев изменило весь строй городской жизни. Как раз здесь, однако, чаще всего приходилось сталкиваться и смешиваться различным слоям пестраго населения Палестины. Для промыслов и торговли выходцы с Запада нуждались на первое время в переводчиках, писцах, менялах, маклерах, стряпчих, хорошо знавших местные условия и обычаи; мелкие промыслы и ремесла тоже остались в руках чужеземцев. Но и по городам завоеватели не сливались с завоеванными, а потому и здесь не могло выработаться никакой цельной гражданской жизни. Люди различных национальностей не могли, напр., свидетельствовать друг против друга в судах. Среди пришлаго населения тоже господствовали рознь и отчуждение между представителями отдельных народностей Запада: французы, немцы, итальянцы продолжали поддерживать связи с родиной и не пускали в городах Палестины таких прочных корней, чтобы во всех соседях видеть сограждан и соплеменников; а у итальянцев и на новых местах жительства тлело старое соперничество между венецианцами, пизанцами, генуэзцами и т. д. В Акконе у итальянских горожан были отдельные кварталы, у англичан и немцев их собственные улицы и склады товаров; все они жили по обычаям своей родины. По образу жизни франки-горожане, сосредоточившие в своих руках крупную промышленность и заморскую торговлю, резко отделялись от мелких торговцев и ремесленников из среды туземцев. Окруженные рабами и слугами, эти богатые негоцианты добивались иногда привилегий, которые ставили их почти на одну ступень со знатью, и даже скупали феодальные земли у обедневших рыцарей, нанимая их же потом за жалованье для отбывания военных повинностей. Поэтому вряд ли показалось чем-либо чрезвычайным, что Балиан д'Ибелен, найдя в Иерусалиме после поражения при Гиттине всего только двух рыцарей, выбрал тотчас же из горожан 50 человек, способных нести военную службу, и посвятил их в рыцари. Но этому привилегированному гражданству не удалось в Палестине добиться коммунальной независимости, по примеру Италии или французских городов. Горожане (*burgenses*), как члены замкнутой корпорации, называются наряду со знатью и духовенством для Антиохии и Иерусалима уже в грамотах 1135—36 гг. Но такой корпорации не доставало полного самоуправления. Может быть, ради военных целей иерусалимские короли и бароны сосредоточивали всю высшую власть над городами в руках своих чиновников. Горожане находились обыкновенно под управлением виконта (вицеграфа), назначенного сеньёром города без участия горожан. Ему принадлежали в городе высшая гражданская и военная власти, он или его баальи председательствовал и в *Cour des bourgeois*. Такая «палата горожан» (*cour des bourgeois*), как высшее судебное и административное учреждение, состояла из 12 присяжных (*jures*) горожан, но опять-таки по назначению.

Торговля

Зато горожанам вполне открылось на Восток другое широкое поприще для деятельности—это левантская торговля, посредничество между Востоком и Западом. На берегах Палестины совершался теперь обмен произведений Европы и Азии. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марсея спускались обыкновенно со своими судами вдоль западного берега Италии до Мессины и после продолжительного отдыха держали путь далее на грече-

ские острова: Кандию, Родос, Кипр, откуда уже достигали сирийского берега у Тира и Аккона. С другой стороны, сюда же приводили караванные дороги Востока. Из Багдада шел торговый путь через Эфрат на Ракку и там разделялся на две ветви: одна вела через Алеппо к Антиохии и Лаодицее, другая—южная—кончалась у Тортозы и Триполиса. Город Алеппо был соединен караванным путем с Дамаском, откуда ходили караваны паломников в Мекку. Дамаску, как древнему центру восточной торговли, еще легче было питать рынок товаров на сирийском берегу: знаменитые затканые золотом материи и ковры работали на месте в самом городе, а пряности шли сюда из Индии. С Запада на берега Палестины привозились оружие, сукна, лошади, хлеб, а из Сирии грузились обратно фрукты, вина, сахар, хлопок, шелк, шерсть армянских овец и коз. Но особенно важна была для Европы закупка тех пряностей, ароматов и красок, родиной которых были отдаленные части Азии. Перечень левантских товаров свидетельствует, насколько широко разветвлялась левантская торговля и как глубоко проникала она уже на Восток.

Знаменитая амбра шла из Аравии. Арабы часто находили куски этого твердого, сероватого, подобного воску вещества, которое при нагревании испускало тонкий аромат. О ее происхождении ходило на Восток много басен—и не удивительно: амбра встречалась то в волнах моря, то на берегу, то среди скал, куда, может быть, заносили ее птицы, а иногда во внутренностях некоторых рыб, проглотивших ароматичные кусочки. В действительности, это было болезненное образование в теле одного китовидного кашалота. На Востоке из амбры делали четки, кресты, целые статуэтки. Бальзамом славился Египет. Здесь в саду, принадлежавшем султану, надрезывалась кора деревца, или обрывались листья, побеги, и собирался драгоценный сок. Этот лучший сорт бальзама раздавался султаном в подарок государям, вельможам и в госпитали; в продажу шел только остаток или то, что садовники выжимали из обрезков. Это ароматичное вещество употреблялось и как лекарство и для целей богослужения, наприм., в св. елее. Гвоздика, как лекарство и приправа, известна была еще со времен каролингов, но она всегда была в два—три раза дороже перца, потому что единственным местом, где росли гвоздичные деревья, были отдаленные Молуккские острова. Имбирь шел из Индии, а корица из Китая и с Цейлона. Лучший ладан добывался из древесной смолы на Кипре и в Малой Азии, а лучший мускус—в Тибете из сумчатой железы мускусного быка (самца кабарги). Мускатный орех доходил, может быть, с Зондских островов, ремень—из Китая сухим путем через пустыни центральной Азии, а перец—с Малабарского берега Индии и Цейлона; это была наиболее распространенная приправа: в Средние Века перцем оплачиваются иногда пошлины, но цена его была настолько высока, что низшим классам он оставался недоступным. Шафран и сахарный тростник встречались и в южной Европе, и в Палестине, но лучшие сорта все-таки доставлялись магометанскими купцами из Персии и Египта. На берегах Персидского залива открыт был и способ рафинировки сахара, а оттуда арабы распространили его на З. и на В. Вследствие своей дороговизны сахар употреблялся в Средние Века сначала более как лекарство при грудных болезнях, и только позднее пошли в торговлю фрукты в сахаре; впрочем в Византии уже во времена Комненов было в обычае пить воду с сахаром. Наконец, фимиа, ароматичный сок дерева *Boswellia*, ввозился тоже из Аравии, как и амбра. На ряду с ароматами и пряностями, Восток доставлял и другой москательный товар—краски и всякие смолы. Наприм., расте-

ние алоэ (Алое) произрастало главным образом на острове Сокотора; высушенный сок различных пород алоэ (сабур) употреблялся как лекарство или примешивался к некоторым краскам. Корень галанга, известный как лекарство и горячительная приправа, привозился из Китая и южной Азии. Индиго удачно разводилось ради краски близ Кабула и в Персии, а камфара доходила лишь из Китая, и может быть, с Суматры, где добывались самые хорошие сорта. Кошениль встречалась и в южной Европе, и в Греции, и в Армении на особом виде дуба; это насекомое давало фиолетовую краску. Точно также и марена разводилась как в Европе, так и на Востоке, наприм., в Грузии. Квасцы для крашения, золочения и дубления получались из Малой Азии, камедь—из Индо-Китая и Индии с Коромандельского берега: здесь на некоторых породах деревьев тысячами размножалась особая тля (*Coccus hassa*), протачивала кору ветвей и, смешиваясь с выступавшим на поверхность смолистым соком, придавала ему красный цвет; такая застывшая камедь шла на окраску и полировку. На приготовление лаков и как курево употреблялся и другой смолистый сок деревьев—мастика, добывавшаяся преимущественно на острове Хиосе. Красный сандал, дававший краску, средневековые путешественники находили на Коромандельском берегу, но арабы чаще всего говорят о том желтом и белом сандале (*Santalum album*), душистое дерево которого шло на курево; его можно было найти в обеих Индиях. Другое душистое дерево—дерево алоэ (*Aquilaria agallocha*)—было родом из Индо-Китая; в Китай и Индию оно ввозилось, как курево при богослужении, а в Европе шло на мелкие поделки, наприм., ящички и числилось в списке лекарств. К левантским товарам относили также драгоценные камни, жемчуг, кораллы, стекло, порцелан, слоновую кость, шелк, хлопок, ковры и восточные ткани. В Египте находили смарагды, в Персии—бирюзу, в Индии—сафиры и алмазы, на Цейлоне—топазы, рубины, гранаты, аметисты, в Персидском заливе и в проливе близ Цейлона—жемчуг. Родиной шелка считался Китай, но в эпоху крестовых походов тутовые деревья и шелковичные черви разводились и в Средней Азии, и в Персии, и в Сирии, и даже в Сицилии.

Левантская торговля не останавливалась на берегах Средиземного моря: из Северной Италии через Альпы товары Востока шли в города Германии: Регенсбург, Нюрнберг, Аугсбург, Ульм. В Венеции был громадный склад немецких купцов (*Fondaco dei Tedeschi*), куда стекались как произведения германской промышленности для вывоза, так и левантские дорогие товары. Для распространения восточных тканей и пряностей по Франции, итальянские купцы посещали не только ее южные гавани, но и многолюдную ярмарку в Шампани. Эта отрасль торговли была так важна для всех европейских народов, что никакие запрещения и ограничения со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь вообще находила предосудительными мирные сношения с магометанами, а доставку им боевых припасов—прямо таки преступлением. Тщетно однако издавали свои запрещения папы Александр III и Иннокентий III: Венеция, Генуя, Каталония попрежнему снабжали Египет военными материалами. В 1308 г., когда уже было поздно, папская курия запретила, наконец, всякую вообще торговлю с неверными; но никто не обратил на это внимания; эта мера не могла остановить даже позорной торговли рабами. Хотя, по законам Генуи, рабы-магометане с берегов Черного моря могли вывозиться в Египет только купцами—магометанами же, однако генуэзские судохозяева обходили закон, отдавая свои корабли в наймы восточным рабочим-промышленникам. Напротив, продажа маго-

метан на Запад в руки христиан была дозволена: рабы, проданные Кипчакской ордой татар или пленные сарацины из Сирии тысячами попадали на рынки Генуи и Венеции. Даже принимая крещение, эти несчастные не всегда получали свободу.

Монета

Разветвляясь по Европе и Азии, левантская торговля вела к развитию денежного хозяйства, обмена различных монетных единиц и вексельных оборотов, вызванных к жизни уже крестовыми походами. Ведь, каждый крестоносец брал с собой деньги в монете своей родины. До сих пор в Палестине находят из эпохи крестовых походов монеты Фландрии, Артуа, Беарна, Прованса, Кастилии, Арагонии и различных итальянских городов, затем монеты германских императоров и архиепископов Кёльна и Майнца, монеты английской чеканки и византийские типы, отчеканенные норманнами в Неаполе, Салерно и Беневенте. В Палестине крестоносцы нашли уже в обращении греческую и арабскую монету, а бароны вновь завоеванных феодалов вскоре стали чеканить свою собственную, по большей части медную и мелкую серебряную монету для обращения в стране. Впрочем, для крупных торговых оборотов, в особенности с Востоком, возникла особая золотая монета—*Byzantii sarracenati*, чеканившиеся в Акконе, Тире, Триполисе. На этом франкском золоте вычеканены были арабские надписи из корана с именами калифов и годов геджры. Чеканка «сарацинских византиев» составляла привилегию венецианцев. С Людовиком IX прибыл в Св. Землю папский легат—кардинал и епископ Тускулума Эдд де-Шатору; он нашел, что обращение в стране монеты с надписями из корана составляет оскорбление для христианства и идет вразрез с целями крестовых походов; поэтому он под страхом отлучения от церкви запретил их употребление. По его ходатайству, папа Иннокентий IV подтвердил это запрещение. Дабы торговые сношения с Востоком не терпели ущерба от недостатка подходящей монеты, венецианцы продолжали чеканить золото по арабским образцам и с надписями арабскими буквами, однако по своему содержанию эти надписи стали теперь христианскими: в середине монеты можно найти даже крест. Обилие сортов денег вело к развитию промысла менял и понятию денежного курса, т. е. пропорции, в какой обменивались различные сорта монеты. Для перевода в Палестину больших сумм денег стали употреблять векселя и тратты (т. е. переводы суммы денег, внесенной, наприм., банкиру в Генуе в одной монетной единице, на другого банкира в Палермо с уплатой в иной монете). Банкирскими операциями, связанными с крестовыми походами, занимались в больших размерах тамплеры. Когда сир де-Жуанвиль получил приказание взять у тамплеров сумму в 30 тысяч ливров, которой не хватало для выкупа Людовика Св., то он силой проник в сокровищницу магистра ордена и овладел заимообразно вкладами богатых паломников и крестоносцев, положенными туда на хранение. Но храмовники не только принимали вклады, но и давали займы: у них занимали Людовик VII и Генрих III Английский; но круглые суммы, проставленные в долговых росписках, наводят на мысль, что ссуды делались за процент, которые ради тайны приписывались к капиталу. Через посредство духовно-рыцарских орденов переводились в Палестину и пожертвования, собранные на Западе римской церковью в пользу крестоносцев.

Италийские колонии

Левантская торговля вызвала к существованию целую сеть европейских колоний на бе-

регах Сирии, Архипелага и Черного моря. И в торговле и в городской жизни Палестины видная роль выпала на долю генуэзцев, пизанцев и венецианцев. В 1097 г. генуэзцы на 12 галерах вошли в гавань св. Симеона и помогли своим флотом крестоносцам при осаде Антиохии; за эти услуги Боэмунд пожаловал им в городе 30 домов, церковь св. Иоанна, базар (фондако) и фонтан. Во время осады Иерусалима в 1099 г., предприимчивые генуэзцы были со своим флотом в Яффе и поддерживали оттуда крестоносцев; они же завоевали для короля Балдуина в 1101 г. город Арзуф и Цезарею, а в 1104 г. Аккон (С. Жан д'Акр). В награду генуэзцы получили в собственность третью долю каждого из этих городов с соответствующей частью подгородной области, кроме того, в Акконе одну треть с пошлин, собиравшихся в гавани, а в Иерусалиме и Яффе—особые кварталы и, наконец, право на одну четверть в каждом городе, который падет с их помощью. Генуэзцы потребовали у Балдуина позволения прибить в абсиде (нише) церкви Гроба Господня позади главного алтаря доску, на которой золотыми буквами вырезано было перечисление всех пожалований короля. Менее счастливы в приобретении колоний были пизанцы; зато венецианцы с течением времени оставили позади себя все другие итальянские города по умению извлекать торговые выгоды из помощи, оказываемой крестоносцам. В 1100 г. они пристали на 200 судов к гавани Яффа и заключили с Готфридом Бульонским договор, по которому блюститель Гроба Господня предоставлял им в каждом городе королевства церковь и место, удобное для рынка, и полную свободу от пошлин; кроме того, в каждом городе, который будет взят с их помощью в ближайшую компанию, они должны были получить треть в полную собственность; так возникла впоследствии их цветущая колония в Сидоне. В царствование Балдуина II за новую помощь против неверных Венеция добилась и новых льгот; по договору 1123 г., венецианцы в Иерусалиме получили квартал, равный владениям самого короля, а в каждом городе королевства вообще целую улицу, базарную площадь, церковь, баню и пекарню, полную свободу от всяких ввозных и вывозных пошлин и, наконец, в первых двух городах, которые будут завоеваны у неверных, им и на этот раз обещана была треть. Следующей весной пал Тир, и обещанная треть тотчас же была выдана венецианцам; правда, для защиты города они должны были доставлять воинов пропорционально своей трети. Укрепленное положение Тира давало Венеции большое преимущество перед ее соперниками—Генуей и Пизой. Торговые колонии итальянских горожан в береговых городах Сирии назывались официально коммунами, хотя колонисты и не имели независимого самоуправления. Дома, склады для товаров (*fondaco*), базарные площади, лавки, церковь и все, что вообще составляло коммуну, не принадлежало жившим в ней гражданам, а составляло общественную собственность их государства на Западе, т. е. Венеции, Пизы и Генуи, которые и предоставляли уголья колонии только во временное пользование за известную плату. Поэтому и высшие должностные лица в коммунах назначались метрополией. Первоначально эти чиновники назывались виконтами, впоследствии у генуэзцев и пизанцев консулами, а у венецианцев—бальи (*bajulos—bailo*). Еще позднее, над всеми колониями одной и той же области ставился обыкновенно только один консул или бальи, который и жил в главной коммуне. Венеция, наприм., назначала в Сирию одного главного бальи из знати, который жил в Акконе (*Bajulus Venetorum in Accon, in Tyro et in tota Siria* и т. п.); ему бывали уже подчинены бальи в Тире и консул в Бейруте. Исключительное положение таких коммун сказывалось преимущественно в судопроизводстве: члены коммуны по гражданским и мелким уго-

ловным делам не подлежали суду палаты горожан всего города, а своим собственным при-
сяжным, под председательством виконта коммуны. Но для италийских городов были важ-
ны не только их кварталы в приморских гаванях Сирии, но и те подгородные сельские об-
ласти, которые к ним примыкали. Эти земли распадались на отдельные хутора (casale), об-
рабатываемые крепостными сирийцами под наблюдением гастальдионов (приказчиков);
здесь разводились виноградники и плантации сахарного тростника. Венеции, наприм., в
половине XIII в. принадлежало вокруг Тира около 80 казалий. Коммуны-землевладельцы
представляли резкую противоположность окружающему чисто-феодальному строю обще-
ства XII в.

Смешанная культура

В Иерусалимском королевстве смешались не только племена, но и их языки и культу-
ры. Литература, костюм, образ жизни крестоносцев и колонистов Сирии носил отпечаток
взаимодействия Востока и Запада. Из Палестины эти заимствования и новшества быстро
заносились в Италию и Францию. Средневековый французский язык обогатился теперь
словами арабского происхождения. Наприм., в горной области на С.-В. от Триполиса дер-
жалась фанатичная магометанская секта, истреблявшая своих противников посредством
тайного убийства; членов ее звали курильщиками конопли (гашишин): отсюда пошло
французское слово assassin, как название для убийцы вообще. Фисташка и лимон среди
плодов, мусселин (от Мосула) и дама (от Дамаск) среди тканей, кафтан и бурнус среди
одежд вели свое происхождение из обиходной речи Востока. Одно заимствование оказало
впоследствии важное влияние на вооружение войска—это восточный арбалет. Еще в
1097 г. крестоносцы не знали его и бежали от турок, вооруженных арбалетами, а в 1139 г.
второй Латеранский собор грозил уже отлучением тем, кто будет употреблять это магоме-
танское оружие против христиан; очевидно, что одно время арбалет по необходимости был
дозволен, но только крестоносцам в их борьбе против неверных. Глубже, нежели внешние
заимствования, отразилось на личности колонистов то, что они пережили в эпоху кресто-
вых походов, и весь тот склад восточной жизни, природы и мысли, который окружал их изо
дня в день на новой родине. Грандиозные события подняли уровень исторической и геогра-
фической литературы. Первые исторические сведения записали сами участники крестовых
походов—провансалец Раймунд Агильский, Фульк Шартрский или наприм., какой-нибудь
норманский рыцарь из отряда Боэмунда Тарентского; такие записи живо передавали рели-
гиозное одушевление первых крестоносцев или, по крайней мере, точно изображали самые
события первого похода. Затем появились обширные исторические труды, которые сплета-
ли отдельные рассказы в одно художественное произведение. Таков был труд архиепископа
тирского Вильгельма. Вильгельм родился, вероятно, в Иерусалиме около 1130 г. Продол-
жительными научными занятиями на Западе он подготовил себя к духовной должности, но
в отличие от других хроникёров-клериков Вильгельм Тирский в совершенстве владел гре-
ческим и даже арабским языком и, кроме отцев церкви, хорошо знал античных латинских
поэтов, оратора Цицерона и историка Ливия. Чтение дало ему художественные образцы, а
сама жизнь—более широкие взгляды на события. Как лицо, близкое к королю Амальриху,
как воспитатель и (с 1174 г.) канцлер его сына Балдуина IV, Вильгельм Тирский бывал и
при дворе Византийского императора Мануила, и в Иерусалиме, и в Риме. Его литератур-

ные произведения были так же разнообразны, как и его деятельность. Во время управления папы Александра III ему поручено было изложить прения и постановления Латеранского собора 1197 г., в котором он сам принимал участие, а король Амальрих воодушевил его написать (не дошедшую до нас) историю магометанских государей с появления пророка и доставил ему нужные арабские источники. Рассказывая историю крестовых походов (*Historia Rerum in partibus transmarinis gestarum*), Вильгельм Тирский не обнаруживает ни особой ненависти к исламу, ни наивного увлечения воинскими подвигами, как хроникёры, участвовавшие в первом крестовом походе. В возникновении крестовых походов он видит непосредственное вмешательство Провидения в дела людей, но раз движение началось, оно, по изложению Вильгельма Тирского, повинуетя уже естественным законам причины и следствия, а победы и поражения часто объясняются человеческой доблестью и слабостью. Архиепископ любит Иерусалимское королевство, как свою родину, но в суждениях о его истории не увлекается иллюзиями энтузиастов, а произносит эти суждения по соображениям политики и военного искусства. Пребывание в колониях давало еще более географам: в трудах арабских и греческих ученых они находили теорию, а из уст магометанских и христианских паломников, купцов, миссионеров черпали живые рассказы об отдаленных окраинах Азии. Путешествия Рубрика и Марко Поло естественно вытекали из сношений с Востоком, установленных французскими королями и итальянскими коммунами во время крестовых походов. Под влиянием арабских переводов пробуждался здесь на Востоке интерес к греческим классикам, в особенности к Аристотелю и Птолемею.

Крестовые походы привели к последствиям, неожиданным для их руководителей: они подорвали те основные взгляды западного человечества, которые вызвали в конце XI в. самую борьбу с Востоком. Вместо вражды к исламу в пределах Иерусалимского королевства, установились мирные сношения с магометанами. Франки среди благословенной южной природы подпали обаянию утонченной и жизнерадостной арабской культуры, направленной к изучению и наслаждениям земной жизни и видимого мира. Географический горизонт расширился за пределы Средиземного моря. Узость воззрений римской церкви, отождествлявшей себя с церковью христианской вообще, становилась очевидной, когда крестоносец видел греко-православные храмы в Византии или богослужение древне-христианских сект в Сирии. Античной языческой культурой веяло на него и от архитектурных памятников, и от устной речи греческого населения, и из литературы арабов, усвоившей себе в переводах древне-классическую философию и науку. Даже смешение разнообразных племен в одном общем предприятии вместо обезличения человечества под мировой властью пап повело к сознанию своей национальности, а живая человеческая личность, освободившись от влияния и надзора среды, научалась предъявлять к жизни свои собственные требования. В Палестине зарождался тот процесс брожения, который к XIII в. охватил всю культурную массу Западной Европы и породил первые проблески Возрождения (Ренессанса, *Trecento*). В этом историческая заслуга сирийских колоний, основанных крестоносцами-купцами и рыцарями: оне вырабатывали новую закваску для европейских метрополий. Историческая жизнь дает, однако, в итоге не только новые идеи, но и новые типы людей для их осуществления: как раз эти восточные колонии и левантская торговля питали в течение столетий торговые и промышленные города Италии, граждане которых явились но-

сителями идей Возрождения.

II. Учреждения и право. Иерусалимские ассизы.

Состав Иерусалимского королевства

Рыцарство первого крестового похода, завоевавшее Палестину, передало вновь основанным государствам феодальный строй своей родины. Иерусалимское королевство в тесном смысле слова было только одной из бароний, основанных крестоносцами, и, даже как общее название для всех четырех государств, не столько господствовало над тремя другими (княжеством Антиохией, графствами Триполисом и Эдессой), сколько лишь верховенствовало между ними, как первое государство между равными. Иерусалимское королевство, в тесном смысле слова, составляло только южную часть владений крестоносцев—приблизительно от Аскалона, до Бейрута на севере. Князь Антиохийский, графы Триполиса и Эдессы по почету стояли ниже Иерусалимского короля, но они не были его вассалами и не несли никаких обязательных повинностей. Как барония, Иерусалимское королевство распалось внутри на составные части уже чисто феодального характера. Из городов, кроме Иерусалима, ему принадлежали Наблус, Аккон и Тир, которые вместе со многими местечками и селами составляли часть собственно королевского удела (доменов). Вся остальная территория королевства распадалась на 4 больших и несколько мелких бароний или сеньерий, которые в качестве наследственных ленов были в руках знатных семейств и зависели от Иерусалимского короля, как верховного сеньёра. Таковы были крупные баронии: 1) княжество Галилея с главным городом Тивериадой, 2) графства Яффа и Аскалон, 3) сеньерии Сидон (Сеэт) и 4) Керак (Монрояль). Каждая из этих бароний дробилась далее на лены, например, от графа Яффского зависел сир д'Ибелин, а от сеньёра Сидонского—Цезарея. Трудно сказать, как далеко могло идти такое раздробление; во всяком случае самый малый из ленов должен был давать достаточный доход для того, чтобы его феодальный собственник мог нести военную повинность в коннице. Позднее, на острове Кипре, куда перешли обычаи Иерусалима, Гвидо Лузиньян давал каждому рыцарю, поселявшемуся на острове по его приглашению, участок земли с доходом в 400 византиев. Крупные лены оценивались по числу вооруженных рыцарей, которых должны были их собственники ставить на службу сеньёру. Граф Яффы и Аскалона должен был ставить 100 рыцарей, т. е., значит, графство распадалось на 100 рыцарских ленов; из них 26-ю ленами граф владел непосредственно, как своим уделом, и нанимал 26 рыцарей, чтобы отбывать за них военную службу, а 74 лена он раздавал на ленных же условиях: среди его вассалов сир д'Ибелин держал, наприм., феода в 10 рыцарских ленов и ставил 10 всадников. Все 4 крупные баронии вместе ставили Иерусалимскому королю 340 рыцарей. Но кроме того, от него же зависели маленькие сеньерии, как Аккон, Тир, Бейрут, Монфор, и все эти сеньерии на средневековом феодальном языке можно было бы назвать барониями, так как в Палестине все они пользовались правом высшего суда (*haute justice*) и чеканки монеты. Те города, которые лежали в королевском уделе, тоже были притянуты к определенным, чисто феодальным повинностям. Наприм., Иерусалим ставил 41 рыцаря, главным же образом города ставили пехотинцев (сержантов). Со всей Иерусалимской баронии король набирал 5000 пехотинцев, тогда

как число рыцарей не превышало 600.

Престолонаследие

Власть Иерусалимского короля, первоначально избирательная, превратилась постепенно в наследственную. В памятниках из эпохи крестовых походов высказываются иногда взгляды баронов, что власть короля всегда покоилась на первоначальном выборе и была ограниченной по существу. Например, в продолжении хроники Вильгельма Тирского рассказаны переговоры сирийских баронов (от 1231 года) с послом императора Фридриха II Гогенштауфена, маршалом Рикардом Филанжером. Вождь баронов, Балиан Сидонский, говорит здесь, что королевство Иерусалимское не было завоевано, как иные государства, одним государем, который и мог бы считать себя неограниченным владыкой его судеб; нет, войско паломников, стекшееся со всех стран христианского мира, создало его под руководством самого Господа. Первый король-сеньёр был избран, ассизы и законы были составлены как в интересах короля, так и для охраны его ленников; торжественной клятвой король скрепил обещание добросовестно соблюдать ассизы; такую же присягу давали и все следующие короли, и император Фридрих II тоже принес ее. Таков был взгляд баронов. Готфрид Бульонский действительно видел в выборе баронами источник своей власти, а после его смерти норманская партия сделала даже попытку доставить корону Боэмунду Тарентскому и смотрела на Балдуина Эдесского только как на наследника Иерусалимской баронии, но отнюдь не как на наследника власти своего брата во всей ее совокупности. И на деле Балдуин I только через признание баронами стал королем-сеньёром над баронами Антиохии, Триполиса и Эдессы. Когда умер Балдуин I (1118 г.), то некоторые ленники требовали отсрочить выборы короля до прибытия его брата Эсташа де-Булонь, к которому должна была бы перейти по наследству, по крайней мере, барония. Но под влиянием духовенства право баронов на выбор короля одержало верх: церковь хотела, чтобы признак власти «Божьей милостью» (*Dei gratia*) видели не в наследственности престола, а в помазании короля на царствование патриархом Иерусалимским. Так был избран Балдуин II. Впоследствии, когда окончательно утвердилась наследственность королевского титула, этот переход власти к Балдуину II изображался иногда захватом (узурпацией). У Балдуина (ум. 1131 г.) осталась наследница Мелисенда, муж которой Фулькон Анжуйский и вступил за нее в права наследства. С этих пор выбор превратился просто в торжественный обряд, а к королевской власти стали прилагаться те обычаи наследования, которые были действительны для сеньерии Иерусалимской.

И на Востоке—у феодального короля Иерусалима были обычные должностные лица: сенешал, коннетабль, маршал и т. д., был свой феодальный двор (*la haute cour*), а в чрезвычайных случаях по почину короля и патриарха созывались особые «парламенты» (совещания), в которых принимали участие бароны, епископы, аббаты, чужеземные короли-крестоносцы и т. п. Но что же это были за ассизы, которым присягали иерусалимские короли, как основным законам государства? До нас они не дошли, и их приходится восстанавливать по тем частным записям, или трактатам юристов-феодалов, которые возникли или, по крайней мере, сохранились на острове Кипре. Гвидо Лузиньян, последний король иерусалимский, с согласия Ричарда Львиное сердце, перекупил этот остров у тампльеров; сюда, как живой обычай, перенесены были и ассизы Иерусалимского королевства из Аккона, где заседали феодальные палаты после утраты Св. Града. Вследствие этого, например, под

именем «Ассиз Верхней Палаты» (*Assises de la Haute Cour*), т. е. палаты ленников, известны главным образом трактаты юристов-феодалов Кипрского королевства XIII в. — Филиппа Наваррского и Жана д'Ибелина. Филипп Наваррский был упорным противником Фридриха II Гогенштауфена, а Жан д'Ибелин сопровождал Людовика IX в крестовом походе против Египта. Под именем «Ассиз Палаты буржуа» (*Assises de la Cour des bourgeois*), т. е. палаты горожан, сохранился на Кипре трактат неизвестного юриста, возникший, вероятно, еще до утраты Иерусалима на почве самой Палестины. Точно также до основания Кипрского королевства и в пределах самого королевства Иерусалимского возникла, вероятно, небольшая книга, посвященная ленному праву и известная под заглавием «*le Livre au Roi*»; в этой «книге короля» изложение сжато, и язык ближе к своду законов, чем к юридическому трактату. Таковы главные записи Иерусалимских ассиз. В конце крестовых походов в мае 1291 г. пал Аккон (*S. Jean d'Acre*), последнее владение христиан в Сирии; с тех пор предания Иерусалимского королевства держались еще только на острове Кипре, где более 300 лет правила династия Гвидо Лузиньяна. Эта традиция и дошла до нас в трудах кипрских юристов, найденных в Венеции¹. Что же разумели они под Иерусалимскими ассизами? Жан д'Ибелин рассказывает по этому поводу следующее предание.

Предание о «письмах Гроба Господня»

Князья и бароны, завоевавшие Иерусалимское королевство, избрали было королем и сеньером герцога Годфрида Бульонского, который, впрочем, не захотел носить золотого венца там, где Иисус Христос носил терновый, и попрежнему называл себя только герцогом. Желая, чтобы королевство имело хороший строй, а его население управлялось и судилось согласно справедливости и разуму, Годфрид, по совету патриарха, князей, баронов и наиболее мудрых лиц, какия только нашлись, избрал сведущих людей, дабы они путем разспросов узнали от уроженцев различных земель, собравшихся в Иерусалиме, обычаи их родины. Сведущие люди собрали эти сведения и записи представили герцогу Бульонскому. Тогда Годфрид опять собрал патриарха, князей, баронов и наиболее мудрых лиц, какия только нашлись, велел прочесть им все записанное, и, по их совету и с их одобрения, выбрал из записанных обычаев те, которые казались ему хорошими, и сделал их ассизами и обычаями, которых должно держаться, соблюдать их и пользоваться ими в Иерусалимском королевстве. Затем, Годфрид установил будто бы две светские палаты для суда — «Верхнюю Палату» (*la Haute Court*) из вассальных рыцарей и «Палату горожан» (*la Court de la Borgesie*) из лучших горожан. Во главе Верхней Палаты, где разбирались дела вассалов, стал в качестве правителя и судьи сам Годфрид; во главе «Палаты горожан», где разбирались дела остального населения, он поставил своим заместителем зависимаго человека (виконта). Все это было установлено с общего согласия сеньера, его вассалов и горожан. Для каждой из Палат были установлены свои особые ассизы и обычаи (отсюда понятие Ассиз Верхней Палаты и Ассиз Палаты буржуа). Будто бы впоследствии Годфрид и его преемники исправляли ассизы, с совета патриарха, баронов, высших ленников и самых мудрых людей государства, рыцарей, клериков и мирян. В таких случаях, обыкновенно при высадке нового отряда крестоносцев (новом *passage*), король собирал в городе Акконе (С. Жан д'Акр) патриарха и других советников и поручал разузнавать от сведущих людей, пришедших из различных частей света, обычаи этих стран и записывать их. Некоторые короли

1 В конце XV в. Кипр принадлежал Венеции.

посылали даже послов в иные государства, чтобы изучать тамошние обычаи. Будто бы все установленные в Иерусалимском королевстве ассизы, порядки и обычаи (*assises, usages et coutumes*) были записаны прописными буквами; при этом первая буква каждой ассизы была украшена золотом, а все заглавия расписаны алой краской. Так были написаны Ассизы Верхней Палаты и Ассизы Палаты буржуа; на каждой из хартий находилась печать и подпись короля, патриарха и виконта Иерусалимского; их называли «Письмами Гроба Господня». (*Lettres du S. Sepulcre*), потому что оне хранились у Гроба в обширном ковчеге. Когда для справки приходилось открывать этот ковчег, то при этом должны были присутствовать девять лиц: сам король или его заместитель (кто-либо из высших ленников), двое из ближних ленников (*hommes liges*), патриарх или его заместитель (приор Гроба Господня), два каноника, виконт Иерусалима и двое присяжных из Палаты буржуа.

Ассизы как позднейшие записи обычаев

Таково предание, которое передает Жан д'Ибелин в первых статьях своей книги. По этому первому определению кипрского юриста, ассизы—это западно-европейские кутюмы, записанные на выбор при Годфриде Бульонском и исправлявшиеся при его преемниках. Тот же Жан д'Ибелин приводит в другом месте коронационную присягу Иерусалимского короля. Как понимает ассизы эта королевская присяга? Король обращается с присягой к патриарху. Он обещается блюсти владения и вольности Св. церкви Иерусалимской, и ассизы королевства, короля Амальриха и короля Балдуина, его сына, и старые обычаи, и ассизы королевства Иерусалимского. Итак, здесь ассизы связаны уже с именами королей Амальриха и Балдуина IV. Действительно, в памятниках феодального права Иерусалима упоминается ряд ассиз, связанных с именами определенных королей: напр., ассиз Балдуина II в *le Livre au Roi* перечисляет проступки против ленной присяги (*fei mentie*), за которые сеньёр мог отобрать лен у вассала; или сам Жан д'Ибелин излагает ассизу короля Альмариха, по которой ленники ленников (*argiere—vassaux, вавассеры*) должны были принести присягу ближней зависимости (*ligue*) главному сеньёру королевства. Но имя Годфрида никогда не встречается в таком сочетании. Еще более противоречит себе Жан д'Ибелин в конце книги, где он как бы дает ответ на вопрос, чем же была «ассиза» его времени, в эпоху кипрских юристов? «В правление семи королей Иерусалимских», говорит он здесь: «которые все вместе процарствовали 86 лет (очевидно, Годфрида он не считает), были составлены и установлены ассизы, и до утраты Святой Земли ими пользовались так, как теперь (на Кипре) этого уже нельзя сделать: потому что мы знаем их довольно-таки слабо и все, что мы из них знаем, знаем по слухам или из обычая. И мы принимаем за ассизу обычай, который на наших глазах действовал, как ассиза, говоря, что, по слухам, ассиза именно такова». В другом месте это новое определение ассизы выражено еще яснее: «Во всех делах следует твердо держаться ассиз, а в случаях, где не ясно, какова ассиза, должно держаться обычая и давней практики. Поэтому, каждое соображение, свидетельство или решение (*esgart ou conoissance ou resort*), которое Палата ленников произнесет, как ассизу, должно и соблюдаться, как ассиза, потому что во многих случаях ассиза может быть выяснена только ссылкой на давнюю практику или на обычай палаты. Ассиза—это известная форма закона и должна соблюдаться и действительно соблюдается в Иерусалимском королевстве и в королевстве Кипрском лучше, чем законы, декреты и декреталии».

Если в частности и надо признать у Жана д'Ибелина противоречия с самим собой и

другими источниками по истории Иерусалимского королевства, то все-таки общее представление об ассизе и различных фазах ее существования—выдержано в его трактате. Вот итог этого изложения: Начиная с Годфрида Бульонского и при 7 Иерусалимских королях, кроме очередных заседаний Палаты ленников и буржуа, собираются чрезвычайные сеймы (парламент) из прелатов, вассалов, горожан и вырабатывают ассизы¹, которые записываются и хранятся у Гроба Господня. Но Палаты ленников и буржуа руководятся этими ассизами чаще всего по памяти, истолковывают их по усмотрению, дополняют по общему духу и из обычая. Так продолжает вырабатываться, несмотря на существование основных писанных законов (*Lettres du S. Sepulcre*), обычное право Иерусалима (*us est coustumes, jus consuetudinarium*), которое при новых сеймах может переходить в ассизы. Взятие Иерусалима Саладином в 1187 г. уничтожает писанное право, и ассизы с этих пор живут наравне с обычаями только в традициях феодальных и городских палат (в Акконе и Никозии на Кипре), в памяти выдающихся юристов из среды ленников и буржуа, в частных записях этих грамотных людей.

По отношению к Годфриду Бульонскому предание, приводимое Жаном д'Ибелином, не выдерживает критики: его приходится урезать. Кипрский юрист ведет от Годфрида чуть ли не все основные законы и учреждения Иерусалимского королевства, подобно тому, как весь строй Кипрского государства предание приписывало деятельности Гвидо Лузиньяна. Жан д'Ибелин предполагает с самого начала стройную феодальную организацию ленников и коммунальный строй городов. Этому представлено об Иерусалиме противоречит рассказ Вильгельма Тирского; по его словам, еще к концу царствования Балдуина I город был так скудно населен, что жителей едва хватало на защиту ворот, башен и стен. Сарацины или погибли при падении Иерусалима, или были изгнаны, а франков было так мало и так они были бедны, что едва могли заселить один квартал столицы. Нельзя преувеличивать и числа сирийцев, которых турки угнетали по городам и избивали при первом приближении христианского войска. В таком же положении были и другие города, а многие вовсе еще не были завоеваны. Правда, у того же Вильгельма Тирского в грамоте от 1100 г. рыцари (*milites*) уже противопоставляются горожанам (*burgenses*), и упоминается даже о виконте Верхней Палаты Буржуа, но все это только зачатки коммуны (*burgesia*). Итак, представление Ибелина о городских учреждениях Годфрида нужно сильно уменьшить: ассизы горожан, как они дошли, и те 37 палат буржуа по городам Иерусалимского королевства, о которых говорит предание, могли возникнуть только гораздо позже. То же самое нужно сказать и о Верхней Палате короля (*la Haute Cour*) и соответствующих ей 22 палатах в барониях других сеньёров. Какие-нибудь законы, обязательные для руководства, должны были существовать уже при Годфриде, но ведь для этого годились отечественные кутюмы. Иерусалимское писанное право, если оно вообще было на лицо, могло существовать только в зародыше скромного размера. Уголовное право, как оно изложено у Ибелина и др., во всяком случае не могло входить в ассизы Годфрида. Чем иначе объяснить, что при Балдуине II сейм в Наблусе (Неаполис в Самарии), созданный в 1120 г. королем и патриархом из баронов, епископов, аббатов и народа, нашел нужным издать в 25 главах постановления против безнравственности, воровства и разбоя? Вильгельм Тирский знал их в архивах церквей. *Le Livre au Roi* приводит еще другую ассизу (*etablissement*) первостепенной важности для

1 Впрочем, ассиза Альмариха постановлена только Верхней Палатой.

феодалного общества, но установленную только лишь при Балдуине II: в ней приведено 12 случаев нарушения ленной присяги (*ligese*), т. е. проступки, за которые конфискуется лен.

Деятельность «Письма Гроба Господня»

Но подвергая сомнению кодификацию ассиз при Годфриде Бульонском, нельзя отвергать существования самых *Lettres du S. Sepulcre*¹ (Писем Гроба Господня). О них говорит и другой кипрский юрист, предшественник Жана д'Ибелина, Филипп Наваррский, ни словом не упоминающий, впрочем, о законодательной деятельности Годфрида. Этот писатель приводит даже, откуда сам он почерпнул свои сведения о существовании «Писем Гроба Господня», — от людей, которые выдали «Письма» до 1187 г., т. е. до падения Иерусалима; но когда Саладин взял город, «Письма» погибли, «и никогда потом не было ни письменных ассиз, ни обычаев, ни кутюмов». От поколения юристов, помнившего битву при Гиттине, Филипп Наваррский в молодости получил вообще все свои сведения о Иерусалимском праве. В 1218 г. он участвовал в первой осаде Дамии Жаном де Бриэнн, как оруженосец сира Пьера Шап, и в свободное время читал ему в слух романы. Здесь его услышал однажды Рауль Тивериадский, сенешал королевства Иерусалимского, и похвалил, как он читает. Когда затем Рауль заболел, Пьер Шап посылал к нему Филиппа для чтения вслух. Это продолжалось более трех месяцев. Раулю обыкновенно не спалось, и он после чтения вслух начинал рассказывать Филиппу о делах Иерусалимского королевства, о его обычаях и ассизах и наказывал запоминать все это. Позднее кипрский юрист встречался в Бейруте, Акре и на Кипре со старым сиром Ибелином Бейрутским, которого приходилось уже расспрашивать, с Балианом Сидонским, Николаем Антиомом из среды горожан и др., но Рауль Тивериадский был главный авторитет в области права. Напр., про брата Гвидо Лузиньяна, Амальриха, впоследствии короля Кипрского (1194—1205), участвовавшего в битве при Гиттине в звании иерусалимского коннетабля, говорили, что он знал ассизы на-память лучше всех других людей, за исключением только Рауля. Король Амальрих не хотел оставаться в зависимости от толкования феодалного двора и думал было предпринять новую кодификацию ассиз, утраченных при падении Иерусалима; для этого он просил помощи у Рауля Тивериадского. По словам Филиппа Наваррского, король предложил Раулю пригласить к участию в кодификации еще 10 вассалов и уверял, что при их поддержке припомнит все ассизы. Рауль уклонился под предлогом, что не хочет работать сообща с каким-нибудь Раймундом Антиомом и тому подобными правоведами низкого происхождения, в действительности, он, вероятно, желал сохранить за Палатой ленников привилегию восстанавливать ассизы по памяти. Ученик Рауля — Филипп Наваррский написал свою книгу о Иерусалимских ассизах по просьбе друга-сеньера, но сделал это неохотно и всегда раскаивался. Итак, существование *Lettres du S. Sepulcre* засвидетельствовано надежной традицией, и Жан д'Ибелин ясно отличает их от описей феодалов и повинностей ленников (писцовые книги), которые хранились не у Гроба Господня, а в приказе королевской казны (*Secret du Roi*, а это — *Tresor* с балли во главе). Кому из иерусалимских королей принадлежала первая кодификация ассиз и обычаев, сказать трудно. Так как Балдуин II (ум. 1131 года) еще издает отдельные постановления о воровстве, разбое, конфискации ленов, а с именами Амальриха

1 Название *Lettres* могло возникнуть, когда у Св. Гроба хранились еще отдельные ассизы до свода их воедино.

и Балдуина IV опять связаны особые ассизы, которые в коронационной присяге противоплагаются «старым», свод воедино «старых ассиз» правдоподобно отнести к царствованию Фулькона Анжуйского и Балдуина III (1131—1162). Историкам же приходится восстанавливать феодальные порядки Иерусалимского королевства по кипрской традиции.

Общий характер ассиз

Первая половина книги Ибелина посвящена уголовному и гражданскому процессу, вторая — представляет собой цельный трактат ленного права. Эта часть заслуживает наибольшего внимания историка как по особенностям феодальных отношений на Востоке, так и по своеобразности их обработки в систему права. Нигде в Европе феодальный принцип не достигал такого крайнего развития, как в областях, завоеванных крестоносцами. Здесь, кроме привычки к феодальным учреждениям, вынесенной с Запада, были налицо все те внешние условия, которые обыкновенно обостряли эту систему: факт завоевания и раздела, подбор ополчений из наиболее предприимчивых, подвижных элементов Европы; постоянная борьба с сарацинами; слабость королевской власти, не освященной традицией; довольно независимое положение светских баронов вдали от честолюбивой Римской церкви. С другой стороны, феодальные учреждения все-таки не были здесь естественным произведением туземной почвы, а занесены сюда с Запада. Когда движение крестовых походов стало улегаться, и пестрая толпа крестоносцев начала складываться в организованное общество, тогда, именно вследствие разнообразия обычаев (кутюмов) в среде ополчений и необходимости считаться с особыми местными условиями Палестины, рыцарство должно было сознательно и с разбором (критически) отнестись к отношениям, ускользавшим на Западе от внимания вследствие давней привычки к ним. В связи с вдумчивым отношением к своим привычкам должно было явиться желание закрепить их (кодифицировать). На Западе обработка и свод ленных кутюмов производились чаще всего юристами, которые стояли уже на точке зрения королевской власти, вступившей в борьбу с феодалами. В этой теоретической борьбе с феодальным принципом легисты (законники) опирались на римское право, которое сообщало особую окраску их мышлению о людских отношениях и отучало понимать средневековую действительность так, как она сама себя понимала. Напротив, на Востоке (в особенности на Кипре) феодальный двор ленников взял верх над королем, и юристы-вассалы изучали *us* и *coutumes* и *assises* в тех видах, чтобы не дать возможности королевской власти разрастаться путем мелких правонарушений. Самые приемы мышления о феодальных отношениях и учреждениях вырабатывались здесь не на враждебном римском праве, а повторяли собой ход феодальной мысли, как она раскрывалась во время судебных прений перед Палатой ленников. Все, что мог дать организованный феодализм, предоставленный самому себе, он дал это на Востоке. Как будто ради всестороннего изучения этого начала историку в виде исключения дана была возможность произвести опыт и искусственно создать среду, особенно благоприятную для кристаллизации феодального общества.

Сердцем феодального общества в Сирии был не столько король, сколько его Палата, т. е. совокупность ленников. Палата хранила ассизы и обычаи в своей памяти, толковала их, а позднее стала даже источником закона, потому что, посл гибели «Писем Гроба Господня», обычаи, признаваемые Палатой за ассизы, были приравнены пропавшим «Письмам». Гарантией Палаты держались все пожалования в стране: раздачи ленов, производившиеся сеньёром без поручительства вассалов (*hommes liges*), имели силу только, пока сам он был

жив; напротив, лены, розданные за порукой Палаты, обязательно утверждались и его наследником. Трактат об ассизах горожан объявляет незаконным побор в $7\frac{1}{2}$ су за уклонение от очистки улиц только потому, что король Балдуин установил его без совета своих вассалов и своих горожан. Нечего говорить о том, что вся юрисдикция исходила от Палаты; ее свидетельство (*resort*) о факте дарения и владения заменяло собой письменную привилегию. Какие же средства были в руках отдельного вассала, чтобы принудить сеньера подчиниться приговору Палаты и какая гарантия у отдельного ленника против произвола этого всемогущего собрания?

Принудительные средства против сеньера

Если сеньер не исполняет решения или постановления Палаты, то есть три средства понудить его к тому (*destraindre le seignor*): 1) заклиная его честью и клятвой, которую он дал — блюсти ассизы; 2) созывая и заклиная своих пэров (т. е. других ленников того же сеньера) — понудить сеньера к соблюдению постановлений Палаты (*par semondre et conjurer ses pers*); 3) отказываясь от службы, к которой обязывал лен (*par lui gager de son service*). Прежде, однако, чем прибегнуть к одному из этих способов, надо сперва несколько раз повторить свое требование в присутствии двора (*reguerre*). К этим способам понуждения ленник может прибегать, если сеньер не платит ему ренты, составляющей лен, или удерживает часть земельного лена и т. п. Порядок принуждения был таков: ленник трижды требует удовлетворения перед Палатой; затем, берет себе советника из ее среды и дважды назначает сеньеру срок. Когда эти сроки пройдут, ленник приходит к нему и говорит: «я отказываюсь от службы, которую я должен вам за этот лен». Когда ленник откажется от службы (*gager le service*), он ждет год и день, не удовлетворит ли сеньер его требования, и не является ни на какие призывы сеньера. Затем, если сеньер все-таки не платит, тогда ленник может выбрать один из трех обычных путей — усовещивать сеньера, обратиться к помощи ленников или уже окончательно отказаться от службы, поступить куда-либо наемником, взять лен у другого сеньера и т. п. Закливание пэров (*esconjurement*) состоит в том, что обиженный созывает их и рассказывает все дело; все пэры тогда в свою очередь должны временно отказаться от феодальной службы (*gager le seignor*), пока сеньер не заплатит должного обиженному.

Какая же, с другой стороны, была гарантия у отдельного ленника против произвола всей Палаты? Он мог только объявить всю Палату «безчестной» (*fausser la cour*), но это средство было почти неисполнимо. Если ленник хочет обезчестить Палату и скажет, что ее суд или соображения, или сведения, или решение несправедливы или незаконны, тогда, чтобы доказать свое заявление, он должен выйти на поединок со всей Палатой и побеждать по очереди, одного за другим, всех ее членов, даже тех, кто не участвовал в разборе дела.

Ассизы короля Амальриха

Зависимость короля от своего феодального двора, который всегда мог прибегнуть к стачке (*gager le service*), чтобы настоять на своем, должна была вредно отзываться на обороне Иерусалимского королевства. Поэтому заслуживает внимания попытка короля Амальриха — оставаясь на почве феодальных отношений укрепить свою власть и создать себе особую военно-политическую силу из вавассеров, которую всегда можно было бы противопоставить Палате из ленников первой руки. Ассиза короля Амальриха составляет коренную

особенность феодального строя в Палестине. Поводом к изданию этой ассизы послужила война между Амальрихом и Жираром, сеньёром Сета (Сидона) и Бофора. Война возгорелась вследствие того, что Жирар лишил одного из своих вассалов лена без ведома и решения двора. По миру, заключенному между королем и сеньёром Сета, Жирар вернул своему вассалу лен и вознаградил его за все убытки. При этом случае феодальный двор, состоявший из короля, Жирара, всех баронов, высших вассалов и вообще всех тех ленников, от которых в свою очередь зависели вассалы второй руки (вавассеры), составил и установил новую ассизу. Ассиза гласила, чтобы все вавассеры королевства принесли присягу ближней зависимости (*ligese*) главному сеньёру (королю) за лены, которые они держали от его вассалов, и что если король хочет иметь присягу в верности от людей, живущих по городам, замкам, бургам, то пусть все они дадут ему присягу и несут в силу нея те же обязанности, которыми связаны вавассеры в силу присяги о ближней зависимости. Что же такое эта *ligese*? Описывая обряд, посредством которого устанавливалась вассальная зависимость (коленипреклонение, вложение рук в руки сеньёра, поцелуй в губы), Жан д'Ибелин различает два типа вассальной зависимости на Востоке: более обыкновенная (между вавассерами и вассалами первой руки) устанавливается посредством *hommage*, более тесная зависимость (*hommage lige, ligese*) допускалась в Иерусалимском королевстве только по отношению к главному сеньёру. Дело в том, что *hommage* можно было приносить нескольким сеньёрам, от которых вассал держал лены; надо было только при каждой новой присяге оговаривать свой первый *hommage* или *ligese* (*sauver son premier seigneur*), т. е. своему второму сеньёру вассал давал обещание помогать против всех, кроме своего первого сеньёра. Но присягу ближней зависимости (*ligese*) можно было на Востоке произносить только один раз, и поэтому вассалы и вавассеры (по ассизе Амальриха) давали ее главному сеньёру (королю): против него они никогда не должны были помогать вооруженной рукой. Ассиза Амальриха дала возможность королю опираться на вавассеров и даже на горожан против непокорных ленников первой руки. Если, напр., главный сеньёр призывает своего непосредственного вассала к участию в Верхней Палате, а тот не идет, тогда король может (опираясь на *hommage lige*) обратиться за содействием к вавассерам непокорного вассала. Эти *hommes liges* (вавассеры) должны явиться к своему непосредственному сеньёру и требовать, чтобы тот в течение сорока дней непременно явился к королю. Когда сорок дней прошли, тогда все вавассеры должны покинуть своего непосредственного сеньёра и идти к сеньёру верховному; при этом они, конечно, теряют свои лены и терпят убытки, за которые их должен вознаградить король. Но так как все феодальные повинности обоюдны, то, в силу той же ассизы, главный сеньёр должен оказывать поддержку вавассерам против их непосредственных сеньёров. Если кто-либо из непосредственных ленников короля наложит руку на личность или лен вавассера без постановления своего двора (палаты), или откажет ему в суде или исполнении приговора, тогда верховный сеньёр должен освободить неправильно заключенного или помочь ему вернуть лен. Вследствие ассизы Амальриха ленники второй руки, давшие главному сеньёру королевства присягу ближней зависимости, могли сидеть в Верхней Палате короля наравне с непосредственными вассалами его; ассиза эта объединяла между собой всех вавассеров, делала их «пэрами» друг для друга и связывала обязанностью взаимной поддержки против непосредственных сеньёров.

К особенностям феодализма в Палестине надо отнести и крайнее развитие денежных ле-

нов. Крестоносцы-рыцари не входили в подробности сельского хозяйства, а довольствовались только рентой от сирийцев и арабов, оставшихся на землях в качестве крепостных. Поэтому рыцари и своим вассалам отводили часто в лен не определенный участок земли, а известную часть ренты. Между ленниками и ленами с крепостным населением не устанавливалось никаких прочных отношений, и о патриархальном духе феодальной жизни здесь не могло быть и речи. С другой стороны, точное определение суммы, составлявшей денежный лен, давало вассалу право требовать недобор с сеньёра и грозить в противном случае отказом от службы.

Вообще феодальный строй, подававший часто поводы к внутренним раздорам, ослаблял Иерусалимское королевство и в значительной степени содействовал его падению. Но ведь первые крестоносцы, создавшие его, были убеждены, что само Провидение непосредственно ведет их к победам и торжеству, и не придавали цены соображениям мирской политики и тактики. И новый прилив рыцарей с Запада, и внимание палестинских баронов всегда устремлялись к Иерусалиму—по соображениям религии: там была главная святыня—Гроб Господень. Ленники не были даже обязаны служить сеньёру за пределами государства, хотя внутри границ их можно было задержать на действительной службе до году. А между тем, если бы какой-нибудь государственный человек или стратег отрешился от привязанности к Иерусалиму, как религиозному центру, ему стало бы ясно, что Гроб Господень надо было завоевывать на Эвфрате и в Мосуле, где было средоточие могущества сельджуков, а не на берегах Иордана. На Юге, в Египте, калифат Фатимидов был в упадке, и самые опасные границы христианских государств находились на Севере и на Востоке. Вполне разумно было стремление завоевать Сирийское побережье, дабы обеспечить сношения с Западом, но для укрепления границ следовало еще овладеть эмиратами Дамаском и Алеппо, захватить Гарран и Ракку и все переправы через Эвфрат. Но эпоха крестовых походов умела ценить только Иерусалим.

III. Духовно-рыцарские ордена. Процесс тамплеров.

Иоанниты

Идея крестовых походов всего цельнее воплотилась и долее всего держалась в духовно-рыцарских орденах. Жертвуя собой и своими деньгами ради борьбы с неверными, эти орден заняли исключительное положение и на Востоке и на Западе, сосредоточивши в своих руках крупные поземельные пожертвования щедрых благотворителей; в силу этого они наряду с итальянскими купцами стали посредниками между двумя культурами—Европы и Азии. Но мировая известность и политическое могущество отвлекали их от первоначальных скромных целей. Вернее других оставался преданно орден иоаннитов. Выросши из общины, посвятившей себя уходу за бедными и больными, в рыцарский союз для борьбы с неверными, он всегда продолжал развивать свою полезную деятельность в обоих направлениях и в Палестине, и на Родосе, и даже на Мальте, постепенно суживаясь и замирая. По противоположному пути пошел орден тамплеров: опираясь на поземельную собственность и на исключительные привилегии, дарованные церковью, он развился в независимую политическую силу, на которую с опасением и завистью стали глядеть и светские власти и ка-

толическое духовенство; могущество и стремление обособиться погубили тампльеров. Больше политического смысла и дальновидности обнаружил самый молодой из орденов—немецкий. Еще раньше, чем утрачены были христианами их последние владения на Востоке, рыцари немецкого ордена нашли за Вислой новое поприще для борьбы с неверными и сумели развитие политического влияния совместить с прежней культурно-религиозной целью.

Колыбелью ордена иоаннитов был странноприимный дом (госпис), основанный частным жертвователем в Иерусалиме. Не задолго до начала крестовых походов богатый горожанин Амальфи Панталеон Мауро основал госпис с приютом для купцов и паломников в Антиохии; затем, получив в дар от калифа Мостансер Билла участок земли в христианском квартале Иерусалима, он основал и здесь монастырь *S. Maria latina*, который должен был служить убежищем для купцов из Амальфи, ведущих в XI в. левантскую торговлю; рядом, возник позднее и женский монастырь *S. Maria Magdalena* с приютом для паломниц. Оба учреждения в Иерусалиме распространили вскоре свою благотворительность на всех римско-католиков, но они далеко не могли удовлетворять всех нуждавшихся в помощи с тех пор, как после завоевания Св. Града в 1099 г. усилился прилив паломников. И вот, девять знатных юношей с Гергардом во главе соединились в общину ради ухода за паломниками. Под охраной св. Иоанна Милостиваго, которого заместил впоследствии Иоанн Креститель, они поселились в госписе не далеко от монастырей Панталеона Мауро. Слухи о их самоотверженной деятельности проникли на Запад, и пожертвования стали сыпаться на них. В южной Франции они получили в дар земли еще в начале XII столетия. Но паломничество в пределах Палестины не было безопасно; община должна была расширить круг своих забот и стала с оружием в руках охранять пилигримов на пути от береговых пристаней к Св. Граду. Отсюда вырос мало-по-малу обет всех рыцарей Госпиталя—биться против неверных; образцом мог служить при этом только что возникший орден тампльеров. Так сложился целый духовно-рыцарский орден, первым магистром которого стал преемник Гергарда—Раймунд дю-Пюи. При Раймунде дан был и устав ордену, но подлинник хартии с папским утверждением погиб при падении Аккона в 1291 г., и в 1300 г. Бонифацию VIII пришлось еще раз подтвердить копию с утраченного документа. Раймунд, «бедный раб Христа и хранитель Госписа в Иерусалиме», требует, по этому уставу, обета непорочности, послушания и отречения от собственности ото всех, кто хочет посвятить себя служению бедным. Они должны довольствоваться водой и хлебом и ходить в самой простой одежде, так как, ведь, их господа-нищие, которым они должны служить, терпят от нужды и наготы, а рабу не подобает роскошествовать, когда господин бедствует. Мысль, что бедняки—господа для рыцарей¹, легла в основание всего учреждения. Она выражалась в целом ряде символических обрядов; наприм., когда братья, собиравшие пожертвования, возвращались домой, то они клали сборы в больничной палате перед своими «господами», т. е. призреваемыми. Призрением бедных и больных орден иоаннитов не пренебрегал и тогда, когда уже достиг богатства. Круг его деятельности с годами даже расширился, тщательность ухода усилилась. По правилам Раймунда дю-Пюи, больной, нуждавшийся в помощи Госпиталя, должен был сначала исповедаться перед духовником ордена и приобщиться; тогда ему отводили койку и снабжали всем нужным, как своего «господина».

Но в 1181 г. при Госпитале иоаннитов было уже четыре ученых врача, чтобы определять

1 Quai domini nostri pauperes

болезни и делать братьям ордена указания относительно приготовления лекарств. Собрания капитула ордена издают точные постановления о размерах коек для больных, о теплой одежде, пище и т. п. По обычаю, больным давали трижды в неделю свежую свинину и баранину, а кто был на диете, тому курицу. Каждая провинция ордена должна была доставлять в Госпиталь те произведения, которыми она особенно славилась; наприим., приор владений ордена во Франции посылал ежегодно в Иерусалим 100 кусков зеленого сукна на одеяла больным; приоры Пизы и Венеции доставляли крашеные бумажные ткани, а баллы Тивериады—сахар. Всю черную работу по уходу за больными несли не сами рыцари, а причисленные к ордену «служащие братья». Такая систематичность в благотворительности производила сильное впечатление на паломников, посещавших Св. Землю. Иоанн Вюрцбургский слышал, наприим., от служащей братии, что число призреваемых в Госпитале больных доходило до 2000; кроме того, Госпиталь раздавал милостыню как по домам бедняков, так и нищим, ходившим от дверей к дверям; наконец, иоанниты поддерживали своей помощью еще многих людей, живших в укреплениях и защищавших Св. Землю от сарацин.

Но с течением времени вся эта благотворительная деятельность стала падать исключительно на служащую братию и духовенство; напротив, сами рыцари превратились в привилегированный класс и чуждались обязанностей, противных, как им казалось, рыцарской чести. Это раздвоение в среде ордена вывело его на новую дорогу и существенно изменило общий его характер. Когда к обязанностям рыцаря Госпиталя прибавилась военная охрана паломников и борьба с неверными, тогда военное начало взяло в ордене верх, а монашеское отодвинулось на задний план. Особые клерики ордена приняли теперь на себя все заботы о богослужении: они стояли во главе церквей и часовен иоаннитов, отправляя требы среди населения принадлежавших ордену казалий, и, как полковые священники, шли все за рыцарями в битву. Стремление ордена обособиться от католического духовенства сказывалось в запрещении рыцарям исповедоваться у священника, не принадлежащего к клерикам иоаннитов. С другой стороны, к лицам, вновь поступавшим в орден, стали предъявлять требования более строгия и чисто рыцарския, наприим., родовитость. Обязанность предварительного пострижения превратилась в формальность, и молодая знать, воспитавшаяся в доме ордена, легко становилась иоаннитами, в особенности если выражала желание плыть за море на Восток для борьбы с неверными. Но с утратой Палестины и переездом магистра иоаннитов на Мальту эта забота о продолжении дела крестовых походов исчезает; сам орден перестает нуждаться на Западе в многочисленных воинах, и доступ в рыцари Иоанна Крестителя становится крайне затруднителен; наприим., приоры теряют право принимать новых членов, и оно остается привилегией магистра. Только в Испании, где продолжалась война с маврами, и на Востоке приоры могли попрежнему поставлять в новые рыцари столько воинов, сколько нужно было для поддержания боевой силы. Усиление военного начала отразилось и на одежде рыцарей. Только белый крест на груди рясы, установленный еще правилами Раймунда дю-Пюи, остался навсегда отличительным признаком иоаннитов; он сохранялся позднее и на красном кафтане и черном плаще, которые рыцари надевали в битву. Некоторые дорогие ткани и яркие цвета были запрещены иоаннитам, но им разрешался, наприим., черный, серый и коричневый камлот. Правила генерального капитула точно определяли, какое оружие, сколько лошадей и прислуги мог получить иоаннит, сообразно своему чину в ордене. Рыцарь обязан был содержать в исправности оружие, вы-

данное из арсеналов ордена, а старое сдавалось по счету каждый раз, когда он получал взамен новое. Впрочем, могущество иоаннитов за пределами Св. Земли покоилось не столько на самих рыцарях, сколько на группах лиц, стоявших под охраной ордена: это—так называемые донаты и «собратья» (*Confratres*). Донаты приносили ордену присягу на верность, не бросая мирской жизни; если же они принимали монашество, то легко становились полноправными иоаннитами. Под именем «собратьев» к ордену примыкали государи и высшая знать, жертвуя ему при этом земли или доходы. В некоторых отношениях они становились членами ордена, напр., исповедовались у орденского духовенства и погребались на кладбищах иоаннитов; глава ордена возлагал даже на них руки в знак торжественного принятия в лоно общины. Так как «собратья» помогали ордену пожертвованиями, то в такое отношение к иоаннитам могли становиться и женщины.

Владения иоаннитов

К концу крестовых походов орден иоаннитов владел на Востоке обширными угодьями на всем протяжении Сирии от гор Армении и до границ Египта, с вилланами и светскими рыцарями-ленниками, домами, лавками, мельницами, хлебными печами, банями и всякими доходными статьями. Кроме общежитий рыцарей в Иерусалиме, Акконе, Тире, Монте Пелегрино, близ Триполиса и Антиохии, орден владел зданиями почти во всех городах Палестины, употребляя их для благотворительных целей или сдавая внаймы. В общей системе хозяйства на орденских землях была та же, как и в казалиях баронов или итальянских коммун, т. е. иоанниты раздавали земли то на ленных условиях, то в аренду, преимущественно наследственную. Но ордену был чужд хищнический взгляд на свои угодья, обычный среди баронов за-морем. Иоанниты старались, напротив, найти равновесие между своими доходами и благосостоянием зависимых людей. Наравне с феодалами, орден владел и доходными статьями, и крепостными, и рабами; наприм., в 1160 г. король Балдуин подарил ордену 60 палаток, т. е. семейств бедуинов, а в Акконе иоанниты получали известную долю пошлин в гавани. Благодаря всем своим доходам, орден св. Иоанна стал крупной денежной силой своего времени и ссужал большими суммами баронов Палестины. В XIII в. в его распоряжении на Западе и Востоке насчитывали 19 тысяч земельных единиц (*manoirs*), а каждого мануара было достаточно, чтобы содержать вооруженного рыцаря¹. Своими пограничными казалиями орден пользовался не только для целей хозяйственных, но и для защиты пределов крестоносцев. В трех местах сосредоточены были хозяйственные и боевые силы иоаннитов: вдоль Египетской границы между Аскалоном и Хевроном, затем вокруг горы Фавора и Тивериадского озера на опасных пунктах восточной границы и на севере в области Триполиса и Антиохии. Во всех трех центрах орден воздвиг крепкие замки; таков был Кратум, или Курдский замок на Севере (*Castrum Curdorum*). Бревэ папы Александра IV от 1254 г. освободило от десятины все земли иоаннитов, лежавшие вокруг его замка, в виду громадных жертв, принесенных там орденом, и обещания держать и на будущее время 60 рыцарей в Курдском замке. Совершенно независимого положения добился орден для своих владений в княжестве Антиохийском. Для области Апамейской, доставшейся ему здесь в 1167 г., он получил право войны и мира и мог проводить свою собственную политику по отношению к магометанским государям. Перемирия, которых заключал здесь орден,

1 Статистические данные средневековых источников не надежны, но они дают общее представление современников о богатстве ордена.

считались обязательными для всего княжества, напротив, договоры князя Антиохии с неверными не имели такого же значения для иоаннитов. С согласия Боэмунда Антиохийского сеньёр Маргата уступил в 1186 г. ордену эту крепость с городом Валенией и окружающими их угодьями за определенную ренту, потому что ему самому не хватало ни денег, ни войска для защиты. Орден, в виду его общепольной деятельности, не обязан был отдавать князю обычную долю с добычи, которую рыцари отнимали здесь у сарацин. Договоры, заключавшиеся здесь иоаннитами с врагами-магометанами, должны были соблюдаться князьями Антиохии, напротив, для ордена в Маргате не были обязательны договоры князя, хотя тот и обещался испрашивать на них совета у рыцарей св. Иоанна. Чисто государственное верховенство ордена над этой областью выражалось и в том, что епископ Валенией с 1215 г. утверждался магистром ордена иоаннитов. В центре этой области на трехугольном плато высокой скалы в недоступном замке Маргате с его колоссальной башней было местопребывание магистра ордена.

Уже в 1211 г. паломник Вильбранд Ольденбургский любовался на эту громаду зданий; по его сведениям, гарнизон этой крепости доходил до тысячи человек, а в ее складах лежали запасы провианта на пять лет вперед. И все-таки султан Келаун овладел этой твердыней: его осадные машины по частям были подняты на высоты, а подкопы, подведенные с южной стороны, где плато соединялось с окрестными горами, разрушили здесь бастион и грозили падением главной башни. Гарнизон поспешил тогда сдаться (в мае 1285 года). Неудачная защита Триполиса в 1289 г. подорвала веру в будущность ордена, а с утратой последних христианских владений в Сирии началось его вековое разложение¹. Но эта попытка иоаннитов создать орден-государство не прошла бесследно и послужила примером для других подобных ему общин, напр., для немецкого ордена на берегах Вислы.

Немецкий орден

Хотя участие немецких рыцарей в завоевании Палестины и было незначительно, но зато паломники из Германии посещали в большом числе Св. Места. Поэтому один уроженец Германии, переселившийся совсем с своей женой в Иерусалим, еще при Балдуине основал здесь на свои средства странноприимный дом для паломников, а рядом построил часовню. Госпис стать разрастаться благодаря пожертвованиям; благочестивые люди шли туда в услужение. В сороковых годах XII столетия папа Целестин II подчинил это благотворительное учреждение магистру ордена иоаннитов, который назначал приора этой «слу-жащей братии» немецкого происхождения. Участие немецкого рыцарства во втором крестовом походе подняло было положение госписа, но катастрофа 1187 г. отозвалась на нем сильнее, чем на других уже окрепших орденах. Беглецы, потерявшие с падением Иерусалима все свои доходы, возобновили, однако, труды по уходу за больными в лагере под Акконом и на судах любекских и бременских купцов, приплывших в Сирию. Гвидо Лузиньян отвел место для нового госписа в Акконе, а брат императора Генриха VI, герцог Фридрих

1 В 1309 г. иоанниты завладели Родосом и под именем Родосских рыцарей бились с Османскими турками до 1522 г., когда остров пришлось сдать Сулейману II. Тогда Карл V предоставил ордену остров Мальту под условием продолжать борьбу с неверными. В 1798 году Наполеон Бонапарт взял Мальту, а Мальтийские рыцари выбрали себе вскоре гротмейстером русского императора Павла I. После его смерти орден управлялся только «наместниками» и продолжал свою благотворительную деятельность по уходу за больными и паломниками и в Иерусалиме и в Западной Европе. В 1879 г. папа Лев XIII возобновил сан гротмейстера Мальтийского ордена.

Швабский принял его под свое покровительство. Смелые планы Гогенштауфенов стали распространяться и на Восток; для их осуществления немецкий орден мог стать опорной точкой. Когда в 1197 г. германские князья появились в Палестине с Конрадом Майнцским, дабы подготовить почву для крестового похода самого императора, тогда немецкий госпис окончательно был расширен в духовно-рыцарский орден, по образцу италийского и французского: немецкие рыцари должны были ухаживать за больными, как иоанниты, и сражаться с неверными, как тамплеры. В их уставе, утвержденном Иннокентием III, смешались статуты обоих других орденов. Теперь сама собой пала и зависимость от иоаннитов. Во главе немецких рыцарей появляется вскоре в звании гротмейстера один из величайших государственных людей того времени—Германн ф. Зальца. Этот гротмейстер сумел жить в ладах с римской церковью, как иоанниты и храмовники, и в то же время тесно примкнул к Гогенштауфенам и их политике, враждебной папам. Тщетно возстали иоанниты против самостоятельности нового ордена, и безуспешно отрицали тамплеры его право на белый плащ с черным крестом¹. В 1229 г. Германн ф. Зальца стал воздвигать близ Аккона и особый замок для ордена—Монфор или Штаркенберг, а папа Григорий IX взывал ко всему христианскому миру о денежной помощи для «Новых Маккавеев». До 1271 г. Штаркенберг был местопребыванием магистра ордена: гарнизону пришлось, наконец, покинуть его вследствие тяжкого натиска султана Бибара.

Но ту военную организацию, систему хозяйства и культурные цели, которые немецкий орден выработал себе на Востоке, он перенес впоследствии и на берега Вислы. Язычников пруссов немецкие рыцари часто называли здесь сарацинами, а географические имена Палестины появились вблизи Балтийского моря. До сих пор в пределах Пруссии можно найти и Иерусалим (близ Кёнигсберга) и Эммаус (близ Данцига). В Палестине рядом с маршалом ордена ехал, бывало, со знаменем Туркопул², а начальник наемных войск, состоявших на службе у маршала, назывался Туркопулием; и вот еще в XV в. в областях прусского ордена был в ходу грубый «хлеб Туркопулов», выдававшийся прислуге. В войне с неверными орден и на берегах Вислы применял ту же систему, как крестоносцы в Сирии. Под защитой целого ополчения крестоносцев воздвигался прежде всего замок на высотах, господствовавших над обширной областью, намеченной для распространения христианства. Когда язычникам уже нанесен первый тяжелый удар, и крестоносцы разойдутся, в замке остается гарнизон, чтобы путем постоянной мелкой войны принудить жителей области подчиниться или выселиться. Тогда замок становился центром для колонизации управления. Таково было назначение Кульма, Мариенвердера, Кёнигсберга: они соответствовали Маргату и Монфору в Палестине. Та система хозяйства, которую немецкий орден применял и на Востоке, и на Севере, была заимствована у иоаннитов. Небольшая часть земель под садами (в Палестине под виноградниками и плантациями сахарного тростника) оставлялась обыкновенно в непосредственном управлении ордена. Пастбища сдавались на Востоке на съём бедуинам, платившим ренту скотом и кожами. Часть пашен обрабатывалась на средства ордена для удовлетворения его собственных потребностей, а все остальные поля снимались на аренду или общинами вилланов или отдельными свободными хозяевами. Рента за пашни

1 У тамплеров был белый плащ с красным крестом.

2 Туркопулами называли на Востоке легкую конницу из туземцев, сирийцев и магометан, в роде наших казаков. Первоначально это были дети греческих матерей и отцов из турок или арабов. Туркопулы хорошо знали местность и военные хитрости сарацин.

чаще всего уплачивалась курами, яйцами, сырами; кроме того, крестьяне орденских земель и в Палестине и в Пруссии обязаны были помогать при постройке замков и в случае вторжения неприятеля браться даже за оружие.

Возникновение ордена тампльеров

Иоанниты пережили другие ордена и послужили образцом при создании гуманных орденов и общин нового времени. Немецкий орден, правда, разложился, но его рыцари успели создать Пруссию, как светское государство. Одни только тампльеры трагично погибли в средние века и не оставили ни традиции, ни преемников. Между тем, одно время орден храмовников сиял могуществом и славой ярче своих собратьев. Его вызвали к жизни вскоре после основания Иерусалимского королевства те разбои, которые делали опасными всякие сообщения между Яффой и Св. Градом. Грабители, магометане и сирийцы, отваживались приближаться к самым воротам Иерусалима и здесь у цистерн подкарауливали франков, приходивших поить лошадей. Для борьбы с этими разбойниками бургундский рыцарь Гюго де Пэн (Rayns) соединился с уроженцем северной Франции Годефруа де С.-Омер; к ним примкнуло еще шесть других рыцарей, и основание для ордена тампльеров было заложено таким образом в 1119 г. Правда, ни устава, ни монастырского обета на первое время не было. Еще в 1123 г. сам руководитель общины называется мирянином, живет в браке и имеет сына. Но вскоре рыцари принесли иерусалимскому патриарху обет охранять безопасность дорог и провожать паломников на пути от берега к Св. Граду. Тогда Гюго де Пэн выбрал из устава св. Бенедикта несколько правил, которые стали обязательными для всех «бедных рыцарей Христа». Членам общины запрещены были роскошь в одежде, безцельные разговоры и смех, охота и т. п.; обеты целомудрия, бедности и послушания делали рыцарей отныне монахами. Король Балдуин предоставил в их распоряжение дом рядом с бывшей мечетью, которая, по преданию, стояла на месте храма Соломонова. Тогда братия Гюго де Пэна стала называться «бедным рыцарством Христа из храма Соломонова» или просто «храмовниками» (тампльерами). Это необычайное соединение рыцарства и монашества поражало современников, польза от трудов храмовников была для всех очевидна, и жертвования в пользу ордена стали стекаться со всех сторон. Орден тампльеров, в отличие от иоаннитов, уже при самом основании дал рыцарскому началу в своей среде перевес над монашеским и умел этим привлекать к себе полудиких феодалов, являвшихся на Востоке без глубокого понимания крестовых походов и искавших прежде всего приключений. Бернард Клервоский особенно ценил орден тампльеров за то, что он дал разумную и христианскую цель этой грубой силе, легко поддававшейся на Востоке всяким искушениям. По просьбе Гюго де Пэн этот великий аскет и мистик в особом труде «*De laude novae militiae*» («Хвала новому рыцарству!») обратил внимание христианского мира на новое рыцарство. Бернард Клервоский изображает, как в противоположность одичавшему светскому «феодальному рыцарству» эти рыцари-монахи живут в братской любви, смиренном послушании магистру и добровольной бедности. Храмовники обитают в палатах, лишенных всяких украшений; на стенах разве только панцири и оружие. Они не знают праздности: кто свободен от воинских обязанностей, тот чинит оружие и одежды. Ни болтовни, ни суетливости, ни громкого смеха, ни шушуканья и бормотания не допускается; волосы у них коротко обстрижены; шахматы и игральные кости в презрении, соколы и всякая охота запрещены, представления скоморохов избегаются. Люди, которые на Западе были безбожника-

ми и распутниками, разбойниками и клятвопреступниками, становятся полезными труженниками в лоне ордена тампльеров. Такова была характеристика новых рыцарей у св. Бернарда.

В январе 1128 г. Гюго де Пэн с пятью другими рыцарями появился на своей родине на провинциальном синоде в Труа, чтобы добиться для нового ордена освящения церковью. Здесь выработан полный устав ордена (первоначально чуть ли не на французском языке) в форме заповедей рыцарям от имени синода. Кроме того, прелаты, собравшиеся на синод в Труа, обратились с пастырским посланием ко всему светскому рыцарству, призывая его к подражанию и на поддержку новому возрождающемуся рыцарству духовному. Как и св. Бернард, синод в Труа призывает храмовников обращать на путь христианской деятельности рыцарей порочных, даже отлученных от церкви. Но новый устав точно определил, в какой мере и каким путем тампльеры имеют право допускать в свой орден людей, отлученных церковью за различные преступления¹. Виновный рыцарь (вероятно, уже заявивший себя какими-либо подвигами на службе ордену) должен был сначала сообщить о своем намерении епископу; если магистр и другие храмовники считают отлученного рыцаря вообще достойным войти в их среду, то епископ мог снять с него отлучение. Другия статьи устава определяли в духе первоначальных правил Гюго де Пэна образ жизни рыцарей, их одежду, общую дисциплину и права магистра, положение духовенства ордена тех рыцарей, которые служили храмовникам, не давая монашеского обета, и всей «служащей братии». Устав этот должен был идти на утверждение папы Гонория II, но, кажется, он никогда не получил формального освящения Римской курии. По крайней мере, устав не считался чем-либо неизменным, уже его последняя статья ставила grosmeyster'a выше буквы закона, а впоследствии, с согласия здравомыслящей части капитула, магистр прямо таки мог изменять обычаи ордена. Отсутствие устава, утвержденного папами, дало тампльерам возможность уклоняться от первоначально намеченных целей и всю внутреннюю жизнь ордена приспособлять к новым широким условиям деятельности, которые открылись ему вместе с богатством и могуществом.

Возвышение тампльеров

На родине Гюго де Пэна в Шампанье тампльеры впервые приобрели обширную земельную собственность, благодаря щедрости Тибо IV (с 1125 г.); город Провен (Provins), известный своими многолюдными ярмарками, стал центром здешних владений ордена. Связи Годефруа де С.-Омер в области Нижней Лотарингии открыли ордену доступ в Артуа и Фландрию. Граф Дитрих Фландрский уже в сентябре 1128 г., когда у него гостили Гюго де Пэн и Годефруа де С.-Омер, подарил ордену Relief de Flandre, т. е. побор, который должен был уплачиваться храмовникам каждый раз, когда лен переходил по наследству не по прямой линии. Раймунд Беренгарий III, граф Барцелоны и маркграф Прованса, своими пожертвованиями укрепил положение ордена в южной Франции и за Пиринеями, где в нем нуждались для борьбы с маврами. В эту эпоху молодое Португальское государство расходовало свои силы всецело на борьбу с неверными и предоставило храмовникам область между Коимброй и Лейрой, которую они должны были еще защищать против сарацин. Совершенно как в Палестине, орден строил здесь крепости и привлекал колонистов. Первые церковныя привилегии ордена рассчитаны были тоже на Пиринейский полуостров: церкви

1 Вообще же сношения с отлученными навлекали в средние века отлучение на мирян.

в тех областях, которые храмовники отнимали у мавров, становились независимыми от епископской власти. Миряне из всех классов населения примыкали здесь к ордену под именем «домочадцев» (*familiares*) и становились почти в вассальную зависимость от него, чтобы только пользоваться охраной рыцарей. Графство Тулузское, Иль-де-Франс, Бретань, Нормандия и т. д. стали тоже поприщем для мирных завоеваний ордена. В Англии храмовники утвердились в Лондоне, в Италии — на Авентине. Но первые пожертвования в пределах Франции, напим., при Людовике VII, состояли исключительно из доходов и не уделяли еще ордену никакой государственной власти над землями, принесенными в дар. Число рыцарей возросло не так быстро, как площадь их поземельных владений. Орден принимал новых членов в свою среду с большой разборчивостью и требовал от них непременно знатности. Для борьбы с неверными он держал на жаловании наемных рыцарей и экюйэ, служивших под началом рыцарей храмовников. Заботы по управлению имениями заставили, наконец, тампльеров допустить в орден и более низменные слои общества, но лишь на положении «служащих братьев», сервиентов, т. е. членов ордена с уменьшенными правами. Из этой «служашей братии» набиралось впоследствии и войско ордена. Число должностных лиц тоже возросло: кроме гросмейстера, маршала и сенешала ордена, было много магистров и прокураторов во главе областных капитулов. В силу буллы Александра III, все провинциальные дома ордена были подчинены «Тамплю» (рыцарскому дому) в Иерусалиме.

Соревнуясь с светскими князьями, и папы осыпали храмовников своими щедротами. Повинуясь булле Целестина II (от 1144 г.), прелаты должны были увещевать свою паству собирать пожертвования в пользу храмовников, и жертвователям отпускалась за это $\frac{1}{7}$ церковных пеней, наложенных на них за год. Епископы и священники были недовольны сборами таких пожертвований, истощавших кошельки и щедрость паствы в ущерб ей непосредственным пастырям. Но в глазах верующих половины XII в. орден храмовников вполне заслуживал таких исключительных милостей: в них видели еще «атлетов Христа», «Новых Маккавеев»; ученый друг папы Александра III, Иоанн Салисберийский называл их «единственными людьми, ведшими справедливую войну». Папа Евгений III (1145—53) даровал им красный крест на их белая одежды: это был обычный символ борцов за церковь. Вскоре за пожертвованиями последовали политические права и внутреннее самоуправление. Прокураторы, которых орден держал при Римской курии в качестве политических агентов (*Procurator in Curia Romana*), заботились при восшествии на престол нового папы о расширении прав храмовников и утверждении их старых привилегий. Так возник целый ряд папских грамот. Оне даровали ордену право приобретать или строить вновь церкви и основывать кладбища, а главное, независимость и обеспеченность от интердикта. Если тампльеры, собиравшие подаяние, приходили к церкви, подвергшейся интердикту¹, то, по привилегии папы Евгения III, церковь открывалась в честь ордена и отлученные допускались к участию в богослужении; в течение года такое нарушение интердикта допускалось дважды. Понятно, что в таких случаях на храмовников щедро сыпались подаяния. Уже Евгений III позволил тампльерам завести свои собственные кладбища для погребения членов ордена, но затем это право было распространено и на сервиентов, на зависимых людей ордена и вообще на всех, оказавших ему какую-либо услугу. Благочестивые люди из всех сословий добивались чести быть похороненными на кладбищах ордена и за это оговаривали в

1 Запрещение богослужения.

своих завещаниях вклады в пользу его церквей. Вообще Римская курия стала рано распространять на все классы зависимых от ордена людей права и привилегии, касавшиеся, бывало, только рыцарей храма. По булле Александра III от 1160 г., архиепископы и епископы не смели ни привлекать к суду, ни облагать штрафами людей ордена, провинившихся в чем-либо. Папы поддерживали и обычай храмовников не допускать раз принятого в орден рыцаря до перехода в другие корпорации, ни даже в общину Бернарда Клервоского. Право ордена давать убежище людям и их имуществу было иногда неудобно и для светских вельмож. Собственность тампльеров, напим., хлеб, платье и весь скот, отмеченный выжженными крестами, находилась под особой охраной Римской курии.

Булла Александра III

Все права и привилегии, дарованные ордену папами, были, наконец, собраны воедино и подтверждены буллой Александра III от 1163 г., которая по первым словам называется *Omne datum optimum*; для ордена она была своего рода Великой Хартией вольностей. Эта булла призывала тампльеров на защиту церкви в такое время, когда ей угрожали не только неверные, но и светская власть императоров из дома Гогенштауфенов. Как защитники церкви, они должны и жить на счет церковных имуществ, а потому вся движимая и недвижимая собственность ордена освобождалась от десятины в пользу церкви; напротив, десятины, которые собирал орден, утверждались за ним. Папа пытался опереться на орден, как на любимое детище католической церкви, и старался обезпечить его против всякого влияния светских властей и епископов. В магистры всего ордена мог быть избран только храмовник и притом непременно лишь своими товарищами-рыцарями. Законы и обычаи, установленные магистром с совета капитула, не могли быть изменены никакой другой властью, стоящей вне ордена. Наконец, тампльерам запрещалось приносить кому-либо ленную присягу или клятву на верность. Дабы освободить излюбленный орден от давления прелатов, папа Александр III создает своей буллой особых орденских священнослужителей. Право строить себе собственные церкви и основывать кладбища распространяется на все владения тампльеров без исключения. Первоначально такие церкви ордена не были изъяты из под ведения епископов, которые и ставили туда священников. Напротив, булла 1163 г. дала ордену право принимать в свою среду клериков и священников, откуда бы они ни приходили, если только сами рыцари были убеждены в законности их посвящения. Предварительное согласие местных епископов испрашивалось, но оно перестало быть обязательным. Эти орденские священники вели тот же образ жизни, как и рыцари, носили такую же одежду, правда, застегнутую до верху, и обязаны были безусловно повиноваться магистру, но они все-таки не были полноправными членами ордена и не имели голоса в капитуле. Хотя храмовники в случае необходимости могли исповедоваться и причащаться и у чужих священников, вне орденского духовенства, но зато священники-тампльеры совершали требы не только для рыцарей, но и для всех людей, зависимых от ордена. Сам папа становился как бы единственным епископом тампльеров. Булла *Omne datum optimum* обособляла орден почти в независимую церковь. Современное духовенство с тем большим неудовольствием смотрело на эту новую привилегию, что тампльеры оставались для него все-таки по имуществу мирянами, а между тем могли они теперь повелевать своими клериками. Злоупотребление новыми привилегиями переполнило чашу терпения епархиального духовенства, и на Латеранском соборе 1179 г. ордену пришлось выдержать целую бурю нападков;

несмотря на сопротивление рыцарей, собор принял ряд мероприятий против самовольного расширения и без того чудовищных прав ордена.

Управление ордена

Пожертвования и привилегии XII в. определили положение храмовников в следующем столетии. Двадцать пять лет, которые отделяли год буллы Александра III от времени Саладина и утраты Иерусалима, дали возможность ордену выработать внутренний строй в соответствии с своим новым могуществом. Центр тяжести ордена все еще лежал в Палестине. Отсюда управлял магистр всех храмовников, здесь были их сенешал и маршал. Но у Иерусалимского королевства, как одной из провинций ордена, был свой особый комтур, зависимый от магистра. С десятью рыцарями комтур поддерживал традиции первых храмовников и проводил паломников, снабжая их лошадьми и провизией. Такими же провинциями ордена были еще Триполис, Антиохия, Франция, Англия, Пуату, Арагония, Португалия, Апулия и Венгрия; у каждой был свой комтур (или магистр провинции), который для местных храмовников заменял магистра всего ордена и утрачивал свою власть, как только являлся в его область сам глава рыцарей. При магистрах провинций, или комтурах, были те же должностные лица, как и при главном магистре. Из «служашей братии» набирались менее важные должностные лица, наприм., знаменосец, наблюдавший за оруженосцами, комтур гавани в Акконе, глава кухни, глава кузнецов и т. п. Богатство ордена казалось современникам необычайным, но определить его теперь можно только приблизительно. В 1191 г. храмовники были в состоянии купить у Ричарда Львиное Сердце остров Кипр за сто тысяч византиев (по количеству содержащего золота эта сумма равняется 950,000 франков, а сравнительно с покупательной силой того времени может быть даже 8 милл. франков); при этом 40 тысяч византиев были уплачены тотчас же. Хроникер Матвей Парижский определял количество земельных угодий ордена в 9,000 мануаров; число это с 1291 г. по 1307 г. возросло до 10,500, несмотря на утрату владений в Сирии.

Однако, ордену далеко не во всех провинциях удалось достичь политической самостоятельности. Так, в Португалии тамплеры попали прямо-таки в зависимость от королей, напротив, во Франции во многих областях к ним перешли чисто государственные права. В Португалии все рыцари ордена были ленниками короля (вопреки булле Александра III) и исключительно португальцы по происхождению; выбор магистра производился лишь с разрешения монарха, равно как и отсылка денег в главный госпис в Иерусалиме; новый магистр должен был приносить присягу на верность королю и его наследнику. Но во Франции вслед за доходами с земель, пожертвованных ордену, переходили к храмовникам и сеньеральные права. Ссылаясь на буллу Александра III, запрещавшую тамплерам становиться в ленную зависимость, рыцари превращали принесенные им в дар лены в безвозвратное владение (*main morte*). С другой стороны, феодальные вельможи, жертвуя земли ордену, выговаривали себе обыкновенно лишь высшую юрисдикцию или же в других случаях право суда, и судебные пошлины и пени делились между территориальным сюзереном и рыцарями. Даже сам французский король шел на такое размежевание: в 1279 году Филипп III покончил свои распри с парижскими тамплерами любовной сделкой. Право суда над домами, улицами и доходами ордена внутри Парижа осталось за королем; напротив, в своих владениях за стенами города (здесь лежал главный Тампль, служивший сокровищницей и крепостью) рыцари творили суд и расправу по всем делам; король не мог со-

бирать с этих владений ни *taille*, ни поборов на содержание стражи.

Обособленность ордена

Внешнее могущество ордена продолжало расти в XIII в., но нравственное значение и уважение к нему в обществе поколебались. Неудачи христиан в Св. Земле ставились на Западе в связь с своекорыстной политикой тампльеров: уже двусмысленное поведение рыцарей под Дамаском в 1148 г. набросило на них подозрение в прямой измене. Первоначальные цели ордена раньше всего пришли в забвение среди его членов, и вместе с погоней за богатством и властью закралась туда и симония. Булла Иннокентия III от 1213 г. предписывала патриарху следить, чтобы орден не брал никаких поборов со вновь принимаемых в рыцари Храма. Рано появились слухи и о ереси в среде ордена. Обряды, противные не только учению католической церкви, но и христианству вообще, могли зародиться среди тампльеров только благодаря тому, что римская курия мирволила своему излюбленному ордену и дала ему возможность обособиться от церкви и мира и замкнуться в своей эгоистичной независимости. Постепенно утвердилось правило, что храмовники вовсе не имеют права исповедоваться у каких-либо других священников, вне своего орденского духовенства. Это расширение привилегии Александра III дало ордену возможность щадить некоторые порочные наклонности и суеверия своих членов, близкие к ереси. К тому же, храмовники были изъяты из под обыденной церковной юрисдикции: они не могли быть отлучены от церкви местными епископами, даже патриарх иерусалимский не мог налагать на них кары (по булле папы Гонория III от 1217 г.). Только папа был еще для ордена «епископом». Но отдельные рыцари начинали уже заявлять требования на безусловную свободу даже перед лицом самого епископа-папы и колебать власть римского первосвященника, призвавшую орден к независимости и господству. Во время правления Урбана IV (1261—64) маршал ордена Этьен де-Сисси совершил преступление, неизвестное нам по существу, но побудившее папу вмешаться в дела тампльеров, отлучить маршала и потребовать его удаления в послании на имя магистра Фомы Берара. Письмо Климента IV на имя того же магистра тампльеров свидетельствует, что орден не торопился исполнить повеления папы. Климент IV высказывает магистру свое изумление, что Этьен де-Сисси попрежнему числится маршалом и даже был послан со своей должностной печатью в Рим. Здесь он явился к папе. Когда Климент IV потребовал, чтобы маршал сложил с себя звание и выдал печать, то Этьен де-Сисси отказался повиноваться и дерзко заявил, что печать возвратит он только тому, от кого ее получил, и называл вообще неслыханным такое вмешательство папы в дела ордена. В письме к магистру Фоме Берару Климент IV напоминает храмовникам свою власть вязать и разрешать и все благодеяния римской курии относительно ордена: ведь, если папы лишат рыцарей своего покровительства, то им не удержаться против натиска епископов и нападений светских князей. Тем более не должны они бросать Риму вызов своей заносчивостью; ибо папа и церковь только из снисхождения терпели до сих пор многое такое в среде ордена, чего нельзя будет Клименту IV терпеть долее, не отягощая своей совести, раз он сам подымет речь об этих заблуждениях, вызванный на то неповиновением храмовников. Но и на этот раз Климент IV не хотел прибегать к суровости; он готов был даже снять с Этьена де-Сисси отлучение, произнесенное Урбаном IV, и ждать, пока магистр сам наложит на него кару. Что же это были за заблуждения ордена, разследованием которых грозил Климент IV?

Уклонения от христианства

По учению римской церкви, от неповиновения папе, наместнику Христа, был как бы один шаг и до отречения от Иисуса. Таков и был в действительности путь ордена к ереси. Дорожка своей безусловной независимостью, храмовники, преимущественно во Франции, стали требовать от вновь поступающих членов в доказательство их полного повиновения ордену двух кощунственных обрядов: отречения от Иисуса Христа и осквернения его креста плеванием¹; но требования эти предъявлялись не всегда, и самое кощунство служило только порукой в том, что новый храмовник и телом и душой будет принадлежать ордену. Многие вновь поступающие с ужасом узнавали в последнюю минуту посвящения тайну французского ордена, растерявшись или уступая насилию, произносили отречение и затем всю жизнь мучились сознанием своего греха. Другие принимали весь обряд за пустую внешность, а некоторые под покровом отречения давали волю своим суевериям или тем еретическим учениям, которые они усвоили раньше. Не придавая этому кощунству никакого догматического значения, руководители тампльеров дали, однако, повод отдельным братьям и целым общинам ордена свободнее относиться к учению церкви, нежели это было в обычае. Не понимая богослужения на латинском языке, не имея ни права, ни возможности читать латинскую Библию, храмовники, в особенности «служащие братья», вышедшие из низших классов народа, легко поддавались под влияние народных суеверий и еретических учений, распространенных на Востоке и в южной Франции. С другой стороны, более развитые рыцари пользовались независимостью ордена, чтобы вопреки запрещению церкви удовлетворять свою религиозную любознательность изучением Библии в пересказах на народный язык. Во время следствия над тампльерами в Провансе в 1308 г. в главном доме рыцарей в Арле найдена была книжка с толкованиями на Библию (*Liber interpretationis super libris Bibliae*). Может быть, книга эта служила для чтения во время трапезы рыцарей. Среди рукописей Парижской Национальной библиотеки есть пергамент из 248 листов, исписанный в два столбца на французском языке. По содержанию, это — переложение пяти книг Моисея, книги Иисуса Навина, книг Судей, Царей и Маккавеев, Товии и Юдифи. Книге Судей предпослан пролог в французских стихах, объясняющий повод и цель автора работы. Перевод книги Судей сделан, как оказывается, по поручению «магистра Рихарда» и «брата Оттона», членов «достопочтенного Общества», «Святого Братства». Они побудили автора перевести книгу Судей, дабы их товарищи черпали оттуда примеры гордого рыцарства. Так как автор превозносит затем орден Рихарда и Оттона за его готовность жертвовать жизнью для защиты веры, называет его избранным рыцарством Господа, крест которого они носят на себе, а *charite et humilite* считает главными добродетелями этого ордена, то речь идет здесь, конечно, о французских тампльерах². На полях Библии тампльеров попадаются толкования, а к книгам Моисея и Иисуса Навина приложены введения. Хотя в них и нет прямо-таки еретических учений, но истолкование библейских событий поражает свободным, разсудочным отношением к букве Закона. Толкователь, напр., настаивает на том, что Бог создал весь мир видимый и невидимый сразу, а если книга Бытия говорит о днях творения, то тут надо понимать только постепенное размещение существ и приведение в порядок того, что уже было создано. И самый перевод Библии для рыцарей и эти толкова-

1 Такое объяснение давал кощунственным образом grosмейстер Яков Молэ.

2 Среди магистров тампльеров был Рихард де-Бюр (de-Bures) (1256—57), но магистрами называли и номтуров как провинций, так и отдельных домов ордена.

ния шли в разрез с общим духом католической церкви XIII в. Между тем число тампльеров вместе со всей служащей братией и зависимыми людьми ордена было так значительно, что кощунственные обряды и свободное отношение к требованиям церкви не могли оставаться тайной. Если папы решили смотреть сквозь пальцы на порядки среди храмовников, то, ведь, была еще королевская власть, которая могла вместе с инквизицией взять во Франции в свои руки изобличение ордена. Филипп IV Красивый, сидевший на французском престоле с конца XIII в., имел в прошедшем пример истребления еретиков: это—крестовый поход против альбигойцев при Филиппе Августе.

Филипп Красивый и орден

Как носитель монархического начала, Филипп Красивый всегда был рад усилить обаяние королевской власти или ограничить государственные права какой-либо монашеской общины. Но он не был безусловным врагом тампльеров. Еще его предшественник, Филипп III Отважный (1271—85) издал ордонанс «*Ecclesiarum utilitati*», запрещающий духовным корпорациям и орденам приобретать лены, но относительно тампльеров ордонанс не был приведен в исполнение. Тотчас после восшествия на престол Филипп IV решил, было, осуществить волю предшественника и положить конец переходу ленов в «мертвую руку» ордена храмовников. В силу этого король наложил секвестр на все земли, приобретенные тампльерами за последние тридцать лет, и приказал чиновникам взять их в свое управление. Но это первое столкновение между привилегированным орденом и королевской властью окончилось мирно. Указом от 1292 г. король отложил до другого времени исследование вопроса о правах храмовников на секвестрованные лены и вернул их ордену за порукой казначея парижского Тампля. Может быть, уступчивость Филиппа IV в конце XIII ст. объясняется той распрей, которая разыгралась между королем и папой Бонифацием VIII. В течение этой борьбы излюбленный орден римской курии стоял на стороне светского монарха, расшатывавшего папский престол. Через посредство визитатора ордена храмовников во Франции Гюго де-Перодо (Peraudo) состоялся в 1303 г. договор между королем и тампльерами о взаимной охране и поддержке, направленной прямо против папы Бонифация VIII. В следующем году обе верховные власти—новый папа и король—осыпают орден своими милостями. Бенедикт IX подтверждает тампльерам все их привилегии, а Филипп IV издает в их пользу грамоту вольностей, которой устраняет перед ними все препятствия к расширению поземельной собственности и усилению своих исключительных прав. Все земли, приобретенные до сих пор тампльерами, были признаны «мертвой рукой», юрисдикция ордена—утверждена и расширена. Напр., лица, входившие так или иначе в состав ордена, освобождались от обязанности являться по призыву в светские суды, если тяжба касалась частных дел; королевские бальи и сержанты могли назначать и вести судебные заседания в областях орденской юрисдикции только там, где это было в обычае с давних пор и т. д. Слухи о ереси ордена положили конец союзу между королем и храмовниками.

Начало процесса тампльеров инквизицией

Филипп IV по природе был склонен к решительным, насильственным мерам в борьбе со своими соперниками, но цели для своих насилий король выбирал, руководясь государственными соображениями; он совершал их, сохраняя всю внешность законности, опираясь на общественное мнение и на учреждения, пользовавшиеся доверием своего времени.

Таким был Филипп в удачной борьбе с папой Бонифацием VIII, таким остался он и в процессе тампльеров. Могущество ордена шло в разрез с идеей монархической власти, которую проводили французские короли и их легисты, а от его уничтожения Филипп IV мог ждать только выгоды. Но не король создал повод для гибели храмовников: он явился ему сам собой. Южная Франция была уже раньше театром бесконечных процессов против еретиков. Инквизиция приобрела себе там навык на низших и средних классах общества и как бы право требовать жертв боле высокопоставленных. К храмовникам она, впрочем, могла применить только все те же возмутительные формы уголовного процесса, которые казались ей жестокому времени дозволительными против еретиков вообще. Процессы о ереси (*acta fidei*) вели тогда инквизиторы (следственные судьи, *inquisitores haereticae pravitatis*), непосредственно назначавшиеся папами. Во Франции их было несколько, но с Иннокентия IV приор парижских монахов ордена предикантов (доминиканцев) был обыкновенно главой учреждения. Положение инквизиции было такое же привилегированное, как и у ордена храмовников; только папа мог, наприим., налагать на них отлучение. Недаром косились на инквизиторов епископы, юрисдикция которых уменьшилась. Зато новая сила—государственная власть французских королей—охотно поддерживала инквизицию своей светской вооруженной рукой. Для того, чтобы начать процесс, инквизиторы могли не дожидаться прямого доноса; достаточно было, если о ком-либо шла худая молва (*diffamatio*). Тогда инквизитор «инструировал» процесс, т. е. приступал к допросу заподозренного лица, которое привлекалось к следствию пока как бы на правах свидетеля (*testis*), и предъявлял ему пункты обвинения. В действительности уже на этой ступени процесса сознание «свидетеля» вынуждалось сплошь и рядом пытками. В случае сознания «свидетеля» церковь давала кающемуся отпущение греха и принимала опять в свое лоно, предоставляя себе затем право все-таки наказать его. Между тем нотариусы, записывавшие показания свидетелей, по окончании допроса обрабатывали их в официальный протокол. По инструкции, инквизиторам был предоставлен произвол выбирать и вносить в протокол только те из показаний обвиняемого, которые казались им наиболее правдоподобными и касались прямо сущности преступления, короче говоря, только то, что подтверждало его вину. Теперь только после примирения с церковью начинался самый «суд» инквизиции, вторая ступень процесса. Обвиняемому прочитывался (обыкновенно на народном языке) протокол с его показаниями. Если обвиняемый отказывался от них, то это считалось отпадением в прежнюю ересь и влекло за собой сожжение или другую кару, по приговору суда; поэтому жертвы инквизиторов обыкновенно клятвенно скрепляли такой протокол. В протоколах делалась теперь даже приписка, что все изложенные показания обвиняемый признал добровольными, не вынужденными ни угрозами, ни пытками, ни подкупом. Так было и с тампльерами, хотя из показаний некоторых рыцарей ясно, что они подверглись пристрастному допросу. Степень наказания тоже была предоставлена инквизитору на произвол. Государство помогало инквизиции на всех ступенях процесса и вознаграждалось за это имуществом, конфискованным у обвиненного. Таково было учреждение, которое устами инквизитора Франции Гильома Имбера (*Imbert*) потребовало у Филиппа IV следствия над храмовниками.

«Диффамация», худая слава об ордене, уже давно была налицо. Климент V получил первые сведения о его заблуждениях незадолго до восшествия на престол. Когда магистр ордена Яков Молэ прибыл с Кипра в 1306 г., чтобы совещаться с папой о новом крестовом

походе, он узнал, что перед королем и папой выставлены тяжелые обвинения против храмовников. При дворе Филиппа IV шесть месяцев обсуждали вопрос, прежде чем начать самое следствие. Король советовался с вельможами, светскими и духовными, и сообщил обвинение даже папе. Глава ордена, вероятно, уведомленный о приближающейся грозе самим папой, обратился к римской курии с просьбой произвести следствие, дабы положить конец слухам, которые он считал ложными. Поэтому в конце августа 1307 г. Климент V писал королю, что новые сведения поколебали его уверенность в невиновности ордена, и что он теперь же сам намерен приступить в Пуатье к разбору дела о тампльерах. Но тем временем предварительные обсуждения сделали для короля и инквизитора Франции самый факт ереси очевидным. Гильом Имбер решил начать следствие, но не против всего ордена, а против отдельных подозрительных членов его, и потребовал содействия у Филиппа. Вопрос мог теперь только идти о компетенции инквизиции по отношению к ордену, который был изъят своими льготами от всякого церковного суда, кроме папского. Но инквизиция была сама учреждением привилегированным, предполагаемая ересь грозила опасностью христианству, а Филипп IV мог, правда, унижать папство, но не прочь был при этом созидаемой им власти французского короля сообщить и ореол защитника веры. Своим вмешательством он решил спорный вопрос в пользу инквизиции и 14 сентября изготовил инструкцию для королевских чиновников об арестовании храмовников; здесь были уже высказаны все обвинительные пункты против ордена: отречение от Христа, поругание креста, другие непристойные обряды при приеме в орден и разрешение порочной жизни его членам. Удар был хорошо подготовлен и удался: в ночь с 12 на 18 октября были одновременно арестованы все храмовники в тогдашней Франции, а на их имущество наложен секвестр.

Инквизиционный процесс не исключал гласности. Через два дня (14 окт.) в зале капитула Парижской Божьей Матери собрались его каноники и магистры университета и узнали из уст канцлера Гильома Ногарета и инквизитора Имбера об аресте рыцарей и выставленных против них обвинениях. Заседание возобновилось затем в здании самого Тампля, захваченного королем, и здесь в присутствии прелатов, магистров и бакалавров парижского университета магистр тампльеров Яков Молэ, признал, что отречение от Христа и поругание креста были обычными обрядами ордена при посвящении нового члена; он оправдывал их тем, что это было только испытание повиновения. Несколько других тампльеров подтвердили показание своего магистра; кажется, они рассчитывали своими объяснениями кощунственных обрядов спасти орден и уладить дело полюбовно. Через три дня после этого начался формальный инквизиционный процесс против арестованных. С 19 окт. по 24 ноября выслушаны были показания 138 тампльеров. Здесь были налицо представители всех разрядов ордена: среди «служашей братии» — простые пахари, пастухи, а с другой стороны — должностные лица с магистром Яковом Молэ во главе. По инструкции, «в случае надобности» должна была применяться пытка, и следы пристрастного допроса отразились на некоторых протоколах противоречиями. Но масса показаний сохранила живой личный характер допрашиваемых и дает мелкие подробности их приема в орден, оттенки их тогдашнего настроения; все это непохоже ни на заученный урок, продиктованный инквизитором во время пыток, ни на единообразную форму протокола, заранее написанного в духе обвинения. Правда, объяснения, которые могли бы служить извинением, пропускаются, но важно, что почти все обвиняемые без исключения признали только два пункта обвинения,

как и их магистр: отречение от Христа и поругание креста; напротив, показания о поклонении идолу, о двоеверии (дуализме, т. е. признании двух начал в мире, Бога Высшего и Бога Преисподняго, в духе катаров и богомилов), о дозволении порочной жизни и т. п. встречались только изредка.

Вмешательство папы

Хотя Климент V и был в зависимости от короля, но известие, что орден тампльеров во Франции уже изобличен, и что его богатства в руках Филиппа IV, должно было все-таки задеть папу за живое. Честь спасения веры вместе с существенной наградой доставались не Клименту V, епископу храмовников, а светскому монарху. В послании к Филиппу IV папа поспешил выразить свое изумление по поводу его незаконного образа действий и надежду, что рыцари вместе с их собственностью тотчас же будут выданы своему естественному судье — папе. Дабы овладеть движением, начавшимся уже помимо него, Климент V пошел далее короля и в булле от 22 ноября 1307 г. обратился ко всем государям вообще с требованием арестовать тампльеров в их государствах, в виду данных, обнаруженных французским процессом. Тогда последовало задержание храмовников в Англии, Провансе, Неаполе; в Арагонии и на Кипре рыцари укрылись в свои замки и пошли на сделку только после долгого сопротивления. Но португальский король Денис не внял ни внушениям Филиппа IV, ни булле папы и взял сторону ордена, в полном послушании служившего ему против мавров.

Как только верховный глава церкви взял в свои руки преследование тампльеров и объявил образ действий Филиппа IV и инквизиции незаконным, король уступил и принял выжидательное положение. Он даже дал заверения в том, что рыцари и их земли будут выданы папе и его кураторам; но Филипп IV зашел уже слишком далеко, чтобы позволить Клименту V спасти орден. 27 июня 1308 г. были представлены в Пуатье к папскому допросу первые 8 или 9 храмовников; число их скоро возросло до 72: рыцарей, клериков, сервиентов. Следствие поручено было нескольким кардиналам, велось без пытки и только подтвердило данные парижского процесса, т. е. существование в среде ордена обрядов отречения от Христа и поругания креста. В Шиноне допрошены были высшие сановники тампльеров: прецепторы Кипра, Нормандии, Пуату, генеральный визитатор ордена, он же верховный прецептор Франции — Гюго де Перодо и, наконец, магистр Яков Молэ. Они не отрицали кощунственных обрядов, а Перодо и Молэ повторили показания, которые они уже раньше дали в Париже. Последние сомнения относительно виновности ордена развеялись у папы, и он решился возобновить приостановленный было процесс. Но Климент V попытался отделить преследование заподозренных тампльеров поодиночке, от следствия над всем орденом, как учреждением. Епископам совместно с инквизицией папа предоставил в их епархиях преследование отдельных храмовников, а приговоры над изобличенными должны были произноситься на провинциальных синодах; только решение участи Якова Молэ и некоторых других сановников ордена папа выговорил себе самому. Напротив, вопрос о виновности ордена в его совокупности должен был (по мысли, поданной Филиппом IV) решиться на особом всеобщем соборе, и комиссии из архиепископов и папских комиссаров поручено было собрать для будущего собора предварительные сведения. Сначала комиссия предполагала было объезжать Францию из епархии в епархию и всюду производить следствие над заключенными, которые официально уже были сданы королем во власть папы в лице его представителя — кардинал-епископа Петра из Пренесте, но затем ре-

шено было вызвать всех тампльеров к допросу в Париж.

С тех пор как процесс против ордена огласился, перешел в руки папы и охватил всю Западную Европу, тампльеры с магистром ордена во главе изменили свою тактику в защите. Уже из первого инквизиционного допроса стало ясно, что никакие объяснения кощунственных обрядов не могут оправдать их в глазах церкви, светской власти и общественного мнения; с другой стороны, явилась надежда, что римская курия еще раз проявит относительно ордена свою обычную снисходительность и благополучно проведет его через все подводные камни формального процесса. Надо было, во что бы то ни стало, доказать, что орден во всей совокупности был чужд ереси, а обряды, признанные самим магистром перед членами парижского университета, были только заблуждениями отдельных его членов. В надежде на папу и на синоды, многие тампльеры при допросе по епархиям отказываются от своих прежних сознаний, жалуются на пытки, застрашивание, жестокое обращение в тюрьмах. Другие, не отвергая прямо своих первых показаний, стараются не возвращаться к ним, а говорят только о незаконности всего парижского процесса инквизиции, о заслугах ордена, заверяют в своей верности учениям церкви вообще, хватаются за юридические формальности, чтобы ставить препятствия комиссии и сделать преследование всего ордена в совокупности невозможным. Таково было, наприм., поведение самого магистра ордена перед папской комиссией. Яков Молэ был родом из бургундской знати, в 1265 г. принят в орден в епархии Отена и мог еще участвовать в последних войнах рыцарей на Востоке. После утраты Сирии он перебрался вместе с другими рыцарями на Кипр, затем был провинциальным магистром Англии и, наконец, благодаря ловкой интриге, избран магистром всего ордена, несмотря на то, что южно-французская партия была тогда среди храмовников сильнее бургундской и наметила своим кандидатом Гюго де Перодо. Ставши магистром, Яков Молэ не сделал никакой попытки уничтожить кощунственные обряды, распространность которых была ему хорошо известна, да и вряд ли бы мог провести какую-нибудь коренную реформу, так как в важных вопросах зависел от большинства, капитула. В своих показаниях перед парижским университетом и перед кардиналами в Шиноне, Молэ уже дважды признал обряды отречения от Христа и поругания креста, однако все еще надеялся оправдать их своими толкованиями. Только теперь, когда в ноябре 1309 г. магистр ордена предстал перед комиссией, и ему прочитан был протокол его шинонского допроса, он понял, какой опасности подверг он своей наивностью весь орден. Оказывалось, что налицо оставался только голый факт кощунства: то, что он доверил кардиналам снисходительного к ордену папы, как семейное дело, обращено было в оружие против него и тампльеров. «Другим людям», говорил он теперь с негодованием, «он ответил бы на это вызовом на поединок; такое невероятное коварство даже у сарацин и татар стоило бы виновному жизни». Молэ еще не отвергал своего сознания, но он уже не тверд в своей тактике: говорит о заслугах ордена, требует, чтобы его пытали, и только одному папе хочет сделать сообщения, которые, по его словам, послужат к славе Бога и церкви. В марте 1310 г. все тампльеры, с которыми имела дело комиссия, в количестве 546 человек, были сразу собраны в саду позади епископского дворца. Здесь им прочитаны были обвинительные пункты, а затем они должны были выбрать из своей среды прокураторов для ответа, по одному уполномоченному от каждых 6—10 храмовников. Но эта попытка комиссии начать таким путем следствие против всего ордена сразу не удалась: тампльеры уклонились от выбора прокураторов под

предлогом, что не имеют на то разрешения магистра, и комиссии пришлось довольствоваться допросом отдельных лиц.

Между тем епископы, давние враги ордена, воспользовались правом преследовать отдельных тамплеров в своих епархиях и вели дело с энергией, часто с жестокостью, как бы доканчивая первый инквизиционный процесс. Особенную настойчивость обнаруживал епископ Санса (Sens), брат могущественного министра Филиппа IV—Ангеррана де Мариньи. Не дожидаясь исхода общего следствия папской комиссии, он созвал в Париже провинциальный синод и произнес смертный приговор над 54 тамплерами, которые в надежде на новый характер процесса отреклись было от своих первых показаний перед инквизиторами. Те, кто и раньше не сознавался, были снова обречены на заключение, а раскаявшиеся воссоединены с церковью и до поры до времени в ожидании наказаний отпущены на волю. 11 мая 1310 г. состоялось страшное ауто-да-фэ, и осужденные возведены на костер; на следующий день за ними последовало еще 4 тамплера. Ужас объял храмовников, продолжавших еще свои пререкания с комиссией. 13 мая перед ней предстал тамплер Венсен де Виллэ, как олицетворение безысходного отчаяния и страха перед мучительной смертью. Рыцарь заклинал, что орден невиновен, хотя он сам под пыткой показал противное, но с тех пор как на его глазах повезли на казнь этих 54, он, кажется, готов признать всякое обвинение, хотя бы даже в том, что он лишил жизни Спасителя. Под впечатлением этого жестокого события заканчивала комиссия свое следствие. Она не добыла сведений, достаточных для осуждения всего ордена. Кошунственные обряды были доказаны во множестве случаев, но встречались храмовники, которые вошли в орден и без них. Ни один из этих обрядов не был внесен в статуты ордена, а тайного устава вообще не существовало. Не было налицо и особой орденской ереси, потому что отречение от Христа не имело догматического характера. Но, конечно, применение позорных обрядов не оставалось тайной для самого ордена, и собору предстояло решить, насколько можно было осудить его за это во всей совокупности.

Между тем папа, кажется, вполне уверовал в виновность ордена и старался свое прежнее бездействие загладить усердием, с которым побуждал епископов по отдельным государствам доводить храмовников до сознания. В Англии пытка была не в обычае; и вот Климент V в августе 1310 г. выставляет в духе инквизиции положение, что по отношению к еретикам все законы, все привилегии, все обычаи падают сами собой; он осуждает архиепископов Кентерберийского и Йоркского за то, что они не произвели давления на прелатов, воздержавшихся от пытки храмовников. Но ожидая папы не оправдались. На Пиренейском полуострове орден оказался совершенно чистым от всех заблуждений французской ветви; здесь он продолжал свою полезную деятельность в борьбе против мавров, и три государя: Яков II арагонский, Фердинанд IV кастильский и Денис португальский заранее условились между собой, чтобы богатства храмовников ни в каком случае не перешли в распоряжение к папе. И в Германии следствие ни к чему не привело, а общественное мнение было на стороне ордена. В Англии тамплеры почти единогласно отвергали свою виновность; церковь не могла осудить их, а довольствовалась тем, что уклончивым приговором как бы наложила на них охулку (диффамацию). На Кипре опять-таки не оказалось никаких следов ереси, и храмовники подверглись здесь пытке и осуждению из политических соображений—по обвинению в заговоре против короля Генриха. Только в отдельных областях Ита-

лии, где среди ордена низший разряд «служащих братьев» брал верх над рыцарством, инквизиторы обнаружили те же уродливые явления, как и во Франции.

Уничтожение ордена

Таково было положение дел, когда осенью 1311 г. собрался собор в Вьенне. Под председательством самого Климента V здесь было налицо более сотни прелатов Франции, Италии, Германии, Англии, Шотландии, Дании, Венгрии. Комиссии, избранной из среды собора, и были предъявлены все документы, касавшиеся процесса против тампльеров. Собор, однако, не находил в них достаточно данных для осуждения всего ордена. Дело готово было затянуться, и непримиримый враг тампльеров Филипп IV поспешил произвести давление на папу. Он писал, что вина ордена доказана, а его уничтожение неизбежно; что владения храмовников папа может передать какому-либо другому из существующих орденов или нарочно для этого случая создать еще новый рыцарский орден. Весной 1312 г. король сам появился в Вьенне с братьями, сыновьями, свитой и заседал рядом с папой на престоле, несколько более низком. Но папа и без того своим усердием в последний период процесса отрезал себе путь к отступлению; к тому же, большинство собора вместе с упорством в вопросе о тампльерах стало обнаруживать вообще некоторую наклонность к ограничению папского произвола. Под такими влияниями Климент V издал буллу «*Vox in excelso*» от 22 марта 1312 г., уничтожавшую орден тампльеров. Он признавал, что канонически орден нельзя было осудить за ересь, но храмовники подпали диффамации, худой молве, многие братья ордена с магистром, визитатором Франции и другими сановниками во главе принесли добровольное сознание в заблуждениях; тамплеры стали предметом отвращения для церкви, прелатов и светской власти; никто не захочет отныне поступать в их орден, так что он станет излишним и не будет в состоянии исполнять свой долг относительно Св. Земли. В силу всего этого папа «с согласия собора» (которого вовсе не было дано) объявлял орден уничтоженным. Булла была обнародована в торжественном заседании собора 3 апреля 1312 г. Дальнейшие буллы решали участь рыцарей и их богатств. Все владения и доходы тампльеров повсюду (за исключением Испании) передавались ордену иоаннитов. Магистра ордена, визитатора Франции и других сановников Климент V привлекал к своему собственному суду, дела об остальных членах ордена предоставлялись решению провинциальных синодов.

Впоследствии по причине своей болезни папа поручил суд над сановниками ордена трем кардиналам и дал им право вязать и разрешать и карать на основании раньше добытых данных. На 11 марта 1314 г. назначен был заключительный акт инквизиционного процесса. На площади перед собором Парижской Божьей Матери были воздвигнуты трибуны для кардиналов и прелатов Франции. Вельможи и народ спешили сюда, как на зрелище. Прево Парижа подвел к кардинал-епископу Сабинскому и архиепископу Санса Якова Молэ, Гюго де-Перодо и их товарищей. По обычаю инквизиционного процесса, им прочли перечисление всех их преступлений, основанное на собственном сознании, и приговорили к пожизненному заключению. Тогда вдруг заговорили Молэ и Годафруа де-Шарнэ, прецептор Нормандии, оспаривали справедливость приговора, брали назад не только свое прежнее сознание, но объявляли недействительными враждебные ордену показания всех других храмовников. Было ясно, что магистр тампльеров, погубивший их своими разоблачениями, в последнюю минуту нашел, наконец, еще достаточно мужества в себе, чтобы покончить

жизнь мученичеством за орден. По взглядам инквизиции, за новое отпадение в ересь Якову Молэ и Шарнэ грозила смерть; впрочем, приговор должны были бы произнести над ними все-таки кардиналы. Но Филипп IV не мог уже более сдерживать себя и дожидаться. Еще вечером того же 11 марта Молэ и Шарнэ по его воле были возведены на костер. Король как бы торопился похоронить весь орден со смертью его главы. Это вмешательство светской власти было незаконно, но римская курия приняла его спокойно. Зато предание стало видеть с этих пор в лице Филиппа IV—палача тампльеров, а в папе Клименте V—его послушное орудие.

Судьба ордена храмовников—историческая трагедия: они нашли свою гибель в том, чем возвысились,—в своих неограниченных правах. С утратой Сирии орден потерял поприще для войны с неверными, главную цель своего существования. Благотворительность и уход за больными не были в обычае у тампльеров. Найти новое приложение для своих сил или поставить себе иные нравственные задачи,—на это у ордена не хватило ни сердечных, ни умственных способностей. Права без обязанностей стали разнуздывать личность—и личность грубую. Рыцари, обособившись от мира, теряли людскую мерку для своих поступков и считали себе все дозволенным; наивно сознавались они в кощунстве, и все-таки смерть явилась для них неожиданностью. Но мучения в тюрьмах, под пытками, на костре не дали им права на мученический венец; они пострадали даже не за убеждения, а как-то случайно, по распущенности. Еще при жизни храмовники давно перестали служить ближнему и не уменьшали боле ничьих страданий; а своею смертью они и в будущем никому не дали ни счастья, ни истины, ни духовной свободы. Ауто-да-фэ тампльеров возмущает бессмысленностью, жестокостью, но оно не может навевать благоговения, как костры Жанны д'Арк и Яна Гуса.

Евг. Щепкин.

XXXVII. Андроник Комнин

I

Задачи Византийской империи в XI веке

В конце XI века на византийский престол вступил император Алексей I Комнин. Его царствование начинается собою столетний период, который не без основания считают последним веком блеска и могущества Византии,—период, неразрывно связанный с именем Комнинов. Энергичный, предприимчивый и неутомимый Алексей в течение своего почти сорокалетнего правления (1080—1118) сумел упрочить престол за своим потомством, искусно справившись с значительной частью тех задач, какия в его время предстояли византийскому императору. А задачи эти были не легки.

С прекращением (в начале XI века) мужской линии македонской династии для Византии наступила смутная эпоха. Целые полвека престолом распоряжались то императрицы, вместе с своею рукою передававшия его людям, которые удовлетворяли более их личным вкусам, чем потребностям государства¹, то знать, сложившаяся уже к этому времени в могущественную землевладельческую аристократию, то войско. Частыя и неожиданныя смены

Источники: Nicetae Choniatae, Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. перев.); Joannis Cinnami, Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. перев.). Пособия: Ф. Успенский, Цари Алексей II и Андроник Комнины (Ж. М. Н. П., т. 212 (1880 г.) и 214 (1881 г.)—не окончено); F. Wilken, Andronicus Komnenus (Raumer's Historisches Taschenbuch, Zweiter Jahrgang, 1831); Herzberg, Geschichte d. Byzantiner und d. osmanischen Reiches, 1882; Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI в., Спб, 1884 г.; А. Куни, Основание Трапезундской империи в 1204 г. (Ученые записки Императорской Академии наук по 2-му и 3-му отделениям. Т. II, вып. 3, Спб, 1854); см. также «Историю Трапезундской империи» Fallmerayer'a.

1 Таковы были Зоя, дочь последнего императора из македонской династии Константина VIII, бывшая три раза замужем, и Евдокия, вдова императора Константина Дуки, вышедшая вторично замуж за Романа Диогена.

императоров¹ вели к разстройству правильного хода государственного управления, к уничтожению дисциплины в войске. Важные должности в центральном и областном управлении часто попадали в руки людей, случайно возвысившихся и мало пригодных для своего назначения. Между начальниками войск, рассеянных по провинциям и нередко своим вмешательством помогавших возведению и низвержению императоров, попадались люди, подчас готовые не признавать совершавшиеся в Константинополе перемены, сопротивляться новым, неожиданно появлявшимся императорам и даже, при удобном случае, попытаться захватить престол в свои собственные руки. Государственное казначейство было истощено — в значительной мере тратами императоров на своих любимцев и любимиц или на тех, чьею приверженностью им приходилось дорожить; а между тем доходы получались туго, так как многие провинции были опустошены и разорены иноземными вторжениями и междоусобными войнами, наполнявшими эпоху, предшествовавшую воцарению Алексея.

Внешнее положение государства было также очень тяжелое. С севера угрожали империи как славянские племена Сербии и Далмации, так еще более печенег, за которыми с тыла надвигались половцы (куманы). С запада для Византии являлась страшная опасность в лице италийских норманнов, стремившихся завладеть землями империи и мечтавших об основании государства в Малой Азии. Наконец, самый опасный враг надвигался с востока. Сельджукские турки, двинувшись в конце X века с первоначальных мест своего поселения между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей и распространившие постепенно свою власть на значительную часть Ирана и Месопотамии уже около половины XI века, при императоре Константине Мономахе, столкнулись с византийцами в восточных провинциях Малой Азии². Среди неурядиц 50—70-х годов XI века, быстро сменявшиеся императоры не могли сдерживать напора страшных кочевников, и богатые малоазийские области, доставлявшие империи наибольшие доходы и лучших солдат, стали добычей турок. Они надвигались все далее и далее на запад, беспощадно истребляя население, опустошая цветущие местности, превращая возделанные поля в луга и пастбища. К началу царствования Алексея турки успели уже из Месопотамии продвинуться в Сирию, Киликию, Каппадокию, Ликаонию, Фригию, проникали в Вифинию и Мизию, простирая свои набеги и распространяя свои владения до самых берегов Мраморного моря, а затем в первые годы правления Алексея захватили даже западные берега полуострова, — древнюю Лидию и многие из Спорадских островов³.

Алексей Комнин

С замечательной настойчивостью и неутомимостью обратился Алексей к исправлению

- 1 За время от смерти Константина VIII (1028) до вступления на престол Алексея Комнина (1080) в Византии сменилось 10 императоров и, кроме того, около двадцати месяцев (январь 1055—август 1056) управляла государством императрица Феодора.
- 2 Византии принадлежала в это время почти вся Малая Азия. Крайней фемой (провинцией) на юго-востоке был Васпуракан (к востоку от оз. Ван), Отсюда граница шла к западу по верховьям Тигра и Евфрата до Антиохии.
- 3 Здесь указаны древние названия малоазийских областей. В Византийской империи, как известно, постепенно установилось (на смену диоклетиано-константиновского устройства) деление на так называемые фемы (См. вып. I, статья XII: «Лев III Исавр и начало иконоборства»). Некоторые из фем сохраняли древние названия (напр., Каппадокия, Пафлагония), большинство же носило новые (напр., Анатолик на месте древней Фригии, Буккеларии и Оптиматы в древней Вифинии, Опсиний и Абидос в древней Мизии и др.). Ср. Скабаланович, стр. 193—209.

того положения, в каком застал государство. Главное свое внимание при этом он обратил на охрану империи от внешних врагов. Почти все его царствование прошло в борьбе против них, в борьбе, которая велась столько же оружием, сколько хитрыми приемами византийской дипломатии. Алексей совершил несколько походов против печенегов и половцев и, несмотря на отдельные неудачи, сумел, в конце концов, с замечательной ловкостью разединивши кочевников, действовавших сначала вместе, оградить от них империю на довольно долгий срок. Ради защиты Византии от грозного норманна Роберта Гвискарда, которого византийцам не легко было одолеть одним своим оружием, Алексей возбуждал к возмущению против него обитателей южной Италии и сближался с враждебными норманнам венецианцами и императором Генрихом IV. Наконец, напор турок был в некоторой мере ослаблен движением участников первого крестового похода, и благодаря этому Алексею удалось вернуть многие земли, так что к концу его царствования за Византией оставалось северное побережье Черного и Мраморного морей¹; а борьба с турками в свою очередь отвлекала крестоносцев от нападений на Византию, уже тогда казавшуюся заманчивой добычей для западных искателей приключений, славы и богатств.

Непрерывная борьба с внешними врагами лишала Алексея возможности посвящать много времени и внимания внутренним делам, он редко бывал в столице и даже в виду этого в начале царствования официально передал внутреннее управление своей матери. Но самая внешняя борьба была возможна только при известных внутренних мерах. Прежде всего необходимо было упрочить за собою власть, захваченную силой². Для этой цели, Алексей постарался стать в хорошие отношения к духовенству, а это было вначале не трудно для человека, всегда выказывавшего себя ревностным поборником православия и непримиримым противником ересей. Еще важнее было заручиться преданностью светской, военной и придворной аристократии. Но Алексей не думал достигнуть такой преданности дарованием знати каких-нибудь прав и привилегий, которые могли бы стеснять его власть. Он только постарался привлечь на свою сторону небольшое число самых крупных и могущественных представителей аристократии (особенно тех, с которыми был связан родством), давая им почетные титулы³, награждая их землями и доходами с городов. Войско состояло в громадной части из иноземных наемников, от которых нельзя было ждать патриотической преданности, и потому, несмотря на всю энергию и популярность Алексея, как полководца, главным средством для поддержания верности и дисциплины было хорошее содержание солдат, хорошая оплата военной службы. Дипломатические сношения, привлечение на свою сторону союзников требовали также больших денежных затрат. Хорошее состояние финансов было, таким образом, необходимо для успеха внешней борьбы, и Алексей, более или менее укрепившись на престоле, не стеснялся затем уже никакими средствами, чтобы наполнять государственное казначейство: он распоряжался по своему

1 На восток от Архипелага владения империи шли до линии, соединяющей городе Синоп, Аморион и Филомелион (последние два города в древней Фригии). Таким образом, Византии в это время принадлежали северо-восточные части древней Армении, северные части древнего Понта и Пафлагонии, древняя Вифиния, Мизия, Фригия и Лидия.

2 Алексей достиг престола, подняв вооруженное возмущение против императора Никифора Вотаниана.

3 Алексей увеличил число высших чинов тремя новыми: *севастократора*, *паниперсеваста* и *протосеваста*. Сан севастократора занимал в византийской «табели о рангах» первое место; принадлежавшее ранее сану *кесаря*. Все эти чины давались обыкновенно членам императорской фамилии.

усмотрению богатыми имуществами церкви, сокращал размеры жалованья и наград чиновникам, облагал население новыми налогами, развивал систему монополий, выпускал монету плохого качества. Не удивительно, что эти меры вызвали к концу его царствования недовольство в Византии как среди аристократии, властолюбивых стремления которой он всячески старался ограничить, так и среди духовенства, затронутого в своих материальных интересах, и низших классов, угнетенных налогами. Не удивительно также, что его хитрая, иногда, может быть, слишком двоедушная дипломатия стяжала ему нелестную репутацию обманщика и изменника, особенно у крестоносцев и западных историков первого похода. Но, во всяком случае, деятельность Алексея имела в виду насущные нужды государства, и благодаря ей преемник и сын Алексея Иоанн нашел при вступлении на престол и войско, и финансы, и внешние дела государства в гораздо лучшем положении, нежели Алексей.

Иоанн

Император Иоанн (1118—1143) с большим успехом продолжал политику, начатую отцом. Он также обращал главное свое внимание на хорошее состояние казначейства и войска и на внешнее положение государства. Он удачно боролся с печенегами, которые снова решились перейти Дунай и потерпели от Иоанна такое поражение, что имя их почти исчезло с того времени в истории. С меньшим успехом действовал он в течение всего царствования против турок, возвращая один за другим занятые ими города и провинции Малой Азии¹. Благодаря тому, что Иоанн развивал свою деятельность на прочном основании, созданном Алексеем, ему сравнительно легко давались—особенно при его бережливости и замечательных военных способностях—все эти успехи; а эта легкость успехов неудержимо влекла к расширению задач внешней политики, к созданию заманчивых, хотя и трудно выполнимых планов. Правда, и Алексей Комнин был не чужд широких замыслов: и он мечтал о восстановлении древних пределов государства, и он разделял никогда не умирившее в Восточной империи воззрение, что византийские императоры—единственные законные императоры, которым должна принадлежать власть над Италией, и что перенесение титула римских императоров на франкских и германских королей есть несправедливость и насилие против «Новаго Рима»; и он готов был поддерживать притязания Византии, с одной стороны, на земли, захваченные крестоносцами в Сирии и Палестине, а с другой,—на Италию. Но затруднительное положение, в каком Алексей нашел империю, необходимость в течение всего царствования бороться против близких врагов и опасностей не позволяли ему почти ничего делать для осуществления этих притязаний. Это было уже доступнее для Иоанна, который в конце царствования вместо того, чтобы окончательно укрепить за собою отнятые им и Алексеем у турок и драгоценные для империи провинции Малой Азии, стремился к распространению своей власти далее, на Сирию и Палестину. Он прошел в отдаленную Киликию и уже собирался идти на Иерусалим, чтобы, с одной стороны, помочь королю Фульку против турок, а с другой, подчинить короля своему суверенитету, когда, случайно ранив себя на охоте отравленной стрелой, умер весной 1143 года.

Мануил

Его наследник, император Мануил (1143—1180) нашел финансы и войско не в худшем состоянии, чем Иоанн, а внешние дела в значительно лучшем. Ему ничто уже не мешало

¹ Иоанн вернул империи город Лаодикию в древней Фригии, южную часть Пафлагонии (с городами Кастамоном и Гангрою), часть Писидии и Памфилии и др.

приступить к осуществлению широких политических планов, а он еще притом был человек склонный к грандиозным фантазиям, до крайности увлекавшийся мечтами о славе и величии Византии и своего имени.

Мануил направил все свои стремления на Запад, пренебрегши гораздо более важными восточными малоазийскими делами. Громадную часть своего царствования провел он в самых разнообразных военных и дипломатических предприятиях, имевших одну конечную цель—возстановление византийского господства в Италии и признание в ней Мануила императором. Он вступал в сношения то с Гогенштауфенами, то, видя, что интересы их расходятся,—с италианскими городами, с папой и даже с норманнами; он захватывал области в Италии, вмешивался в борьбу папы и италианских городов против Фридриха Барбаруссы, помогал возстановлению Александра III на престоле св. Петра и даже предлагал папе гигантский план объединения старого и нового Рима путем соединения империи и церкви,—словом, являлся, по выражению одного новейшего историка, в течение целого ряда лет центром тогдашней всемирной политики¹. Но эта блестящая роль со всеми ее военными предприятиями и дипломатическими комбинациями, стоившими громадных денег, не приносила никаких положительных результатов и только влекла за собою целый ряд последствий, справедливо возбуждавших недовольство среди византийской знати и народа.

Прежде всего, недостаточное внимание императора к восточным делам позволяло усиливаться самому страшному врагу Византии в Малой Азии—иконийскому султану.

Пристрастие Мануила к Западу

Далее, постоянные сношения с Западом вели к тому, что Мануил, воспитанный отчасти в духе западного рыцарства, связанный разнообразными отношениями с западными императорами и французскими королями, оказывал людям западного происхождения—«латинянам»—слишком много предпочтения перед византийцами, которые гордо называли себя «ромэями», римлянами, а западных пришельцев—«варварами». Младший современник Мануила, историк Никита Акоминат жалуется, что император окружал себя иноземцами, тратил на них массы денег, так что они собирали громадные сокровища, точно «вельможи у великих народов», а между тем это были люди, лишенные всякого образования, почти не умевшие говорить по-гречески. «И доверяя больше всех таким людям, как самым верным и преданным слугам, он не только поручал им высшие должности, но и ставил их во главе судебных учреждений, где не скоро осваиваются с делами даже и люди, специально изучавшие право».—«Если нужно было (как это часто случалось) произвести опись какой-нибудь провинции (с целью податного обложения), то и в таких делах подобные люди предпочитались людям более способным; а если иногда и присоединяли к ним «благородного ромэя», образованного и талантливого, то только для того, чтобы производить перепись и определять, с каких статей собирать налоги; собирал же деньги и прикладывал печати к тюкам, предназначенным для отсылки императору, варвар». Такое недоверие и пренебрежение императора к ромэям вызывало в них равнодушное и небрежное отношение к делу сбора податей, благодаря чему в казну доходила только малая часть сборов, остальное же оставалось в руках варваров². В связи с такими действиями императора стояли и другие, вызывавшие

1 Hertzberg, S. 305.

2 Nicet, ed. Bonn., p. 266—268. На прилив западных пришельцев во времена Мануила и на раздраже-

неменьшее неудовольствие. Тратя на своих фаворитов и фавориток и всего более на «латинския толпы» (*Λατινικαὶ ομιλῶντες*) массы денег, император собирал в свою казну, «как воду в водохранилище», и те деньги, которые должны были идти на содержание войска, а потребности войска удовлетворял поборами с населения, носившими скромное название добровольных приношений (*δωρεαι*). При прежних царях такая приношения лишь изредка служили наградой тем, кто особенно отличился в борьбе с неприятелем. Теперь же, благодаря раздаче их всем без разбора, с одной стороны, утрачивалось для солдат побуждение к военной доблести, а с другой, разорялись провинции, так как ненасытные солдаты не только отнимали у провинциалов деньги, но и «снимали последнюю рубашку». А так как при этом еще вербовки производились небрежно, без всякого испытания, то в солдаты поступал всякий, кто хотел, и кому тяжело было отбывать государственные повинности: портные, конюхи, каменщики, кузнецы, и этим людям отводили земли, с населения которых они брали денежные сборы. Таким образом, иногда почтенному ромею, опытному в военном деле, приходилось платить подати какому-нибудь «презренному полуварвару», не имевшему понятия о том, что такое боевой строй. Все это вело к совершенному разорению провинций¹.

Венецианцы

Недовольство сближением императора с Западом, с людьми «латинского рода», возникавшее в придворных и чиновных кругах, распространялось, таким образом, и дальше, общалось в провинции, передавалось всему населению. Для торгово-промышленного класса, особенно в столице, был еще один очень важный повод к недовольству. Вмешательство в италийские дела и в особенности борьба с норманнами требовали значительных морских сил, а между тем собственный военный флот Византии был очень слаб. Поневоле приходилось искать морских союзников. Это обстоятельство и привело империю к сближению с Венецией. Уже Алексей I в борьбе с Робертом Гвискардом обратился, как замечено выше, к помощи Адриатической республики. Но венецианцы дорого продавали свои услуги. В 1082 г. был заключен договор, по которому империя получала право располагать венецианским флотом для защиты своих береговых областей, но зато предоставляла республике не только беспошлинно торговать в империи, ввозить и вывозить товары, но и основывать фактории и поселения в главнейших торговых городах империи, не исключая столицы². Этот договор, дававший средства для могущественного развития венецианской торговли в империи и на отдаленном Востоке, помог Венеции сделаться в XII в. первостепенной морской державой, но Византии он оказал очень мало услуг. Служба венецианцев империи была часто ненадежна, помощь их не отвечала ожиданиям и нуждам византийского правительства, а привилегии, данные республике, естественно, должны были оказывать вредное влияние на промышленность и торговлю империи и вызывать неудовольствие торгово-промышленного класса. Не удивительно поэтому, что впоследствии и сам Алексей и его преемники не раз пытались освободиться от тяжелого договора и ограничить созданное им преоб-

ние против них во всех слоях указывает также Вильгельм Тирский. См. ст. Ф. Успенского в Ж. М. Н. П. 1881 г., т. 214, стр. 63.

1 Nicet., p. 272—274.

2 В Константинополе венецианцам был отведен квартал в Пере, где они жили как бы совершенно самостоятельным, независимым от общеперского и городского управления поселением.

ладающее торговое значение Венеции. Но эти попытки не достигали цели. Заключенный в конце царствования Алексея договор с пизанцами, предоставлявший им некоторые торговые льготы, хотя и не такие значительные, как венецианцам, возбудил большое недовольство последних, а когда император Иоанн при своем вступлении на престол попытался было отказаться от подтверждения договора 1082 г. и затем в 1123 г. изгнал венецианских купцов из Константинополя, то венецианцы начали нападать на острова Ионического моря и Архипелага, на города Пелопоннеса и предавать их грабежу и пожарам, так что, в конце концов, Иоанн, не имея достаточного флота для борьбы с республикой, должен был пойти на уступку: в 1126 г. им были подтверждены прежние привилегии Венеции. Жители лагун снова наводнили империю и в особенности Константинополь. Одержанная победа располагала венецианцев, которые и раньше, по словам византийского историка Иоанна Киннама, «обращались с гражданами, как с рабами», к еще большей заносчивости и высокомерию, «потому что, — замечает Киннам, — высокомерие, видя свои успехи, доходит обыкновенно до безумия. И действительно, венецианцы многим знатным и близким по родству к царю лицам наносили удары и жестоко оскорбляли иными способами». — «Так продолжали они поступать, — говорит он далее, — и во времена царя Мануила, когда женаты были уже на римлянках и жили в домах своих жен, подобно другим ромэям, следовательно, вне назначенного им от царя пребывания» (т. е. вне отведенного для них при Алексее квартала)»¹. — «Они начали не только презрительно относиться к ромэям, — добавляет Никита Акоминат, — но и пренебрегали распоряжениями и повелениями императора»². Не довольствуясь такого рода выходками, венецианцы позволяли себе производить настоящие смуты в столице: один раз (в 1162 г.) вместе с пизанцами, другой раз (1170 г.), кажется, уже вполне самостоятельно, они устроили побоище с генуэзцами, которым Мануил также предоставил торговые льготы. По словам Киннама, это второе побоище сопровождалось даже разрушением домов в генуэзском квартале. На требование Мануила возместить убытки, причиненные генуэзцам, венецианцы отвечали отказом. Тогда Мануил, к большой радости населения, решил захватить в определенный день всех находящихся в империи венецианцев и конфисковать их имущество. В ответ на это, Венеция вооружила большой флот, который опустошил Далмацию, напал на Эвбею и, остановившись затем у Хиоса, завел с Мануилом переговоры о выдаче захваченных им венецианцев. Впрочем, флот должен был вернуться в Венецию, ничего не добившись, так как среди экипажа началась страшная чума, занесенная потом и в Венецию. Но в 1175 г., когда злейшему врагу Византии (впоследствии дожу) Энрико Дандоло, — по рассказам современников, изменнически ослепленному во время пребывания при византийском дворе в качестве посла, — удалось заключить союз с сицилийским королем Вильгельмом II, Мануилу, как раньше Иоанну, пришлось уступить: он заключил с венецианцами договор, по которому восстанавливались все их прежние права и в возмещение убытков уплачивалась значительная сумма денег. Снова Византия была наводнена западноевропейскими купцами, подрывавшими византийскую торговлю, и взаимное раздражение и недоверие византийского торгового класса и купцов-латинян достигло крайнего напряжения.

1 Cinn. ed. Bonn., 1, 6, с. 10.

2 Nicet., p. 223.

Война с Килидж-Арсланом

Таким образом, к концу царствования Мануила в различных слоях византийского общества проявлялось значительное недовольство положением дел. Разнообразное по своему происхождению и по своим проявлениям, оно сводилось, в конце концов, к одному: к тому, что царь увлекается фантастическими, бесполезными планами, мечтает только о Западе, сближается с ним, жертвует для него насущными нуждами государства, окружает себя западными людьми, от которых нет житья ромэям; все беды происходят от этого увлечения Западом. О необходимости изменить политику, уделять больше внимания внутренним делам, заботиться об ограждении спокойствия и благосостояния населения и бороться с более близкими врагами, чем германский император или норманны,—о всем этом к концу царствования Мануила говорили все громче и громче. Большинство ромэев осыпало царя «насмешками за то, что он по самолюбию питает чрезмерные желания и устремляет взоры на края земли, пускается на дела, необузданные и смелые, выступает далеко за пределы, установленные прежними царями, и издерживает совершенно бесполезно деньги, которые собирает, изнуряя подданных и истощая их необычными поборами и податями»¹.

В последние годы Мануил, повидимому, сам понял свои ошибки и решил более серьезно заняться восточными делами, недостаточное внимание к которым вызывало то, что турки все более и более проникали к западу, все более и более распространяли и укрепляли свое владычество в Малой Азии. Особенно грозными стали они, когда иконийский султан Килидж-Арслан II усилился на счет каппадокийских, понтийских и пафлагонских турецких владетелей и объединил под своею властью значительную часть полуострова. Против Килидж-Арслана Мануил и предпринял войну в 1176 году. Но война эта, начатая без достаточного знания дела, кончилась очень печально: в 1177 году в горном проходе около Мариокефала (в древней Фригии, недалеко от Келен) византийское войско, по неосторожности императора, было окружено турками и чуть не поголовно истреблено в теснинах, где нельзя было двинуться ни взад, ни вперед. «Ромэев избивали, как ягнят в хлеву»; принужденные бороться среди оврагов и ущелий, всадники вместе с лошадьми летели в пропасть. Сам Мануил подвергся опасности быть убитым или взятым в плен; после избияния войска он думал даже о бегстве. Переговоры, которые завязались с Килидж-Арсланом, окончились позорным для царя миром: он обязывался срыть крепости Дорилю и Сувлей (во Фригии), не задолго перед тем возстановленные, чтоб сдерживать напор турок на западную часть Малой Азии. Невыполнение этого условия относительно Дорилии повело к новым нападениям турок; они опустошили всю долину реки Меандра и проникли почти до Архипелага.

Алексей II

Все эти обстоятельства могли только усиливать брожение в Византии. Со смертью Мануила, когда в итоге блестящего на вид царствования оказалась полная необезпеченность государства от внешних врагов и внутреннее разорение, естественно, большинство, раздраженное против «западных» людей и не замечавшее, что и Запад угрожает немалыми опасностями, находило, что некуда идти далее по начатому пути, и что надо повернуть на иную дорогу: надо оградить государство от более близких опасностей и позаботиться о его внутреннем благосостоянии. Эта задача представлялась как поворот к политике «противозапад-

1 Nicet., p. 265.

нической». А между тем от лиц, ставших во главе правления после смерти Мануила, нельзя было ждать такого поворота. За малолетством сына Мануила, Алексея II, власть сосредоточилась в руках регентши, вдовы Мануила, Марии, дочери Антохийского князя, «латинянке», ненавистной ромэям уже по одному своему происхождению да, кроме того, «совершенно неспособной к личному ведению государственных дел». Все управление она передала в руки одного из родственников Мануила, протосеаста Алексея, человека тоже малоспособного, но пользовавшегося личным расположением императрицы. Алексей, как и многие другие из придворной знати, больше думал о личной карьере и захвате власти в свои руки, чем о нуждах государства и желаниях народа; для крутого поворота в политике этот развращенный, изнеженный, двоедушный и деспотичный человек был совершенно непригоден; он, к тому же, не пользовался расположением византийской знати: наиболее крупных и именитых представителей ее оскорбляло и раздражало его возвышение не по заслугам, и потому протосеасту приходилось искать себе опоры главным образом в тех же ненавистных Византии иностранцах. Тогда в столице стало все чаще и чаще повторяться имя того, кто один, по мнению патриотов, мог понять задачи времени и повернуть Византию с пути, ведшаго ее к неминуемой гибели, но кто был тогда вдали и от правления и от столицы. Это был Андроник Комнин.

II

Исаак Комнин

Из рода Комнинов самым близким к императору Иоанну в начале царствования был его брат, севастократор¹ Исаак. Воцарение Иоанна совершилось не совсем спокойно. В августе 1118 года, когда умирал император Алексей, его жена, императрица Ирина, усердно хлопотала о том, чтобы осуществить свой давний замысел: поставить во главе государства вместо нелюбимого ею Иоанна его старшую сестру, знаменитую Анну Комнину, и ее мужа, кесаря Никифора Вриенния. Повидимому, партия Ирины и Анны была довольно сильна: Иоанну, несмотря на то, что он уже при жизни отца носил пурпурные туфли² и был называем царем, пришлось прибегать к уловкам и исключительным мерам; дело не обошлось даже без столкновения сторонников Иоанна с дворцовой стражей. В это-то критическое для молодого императора время Исаак решительно стал на его сторону. Это участие Исаака, повидимому, сильно помогло Иоанну: по словам хорошо осведомленного историка, Исааку был обязан Иоанн «исключительно или главным образом» своим вступлением на престол. Не удивительно поэтому, если «казалось, что Иоанн, будучи неразлучен с братом, точно сросся с ним и дышал одним дыханием, разделял с ним и трапезу и седалище»³. Но впоследствии отношения между братьями круто изменились: по словам Никиты Акомината, из-за какого-то ничтожного огорчения Исаак разошелся с братом, убежал из пределов империи, скитался среди разных народов, побывал, между прочим, у иконийского султана, всюду

1 Ср. выше

2 Отличительный знак царской власти. В Византии императоры нередко при своей жизни провозглашали своих преемников императорами и делали их, таким образом, титулярными, а иногда и фактическими участниками правления. Ср. вып. I, ст. XII, стр. 311, пр. 1.

3 Nicet., 13.7.

подбивая к нападению на римские пределы, очевидно, с целью свергнуть Иоанна и занять его место. Затем братья временно примирились, и Исаак вернулся в Константинополь, но к воцарению Мануила мы застаем его в ссылке в Ираклее Понтийской, где он содержался за то, что снова «стремясь к царствованию, не переставал строить Иоанну козни за кознями». Освобожденный Мануилом, он, однако, и впоследствии не оставлял своих замыслов, сохранив за собой навсегда репутацию неблагонадежного человека, вечно таящего желание завладеть престолом. «От него это желание, — замечает современник¹, — как отцовское наследие перешло к его детям».

Судьба и характер двоих сыновей Исаака, действительно, могли навести писателя на такое сопоставление. Это были такие же энергичные, привлекательные и по наружным и по внутренним качествам, такие же смелые и честолюбивые и так же мало стеснявшиеся в средствах люди, как и отец. Заботы о своем личном достоинстве и об удовлетворении своих личных честолюбивых стремлений и широких вкусов все трое они ставили выше государственных и общественных интересов; так, по крайней мере, представляют этих Комнинов современные или близкие к ним византийские историки. Впрочем, за их неясным, все сводящим к личным мотивам изображением можно предполагать фон и иного характера: весьма вероятно, что во всей оппозиционной, на известный взгляд даже изменнической и мятежнической деятельности Исаака и Иоанна (как и в деятельности Андроника, относительно которого известия яснее и полнее) были более широкие политические и национальные мотивы. Во всяком случае, однако, для них политическая программа так тесно сплеталась с видами личного возвышения, что политическая борьба постоянно принимала личный характер, а личная приязнь и неприязнь превращались в политические симпатии и антипатии.

О старшем из братьев, Иоанне мы знаем, впрочем, очень немного. По словам византийского историка, он, как и отец, «из-за ничтожного оскорбления»² со стороны императора, в последние годы царствования Иоанна, во время войны в Малой Азии, открыто перешел на сторону его врагов, иконийских турок, отрекся от христианства и женился на дочери султана Масуда. Он, повидимому, навсегда остался у турок и, вероятно, приносил немало вреда «римлянам» во время войн, благодаря осведомленности о состоянии их войск и о положении государства.

Андроник

Гораздо разнообразнее и сложнее была судьба второго сына Исаака, Андроника. Андроник был и сверстником и почти ровесником царя Мануила³; они вместе росли и воспитывались, да и от природы в них было много общего: их красота, сила и смелость, их живость и блестящие способности невольно обращали на них общее внимание и невольно вызывали на сравнение. Своеобразные условия той эпохи, в какую росли и воспитывались двоюродные братья, наложили особый отпечаток на весь их склад. XII-й век был временем оживления литературных, философских и богословских интересов в Византии. Светские и духовные писатели этого века: Анна Комнина, Никита Акоминат, Евстафий Солунский и мн. др.

1 Cinn., I, 2, с. 7, в конце Ср. Nicet., 363.10-11

2 Nicet., 72. Интересно, что поводом к разрыву послужило унижение императором Иоанна перед каким-то знатым иностранцем, выходцем из Италии. Ср. Nicet., 41—49.

3 См. Cinn., I, 3, с. 17. Мануилу при вступлении на престол в 1143 г. было около 20-ти лет.

были тонкими знатоками древнегреческой поэзии и философии, а среди описываемых ими событий эпохи Комнинов то здесь, то там отмечаются оживленные религиозные и философские споры, в которых принимали участие не только присяжные философы и богословы, но и члены императорского дома и придворные. С другой стороны, к тому времени, когда росли Мануил и Андроник, византийцы хорошо познакомились и с западными «латинскими» народами. Прошел уже не один десяток лет с тех пор, как перед стенами Константинополя промелькнули крестоносцы первого похода; в Азии давно уже существовали западно-европейские владения; через империю постоянно шли сношения между европейским Западом и оевропеившеюся Малой Азией; не одни враждебные столкновения происходили между «римлянами» и «латинянами»: подчас им вместе приходилось бороться против турок; в торговой жизни Константинополя своими людьми были венецианцы; наконец, аристократия и императорский дом начали заводить родственные связи с Западным миром. Знакомство с этим миром, являвшимся византийцам всего чаще в лице рыцарства, отразилось на воспитании молодых Комнинов не меньше, чем оживление языческой и христианской греческой образованности: Мануил и Андроник не менее блистали знанием Священного Писания,—Андроник особенно любил и превосходно знал ап. Павла,—или умением разрешать «труднейшие аристотелевские вопросы», чем своей ловкостью в военных играх, выносливостью и неутомимостью в военных предприятиях; и—характерная черта рыцарства—они совершают чудеса храбрости в рукопашной схватке, наносят удары изумительной силы, смело нападают в одиночку на целые толпы, но они—плохие полководцы: они терпят позорнейшие поражения от неумения выбрать место битвы, обдуманно расположить войско, осмотрительно вести поход в чужой стране. Однако, с этими свойствами закаленных и неутомимых рыцарей-варваров они соединяли всю любовь в изысканно-роскошной и развращенной придворной жизни, какая выработалась веками вместе с другими оборотными сторонами не только древней, но уже и ветшавшей греко-римско-византийской культуры. Даже современников-византийцев поражала эта способность братьев Комнинов без малейшего труда быстро переходить от лени и роскоши во вкусе Востока и императорского Рима к самой суровой походной жизни с ее бессонными ночами, тяжелыми переходами, утомительными битвами, для которых нужны были гигантская сила и гигантское здоровье. Черты рыцарской доблести, впрочем, более характерны для Мануила, чем для его двоюродного брата. Андроник, повидимому, никогда не был большим любителем военного дела; правда, это не мешало и ему совершать рыцарские подвиги, но придворная обстановка, изящные и утонченно-образованные дамы и кавалеры, которые могли по достоинству оценить блестящие таланты и изысканно-модные наряды Андроника,—вот та сфера, где он чувствовал себя всего приятнее; здесь никто не мог с ним сравняться: всех очаровывали его изящество, красноречие и остроумие; никто не умел удачнее его подметить дурную или смешную сторону события или человека и заклеить ее колкой остротой, быстро облетающей византийский придворный и чиновный мир и подчас попадавшей; в конце концов, и на страницы летописи¹. Но под этими блестящими светскими свойствами крылась глубокая натура: Андроник умел подмечать не одне смешные стороны; он внимательно следил за государственной и общественной жизнью и чутко схватывал характерные черты возникающих политических течений, угадывал еще только слагавшиеся общественные настроения. Вот почему

1 См., напр., Nicet., p. 160.

он умел иногда подать совет, резко не сходявшийся со взглядом императора и покорного ему правительства,—совет, вызывавший крутой отпор, но пророчески угадывавший запросы общества и потребности государства¹.

Плен Андроника у турок

Выросши, братья вместе принимали участие в походах императора Иоанна, но со вступлением на престол Мануила пути их сильно разошлись. Положение Мануила позволяло ему всецело следуя своим взглядам и вкусам, отдаться сложной и обширной деятельности, вызванной его широкими политическими планами. Между тем, честолюбивому, живому и богато одаренному Андронику приходилось довольствоваться или придворной ролью императорского кузена или чиновной ролью управителя какой-нибудь провинции. Ни то, ни другое не могло вполне его удовлетворить, и потому с его стороны скоро начались попытки, какими бы то ни было средствами, выбиться из этого положения, где он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. К тому же, отношения его к Мануилу стали ухудшаться. Начало разрыву положило случайное обстоятельство. Во время возвращения из азиатского похода, в котором умер император Иоанн, Андроник с несколькими спутниками отправился на охоту и, отдалившись от войска, попал в плен к туркам, которые передали его иконийскому султану. Император, по выражению Никиты Акомината, «не позаботился, как следовало, о захваченных и не помог им по-царски». Правда, Андронику едва ли жилось плохо у иконийского султана: как мы знаем, отец Андроника жил некогда у султана Масуда, а его брат Иоанн даже приходился Масуду зятем. Изучив в это время турецкий язык, часто помогавший ему в его последующих приключениях, Андроник завязал знакомства с влиятельными турками, в общество которых был введен своим братом².

Но все же невнимание императора, конечно, должно было раздражить Андроника. С другой стороны, возможно, что и сближение Андроника с иконийской знатью возбудило некоторую подозрительность в Мануиле. Впрочем, пока эта подозрительность еще не проявлялась резко: возвращенный вскоре из плена, Андроник принимал попрежнему участие в походах и особенно в придворной жизни. Но мало-по-малу общее внимание, какое он привлекал к себе своими блестящими талантами, его слишком безнравственная жизнь, которой он нисколько не скрывал, и на которую лицемерно или нелично негодовали и оскорблялись другие члены дома Комнинов, наконец, колкая насмешка, предметом которой иногда был и император,—все это должно было значительно усилить подозрительность и неприязнь Мануила и заставлять его желать удаления Андроника из столицы. Впрочем, важность и ответственность возлагавшихся на него поручений показывает, что император высоко ценил таланты своего кузена и все еще готов был оказывать ему значительное доверие, которого тот, однако, не оправдал.

Андроник в Киликии и Сербии

В начале 50-ых годов XII-го века он был послан в Киликию и Исаврию для ведения борьбы против армянского князя Тороса³, который поднимал возмущение в Киликии и хотел побудить ее отложиться от Византии. Недовольный этим назначением, Андроник очень

1 См., напр., случай, приведенный у Никиты (Nicet., 179).

2 См. Ф. Успенский, Ж. М. Н. П., т. 214 (1881 г., март), стр. 57, пр. 1.

3 Этот Торос (II) владел так называемой Малой Арменией, при чем владения его захватывали, вероятно, и восточные части древней Каппадокии и Киликии. Ср. Nicet., 134.

небрежно отнесся к возложенному на него поручению. Приступив к осаде города Мопсуэтии (на юге Киликии), где находился Торос, Андроник вместо того, чтобы энергично вести дело, предался «лени и сценическим играм». От Тороса не укрылась небрежность Андроника. Выбрав темную, дождливую ночь, он со всем своим войском сделал вылазку и на голову разбил византийское войско. Андроник узнал о вылазке слишком поздно, бросился в схватку, рыща на коне с копьем в руках, совершал чудеса храбрости, но, конечно, этим не помог делу и должен был, едва не попав в плен, спастись в Антиохию¹, откуда затем вернулся в Византию. При дворе ходили слухи, что наедине Андронику пришлось выслушать от Мануила жестокую брань и упреки за «нерадение о воинских делах и за свои неблаговременные удовольствия». Однако, официально император оказывал ему большой почет, делал подарки, и вместе с тем поспешил назначить его на важный пост дукса городов Ниша, Браничева и Белграда, т. е. обширной области к югу от Савы и Дуная, пограничной с опасными врагами империи—уграми (венграми)². Но несмотря на все это, несмотря даже на то, что Андронику, которого подозревали в сношениях с иерусалимским королем и с иконийским султаном во время пребывания в Киликии, нужно было очень заботиться о своей политической репутации, он здесь действовал так, что должен был окончательно вооружить против себя императора и побудить его к крутым мерам. Он завел сношения с венгерским королем Гейзою II, убеждал его помочь ему овладеть престолом Византии, обещая, по достижении цели, уступить Гейзе Браничев и Ниш, и с Фридрихом Барбаруссой, приглашая и его в известное время на помощь. Когда известия об этом дошли до Мануила, тот сначала не показал вида, что знает о его замыслах, и дружелюбно принял Андроника, приехавшего в Византию, но затем,—когда он два раза не без основания был заподозрен в покушении на жизнь Мануила, когда его попрежнему открыто развратная жизнь продолжала приводить в негодование всех членов императорского дома, не скупившихся на наговоры, а, может быть, и клевету, чтобы выставить его перед императором в самом невыгодном свете,—Мануил решился заключить Андроника в Константинополе в тюрьму.

Тюрьма и бегство из нея

Конечно, Мануил мог пойти на такую резкую меру против выдающегося члена императорского рода только при полной уверенности в изменнических планах Андроника; и уверенность эта вполне оправдалась, когда Гейза, не знавший об участии Андроника, действительно начал войну против императора. «Около девяти лет, кажется, провел Андроник в тюрьме»³. Раз он пытался бежать оттуда, достиг Малой Азии, но там его узнали, схватили, несмотря на «ужасное сопротивление с его стороны», связали и отправили в Византию, где заключили в тюрьму «в двойных железных кандалах под гораздо большим и суровым надзором, чем прежде». Но Андроник сумел освободиться и из-под этого надзора. Для этого он притворился больным. Тогда к нему приставили слугу, которому Андроник поручил «унести ключи от тюрьмы в то время, когда стражи, чрезмерно выпив, заснут», сделать с этих ключей восковые слепки и передать их сыну Андроника. Сделанные по этим слепкам клю-

1 Она была в то время в руках западных владетелей.

2 Кроме того, ему был дан город Кастория на юге древней Иллирии. Таким образом, область, подведомственная Андронику, захватывала нынешнюю Сербию, Боснию и южную Далмацию. Дукс (dux)—название начальников некоторых из фем, обыкновенно пограничных, более обширных и сосредоточивавших в себе более военных сил, нежели остальные. Ср. Скабланович. стр. 181—188.

3 Так сообщает Киннам (5. 10).

чи, а также веревки были принесены Андронику на дне амфоры с вином. Ночью Андроник тихо отпер двери своей тюрьмы, вышел из нея, запер снова двери и скрылся в густой траве на огромном примыкавшем к тюрьме дворе¹, куда обыкновенно никто не заходил. Выждав здесь, когда горячие розыски прекратились, он влез на стену, выходившую прямо к морю, и спустился с нея по веревке. У подножия стены его уже ждала по уговору лодка. Но здесь Андроник чуть не попался. Лодку заметила стража, наблюдавшая обыкновенно в этом месте всю ночь и не позволявшая ни одной лодке проплывать мимо дворца². Однако, Андроник, притворившись беглым слугой-варваром, плохо говорящим по-гречески, с большим самообладанием и ловкостью сумел обмануть стражей. Умиловленные особенно кошельком, данным Андроником, они пропустили его, и Андроник благополучно приехал домой. Здесь были разбиты кандалы, затем он снова сел в лодку и выехал за пределы города; там ждали его заранее приготовленные лошади; на них он поехал в Анхиал (город во Фракии на берегу Черного моря), а оттуда, получив от одного из своих доброжелателей съестные припасы и проводников, направился на Русь, в Галицкое княжество. На дороге он снова был пойман валахами, до которых дошли вести о его бегстве, и только благодаря своей необыкновенной изобретательности ускользнул и из их рук. Прибыв, наконец, к Ярославу Осмомыслу (вероятно, в 1164 г.), «он был принят,—по словам византийского историка,—с распростертыми объятьями, пробыл у него довольно долго и до того привязал его к себе, что вместе с ним охотился и заседал в совете, вместе жил и вместе обедал»³. Эта фраза едва ли страдает преувеличением. Кажется, Андроник действительно приобрел большое влияние на князя Ярослава и, преследуя свои всегдашние цели, возбуждал его помогать венграм снова вести войну против Мануила⁴; ходили даже слухи, что сам Андроник «собирает»—вероятно, при содействии Ярослава—«многочисленную скифскую (т. е. русскую) конницу с намерением вторгнуться в римские пределы»⁵. Во всяком случае, Андроник затевал какие-то опасные для Мануила планы, так как последний поспешил «с дружескими уверениями» пригласить Андроника вернуться. Андроник согласился на приглашение, и в 1165 г. мы видим его энергично действующим при осаде Зевгмина (Землина)⁶, во время войны с венграми.

Второе командование в Киликии

Но и на этот раз он не долго пробыл при дворе Мануила. Был ли в эту эпоху Андроник вообще слишком подозрительным человеком, чтобы его надолго оставлять в столице, или

1 Тюрьма находилась в зданиях Большого Константинопольского дворца. Этот дворец, тянувшийся на огромное пространство и состоявший из многих построек, находился у берега Босфора, занимая вместе с храмом св. Софии, Ипподромом, «Манганским дворцом» (к северу от Большого дворца) и другими зданиями (дворцами и церквами) юго-восточный угол треугольника, образуемого Константинополем.

2 Nicet., 170. «С тех пор,—прибавляет Никита,—стали ставить эту стражу, как Иоанн Цимисхий ночью напал на Никифора Фоку, поднятый (на стену) в корзине».

3 Nicet., 172. Относительно хронологии см. Куник, «Основание Трапезундской монархии, стр. 715—717 и 788—89.

4 Ср. Cinn., 510—12 и Nicet., 172—173.

5 Nicet., 173.

6 Ср. Nicet., 172: *Ζευγμινον... οπερ νυν λεγεται Σιρμιον*. Это место Никиты требует разъяснения: древний Сирмий находился на р. Саве несколько к востоку от устья р. Дрины. Зевгмин (Землин) лежит у Дуная близ устья Савы, против Белграда. Ср. Куник, *op. cit.*, стр. 716, пр. 12.

же он раздражил императора резкими возражениями против плана Мануила, — выдать свою дочь за младшего сына Гейзы II¹, Белу и передать ему впоследствии, если у императора не будет мужского потомства, византийский престол, — как бы то ни было, но вскоре после взятия Зевгмина Андроник снова должен был покинуть столицу: он получил ответственное назначение в Киликию, которую приходилось защищать от старого врага, армянского князя Тороса. Так как охрана крепостей и защита страны требовали больших расходов, то Андронику, кроме податей с Киликии, были предоставлены еще доходы с острова Кипра². На первый взгляд может показаться странным, что император предпочитал видеть такого подозрительного человека, как Андроник, в далекой области, на посту почти совершенно самостоятельного, по преимуществу военного правителя, а не у себя на глазах, в роли придворного кавалера без определенного служебного положения. Но в Восточной империи столица так сильно притягивала к себе все политические и общественные силы, играла такую решающую роль в государственных переворотах, что здесь, где уже и в то время, вероятно, существовала значительная оппозиция против политики Мануила, Андроник с своим увлекательным красноречием, с своей непобедимой логикой и необыкновенным умением угадывать общественные течения, казался императору гораздо опаснее, чем в полудикой, далекой азиатской провинции. Сам Андроник смотрел на назначение в Киликию, как на почетную ссылку, был им раздражен и, кажется, решил на этот раз покончить счеты с Мануилом. Он не только небрежно вел борьбу с Торосом, но, повидимому, почти щеголял этою небрежностью, превращая битвы в какую-то потеху для удовлетворения своей прихотливой, капризной фантазии. По крайней мере, Никита Акоминат рассказывает, что после нескольких неудачных схваток, потерпев, наконец, от Тороса постыднейшее поражение, Андроник замыслил нечто невероятное. Сойдясь с Торосом для решительной битвы, он построил войско «так, что оно походило на животное, имело и голову, и заднюю часть, и остальные члены»³. Из этой фантазии не вышло, конечно, ничего хорошего: войско, построенное таким странным образом, было смято армянами и обратилось в бегство, и хотя сам Андроник с отчаянной смелостью бросился на Тороса, окруженного свитой, и сбил его с лошади, однако эта выходка, конечно, не спасла ромэев от нового постыдного поражения.

Андроник на чужбине

После этой необыкновенной битвы Андроник окончательно забросил порученное ему дело. Он покинул даже Киликию и перебрался в Антиохию, задумав, несмотря на то, что ему было уже около 50 лет, жениться на молодой, отличавшейся красотой дочери ан-

1 Умершего в 1161 г. Ему наследовал старший его сын, Стефан III, а затем (с 1173 г.) Бела III.

2 «Византийская финансовая система двумя путями направляла платежные силы известной местности на покрытие местных государственных расходов, минуя государственное казначейство: во-первых, она устанавливала «кормление» для правителей фем: стратегов, катепанов, дуксов (а также и для других, подчас, может быть, уже не служащих, но заслуженных лиц, для которых такое кормление являлось своего рода пенсией); во-вторых, так как византийское правительство на свой счет содержало и, кроме того, платило денежное жалование «стратиотам», т. е. солдатам, пока они были под оружием (в другое время для материального обеспечения их служили земельные, так называемые «воинские участки». См. вып. I, ст. XII. «Лев III Исавр и начало иконоборства», стр. 310), то в пограничных местностях, где почти постоянно приходилось держать солдат под оружием, иногда — для ускорения процедуры — подати, собираемые с жителей, помимо центрального казначейства, направлялись прямо на содержание стратиотов, т. е. в руки того же стратега». — Скабаланович, стр. 281—282 и стр. 308 сл.

3 Nicet., 180.

тиохийского князя Раймунда, сестре второй жены Мануила, Филипп¹, «хотя,—замечает Киннам,—наш закон и не допускает такого брака». И, конечно, этому первому византийскому щеголю и придворному законодателю мод, сохранившему благодаря великолепному здоровью и замечательно воздержной жизни и в эти годы молодость, красоту и стройность, этому знатоку человеческого сердца, тонкому, остроумному и блестящему оратору, не трудно было настолько очаровать молодую принцессу, что и она готова была принадлежать ему, несмотря на то, что этот союз должен был оскорбить и раздражить византийский двор. Действительно, Мануил, узнав о действиях Андроника, немедленно отправил в Азию одного из придворных, севаста² Константина Каламана, с двойным поручением: во-первых, заменить Андроника в управлении Киликией и в борьбе с Торосом и, во-вторых, разстроить скандальный для императорской семьи союз Андроника с Филиппой и с этой целью самому предложить ей руку. Хотя Каламан и потерпел неудачу и здесь и там, однако Андроник, очень непостоянный в своих привязанностях, боясь угроз Мануила и опасаясь, по выражению византийского историка, «как бы ласки Филиппы не сменились прежнею тюрьмой», покинул принцессу и Антиохию и удалился в Иерусалим (в 1167 году). Здесь он сумел очаровать свою дальнюю родственницу, дочь старшего брата императора Мануила, Исаака, и вдову иерусалимского короля Балдуина III, Феодору. Благодаря ей, Андроник своевременно узнал о присылке Мануилом грамоты, в которой поручалось захватить его, как злоумышленника, и ослепить. Не чувствуя себя безопасным и в пределах Иерусалимского королевства, бывшего сравнительно в хороших отношениях с Византией, он, в сопровождении привязавшейся к нему Феодоры, покинул пределы и этого государства.

С тех пор³ начались его доля скитания по восточным нехристианским странам. Он побывал и в Дамаске у султана Нурредина, и в Багдадском халифате, и, наконец, (около 1170 года) в Иверии и «езде, где останавливался,—замечает византийский историк,—принимал с почетом, уважением и с величайшей приветливостью и получал богатые дары». Наконец, он водворился (на северо-востоке Малой Азии) на границе Византийской империи, во владениях иконийских турок. Заняв с их согласия одну крепость, Андроник укрепил ее и стал делать частые набеги на «ромэйские пределы», поработав множество людей и передавая военную добычу туркам. Таким образом, Андроник стал открытым врагом не только императора, но и христиан, и церковь не замедлила предать его анафеме. Почти до самого конца царствования Мануила продолжалась эта жизнь эмигранта и изменника.

Лишь незадолго до смерти Мануила братья снова примирились, и Андроник вернулся в Константинополь. Но затем, дав присягу в том, что «будет всеми силами противодействовать тому, что клонится ко вреду для Мануила и его сына Алексея и ко вреду для их венца», он был препровожден в город Иней (*Οιναιον*), в Малой Азии, на берегу Черного моря (между Синопом и Трапезундом), чтобы там, по словам византийского историка, «отдохнуть после многолетних скитаний». «И оба они, и Мануил и Андроник, знали», прибавляет историк, «что пребывание в одном и том же месте снова приведет их к прежним столкновениям»⁴. В Инее и жил Андроник, когда в сентябре 1180 г. скончался император Мануил.

1 Андроник был уже в это время вдовцом. Ср. Wicken, стр. 476, пр. 1, и Куник, op. cit. стр. 714 сл.

2 Важный чин византийской «табели о рангах», следующий за «кесарем». См. выше, стр. 546, пр. 3.

3 Т. е., вероятно, с того же 1167 г.

4 Nicet., 294—296. Примирение и поселение Андроника в Инее произошло, вероятно, в первой полови-

III

Национальная политика

Насколько можно догадываться, Андроник из своего уединения внимательно следил за тем, что происходило в Константинополе. Это было для него тем легче, что в столице было не мало и близких родственников и выдающихся людей среди светской знати и константинопольского духовенства, преданных ему. Можно думать, что в момент смерти Мануила уже образовалась целая партия, враждебная императрице и протосевасту Алексею и готовая признать своим главою Андроника. На чем же основывалась приверженность этой партии к малоазийскому изгнаннику? Прежде всего, личное несочувствие Мануилу и стремление Андроника захватить власть заставляло предполагать нелюбовь Андроника и к тем лицам, которые по смерти императора захватили эту власть; люди, лично не симпатизировавшие императрице и протосевасту, таким образом, рассчитывали найти сочувствие в Андронике, каковы бы ни были их политические воззрения. Но этого мало: насколько можно судить по некоторым указаниям византийских историков, у Андроника была своего рода политическая программа; его имя служило знаменем, вокруг которого могли собраться люди, не симпатизировавшие правительству и не по личным мотивам. В изложении Никиты сообщению о вторичном назначении в Киликию предшествует рассказ об упомянутом выше¹ плане Мануила, выдать свою дочь Марию за венгерского принца Белу и признать Белу и Марию своими наследниками. При этом Мануил взял со всех близких людей, т. е., вероятно, с членов императорского дома, высших членов правительства и придворных, присягу в том, что после его смерти они признают Марию и Белу наследниками его власти и будут повиноваться им и чтить их, как «римских императоров». Все дали эту присягу. Один Андроник не согласился на это, резко выставив причины своего отказа: прежде всего, у императора может еще родиться сын; а затем, «что за возмутительное дело, что за преступление со стороны царя считать всякого «римлянина» недостойным дочери, а этого пришельца и чужеземца на позор «римлянам» избрать, чтобы царствовать над «римлянами», и ставить его выше всех «римлян», как господина!» Мануил не менее резко отнесся к «дельным», по выражению Никиты, словам своего кузена, считая их пустыми речами противоречивого упряма, но многие согласились со взглядами Андроника даже и после присяги, и одни тотчас же высказали свое согласие, а другие, хотя и не высказали, но примкнули к мнению, «что не будет пользы для «Римского государства,» если к плодовой маслине привить ветвь от иноплеменного дерева»². В этом столкновении взглядов, оказавшем, может быть, немалое влияние на последнюю размолвку Мануила с Андроником, ярко выразилась черта того национализма, той враждебности к западным иноземцам, которая стала основным элементом политической программы Андроника и собрала около него людей, усердно работавших в столице в его пользу в конце 1180 и в начале 1181 года.

С своей стороны, Андроник также не терял времени. Найдя в приведенной выше присяге удобный повод вмешаться в дела империи, он начал посылать письма и молодому императору, и тогдашнему константинопольскому патриарху Феодосию, и различным предста-

не 1180 года. См. Ж. М. Н. П., т. 214, стр. 58. пр. 1.

1 См. выше, стр. 563.

2 Nicet., 179—180 (русск. перев., 174—175).

вителям византийской аристократии: В этих письмах высказывалось негодование против протосеаста Алексея, говорилось, будто царю угрожают опасности и гибель. Написанные с обычными для Андроника убедительностью и красноречием, письма эти производили сильное впечатление. Все большее и большее число людей начинало смотреть на Андроника, как на единственного человека, истинно преданного «римским» интересам, как на единственного «филоромэя»¹, и притом, «благодаря своему возрасту и благодаря обширной опытности соединяющему в себе самые лучшие качества». Вероятно, в начале 1181 года он двинулся из Инея. Распространяемые самим Андроником слухи, что он идет в силу своей присяги для освобождения императора от опасности, и древнее предсказание о том, что Андроник будет некогда царствовать, собирали вокруг него толпы людей, «питавших стремление к новому порядку вещей».

Возстание Марии

Между тем в столице партия Андроника составила заговор с целью свержения протосеаста. Во главе этого заговора стояли старшая сестра императора,—та самая Мария, которую Мануил собирался выдать за Белу, но которая вышла впоследствии замуж за маркграфа монферратского Райнерио,—ея муж и два сына Андроника, Мануил и Иоанн. Решено было в субботу на первой неделе великого поста 1181 года во время церковной службы покончить с протосеастом при помощи наемных убийц. Однако, заговор был открыт, большинство участников его, которых пристрастные судьи старались обвинить в оскорблении величества, потерпели жестокие наказания, а Мария и ее муж, благодаря патриарху Феодосию, стоявшему на стороне заговорщиков, нашли себе убежище в церкви св. Софии. Все это произошло еще великим постом. К Пасхе, по обыкновению, собрались в Константинополь целые массы богомольцев из различных частей империи. Но то, что они увидели здесь на этот раз, было совсем необычно: торжественная процессия с патриархом во главе, ежегодно отправлявшаяся из церкви св. Софии во дворец, чтобы поздравить императора с праздником, была, по распоряжению патриарха, отложена. Самая ограда «Великой церкви», где скрывались Мария и ее муж, становилась все более и более похожей на укрепленный лагерь: Мария, не перестававшая требовать удаления протосеаста от дел, умела привлечь на свою сторону и часть италийских наемных войск, и часть «римского» войска и, наконец, ту сбродную, состоявшую из низших слоев ремесленного и рабочего класса толпу, которая почти всегда принимала деятельное участие в политических переворотах, разыгрывавшихся в столице; привлечь ее было тем легче, что ненависть к богатым купцам и придворным западного происхождения и раздражение против правительства, пренебрегавшего интересами народа, давно уже накапливались в низших слоях столичного населения. Деньги, раздаваемые Марией, увеличивали число ее приверженцев. Приверженцы Андроника, бывшего в оживленной переписке с Марией и принимавшего, очевидно, издала весьма деятельное участие в развитии константинопольского движения, распространяли молву о том, что он не допустит поругания престола, что он приближается к столице, чтобы наказать протосеаста. Повсюду начали составляться сходы и сходки, где открыто выражалось негодование против императрицы и протосеаста и сожаление о Марии. Постепенно дело дошло до открытого мятежа. Священники являлись среди толпы с

1 Nicet., 298: *μονωταιον ως φιλορωμαιον ανδρα*.

крестом, с изображением Христа, с хоругвями и призывали народ к «священной войне»¹, т. е. к войне с ненавистными и церкви и народу иноземцами. Народ собирался в центральных частях города, поднимал крики, выражая добрые пожелания императору и осыпая проклятиями императрицу и протосеаста, наконец, толпа начала грабить и разрушать дома приверженцев правительства, и те должны были спасаться бегством.

До сих пор протосеаст пытался прийти к соглашению с Марией, но встретил с ее стороны резкий отпор. Теперь он решил прибегнуть к вооруженной силе. Собрав к так называемому «Большому дворцу», какие было можно, отряды войска, и рассчитывая на помощь латинского населения столицы, понявшаго, какая опасность грозит ему со стороны мятежников, он решил захватить главное убежище последних—место в ограде церкви св. Софии, лежавшей против Большого дворца. Мятежники, с своей стороны, укрепились, как могли. На рассвете 2-го мая 1181 года на площади Августеон, отделявшей «Великую церковь» от Большого дворца и на прилегавших к ней улицах завязалась ожесточенная битва; сначала, приверженцы протосеаста и Марии перестреливались с крыш церковей и башен, окружавших площадь, а затем сошлись в рукопашную. Наконец, после полудня войско протосеаста стеснило противников и загнало их в притвор храма св. Софии; битва угрожала продолжаться в самом храме. Тогда патриарх Феодосий вышел в притвор, чтобы остановить сражающихся, а муж Марии Райнерио с небольшим отрядом бросился на Августеон и очистил его от противников. Ночь прервала битву, и патриарх, не теряя времени, послал одного из своих чиновников для переговоров во дворец. На следующий день, 3-го мая, переговоры эти, в которых приняли участие многие из влиятельных сановников, кончились: мятежникам была дарована полная амнистия, а Марии и ее мужу гарантирована полная безопасность. С наступлением ночи на 4-е мая Райнерио и Мария вышли из храма св. Софии и водворились в Большом дворце. После прекращения мятежа первым делом протосеаста было заточение патриарха в один из константинопольских монастырей; Алексей задумывал даже свергнуть Феодосия с патриаршского престола. Но, очевидно, он не чувствовал под собой прочной опоры: не сумев найти против Феодосия достаточных обвинений, он должен был вернуть его в «Великую церковь», что дало повод к грандиозной демонстрации в честь патриарха.

Поход Андроника на Константинополь

Многочисленные письма «из знатных домов» постоянно уведомляли Андроника о том, что происходило в столице, а, наконец, в Синопе он получил и самые верные известия от своей дочери Марии, бежавшей из Константинополя к отцу. Узнавши от нея, как увеличивается его популярность в столице и как сильна его партия, Андроник решил действовать энергичнее. Из Пафлагонии он двинулся через Вифинию по направлению к Босфору. Но прежде чем направиться прямо к столице, он попытался заручиться преданностью малоазийских провинций, имевших такое важное значение для империи в военном отношении: привлекая на свою сторону стратегов и сильные войска малоазийских фем, можно было чувствовать себя уже почти господином империи. Но сделать это было не легко. Правда, слухи о том, будто Андроник идет спасти царя от гибели и будто бы даже царь Мануил взял с него слово разделять с другими бремя регентства, привлекли к нему довольно много

1 Nicet., 306. Ср. Ф. Успенский, Ж, М. Н. П., т. 214, стр. 64.

народа и войска в Пафлагонии и Вифинии. Но во главе области города Никеи¹ и обширной фемы Фракия² стояли люди, преданные протосевасту, его родственники Иоанн Дука и Иоанн Комнин Ватаца. Несмотря на все убеждения Андроника, они сохранили верность Алексею. Однако за эту неудачу Андроник был немедленно вознагражден. Протосеваст поручил одному из очень влиятельных в Византии людей, Андронику Ангелу, с войском преградить дорогу Андронику. Потерпев поражение от приверженцев Андроника и уклоняясь дать отчет в расходовании денег, полученных на военные издержки, Ангел передался Андронику вместе с шестью сыновьями. Переход этой влиятельной семьи, родственной Комнинам, был большим ударом для протосеаста и очень ободрил Андроника. Не смущаясь более сопротивлением Никеи, он направился прямо к Константинополю, и скоро жители столицы увидели на противоположном берегу Босфора, около города Халкидона, множество сторожевых огней по линии лагеря, нарочно растянутой как можно длиннее.

Жители столицы толпами собирались на берегу, смотрели на противоположную сторону, делали знаки, точно призывая Андроника, «дабы он низверг уже напиравшую латинскую тиранию»³. Скоро по проливу замелькали лодки, и установились сношения одного берега с другим. И знатные и незнатные являлись к Андронику. Он был со всеми приветлив и всем говорил о скором вступлении в город. «Его чуть не на руках носили не только.... род Ангелов, но и остальная знать, сенат и другие жители столицы»⁴. Протосеваст растерялся и пропустил много времени, прежде чем прибегнуть к последнему остававшемуся в его руках средству: ему был еще верен флот—флот, в значительной части иностранный, «латинский», щедро награжденный Алексеем. Но и здесь оппозиция знати дала себя почувствовать. Главным начальником флота, «великим дуксом», был в то время один из крупных представителей византийской знати, Андроник Контостефан. Протосеваст охотно заменил бы не расположенного к нему «дукса» кем-нибудь из своих родственников, но не решился на немотивированную отставку крупного и смело защищавшего свое положение сановника. Эта нерешительность окончательно погубила Алексея: через несколько дней Контостефан со всеми кораблями, на которых было «римское» войско, перешел на сторону Андроника. Теперь уже ничто не сдерживало противников правительства: целые толпы являлись в лагерь Андроника, народ массами собирался на площадях Константинополя и открыто обсуждал распускавшиеся партией Андроника слухи о том, будто правители, утратив любовь народа, ищут спасения в латинянах, «обещая отдать им город и обратить греков в рабство»⁵. Эти слухи сильно волновали массу, и скоро в столице произошел открытый переворот: из тюрьмы были освобождены сыновья Андроника и другие участники заговора против Алексея, а на их место заключены приверженцы правительства; затем и сам протосеваст был схвачен и отдан под охрану варяжской стражи; через несколько дней его в шутовской процессии отправили к Андронику и, по его приказанию, ослепили.

1 В XI в. эта область называлась фема Опсикий. См. Скабаланович, стр. 204—205.

2 Занимавшей южную часть древней Мизии от города Адрамития и древнюю Лидию; главные города этой фемы были: Смирна, Эфес, Милет, Филадельфия, Иераполь. См. Скабаланович, стр. 206.

3 Nicet., 320. Михаил Акоминат в речи к претору Дрими—цитир. у Ф. Успенского, оп. с., стр. 62, пр. 3.

4 Eusthat. Thessal. de Thessalonica a Latinis capta—цитир. у Ф. Успенского. стр. 69, пр. 1.

5 Eusthat. Thessal., оп. с., цитир. у Ф. Успенского, ibid., стр. 71, пр. 1.

Избиение латинян

Главный враг, особенно неприятный аристократическим элементам оппозиции, был, таким образом, сломлен. Оставалось расчитаться с теми, кто возбуждал ненависть в массе городского населения. Находясь еще на азиатской стороне пролива, Андроник приказал флоту двинуться к Константинополю и напасть на бывших там иноземцев. Столичная толпа с восторгом встретила прибывших и вместе с ними направилась к Золотому Рогу, где была колония западных купцов, наполненная роскошными домами и заключающая до 60,000 населения. Здесь началась зверская расправа. Дома разграбляли, всех, кто попадался, избивали, не щадя ни пола, ни возраста; тех, кто не успел или не хотел выйти из жилищ, запирали и сжигали, разрушали церкви и благотворительные учреждения, убивали духовенство; в странноприимном доме иоаннитов перебили больных; несколько тысяч иностранцев было захвачено живыми и продано в рабство восточным народам; кто успевал спастись, те бросались на корабли и поспешно направлялись в Пропонтиду. Население Константинополя ликовало: совершилось освобождение от «латинян», и, кроме того, в руки толпы попала богатая добыча. Но за это торжество предстояла дорогая расплата: уже беглецы, ушедшие в Пропонтиду, постарались по мере своих сил отомстить за испытанное насилие: они разграбили берега Босфора и Принцевы острова, сожгли немало монастырей и перебили монахов. Худшее, однако, было еще впереди и разразилось тогда, когда вести об избииении «латинян» дошли на Запад, разожгли старую вражду к Византии и подготовили нашествие сицилийцев в 1185 году и четвертый крестовый поход. Но в то время, в 1182 году, едва ли многие в Византии предугадывали последствия латинского избииения. Все отдалось приятному сознанию освобождения от «латинской тирании», каждым по своему понимаемого, каждым толкуемого в своих интересах, и, конечно, с признательностью смотрели на руководителя нового направления—Андроника. Теперь в его руках были и аристократия и народная масса; оставалось сблизиться только с носителем высшей духовной власти, столь влиятельной в Византии,—с патриархом Феодосием.

Как мы знаем, Феодосий не оставался безучастным ко всему, что происходило в Византии со смерти Мануила. Взяв под свою защиту Марию и ея приверженцев, он ясно показал, что его симпатии на стороне противозападнической партии. Эти симпатии должны были вести Феодосия к сближению и с Андроником. Но, насколько можно судить по изложению Никиты, патриарх был человек высоконравственный и принадлежал к наиболее безкорыстным и искренним приверженцам «национальной» партии. Знамя, выставленное Андроником, было ему по душе, но вопрос о том, каковы приемы его деятельности, какова ея нравственная основа, оставался неразрешенным и возбуждал в тонком и наблюдательном Феодосии сильное недоверие к инейскому изгнаннику. После свержения протосеаста, когда вся знать и чиновничество перебивали у Андроника, отправился к нему и Феодосий. Личное впечатление, произведенное ими друг на друга, было неблагоприятное: беседа свелась к тому, что среди утонченных, изысканно-замаскированных колкостей Андроник настаивал на обязанности патриарха иметь попечение об императоре, а Феодосий слагал эту обязанность на Андроника, ссылаясь и на свой сан, и на свои годы, и на умение Андроника устроить государственные дела. Патриарх, очевидно, быстро составил себе определенное мнение об Андронике, понял, что им невозможно будет идти рука об руку, и решил отстраниться от деятельного участия в политике, однако, не только не мешая Андроннику про-

должать начатое, но даже и признавая себя как бы солидарным с ним. Для Андроника это было важным успехом: церковь играла важную роль в противозападническом движении, и ее высший представитель мог иметь значительное влияние не только на духовенство, но и на низшие слои столичного населения, так охотно слушавшего призыв священников к борьбе против протосеаста и императрицы.

Партия Андроника

Теперь все было подготовлено в Константинополе к прибытию Андроника, и в апреле 1182 года он переплыл пролив и явился к молодому императору Алексею II, который в это время, по желанию Андроника, переселился из Большого Дворца в Манганский¹. Холодное, почти презрительное обращение с Марией при этом свидании ясно показывало, что Андроник чувствовал себя господином положения. Но ему еще нужно было вполне укрепиться в этой роли. Средства для этого были подсказаны Андронику, с одной стороны, тогдашней группировкой партий, с другой, обычной практикой византийских государственных переворотов. Как указано выше, сторонники Андроника делились на несколько разрядов: в первом ряду стояли сестра императора Мария и ее муж, боровшиеся с партией протосеаста чисто из личных видов; к ним примыкали те из придворной и чиновной аристократии, кто руководился или также чисто личными симпатиями и антипатиями, или, если и ссылался на свою ненависть к «латинянам», то все-таки имел, в конце концов, в виду свое личное положение, заслоненное иноземцами. Людей, сознательно стоявших за «противозападничество», как за средство возродить государство, едва ли здесь было много. Но за этими группами стояли гораздо более многочисленные ряды духовенства, торгового, промышленного, ремесленного и рабочего населения столицы. Протест этих слоев, интересы которых часто шли в разрез с интересами высших, принимал более широкую окраску, нежели протест последних: здесь выставлялись интересы православной церкви, интересы целого «римского» народа. Современные летописные изложения почти совершенно скрывают от нас участие провинциального населения в политических событиях эпохи. По отрывочным указаниям, можно думать, что, непривычное к политической деятельности, оно часто и в действительности было заслоняемо расположенными в провинциях войсками и их руководителями, стремления которых определяли и отношения самих провинциалов к тому или другому политическому явлению. Однако, можно сказать, что и здесь интересы высших слоев бюрократического и крупно-землевладельческого шли, по большей части, в разрез с интересами низших, промышленного и земледельческого, и что, следовательно, политика, благоприятная для одних, естественно, оказывалась неблагоприятною для других и обратно. Угодить тем и другим, как в столице, так и в провинции, было едва ли возможно. Поневоле приходилось выбирать, и Андроник, хорошо знакомый с стремлениями и привычками византийской аристократии, повидимому, скоро решил, на какой стороне искать опоры.

Пока ему приходилось приобретать себе силу и возможность утвердиться в Константинополе, он не пренебрегал ни аристократией, ни партией духовенства и народа. Теперь, когда он почувствовал себя могущественным,—хотя формально его право на захват госу-

1 См. выше, стр. 562, пр. 1. Местность, где находился Манганский дворец (северная оконечность мыса, образуемого Золотым Рогом и Босфором) называется «внутренний Филопатий». В западной части города, уже за городской стеной, была местность, называвшаяся «внешний Филопатий», где также был дворец. См. Nicet., 331.11 и 380.17-22.

дарственной власти все еще заключалось только в его присяге Мануилу¹,—он решил сокрушить силу аристократии и опираться на низшие слои. Это была смелая и своеобразная попытка, шедшая в разрез с политикой большинства императоров Византии, где придворные интриги и борьба партий оказывали чрезмерное и, по большей части, разлагающее влияние на ход политической жизни. Удача этой попытки могла бы оказать сильное влияние на судьбу Византии, и, вероятно, затеянная Андроником, так сказать, самодержавно-демократическая монархия привела бы империю не к тем результатам, к каким она пришла в конце своей истории. Но неудача Андроника лишней раз подтвердила, насколько бессильна отдельная, хотя бы самая могучая личность в борьбе с естественным ходом исторического развития. А в Византии этот ход слагался так печально, во внутреннем строе и особенно во внешних отношениях государства было столько препятствий к осуществлению планов, подобных плану Андроника, что такая попытка могла кончиться только крушением. К тому же, навеянные византийской практикой способы осуществить эту попытку были уже сами по себе способны привести к целому возмущению и к свержению императора. Этими способами были: пострижение в монахи, ослепление, жестокие казни и убийства, и Андроник широко пользовался ими против аристократии. Современный византийский историк, в сочинении которого нестройно, постоянно противореча друг другу, отразились и аристократические тенденции того времени и народные воззрения на Андроника, с необыкновенной пестротой чередует в своем рассказе восторженные похвалы Андронику с самыми резкими порицаниями его безнравственности, тиранническим замашкам, его жестокости и безчеловечию². Новейшие историки странным образом обращали внимание почти исключительно на эту последнюю сторону изображения и представляли Андроника отвратительным злодеем, чуть ли не готовым жертвовать всем для узких личных видов. Конечно, Андроника нельзя заподозрить в особенной мягкости и кротости. Жестокость, мстительность, почти полное отсутствие нравственных принципов составляют несомненные черты его характера. Но средства, употреблявшиеся Андроником, были свойственны не только всей Византии на всем протяжении ее истории, но и вообще средневековому миру, и если Андроник пользовался ими шире, чем многие, так это (помимо указанных свойств его характера) главным образом потому, что и задачи, которые он себе поставил, были исключительные, и борьба, вызванная его деятельностью, была ожесточенная и разгоралась постепенно все с большею и большею силою, невольно превратив последние моменты его царствования действительно в какую-то кровавую эпопею³.

Преследование знати

Как бы то ни было, Андроник сразу пошел прямо по намеченному пути. Какова была в это время его популярность среди низших слоев столичного населения, и насколько в то же время были страшны и жестоки эти союзники, это резко проявилось в одном случае, происшедшем во время пребывания Андроника в Филопатии перед вступлением в город. Около его палатки был схвачен какой-то подозрительный бродяга, просивший милостыню. «Слуги Андроника сначала обвинили его в занятии колдовством, а потом безразсудно выдали его

1 См. выше, стр. 566.

2 Nicet., *passim*. В 2 книгах, посвященных специально царствованию Андроника (pp. 356—463), преобладает отрицательный взгляд, кроме, однако, некоторых глав (3—5, 13) второй книги.

3 Наиболее правильный взгляд на Андроника встречается у Фальмерайера и у русских исследователей: акад. А. Куника и проф. Ф. Успенского.

городской черни, а та, смотря на Андроника, как на лицо божественное, не расследовав вины, отвела его (бродягу) в театр и там, наложив сухих дров и хвороста, сожгла, в угождение Андронику»¹. Рядом бьющих в глаза, подкупавших массу действий, Андроник продолжал укреплять свою популярность. Вступив в город, он прежде всего поспешил на место погребения Мануила и там на виду у всех горько рыдал над гробницей; родственники долго не могли убедить его отойти от могилы. «Вот как он любил Мануила», — шел говор среди присутствовавших при этом, — «хотя тот и был его жестоким гонителем». Вскоре затем народ стал очевидцем другого, еще более поразительного зрелища. Андроник предложил Алексею короноваться самодержцем², и в день совершения обряда, «на глазах у многих тысяч городского и пришлого народа», подняв Алексея на плечи «с теплыми слезами», принес его к амвону Великой церкви и затем, по окончании обряда, также отнес его обратно. Толпа была так поражена этим, что готова была думать, будто Андроник «любит царя больше отца и будет правой рукой молодой царственной отрасли». Все эти выходки, приводившие в изумление и восторг простодушную массу константинопольского населения, вызывали скептическое отношение и подчас ядовитую иронию и сплетню в придворном и чиновном кругу, где Андроник сразу же показал себя совсем с иной стороны.

Тотчас по вступлении в столицу, наградив за преданность «пафлагонцев», т. е. пристававшие к нему малоазийские отряды, Андроник принялся за систематическое преследование византийской знати. Начались изгнания, конфискации, заключения в тюрьму, ослепления. Первыми, конечно, должны были пострадать те, кто стоял в открытой оппозиции Андронику, а между ними были такие сильные люди, как упомянутый выше «великий доместик» Иоанн Комнин Ватаца³, начальник фемы Фрасикия, упорно отстаивавший против войска Андроника город Филадельфию вплоть до своей смерти, последовавшей, к счастью для Андроника, довольно скоро⁴. Борьба, эта требовала большого напряжения сил: благодаря организации фем, сосредоточивавшей в руках их начальников обширную власть и предоставлявшей в их распоряжение значительные военные силы, люди, подобные Иоанну Ватаце, могли поднять целые области, возбудить настоящую междоусобную войну, что и пришлось испытать Андронику в Малой Азии. Но ему нельзя было ограничиться удалением такого открыто оппозиционного элемента из областного и центрального управления и из придворного круга. Скоро и те из аристократии, кто перешел на сторону Андроника в надежде, с переменой правителя, усилить и улучшить свое личное положение, увидели, что ошиблись в расчетах: Андроник был слишком мало расположен поступаться полнотою своей власти ради их олигархических вкусов; ему была несвойственна политика слабых императоров, чувствовавших себя всецело зависящими от этой, правда, очень сильной и тесно сплотившейся аристократии и старавшихся упрочить свое положение милостями и уступками ей представителям; да, собственно говоря, он и был обязан-то этой аристократии слишком немногим: его подняли на верх власти не столько ее интриги и своекорыстные политические затеи, сколько широкая популярность среди малоазийских войск, среди низших слоев народа и среди низшего духовенства столицы. Как бы то ни было, но византийская аристо-

1 Nicet., 332 (русс. пер., 328).

2 Nicet., 333: *στεφθῆναι αυτοκράτορα εἰσῆγεται τὸν βασιλεῆ Ἀλεξίον*.

3 См. с. 571; о значении термина «великий доместик» см. ниже, с. 591, пр. 1.

4 Вероятно, еще в 1182 году. Филадельфия немедленно после того передалась Андронику.

кратия, эта многочисленная толпа крупных землевладельцев, переродившихся между собой, поддерживавших друг друга и склонных к непотизму в высших чинах и должностях, требовала против себя, на взгляд Андроника, решительных и быстрых мер,—и он не поспешил на такие меры чисто в средневековом духе. Прежде всего он постарался отделаться от своей временной союзницы,—сестры императора, Марии. Она была отравлена медленно действующим ядом. Вскоре не стало и ее мужа Райнерио. «Говорили, что и он умер не естественной смертью, а передавали, что одна чаша, усыпляющая жизнь, покрыла мраком смерти обоих...»¹. Далее, ссылаясь на то, что интриги императрицы-матери противодействуют всякой мере и начинанию, предпринимаемым им для блага государства и государя, Андроник поднял против нея обвинение на суде. Некоторые из участников суда выражали сомнение в законности самого созвания этого суда без повеления императора, но Андроник, приказав телохранителям схватить их и чуть не отдав их на народную расправу, добился,—между прочим, с согласия и патриарха,—отстранения Марии от сына и удаления ее из дворца.

Заговор против Андроника

Вероятно, осуждение Марии и крутая расправа с судьями послужили последним толчком для составления среди высшего сановного круга заговора против Андроника. Любопытно, что главными участниками этого заговора были Андроник Ангел с сыновьями и великий дукс Андроник Контостефан, еще так недавно предательски покинувшие протосебаста Алексея ради Андроника². Очевидно, что последнему приходилось в этом случае иметь дело с самыми безсовестными карьеристами высшего полета, ошибшимися в своих расчетах и готовыми на все ради достижения своих личных целей. Заговор был открыт. Ангелу с сыновьями удалось бежать. Контостефан, его сыновья, логофет дрома³ Василий Каматир и «многие другие, находившиеся в родстве с ними и сами по себе, люди знаменитые», были схвачены и ослеплены, заключены в тюрьму или изгнаны.

Этот заговор, в свою очередь, повел к новому суду над императрицей Марией, обвинявшейся на этот раз в сношениях с своим зятем, венгерским королем Белоу и в подстрекательстве его к нападению на Браничев и Белград. Отведенная в тюрьму, где с нею очень жестоко обращались, Мария скоро еще раз подверглась суду. Андронику, повидимому, не трудно было заставить Алексея, совершенно отстраненного от государственных дел и занятого лишь охотой и другими развлечениями, подписать смертный приговор его собственной матери, но не так легко было найти исполнителей этого приговора: предназначенные Андроником для этого его собственный сын Мануил и шурин Георгий наотрез отказались от ужасного поручения. Тогда пришлось прибегнуть к содействию некоего Птеригионита,—

1 Nicet., 337, 11-12

2 См. выше. стр. 571.

3 Логофетами назывались в Византии чиновники, стоявшие во главе отдельных ведомств центрального управления, так называемых секретов (нечто в роде современных министерств). В ведении логофеты дрома, министра почт и путей сообщения, находилась государственная почта, служившая не для надобностей частных лиц, а для перевозки чиновников, иностранных послов и ссыльных и разсылки императорских указов. Затем он должен был представлять императору иностранных послов и вести с ними сношения от лица императора. Наконец, на его обязанности лежало доносить императору об «общем состоянии государства», для чего в его распоряжении была полиция и особые надсмотрщики, в роде шпионов. См. Скабаланович, 175—176.

темной личности, которой молва приписывала отравление и сестры императора и одного из начальников лейб-гвардии, Константина Трипсиха¹. Эти люди по приказу Андроника задушили Марию. Около того же времени покинул патриаршую кафедру столицы «скрытный армянин» — Феодосий, и на его место был возведен человек, вполне преданный Андронику.

Венчание на царство

Теперь Андроник мог думать, что почва достаточно подготовлена для того, чтобы он принял императорский титул². Дело было поведено довольно искусно. Приверженцами Андроника был поднят вопрос о том, как быть с мятежными малоазийскими городами Никеей и Бруссой, принявшими к себе беглецов Ангелов. При обсуждении этого вопроса на собрании государственных сановников в доме Андроника было решено, что единственное спасение — назначение в соправители Алексею Андроника. Присутствовавшие тотчас же провозгласили: «Алексею и Андронику, великим императорам и самодержцам римским, Комнинам, многия лета!». Слухи о происшедшем быстро разнеслись по городу; к жилищу Андроника собрались толпы людей «всякого рода, всяких профессий, всякого возраста» и, под руководством двух особенно рьяных сенаторов, устроили радостное пение и пляски. Затем Андроник отправился во дворец, где, очевидно, вполне ему подчинявшийся Алексей стал также упрашивать его принять соправительство. Андроник не соглашался. Тогда приверженцы схватили его за руки, силой посадили на трон, надели ему на голову «огненного цвета» повязку и облекли его в царскую одежду³. Вслед затем над Андроником совершенно было церковное венчание в «Великой церкви», а после него — торжественный въезд в «Большой дворец».

За этим последовал еще один, может быть, лишний шаг со стороны Андроника к окончательному упрочению власти. Ссылаясь на Гомеровский стих: «не хорошо многовластие; пусть будет один повелитель, один царь (*οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανὴ εἰς κοίρανος ἐστω, εἰς βασιλεὺς*)», — приверженцы Андроника, составлявшие его сенат, сначала определили императору Алексею вести жизнь частного человека и затем произнесли ему смертный приговор. Константин Трипсих и некие Стефан Агиохристофорит и Дадиврин напали ночью на Алексея и удавили его тетивой лука. Никита Акоминат передает отвратительные подробности этого темного дела. По его словам, когда тело Алексея принесли к Андронику, он толкнул его ногой и назвал его отца клятвoprеступником и оскорбителем, а мать — безстыдной развратницей; потом отрубили голову и бросили ее отдельно, а тело закупорили в свинцовый ящик и опустили на дно моря. Два «знаменитых человека» из приверженцев Андроника с пением и плясками управляли судном, везшим труп...

С этой минуты началось единодержавное правление императора Андроника Комнина (1183—1185).

1 Трипсих занимал должность великого этериарха, начальника великой этерии, одной из частей лейб-гвардии. По мнению Скабалановича, под надзором великого этериарха были все «варяги» (т. е. иноземные отряды, бывшие на службе империи как при дворе, так и вне столицы). В противоположность иноземной страже была еще «ромэйская гвардия». См. Скабаланович. 329, 332.

2 Двоевластие не составляло в Византии исключительного явления. Ср. выше, стр. 555, пр. 2.

3 Она была из золотой парчи и пурпура, украшалась жемчугом и пр. См. Скабаланович, 145.

IV

Возстание в Малой Азии

Андроник достиг престола путем насилия и кровавой борьбы. Этим же путем пришлось ему идти и дальше.

Добившись от патриарха и синода¹ разрешения от клятвы, данной Мануилу и его сыну, и взявши себе в жены невесту погибшего Алексея Анну, дочь французского короля Людовика VII, Андроник должен был почти тотчас же обратиться к борьбе с тем движением, опасность которого и послужила поводом к провозглашению его императором: возстание в Малой Азии разгоралось все сильнее. Тотчас по распространении известия о воцарении Андроника и об убийстве Алексея, к этому возстанию попытался пристать Андроник Лапарда, один из двух «стратигов тагм»², ведших около Ниша и Браничева, войну с Белою венгерским. Под предлогом поездки в столицу он передал все руководство войной своему сослуживцу, преданному Андронику, Алексею Вране и направился в Малую Азию. Но в городе Адрамитии Лапарда был схвачен. Его отправили в Константинополь, там ослепили и заключили в монастырь. Весной 1184 года, собрав «все войска, какия на западе и на востоке оставались ему верными», Андроник лично отправился в Малую Азию, где к ранее возставшим Никее и Бруссе присоединился город Лопадий (к востоку от Бруссy). Лопадий скоро сдался, но Никея защищалась гораздо упорнее. Руководимые Исааком Ангелом и Феодором Кантакузином, никейцы удачно отбивали приступы императорских войск, во время вылазок жгли и разрушали осадные машины и со стен осыпали Андроника насмешками и бранью. Это раздражало Андроника и вызывало на жестокости: он приказал привезти из Византии мать Исаака Ангела, Евфросинию, и подставлял несчастную женщину под выстрелы, помещая ее на осадные машины, которые придвигались прямо к стене. Но никейцам во время ночной вылазки удалось увести Евфросинию в город. Безсильная досада Андроника разгоралась все более и начала уже обращаться на собственных военачаль-

1 «При константинопольском патриархе был синод, так называемый *synodos ekdηmouσα*, представлявший собою как бы всю поместную автокефальную церковь и образовавшийся из повременных соборов, которые в древности, смотря по требованию обстоятельств, собирались вокруг автокефальных церквей, а потом (как полагают, с конца IV в.) превратились в постоянное учреждение, синод. Синод состоял из членов действительных (каковыми могли быть все лица, имевшие сан не ниже епископского), выбираемых и назначаемых патриархом, а в исключительных случаях императором, и из членов присутствующих (каковыми были патриаршие сановники первой пентады, т. е. стоявшие во главе патриарших приказов, заведовавших светской стороной церковного управления: канцелярскими делами, финансовыми и пр.); сверх того, в синоде могли заседать и представители правительства (*δεσποτικοι αρχοντες*), которые, однакож, не были постоянными представителями, а являлись и заседали тогда, когда в синоде решались вопросы, имевшие отношение к области государственной жизни. Синод был высшею административною и судебною инстанцией, наблюдал за чистотою веры и поддержанием церковных порядков, за назначением епископов на места, их перемещением, рассматривал жалобы на духовных лиц и пр., при чем обыкновенные постановления утверждались патриархом и объявлялись от его имени, а более важные, в том числе касавшиеся самого патриарха, восходили на утверждение императора» (Скабаланович, стр. 363). Настоящее дело, хотя и очень «важное», очевидно, могло быть утверждено только патриархом, а не императором.

2 Т. е. военачальник, командующий отрядом сухопутных войск, выставляемых фемами. Некоторые фемы, менее населенные, выставляли по одной тагме, более населенные—по несколько тагм. Скабаланович приводит пример (относящийся к 1040 г.), из которого видно, что тагма заключала 300 всадников и 500 пехотинцев. Подробности см. Скабаланович, стр. 317 слл. Ср. выше, стр. 545, пр. 2.

ников и солдат, подвергавшихся упрекам в небрежности и трусости, когда, смерть Феодора Кантакузина во время новой вылазки круто переменяла положение дела: нерешительный, а, может быть, и расчетливый Исаак Ангел уклонился от предложенного ему жителями города главного начальства над ними. Тогда никейцы, по почину архиерея Николая, решили сдаться на милость Андронику. В торжественном шествии, без оружия, с масличными ветвями в руках, босые, с непокрытой головой двинулись они в лагерь Андроника. Император принял их благосклонно; но возстание не осталось вполне безнаказанным, и это наказание очень характерно для политики Андроника: кроме турок, которые оказались в городе и были перевешаны, преследованию подверглись «в особенности те, кто выдавался почетным положением и знатностью рода»; духовенство, войско, торговый, ремесленный или рабочий класс, повидимому, почти не пострадали. Любопытно, кроме того, что Андроник не подверг наказанию Исаака Ангела. Хваля его за отказ продолжать возстание после смерти Кантакузина и отсылая в Византию, Андроник, очевидно, думал привлечь на свою сторону этого безхарактерного и нерешительного, но влиятельного по связям и родовитости человека. От Никей император отправился к Бруссе. Город не сдавался добровольно, был взят штурмом, и жители подверглись гораздо более жестокой расправе, чем в Никее: мятежникам отрубали пальцы, руки, ноги, выкалывали глаза, но и здесь, кажется, самые жестокие наказания постигли людей высшего класса—Феодора Ангела, брата Исаака, и др. Затем последовала подобная расправа в Лопадии, где, между прочим, был ослеплен один епископ за то, что не обличал бунтовщиков, возставших против императора. Возстание в Азии было, таким образом, подавлено. Радостно приветствуемый народом, Андроник вернулся в Константинополь, где он мог теперь, казалось, направить свою сильную и неоспоримую власть всецело на осуществление того, к чему стремился и чего желал, добиваясь этой власти.

Цели Андроника

Но чего же желал Андроник? Каким целям должна была служить его в полном смысле самодержавная власть? Обладание этой властью, конечно, давало возможность в широкой мере удовлетворить тому вкусу к изысканной роскоши и чувственным наслаждениям, который был в такой же степени свойствен Андронику, как и Мануилу, и всему придворному кругу их времени. И Андроник охотно пользовался этой возможностью, проводя свободное время на знаменитых своею роскошной природой островах Пропонтиды в кругу придворных, певиц, танцовщиц, среди пиров и оргий,—своеобразный отдых, к которому прибегал и император Мануил. Далее, Андроник хотел не только обладать властью, но и упрочить её за своим потомством. Среди византийской знати, вечно готовой на заговоры, на явные и тайные убийства, на подстрекательство переменчивой, сбродной и дикой константинопольской толпы к бунту, приходилось уже, в виду стремления охранить себя и потомство, действовать не только осторожно, но подозрительно и подчас круто. А частые бегства, попытки заговоров, возстаний, подтверждая плохую репутацию этой знати, должны были, естественно, держать Андроника в вечном напряжении, развивать в нем подозрительность, раздражать и ожесточать этого без того уже не мягкого человека. Эта подозрительность и неуверенность в окружающих заставляли Андроника отдаляться от придворной знати, окружать себя наемными отрядами, предпринимать казнь за, казнью, совершая подчас почти безцельные жестокости. Впрочем, ответственность за жестокие способы, какими казнили виновных и за подозреваемых в государственной измене людей, падает не только на самого Андроника, но и

на его клеветов, на его, так сказать, тайную полицию, среди которой первое место занимал уже упомянутый Стефан Агиохристофорит,—Антихристофорит, как его прозвали константинопольские остряки. Они не только усердно выполняли такие казни, как сожжение на костре, избиевание камнями, но и самовольно, усердствуя для Андроника, предпринимали аресты опасных, по их мнению, людей и делали наказания более жестокими и утонченными. Но почему же Андроник вступил на этот путь для обеспечения престола своему потомству, почему он не избрал более, казалось бы, надежного пути милостей, наград и уступок византийской знати и подачек низшим классам константинопольского населения? Этого нельзя объяснить только свойствами его характера, отсутствием нравственных принципов и жестокостью. Андроник был человек с громадным самообладанием, умевший, когда нужно, сдержаться, быть кротким и милостивым; если в последние моменты своего правления он и потерял, повидимому, это самообладание, то едва ли так было в начале, когда он свободно мог выбрать тот или иной путь. Единственное, на наш взгляд, объяснение выбора Андроника—и не только выбора, но и неуклонного следования по выбранному пути—заключается в том, что выставленное им анти-западническое знамя и защита интересов низших сословий не были только средством осуществить личные, своекорыстные цели. Андроник был слишком умен и слишком хорошо знал византийские отношения, чтобы не понимать, что мир с аристократией лучше обеспечит выгоды его и его семьи, чем борьбы с ней. Но он, полагаясь на свои недюжинные силы, предпочел такую борьбу, потому что поставил себе задачей упорядочение всего государственного строя в интересах тех элементов общества, которые составляли истинную жизненную силу государства и которые бесовестно эксплуатировались чиновной и землевладельческой аристократией: мы знаем, что в начале борьбы с протосевастом он опирался на часть аристократии и низшие слои столичного населения; далее, отстранившись от аристократии, взяв на себя «дело народа», он, повидимому, скоро отстранился и от константинопольского «плебса»; очевидно, он скоро понял, что сила государства, его спасение не в этих, если не одинаково поставленных материально, то одинаково развращенных, изживших и непостоянных элементах общества, а в провинции, в ее торгово-промышленном и земледельческом населении. На такой взгляд наводят, по крайней мере, те замечательные перемены в византийском управлении, какие успел произвести Андроник в свое короткое правление. К сожалению, об этих реформах, поставивших Андроника даже в глазах современного ему, далеко не всегда к нему благосклонного историка, на значительную высоту, мы имеем только очень скудные сведения: мы знаем о результатах его реформ, но не знаем, какими средствами эти результаты были достигнуты¹.

Отношение к чиновничеству

Прежде всего, личные свойства, проявлявшиеся Андроником, когда дело шло о людях низших слоев, о «бедняках» и «поселянах», были мало похожи на те качества тиранна, какие он выказывал в отношениях к аристократии. Никита отмечает его широкую благотворительность. Из его изложения мы также узнаем, что Андроник не был из тех императоров, которые предоставляли руководство «императорским судом» эпарху или друнгарии виглы,

¹ До нас не дошло ни одной новеллы Андроника (см. Zachariae, *op. cit.*, стр. 37). Почти все наши сведения о внутренней деятельности его ограничиваются тем, что сообщается в 3—5, 13 гл. 2-ой книги истории царствования Андроника Никиты Акомината (Nicet., 421—431, 458—463).

ограничиваясь подписыванием решений этого суда¹. Он лично рассматривал дела по жалобам императору—по «прошениям на высочайшее имя» (*δεησεις*)—и постановлял решения, не стесняясь рангом виновного и имея в виду только интересы правосудия. Так, раз поступила жалоба на Феодора Дадиврина, одного из участников в убийстве императора Алексея: этот фаворит Андроника, проезжая где-то со свитой и остановившись у крестьян (*ἐξ ἀγροικίας τινες*), взял у них все, что ему понадобилось, и уехал, ничего не заплатив. Андроник присудил Дадиврина к палочным ударам и возместил крестьянам их убытки.

Уже одна эта возможность найти всегда управу на произвол аристократов и чиновников заставляла последних сдерживаться. Но Андроник принимал и более систематические меры для улучшения администрации, страдавшей массой всяких злоупотреблений: продажа должностей, так называемая «добровольная приношения» жителей в пользу администрации и солдат², вымогательства сборщиков податей, обиравших плательщиков, по выражению Никиты, до последней рубашки и доводивших их до смерти,—вот что разоряло провинции во времена Мануила, заставляло жителей разбегаться, скрываясь от вымогателей, и, следовательно, вело к застою и в торговле, и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Прекращением продажи должностей и сделанным им самим новым подбором личного состава администрации Андроник достиг уже многого. Но он понял, что для уничтожения взяточничества и вымогательств этого мало: он давал чиновникам областной администрации настолько значительное жалованье, что большинство, повидимому, предпочитало довольствоваться им, чем стремиться к большему, рискуя подвергнуться тем крутым наказаниям, на которые был так скор, в случае нужды, Андроник. Но и наказания эти применялись не без разбора: Андроник прекрасно понял ту тайну бюрократического управления, что взыскивать нужно с высших и наиболее самостоятельных его органов, а не с последних на ступенях иерархической лестницы. «Наказание негодного господина вразумляет подвластного», говорил он, «и как подчиненные любят подражать начальнику, когда он делает что-нибудь дурное, так они послушно пойдут по его следам, словно дитя за матерью, если

1 В «императорском суде» (*το αυτοκρατορικον και βασιλικιν δικαστηριον και το βημα της βασιλειας*) рассматривались дела, касавшиеся высших сановников, и кроме того, дела 1) по докладам (*αναφοραι, υπομνησεις*) должностных лиц, обращавшихся к высшему источнику власти и закона в сомнительных случаях, 2) по апелляциям (*εκκλητοι*) от всяких других инстанций, 3) по прошениям на высочайшее имя (*δεησεις*). Собирался этот суд на заседания (*σελεντιον*) по приказу императора под его личным председательством или под председательством эпарха (должность, в которой слились римские *praefectus urbi* и *praefectus praetorio*), а с XI в. под председательством начальника императорской охраны (друнгария) или (с конца XI в.) великого друнгария виглы (*δρουγγαριος (μεγας δ.) της βιγλης*, т. е. *vigiliarum*). В тех случаях, когда император не присутствовал, решение представлялось на его утверждение. Состав этого суда, кажется, не был вполне постоянным: в нем участвовали некоторые чины сената, некоторые из высших чинов центрального управления (напр., начальник императорской канцелярии—протоасикрит, хранитель каниклия, т. е. чернильницы с пурпурными чернилами, которыми император подписывал бумаги, далее—некоторые чины судебного ведомства (напр., с XI в., вероятно, «министр юстиции»—*ο επι των κρισεων*), затем судьи, разбиравшие, по поручению императора, дела по прошениям на высочайшее имя, так называемые «судьи виза на ипподроме» (*κριται του βηλον και επι του ιπποδρομου*). Иногда в этих заседаниях принимали участие и носители духовных санов. (См. Zachariae v. Lingenthal, *Geschichte d. griechisch-romischen Rechts*, 3-te Aufl. (Berl., 1892), 335—361, и Скабаланович, 347—350).

2 См. выше, стр. 550.

он, неся наказание, поневоле станет служить общественной пользе»¹. Наши источники не выясняют, как практически Андроник достигал того, что представители администрации постоянно чувствовали над собой его надзор, и потому резко переменили свой образ действий. Очевидно, доступность для всех императорского суда, возможность для низших агентов ссылаться на высших и стремление последних не допускать ничего противозаконного в делах, непосредственно от них зависящих, с тем, чтобы в остальных случаях иметь возможность, с своей стороны, сослаться на низших, делали свое дело: все чувствовали себя под взаимным контролем. Но немало приходится отнести и на долю той необычайной наблюдательности и неутомимой энергии, которая не покидала Андроника, хотя ему было уже за 60 лет, и поддерживала в нем непоколебимую веру в могущество, почти во всеисилие самодержавной власти: «нет ничего непоправимого для императора», говорил он, «нет никакого незаконного дела, уничтожить которое было бы выше его сил». Но цари должны, на его взгляд, действовать не грамотами, которые лучше бы бросить, как «совершенно бесполезные бумаги», а делом.

Отмена берегового права

Из реформ Андроника, кроме указанного изменения системы вознаграждения областной администрации, мы имеем возможность отметить только отмену так называемого берегового права,—реформу, которой, по выражению одного новейшего историка, Андроник опередил свое время несколькими веками². Предшественники Андроника издали немало указов, воспрещавших варварский обычай грабить выбрасываемые на берег суда. Но указы эти не помогали, и обычай, распространенный тогда повсюду в береговых странах Европы, продолжал существовать, нанося страшный вред мореплаванию и торговле империи. Придворный и административный круги, повидимому, твердо уверовали, что это зло неисправимо, и выразили этот взгляд и Андронику. Но Андроник нашел средство для исправления «непоправимого» зла, и это средство характерно для приемов его борьбы с злоупотреблениями: он заявил, что наказание за ограбление судов будет падать не на самих грабителей, а или на правителей тех областей, где произойдет ограбление, или на тех землевладельцев, имения которых, примыкая к морскому берегу, станут местом преступления. Наказание состояло в повешении на мачте ограбленного корабля или просто на виселице, водруженной на высоком морском берегу. «Пусть, таким образом, он (повешенный) будет виден и плывущим в открытом море», закончил Андроник свою речь по этому поводу в сенате, «как парус на рее, и, потерпев «кораблекрушение на суше», пусть служит символом того, что и впредь не удастся (безнаказанно) ломать корабли и грабить то, что на них находится,—подобно тому, как Бог поставил на небе радугу в знак того, что не будет более потопа»³. Действие этой речи было ошеломляющее: «слушатели чуть не окаменели от страха, зная по опыту, что Андроник не умел шутить и одно говорить, а другое думать в такого рода делах; наконец, едва придя в себя, они с курьерами отправили письма к управляющим своими имениями и к своим заместителям в государственных должностях (областной администрации), строго наказывая им и всячески умоляя, чтобы корабли, потерпевшие крушение, не

1 Nicet., 426 (рус. пер., 413).

2 А. Куник, *op. cit.*, стр. 720, пр. 24.

3 Nicet., 426 (рус. пер., 414).

потерпели какого-нибудь вреда»¹. С тех пор, по словам Никиты, произошла такая резкая перемена в отношении к потерпевшим, к ним были так предупредительны и администрация и само население, что происшедшее казалось делом «божественной десницы».

Подъем благосостояния

Результаты, к каким привело управление Андроника, несмотря на то, что его царствование было так коротко², поистине поразительны. Никита указывает, что благодаря прекращению вымогательств беглые возвращались на свои места, население городов увеличивалось, восстанавливался правильный ход экономической жизни, а вместе с тем увеличивались и государственные доходы. Накоплению государственных средств, помимо конфискаций имущества потерпевших аристократов, способствовало, повидимому, и то обстоятельство, что, при всей своей любви к изысканной роскоши и утонченному разврату, Андроник едва ли истощал государственные финансы тратами на себя и на свой двор: его времени было чуждо наиболее пагубное в этом отношении явление эпохи Мануила—фаворитизм; у Андроника деньги не «текли к латинским толпам»; едва ли также при Андронике могло случиться, как это зачастую бывало при Мануиле, что «благородный римлянин», оскорбленный подчинением какому-нибудь фавориту, «презренному варвару», старался как можно хуже исполнить возложенное на него поручение по сбору податей и задержать в своих руках как можно больше из собранного. Увеличение государственных доходов давало возможность предпринимать общепользные сооружения (например, водопровод в Константинополе). Благоустройство столицы и благосостояние провинций, плативших теперь лишь законные налоги, быстро возросло: улучшалось земледелие, подешевели жизненные припасы; кто отдал «кесарево кесареви», с того больше ничего не спрашивали.

Война с сицилийскими норманнами

Так было в провинциях, где среди торгово-промышленного и земледельческого класса Андроник, очевидно, снискал себе самую искреннюю симпатию и преданность. Но не таково было положение дел в столице. Жизнь при дворе, куда умный и образованный Андроник охотно привлекал ученых, знатоков философии и юридических наук, осыпая их почестями, эта жизнь становилась все угрюмее. Андроник становился все подозрительнее и раздражительнее—и не даром: оппозиция аристократии все разрасталась, вспыхивая заговорами и восстаниями. Вскоре после усмирения малоазийского восстания Исаак, по матери из рода Комнинов, внучатный племянник императора Мануила, долго управлявший Арменией, несколько лет бывший в плену у армян и возвращенный оттуда благодаря стараниям своей тетки Феодоры Комнины, фаворитки Андроника, захватил в свои руки Кипр, предъявив подложные грамоты, которыми он будто бы назначался стратигом этого острова, и отложился от Андроника, который не имел возможности тотчас же отправить войско на отдаленный Кипр и ограничился казнью своих придворных: Константина Макродуки, дяди Исаака, и Андроника Дуки, убедивших Андроника, что Исаак будет верным и полезным слугой³. Около того же времени был открыт заговор, имевший целью свергнуть Андроника

1 Nicet., 427 (рус. пер., *ibid*).

2 Андроник был единодержавным императором 2 года (сент. 1183—1185 г.) и перед тем год правил при жизни Алексея.

3 Константин и Андроник были побиты камнями по почину Агиохристофорита. Исаак независимо правил Кипром, пока в 1191 г. его не взял в плен Ричард Львиное Сердце во время 3-го крестового похода.

и возвести на престол мужа его дочери Ирины, побочного сына императора Мануила, Алексея Комнина; Андронику пришлось пережить тяжелые минуты, отправляя в заточение мужа дочери; из остальных участников некоторые были повешены, другие ослеплены и один сожжен. Все это не могло не ожесточать Андроника, на которого, повидимому, начали находить порывы отчаяния, когда он бросался из стороны в сторону, не зная, где искать средств против аристократии, оказавшейся сильнее, чем он думал. Но самое ужасное было еще впереди¹.

Другой Алексей Комнин, племянник императора Мануила, занимавший при его дворе должность виночерпия и сосланный Андроником в «Скифию», бежал оттуда в Сицилию к королю Вильгельму II и здесь начал совершенно предательскую работу, хорошо характеризующую византийскую аристократию: он стал убеждать Вильгельма начать поход против Андроника и уверять его, что римские области—легкая и привлекательная добыча. Вильгельм, побуждаемый к тому же «латинянами», изгнанными из Константинополя Андроником, летом 1185 г. переправился в Иллирию, взял Эпидамн (Диррахиум) и направил флот против Фессалоники. Вся страна между двумя этими пунктами подчинилась ему без боя, а в августе после полуторонедельной осады была взята и самая Фессалоника, ставшая театром самых неистовых зверств: норманны не только разграбили город, лишив жителей крова и имущества, но и всячески издевались над ними и производили изысканные истязания, оскверняли церкви, кощунствовали над святынями². Причину легкого успеха сицилийцев Никита видит главным образом в негодности стратига Фессалоникской фемы, Давида Комнина. Но можно думать, что Андроник, никогда не отличавшийся талантами полководца, просто не умел так удачно организовать военное дело, как организовал администрацию и финансовое управление, а войско европейских провинций, кажется, всегда было более слабым, чем византийские восточные отряды. Как бы то ни было, но страшные норманны, оставив гарнизон в Фессалонике, двинулись далее к северу и востоку и, так как, несмотря на все усилия Андроника, собравшего теперь, по словам Никиты, уже все войска, и восточные и западные³, византийцы оказывались совершенно неспособными оказывать сопротивление, подвигались все ближе к столице, где Алексей Комнин наивно рассчитывал занять, с помощью норманнов, императорский престол. Приближение норманнов страшно тревожило константинопольцев, знавших, какую ненависть питают к ним «латиняне» за недавнюю расправу с их единоплеменниками, и на примере Фессалоники видевших, как они го-

да.

- 1 Основываясь на общей последовательности изложения Никиты, мы устанавливаем такую хронологию для событий царствования Андроника: сент. 1183 г.—убийство Алексея; весна 1184 г. поход в М. Азию (обыкновенно относимый к 1185 г.); конец 1184 г.—отпадение Кипра; 30-ое мая 1185—казнь К. Макродуни и А. Дуки; август 1185—взятие Фессалоники норманнами; 12 сентября 1185 г.—свержение Андроника.
- 2 Прекрасное описание бедствий Фессалоники находится у Никиты. Nicet., p. 384—401. См. также Евстафия Солунского, *De Thessalonica a latinis capta* (изд. Тафеля).
- 3 См. Скабаланович, 322. «Фемы в силу географического положения распадалась на две части (*τιμηματα*), на восточную и западную, и они (восток и запад) имели своих особых начальников, а именно: войско восточных, азиатских фем было подчинено доместику восточных школ (*δομestικος των σχολων της Ανατολης*), а войско западных, европейских фем—доместику Запада (*δομestικος της δυσεως*).—См. П. Безобразов. «Византия в XI в.» (Ж. М. Н. М., 236, отд. 2, стр. 110. пр. 2). В XII в. является для обозначения главнокомандующего восточными войсками название «великий доместик»—*μεγας δομestικος*. См. Скабаланович, 233, пр. 6.

товы отплатить за эту расправу. Переменчивая толпа, волнуемая, очевидно, достигавшими до нея порицаниями Андронику со стороны оппозиционной аристократии, готова уже была обвинять его в незаботливости о защите государства. Между тем Андроник делал все, что мог сделать, хотя он, повидимому, был совершенно потрясен происходившим: он укрепил константинопольские стены, собрал к столице флот, какой было возможно (около 100 военных судов). Но все это мало успокаивало и его самого; и хотя он старался делать равнодушный вид и уверял, что опасность не велика, и что норманны скоро будут уничтожены, однако, повидимому, совершенно терял голову, выходил из себя от каждого неприятного слуха, начинал чувствовать—и не без основания,—что недовольство против него все разрастается; наконец, когда разнеслись вести, что одни отряды норманнов уже перешли линию реки Стримона, опустошают окрестности Серр (др. *Sirrae*, нын. Серес, на левом берегу реки Стримона) и взяли Амфиполь, а другие, заняв Мосинополь (на среднем течении реки Места, нынешней реки Карасу, к востоку от Стримона), идут прямо на столицу, он решился на последнее, поистине отчаянное средство, вызванное, очевидно, крайним ожесточением против предателей, которых он видел и в Исааке Комнине, и в Давиде Комнине, и в их родне, и во всей аристократии. На «внутреннем высочайшем выходе»¹, решено было, по свидетельству Никиты, перебить всех «дерзких мятежников», т. е. политических преступников и, так сказать, политически неблагонадежных людей, заключенных в тюрьмы или отправленных в ссылку и «их близких и родственников». Любопытно, что составленное в этом смысле «сенаторами и судьями» постановление начиналось приблизительно так: «по внушению Божию, а не по повелению великаго святого самодержца и императора нашего, определяем и постановляем».... Несмотря на то, что это постановление вызвало протест даже со стороны собственного сына Андроника, севастократора Мануила, находившаго, что, если казнить «близких и родственников» подозрительных и преступных лиц, то не будет конца убийствам, и что постановление осуждает на смерть «почти всех римлян» (*σχεδον το Πανρωμαιον*),—несмотря на это, ужасное решение предполагалось привести в исполнение.

Но раньше, чем начались казни, поднялось возмущение, сокрушившее Андроника. Нужно думать, что слухи о предполагавшемся избиении подняли почти всю оставшуюся в Константинополе аристократию, послужили для нея прекрасным поводом взволновать и без того уже возбужденную народную массу столицы, что они, словом, вполне подготовили почву для возмущения, создали крайне напряженное состояние; и достаточно было одного толчка, чтобы разразился страшный взрыв. Толчок этот был совершенно случайный, но само возмущение, его ход и результат вовсе не были такою чистою случайностью, как, пожалуй, можно подумывать на основании изложения Никиты Акомината. Вот что он рассказывает

1 Скабаланович, стр. 146. «На внутренних высочайших выходах»—(обыкновенно в дворцовую палату, называвшуюся «хрисотриклином») — «находили себе применение все главнейшие функции императорской власти: император, сидя на троне, окруженный почетной стражей и сенаторами, совершал те действия, совокупность которых составляла его верховную власть,—принимал и отправлял послов, возводил в чины и назначал на должности, производил суд и произносил решения, распоряжался делами относительно податей и налогов». — Обсуждение дела на «высочайшем выходе» происходило в присутствии высших чинов центрального управления, которые все назначались из сенаторов (Скабаланович, 162), между прочим, и судей императорского суда; оттого-то Никита (439.12—13) говорит о «судьях и сенаторах».

ет.

Восстание Исаака Ангела

В отчаянии от норманского нашествия и перемены в настроении столичного населения, Андроник, при всех своих нравственных свойствах, столь же набожный и столь же суеверный, как и большинство его современников, у которых формальная религиозность отлично уживалась с полным отсутствием нравственных принципов, решил, что он покинут Богом, и что ему нужно обратиться «к нечистым демонам и чрез служение им узнать будущее». Поэтому он поручил Агиохристофориту обратиться к некоему Сифу Склиру, предсказателю, ослепленному за ворожбу при Мануиле¹, с вопросом о том, кто будет царствовать по смерти Андроника или кто похитит у него власть. В сосуде на поверхности мутной воды, посредством которой гадал Сиф, в ответ появились буквы *йота* и *сигма* (*Ισ*), указывавшие и на имя Исаака и, по мнению Андроника, на Исаврянина. Император поэтому думал, что ему грозит опасность со стороны кипрского мятежника Исаака, из рода Комнинов, управлявшего, как указано выше, областью Тарса, соприкасавшейся с Исаврией². Дело было в начале сентября, и Андроник готов был несколько успокоиться и заподозрить правдивость предсказания, когда Сиф на новый вопрос ответил, что опасность грозит императору в дни Воздвижения Креста (14 сентября). «Разве возможно», говорит он, «чтобы в эти немногие дни Исаак успел приплыть с Кипра и низложить меня?» Один из близких к Андронику людей, судья вила Иоанн Тиранин указал было Андронику, что есть и другой Исаак—Исаак Ангел, и что не мешает на всякий случай задержать и казнить и его. Но Андроник со сменой отверг предосторожности против изнеженного и пустого, на его взгляд, Ангела, и, несмотря на приближение предсказанных «дней Воздвижения», не считал даже нужным оставаться в столице: он отдыхал в Милудийском дворце, на восточной (азиатской) стороне Пропонтиды. Между тем Агиохристофорит, по суеверию ли или по более осязательным основаниям, не спокойный на счет Исаака Ангела, решил самовольно арестовать его. Вечером 11-го сентября 1185 г. он с своими людьми явился во двор дома Исаака и пригласил его следовать за собой. Зная, чем может кончиться такое приглашение, Исаак решился отбиваться: вскочив на коня, он со смелостью отчаяния бросился на Агиохристофорита, нанес ему мечем смертельный удар в голову, заставил разбежаться его слуг и сам поскакал к церкви св. Софии. По дороге он громко кричал встречным, что убил Агиохристофорита. Молва об этом быстро облетела город; тысячи народа стали стекаться к Великой церкви. Сюда явились и родственники Исаака, Иоанн и Исаак Дука. Никто не мешал этому сбору

1 Им же был ослеплен и другой предсказатель, Аарон, также бывший в сношениях с Андроником и, по словам Никиты, побуждавший его подвергать особенно жестоким наказаниям своих противников. См. Nicet., 191—193.

2 Предсказание Сифа совпадало с более ранним предсказанием, что *йота* гибельна для Андроника (См. Nicet., 378—279). В Византии были целые циклы предсказаний, касавшихся судьбы империи и отдельных императоров и не остававшихся, повидимому, без влияния на их образ действий и на народное настроение.—См. об этом у Ф. Успенского (Ж. М. Н. П., ч. 214, стр. 77—85).—Из предсказаний, относящихся к дому Комнинов можно указать, напр., на прорицание, указывавшее начальная буква имен царей из потомства Алексея Комнина (сл. «ΑΙΜΑ—Алексей I, Иоанн, Мануил, Алексей II, по прямой линии), на относившееся к Мануилу предсказание: «ты попадешь в западню на самом конце слова»; по толкованию современников, этим указывалось на число годов правления Мануила—38, выражаемое по-гречески буквами *ηλ*, составляющими последний слог имени *Μανουηλ* и т. п.

щу; очевидно, весь двор, все чины, которые могли бы принять какие-нибудь меры против сборища, или были вместе с Андроником вне города, или оказались на стороне мятежников. Прямая обязанность воспрепятствовать стечению народа лежала, надо думать, на Агиохристофорите, этом, так сказать, начальник тайной полиции Андроника, но он был убит. Так прошла целая ночь, и за эту ночь произошло многое: среди толпы в ограде Великой церкви начались речи, которые становились все смелее, количество народа все увеличивалось, и к утру «не было ни одного жителя, который бы не пришел сюда и не молил Бога, чтобы Исаак сделался императором, а Андроник был низложен».

Между тем Андроник, узнав об убийстве Агиохристофорита, прислал в столицу грамоту, в которой убеждал народ прекратить мятеж, обещая не наказывать виновных. Но ни грамота, ни уговоры приверженцев Андроника не оказывали никакого действия. Когда вслед затем и сам он, наконец, приплыл к Большому дворцу, было поздно: народное движение разлилось уже неудержимым потоком, стало вполне стихийным. Уже были разломаны тюрьмы, и выпущены заключенные, уже толпа, в Великой церкви провозглашала Исаака «императором и самодержцем римским»; один из церковных прислужников, взобравшись на лестницу, снял висевший над престолом венец Константина Великого и возложил его на Исаака. Исаак отказывался от этого венчания. Тогда, старый Иоанн Дука предложил народу выбрать его в императоры, но народ с негодованием кричал, что не хочет опять видеть на престоле старика, и, в конце концов, заставил Исаака принять корону. В это время через пролив от Милудийского дворца переправляли царских лошадей. Когда причалили к берегу, одна из «златосбруйных» лошадей вырвалась и помчалась по улицам, толпа ее схватила и привела к Исааку. Исаак сел на нее и, окруженный знатью, среди которой находился и патриарх, вынужденный силой следовать за новым императором, и безчисленной толпой, вооруженной мечами, щитами, кольями, обрубками дерева, двинулся к Большому дворцу. А там, между тем, Андроник готовился к сопротивлению. Собрать много людей ему не удалось: вероятно, часть лейб-гвардии оставалась на азиатском берегу, часть перешла на сторону Ангела; других войск не могло быть под рукой: все они были отправлены против норманнов. Однако, Андроник попытался выступить с оружием против приближавшейся толпы и даже сам начал стрелять с башни в Большом дворце. Но это только разъярило народ. Видя свое бессилие, Андроник сделал последнюю попытку остановить возстание—объявил, что отказывается от власти и передает ее своему сыну Мануилу. Но его уже не слушали: толпа разломала ворота и ворвалась во дворец. Андронику оставалось только бежать. Сбросив пурпурные туфли¹ и украшавший его крест, чтобы меньше обращать на себя внимания, он поспешно сел на корабль, на котором приехал, снова переправился к Милудийскому дворцу и, захватив свою молодую жену, одну любимую флейтисту и немногих слуг, немедленно продолжал путь по проливу, рассчитывая бежать к «тавро-скифам», т. е. к русским, у которых он уже раз нашел себе приют.

В это время толпа в Большом дворце предавалась дикому грабежу: не только были разхищены все сокровища и деньги, которые там хранились, но не пощадили и самых храмов, находившихся во дворце: срывали украшения с икон, крали священные сосуды и между

1 «Самою важною из царских одежд были багряные туфли. О том, чтобы облечься в них, более всего заботились и никогда с ними не расставались, так что по пурпуровым туфлям можно было отличить императора в массе лиц». Скабаланович, стр. 145.

ними украли и тот, в котором, по преданию, хранилось «письмо Господа, собственноручно писанное Им к Авгарю».

Гибель Андроника

Между тем Андроник добрался до местечка Хилы (на европейском берегу Черного моря, к западу от Босфора)¹. Жители Хилы узнали беглеца, но хотя и видели, что на нем нет знаков царского достоинства, не решились задержать его. Ему приготовили корабль. Андроник выехал в море, но разыгравшаяся буря погубила его. Корабль несколько раз отбрасывало к берегу, время шло, и, наконец, беглеца настигла посланная из столицы погоня. Андроника схватили, связали и вместе с его спутниками бросили в лодку. Затем его заключили в тюрьму, надев тяжелую шейную цепь и кандалы. В таком виде Андроника привели к Исааку, который, пробыв «немало дней» в Большом дворце, переехал затем во дворец во Влахернах². Здесь началась отвратительная расправа, превзошедшая все жестокости самого Андроника: его били по щекам, ему вырывали зубы, волосы на бороде и на голове и, наконец, отдали толпе на поругание. После новых побоев ему отсекли правую руку и снова заключили в тюрьму, где несколько дней мучили голодом; затем ему выкололи левый глаз и, посадив на верблюда, повезли по городу. Вид измученного, изуродованного, прикрытого жалким рубищем, еще за несколько дней перед тем могущественного императора, вызывал жалость и слезы у всех, у кого была хоть капля человеческого чувства. «Но бессмысленные и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники и те, которые проводят целый день в лавченках и харчевнях и кое-как живут починкою обуви и едва добывают себе хлеб иголкой, сбежавшись на это зрелище,... нисколько не подумали о том, что это—человек, который так недавно был царем и украшался царской диадемой, что его все прославляли, как спасителя, приветствовали благопожеланиями и поклонами, и что они дали ему страшную клятву на верность и преданность; в бессмысленном гневе и в диком порыве они напали на Андроника, и не было зла, которого бы они ему не сделали. Одни били его по голове палками, другие пачкали ему лицо навозом,... иные осыпали бранью его родных, иные кололи его в бока рожнами (*οβελισκοις*), еще более безстыдные бросали в него камни и называли его бешеной собакой; одна развратная женщина, схватив горшок с горячей водой, вылила ему на лицо»³. Так его привезли к театру, там стащили с верблюда и повесили за ноги между двух столбов, соединенных наверху камнем. «Перенесши такое множество страданий, вытерпев тысячи и других мучений,... Андроник мужественно выносил новые страдания и сохранял полное сознание. Обращаясь к нападавшим на него и бывшим, он говорил только: «Господи помилуй!» и—«зачем вы ломаете уже сокрушенную трость?» Но бессмысленная чернь и после того, как повесили его за ноги, не оставила, многострадального Андроника и не пощадила его тела. Какой-то негодяй вонзил ему длинный меч через горло до самых внутренностей; а некоторые из «латинян» вонзили в него сзади кинжалы и наносили ему удары мечами, пробуя, чей меч острее, и хвалясь ловкостью

1 От Хилы (также Хела, Кила) нужно отличать Хилу (*Chelae*) в Вифинии, которая ошибочно указана у Вилькена, 539, и Герцберга, 328.

2 Влахерны—местность около городской стены в северном углу треугольника, образуемого Константинополем, близ Золотого Рога.

3 Nicet., 456—457 (рус. пер., 440—441).

удара. Наконец, после стольких мучений и страданий он с трудом испустил дух»¹... Через несколько дней тело Андроника сняли и бросили на ипподроме; наконец, какие-то люди, сжалившись, положили его около одного монастыря. «Исаак, безупречный во всем и справедливый, на свой собственный взгляд, не соизволил, чтобы Андроник был предан погребению, или чтобы тело его было перенесено в храм «Сорока мучеников», который Андроник возобновил с таким великолепием, так блистательно украсил и одарил богатыми приношениями и в котором он предполагал положить свой прах»².

Причины неудачи Андроника

Таков был конец императора Андроника. Отчего же так трагически сокрушились все его начинания, так резко оборвалась его долго подготавливавшаяся и хорошо обдуманная работа? Причины этой неудачи довольно сложны. Лишь незначительную долю ее, как нам кажется, можно отнести на счет личных качеств Андроника, на счет того отсутствия нравственных принципов, которое приводило его к страшной жестокости, к безчисленным казням и становилось с его положительными качествами в резкое противоречие, заставившее Никиту, в окончательной оценке Андроника, сказать, что этот император, который без своей жестокости и казней был бы не только не последний из царей Комнинов, но и вполне сравнялся бы с остальными из них, что он «подобно фантастическим созданиям с двумя природами, будучи отчасти зверем, был украшен человеческим лицом». Гораздо более значения имели те сложные затруднения во внутренней и внешней политике, которые достались Андронику в наследство от предшественников и которые он смелою рукою попробовал разрубить. Он попытался выступить на открытую борьбу против двух врагов, против придворной и чиновной аристократии, своими стремлениями олигархов и временщиков истощавшей жизненные соки государства, и против «латинян», своим преобладанием в торговле и промышленности подрывавших экономические силы империи. Андроник изгнал латинян из Константинополя и начал систематическое истребление аристократии. Но он не соразмерил своих сил: отречение от традиционной политики Комнинов было слишком резко, чтобы не вызвать сильной оппозиции. В этой оппозиции соединились оба враждебные Андронику элемента: византийская аристократия, в лице Алексея Комнина, вступила в союз с «латинянами», в лице Вильгельма II сицилийского. Между тем элементы, на которые опирался Андроник, не могли дать ему надежной защиты: низшие слои константинопольского населения были слишком разнузданы и переменчивы, чтобы не отшатнуться от него за его суровость и строгость, чтобы не стать при первой неудаче из союзников врагами, чтобы не пойти за тем, благодаря кому надеялись поживиться грабежом и деньгами, чего константинопольцы не видали при Андронике со времен изгнания латинян в 1182 году. Провинциалы, поистине облагодетельствованные Андроником, не успели стать силой за короткий срок его правления, да они обыкновенно и принимали слишком мало участия в политической жизни страны. Наконец, войско всецело должно было направиться на борьбу с одной половиной врагов Андроника, с чужеземцами, и не могло защитить его от другой — от аристократии. Под ударами этой последней, сумевшей найти себе союзников в низших слоях столицы, и пал Андроник. Его попытка была сокрушена слишком могущественными враждебными силами. Но можно сказать, что вместе с тем была сокрушена и сама Восточ-

1 Nicet., 457—458 (рус. пер., 441—442).

2 Nicet., 460—461 (рус. пер., 444).

ная империя. Мимолетный успех Исаака Ангела в борьбе с сицилийцами не мог иметь серьезных последствий, когда вслед затем Исаак вернулся на путь прежней византийской политики и стал истощать денежные силы государства,—конечно, на счет благосостояния провинций; его неудачная внешняя политика, привела к его свержению, а дальнейшие интриги в самой семье Ангелов снова дали повод «латинянам» ворваться в ненавистную им империю: сами Ангелы помогли крестоносцам четвертого похода отплатить Византии за смелую попытку Андроника и нанести империи удар, от которого она никогда уже не могла вполне оправиться.

Ф. Смирнов.

XXXVIII. Четвертый крестовый поход и Латинская империя

Исаак Ангел и Алексей III

Преемник Андроника Исаак Ангел был выдвинут совершенно случайно народным возмущением, стало быть, находился в таком же положении, как Андроник. Только жестоко-стей в его правление было меньше, потому что страсти уже улеглись. Но зато у Исаака не было ни способностей, ни энергии его предшественника. Главный вопрос, который приходилось разрешать новой династии, был вопрос финансовый: откуда достать денег? Андроник уменьшил налоги, но не успел, повидимому, найти других средств для покрытия государственных расходов. Исаак попробовал вернуться к политике Комнинов и возвысил подати. Это вызвало возстание в северных провинциях империи: поднялись болгары, а на помощь к ним из-за Дуная явились половцы. В борьбе с мятежом случайный император обнаружил полное отсутствие не только способностей, но даже простого мужества; посл двух неудачных походов его приближенные вышли, наконец, из терпения и свергли его. Исаак был ослеплен и заключен под стражу вместе с сыном (Алексеем); его родной брат, тоже Алексей (III), был провозглашен императором. Этот государь еще меньше был способен править дела империи. По свидетельству очевидца (Никиты Хониата), он почти вовсе не занимался делами, все время отдавая удовольствиям, особенно охоте. Лично это был человек очень добрый, мягкий и ласковый в обращении. Ослепление брата постоянно мучило его совесть; он все боялся какого нибудь наказания свыше, какой-нибудь неожиданной беды, — и это отнимало у него всю энергию. Чтобы загладить свое преступление, он никого не казнил и не ссылал. Это было, конечно, очень выгодно для его придворных, — один из них, написавший историю своего времени (Никита Хониат), очень хвалит его за это, — но госу-

Источники и пособия: *Niketas Akomynatos*, rec. I. Bekker, Bonnæ, 1835 (Рус. пер.: Византийские историки, изд. Петерб. Дух. Акад. 4. *Никита Хониат*, 2 тома, Спб., 1860—62); *Villehardouin*, Histoire de la conquete de Constantinople, ed. N. de Wailly. Paris, 1870; *Riant*, Innocent III, Philippe de Souabe, Boniface de Monferrat et la 4-eme croisade, Paris, 1878 (Revue des questions historiques XVII—XVIII); *Heyd*, Histoire du commerce du Levant, trad. de l'all. par. Furey Reynard, Paris, 1885, 2 vols.

дарству от снисходительности Алексея III было больше вреда, чем пользы. Злоупотребления в государственном управлении достигли невероятных размеров. Адмирал Стрифнос, например, завел правильную торговлю казенными парусами, веслами, снастями и т. п., так что, когда началась война, Византия не могла снарядить ни одного военного корабля. Денег, между тем, при том образе жизни, какой вел Алексей, нужно было еще больше. Не осмеливаясь увеличить налоги туземного населения, решили, вопреки трактатам, возвысить пошлины с венецианских торговцев. На протесты республики император ответил тем, что перестал платить Венеции долг, сделанный еще Мануилом; а затем заключил договор с Генуей, старинной соперницей Венеции на восточном рынке. Минута была критическая для венецианцев: торговля с Византией давала им огромные барыши, которые теперь неизбежно должны были перейти в руки генуэзских купцов. В это время делами республики правил Генрих Дандоло, один из величайших людей венецианской истории. Он лично был непримиримым врагом греков, изменнически ослепивших его в то время, когда он, как посол Венеции в Константинополе, слишком усердно отстаивал интересы своей родины. Как раз теперь (1202 г.) в его распоряжении находилась большая военная сила: крестоносное ополчение, в четвертый раз шедшее освобождать Святую землю, стояло лагерем на о. Лидо, под Венецией, и по особым обстоятельствам не могло двинуться с места без согласия республики. Его-то Дандоло и двинул против Константинополя.

Проповедь 4-го крестового похода

История четвертого крестового похода начинается со вступления на папский престол Иннокентия III (9 января 1198 г.). Освобождение Иерусалима из рук неверных было, можно сказать, первым словом нового папы: на другой день после своего избрания он уже писал латинскому патриарху Иерусалима о необходимости проповедовать новый поход на Восток. Проповедь была особенно успешна во Франции. Тогдашний король Франции, Филипп Август, был в ссоре с английским государем, знаменитым Ричардом Львиное Сердце. Многие французские бароны держали в споре сторону последнего против своего короля: внезапная смерть Ричарда (16 апреля 1199 г.) поставила этих баронов в крайне затруднительное положение. Крестовый поход дал им прекрасное средство избавиться от мести Филиппа Августа: рыцарь, принявший крест, становился неприкосновенным для христиан на все время похода, и на его владения никто не смел нападать. На турнире в Экри в Шампани (декабрь 1199 г.) множество непокорных вассалов французского короля выразили желание идти отбивать у мусульман Гроб Господень. Во главе крестоносного ополчения стал шампанский граф Тибо, а одним из его ближайших советников был маршал Жоффруа де Вильгардуэн, оставивший нам самый лучший рассказ об этом походе.

Наученные горьким опытом предшествовавших походов, крестоносцы решили идти не в Сирию, где их наверное ждал голод, а в Египет или Вавилонию, как они его тогда называли по городу Вавилону, бывшей римской крепости на Ниле (там, где теперь Каир). Завоевание Египта давало им сразу три преимущества. Они обеспечивали себе подвоз съестных припасов, — долина Нила была житницей Сирии, — лишали этой выгоды мусульман и заходили им во фланг, с юга. Опираясь на Египет, не трудно уже было перенести войну и в Палестину.

Но в Египет можно было проникнуть только морем, а кораблей у французских рыцарей не было; необходимо было обратиться к помощи какого-нибудь государства, располагавша-

го флотом. Крестоносцы выбрали Венецию, и в феврале 1201 г. посольство от ополчения, с Вильгардуэном во главе, явилось к Дандоло.

Венецианцы были в большом затруднении. С одной стороны, им представлялся случай заключить необыкновенно выгодную сделку. В походе участвовали самые богатые бароны Франции, не жалевшие денег на святое дело. Дож запросил за перевоз армии в Египет 85,000 марок серебра (1,105,000 руб. металл., по тому времени очень большая сумма), и послы на это согласились без торгу. Но республика никак не могла сочувствовать цели похода. Торговля с Египтом доставляла Венеции неисчислимыя выгоды,—в те времена путь в Индию и на дальний Восток шел через Египет. Терять эти выгоды ради освобождения Гроба Господня в Венеции вовсе не желали; равнодушие к делу крестоносцев доходило здесь до того, что немного раньше венецианцы снабжали оружием и провиантом мусульманския армии. К сожалению, источники не дают прямого ответа, как вышли из этого затруднения дож и его совет. Но достоверно одно, что контракт с крестоносцами был подписан (апрель 1201 г.), и что это нисколько не повредило дружественным отношениям Венеции к Египту. Напротив, в течение последующих 5 или 6 лет (неизвестно в точности, когда именно), республика заключила с султаном новый договор, которым утверждались и расширялись привилегии венецианских купцов. Очевидно, что нападение на Египет отнюдь не входило в планы Дандоло: дож рассчитывал,—и совершенно верно, как показали последствия, что, раз собравшись в Венеции, крестоносцы будут в руках республики, и пойдут туда, куда повезут их венецианцы.

Швабская политика

Трудно сказать, был ли уже с самого начала решен поход против Алексея III, или же Дандоло только воспользовался несколькими благоприятными случайностями. Дело в том, что как раз около этого времени (июнь—июль 1201 г.) сын свергнутого императора Исаака, принц Алексей, воспользовался тем, что тюрьму, где он содержался вместе с отцом, стерегли очень небрежно, и бежал на один италийский корабль, который отвез его в Анкону. Оттуда пробрался он в Германию, где у него было верное убежище: брат императора Генриха IV, Филипп Швабский, был женат на дочери Исаака Ирине, родной сестре Алексея. Филипп не отказал своему шурина в помощи против дяди, но он был слишком слаб и имел достаточно врагов дома, в Германии, чтобы начинать еще войну с Византией. Крестоносное ополчение являлось очень удобным орудием в этом случае. Как представитель Гогенштауфенов, как глава партии гибеллинов, противников папы, Филипп не мог смотреть равнодушно на предприятие, которое было начато Иннокентием III и обещало, в случае успеха, еще увеличить авторитет папского престола. Захватить это предприятие в свои руки, направить его к достижению своих целей,—лучше этого ничего не мог и желать Филипп Швабский. Дело принца Алексея давало удобный случай: рыцарей не трудно было убедить, что Алексей—законный наследник престола, лишенный своего права узурпатором. С феодальной точки зрения это так и было, а византийского права, в сущности не знавшего закона престолонаследия,—в западной Европе не понимали. Но тут было одно затруднение: Филипп не мог сам руководить походом: явный враг папы, в это время отлученный от церкви, он, конечно, не мог надеяться, чтобы крестоносцы признали его своим вождем. Нужно было действовать через третье лицо. Подходящий человек как раз в это время вступал на сцену.

В мае 1201 г., вскоре по возвращении посольства из Венеции, умер шампанский граф Тибо, главнокомандующий крестоносной армией. Нужно было избрать нового предводителя. Тут вмешался в дело Филипп Август. Большая часть влиятельных французских баронов, принявших крест, были ему враждебны,—а он не мог допустить, чтобы такая значительная власть перешла в руки его врагов. По его настоянию был избран один из иноземных, италийских князей, маркиз Монферратский Бонифаций. Он принадлежал к гибеллинской партии и потому не мог быть приятным кандидатом для Иннокентия III. Но маркиз не даром считался искуснейшим дипломатом своего времени. Он вел себя так осмотрительно и сдержанно, выказывал такую готовность во всем повиноваться папскому престолу, что Иннокентий, не желавший, к тому же, ссориться с французским королем, утвердил его избрание. Новый главнокомандующий не замедлил показать, куда он поведет свою армию. Едва приняв в Суассоне начальство над войсками, он отправился в Германию к Филиппу Швабскому и заключил с ним,—так, по крайней мере, думали многие в то время, по словам современника,—договор, которым обязался за себя и за крестоносцев помочь принцу Алексею овладеть византийским престолом.

Так соединились две силы, определившие направление четвертого крестового похода: венецианская политика, в лице Дандоло, и германская,—в лице Бонифация Монферратского. В совокупности, этих двух сил оказалось достаточно, чтобы перевесить влияние третьего фактора,—личной воли папы Иннокентия.

Бонифаций сделал попытку привлечь папу на сторону своего проекта: принц Алексей ездил в Рим и обещал папе в обмен за содействие соединение церквей. Иннокентий отвечал уклончиво: он надеялся добиться соединения церквей и без похода на Византию, посредством переговоров с Алексеем III. Немного спустя, по одному постороннему поводу, он высказался более решительно.

Взятие Зары

Весной 1202 г. крестоносцы стали собираться в Венецию и располагаться лагерем на острове св. Николая (теперь Лидо). Скоро обнаружилось, что Вильгардуэн и его товарищи несколько опрометчиво согласились на условия, предложенные дожем. Наличных денег не хватило для уплаты всей условленной суммы. Затруднение осложнялось тем, что самого Бонифация, в распоряжении которого находилась военная касса, не было налицо, он отстал по какому-то своему делу. Венецианцы, конечно, могли бы и подождать уплаты, имея в залоге все ополчение, не могшее двинуться с места без их согласия. Но им нужен был предлог, чтобы отвлечь поход от Египта и направить его в другую сторону. Не решаясь сразу заводить речь о Константинополе, они предложили крестоносцам выплатить остаток долга натурой,—завоевать для Венеции крепость Зару (в Далмации), захваченную венгерским королем.

Здесь в первый раз политика Венеции натолкнулась на сопротивление папы и сумела преодолеть это сопротивление. Венгерский король сам принял крест; Иннокентий, через своего уполномоченного при армии¹, строго воспретил крестоносцам касаться венгерских владений. Сильная партия в войске держала сторону аббата; но сторонники Венеции одолели в военном совете. Зара была осаждена и взята, несмотря на положительное запрещение

1 Аббата цистерцианского монастыря Vaux de Cernay. Легат Пьетро Капуано был тогда в Риме.

папы.

Через две недели после взятия города туда приехал маркиз Монферратский, который благоразумно воздержался от участия в деле, неугодном папе. А еще через две недели явилось посольство от Филиппа Швабского и его шурина, молодого Алексея Ангела. Совет баронов собрался во дворце Дандоло, принимавшего живое участие в переговорах. Здесь послы изложили свое поручение. Филипп предлагал рыцарям чрезвычайно выгодные условия, «каких никогда еще не было предложено никому в мире», говорили послы. В вознаграждение за помощь принцу Алексею предлагали 200.000 марок серебра¹. Чтобы успокоить их религиозные сомнения на счет справедливости войны с христианами, обещали соединение церквей и могучую поддержку будущего императора в походе против Египта. Выходило, таким образом, что дело всего христианства не только не страдало, а, напротив, выигрывало от предлагаемого изменения цели похода.

Неприязнь против Византии

Богатая Восточная империя давно уже раздражала жадность западных рыцарей. Еще во время первого похода Боэмунд Тарентский не прочь был вместо Иерусалима завоевать Царьград. С тех пор отношения все ухудшались, и уже во время второго похода (1147 г.), когда армия Людовика VII французского проходила через византийские владения, та же мысль высказывалась с гораздо большей настойчивостью и определенностью. Чем ближе обе стороны узнавали друг друга, тем сильнее становилась их взаимная антипатия. Рыцари не без большого основания обвиняли греков в вероломстве, но и греки, с своей стороны, не могли быть довольны такими гостями. Недисциплинированные средневековые войска плохо умели отличать союзников от неприятелей, и во время похода крестоносных ополчений через империю византийское правительство должно было отряжать целые армии, на словах — для охраны крестоносцев, а на деле — для защиты населения от крестоносцев. Дело дошло до того, что когда в 1189 г. в Константинополе узнали о приближении Фридриха Барбаруссы, император Исаак Ангел поспешил заключить формальный союз с султаном Саладином. Германскому императору пришлось прокладывать себе дорогу силой, и если Константинополь не был взят тогда же, то единственно потому, что Исаак поспешил согласиться на все требования немцев. С тех пор мысль о необходимости наказать коварных византийцев прочно укрепилась в сознании западных европейцев, и раз представлялся удобный случай, трудно было удержаться от этого. Одно только было затруднение: папский уполномоченный и на этот раз был против изменения цели похода. Крестоносцы уже раз ослушались папы; дальнейшее непослушание могло навлечь на них отлучение от церкви, — венецианцев Иннокентий уже отлучил, — а в XIII веке это имело еще большое значение. Много было споров: «говорили не в одном смысле», как выражается Вильгардуэн. Организация крестоносного ополчения была республиканская: вся армия принимала участие в обсуждении дела. Не все духовенство согласно было с папским уполномоченным: аббаты и монахи обеих партий говорили проповеди, одни — за, другие — против похода. Шум стоял над лагерем, и он становился чем дальше, тем больше. А дело между тем было уже решено втайне: Дандоло, конечно, был за предложение Алексея, Бонифаций тоже; но и остальное высшее начальство, особенно три графа: Балдуин Фландрский, Людовик Блуасский и Гюг де сен-Поль, занимавшие в войске первое место после маркиза, были на их стороне. Договор был

1 10.400.000 франк., считая марку=52 fr. или около 2.600.000 р. зол.

подписан, но так как наступила зима, то поход остановился, и крестоносцы расположились на зимних квартирах в Заре (1202—1203 г.).

В течение этой зимы рыцари посылали посольство в Рим просить извинения у папы за взятие Зары. Иннокентий простил крестоносцам их ослушание, но под условием, —отнюдь более не нападать на христианские земли. Это был положительный приказ оставить Византию в покое. Но как было его исполнить? Выбраться из Зары сухим путем можно было только через владения венгерского короля, с которым только что воевали; бросить своих товарищей, чтобы уйти к недавнему неприятелю, —на такой поступок решились очень немногие, во главе их—Симон-де-Монфор, будущий истребитель альбигойцев, всегда покорный папскому престолу. Большинству показалось слишком унижительным просить помощи у только что побежденного врага; после некоторого колебания рыцари решились отправиться с венецианским флотом, который 7 апреля 1203 г. отплыл к о. Корфу. Но здесь совесть опять стала мучить крестоносцев; поднялись прежние споры, и дело едва не дошло до открытого возмущения. Недовольные Бонифацием и Дандоло,—а к ним принадлежала большая половина крестоносной армии,—собрали сходку в одной из долин острова. Тогда изобретательный маркиз прибегнул к театральному эффекту: с вожжами ополчения, с принцем Алексеем, с епископами и с аббатами своей партии он отправился туда, где собралась сходка. Там все они со слезами на коленях стали умолять своих товарищей не покидать их и юного, невинно-обиженного принца. Выдумка Бонифация удалась: рыцари согласились идти в Константинополь, но под условием, —оставаться там не более месяца, а затем продолжать поход на восток. 24 мая, накануне Троицына дня, венецианский флот вышел в море. Был прекрасный, солнечный день; дул слабый попутный ветер; всюду, куда только хватал взгляд, море белелось парусами кораблей; «никогда еще не было видано такого прекрасного зрелища», говорит Вильгардуэн. Около мыса Малей флотилия встретила два корабля, плывшие из Сирии с пилигримами. Граф Балдуин послал лодку спросить, кто на корабле,—в это время его жена была в Сирии. Когда лодка подошла к сирийскому судну, один из его пассажиров прыгнул в нее и крикнул своим товарищам: «берите все, что есть моего на корабле; я иду с этими людьми: я уверен, что они покорят весь мир». Целый месяц продолжалось плавание. Наконец, 23 июня увидели крестоносцы Константинополь. Можно себе представить, как смотрели на Царьград люди, никогда его не видавшие. «Они и не воображали, чтобы мог быть на свете такой богатый город. Когда они увидели высокие стены и великолепные башни, окружавшие столицу со всех сторон, богатые дворцы и высокие церкви,—их было столько, что никто бы не поверил, не видевши собственными глазами;—когда они охватили взором всю громаду царственного города: не было человека, который не задрожал бы от страха, потому что никогда еще не было предпринято никем такое дело с тех пор, как стоит свет».

Крестоносцы высадились сначала на азиатском берегу Босфора, в Скутари, и тут явилось к ним посольство от Алексея III. Посол,—он был ломбардец, соотечественник Бонифация, сначала польстил рыцарям: «император знает», говорил он, «что вы—самые знатные люди в своей стране после короля, и что ваша страна—лучшая из всех стран; но,—продолжал он,—очень его удивляет ваш приход: ведь, вы христиане, и он христианин; он знает, что вы идете освободить Святую землю, и если вы обеднели и издержали запасы в дороге, он вам даст продовольствия и денег, потому что он не хочет вам делать зла». Под конец ви-

зантийский посол похвастался: «если бы у вас было в двадцать раз больше людей, то ни один не ушел бы отсюда, если бы император этого захотел».

Рыцари отвечали надменно и заносчиво: они потребовали безусловной покорности и возвращения империи «законному наследнику», т. е. принцу Алексею. В случае, если император на это согласен, крестоносцы великодушно обещали ходатайствовать за него перед его племянником. Если же он не согласен, то ни в какие дальнейшие переговоры они вступать не намерены. После такого ответа война была неизбежна.

Она была непродолжительна и некровопролитна. Босфор крестоносцы перешли без боя; затруднения встретили их только под стенами города, но и здесь дело было не так трудно, как казалось им сначала. Численное неравенство сил было огромно¹. Но у греков не было своей национальной армии. Главные силы Алексея III состояли из наемных англичан, датчан и союзных пизанцев; Пизе император всегда покровительствовал, и проживавшие в Царьграде пизанские купцы были его верными защитниками. Но эти люди защищали не свое, а чужое дело. Они дрались добросовестно, но одушевления от них нельзя было ждать. Это была механическая сила, все значение которой зависело от того, в чьих руках она находится. А теперь она была в руках человека безхарактерного и вдобавок не верившего в правоту своего дела. Алексей III ограничился пассивной обороной из-за городских стен. Если бы перед Константинополем стояли одни французские рыцари, такой тактики, быть может, оказалось бы достаточно, чтобы отразить нападение. Феодалная конница не умела брать городов; к тому же, у крестоносцев не было провианта, и они уже принимались за лошадиное мясо.... Но с другой стороны города, на море, был венецианский флот с целым арсеналом средневековой артиллерии: с камнемётными и стреломётными машинами, со штурмовыми лестницами, поднимавшимися выше стен города. При первом же натиске, 25 башен перешли в руки венецианцев. Тогда только, чтобы отвлечь неприятеля от города, Алексей III решился вывести в поле свою армию. Византийская войска, построившись в боевой порядок, несколько часов простояли перед крестоносцами, но не решились напасть на тех, кого трусливые греки называли «медными статуями» и «ангелами смерти». Эта последняя неудачная попытка истощила мужество императора. В ту же ночь, захватив свою казну и свое семейство, он бежал из Константинополя (конец июля 1203 г.).

Бунт и пожар Константинополя

Не желая впускать в Константинополь крестоносцев, греки поспешили возстановить на престоле слепого Исаака, у которого в городе было много приверженцев. Это, в самом деле, прекратило военные действия. Рыцари, однако, согласились признать совершившийся переворот не прежде, как добились от Исаака утверждения договора, заключенного в Заре. Старый император, впрочем, наперед заявил французским послам, что договор этот невыполним, и его предсказание оправдалось. Труднее всего на первых порах оказалась уплата вознаграждения (о соединении церквей, повидимому, не особенно заботились). Наличие византийского казначейства, за последние годы всегда более или менее пустого, скоро из-

1 В крестоносном ополчении с самого начала считалось около 4.500 рыцарей и 20.000 пехотинцев и стрелков. Потом некоторые оставили армию, некоторые совсем не попали в Венецию; но во всяком случае крестоносцы не были в 200 раз слабее греков, как уверяет Вильгардуэн. По некоторым данным его же можно заключить, что византийцы были в 7 или 8 раз сильнее французов (не считая венецианцев).

сякла; принялись за частное достояние членов императорского дома, но и этого хватило ненадолго. Тогда кому-то пришла в голову несчастная мысль воспользоваться драгоценною утварью константинопольских церквей. Стали сдирать с образов золотыя ризы, отбирать священные сосуды и переплавлять все это в слитки, которые затем отвозились в лагерь крестоносцев. Когда народ увидел такое оскорбление своей святыни, поднялся ропот. Ненависть к франкам, обнаружившаяся уже в самом начале войны, когда чернь разрушила дома италийских торговцев,—в том числе и ни в чем не повинных пизанцев,—эта ненависть получила теперь новую пищу. Скоро (в августе того же года) один случай ухудшил отношения до крайности. В Константинополе, между прочим, был квартал, населенный сарацинами, и в нем мечеть. Несколько французов (считавших своим долгом бить мусульман всюду, где бы они ни встретились) напали на сарацин и стали грабить мечеть. Население города, как видно, больше сочувствовало своим давним соседям—неверным, чем единоверным разбойникам. Толпы греков поспешили на помощь мусульманам. Тогда франки, стесненные со всех сторон, прибегли к страшному средству, уже употребленному венецианцами при первом штурме: они зажгли город в нескольких местах. Пламя быстро распространилось, и вспыхнул пожар, длившийся два дня и две ночи. По свидетельству очевидца, огонь захватил в ширину место на пол-льё (более двух верст); едва не сгорела св. София. После этого народное брожение до того усилилось, что иностранцы латинского происхождения опасались дольше оставаться в городе и большею часто переселились в лагерь крестоносцев. Так разделились греки и франки на два стана. Открытая война еще не началась, но была, очевидно, близка. Одни только византийские правители этого не понимали.

Один из этих правителей, слепой Исаак, не мог принимать большого участия в делах. Народ больше видел и знал молодого Алексея, который, по настоянию крестоносцев, был провозглашен соправителем отца и коронован (1 августа). Молодой император возбудил против себя своих единоплеменников своей близостью к франкам, в лагере которых он проводил целые дни. Но и крестоносцам он тоже не угодил, потому что, несмотря на все усилия, не мог удовлетворить их денежных требований. Золото, которое он нашел в церквях, было каплей в море. Новые налоги не дали почти ничего и только еще более раздражили народ. Бароны, глубоко убежденные, что Восточная империя—самая богатая страна на свете, никак не могли понять финансовых затруднений Алексея и обвиняли его в вероломстве. Наскучив ждать, они решились на странную выходку, немало удивившую цивилизованных греков. Два посла от рыцарей явились в императорский дворец и объявили, что, так как византийское правительство не сдержало своего слова, не выплатило обещанной суммы, то рыцари намерены сами взять свое вознаграждение. А чтобы не оставить сомнений в серьезности этого заявления, они немедленно же принялись жестоко опустошать константинопольские окрестности. Положение Алексея IV стало теперь совершенно невыносимо. Продолжать союз с крестоносцами было, конечно, уже нельзя, а начать с ними войну он боялся да и не имел для этого достаточных средств. Единственным выходом для Византии была перемена государя. В январе 1204 г. духовенство, знать и народ Константинополя сошлись в св. Софии для совещания о выборе нового императора. Но никто не хотел принять на себя такую тяжелую должность: все понимали, что придется вести отчаянную борьбу с франками, и ни у кого не хватало на это мужества. Притом же очевидно было, что хозяйкой города опять, как во дни Андроника, стала толпа: беспорядок был так велик, что кан-

дидатов на трон хватили за полы и угрожали им мечами, в случае отказа. При таких условиях нужен был не государь, а военачальник, который умел бы бить франков и прежде всего умел бы заставить народ повиноваться. Такой человек нашелся в лице одного из родственников императорского дома, Алексея Дуки, прозвищем Мурзуфла (т. е. с густыми бровями). Он склонил на свою сторону наемные войска, заключил в темницу Алексея IV¹ и заставил провозгласить себя императором. Тогда началась открытая борьба с врагом, сразу принявшая характер национальный и религиозный. Первым делом Мурзуфла было издание указа, которым изгонялись из города все еще оставшиеся в нем франки (Georg. Asropol., 8, 9). В то же время католическое духовенство в лагере крестоносцев торжественно объявило, что, так как греки свергли своего законного императора и отложились от римской церкви, то война с ними—война справедливая и законная; все, кто падет в этой войне, получать отпущение грехов, как если бы они пали в бою с неверными. Так крестовый поход, начатый против неверных, обратился в крестовый поход против христиан.

Второе взятие Византии

Считая Византию верной добычей, крестоносцы наперед условились об ее разделе. Решено было тотчас по взятии города выбрать императора из числа высших баронов, назначив для выборов шесть представителей от крестоносцев и шесть от Венеции. Император должен был получить в собственность $\frac{1}{4}$ всего, что удастся завоевать, и, кроме того, два дворца в Константинополе, Букелион и Влахернский. Остальные $\frac{3}{4}$ делились пополам, половина венецианцам, половина крестоносцам. Само собою разумеется, что империя получила при этом ленное устройство, превращалась в ряд отдельных княжеств, связанных только общим верховенством сюзерена-императора. Заключив такой договор, приступили к осаде. Она, однако, пошла далеко не так успешно, как прежде: первый приступ был отбит. Теперь во главе греков стоял человек, которому никак нельзя было отказать ни в храбрости, ни в умении командовать войсками. Вооруженный тяжелой палицей, которой он очень искусно владел, Мурзуфл впереди всех в бою подавал пример своим солдатам. Франкам помогла хроническая болезнь Византии—безденежье. За Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившаго. Но это было не войско, это была недисциплинированная толпа, которая не могла выдержать напора «железных когорт» франков. Главную силу составляли все те же наемники, а они требовали прежде всего исправной уплаты жалованья. Чтобы добыть денег, император прибегнул к самым крайним мерам: он конфисковал имущество константинопольской знати в пользу государства. Но и этого хватило не надолго. Беспорядок в городе все возрастал. Наконец, отчаявшись в возможности дальнейшей защиты, Мурзуфл ночью тайно уехал из Константинополя. Наступила полная анархия, наемники отказались сражаться, и, воспользовавшись этим, рыцари ворвались в город (13 апреля 1204).

Началось знаменитое в летописях средневековой истории опустошение Царьграда, надолго оставшееся памятным всему православному Востоку. Далеко на севере, в Новгороде, с ужасом говорили о разгроме св. Софии, и новость об этом в нашей Новгородской летописи—одна из самых подробных. Во время грабежа город опять зажгли,—в третий раз с начала войны. После этих трех пожаров на месте великолепных дворцов и церквей, так поразивших Вильгардуэна, возвышались одне обгорелые развалины. Большая часть памятни-

1 Впоследствии Мурзуфл велел его задушить, за что и был казнен крестоносцами, когда попал в их руки. Исаак II умер около этого времени своей смертью.

ков искусства, доставшихся Византии в наследство от античного мира, погибла в это время, и европейские рыцари больше повредили в этот раз европейской цивилизации, чем впоследствии турки, ничего, по крайней мере, не разрушавшие.

Бонифаций Монферратский

Если бы это был простой разбойничий набег, рыцари не могли бы желать ничего лучшего. Они получили такую добычу, какой, по словам одного из их историков, никто еще не получал от сотворения мира. Но они рассчитывали прочно утвердиться в Византии, и Константинополь был столицей их будущих владений: разрушать его значило грабить самих себя. Так уже самое начало Латинской империи свидетельствовало о недальновидности ее основателей. Когда они, как было условлено, приступили к выбору императора, это качество их обнаружилось еще сильнее. Самым подходящим кандидатом был маркиз Бони-фаций, из всех баронов выдававшийся своими политическими дарованиями. У него, к тому же, были старинные связи в Византии: Монферратский дом был в свойстве с Комнинами, и один из членов этого дома, Райнерио, зять императора Мануила, приобрел даже большую популярность среди населения Восточной империи. Не мудрено, что греки встретили Бони-фация, как своего заступника. Наивно принимая его титул за личное имя, народ приветствовал его громкими криками: «*Aiios (αἰῖος) basileos marchio*» (святой царь маркиз), рассказывает хронист Гюнтер. Бонифаций сам, конечно, очень желал надеть византийскую корону. Вступив в город, он предусмотрительно занял Букелийонский дворец, предназначенный для императора. Но противники Бонифация имели сильную партию в войске, особенно между французами, для которых маркиз был иностранцем. Его поддерживали немцы, как гибеллина, ломбардцы, — как своего земляка, но и те и другие составляли ничтожное меньшинство армии. Главным же противником Бонифация был Дандоло, и именно потому, что маркиз был самым способным из баронов. Единственным мотивом деятельности венецианцев в этом походе была надежда сделаться хозяевами Константинополя. Они не требовали себе политической власти и охотно готовы были уступить ее другим, но им нужно было захватить в свои руки византийскую торговлю, чтобы избежать на будущее время таких неприятных случайностей, какой был, например, договор Алексея III с Генуей. Маркиз Монферратский был, конечно, не такой человек, чтобы пустить кого бы то ни было распоряжаться в своих владениях, и венецианцы всеми силами старались его устранить. На выборах (9 мая) Бонифаций получил только 3 голоса из 12: все представители Венеции и 3 крестоносца высказались за Балдуина, графа фландрского¹.

Балдуин Фландрский

Балдуин был типичным представителем лучших сторон средневекового рыцарства. Он сам отличался безукоризненной нравственностью и строго следил за нравственностью своей свиты: людей беспорядочного образа жизни он не терпел в своем дворце. Он раздавал много милостыни и был очень набожен. Единственным удовольствием, которое он себе позволял, было церковное пение: он даже сам сочинил несколько гимнов. Он считался одним из самых храбрых рыцарей ополчения, и в бою обыкновенно предводительствовал авангардом. Но политические дела он плохо понимал, и старый дож делал из него все, что хотел... При разделе Венеция забрала на свою долю все лучшие приморские города, все наиболее плодот-

1 По тогдашнему обычаю, решение было объявлено единогласно, и о происходившей в избирательной коллегии борьбе мы можем только догадываться.

родные или важные в торговом отношении местности; забрала так много, что скоро должна была отказаться от большей части своих владений, не имея достаточно войска для их защиты. Самым важным из ее владений сделался остров Крит (вымененный у Бонифация), где сходились дороги из Венеции, Константинополя и Египта. Он принадлежал венецианцам до половины XVII в., а две из его крепостей (Суда и Спиналонга) даже до 1718 г. (Пассаровицкий мир). Константинополь же сделался как бы второй столицей республики, и заходила даже речь о переселении туда дожа, — так, по крайней мере, рассказывали потом. Это, однако, не состоялось; в Константинополе поместился подеста, представитель республики, а глава ее принял только довольно странный титул «повелителя одной четвертой и одной восьмой всей римской империи».

Из других участников раздела больше всех получил все-таки Бонифаций. Потерпев неудачу на выборах, он поспешил жениться на вдове императора Исаака, которая была сестрой короля венгерского. Унаследовавши таким путем права низложенной греческой династии и породнившись в то же время с могущественным соседним государем, маркиз заявил весьма обширные притязания, и крестоносцы должны были их удовлетворить. Ему уступили все области, сопредельные с Венгрией, главную часть которых составляла Македония — с королевским титулом (так называемое королевство фессалоникийское)¹.

Война с болгарями

Бонифаций был единственным из баронов, который пользовался симпатиями местного населения и умел его привлечь на свою сторону. Остальные, не исключая и нового императора, относились к грекам с глубоким презрением, за что греки им платили не менее глубокой ненавистью. Основанием владычества франков был страх: пока греки были ошеломлены константинопольским погромом, они пассивно повиновались победителям. Но одна неудача крестоносцев могла изменить все дело. Это обнаружилось очень скоро. Царь болгарский Иоанн (Асень), издавна находившийся в ссоре с Византией и видевший поэтому в рыцарях своих естественных союзников, прислал к Балдуину посольство для заключения договора. Балдуин на свою беду вспомнил, что Болгария была прежде византийской провинцией, и ответил послам так: «Иоанн не имеет никакого права называть себя царем: его земля принадлежит империи. Как смеет он говорить с нами, как равный? Он должен обращаться к нам, как раб к господину».

Иоанн, как и следовало ожидать, принял такой ответ за объявление войны, что, нужно заметить, вовсе не было неприятно крестоносцам, ожидавшим легких побед. (Балдуин говорил: «Куда мне пойти ударить копьём?»). Но царь поспешил завязать сношения с греческим населением. Во Фракии началось возстание, и Адрианополь скоро попал в руки мятежников. Крестоносцы, рассеявшиеся маленькими отрядами по всей стране, потерпели большой урон. С трудом удалось Балдуину собрать достаточные для войны силы, с которыми он и выступил к Адрианополю. Здесь легкая половецкая конница, нанятая болгарским царем, заманила рыцарей в засаду, где они потерпели жестокое поражение. Людовик Блуаский и 300 рыцарей пали в битве. Балдуин был взят в плен и скоро умер от ран. Это поражение сразу уничтожило все обаяние франков в глазах туземцев. Возстание быстро разрослось, и уже скоро все владения крестоносцев ограничивались непосредственными

1 Бонифаций был убит в 1208 г. в войне с болгарями.

окрестностями Константинополя и несколькими приморскими пунктами, где утвердились венецианцы.

Владения крестоносцев

Генрих, брат и наследник Балдуина, отвоевал обратно часть отпавших провинций, но далеко не все. Крестоносцам удалось утвердиться только на обоих берегах Мраморного моря,—и в Европе и в Азии,—и в южной части Македонии (королевство фессалоникийское); кроме того, несколько феодальных бароний было основано в собственной Греции (герцогство Ахайя и сеньория Афины). Адрианополь стал крайним пунктом Латинской империи на севере, но он находился под управлением грека Феодора Браны, который признавал только верховенство латинского императора. Из других провинций империи образовались греческие княжества, уже совершенно не зависевшие от Константинополя: в Европе — эпирское, где утвердился один из родственников династии Ангелов; в Азии — трапезундское, основанное сыновьями Андроника Комнина, и никейское, — зятем Алексея III, Феодором Ласкарисом. Это последнее, правители которого приняли вскоре императорский титул, стало самым грозным противником новых властителей Византии. Западная часть Малоазийского полуострова представляла гораздо большую национальную цельность, чем европейские провинции империи. Византийские владения в Европе с VI в. были наводнены славянами, которые по большей части там и остались и так перемешались с туземным населением, что даже относительно собственной Греции в научной литературе был спор: кто предки ее нынешнего населения, древнее эллины или славяне? Кроме того, много варваров было поселено здесь самими императорами, которые давали им земли внутри империи, чтобы сделать их безвредными. В самом Константинополе, особенно с начала крестовых походов, осела масса иноземцев (см. выше). Таким образом, население европейской части империи было пестрою смесью, лишь поверхностно окрашенной греческим элементом. Возрождение *греческой* империи должно было совершиться не здесь, а в Малой Азии, сохранившей гораздо более следов греческой культуры и, к тому же, менее истощенной войнами и поборами. Войска никейских императоров вербовались из местных уроженцев; особенно Вифиния доставляла превосходных стрелков. Таким образом, у греков понемногу создавалась национальная армия, недостаток которой так ощутительно давал себя чувствовать во время осады Царьграда крестоносцами. Постепенно восстанавливалось и государственное хозяйство, пришедшее в совершенный упадок при Ангелах. Особенно важна, была в этом случае деятельность второго никейского императора, Иоанна Ватацы.

Никейская империя

Ватаца был человек чрезвычайно расчетливый и в то же время очень широко понимавший свои обязанности. Он сам вел хозяйство в своих обширных имениях и вел его так, что императорские имения стали образцом для всех сельских хозяев страны. Как велика была его внимательность в этом случае, видно из того, что даже торговля куриными яйцами давала ему очень значительные барыши. Налоги, которые прежде разоряли население без всякой выгоды для правительства, он умел распределить так, что они давали большой доход, никого не разоряя. Но он не ограничивался этим и старался создать новые источники дохода, поощряя промышленность; для этой цели служила ему так называемая покровительственная система: он облагал высокими таможенными пошлинами те иностранные товары, которые на рынке могли соперничать с произведениями туземной промышленности.

На случай неурожая он устроил запасные хлебные магазины, которыми пользовались даже соседние страны,—напр., после опустошений, произведенных монголами,—причем Ватаца продал хлеб, конечно, с хорошей прибылью. Постепенно он довел свое казначейство до такого блестящего состояния, что Никея от обороны скоро могла перейти в наступление против франков. Этому немало способствовали, впрочем, личные таланты никейских правителей. За Ватацей следовал Михаил Палеолог, родоначальник последней династии восточных императоров, истый византийский грек, человек с неособенно чуткой совестью, но замечательно талантливый дипломат. Он очень ловко умел пользоваться никогда не прекращавшимся торговым соперничеством Генуи и Венеции и действовал постоянно в союзе с первой против венецианцев. При этом императоре и Константинополь перешел обратно в руки греков (25 июля 1261 г.). Это было, впрочем, совершенно случайное событие. Жители воспользовались тем, что французская войска была отправлена на помощь венецианцам, осаждавшим одну гавань на Черном море, и впустили в город отряд никейской конницы. Но падение Латинской империи было неизбежно подготовлено всей ее историей: ей не на что было существовать. Провинции, доставшиеся на долю франкам, были страшно опустошены еще при Ангелах. Разрушив византийскую административную систему, латинские завоеватели не сумели заменить ее чем-нибудь лучшим. В результате финансовые затруднения стали еще значительнее, чем были в эпоху Исаака и Алексея. В последнее время своего существования, латинские императоры жили только субсидиями, которые им присылали с родины, и должны были заложить все, что возможно: даже терновый венец Спасителя, хранившийся в Царьграде, был заложен Венеции за большую сумму. Очевидно, конец обнищавшей империи был только вопросом времени.

Значение Латинской империи

Франки ушли, не достигнув ни одной из тех целей, которые они себе поставили перед завоеванием. Им не удалось основать феодальную империю. Но нужно заметить, что из западных учреждений феодализм все-таки лучше всего прижился на византийской почве. В этом случае крестоносцы нашли в Византии готовый материал. Еще с X века стало развиваться в империи служилое землевладение: военным людям за службу давалась земля, которую обрабатывали поселенные на ней крестьяне; доход с этой земли заменял им жалование. Получались отношения, по внешности чрезвычайно похожие на феодальные, на отношения вассала к сеньёру; вассал также получал от сеньёра землю под условием военной службы. Французы так и поняли дело и признали византийских служилых людей за феодальное дворянство. Рядом с этими мелкими помещиками были и очень крупные. Некоторые семейства из византийской знати владели огромными земельными имениями и, особенно в отдаленных провинциях, распоряжались в своих владениях вполне самостоятельно. Такие землевладельцы ничем, в сущности, не отличались от крупных феодальных баронов. Таков был, например, Лев Сгур в Пелопоннесе, который,—совсем как западно-европейские феодалы,—вел правильную войну с императором Алексеем III (в 1202 г.) и отнял у него два города: Аргос и Коринф. Латинское владычество упрочило эти уже ранее существовавшие зачатки местной самостоятельности. Палеологам нечего было и думать о восстановлении прежней строгой централизации: связь отдельных частей империи навсегда была ослаблена,—и это, конечно, немало повредило империи в начавшейся вскоре борьбе с турками.

Полной неудачей кончилась другая попытка латинских завоевателей,—попытка соединения церквей, т. е. в сущности, подчинения Восточной церкви Риму. Иннокентий III должен был примириться с неприятным для него событием, взятием Константинополя. Даже больше: по требованию тех самых венецианцев, которых он отлучил от церкви за нападение на Зару, он должен был поставить латинским патриархом в Царьграде их земляка (Томмазо Морозини). Все эти уступки были вызваны надеждой на церковную унию. Но уния всегда осталась чисто внешней, формальной, и греки ей никогда не подчинились. Напротив, с этой поры самая мысль об унии стала ненавистна византийцам, так как неизбежно соединялась в их уме с разграблением Царьграда. Никогда еще греки не были так преданы своей религии, никогда влияние православной церкви на политику не было так сильно, как после латинского завоевания. Мы увидим впоследствии, что и это обстоятельство не осталось без сильного влияния на исход борьбы с турками. Можно сказать, что латинское завоевание Царьграда подготовило завоевание его турками в 1453 году.

М. Покровский.

XXXIX. Цезарий Гейстербахский

(Черты средневекового настроения и мировоззрения)

Личность Цезария

Церковь была носительницей умственного просвещения в средние века; его представителем было духовенство. Тогда не существовало образования вне церкви, и не было образованного класса, помимо духовенства. Не было другой науки, кроме той, что разрабатывалась в стенах монастырей «во славу Божию» (*ad maiorem Dei gloriam*), другой философии, кроме той, которая была «служанкой богословия» (*ancilla theologiae*), другого искусства, кроме того, что служило к украшению великолепных соборов. Писатели, историки, философы средних веков, это—по преимуществу монахи; они были мыслителями средних веков, они руководили мыслью средневекового человека, давали тон и направление всей умственной жизни средневекового общества и налагали свою печать на все миросозерцание эпохи. Вот почему, если мы хотим познакомиться с последним, если желаем проникнуть во внутренний мир средневекового человека, мы должны обратиться к средневековому монашеству, и в его среде искать материала для характеристики средневекового настроения и мировоззрения. Такой материал мы находим, например, в лице Цезаря Гейстербахского, одного из характерных представителей средневекового монашества и наиболее типичных выразителей миросозерцания эпохи.

Цезарий не принадлежит к числу крупных исторических личностей; его имя не связано ни с каким выдающимся событием. Он был скромным цистерцианским монахом,—одним из множества тех людей, жизнь которых протекала в тиши уединенной кельи, между алтарем и библиотекой. Как историческая личность, как исторический характер, Цезарий не представляет поэтому никакого интереса; но он в высшей степени интересен, как исторический тип, как одна из тех личностей, в которых наиболее отчетливо выступают общия черты эпохи.

Пособия: *Caesarii Heisterbacensis, Dialogi miraculorum*; *Kaufmann, Caesarium von Heisterbach*.

Сведения о жизни Цезаря очень скудны. Известно только, что он жил в конце XII и первой половине XIII века, следовательно, в ту пору, которая относится к «классическому веку» средних веков. Около 1200 года он вступил в число цистерцианских монахов Гейстербахского монастыря, близ Кельна, где и провел большую часть жизни, в качестве «приора» и «наставника новициев» (вновь вступивших монахов). Свой монашеский досуг он посвящал чтению и литературному труду. Чтением он настолько обогатил свои сведения, что стоял вполне на высоте современного образования. Его сочинения обнаруживают выдающуюся для того времени начитанность; не говоря уже о церковных писателях, мы встречаем в сочинениях Цезаря ссылки на таких классических авторов, как Вергилий, Овидий, Сенека. Среди его многочисленных сочинений,—все они церковного характера и написаны средневековой варварской латынью,—особенною популярностью среди современных читателей пользовались его «Беседы о чудесах». Это сочинение наиболее важно для характеристики как самого писателя, так и его мирозерцания, которое, в свою очередь, интересно для нас, как отражение господствующих понятий и представлений средневекового общества. «Беседы о чудесах», это—обширный сборник рассказов о разных необычайных событиях и явлениях, о которых в разное время пришлось слышать автору или от очевидцев или от людей, которые передавали слышанное от других. Нужно заметить, что термин «чудо» у Цезаря далеко не вполне совпадает с тем представлением, которое соединяется с этим словом в настоящее время; в «Беседах о чудесах» мы встречаем, например, рассказ о землетрясении на острове Кипре, о затмении солнца и т. п. Вообще, воображение средневекового человека работало гораздо напряженнее, нежели разум, и ему на каждом шагу чудилось необычайное, сверхъестественное, чудесное. Чудо окружало человека с колыбели до могилы. Чудесно исцелялся человек от болезни, приключившейся каким-нибудь необычайным образом; чудесным образом спасался от сверхъестественной опасности; чудесное видение или рассказ о нем решали участь человека, заставляя его отречься от мира и уйти в монастырь. Так было, например, и с Цезарием: чуду обязан был он в детстве спасением от смертельной болезни, рассказ о чудесном видении склонил его к принятию «ангельского чина». После своего «обращения», в монастыре, человек начинает дышать еще более сгущенной атмосферой чудесного. Читает ли книгу—там рассказывается о чудесах; беседа между «братьями»—о чем? о чудесах; прохожий-странник передает о виденных или слышанных необычайных явлениях или событиях; наконец, человек пытливо смотрит вокруг себя—и видит чудо, чудо на каждом шагу. Ниже мы увидим это на живых примерах; здесь отметим пока только, что этим духом чудесного проникнуто все сочинение Цезария, который в данном случае разделяет лишь общее настроение эпохи, заключающееся в крайне напряженной работе воображения и в необыкновенной склонности видеть всюду чудесное. В книге Цезаря, точно в зеркале, отражается это господствующее *настроение* средневекового человека; но важнее для нас те черты средневекового *мирозерцания*, которые не менее отчетливо отразились в этом зеркале.

Аскетическое направление

Нет той области, которая бы не была затронута в «Беседах о чудесах», начиная с самых мелких явлений обыденной жизни и кончая самыми высшими областями человеческого познания,—всюду писатель ведет за собой читателя, сознательно и бессознательно высказывая свои взгляды на все явления и вопросы жизни, вводя нас в свой внутренний мир,—

внутренний мир средневекового человека. Всего рельефнее выступает перед нами этот внутренний мир в воззрениях Цезария на жизнь человека, в его представлениях о значении, смысле и содержании человеческой жизни. Основная и характерная особенность средневекового мирозерцания заключается в своеобразном соединении христианских понятий, воспринятых от церкви, с языческими представлениями, унаследованными от дохристианских времен и сохранившимися в народной поэзии (в особенности в германских сагах). Из церковно-христианских идей средневековый человек получил аскетическое понимание жизни, которое облеклось у него в совершенно несоответствующие ему формы, заимствованные из народно-поэтических представлений языческой эпохи. Книга Цезария представляет собою яркий образчик этого своеобразного сочетания церковно-аскетического понимания жизни с языческо-поэтическими представлениями. Мы сейчас увидим, в чем состоит то и другое.

Сущность церковно-аскетического понимания жизни заключалась в противопоставлении жизни земной, плотской, и жизни загробной, духовной. Насколько бессмертный дух выше бренной плоти, настолько же загробная жизнь, жизнь вечная, важнее жизни земной, скоропреходящей. Сама по себе земная жизнь не имеет никакой цены; она получает смысл и значение настолько, насколько является приготовлением к жизни загробной. В чем же должно заключаться это приготовление? В умерщвлении плоти. Плоть—враг человека; она—источник греха и виновница вечной гибели человека; она—темница души, связывающая последнюю своими оковами.

Отсюда, умерщвление плоти—основная мысль аскетизма; логический вывод из этой мысли есть монашество: для умерщвления плоти необходимо отречение от мира, который есть царство плоти. Монах, это—последовательный аскет. Таков был Цезарий в своей жизни, таким он является и в своей книге.

Из двенадцати глав, на которые разделяется сочинение Цезария, первая трактует об «обращении», последняя о загробной жизни, в остальных главах распределено прочее содержание человеческой жизни. «Обращение», т. е. вступление в монашество, есть тот момент, с которого человеческая жизнь приобретает смысл и значение; «обращение», это—духовное рождение человека,—эра, откуда человек начинает летосчисление своей жизни. Этим важным шагом в своей жизни человек бывает обязан нередко особенному вмешательству существ из загробного мира: ангелов, святых, которые являются во сне и наяву, чтобы склонить колеблющихся к принятию «ангельского чина».

Уже самый факт «обращения» налагает на человека особую печать святости и очищает пятно предшествующей порочной жизни. «Раз св. Бернارد,—разсказывает Цезарий,—встретил присужденного к виселице вора; последний обратился к святому с просьбой спасти его, приняв в свой орден. На это судья: «Но, господин, это—вор, который заслуживает виселицы». Отвечал блаженный аббат: «Предоставь мне его повесить». Святой разумел под виселицей орденскую дисциплину.

Самое одеяние монашеское осенено особенно святостью. Цезарий рассказывает о монахе, «спустившемся, с разрешения своего аббата, в чистилище». Дьяволы настаивали, чтобы монах снял с себя свое иноческое одеяние; последний наотрез отказался и провел в чистилище всю ночь «в словесном состязании с дьяволами, из которых ни один не дотронулся

до него».

Главное содержание человеческой жизни после «обращения» составляют: сокрушение (*contritio*), покаяние (*confessio*), искушение (*tentatio*). «*Contritio dicta est, quasi simul tritio; componitur autem a con, quod est simul, et tritio, eo quod de omnibus peccatis cor simul teri debet per dolorem*». Сокрушение о грехах сопровождается слезами. *Gratia lacrimarum*, «благодать слез», есть особенный дар, которым особенно дорожит «обращенный», и который ниспосылается свыше в виде особой милости. Один монах просил «одну святую женщину» помолиться за себя.—«Чего желали бы вы от Господа?» спросила монахиня.—«Хочу, чтоб вы исходатайствовали мне у Господа дар плакать трижды в неделю, т. е. по понедельникам, пятницам и субботам, на всеощном богослужении». Возвратившись в свой монастырь, монах стоял за всеощной, ожидая обещанной благодати. И вдруг, по молитвам этой святой женщины, он получил от Господа слезы в изобилии.

Другому монаху на молитве является Христос.—«Проси у меня, чего хочешь».—«Господи, ничего я не прошу у тебя, кроме того, чтобы иметь столько слез, сколько заслуживает воспоминание о твоих страданиях». И Господь: «Да будет тебе эта благодать». И от этого часа всякий раз, как ему случалось вспомнить или заговорить о страданиях Христовых, у него слезы текли ручьем.

Очистившись от греха сокрушением и покаянием, человек подвергается опасности впасть немедленно в новый грех, так как на каждом шагу, каждую минуту, его подстерегает искушение. «Жизнь человека есть непрерывное искушение», в особенности жизнь «обращенного», т. е. монаха. «Мирские и плотские,—говорит Цезарий,—послушествоующие плоти, не переживают искушения в собственном смысле, потому что они, едва почувствуют искушение, как уж готовы немедленно склониться к нему, а если и сопротивляются, то слабо, подобно лошади или мулу, у которых нет разума». Совсем другое дело—жизнь монаха: она есть непрерывная и неустанная борьба против искушений, которыми усеян его жизненный путь. Не говоря уже о плоти с ее греховными вожделениями; не говоря о мире с его соблазнами, против которых подчас и стены монастырския безсильны,—не говоря уже об этих двух неизсякаемых источниках постоянных искушений, смущающих дух инока,—последний вечно окружен еще целым сонмом особых существ, нарочитое призвание которых—искушать человека; эти существа—злые духи, демоны.

Такова, по предоставлению Цезария, жизнь человека, в особенности человека «обращенного», монаха,—эта непрерывная борьба с плотью, с миром, с дьяволом,—жизнь, протекающая между грехом и покаянием, между сокрушением и искушением. Естественно, что, при таком взгляде на жизнь, смерть представлялась человеку чем-то желанным, радостным; в самом деле, она приносила с собою освобождение души от тяжких уз плоти, мира, греха, искушения. «Мне случалось нередко,—говорит Цезарий,—у многих из наших монахов, когда они заболели, наблюдать такое желание умереть ради будущей жизни, что их искренно огорчало, коли им желали выздоровления». Вся книга Цезария проникнута этим аскетическим презрением к жизни и идеализацией смерти. Самый момент смерти, особенно смерти «обращенного», окружен ореолом особенной прелести и поэзии. Умиравший юноша «слышит дивное пение ангельских хоров, неизъяснимая прелесть которого составляет ему великое наслаждение». «Обращенный», по имени Оберт, умирая, «созерцает

ангелов, слышит небесную гармонию, видит себя соучастником славы святых».

Таково это аскетическое понимание жизни, насколько оно выразилось в книге Цезария. Но что особенно характерно для Цезария и для средневекового мировоззрения вообще, так это—то своеобразное сочетание этих аскетических понятий с языческо-поэтическими представлениями, о котором было упомянуто выше. Влияние последнего выразилось, прежде всего, в материализации христианских представлений и, затем, в своеобразном направлении и развитии чувства чудесного.

Материализация христианских представлений

Материализация христианских представлений выразилась в перенесении на них чувственных образов языческой мифологии. Последнее отразилось в особенности на представлениях о св. Деве, о добрых и злых духах. На св. Деву переносятся черты отчасти языческой богини, отчасти сказочной героини. Подобно мифической воинственной богине германских саг, св. Дева помогает покровительствуемому ею рыцарю одержать победу в турнире; подобно сказочной богине, она спасает своего поклонника от опасности, освобождает из плена, помогает достигнуть успеха в задуманном предприятии. На все это у Цезария немало живых примеров. Он же рассказывает случай, когда св. Дева приняла наружность одной монахини, бежавшей из монастыря, и в течение нескольких лет служила в монастыре вместо нея, до тех пор, пока та не возвратилась снова в монастырь; благодаря св. Деве, никто не заметил отсутствия бежавшей монахини, которая, возвратившись в монастырь, заняла свое прежнее место, как ни в чем не бывало.

Но особенно резкую печать наложили мифические образы на средневековые представления о злых духах, на которых средневековое воображение перенесло черты низших божеств или полубожеств языческой мифологии: эльфов, домовых, великанов, оборотней и т. п. «Злой дух» Евангелия утратил совершенно в представлении средневекового человека свой духовный облик; он облекся в плоть и кровь, размножился. У Цезария мир кишит демонами, и человек уже не духовными очами зрит их: он видит их плотскими глазами и ощущает их присутствие чуть не всеми своими пятью чувствами; видит их наяву, чувствует их прикосновение к своему телу, слышит их голос и разговаривает с ними. Дьявол у Цезария является человеку то в зверином образе: медведем, обезьяной, лошадью, собакой, кошкой, крысой, свиньей; то в образе человека: мужчины, женщины, девицы, великана; иногда он принимает наружность какой-нибудь определенной личности, живущей или умершей; наконец, есть случаи, что дьявол принимает образ ангела, это—высшая степень дьявольского коварства. Когда демон является в своем собственном виде, он имеет обыкновенно наружность безобразного, приземистого человека, плечистого, с короткой шеей; волосы взъерошены, цвет кожи напоминает вынутое из горна железо. В одном месте Цезарий описывает целую группу дьяволят, которые были усмотрены епископом на шлейфе пришедшей в церковь щеголихи. «Они были ростом с крысу и черны, как эфиопы; склабя свои морды, они хлопали в ладоши и прыгали, точно рыбы в неводе». Другой монах имел случай видеть демонов в иной обстановке. «Он увидел пятнистых кошек, или, точнее говоря, демонов под видом кошек; мурлыкая и помахивая своими хвостами, по обычаю кошек, они ласково терлись боками друг о друга».

Главное призвание демонов—искушать людей, преимущественно монахов; жизнь по-

следних есть повседневная ожесточенная война с демонами, которые особенно назойливо осаждают монастырские кельи. Непримируемая ненависть демонов к человеку засвидетельствована одним дьяволом, подлинными словами которого приводятся Цезарием, на основании достоверного, по его мнению, источника. «Я предпочел бы,—говорит демон,—если бы пришлось выбирать, возвратиться в преисподнюю с одною соблазненною душой, нежели получить снова доступ на небо». Впрочем, с добросовестностью ученого исследователя, Цезарий отмечает разногласие между демонами в данном пункте: «*Huic verbo,—говорит он,—cujusdam daemonus sermo non concordat*», и рассказывает далее о демоне, *qui contraria dicebat*.

Вместе с материализацией демона, и борьба с ним человека принимает чувственные, материальные формы: это—борьба в рукопашную, борьба нередко кровопролитная—в буквальном смысле, с поломанными ребрами, окровавленным лицом, вывороченными внутренностями,—борьба, кончающаяся сплошь да рядом увечьем и даже смертью от руки дьявола. Для иллюстрации сказанного приведем несколько живых примеров «искушений» и борьбы с искушителем со стороны человека, как это представлено у Цезария.

Рыцарь, по имени Менгоц, исполняя свой давний обет, собирается в путь к св. Ремигию в Реймс. Вдруг прилетает дьявол и говорит: «К чему спешить? Впереди всегда найдется достаточно времени для исполнения обета»... Ни слова не говоря более, дьявол схватил рыцаря за ноги и так нещадно поволок его по мостовой, что земля окрасилась кровью, которая лилась из изуродованного лица несчастного. Другой раз, один монах «так варварски изувечен был демоном, что на третий день скончался». Рыцарь, по имени Тиело, близ Кельна, был варварски умерщвлен демоном. Последний забрался к рыцарю в комнату, где и провел всю ночь, а под утро, схватив рыцаря, потащил его сквозь потолок, причем у несчастной жертвы были выдавлены внутренности. Что случилось с его телом, так и осталось неизвестным; только утром нашли висевшие на досках крыши разорванные внутренности, которые и предали погребению. Случалось, что дьявол прибегал к помощи отравы. Явившись одному неопытному novice в образ ангела, он предложил ему ломоть хлеба; novice съел, заболел и зачах. Иногда простое прикосновение демона причиняет человеку болезнь и даже смерть, чему имеется немало примеров у Цезария.

Впрочем, увечья и смерть от руки дьявола—сравнительно исключительные явления; в большинстве же случаев, дьявольские «искушения» не идут далее более или менее коварных, но неопасных для телесного здоровья козней, которые носят подчас характер школьных проказ. «В боннской епархии жил один благочестивый инок. Дьявол до такой степени был против него озлоблен, что часто, когда последний раскрывал молитвенник для утренней молитвы, дьявол то закрывал ему буквы, то переворачивал страницу, а иногда и свечу задувал». Вообще, на молитве монах служить мишенью особенно назойливых козней и всякого рода издевательств со стороны демона. Во время церковного богослужения, он взлезает монаху на спину в виде змеи; другому вскарабкивается на голову в виде кошки; третьему надевает на лицо конскую узду; четвертый стоит, окруженный целю толпой демонов, под видом свиней, хрюканье которых слышно для окружающих. Во всех этих случаях результат получается одинаковый: монахи начинают дремать или и совсем засыпают, а дьяволу только этого и нужно.

Одна женщина видела в Ахене монахов, «на плечах и капюшонах у них сидели демоны в образе обезьян и кошек». Ей же другой раз случилось видеть «еще более ужасную картину: впереди монахов шли огромные, страшного вида псы с цепями, одни концы которых были прикреплены к их ошейникам, а противоположные концы опутывали шеи монахов: так дьяволы влекли последних к соблазнам».

Монашеский пост—тоже один из главных пунктов, на которые направлены усилия искушителя. Одному дьяволу удалось подсунуть монаху мяса, да еще сырого, которое тот и съел невзначай; но другой дьявол имел менее успеха у монахини, которую тщетно пытался соблазнить покушать гуся, яко бы присланного ей от родителей. Еще менее посчастливилось искушителю с монахиней Елизаветой, которую он долго и неотступно осаждал в Ховенском монастыре. Раз, увидев его у себя, и догадавшись, кто это такой, она дала ему пощечину.—«Зачем ты так больно дерешься?» сказал он.—«Потому что ты часто досаждаешь мне», ответила она. На это дьявол: «Вчера я гораздо более досадил твоей сестре, певчей, и однако она меня не ударила».

Другой раз аббатисса того же монастыря, рассказывая про явление ей дьявола в образе человека, прибавила: «Жаль, что не знала я тогда, что это был дьявол, а не человек: дала бы ему хорошую пощечину»... Не менее решительный отпор встретил враг рода человеческого со стороны Бертрады, монахини Вольмунтштейнского монастыря в Вестфалии. Заметив дьявола, который пытался проникнуть к ней через окно, «она плюнула ему в лицо и, понося его позорными словами, заклинала именем св. Троицы не искушать ее более».

Далеко, однако, не все демоны злы; есть даже прямо добрые демоны. Цезарий готов был бы усомниться в возможности столь невероятной вещи, если бы она не доказывалась многими, по мнению автора, не подлежащими никакому сомнению фактами и наглядными примерами «дьявольской доброты (*bonitatis diabolicae*)». Цезарию, например, известен случай, что один демон, в образе молодого человека, нанялся в слуги к одному рыцарю. «Он начал служить рыцарю с таким усердием, почтительностью, преданностью и готовностью, что тот не мог надивиться. При этом, всегда скромен, предусмотрителен, весел». Раз он сверхъестественным образом спас жизнь рыцаря от неминуемой смерти: другой раз вылечил его жену от опасной болезни львиным молоком, которое он добыл в Аравии, слетав туда в один час. Это последнее обстоятельство выдало настоящее происхождение слуги. По настоятельному требованию рыцаря, он вынужден был сознаться: «Я—демон, один из тех, что пали с Люцифером.—«Если ты по природе дьявол, то что это значит, что ты служишь верой-правдой человеку?» спросил изумленный рыцарь. Демон отвечал: «Великая для меня отрада быть с сынами человеческими».

Демон оказался не только добрым, но и благочестивым, как явствует из нижеследующего. Получив от рыцаря за свою службу пять золотых, демон возвратил их ему, со словами: «Сооруди на эти деньги колокол, который повесь над кровлей этой бедной и запущенной церкви, чтобы по воскресеньям он созывал верных к божественной службе»... С этими словами он исчез из глаз рыцаря.

Другой благочестивый демон перенес рыцаря Эбергарда по воздуху в Иерусалим в мгновение ока. Цезарий передает даже случай, что демон пришел на исповедь к священнику. Последний пришел в ужас от той подавляющей массы смертных грехов, которые пове-

дал ему вновь прибывший. — «Если бы тебе было тысяча лет, — сказал священник, — и тогда количество твоих грехов было бы изумительно». Тот отвечал: «Мне более тысячи лет». Еще более пораженный, священник сказал: «Кто же ты такой?» — «Я — демон, один из тех, что пали с Люцифером». Священник согласился отпустить грехи дьяволу, под условием известной эпитимии, но дьявол наотрез отказался от выполнения последней и исчез не прощенный.

Помимо того, что Цезарий всюду готов видеть чудесное, самое чудо получает у него совсем иной характер, нежели оно имело в первобытном христианстве. У Цезария оно утрачивает свой духовный и наставительный характер и приобретает отчасти сказочно-фантастический, отчасти языческо-мифологический облик. К «чудесам» последней категории принадлежат, например, те многочисленные и многообразные проявления волшебства, которые занимают далеко не последнее место среди цезариевских «чудес». Что касается первого, т. е. сказочно-фантастического элемента, то он всего нагляднее выступает в той роли, какую Цезарий отводит животным во многих из своих «чудес». Однажды «пчелы построили из воска базилику чудной архитектуры для тела Господня, которое и возложили на алтарь, воздвигнутый из того же материала». Домашнюю птичку одной дамы, усердно молившейся св. Фоме, схватил коршун. В когтях коршуна птичка закричала, так что все слышали: «Святой Фома, помоги мне». Муха, пытавшаяся сесть на чашу с эвхаристией, внезапно упала мертвая.

Так, народно-поэтические представления самым неожиданным образом переплетаются с богословско-аскетическими идеями, образуя то своеобразное смешение понятий и представлений, которое составляет характерную особенность средневекового мирозерцания.

П. Ардашев.

XL. Франциск и Доминик

Возникновение нищенствующих орденов

Монашеские ордена в средние века

В течение средних веков монашество несколько раз поднимается с особою силою и каждый раз новой, более строгой или более чистой его форме отвечает новое настроение в народе или потребность преобразования церкви. В XI веке суровые и деятельные клунийцы среди дикаго разлада феодального общества подготовили реформу Григория VII, клонившуюся к подчинению мира умершим для мира представителям иерархии. В начале XIII в., в виду грозных успехов ересей, поднимавшихся против церкви, и отчасти под влиянием тех же стремлений, которые выражали еретики, появились два нищенствующих ордена, францисканцы и доминиканцы.

Около 1200 г. в лице Иннокентия III папство осуществляет самые смелые свои цели. Римский первосвященник правит христианским миром и раздает короны. Но могущественная, богатая церковь забывает о своем призвании и замыкается в гордую, привилегированную касту. Чем материальнее становилась церковь, тем живее чувствовалась в народе потребность непосредственного знакомства с источником веры, с евангелием, и тем легче люди чуткой души переходили на путь самостоятельного искания евангельскаго жития. Лионский купец Петр Вальд, отвергнутый папою, основал «общество бедных», стремившихся к подражанию Христу, и его последователи в южной Франции и Италии отклонились от церкви. Еще резче порвали с церковью альбигойцы, удалившиеся от самых догматов христианства. Сила еретиков заключалась в доступности их учения, в отсутствии властолюбиваго и чуждаго народу духовенства, а главное—в проповеди на народном языке, которой не знала церковь. Преимущества были таковы, что церковь не находила средств для борьбы: в Монпелье на съезде прелатов и цистерцианских монахов, явившихся для искоренения альбигойства, Доминик встретил у духовенства сознание полного безсилия. Он подал совет заимствовать у еретиков главное их орудие—проповедь; надо монахам выйти из

келейного заключения и идти в самую среду светского общества. Францисканцы еще ближе подошли к ереси: у них уже не одно заимствование приемов для борьбы; они проникаются тем же духом евангельского христианства бедных, что и вальденцы. В их лице церковь приняла идеи, сначала грозившие подорвать ее. Новые два ордена принялись за реформу нравов и верований: они спасли господство церкви, но внесли в нее совершенно новую жизненную струю. Прежде монашество само себе было целью, и люди постригались ради спасения души своей. В орденах XIII в. оно становится средством проповеди евангелия в народе и воздействия на светское общество.

Франциск Ассизский

На характер двух нищенствующих орденов отразились оригинальные черты личности их основателей. Во Франциске Ассизском мы встречаем мягкую, полную искреннего, глубокого чувства, любвеобильную и радостную, подвижную и восторженную натуру итальянца (с примесью, может быть, южно-французской крови). В его лице возрождается вечно возвращающийся идеал водворить на земле настоящее царство Христово.

Земной образ Христа, бедного и милосердаго, простого, смиренного и близкого к грешникам, его странствования и страдания постоянно привлекали и возбуждали к подражанию. Как у древних евионитов, как у вальденцев, так еще более у Франциска цель состояла в том, чтобы приблизиться ко Христу всем складом жизни, всем душевным настроением. Как этот взгляд Франциска, так же проста и наивно-трогательна история его обращения и вся его жизнь.

Франциск принадлежал к зажиточному городскому классу. Он родился в 1182 г. в Ассизи, небольшом городке Умбрии, в семье торговца сукном Пиетро Бернардоне. Мать его была, повидимому, родом из южной Франции; этим, вероятно, объясняется его любовь к провансальскому языку и песням, а, может быть, и самая близость к вальденству. Франциск не получил образования. Он провел безпечную и веселую молодость, развозя товары отца и пируя с многочисленными товарищами и знакомыми, причем он был всегда первым в затеях и избирался царем праздника. В эту пору сказались в нем и рыцарские наклонности: он не удержался от участия в кипевшей всюду в Италии борьбе гибеллинов и гвельфов и пробыл год в плену. Но среди этой шумной жизни в нем пробудилась мысль о другом, более высоком назначении. Жизнеописание его рассказывает, что завеса спала внезапно. Франциск однажды возвращался с товарищами с богатой пирушки, в которой, по обыкновению, занимал первое место. Спутники его, распевавшие песни, вдруг заметили, что он отстал в глубоком раздумьи. На их расспросы и насмешливые замечания, не хочет ли он жениться, он ответил, что действительно задумал взять невесту, но более благородную, богатую и красивую, чем кто-либо видел. Франциск в этом образе разумел Христову нищету; он говорил потом, что в эту минуту его посетило свыше откровение, которое он давно предчувствовал и которое указало ему жизненный путь. Исполнить завет Христа, все отдать бедным, пойти в их среду,—вот как он понял свое призвание. Житие говорит, что однажды среди горячей молитвы он услышал свыше слова: «все, что ты любил до сих пор, Франциск, земной любовью и желал иметь, тебе следует презирать и ненавидеть, если хочешь знать Мою волю. Если ты начнешь исполнять ее, то все, что тебе теперь кажется сладким и приятным, станет для тебя горьким и невыносимым». В своем рвении Франциск стал исполнять эту заповедь буквально. Он не только отрекся от богатства, наследия отца, от веселой

жизни; он смешался с толпою грязных, больных нищих на богомолье в Риме, раздав все деньги из кошелька, он обменялся платьем с одним из них и провел целый день в лохмотьях на виду у всех; мало того, одолев отвращение, он обнял прокаженного и поцеловал у него руку. Душевный переворот в Франциске повел к разрыву его с семьей. Образ жизни его казался отцу сумасбродством. Однажды Франциск распродал отцовский товар, порученный ему, и отдал все вырученные деньги священнику на восстановление разрушенной церкви. В другой раз, в отсутствие отца, он пригласил в его дом нищих и устроил им богатый пир. Отец бил его и заперал, но Франциск не поддавался и, наконец, ушел; когда же отец, жалея потерянных денег, потребовал их судом, Франциск перед народом и епископом Ассизи торжественно отдал все, что у него было, снявши с себя даже одежду, со словами: «до сих пор я называл Пиетро Бернадоне отцом своим, отныне же я решил служить одному Богу, и на устах моих будет лишь: «Отче наш, иже еси на небесех» (1207 г.).

Уйдя от мирской суеты, Франциск не идет, однако, в монастырь, не надевает рясы. Первое время его служение Богу выражается в сборе подаяний на обновление старых обветшавших церквей. В это же время начата была постройка храма Пресвятой Девы Порциункульской (in Portiuncula), который стал потом центром и главной святыней ордена. Но Франциск не остановился на этом: глубоко поразили его слова Христа: «не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха». Он увидел в них прямое указание: одевшись в грубую шерстяную тунику, подпоясавшись веревкой, босой, бросив палку и мешок, решил он следовать Христу, быть его верным апостолом и разносить всюду благую весть и мир.

Первая община францисканцев

К нему скоро примкнули последователи: один богатый гражданин Ассизи, по евангельскому завету, продал все имущество, роздал деньги бедным и стал жить с Франциском в шалаше около часовни Порциункулы. Присоединение третьяго францисканцы считали потом началом ордена (1209 г.). Учеников своих, которых становилось все больше, Франциск разсылал подобно тому, как Христос апостолов. Потом они сходились опять и жили вместе, повинаясь простому уставу, составленному Франциском на основании нагорной проповеди. Легенда упоминает в числе первых последователей двух разбойников, как бы стремясь воспроизвести круг Христовых учеников и вспоминая обращение преступника на кресте.

Новая община мало походила на монастырь, — напротив, она, была очень близка к вальденству. Как у общества лионских бедняков, на первом месте была не одинокая, личная молитва для спасения души, а всенародная проповедь странствующих апостолов. Самая бедность не вытекала из монашеского обета, из насильственного подавления плоти; в отсутствии собственности францисканцы видели лишь приближение к апостольскому совершенству и искали ее добровольно. Сходство простиралось до внешних признаков: у францисканцев была одинаковая с вальденцами одежда — черная или серая ряса, одинаковое приветствие при входе: «мир дому сему». Прося у папы разрешения свободной проповеди, Франциск добивался лишь того, за что преследовали вальденцев. Братья, подобно еретикам, не отдавались созерцанию: они чередовали молитву с работой и, уставши от дневного труда, поднимались ночью с плачем о грехах своих на новую молитву. Вся жизнь их должна была служить живым и буквальным воспроизведением пребывания Христа на земле и странствований его с апостолами. Понятно, что легенда перенесла потом на Франциска чер-

ты самого Христа и приписала ему, как высшее торжество святости, стигматы, т. е. кровавые знаки на теле, соответствующие ранам Христа. Проповедь Франциска, удивительная по своей яркости, силе и чувству, также вращалась около простого, безхитростного рассказа о жизни Христа и о его страданиях; она была далека от обычных туманных аллегорий, сухих рассуждений, путаницы хитрых выражений, которые вплетались церковными проповедниками. Впечатлению проповедей сильно содействовала необыкновенная живость натуры Франциска: он переживал то, что рассказывал, неудержимо плакал и смеялся на кафедре; выражение лица, жесты, вся фигура служили для передачи горячего чувства, восторга, умиления, сострадания, которые его охватывали. Один очевидец признавался, что, как ни запоминал он слова Франциска, но проповедь не поддавалась воспроизведению, как у других проповедников: не в словах состояла сила ея. Передача евангельских сцен была не только доступна народу своей житейской правдивостью, она была согрета поэзией. Любовь к нежной провансальской песне не умерла у Франциска: он только стал Божьим трубадуром. Среди лишений, нищеты и страданий, не погибло у Франциска и радостное, светлое отношение к окружающему миру, — и этим он отличался от угрюмых аскетов прежнего времени. Одному новичку Франциск сказал: «брат мой, зачем этот печальный вид? Ты совершил грех? Это—дело Божье и твое. Пойдем молиться. Перед братьями же проявляй святую радость».

Утверждение ордена

Не трудно понять и необычайную популярность Франциска и его «братьев», «нижайших во Христе» (минориты), как он называл себя с последователями. Рост первоначальной общины побудил Франциска добиваться у папы утверждения ея устава и возведения ея в орден. Это случилось в 1209 году, во время наибольшего могущества всеильного Иннокентия III. Легенда разрисовывает благодарный сюжет встречи властолюбиваго, неограниченного в своей мощи первосвященника и смиренного сына народа, не имевшего крова, не считавшаго себя достойным даже священнического сана. Верно то, что Франциск здесь, как и везде, проявил полную покорность властвующей иерархии, и что папа отнесся к идее Франциска с большим недоверием, может быть, не понял ея. Папа разрешил орден только на словах и поставил условием, чтобы число учеников Франциска постоянно умножалось. Такой же уклончивый ответ дал сначала его преемник Гонорий III, и лишь в 1223 г. орден получил настоящее утверждение.

Последние годы жизни Франциска мало известны и, по преимуществу, разукрашены легендой. Он отдал дань жажде миссионерства, отправлялся с крестоносцами в Египет (1219 г.) и пытался обратить в христианство султана и его приближенных. Скоро, однако, убедившись в бесплодности предприятия, он вернулся к своему истинному делу—отысканию и возвращению заблудших овец в самом стаде Христовом. Но жизнь, полная лишений и невероятного труда, быстро подкосила его здоровье: в последнее время Франциска видели разъезжающим на осле со смертельно-бледным лицом умирающего. Дела ордена он уже лет за 5 до смерти вполне предоставил ведению других. По временам он удалялся в уединение, на горы, и отдавался мистическому восторгу, в котором ему чудилось слияние души его с Христом. Чувствуя приближение смерти, он велел своим ученикам снести себя к родному городу, благословил Ассизи и скончался на ступенях Порционкулы в 1226 г., на 44 году жизни.

Смягчение аскетизма

Франциск завещал своим ученикам новый взгляд на жизнь: в его лице смягчился, переродился старый аскетизм. Франциску чуждо тяжелое состояние духа, неустанное истребление плотских влечений, вечная война с самим собою. Он не боялся соблазнов на каждом шагу, не отворачивался от жизни: он просто презирал ее материальные блага. Изнуряя себя постом, он не считал нужным резко отказываться от угощений, если приходилось бывать у богатых людей. Не требовал он чрезмерного напряжения в лишениях и от своих учеников. Увидав раз одного из них в полном упадке сил вследствие долгого поста, Франциск велел поставить на стол хлеба и стать есть вместе с другими, чтобы побудить несчастного бросить опасный иску́с и подкрепиться. Правда, он относился к своему телу, как к чему-то постороннему, однако без ненависти, скорее добродушно: на своем простонародном языке он называл его братом и ослом и говорил, что «его надо подвергать тяжелой ноше, часто бить бичем и кормить плохим кормом». Но перед смертью он признался, что «истязуя себя в здоровом состоянии и в болезни, он таким изнурением согрешил против брата своего, осла». Франциск не возставал с ожесточением против семьи и имущества, а только считал их препятствием религиозному назначению человека.

Поэтому он и возвел нищенство в основу ордена: у монахов не должно быть не только личной, но и общей, монастырской собственности, чтобы они были вполне свободны от каких-либо мирских забот. Нищенство обращено было в основную добродетель, в своего рода богослужение, еще по другой причине: «Братья,—говорится в уставе Франциска,—ничего не должны приобретать, ни дома, ни земли для себя, ни чего-либо другого, но, как странники в этом мире, служа Господу в бедности и смирении, они должны просить милостыню, не стыдясь этого, ибо Господь ради нас сделался нищим на этой земле». Одному монаху, который отказал навязчивому нищему, Франциск велел, обнажившись, пасть ниц перед нищим, просить у него прощения и прибавил к этому: «когда ты видишь нищего, тебе представляется, как в зеркале, Господь и бедная Мать Его». По этому убеждению, собственность принадлежит тому, кто более всего в ней нуждается. Однажды зимой Франциск в пути захотел отдать нищему свой плащ, которым покрылся в виду болезни; на энергичные возражения своего спутника, он ответил: «я думаю, что всякий милостивец должен был бы счесть за воровство, если бы я не отдал того, что несу на себе, тому, кто более в этом нуждается».

Другой существенный завет Франциска состоял в любви и сострадании к грешникам и преступникам. Монахи не должны кичиться своей святостью и замыкаться в ней. Своему преемнику, Или из Кортонь, он говорил перед отъездом своим: «я потому буду узнавать, действительно ли ты слуга Господен, если ты станешь возвращать заблуждающихся братьев милосердием на путь к Богу и не перестанешь любить тяжело согрешивших». У Франциска исчез разлад между духом человека, измученным самоистязанием, и окружающим его миром, в котором прежде монахи видели один источник соблазна. Он любил природу, любил все живое тем же наивным, трогательным чувством. Франциск кормит зимою пчел медом и вином, потому что их искусная работа славит Творца; червяков с дороги он относит в сторону, чтобы их не раздавили; ягненка, которого собираются зарезать, он выкупает, отдавши зимнюю одежду. Житие рассказывает, как Франциск, встретив однажды на дороге множество птиц, почувствовал к неразумной твари сострадание и обратился к ним с пропо-

ведью: «сестрицы мои, птички, вам следует громко восхвалять Творца вашего и любить Того, Кто одел вас перьями, дал крылья для полета, и снабдил всем, что вам нужно». Птицы, прибавляет биограф, слушали с большим вниманием, и только, когда Франциск благословил их, оне улетели.

Точно новая вера открывалась людям, более чистая, более естественная. По взгляду Франциска, не во внешних делах, не в исполнении обрядов, постов, не в богомольях в Риме и т. п. спасение: «не льстите себя мыслью,—говорил он ученикам,—что вы достигли совершенства, исполнив все, что может сделать и злой человек: он также может поститься, молиться, плакать, истязать плоть: одно ему недоступно—быть верным Господу нашему, Христу». Франциск молится непрестанно, но его молитва непринужденная: он думает, что немая молитва сердца лучше, чем заученные слова, сходящая с уст.

Устройство и развитие ордена

Устройство ордена отразило в себе идеи основателя. Первоначально предполагалось во все не основывать монастырей: монахи должны были все время проводить среди народа, и они селились в самых скучных кварталах города. Развитие нищенствующих орденов совпадает с ростом класса горожан и отвечает новому быту. Скоро «братья» в народной одежде, сами большею частью люди простого звания, говорившие на образном языке народа, полюбили ему. Орден получил вполне демократический облик. Франциск запрещал своим ученикам принимать какой-либо церковный сан. В их среде отсутствовали аристократические титулы аббатов и приоров, как это было в старых бенедиктинских общинах, отвечавших строю феодальных мирков. Провинциальные и общия собрания францисканцев составлялись из выборных от отдельных общин. Но ни в чем так не выразилось призвание нового ордена воздействовать на светское общество, как в учреждении, рядом с миноритами и клариссами (монахини ордена, получившие название от св. Клары, также уроженки Ассизи, родины Франциска), еще третьего отдела—терциариев. Это была община мирян, члены которой, одинаково мужчины и женщины, могли сохранять свое состояние, общественное положение и оставаться в супружестве. Терциарии, таким образом, не подчинялись монашеским обетам, хотя и состояли под общим руководством францисканского ордена: от них требовали только соблюдения известных нравственных правил: вступая в орден, они должны были примириться с врагами и возратить все, что неправильно себе присвоили. Далее, они должны были подвергаться частому посту, воздерживаться от развлечений, уклоняться от судебных процессов, по возможности не употреблять оружия; они носили темную одежду, раз в неделю посещали больных и должны были побуждать их к исповеди. Этот третий орден приобрел скоро широкое распространение: в его ряды вступали видные люди, даже государи, как Людовик Святой, император Карл IV и др.

Францисканский орден развился с необычайной быстротой и из Италии перешел в другие страны. В момент смерти Франциска он располагал 8,000 монастырей и насчитывал в своей среде 200,000 монахов. Его успеху много содействовали льготы и привилегии, которые сыпались со стороны папского престола. Уже в 1222 г. францисканцам было позволено в областях, подверженных интердикту, произносить проповеди и совершать богослужения при закрытых дверях. Они получили право давать прощение грехов всем, кто придет на ежегодный праздник освящения церкви в Порциункуле; францисканцы могли, далее, вообще проповедывать, исповедывать и отпускать грехи всюду, без позволения местного духо-

венства, если только находились на земле своего монастыря или в публичном месте. В 40-х годах XIII в. папа предписал допустить нищенствующих монахов в Парижский университет, в то время главный центр богословской науки.

Чем шире становился орден, тем более замечалось отклонения от первоначальной идеи Франциска. Рядом с бедными, грубоватыми проповедниками, не знавшими ничего, кроме евангелия, появились широко-образованные ученые или люди церковной карьеры; у монахов явились богатства, роскошная обстановка; из обильных пожертвований возникали монастыри. Уже в 1245 г. папа Иннокентий IV уничтожил в сущности для францисканцев запрещение иметь собственность: они были признаны пожизненными пользователями, а по имени имущество считалось принадлежностью престола св. Петра. Но часть ордена осталась верна заветам Франциска, и таким образом возникла долгая борьба конвентуалов, умеренных, более светских членов, и спиритуалов (или обсервантов), непримиримо-строгих. Строгие сохранили свою близость к ересям, враждебным *омищенной*, богатой, властолюбивой церковной иерархии: они служили ей живым укором и не раз поднимали протест и возбуждали массы. Папы держали сторону умеренных и своими буллами (напр., Николай III в 1279 г.) старались сгладить резкие черты францисканской ревности и ввести безпокойный, народный орден в границы обычной церковной жизни, подчинить безусловно своему авторитету. В первой половине XIV в. ярые францисканцы (особенно Вильгельм Оккам) выступили главными противниками испорченной римской церковной монархии во имя первоначальной чистоты и простоты демократической церкви апостольской.

Доминик

Одновременно с францисканским орденом и частью под влиянием той же потребности возник другой—доминиканский. Его основатель во многом—полная противоположность Франциску. В Доминике сказываются черты испанской религиозности: безусловная преданность авторитету церкви, неумолимо-строгое следование известным началам, вера деятельная, воинственная и безпощадная.

Франциск был безхитростным сыном народа, который знал и любил свою среду и в своей проповеди был совершенно равнодушен к ересям и догматическим спорам. Доминик был ученым богословом, вышедшим из тиши кабинета, священником аскетом, спустившимся в толпу для того, чтобы истреблять в народе проповедью и полемикой учения, отступившие от церкви. Его ранняя жизнь мало известна. Доминик (родился в 1170 г. в Старой Кастилии, около города Осмы, происходил, повидимому, из фамилии Гузманов, умер в 1221 г.) учился долго в Паленсийском университете; неудовлетворенный философскими науками, он перешел к богословию. В молодости уже он выдавался своею благотворительностью; но характерной чертой его была неотступная мысль о наказаниях, которые ждут еретиков и грешников: постоянно проливал он о них горячие слезы. Первые шаги его практической деятельности относятся к его пребыванию в соборном капитуле города Осмы, при благочестивом епископе Диэго Азеведо: Диэго и Доминик, тесно связанные общими стремлениями, преобразовали капитул в духе строгой августинской общины. Позднее Доминик выдвигается во время путешествия Диэго за Пиренеями, приводящего обоих в южную Францию, где кипела борьба с альбигойцами. Растерявшемуся духовенству Доминик предлагает (в 1205 г. в Монпелье) возстановить апостольские миссии, в духе деятельности св. Павла: проповедь, личный пример простой и благочестивой жизни, в которой духовная

лица разделяют лишения и страдания массы,—все это должно показать, что церковь не за- была простого народа. Совет произвел впечатление: епископ Осмы отослал домой свою сви- ту, лошадей, богатое облачение, прелаты и цистерцианцы принялись за проповеди. Но дело не пошло, и участники разъехались. Скоро остался один Доминик, увидавший необходи- мость специальной подготовки ученых, искусных в полемике и безстрашных проповедни- ков, чтобы тягаться с развитыми, наметавшимися в разсуждениях и споре учителями ере- тиков. Опираясь на покровительство епископа тулузского Фулькана, Доминик основал в Prouille убежище для девушек, обращаемых из альбигойства, и к этому учреждению прим- кнула возникшая вскоре небольшая община его последователей. Доминик ввел очень стро- гий устав: замкнутость, почти полное молчание и работу. Сначала не имелось в виду об- разование особого ордена, и Доминик предполагал лишь борьбу посредством слова с заблу- ждениями. Но цели папской политики, кровавый оборот столкновения с альбигойцами, а с другой стороны, успех и влияние нарастающего францисканского ордена—повели к изме- нению первоначальной мысли Доминика. За крестовым походом против альбигойцев по- следовало учреждение инквизиции, и, хотя идея суда над еретиками возникла раньше (ее можно искать в соглашении папы с императором в 1184 г.), но Доминик и его ученики со- действовали могущественно развитию инквизиции. Следуя своему влечению искоренять за- блуждения, Доминик обличал пленников в ереси и готовил их таким образом к костру; чле- ны инквизиционного суда прямо набирались (что особенно было рекомендовано буллой Григория IX в 1232 г.) из богословски развитых и начитанных учеников Доминика.

В 1215 г. он стал добиваться у папы Иннокентия III утверждения ордена. Устрашенный ересями, Латеранский собор этого года постановил не разрешать новых монашеских соеди- нений. Новый папа Гонорий III оценил, однако, значение для церкви ордена «проповедни- ков» и разрешил его буллой 1216 г. Доминиканцы, усвоившие широкую белую одежду, вы- брали себе воинствующий девиз собаки, с горящим факелом во рту.

Устройство доминиканского ордена

Устройство их соединило в себе демократическое выборное начало францисканцев с на- чалом авторитета, централизации. Орден длился на провинции, провинции на монастыр- ские общины; монастырские приоры избирались братией и утверждались провинциальным приором; последний избирался настоятелями монастырей и в свою очередь утверждался ге- нералом ордена, его верховным владыкой. Всего резче они отличались от францисканцев своей обязательной научной подготовкой и своими полемическими задачами. Но уже До- миник принужден был, в виду популярности миноритов, ввести у себя чуждые вначале его обществу черты нищенствующего ордена (в 1220 г. на общем собрании в Болонье). Однако, будучи внешним придатком, бедность во Христе скоро исчезла у доминиканцев. Зато орден усвоил себе другую цель, вполне отвечавшую его духу. Заметив полную заброшенность в отношении веры и просвещения многочисленного штата служителей при папском дворе, Доминик стал их собирать на проповедь; это дало ему звание придворного проповедника, с которым само собой соединялось важное дело цензуры книг, направляемой в интересах строгого католичества.

Таким образом, доминиканцы пошли во главе воинствующей церкви: они принимали целиком установившееся учение и формы и становились на страже их; при этом они соеди- няли в себе высшее знание века с искусством практических приемов борьбы против врагов

церкви, с жаждой пропаганды и обращения: личность и задачи Доминика во многом напоминают Игнатия Лойолу, основателя иезуитского ордена. Доминиканцы забрали скоро в свои руки все богословское преподавание: особенно важно их водворение в Парижском университете: их учителя, особенно Фома Аквинский, стояли в XIII веке во главе науки. Но за ними всегда оставалась практическая черта—стремление служить церкви определенным, видимым делом, энергическим вмешательством в жизнь во имя церковного авторитета; таковы были: реформатор Флоренции Саванарола, противник рабства индейцев в колониях Лас-Казас. Эта черта проявилась и в главной действительной заслуге доминиканского ордена, в обширнейшей миссионерской деятельности по всему почти земному шару, в которую они внесли столько рвения и самопожертвования: доминиканцы распространили свои монастыри и свою проповедь по всей Америке, начиная с Гренландии, по Индии, Китаю; в то же время они вели энергичную полемику с исламом.

В Европе, в среде самой церкви, они представляли начало, прямо противоположное францисканцам: как последние выражали народные желания и мечты, частью неясные и бурные, толкали церковь вперед, поднимали дело реформы, так первые выражали властные требования самих руководителей церкви, обращенные к массам, защищали неприкосновенность безусловного господства церкви, без всяких послаблений и уступок; для одних дело веры—живое, принимающее разные формы, идущее навстречу человеческому чувству, для других—замкнутое в строгия рамки учение, доказуемое от разсудка, но облекшееся в непререкаемые предписания.

Р. Виппер.

XLI. Средневековые ереси и инквизиция

Аскетические идеалы

На долю западной церкви выпала великая задача: среди всеобщего разложения сохранить христианскую культуру и передать ее тем свежим племенам, которые заняли место Римской империи. К половине XI века эта задача была уже разрешена, варвары давно стали христианами, власть церкви никем не оспаривалась. Вскоре крестовые походы показали, что военный класс, старший в светской иерархии средних веков, послушно повинуетя духовенству. «Духовенство в здешнем мире», говорит один средневековый писатель, «тоже, что «власти» (высший чин) между ангелами». Другой шел еще дальше: «самый плохой человек, если он принадлежит к духовенству, лучше самого благочестивого из мирян». Церковь не подвластна никакой светской власти, напротив: «как дух господствует над телом..., так церковь над королевской властью». Не только личность клирика, но даже имущество клира было защищено иммунитетом от вмешательства светского закона.

Такая власть должна была иметь какое-нибудь нравственное оправдание: если «мир» повиновался «клиру», то не из рабского страха, конечно, потому что материальной силы у духовенства не было. Люди средних веков верили в необходимость и спасительность этого повиновения. Церковь, т. е. духовенство, руководила обществом в деле спасения души, на пути к царству небесному. А такой путь, по средневековым понятиям, был только один: отречение от земной жизни, со всеми ее заботами и со всеми ее радостями. Для современных нам людей эта жизнь сама по себе имеет цель, имеет известную ценность. Для средневекового человека она имела цену лишь настолько, насколько приготавлила к жизни загробной.

Источники и пособия: а) общая характеристика. *Eicken, H. V. Geschichte und System der Millelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart, 1887. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanite, т. VIII;* б) богومیлы: поучение *пресвитера Козьмы* (Православный собеседник за 1864 г.); *Euthymii Zygabeni, Narratio de Bogomils, ed. Gieseler. Житие препод. Феодосия Терновского* (чтения в общ. истор. и древн. Росс. 1860, кн. 1-я); в) катары: *Dollinger, I. V. Beitrage zur Sektengeschichte des Mittelalter. B. I. Gnostisch-Manichaische Sekten. B. II. Dokumenten zur Gesch. d. Waldenser u. Katharer. Munchen, 1890—91; Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Cathares, 2 vols. Paris, 1849;* д) инквизиция: *Lea, H. C. A History of the Inquisition. 3 vols. Londot, 1888.*

Язычество видело в смерти конец всякого счастья: Ахилл лучше желал бы быть на земле поденщиком, чем в Аде царем. Папа Иннокентий III писал в одном из ранних своих сочинений: «мы умираем, пока мы живы, и только тогда перестаем умирать, когда перестаем жить»; для него смерть была началом счастья в царстве небесном, счастья, которому мешала земная жизнь, исполненная греха. Отсюда, дурно было все, что привязывает человека к жизни земной: средневековые проповедники осуждают одинаково любостяжание и любовь к родным,—патриотизм, жажду личной и народной славы, и чувственные влечения; от всего этого одинаково нужно было воздерживаться. Вся нравственность и вводилась к воздержанию, т. е. к «аскетизму»; другие мотивы—общая польза, например, если и имели значение, то совсем второстепенное.

Аскетическое воспитание общества было делом духовенства,—предполагалось, стало быть, что духовенство в нравственном отношении стоит выше общества, т. е. ближе к аскетическому идеалу. Относительно отдельных представителей церкви это и было справедливо. Один из противников Григория VII, написавший целый трактат «О расколе, произведенном Гильдебрандом», вот как, в то же время, описывает его образ жизни. Гильдебранд, говорит он, «добровольно голодал, хотя мог бы иметь в изобилии самые тонкие блюда; он терпел жажду и всякие материальные лишения, хотя ему стоило только сделать знак, чтобы все было к его услугам». Самые простые овощи составляли его пищу. «Между тем, как все вокруг него были заняты мирскими заботами, жили светскими помыслами и интересами, Григорий VII оставался чужд всему этому, потому что он считал землю не отечеством человека, а только местом, где суждено ему странствовать». В св. Норберте, основателе ордена премонстратов, презрение к жизни доходило до того, что он намеренно выбрал для постройки своего монастыря нездоровую местность.

Жизненная практика

Но характеров такого закала было немного, а церкви, для разрешения ее воспитательной задачи, нужна была масса лиц. Как сделать аскетизм не исключением, а общим правилом повседневной жизни для целого общественного класса,—к этому основному вопросу нравственной дисциплины церковь постоянно возвращалась с XI века, с клюнийской реформы, вплоть до тридентского собора в XVI столетии. Постоянное повторение попыток уже само по себе свидетельствует о их неудаче. Начиная с клюнийцев (X в.) и кончая нищенствующими орденами XIII в., мы видим целый ряд уставов, один другого строже, и каждый новый орден обвиняет все предшествующие в нравственной распущенности, чтобы самому стать предметом таких же обвинений немного десятилетий спустя. Как только проходило первое увлечение, слабости человеческой природы брали верх над уставом. Вот как описывает повседневную жизнь своего монастыря один аббат XIII века, вовсе не думавший, конечно, написать сатиру на своих подчиненных: его целью было показать, какими искушениями дьявол уловляет души людей в свои сети.

Колокол призывает братию на утреннюю молитву; едва успели монахи собраться, как толпа демонов устремляется на них и погружает их в глубокий сон; они не могут сопротивляться потому, объясняет аббат, что ночью те же демоны не давали им спать. Итак, братия проводит ночи без сна и спит в церкви. Не лучше удаются другие благочестивые занятия. Аббат только что собрался перечитать какое-то богословское сочинение; заранее предвидя козни лукаваго, он принял свои меры, высвободил из-под рясы одну руку и держал ее

открытою, чтобы холод не давал ему заснуть. Но дьявол догадался и стал кусать руку аббата, подобно блохе; волей-неволей аббат должен был спрятать руку под рясой, согрелся—и уснул. Иное средство употреблял злой дух, когда монахам нужно было работать: тут он хватал их за руки и за ноги, так что они не могли двинуться с места и сидели праздные. Дьявол не оставлял их ни на минуту: садились ли они за стол, он побуждал их наедаться до того, что их тошнило; а по большим праздникам, когда за столом подавали вино, они напились до безчувствия. Словом, искушений было так много, что для объяснения их аббату пришлось привлечь к делу миллионы нечистых духов. «Обыкновенно думают», говорит он, «что всякого человека мучает только один демон: глубокое заблуждение. Вообрази, что ты погружен в воду с головою; вода над тобой, под тобой, направо, налево: вот точное изображение злых духов, которые нас окружают и осаждают со всех сторон. Они безчисленны, как те пылинки, которые мы видим в солнечном луче; весь воздух наполнен ими».

Бороться с грешными наклонностями своей физической природы было трудно,—бороться с юридическими и общественными условиями жизни было еще труднее. Богатый человек, умирая, хотел спасти душу пожертвованием: он отказывал свою землю монастырю. Цель была благая, доходы должны были идти на добрые дела. Но монахи должны были управлять имением, а землевладение в то время обыкновенно было связано с политической властью. Аббат какого-нибудь знаменитого монастыря, получившего много пожертвований, был похож больше на крупного феодального барона, чем на отшельника и руководителя других отшельников. А так как он не передавал своей власти по наследству, то всякая перемена аббата должна была возбуждать в братии уже совсем мирские чувства: надежда сделаться из простого монаха почти государем должна была соблазнять многих. Оттого так часты в средневековых монастырях беспорядки при выборе настоятеля. Это давало повод вмешиваться местной церковной власти,—епископу, тоже не всегда равнодушному к богатствам монастыря. Но обитель не даром была укреплена не хуже феодального замка; заставить монахов повиноваться какой бы то ни было власти было не легче, чем принудить к повиновению рыцаря, привыкшего быть «государем в своем имении» (*chaque baron est souverain dans sa baronie*). И вот, епископ должен был иногда идти на аббатство с войском и начинать правильную осаду. По средневековому обычаю, земли монастыря, конечно, опустошались, а потом несчастные обитатели этих земель должны были платить контрибуцию победоносному епископу.

Впрочем, епископы, во всяком случае, еще больше были погружены в светские интересы, чем монахи. Феодальная сторона власти у них обыкновенно перевешивала ее духовную сущность. В качестве землевладельцев они были обязаны нести известные повинности в пользу сюзерена, между прочим, и военную службу. В XIII веке во Франции вполне определенно ставился вопрос: обязан ли епископ *личной* военной службой королю или нет? и, повидимому, решался утвердительно. Некоторых прелатов это смущало; но большинство чувствовало себя вполне на своем месте во главе вооруженных рыцарей. Когда папа Целестин III потребовал у короля Ричарда освобождения захваченного этим последним в плен епископа города Бовэ, король послал папе в ответ броню епископа,—и Целестин должен был признать, что Ричард был прав, поступая с этим прелатом по законам войны. Епископ Беранжер Нарбонский содержал на жалованьи шайку разбойников и, чтобы добыть денег для своих светских предприятий, открыто продавал церковные должности. Поземельные

споры, неизбежные при черезполосице феодальных прав, особенно часто подавали повод епископам проявлять их воинственные наклонности. В конце XII века городские общины Ломбардии были в открытой борьбе с епископами из-за феодальных прав; епископы отлучали городских магистратов от церкви, а те отвечали на это приговорами об изгнании епископов. Епископ города Беллуно напал с вооруженным отрядом на Тревизо и был убит в схватке. Не лучше были отношения духовной власти к городам и во Франции, где иногда епископы не решались выходить из дому без конвоя. Спорам с светскими феодальными владельцами не было конца. Всего тяжелее было при этом положение низшего духовенства: поставленные между епископом и местным землевладельцем, приходские священники должны были угождать обеим враждующим сторонам; но так как барон был ближе, легче мог и повредить и оказать поддержку, то волей или неволей приходилось ему подчиняться. Более способные и образованные старались просто поступить в замок в качестве капелланов, учителей, секретарей и т. п.; при своих приходах оставались только более невежественные и тупые, отчего, конечно, не могли выиграть их прихожане: в XI веке встречались в Италии священники, не знавшие символа веры.

Отрицательное отношение к церкви

Итак, чем дальше стоял человек от мира, чем ближе он был к аскетическому идеалу, тем выше он стоял в глазах средневекового общества; духовенство должно было осуществлять этот идеал, оттого оно и пользовалось таким уважением: но оно от этого идеала было так же далеко, как и миряне. Да настоящее ли это духовенство? подлинная ли это христианская церковь? Вот вопросы, которые могли, наконец, представиться благочестивым мирянам, размышлявшим над тем, что они видели. В XI—XII веках все чаще стали появляться люди, которые брались ответить на эти вопросы,—и отвечали отрицательно. Церковь называла этих людей *еретиками* и была права с своей точки зрения: их учение, в самом деле, было ересью, искажением христианства; но народ прозвал их «добрыми людьми» (*les bons hommes* во Франции), и один вполне католический современник должен был согласиться с этой характеристикой: «не знаю, что и сказать об этих людях», ответил один священник на вопрос о еретиках, «они никогда не лгут».

Действительно, в том, что они говорили о католической церкви, было много правды.

«Вожди церкви должны быть *совершенны*», говорили они: «в Писании сказано: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен». Таковы были апостолы; римская церковь заявляет притязание на происхождение от апостольской церкви: но есть ли между ними сходство? Апостолы жили трудами рук своих и все, что имели, раздавали бедным; римские прелаты ничего не делают и живут на деньги, собираемые с бедняков. Апостолов гнали и обижали, и они благословляли своих преследователей; римская церковь сама преследует тех, кто ей не повинует, да еще проклинает их. Апостолы проповедывали мир и непротавление насилию, а папы, будто бы их преемники, только и делают, что возбуждают войны. Что же они унаследовали от апостольской церкви? Они уверяют, будто первым епископом римской церкви был апостол Петр: это неправда, в Писании этого не сказано. Сами папы проговариваются, что их (светская) власть языческого происхождения: Италию, говорят они, подарил папе Сильвестру император Константин (этой сказке, опровергнутой уже в XV веке, в то время все верили); а Константину Италия досталась от языческих кесарей, которые приобрели ее насилием и обманом. «Истинная церковь—наша», заключали ерети-

ки: «если нас мало, то это говорит в нашу пользу: «тесны врата, и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф., 7,14). Если нас преследуют, то это так и должно быть: первых христиан также гнали и преследовали».

Катары

Само собою разумеется, что они тщательно умалчивали о том, что сближало средневековую церковь с апостольской,—в чем католицизм был, действительно, наследником первых христианских общин: о миссионерской деятельности римской церкви, о благотворительных учреждениях, которые этой церкви были обязаны своим существованием, и т. д. Не менее старательно прикрывалось то различие, какое существовало между учением апостольским и собственным учением еретиков. В различных сектах искажение христианского учения было различное: в то время, как *вальденсы*, например, буквально принимают Писание, не признавая других авторитетов, и ближе всего примыкают к позднейшим протестантам,—другие сектанты толковали Писание крайне произвольно, далеко отступая не только от католицизма, но и вообще от христианства. Таковы были самые страшные противники римской церкви в средние века, «*катары*», имя которых в немецком языке стало синонимом еретика вообще (*ketzer* от *kazar*, как произносили название сектантов). Это имя они сами себе дали; оно—греческое: *καθαρος* значит «чистый». Народ звал их «болгарами», а учение их «болгарской ересью». У них был перевод Священного Писания на народный язык, но не с латинского текста Вульгаты, а с греческого, с той редакции, которая легла в основу славянского перевода Кирилла и Мефодия. Глава их «церкви»—«еретический папа», как звали его католики,—жил в Константинополе. Всего этого было бы достаточно, чтобы искать источник этого учения на востоке: одна характерная черта устраняет в этом случае все сомнения. Катары были *дуалисты*, признавали существование не одного Бога, а двух, одного—добраго, другого—злого. Для средневековых богословов этого было довольно, чтобы признать в новом враге католицизма отпрыск старинной ереси, волновавшей христианскую церковь в первые века ее существования,—ереси *манихейской*.

Учение Мани

Учение перса *Мани* (жившего в III веке по Р. Х.) было попыткой слить христианство с религией Зороастра, древне-персидской. Как известно, у персов всего дальше и полнее было развито обще-арийское представление о мировой жизни, как постоянной борьбе двух начал—света и мрака. Чисто-физическая противоположность получила в этой религии нравственное значение; бог света Ормазд был, по взгляду персов, охранителем мирового порядка, отцом и покровителем всего доброго,—т. е. поддерживающего этот порядок,—олицетворением созидającego труда и справедливости. Его постоянным противником является дух тьмы Ариман, представитель всякого зла, материального и нравственного,—злобы, зависти и т. п. Обязанность человека на земле состояла в том, чтобы служить Ормазду, т. е. делать добро, и бороться с Ариманом, т. е. преследовать зло. Для языческой религии это была очень возвышенная мораль; она объясняет нам, почему у перса Мани могла явиться мысль о слиянии, приложении, так сказать, его национального вероучения к христианству, которое, впрочем, он узнал из довольно мутного источника: на него сильное влияние имел восточный *гносис*. *Гностическими* называли те секты первых времен христианства, которые видели в Христе не искупителя, а только учителя человеческого рода, принесшаго на землю

особенное таинственное познание о сущности мира (по-греч. *η γνωσις*). Восточные гностики большей частью примешивали к христианским догматам языческую мистику, особенно древне-халдейскую,—за что православная церковь и признала их еретиками. Из этой смеси гностицизма, христианства и парсизма Мани создал довольно стройную религиозную систему, основным положением которой было двоебожие, как у персов. Она была очень заманлива тем, что просто и ясно отвечала на вопрос о происхождении зла в мире: оттого, не смотря на преследования как со стороны христиан, так и со стороны персов (сам Мани был казнен царем Бахрамом в 276 г.), она быстро распространилась и на Восток и на Запад, где ее влиянию подпал,—правда, на короткое время,—даже блаженный Августин. В Италии встречали *манихеев* еще в VI веке, а на Балканском полуострове дуалистические секты существовали непрерывно до конца средних веков, и второе еретическое поветрие, гораздо более важное, вышло именно отсюда в XI веке.

Богомилы

Толчек этому движению дали невольно византийские императоры, особенно Константин V (741-775.) В его время в Армении была очень распространена дуалистическая ересь *павликиан*, выводивших себя непосредственно от христианских общин, основанных апостолом Павлом. Эти павликаны были люди беспокойные и часто переходили от Византии к арабам и обратно, что было очень неудобно в пограничной местности. Константин стал переселять их во внутренние провинции, где за ними удобнее было наблюдать, между прочим, во Фракию. Здесь, у своих славянских соседей, отчасти только недавно покинувших язычество, отчасти даже вовсе не крещеных, восточные дуалисты нашли, по всей вероятности, прекрасную почву для своей пропаганды. По крайней мере, в X веке мы встречаем уже среди славянского населения, в Болгарии, чрезвычайно распространенное дуалистическое учение, подробности которого мы узнаем от его обличителя, священника Козьмы. Его проповеди против «новоявившейся ереси *богомилы*» еще в XI веке списывались и у нас в России, как списывались и некоторые *богомилския* произведения (апокрифы). Все это делает болгарскую секту для нас вдвойне интересной. По словам Козьмы, *богомилы* считали творцом всего материального мира—«строителем земных веществ»—дьявола: он же научил людей «жены поимати, мясо ясти и вино пити». Отсюда материя, как произведение злого духа, сама по себе есть зло. Из этого основного положения очень стройно и последовательно развивалось все еретическое учение. Соприкосновение с материей оскверняет человека; но он осужден жить в материальной оболочке, это—наказание ему за грехопадение; избавиться совсем от оболочки нельзя, можно только уменьшить ее влияние на нашу душу, заключенную в ней, как в темнице. Нужно ослабить по возможности тело, изнурить его постом и воздержанием. «Еретики по внешности, как овца», говорит Козьма: «кротки, смиренны, молчаливы и бледны от лицемерного поста». Эта бледность до такой степени характерный признак средневековых дуалистов, что на западе инквизиция по этому признаку разыскивала еретиков. Но не только пища, и одежда способствует сохранению тела,—не надо одежды. Преподобный Феодосий Терновский, живший лет четырехста после Козьмы, встретил однажды целую толпу совсем голых людей: это были еретики; они оправдывали свое поведение евангельским текстом «блаженны нищие духом», причем намеренно пропускали последнее слово и читали: «блаженны нищие». Работа имеет целью увеличить материальное благосостояние человека, значит, работать грешно. «Уловляют души грубых (невежественных) лю-

дей», рассказывает Козьма, «говорят: не следует трудиться, заботиться о земном,... и ходят некоторые из них праздные, ни за что не хотят приняться своими руками, но ходят из дома в дом, поедая чужое имение прельщаемых ими людей». Мы присутствуем здесь при образовании сектантской иерархии, получившей окончательное устройство у западных *катаров*: всем не работать было нельзя, поэтому большинству делались уступки на счет нравственных требований,—позволялось вступать в брак и т. д.; зато это большинство должно было своей работою кормить немногих «совершенных», которые были свободны от всяких мирских забот.

Все гражданские отношения, включая и государство, направлены, прежде всего, к охране вещественных благ,—имущества граждан и их физической личности. Все это относится к области дьявола: «учат своих последователей (еретики) не повиноваться властям, хулят богатых, царя ненавидят, над старейшинами смеются, бояр укоряют, повинующихся царю считают грешниками и рабам не велят работать на господ своих». В особенности последнее учение должно было доставить богомилам много сторонников: как раз в X веке в Болгарии сильно стало распространяться крепостное право, и свободные прежде крестьяне превращались в «париков». (*Пароикои*,—так называлось в Византии сельское население, прикрепленное к земле и подчиненное землевладельцу). Отрицание власти, естественно, вело к отрицанию всякого внешнего, формального законодательства: еретики не делали исключения и для закона Моисеева, считая его произведением не Бога, а злого духа. Это сближает богомилов с некоторыми гностическими сектами, маркионитами, например, которые видели в ветхозаветном законе произведение низшаго бога (Демииурга), тупого и ограниченного.

Этот низший, а у богомилов и прямо злой, властитель вселенной был тем «князем мира сего», которого пришел изгнать Христос своим поучением. Как и гностики, богомилы не верили в искупление; Христос не мог воплотиться, потому что плоть—дело дьявола: Его тело было призрачное, Он только *казался* человеком. Это—так называемый *докетизм* (от греческ. *δοκεῖν*,—казаться). Отсюда получалось чрезвычайно важное в нравственном отношении следствие: если Спаситель мог обмануть злого духа призрачным своим телом, чтобы освободить род человеческий, то, стало быть, вообще обман дозволителен для благой цели. Еретики, поэтому, считали себя в праве притворяться православными, ходить в церковь, участвовать в таинствах и т. д., хотя сами отвергали всю формальную, обрядовую сторону религии, не признавали мощей, икон, даже распятия, но покланялись им, чтобы обманом избавиться от наказания и с большим удобством распространять свое учение.

Сотворение мира и человека

Сектанты старались подтвердить свои положения текстами из Писания, толкуя их крайне произвольно, как мы уже видели выше. Иногда они притчи Евангелия принимали буквально, иногда самые ясные и положительные слова толковали, как притчу. Но несмотря на все это, Писания оказалось недостаточно для обоснования их фантастического мирозерцания: стали выдавать за Откровение то, что вовсе им не было. Так образовалась литература *апокрифов* или «отреченных»—запрещенных православной церковью—книг: на них, главным образом, опиралась еретическая догматика. Краеугольный камень их учения составляло не христианское, а чисто-восточное, персидское верование, что сатана—сын

Бога Отца, притом старший, а Христос—младший. Здесь только имена взяты из Библии, а самая сказка целиком заимствована из позднейшего парсизма: Верховный бог, Zrvana Akarana (олицетворение безконечности), начал создание мира с того, что сотворил мироправителя Ормазда; но, когда он это делал, нашло на него сомнение; и так как каждый акт божьей мысли был актом творчества, то сомнение стало духом сомнения, Ариманом,—который появился, таким образом, на свет раньше Ормазда. Но персидское сказание всетаки разумнее богомильского, потому что оно, по крайней мере, самому Ариману не приписывает творческой деятельности: он только разрушает. Болгарские и, вслед за ними, западные дуалисты считали сатану создателем видимого мира и, не найдя ничего похожего в Библии, ссылались на одно апокрифическое сказание. Иоанн Богослов на Тайной Вечери расспрашивал будто бы Спасителя о начале мира и происхождении человека, а также о том, чем был прежде враг рода человеческого. На латинской рукописи этих «Вопросов Иоанна Богослова Господу» стоит надпись,—для предохранения читателей от еретической заразы: «Nec est secretum haereticorum portatum de Bulgaria Nazario suo episcopo, plenum erroribus»¹; подобным образом и русские списыватели апокрифов предупреждали своих читателей: «То Иеремия, поп болгарский, солгал».

На первый вопрос, чем был диавол до своего падения, апокриф отвечает любопытной космогонической сказкой, некоторые черты которой перешли и в наше народное мирозерцание. Сатанаил будто бы был первым лицом на небе после Бога и начальствовал над всеми ангелами, стоявшими во главе отдельных областей небесного царства. Он возгордился этим и стал думать: «поставлю престол мой над облаками и буду подобен Высочайшему». Желая знать, будут ли его слушаться подчиненные ему ангелы, он обошел все области мира; а мир устроен так: на самом верху воздух, ниже—вода, еще ниже—земля (тогда она вся была покрыта водой); Сатана спустился под землю и нашел там двух рыб, на которых она держалась: рыбы лежали на воде, а вода на слое облаков. Спустившись еще ниже, Сатана нашел огонь,—будущее свое жилище, геенну огненную, и дальше уже не пошел, потому что было очень жарко. Везде ангелы, управлявшие отделениями мира или «небесами»,—наше видимое небо, твердь (*firmamentum*) в их число не входит,—везде ему оказали повиновение. Это ободрило Сатану, и он стал склонять ангелов к измене, обещая разделить с ними царство. Он успел соблазнить ангелов трех небес и дошел уже до четвертого, когда Бог — «Отец Невидимый» (*Pater Invisibilis*)—замечил коварство Сатаны и низверг его на землю: «и отнял у него сияние славы его, и стало лицо его, как раскаленное железо, а образ подобен человеческому»; семью своими хвостами он увлек за собою третью часть всех ангелов. Здесь Сатана поместился на тверди, т. е. видимом небе, и не было покоя ни ему, ни тем, кто был с ним, и взмолился он к Отцу, говоря: «согрешил, потерпи на мне, все отдам тебе» (слова из притчи о жестоком рабе, Матф., 18,23,35). Отец сжалился над ним и дал ему возможность в течение семи дней делать спокойно все, что хочет. Тогда Сатана при помощи двух старших из отпавших ангелов создал солнце, луну, звезды и всех живых тварей. Затем он сделал две глиняные формы, по образу и подобию своему, т. е. человеческому, и велел ангелу первого неба войти в одну, ангелу второго неба в другую. Горько плакали ангелы, видя, что Сатана обманул их и заключил в смертную форму, но должны были пови-

1 «Это—тайное учение еретиков, принесенное из Болгарии их епископом Назарием, исполненное заблуждений».

новаться; они образовали первую пару людей на земле, и весь род человеческий от них произошел. Таким образом, в каждом человеке есть искра небесная, происшедшая от заключенных в глиняную оболочку небесных духов, потому что оба начала, плотское и духовное, не смешались между собою: от тела рождается тело, а от души—душа.

Эта легенда ограничивает творчество Сатаны одним человеческим телом (кроме небесных светил), материал для которого он нашел уже готовым. От Козьмы мы знаем, что богомилы приписывали злему духу создание всего видимого мира. И в другом отношении они отступали от приведенного сказания: здесь говорится, что Сатана поставил свой престол на тверди небесной; богомилы, открытые царем Алексеем Комнином в начале XII века, на вопрос, где же находится «князь мира сего», отвечали, что прежде он жил в Иерусалиме, но был изгнан оттуда И. Христом и в настоящее время поселился в Константинополе, в храме св. Софии. Хотя еретики, говорившие это, были греки по происхождению, но такое мнение вышло, конечно, не из греческой среды. Здесь мы имеем уже второй период развития богомильского движения, когда оно перестало быть исключительно религиозным и приняло резкий натуральный отпечаток.

Судьба богомильства

Нужно иметь очень мрачный взгляд на жизнь, чтобы поверить, что мир есть создание злой силы. Пресвитер Козьма рисует современное ему положение Болгарии очень темными красками. «Господь попусти скорбем приходити на рабы своя! Велики беды ратныя и всех настоящих зол земли сей помысли кождо из нас..... От дружины пакость всяка и насилье от старейшин, денье *работы властель* земных, *нищета* и строенье человеческо (т. е. государственныя повинности)..... Поистине многа леть и многа неправда прозябе на земли». Скоро все это разнообразное зло сосредоточилось около одного центра: притеснений и жестокостей византийского правительства, после завоевания Болгарии, сначала Цимисхием, потом Василием II Болгаробойцей. Не говоря уже об отдельных случаях, в роде ослепления тысяч болгарских пленных Василием II, вся война, по своему ходу и последствиям, должна была усилить до крайней степени ненависть болгарского народа к грекам,—ненависть, воспитанную десятками лет ожесточенной вражды при Симеоне¹. Еще против царя Петра Симеоновича (927—968), женатого на византийской принцессе и расположенного к грекам, три раза поднималось возстание; в третий раз вождю возстания Шишману удалось основать свое особое царство из Македонии и соседних округов (963 г.). Один из сыновей этого Шишмана Самуил, покровитель богомил, царствовал над всей Болгарией и стоял во главе сопротивления Византии. В его время в Болгарии уже не безопасно было носить греческое платье, что доказала печальная судьба одного из сыновей царя Петра, воспитанного в Константинополе. Сопротивление, наконец, было сломлено; Болгария, разоренная и обезлюдевшая,—тысячи болгар были, по византийскому обычаю, переселены в другия провинции империи,—подчинилась греческому императору. Болгарская церковь сохранила свою независимость; но высшия церковныя должности замещались только греками. Между тем, как видно из многих мест поучения Козьмы, народ еще во времена своей самостоятельности был нерасположен к православному духовенству,—всего вероятнее, именно потому, что в нем преобладал греческий элемент. Передать всю иерархию в руки греков значило окончательно слить богомильское и национальное движение. Между тем, «строенье челове-

1 См. ст. «Симеон, царь болгарский».

ское», всякого рода налоги и поборы, давали себя чувствовать болгарам во много раз больше, чем при туземных царях. Уже одно то, что натуральные повинности были заменены денежными, было крайне тяжело для населения непромышленного, занимавшегося исключительно земледелием и скотоводством, притом же истощенного войной. По мере развития внешней политики Византии в XI—XII веках требования становились все больше и больше. Ответом на эти вымогательства со стороны болгарского населения были восстания, и всякий раз в них видную роль играли богомилы. Возстановление болгарского царства Асенями (в 1186 г.) произошло также не без их участия, и даже вполне православный царь Иоанн (или Иоанникий, Иоанниша) Асень, собиравший во время своих походов мощи из всех греческих провинций, даже он должен был покровительствовать богомилам: до того сильно было их влияние на народные массы. Это влияние стало роковым для Болгарии: анархическая секта, не признававшая ни церкви, ни государства, могла руководить восстанием, но тотчас же должна была сделаться разлагающим элементом, как только восстание кончилось и нужно было установить прочный порядок. Болгария никогда не могла подняться до прежнего политического могущества власти времен царя Симеона (888—927). Религиозная распря ослабляла ее все более и более и была одною из главных причин ее быстрого падения в эпоху борьбы с османами.

Таким образом, полуторастолетнее господство Византии было, в сущности, самым благоприятным временем для богомилов. Постоянно поддерживаемая у себя на родине национальным брожением, ересь распространилась по всему Балканскому полуострову. Особенно процветала она в Боснии (где богомилы были известны под итальянским названием Patareni). Здесь в конце XIII века сам правитель страны, бан Кулин, вассал венгерского короля, держал сторону еретиков. Известия о боснийских патаренах идут до половины XV века, а окончательно они исчезли только в наше время: немного ранее 1867 г. последнее богомильское семейство перешло в магометанство. Через Боснию еретические учения проникли в Италию; оттого патарены обращали на себя большое внимание пап, в том числе Иннокентия III. Но для западной Европы гораздо важнее было другое течение, которое шло, повидимому, через Константинополь. В столице империи ересь была обнаружена императором Алексеем Комнином в 1111 году. Распространял ее здесь некто Василий, монах и врач, со своими двенадцатью учениками, которых он называл апостолами. Чтобы уличить его, Алексей прибегнул к хитрости, совсем недостойной главы государства. Именно, он притворился, что хочет сам присоединиться к секте, и пригласил к себе Василия. Тот сначала держал себя уклончиво, но под конец, успокоенный кажущейся искренностью императора и его брата Исаака, подкупленный их лестью, — они называли его достопочтенным отцом, просили научить их добродетели и т. п., — Василий поддался и подробно изложил свое учение. Писец, помещенный так, что его не мог видеть гость, все это записал. Тогда император сбросил маску; по его знаку был открыт занавес в соседнюю залу, где тем временем собрались все высшие духовные и светские сановники Византии. Перед ними Алексей тут же, на месте, обличил еретика, который не мог отрицать своей вины, ибо все его речи были записаны. Он был приговорен к смерти и сожжен, его ученики, разысканные по некоторым, неосторожно вырвавшимся у него указаниям, были заключены в темницу и там, по большей части, умерли. При следствии обнаружилось, что сторонники ереси были и среди высшего византийского общества. Как и нужно было предполагать, насильственные меры ни к чему

не привели: секта продолжала держаться в столице, и в XII веке здесь проживал глава всех европейских катаров, некий Никита, в 1167 г. приезжавший во Францию.

Переход ереси на запад

Во время крестовых походов множество западных европейцев прошло через Константинополь на восток и обратно; в городе постоянно проживало немало «франкских» купцов, а на службе греческих императоров находилось много наемников из западной Европы. Эти люди, нажив себе состояние в Византии, возвращались к себе на родину, неся, вероятно, не одне деньги, но и новые мнения и взгляды, приобретенные на востоке. Только этим способом передачи и можно объяснить, почему ересь не подвигалась постепенно с востока на запад, а сразу появилась в центральной Европе, притом одновременно в нескольких местностях: во Фландрии, в Реймсе, в Кельне, в Лангедоке. В самом учении западных дуалистов есть некоторые черты, которые показывают, что на пути из своей первоначальной родины оно прошло чрез более просвещенную среду, чем болгарское общество X в. Основным догматом секты, двоебожие, на Западе чище, чем у богомилов. Западные «катары» признавали два вечных, независимых друг от друга начала добра и зла, были, стало быть, сторонниками *абсолютного* дуализма. Замечательно, что в Италии преобладало болгарское учение: очевидно, сюда ересь зашла непосредственно с Балканского полуострова, через Далмацию, а в центральную Европу каким-нибудь другим путем. Вообще, в западном учении логика преобладает над фантазией и сказочного элемента, меньше: очень вероятно, что тут на богомильскую догматику повлияла философия, в то время довольно высоко стоявшая в Византии,—особенно много там занимались логикой. На соборе в St. Felix de Sauphan (в южной Франции, близ Тулузы) много раз упомянутый «папа» Никита отстаивал абсолютный дуализм, который ему казался истинным преданием дуалистической церкви; но он должен был согласиться, что этого учения не знают в Болгарии; следовательно, «истинное предание» было константинопольской особенностью.

На той дороге, по которой ересь шла из Константинополя, она не могла встретить сильного сопротивления. Дорога вела через торговые города северной Италии и южной Франции,—обе местности скоро были наводнены еретиками. Благодаря развитию торговли и промышленности, здесь на первое место выдвинулись светские, хозяйственно-политические интересы; эти интересы заставляли иногда города становиться на сторону папы, например, во время борьбы пап с Гогенштауфенами: но в общем, они должны были охлаждать религиозное усердие; громадная для средневекового человека пропасть между правоверным и еретиком понемногу сглаживалась: состояние, принадлежность к известной партии, политические способности больше принимались в расчет, чем религиозные убеждения. Отсюда замечательное равнодушие городских капитулов к еретикам: французские сектанты смотрели на ломбардские города, как на верное убежище, куда всегда можно переселиться в случае нужды, и после введения доминиканской инквизиции в Лангедоке, массы катаров нашли спасение в северной Италии. Но и в южной Франции преследование велось не туземными властями, а пришедшими с севера Франции крестоносцами: среди местной знати светское направление было едва ли не сильнее, чем среди ломбардских купцов. Провансальская культура выросла на развалинах античной цивилизации, и уже поэтому не заключала в себе ничего церковного. Насмешки над ревностными католиками, путешествовавшими на богомолье в Рим, над *romipetes*, были любимой темой сатирической поэзии трубаду-

ров. Постоянные столкновения с церковью из-за феодальных прав,—неизбежное следствие церковного землевладения, поддерживали такое настроение: обвинения баронов в захвате церковных земель почти неизменно сопровождаются обвинением в покровительстве еретикам.

Города и замки были очагами сектантского движения: большое участие, какое принимали в нем ремесленники, засвидетельствовано одним из французских названий секты (tisserands или texerands—ткачи); рыцарские замки играют в его истории самую видную роль: Монвимер (в Шампани), Монтефорте (близ Турина), Монсегюр (в Лангедоке). Отсюда ересь распространилась среди окрестного сельского населения, где и держалась всего упорнее: глухая горная деревушка южной Франции, хижины лесных сторожей и пастухов, уединенные фермы, были последними прибежищами сектантов, когда и города и замки уже уступили римской церкви.

Благоприятные условия для распространения ереси

Главная причина быстрого успеха ереси была в то же время и самой слабой ее стороной: катары, метко и беспощадно критикуя действительное состояние церкви, не только не оспаривали мировоззрения, на котором церковь держалась, но проводили его еще последовательнее самого католицизма. Из того, что мир создан злым духом, вытекало такое полное отрицание всего мирского, до которого далеко было католическим монахам. Церковные проповедники говорили, что мир лежит во зле,—и народ видел всюду подтверждение этого. Общественный строй средневековой Европы страшной тяжестью ложился на низшие классы. Постоянные войны мелких феодальных владельцев дорожке всего обходились их вилланам, которые покрывали все издержки этих войн и в заключение бывали ограблены или той или другой стороной. Страшная грязь и нечистота, всегдашнее последствие бедности населения, были источником всевозможных заразных болезней. Эпидемия всегда производит сильное впечатление на умы, даже в наши дни, когда известны более или менее ее причины и знают, как от нею себя предохранить: 800 лет назад причины были совершенно таинственны, опустошения в десять раз громаднее, и паника, повальный страх, стало быть, несравненно сильнее. Вдобавок, преобладание земледельческой культуры и слабое развитие путей сообщения между отдельными странами ставили жизнь и смерть сотен тысяч людей в зависимость от урожая, т. е. от погоды, от таких случайностей, которые и в наше время довольно таинственны. Словом, зла было в жизни столько, что средневековый человек был склонен верить, когда ему говорили, что дьявол принимает большое участие в делах этого мира. Это убеждение пережило даже средние века: вера в колдовство и преследование людей, «знающихся с нечистой силой», были бичом еще реформационной эпохи (XIV—XVII вв.). Почва для дуализма была готова; если прибавить к этому ту необыкновенную ловкость и беззастенчивость, с какими еретики приспособляли к своим мнениям тексты Писания, мало знакомого средневековому католику, то мы поймем, что учение катаров должно было легко найти доступ в умы населения, особенно там, где правительственная власть этому не мешала. Труднее было завоевать нравственное влияние: здесь требовался аскетизм еще более строгий, чем в господствующей церкви. Еретические проповедники сумели удовлетворить этому требованию: они были, в самом деле, образцом «чистой» жизни, по понятиям средних веков. Но для этого им пришлось дать такое устройство своей секте, которое чрезвычайно затруднило ее развитие и, в конц концов, отдало ее на жертву католи-

ческой церкви.

Совершенные и верующие

Мы уже видели, что богомилы (а еще более патарены в Боснии) допускали «прельщаемых ими людей» работать, т. е. входить в общение с грешным миром, чтобы дать возможность вести вполне созерцательную жизнь немногим избранным. Эта система была доведена до полного совершенства западными дуалистами. Требуя от «истинных христиан» высокого личного совершенства, катары ограничили их число небольшим кружком лиц, которыми и держалась вся секта. Они так и назывались «совершенными» (*perfecti*) и одни они действовали, спасали души: под ними стояла пассивная масса просто «верующих» (*credentes*), которые могли спастись только получив от совершенных «утешение», *consolamentum*, после чего они сами становились «совершенными». Казалось бы, судя по строгим нравственным требованиям, какая предъявлялась к «совершенному» катару, «утешение» должно было быть наградой чрезвычайно добродетельной жизни, или очень глубокой веры: на деле не требовалось ни того, ни другого. В вопросе о *consolamentum* со всей ясностью выступает крайняя узкость дуалистической точки зрения, принижавшей земную, телесную сторону человека без всякой выгоды для его нравственной стороны. Катары безусловно отрицали свободу воли, а следовательно, и покаяние. «В нашей вере всякий может спастись», говорили они. Для этого нужно было не сокрушение о своих прежних грехах, а чисто механическое действие, которому сами катары не придавали никакого нравственного значения. Все наши грехи—неизбежные последствия одного, первородного греха, который, в сущности, сводился к тому, что ангелы допустили сатану при помощи хитрости увлечь на землю их души; но всякий ангел состоял из двух частей: духа (*πνευμα* гностиков) и собственно души (*ψυχη* гностиков); первый принадлежит к высшему мировому порядку, поэтому совершенен и недоступен греху: он остался на небе, оплакивая падение своей души; одна лишь последняя пала и соединилась с земным телом. Когда человек вступал в число «совершенных», его дух, оставшийся на небе, опять соединялся с душой, а когда последняя освобождалась от уз тела, дух увлекал ее с собою на небо. Выходило, следовательно, что люди, не получившие «утешения», не были виноваты в своих грехах, а получив его становились безгрешными. Никакой внутренней перемены при этом не требовалось: чтобы сделать человека безгрешным, нужно было одно условие,—участие тоже безгрешного лица, т. е. «совершенного», который один мог помочь душе соединиться с духом. Спасение души обуславливалось не нравственными достоинствами человека, а просто внешним, случайным обстоятельством,—присутствием или отсутствием при умирающем «утешенного» катара. Когда граф Раймонд VI тулузский, тяжело заболел в одном местечке, где не было «совершенных», он приказал немедленно отвезти себя в Тулузу, хотя в его положении это было очень опасно. Кто-то спросил его, для чего он так рискует своей жизнью: «я рисковал бы потерять жизнь вечную», ответил граф, «если бы умер без «утешения». В самом деле, для человека, не подвергшегося этому обряду, оставалась одна надежда—получить впоследствии *consolamentum* в другом теле, куда перейдет его душа: прожитая им жизнь была для него потеряна.

Последствия «утешения»

Повидимому, у верующих было простое средство предохранить себя от такого несчастья

—принять утешение заблаговременно, не дожидаясь предсмертной болезни. Самый обряд был крайне несложен и не мог представить никаких затруднений. Сущность его сводилась к тому, что посвящаемому клали на голову евангелие от Иоанна,—особенно чтимаго еретиками апостола,—и читали первую главу: «В начале бе Слово»; затем совершающий обряд *perfectus* давал новому собрату «поцелуй мира». Посвящаемый при этом давал обет не есть никакой животной пищи, кроме рыбы, не лгать и не клясться, не убивать никакого живого существа, не позволять себе чувственных удовольствий, не идти одному, если он может иметь спутника его веры, не есть неосвященной пищи,—для этого «совершенные» и ходили всегда вдвоем, при чем один освящал пищу другого. Но главное, ни в каком случае не отрекаться от своей веры, «из страха воды, огня или какого другого вида смерти». Только последняя часть обета могла представить значительное затруднение, но при одушевлении, господствовавшем среди сектантов, нашлось бы много охотников принять на себя подобное обязательство. Между тем, тогда как монахов были десятки тысяч, в эпоху наибольшего развития ереси, в XIII веке во всей Европе «совершенных» насчитывали не более 4000 человек. Объясняется это не недостатком охотников, а тем, что *consolamentum* давалось крайне скупо и почти исключительно умирающим, при последнем издыхании. Это было неизбежным последствием того взгляда на таинство,—*consolamentum*, собственно, заменяло христианское крещение,—который объяснен выше. Человек, соединившийся с своим духом, не мог грешить; если он нарушал хотя в чем-нибудь свой обет, это служило доказательством, что духа в нем нет: а так как соединение души с духом обуславливалось не качествами получающего, а «совершенством» дающего *consolamentum*, следовательно, дающий утешение был несовершенен. Ничтожный проступок «утешенного» разрушал всю репутацию давшего ему утешение, лишал значения все совершенные последним *consolamenta*, осуждал на странствование по другим телам души тех, кого он утешит на смертном одре, а других заставлял вновь искать «утешителя». Поэтому только люди испытанной твердости характера и притом нужные для секты по своим дарованиям или высокому общественному положению допускались к *consolamentum* при обыкновенных условиях; простым людям оно давалась лишь на смертном одре, причем, во избежание будущих затруднений, еретические проповедники поощряли обычай, напоминающий мрачную практику некоторых русских сектантов. Обычай этот назывался *endura*. Так как больной мог выздороветь, потом нагрешить и скомпрометтировать своего «утешителя», то устраивали так, что он не выздоравливал, и для этого не давали ему есть. Случалось, что и здоровые, из религиозного усердия, налагали на себя *enduram* и умирали голодной смертью; особенно часто были такие случаи в тюрьмах инквизиции, где нельзя было достать освященной пищи. Здесь очень отчетливо выразился характерный для катаров взгляд на грех: нравственная сторона отступала на второй план, на первом—было нарушение формального предписания. Иначе и быть не могло, конечно, при отрицании свободы воли: для людей, признающих нравственную ответственность, есть огромное различие между убийством и простым несоблюдением обрядности, но для катаров оно было несущественно; всякое нарушение закона свидетельствовало, что *consolamentum* не удалось, что дух не соединился с душой, и что необходимо новое «утешение», иначе—спасения нет. Для секты строгое проведение этого основного принципа было выгодно в том отношении, что помогало поддерживать ту железную дисциплину среди адептов, которая впоследствии изумляла самих инквизиторов. Отказаться от исповедания своей веры, солгать для спасения своей земной жизни, т. е. нарушить последний пункт обе-

та, который давал посвящаемый, было невозможно: это значило навеки погубить свою душу, и никакое раскаяние не спасло бы ее; прежнее *consolamentum* утратило бы свою силу, а нового катары такому отступнику никогда не дали бы. Оттого только немногие «совершенные», искренно уверовавшие в превосходство католичества, отказывались от своей религии. Западные катары в этом случае выгодно отличаются от своих восточных единомышленников, которые не отказывались и солгать, чтобы избежать преследования. Во время первого крестового похода против лангедокских еретиков был такой случай. При взятии одного замка папский легат обещал пощадить жизнь тем из катаров, которые согласятся отречься от своей ереси. Один из вождей крестоносного ополчения был очень этим недоволен. «Что же это такое», говорил он, «мы пришли сюда истреблять еретиков, а их отпускают на волю». — «Не беспокойся» ответил ему легат, «могу уверить тебя, что никто не отречется». Действительно, из сотни слишком «совершенных» находившихся в замке, ни один не согласился перейти в католичество, и все были сожжены.

Громадна была власть, которую «утешение» давало «совершенным» над «верующими». Только *perfectus* мог спасти душу «верующего»; обыкновенно сектанты, не желавшие подвергаться всем тяжелым обрядностям, опутывавшим жизнь «совершенного», заключали с руководителями общины особого рода условие (*la convenenza*): им разрешалось жить, как они хотят, не стесняясь никакими особыми нравственными требованиями, перед смертью же им давалось *consolamentum*, которое спасало всякого, как бы грешен он ни был. Очевидно, что «верующий», заключивший такое условие, был душою и телом в руках «совершенных», которые могли лишить его царства небесного, может быть, навсегда. Отсюда необыкновенное почтение «верующих» к посвященным катарам: при встрече с ними обязательно было стать на колени и три раза произнести «*benedicite*»; не исполнившие этого обряда подвергались суровому наказанию. Нужно, впрочем, заметить, что почтение относилось не к личности катара, а к духу, обитавшему в нем.

Учение о *consolamentum* со всеми его последствиями неразрывно связывало существование секты в какой-либо местности с присутствием в этой местности «совершенных», которые одни могли исполнять главный обряд; здесь была слабая сторона всей организации, и в эту сторону направила свои удары католическая церковь. Борьба с ересью свелась, в конце концов, к истреблению «совершенных»; с исчезновением их исчезла и секта; некому было совершать *consolamentum*, и «верующим» не оставалось никакого выхода, кроме присоединения к католической церкви. Спаси душу собственными усилиями они все равно не могли, и принадлежать к секте для них больше не имело смысла. Теория катаров, что действительность таинства зависит от личных свойств совершающего его, дала им вначале могущественное орудие против католической церкви; из негодности ее представителей они вывели заключение, что вся ее деятельность не имеет смысла и что, стало быть, нельзя считать ее продолжением истинной, апостольской церкви. Катары с гордостью могли сказать, что их вожди не таковы, как римские прелаты, но зато им трудно было поддерживать непрерывность своей иерархии. «Совершенные» настолько выделялись своими безчисленными обрядностями, цель которых была предохранить их от осквернения, что инквизиции не трудно было их открыть при сколько-нибудь внимательном надзоре. С постепенным ростом преследования, «совершенных» становится все меньше и меньше. В 1250 г. их было еще

4000 чел.¹, пятьдесят лет спустя, в южной Франции они были уже редкостью. К половине XIV века относятся последние процессы против них в Лангедоке, и в то же время прекращаются все известия о ереси.

Альбигойство

Нужно, однако, сказать в защиту католической церкви, что она не сразу пришла к такому варварскому средству подавления ереси, и что оно все же было менее жестоко, чем некоторые другие средства, допускавшиеся нравами той эпохи. Постепенную смену этих средств хорошо можно видеть на одном из эпизодов борьбы церкви с ересями, охватившими Европу, на истории так называемой «альбигойской» ереси. Альби, один из городов Лангедока, был почти сплошь заселен катарами; здесь жил их епископ, стоявший во главе одной из епархий, на которые распадалась еретическая церковь южной Франции; центрами трех других были Тулуза, Каркассонна и Val d'Aran. Епархии имели совершенно правильное и очень своеобразное устройство. Епископу помогали два его «сына», — «старший» и «младший», которые жили во второстепенных городах епархии. Хозяйственными делами церкви управляли диаконы и диакониссы: по примеру древне-христианской церкви, эта должность у катаров была доступна лицам обоего пола. Отсутствие диаконисс у католиков служило в глазах еретиков одним из признаков того, что католическая церковь происходит не от апостольской. Сектанты действовали в Лангедоке совершенно открыто: произносили публичные проповеди, имели особые кладбища (постройка церквей противоречила их воззрениям), держали даже один раз нечто в роде вселенского собора (в 1167 г. в S. Felix de Caraman), где присутствовал их константинопольский глава. Местное католическое духовенство, невежественное, опутанное мирскими заботами, находившееся, по большей части, во враждебных отношениях к местному дворянству, не могло соперничать с еретиками. По его просьбе, папа отправил туда своего легата, который пригласил с собою самого знаменитого проповедника и одного из самых популярных людей того времени — (это было в 1145 году) Бернарда Клервальского. Бернард произнес несколько одушевленных проповедей, которые, по словам его биографа, произвели большое впечатление на слушателей, и даже будто бы совершил несколько чудес. Но, несмотря на все это, еретики обнаружили «упорство и закоснелость»; св. Бернард не смутился этим, явился в их главное гнездо, местечко Verfeuil близ Тулузы, и начал здесь обличать ересь. Послушать знаменитого проповедника в церковь собралось много народа, в том числе, все окрестные бароны с их семьями. Но как только они услышали, о чем идет речь, тотчас один за другим стали уходить из церкви, а за ними стал выходить и простой народ, оставив проповедника одного. Бернард последовал за ними на улицу, продолжая свои обличения; но тут еретики подняли такой шум, что нельзя было разслышать ни одного слова; клервальскому аббату ничего больше не осталось делать, как проклясть нечестивцев и отрясти прах от ног своих. Повидимому, его проповедь не оставила в Лангедоке никакого следа, и через 20 лет католическая церковь подверглась еще большему унижению. В 1165 г. католические епископы страны должны были, по настоянию местной знати, согласиться на публичное собеседование с еретиками, т. е. как бы признать их воюющей стороной. Сначала они хотели сохранить некоторое достоинство и произвести нечто в роде допроса, но катары требовали диспута, и епископы должны были подчиниться. Выбрана была комиссия судей, поровну из правоверных и еретиков, что было

1 В том числе сотни в Лангедоке.

новым унижением. Катары очень хорошо понимали, что сочувствие светских зрителей на их стороне, и широко воспользовались выгодами своего положения. Они объявили, между прочим, что прелаты, не соответствующие идеалу епископа, начертанному апостолом Павлом (1 Тимоф., гл. III),—очень прозрачный намек на их оппонентов,—суть волки, расхитители стада Христова, соблазнитель «малых сих», лицемеры, ищут только мирских почестей, приветствий на улицах и первых мест на праздниках сильных мира сего, носят дорогие одежды и золотые перстни с драгоценными камнями,—словом, поступают совершенно противно тому, чему учил Христос. Католики не нашлись ничего возразить на это, и только торжественно провозглашали своих противников еретиками, что, впрочем, не имело никаких последствий, и «совершенные», участвовавшие в диспуте, беспрепятственно ушли домой, сопровождаемые ликующей толпой своих сторонников. Полного торжества достигли катары, когда тулузское графство перешло к Раймунду VI (1194 г.), который сам, по всей вероятности, принадлежал к их секте, хотя гласно всегда отрицал это. Говорили, что однажды, когда он ожидал нескольких лиц, а те долго не приходили, он воскликнул: «Вот и видно, что этот мир сотворен злым духом: никогда в нем ничего не случится во-время». Другой раз, играя с своим капелланом в шахматы, граф спросил его: «не думаете ли вы, что Бог Моисея, в которого вы веруете, поможет вам в этой игре? Я не желал бы получить помощь от этого Бога». Но это, конечно, шутки; гораздо больше значения имеет случай, рассказанный нами выше, когда Раймонд совершил очень трудное, при состоянии его здоровья, путешествие, чтобы не умереть без *consolamentum*. «Я знаю», сказал он однажды, «что я когда-нибудь потеряю мою землю из-за этих «добрых людей» (*le bons hommes*, т. е. катаров). Ну что же! потерю моей земли, даже моей головы,—я все готов за них перенести».

Слова Раймунда оказались пророческими: скоро над его головой разразилась гроза, которая заставила его покинуть свою землю и вести жизнь изгнанника. В его владениях дела приняли такой оборот, что нельзя было сказать, какая церковь господствует, католическая или катарская. Такое положение самого крупного государства южной Франции не могло не встревожить Рима; как раз в это время (1198) папский престол занял Иннокентий III; для католического принципа нельзя было найти лучшего олицетворения: в первый раз после Григория VII идея папского всемогущества, казалось, готова была перейти в действительность; ересь должна была победить церковь или исчезнуть: компромисса с Иннокентием быть не могло.

Борьба католиков против ереси

В первое время политика нового первосвященника была продолжением прежнего: опять появились в Лангедоке монахи-проповедники, и попрежнему не имели успеха. «Но уже самый выбор монашеского ордена был угрозой», говорит один новейший историк¹: поручение было возложено на цистерцианцев, обычных проповедников крестового похода. И обязанности этих монахов не ограничивались проповедью: с помощью местных епископов, они должны были отыскивать еретиков, отлучать их от церкви, и «употреблять против них самые суровые меры, если они не покинут страны после отлучения». На епископов обязанность эта была возложена еще раньше Веронским собором 1184 г., но они мало внушали доверия папской власти. В 1203 г. явились в Лангедоке легаты Иннокентия III, Петр Кастельно и немного спустя Арнольд Амальрик (*Arnaud Amori*), аббат цистерцианского орде-

1 Н. Martin.

на; они начали с того, что отрешили епископов, особенно вредных для католической церкви по своей бездеятельности или порочной жизни. Затем, они принялись за прежние средства, проповеди и отлучения, но ничего не могли добиться, потому что светская власть, хотя и не открыто, была на стороне их противников. Раймонд не мешал легатам делать свое дело, но и не помогал им; гласно обещал ловить и преследовать еретиков, но не мог будто бы найти ни одного,—в стране, где их были сотни тысяч. Католические проповедники стали, наконец, подражать своим врагам: подобно «совершенным», босые и в бедном платье, без всякой свиты, ходили они из города в город, обличая еретиков и распространяя истинную веру; среди них особенно отличались испанцы Диэго д'Азевез, епископ Осмы, которому первому пришла эта мысль, и особенно его помощник Доминик, впоследствии знаменитый основатель ордена доминиканцев. Результат был тот, что над ними перестали смеяться, но обращались в католичество все-таки очень немногие. Легаты приходили в отчаяние; это пассивное сопротивление до того раздражало их, что они лучше предпочли бы открытую борьбу, которая могла бы доставить им мученический венец. Петр Кастельно не раз выражал это: «Я знаю, говорил он, что дело Христа не преуспееет в этой стране до тех пор, пока один из нас не пострадает за веру. Дай Бог, чтобы я был первой жертвой!» Не трудно понять, какими глазами люди подобного закала смотрели на вялое равнодушие лангедокских католиков. Все их раздражение сосредоточивалось на одной личности, на тулузском графе, упорно не желавшем исполнить обязанности католического государя. Наконец, Петр Кастельно вышел из терпения и отлучил его от церкви. Раймунд дал тогда клятву не оставить ни единого еретика в своих владениях, но, разумеется, не мог ее исполнить, ибо в таком случае он остался бы без подданных. Фанатическому легату не было до этого дела: при первой же встрече он осыпал Раймунда жестокими укоризнами и вновь отлучил его; граф не сдержался, и с его языка сорвалось несколько неосторожных угроз. К его несчастью, один из его приближенных понял их слишком буквально: повторилась история Фомы Бекета. На другое утро Петр Кастельно был убит (15 января 1208 г.); эта катастрофа решила судьбу Лангедока.

Крестовый поход против альбигойцев

Иннокентий III давно уже был раздражен поведением южно-французских сеньёров; легаты, чтобы оправдать свою неудачу, не жалели черных красок в своих донесениях. Мысль о крестовом походе против ослушников церкви не раз уже приходила ему в голову, но он не решался первый употребить насилие. Убийство его легата разрешило его сомнения: еретики сами подняли меч и должны были от меча погибнуть. 10 марта того же 1208 года появилось необыкновенное воззвание, своим бурным тоном ясно свидетельствовавшее, до чего был раздражен римский первосвященник. «Нельзя быть верным тому, кто не верен Богу», писал папа. «Объявляем посему свободными от своих обязательств всех, кто связан с графом тулузским феодальной присягой, узами родства, союза или какими другими, и разрешаем всякому католику, не нарушая прав сюзерена (французского короля) преследовать личность сказанного графа, занимать его земли и владеть ими.—Возстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестие всеми средствами, которые откроет вам Бог! Далеко простирайте ваши руки и бейтесь бодро с распространителями ереси; поступайте с ними хуже, чем с сарацинами, потому что они сами хуже их. Что касается графа Раймонда..., выгоните его и его сторонников из их замков, отнимите у них земли для того, чтобы правоверные католики

могли занять владения еретиков». Всем участникам этого благочестивого похода было обещано отпущение грехов; а чтобы подействовать на них всеми средствами, мирскими и духовными, они получили разрешения не платить процентов по долгам во все время похода. И до того велико было в то время влияние церкви, что ни один человек не усомнился в справедливости этого манифеста, которым церковная власть упраздняла основные политические и гражданские законы, право собственности и феодальную верность, и из Рима ограничивала права совсем не подвластных Риму в политическом отношении французских заимодавцев. Тысячи рыцарей вооружились в защиту истинной веры: всякому было приятно заслужить вечное спасение тут же, у себя дома, не ходя за море,—не менее приятна была возможность не платить долгов. Еще больше было всякого сброда, крестьян, бежавших от своих господ, ремесленников без работы и просто разбойников, надеявшихся пожить в богатых провинциях юга. Во главе этого пестрого ополчения шел самый послушный из воинов церкви, отказавшийся не задолго перед тем от похода на богатую Византию, чтобы не преступить папского приказания,—Симон де-Монфор: в нем Иннокентий III нашел достойного исполнителя своих приказов, может быть, даже более ревностного, чем он сам желал. Из северной Франции, которая поставила большую часть армии, через Монпелье ополчение двинулось на владения Раймунда. Граф испугался приближавшейся бури и имел малодушие подчиниться требованиям легата, отдав в залог добросовестного исполнения их 7 своих лучших замков. Он надеялся спасти этим свои владения от разгрома и жестоко ошибся: легат просто обманул его, чтобы, обезпечив себя со стороны Тулузы, вернее покончить с другим еретическим сеньёром в Лангедоке—Раймундом Рожером, виконтом Безье и Каркассона. В середине лета 1209 года войска Монфора подступили к Безье, где искало убежища все окрестное население; папский легат (все тот же Арнольд Амальрик) потребовал сдачи города и выдачи еретиков; жители отказались. Тогда, начались военные действия. Гарнизон сделал вылазку, но очень неудачно: толпы *arlots*—пеших волонтеров, набранных из подонков населения, ворвались в город вслед за отступавшими жителями Безье и начали без разбору бить всех, кто попадался под руку; более осторожные спрашивали легата, как им отличить еретиков от правоверных. «Бейте их всех», ответил Арнольд: «Господь узнает своих!» Перебили даже тех, кто искал спасения в католических церквях; всего погибло до 60,000 человек. «Не осталось ни одного живого существа», говорит современный хроникер. После того, город ограбили и подожгли со всех концов. К чести северно-французского рыцарства нужно сказать, что оно не успело принять участия в резне: *arlots* все покончили раньше, чем подоспело рыцарское ополчение. Но это была случайность: сам Симон де Монфор, где ему приходилось действовать, нисколько не уступал легату. В Кастре к нему привели двух еретиков: одного—«совершенного», другого—«верующего». Первый был непоколебим, второй изъявил готовность принять католицизм. Монфор велел сжечь обоих; «если он лжет», сказал он, «это ему послужит наказанием за обман; а если говорит правду, то он искупит этою казнью свой прежний грех». Если это можно еще объяснить фанатизмом, то систематическое ограбление страны не допускает даже и этого объяснения. Тут была совершенно правильная организация: все награбленное отправлялось к банкиру крестоносцев, одному богатому кагорскому торговцу, который заключил с Монфором особаго рода условие: он дал на военные издержки известную сумму денег, а крестоносцы уступили ему за это все вещественные плоды своей экспедиции. Тут уже не при чем было религиозное усердие: мирские интересы, возбужденные самим папою, брали верх над церковными и кончи-

ли тем, что подавили их совершенно.

Поражение еретиков

Покончив с Безье, крестоносцы взяли, после продолжительной осады Каркассону и захватили в плен Раймунда Рожера. Тогда легат обнаружил истинные свои намерения. Графу тулузскому был предъявлен целый ряд условий; кроме обычных, — истребления еретиков, покровительства католической церкви и т. п. здесь были еще такие: граф строит все крепости и замки в своей стране; он будет продовольствовать даром Монфора и его людей, пока они будут находиться в его владениях (Лангедоке); он обложит все население тулузского графства особою высокою податью в пользу церкви; затем сам он покинет страну и отправится воевать с неверными и не вернется, пока не получит особого разрешения от легата. Это значило сдаться на волю крестоносцев. Раймунд не был еще доведен до такой крайности; он решился сопротивляться. В Тулузе знали об участии безьерских католиков, и поведение Арнольда Амальрика принесло достойные плоды. Католическая партия, сначала было вооружившаяся на защиту своего епископа, узнав о движении крестоносцев на Тулузу, соединилась с катарами: движение из религиозного стало национальным; стояли уже не еретики против католиков, а южные французы против северных. Все это значительно замедлило успехи Монфора, тем более, что Раймунд нашел себе сильного союзника, в лице короля Петра Арагонского. Арагония в культурном, отчасти и в национальном отношении, представляла одно целое с южной Францией; язык Лангедока хорошо понимали по ту сторону Пиренеев, и лучший южно-французский рассказ об альбигойских войнах принадлежит испанцу — Гвильельму тудельскому. Победа Монфора означала подчинение Тулузы французскому королю; вместо слабого Раймунда, королю Петру пришлось бы иметь дело с воинственным вассалом Филиппа-Августа. Оттого, несмотря на свои католические убеждения, арагонский король не отказал в помощи еретикам, когда граф тулузский признал его своим сюзереном. Но эта помощь только отсрочивала развязку: в битве при Мюре союзники были наголову разбиты Монфором, и сам король Петр убит (12 сент. 1213 г.). Дело Арагонии было проиграно навсегда в южной Франции; Тулуза была занята крестоносцами, и Раймунд с своим сыном (впоследствии Раймунд VII) должны были отправиться в изгнание. Для них оставалась еще надежда: в 1215 г. должен был открыться собор (в Латеранской базилике в Риме), где должно было разбираться и их дело. На собор явились, с одной стороны, легаты с представителем Монфора, его братом, с другой — южно-французские бароны, лишенные своих владений. Стороны спорили долго и горячо; бароны отстаивали свои права и обвиняли Арнольда в бесполезных и ничем не вызванных жестокостях, Арнольд и тулузский епископ обвиняли их в преследовании католической церкви. Папа, повидимому, сочувствовал обиженным лангедокцам, но, в конце концов, церковные интересы взяли верх. Раймунду и его вассалам не были возвращены их владения; их обещались вернуть его сыну, «если он будет того достоин». В то же время был издан ряд суровых постановлений против еретиков. Принцип преследования был безусловно одобрен собором. «Еретики, осужденные церковью, — говорилось здесь, — будут выданы светской власти для того, чтобы подвергнуться соответствующему наказанию; имущества светских лиц будут конфискованы, а духовных — отданы их церквям. Подозреваемые в ереси, если они не представят приличных оправданий, будут подвергнуты отлучению, и если они пробудут под отлучением год (т. е. не оправдаются в течение года), будут осуждены, как еретики. Светский

сеньёр, который, после достаточных увещаний, не постарается очистить свою землю от еретиков, будет отлучен поместным собором, и если он не исправится в течение года, папа объявит его вассалов свободными от присяги, а его землю — открытой для всякого католика, который пожелает ее занять. «Верующие», покровители или укрыватели еретиков будут отлучены, объявлены лишенными гражданских прав, исключенными от всех должностей, неспособными наследовать, делать завещания, быть свидетелями и пр. Всякий, кто вступит в сношения с отлученными от церкви, будет сам отлучен. — Всякий, кто присвоит себе право проповедовать, не имея на то особого дозволения, будет отлучен. — Каждый епископ, по крайней мере, раз в год, обязан посетить те части своей епархии, где, по слухам, укрываются еретики; он должен выбрать трех местных жителей, пользующихся доброю славою, и привести их к присяге, что они будут ему доносить о еретиках, людях, устраивающих тайные совещания или ведущих образ жизни, отличный от большинства католического населения». Сверх того, всякий католик обязывался исповедоваться у своего приходского священника, по крайней мере, раз в год, и причащаться, по крайней мере, на Пасхе; не исполняющие этого требования лишаются церковного погребения. Эта *обязательная* исповедь для всех впоследствии, как увидим, была дополнена *принудительною* исповедью для особенно подозрительных, в чем, собственно, и заключалась обязанность *инквизиции*.

Конец крестового похода

Но, прежде чем католическая церковь пришла к этому радикальному средству искоренения ереси, она должна была убедиться в полной бесплодности своего прежнего средства, крестового похода. Именно то, чем Иннокентий думал обеспечить торжество правоверия, — замена сомнительных в отношении правоверия местных сеньёров рыцарями из северной Франции, — это средство испортило все дело. Новые землевладельцы унаследовали от прежних все поземельные споры и, как и прежде, недолго ужилось в мире с соседними епископами.

Теперь дело приняло еще более соблазнительный вид. Достаточно одного примера. Арнольд Амальрик занял город Нарбонну, и принял титул герцога нарбонского, видимо, намереваясь основать нечто в роде духовного княжества. По старому феодальному праву, Нарбонна зависела от тулузского графства, теперь принадлежавшего Монфору. Узнав о поступке легата, Монфор с отрядом войска отправился туда и выгнал Амальрика, который немедленно отлучил вождя крестоносного воинства от церкви. Но, не говоря уже об отдельных случаях, преследование еретиков вообще стало невыгодно для крестоносцев, потому что оно разоряло земли, ставшие их собственностью. К тому же, им и некогда было заниматься еретиками. Большая часть армии состояла из рыцарей, выступивших в поход, по средневековому обычаю, на сорок дней; по истечении этого срока, и уже во всяком случае на зиму, они возвращались домой. У Монфора оставалось всего несколько тысяч человек, с которыми он едва мог удержаться против окружившего его отовсюду неприятеля. Религиозный вопрос отступил совсем на задний план; главное дело заключалось для Монфора и его товарищей в том, чтобы удержать завоеванные земли, а для населения Лангедока, без различия исповедания, — в том, чтобы выгнать неприятеля. Когда сын старого тулузского графа высадился в Марсели, то весь католический Прованс встал на его защиту против крестоносцев. Монфор должен был оставить Тулузу и уже не мог снова завладеть ею; девять лет безуспешной борьбы надломили даже его железную энергию: приближенные не

раз слышали, как он молил себе у Бога смерти. Во время второй осады столицы Лангедока его желание исполнилось. Как последнее средство пробить брешь в городской стене, решено было употребить особого рода подвижную башню (la bate) из толстых брусьев, обитых железом, в нижнем этаже которой был поставлен таран. В то утро, когда машина должна была начать действовать, осажденные сделали храбрую вылазку и едва не отняли башню у крестоносцев. Вестник прискакал к Монфору, который слушал обедню. Несмотря на важность дела, граф не захотел оставить для него церковь. Через минуту явился другой вестник, крича: «спешите, спешите, государь! Ваши люди едва могут держаться!» — «Я не уйду,» ответил Монфор, «пока не увижу моего Господа». Когда священник совершил таинство, Монфор стал на колени и громко воскликнул: «Ныне ты отпускаешь, Господи, раба Твоего по слову Твоему». Потом он сел на коня и повел свои войска в бой. Тулузцы были отбиты от башни, но засели во рву, под прикрытием града стрел и камней, сыпавшихся на крестоносцев со стен. Одна из стрел поразила брата Монфора Гюи. Симон сошел с коня и подошел к раненому: «Брат, верно, Бог прогневался на нас», сказал он. В это время камень, пущенный из камнемета, попал ему в голову, и он упал мертвый (25 июня 1218). «Когда из города увидали, что граф Симон убит, там так обрадовались, что никогда не было видано такой радости», говорит один современник. «Колокола звонили по-праздничному, весь город был наполнен звуками рогов, труб, тамбуринов, флейт и радостными криками всех жителей. Все, от мала до велика, бросились к подвижной башне и подожгли ее так, что уже нельзя было потушить; потом побежали в церковь благодарить Бога за то, что он избавил их от графа». Родовались, стало быть, главным образом, католики, потому что катары, конечно, не ходили в церковь.

Симон Монфор был единственной крупною личностью среди крестоносцев; начатое им дело умерло вместе с ним. Его сын Амори должен был ограничиться оборонительными действиями и держался только благодаря помощи французского короля. Война тянулась еще около 10 лет и окончилась договором в Мо (1229 г.), который больше всего был выгоден для Франции. Большая часть графств Лангедока прямо отошла к королю; присоединение остальной части было подготовлено браком дочери Раймунда VII с Альфонсом французским, третьим сыном Людовика VIII. Южно-французским баронам были возвращены их владения, кроме некоторых, оставшихся за родственниками Монфора. Но за то преследование еретиков было обеспечено введением в Лангедоке *доминиканской инквизиции*.

Происхождение инквизиции

Инквизицией, как показывает самое слово, называлось, собственно, «разыскание» еретиков, или, как выражалась церковь, «еретической неправды», *haereticae pravitatis*. С точки зрения самой церкви, разыскание и преследование были два различных действия; но, в сущности, второе было неизбежным последствием первого. Раз еретик был отыскан и изобличен, светская власть обязана была подвергнуть его наказанию. Инквизиционный процесс состоял из двух частей: судебного следствия и приговора; суда, в нашем смысле этого слова, не было. Следовательно, непременно духовное лицо, устанавливал факт преступления и передавал обвиняемого в руки светской власти, обыкновенно с увещанием обходиться с последним возможно кротко, без пролития крови. Но светская власть очень хорошо понимала, что это значит, и наказывала еретика «без пролития крови», т. е. сжигала его живым.

Такая жестокая казнь, в наши дни не существующая ни в одном культурном государ-

стве, притом казнь за ошибку, за увлечение, кажется гуманным людям нашего времени чем-то чудовищным. Инквизиция, в глазах огромного большинства, — главный грех средневекового католицизма, лучшее доказательство того, как пагубно было господство церкви для тогдашней Европы. Если бы, действительно, церковь придумала это страшное учреждение для поддержания своей власти, то, конечно, ее пришлось бы признать самым свирепым деспотом, какого только видел свет, а исполнителей ее велений самыми безжалостными людьми, какие только когда-нибудь существовали. Этим людям должно было быть совершенно незнакомо чувство справедливости, не говоря уже о любви к ближнему. Действительно ли все это было так?

В XIII столетии жил в Италии один доминиканский монах, по имени Джованни Скио (Fra Giovanni Schio). Глубоко огорченный положением северной Италии, где тогда свирепствовала борьба гибеллинов и гвельфов, разделившая не только города, но даже семьи, он решился всецело посвятить себя проповеди мира. В 1233 г. в Болонье, благодаря его красноречию, враждующие партии сложили оружие и простили друг другу нанесенные обиды. Так велико было возбужденное им одушевление, что власти города представили на его рассмотрение городские законы, разрешив ему внести туда поправки, какие он найдет нужными. Тот же успех ждал его в Падуе, Тревизо, Фельтро и Беллуно; князья и городские республики выбирали его посредником в их спорах, обращались к нему за советами при изменении своего политического устройства. Он созвал народ со всей Ломбардии на равнину Пакваро, близ Вероны; здесь безчисленная толпа, увлеченная его красноречием, как голодом с небес, единодушно поклялась прекратить все раздоры. И этот человек, посвятивший всю жизнь делу христианской любви, велел сжечь в Вероне 60 мужчин и женщин, которых он уличил в ереси.

Брат Скио, конечно, не был ни жесток по натуре, ни несправедлив; если он так поступил, стало быть, считал это своим долгом. Но он был, вероятно, простой человек, и, может быть, его взгляд на еретиков был личной его особенностью. Вот что, однако, говорит по этому поводу писатель, мнения которого были приняты всей католической Европой того времени и который стоял на высоте современной ему науки: «Еретиков должно принуждать к исполнению тех обязательств, которые они приняли на себя по отношению к церкви прежде, чем из нея вышли», писал Фома Аквинский. «Ибо, если принять веру есть дело свободной воли, то сохранение принятой веры есть дело необходимости. Ересь есть грех; те, которые его совершают, заслуживают не только исключения из церкви, но исключения из мира путем смерти. Извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монету, которая служит для удовлетворения потребностей временной жизни. Следовательно, если фальшивых монетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков, как скоро они уличены в ереси.

Что касается церкви, она исполнена милосердия и стремится обратить заблуждающихся; оттого она не тотчас осуждает, но после первого и второго увещания, как учит апостол. Если же еретик и после этого продолжает упорствовать, церковь, не надеясь на его обращение, заботится о спасении других, устраняет его из церкви посредством отлучения, а затем передает его светскому судье, чтобы он устранил его из мира посредством смерти... Если бы и все еретики были истреблены подобным образом, это не было бы противно велениям Бо-

жним...»¹.

Инквизиция и аскетизм

Инквизиция является здесь прямым, естественным выводом из того положения, которое господствует над всем средневековым мирозерцанием: земная жизнь не имеет сама по себе цены, она — только приготовление к царству небесному. Спасение души было единственной целью, все остальное ничего не стоило: ересь грозила погубить душу, значит, тех, кто распространяет ересь, нужно наказывать как самых опасных злодеев. А костер в средние века был обычной казнью за наиболее тяжкие преступления: в Англии — за убийство феодального сеньёра, а также за убийство мужа женой, в Германии — за ночной поджог. Подавление ереси всеми мерами было таким же долгом для истинно верующего, как и умерщвление плоти. Аскетизм и инквизиция тесно связаны между собою: это два разных поля битвы с одним и тем же врагом рода человеческого, который стремится погубить нашу душу. Оттого самые жестокие преследователи еретиков обыкновенно бывали самыми безупречными аскетами. Конрад Марбургский, ужас Германии XIII века, «презирал богатства, светские имения и церковные бенефиции; он довольствовался простой скромной одеждой священника; его образ жизни был достойный, безукоризненно нравственный. Суровый на вид, он, тем не менее, был добр, признателен и ласков к хорошим христианам; а для дурных и вероломных он был справедливым и строгим судьей». Так изображает его современный летописец. Как высоко ценились нравственные качества Конрада, видно из того, что он был духовником Елисаветы, ландграфини тюрингенской, — знаменитой подвижницы, одной из тех немногих, кому почти удалось осуществить аскетический идеал². В то же время, Конрад был уверен, что лучше убить 60 человек, чем одну церковь поручить недостойному священнику. Его деятельность, как инквизитора, показывала, что это не были пустые слова. Чтобы быть им осужденным, довольно было простого подозрения. Если несчастный, попавший в его руки, со страху признавался в ереси, — в которой иногда вовсе не был повинен, — Конрад запирали его на всю жизнь в тюрьму; если он не признавался, его сжигали. Никакое общественное положение не спасало обвиняемого: Конрад привлекал к своему суду высших представителей немецкого дворянства. Эта непреклонность стоила ему жизни: во время одного из своих объездов он был убит озлобленными рыцарями. Но опасность не останавливала этих людей. В Лангедоке, где, как мы уже знаем, светская власть, особенно капитулы городов, — почти открыто покровительствовала еретикам, деятельность инквизитора была особенно трудна и опасна. Когда один доминиканец, присланный для разыскания еретиков в Тулузу, потребовал к своему суду нескольких из числа самых богатых и уважаемых граждан, против дерзкого пришельца поднялась целая буря негодования. Консулы изгнали из города инквизитора и грозили смертной казнью тому, кто осмелится исполнять его приказы; всякие сношения с доминиканцами и даже с епископом, который их поддерживал, были строго воспрещены. Епископ должен был уехать из Тулузы, потому что ни один булочник не соглашался теперь печь для него хлеб, ни один мясник не брался доставлять провизию; толпа избила слуг епископа и ограбила его дворец. Но доминиканцы, несмотря на все это, остались в городе. Немногие преданные люди украдкой доставляли им

1 Summa; secunda secundae II—46, quaest. 10—11.

2 См. ст. В. И. Герье: «Св. Елисавета, ландграфиня тюрингенская» (Сборник «Помощь голодающим» М. 1894 г.).

жизненные припасы, несмотря на запрещение; когда же консулы оцепили стражей дом, где жили монахи, пищу ухитрялись перебрасывать им через стену. Воду, конечно, нельзя было доставлять таким путем; доминиканцы страдали от жажды, но тем не менее, стойко выдерживали осаду. Между тем, изгнанный инквизитор не думал отказаться от начатого дела. Из Каркассоны, где он временно поселился, он прислал письмо приору, требуя, чтобы, в виду непослушания вызванных им на суд граждан Тулузы, вызов был повторен: четыре монаха должны были обойти дома привлеченных к суду и повторить приказ инквизитора. Можно себе представить, что ожидало этих послов при тогдашнем настроении жителей Тулузы. Приор понимал это; он созвал своих монахов и сказал им: «Радуйтесь, братья, я должен послать четырех из вас к престолу Всевышнего. Вот приказ брата нашего, инквизитора; он должен быть исполнен, хотя консулы грозят за это позорной казнью. Итак, кто готов умереть за Христа, пусть простится с нами!». Все монахи, как один человек, преклонились до земли перед приором, как делали, прощаясь, доминиканцы; он должен был сам выбрать четырех, которые обошли дома обвиняемых, повторяя вызов инквизитора. В одном месте на них бросились с ножами, и только случайное обстоятельство спасло их от смерти.

От людей, которые не жалели себя, трудно было ждать, чтобы они пожалели других. Благочестивая ограниченность большинства нищенствующих монахов еще более поддерживала в них непримиримую вражду к «плевелам Христовой нивы». Многие из них были убеждены, что инквизиция не только благое, угодное Богу дело, но что она прямо, буквально предписана Евангелием; в этом смысле они толковали 6-й стих 15-й главы от Иоанна: «кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и горят». Менее аскетическое и более образованное высшее духовенство обнаруживало более терпимости, особенно в первое время, когда ересь еще не казалась опасным врагом для церкви. В 1031 г. открыты были сектанты-дуалисты в замке Монтефорте, близ Турина,—они были сожжены местными властями против воли епископа Гериберта, который хотел обратить их к истинной вере увещаниями. Епископ лютихский Вазон, умерший в 1048 г., писал шалонскому епископу Рожеру: «мы, епископы, должны помнить, что мы не имеем права употреблять меча; мы помазаны не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы возвращать их к жизни (*advivificandum*)». Приведя притчу о пшенице и плевелах (Матф. XIII, 24—30), которые хозяин оставил на поле до жатвы, чтобы, выдергивая плевелы, не выдергать вместе с ними пшеницы, Вазон добавляет, что в этом случае нужно быть особенно осторожным, потому что плевелы могут завтра стать пшеницей, т. е. еретики могут обратиться. Перед крайними последствиями аскетического начала отступали даже такие непреклонные люди, как Григорий VII, писавший в 1077 г. парижскому епископу, что сожжение еретиков—дело «нечестивое и жестокое». Св. Бернард учил, вместо того, чтобы убивать или изгонять сектантов, стараться привлечь их к церкви, действуя не оружием, а доказательствами, способными развеять их заблуждения и привести их к истинной вере, «ибо такова воля Того, Кто хочет, чтобы все люди спаслись и познали истину».

Уже рассказанная нами неудача Бернарда на этом пути может служить образчиком тех разочарований, которые толкали церковь на путь насилия и преследования. На отдельных фактах можно проследить, как постепенно воинствующее, нетерпимое направление завладевает папской политикой. Уже в 1184 г. Люций III предписывает выдавать еретиков свет-

ской власти для наказания; но предварительно дело должен был исследовать местный епископ, что было еще очень выгодно для обвиняемого, потому что епископы были слишком тесно связаны с местным населением, чтобы возбуждать его против себя жестокостями. Папы, видимо, старались быть умеренными, насколько можно: еще Иннокентий III запрещал употреблять по отношению к еретикам испытание водою и раскаленным железом. Альбигойская война унесла последние остатки этой умеренности. В 1232 г. Григорий IX передал все дело преследования сектантов в руки доминиканцев. Орден, образовавшийся и выросший на поле битвы с еретиками, не стесняемый никакими мирскими соображениями и заботами, был настолько же неумолимее епископа, насколько выше его в аскетическом отношении. Замену епископской инквизиции доминиканской мы имеем полное право рассматривать, как новый шаг на пути усиления нетерпимости. В 1252 г. Иннокентий IV решил пытать подозреваемых в ереси; с этим инквизиционный процесс получил свою окончательную форму. Все колебания мало-по-малу были устранены. «Убивайте еретиков», писал в 1445 г. папа Евгений IV своему легату в Боснии, преследовавшему патаренов: «их преступление достойно смерти».

Логический вывод аскетизма не был, таким образом, принят церковью без борьбы: подобно целибату, другому естественному последствию аскетического миросозерцания, инквизиция осуществилась далеко не сразу. Но раз то и другое принято церковью, она уже не отступала ни от того, ни от другого. Только когда католицизм лишился материальной поддержки светской власти, преследование прекратилось, потому что стало физически невозможно.

Организация «инквизиционного трибунала»

Остается сказать несколько слов о том, как принцип преследования применялся на практике, как действовала инквизиция. Внешнее устройство «Святого Учреждения» (*Santum Officium*) до некоторой степени определялось устройством того ордена, в руки которого учреждение было отдано: округа инквизиции совпадали с «провинциями» доминиканцев. Но инквизиторы, в пределах этих округов, не сосредоточивались в одном определенном месте, а переезжали из города в город, по мере надобности. Местные власти, как духовные, так и светские, должны были оказывать им всякое содействие и исполнять все их распоряжения. Они стояли вне обычного порядка церковной иерархии: инквизитор, хотя бы простой монах, мог наложить отлучение, которого епископ не мог снять. Эта независимость инквизиции от обычного порядка управления придавала ей совсем особый характер: пред лицом ее человек чувствовал себя лишенным всяких прав, всего, что охраняло его личность в обычное время. Самая неопределенность положения уже наводила страх; эту неопределенность как будто нарочно старались увеличивать. Инквизитор, явившись в город, объявлял, через посредство местного духовенства, чтобы все, знающие за собой или за кем-нибудь другим какое-либо прегрешение против церкви, немедленно о том объявили. Не послушавшийся этого приказа тем самым считался уже отлученным от церкви,—и этого отлучения никто не мог с него снять, кроме самого инквизитора. Для еретиков это не могло быть страшно, но не трудно себе представить, что должны были чувствовать искренние католики, жившие в еретической местности. Один мог иметь еретика в числе знакомых, другой мог видеть его случайно, третий мог также случайно слышать какое-нибудь еретическое мнение. Утайка самой ничтожной подробности делала его несчастным навек—и в этой и в

будущей жизни. Инквизиция все ставила на счет, ничего не пропускала. Вот, для примера, несколько случаев из десятков тысяч, имевших место в южной Франции. Один из жителей Советерра (Sauveterre) видел, как три еретика-катара вошли в дом одного больного, и слышал, будто они дали ему «утешение»; он, впрочем, не знал наверно, были ли это еретики, и что они в доме делали, а говорил по слухам; тем не менее, он должен был искупить свою «вину», сходяв на поклонение одной из местных святынь. Другой, врач, однажды перевязал руку еретика, — он должен был совершить такое путешествие три раза. Одна женщина ела и пила с другой, про которую слышала, что та придерживается еретических мнений, — ей пришлось сходить на богомолье дважды. Никакая давность не могла погасить подобного «преступления»: у инквизиторов были особые книги, куда записывались все подозрительные люди, и кто раз попал в эту книгу, мог быть уверен, что рано или поздно ему придется отвечать перед духовным судьей. В 1316 г. была привлечена к суду одна старуха; при следствии открылось, что на нее было заявлено подозрение еще в 1268 г., чуть не за 50 лет, и тогда она отреклась от ереси, — что делали многие убежденные католики, чтобы не попасть в число «нераскайанных» еретиков. И это полвека назад заявленное подозрение не прошло даром для подсудимой: ее приговорили к пожизненному заключению в цепях, хотя она вторично покалась; иначе ее сожгли бы.

Последствием такой системы была целая туча доносов: всякий спешил довести до сведения инквизиции все, что он видел, или слышал, или даже только воображал, что слышал, — касающегося ереси. Таким путем у инквизитора составлялся обширный список — пока еще не еретиков, а людей, которых общественное мнение той местности считало «неблагонадежными». Оставался вопрос, как выделить из числа их действительных вероотступников, подлежащих «исключению из мира» тем или другим путем? Было два средства: милость и застрашивание. Раскайавшимся обещали помилование; правда, что для настоящих еретиков, например, для «совершенных» катаров, это помилование равнялось очень тяжкому гражданскому наказанию: их на всю жизнь запирали в тюрьму (*murus*, отсюда *immuratio* и наше «замуровать»). «Верующих» не подвергали заключению, но обставляли их жизнь всевозможными стеснительными условиями: они должны были носить особенную одежду, с нашитыми на ней крестами, сразу отличавшую их на улице; каждое воскресенье они должны были являться в церковь и получать от священника несколько ударов розгой, в знак покаяния: то же повторялось во время крестных ходов; они не могли быть избираемы ни в какую общественную должность; наконец, нередко их для большей верности переселяли в города, населенные исключительно католиками, где положение «бывшего еретика» оказывалось, конечно, очень незавидным. Для человека, от которого требовали измены убеждениям, все это было не слишком большой наградой. «Милосердие» инквизиции плохо удавалось; страх был более верным средством, чтобы заставить еретика признаться. Как применялось это средство, лучше всего покажет образчик допроса, сохранившийся в одном руководстве для инквизиторов.

Инквизиционный допрос

Нужно прежде всего вспомнить, что призванный к допросу ниоткуда не мог ждать поддержки. На суде никого не было из посторонних людей; закон требовал присутствия двух «свидетелей», не принадлежавших к суду, но их, обыкновенно, выбирали из числа монахов, преимущественно тех же доминиканцев. Защиты не допускалось: защитникам церковь

грозила таким же наказанием, как и укрывателям еретиков. И, наконец, при малейшей улике подсудимого ждала пытка. Не трудно представить себе душевное состояние подозреваемого, когда он являлся к следователю.

«Когда ко мне приводят в первый раз еретика для допроса», говорит автор руководства, «он принимает доверчивый и откровенный вид человека, убежденного в своей невинности. Я спрашиваю его, для чего он приведен ко мне? Он отвечает, с вежливой улыбкой: «я очень рад был бы узнать это от вас».

Инквизитор. Вы обвиняетесь в ереси, в том, что вы веруете и учите иначе, чем верует святая церковь. *Допрашиваемый* (поднимает глаза к небу, с видом глубочайшей веры). Господи, ты знаешь, что я невинен в этом, и что я никогда не верил иначе, чем должны верить истинные христиане. *И.* Вы называете вашу веру христианской, потому что нашу вы считаете ложной и еретической. Но я спрашиваю, считали ли вы когда-нибудь истинной иную веру, чем та, которую признает истинной римская церковь? *Д.* Я считаю истинной верой ту, которой держится римская церковь, и которую вы нам проповедывали. *И.* Может быть, из вашей секты кто-нибудь есть в Риме, кого вы и называете «римской церковью». Я, когда проповедывал, высказал некоторые мнения, общия нам обоим, например, что существует Бог, и вы, поэтому, верите кое-чему из того, что я проповедывал. Тем не менее, вы можете быть еретиком, потому что не веруете во многое другое, во что нужно веровать. *Д.* Я верую во все, во что должен веровать христианин. *И.* Знаю я ваши уловки! То, во что веруют члены вашей секты, по вашему, и есть христианская вера. Но мы теряем время в этом препирательстве. Скажите просто, веруете ли вы в Бога Отца, Сына и Святого Духа? *Д.* Верую. *И.* Веруете ли вы во Христа, рожденного от Девы, страдавшего, воскресшего и вознесшегося на небо? *Д.* (живо) Верую! *И.* Веруете ли, что хлеб и вино в евхаристии, совершаемой священником, превращаются в истинное тело и кровь Христову? *Д.* Да разве я не должен в это веровать? *И.* Я не спрашиваю, должны ли вы веровать, а веруете ли? *Д.* Я верю всему, чему приказываете верить вы и другие добрые учителя. *И.* Эти добрые учителя — проповедники вашей секты; веруете ли в то же, во что и я? Да или нет? *Д.* Охотно, если то, чему вы учите, хорошо для меня. *И.* Для вас хорошо, если я учу тому же, чему и ваши проповедники... Скажите тогда, веруете ли вы, что тело Господа Иисуса Христа находится на алтаре? *Д.* (быстро) Верую. *И.* Вы знаете, что там есть что-то, и что все на свете принадлежит Господу. Я спрашиваю, находится ли там тело Господа нашего, рожденного от Девы, распятого, воскресшего и т. д.? *Д.* А вы разве в это не веруете? *И.* Я верую вполне. *Д.* Я также верую. *И.* Вы веруете в то, что я этому верю, но я спрашиваю не об этом, а о том, веруете ли вы? *Д.* Если вы хотите перетолковывать все мои простые и ясные слова наизуоборот, то я уж не знаю, что мне и говорить. Я простой и невежественный человек. Прошу не ловить меня на словах. *И.* Если вы простой человек, отвечайте просто, без уверток. *Д.* Охотно. *И.* Хотите ли вы поклясться, что вы никогда не слышали ничего противного той вере, которую мы считаем истинною? *Д.* (поблуднев) Если я должен поклясться, то охотно сделаю это. *И.* Я вас не спрашиваю, должны ли вы, а хотите ли вы? *Д.* Если вы приказываете мне поклясться, я готов. *И.* Я не должен вас принуждать, потому что клятва тогда не будет иметь силы, и грех клятвopеступления падет на меня; но если вы хотите поклясться, я слушаю вас.

Тогда, дрожа и запинаясь, как будто он не может припомнить формулу присяги, допра-

шиваемый произносит ее так, чтобы ее можно было отнести не к нему, а к другому. Или же он придает клятве форму молитвы, например: «Господи, помоги мне, чтобы я не был еретиком!» и т. п. А когда его переспрашивают, он удивляется: «разве вы не слышали, как я присягнул?» Или же старается разжалобить инквизитора, говоря так: «Я охотно покаюсь, если я в чем-нибудь согрешил, только помогите мне освободиться от позорного обвинения, которое взвели на меня без всякой вины с моей стороны». Но дельный инквизитор не должен поддаваться на такие уловки, а неумоимо продолжать допрос, пока не заставит этих людей признаться в их заблуждениях или публично отречься от ереси, чтобы, если они впоследствии окажутся присягнувшими ложно, он мог без дальнейшего разбирательства передать их в светские руки. Если кто-нибудь соглашается присягнуть, что он не еретик, я говорю ему: «Если вы хотите поклясться для того, чтобы избежать костра, то знайте, что одной клятвы для меня недостаточно, ни десяти, ни сотни, ни тысячи, потому что вам ваши учителя разрешают наперед известное число клятвопреступлений по необходимости. Вы должны будете присягнуть безчисленное количество раз. Сверх того, если против вас будет хотя одно свидетельство, все ваши клятвы не спасут вас от сожжения. Вы только запячете свою совесть, но не избежите смерти. Но если вы просто признаетесь в своем заблуждении, вас простят». В таком затруднительном положении, прибавляет автор, — некоторые признавались в своей вине».

Этот диалог, как видим, мало походит на судебный допрос; цель инквизитора — не открытие истины, — он убежден, что уже знает ее: не дожидаясь допроса, он уже называет приведенного к нему человека еретиком. Нужно не дать ему уйти из рук; нужно, чтобы он как-нибудь проговорился, — для этого один и тот же вопрос повторяется в десяти разных формах... Подсудимый, наконец, сам перестает понимать, еретик он или нет. Если он не еретик, то, может быть, слышал что-нибудь еретическое: кто может за это поручиться? В своем наивном усердии, инквизитор забывает, что, ведь, он и сам немало слышал еретических мнений. Но ему уже не до справедливости: где дело идет о вечном спасении, что значат временные страдания хотя бы и вполне невинного человека. И вот, на костер отправляют не того, чья виновность вне всяких сомнений, а именно того, против кого есть только одно свидетельство. По этой теории, «обвиняемый» значит «осужденный». Прав был тот инквизитор, который сравнивал «Святое Учреждение» с сетью, не пропускающей ни одной рыбы. Кто не хотел сгореть, тому оставался только один исход: всенародно отречься от ереси; так или иначе, церковь никогда не проигрывала.

Но если оставить в стороне крайнюю несправедливость и жестокость такой системы, нужно признать за ней несомненную целесообразность. Страх отлучения доставлял инквизиции десятки тысяч добровольных шпионов, через которых она знала малейшие движения противников. Светская власть всегда готова была помогать, — потому что с нею делились имуществом казненного. Особенно выгодно было положение инквизиции в южной Франции, где власть все более и более переходила в руки короля, смотревшего на свои новые владения прежде всего, как на источник доходов. Конфискация имений, принадлежавших еретикам, сделала французского короля самым крупным землевладельцем Лангедока. При таких условиях сопротивляться инквизиции не приходилось; несколько инквизиторов, правда, было убито, но эти вспышки бессильной народной ярости только оживляли усердие монахов, которым такая смерть обещала мученический венец. Облавой шли доминиканцы

по Лангедоку, загоняя катаров на юг, в глухие долины Пиренеев. Здесь долго укрывался последний из «совершенных», Пьер Отьё (Pierre Autier); в 1309 г. и он был схвачен. На предложение отречься он отвечал жестокой бранью против «синагоги сатаны», как называл он католическую церковь. Это было последним исповеданием «болгарской ереси» на юге Франции. Некому было совершать «утешение», и «верующие» Лангедока волей неволей слились с массой католического населения.

М. Покровский.

XLII. Мистика и схоластика XI—XII веков

(Ансельм Кентерберийский, Абельяр и Бернард Клервальский)

Ансельм Кентерберийский

Около половины XI века грубая борьба всех членов общества между собою немного утихает: являются новые нужды и запросы; выступают на первый план более идеальные потребности; поднимается авторитет папства, и оно готовится собрать весь западно-европейский мир под своей властью, очистить нравы духовенства, освободить его от феодальных отношений к государям и пирамиду феодального общества, основанную на землевладении и завершающуюся императором, перестроить в теократическую, стоящую на почве истины учения Христова, скрепленную духом любви и властью духовенства, с папой в качестве верхнего камня. Начинает распространяться и образование. Оно идет на север из Италии, где остатки древней культуры сохранились в большей мере, чем где бы то ни было в Западной Европе. Итальянский ученый юрист Ланфранк из Павии, сделавшись монахом в Бекском аббатстве св. Марии (в Нормандии), основывает там школу, послужившую разсадником многих других.

Из многочисленных учеников Ланфранка замечателен Ансельм (1038—1109), также итальянец (из Аосты). Благочестивый, мягкий, сострадательный, преданный книжным занятиям и размышлению, сильно влиявший на всех, кто приходил к нему искать христианского утешения или поучения, Ансельм был замечательным человеком своего времени. Из аббатов Бекского монастыря он был сделан архиепископом Кентерберийским, примасом

Источники: *Abelardi opera omnia* (Patrologia Migne, t. 178); **Пособия:** *Ch. de Remusat*. St. Anselme de Cantorbery. Paris. 1868; *Ch. Remusat*. Abelard. Paris. 1845. 1—2 vol.; *Deutsch.* Peter Abalard, ein kritische Theologe des 12 Jahrhunderts. Leipz. 1883; *Hausrath, A.* Weltverbesserer im Mittelalter. I. Peter Abaladd. Leipz. 1895; *Haureau.* Histoire de philosophie scolastique. 2 ed. 1878 г. и сл., 2 vol.; *V. Cousin.* Histoire generale de la philosophie. Paris. 1868 (5-me lecon); *Ueberweg.* Grundriss der Geschichte d. Philosophie, В. II; *Ланге, Ф. А.* История материализма, перев. Н. Н. Страхова. Спб. 1881; *Герье, В. И.* Бернард Клервоский (статьи в «Вестнике Европы» за 1891 год).

Англии, по желанию короля Вильгельма Рыжаго, сына Вильгельма Завоевателя. На этой высокой должности он прославился упорной борьбой с двумя королями за независимость церкви: он защищал против них дело Григория VII, дело папства, церковного порядка, нравственности и жизненного призвания духовенства, против грубого произвола королей... Не только на всем Западе Европы, но и в самом Риме он пользовался таким уважением, что его называли «вторым Августином», «папой Запада». Молва о его святости переходила из уст в уста. Биографы сообщают много случаев из его жизни, ярко рисующих личность святого.

Так, говорят, одно время, еще будучи приором в аббатстве Бек, он проводил целые ночи в размышлениях о тайнах веры. И вот, однажды ночью, когда он искал в уме решения вопроса о том, каким образом могли пророки видеть прошедшее и будущее так же ясно, как настоящее, он вдруг сквозь несколько стен увидел, как монахи собираются в церковь к утрени, подходят к алтарю, зажигают свечи и лампы, как один из них дергает за веревку колокола и будит спящий монастырь. После первого удивления Ансельм понял, говорит его биограф, что Бог мог, действительно, дать пророкам знание скрытого во времени так, как ему сейчас чудесно было дано видеть скрытое в пространстве. Другой раз Ансельм впал в тяжелую болезнь и, когда стал уже выздоравливать, увидел однажды во сне широкую и быструю реку, которая несла в своем русле мужчин и женщин, богатых и бедных, с наслаждением плескавшихся в ее волнах. «Это поток мира, а вон—тихая пристань», сказал ему голос. И вдруг открылся глазам Ансельма обширный монастырь: стены его были из чистого золота, на дворе росла серебряная трава, тихо склонявшаяся под людьми, которые на ней отдыхали... Ансельм избрал себе жилищем это очаровательное место. «Хочешь ли узнать, что такое истинное терпение?» спросил его таинственный голос. Когда Ансельм сказал: «хочу»,—все исчезло, и ему стало ясно, что наша земная, скучная и тяжелая жизнь есть не что иное, как ожидание небесного блаженства: мы должны терпеливо ее переносить, ожидая возвращения в наше небесное отечество.

Ансельму приписывают много чудес; его вера, кротость, чистота характера делали иногда удивительные вещи. Вот, например, один случай. В монастыре у Ансельма нашлись завистники, которые подговорили одного очень молодого монаха Осберна бранить Ансельма и смеяться над ним. Ансельм, как бы ничего не замечая, продолжал относиться к молодому человеку попрежнему ласково: терпеливо переносил его дерзости, хвалил за ум, многое извинял молодостью, и скоро достиг того, что Осберн сделался его преданнейшим учеником. Тогда Ансельм мало-по-малу усилил свою строгость к нему, исправил его недостатки и сделал из Осберна строгого и ревностного исполнителя монашеских обетов и аскетических подвигов. И впоследствии Осберн просил даже Ансельма бичевать его, в знак полного своего смирения и безусловного послушания.

Вообще Ансельм очень гуманно относился к людям и, в частности, к детям. «Что это значит?» спрашивал Ансельма один знакомый аббат: «День и ночь бьем мы порученных нам мальчиков, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже, и в конце концов из них вырастают тупоумные и порочные монахи». — «Дорогой аббат,» отвечал ему Ансельм: «это и происходит именно от того, что вы не знаете другого средства, как страх, угрозы и побои. Этим вы убиваете в них всякую охоту к свободной работе и извращаете все их мысли и стремления. Так как они не видят от вас ни капли любви, нежности и расположе-

ния к себе и так как они к вам не имеют никакого доверия, считая, что все, что вы с ними делаете, вы делаете из ненависти к ним, то они растут с сердцем, исполненным злобы и подозрительности, и думают только о дурном. При вашем воспитании они не имеют понятия о том, что такое настоящая любовь; оттого они и выходят мрачными и на всех смотрят косо».

Ансельма, по возвышенности его мысли и по его значению для католического богословия на Западе, ставят рядом с Отцами церкви и называют «философом Христа». Основой его теологического учения было положение: «Я верую, чтобы понимать, а не стараюсь узнать, чтобы потом уверовать» (*Credo, ut intelligam, neque quareo intelligere, ut credam*). Ансельму принадлежит так называемое онтологическое доказательство бытия Божия. Вот как пришел Ансельм к этой мысли, по словам его биографа.

Онтологическое доказательство

Ансельму запала в душу мысль доказать существование Бога так, чтобы оно сделалось для всякого ясным и неопровержимым. Эта мысль беспокоила его ежеминутно; от нея он потерял аппетит, сон, не мог сосредоточенно молиться. Тогда он стал бояться, не демон ли внушил ему эту идею,—стал отгонять ее от себя. Но, вопреки всем его усилиям, она вновь и вновь вставала в его уме. И вот, однажды ночью, во время всенощной, свет озарил его: все стало ему ясно; его сердце наполнилось великою радостью. Он увидел в этом чудо благодати и в пылу восторга тут же набросал основы своего разсуждения на навощенных дощечках, которые отдал потом на сбережение одному монаху. Но когда через несколько дней стали искать эти дощечки, их нигде не могли найти. Ансельм записал тогда еще раз свои мысли и отдал тому же монаху, а этот спрятал их в самый дальний угол своей кельи—и вдруг на другое утро дощечки оказались разбитыми на мелкие куски. Ансельм решил тогда, что это дело духа злобы, который не может вынести того, чтобы было доказано существование Бога. Затем он собрал и сложил эти куски, прочел написанное и велел переписать на пергамент «во имя Господне» (*in nomine Domini*). С тех пор сочинение уже не подвергалось более несчастьям.

Вот вкратце, в чем состоит изложенное в этом сочинении онтологическое доказательство бытия Божия... Если есть *хорошие* вещи, то есть и *нечто хорошее* вообще, т. е. *благо*; таким же образом мы должны признать и то, что существуют красота, истина и другие хорошие качества. И мы можем и должны представить, что они существуют сами по себе, независимо ни от чего другого и притом существуют в самом чистом виде, доведенными, так сказать, до высшей степени совершенства. Совокупность этих высших совершенств есть Высшее Существо, духовное, неизменное, вечное, всеведущее, всемогущее, вездесущее... И даже безумный, говорящий в сердце своем: «нет Бога» должен согласиться, что такое, т. е. *совершенное*, Существо необходимо должно существовать, так как, если бы Оно не существовало, Оно не было бы совершенным, у него не хватало бы столь важного свойства, как *существование*. Следовательно, это Существо непременно должно существовать; следовательно, оно существует. «И это Ты, Господи Боже наш!» (*Et hoc Tu, Domine Deus noster*), восклицает Ансельм... Впоследствии это учение стало известно под именем «онтологического доказательства бытия Божия» (от *он*, существующее, сущее), т. е. доказательства на основании необходимости *признака существования* для того, чтобы Высшее Существо было вполне со-

вершенным, т. е. действительно Высшим.

Ансельм был, как мы уже сказали, преимущественно религиозным мыслителем. Но в то же время он был и одним из представителей средневековой философии.

Средневековая и древняя философия

Философия средних веков была наследием классической древности, преимущественно Греции; там, повидимому, впервые возникла философия, как общее, охватывавшее весь мир и независимое от традиционной, языческой религии знание. Но в средние века характер и общее значение философии сильно изменились сравнительно с эпохой древности: философия, не теряя некоторой свободы в области истолкования, относительно основных принципов должна была всецело подчиняться богословию; в средние века философия была *ancilla theologiae* (служанкой богословия). Известно, какое значение и влияние уже в самом начале средних веков получила церковь и вообще религиозные интересы. Среди общего крушения античной культуры, когда варвары ломали решительно все, что встречалось им на пути, когда разрушилось государство и школа, пали наука и искусство, не распался только один союз, крепкий нравственной связью своих членов, — христианская церковь. Полудиким германцам недоступны были ни соображения общественного блага, ни эстетическое созерцание, ни отвлеченная умственная работа, но и они, хотя и по-своему, хотя и очень грубо, но все-таки восприняли истины Евангелия. Церковь уже давно пользовалась для своих целей кое-чем из научных и философских сокровищ древности: в своих учениях она познакомила новые народы с отрывками древнего знания и тем ввела новый мир в школу старого.

Схоластика

Истинным учителем средних веков, творцом «христианской философии» является бл. Августин, один из замечательнейших¹ мыслителей вообще. Впоследствии, когда главные пункты вероучения были уже окончательно раскрыты, потребовалось представить его в виде научной системы, обосновать и разработать. И поскольку философия средних веков поставила себе эту задачу, она стала церковной «школьной наукой», *схоластикой*. Но в средневековой философии было и другое направление. Если задачей схоластики было уяснение и выражение в точных терминах и понятиях того, что уже было дано вероучением, то *мистика* вела человека чрез познание к непосредственному восторженному созерцанию Божества, к блаженному единению с Ним. К этим двум главным течениям философской мысли средних веков позже присоединяется третье, имеющее уже более светский и собственно научный характер. Теперь мы займемся двумя первыми направлениями, в их взаимной противоположности; о третьем же будем говорить особо.

Схоластика, или школьная философия средних веков, зародилась в XI веке. Уже и ранее в епископальных и монастырских школах изучались некоторые из логических сочинений Аристотеля и немногих других древних мыслителей (Порфирия, Марциана Капеллы, Боэция, Кассиодория), с целью выправки ума учащихся и подготовки к правильному по-

1 В учениях Августина заметно влияние одной из позднейших философских школ древности — *неоплатонизма*. К этой же школе принадлежал и первый крупный и довольно самостоятельный мыслитель средних веков, Иоанн Скотт Эригена (т. е. ирландец), одиноко стоящий среди своих современников. О нем известно только то, что он жил в IX веке и Карлом Лысым был вызван преподавать в парижской придворной школе.

ниманию и разработке вероучения. Но мало-по-малу, сперва робко и неуверенно, а затем все сильнее и настойчивее, стало развиваться и стремление к знанию вообще, наслаждение знанием ради знания. Светлая мудрость классической древности начинала интересовать сама по себе, и к XIII веку дело восстановления древней философии было уже закончено: Аристотель стал *praecursor Christi in rebus naturalibus* («предтечей Христа в делах природы»). Начав, таким образом, с истолкования вероучения по правилам аристотелевской логики, средневековая философия кончила тем, что признала Аристотеля вторым своим авторитетом.

Первые шаги схоластики были очень трудны. В глухую эпоху средних веков казалось богопротивным изучать языческих писателей, — они были исчадиями ада и дьявола, и часто, вероятно, любознательный монах в порыве религиозного ужаса отбрасывал от себя, а может быть, и жег интересный и глубокомысленный, но полный греха и соблазна древний манускрипт. Однако, необходимость изложить полно и систематически истины веры для того, чтобы утвердить их незыблемо на будущее время, чтобы поражать еретиков и убеждать неверных, заставила волей-неволей прибегнуть к древности и позаимствовать у нея правила изложения, доказательства и опровержения. Содержание для средневековой мысли было уже дано в готовом виде; она должна была только развить, истолковать и изложить его возможно обстоятельнее и убедительнее. Этим обуславливалась еще одна основная черта схоластической философии: ей недоставало свободы, творчества, оригинальности; это была наука толкования текстов; она соглашала авторитеты (*auctoritas* от *auctor*), а не изучала прямо действительность.

Однако, с течением времени схоластика становится все более и более самостоятельной в собственно философской области; от нея стали требовать лишь того, чтобы выработанные ею воззрения не противоречили догматам католицизма, строго держались бы в их рамках; в этих же пределах она завоевывала себе все большую и большую свободу. Не раз из тех или других учений сами схоластики или даже только их недоброжелатели и противники выводили какая-либо следствия, противные учениям церкви, эти следствия объявлялись ересью, а породившая их философская система — по меньшей мере, подозрительной.

Тот факт, что схоластика выросла на логике, обусловил *формально-логический* ее характер. Схоластики извлекали из принятых ими положений целые системы выводов и заключений, проводили множество самых тонких различий, без конца делили и подразделяли... Не надо, конечно, забывать важной стороны этой работы: в своем увлечении отвлеченно-логическим доказательством, при всех злоупотреблениях своей *диалектикой*, схоластики выработали удивительно точный язык и привычку к строгому, последовательному мышлению, которые оказали большую пользу в дальнейшем развитии науки.

Вопрос о природе универсалий. Реализм (Платон)

Однако, при первых же шагах своей деятельности в формально-логической области, схоластике пришлось столкнуться и с одним чрезвычайно важным вопросом, имеющим уже не одно только формальное значение. Это — вопрос о *природе общих понятий* (или *универсалий*). Дело в том, что уже с самого начала утвердился в философии совершенно правильный и единственно возможный взгляд: что настоящий предмет познания — не частное, единичное, случайное, а то, что есть в предметах общего, постоянного, существенного. Что

же такое само это общее, постоянное и существенное,—то, благодаря чему предметы и явления именно тем, что они есть на самом деле? Определенно решил этот вопрос впервые Платон. Видя, что все на земле непрочное и изменчивое, что как души людей, так и внешние предметы как бы содержат в себе что-то, неудержимо влекущее их к порче, изменению, разрушению, Платон пришел к мысли, что настоящий предмет познания—не наш земной, доступный чувствам мир. Существует, думал он, другой мир вечных, чистых, неизменных вещей—мир *идей*. Это как бы образцы, типы всех вещей, в их *настоящем* виде и значении. Наш земной мир есть просто плохая, испорченная копия с этого мира идей; наши земные, скоропреходящие предметы—только слабые тени, бледные отражения действительно, в полном смысле слова, *существующих* идей. Люди в течение своей жизни на земле находятся как бы в пещере, лежащей при дороге; скованные по рукам и по ногам, они сидят спиной ко входу, через который в пещеру врывается поток света. По дороге движутся взад и вперед разные предметы, люди и животные, отбрасывающие неопределенные, колеблющиеся тени на заднюю стену пещеры. Эти-то тени и составляют наш земной мир; он дает лишь очень слабое понятие о красоте и стройности своего прототипа. Сидящие в пещере люди видят одни эти тени и ошибочно принимают их за что-то действительно существующее. Но если бы кто-нибудь из этих людей сбросил с себя оковы и выбрался из пещеры, из этого мира призраков, то он мог бы, освоившись с непривычным для него ярким светом, различить и предметы вечного, подлинного мира. Такой человек мог бы потом вернуться в пещеру, к покинутым там братьям; он мог бы рассказать им про то, что он видел; но они, конечно, не поймут, не оценят его слов... Это поэтическое представление было не просто плодом фантазии великого поэта-философа; оно имело глубокие корни в состоянии знаний той эпохи. Прежде всего, внешний мир, при недостаточности положительных сведений о нем, являлся в значительной степени случайным; все, что мы воспринимаем посредством чувств казалось недостоверным, неточным, ошибочным. Возьмем, например, ряд явлений внешней природы... Вот дерево; огонь превращает его в самого себя (сжигает), потом сам превращается в воздух. Воздух сгущается в тучи, тучи проливают дождь; земля покрывается грязью и лужами; в лужах появляются дождевые черви; потом лужи высыхают, и на этом месте вырастает трава и т. д., и т. д., до бесконечности. Этот хаос, этот поток явлений, казалось, делал невозможным настоящее познание внешнего мира. Надо было остановить этот поток; нужно было найти дерево, которое всегда было бы самим собой, не превращаясь ни во что другое, нужен был вечный огонь, всегда себе равный, и т. д. Это постоянство, эту определенность и придавало миру предположение о существовании «идей». Далее, важное значение имело и следующее. Уму грека связь между словом и предметом казалась гораздо теснее, чем теперь нам. Греки были уверены, что не только всякий предмет имеет имя, но и всякому имени должен соответствовать предмет. Они верили в самую тесную связь между словами и вещами. Поэтому, раз есть слово и понятие «справедливость», должна была, по их представлению, быть и вещь, соответствующая этому слову. Раз есть слова «дерево», «человек», должны быть и соответствующие предметы: дерево вообще,—не то или другое отдельное дерево, береза, сосна, а просто дерево; человек вообще,—не Сократ или Платон, а просто человек. Такое решение вопроса об общих понятиях делало их *реальными* вещами (*res*); а потому и учение это называется *реализмом*¹. Эту теорию Платона оспаривал уже

1 Это средневековое значение слова *реализм*. Теперь такое учение называли бы скорее *идеализмом*. Но в средние века придавали особенное значение утверждению *реального* существования идей.

Аристотель, но его собственное учение по этому вопросу не вполне определено.

Номинализм. Росцелин.

Первые мыслители средних веков были реалистами, в сейчас объясненном смысле. Иоанн Скотт Эригена, Ансельм Кэнтерберийский и др. были уверены, что общности (универсалии) действительно существуют, как особые предметы. Но вскоре появилось и другое мнение. В конце XI века некто Росцелин, каноник из Компьеня (во Франции), стал учить, что «общности» — вовсе не предметы; это — просто слова, звуки (*flatus vocis*), имена (*nominum*). Поэтому, никакой «идеи» человека, отдельно от всех человеческих личностей, нет. Учение это получило название *номинализма*. Росцелин был обвинен в страшной ереси «троебожия», осужден на соборе в Суассоне в 1092 г. и изгнан из Франции. По словам его обвинителей, эта ересь естественно вытекала из его номинализма: раз номинализм содержит в себе истину, то приходится признать, что в Боге действительно существуют только три Ипостаси; единая же Сущность их, то, что в них есть *общаго*, становится не более, как названием; а так как каждая из Ипостасей есть истинный Бог, то как будто выходило, что Богов три. Такое смешение того, что доступно человеческому познанию, с превышающими его истинами веры характерно для тогдашней неопытной мысли.

Католическая церковь, услышав, что из положений номинализма может вытекать такая ересь, отвернулась от этого учения и долго впоследствии поддерживала своим авторитетом реализм.

Абеляр

У Росцелина учился, — положим, очень короткое время, — наиболее замечательный из схоластиков XII века — Петр Абеляр (1079—1142 г.). Абеляр был рыцарского рода из Бретани (замок его отца — Палэ, близ Нанта). Красивый собой, смелый до дерзости и самоуверенный до тщеславия, легко и изящно владевший мыслью и словом, человек с ясным и методическим умом — Абеляр привлекал к себе общее внимание. Уже в ранней юности он обошел несколько тогдашних школ в поисках знания, а в самом конце столетия мы видим его двадцатилетним юношей в Париже. Здесь наибольшим успехом среди преподавателей пользовался архидиакон парижский Гильом из Шампо, прозванный *columna doctorum* («столп учености»), начальник школы при соборе Notre Dame. По направлению своему, Гильом был реалист; он признавал, что истинная сущность вещей — в том, что в них есть *общаго*. Его и начал слушать Абеляр.

В то время были в обычае собеседования ученых с их слушателями, и вот однажды Абеляр, при полной аудитории, вызвал своего учителя на спор по вопросу о природе общих идей. Диалектика Абеляра была блестяща, и Гильом, по общему мнению, потерпел поражение. Сам Абеляр держался по этому спорному вопросу среднего мнения: он полагал, что, хотя идеи отдельно от вещей и не существуют, однако их нельзя признать и одними только словами: идеи — продукты (*conceptio*) ума и выражают существенное свойство мысли. Это учение так и называется *концептуализмом*.

После победы над Гильомом Абеляр уехал из Парижа и открыл собственную школу сначала в Мелёне, а потом близ Парижа, в Корбейле. Усиленная работа с массой учеников, стекавшихся отовсюду послушать молодого, но уже гремевшего славой ученого, подорвала его здоровье, и ему пришлось несколько лет провести на родине, в поместье отца. Между

тем Гильом ушел из школы Notre Dame и основал конгрегацию (впоследствии аббатство) св. Виктора, где продолжал читать лекции. Вернувшись в Париж, Абеляр вмешался в толпу его слушателей, возобновил прежний спор и заставил Гильома отказаться от некоторых его мнений. Это окончательно погубило популярность Гильома. Между тем Абеляр прошел курс богословия в Лане под руководством очень известного тогда учителя Ансельма и, вернувшись в Париж, получил разрешение преподавать как богословие, так и философию.

В Париже Абеляр тотчас же затмил всех других учителей и стал в общем мнении решительно первым из ученых своего времени. Его лекции отличались живостью и ясностью изложения, оригинальностью и неожиданностью сравнений, свободой и решительностью своей диалектики. Слушать его стекались отовсюду: из Англии, Бретани, Нормандии, Фландрии, из баскских гор, из Пуату, Анжу, из Испании и Германии; в Париже все его знали; одни гордились и любовались им, другие завидовали ему.

В это время Абеляр был приглашен преподавателем к одной молодой девушке, совмещавшей в себе замечательную красоту, нежность и величие духа с поразительными для того времени познаниями и с замечательной чуткостью к умственным интересам. Это была Элоиза, племянница каноника при церкви Notre Dame Фульберта. Общность симпатий, совместные занятия сблизили ученицу с учителем, и они полюбили друг друга. Абеляр забросил лекции в школе, редко туда являлся, а если и приходил, то чаще всего импровизировал стихи в честь милой Элоизы; слух о его любви к ней пронесся по всему Парижу и дошел до ее дяди. Фульберт был страшно разгневан на Абеляра. Разные недоразумения обострили дело, и в конце концов, как Абеляру, так и Элоизе пришлось отказаться от мира¹. Абеляр поступил в монахи в аббатство С. Дени; Элоиза, по его желанию, также постриглась в одном монастыре, так как, потеряв Абеляра, она потеряла все на свете. Впоследствии Элоиза была аббатиссой монастыря св. Духа (Параклета), основанного Абеляром, и пользовалась величайшим почетом и уважением со стороны пастырей церкви за мудрое управление, прекрасный характер, за все лучшие качества души. Имя Элоизы перешло в песни, романы и рассказы и известно всему западноевропейскому миру. И действительно, ее умственные и нравственные качества, широкое образование, нежность чувств, сила и прочность любви делают ее одной из лучших и самых светлых женщин всех веков и народов.

Постригшись в монахи, Абеляр продолжал заниматься богословием и учить... Но его учение о Божественной Троичности вызвало вскоре сильное неудовольствие против него.

Абеляр говорил, что, так как всякий единичный предмет может иметь три свойства, то же можно сказать и о Едином Боге: можно считать три Лица св. Троицы свойствами, качествами Бога. Бога Отца Абеляр называл божественной Силой, Бога Сына—божественным

1 Вот что она впоследствии писала Абеляру: «Я тотчас послушалась твоего приказанья (поступить в монастырь)... Никогда я не искала в тебе ничего, кроме тебя самого... Клянусь Богом, что, если бы Август, властитель целой вселенной, считал меня достойной быть его женой и поверг бы к моим ногам свою власть над миром, я все-таки предпочла бы твою любовь... Да и кто, какая женщина или девушка не горела желанием видеть тебя, не спешила взглянуть, когда ты являлся на улицах? Ты отлично владел теми двумя дарами, которые так высоко ценятся женщинами: прелестью разговора и изяществом пения! Стихи, которые ты шутил сочинял в часы отдыха от философских занятий, сделали мое имя известным во многих странах... И если бы ты очутился в аду, то, видит Бог, я не только не колебалась бы последовать за тобой туда,—по твоему приказанию, но даже с радостью поспешила бы туда, чтобы предупредить тебя там».

Разумом, св. Духа—божественной Благодатью, Милостью и Любовью. Таким образом, с одной стороны, Абельяр как бы впадал в давно осужденную церковью ересь единства Божественной Личности, а с другой, выходило, что Лица св. Троицы как бы не равны между собой: св. Дух, например, являлся лишенным всемогущества и мудрости, а это было уже самая страшная ересь—хула на св. Духа. Затем, Абельяру поставили в вину самое отношение его к истинам и таинствам веры; он не хотел верить просто, не разсуждая, — *верить* и верой понимать (как Ансельм) или *любить Бога* и познавать Его через эту любовь (как учили мистики). Он хотел умом *понять* таинства веры, таинства, стоящие выше человеческого разума... Его противники, напротив, ценили только ту веру, которая верит помимо разума, даже вопреки ему, — в веру же, согласной с разумом, они не видели никакой заслуги перед Богом... Сам Абельяр вовсе не считал себя еретиком и был поражен, когда на соборе в Суассоне в 1121 г. его осудили, как еретика, и приговорили к заключению.

Однако, в заключении он пробыл недолго. Выйдя на свободу, он устроил школу близ Ножана на Сене и основал здесь общину «Параклет» (т. е. Утешитель) во имя св. Духа; тут около него опять собралось множество учеников. Но вскоре он уступил Параклет Элоизе, которая устроила здесь женский монастырь, а сам принял место аббата в одном из монастырей Бретани. Через несколько лет Абельяр опять вернулся в Париж и преподавал там с прежним успехом. Тут-то выступил против него Бернارد, аббат монастыря Клерво (Clarivaux, Clara vallis).

Бернارد Клервальский

Бернارد (1091—1153) был человек совсем иного закала, чем Абельяр. Если Абельяр всю жизнь учил и учился, жил умом, то Бернارد был весь олицетворением религиозного чувства. Ему казалось в порывах этого чувства, что он как бы сливается своей душой с Божеством... Такое настроение и называется мистицизмом, и Бернارد был одним из крупнейших *мистиков* средних веков.

С детства он отличался чрезвычайной задумчивостью, любил уединение, и хотя его рыцарское происхождение, красивая внешность и блестящий ораторский талант—все сулило ему впереди успехи на военном или вообще мирском поприще, но он все бросил, от всего отказался и ушел в бедный и строгий монастырь Сито. Потом он сам основал монастырь Клерво и, будучи там аббатом, ввел самый строгий устав. Он так ревностно исполнял все аскетические подвиги, что уничтожил в себе самое желание пищи, потерял совершенно вкус; всякое сношение с греховным миром было для него мучением: он стал под монашеским капюшоном закупоривать себе уши воском, чтобы не слышать суетных разговоров близких ему людей, когда они навещали его в монастыре. Говорят, что, проезжая однажды с несколькими лицами возле одного из красивейших в мире озер—Женевского, он совершенно его не заметил и был очень удивлен, когда потом услышал, что его спутники говорят о каком-то озере... Выше всего Бернارد ставил любовь к Богу; все остальные добродетели, без любви, говорил он, сколько бы их ни было, вовсе не беспокоят демонов... Высшая ступень любви к Богу—это, когда человек и самого себя любит только ради Бога; ее не достигает никто из смертных, но в ней высшее блаженство человека.

Бернارد был великий религиозный поэт и оратор; и его сильная личность, его горячее слово покоряли все сердца и неотразимо действовали на окружающих. Он твердо и пламен-

но отстаивал свой монашеский подвиг против мирских стремлений и всех звал к Богу, всех убеждал всецело ему отдаться. И его проповедь была не напрасна... Он увлек за собой в монастырь своего отца, двух братьев, замужнюю сестру. Одному из братьев, когда тот отказывался постричься, Бернард приложил палец к груди и предсказал, что скоро здесь пройдет копьё и откроет воле Божией путь к непокорному сердцу. Действительно, вскоре молодой рыцарь был ранен и дал обет постричься в монахи. Бернард пользовался громадным уважением у своих современников, которые считали его пророком и святым. Он громил монахов-кляушников за их богатство, епископов, с Сугерием во главе,—за светкость и излишнее участие в политике, давал указания папам и государям, вдохновлял массы. Так, когда в 1130 г. вследствие интриг в коллегии кардиналов были избраны зараз двое пап, французский король Людовик VI созвал в Этампе собор, и решение вопроса о том, который папа законный, было с общего согласия предоставлено, как Божье дело, Божьему человеку—Бернарду... Бернард рассмотрел ход выборов того и другого папы, права на папство и личные достоинства каждого из них... Простой монах стал, таким образом, судьей над высшим учреждением церковным—над коллегией кардиналов—и цензором жизни обоих соперников из-за апостольского престола. Бернард признал законным папой Иннокентия II, и собор, ждавший решения Бернарда, как слова, исходящего от св. Духа (по выражению современника), принял с восторгом его решение и без голосования присягнул Иннокентию.

Бернард был одним из вождей и в том великом движении, которое увлекало Запад в крестовые походы. Он, по просьбе первого магистра военно-монашеского ордена тамплиеров, написал трактат «во славу нового воинства», где в сильных словах и образах представил идеал, к которому должны были стремиться эти рыцарские ордена... Но кроме того, Бернард принял и более активное участие в этом деле: он проповедывал второй крестовый поход (1147 г.). Около этого времени владения христиан в Палестине подвергались страшной опасности, и сельджуки были уже недалеко от Иерусалима. Папа для проповеди и организации похода выбрал Бернарда. Больной, изможденный, едва передвигавший ноги, Бернард повиновался. В городке Везеле во Франции собралась громадная толпа людей всех сословий, расположившаяся по склону холма. На вершине этого холма был поставлен деревянный помост, и туда взшел Бернард в сопровождении французского короля Людовика VII. Уже один вид Бернарда, более похожего на духа, на привидение, чем на человека, поразил всех; он начал говорить,—и слова огненным потоком полились из уст его... Толпа дрогнула от религиозно-воинственного энтузиазма... раздался крик: «крестов! крестов!»—и у Бернарда не хватило заготовленного заранее запаса их.

Этот порыв обеспечил участие Франции в задуманном крестовом походе. Оставалось склонить к тому же Германию. Император Конрад III и слышать не хотел о походе, но Бернард явился к нему и угрозой Страшного Суда заставил принять крест... Чтобы возбудить религиозную ревность в немецком народе, Бернард предпринял путешествие по Рейну... Немцы не понимали ни слова из его речей, но звук его голоса и выражение лица производили потрясающее впечатление,—и в Франкфурте на Майне народ, теснясь в пылу восторга, едва не задавил вдохновенного проповедника, так что мощный Конрад Гогенштауфен, сбросив с плеч свой императорский плащ, схватил его в свои объятия и, высоко подняв над толпой, вынес из собора.

Схоластика и мистика

Таков был человек, выступивший против Абеляра. В лице их здесь столкнулись два главных и коренным образом противоположных умственных течения средних веков: мистическое и схоластическое. Схоластики мыслили, работали над расчленением и соединением понятий; мистики молились и созерцали, трепетали и каялись; там была уверенность в силах своего ума,—здесь сознание своего ничтожества; там бойкий, веселый школьник-клирик, здесь—угрюмо восторженный отшельник; там школа, хотя и тесно связанная с церковью, здесь—монастырь.

Понятно, что Бернард не мог сочувствовать учениям Абеляра. В 1140 г. он выставил против него обвинения в самых страшных ересь: он называл его последователем заразы и Ария и Савеллия, говорил, что Сына Божия по Его воплощении Абеляр уже не считает Лицом св. Троицы, что веру он называет просто «мнением» (*opinio*), грехом считает не самый поступок, а намерение, не греховное дело, а только греховную волю, так что зло, сделанное по неведению, по его мнению,—не грех... Значит, по учению Абеляра, не виновны евреи, распявшие на кресте Христа, так как они казнили в Нем не Мессию, а простого преступника—с их точки зрения! Таковы были главные из пунктов обвинения.

В основе всего этого преследования лежало убеждение, что Абеляр подрывает самую религию, что он отыскивает в ней все, что могло ее уронить, и в ущерб христианству превозносит язычество и древнюю мораль... Действительно, в одном сочинении («Разговор философа, еврея и христианина») Абеляр язычество ставил выше иудейства и признавал, что лучшие из языческих философов войдут в царствие Божие вместе с христианами; но отсюда, конечно, еще далеко до того, в чем его обвиняли противники.

Особенным нападкам подвергалось сочинение Абеляра, озаглавленное «*Sic et non*» («Да и нет»). В этом сочинении Абеляр собрал 158 пунктов, по которым можно найти противоречия в источниках учений католической церкви. Надо заметить, что противоречия эти были часто более кажущиеся, чем действительные; кроме того, далеко не все церковные писатели, которых цитирует Абеляр, имеют одинаковый авторитет... Таким образом, это сочинение Абеляра было вовсе не так страшно, как казалось его противникам. Напротив, такое сопоставление было необходимо для того, чтобы наметить главные пункты, подлежащие разъяснению, без чего нельзя было начать разработки богословия. Действительно, такая разработка скоро началась, и «*Sic et non*» послужило основой для многих трудов, признанных католической церковью совершенно свободными от всякой ереси и создавших в следующем веке полную систему католического вероучения. В числе 158 вопросов, намеченных Абеляром, есть и более важные, есть и очень второстепенные.... Так, вопрос 52-й состоит из сопоставления нескольких мест Библии, причем оказывается, что в одном случае сказано, что Адам создан в раю, а в другом,—что вне рая; вопрос 147-й, напр., сопоставляет мнения двоих из св. Отцев, из которых, по одному, выходит, что грех Каина будет когда-нибудь прощен, а по другому,—что этого быть не может, и т. п. Вопросы у Абеляра остаются нерешенными; сам он не дает на них никакого ответа; он выставляет только пункты для критики. Надо заметить, что форма положения и противопоставления не представляла вообще чего-либо необычайного в средние века: она была любимой формой изложения у всех схоластиков.

Собор в Санте. Смерть Абеляра

Но хотя Абеляра можно было защищать, нисколько не погрешая против своей религиозной совести, однако, общее мнение, под влиянием, главным образом, Бернарда, было враждебно обвиняемому. По просьбе самого Абеляра, король Людовик VII созвал для суда над ним собор в г. Сансе на Троицын день 1141 года. Туда съехалось множество епископов, графов и рыцарей, аббатов, приоров, деканов, архидиаконов и простых клириков. Санс был городом вполне церковным; влияние епископа было всеильно, и народ уже прежде привык слышать, как Абеляра в проповедях называют антихристом и сатаной.... И вот, оба противника вступают в город.... в одни ворота—Бернард, одетый в грубое платье своего монастыря, ему предшествует молва о его святости и чудесах; с другой стороны въезжает Абеляр, еще гордо, несмотря на свои годы и несчастья, несущий свою красивую голову, окруженный учениками далеко не монашеского вида.... Всюду, где проходил св. аббат, народ падал на колени, и головы склонялись под благословение чудотворной руки; напротив, если кто любопытствовал взглянуть на Абеляра, всякого охватывал ужас при мысли о том, что он интересовался столь ужасным еретиком....

Абеляр, однако, не думал, что его дело окончательно проиграно: он надеялся на поддержку тех, чьи религиозные мнения были менее нетерпимы, надеялся на общественное мнение, веровал в свой великий диалектический талант.... Но теперь все было против него, даже полная торжественности обстановка собора... и среди нея—этот монах, уже возведенный в святые народной молвой....

Бернард обвинял; но едва начали читать 17 положений, извлеченных из сочинений Абеляра и признанных еретическими, как Абеляр прервал чтение, сказав, что он не признает другого судьи, кроме папы, и вышел с учениками из заседания. По настоянию Бернарда, собор признал Абеляра еретиком...

Теперь вопрос был в том, как посмотрит на дело Рим.... Бернард имел большое влияние на папу, который был ему обязан признанием законности своего избрания, и теперь он воспользовался этим влиянием. По его внушению, были составлены два письма к папе от епископов, заседавших на соборе; кроме того, он писал лично от себя: он думал окончить жизнь спокойно, но он не знал, что здесь долина скорби, земля забвения.... Возстал Голиаф, тем более смелый, что против него нет Давида; Голиаф этот—Абеляр. Пусть папа вспомнит о своем долге защищать церковь, пусть раздавит ярость еретиков, пусть он схватит, пока они еще малы, лисенят, портящих виноградники Господа!... Бернард писал также многим кардиналам, резко обличая Абеляра, называя его творцом лжи, создателем превратных учений, еретиком еще более опасным по упорству, чем по зловредности своих учений.

Абеляр отправился было сам в Рим искать суда у папы, но по дороге попал в монастырь в Ключи, где аббатом был Петр Почтенный (*Petrus Venerabilis*), кроткий и просвещенный пастырь церкви, проникнутый истинно-христианской любовью.... Абеляр остался здесь и прожил почти два года, исполняя все самые тяжелые работы в монастыре, грустный, молчаливый, задумчивый. Вскоре он написал здесь отречение от своих мнений, осужденных Санским собором, примирился с Бернардом и умер 21 Апреля 1142 года. Впоследствии прах его был положен в одну гробницу с останками Элоизы; надпись гласила: *Requiescant a labore doloroso et amore*.

Дело Абеляра не пропало: он создал тот «диалектический» метод, который утвердился с тех пор в католической церкви и которым работали все светила, схоластического богословия и философии. Один из учеников Абеляра—Петр Ломбард, бывший впоследствии епископом парижским, написал 4 книги «Мнений» (*Sententiarum*), где свел взгляды св. Отцов на главные вопросы богословия. Это сочинение послужило основой для дальнейших трудов в том же роде; его изучали в позднейшее время в школах больше, чем даже Библию. К числу учеников Абеляра принадлежали еще очень многие наиболее выдающиеся люди следующего поколения: знаменитый Арнольд из Брешии, выдающиеся ученые и писатели—Иоанн Сольсберийский, Оттон Фрейзингенский, Гильберт из Поррэ, бывший епископом Пуатье, и др. Возбужденное Абеляром умственное движение дало богатые плоды особенно в следующем (XIII) столетии.

В. Ивановский.

XLIII. Народное образование и университеты в средние века

Клирики

Система школ, развившаяся в Римской империи, погибла вместе с многими другими учреждениями в эпоху так называемого «великого переселения народов». Полудикие германцы стояли по своему развитию неизмеримо ниже древних римлян и романизованных варваров, и общая грубость их быта и умственной жизни долго не вызывала серьезной потребности и не давала подходящих условий для возникновения более или менее обширной системы образовательных учреждений.

В общем крушении древней культуры уцелели, правда, формы христианского богослужения, для передачи которых от поколения к поколению требовалось, по крайней мере, умение читать по-латыни, т. е. выговаривать непонятные слова чуждаго германцам языка. Грамотность и хотя бы очень скудные познания требовались, правда, и для некоторых других целей: для составления актов гражданского обихода—всякого рода деловых писем и грамот, для целей гражданского управления и т. п. Но все-таки основным мотивом к приобретению тех крайне скромных познаний, какия только и были доступны в начале средних веков, являлись потребности богослужения. И хотя далеко не все духовенство той грубой эпохи было не только образовано, но и просто грамотно, во всяком случае, вне духовенства людей, умевших читать, уже вовсе не было. Отсюда, по преобладающей профессии грамотных людей, всех их относили к духовенству: все они назывались «клириками» (clerici, от *clerus*, *κληρος*, клир, т. е. духовенство); все имели право и на одно из внешних отличий

Пособия: *Николай Сперанский*. Очерки по истории народной школы в Западной Европе (Возникновение народной школы. Строй западно-европейского образования в средние века). М. 1896; *H. Denifle*. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. I Band. Berlin. 1885; *Fr. Paulsen*. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 2 Auflage. Leipzig. 1896; *К. Шмидт*. История педагогики, т. II, перев. Э. Циммермана, М., 1879; *Проф. Ф. Я. Фортинский*. Борьба Парижского университета с нищенствующими монахами в половине XIII века (Журнал Мин. Нар. Просв., сентябрь 1892 г.).

духовенства от мирян—на тонзуру (выстрижение макушки головы), и почти все грамотные из низших классов пользовались им¹. Более того, почти все получившие образование люди, чем бы они в жизни ни занимались, должны были в средние века оставаться безбрачными, по примеру духовенства в собственном смысле слова. Вступая в брак, ученый клирик навсегда терял право на получение какого-нибудь «бенефиция» или «пребенды» (т. е. дохода с какой-либо церковной должности)—главных источников существования для ученых. Таким образом, в Парижском университете, напр., даже доктора медицины, дальше других ученых стоявшие от религии, получают разрешение жениться только в половине XV века, а для женитьбы одного венского профессора в XIV веке современники не могли подыскать другого объяснения, кроме сумасшествия: «*uxorem duxit, versus in dementiam*» («сошел с ума—женился»). Так долго не могло общество отделить понятие образованности от понятия принадлежности к церкви.

Школа, как хозяйственное предприятие

Но хотя средневековая школа возникла и все время жила в некоторой связи с церковью, однако это не делало ее простым придатком к церковной организации. «Обязанность заботиться о распространении и содержании школ, про которую твердят своим прелатам католические законодатели, превращается жизнью в одно из феодальных прав «полезного» характера. Привилегированные духовные и светские сеньеры «держат школы» так же, как они держат общественные хлебопекарни и мельницы, т. е. на полных правах частной собственности в том виде, в каком она существовала в средние века. Школа не знает ни государственной, ни церковной организации; она представляет собою вид промышленного предприятия и подчиняется общему характеру экономического строя своей эпохи... Количество школ, нужных для данной местности, выбор учителей, установление школьной таксы—все это зависело не от духовного управления, а от школьных патронов. Ими часто являлись духовные лица и государи, но не как представители государственного или церковного начала, а как все другие феодальные собственники... Право «школьного патроната» очень ценилось: оно постоянно поминается в купчих крепостях, его дают в лен, дарят, им делятся; школы приносят патронам доход, патроны дают их за деньги или как награду за услуги, и патронат не только дарится, но и продается отдельно от имени. Один нормандский сеньер, Ив де-Вьепон, пишет в 1403 году: «в силу моей половинной баронии есть у меня право давать в свой черед школу в Нефбурге: дается она на три года, и раз даю ее я, а другой раз сеньер де-Камбон, и так далее, по-очереди»².

Однако, не все школы зависели таким образом от местных сеньеров: с XII века начали возникать свободные, самоуправляющиеся образовательные корпорации, зависевшие уже не от местных, а непосредственно от одной из всемирных властей: от папы или от императора; это—«университеты». Возникновение университетов не уничтожило, конечно, прежних школ; оно только придало им еще одну новую функцию: старые школы стали подготовительными к университетам. Но все-таки эпоха возникновения первых университетов,

1 «Это своеобразное свидетельство об окончании начальной школы, не налагая никаких обязанностей, давало очень серьезные жизненные преимущества, так как ставило человека под особое покровительство могучей духовной власти. Недаром купцы, которым много приходилось путешествовать, иногда самовольно выбривали себе макушки, чтобы в случае беды сойти за клириков» (Н. Сперанский, Очерки по истории народной школы в Зап. Европе, стр. 181—182).

2 Н. Сперанский, Очерки, стр. 211—214.

т. е. конец XII и начало XIII века, составляет грань в истории средневекового образования.

Низшие школы

Надо отметить одну основную черту средневековой школы, естественно вытекавшую из положения ее относительно церкви и государства: школа эта не была регламентирована. «Мы привыкли рассматривать деление образования, а в связи с этим и школ, на три ступени: начальную, среднюю и высшую,—как что-то, само собою разумеющееся и неизбежно вытекающее из сути дела. Эти ступени у нас строго разграничены путем законодательных постановлений. Но средние века не знали еще ни школьного законодательства, ни строгого деления школ на разряды. Только одно образовательное учреждение выделялось ясно очерченными границами из совокупности всех тогдашних школ: это был университет, который поэтому и назывался «привилегированной школой». Все прочие училища не подчинялись никакой регламентации: в них совсем не было установленных задач преподавания, не было и раз навсегда определенного круга учебных предметов. В каждом из них преподавалось то, что было желательно и возможно по общему положению вещей в каждое данное время. Никаких прав по образованию тогда не было в помине. Даже к поступающим в число студентов университета не предъявлялось тогда никаких определенных требований в смысле образовательной подготовки... Самое отделение университета от низших школ носило в средние века совершенно иной характер, чем теперь. Теперь гимназия и университет различаются между собою по составу и форме самого преподавания. В средние же века их разделение основывалось преимущественно на внешнем признаке автономного управления, которое и ставило университет выше всех прочих школ»¹. Этим объясняется неустойчивый и пестрый характер средневековых школ; в них лишь постепенно и самобытно складывается то, что принимает твердые формы в течение Новой истории.

Мы остановимся сначала на школах старого типа, а затем перейдем к университетам.

Что представляли собою эти старые школы? Какие мотивы вызвали их учреждение? Были ли эти школы «начальными училищами» в том смысле, в каком мы понимаем такие училища, теперь? Должен ли был проходить через них, по возможности, весь народ, чтобы почерпнуть там некоторые, хотя бы скудные познания о Боге, мире и человеке, некоторые элементы общего образования в духе той эпохи?—Нет; такого характера средневековая начальная школа не имела. Она была *латинской* школой; она учила латинскому языку по латинским руководствам, что делало ее совершенно чуждой народу в его целом. Кроме того, в средние века, при общей бедности и малочисленности учебных учреждений, нечего было и думать провести через школу сколько-нибудь значительную часть народа. В то время даже простая грамотность представляла необыкновенные трудности: надо было безграмотного человека научить читать непонятные ему латинские слова неразборчивых рукописей. Это делало искусство чтения столь трудным, что даже школьное преподавание шло в средние века таким образом: дети сначала выучивали с голоса не только главнейшие молитвы, но и всю латинскую псалтирь, и затем уже только учили азбуку и садились читать по той же псалтири². И хотя католическая церковь никогда не упускала окончательно из виду воспитательного воздействия на народ, однако она пользовалась для этого другими, менее дорого

1 Paulsen, статья в *Historische Zeitschrift*, 1881, стр. 400; Н. Сперанский, *Очерки*, стр. 99—100.

2 Н. Сперанский, *Очерки*, стр. 26.

стоившими и более доступными народу средствами: проповедью, исповедью, совершением богослужения, таинств и обрядов. Школа же имела в средние века другое назначение: она должна была готовить пастырей церкви, а также лиц всех профессий, соприкасавшихся в средние века с церковью: школьных учителей, переписчиков рукописей и т. д. Это была школа для подготовки духовенства, набиравшагося при celibate из всего народа, и только в этом смысле ее можно назвать «народной».

Известны заботы Карла Великого об учреждении школ в своей империи¹. Но приказания его часто оставались мертвой буквой; а если где в его время и были заведены школы, то большинство их погибло в неурядицах и смутах IX века. Поэтому, если не считать немногих школ в деревнях, то все образовательные учреждения первой половины средних веков сводятся к монастырским и капитульным² школам. И те и другие делились на «внутренние» и «внешние». Во внутренних воспитывались ученики, которые уже в детском возрасте были приняты в монахи или каноники (*pueri oblati*); во внешних учились «светские» дети. Но и эти светские дети шли лишь за тем, чтобы впоследствии пополнять собой ряды того же духовенства... Обучение во всех этих школах было бесплатное, жили же ученики «внутренних» школ на средства учреждений, державших школы, а ученики «внешних» школ — на средства родителей или на добровольные даяния. Обыкновенно способнейшие из учеников маленьких школ отправлялись для завершения своего образования в «большие» школы того же типа, прославленные талантами и ученостью своих преподавателей; туда стекались, таким образом, тысячи учеников. Из соборных (иначе кафедральных, или епископальных, или капитульных) школ славились в XI и XII веках школы Реймса, Лана, Парижа (при соборе Notre Dame) и некоторых других городов; из монастырских — школа аббатства Бэкса (в Нормандии) и школы при парижских монастырях св. Виктора и св. Женевиевы.

Учителя

Во главе монастырских школ становились более образованные из братии монастыря; для преподавания же в соборных школах капитулы выбирали из своей среды особое лицо, носившее различные титулы: *scholasticus* (схоластик), *magister scholarum* (начальник школ), *cancellarium* (канцлер), *cantor* (кантор, т. е. начальник хора; см. ниже), *rector* и т. д. «С XI века у членов соборных капитулов замечается стремление к выделу из конгрегационных имений особых бенефиций, приурочиваемых к той или иной должности, какую кто исполнял в конгрегации. Чем важнее была должность, тем более доходная доставалась ей бенефиция; а так как схоластик или канцлер, заведовавший епископальной школой, считался вторым лицом в капитуле после декана, то и предоставляемая ему бенефиция была одною из самых богатых». Ставши богатым человеком, «схоластик» терял интерес к преподаванию и стал ограничиваться ролью наблюдателя за ходом преподавания. Схоластики, места которых бывали заняты, по большей части, младшими членами влиятельных дворянских фамилий, нанимают за себя учить в школах других учителей — из людей менее обезпе-

1 См. об этом в «Книге для чтения по истории средних веков», I вып., статья XVI, стр. 384 и сл.

2 «Капитулы каноников — особого рода духовные конгрегации, делившие с епископами дело управления епархиями; они держали в своих руках все крупные церкви. Капитул собора того города, где была резиденция епископа, назывался соборным, остальные назывались коллегиальными» (Н. Сперанский, Очерки, стр. 200). Устройство капитула близко напоминало монастырь, с одним отличием: монахи отрекались от права личной собственности, сохраняя его за монастырем, члены же этих духовных конгрегаций одновременно располагали правом собственности и личной и конгрегационной.

ченных. Пользуясь бенефицией за свои труды по школе, которых схоластик фактически почти не нес, он, тем не менее, ничего не давал на содержание школы и учителей, и они жили на то, что им удавалось выговорить или выпросить себе у состоятельных учеников. Бедняков они учили даром и принимали в школы довольно охотно, так как те помогали им в преподавании, а часто и замещали их.

Эти подручные учителя, школьные «подмастерья», «провизоры», «локаты» и т. п. набирались, по большей части, или из старших учеников той же школы или из недоучившихся в высших школах и в университетах клириков. Положение этих фактических учителей было очень жалкое. Ничтожное вознаграждение и всеобщее пренебрежительное отношение к ним—таков был удел этих просветителей молодежи. Чаще всего учительское звание было только временным—впредь до приискания какой-либо церковной должности или же до продолжения своего личного образования в университете. Нередко попадали в учителя и «бродячие» клирики (*clerici vagantes*); они составляли целый шутовской орден (*Ordo vagorum*) и называли себя «голиардами», паствой невидимаго епископа Голии, патрона своего ордена. Когда такому бродячему клирику наскучивало ходить из одного города в другой, ночевать там, куда пускают из милости, а то и просто под стогом сена или в канаве подле большой дороги, когда ему надоедало питаться впроголодь и как попало—то каким-нибудь случайным заработком, то подаением, а то и прямо воровством,—он часто нанимался в звонари или причетники и в то же время в школьные учителя в деревне или в учительские помощники (*socii, secundarii, Gesellen*) в городские школы. Уровень нравственного развития и педагогические приемы таких учителей часто были очень низки и грубы.

Курс начальной школы

Посмотрим теперь, чему учила эта начальная профессионально-духовная школа. Школьные занятия шли в таком порядке. «Всякий садившийся за науку ребенок должен был прежде всего выучить наизусть по-латыни Отче Наш, молитву Богородице, Символ Веры и все полтараста псалмов. Покончив с псалмами, мальчик садился за азбуку. Учитель давал ему в руки дощечку, на которой были написаны по порядку буквы алфавита и некоторые склады, а затем переводил его на псалтирь... По мере успехов в чтении, ученики мало-по-малу переходили к письму, а затем присоединяли пение и счет»¹. Пение занимало самое выдающееся место в средневековой школе: «второй по важности сана член капитула, сосредоточивавший в своих руках права и обязанности попечителя учебного округа, так же часто является с титулом кантора, как и с титулом схоластика. Кантору собора Парижской Божией Матери оставались подведомственными все парижские начальные школы вплоть до Революции». Изучение счета ограничивалось почти одной таблицей умножения.

К этому и сводился курс начальной школы, круг тех знаний, «которые требовались от каждого желавшего приступить к изучению настоящей премудрости, знаменитых «семи свободных искусств». Знания эти имели, впрочем, цену и сами по себе. Присовокупив к ним Святцы, Малую Пасхалию да немного Устава, школьник мог уже представляться к посвящению в духовный сан и рассчитывать на получение одной из низших церковных должностей. К изучению же *septem artes liberales* приступали только наиболее одаренные и в то же время наиболее настойчивые из тех, кто пробовал свой силы в учении».

1 Н. Сперанский, Очерки, стр. 100 и сл.

Эти «семь свободных искусств», семь ступеней лестницы премудрости (*septemplex sapientia*) делились на *trivium* и *quadrivium*. Тривиум, цикл словесных предметов (*artes sermonicales*), предшествовал квадриуму; в состав его входили: грамматика, риторика и диалектика. Квадриум (*artes reales* или *materiales*) состоял из арифметики, астрономии, музыки и геометрии¹.

Вот краткая «объяснительная записка» к этим семи искусствам, выраженная в двух гекзаметрах (названия предметов сокращены):

Gram. loquitur; dia. vera docet; rhe. verba colorat;
Mus. canit; ar. numerat; geo. ponderat; as. colit astra,

т. е. грамматика говорит; диалектика учит истине; риторика, украшает речь; музыка поет; арифметика считает; астрономия изучает звезды.

Грамматика

«Матерью и основой семи свободных наук всю первую половину средних веков считалась грамматика. На картинах того времени она изображалась в виде царицы, покоящейся под деревом познания добра и зла; на голове у нея корона, в правой руке нож, служивший для подчисток ошибок в рукописях, а в левой бич—необходимейшая принадлежность средневекового учителя. На изучение грамматики тратилась тогда безусловно большая часть всего школьного времени. Занятия ею открывались чтением Эзоповых басен и сборника нравственных изречений, приписывавшихся Катону Старшему, а также заучиваньем руководства Доната, римского грамматика половины IV в. по Р. Х... Кроме Доната, в средние века был еще целый ряд самостоятельных элементарных руководств: *Es tu scholaris*, *Arcubius*, *Fundamentum scholarium* и т. п. Вот начало одного из таких руководств:

«*Es tu scholaris?*—*Sum.*—*Sum* какая часть речи?—Глагол.—Почему?—Потому, что эта часть речи со временем и лицом, без падежа, означающая действие или страдание или ни то, ни другое.—Какой это глагол?—Неправильный.—Сколько неправильных глаголов?—Четыре.—Какие?—*Sum, volo, fero* и *edo.*—Что значит *sum*?—Я есмь... Откуда происходит *sum*?—От греческого слова *εσμι*²: изменяя *h* в *s*, *e* в *u* и отбрасывая *i*, мы имеем *sum*»... и т. д.

После изучения элементарных руководств ученики переходили к чтению более трудных авторов. Толкование этих последних носило почти исключительно грамматический характер и сопровождалось бесконечным заучиванием их наизусть. Затем начинали высший курс грамматики, который проходил сначала по Присциану, а с XIII века по самостоятельным средневековым руководствам, знаменитейшим из которых было *Doctrinale* Александра де Вилла Деи.

Чтобы дать понятие об этом руководстве, заимствуем из него начало правил об окончаниях падежей первого склонения (из I части):

«*Rectis as, es, a tibi dat declinatio prima...*
Dans ae diphthongum genetivus atque dativus,
Am servat quartus; tamen an aut en reperimus,

1 Деление это установлено в V веке по Р. Х. Маркианом Капеллой и известным Кассиодорием, автором энциклопедического сочинения «*De septem disciplines*».

2 Т. е. собственно *eimi* (*εμι*).

Cum rectus fit in *as*, vel in *es*, vel cum dat *a* Graecus» и т. д.

т. е. «первое склонение в прямых падежах (именительном и звательном) дает тебе окончания *as*, *as*, *a*... Между тем как родительный и дательный дают двугласную *ae*, четвертый (винительный) падеж имеет *am*; однако, мы находим *an* и *en* тогда, когда прямые падежи оканчиваются на *as* или *es* или на *a* в словах, взятых с греческого»...

Из отделов грамматики латинского языка наиболее разработан был самый философский — синтаксис. Венцом занятий грамматикой служило *dictamen metricum*, т. е. искусство писать латинские стихи размером древних авторов.

Риторика и диалектика

Реторике, в смысле стилистики и теории ораторского искусства, средневековая школа долго вовсе не учила; вместо того, диалектика, под названием реторики преподавалось *dictamen prosaicum*, т. е. искусство составлять в образцовом виде письма, грамоты и вообще акты делового и правового характера... Тут же читались и разбирались и сборники духовных законов, а равно и другие юридические источники.

Диалектика, т. е. собственно логика, «в первую половину средних веков была развита очень слабо; она служила только для приготовления учащихся к пониманию тех остатков умственного творчества предшествующих поколений, без которых средневековому обществу нельзя было обойтись в практической жизни». И тем не менее, диалектика «действительно была *disciplina disciplinarum*, как ее называет Рабан Мавр; она одна из всех «семи свободных наук» сохранила образовательный характер; она одна имела в виду развитие мыслительной способности учеников. Немудрено, что на нее и оперлось умственное движение второй половины средних веков, что из нее и сделал пробудившийся человеческий разум главное орудие для перестройки всей системы образования и что ее он положил краеугольным камнем нового университетского здания»¹.

Арифметика и астрономия

В арифметику, помимо действий над числами, которые были необыкновенно трудны (особенно деление многозначных чисел) при римской системе нумерации, входило еще символическое толкование чисел. Вот, напр., как объяснял известный ученый IX века Рабан Мавр тайный смысл того, что Моисей, Илия и сам Христос постились по 40 дней. Число 40 содержит в себе 4 раза число 10. Этим указывается на все, что относится к временной жизни. Ибо по числу 4 протекают времена дня и года. Времена дня распадаются на утро, день, вечер и ночь; времена года — на весну, лето, осень и зиму. «И хотя мы живем во временной жизни, но ради вечности, в которой мы хотим жить, мы должны воздерживаться от временных удовольствий и поститься». Далее, в числе 10 нам можно распознать Бога и творение. Троица указывает на Творца, семерка — на творение, которое состоит из тела и духа. В последнем мы опять находим троичность, так как мы должны любить Бога всем сердцем, и всею душою, и всем помышлением. В теле же ясно выступают четыре элемента, из которых оно состоит. «Итак, тем, что указано в числе 10, приглашаемся мы в этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) жить целомудренно и воздерживаться от плотских похотей: вот что значит поститься 40 дней».

«В теснейшей связи с арифметикой стояла астрономия. Средневековый школьный тер-

1 Н. Сперанский, Очерки, стр. 78—79.

мин Computus обнимает собою по большей части основы обеих этих наук зараз... Геометрия до XI века совсем почти не преподавалась в средневековых школах; по большей части, под именем геометрии школа преподавала описание земли и существ, ее населяющих. В эту геометрию и входили те «Физиологи» и «Бестиарии», где так пышно разыгрывалась средневековая фантазия, где можно было найти растущих на корню баранов, птиц, рождающихся из плодов, и т. п.». Таков был цикл «семи свободных искусств», исчерпывавший почти все знания того времени. Изменился, расширился объем преподавания и вообще науки уже только с возникновением университетов.

Ученики

Посмотрим теперь на то, как жилось средневековому школьнику, какие воспитательные приемы, какие способы возбуждения интереса применяли к нему учащие, каковы были отношения между учителями и учениками. Обстановка средневековой школы необыкновенно тяжело отзывалась на учащемся. Крайне примитивные приемы и мертвенный характер преподавания, недостаток в учебных пособиях и руководствах, неясность и неуклюжая форма этих руководств, выраженных по большей части в латинских стихах с различными сокращениями и условными знаками—все это приводило к тому, что заставлять учеников учиться можно был почти одним только страхом в самой грубой его форме—в форме страха телесного наказания. «Розга в средние века является символом школы. *Sub virga degere, sub virga magistri constitutum esse* («жить под розгой, вырасти под розгой учителя») — вот средневековые выражения для нашего понятия «получать образование»... Средние века не соглашались допустить, чтобы сам Христос мог учиться без розги. Одна поэма XII века рассказывает, что когда Он мальчиком стал ходить в начальную школу и при первой же букве Алеф хотел объяснить ее значение, то учитель высек Его за преждевременное знание... «Поистине, к мученикам должны мы приравнять детей, которые живут в невинности и охотно учатся», говорит в XIII веке Цезарий Гейстербахский. «Кроме битья, ученики часто страдали от гигиенической обстановки в закрытых школах, от недостаточного и неправильного питания, от болезней, и многие из них или совсем погибали, или уходили, не кончив своего образования, или же кончали его больными, калеками. И для того, чтобы пройти полный курс образования в средние века, надо было обладать не только выдающимися духовными качествами: хорошей памятью, большой способностью к формально-логическому, или диалектическому мышлению, необыкновенной усидчивостью, вниманием и терпением, но и «железным здоровьем и устойчивой нервной системой. Средневековая школа выпускала немало людей и с большими знаниями, и с характерами, но она достигала этого не столько воспитанием, сколько подбором».

Этой необыкновенной трудностью и тяжестью средневековой школы объясняется одна замечательная черта ее: в нее охотно принимали бедноту, которая и составляла главную массу учащихся. И хотя, образование и в средние века в значительной степени обеспечивало лучшее положение в жизни, однако более состоятельные люди часто сторонились от этой жестокой школы, и пастыри церкви и помощники светских правителей набирались в значительной степени из детей «простых», «средних» людей.

Таков был характер той школы, которая до XII—XIII вв. была в Западной Европе единственной, а с этого времени стала еще подготовительной ступенью к университетам. К характеристике университетов мы и переходим.

Университет

Высшие учебные заведения того типа, который мы называем «университетом», назывались в средние века чаще всего *studium generale*¹, что значило «общая (или всеобщая) школа». Это была «школа для всех» желающих приобретать познания, без различия тех местностей, учреждений, наций и государств, из которых происходил учащийся. Признаком «доступности для всех» *studium generale* противопоставлялось местным или частным школам, учреждавшимся для надобностей известной округи или корпорации: монастыря, города, того или другого капитула и т. д. Первые *studia generalia* (в Салерно, Болонье, Париже, отчасти в Оксфорде) возникли естественным процессом развития; остальные учреждались по образцу одной из этих школ. Еще в XII веке некоторые из монастырских и соборных училищ и некоторые школы отдельных преподавателей (напр., Абеляра в Мелёне и Параклете) стали получать громкую известность в Европе, стали пользоваться всеобщим признанием. Эти большие школы можно считать предтечами «университетов». *Universitas* в средние века значило «корпорация», «обладающая известной долей самостоятельности община»; *universitates* и назывались всякие такого рода корпорации: городские, ремесленные и др. «общества». Поэтому, и личный состав данного *studium generale* назывался *universitas studii* (ученая корпорация) или *universitas magistrorum et scholarium* (корпорация магистров и учащихся). И вот, в конце XII или начале XIII века школы в Париже и Болонье, пользовавшиеся общей славой и служившие потребностям всего западно-европейского мира, организуются в корпорации с целым рядом прав и привилегий и, таким образом, становятся *universitates*.

Посмотрим теперь, какими чертами характеризовались *studia generalia*, в отличие от прежних школ. Так как первые *studia generalia* были признаны всем западно-европейским миром и принимали слушателей отовсюду, то было совершенно естественно, что и приобретаемые в них познания и выдаваемые ими ученые степени также получали всеобщее признание. Выдававшееся руководителями прежних школ (канцлерами, схоластиками и т. д.) «разрешение преподавать» (*licentia docenti*, учительский диплом) превратилось в Париже и Болонье в «право преподавать повсеместно» (*facultas ubique docenti*). Париж и Болонья очень дорожили этой привилегией своих *studia generalia*, и когда, с конца первой трети XIII века, начали основываться новые *studia generalia*, дипломированные там ученые могли преподавать везде, кроме Парижа и Болоньи (это преимущественное положение старейших университетов исчезло лишь впоследствии). Далее, *studium generale* должно было быть признано какою-либо из всемирных властей: либо папой, либо императором; некоторые же университеты имели указы от обеих властей. И мы видим, действительно, что из 44 *studia generalia*, возникших до 1400 года, 21 были открыты на основании одних папских указов, а еще другие 10 имели как папские, так и императорские (или королевские) указы. Короли и территориальные князья основывали университеты, только испросив предварительно согласия и благословения у папы или разрешения у императора.

Само собою разумеется, что в *studia generalia* число как учащихся, так и учащихся скоро стало весьма значительным; это обстоятельство содействовало процветанию университетов. Вместе с тем, хотя названия преподававшихся в университетах предметов остались те же,

1 Школу в средние века называли как *schola*, так и *studium* (собственно «занятия»), обозначая вещь по ее назначению.

какие были и в прежней школе (прибавилась одна медицина), но объем каждого предмета значительно расширился, и они стали преподаваться систематичнее и более методически. В то же время все более и более выступает на первый план «диалектика», т. е. то, что мы теперь называем средневековой (схоластической) философией: Аристотель начинает вытеснять латинских поэтов и ораторов. Изменяется и метод богословской науки. Вместо чтения и толкования Отцов церкви, все более утверждается «диалектический» метод разработки вероучения, впервые введенный Абеляром,—метод, прославивший Парижский университет. Абеляр требовал веры для того, чтобы прийти через нее к уразумению. Такая постановка дела открывала простор для приложения разума в целях обработки и развития истин веры и оказалась очень плодотворной.

Как корпорации, *studia generalia* обладали целым рядом весьма существенных прав и привилегий: они в значительной степени пользовались самоуправлением, имели своих выборных должностных лиц, свой суд, свою печать, имели право производить экзамены на ученые степени, издавать обязательные для своих членов постановления и т. д.; они составляли как бы особое государство в государстве.

Древнейшим из *studia generalia* была медицинская школа в Салерно, время возникновения которой в точности не известно. Салернские врачи уже в XI веке пользовались славой в Европе.

В XII веке возник университет в Болонье из школы римского права знаменитого Ирне-рия. Этот университет был главным центром изучения римского права для всей Европы. Здесь университетская корпорация состояла не из одних магистров (как это было в Париже), а из магистров и слушателей вместе. Этим обуславливалась демократическая, так сказать, организация университета¹.

Парижский университет

Как Болонский университет был прообразом для одной группы позднейших университетов, так для другой—образцом был Париж. Парижские школы славились еще со времен Гильома из Шампо, учившего в начале XII века в кафедральной школе при Notre Dame, а потом в школе аббатства св. Виктора. Еще более прославил их рыцарь схоластики—Абеляр. Во главе парижских школ стоял канцлер капитула собора Notre Dame. Обладая богатыми бенефициями и давно не занимаясь в школе сам, канцлер наблюдал за ходом преподавания, набирал учителей в школы, выдавал им учительские дипломы (*licentiam docenti*). В XII в. в Париже было также много частных учителей, учивших у себя на дому или просто под открытым небом; большинство их жило около «Малаго моста», соединявшего Сите (центральную часть города, расположенную на острове Сены) с левым берегом. Общность интересов у них, общее всем им стремление заставить канцлера Notre Dame давать *licentiam docenti* только достойным людям—таким, которых они сами были бы не прочь принять в свою среду, сплачивало этих магистров в *societates* (общества, кружки). Наконец, в конце XII века образовались четыре корпорации магистров четырех дисциплин (*facultates*): богословия, права, медицины и того, что в средние века называлось *artes liberales*. «Источник мудрости» в Париже, говорит *Littera Universitatis magistrorum et scholarium Parisius studentium*, делится «на четыре факультета: богословие, юриспруденцию, медицину и фи-

¹ См. статью о Болонском университете.

лософию рациональную, естественную и нравственную; это как бы четыре райских реки». Магистры, читавшие на этих факультетах, «получили от обеих властей (т. е. от папы и от светской власти) корпоративный или университетский строй (*corpus collegii sive universitatis*) и много привилегий и льгот, так как им свободнее и спокойнее можно было заниматься, когда они были соединены какими-либо особыми юридическими отношениями». Слово *facultas* (буквально «способность») обозначало сначала особую область знаний; потом оно было перенесено и на самую корпорацию, преподававшую эту группу знаний, на коллегия магистров данной специальности, т. е. стало обозначать то, что называется «факультетом» в наше время.

Из четырех факультетов Парижского университета истинную славу и гордость его составлял богословский факультет. Здесь именно выработалась та система католического вероучения, которая была санкционирована папами и за которую католицизм держится до сих пор; здесь последовательно друг за другом преподавали все светила схоластической философии и теологии; здесь считал необходимым закончить свое образование каждый клирик, мечтавший о видной ученой или духовной карьере, и всякий гордился, если он мог сказать, что изучал богословие в Париже. Париж в средние века почтили названием «города науки», «новых Афин», и говорили, что «Италия имеет папство, Германия—империю, Париж—университет (*studium*)». Парижский богословский факультет «представлял собой не только всемирно-знаменитое учебное учреждение, но в то же время в течение долгого ряда лет являлся душой католической церкви и истинным руководителем религиозной жизни Европы. Чтобы оценить силу его влияния, стоит только припомнить его роль во время великой церковной схизмы и в эпоху реформационных соборов. Глава этого факультета, крестьянский сын Герсон, был главнейшим руководителем того движения, которое суждено было довести до конца рудокопу Лютеру»¹.

Факультеты в Париже состояли из магистров, преподававших однородные науки; студенты причислялись к факультетам через своих магистров. Во главе факультетов стояли деканы, избиравшиеся магистрами из своей среды на одно полугодие. Деканы наблюдали, чтобы магистры исправно читали лекции, заведовали экзаменами, руководили собраниями факультетов, заботились о доходах, о льготах и правах своих факультетов. В конце каждого курса члены факультета распределяли между собою чтение лекций на следующее полугодие или год, устанавливали лекционные часы и размеры студенческой платы за слушание лекций (*honorarium*).

Организация Парижского университета, как целого, была в то время еще очень несовершенна; университет не имел ни собственного помещения, ни залы для общих собраний своих членов, ни постоянных доходов и расходов, ни своих собственных служителей. Когда приходилось вести процесс или отправлять депутацию, делали прямо сбор со всех пользовавшихся университетскими привилегиями. Излишек доходов над расходами делили между магистрами и педелями или пропивали в таверне...

Факультеты

Философский или артистический факультет (*facultas artium*) был не равноправен с тремя остальными: по отношению к ним он был только подготовительным, и в студенты «стар-

1 Н. Сперанский, Очерки. стр. 175.

ших» факультетов поступали почти исключительно клирики, окончившие курс и получившие степень магистра артистического факультета. Таким образом, часто одно и то же лицо читало лекции на факультете *artium* и в то же время было студентом того или другого из старших факультетов.

Само собою разумеется, что далеко не все «артисты» поступали впоследствии на высшие факультеты. Вот статистические сведения относительно процента студентов, достигавших ученых степеней в Лейпцигском университете в XV и начале XVI века. «Из 100 имматрикулировавшихся (т. е. записавшихся на слушание лекции в «матрикул», университетские списки) экзамен на бакалавра артистического факультета, к которому студенты допускались после двух лет слушания лекций, держало около 30 человек. На этом экзамене обыкновенно проходили почти все. Но из этих 30 бакалавров к магистерскому экзамену, который имел место на шестом году пребывания в университете и по своему характеру соответствовал больше всего нашему экзамену зрелости, являлось всего 6 человек. Что же касается лиц, получавших ученые степени на старших факультетах, то число их было совершенно ничтожно». Замечательно, что богословие в средние века вовсе не занимало в университетах первенствующего положения. «Обыкновенно принято считать богословие венцом и даже ядром всего университетского преподавания в средние века. Но это вовсе не так. Из 46 университетов, которые возникли до 1400 года, в 28, т. е. почти в двух третях их числа, богословие совсем не было допущено в программу занятий»¹. Насколько малолюдны были старшие факультеты, видно, напр., из того, что «в Лейпциге в конце XV века было 700 с небольшим студентов, и из них слишком 600 были «артисты»; около 100—юристы: богословов всего 6—7 человек, а медиков—5». Богатые слушатели группировались, повидимому, преимущественно на юридическом факультете; богословский состоял почти сплошь из бедноты.

Нации. Ректор.

Параллельно соединению магистров в факультеты, и студенты начали мало-по-малу соединяться в кружки, с целью возможно дешевле и лучше устроиться на житье в Париже. Приехав или придя пешком с котомкой за плечами в Париж—часто Христовым именем, молодой человек первым делом разыскивал земляков и при их помощи ориентировался в городе, нанимал себе помещение, записывался слушателем к тому или другому профессору и т. д. Выгоды такого сплочения для студентов были очевидны, и мелкие кружки—землячества—стали группироваться в «провинции», а провинции—в «нации». В нации входили студенты всех факультетов, а также магистры «артистического» факультета (*magistri in artibus legentes*), большинство которых были студентами или бакалаврами старших факультетов. Во главе каждой из наций стоял «прокуратор», выбиравшийся из своей среды магистрами *artium*. Позже 4 нации стали выбирать себе одного главу—«ректора». Сначала его выбирали из своей среды одни бакалавры богословия (т. е. магистры *artium*, получившие первую ученую степень на богословском факультете), а затем ректора начинают выбирать «прокураторы». Как прокураторы, так и ректор обязаны были защищать студентов, если их привлекали к суду, иметь надзор за их поведением и нравственностью, за порядком в университете и т. д. Ставши главою четырех наций, ректор мало-по-малу делается таким же председателем «артистического» факультета, какими на других факультетах были «дека-

1 Denifle, Die Universitäten des Mittelalters, I, 703.

ны», а затем объединяет (около половины XIV века) под своей властью и весь университет. Это было совершенно естественно, так как «артистический» факультет был самым многочисленным¹; при всяком споре или столкновении «артисты» могли выставить наибольшее число людей, собрать больше всего денег и т. д. И вот, постепенно ректор забирает в свои руки управление всем университетом: начинает созывать общия собрания, председательствует на них и приводит в исполнение их постановления. Первое время ректор ходил еще лично приглашать деканов старших факультетов на общия собрания, но потом стал посылать педелей. И наконец, около половины XIV века является формула: *Rector et universitas magistrorum et scholarium Parisiensium*, формулирующая положение ректора во главе всего университета.

Впоследствии на обязанности ректора лежало ближайшее управление всем университетом, поддержание в нем порядка, издание обязательных для студентов постановлений, разбор столкновений между членами университета, устройство торжественных процессий, празднеств и т. п.; ему были подчинены педеля, ему приносили присягу вновь поступающие студенты, у него они записывались в «матрикулы» и т. д.

Четыре нации Парижского университета назывались—галльской, пикардийской, нормандской и английской. К «галльской» нации принадлежали также и студенты из испанцев, итальянцев и жителей Востока; к «английской»—кроме англичан, студенты из занятых англичанами провинций Франции, из Ирландии, Шотландии и Германии. Такое искусственное распределение указывает на то, что эти парижские «нации» не развились самопроизвольно, а были нарочно установлены, по всем вероятностям, в начале XIII века, в целях лучшего надзора за студентами. Естественные же земляческие соединения были составными частями, подразделениями этих «наций».

Корпоративные права

Едва сформировавшись, университетская корпорация сразу почувствовала свою силу. И она начинает постепенно освобождаться от подчинения местным властям, опираясь то на короля, то на папу. Первое крупное столкновение—с горожанами—университет имел в 1200 году. Дело было так: студент-немец отправил своего слугу в погребок за вином; слугу поколотили пировавшие там горожане. Тогда, студенты-немцы избили горожан, а те пожаловались «прево»; прево явился арестовать студентов; студенты защищались, и пятеро из них были убиты в свалке. По жалобе магистров, университет получил от короля Филиппа Августа первую привилегию, по которой все учащие и учащиеся признаны были подлежащими лишь церковной юрисдикции (церковному суду).

Освободившись, таким образом, от власти светского суда, университет вскоре освобождается и от подчинения канцлеру капитула Notre Dame. Магистры подают папе целый ряд жалоб на канцлера, обвиняя его в неправильной раздаче «права на преподавание» (*licentia docenti*). Тогда папы предписывают канцлеру давать это право лишь тем, за кого выскажется большинство магистров, а этим последним даруют право сходов для обсуждения вопросов, касающихся преподавания и дисциплины, причем постановления этих собраний становятся обязательными для всех учащихся и учащихся. Канцлер сначала упорствовал и

1 Напр., в 1348 г. магистров на богословском факультете (*magistri regentes in theologia*) было 32, докторов канонического права—18, магистров медицины—46, а магистров *artium*—514.—Denifle, *Die Univ. des Mittelalters*, I, 123.

попробовал налагать отлучение на всех участников этих сходов, как на заговорщиков; магистры опять пожаловались папе, и канцлеру запрещено было самовольно налагать отлучение на университет и его членов, так как «университет есть главный защитник церкви от ересей».

Около того же времени большая часть магистров и студентов мало-по-малу переселяется из Сите, находившагося под юрисдикцией канцлера, на левый берег Сены, во владения аббатства св. Женеьевы, где быстро вырастает «латинский квартал»; знаменитая улица Фуарр, центр парижского студенческого населения, была застроена около 1225 г. Около половины XIII в. папы назначают университету второго канцлера—из аббатства св. Женеьевы, так что с тех пор в Париже всегда было два канцлера. На обязанности канцлеров с тех пор лежала забота о поддержании достоинства, чести, свободы и независимости университета, о сохранении его привилегий, данных папами или королями об улажении недоразумений в отношениях к властям и т. п. Это были попечители, представители и защитники университета.

Справившись с горожанами при помощи короля, с канцлером и епископом при помощи папы, университет оказался в состоянии бороться и с королевской властью. На масленице 1229 г. студенты, поссорившись с хозяином одного погребка в местечке С.-Марсель и побитые соседями, разгромили этот и другие погребки и исколотили многих жителей местечка. Приор аббатства св. Марцелла и парижский епископ пожаловались королеве-регентше Бланке Кастильской; она распорядилась, чтобы прево арестовал студентов. Тот двинулся в латинский квартал с большим отрядом полиции. Захваченные врасплох на улицах, студенты защищались, как могли; но перевес остался на стороне полиции, и студентам пришлось искать спасения в окружающих Париж огородах и каменоломнях. В результате оказалось множество раненых и изувеченных и несколько убитых, в числе которых были члены всех «наций», тогда как в С.-Марсельском буйстве была виновата одна Пикардия. Университет потребовал в месячный срок удовлетворения за нарушение своих привилегий, грозя иначе закрыть на 6 лет университет. Королева не выдала прево, и университет закрылся: магистры и студенты разошлись по Франции, некоторые уехали в Оксфорд. Все винили королеву в таком несчастье для страны, приносящем «ущерб церкви и государству и позор французской короне». Тогда вмешался в дело папа Григорий IX; он настоял, чтобы королева дала удовлетворение университету и утвердила все его привилегии, а сам разрешил магистров от данной ими клятвы 6 лет не возвращаться в Париж, утвердил и расширил льготы университета в знаменитой булле 13-го апреля 1231 г. «*Parens scientiarum*», которая и послужила как бы хартией парижского университета.

Жизнь студентов

Образ жизни и поведение значительной части парижского студенчества оставляли много желать; это и понятно было—при полной неорганизованности студенческого быта, среди соблазнов такого большого города. Канцлеры университета часто жаловались на то, что студенты артистического факультета бегают ночью по улицам вооруженные, разбивают двери домов, устраивают попойки, драки и другие безчинства, сами сидят в тавернах, а классы превращают в спальни.

Поводов к разного рода столкновениям у студентов всегда было много; до чего доходили

эти столкновения и как страдали от них сами студенты, можно видеть хотя бы по двум следующим происшествиям. «У могущественного аббатства Сен Жермен де-Прэ шли вечные пререкания с университетом из-за прилегавшего к монастырю уголья Pre-aux-Clercs, где студенты проводили все свое свободное время. В 1278 г. отношения этих двух корпораций настолько обострились, что дело дошло до кровавого столкновения. Разсерженные жалобой в суд, которую подал на них университет за возведение ими новых построек, монахи решились основательно проучить своих назойливых соседей. 13-го мая студентам дана была «рекреация», и они, ничего не подозревая, по обычаю отправились гулять кругом монастырских стен. Вдруг в монастыре забили в набат, заиграли сбор, и сбежавшиеся на этот призыв вооруженные вассалы аббатства с обнаженными мечами ринулись на студентов, крича: «смерть, смерть клирикам!» Студенты пустились было бежать обратно в Париж, но предусмотрительные монахи заняли все трое ближайших городских ворот и перехватывали там беглецов. Студентов ловили, били и секли до полусмерти, а потом кидали в монастырскую тюрьму. Множество студентов получило при этом тяжкие увечья, и двое из них через несколько дней скончались от полученных ран»¹... Дело доходило до короля: «Филипп III стал решительно на сторону студентов, и властям аббатства пришлось поплатиться за свое самоуправство».

Другое избиение студентов имело место в Оксфорде. Там шла постоянная война у студентов с горожанами; наконец, решено было прекратить раздоры; но как раз в это же время одному из студентов вздумалось на каком-то диспуте отнять булаву у одного из городских стражников. Другие стражники заступились за своего товарища,—произошла схватка со студентами. На другой день вышла новая свалка в одной церкви, причем был убит какой-то совсем непричастный распри крестьянин, приехавший из деревни в город с продуктами. Горожане жаловались канцлеру университета, но не получили удовлетворения. Между тем, студенты торжественно пропели за упокой всех именитых граждан Оксфорда, ссылаясь на то, что им все равно не долго осталось жить. Тогда горожане вышли из терпения: ударили в набат, затрубили в рога, массы народа вышли на улицы с ножами, палками и косами, напали на студентов, разгромили их квартиры, изорвали книги.

Коллегии

Подобные факты, а с другой стороны, совершенно естественное желание дать бедным студентам возможность заниматься при сколько-нибудь сносной обстановке заставили благотворителей XIII века учреждать в университете коллегии, или приюты для бедняков. «Так понималось благочестие в этом веке», говорит Дю-Буле. «В прежние века оно устремлялось на основание монастырей, а теперь стало направляться на учреждение коллегий для бедных школьников, этого общего питомника профессоров, служителей королевской власти, церковных прелатов и монахов»². Одной из первых коллегий была знаменитая Сорбонна, основанная духовником короля Людовика IX, Робертом Сорбонном, на 16 бедных студентов богословского факультета (по 4 из каждой нации). Вскоре она была расширена, благодаря новым пожертвованиям, а также потому, что в нее стали принимать и платных пансионеров, желавших пользоваться ее удобствами. «За Сорбонной в скором времени открылся ряд других коллег, к которым затем присоединились и так называемые «педаго-

1 Н. Сперанский, Очерки, стр. 142—3.

2 Н. Сперанский, Очерки, стр. 171.

гии», куда ученики принимались только за плату. По мере возрастания числа подобных заведений, университет все больше и больше начинает стеснять «стрижей», т. е. студентов, живших на вольных квартирах, и, наконец, в половине XV века прямо требует, чтобы все ученики наиболее многочисленного, младшего, «артистического» факультета, родители которых жили не в Париже, помещались исключительно в университетских коллегиях и педагогиях... Попутно с этим интернированием учеников, меняется и организация преподавания. Вместо того, чтобы водить учеников на профессорские лекции, ректоры многолюдных коллегий стали приглашать профессоров к себе в заведения. Это превратилось затем в общее правило, и, таким образом, университет из вольного союза учеников и учителей, каким он был вначале, обратился в ряд закрытых учебных заведений, из которых развились теперь французские лицеи и высшие специальные школы... С конца XII до конца XIV века в Парижском университете было основано, исключительно на частных пожертвованиях, 50 коллегий с 1000—1100 стипендиями», — так сильно развивалось это дело.

Нищенствующие монахи в университете

Много блеска и славы придали Парижскому университету богословы из «нищенствующих» орденов, в числе которых были такие знаменитости, как доминиканцы—Альберт Великий и Фома Аквинский, францисканцы—Бонавентура, Дунс Скот и др. Но эти же нищенствующие вызвали в половине XIII века сильную внутреннюю борьбу в университете, в которой они, при помощи папы, победили остальную университетскую корпорацию. Доминиканцы явились в Париже в 1217 г., были радушно приняты университетом и получили от него даже дом в приходе св. Иакова, где и устроили школу с обширной аудиторией и библиотекой.

Когда в 1229 г. университет был закрыт, у доминиканцев преподавание продолжалось, причем один из них получил даже одну из 12 штатных кафедр богословия, составлявших предмет упорной борьбы между соискателями. В это же время приор парижских доминиканцев получил право снимать отлучение, налагаемое за чтение запрещенных книг, и тотчас разрешил изучать в своей школе запрещенные еще тогда (недавно переведенные с арабского и еврейского) физические и метафизические сочинения Аристотеля. Это привлекло к доминиканцам массу учеников и прославило их школу. Вскоре доминиканцы получили и вторую штатную кафедру; три других кафедры принадлежали каноникам соборного капитула (при Notre Dame), еще четыре—другим монашеским орденам, так что на долю остальных магистров, считавших себя основателями университета и создателями его славы, оставалось всего три штатных кафедры.

В 1252 г. на общем собрании университета было постановлено, чтобы ни один орден монахов, имеющий свою колледию, не владел более, чем одной кафедрой теологии. Доминиканцы отказались отдать назад свою вторую кафедру, и университет объявил их исключенными из своей среды. Обе стороны жаловались папе Иннокентию IV, причем со стороны университета был послан специальный прокуратор, магистр Гильом де-Сент-Амур (Вильгельм де Санкто Аморе), а дело нищенствующих вели Альберт Великий, Фома Аквинский и др. Иннокентий IV склонялся на сторону университета; но он скоро умер (1254 г.). Его преемник Александр IV решил спор в пользу нищенствующих буллой «Quasi lignum» (14 апреля 1255 г.), в которой университету было приказано немедленно принять опять нищенствующих в свой состав, а относительно кафедр постановлено, что утверждение в них

должно зависеть от канцлера и определяться способностями и знаниями претендента, а не каким-либо комплектом.

Но университет не покорился, и Гильом де-Сент-Амур издал памфлет «De periculis novissimorum temporum», в котором нападал на самый принцип «нищенства» и указывал на непоследовательность в его применении новыми орденами, которые богатеют, принимая наследство по завещаниям, получая плату за требы, и т. д.¹ Тогда папа выступил на защиту нищенствующих, велел сжечь памфлет Гильома, его самого и двух других магистров лишить сана, бенефиций и изгнать из Франции; кроме того, он приказал исполнить постановления буллы «Quasi lignum» и не давать никому «права на преподавание», пока он не обяжется соблюдать эту буллу (1256 г.). Университет должен был покориться и принять снова нищенствующих в свой состав. Следствиями этой борьбы было уничтожение прежних комплектов кафедр и утверждение свободы преподавания.

Ученые степени

Внутренняя организация университетов была, в сущности, обычной цеховой: та же замкнутость и корпоративный строй; то же разделение занятий; та же лестница степеней с особыми, строго определенными для каждой правами и обязанностями; те же испытания и аттестаты; те же ученики, подмастерья и мастера (*magistri*); словом, это был «ученый цех». Различие между учащимися и учащими не было строго проведено: часто под *studentes* разумеались и те и другие. Университетские степени и звания были следующие: бакалавр, лицензиат и магистр или доктор. Бакалаврами (латинизированное *bachelier*, т. е. *bas chevalier*, молодой рыцарь) «артистического» факультета делались студенты, сдавшие экзамен из формального отдела философии: грамматики, диалектики, реторики и элементов математики и астрономии; тогда они должны были выдержать несколько диспутов (в Вене—10) и получали искомую степень. Медики производились в бакалавры после двух лет занятий медициной, если они были *magistri in artibus*; если же нет, то через три года и т. д. Бакалавры назначались магистрами для занятий с младшими студентами и имели право носить круглую шляпу без полей, как отличительный знак своего звания. В лиценциаты производились бакалавры после нескольких лет занятий и соответствующих испытаний. Так, в Вене, напр., на теологическом факультете бакалавр обязан был прочесть библейский курс, потом пробыть год или два сентенциарием (т. е. объяснять «*Liber sententiarum*» Петра Ломбарда), затем три года упражняться при университете в диспутах и проповедях, и тогда уже только он допускался к испытаниям. Лицензиат, после нескольких лет преподавания и особого экзамена (на артистическом факультете—из реальных наук квадривиума), получал степень магистра. Магистры и доктора теологии титуловались обыкновенно «*magistri nostri*».

Дарование степени магистра (или доктора) совершалось очень торжественно. Магистрант (или докторант), т. е. выдержавший соответствующий степени экзамен, должен был сказать речь в соборе, прочесть лекцию и выдержать диспут; если диспут проходил удачно, то канцлер приводил диспутанта к присяге и провозглашал его удостоенным искомой степени. Все присутствовавшие на диспуте магистры целовали нового члена своей корпорации, в знак принятия в нее, и вручали ему знаки его достоинства: книгу, как символ науки,

1 Надо заметить, что папы вскоре после возникновения нищенствующих орденов позволили им если не владеть собственностью, то все-таки пользоваться ею (не *possessio*, а *usus*), настоящими же собственниками имений этих орденов папы объявили себя.

кольцо и докторскую шляпу (широкополый берет), а затем возводили его на кафедру; тем и кончалась церемония.

Лекции и диспуты

Преподавательская деятельность магистров состояла, из *lectio* и *disputatio*. *Lectio* (чтение) состояло из объяснения текстов св. Писания или какого-либо автора; тексты должны были быть в руках у слушателей, по крайней мере, один на троих. Вот мнемоническая формула для процедуры объяснения юридического текста, чрезвычайно хорошо передающая в латинском дистихе дух тогдашнего преподавания:

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro,
Perlego, do causas, connoto, oblicio, —

т. е. объясняю термины и даю общую характеристику местам, откуда взять текст (*praemitto*); делю его на части (*scindo*); резюмирую его содержание (*summo*); привожу (действительный или воображаемый) случай приложения данной юридической нормы (*casum figuro*); читаю текст (*perlego*); излагаю причины для понимания его в данном смысле (*do causas*); объясняю его побочными и ограничивающими его положениями и общими соображениями (*connoto*); наконец, излагаю и обсуждаю возражения (*oblicio*)...

Чтение лекций продолжалось обыкновенно с 19—20 октября до 7-го сентября; это время и составляло учебный год, а сентябрь и октябрь продолжались «большие каникулы». Кроме того, от занятий были свободны: две недели на Пасхе, 11 дней на Святках и четверги на тех неделях, в середине которых не было праздников.

Диспутирование (*disputatio*) дополняло лекции; целью его было изощрение ума на решении частных вопросов, на приложении общих положений к отдельным случаям. Диспуты устраивались обыкновенно по субботам; в большую залу собирался весь факультет — и студенты и магистры. Кто-нибудь из магистров говорил вступительную речь и, в заключение, предлагал тезисы для спора. Магистры по порядку возражали на эти тезисы аргументами в силлогистической форме и давали контр-тезисы; это называлось — *arguere* (возражать). Бакалавры, при помощи магистров, разрешали это столкновение мнений новыми рядами силлогизмов; это значило — *respondere* (отвечать). Иногда, кроме того, устраивались диспуты между студентами, под председательством и руководством бакалавров. Все эти диспуты, при тогдашней скудости в средствах просвещения, при малом числе книг и новых сочинений, были незаменимым средством проверять и пускать в обращение новые научные взгляды и идеи; здесь сталкивались и выяснялись самые разнообразные убеждения, возбуждались и подготавливались новые точки зрения на вещи... С другой стороны, диспуты были своего рода спортом: прибегали к самым коварным уловкам, изобретали самые неожиданные силлогизмы, лишь бы разбить, запутать противника. Иногда страсти разгорались слишком сильно, так что на диспутах, напр., реалистов с номиналистами, приходилось отделять барьером кафедры главных бойцов, так как без этого ученый турнир мог бы обратиться в кулачный бой.

До какой степени на этих диспутах изощрялись умы и оттачивалась логика, можно видеть из следующего предания. В 1304 г. пришел из Оксфорда в Париж францисканец Дунс Скот, знаменитый противник Фомы Аквинского, и защищал здесь на большом диспуте одно богословское положение. Против него были выставлены очень сильные аргументы,

притом—в числе около 200. Внимательно и спокойно выслушал он их без перерыва, потом повторил на память все по порядку и разрешил самые невероятные трудности, распутал самые замысловатые силлогизмы «так же легко, как Самсон разорвал узы филистимлян», говорит один современник. Университет был поражен тонкостью его мысли и силою его доказательств и в знак особого отличия почтил его прозванием «*doctor subtilis*» (тонкий, утонченный ученый).

Вся эта научная и преподавательская деятельность совершалась на латинском языке, общем в средние века для ученых всех западно-европейских наций. Но это был совсем особый язык,—отнюдь не классический стиль Цицерона, Ливия, Вергилия и других римских авторов. Большая часть материала была, правда, взята из древне-латинского, но из этого материала было выстроено совсем новое здание, создан новый, живой язык. Язык Цицерона был, может быть, более изящен, но он вовсе не годился средневековым магистрам ни тогда, когда они в коллегиях и бурсах разсуждали о своих личных делах, ни тогда, когда они излагали тонкие логические различия. От долгого употребления средневековая латынь совершенно приспособилась к идеям и обстановке своей эпохи: форма стала вполне соответствовать содержанию. Эта латынь стала новым, живым языком, чего отнюдь нельзя сказать, например, о латыни гуманистов, у которых новое содержание часто не укладывалось в чуждую ему «цицероновскую» форму. Как и всякий живой язык, средневековую латынь изучали на практике, посредством разговора.

Немецкие университеты

Число университетов быстро росло в XIV и XV веках, особенно в Германии, где перед реформацией считалось уже 20 университетов: общее же число их в Западной Европе было к этому времени 65 (во Франции—16, в Италии—15, в Испании—6, в Англии—5 и по 1 в Португалии, Швеции и Дании).

Германские университеты в общем моложе прочих: первый из них—Пражский—основан в 1346 г. императором Карлом IV—при двух профессорах теологии, трех—философии и свободных искусств (*artes*) и по одному для канонического, для гражданского права и для медицины. Университет состоял из четырех наций: чешской, баварской, польской и саксонской, прокураторы которых, как обычно, выбирали ректора. В общем, уставы Пражского и большей части остальных германских университетов списаны с парижских; лишь позже Тюбингенский, Виттенбергский и Гельмштедтский получили организацию по образцу Болонского. Место коллегий при германских университетах занимали «бурсы», т. е. пансионы для студентов в семьях некоторых из магистров, которым факультеты в виде отличия давали право держать бурсаков. Эти магистры, «ректоры» своих бурс, следили за посещением студентами лекций, повторяли с ними изучаемые предметы, вели за обедом или после него диспуты по-латыни и наблюдали, чтобы бурсаки и между собою говорили на этом языке. Бурсаки платили своему хозяину, большею частью, по одному грошу в неделю, не считая особых подарков в известные сроки; за повторение лекций полагалась особая плата.

Замкнутая организация, корпоративный строй, независимое положение между светской и духовной властью—все это ставило университеты очень высоко в глазах современников, обуславливало их силу и общественное значение. Университеты были очагами научного движения: здесь билась свободная мысль, здесь жило идейное творчество—двигатель и

основа как частной, так и общественной жизни. Потому-то университеты и оказались одним из самых жизненных явлений средних веков,—и из бурь «возрождения» и реформации вышли преобразованными, укрепленными и способными к плодотворному развитию в будущем.

В. Ивановский.

XLIV. Рыцарство

1. Рыцарская поэзия

Кантилены

Рыцарство было не столько учреждением, сколько идеалом для всего военного сословия средних веков. Поэтому не в летописях, а в народной эпической поэзии ярче всего запечатлелись образы этого времени. Еще во времена Тацита воспевали германцы родоначальников своего племени, а Карл Великий даже велел записывать древнейшие варварские былины о войнах и деяниях предков. Но с принятием христианства германская эпическая поэзия стала проникаться христианским духом. Во Франции былины о поколениях героев (*Chansons de geste*) предшествовали небольшим кантиленам, посвященные отдельным лицам и событиям. Такова, напр., кантилена VII в. о св. Фароне, которую сохранил в житии святого Гельгарий, епископ города, Мо при Карле Лысом. Эта кантилена похожа на духовный стих и рассказывает об обращении саксонских послов в христианство. Самое событие случилось около 620 г. Клотар II принимал в Мо послов Бертоальда, короля саксонского. Послы принесли вызов Клотару от имени короля и всего своего племени и возвещали, что саксы с своим государем придут взять у Клотара его землю, которая принадлежит будто бы им. Клотар разгневался и велел бросить послов в тюрьму; он сгоряча назначил даже на следующий день их казнь. Дружинники (*leudes*) короля тщетно пытаются сопротивляться этому нарушению международных обычаев. Тогда Фарон, не будучи еще даже посвящен в духовный чин, идет в тюрьму к несчастным послам. Он был молод, владел даром слова и ревностно трудился над обращением язычников. Изложив саксам все учение католической церкви, Фарон склонил их принять крещение, которое должно было спасти сразу и от смерти вечной и от казни земной. На другой день, когда Клотар думал было привести в ис-

Источники: *Gautier*, La Chevalerie; *Schultz*, Das Hofische Leben zur Zeit der Minnesinger; *Gautier*, Les Epopées françaises; *Weinhold*, Die Deutschen Frauen in dem Mittelalter; *Keroun de Lettenhove*, Etude sur la vie de Froissart; *Kohler*, Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit.

полнение казнь, Фарон поднялся и сказал, что кто-то ночью успел крестить заключенных: он сам видел их в белых одеждах новообращенных. Король был тронут, простил крестившихся послов, но предпринял поход против саксов-язычников и избил множество. По словам Гельгария, победа Клотара над саксами была рассказана в народной песне (*rustico carmine*), которую певали женщины, собравшись в кружок и хлопая в ладоши. Гельгарий приводит отрывки кантилены на латинском языке, но, вероятно, она пелась на романском, потому что при Меровингах в Бретани преобладало кельтическое влияние, в Австразии— немецкое, а в остальной Франции— романское. Личность Карла В. дала неистощимый материал для поэзии, и романские кантилены становятся с этого времени очень распространенными. Но все эти кантилены поются еще не певцами по ремеслу (жонглерами), как *Chansons de geste*, а живут в устах всего народа. Следы собственно героических эпоей начинаются во Франции с X в., а для XI в. их существование уже несомненно. Но нельзя сказать, чтобы первые *Chansons de geste* произошли путем сшивания отдельных кантилен. Эпопеи возникали прямо из преданий, хотя, может быть, внушены оне кантиленами. Если историческое событие поразит народ, тогда легенда овладевает им, а при переложении легенды в поэтическое произведение над легендой, связанной еще преданием, берет уже верх свободная фантазия. Так и возникли главные циклы французской эпической поэзии— *Chansons de geste* о Карле В., о Гильоме д'Оранж и Рено де-Монтобан. К этим трем крупным циклам примыкают уже провинциальные— «Лотарингцы» (*Lorraines*) в Австразии, Рауль де-Камбрэ в Вермандуа и т. д. Последний круг эпоей сложился вокруг Крестовых походов. Однако, кантилены не были убиты эпопеями: оне с своей стороны превратились в маленькие былины духовного содержания, в духовный стих, в роде, напр., Жития Алексея Божьего человека, возникшего в Нормандии в XI веке; такие стихи пелись затем слепцами под звуки их «лиры» (*vielle a roue*).

Певцы

Расцвет эпического творчества во Франции относится к периоду с XI в. до восшествия Валуа на престол, т. е. до 1328 г. Авторами эпоей бывали чаще всего светские люди, которые на севере Франции назывались труверами (*trouveres*), а на юге, где их было гораздо меньше, трубадурами. Но этих эпических поэтов не надо смешивать с труверами лирическими, в роде Бернара де-Вантадур или Бертрана де-Борн. Поэты-лирики не пользовались расположением церкви: они прославляли любовь, вели безнравственный образ жизни, отдавая дань всяким увлечениям, и оканчивали жизнь в раскаянии где-нибудь в монастыре. Но в рукописи XIII в., которая служила руководством для исповеди, церковь позволяет исповедникам относиться снисходительно к эпическим поэтам: «есть другие певцы, которые зовутся жонглерами и поют дела князей и жития святых на утешение людей; их можно терпеть, как сказал папа Александр». Есть эпопеи, связанные с именами определенных поэтов; напр., былина о Рауле де-Камбрэ принадлежала певцу Бертолу из Леона. Но вся масса французской эпической поэзии относится к области безыменного творчества. Из сотни слишком былин разве только 19 дошли с именами поэтов. Первые труверы вдохновлялись преданиями, но последующие перерабатывали и увеличивали уже поэмы своих предшественников. Последнее поколение труверов иногда совершенно отрешается от преданий и создает героев и их подвиги исключительно силою фантазии. Иногда трувер сам пел свою эпопею, тщательно скрывая ее от других, а иногда он давал возможность и право петь ее

какому-нибудь жонглеру, певцу по ремеслу. Древнейшие рукописи дошедших до нас песен относятся уже к XII в. Это объясняется тем, что часто песни разучивались наизусть и хранились только в памяти жонглера. Древнейшие рукописи предназначены как раз для жонглеров: оне маленького формата, так что их легко брать с собой в дорогу, и заключают в себе по одной песне. С XIII в. число читателей растет, и тогда начинают переписывать сразу целые группы поэм.

Chansons de geste

Chansons de geste пишутся обыкновенно в 10 или 12 слоговых стихах, с созвучием последней гласной (ассонансом)¹, а рифма появляется позднее. Напр., древняя былина о Роланде (*Chanson de Roland*), возникшая среди норманнов в Англии после победы Вильгельма Завоевателя при Гастингсе, написана стихом в десять слогов, с отдыхом после 4-го слога и ассонансом последней гласной (напр., *lune—pasture* и т. д.). Группа в известное число стихов образует куплет или *laisse*. Иногда целый куплет в 13 строк оканчивается на *13 e*, а следующий—на *13 a* (напр., *merveiller, vielez*, и т. д.; *grant, blancs, anz* и т. д.). В сущности, это строфы-синонимы, т. е. обе строфы рассказывают почти то же самое, но содержание это в каждой строфе выражено по-своему. Chansons de geste значит в сущности «пение о поколениях героев». Первоначально geste (от латинского *gesta*) был вообще рассказом о событиях, т. е. синонимом для аннал и хроник. Но в самых былинах geste означает уже семью, поколение героев, потому что сначала цикл эпоей создавался вокруг события, но позднее он разрастался по генеалогии. Поэты любили от сына восходить к отцу, деду и наоборот: от Гильома д'Оранж восходили к его отцу Эмери де-Нарбонн, затем деду Гарен де-Монглан и т. д. Благодаря этому маленькие эпоеи поглощались большими, и все сводилось в сущности к трем поколениям—Карла В., Гарена и Дооне де-Майанс. К поколению Карла В. (*Geste du Roi*) относятся былины о Роланде и поход в Испанию; цикл Доона образуется из былин Рено де-Монтобан, Ожье де-Данемарш и т. п. К XIII в. былины, благодаря вставкам, объединению нескольких в одну и неоднократным переработкам, уже достигают 8—10 тысяч стихов каждая. В XIV в. поэты переходят к более длинному стиху в 12 слогов и доводят каждую эпоею до 20 тысяч стихов. Позднее эти эпоеи начинают перелagаться в прозаические романы; в этой форме оне распространяются, благодаря изобретению книгопечатания, и, наконец, предаются забвению в XVII в.

Поучительно сравнить одну и ту же эпоею в ее различных формациях, напр., былину о датчанине Ожье (*Ogier le Danois*). Возьмите старую поэму, написанную Рэмбером Парижским (*Raimbert de Paris*): все сжато, психологически правдиво, энергично. Карл В. посылает послов к Гофруа, герцогу Дании. Но Гофруа не боится императора, перед которым склоняются другие, и отсылает послов назад, обрезав им волосы и бороду. Карл негодует и хочет отомстить. При его дворе живет заложником сын герцога—молодой Ожье, и вот император осуждает на казнь юношу, дрожащего перед смертью. Но как раз в это время приходят вести из Италии: сарадины угрожают Риму. Император принужден отсрочить казнь Ожье, и эта отсрочка дает датчанину возможность совершить свои подвиги. Возьмите теперь другую редакцию. Король жонглеров Аденэ переложил на «хороший французский язык» первую часть поэмы Рэмбера: стих изящнее, но внутренней правды меньше, больше

1 В былинах ассонанс составляют: *passages, vasselage, rage, Danemarche; chevalchet, quardet, facet* и т. п. .

растянутости. Здесь Карл склоняется на просьбы дяди Ожье о помиловании, но Ожье сам не трепещет: Аденэ боялся обезчестить рыцаря человеческим чувством. В третьей редакции XIV в. Ожье говорит уже без конца, как адвокат, бароны толкуют Карлу о соображениях государственного разума, и слушателю остается только зевать.

Жонглеры

Пелись эпопеи чаще всего певцами по ремеслу, которые назывались жонглерами (*joculatores*) или менестрелями¹. Древнейшие жонглеры и *chansons de geste* встречаются во Франции, откуда этот тип певцов и песен распространился уже в Испанию и Англию. Бывали жонглеры, которые соединяли с умением петь шансон де-жест еще искусства акробатов и музыкантов. Это видно из поэм, посвященных жизни жонглеров. Такова, напр., южная поэма Дорель и Ветон конца XII в.; она мало оригинальна, подражает героическому эпосу, но в ней есть любопытные бытовые черты. Вот ее содержание: изменник убивает своего товарища по оружию и, чтобы овладеть его леном, хочет убить и его наследника-сына. Но жонглер Дорель выдает своего ребенка за сына своего сеньёра и тайно воспитывает юношу (дамуазо). Этот Дорель, вероятно, прежде всего певец шансон де-жест, но он играет на скрипке, на арфе, поет любовные лирические песни, сам сочиняет (*trouve*) и в то же время может делать прыжки акробата. Другая поэма принадлежит северу Франции—это «Два трувера-соперника» (*Les deus troveors ribauz*). Здесь два жонглера соперничают, грубо издеваясь друг над другом (может быть, только для увеселения публики) и хвастаясь своим ремеслом. Первый жонглер пересчитывает сначала все песни своего репертуара, путаясь и коверкая имена: «Я знаю Ожье де-Монтобан, я знаю Рено ле-Дануа и т. д.». Но он, кроме того, играет на цитре, пускает кровь кошкам, ставит банки быкам, делает перчатки для собак, шлемы для зайцев, уздечки для коров и т. д. Затем начинает хвалить свои таланты другой жонглер: он прежде всего музыкант и притом на струнных и на духовых инструментах; он маг и певец; «он знает сказки и фэблию, сирвенты и пастурели, он знает историю про Парсеваля и умеет плясать на канате, играть ножами и, наконец, умеет петь все шансон де-жест про Карла В. и Роланда, и т. д.» В этом состязании много шутовского, но основа для карикатуры взята, несомненно, из действительности. По своему общественному положению жонглеры были крайне разнообразны: между ними были светские люди и духовные, были свободно блуждавшие и менестрели, привязанные к одному какому-нибудь сеньёру, дому или поэту, были певцы, были музыканты, *conteors* и *fableors* (т. е. рассказчики легенд и повестей), были жонглеры, певшие чужое, и жонглеры, изобретавшие свое. Жизнь всех этих певцов проходила в странствованиях и была полна случайностей. Жонглер ночует в гостинице и песнями расплачивается за все. Он охотно попросил бы ночлега у священника, но церковь находила опасным для своих членов сближение с жонглерами и запрещала давать им приют. Зовут жонглера чаще всего просто по имени, ну хоть Жан. Он всегда бритый, но не надевает, как его шуточные товарищи, ни масок, ни пестрой одежды с поддельными разноцветными камнями. В путь он запасается рекомендательными письмами. Идти пешком жонглер считает унижительным; у него часто бывают в кармане деньги, и вот он запасается конем и слугой. Память у него превосходная, и он помнит песни в тысячи

1 Слово «menestrel» — уменьшительное от *minister*, т. е. министерял, или человек незнатного происхождения, служащий барону. Один из этих слуг должен был забавлять господина игрой на музыкальных инструментах и пением; его уменьшительное название стало синонимом для имени жонглера.

стихов, умея варьировать их, но все-таки этот запас нужно освежать от времени до времени, и вот у жонглера есть маленькие списки шансон де-жест. Вот он слез с лошади перед гостиницей, отдохнул, подкрепился, его смычковый инструмент (*vielle*) при нем, и он направляется на площадь, уже окруженный толпой. «Слушайте меня, рыцари и солдаты, горожанки и горожане, бароны и мудрые клерики, умеющие читать, дамы и девушки, и вы, маленькие детки, слушайте меня все мужчины и женщины, малые и большие!»—так созывает жонглер свою публику. Жонглер не читает былины, а поет, но поет все строки поэмы всего на какие-нибудь две-три музыкальные темы, которые он тут же берет на своем музыкальном инструменте. За деньги жонглер поет похвалу сеньёру, но иногда задевает насмешкой светских и духовных вельмож. В 1395 г. французский король запретил менестрелям касаться в песнях папы, короля и сеньёров Франции под страхом двухмесячного тюремного заключения на хлеб и на воду. Иногда посредине песни жонглер останавливается и собирает деньги со слушателей, прежде чем окончить былинку. Рыцари, во дворцах которых часто поют жонглеры, кроме денег, дарят им одежды, лошадей. Но жонглеры далеко не всегда сами отыскивают себе сеньёра или созывают толпу: часто, напротив—их зовут на крестины, на свадьбу, на пиры, на турниры и посвящения рыцарей. Выбирают ли папу, собираются ли в крестовый поход, празднуют ли церковный праздник, или съезжаются на ярмарку, жонглеры должны поспеть всюду: у них свой собственный календарь. Как и все другие средневековые ремесленники, жонглеры местами образуют цехи для своей защиты. В 1321 г. были утверждены прево города Парижа статуты, поданные 37 жонглерами с «королем менестрелей» Парижа во главе. Все доходы ремесла сосредоточены были в руках этой корпорации, и каждый новый член должен был присягать статутам. Во главе корпорации всегда стоял «король менестрелей»: он подвергал испытанию новых певцов, помогавшихся звания жонглера. Вместе с цехами явились и школы для менестрелей.

2. Происхождение рыцарства

Взгляд церкви на войну

Рыцарство возникло из германского обряда, который был идеализирован церковью. Рыцарство—это христианская форма для военного сословия; рыцарь—это воин-христианин.

Церковь считала войну для войны грехом. Бл. Августин не раз высказывал подобные взгляды на войну: «Начинать войны с соседями и затем идти войной дальше и истреблять или покорять безобидные народы только по страсти к войне, как это иначе назвать, если не чудовищным разбоем!» Впрочем этот отец западной церкви не безусловно осуждал военное ремесло: «Воля должна направлять к миру, а к войне разве только необходимость».—«Не думай, однако, чтобы никто из несущих оружие и военную службу не мог угодить Богу. Оружие носил св. Давид, оружие носил и сотник Корнелий. Не мира ищут, чтобы возжечь войну, а напротив, война ведется, дабы снискать мир. Итак, будь и в самых войнах миролюбив, чтобы всех, с кем ты сражаешься, своей победой привести к благам мира». Отсюда и идеал христианского воина: «Гораздо больше славы в том, чтобы убивать войны словом, чем убивать воинов мечем». В глазах церкви война имела смысл только в трех отношениях: это могла быть справедливая кара, полезное искупление или вообще воспитательное средство Провидения; напр., тот же Бл. Августин дает совет: «Все тягости и страдания, которые кто-либо перенес от врагов, пусть он приписывает Божественному Провидению: оно обык-

новенно исправляет, или искореняет посредством войн испорченные нравы людей и путем таких испытаний делает жизнь смертных более справедливой и достойной похвал» Народы искупают бедствиями не только свои грехи, но иногда страдают и за другие племена. Одно государство гибнет за другим, и таким образом на их развалинах утверждается церковь: это подготовка на земле Провидением царства Божия. Церковь терпит войны, но законными считает только войны справедливые. По Бл. Августину, «справедливыми называются обыкновенно те войны, которые мстят за несправедливости, если, напр., какое-либо племя или община пренебрегает обязанностью возместить за нечестие, совершенное его членами, или возратить то, что отнято несправедливо. Но, без сомнения, справедлива и всякая война, предписываемая Богом, у которого нет неправды. В такой войне ведущее ее войско или даже весь народ должны считаться не столько зачинщиками войны, сколько ее слугами». В эпоху гонений со стороны римских цезарей церковь теоретически подымала сомнения относительно совместимости военной службы с христианской религией, но на деле только меньшинство христиан уклонялось от службы безусловно. Напр., Тертуллиан восклицает с жаром: «Неужели можно жить мечем, когда Господь возвестил, что от меча погибнет каждый, кто возьмется за меч»; но тот же Тертуллиан сознается перед язычниками: «мы, христиане, появились как бы только со вчерашнего дня, а вот мы уже наполняем ваши крепости и лагери». После прекращения гонений исчезли и сомнения церкви; собор в Арле от 314 г., где присутствовали все епископы Запада, постановил отлучать от причастия тех, кто будет уклоняться от военной службы. В сущности Бл. Августин только систематизировал все учение церкви о войне, когда написал: «В чем грех войны? Неужели в том, что умирают люди, которые все равно—когда-нибудь умрут. Осуждать смерть—это трусость, а не набожность. Нет, страсть вредит, жестокость мщения, неукротимость и непримиримость духа, дикость в борьбе, похоть господства,—вот что по справедливости считается грехом в войнах». Местами Бл. Августин как бы предсказывает рыцарство: «Кто считает учение Христа враждебным государству, пусть создадут только войско таких воинов, какими велит им быть учение Христа». В 865 г. болгары советовались с папой Николаем I, можно ли вести войну во время поста. Папа отвечал им, что войны и битвы и состязания несомненное изобретение хитрости дьявольской. Поэтому, если нет настоящей нужды, то не только Великим постом, но вообще всегда надо воздерживаться от битв. «Но если побуждают к тому неизбежные обстоятельства, то приготовления к войне для защиты своей жизни, или родины, или законов отеческих можно, без сомнения, допустить даже Великим постом». Без всех войн, которые провозглашали или поддерживали церковь, европейское человечество могло бы остаться варварским, языческим, стать мусульманским. Не имея возможности обойтись без войн, церковь постаралась по крайней мере сделать солдата—христианским воином.

Германские обычаи

Тацит описал германский обычай вооружения юноши при достижении им совершеннолетия. «Все общественные и частные дела германцы ведут в вооружении; но надеть оружие обычай позволяет каждому только тогда, когда община признает его созревшим. Тогда среди самого собрания кто-либо из глав племени, или отец, или родственник украшает юношу щитом и копьем. У них это все равно—что тога: это первая почесть для юности. До этого обряда юноши считаются как бы частью семьи, отныне—государства». При Каролингах еще часто встречается старый германский обычай. Людовику, старшему сыну Карла В., в 791 г.

было тринадцать лет, и он уже три года нес корону Аквитании; наконец, король франков нашел, что пора посвятить его в воины: он вызвал сына в Ингельгейм, оттуда в Регенсбург и торжественно опоясал здесь мечем. В 838 г. в Кьерси повторилась та же сцена; на этот раз старый Людовик опоясывает сына Карла оружием мужа, а затем венчает короной Невстрии; Карлу было тогда 15 лет. Этот германский обычай и лег в основание средневекового посвящения в рыцари. Самое название рыцаря—шевалье (*chevalier*, *caballarius*) происходит от боевой лошади (*caballus*). Сделать кого-либо рыцарем обозначалось в средневековых латинских текстах оборотом—«надеть воинский пояс» (*cingulum militare*). Термин этот—чисто римский: речь идет о том поясе, на котором держался меч, равно как и о перевязи, на которой висел через плечо меч простого римского солдата. Германцы рано стали носить в подражание римлянам пояс и перевязь (*balteus*); а хроникеры часто называли латинским именем соответствующие явления германской жизни. По-французски в средние века «опоясать мечем» (*ceindre l'eepee*) тоже значило сделать рыцарем. Итак, под латинским названием удержался в сущности обычай германский. Не каждый вассал был рыцарем; встречались вассалы, которые ради избежания расходов на всю жизнь оставались «дамуазо». С другой стороны, рыцарство давалось иногда мелким людям, которые ни в каком отношении не входили в систему ленов. В шансон де-жест часто встречаются примеры, что вилланы становятся рыцарями. В средневековой литературе Франции очень популярен был герой быliny граф Ами (*Amis et Amiles*). Ами поражен проказой; это наказание постигло его за ложную клятву, которую он дал для спасения жизни Амиля. Несчастный прокаженный, всеми забытый, приходит однажды в страну, где живет его друг, и просит провести себя к нему. Амиль издали слышит звуки трещетки, возвещающей приближение прокаженного; тронутый участью прокаженных, Амиль посылает бедняку кубок превосходного вина. Но у Ами есть совершенно такой же кубок, подаренный ему, как и Амилю, папой в Риме. По этому знаку Амиль узнает своего освободителя, лучшую половину самого себя, и падает в объятия Ами, покрывает его поцелуями. Прокаженный тотчас же введен в дом Амиля, и его уговаривают остаться здесь на всю жизнь. Так этот Ами, по быline, посвящает в рыцари двух рабов, которые ухаживали за ним во время болезни. На древнейшее рыцарство надо смотреть не как на сословие, а как на коллегия, на братство, все члены которого солидарны между собою.

Дикость нравов

Древнейшие *Chansons de geste*, которые черпают из традиций IX и X вв., рисуют тех диких феодалов, которых воспитать взялась церковь. Рауль де-Камбрэ, герой старой поэмы, самый страшный, самый необузданный представитель этого типа: он готов бросить вызов самому Господу. Вот он однажды врывается в пределы Вермандуа вопреки всем правам законных наследников. Он грабит, жжет, убивает; всюду он жесток, безжалостен, ужасен; в особенности в местечке Ориньи является он во всем блеске своей свирепости: «Раскинуть мою палатку посреди церкви», приказывает Рауль: «устроить мне ложе перед престолом, посадить моих соколов на золотое распятие!» Церковь эта принадлежит к женскому монастырю. Что ему за дело до этого? Он сожигает монастырь, сожигает церковь, сожигает монахинь. Среди монахинь находится мать Бернье, его верного вассала, его преданнейшего товарища, его друга, почти брата: он сожигает и ее. Пламя еще трещит, Рауль, несмотря на постный день, садится на самом месте своих диких подвигов за пир с руками, замаранными

кровью, с надменным челом, бросающим вызов небу. Средневековому дикарю Раулю не уступает в жестокости и Ожье (Ogier), другой герой эпопей. Сын Ожье был убит сыном Карла В., имя которому в предании Шарло. Ожье только и думает о мести, и соглашается спасти христианский мир от сарацин-завоевателей единственно под условием, чтобы ему выдали Шарло: он хочет убить его и радуется этому заранее. Напрасно Шарло унижается перед этим дикарем и на коленях пытается тронуть его силой своего раскаяния; напрасно сам император шлет к Господу горячая молитвы; напрасно старый Нэм вызывается служить Ожье в течение всей своей жизни и умоляет датчанина «вспомнить о том Боге, который родился в Вифлееме от Девы». Все жертвы, все мольбы—бесполезны. Неумолимый Ожье кладет свою тяжелую руку на голову юноши и другой рукой держит над Шарло меч, страшный меч Куртэн. Таковы же и другие герои французских эпопей. Раскройте наудачу «Лотарингцев» и читайте: «Бег (Begue) наносит Изорэ удар по черному шлему, перерубает золотой обод, проламывает череп и расщепляет его надвое до самых челюстей. Затем он вонзает ему в тело свой меч Фламберж с головкой из чистого золота, вырывает обеими руками сердце из груди и еще теплое бросает его в голову Гильому: «Держите», кричит он: «вот сердце вашего кузена. Вы можете его посолить или зажарить!» Еще один шаг, и он, кажется, дойдет до людоедства. Таков был материал, из которого церковь решилась образовать рыцарство. Эти герои действовали, как стихийная сила, как ураган, не знающий сожаления. Рыцарь в законченном, совершенном, лучезарном образе является перед нами уже в древнейшей редакции песни о Роланде (которая возникла, вероятно, между 1066 и 1095 гг.). Какой длинный путь, какая упорная школа от Рауля до Роланда, и кончая Жирардом де-Руссильон, который однажды падает к ногам старого священника и искупает затем свою прежнюю гордость 22 годами покаяния. «Дайте смысл вашей удали», говорила церковь феодалам. И вот возникла первая рыцарская доблесть—«мужество» (*proouesse*); к ней присоединились одна за другой «лояльность» (*loyaute*), «щедрость» (*largesse*), «разумность» (*le sens* в смысле умеренности), наконец, та утонченная общительность рыцаря, которая называлась «*courtoisie*»; все увенчивалось «честью» (*honneur*). Но все эти доблести венком располагались вокруг одной центральной: когда рыцари бывали у обедни, то перед началом чтения Евангелия они молча вынимали мечи из ножен и держали их обнаженными до конца чтения; это как бы значило: «если понадобится защищать Евангелие, то мы тут». В этом весь дух рыцарства.

3. Заповеди рыцарства

Христиане и безбожники

В 1330 г. Гильом, граф д'Остреван, получил, как рыцарь, следующие наставления от епископа города Камбрэ: ежедневно слушать натошак обедню; если нужно, то умереть за веру; покровительствовать вдовам и сиротам; не начинать войны без причины; не поддерживать несправедливого дела, но защищать невинно угнетенных; во всех делах соблюдать смирение; охранять имущество своих подданных; не предпринимать ничего враждебного против своего сеньера. Почти те же самые заповеди рыцаря можно извлечь и из *Chansons de geste*, которые в сущности заключают в себе характеристику рыцарства XII в.; позднее романы «Круглого Стола» распространили идеал рыцарства более утонченного, но менее мужественного—рыцарства театрального.

Нельзя было стать рыцарем, не будучи христианином, не получивши крещения: это первая заповедь рыцарства. Впрочем, во французском средневековом эпосе изредка выводятся безбожники. Так, напр., дикий Рауль Камбрейский впадает иногда на мгновения в безбожие. В древней былине, сохранившей, может быть, традицию X в., рассказан его поединок с Эрно, графом де-Дуэ, у которого Рауль убил племянника и погубил однажды двоих детей. В этом поединке Эрно воплощает собою право, Рауль—силу. Бедному графу Дуэ не под силу долго бороться с своим врагом: один кулак у него отрублен, и он бежит по полю, исходя кровью и близкий к смерти. От его гордости не осталось и следа; он предчувствует свою гибель и трогательно молит о пощаде: «я еще молод, мне еще не хочется умирать (*Juenez hom sue, ne vuel encor morir*). Он готов сделаться монахом и представить свою землю победителю; но Рауля нельзя умиловить, и самое слово «Бог» доводит его, как отверженного, до бешенства: «Я отрекаюсь от Бога», кричит он: «я отрекаюсь». «Если это так» отвечает тогда Эрно: «то ты для меня только бешеная собака; а ко мне сама земля и травы придут на защиту, и Господь Славы, может быть, сжалится надо мной». И вот, действительно, умирает не Эрно, а свирепый Рауль. В последнюю минуту в этом дикаре внезапно вспыхивает вся горячая вера его детства. «Бог-Отец, сияющий славой, всемирный Судия, и ты, кроткая Дева небес, прийдите ко мне на помощь!»—таковы его последние слова. Закоснелым безбожником был Гомадра (*Gaumadras* в былине «*Garin de Montglane*»); это тип отверженного: когда имя Господа произносится перед ним, он падает вдруг в судорогах. В борьбе с Гарэном на его стороне демоны, с которыми он заключил феодальный договор (*homage lige*); он отдался им душой и телом и радуется этому. Когда приближается смертный час, он решается умереть отступником, сатаной, как и жил; его не убьют, он сам убьет себя. Его смерть—это целое зрелище. Он садится со своими на корабль и направляет его прямо на скалы; течение увлекает роковой корабль к гибели; несчастные спутники видят грозящую им опасность и в ужасе обращаются с мольбой к Господу. «О нет, нет», кричит им Гомадра: «здесь нужно призывать дьявола!» и убивает их, словно одержимый дьяволом. Затем, он осеняет себя крестным знаменем «наоборот», слева направо, снизу вверх, и, стоя на корабле, с вызывающим челом, поднятым к небу, непримиримый, наводящий ужас, безстрашно прислушивается к удару корабля о скалу; корабль разбивается и идет ко дну. «Сюда, демоны, сюда», кричит Гомадра: «я ваш вассал, я предаюсь вам, я...», но волна захлестнула ему кощунствующие уста и безбожник умирает. Таким же отступником описывает эпос (былина «*Doon de Maïence*») изменника Гершамбо: «Да, я отрекаюсь от тебя», кричит он: «от тебя и всех твоих милостей. Ни тебя, ни твоих, я вас никогда не полюблю». Такое отречение от Господа создает, наконец, целую секту, догму которой излагает Гардрэ (в «*Amis et Amiles*»): «Не смей служить Господу», говорит он своему крестнику Алори: «и никогда не говори правды. Если встретишь честного человека, обезчести его. Жги города, крепости, дома. Низвергай алтари, ломай распятия!» В противоположность всем этим средневековым язычникам рыцарь и должен быть прежде всего глубоко верующим христианином.

Исповедь имела важное значение в рыцарской жизни: рыцарь исповедуется перед судебным поединком, исповедуется, отправляясь в далекое путешествие, исповедуется перед священником, или, если не найдет священника, то перед родственником, перед товарищем по оружию. Этого требует, напр., Петр Ломбардский в книге, которая служила классиче-

ским руководством для богословов средних веков (*Livre de sentences*). Баярд перед смертью за недостатком священника исповедуется своему слуге. Рука об руку с рыцарской исповедью идет во французской поэзии и символическое «рыцарское» принятие таинств — «приобщение тремя былинками и тремя листиками». Напр., в «Лотарингцах» Бег перед смертью берет три листика травы, благославляет их во имя Неба и приобщается ими, как телом Христовым. В силу первой рыцарской заповеди рыцарь обязан был умереть в христианской вере, — умереть, если нужно, за веру. В одной мало известной поэме (*Mort d'Aimeri du Narbonne*) старый Эмери Нарбонский, столетий старик без страха и упрека, по чувству долга отказывается повиноваться нехристям, которые взяли его в плен, и не хочет преклониться перед именем Магомета. Старца бьют прутьями шиповника и лозой, рвут заживо его мясо, воздвигают ему костер, и несчастный слышит уже треск пламени, которое сожжет его. Но ничто не действует: увидав на укреплениях города свою жену Эрменгарт, которая в слезах смотрит на его страшную казнь, он кричит ей: «Оставьте меня умирать, но ради любви к Господу, сыну Девы Марии, не сдавайте города».

Охрана церкви

Вторая заповедь рыцарства, — охранять церковь — ясно выражена в Римском понтификале, где описывается образ посвящения в рыцари. Церковь, вручая будущему рыцарю меч во имя Отца и Сына и Св. Духа, говорила: «Пользуйся этим мечем для защиты себя и Св. Церкви Господа и для поражения врагов креста Христова и веры христианской. Иди и помни, что святые завоевали царства не мечем, а верой». Итак, для церкви рыцарство было вооруженной силой к услугам безоружной Истины. Для средневековых этиков христианское человечество состояло из безчисленной толпы, слабого народа, за который нужно молиться, который следует защищать. Над этой толпой возвышаются две семьи, две аристократии, два общества светлых и могущественных — клерики, которые должны молиться, и рыцари, которые должны охранять тех, кто молится, и тех, за кого молятся. В начале былины о «Лотарингцах» (*Garin le Loherain*) это учение излагает арх. Реймский: «Мы — клерики, и наш долг — служить Богу, которому мы молимся за ваших друзей. А вы, рыцари, не забывайте, что Бог создал вас для защиты церкви».

Защита слабых

В силу третьей заповеди рыцарства — защищать слабых — вдовы и сироты — под охраной церкви и рыцарей. В песне «*Charroi de Nimes*» сын Карла В. цинично предлагает графу Гильому дать ему лены кое-кого из умерших баронов. Но Гильом не из тех рыцарей, которые терпеливо выслушивают подобные предложения. Он возмущается, он содрогается, он даже отпрянул в сторону: «А вдовы? А сироты?» Король бледнеет и трепещет под тяжестью презрения Гильома. «Если кто тронет малых сих или их земли», говорит истинный рыцарь: «то вот этот меч отрубит головы изменникам и разбойникам». Когда в XIII в. в Риме посвящали рыцаря в базилике Св. Петра, то архипастырь произносил торжественно: «Будь защитником и мужественным борцом за церкви, за вдов и сирот».

Любовь к родине

Любовь к родине — четвертая заповедь рыцарства. Рыцари считали обыкновенно свою родину лучшей страной. Это очень характерно выразил граф Фландрский (в эпосе «*Jerusalem*») при виде пустыни, окружающей Иерусалим: «Я очень дивлюсь, что Господь, сын

Св. Марии, мог обитать в такой пустыне. О, насколько предпочитаю я ей большой замок в моей крепости Аррас!» Он, очевидно, готов был сожалеть, что Христос родился не в Аррасе. Это даже не патриотизм, а привязанность к колокольне своего села. Под влиянием любви к родине у французских рыцарей создавалось преувеличенное понятие о Франции: «корона Франции—первая из всех корон; первый король Франции был коронован поющими ангелами; ты будешь моим воином на земле,—сказал ему Господь,—и ты дашь победу справедливости и закону». Автор песни о Роланде перечисляет отдельные полчища христианской армии; в лагере Карла три полка из десяти состоят из французов: «Десятый ряд состоит из баронов Франции. Их сто тысяч, из среды лучших глав. У них крепкие тела и гордая осанка, голова совершенно белая и борода словно осыпана снегом. Они садятся на лошадей и требуют битвы. Это те французы, которые завоевывают царство».

Мужество, которое налагается на рыцарей пятой заповедью, они в силу шестой—должны были особенно проявлять в борьбе с сарацинами: «Если бы мы были в раю», говорят воины XIII в: «мы спустились бы, чтобы сражаться с сарацинами». Спутники Годфрида Бульонского в порыве энтузиазма восклицали: «Хотя бы они были из стали, стены Иерусалима, хотя бы они были из стали, мы их укусим».

Вассальная верность

До чего доходила обязанность повиновения вассала сеньёру, налагаемая на рыцаря седьмой заповедью, это ярко рисует шансон «Рауль де-Камбрэ». Когда Рауль собрался жечь монастырь Ориньи, его вассал Бернье соглашается следовать за ним, хотя его мать—монахиня в этом монастыре. «Мой сеньёр Рауль—предатель хуже Иуды», говорит он: «но он мой сеньёр; ни за что на свете я не ослушаюсь его». Когда Ориньи уже в пламени, сто монахинь умирают в этом страшном костре; и мать Бернье не нашла пощады: вот, она лежит бездыханная, и у неё на груди догорает ея псалтырь. А Рауль ни в чем не раскаивается; он называет Бернье незаконнорожденным и наносит ему страшный удар по голове, так что кровь струится по лицу сына, оплакивающего мать. И что же? Вассал кротко выносит эту высокую обиду и только разрывает связь со своим прежним сеньёром, хотя тот униженно просит уже у Бернье прощения. Впоследствии Бернье убивает на поединке Рауля, но чтобы искупить вину, тогда же предпринимает паломничество за море, в Св. Землю. Узы вассальной зависимости сильнее связей родства, В шансон де-жест есть такой рассказ (в «Jourdains de Blaivies»). Изменник Фромон убивает однажды своего сеньёра Жирара де-Блэв и в своем безумии хочет затем истребить всю семью до последнего отпрыска. Остается только младенец нескольких месяцев, сын Жирара, порученный заботам преданного вассала Ренье и его жены. Изменник велит, наконец, привести сына Жирара, маленького Журдэна, и хочет убить его. Но верные вассалы отказываются выдать его и, в конце концов, жертвуют собственным ребенком, которого выдают за сына своего сеньёра.

Восьмая заповедь предписывала рыцарю говорить правду и держать свое слово. Среди эпитетов, которые даются Богу в рыцарской поэзии, очень часто встречается клятва Богом, который не лжет. Поэмы XIII века о правилах рыцарства (Ordene de Chevaletie) требуют также, чтобы рыцарь вообще соблюдал чистоту и непорочность нравов.

Щедрость

«Милостыня», вообще щедрость в широком смысле слова—вот девятая, чисто христи-

анская заповедь рыцарства. «Вежливый, благоразумный, щедрый» (*Cortois et saige et larges pour doner*)—обычная похвала для рыцаря в средневековой поэзии. Одна легенда бытует о рыцарстве, которое забывает заповедь щедрости: эта легенда об уроке, который сарацин преподавал будто бы христианскому королю Карлу; она рассказана у аскета кардинала, Петра Дамиани и в эпосах (*Histoire des pauvres*). Сарацинский царь Марсилиий попал в плен к великому императору. «Обратись в христианство или ты умрешь», восклицает тогда Карл. Языческий царь не колеблется и отказывается от обращения. Лучше пусть смерть, нежели крещение; у него на то свои причины. «Что это за вельможи, разодетые в меха, сидят у вас за столом?» спрашивает он Карла.—«Это епископы и аббаты», отвечает император.—«А кто вот эти такие тощие люди, одетые в черные и серые цвета?»—«Это нищенствующая братия, которая молится за нас».—«А кто же, наконец, эти сидящие на земле, которым отдают остатки от вашего пиршества?»—«Это—бедные».—«А, так вот как обращаетесь вы с бедняками!» восклицает в свою очередь сарацин Марсилиий: «у вас нет ни чести, ни уважения к Тому, от Кого вы приняли веру. Так нет же, я не хочу креститься и выбираю смерть».

Десятая заповедь—бороться против зла и защищать добро—часто встречается в эпосах в виде отрицательной формулы. Напр., в поэме «*Gaidon*» излагается сатанинский свод заповедей, противоположный христианскому своду рыцарства; здесь в уста отступника влагается и заповедь «возвышать зло и принижать добро». Но церковь хорошо помнила эту десятую заповедь рыцарства и в ее положительной формуле. Когда в Риме в базилике Св. Петра посвящали нового рыцаря, то торжественно вручали ему меч, «чтобы он проявлял силу права и громил твердыню несправедливости».—«Рыцарь, мсти за несправедливость и утверждай добрый порядок», говорила Римская церковь: «тогда и ты, живой образ Христа, будешь вечно царить на небеси с своим божественным Первообразом!»

Заповеди сатаны

Таков свод заповедей христианского рыцаря. Но, как царству Божию противопоставлялось царство дьявола, так и в скрижалях рыцарства средневековая поэзия подобрала противоположные заповеди сатаны: «Не соблюдайте закона никогда и ни перед кем, не соблюдайте верности своему сеньёру. Предавайте и продавайте честных людей. Возвышайте зло и принижайте добро, издевайтесь над бедняками, у сирот отнимайте наследство, у вдов—их вдовью долю, поддерживайте убийц и разбойников и помогайте оскорблять Св. Церковь, избегайте священников, обижайте монахов, бросайте в грязь детей, бейте и травите стариков, смело лгите и давайте ложную присягу». Таковы заповеди целого рода изменников (*la rase des Mauencais* в поэме «*Gaydon*»). Откуда взяла средневековая поэзия эту ужасную проповедь отверженных? Очевидно, она отвлекла их от действительных чувств и нравов тех грубых воинов, тех германцев-варваров, которых очистить нравственно и должна была школа рыцарства.

4. Детство барона

Младенчество барона

Большая была всегда радость для средневекового барона, когда у него родится сын, наследник его ленов; иначе со смертью феодала эти земли отойдут назад в род верховному сюзерену, императору, королю или какому-либо герцогу. Вот к Фромону (герою былины

«Garin le Loherain») прибегает вестник: «Да хранит вас Господь, сеньёр, во имя вашего сына, который родился третьего дня, такой маленький мальчик! Ради Бога, скажите, какое имя хотите вы, чтобы ему нарекли?»—«Его имя будет Фромондин», отвечает Фромон, «потому что после меня он наследует мои земли». Затем Фромон созывает всех своих вассалов и говорит: «Радуйтесь и будьте отныне спокойны. «Он» родился—сеньёр, которому вы будете обязаны вашими ленами, родился тот, кто будет одарять вас богатыми мехами. Через пятнадцать лет мой сын будет рыцарем!»

Матери не всегда сами выкармливали этих сыновей-рыцарей; иногда к знатному ребенку приставляли по несколько кормилиц¹. Но встречались матери, которые не подпускали к своему ребенку чужой женщины. Такова была в эпосе «Годфрид Бульонский» мать героя—графиня Ида: она сама вскормила всех своих детей, по совету ангела, данному еще ей матери Беатрис. Однажды маленький Годфрид проснулся с криком, и какая-то женщина, чтоб унять его, дала было ему молока. Мать увидела это: сердце у нея забилося, она сама потемнела, как зола, и должна была даже сесть на мгновение. Но графиня Ида тотчас же подымается снова, как лвица бросается к своему ребенку, хватается за него, вырывает у кормилицы, кладет на стол и заставляет отрыгнуть «чужое» молоко, может быть, всего какой-нибудь глоток. У детей XII—XIII вв. были под руками те же игрушки, как и теперь: мячи, ходули, воланы, кубари, качели, а для кого постарше—триктрак (tables), кости и шахматы, но будущих рыцарей с малолетства влекло более к доспехам и вызолоченным перчаткам, а главное—поскорее на лошадь. Ведь уже те сказки и те детские былины, которые давали воображению ребенка первые образы, говорили не о покое и мирном труде, а о борьбе и опасностях, о беззащитности и коварной измене. Такова, напр., былина XIII в. «Доон Майнцкий» (Doon de Maience).

Доон Майнцкий

Старый граф Гвидо Майнцкий жил на берегах Рейна не далеко от устья, у самого «соленаго моря». Это был неустрашимый охотник; за всю жизнь он знал только две страсти—войну и охоту. Однажды граф преследовал оленя в глубину леса и вдруг с изумлением увидел, что животное укрылось в маленький дворик какой-то кельи; а вот и сам отшельник пал к ногам графа и молит о пощаде для оленя, близкого к издыханию. «Нет, нет», кричит неумолимый охотник: «нет пощады!» и бросает в оленя большой дротик; но дротик неверно направлен, вместо животного острие попадает в отшельника и вонзается ему в сердце: ангелы спускаются с неба, чтобы принять душу умирающего. Невольный убийца-граф сам теперь в отчаянии. «Я даю обет», говорит он: «занять место отшельника, которого я убил, и остаться в келье до конца дней моих». Между тем пропавшего графа дома считают уже погибшим, а его сенешал предательски думает овладеть женой и землями своего сеньёра. Но графиня сопротивляется; изменник начинает бить ее и, кажется, убил бы ее на смерть, если бы не семилетний мальчик Доолэн (Doolin), старший из трех сыновей графа Гюи: Доолэн, как маленький львенок, бросается на злодея, поднявшего руку на жену своего сеньёра. Чтобы отделаться от детей, сенешал пытается утопить их, но ему удается погубить только самого младшего. Двое старших на утлом челне пущены в открытое море, и волны уносят

1 Назидательный роман «О семи мудрецах» осуждает легкомыслие своего времени в выборе кормилиц: «В прежнее время были умнее, и тогда было в обычае, чтобы сына короля выкармливала жена герцога, ребенка герцога—графиня, дитя вавассера—горожанка и т. д.».

их все дальше и дальше. Доолэн не унывает, но его братишка слишком мал и слаб для такого испытания: бедняжке едва минуло пять лет; он так хорош с своими соколиными глазами; но голод делает свое дело: ребенок бледнеет, глаза закрываются, вот он уже мертв, и Доолэн один, томимый голодом, среди безбрежного океана в непроглядную ночь. К утру показывается вдали полоса земли, но Доолэн так слаб, что едва подымает руки до головы. А тут начинается буря, гром, дождь, град. Ребенок вручает уже свою жизнь Господу и Небесной Деве; жажда и голод становятся невыносимы. Доолэн подбирает градины и сосет их, ловит ветки, плавающие по волнам, и обглаживает листья. Но всему бывает конец, и вот ветер прибывает ладью к берегу. На берегу дремучий лес; дикими яблоками и орехами мальчик утоляет свой голод. Однако в лесу волки; «Ба, пусть они приходят, я им засажу мой нож в самую пасть», думает Доолэн. Куда же укрыться на ночь? А вот старый, дуплистый дуб: здесь и постель и кров для Доолэна. Средневековые поэты не стеснялись ни географией, ни естествознанием, и вот певец быliny о Доолоне населяет этот лес при устье Рейна тиграми, львами, леопардами. Мальчик из своего логова слышит и видит, как они грызутся, пока, наконец, не занялась зоря. Это был, конечно, тот самый лес, где скрывается в келье отец Доолэна. Граф Гюи встречается с сыном, и оба узнают друг друга. Забывая об обете, данном Богу, отшельник думает теперь покинуть келью и снова стать рыцарем: он торопится освободить жену и наказать изменника, завладевшего его наследием. Но Господь карает графа за нарушение обета: ангел спускается с неба и поражает его слепотой. И вот Доолэн, словно маленький Робинзон, остается теперь жить в глухом лесу, один со слепым отцом, которого нужно и кормить и водить. Каждый день ходит мальчик на охоту, приносит к вечеру дичь для слепца, солит мясо в прок морскою солью, плетет циновки из лык, шьет одежды из звериных шкур. Но однажды в лесу застучали копыта рыцарского коня: это едет посланный злого сенешала, изменника, бросившего в тюрьму мать Доолэна. Ребенок бросается на врага и убивает его ударом палицы: теперь впервые с восхищением видит он вызолоченный щит, блестящий шлем, кольчугу, сколоченную из мелких железных колец, а главное—меч, стальной меч! Рыцарская кровь закипает в нем, сердце воина бьется, и чутьем, со слов природы и Бога, постигает он трудную науку рыцарского облачения. Через несколько мгновений Доолэн уже на коне, шлем на голове, меч в руке. Слепец слышит лошадиный топот и ощупью выходит на встречу всаднику; по голосу он узнает сына: «О Господи!» восклицает он: «дай мне прозреть, дай увидеть мне моего сына!» В средневековой поэзии чудеса—не редкость, и вот, у старого графа вдруг открываются его прекрасные глаза. Доолэну нечего больше делать в лесу, ему еще нужно вернуть наследство, отмстить за мать и покарать изменника! Вот как рисуется бурное детство рыцаря певцу XIII в. Домашний кров, наследство, семья—все непрочно; с малолетства вся надежда рыцаря только на свой нож да на свою молитву. К такой только жизни и готовит юного барона домашнее воспитание, которое начинается с 7 лет.

Ученье

Развитие отвлеченного мышления, накопление разнородных знаний в области природы и истории тут не так важны. Не всякий рыцарь знал даже грамоте, редкий умел читать полатыни. У кого и были домашние учителя или школа, так не хватало времени идти дальше кратких начатков. И вся-то средневековая наука XI—XII вв., сосредоточенная в руках духовенства, вращалась преимущественно около вопросов богословских; светские знания

даже у ученых были скудны, полны заблуждений и предрассудков. А между тем до рыцарей на уроках в детстве из рассказов бывалых людей и былин жонглеров или из романов, прочитанных между битвами, и наскоро перелистанных энциклопедий (всяких *Imege*, *Bibliothèque*, *Miroir du monde*) доносились только отголоски этой жалкой науки. В географии для рыцаря выделяются три города—Рим, Византия и Иерусалим, но этот Иерусалим лежит будто бы в центре обитаемой земли, которая на ранних картах рисовалась правильным плоским кругом. Из древней истории он знает, может быть, Трою, Александра Великого, Цезаря, да и то в баснословной оправе, созданной неразборчивыми поэтами средних веков: их Александр Великий выбирает себе 12 пэров, подобно легендарному Карлу Великому, ускользает от сирен, подобно Улиссу, покоряет амазонок, подобно Тезею или Геркулесу; их Цезарь убит предками того Ганелона, который предал Роланда в Ронсевальском ущелье. Вся история Франции до Крестовых походов сливается для рыцарей в один мощный образ Карла Великого, словно мозаика, сложенный из всех Карлов, а, может быть, и всех императоров вообще. Этот Карл Великий в эпопеях—почти великан; он торжественно ведет изгнанного папу в Рим, достигает Византии и даже Иерусалима, где орошает слезами Гроб Господний, борется с арабами на юге Италии и на полях Апремона видит первые подвиги своего племянника Роланда. Поход Карла Великого на Пиренейский полуостров олицетворяется в образе этого Роланда, умирающего рядом с одиннадцатью трупами пэров на вершине, с которой он обозревает всю Испанию. Даже с уроков священной истории рыцари уносили только отрывки, как запас на всю жизнь, потому что редко кто из них мог читать латинскую Библию или понимать церковную службу все на том же латинском языке. Весь Ветхий Завет сводился, может быть, к образам земного рая и жизни прародителей да к трем преобразованиям: Даниил во рву львином, Иона во чреве китове и три отрока в печи огненной; разве что рыцарственный Иуда Маккавей привлекал еще к себе внимание барона. Зато жизнь Христа он должен был помнить хорошо: снова и снова пересказывается она во всех крупных эпопеях. Таков-то скудный, мутный запас мирских знаний у среднего рыцаря XI—XII вв. Но и эти убогие представления о мире отравлены еще, как и вся наука того времени, зловещей верой в чудовища, в страны без солнца и луны, в людей с львиными когтями на руках и на ногах, людей рогатых, людей лающих, подобно собакам, и т. п.

Но не об уме заботилось средневековое воспитание, а о силе и вере. И вот фехтование и охота возведены были на степень науки. С детства сражались на мечях, сражались на копьях, бились на палках; с детства одни охотились с собаками, другие—с соколами. Были даже особые учителя для соколиной охоты: у них перенимали дети, как кормить птицу, как носить, как выпускать, как кликать. Мальчики почти что жили в лесу и учились выслеживать дичь; а, воротясь домой с охоты, они шли к своим борзым, к своим коням или к соколам своих отцов. Такой молодой барон, на радость ему равных, становился уже неспособным к другой науке. Одна французская былина рассказывает, как хотели было перевоспитать Вивьена, племянника, того великого Гильома д'Оранж, который дважды сражался с неверными на полях Аликана и победил их во второй битве. Бедный Вивьен еще ребенком ради спасения отца был выдан сарацинам; потом его захватил датский пират, король Гормонд, и продал за сто марок жене купца Годафруа. Эта добрая женщина, воспользовавшись семилетним отсутствием мужа, стала впоследствии выдавать ему Вивьена за их сына, родившагося будто бы после отъезда отца, и попыталась дать мальчику хорошее купеческое

воспитание. Но в ребенке заговорила кровь, заговорило призвание. «Я научу тебя, как покупать и продавать», говорит Вивьену купец. — «О нет, нет», сопротивляется восьмилетний мальчик, «дайте мне только коня, двух борзых да сокола!» Годафруа все-таки приставил его к торговле, но Вивьен выменял себе за сто кип товару сокола и свору собак. Купец бьет за это своего приемного сына, но мальчик только кротко повторяет: «отец, поверь мне, что это превосходные борзые!» Вот он сын, внук и племянник героев-рыцарей.

Охота

Уважение к охоте из рыцарской среды проникло даже в круг ученых. В подразделении наук XII в. (*Didascalion* и *Eruditiones didascalicae* Гугона от св. Виктора) среди отраслей практического знания, обозначавшихся словом «механика», числились, между прочим, земледелие, мореплавание, изготовление оружия и охота. Император Фридрих II написал даже латинское разсуждение «Об искусстве охоты» (*De arte venandi*), переведенное в XIV в. на французский язык. Вот, наприм., его краткия указания об уходе за соколами. Различают несколько пород охотничьих птиц. Между всеми птицами с высоким и благородным полетом кречет самый красивый по соразмерности сложения; перо у него серое или белое, причем белым отдают предпочтение. Сокол, пойманный диким, называется «чиркун» (*garage*), сокол, вынутый из гнезда, — «глупыш» (*niais*; в древней русской охоте это «челиг» или гнездарь). Птицам, вынутым из гнезда и выкормленным без матери, тяжело дается ливание (мыт, *la mue*); лучшие соколы о 4 мытах. Кормить сокола надо преимущественно мясом диких животных; мясо дается сырым, еще теплым или подогретым, без нервов и сухожилий. Если мяса нет, то можно заменять его сыром или яйцом. Приручать хищную птицу называется «вынашивать» (*adebonairir*). Если имеют дело с соколом, взятым из гнезда, то его лишают свободы, как только он в состоянии уже летать, и дня через четыре ночью приступают к «зажмуриванью» (*cilieire*) и «закупориванью» (*rebouchage*). Если сокол взят с воли, то его пеленают, т. е. сажают в маленький полотняный мешок, из которого выходят только голова да кончик хвоста, и тогда совершают над ним «зажмуриванье» и «закупориванье». Первая ступень приручения состоит в том, что птице зашивают глаза, зажмуривают (*ciller*). Потом следует «закупориванье» (*rebouchage*), т. е. птице подрезают когти. Такому соколу надевают уже «обнасы», т. е. ремennую петлю вокруг лапы; на другом конце ремня два кольца, через которые пропускается повод для привязывания птицы к насести. Выше «обнасцов» укрепляют бубенчик на случай, если бы сокол заблудился. Для отдыха сокола сажают на жердь (*perche*), т. е. перекладину в уровень с глазом человеческим, и привязывают поводом, «вервью», или на стоячий железный шест (*sedile*) с деревянной шишкой и кольцом для повода. Соколу раскрывают глаза постепенно и с большими предосторожностями, чтобы приучить к свету. Сокольник уже раньше упражняется в том, чтобы носить сокола, пешком и верхом. Верхняя часть руки (чаще правой) спускается вдоль тела, не касаясь его; передняя часть руки сгибается под прямым углом. Не надо приближать сокола к своему лицу, дабы он не пугался, а следует держать его грудью против ветра. Птицу выносят по утрам, в мелкий дождь, и, чтобы раздражить, дают клевать кусочки мяса или кости и мускулы с перьями. Теперь приучают птицу повиноваться голосу сокольника, его свисту и даже жесту. Чтобы приучить сокола во-время бросаться на живую добычу, употребляют «вабило» (*le leurre*), т. е. чучело птицы из красного сукна с крыльями куропатки или в заячьей шкурке; чучело привязано на привязи так, чтобы сокольник мог вертеть его

вокруг себя. Есть еще другой способ приручения с «капюшоном» (*avec chapel*), который Фридрих II, по его словам, вывез с Востока. Капюшон делается из мягкой кожи и охватывает голову птицы до шеи, оставляя на свободе только клюв да ноздри. Чтобы освежать голову птицы, Фридрих II придумал пробивать в капюшоне отдушины. Капюшон надевают соколу, когда глаза у него еще закрыты, чтобы снимать и надевать, когда угодно, и не раскрывают ему глаз, пока птица не привыкнет к нему. Все остальное зависит от ловкости сокольника, от его умения приучить птицу взгонять дичь, ударять в нее, даваться в руки охотнику или даже ворочаться на кулаке.

Духовное воспитание

На ряду с физическими упражнениями шло изо дня в день наставление мальчика в учении Христа и заповедях доброго рыцаря; это лежало уже на обязанности матери, отца, духовника. В нравственной жизни молодого барона важным шагом была всегда первая исповедь и приобщение св. Тайн. Средневековый поэт трогательно описал первое приобщение Вивьена вечером после первой, несчастной битвы при Аликане. Французы, христиане, были разбиты, и победа осталась за неверными. Безконечные ряды мертвых рыцарей и лошадиных трупов указывают еще те места, где происходили тысячи единоборств, из которых слагалось средневековое сражение. Все французы полегли здесь, кроме четырнадцати, а между тем язычников еще 100 тысяч. Над полем битвы носятся мучительные вопли, предсмертное хрипение умирающих, ржание лошадей, потерявших всадников, радостные крики победителей. А тут же рядом, на зеленой лужайке у родника, куда еще долетает бряцанье последних ударов, недвижимо лежит юноша, почти ребенок, с бледным челом, с руками, сложенными крестом: это Вивьен, племянник героя Гильома д'Оранж. И дядя находит его; грусть овладевает суровым воином при мысли, что юноша не дожил до первого причастия. Но Вивьен еще жив, рука его изредка ударяет еще в грудь, глаза открываются и смотрят на небо, а губы шепчут имя Господне. У Гильома всегда есть при себе освященная облатка. «Не хочешь ли ты приобщиться хлебом, освященным священником?» спрашивает он юношу. — «Я никогда еще не вкушал этого хлеба», отвечает умирающий: «но вот вы здесь, и я чувствую, что Бог посетил меня». Тогда Гильом становится для него священником: «Исповедуйся передо мной», говорит он племяннику: «потому что я твой ближайший родственник, и нет здесь священника». — «Я готов», шепчет Вивьен: «но прислоните мне голову к вашей груди. Я алчу; да, я алчу этого хлеба, но торопитесь, я умру, я умираю». Он исповедуется и может припомнить только один грех: «Я дал обет никогда не отступать ни на шаг перед неверными, и вот я боюсь, что сегодня нарушил свой зарок». Наступает минута таинства, Гильом вынимает из сумочки облатку, преклоняется перед ней, как при возношении даров, и приобщает Вивьена. Лицо умирающего озаряется последнею радостью, а затем смерть спускается от головы к сердцу; юноша склоняется и со вздохом предает душу ангелам, спустившимся за ней от Господа.

5. Юность барона

Пажи и оруженосцы

Лет с двенадцати молодого барона посылали ко двору его будущего сеньёра, где он и проходил на деле главную школу рыцарства. Это называлось «вскармливать» (*pourrir*). Вот мой «выкормок», говаривали сеньёры; впоследствии они делали этих выкормков (*pourri*)

своими оруженосцами (*escuier*). Но до зачисления в экуюе такого молодого барона звали просто «отроком» (*enfant*), «барчуком» (*damoiseau*); дамуазо—это маленький барин (*domnicellus* от *dominus*). Синонимом для дамуазо был «валэ» (*valet*), т. е. маленький вассал¹ (*vassalet*). Впоследствии слово «валэ» (слуга) стало унижительным, но не ранее XIV в.; напротив, слово «паж» (*page, pagius*) первоначально могло означать и прислугу низменного происхождения, на кухне и на конюшне, но потом значение слова «паж» стало подыматься и при Валуа употреблялось уже в нашем смысле. Словом «экуюе» (*escuier, sentarius*) назывался тот же отрок. Эта школа при дворе сюзерена продолжалась лет 5—7, но часто гораздо меньше. Дамуазо не смели вооружаться ни мечем, ни копьем, ни шлемом, ни кольчугой; им оставалось только сражаться с рогатиной или пикой; позднее эти строгости были смягчены, и только шпоры навсегда остались отличием «рыцаря» (*miles*). В битву оруженосец действительно нес щит своего рыцаря, становился сзади него и подавал ему запасное оружие, стерег пленных. Иногда удары противников доставались и оруженосцу, иногда сам оруженосец повиновался внутреннему призыванию, вмешивался в битву на защиту своих и тут же на поле сражения поставлялся в рыцари. Но и дома, в замке своего рыцаря, у экуюе бывало много дела.

Чуть свет экуюе с скребницей и щеткой в руках торопится в конюшню чистить лошадей рыцаря, а под конец и свою собственную; иногда ему же приходилось и объезжать молодых лошадей. Потом он идет будить рыцаря и помогает ему одеваться. Ожидали ли гостя в замок, экуюе шел ему навстречу, брал у него оружие и коня, вел самого гостя в приготовленную для него комнату, снимал с него доспехи и помогал переодеваться. Протрубит ли рог к обеду, экуюе подает рыцарю и гостям воду для мытья рук перед едой, разносит хлеб, режет мясо, наливает вино или внимательно стоит за креслом рыцаря. Отправляется ли рыцарь в путь, за его вещами присматривает все тот же оруженосец. Рыцарь и экуюе неразлучны, экуюе—тень рыцаря. Иногда экуюе посылается вестником ко двору другого барона с письмом. Конечно, не все дамуазо несли такую тяжелую службу, в особенности, где их было много; а сеньёры любили окружать себя целой свитой красивых и безупречных дамуазо.

Испытания

В чем же заключалась красота этих отроков? Все матери желали себе сына рослого, с литым телом, стройным, гибким, подвижным; с правильными чертами лица, с золотыми кудрями и «зелеными» соколиными глазами, белой, слегка розоватой кожей. Труверы всегда восторгались станом дамуазо, широким в плечах, тоненьким в талии. Но главным считалась все-таки сила, а не красота. Как рисовался, наприм., Карл В. певцам рыцарской эпохи? Великаном в 7—8 футов роста, легко сгибающим по три—четыре подковы, подымающим двумя руками рыцаря в полном вооружении. Каковы должны быть внутренние, душевные качества дамуазо? Самым важным для дамуазо было внутреннее «призвание»; поэтому старые бароны любили иногда подвергнуть испытанию отроков. Такому испытанию герцог Жирар подвергает, напр., своего племянника Эмери де-Нарбонн (в былинах «Girars de Viane»). Герцог Жирар (Girard) сидит в день своего рождения в своем замке

1 Напротив, слово «башелье» (*bachelier, baccalarius*) первоначально—мелкопоместный рыцарь, затем—неженатые сыновья баронов при жизни отцов, затем—молодежь вообще. Итак, башелье в поэмах XI—XIII вв. уже рыцарь. Напротив, не у всех дамуазо бывали достаточные средства, чтобы принять дорого стоявшее посвящение в рыцари. Отсюда в Арагонии ниже рыцарей был особый класс «отроков» (*enfancons*).

Вьенн и смотрит в окно на окрестности. Вдруг между двух холмов, в глубокой долине, он видит группу всадников, молодых, красивых дамуазо, которые сидят на узорчатых седлах и правят к замку своих арагонских лошадок. Вот они остановились у подъезда, и их молодой, красивый вождь слезает и весело подымается по лестнице в залу, с соколом, белым, как лист тополя, на руке. Жирар почему-то начинает волноваться и, наконец, восклицает, меняясь в лице: «Как он похож на нашу семью!» Герцог Вьенский, мучимый догадками, хочет во что бы то ни стало испытать нового пришельца: «Не идите встречать его, не приветствуйте, не заговаривайте с ним», приказывает он своим воинам. Этот молчаливый, холодный прием раздражает Эмери, и гнев вспыхивает в нем. «Если вы так-то принимаете ваших гостей», говорит он: «так знайте, что в городке есть гостиницы, а у меня наберется еще ливров пятнадцать золота». Жирар еле сдерживает смех и с важностью обращается тогда к племяннику: «Ты, вероятно, жонглер; ну, так покажи нам свое искусство», и тут же кричит ключнику замка: «гляди, мальчик не умеет даже нести сокола; возьми у него птицу и посади на жердь». Гнев Эмери растет: «Право, я лучше вернусь к отцу, потому что дяди моего, конечно, уже не может быть здесь!»—«Если ты жонглер», продолжает свою шутку герцог: «так теперь как раз время спеть нам песню. Смотри, вот горностаевая шубка: это будет твоя награда. Начинай же!» Долее дамуазо уже не может сдерживаться и своим соколом, как молотком, ударяет Жирара прямо в лицо. «На виселицу его», кричит герцог, у которого кровь струится по лицу: «на виселицу!». Шестдесят экуюе и воинов бросилось было на Эмери, но тот, бледный, дрожащий, гордым взглядом заставляет их остановиться: «Я сын барона, дона Гэрно, я племянник Жирара. Назад!» Герцог слышит это, бежит к нему с распростертыми объятиями. «О да, поистине ты нашего рода, и у тебя сердце барона». И вот испытание оканчивается поцелуями и слезами.

Скитания молодого рыцаря

Но самое суровое испытание, которое только выпадает на долю дамуазо, это, когда родители скажут им: мы вам не передадим ленов, ищите сами, где сумеете». Средневековые былины и хроники полны рассказов об обездоленных дамуазо, которые силою копья завоевывают себе целые государства или сразу, благодаря удачной женитьбе, получают и славу и богатство. Таков рассказ об отъезде сыновей Эмери (былина «*Departement des enfants Aimeri*»). Эмери сам не богат, у него только область Нарбонна, которую он хочет оставить самому младшему из своих сыновей. «Возьми сто рыцарей», говорит он старшему сыну Бернару: «и отправляйся прямо в Брюбант (Brubant). Там правит гордый герцог, а у него дочь—самая красивая девушка в свете. Иди и проси ее руки у отца». Бернар отвечает только: «Такова ваша воля, батюшка, и я иду!» и кричит уже рыцарям: «На коней!» Где лежал Брюбант, этого, конечно, не знал и сам поэт XII в., но Бернар и сто рыцарей Нарбонна видят его, наконец, перед собой, этот пышный город. В тени олив у подъезда дворца рыцари слезают с коней и по каменной лестнице подымаются в сводчатый зал, где сидит герцог среди своих баронов. «Дорогой и прекрасный сир», говорить громко Бернар: «граф Эмери просит вас отдать мне вашу красавицу-дочь в жены. Я буду служить тогда вам всю мою жизнь.» Герцог тотчас же соглашается, и тут кстати выходит и дочь, которая уже узнала о приезде Бернара. «Дочь моя, красавица моя, я нашел тебе мужа», говорит отец. «Да будет благословен Господь», отвечает дочь: «назовите мне его, дорогой сир».—«Вот он, Бернар из богатого Нарбонна». «Я согласна, батюшка». Тотчас зовут епископа благословить жениха и

невесту, а на следующий день уже пир под сводами замка. Тот же рассказ повторяется и еще для двух сыновей Эмери (для Garin и Herrant). Счастье четвертого сына Бёв (Beuves) устраивается еще проще. Умирает герцог Великой Гаскони и оставляет только одну дочь—красавицу Элиссан (Helissent). По обычаю феодальных времен, сирота-дочь идет к своему сеньёру королю Карлу в Париж: «Мой отец умер; я пришла просить у вас мужа». Король тут же берет ее за руку и обращается к Бёв: «Возьми эту девушку себе в жены.» «Благодарю, сеньёр», отвечает сын Эмери и зовет епископа, который их и благословляет.

Но дамуазо рвется из дому, даже когда родители и не гонят его, потому что храбрость—его ремесло. Наприм., у рыцарственного Вивьена, о котором так часто рассказывают жонглеры, был еще маленький 15-тилетний брат; его оставляют в замке перед решительной битвой с неверными при Аликане. «Ты еще слишком молод и мал, чтобы идти на встречу язычникам», говорит ласково Гильом д'Оранж отроку Гишардэ: «где тебе вынести зрелище битвы и поля, покрытого мертвыми. Оставайся лучше с своей теткой Гибур» (Guiboure). Но Гишардэ пробирается в конюшню, седлает боевого коня и пускается один без оружия в путь. Гибур, «графиня со строгим ликом», посылает за ним в погоню сто башелье. Но отрок сам ворочается домой окольными путями и просит тетку «посвятить его в рыцари!» Какая тут смесь ребячества и героизма! Однако, самым законченным типом рыцаря-ребенка в средневековой поэзии был все-таки Роланд, племянник Карла В.: варварство, грубость, немного шаловливой хитрости и много отваги—все это смешалось в душе такого дамуазо XI—XII вв. Вот воинство Карла В. идет в поход на неверных: это поход в Италию, который существовал только в фантазии поэтов и заканчивался в былинах знаменитой битвой при Аспремонте. Но отрока Роланда и его сверстников заперли в замке в Лане: они еще слишком молоды для войны. До отроков доносятся звуки рогов, ржанье и топот коней; они видят сквозь узкие окна оруженосцев, отыскивающих помещения для своих рыцарей. Терпению их наступает конец; пять отроков с Роландом во главе рвутся к удаляющейся армии, но в замке Ланском нарочно оставлен для присмотра привратник. Роланд думает сначала обмануть привратника, подкупить его обещаниями, называет его благородным, зовет монсеньёром. «Дай нам», говорит он: «поиграть немного за воротами. Знаешь, что? Когда мы вырастем, мы сделаем тебя рыцарем». Но привратника трудно провести: «Рыцарем?» переспрашивает он: «жалкое ремесло! Зарабатываешь только жестокие удары. Я предпочитаю спать», и тут же прибавляет строгим голосом: «Идите к себе и забавляйтесь вашими соколами.»—«Нам бы только взглянуть на рыцарей, добрый отец-привратник,» ластится Роланд: «выпусти нас; ну, пожалуйста.» Привратник упорствует, и отроки отбрасывают тогда всякое притворство: «А, ты не хочешь повиноваться нам, так получи же, что заслужил!» С этими словами Роланд с товарищами набрасываются на несчастного, осыпают его ударами палок, замертво оставляют на месте, а сами скрываются за воротами. Между тем армия Карла В. уже далеко, а пятеро дамуазо идут пешком. Как нарочно показываются пятеро бретонцев. «Нам нужны лошади», говорит Роланд: «так вот нам и работа, скорее на них, на них!» Дамуазо бросаются на испуганных бретонцев, выбивают их из седла, и овладевают конями. Ограбленные рыцари идут между тем жаловаться к своему королю Саломону. Что это за отроки? Надо узнать, и тысяча людей отправляется в погоню. Их окружают, стесняют, приглядываются к ним. «Ах, да это Роланд», вскрикивает вдруг со смехом король Бретани, узнавши племянника Великого Карла. «Это Роланд», повторяют кругом со смехом ба-

роны: «это Роланд!» Никто не хочет знать, что отроки избили привратника и ссадили с коней пятерых бретонцев; их прощают даже чествуют, позволяют им остаться в лагере и принять участие в крестовом походе. Роланд торжествует (См. эпопею «Aspremont»). Но при всей своей грубости, страстности, эти дамуазо XII в. сохраняют чистоту нравов. У них нет и той чувствительности, мечтательности, которой наделяет своих героев поэзия XIV в. Все они слишком любят охоту и военные упражнения, чтобы обращать большое внимание на женщин.

Когда же оканчивается отрочество? Традиция германская различна, смотря по племени. У Салийских франков оружие вручалось с 12 лет, у Рипуарских—с 15. Во многих средневековых сборниках обычаев, «кутюмов», говорится о двадцати одном или двадцать первом годе, как о совершеннолети; однако в Бовэзи сохранилось совершеннолетие в 15 лет. Рыцарство давалось долгое время скорее по германской традиции в 12, 13, 14, 15, 17, 19 лет, т. е. средний возраст можно принять в 15. Но заметно стремление отодвинуть его в XIII век к возрасту совершеннолетия, т. е. 21 году.

6. Посвящение в рыцари

Древнейшее посвящение

В сущности рыцарем долгое время¹ мог быть сделан каждый, но на деле обыкновенно посвящались только сыновья рыцарей (дамуазо). Посвящение чаще всего совершалось в праздники Рождества, Пасхи, Вознесения, Пятидесятницы, в Иванов день. Обычай «ночной стражи» (*veillee des armes*) накануне посвящения вытек из этой привычки, потому что под Пасху и под Троицын день шло обыкновенно всенощное бдение до утра; как раз в эти дни крестились в древнехристианские времена вновь обращавшиеся. Однако, случались посвящения и на поле битвы. Каждый рыцарь мог посвящать в рыцари, но чаще всего это делали родственники, сеньёры; короли и императоры стремились утвердить за собой монополию в этом деле. Иногда бывало по нескольку восприемников: один привязывает правую шпору, другой—левую, третий опоясывает нового рыцаря мечем. Обыкновенно обряд посвящения излагают по поэме XIII в. «*Ardene de Chevalerie*» или по католическим обрядникам, но это более позднее рыцарство, а посвящение XI—XII вв. гораздо проще. К германскому обычаю вручения оружия прибавились сначала только обряд подвязывания шпор, облачение кольчуги, каски, ванна перед облачением без всякого символического значения; даже «*solee*», удар ладонью по шее, прибавился позднее и не составлял сначала такой необходимой части посвящения, как опоясывание мечем. Но *solee* сопровождалось уже кратким наставлением: будь храбр. К концу обряда рыцарь вспрыгивал на лошадь так, чтобы не касаться стремени, скакал немного галопом и ударом копыя поражал манекены, утвержденные на столбах (*quintaine*)². Иногда сами рыцари обращались за освящением оружия к церкви; таким образом, стало проникать христианское начало в чисто варварский, военный обычай.

1 В Германии конституции императора Фридриха I закрывали доступ в рыцари детям духовных и крестьян.

2 *Quintaine* чаще всего состояли из укрепленных на столбах доспехов—щитов, кольчуг, которые молодой рыцарь должен был пробивать, разбивать или опрокидывать.

Посвящение Готфрида Плантагенета

В истории Готфрида Плантагенета (*Johannis Turonensis, monarchi Majoris Monasterii Hictoria Geoffredi Plantagenistae, Andegavensis comitis et ducis Normannorum*) есть рассказ о посвящении молодого Готфрида в рыцари и вручении ему оружия английским королем Генрихом в 1129 г. Годфриду было 15 лет, когда отец его Фульк Анжуйский получил приказ от английского короля прислать сына к Троицыну дню в Руан: король хотел посвятить его заодно с другими сверстниками в рыцари и женить на своей дочери. Пять баронов должны были приводить Годфрида к королю, а 25 дамуазо, одних лет с женихом, составляли его свиту. Король посылает к нему навстречу знатных придворных, а когда Годфрид вступает во дворец, то Генрих Анжуйский, который обыкновенно ни перед кем не подымался, встает с своего трона, идет к будущему зятю и обнимает его. Затем начинается пир; за беседой король испытует отрока различными вопросами и остается доволен и его умом и его речью. На другой день с разсвета Годфриду и его спутникам готовят ванны. Вымывшись, жених надевает льняную рубашку, полукафтан, шитый золотом, пурпуровую мантию, обувает ноги в шелк и башмаки, украшенные золотыми львами; да и все другие дамуазо облачаются в льняные рубашки и пурпуровые мантии. И вот Годфрид выходит со свитой, «словно белоснежный цветок лилии, осыпанный лепестками роз». Приводят лошадей, приносят оружие. Для жениха приготовили испанского коня, который на бегу обгоняет летящих птиц; отрока облачают теперь в кольчугу из двойных колец, которую не пробить ни одному копыю; на ноги надевают поножи, то же сколоченные из двойных колец, и золотые шпоры; на шею вешают щит с изображеньями золотых львов; голову прикрывают шлемом, выложенным драгоценными камнями и притом таким крепким, что его не пробьет никакой меч; приносят копье с ясеневым древком и острием из стали, закаленной в Пуатье, приносят меч, работы знаменитого мастера Галана, о котором говорят все былины. И вот молодой рыцарь вскакивает на лошадь без помощи стремян и целый день предается воинским забавам со своими сверстниками, одновременно посвященными в рыцари. Таково посвящение XI—XII вв.: нет ни *colee*, ни *sermon*, т. е. поучения при вручении оружия, ни *quintaine*.

Совершенно также описывают обряд и древние былины, напр., «*Garin le Horelain*». Суровый Фромон посвящает здесь в рыцари сына Фромондина. В замке готовят ванны, наполняют их водой, и Фромондин с товарищами омываются в них; между тем шамберлэны приносят одежды, а оруженосцы держат уже лошадей. Фромон посылает для сына своего боевого коня Босан (*Beaucent*) с тулузским седлом. Фромондин одним прыжком вскакивает на коня, пускает лошадь галопом и ударяет мимоездом дядю Бернара де-Нэзиля в шутку так, что тот чуть не падает. «Старый сир», кричит он со смехом: «будьте у меня гостем!» И Бернар отвечает: «Благодарю вас; но с условием: умеете пришпоривать коня, чтите благородных рыцарей и не забываете подливать бедным и молодого и старого вина». Этим наставлением новому рыцарю и общим пиром заканчивается посвящение.

Colee

В былинах и хрониках XII в. встречаются часто и посвящения с *colee*, которое пришло, вероятно, с севера не раньше XI в. Историк XII в. (*Lambert d'Ardres*) описывает посвящение в рыцари Арнульфа II, графа д'Ардр и де-Гинь: отец молодого принца дает ему при всех *la colee*, но так, что новый рыцарь не может ответить тем же (*et ei militarem, non repercedientus, dedit alaram*). Это происходило в Гинь на Троицын день 1181 г. Такой же

обряд знает былина «Эли де-С. Жиль». У отца Эли — у Жюльена де-С. Жиль борода совершенно седая: он с честью уже сто лет носит оружие рыцаря, не изменяя ни сеньёру, ни Христу, но, наконец, хочет и отдохнуть. Вот он начинает укорять сына, более чтобы раздражить и испытать силу его духа. «В твои годы», говорит Жюльен: «я завоевывал замки, крепости, города». Задетый за живое, Эли собирается навсегда покинуть отцовский замок, но старик останавливает его: «Куда пойдешь ты без боевого коня и оружия; в Париже и в Шартре все скажут: вот сын Жюльена Бородатого, изгнанный своим отцом». Жюльен велит приготовить *quintaine*, принести оружие и посвящает Эли в рыцари. Старик опоясывает его мечом и, замахнувшись ладонью, дает сыну такой удар, что тот еле-еле удерживается на ногах. Новый рыцарь сдерживает закипевший было в нем гнев и только цедит сквозь зубы: «Если бы это был кто другой, так я отплатил бы ему; но вы — мой отец, и я не должен негодовать». Эли вскакивает затем на лошадь и поражает всех разставленных болванов. «Из него выйдет богатырь», восклицает тогда с восторгом старик.

Религиозное посвящение

Под влиянием церкви этот военный обряд становится сначала религиозным, когда церковь только благословляет меч (*benir l'eepee*), а затем и прямо-таки литургическим, когда церковь сама опоясывает рыцаря мечем (*ceindre l'eepee*). Отсюда в древних «пontiфикалах» (епископских обрядниках) и различают *Benedictio ensis et armoris* (благословение оружия) от *Benedictio novi militis* (посвящение рыцаря). Былины знают обычай бодрствовать в молитве ночь перед посвящением, просить у церкви благословения для нового рыцаря, класть его оружие для освящения на престол, но богослужебный обряд *Benedictio novi militis* совершается уже только на латинском языке.

Наиболее распространенный рассказ о посвящении в рыцари и притом с толкованием символических обрядов заимствуется обыкновенно из поэмы XIII в. «*Orden de Chevalerie*». Но это литературное произведение дает в сущности свою собственную теорию, которая отразилась на позднем рыцарстве, но не опирается на факты действительной жизни, изображаемой в былинах. Поэма «*Ordene de Chevalerie*» излагает беседу пленного христианского рыцаря Гю Тивериадского (*Hue de Tabarie*) с великим государем неверных, завоевателем и победителем Саладином. Саладин хочет будто бы сделаться рыцарем и спрашивает рыцаря об обрядах. «Святой орден рыцарства — не для вас», отвечает тот: «Вы другого закона; у вас нет ни веры, ни крещения. Сделать вас рыцарем — такое же безумие, как накрыть шелком кучу навоза, чтоб не воняло». Но Саладин настаивает, приказывает, и пленник повинует. Вот тут и начинается символическое толкование всех обрядов. Омовение — первый символ. «Как ребенок выходит без греха из святой воды при крещении», говорит посвящающий рыцарь: «так и вы должны выйти из этой ванны, смывши с себя всякия пятна чести и всякия скверны». Посвящаемый выходит из ванны уже преображенным и сияющим и сажается на торжественное *ложе*: «Завоевать себе *ложе* в раю — такова цель рыцарства». Саладин послушно облачается в *белыя* одежды: «если рыцари хотят достичь царства Небесного, они должны быть *чисты* душой и телом». Затем Гю де-Табари набрасывает *багровую* мантию на плечи повелителя: «Помните, что вы должны проливать кровь вашу на защиту Святой Церкви». Саладин протягивает ноги, а рыцарь обувает их в *черное*, «чтобы напомнить ему о земле, из которой он создан и в которую обратится, и предохранить от гордости». Потом Саладина опоясывают *белой* перевязью, опять-таки в знак нравственной чи-

стоты, как первого долга рыцарей. К темной обуви прикрепляют золотые шпоры: «Отныне рыцарь должен быть настолько же послушен шпорам Божественной воли, как его лошадь — ударам этих материальных шпор». Теперь время вручить рыцарю и меч о двух лезвиях: «одним лезвием он будет поражать богача, который угнетает бедного, другим карать сильного, который преследует слабого». Голову новому рыцарю окутывают белым покрывалом, дабы он помнил о важности душевной чистоты, соблюдая непорочность или очищаясь покаянием; наконец, весь обряд оканчивается наставлением Гю: «Четыре заповеди должен блюсти рыцарь, если он хочет сохранить честь свою незапятнанной: никогда не идти заодно с изменниками; никогда не давать дурных советов даме или девушке, напротив, всегда относиться к ним с большим уважением и защищать их против всех; затем, соблюдать благочестиво посты и воздержание и, наконец, слушать ежедневно обедню и щедро одарять монастыри». После этого Саладин освобождает на волю своего пленника.

Средневековая церковь постепенно накладывала свою руку на военный германский обычай. Сначала епископ благословлял только оружие, но, в конце концов, он сам стал опоясывать посвящаемого мечем и, смягчая *colee* в легкое прикосновение руки, делал его рыцарем, произнося: «Будь рыцарем» (*Sois chevalier*). В Риме (в библиотеке *Vallicellane*) хранится манускрипт, возникший не позже первой половины XI в.¹ Это обрядник, где целый подбор военных молитв: здесь благословение военного знамени (*Benedictio vexilli bellici*), затем благословение меча с молитвами «*Exaudi*» и «*Benedic*» и тотчас же антифон со стихом «*Accingere gladio tuo super femur*» (Да будут препоясаны чресла твоим мечем), которые встречаются во всех епископских служебниках (понтификалах) и обозначают мгновение, когда посвященный опоясывается; наконец, молитва с обращением к Господу: «Ты, Господи, повелел рабу твоему препоясаться мечем». Кто же препоясывал здесь будущего рыцаря? Кажется, что епископ. Но затем до XIII века нет следов «*Benedictio novi militis*». Вероятно, что обряд этот возник в Риме и распространился именно оттуда. В поздних понтификалах встречается несколько разных редакций «*Benedictio novi militis*»; вот, напр., ритуал по епископскому обряднику Гильома Дюран. После обедни епископ приступал к благословению меча и произносил «*Benedic*»: «Благослови, Господи, меч сей, дабы раб Твой был отныне защитником церквей, вдов, сирот и всех служащих Тебе против злобы еретиков и неверных». Между тем меч лежит обнаженным на жертвеннике; наконец, епископ берет его и влагает в правую руку будущему рыцарю со словами: «Прими меч сей во имя Отца и Сына и Св. Духа и т. д.». Потом, вложивши меч в ножны, епископ опоясывает посвященного мечом в ножнах со словами: «*Accingere gladio tuo super femur etc.*» (Да будут препоясаны чресла твои мечем...). Опоясанный, в свою очередь, вынимает теперь меч из ножен и делает им три взмаха по воздуху, вытирает его о левую руку, словно он уже в крови врагов Истины, и снова влагает. Епископ братски целует затем нового рыцаря, произнося: «Будь рыцарем миролюбивым, бодрым, верным и Богу преданным». Затем следует *alapa*, но теперь это легкое прикосновение, которым священнослужитель как бы пробуждает воина от сна бодрствовать во славе и вере Христовой. Тут окружающие старые рыцари привязывают новому шпоры, и поется антифон со стихом «*Accingere gladio etc.*» Все оканчивается вручением *vexillum*'a.

1 Вероятно, он возник при Оттоне III между 983—1002 г. Это «*Ceremoniale antiquum sive Ordo romanus et Rituale*».

7. Брак рыцаря

Феодализм и браки

В браках феодальной эпохи чаще всего бывало мало поэзии. Каждый барон старался главным образом упрочить свое положение и заручиться большим числом ленов; выгодная женитьба на богатой наследнице бывала при этом обыкновенным средством. С другой стороны, для верховных сюзеренов было важно, чтобы каждый лен находился в руках сильного ленника, способного нести военную службу; поэтому дочери-наследницы и вдовы ленников должны были скорее выходить замуж, дабы сохранить лены по наследству. Хорошо еще, если они были свободны выбирать одного из трех баронов, предложенных сюзереном в мужья, а то иногда верховный собственник прямо навязывал им своих любимцев. Короли охотно раздавали свободные лены вместе с их наследницами баронам, которые верно служили им. Вот какой случай рассказывает, напр., былина «Charroi de Nîmes»: «На этих днях», говорит здесь король графу Гильому в ответ на его страшные угрозы: «умрет один из моих пэров; если хотите, я подарю вам его земли и его жену». Затем, под влиянием страха, он начинает последовательно предлагать ему все свободные наследства. «Возьмите землю маркиза Беранже, который только что умер, и возьмите его жену вместе с его леном». Это предложение приводит Гильома в бешенство. «У вас память коротка, сир», отвечает он королю: «Помните ли вы еще тот день, когда в битве с сарацинами вы были сбиты с коня, и уже смерть висела над вами. Один из ваших графов увидел вас в этой опасности: он подбежал и своим мечем прорубил среди врагов просеку вокруг вас, словно кабан между собак; затем он сошел с коня и держал его, помогая вам сесть в седло. Это был маркиз Беранже, жену которого вы мне теперь предлагаете. Однако после него остался маленький сын. Я убью первого, кто обидит ребенка». Неудивительно, что этот обычай навязывать наследницам мужей часто служил причиной продолжительных войн. В поэме «*Garins li Loherains*» король Тьерри на смерть ранен стрелой, пущенной из сарацинского арбалета. Он чувствует, что умирает, и хочет выбрать своей дочери Бланшефлор мужа и могущественного защитника. Выбор Тьерри падает на лотарингца Гарэна: «Я вам даю Бланшефлор, мои земли и мою страну». Гарэн согласен, конечно, если император Пипин утвердит за ним земли; жених и невеста дают друг другу обеты над мощами, а Тьерри говорит: «ну, теперь выньте стрелу из моего тела». Стрелу вынимают, и король умирает. Гарэн отправляется к императору в Лангр просить утверждения для своего брака с Бланшефлор. Но тут из среды придворных раздается голос против брака: «Вы забываете, сир, что обещали уже мне первый свободный лен. Мне и только мне одному принадлежит Бланшефлор». Так говорит Фромон из Бордо, который и становится смертельным врагом лотарингцев. Гарэн сначала было сдерживает себя, но потом раздражается проклятиями, бросается на Фромона и готов уже нанести удар, но сам император удерживает его за плащ. Гарэн не женился на Бланшефлор, но с тех пор возгорается страшная распря, какая-то война дикарей, о которой и поет эпопея «*Loggains*». Вот из-за чего умирали рыцари, горели замки, города разрушались, а дети оставались без наследства. Только церковь проводила настойчиво требование, чтобы браки были добровольными. В одной поэме («*Veuves d'Hanstonne*») аббат спрашивает Гюндемера: «Хотите вы взять в жены эту девушку с ясным челом?»—«Да», отвечает он: «и я дарю ей, как вдовью часть, всю Бургонь».—«А ты, девственница,—я вижу, ты плачешь? Хочешь ты взять этого барона в мужья?»—«Нет», отвечает она: «мне не нужно этого предателя»—и брак не

состоялся.

Женские типы

Ранняя рыцарская поэзия, как и ее герои, мало обращает внимания на женщин; однако, и она создала несколько идеальных женских типов: прекрасную Од (Aude), которая умирает, узнавши о смерти своего нареченного Роланда; настойчивую Германгар (Hermengart) из Павии, дочь короля Бонифация, которая может выйти замуж только за Эмери, избранника своего сердца; Берту, жену Жирара Руссильонского, образцовую хозяйку-швею и в то же время примерную христианку по доброте и простоте. Но тип жены средневекового барона, владычицы замка в отсутствие мужа, с особенной силой воплотился в Гибур (Guibourne), жене Гильома д'Оранж (в поэме «Aliscans»). Гильом д'Оранж разбит при Аликане и один только остался в живых и на свободе из всех христианских рыцарей. Его жена Гибур далеко от поля битвы, в замке Оранж, ждет исхода борьбы с сарацинами. Вдруг привратник докладывает, что какой-то мужчина просит впустить его в замок и выдает себя за Гильома. Дрожь пробегает у Гибур по жилам. Еще сомневаясь, не доверяя, но все-таки взволнованная, она бросается на маленькую башенку. На другом берегу рва недвижимо стоит рыцарь высокого роста, в арабских доспехах. «Это неверный», шепчет Гибур: «не надо отворять ему наших дверей. Неверный! ты не войдешь сюда», кричит она рыцарю. Но тот тихо и грустно отвечает: «Я Гильом». Ему некогда рассказывать теперь, как ради спасения надел он сарацинское оружие. «Я Гильом», повторяет он, и слезы крупными каплями падают ему на щеки. Его руки побагровели от крови, от плача распухли его глаза: «Двадцать тысяч турок преследуют меня по пятам, отворите, отворите мне!» И правда, издали доносится сначала неопределенный, но вот уже все сильнее и сильнее разрастающийся гул тысячи скачущих коней. Гибур все еще колеблется: «ваш голос напоминает немного Гильома, но ведь множество людей походит друг на друга речью и голосом». Тогда граф отстегивает забрало, откидывает шлем за плечи и обнажает перед Гибур свою прекрасную, окровавленную от ран голову. «Взгляните на меня», говорит он теперь: «я ли это». Она наклоняется и с ужасом узнает Гильома; а между тем вблизи уже слышны крики христианских пленников, которых сарацины гонят, как стадо, перед собой, в цепях, под ударами. Кровь бросается Гибур в голову. «Как», кричит она снова пришельцу: «ты выдаешь себя за барона Гильома, хочешь слыть за гордую десницу, покрытую славой, и можешь спокойно выносить это унижительное зрелище! Нет, нет, ты не Гильом. Гильом никогда не допустил бы, чтобы при его жизни, у него на глазах обращались так с христианами! Нет, ты не Гильом». Тогда этот побежденный, обезсиленный беглец, бьющийся уже шестьдесят часов и потерявший не мало крови, молча накидывает шлем, укрепляет забрало и с копьем в руке снова бросается в толпу неверных. Он настигает их, наносит удары, убивает, бьется один против сотни и освобождает пленных. «Что я—Гильом?» спрашивает он тогда снова Гибур. Двери Оранжского замка отворяются, наконец, перед несчастным. Однако, Гибур все еще как-то не верится: ей чуждо видеть Гильома побежденным; она так привыкла к его торжеству и победам. Пятнадцать ран, изрубленное и окровавленное тело, крупные слезы на щеках—вызывают в ней жалость, но одна мысль о поражении снова делает ее нечувствительной. «Нет, это все-таки невозможно, чтобы ты был Гильом: иначе ты был бы победителем». —«Где же, наконец, все французы?» продолжает Гибур.—«Убиты». —«Где твои бароны?» —«Убиты». —«Где твои племянники?» — «Убиты». —«Где Вивьен, которого я так люби-

ла?»—«Убит». С рыданиями и слезами Гильом, как ребенок, повторяет только: «Убиты, убиты, они все убиты при Аликане». К Гибур первой возвращается мужество. «Ну, так теперь не до отдыха», торопит она, сдерживая слезы: «надо отмстить за Господа и за мужей Франции. В путь, иди и проси помощи в Париже у императора, с Богом!»—«Не отправить ли мн вестника вместо себя?» раздумывает Гильом. Но Гибур не помнит ни пятнадцати ран, ни 60 часов битвы. «Нет, отправляйся сам!»—«Но я боюсь оставить тебя одну».—«Я одна сумею выдержать осаду турок: я взойду на укрепления и сверху буду убивать их. Иди!» Но настала минута прощанья, и графиня чувствует, что мужество внезапно покидает ее, и на мгновение она опять становится женщиной; муж и жена нежно обнимают друг друга: «Ах, ты увидишь там других, более молодых и красивых», говорит Гибур мужу: «ты забудешь меня». Тогда Гильом, чтобы утешить ее, дает клятву отпустить себе бороду и волосы, не стричь их, пока он не вернется к ней, и никогда во время путешествия не касаться других уст. И вот старый побежденный герой опять на коне и скачет от Оранжа к Лану, где сам король император Людовик. Гильом освободил его некогда от врагов, посадил на престол, дал ему свою сестру в жены. От кого же, как не от Людовика, ожидать побежденному Гильому помощи! Но во дворце никто из пирующих не хочет узнать Гильома, в его лохмотьях, на загнанном коне, с головой, покрытой ранами; никто не подымается, никто не идет навстречу. «Я вам говорю, что христиане побеждены при Аликане, что Вивьен убит, что все французы пали!» Но даже сама королева, сестра Гильома, гордо остается на своем троне; у нея нет ни улыбки, ни ласкового слова для побежденного брата, пришедшего смущать торжество в день ее коронации. Гильом чувствует, что кровь из всех жил стала бить ему в голову: он бросается на неблагодарную сестру, хватая ее за белокурые косы, волочет ее по полу, вынимает из ножен меч и готов уже нанести последний удар: но вдруг в дверях показывается озаренная светом молодая, красивая девушка, с мягким взглядом и улыбкой на устах. Это дочь королевы, племянница Гильома—Аэли (Aelis). На глазах у испуганных зрителей среди гробового молчания Аэли идет прямо к изступленному дяде и, молча, опускается на колени. Гильом как бы замирает на месте, и девушка решается заговорить: «Я не подымусь, пока вы не простите мою мать!» Но Гильом чувствует уже, что слезы навертываются ему на глаза, роняет меч, обнимает племянницу и сам бормочет какие-то извинения. «Господи, как радуется прекрасная Аэли!» заканчивает поэт. Первообразом таких идеальных женщин средневековья и для них самих, и для рыцарей, и для поэтов всегда оставалась—Дева Мария.

8. Рыцарский замок

Замок IX века

Древнейшие укрепления Западной Европы возникли еще при римских императорах; это те постоянные лагеря (*castra stativa*), которые строили римляне, отступая перед германскими варварами. Где не было естественных высот, там делалась насыпь, укрепленная валом и рвом. В V в. римские провинции были уже усеяны такими «городищами»; даже после падения З. Римской империи они продолжали служить в Галлии убежищами для мирного галло-римского населения при вторжениях варварских дружин. Династия Карла В. только не надолго дала франкам единство и обеспеченность; разложение его империи на королевства Италию, Францию, Германию, на графства и герцогства, на мелкие феодалы,

опять ведет к раздробленности, дает местной жизни перевес над центром, вызывает междоусобия и потребность в убежищах. И вот в IX в. Европа снова начинает покрываться крепостями. Эти первые замки сооружались только из дерева и глины, без камня: прежде всего насыпается искусственный холм (*motte*), а на нем ставят уже сруб о четырех стенах в три-четыре этажа вышиной; под этой башней в глубине насыпи делается еще один подземный этаж с колодцем, необходимым для продолжительной осады. Таково жилище господина (*domnio*, *donjon*); вокруг него, кроме рва, устраивают вал, или живую изгородь, или грубый палисад; отсюда и названия всех этих замков — «*la Haye*», «*le Plessie*», «*la Motte*» и т. д. Но к XII в. рыцарские замки стали гораздо сложнее. Дерево всюду заменяется камнем. Четыреугольная деревянная башня (*donjon*) превращается в каменную самых разнообразных форм. Палисад остался, но сзади него вырастают стройные стены с стенными зубцами, бойницами, окружной дорожкой, башнями.

Замок XII века

Ворота в замок XII в. защищались обыкновенно самостоятельной маленькой крепостцей (*barbasane*), выдвинутой за ров; когда крепостца взята, тогда, спускают большой подъемный мост, и защитники ее отступают уже в самый замок. Позади рва идет сначала вал с деревянным палисадом, а затем дорога вокруг замка; только за дорогой начинаются стены. Часть стены между двумя башнями называлась «куртиной»; обыкновенно низ стен и башен сильно скашивали, а верх украшали зубьями (*steneaux*; в сущности *steneau* — это пустота, а зубец — *merlon*). Так как зубец между двумя амбразурами должен был скрывать человека, то ему и давали вышину человеческого роста, а для стрелы арбалета пробивали в нем бойницу. Сзади зубьев шла дорожка кругом всех стен, но при входе в башни она часто прерывалась пустым пространством, через которое можно было продолжать путь только по подъемному мосту; над дорожкой часто делали покатую крышу, опиравшуюся на деревянные брусья, вделанные в стены снаружи под зубцами. Башни в стенах бывали четырехсторонние, но чаще предпочитали какую-либо другую форму; внутри они длились на несколько этажей с каменными сводами. Большое внимание обращали строители на ворота замка, помещавшиеся между двух башен, и подвижный подъемный мост, находившийся в ведении привратника. Кроме чугунных или деревянных ворот, вход в замок в крайнем случае задвигается еще железной решеткой. Иногда самая дверь поворачивалась не вертикально, а горизонтально, втягивалась вверх на цепях и падала вниз в силу своей тяжести. С обязанностью привратника и тайной подъемного моста связано много воспоминаний для певца средневековых былин. Вот, напр., Рено де-Монтобан: оглянувшись мысленно на всю свою прошлую жизнь, он решается однажды ночью разстаться с миром и посвятить себя Богу. Его преследует раскаяние, что он убил так много людей; война сразу вдруг представилась ему грубой страстью и преступлением. Рено спокойно может покинуть семью и замок: он сам оставляет после себя большое богатство, а его дети взяли верх над изменниками, которые было угрожали им, и вступили во владение своими ленами; его братья мирно наслаждаются славой прежних подвигов. В то время, когда весь замок погружен в глубокий сон, Рено подымается, надевает одежды нищего и на босу ногу безшумно спускается к двери. Привратник, однако, просыпается и с изумлением узнает сеньёра: «Я пойду разбужу ваших сыновей и братьев», говорить он. — «Подожди, не буди пока, но передай им после, что я шлю мой привет, и пусть они молятся за меня». — «Ну, а что же сказать им еще?» — «Как по-

следний совет, как последнюю волю, я завещаю им: пусть они стараются делать добро.»—«Но куда же уходите вы?»—«Я иду спасать мою душу и жить свято». Тогда привратник опускает перед ним подъемный мост; и герой Рено, внушавший, бывало, страх, Карлу В., пускается в путь, не смея оглянуться назад, не решаясь даже поднять глаз. Он торопливо проходит поля и леса, питаясь дикими яблоками и ежевикой, и раздумывает только о том, в каком монастыре лучше всего искупить ему свои грехи. В Кельне, наконец, налагает он на себя тяжелую службу среди каменщиков Св. Петра.

Пройдя подъемный мост и привратника, можно, наконец, проникнуть в нижний двор замка. Здесь целая деревушка: посредине церковь, перед ней колодезь, а кругом избушки ремесленников, кузнецов, плотников и сельских рабочих, мельница, пекарня и т. д. При первой опасности все это население спасается во внутренний (верхний) двор или даже в самую замковую башню. Верхний двор опять-таки отгорожен от нижнего зубчатой стеной, и проникнуть в него можно только через укрепленные ворота. Здесь на внутреннем дворе конюшня барона, к стене пристроены погреба и амбары, клетки с медведями, шесты и жерди для соколов, господская часовня и кухня в виде какого-то колокола с трубой; отсюда должны экойе с жареным в руках пробегать двор и взбираться по ступеням подъезда (pergon). В королевских замках между часовней (капеллой) и замковой башней возвышается еще дворец (palais) с парадной лестницей и сводчатыми окнами. Но в обыкновенных замках среди верхнего двора помещается только главная башня, однако в ней вся сила: это последнее убежище феодала, которого враги преследуют в его собственном замке. Эта главная башня (donjon) всегда из камня, всегда на скале или искусственном холме, всегда господствует не только над укреплениями замка, но и над всей округой; во Франции бывали башни футов в 100 слишком в высоту, 72—76 футов в ширину. Донжон замка де-Куси, оконченный в 1230 г., возвышается на 64 метра при диаметре в 31 метр; это самое красивое сооружение средневекового рыцарства. Такие башни редко имеют правильную квадратную форму; чаще всего поперечник их—удлиненный прямоугольник с башенками по углам, иногда восьмиугольник, иногда—в XIII в. чаще всего—круг. Центральная башня окружена опять-таки своей собственной стеной («la chemise du donjon») и глубоким рвом. Вход в главную башню лежал обыкновенно футов на 20—40 над землей; взбираться можно было только по лестнице, которая убиралась вверх при первой опасности. Иногда от главной башни шел подъемный мост в какое-нибудь другое строение рядом, и другого входа уже не было, как по подъемному мосту. В башне три этажа, не считая подземелья; в каждом этаже—одна-две комнаты со сводами. Окна тоже со сводами, но вследствие толщины стен это скорее какая-то бойница футов 8—10 глубиной. В первом этаже помещается парадная зала, где собираются вассалы, где поют жонглеры, где едят или играют в шахматы. Во втором и третьем этажах спят барон, его жена, дети, гости. В подвальном полутемном этаже—тоже еще жилье, но если спуститься ступеней 20—30 в глубь, то там уже полный мрак; только при свете восковой свечи можно различить железную дверь, которая ведет в тюрьму. Рыцарские былины не щадят красок, чтобы описать ужасы этих подземелий: сырость, духота, жабы, тарантулы. Но жестокость баронов не знает пределов: узникам наглухо завязывают глаза, связывают руки за спину, надевают ошейник, цепи на руки, кольцо на ногу, их пытаются, выжимают кровь из-под ногтей, вонзают в тело железные спицы и т. д. В некоторых замках из подземелья идут еще тайные ходы куда-нибудь за пределы стен, чтобы под-

держивать сношения во время осады (напр., в замке Курси). В ежедневной жизни барона большое значение имеет и каменная лестница с площадками (regon), которая ведет к парадной зале дворца или башни, где она заменяет в таком случае деревянный подъемный мост (plancher) IX—X вв. На площадке этой лестницы барон творит суд, посвящает в рыцари и т. д. Замки бывали хороши более снаружи, нежели внутри, где узкие окна, прорубленные в толстых стенах, пропускали мало воздуха и света. Поэтому бароны за пределами своих замков, у подножия наружных стен разбивали тенистый парк (verger) с фруктовыми деревьями, цветами; в этот парк выходил через потайной ход барон с семьей подышать воздухом полей и лесов.

Рыцари-грабители

В Германии лучшие замки воздвигались территориальными князьями или даже императорами для защиты всего окружающего населения на случай вторжения врагов (Reichsburgen). Прежде всего старались выбрать место, которое укреплено самой природой — недоступные скалы или остров среди озера, как при Шильонском замке, или хотя бы среди болот, только бы затруднить подвоз осадных орудий. Рыцарские замки не всегда служили охраной для барона и окрестного населения: иногда они превращались, наоборот, в разбойничьи гнезда, в опорный пункт для систематического грабежа соседей и проезжающих. Немецкий рыцарь-поэт Ульрих фон-Лихтенштейн рассказывает, напр., следующий эпизод. 26 августа 1248 г. его посетили в замке Фрауенбург два друга — Пильгерин из Карса (Pilgerin v. Kars) и Вейнольт. Ульрих только что принял ванну и лег было отдыхать, когда они явились. Он наскоро оделся, принял гостей и предложил им поесть. После еды они уговаривают Ульриха вместе отправиться на соколиную охоту; но, пока его люди были заняты сбором собак и соколов, гости мигнули своим оруженосцам, обнажили мечи, напали на хозяина, перевязали ему у горла шубу и потащили в его же собственную башню. Слуги рыцарей-грабителей (Raubritter) изгоняют челядь Ульриха из замка; даже супруга Лихтенштейна лишается крова, а ее драгоценности подвергаются разграблению; только одного сына грабители удерживают в залог. В тот же день на выручку поэта поспешили друзья. Но Пильгерин вывел тогда Ульриха на балкон с петлей на шее и пригрозил тотчас же сбросить его с балкона, если он сам не удалит друзей. На следующий день грабитель потребовал с хозяина выкуп, а до поры до времени наложил на пленника тяжелые цепи. Год и три недели Ульрих оставался взаперти и только в сентябре 1249 г. был, наконец, освобожден по ходатайству графа Мейтарта фон-Гёрц. Но двух сыновей и двух знатных мальчиков ему пришлось оставить в залог, пока он не выкупил сполна и их и замок. Императору Рудольфу Габсбургскому принадлежит честь уничтожения в Германии большого числа разбойничьих гнезд таких рыцарей-грабителей.

9. Домашняя жизнь рыцаря

Одежда

«Qui trop dort au matin maigre devient et las» (Кто долго спит поутру, становится худ и вял), говорила средневековая пословица. И вот королей приходил будить сенешал, а простых рыцарей — шамбеллан; они дергали за изголовье, а эжюйе помогали уже одеваться. Сверх рубашки рыцарь надевал короткие штаны (bruoch, braie), доходящие до колен и поддерживаемые поясом; нижняя часть ноги прикрывалась чем-то в роде очень длинных

чулок, прикрепленных ремнями к поясу штанов (это и есть *chausse*); на ноги надевались башмаки со шнурками или пуговицами. Сверх белья рыцарь натягивает льняной камзол, затем *bliand* (*cote*), т. е. суконный или шелковый кафтан, который до пояса плотно прилегает к телу, а затем спускался складками на ноги; верхняя часть кафтана шнуровалась и к ней пристегивались на ремнях широкие рукава, как и у женщин. В холод поверх него рыцари носили еще *surkot* на меху, а в дороге «карре», т. е. плащ с капюшоном. Но официальная верхняя одежда, которую носил и рыцарь и его жена,—это мантия (*mantel*) без рукавов из шелковых тканей с горностаевой выпушкой. Мантия на правом плече скреплялась пряжкой, а сам рыцарь слегка придерживал ее рукой на высоте груди. Голову рыцарь прикрывал шапочкой.

Умывшись или даже взявши ванну и одевшись, рыцарь начинает молиться. Рыцарская молитва долго сохраняла характер восточного поклонения: феодал распростирался крестом на землю, головой к востоку; только постепенно перешли в средние века к простому коленопреклонению. Но не довольствуясь одиночной молитвой, рыцарь шел затем слушать мессу в соседний монастырь или в капеллу, которая находилась тут же у башни замка.

Забавы

Но чем наполнял рыцарь весь остальной день, когда не было войны? Ведь, уединенная жизнь в мрачном замке должна была наводить мучительную скуку? Нисколько; феодалы умели изобретать забавы, и рыцарские былины насчитывают их более десятка. Рыцарь посещает все турниры в округе, хотя бы расходы на вооружение и путь поглощали половину его дохода; охотится в лесах или по болотам; ловит рыбу то в прудах, то в быстро бегущих ручьях, или просто предпринимает бесконечные прогулки в луга и по степи. Но даже оставаясь в пределах замка, рыцарь может зимой по целым часам сидеть и греться у своего камина, переживая мысленно свои походы и турниры или прислушиваясь к рассказу какого-нибудь паломника, а летом—прохаживаться в тени своего парка среди павлинов и лебедей. Он открывает свои двери для всевозможных жонглеров, принимает и угощает гостей, упражняется на рапирах или дает другим уроки фехтовки; устраивает травли диких зверей, медведей и вепрей, играет на день по двадцати партий в шахматы, перемежая их триктраком и игрой в кости, а главное, хорошо ест, долго ест и много пьет, или, наконец, просто сидит под окном и смотрит вдоль дороги на проезжих. Впрочем, и в мирное время может набежать какое-нибудь дело барону—суд над зависимыми вилланами, хлопоты по хозяйству, надзор за челядью. У каждого сеньера есть, ведь, свой «двор», хотя бы его башня и была из дерева. Первое место среди этих придворных принадлежит сенешалу (*dapifer*); бывало, у Меровингов он заведывал столом и хозяйством их поместий, но с течением времени чуть было не превратился в вице-короля, так что мнительные Капетинги уничтожили в 1191 г. самый сан. Но при простых рыцарях сенешалы не были так опасны и удержались; рыцарь вручал им иногда свое знамя, но и здесь они, главным образом, оставались управляющими, экономами, стольниками. За сенешалом идет маршал, заведующий конюшнями, передвижениями и палатками; шамбриэ, на ответственности которого лежит все внутреннее убранство комнат; бутельэ, распоряжающийся в подвалах и погребах; ниже на целую ступень стоят депансьэ, покупающий провизию, *maitre-queux* и *sorqueux*, хозяйничающие на кухне, и, наконец, вся мелкая челядь: псари, курьеры, дозорщики, привратники и всякие слуги без названий. Иногда среди всех этих министерялов (*domestici*) встречался еще и

менестрель, т. е. певец былин. Управление такой многочисленной челядью требовало часто непосредственного вмешательства барона и немного развлекало его в свободное от войны время.

Обед

Время обеда было особенно удобно для того, чтобы на деле наблюдать за усердием и ловкостью всего этого двора. С VI в., т. е. с окончательного торжества варваров, античные триклинии исчезают вместе с обычаем возлежать во время еды. Для пира в рыцарском замке разставляют теперь обыкновенно вдоль и поперек большой залы столы из досок, укрепляемых на складных козлах, а вдоль столов ставились скамьи. Один из столов возвышался над всеми другими: это было место для сеньёра и его избранных гостей; перед главным столом ставили и самую высокую, роскошную скамью с узорчатой спинкой. На других скамьях размещались вассалы. Кто же размещал эти столы и лавки, кто прислуживал во время обеда? Челядь, отчасти знатная, отчасти вышедшая из крепостной среды. Знатную челядь составляли те «башелье», рыцари без ленов, которые жались к могущественным сеньёрам, затем экуюе и варлэ, еще только добивавшиеся рыцарства. К незнатной челяди принадлежали депансьэ, бутельэ и просто слуги. Прежде чем садиться за стол, все направлялись мыть руки при входе в зал, а затем каждый гость шел уже к своей скамье, где лежали для него нож, ложка и хлеб. Рыцарские обеды, а тем более пиры бывали продолжительны: подавалось по 6, 7, 10 и более блюд, больше все мясо и рыба, сильно приправленные пряностями. Мясо домашних животных, убитых на бойне, встречалось за столом гораздо реже, чем дичь четвероногая и пернатая. Подается ли олень целиком или плечо дикаго кабана, или четверть медведя, чиненая пряностями, всякое жареное мясо без различия обливается горячим соусом из перца, куда иногда прибавляют еще немного гвоздики. Тут же над этой поедаемой дичью начинаются рассказы охотников, при чем, конечно, много и преувеличений («Asses i mentent li plusor») — замечает поэт). За лесной дичью идут любимые, хотя и жесткие, блюда рыцарей — жареные павлины и лебеди, которыми гости, может быть, еще только накануне любовались в парке хозяина, и всякая другая птица — домашняя и дикая. Потом идут какие-нибудь пироги, но опять-таки с начинкой все из тех же фазанов, пулярок и голубей. Иногда хозяин взрезает колоссальный паштет, а из него вылетает сотня мелких пташек, на которых охотники тут же притравляют соколов. Неудивительно, если после всех этих мясных блюд рыцари, может быть, холоднее отнесутся к поданным теперь лещам, голавлям, форелям; разве только что пирог с угрями, как новинка, оживит на мгновение потухающий уже аппетит. В конце обеда, вслед за вафлями и тортами, подают, конечно, и фрукты: яблоки, винные ягоды, гранаты, но гости барона охотнее набрасываются опять на самые едкие пряности, на мушкатный орех, перец, гвоздику, инбирь, чтобы только заглушить вкус жира и мяса. Иногда подают какие-нибудь напитки, приправленные этими произведениями Востока. Разумеется, такой обед будит жажду, и громадные кубки наполняются после каждого блюда. Но чистому вину рыцари предпочитают пряную, ароматичную смесь вина, меда и духов, в особенности кларет¹.

От средних веков дошло много поучений, как держать себя в обществе, в особенности за столом (напр., *Reineri Phagifacetis sive de facetia comedendi*; *Altdeutsche Tischzuchten*; *Contenance de la table* и т. п.). Наставления, которые даются в таких сборниках, свидетель-

1 Кларет готовится тоже из вина, меда и пряностей.

ствуют о грубости общества, собиравшагося к столу в средние века. Не следует съедать хлеб, прежде чем успеют подать первое блюдо. Если сосед сидит справа, то надо есть левой рукой. Пальцы надо держать в чистоте и коротко стричь ногти, потому что мясо приходится брать с общего блюда руками. Во время еды не чесать уже себе руками ни шеи, ни ушей, не чистить носа. Не мокать в общую чашу кусков хлеба, которые обкусываешь, не бросать назад обглоданных костей, не распускать за столом пояса и т. п. *Roman de la Rose* дает советы дамам: хозяйка должна заботиться по хозяйству так, чтобы это было всем заметно, опаздывать нарочно к столу, садиться последней. Дамы не должны совать в чашу пальцы до самых суставов; оне могут брать куски кончиками пальцев, пить маленькими глотками, не обливаясь и перед кубком обтирать жир с губ. Каковы должны были быть гости, ну- ждавшиеся в подобных советах! Но в зале, где идет пир, уже темнеет, и появляются маль- чики с факелами в руках: употребление восковых и сальных свечей началось только пре- имущественно со второй половины средних веков.

10. Военная жизнь рыцаря

Турниры

Война, охота и турниры наполняли большую часть жизни рыцаря. Когда церковь напа- дала на турниры, то их защитники отвечали, что вряд ли без этой предварительной школы молодые башелье решились бы идти в битву. Нет, с уверенностью бросается в схватку толь- ко тот, кто не раз видал свою кровь брызжащей на землю; кто испытал, как хрустят зубы под кулаком противника; кто знает тяжесть врага, когда тот навалится вдруг со всеми свои- ми доспехами; кто двадцать раз был сбит и двадцать раз подымался с новой отвагою и бо- дростью.

Турниры нельзя вести ни от германских игр, описанных Тацитом, где обнаженные юно- ши прыгают среди мечей, ни от военных маневров, описанных Нитгардтом по поводу Страсбургской присяги. Средневековые хроники приписывают иногда их изобретение Жоффруа де-Прельи, умершему в 1066 г., но Дюканж доказал, что турниры существовали уже раньше. Одно можно сказать с достоверностью: турниры зародились во Франции и от- туда проникли уже в Германию и Англию; недаром назывались они «галльскими схватка- ми» (*conflictus gallici* у Матвея Парижского). Гильом де-Ньюбёри (ум. 1208 г.) рассказывает, будто бы Ричард Львиное Сердце ввел турниры в Англии, убедившись в том, что фран- цузы именно им обязаны своим военным превосходством; то же передает и Матвей Париж- ский под 1194 г. Первоначально турнир был примерным сражением, где сталкивались два войска рыцарей. От такого турнира средневековые былины всегда отличают *joute*, т. е. по- единок двух рыцарей: Турниры навсегда остались опасною забавой; но в XIII в. убитых считали здесь десятками, не говоря о разрубленных лицах и целых повозках раненых. Впо- следствии стали, впрочем, притуплять мечи и копья, назначенные для турнира. Средневе- ковые дамы не боялись крови и наполняли ложи и ступени на подмостках для зрителей, убранная коврами и знаменами. Но церковь никогда не могла примириться с кровавой за- бавой. Уже Клермонский собор, собравшиеся в Оверни в 1130 г., при папе Иннокентии II, запретил своим постановлением турниры, потому что они не редко стоят жизни людям. Если кто ранен на таких играх, то ему не следует отказывать в исповеди и предсмертном причащении, но его надо лишить церковного погребения, прибавляли отцы собора. Алек-

сандр III и оба великие Иннокентии (III и IV) следовали этому примеру борьбы против турниров. Николай III в 1279 г. велел кардиналу Симону де-С.-Сесиль отлучить от церкви всех рыцарей, принявших участие в турнире, который французский король Филипп III разрешил исключительно по своей слабости. Впрочем у короля перед глазами был теперь живой пример тому, как губительны все эти забавы. Его младший брат Роберт де-Клермон сошел с ума вследствие удара по голове на турнире 1279 года и умер в безумии слишком тридцать лет спустя. Под влиянием уроков жизни и проповеди церкви французские короли уже с Филиппа Августа и Людовика Св. начали с своей стороны безуспешную борьбу против любимой потехи французской знати.

Приглашения на турнир рассылались обыкновенно по всем соседям на 20—30 лье в округе. Кругом четырехугольного ристалища ставили два крепких деревянных барьера; между ними оставалась широкая дорога для людей, которые, с одной стороны, не допускали народ проникать за высокий внешний барьер, с другой—через низенький внутренний, помогали рыцарям, сбитым с коней; сюда допускаются и избранные зрители из толпы, остающейся за барьером. Для дам и для судей турнира воздвигались наскоро ложи на подмостках из дерева. Вся местность кругом ристалища покрывается на время турнира множеством палаток, а в самом городе, который устраивает празднество, над всеми окнами, над всеми дверями укрепляются знамена гостящих рыцарей. На турнир каждый рыцарь снаряжался точно так же, как и на битву. Под доспехи он сначала надевал *senftenier*, т. е., вероятно, туго набитый набрюшник в роде тех нагрудников, которые надеваются у нас при фехтовке; он, должно быть, опускался и на верхняя части ног. Затем рыцарь натягивает кольчугу из железных колец, доходившую в XII в. до колен, с рукавами до кулака и капюшном из мелких колец на голову (*hersenier*), из-под которого видны только нос, глаза, рот; иногда при капюшоне была еще особая полоса из колец, которую в случае опасности можно было натянуть на нижнюю часть лица (*ventaille*). Ноги защищаются голенищами или вернее, штанами из таких же колец, как и кольчуга (*chaucе de fer*) и наколенниками. Голова покрывается шлемом в виде конической каски, опоясанной внизу широким металлическим кольцом, от которого отделяется длинная пластинка (*nasal*) для защиты носа. Рыцарское оружие состояло из меча, копья, чтобы колоть, с ясеневым древком и железным наколенником, и щита с гербом. Гербы на щитах первоначально делались из меха, а потому и цвета назывались именами животных (черный цвет—*Zobel*, белый—*harmin* и т. д.). Впоследствии гербы расписывались золотом и серебром и красками белой, черной, красной, голубой, зеленой. Из рисунков чаще всего встречались в гербах лев, леопард, пантера, медвежья лапа, волк, орел и т. д. До начала XIII ст. лошади не защищались броней. Но затем стали на лошадь надевать кольчужку, которая прикрывала голову, шею, грудь, часть живота, а под кольчужку натягивали попону из толстой материи; грудь, крестец и лоб лошади защищались броней.

Руководят турниром и следят за порядком герольды, которые заранее объезжают окрестности и оповещают день праздника, а перед началом турнира выкрикивают имена рыцарей, выезжающих на состязание. По мере того, как турниры из простой кровопролитной битвы превращаются в искусственное состязание и, с целью уменьшить опасности и неудобства этих жестоких военных упражнений, подчиняются определенным правилам, герольды, «глашатаи», вырастают в церемониймейстеров. Самый обычай провозглашать имя

рыцаря, выезжающего на ристалище, разростается в хвалебные речи в честь бойца, за которые рыцари щедро платят прославляющему их герольду. Герольд вторгается тут уже в область менестрелей или жонглеров. Общественное положение герольдов повышается вместе с расширением круга их обязанностей. Благодаря турнирам, они накапливают много специальных сведений о различных странах, войнах и рыцарских родах. Литература XV в. обязана этому сословию несколькими из своих выдающихся произведений. Перед началом турнира герольды ехали впереди всей процессии рыцарей; во время битвы они постоянно ободряли сражающихся, напоминая им подвиги их предков, или зывали к дамам, чтобы те имели жалость к своим рыцарям и не щадили знаков любви. И вот дамы, которые уже до начала состязаний раздавали знакомым рыцарям свои шелковые рукава на знамена, теперь, во время битвы, постоянно бросают на арену платки, перчатки, веера, мантильи.

Условия турниров бывали различны. Иногда победа сводилась к тому, что рыцарь ломал три копыя, нанося противнику меткие удары то в центр щита между четырех гвоздей, то в грудь, или, что считалось уже верхом искусства, в шею под подбородок, туда, где оканчивался шлем и оставалось место наименьшего сопротивления. Но в других случаях старались вышибить противника из седла, свалить на землю, пролить немного крови. Турнир распадался на 100—200 отдельных состязаний. Перед каждой схваткой рыцарь садился на боевого коня, наклонял копьё книзу, пригнул голову и, закрывшись щитом, прищипоривал коня на противника; первое столкновение двух рыцарей бывало обыкновенно ужасно. Важно было верно нацелить копьём, чтобы оно не пошло вверх, не уклонилось слишком вниз, или не скользнуло бы в сторону. Иногда состязание оканчивалось в несколько мгновений, и при первом же столкновении один из рыцарей чувствовал, что копьё противника, обезвреженное шишкой на конце, ударило его в рот и выбило зубы; зато, может быть, он сам сломал другому рыцарю ключицу. Оба лежат без чувств на земле, а испуганные кони шарахнулись в сторону: Но все это еще не главный турнир; это только поединки. После нескольких дней таких схваток страсти разгораются, и рыцари требуют настоящего турнира. Тогда все участники делятся на две шеренги, которые выстраиваются друг против друга, чаще всего по национальностям; немцы против французов, бургундцы против уроженцев Гэно. Бой идет уже не на арене, а в открытом поле. Горе тому, кого сшибут здесь с лошади: его растопчут. От одной пыли можно здесь задохнуться. Герольды молят дам сжалиться и прекратить кровопролитие. Иногда только ночь останавливала разгоревшихся бойцов. Победители не удовлетворяются одной только славой, которую разглашают герольды. Они берут противников в плен и заставляют платить выкуп; у побежденного отнимали лошадь, оружие. Для ловких, но бедных рыцарей турнир превращался прямо в наживу. Зато другие, несмотря на все свои победы, только разорялись на турнирах, бросая громадные деньги на путевые издержки, на костюм своей дамы, на свою роскошную жизнь во время празднества. После турнира дамы раздавали иногда награды победителям, но в XIII в. такой наградой был разве какой-нибудь сокол, пояс или щит, украшенный драгоценными камнями.

Смерть рыцаря

Настоящие битвы первой половины средних веков мало чем отличаются от таких турниров. Правда, мечи тогда отточены, на остриях копий нет предохранительных шишек, и смерть гораздо чаще следует за ловким ударом, чем на состязаниях. Но смерть на поле сра-

жения, в особенности в битве с неверными на защиту христианства—лучшее завершение славной жизни рыцаря. Только мученичество стоит выше подобной смерти. Вот, как, напр., изображается смерть истинного рыцаря в поэме «Бургонец Обери» (Oberi de Bourgoind).

Идет большая битва между сарацинами и баварцами, которыми предводительствует король Орри. Баварцы бьются хорошо, но ничего не могут сделать, потому что против них вышло 20 тысяч неверных. Все христиане побиты или попали в плен, кроме тридцати. Эти заставили бы сарацин дорого заплатить за себя, но враг слишком многочислен, и вот они пускаются в бегство. Они спасаются в город, но, о ужас, ворота заперли слишком поспешно, и король Орри остался на пол битвы среди сарацин. Орри отбивается, но неверные убили уже под ним коня и тут же схватили и короля, упавшего на землю. «Хочешь ли ты уверовать в Магомета?» спрашивает его король неверных Анкетен. Орри слышит, и вся кровь возмутилась в нем: если бы он был свободен, он охотно ударил бы неверного. «Не захочет Христос, чтобы ради тела я потерял душу», говорит Орри. «Иди со мной на Францию», искушает Анкетен: «мы наведем такой ужас на короля Пипина, что я возьму у него Францию и отдам тебе». — «Нет, нет», отвечает Орри: «я никогда не пойду против Франции и никогда не отрекусь от Христа. Никогда я не совершу такого преступления—сразу предать двух сеньёров». Тогда неверные начинают жечь город, убивать жителей и ведут за собой Орри с ошейником на шее. Защитники города укрываются в башню замка. «Сдайте мне дворец и башню, и я верну вам Орри, вашего сеньёра», кричит громко король неверных. Гибур (Guibourg) издает громкий крик, который слышат многие; крик этот долетает и до его горячо любимого мужа: «Добрый сир и король», спрашивает она: «во имя Создателя, следует ли сдать замок и башню?» И нежно, с любовью король Орри отвечает: «нет, супруга, нет, это было бы безумием. Если бы даже Анкетен владел всей землей до великой Индии, я все-таки лучше умер бы сегодня же». Когда Анкетен услышал эти слова Орри, то кровь закипела в нем от гнева. Он велит снять платье с баварского короля; на глазах у его жены, которая сильно страдает, неверные делают кипящую смесь из серы и смолы и, капля за каплей, льют ее по всему телу Орри. Этот ужасный жар так мучителен, что король христианский не может произнести ни слова и падает почти без чувств. «Отрекаешься ли ты?» повторяет неверный. — «Нет, нет, об этом пусть не будет и речи», возражает снова Орри: «все, кто верует в Магомета, обнаженными сойдут прямо в пекло». Услышавши это, Анкетен приходит в бешенство. Он велит бросить короля Орри на землю и горячим железом вырвать у него глаза из головы. Король Баварии кричит от боли, вопит, но не отчаивается и начинает молиться Христу. Его жена все видит и слышит и близка к безумию... Неверные продолжают мучить Орри. Они привязывают его к калиновому кусту на распутии, окружают его все и начинают бросать в него каждый свое копьё. Постепенно они покрывают его ранами со всех сторон. Орри опускается на колени и с молитвой предает свою душу Господу. Ангелы спускаются, чтобы отнести ее к Творцу. Так умирали, бывало, только мученики во время гонений римских цезарей.

11. Культ женщин. Утонченное рыцарство XIII в. и упадок старого феодального рыцарства.

Любовь

Известно, что уже германцы эпохи Тацита, в отличие от других варваров, с уважением относились к женщинам своего племени. На войне германцы часто щадили женщин даже

непрятельского племени. Таковую пощаду оказал Тотила женщинам Неаполя и Рима, а когда знатный гот оскорбил неаполитанскую двушку, то король велел казнить виновного, а имуществу его отдать обиженной. Скандинавы узаконили этот «мир для женщин» на случай всех своих войн и семейных раздоров. Германские поэты, конечно, высоко ставили женскую красоту. Какова же должна быть эта германская красавица? Золотые волосы падают у нея на лоб, белее снега; тонкие, прямые брови тянутся над глазами, обаяние которых неотразимо; щеки и уста и белы и румяны; зубы безупречные, словно точеные из слоновой кости. Глаза разставлены у красавицы широко друг от друга, нос прямой, не слишком тупой, не слишком острый, подбородок округлый, с белоснежной ямочкой; шея и затылок, как у лебедя; стан длинный, стройный, но все же полный, а в поясе тонкий, нежный, гибкий, как у муравья и т. д. Любовь, о которой говорила древнейшая германская поэзия, была чужда и страстности и вычурности. Это более доверие, дружба, преданность, теплота; она вспыхивает не сразу, но зато, вспыхивая, охватывает всю душу, разум и сердце и никогда уже не угасает. Самое слово для такой любви «Minne» производится от корня, означающего умственную деятельность—помнить «о любимом человеке (по-мин-ать)». До половины XIII в. сохраняет это слово свой духовный, чистый смысл; только постепенно под влиянием извращенной поэзии примешивается к слову «Minne» оттенок грубой чувственной страсти, и оно исчезает из языка высших сословий. Правда, и древняя поэзия знала мгновенно вспыхивающую страсть, более мучительную, нежели отрадную, но она представлялась поэту какой-то болезненной слабостью человека, объяснялась чарами, волхвованием над рунами¹. Северная поэзия знала особые «руны любви».

Скальд Эгиль Скалагримссон приходит во время странствований к крестьянину Торфиниру и находит, что дочь его Гельга больна. Он чувствует колдовство и, действительно, находит на постели у девушки брусок с рунами. Тот, кто вырезывал их, не знал, как следует, этого искусства и вместо «рун любви», которыми думал приворожить девушку, вырезал руны, от которых чахнут. Народный проповедник XIII в. Бертольд Регенсбургский смеется еще над этими предрассудками: «многие берутся за злые чары, думая приворожить сына крестьянского или слугу. Ах ты, дурочка, отчего не приворожишь ты себе лучше графа или короля; ведь тогда ты была бы королевой».

Но уважение к женщинам у германцев носило более религиозный оттенок, не давая им никакого светского влияния. На женщину смотрели, как на существо, слабое силами телесными, но сильное духовно и имеющее право на снисхождение, почтительность, защиту. Но женщина у германцев редко выдвигалась в первые ряды светского общества и никогда не становилась средоточием умственной или политической жизни. Веледа принадлежала более к существам сверхчеловеческим. Женщина всегда стояла в зависимости от какого-либо мужчины, как ребенок в доме отца, как жена в замке рыцаря. Не в законах, а в чистоте нравов коренилось почетное положение германской девушки. С ней часто обходились жестоко, грубо, но не распутно, ей могли наносить побои, но не безчестие. Вот в чем стояла она неизмеримо выше женщины греко-римской. Среди скандинавских песен, вошедших в стихотворную эдду, выдаются по древности, простоте и поэтической силе две песни о Гельги, сыне Сигмунда, сводном брате Сигфрида; они поют о любви в древне-германском духе.

Гельги—истый отпрыск рода Вольсунгов. На радость друзьям юноша вырастает, как

1 Руны—древний германский алфавит.

вяз; он не бережет золота для товарищей, не щадит меча для врагов. Когда ему минуло 15 лет, он мстит за своего отца Сигмунда королю Гундингу, который отнял у того и жизнь и имущество. Сыновья Гундинга испугались и предлагают виру за Сигмунда, хотя им следовало бы кровью воздать за убийство их отца. Но юноша не берет золота... Алчно воют волки бога битв, сеется богатая жатва трупов, и молодой герой избивает весь род врагов. Вдруг молнии засверкали над горами, и на небесные поля выезжают в шлемах, окровавленных кольчугах и с сияющими копьями девы битв (валькирии). Гельги окликает их и зовет на ночной пир. Но с лошади отвечает молодому герою Сигруна, дочь Гагена: «нам не до пиршеств. С нелюбимым человеком, со свирепым Гёдброддром обручил меня отец, и через несколько ночей он возьмет меня себе в жены, если ты не похитишь меня или не вызовешь короля на бой. Не тебе бояться этого короля с кошачьей храбростью». Гельги вызвал Гёдброддра на бой, и оба плывут со своими отрядами на избранное место. Корабли шумят по морю, но начинается буря, и волны грозно бьют в киль Гельги. Сами скалы готовы разбиться в куски в бушующей влаге, но Сигруна охраняет любимого человека и спасает корабли и войско. Безчисленное множество судов и народов собрал Гёдброддр; на его стороне отец и братья Сигруны, негодующие на отважного похитителя невесты. Земля дрожит, когда сталкиваются копья и щиты, но Гельги не знает страха и впереди всех в схватке. Враги падают, ворону и волку достается роскошная трапеза, но самого героя охраняет дева битв. Сигруна, которая в былые дни на гибель воинам направляла стрелы, шепчет теперь Гельги: «ты не вредимым выйдешь со своими воинами из битвы, и добычей будет тебе невеста, дочь Гагена, и его земля». Когда умолкает шум битвы, Сигруна блуждает по полю сражения; к радости о победе любимого человека примешивается горькая скорбь о смерти отца и братьев, из которых Гельги пощадил только одного. Никто не смеет теперь более разлучить влюбленных, но их счастье длится не долго, потому что оно замарано кровью. Даг, брат Сигруны, поклялся, правда, зятю блюсти мир, но чувство кровной мести сильнее клятвы. Даже Один зовет его к делу и дает ему свое собственное копье. Гельги падает от оружия, против которого нет защиты. Даг сам приходит к сестре, чтобы обвинить себя: да, он убил лучшего из князей мира. Тщетно предлагает он самую богатую виру, тщетно сваливает вину на Одина. Сигруна проклинает брата: да будет он волком в лесу, пусть бежит от него всякая радость; лошадь, корабль пусть не трогаются под ним с места, меч пусть становится тупым у него в руке, но острым, когда ударить его самого по черепу.

Над трупом Гельги насыпается могильный холм. Вечером девушка, служащая Сигруне, идет около гробницы, и вдруг перед ней едет к могильному холму умерший повелитель с большой дружиной. «Не видение видишь ты перед собой», говорит он девушке: «и не последний день мира; мы гоним быстрых коней шпорами, потому что герои отпущены домой на побывку». Девушка идет домой и говорит Сигруне: «Спеши. Могильный холм раскрыт. Явился Гельги и зовет тебя исцелить ему раны». Сигруна спускается в холм к супругу и обнимает его, прежде чем он успел снять окровавленную кольчугу, целует и жалуется, что руки его холодны и весь он мокрый от могильной росы. А Гельги отвечает: «ты сама виновата в этом, ибо каждая вечерняя слеза твоя горькой каплей крови падает на мою ледяную грудь и жжет ее. Но давайте пить, и пусть никто не жалуется на рану у меня в груди, потому что супруга со мной, с мертвым». Сигруна хочет дремать теперь в могиле на его груди, как она делала это бывало при его жизни, а Гельги, тронутый любовью, которая не боится

даже мертвого, восклицает: «Сбылось, чего никто не ожидал; царственная дочь Гагена. живая, дремлет в объятиях мертвеца»; и так дремлют они до зари, но, пока не прокричал еще петух, Гельги должен торопиться в путь в Валгаллу, а Сигруна ворочается в свое одинокое жилище. Вечером снова ждет она возвращения возлюбленного, но ждет напрасно. Не долго, однако, сидит она одиноко с тоской у могильного холма: сердце ее разрывается от разлуки с мужем. Такова любовь в древнейшей поэзии германцев. Мужчина завоевывает ее подвигами, а женщина любит мужа за его доблесть, ценит его привязанность, а не играет ею, как придворные дамы эпохи миннезингеров и трубадуров. Эта «Minne» и длится по гроб, следует даже в могилу. Не даром выработался погребальный обряд, где женщина, пережившая любимого человека, следовала за ним на костер, пожиривший покойника, с его конем, оружием и ладьей.

Влияние Юга и Востока

Но вся рыцарская жизнь и в особенности отношение к женщине перерождается в XII—XIII вв. под влиянием Крестовых походов. Вместо грубых воинов, появляются утонченные придворные рыцари; женщины перестают скромно удаляться в семейную среду и выдвигаются на первое место в обществе, начинают даже повелевать мужчинами, изнывающими в преклонении перед ними. Походы на Восток, в Византию и Иерусалим, впервые раскрыли феодальному рыцарству глаза на весь необъятный мир, в противоположность узкому миру римско-католическому. В бывших византийских провинциях, Малой Азии, Сирии, остатки умственной и художественной жизни античного человека ярко смешивались с пылкостью и роскошью восточной фантазии, с чувственностью и изнеженностью нравов магометан. Поэзия и наслаждение переплетались здесь в чарующую дымку, прикрывавшую все грубые стороны быта. Дикой и узкой должна была сразу представиться феодалу вся его прежняя уединенная жизнь в мрачном замке. Под южным небом, среди благословенной природы, где на ряду с опасностями рыцарство находило и небывалую по богатству добычу, впервые запала в его душу страсть к наслаждениям, к утонченному удовлетворению и всех своих пяти низших чувств и самых высоких потребностей ума и сердца. Но средневековый человек, пройдя школу германской семьи и христианского рыцарства, не погряз в наслаждении для наслаждения, подобно Востоку, и даже не увлекся односторонним эстетическим идеалом античного мира. Впервые взглянувши на вселенную, как на кубок радости, рыцарство не удовлетворялось тем, что давала ему действительность. Ведь церковь призывала рыцарство трудиться над осуществлением на земле идеала царства Небесного; так и в своем стремлении к счастью рыцари стали искать неземных, идеальных радостей. Искание идеалов в соединении с потребностью наслаждаться уже действительностью и составляет особенность рыцарского духа XIII века. В душе рыцаря уживались эти два противоположных стремления и порождали, между прочим, вычурный культ женщины. Окружая раболепным поклонением какую-нибудь даму сердца, рыцарь в сущности служил не ей, а тому идеалу женщины, которого искала его душа и не находила; он обманывал себя самого и свои чаяния чего-то бесконечно совершенного, чему стоило бы посвятить всю жизнь, наивно переносил на живую женщину, обратившую на себя его внимание, может быть лишь одной красотою телесною. Как раз в это время распространяется в Западной церкви культ Девы Марии, вероятно, под влиянием знакомства с византийской церковью, где поклонение Богородице развилось и раньше и в более строгих формах. Бросаясь из крайности в крайность,

неуравновешанное рыцарское общество все чаще и чаще стало от женщин действительного мира восходить с своим поклонением к Св. Деве, как к идеалу всего женственного. Только этот небесный идеал, паривший над всеми увлечениями его несовершенными подобиями, и удерживал рыцарскую поэзию от полного материализма.

Кульτ дамы

Феодалное рыцарство, столкнувшись в Крестовых походах, перестает сидеть по своим замкам и жметя к дворам тех сюзеренов, которые раньше других были охвачены новым духом. Так возникали впервые общественные центры, где стали царить женщины. Рыцарь попрежнему обязан здесь служить всем женщинам, как существам слабым, но одной он посвящает себя по преимуществу, как воплощению идеала. Не женщина преклоняется теперь перед доблестью героя, а рыцарь перед красотой своей дамы сердца. Провансальские трубадуры выработали целую систему культа женщины и различали в нем несколько ступеней. На первой стоит робкий рыцарь, который носить уже в сердце тайную любовь, но не смеет еще открыться возлюбленной; если ободряемый своей дамой, он решается на признание, то он подымается уже на вторую ступень и становится «молящим». Если дама допускает его к открытому служению себе, рыцарь превращается в «услышанного» и т. д. Итак, допущению к культу предшествовало более или менее продолжительное испытание в доблести и верности. Выдержав искуc, рыцарь становился вассалом своей дамы. Как при заключении вассальной зависимости, так и здесь он преклонял колено, влагал свои руки в руки «сюзерена» сердца, а сюзерен давал ему поцелуй и кольцо, как символ соединения душ. Отныне рыцарь начинал носить цвета дамы и герб, который она дала ему. Гербом бывало ея кольцо, пояс, ея вуаль или рукав. Рыцарь укреплял дар любви на щите или копье и, чем больше рубили этот символ в битве, тем сильнее радовалась дама. Иногда дамы требовали от своих рыцарей какого-либо чрезвычайного доказательства любви и послушания, чаще всего участия в крестовом походе. Избалованные всеобщим култом, дамы не всегда соблюдали границы уважения, которое должна была бы внушать им доблесть их поклонников. Оне привыкали играть чувством, которое относилось даже не к ним, а к идеалу. Тангейзер, лирик XIII в., смеется над этим женским высокомерием: «То я должен принести красавице саламандру, то заставить Рону течь к Нюренбергу, а Дунай перебросить через Рейн. Едва скажу я «да», как она говорит уже «нет»... Одна надежда осталась еще у меня: если гора растает, как снег, тогда ответит она мне любовью. Дерево стоит где-то далеко в Индии; если я принесу его ей, тогда исполнит она мое желание... Ей нужен и св. Граль, который охранял Парсиваль, и яблоко, которое Парис дал Венере... О горе мне, я буду ей отныне ненавистен, если не достану сейчас же ковчег, откуда Ной выпускал голубей» и т. п. В «Frauenbuch und Frauendienst» немецкий рыцарь-поэт XIII в., Ульрих фон-Лихтенштейн, сам воспел все причуды своей дамы и все свое собственное юродство во имя ея. Еще будучи экюйэ, избирает он себе даму сердца и с восторгом пьет воду, в которой она мылась. С годами растет и его безумие: он отрезает себе слишком широкую верхнюю губу, потому что этого требует дама. Ульрих уколол палец, но дама находит, что эта рана пустяк; тогда Лихтенштейн отрубаает весь палец и посылает его даме в богатой коробочке: но дама видит теперь в этом только верх безразсудства. А между тем у этого Ульриха фон-Лихтенштейна в замке есть жена, к которой он сердечно привязан, но для отвлеченного культа в духе времени он избрал другую женщину.

Упадок рыцарства

Неудивительно, если жалобы на упадок старого феодального рыцарства начались очень рано. Его расцвет в сущности XII в., а в XIII веке начинается уже переутонченность. Романы «Круглого Стола» (о короле Артуре и его 12 паладинах, о волшебнике Мерлине, о Тристане и Изольде и т. д.) не имеют ничего общего со старым рыцарством, как его рисует французский эпос. Школа Кретьена де-Труа (Chretien de Troyes), трувера конца XII в., стала черпать сюжеты из кельтических преданий Бретани и Уэльса и внесла новый дух эпохи Крестовых походов в рыцарскую поэзию, которая раньше была представлена германско-христианскими *Chansons de geste*. «*Les Romans de la Table Ronde*», изображающие рыцарство XIII в., кельтического происхождения. Чувственные и легкомысленные, остроумные и тонкие, чарующие в своих описаниях, эти приятные романы никогда не отличались мужественностью, а скоро становятся прямо изнеженными. Темы всегда почти одни и те же. Среди красивых пейзажей, оживляемых птицами и цветами, гордо едет молодой рыцарь в поисках чего-то неизвестного и переживает много приключений, слишком похожих друг на друга; тут наглые вызовы, прекрасные дуэли, заколдованные замки, тонкая любовная поохотка, таинственные талисманы; чудесное мешается со сверхъестественным, волшебники со святыми, феи с ангелами; все это рассказывается языком чистым, отшлифованным, обработанным в совершенстве. Эта утонченная поэзия существовала уже и в XII в. (в особенности, напр., Парсиваль) наряду с шансон де-жест, но с XIII в. она взяла верх в литературе, а в XIV в. рыцари Круглого Стола, в лице Валуа, сели на трон Франции.

Кроме переутонченности, причиной упадка старого рыцарства нужно считать и богатство, которое раньше всего приобрели себе рыцари в орденах. Уже Пьер де-Блуа, французский богослов конца XII в., бичует алчность и жажду удовольствий в среде рыцарей: «Едва успеют они получить рыцарскую перевязь, как уже поднимаются против помазанников Господа, протягивают руки к наследию Распятого и грабят бедных. Нужно ли им отправляться на войну, так их выючные лошади нагружены вином, а не железом, бурдюками, а не мечами, вертелами, а не копьями. Право, можно подумать, что они идут на обед, а не в битву. Конечно, их щиты вызолочены в совершенстве, но они приносят их назад новенькими и без зазубрин. Что касается до рыцарских сражений, так битвы изображены на их доспехах и седлах, но и только». В литературе появляются сатиры на рыцарство, которые, в свою очередь, содействуют упадку рыцарского духа и торжеству—в глазах общественного мнения—будничных добродетелей горожан.

Уже в XIII в. появился Одижье (Audigier), шуточная поэма, издевающаяся над обрядами рыцарства. Вот как, напр., братья посвящают здесь Одижье в рыцари: воина возводят на кучу навоза, оружие приносят ему в корзинах, на голову надевают стальной шлем, который года три пролежал в закладе из-за какого-то динария; лошадь его с толстой головой, шея воронкой, а спина остра, как рыба кость; она делает три шага, а на четвертом уже останавливается. «Какой борзый конь», не без страха восклицает Одижье: «о Господи! спасите мою голову, сохраните ее для смертного боя и т. д.». Такие жалкие рыцари стали, однако, встречаться не только в сатире, но и в жизни; явилась необходимость лишать их звания, которое они унижали, и вот вырабатывается особый обряд разжалования (в XIV—XVI вв.). Рыцаря возводили на эшафот, где ломали и топтали ногами его оружие, а щит, лишенный герба, бросали в грязь; духовенство служило панихиду, как по мертвом, и чита-

ло над головой виновного псалом с проклятиями изменникам. Герольд брал сосуд с теплой водой и выливал ее на голову опозорившагося рыцаря, дабы смыть с него печать святости, дарованную ему при посвящении. Затем разжалованного клали на носилки, покрытые погребальными покрывалами, и несли в церковь, где его уже отпевали, как «умершего». Правда, в XII в. этот обряд еще был гораздо проще: провинившемуся рыцарю только отрубали шпору у самых пяток.

12. Рыцарство в эпоху Столетней войны и его конец

Фруассар

Развитие европейских национальностей после Крестовых походов скоро ведет к борьбе между ними. Столетняя война между Францией и Англией в XIV веке вносит идею «национальной чести» в среду рыцарства обеих враждебных стран, которое раньше составляло мировой, общечеловеческий орден. Эта новая идея национального соперничества в рыцарской доблести оживляет в своеобразных формах лучшие стороны всего учреждения— воинское мужество, верность сюзерену, любовь к родине, сознание своих обязанностей по отношению к низшим классам, принадлежащим к тому же племени. Напротив, внешность рыцарства—напр., вычурный культ женщин—входит в разумные рамки и удерживается ровно настолько, чтобы сообщить мягкость, гуманность и долю поэзии общественным отношениям между людьми.

Хроникер XIV в. Фруассар, каноник Лестинский и Шимейский, в хрониках, посвященных преимущественно истории Столетней войны, прославлял современное ему французское и английское рыцарство, подобно тому, как *Chansons de geste* воспевали феодальное рыцарство XI—XII вв., а миннезингеры и все труверы легенд о короле Артуре и ордене Круглого Стола—утонченное придворное рыцарство XIII века. Фруассар радовался, что он родился в эпоху полного расцвета военного рыцарства: «Я родился на свет заодно с подвигами и приключениями», пишет он и вспоминает слова, сказанные ему лично одним рыцарем эпохи—графом Гастоном де-Фуа по поводу его хроник: «в течение последних 50 лет совершено более военных подвигов и чудес в мире, нежели в предыдущия 300 лет». Граф де-Фуа предсказывал поэтому, что хроника Фруассара о войнах Франции и Англии будет со временем цениться выше всякого другого подобного труда. Подвиги рыцарей за первые годы Столетней войны были еще у всех в памяти, когда Фруассар задумывал свой труд, и хроникер, сталкиваясь с англичанами и французами, участвовавшими в битвах, прямо из устных рассказов черпал свою хронику. Во время своего путешествия на Юг в Беарн к графу Гастону де-Фуа Фруассар недалеко от Анжера встречается с рыцарем Гильомом д'Ансени. Чтобы спокойнее разговаривать, они едут вместе шагом от Мулиэрн (Mouliherne) до Рилли (Rilly) и, наконец, останавливаются для отдыха перед открытой луговиной. «Видите вы там эту башню?» говорит рыцарь хроникеру: «это замок Рилли, который англичане и гасконцы укрепили однажды, чтобы отягощать поборами всю область Лоары. Видите вы также вон эту маленькую речку и лес, который оттеняет ее? Мы перешли ее в брод, притаились под этими ветвистыми деревьями, чтобы перехватить их в один прекрасный день, когда они должны были ехать к Сомюру. На этой самой лужайке, где пасутся наши лошади и где мы с таким удовольствием спокойно беседуем теперь на свободе, напали мы тогда на грабителей. Их было 900 человек, у нас насчитывалось до 500 копий. Мессир Жан де-Бейль

развернул свое знамя, под которым в этот день угодно было сражаться и Бертрану дю-Геклену, на ряду с Морисом де-Трезгиди (Treseguidi), Жоффруа де-Кермель и другими доблестными рыцарями бретонскими, которые шли всюду за его шпорами. Схватка была, кровавая и жестокая, но три сотни наших врагов остались распростертыми вот на этом самом месте, где мы разговариваем. С тех пор не было больше в этой стране ни англичан, ни гасконцев». Рассказ продолжался, потому что Гильом д'Ансени перешел к детству и к предкам Бертрана дю-Геклена. «Ах, дорогой сир», повторял только Фруассар: «вы мне доставляете большое удовольствие вашими воспоминаниями, я запомню все это и никогда не позабуду». От Памьэ до Ортеца (Ortez) Фруассар ехал десять дней по пути с рыцарем Эспеном де-Лион (Espaigne de Lyon), одним из самых мудрых советников графа де-Фуа. Рыцарь показывал хроникеру самые знаменитые замки по пути и все время, пока они ехали лугами вдоль Гаронны, не переставал рассказывать кровавые приключения, свидетелями которых бывали эти места. «Святая Дева», восклицал Фруассар: «как дорого для меня каждое ваше слово. Верьте, вы не бросаете на ветер ваши рассказы, потому что все они будут занесены на память и переданы в истории, над которой я тружусь». Если рассказы у Эспена де-Лион, казалось, истощались, хроникер вопросами снова оживлял широкий поток речи. Каждый вечер Фруассар записывал все, что он узнал за день, и время путешествия летело незаметно.

Гастон де-Фуа—идеал рыцаря XIV в.

Рыцарь рассказывал про графа Гастона де-Фуа, к которому они оба ехали в Ортец, что у него в сокровищнице хранится 3 миллиона флоринов и что каждый год он раздает 60 тысяч, так как на подарки он самый щедрый сеньёр из всех живущих. «Каким же людям раздает он свои подарки», спросил Фруассар и, вероятно, не без удовольствия услышал ответ: «Чужестранцам, рыцарям и экюйэ, которые идут и едут через его землю, герольдам и менестрелям и всем, кто обращается к нему. Никто не разстанется с ним без подарка». Хроникер на себе испытал, что для чужестранцев (Гэно и Блуа были для Беарна уже чужими странами!) это самый благосклонный сеньёр в мире. Граф де-Фуа задержал его у себя в замке на 12 недель слишком, и среди пестрой толпы рыцарей и экюйэ в Ортеце Фруассар мог разспросами пополнить рассказы Эспена, де-Лион. У хроникера, было, впрочем, поручение к графу от Гюи де-Блуа—письма и 4 борзых: Brun, Tristan, Hector, Roland—в подарок («*accointances d'amours*»). У графа Гастона было и без того не менее 1600 собак; он сам написал разсуждение об охотничьих потехах (*Deduits de la chasse*), где старался доказать, что если праздность действительно развивает беспорядочные страсти, то охота едва ли не путь к спасению. Самого Гастона де-Фуа охота не спасла, от заблуждения страстей; своей подозрительностью и суровым заключением в тюрьме он довел собственного сына до решимости умереть голодной смертью. На глазах у Фруассара утро в Ортеце уходило на охоты в равнинах и по горам, а вечера посвящались пирам, чтению стихов и песням менестрелей. Гастону де-Фуа было теперь уже под 60 лет; смолodu поэты прославляли его за красоту под именем Феба, а граф взял тогда себе девизом солнце. Фруассар неумеренно восхваляет в нем все рыцарственные добродетели: щедрость, высокое понятие о чести, доступность, вежливость, гостеприимство; ум и практическую мудрость, красноречие и проникательность к тому, что таилось в душе собеседника (*sens, honneur, largesse*), склонность к рассказам о войне и любви. Хроникер был отчасти и трувером; он привез с собой книгу под названием

Мелиадор (Meliador), в которой сам обработал песни, баллады, рондо и вирелэ Венцеслава Чешского, герцога Люксембургского и Брабантского. Каждый вечер после ужина Фруассар читал графу Гастону несколько страниц этих стихов, а «Феб» иногда прерывал его, чтобы развить какое нибудь правило из теории поэзии, и говорил тогда уже «не на своем гасконском наречии, а на чистом и хорошем французском языке».

Итак, «loyaute, honneur, courtoisie» попрежнему остается лозунгом рыцарства; но военная доблесть выдвигается сильно вперед. Примеры этих добродетелей подают сами короли. Эдуард III, рыцарственный король Англии, идет, наприм., за море под знаменем Готье де-Мони и избирает себе противником Эсташа де-Рибемон (Eustache de Ribemont), потому что тот слыл рыцарем сильным и смелым. Эсташ дважды низвержен на колена и дважды подымается и возобновляет бой. «Рыцарь, я сдаюсь вам пленником», кричит, наконец, сир де-Рибемон своему противнику, которого он еще не знает. Он узнает, что это был сам король только тогда, когда ему приносят в дар от Эдуарда III новое платье и приглашают на ужин в замок Калэ. Король хочет, чтобы его собственный сын принц Валлийский служил рыцарю за столом и по окончании ужина говорит сир де-Рибемон: «Сир Эсташ, я дарю вам эту нитку жемчуга, как лучшему бойцу сегодняшнего дня, и прошу носить ее из любви ко мне. Я хорошо знаю, что вы веселый и влюбчивый рыцарь, охотно возвращающийся в обществе дам и девиц. Так говорите же всюду, куда пойдете, что я подарил вам этот жемчуг».

Соединение рыцаря с трувером представлял собой маршал Бусико (Bouciquault). Когда он только что окончил свое паломничество в Иерусалим, предпринятое с сиром де-Каруж (Carouges), и готовился было уже отплыть обратно во Францию, Бусико узнал, что граф д'Э (Eu) захвачен неверными в Дамаске и отведен в Каир. Бусико тотчас отказался от всякой мысли о возвращении на родину и отправился в добровольный плен, где в течение 4 месяцев развлекал графа своими поэтическими произведениями—балладами, рондо, вирелэ, и т. п. Эти «Cent ballades», начатые в Египте и оконченные в Париже, дошли до нас.

Вообще после трудов битвы рыцари любили поговорить о войне и любви. Однажды во время осады города Ренн (Rennes) англичанами рыцарь Оливье де-Мони (Mannu) переплыл в полном вооружении крепостной вал, чтобы только отнять у английского рыцаря 6 куропаток, зарезанных его ястребом, и поднести их дамам города. И действительно, куропатки вместе с английским рыцарем взяты в плен, но сам сир де Мони тяжело ранен во время подвига. Тогда он позвал своего пленника, вернул ему свободу, но за это попросил пропуска в лагерь осаждающих, чтобы излечиться там от своих ран. В лагере его радушно принял герцог Ланкастерский и осыпал на прощанье богатыми подарками: «Мони, передайте, пожалуйста, мой привет вашим дамам и девицам», сказал герцог: «и скажите, что мы часто от души желали им куропаток». Дамы города Ренн много смеялись приключению Оливье де-Мони, но всего более смеялся его кузен, знаменитый коннетабль Бертран дю-Геклен.

Трактат Жоффруа де-Шарни

Другой французский рыцарь из эпохи Столетней войны—шамбеллан Карла V Жоффруа де Шарни (Charnu) написал целый трактат о рыцарстве, где нападает на привязанность ко всему внешнему и причудливую условность в рыцарских нравах, стараясь выдвинуть внутренние нравственные основы этого средневекового учреждения. Не следует забывать Бога

из-за дамы сердца. «Любить любовью уважения—это истинный путь для тех, кто хочет приобрести почести. Не речами, а благородными подвигами служат лучше всего дамам, которые будут в большей чести, если оне сделали рыцаря доблестным». «*Aime loyalment, si tu veula estre ames*», «*Qui plus fait, miex vault*»—таковы начала, положенные Шарни в основу его разсуждения. «Право, это так хорошо—делать добро», пишет он: «что, кто делает его, тот поистине не может утомиться, потому что, чем больше делаешь добра, тем меньше кажется, что сделал; такова сила удовольствия, в которое втягиваешься, делая с каждым днем все более и более добра. Первые короли, от которых ведут свой род наши сюзерены (разсуждает сир де-Шарни), были избраны Провидением и призваны на трон только за то, что они были самыми мужественными и наиболее добродетельными: «Думаете ли вы», спрашивает он: «что первые избранники призваны в сеньёры для удовольствий и наслаждений? Конечно, нет. Призваны они, чтобы не любить и забыть Бога, его дела и Св. Церковь? Конечно, нет. Сделаны они сеньёрами, чтобы угнетать простой народ? Конечно, нет. Сделаны они сеньёрами, чтобы разорять подданных, чтобы в суде и справедливости делать различие между вельможами и маленькими людьми, чтобы быть жестокими, безжалостными, немилосердными? Конечно, нет».

Столетняя война

Но Столетняя война, вдохнувшая было сначала новые силы в рыцарство Франции и Англии, в конце концов, дала перевес началам, враждебным ему. Война эта в XV столетии вызвала к деятельности коммуны и крепостных крестьян Франции, повела к усилению королевской власти и основанию постоянного войска, вооруженного огнестрельным оружием. Фруассар дожил до вымирания того поколения рыцарей, которое он изучал и прославлял в свои молодые годы. Ему было уже за 60 лет, когда он в последний раз посетил Англию после смерти Эдуарда III. «Куда девались грандиозные предприятия и мощные рыцари, чудные битвы и дивные завоевания», говорили теперь в стране. «Где найти в Англии рыцарей, способных на что-либо подобное? В те дни англичан боялись, и молва говорила о них по всему миру, а теперь приходится молчать о них. Все изменилось для нас к худшему со смерти доброго короля Эдуарда. Справедливость соблюдалась и строго охранялась в его дни. А теперь король Ричард думает только об отдыхе, покое и потехах для дам; скоро, кажется, не останется ни одного мощного рыцаря в Англии, а будут процветать только раздоры и предательства».

В отдельных воинах первоначальный идеал рыцарства воскресал иногда и в XVI веке, наприм., в Баярде, рыцаре без страха и упрека, но, как учреждение, рыцарство умерло в сущности вместе со средними веками. Рыцарский дух, однако, не погиб с учреждением: из замкнутого круга орденов и феодальной знати он перешел сначала ко всему знатному сословию Западной Европы. Путем пожалования в знать за выслугу или за деньги рыцарский идеал вместе с дворянским достоинством стал распространяться под именем дворянской чести, военной чести на целые группы горожан. Когда в конце прошлого века привилегии знати начали, наконец, терять свое значение и высшие слои войска и общества вообще пополнялись уже выходцами из низших классов, тогда останки рыцарского духа стали общим достоянием независимо от сословности и смешались с понятиями светскости, общественной порядочности, т. е. чести джентльменской. Рыцарский кодекс с его требованиями верности слову, вежливости, внимания к слабым, в особенности уважения к женщинам,

требованиями любви к отечеству, храбрости, щедрости, покровительства правде—до сих пор исполняет свое исконное назначение и сдерживает именем условной общественной «чести» грубые или малодушные натуры, мало развитые или недостаточно еще установившиеся для того, чтобы без всякого давления со стороны общественного мнения добровольно следовать в своих поступках внутреннему безусловно нравственному закону.

13. Войско и тактика рыцарской эпохи

Состав войска

Средневековое войско состояло обыкновенно из свободных тяжеловооруженных рыцарей (*miles*) и несвободных легковооруженных министриалов (*cliens, serviens, Knecht*). Но самое понятие «рыцарь» и состав тяжелой рыцарской конницы не раз изменялись в течение столетий, вследствие того, что, под влиянием нужды в войске, ряды рыцарства пополнялись из низших классов, т. е. из зависимых министриалов (наприм., в Германии) или из людей хотя бы и свободных, но не находившихся в ленной зависимости (фригольдеров, как в Англии). «Рыцарь» XI—XII вв. был по преимуществу «вассалом» какого-либо сеньёра, а потому зависимые классы сравнительно редко попадали в слой тяжеловооруженного рыцарства. Наприм., при Конраде II в Германии существовало два класса рыцарей в смысле всадников (*Ritter*): *milites primi*, т. е. свободные вассалы, которые несли конную службу в тяжелом вооружении (собственно рыцари), и *milites gregarii*, т. е., вероятно, министриалы; но этот второй разряд являлся в битву без оборонительных доспехов и только с одной легкой лошадкой. С XII в. слово «рыцарь» начинает обозначать члена ордена, охватывающего всю Западную Европу, но в этот орден посредством посвящения получают доступ и несвободные классы. Таким путем министриалы из легковооруженных всадников повышаются в разряд тяжеловооруженных рыцарей, а это усиленное пополнение рыцарского сословия ведет к его расцвету в XIII в. В Германии в те годы, когда совершается этот подъем целого слоя министриалов, т. е. во вторую половину XI в., временно различают три класса всадников (*Ritter*): *milites* второго класса все еще несвободные люди, как и при Конраде II, но они являются уже в оборонительных доспехах и вместе с первым классом составляют тяжеловооруженную конницу (*armati*); итак, оба класса всадников эпохи Конрада II начинают сливаться в один. Третий класс всадников конца XI в. называется теперь, в свою очередь, *milites gregarii*, но для его образования или пополнения приходится призывать к легкой конной службе новые, низшие слои зависимых людей взамен тех, которые перешли уже в *armati*. К концу XII в. оба первые класса всадников-рыцарей, т. е. как старые вассалы, так и министриалы, получившие рыцарство, окончательно сливаются в Германии в одно сословие. Точно также и во Франции в начале XIII в. различают уже только *milites*, т. е. рыцарей, которые стремятся превратиться в замкнутое военное сословие, и *servientes*, или зависимых людей, обязанных только к легкой конной службе, хотя и те и другие наделяются теперь ленами. В течение XIII в. совершается второй важный переворот в составе рыцарской конницы. С одной стороны, рыцарству удается к XIV в. замкнуться в наследственное сословие: отныне только сыновья рыцарей, прослужившие некоторое время легковооруженными оруженосцами (*scutifer, esuyer, esquire*), удостоиваются посвящения в рыцари (в Англии *knight*). Но, с другой стороны, в отношении вооружения в рядах войска происходит опять сближение между двумя разрядами *milites* и *servientes* (*Ritter* и *Knecht*):

и те и другие появляются теперь в битвах на тяжелых лошадях в латах (*armures de fer, a cheval*) и в XIV в. получают одинаковое жалованье. Но так как рыцарство в социальном отношении замкнулось в высший слой военной знати, то несвободные легковооруженные всадники (*sergent a cheval*), повышаясь и получая тяжелое рыцарское вооружение, не называются «рыцарями» (*chevalier, Ritter, knight*), а попадают в среду знати, как низший слой, под именем «оруженосцев» (*escuyer, Knecht, Knappe, esquire, armiger*). Все они надеваются ленами, политически уравниваются с рыцарями, но они на этот раз не получают рыцарства, как это случилось с министерялами в XII в. Среди тяжелой конницы навсегда остается различие между рыцарем и кнехтом (*Ritter, Knecht, Knappe*). Но к знати причисляются и сыновья рыцарей, хотя бы они еще и не получили собственно рыцарства («оруженосцы», *armiger nobilis*). Они служат или легковооруженными всадниками (*Speerknappen*), или действительно пешими оруженосцами в битве (*scutarius*), или, если владеют ленами, то призываются даже к конной службе в тяжелом вооружении; но, не будучи рыцарями, они до поры до времени зачисляются тогда только в отдел «кнаппе» (*Knappe*), наравне с теми вечными экюйе (*armiger, militaris, Knecht*), которые никогда не получают рыцарства. Таковы три социальных периода, через которые прошло тактическое различие между тяжело-вооруженными и легковооруженными всадниками. Но и самое тяжелое вооружение рыцаря не осталось за это время без перемен.

Вооружение

Было время (до конца XII в.), когда панцырь, шлем да кольчужки на руках и на ногах считались уже тяжелыми доспехами рыцаря. Первоначально кольчужка для защиты шеи (*halsberge, haubert*), прикреплявшаяся сзади у шлема, капюшон из железных колец на голову (*hersenier*) и кольчужная рубаха составляли три отдельные части доспехов. Над капюшоном (*hersenier*) помещалась железная шапочка (*Haube, cervelliere*), на которой сидел уже шлем. Перчатки из колец прикреплялись к рукавам кольчужной рубахи; на ноги спереди накладывались кольчужные голенища, или штанины (*chauc*), и зашнуровывались сзади; точно также кольчужная обувь клалась сверх ступней и стягивалась снизу под подошвами. Но в дальнейшем развитии кольчужка на шею срослась с капюшоном на голову, и все тяжелое вооружение (*lorica*) состояло уже только из двух частей—*halsberge*, т. е. капюшона на голову, падающего пелеринкой на шею и плечи, и *Brunne*, т. е. собственно панцыря, а в XII в. и эти две части соединялись в одно под именем все той же *halsberge (haubergon)*. В XII в. шлем из конического становится цилиндрическим, а его полоса для защиты носа (*nasal*) разрастается в целую железную маску на лицо; в конце этого столетия появляется и «нагрудник» (*plastron*) из железных полос, стягиваемых сзади поверх кольчуги: это зародыш будущих лат. В XIII в. нагрудник развивается в целый корсет, одинаково защищающий и грудь и спину. В XIV в. латы из железных полос все более и более укореняются. Полосы покрывают теперь и руки и ноги поверх кольчуги и соединяются посредством шпильков; кираса XIV столетия делалась даже не из отдельных полос, а из двух железных плит—нагрудника (*pansiere*) и спинки (*dossiere*). Так выросло мало-по-малу поверх кольчуг—сплошное одеяние XV в. из металлических листов. Это развитие лат ускорилось под влиянием тех успехов, которые сделали стрелки во время Столетней войны. Битвы при Кресси и Пуатье составили поворотный пункт в истории рыцарских доспехов. Когда тяжеловооруженные рыцари защищали себя одними только кольчугами, тогда в XI—

XII вв. легковооруженные всадники являлись в битву совершенно еще без металлических доспехов; но в XIII в., по мере того, как тяжеловооруженная конница запасается нагрудниками и корсетами, у легковооруженных всадников появляется кольчуга. Наконец, в XIV в. в отличие от двойных доспехов тяжеловооруженных рыцарей легкая конница защищает себя или нагрудником или кольчугой, и каждый всадник приезжает не с тремя, а только с одной лошадью. Вот что называлось легким вооружением в средние века; все эти ступени развития в рыцарском вооружении отражались обыкновенно и на пехоте, которая, наприм., прикрывала себе голову круглой, плотно прилегающей к черепу каской (Haube), развившейся из железной шапочки под шлемом рыцаря.

Строй

Как же строились во время битвы легкие всадники и тяжелые рыцари с их оруженосцами? Каждый тяжело вооруженный рыцарь брал с собой в битву трех лошадей и одного или даже двух-трех оруженосцев (scutarius—название должности, но не сословия и даже не временного состояния рыцарских сыновей), которые обыкновенно набирались из зависимых людей или рыцарских сыновей, не получивших еще посвящения в рыцари; эти оруженосцы первоначально шли в битву пешими и оставались во время схваток своих рыцарей сзади лишь с запасными лошадьми и оружием. Когда в XIV в. укоренился среди рыцарей обычай спешиваться во время битвы, то оруженосцы стали набираться из легких всадников; вследствие этого легкая кавалерия, как самостоятельная боевая сила, стала исчезать. Тогда счет рыцарскому войску стал идти по «копьям», считая три всадника на одно рыцарское копьё. На Рейне для той же рыцарской единицы появилось название *gleve*, которое означало рыцаря «*selb dritt mit dreien Pferden*», т. е. состояло из трех лиц и трех лошадей. Но отдельные рыцари, были ли у них пешие оруженосцы или конные, никогда не бились в сражениях обособленно друг от друга и даже редко выстраивались развернутым фронтом в линию (*en haye*). Обыкновенным построением для отряда рыцарей в средние века был *cuneus*, т. е. «клин». На такой «клин» иногда клали несколько сотен рыцарей, а иногда несколько тысяч. Но в сущности в самый «клин», т. е. острие колонны, уходило немного рыцарей, напр., человек 35—45 (иногда первый ряд клина в 5 человек, затем два ряда по 7, затем ряды по 9, 11, 13 человек), а затем вся масса рыцарской конницы тянулась правильным каррэ (по 13—14 человек в каждом из следующих рядов). Чаше всего все рыцарское войско выстраивалось перед битвой в три боевые линии одна за другой, а каждая боевая линия распадалась уже на «клинья» и имела центр и два крыла, правое и левое. Поэтому дробление войска на 9 клиньев было самым обычным. Но многочисленная армия, напр., французы при Бувине, делились на большее число клиньев, и каждая из девяти частей боевого построения слагалась тогда уже из нескольких *cunei*. Это было тем более удобно, что каждый герцог и граф приходил с целым отрядом своих рыцарей (*banneret*). Впрочем, совокупная деятельность всех этих клиньев и боевых линий и отрядов пехоты, присоединявшихся к рыцарской коннице, яснее всего обрисовывается при описании отдельных средневековых битв, напр., битвы при Бувине и при Кресси.

Битва при Бувине

Битва при Бувине произошла 27 июля 1214 г. между французским королем Филиппом Августом, с одной стороны, и союзными войсками императора Оттона IV, графа Фердинанда фландрского и англичан под начальством графа Сольсбери, по прозванию «Длинный

Меч» (Longepree), —с другой.

Французский король Филипп Август, достигши Турнэ вечером 26 июля, узнал о близости союзных врагов; но местность была неудобна для французских рыцарей, которые не привыкли сражаться, спешившись, подобно их немецкому врагу. Не желая давать битвы при обстоятельствах, неблагоприятных для французов, король решился на следующий день, 27 июля, отступить на юго-запад к Лиллю через Бувин (Bouvines), где находился единственный в округе мост на речке (Marcq). Император Оттон, находившийся в местечке Мортинь (Mortegne), принял, кажется, это отступление за бегство и, несмотря на воскресный день, решился тотчас же преследовать французов, чтобы достичь их по сю сторону моста. Авангард союзной армии, состоявший из рыцарей Фландрии, напирал с юго-востока на последние отряды французов, и герцог бургундский, командовавший арьергардом Филиппа Августа, принужден был пять раз останавливаться и отбиваться от фламандцев при помощи своих арбалетчиков. Достигши высот (Wannehain), господствующих над дорогой к Бувину, император Оттон с изумлением увидал перед собой всю французскую армию, и при этом не в беспорядочном бегстве, а в стройном боевом порядке фронтом на северо-восток. Чтобы выстроиться параллельно врагам, император принужден был, под охраной авангарда из фламандцев, повернуть свои войска фронтом на юго-запад: так как было уже по крайней мере часа три пополудни, то солнце было прямо в глаза его рыцарям. Оба войска, были выстроены одинаково—каждое в три боевые линии (acies) друг за другом, а у всех линий был центр и крылья, так что у каждого из противников насчитывалось 9 отрядов. Длина французского фронта достигала 1040 шагов, а фронт союзников растянулся на 2000 шагов. К правому крылу французов Филипп Август послал своего канцлера и личного друга Ионнита Гарэна (Garin), который только что был выбран в епископы городе Санлиса. Чтобы сравняться с линией врагов, Гарэн отодвинул все правое крыло сильно в сторону от центра и выстроил первую линию (acies) этого крыла цепью с развернутым фронтом (en haue). Обе остальные линии правого крыла, равно как и центр с левым крылом, состояли из «cuirei», т. е. клинообразно построенных отрядов. Местность была здесь ровная и крайне удобная для конной битвы. Центром французов командовал сам король, собравший вокруг себя всю мелкую доманиальную знать. Французская пехота, образовавшаяся из горожан коммун Корби, Амьен, Аррас, Бовэ и Компьен, выстроилась впереди конницы центра. Здесь находилась и государственная хоругвь (oriflamme), между тем как в линии короля—знамя с золотыми лилиями по лазоревому полю. Судя по длине фронта, число рыцарей вряд ли превышало $6\frac{1}{2}$ тысяч человек¹. Что касается до союзников, то там в центре командовал сам император Оттон; первая линия центра состояла из немецкой пехоты, сосредоточившейся тремя группами вокруг Саггоссио, запряженной 4 лошадьми; эта колесница везла на высоком древке старое саксонское боевое знамя—дракона с парящим над ним орлом. Битва началась раньше всего на правом крыле французского войска. Гарон отдал здесь приказ 300 легковооруженным рыцарям, министериялам аббата де-С. Медард,—броситься на фламандское рыцарство, дабы привести его в беспорядок и тем подготовить почву для атаки со стороны рыцарства французского. Но фламандское рыцарство не захотело даже тронуться с места ради каких-нибудь сателлитов. Рыцари закалывали незащищенных доспехами лошадей под своими легко вооруженными противниками, наносили им самим

1 Вероятно, $2\frac{1}{2}$ тысячи тяжеловооруженных, 4 тысячи легковооруженных и 50 тысяч пехоты.

раны, топтали спешившихся и ждали себе более серьезного врага. Тогда пошла в атаку первая линия правого крыла французов—рыцарство графов Шампаньи и Сансерр; эти одержали победу после упорной борьбы: два вождя фламандского рыцарства попали в плен. Но потери французов были тоже значительны; Мишель де-Гарм так сильно столкнулся с одним фламандским рыцарем, что копье фламандца пробило ему щит, кольчугу, поранило в лядвию и вонзилось еще в лошадь, которая свалилась вместе со всадником. Первая линия французов отступила, дабы привести свои ряды в порядок. К тому же, приближалась уже вторая линия фламандских рыцарей с графом фландрским во главе. Им навстречу бросились граф де-С. Поль и виконт де-Мелён. Натиск французских рыцарей второй линии был настолько силен, что они со своими тесно сомкнутыми клиньями прорвали два отряда фламандцев, убивая налево и направо, повернули сзади линии врагов и с тылу пробились еще через два отряда рыцарей Фландрии обратно на свои места. После этого вторые линии отступили для отдыха за третьи. Сражение третьих линий на правом крыле французов было еще упорнее. Под герцогом бургундским была убита лошадь, но рыцари окружили его и помогли толстому герцогу сесть на другую лошадь и снова принять участие в битве. Перевес остался на стороне французов только благодаря тому, что граф С. Поль, отдохнувши, поспешил на площадь третьей линии и окончательно оттеснил фламандцев и валонцев. Однако и граф Фердинанд фландрский не уступал в доблести врагам. Три часа шла уже битва на правом крыле. Гарэн, не принимая лично участия в схватках, систематически руководил французами издали; напротив, граф Фердинанд бился без отдыха. Покрытый ранами и совершенно истощенный, он был сбит, наконец, на землю и должен был сдаться в плен. Это положило конец битве на правом крыле; кто не бежал, попадал теперь в плен. Тем временем бой завязался и между другими частями войск. Вожди союзников сговорились сообща пробиться, во что бы то стало, до самого короля Филиппа. Графа фландрского задержала французская атака, но граф де-Булонь бросился прямо к королю; однако, когда он очутился перед Филиппом Августом, тогда у него не хватило духу поднять руку на своего верховного сюзерена, и он повернул к левому крылу врагов, где был отбит. Еще хуже досталось графу Сольсбери с его второй линией правого крыла союзников. Епископ города Бовэ, вооруженный палицей, встретил его со второй линией левого крыла французов и нанес графу такой удар своей палицей, что тот свалился на землю. Епископ велел своему министерялу связать графа, а сам продолжал свою убийственную деятельность. Соппротивление англичан было сломлено, и они позорно вовсе удалились с поля сражения вместе с Гюго де-Бов.

В центре король Филипп Август тщетно ждал нападения императора. Наконец, он велел коммунам атаковать немецкую пехоту в центре. Коммуны стали осыпать врагов стрелами. Но немецкая пехота неожиданно ответила таким натиском на горожан коммун, что в одно мгновение прорвала их и привела в смятение стоявших сзади коммун рыцарей, так что сам король очутился в опасности. Немецкие пехотинцы были вооружены особаго рода секирами с крючком позади и штыком сверху, так что наносили удары тремя концами оружия, которое в силу своей тяжести могло пробить любые доспехи. Таким крючком стащили короля Филиппа Августа с лошади, и он погиб бы, если бы Пьер Тристан не соскочил с коня и не защитил государя. Тогда знаменосец Вало де-Монтиньи сильными взмахами лавровега знамени обратил внимание на опасность, угрожавшую королю. Хорошие доспехи короля и ловкость, с которой он вскочил на лошадь Пьера Тристана, спасли его. Но отча-

янная битва продолжалась. Стефан де-Лоншан (Longchamp) был на смерть ранен на глазах у короля; немецкий пехотинец воткнул ему штык своей секиры через забрало в мозг. Но, в конце концов, пехота все-таки была обращена в бегство или перебита рыцарской конницей. Освободившись от натиска пехоты, Филипп Август перешел теперь сам в наступление. Ряды немецкой конницы были прорваны, и опасность угрожала теперь, в свою очередь, самому императору. Впереди всех подскакали к Оттону IV Гильом де-Барр, Пьер де-Мовуазен и Жерар Скрофа. Пьер схватил под уздцы лошадь императора и пытался увести ее вместе с всадником. Скрофа (Scorpha) кольнул Оттона в грудь, а другим ударом на смерть ранил его лошадь, так что она бешеными прыжками рванулась в сторону. «Вы его нынче больше не увидите», сказал Филипп Август окружающим. Но лошадь Оттона пала в некотором отдалении. Император вскочил на другую и искал спасения в бегстве. Дважды нагонял его де-Барр и схватывался с ним, но свита каждый раз оттесняла французского рыцаря. Наконец, де-Барр был сброшен с лошади и вырван из рук врагов только подоспевшими товарищами. Вестфальские графы пытались было продолжать битву и после бегства императора, но на помощь французам явились задние линии центра и взяли графов в плен. Колесница с саксонским знаменем была изрублена в куски. На поле сражения остался из среды союзников еще только граф де-Булонь с шесть рыцарями. Они укрылись в середину своих брабантцев-наемников и решились дорого продать жизнь. Надо было прорвать это железное кольцо пехоты, вооруженной алебардами и мечами, чтобы добраться до рыцарей. Граф де-Понтье повел на них в атаку своих рыцарей, но брабантцы убивали лошадей и спешивали всадников. Только когда на помощь подоспел еще Тома де-С.-Валери со своими, было пробито это кольцо пехоты. На графа де-Булонь напал теперь пеший экюйэ Пьер де-Турель, лошадь которого была убита, и, приподнявши железные латы у графского коня, вонзил ему в брюхо свой меч по рукоятку. Один из рыцарей графа взял было еще лошадь под уздцы и повел ее в сторону, но противники стащили его с собственной лошади. Как раз в это время конь под графом упал, всадник сам очутился под конем, и его только с трудом высвободили. Экюйэ, по имени Комо, в числе других рыцарей подбежал к графу де-Булонь, сорвал с него шлем и нанес тяжелую рану в голову. Экюйэ убил бы графа, если бы не появился его господин—Гарэн, епископ Санлиса, которому граф и сдался в плен. В общем французы взяли в плен 5 графов, 25 других высокопоставленных баронов, много простых рыцарей и экюйэ. Главная причина поражения союзников заключалась, несомненно, в том, что каждая часть их войска сражалась отдельно, не поддерживая друг друга.

Английский строй

Между битвами при Бувине и при Кресси прошло более столетия. За это время и в английском и во французском войске совершилось много перемен. Английские рыцари до начала царствования Эдуарда III стояли невысоко во мнении материка. Короли Англии вели свои войны XII ст. почти исключительно посредством чужеземных наемников и добывали себе на то средства, облагая вассалов *scutage*’ем. Если в Германии рыцарство достигло наиболее блестящего развития при Гогенштауфенах, а во Франции еще раньше, то в Англии оно расцвело в сущности впервые при рыцарственном Эдуарде III; во Франции оно впадало в эту пору уже в крайности и, несмотря на доблесть отдельных рыцарей, было обезсилено своей обособленностью от других сословий. Правда, рыцарская знать Англии должна была подчиниться военной тактике Эдуарда III, в которой пехота являлась уже главной боевой

силой. Знать должна была спешиваться и сражаться в качестве тяжелой пехоты. Да и в качестве пехоты все значение рыцарей сводилось более к тому, чтобы оборонять стрелков; на стрелках покоился весь боевой расчет Эдуарда III. Английские стрелки из лука довели упражнением свое искусство до особого совершенства, которое дало им перевес над арбалетами и луками других наций. Но стрелки нуждались в защите и получали ее от той части рыцарства, которая спешивалась; к ней они и жались, в то время как другая часть рыцарей оставалась иногда на лошадях. Обычай спешиваться не был впервые введен Эдуардом III: уже норманны, победители при Гастингсе, усвоили его от англо-саксонцев (впрочем, напр., в битве при Льюисе (Lewes) 1264 г. английское рыцарство сражалось на конях). Да и стрелки не исчезали уже из английского войска после битвы при Гастингсе, но на первый план они выдвинулись только с половины XIII ст. Английский стрелок XIV в. бросал стрелу на 600 метров, а на 200—бил наверняка. Их перевес над генуэзскими арбалетчиками объясняется тем, что к арбалетам не была еще приспособлена в это время стальная дуга, да и натягивались они одной или обеими ногами, а не особыми машинами. Специально для охраны стрелков стояли в английском войске тотчас позади них валлийские пехотинцы, вооруженные пиками. Глубина строя спешившихся рыцарей и стрелков бывала незначительна, человек в десять, а при Азенкуре англичане стояли только в четыре человека. Боевой порядок в три пехотные линии с двумя крылами всадников по малочисленности войска не всегда мог применяться. Поэтому при Кресси боевые линии стояли друг за другом, но отодвигаясь все более и более к левому флангу, а при Азенкуре в одну линию, так что авангард составлял правое крыло и арьергард—левое по отношению к *bataille du roi* в центре; в обоих случаях у англичан не было крыльев из конницы. Существенную часть английского боевого построения составлял лагерь для обоза и лошадей в тылу армии. Генрих V пренебрег в битве при Азенкуре сооружением подобного лагеря и был наказан тем, что лошади и его драгоценности были похищены во время битвы отрядом неприятеля.

Такое дружное совокупное действие пехоты и конницы, как оно проявлялось в английской армии XIV в., было возможно только в стране, где между сословиями не было такой розни, как во Франции и в Германии. В XIII в. в Англии выработался уже государственный строй, при котором в общественных делах имели голос не только духовенство и высшая знать, но также простое рыцарство и города; в то же время крепостные стали освобождаться от своей зависимости по отношению к знати. Напротив, во Франции между городами и феодальной знатью образовалась пропасть, вследствие того, что короли опирались на буржуа в борьбе с феодалами, а суровые формы крепостной зависимости вели к вражде между вилланами и их сеньорами. Отсюда арендаторы и мелкие земельные собственники (фригольдеры и йомены), которые наряду с горожанами являлись в английском войске в качестве легкой конницы (*hobilaris*) и стрелков, не получали никакого значения во Франции, а войско коммун отодвигалось здесь все еще на задний план. В сущности только вассалы обязаны были следовать за королем Англии в завоевательные войны и служить ему сорок дней, по истечении которых они распускались или вознаграждались уже жалованьем. Всеобщее ополчение англичан, не находящихся в ленной зависимости, предназначено было только для защиты самой Англии. Статут Эдуарда III от 1334 г., возобновляя статуты Генриха III и Эдуарда I относительно ополчения, внес только то дополнение, что 1-ый класс, имевший 15 фунтов и более годового дохода и обязанный нести конную службу, раз-

делялся теперь на три разряда: первый (в 40 фун. дохода) должен был нести службу в рыцарском вооружении с 2 лошадьми, второй разряд (с 20 фун.)—являлся в тяжелом вооружении с одной лошадью, третий (с 15 фун.)—в легком вооружении с одной легкой лошадкой (*hobby-horse*, отсюда *hebilair*). Все остальное население служило только в пехоте; а именно разряды в 10 фунтов годового дохода и в 100 солидов—более или менее тяжело вооруженными; разряд в 40—100 солидов дохода—с луком, мечем, ножом; разряд ниже 40 солидов—с косами, ножами и другими «*menues armes*»; наконец, самые бедные, кто только вообще мог еще приобретать оружие,—просто с одним луком. Дважды в год происходил смотр такому ополчению; войско вассалов не входило уже сюда. Все землевладельцы, владевшие не менее трех лет участками с доходов в 40 ф., должны были при Эдуарде III зачисляться прямо в рыцари. В исключительных случаях Эдуард III водил ополчение и во Францию; так, напр., в 1346 г. он потребовал личной службы от всех, кто имел 5 фунтов ежегодного дохода. Парламент сопротивлялся и добился в 1354 г. постановления, что только с его согласия могут набираться «*men-at-arms, hobilars nes archers*»; жалованье должно было выплачиваться ополчению с первого же дня после выступления из графства.

Во Франции ополчение не играло такой важной роли в битвах Столетней войны. Филипп Красивый установил в 1304 г. порядок созыва ополчения во Франции: когда отечество было в опасности, то каждый француз, способный владеть оружием, должен был нести службу. Этот особый случай был обобщен его преемниками, и Филипп Валуа прибег к нему в 1387 г. Но в сущности на деле принцип ополчения (*arrière-ban*) проводился для знати; горожанам, ради увеличения королевской казны, позволено было откупаться, а для сельского населения требование всеобщего ополчения вообще понижалось (в 1338 г. было потребовано, чтобы 100 очагов выставили 20 сержантов-пехотинцев). На деньги, которыми французы откупались от ополчения, король собирал наемные войска. Такое пренебрежение пехотой коренилось в социальных отношениях французов. При вражде между знатью и горожанами тактическая комбинация пехоты с рыцарской конницей делалась невозможной. В 1351 году король Иоанн не велел более созывать коммунальных войск; печальный опыт битвы при Кресси дал к тому повод. Зато в отдельных коммунах основывались теперь братства (*sermens*) стрелков из лука и арбалета. Даже когда в разгар Столетней войны король Карл VI стал было покровительствовать стрелкам, то знать настояла на запрещении упражнений в стрельбе из лука; она, очевидно, боялась, что народ сознает, наконец, свою силу. Когда перед битвой при Азенкуре горожане Парижа (1415 г.) вызвались было выставить 6 тысяч арбалетчиков, то знать резко отказалась: «На что нам помощь этих лавочников», выразился Жан де-Бомон. Обычай спешивать рыцарей ведется во Франции лишь с битвы при Пуатье. Французы стали одерживать верх над англичанами только с тех пор, когда Карл V, а затем в особенности Карл VII, положили начало постоянному войску. Различие между английским и французским войском ясно сказалось в битве при Кресси.

Битва при Кресси

Битва при Кресси была дана в субботу 26 августа 1346 г. французским королем Филиппом VI Валуа, чтобы не допустить Эдуарда III идти на Париж. 26 августа утром английский король Эдуард III покинул с войском южную окраину леса близ Кресси, двинулся на северо-восток к самому местечку, перешел в 6 часов утра по мостам речку Мэ (*la Maye*) и стал на цепи холмов между Кресси (*Crecy*) и Вадикуром (*Wadicourt*). Так как линия эта в

своем протяжении с юго-запада на северо-восток была слишком длинна по числу англий-ского войска, то король отступил от обычного расположения в три боевые линии, одна за другой. Впереди, фронтом на юго-восток, откуда ожидали французов, наступавших от Аббевиля, Эдуард III выстроил английских стрелков из лука длинной цепью с северо-востока на юго-запад, которая правым крылом примыкала к Кресси, а свое левое прикрывала лесистыми окрестностями Вадикура. За стрелками шли уже обычные три боевые линии английского рыцарства, но так, что первая линия примыкала к Кресси, вторая сзади нея отодвигалась дальше на северо-восток, а третья, самая задняя, уходила еще дальше в ту же сторону и касалась Вадикура. Лошади спешившихся рыцарей и все выючные животные помещались в особом обозном укреплении сзади войска. В первой боевой линии находился 16-летний принц валлийский, граф Варвик, барон Годафруа де-Гаркур и другие с 1200 *hommes d'armes*, 4 тысячами стрелков из лука и тысячью валлийцев. Во второй линии находился епископ дёргамский, графы Герфорд и Нортгамптон, барон Перси и другие, в целом 1200 *hommes d'armes* с 4 тысячами стрелков из лука. В третьей линии стоял сам Эдуард III с 1500 *hommes d'armes* и 6 тысячами пехоты (в том числе и стрелки из лука). Все это были почти исключительно англичане (3900 *hommes d'armes*, 10 тысяч стрелков, 5 тысяч валлийцев).

Французский король Филипп VI Валуа с вечера собрал вокруг себя в Аббевилле войско, по крайней мере в 12 тысяч *hommes d'armes*, столько же наемной чужеземной пехоты (в числе ее 6 тысяч генуэзских стрелков из лука) и около 50 тысяч горожан коммун. Во французском войске находился Иоанн, король богемский, Дон Хаймэ (Jaime), король майоркский, граф Людвиг фландрский, Жан Бомонт граф де-Гэно (Геннегау), граф де-Гаркур (брат английского маршала) и французские графы. Король еще с вечера сообщил вождям войска свое намерение напасть на следующий день на англичан. Король Филипп выступил рано утром 26 августа из Аббевиля на северо-запад к местечку Ле-Титр, где он еще думал застать английскую армию. Но войско двинулось не дружно, и было уже около полудня, когда последние отряды покидали город. Англичан уже не было у Ле-Титр; пришлось повернуть войско на восток к большой дороге (из Аббевиля в Hesdin) и отрядить четырех рыцарей вперед на разведки. Было уже далеко за полдень, когда Филипп Валуа и его блестящее окружение собрались выслушать рассказ лазутчиков. Рыцарь Ле-Муань (le Moyné de Bazeille) рассказал, что около Кресси стоят англичане, выстроившись в три боевые линии—очевидно, в ожидании нападения, и советовал в виду позднего времени отложить лучше битву до следующего дня. Это мнение поддерживали в свите короля графы Гэно и Алансон, а потому Филипп Валуа отдал маршалам приказ—остановить войско, все еще находившееся в движении. На высотах около Эстрэ (Estrees) можно было удобно стать лагерем на ночь. Но войско уже знало, что англичане близко. Передовой отряд, повинуясь маршалам, остановился было, но отряды, следовавшие за ним, хотели непременно быть в той же близости от врага, как и авангард, и продолжали наступать. Тогда и авангард (*tete*), в свою очередь, не захотел уступить первенства и тронулся снова дальше. Увлекаемые гордостью и завистью, без порядка, обгоняя один другого, французы двигались все вперед, пока не увидели, наконец, англичан, выстроенных в три линии в ожидании врага. Тут было бы уже величайшим позором повернуть назад, когда, они видели своих врагов так близко перед собой. Между тем горожане коммун, разсеянные по всей дороге от Аббевиля, обнажали

шпаги и кричали: «смерть, смерть этим предателям, англичанам!» Когда король Филипп достиг высот около Эстрэ и увидел англичан, то и он забыл свое первое благоразумное решение и, несмотря на позднее время, отдал приказ к нападению. Вперед должны были выдвинуться генуэзские стрелки, и ряды французов разступились, чтобы дать им место. Сзади них, но впереди трех линий рыцарей, поставлена была цепь всадников (*gens d'armes*). Было уже около 5 часов пополудни, и над полем битвы разразилась мимолетная гроза. Ветер гнал дождь в лицо стрелкам, а когда снова показалось солнце, то оно только ослепляло французов.

Неохотно и вяло подвигались вперед генуэзцы. Они устали от предыдущего перехода в 6 льё, да и щиты их лежали на возах, так как битвы не ждали более на этот день. Вожди стрелков из арбалета роптали на новые распоряжения. Тогда граф д'Алансон сказал окружающим его рыцарям: «Вот вам и вся польза от этой сволочи; она годится только на то, чтобы есть, а для нас будет больше помехой, чем подспорьем». Приблизившись к англичанам, генуэзцы трижды издали свой страшный военный крик, надеясь навести на тех ужас. Но англичане уже поднялись с места и выстроились. С их стороны сделано было несколько выстрелов из пушек, тоже более для устрашения врага. Английские стрелки стали спускаться теперь с вершин холмов и открыли убийственную стрельбу из своих луков. Их длинные стрелы с перьями поражали ряды генуэзцев раньше, нежели те успели подойти на выстрел арбалета. Генуэзцы стали было натягивать свои отсыревшие арбалеты, но английские стрелы пронизывали их панцыри. Тогда многие перерезали тетивы на своих арбалетах, побросали их и обратились в бегство. Но линия французских рыцарей преградила им дорогу. Король угадал намерение генуэзцев и велел рубить их, так как они теперь, действительно, только заграждали путь для атаки конницей. Всадники из передовой цепи (*gens d'armes*) бросились на них, но таким образом сами попали под дождь английских стрел. Французы устремились было на неприятельских стрелков, но теперь, как и во всех последующих битвах, где конница сражалась со стрелками, обнаружилось, что с лошадьми, которые почувствовали у себя в теле длинную стрелу, никоим образом нельзя было уже справиться. Один конь не хотел идти вперед, другой несясь прыжками в гору, как бешеный, многие поворачивались к врагам крупом, несмотря на все усилия всадников. Вскоре перед рядами англичан образовалась безформенная масса из упавших лошадей, с лежащими под ними всадниками, и из убитых генуэзцев. Сюда устремились валлийцы с их длинными ножами и начали резать немилосердно.

Французы, разбитые в битве при Креси, никогда не могли ясно рассказать хроникерам, что произошло дальше. Но по английским источникам, французы сделали одно за другим еще три сильных нападения, а англичане отбили их все три раза, не сдвинувшись с места. Первую атаку повели Иоанн, король богемский, граф д'Алансон и граф фландрский с первой боевой линии. Все трое пали тут. Слепой король выбрал себе в поводыри храброго Муань де-Базейль и сказал ему: «Сеньёр, Вы мой вассал и мой друг и мой товарищ на нынешний день. Я прошу и требую, проведите меня как можно дальше вперед, чтобы я мог нанести хоть один удар мечем». — «Охотно, монсеньёр», отвечал рыцарь. И вот все окружающие слепца перевязали друг с другом свои поводья и тесным сомкнутым строем двинулись вперед. Ле-Муань де-Базейль сумел так ловко вести короля, что, обойдя стрелков, все они очутились перед первым рядом английских рыцарей. Король богемский осуществил здесь

свое желание и нанес не один удар, а три-четыре. Но и король и все окружающие его были тут перебиты; только два эжюэ уцелели и рассказали, как погибли другие. О графах фландрском и д'Алансон Фруассар говорит только: они проявили всю доблесть свою; их на-шли на другой день убитыми, но не во время бегства, а с мечем в руке и лицом к врагам. Вероятно, от их свиты не осталось в живых ни одного рыцаря, чтобы рассказать подро-бно доблестной смерти. Но французы продолжали наступать. Теперь очередь был за второй линией. Ее вели герцог лотарингский и его зять граф де-Блуа. Им удалось отбросить стрел-ков и проложить себе путь до ряда *gens d'armes*. Вероятно, как раз при этом натиске был сбит наземь принц валлийский, так что его знаменосец Ричард Фис де-Симон (*Fils de-Simon*) должен был положить знамя к ногам принца, и замахнувшись мечем, который он держал обеими руками, броситься на врагов. Храбрые рыцари поспешили со всех сторон к нему на помощь, так что он снова мог схватить знамя. Однако, опасность, которой подвер-галась первая линия англичан, показалась графу Варвику настолько значительной, что он отрядил рыцаря Томаса Норвичского к королю с просьбой о помощи. «Скажите, сир То-мас», спросил тогда король Эдуард рыцаря: «убит мой сын или без чувств, или ранен, что он не может помочь?»—«О, нет, но он выдерживает тяжкую борьбу и нуждается в вашей помощи», отвечал Томас Норвичский. «Ну, так вернитесь к нему и к тем, кто послал вас, и передайте им, чтобы они избавили меня от подобных посланий, пока сын мой жив; ибо мой приказ им—дать ребенку случай заслужить рыцарские шпоры. Я хочу, чтобы нынешней победой мы были обязаны ему, а слава дня принадлежала тем, кому я доверил сына». Этот ответ вдохнул английским рыцарям новую силу, и они победоносно отбросили врагов. По-тери французов были ужасны: герцог лотарингский и граф де-Блуа со многими другими легли на месте.

У французов оставалась еще третья и самая сильная боевая линия самого Филиппа Ва-луа. Никто не стал здесь дожидаться приказа начать атаку, никто не спрашивал, можно ли еще поправить дело: все ждали только, чтобы поле битвы немного расчистилось перед ними. Между тем наступала уже ночь, а путь к неприятелю был прегражден мертвыми те-лами рыцарей и лошадей. Английские стрелки неослабно продолжали свое дело. Под коро-лем Филиппом была убита лошадь, по английским известиям, даже он сам был ранен в шею. Жану де-Гэно удалось было убедить короля отказаться от своего бессмысленного на-мерения лично принять участие в битве. «Вы потеряете эту битву, но можете выиграть дру-гую. Вы одни, ведь, не можете помочь горю». Но король все еще порывался вперед. Тогда рыцари, приставленные к поводьям королевского коня (Жан де-Гэно и маршал Шарль де-Монморанси), взяли лошадь под уздцы и вывели ее вместе с всадником из сечи. Но не вся свита последовала за ними. Сир де-Пти-Варньи дал шпоры коню, бросился в битву и по-гиб, как и многие другие, как графы д'Оксерр, де-С.-Поль и хоругвеносец де-Нойэ (*Noyers*). Ночь положила конец битве. Кто оставался еще в живых, считал свое дело проигранным и старался уйти по незнакомой местности. Кучками по три-по четыре блу-ждали по полям французы, ничего не евшие уже целый день, и не знали, что стало с их сеньёрами, друзьями, братьями. Король благополучно достиг Ла-Бруа (*La Broye*), на се-веро-востоке от Креси за речкой Оти (*Authie*). Комендант крепости узнал его по голосу и велел спустить подъемный мост. Между тем король Эдуард в виду ночи отдал приказ не вы-ходить из рядов и не преследовать врага. С своим отрядом он спустился теперь к принцу

валлийскому, обнял и поцеловал его. «Бог дал тебе твердость», сказал он: «ты воистину мой сын и доказал, что достоин стать моим преемником». Принц опустился на одно колено и этим почтил отца. Велика была радость в английском лагере. Но король отдал приказ всю ночь провести еще с оружием в руках.

Любопытно, что в битве при Креси англичане стреляли уже из пушек. Правда, огнестрельное оружие не сразу получило решающее значение в европейских войнах. Но в сущности именно оно изменило в XV в. всю тактику рыцарской эпохи.

Евг. Щепкин.

XLV. Средневековая лирика

Юг Франции

Область, куда входит не только Прованс в собственном смысле слова, но и весь провансальский округ, т. е. Аквитания, Лимузен, Пуату, Керси и Овернь, другими словами сказать, вся область языка *ос*¹ составляет собою ту южную Францию, которая положила начало так называемой провансальской поэзии. Это было давно, в начале средних веков. Там, на юге Франции, никогда не вымирала культура, водворенная греками и потом взлелеянная римлянами, там рано началось благосостояние страны и ожили ремесла, промыслы и торговля, а южный французский язык сделался раньше северного пригодным для литературных произведений: в нем сохранились окончания на гласные буквы, характеризующие южные языки и облегчающие рифму и сложные поэтические формы. Эти условия благоприятствовали развитию поэзии в южной Франции; там скоро зазвучали лирические песни, к которым сводится почти вся провансальская поэзия и которая в продолжение средних веков давали образцы всей остальной Европе, так как последовательно переходили в северную Францию, далее в Германию, где особенно пришлось по вкусу, потом в Италию, а наконец и в Испанию. Как бы то ни было, а южная Франция должна по справедливости считаться родиной средневековой лирики.

Лирика Прованса, начавшись с деревенской, народной песни, в продолжение одного XI столетия преобразовалась в искусственную. В это время она получила название «*искусство изобретать*» (*art de trobar*), почему и поэт провансальский назывался «*изобретателем*» или «*трубадуром*». Таких трубадуров в южной Франции было очень много, — по крайней мере, до нас дошли имена почти пятисот из них, — но они издавали свои произведения не всегда с одинаковым успехом, и временем процветания провансальской поэзии следует считать XII и XIII столетия. Стихотворения трубадуров были в полном смысле слова песнями, потому что они слагались не для чтения, а для пения: трубадуры, знавшие музыку, сами бывали

Пособия: *Каррьер, Кирпичников*, История всеобщей литературы

1 На юге Франции «ос» (*hos*) значило «да», а на севере в том же значении употребляли «oil» (теперешнее «oui»). Поэтому южную Францию называли иногда Languedoc, а северную — Langued'oil.

композиторами и исполнителями, другие же пользовались услугами *жонглеров*, которые и распевали их произведения перед публикой; часто те же жонглеры распространяли песни трубадуров в тех местах, куда сами авторы не попадали. В числе трубадуров встречались люди всяких сословий, но рыцари и феодалы, даже владетельные князья составляли между ними весьма большой процент, и, во всяком случае, положение трубадуров, из какого бы сословия они ни происходили, было очень хорошо: к ним относились всегда с уважением.

Виды лирических стихотворений

Благодаря обилию гласных и мелодических кадансов в языке провансальской лирики, она отличается удивительным разнообразием и красотой своих форм, но содержанием эта лирика гораздо беднее: в качестве рыцарей, трубадуры долго только и делали, что воспевали любовь и войну, но известные политические события начала XIII века порождают новые мотивы для их стихотворений: у них появляется сатира. Перечислить все виды провансальской лирики очень трудно: этих видов слишком много, и слишком неустойчива основа, их деления, так как для нея служит столь же часто форма, как и содержание, и если, с одной стороны, тут встречаются *сестины*, стихотворения, состоящая из 6 строф, из которых каждая заключает 6 стихов, то с другой, — *альбы*, т. е. утренние песни, и *серены*, т. е. вечерние песни. Поневоле приходится ограничиться самыми распространенными видами лирики трубадуров, а такими являются: *кансона*, выработанная весьма искусно и служившая чаще всего для любовных стихотворений; *тенсона*, представляющая собой поэтический диалог двух поэтов или поэта с лицом, им вымышленным, о темах, касающихся той же любви; *баллада* (от *balat*—плясать), означающая плясовую песню, и *сирвент*, песня, содержащая как похвалу, так и порицание, а потом только порицание и обличение, т. е. сатира.

В творчестве трубадуров часто сквозит тонкое понимание красоты, чуткий инстинкт в выборе выражений и искреннее увлечение простой и нежной мелодией; если же вся эта поэзия, воспевающая, как сказано выше, любовь и войну, по своему содержанию подчас до того однообразна, что ее можно счесть рядом произведений одного и того же поэта, то не следует забывать о рыцарстве трубадуров. Трубадуры прежде всего рыцари, у которых сердце всегда принадлежало даме, а рука—мечу, и потому вполне естественно, что основными мотивами их песен остаются любовь и война. Тем не менее, провансальская поэзия не всегда отличалась субъективным и личным характером: иногда, и главным образом с начала XIII века, под влиянием исторических событий, она имела и общественное значение, и трубадурам выпадало на долю быть вождями и руководителями общественного мнения, когда они возбуждали к крестовым походам или высказывали горячий гнев, нападая на папский престол и на испорченность духовенства. Таким образом, содержание провансальской лирики не исчерпываются любовью, и образцами ее могут служить, кроме любовных, не только военные песни, но и песни, бичующие пороки. Для примера остановимся на нескольких песнях, сначала имеющих предметом любовь, а потом и с другим содержанием.

Когда по веткам зелень выбегает,
То здесь, то там распушится цветок,
Щебечет птичка, спрятавшись в кусток,
Тогда душа в блаженстве утопает;
Но вот убрал деревья пышный цвет
И соловьи запели хором дружным,
Тогда глядишь, и с сердцем сладу нет,

Любви властительной подслужным.

Так поэт провансал о любви, но чаще он выражается о ней гораздо сильнее, потому что видит в ней источник всякой человечности, — например:

Счастлив, кому досталось блаженство!
Любовь—источник всякого добра:
Не от нея ль душа становится бодра,
Кротка, правдива, утонченна.
Способней во сто крат в совете и войне?
Да будет же любовь благословенна!

В только что приведенной песне трубадур не даром упомянул о войне, потому что иногда его ничто так не веселит, как боевой клич, и он с воодушевлением рисует войну:

Вот всадников убитых кони
Блуждают по полю дрожа;
За недругом несясь в погоню
И славой предков дорожа,
Герой о том лишь помышляет,
Чтобы побольше снять голов
И рук отсечь, без дальних слов,
А сам нигде не отступает.

Что касается до нападений на духовенство и его алчность, то относительно этого предмета в провансальской поэзии попадаются и такие места:

Кто зло добру в делах предпочитает,
Безумец тот: не долгодолг счастья срок,
Его, глядишь, на сутки не хватает.
Да нет, не вразумить нам скаредных глупцов,
Без пользы для себя век алчущих скупцов!

До нас дошло много биографий провансальских трубадуров, и по ним можно составить себе совсем ясное понятие о провансальской поэзии, которая, представляя из себя несомненное проявление личности, требует, кроме знакомства со своими произведениями, знания условий жизни авторов этих произведений. Для подобной цели можно было бы рассмотреть целый ряд биографий трубадуров; можно было бы ознакомиться с жизнью замечательного поэта и крайне эксцентричного Петра Видаля, нарядившагося однажды волком в честь своей дамы, имя которой было Loba (волчиха), и бродившаго некоторое время в этом виде; можно было бы извлечь много интересного из биографии Понса де-Капдюэля, автора энергических и сильных стихотворений по поводу крестовых походов, или Вильгельма Фигвейраса, бичующаго Рим и его нравственное падение; но достаточно остановиться на прославленном Бертроне де-Борне, который может назваться выразительным представителем трубадуров.

Бертран де-Борн

Родившись, как предполагают, в 1145 году в родовом замке своего отца, барона средней руки, Бертран де-Борн 9-ти лет был послан в соседний монастырь для обучения грамоте, где учился 5 лет, потом изучал военное дело, 21-го года был посвящен в рыцари, а в 1179 году женился; от этого брака у него было двое детей.

Как истый трубадур, Бертран знает идеальную рыцарскую любовь и является автором многих кансон, внушенных ему самым утонченным культом любви, но цель и задача всей его жизни—война. Он то-и-дело или сам воюет, или возбуждает к войне, и честь для него дорога так же, как и обнажение меча за святое дело. Это сильный не только телом, но и духом человек. Бертран не только постоянный союзник непокорных сыновей Генриха II Плантагенета, короля Англии и владетеля лучшей половины Франции; он не пропускает ни одного случая, чтобы не обнаружить своей страсти к войне, и в своих сирвентах, распеваемых жонглером Папиолем, то упрекает королей Ричарда и Филиппа за медленность, которая мешает им вооружиться ради святого дела, то старается «пришпорить», как он выражается, т. е. побудить к войне тех же Ричарда и Филиппа, льстя первому и унижая, сколько возможно, второго. Временами может показаться, что Бертран любит войну для войны, но зато иногда его сирванты совсем другого направления: по поводу, например, смерти Генриха Юного он пишет ряд грустных сирвентов, в которых видно искреннее чувство и сильная привязанность к принцу со стороны Бертрана. После смерти своей второй жены он передал свои владения сыновьям и ушел в монастырь, где в 1215 году его поминали уже за-упокой.

Бертран—вполне типичный трубадур, если, кроме любви, его так воодушевляет война, в которой он видит самое живое дело. Одно приготовление к бою приводит его в восторг, и он поет:

Как сладок мне разгул весны!
Вновь лист и цвет оживлены;
Опять веселый птичек хор
Лес песнью свежей оглашает,
Куда ни обратится взор,
Избушки, хутора встречает;
Но сладок мне и поля вид,
—Будь это осенью, весною,
Где строй людей, коней стоит,
Вполне готовый к бою!

Но вот война началась, и восхищение Бертрана становится безграничным:

Мне любо видеть: лишь мелькнут
В дали бойцы передовые—
И люди и стада бегут
Укрыться в чащи вековая;
Ах, любо! там навстречу им
Вон с шумом выдвинулось войско.
И бой теперь необходим;
Иль где е отвагою геройской
Надежный замок силой взят,
Когда стена, вдруг треснув, рухнет,—
Не оторвался бы мой взгляд!

Трубадуры всегда довольно охотно переходили границу и странствовали по чужим землям, а после ужасов альбигойской войны они массами стали покидать родину для переселения к соседям, и прежде всего в северную Францию, где и поспешили распространить провансальскую поэзию. Ранее была и у северных французов лирика, и не народная только, но и искусственная; однако, эта лирика и незначительна по количеству стихотворений и слишком сбивает на эпос; истинная же искусственная лирика появилась в северной Фран-

ции одновременно с появлением в ней трубадуров. Провансальцы, таким образом, остаются всегда учителями, и их песни и громче и мелодичнее песен северных французов; однако все же этих последних нельзя считать только переводчиками: во всяком случае, в северной Франции привились почти все виды провансальской поэзии.

Тибо Шампанский

Встречаются и среди северных французов хорошие поэты. Таков граф Тибо Шампанский, внук короля наваррского и сам впоследствии король наваррский. Он сыграл роль посредника между югом и севером Франции и своими произведениями хорошо выражает северо-французскую лирическую поэзию.

Этот богатый и влиятельный человек родился в 1201 году, был воспитан на юге, а большую часть жизни провел на севере; труверам, т. е. эпическим поэтам северной Франции, он принадлежит по языку и своей способности играть словами и шутить, а у трубадуров заимствует те или иные формы своих стихотворений. Вообще Тибо не пользовался популярностью; быть может, потому, что, в качестве владельца обширных земель, помогал матери св. Людовика, Бланке Кастильской, поддерживать королевскую власть в разъединенной стране; но поэзия его всегда заслуживала интереса, так как многие из его песен отличаются не просто искренностью, но и задушевностью. Во всяком случае, он перебрал в этих песнях все три главные мотива провансальской поэзии; только провансальские описания весны ему и не нравятся, на все же другое он отзывчив, хотя любовь в его произведениях занимает, конечно, первое место. Так, Тибо воспевает прекрасные глазки своей дамы и раны, которые они нанесли его сердцу; он спрашивает себя, когда он увидит этих *врагов*, от которых так пострадал, и замечает при этом, что «на свете еще никогда не бывало человека, который бы так по-христиански любил своих врагов». Далее, он проповедует в стихах крестовый поход, после чего и отправляется в этот поход; наконец, он обличает и всеобщую испорченность нравов, при чем довольно решительно заявляет, что «дьявол закинул в мир четыре удочки: роскошь, жадность, гордость и вероломство, и мошенник, к несчастью, ловит удачно». Умер Тибо в 1253 году.

Миннезингеры

Приблизительно около того же времени, когда провансальская лирика оказала свое влияние на северную Францию, она проникла и в Германию. Впервые песенное искусство трубадуров занесено было сюда еще ранее 1190 года поэтом Генрихом фон-Фельдекэ, а затем, благодаря постоянным политическим сношениям Германии и Франции, рыцарству и крестовым походам, искусство это и вовсе переселилось к немцам, и искусственная немецкая лирика, которая начала было развиваться из народной, совершенно подчинилась провансальской. Тогда-то немцы вдохновились поэзией трубадуров и стали употреблять всяческие старания, чтобы сравняться с провансалами в их искусстве. Появились так называемые *миннезингеры*, так как любимой темой их песен была «Minne» — любовь.

Миннезингеры быстро размножились, но существовали не долго: через два, через три поколения немецкая лирика возвращается снова к народному направлению. Что касается до сословия, из которого появлялись миннезингеры, то это было почти исключительно дворянство, почему и поэзия их находила себе приют в рыцарских замках и княжеских дворцах, от которых и получила название *придворной*. Правда, императоры слишком редко си-

дели на месте, чтобы их дворы играли роль центров поэзии миннезингеров, но были дворы мелкие, как например, тюрингенский, при котором миннезингеры собирались десятками.

Миннезингеры обращают большое внимание на форму, почему, между прочим, они и ставили так высоко своего Генриха фон-Фельдекэ, обработывавшего всегда весьма старательно стих; они больше трубадуров заботятся о рифме, и метры их стихотворений разнообразнее. Среди видов этих стихотворений особенно часто встречаются простые, попарно рифмованные стихи без строф, или так называемые *лейхи*, сопровождаемые музыкой, и *шпрюхи*, соответствующие *сирвентам* в Провансе.

По содержанию своих песен, миннезингеры еще беднее трубадуров: любовь почти единственная их тема, и мы напрасно стали бы искать у них мотивов свободы или оппозиции, проявляющихся иногда в провансальской поэзии. Но и самая любовь в немецкой рыцарской лирике—робкая, сентиментальная и мечтательная; большею частью миннезингер прославляет возлюбленную, излагает обязанности любовного служения и никогда не говорит об измене или ревности. При этом, как северный человек, он поет отнюдь не весело о любви: он всегда вдумчив и наклонен к рефлексии, и его любовь в большинстве случаев выходит душевным настроением, тогда как у трубадура она полна пыла и страсти. Отсюда в немецкой рыцарской поэзии постоянно звучит глубоко-грустная нота, отсюда же в ней постоянно исследуются психология и тайны любви. Миннезингеры хорошо сознавали суетность земных наслаждений, а это приводило их, с одной стороны, к религии, с другой—к созерцанию природе, и они отводят иногда в своих стихотворениях место то религии, то природе. Таким образом, миннезингеры подражают трубадурам, но в этом подражании основные черты их характера всегда остаются при них; задумчивость с мягкостью и расплывчатостью вечно присущи немецкой рыцарской поэзии, и потому следующая песня может назваться характерным образцом ея:

Кому не знакома вражда,
Тот жесткого слова иль слова презрения
Не скажет о женщине, ей в осуждение,
Но будет ей ласки привета дарить
И кротко о ней говорить.
Блаженство и радость в жизнь нашу вносящая,
Скромна и безмолвна любовь настоящая!
Как дым, улетает страданье от нас,
Испугано женской улыбкой единою;
В нас сердце трепещет любовной кручиною
От взгляда пленительных глаз.
Воздайте же должное образу чистому,
Челу молодому лилейно-лучистому,
Рубиновым, нежным устам
И алым, как розы, щекам.
Вид милых созданий с их чудными взорами
Нас все заставляет забыть,
И нет тех восторженных песен, которыми
Мы их не готовы почитать;
Но все же того, что я думаю, чувствую,
И самой хвалой стоюстою
Не выразить людям вполне:
Того, как прекрасны оне.

Все на одни и те же мотивы пели и Фридрих фон-Гузен, и Гартман фон-Ауэ, и Ульрих фон-Зингенберг, и Христиан фон-Гамле, и очень многие еще другие миннезингеры; но эта литература любовных песен произвела одного художника с более обширным кругозором, художника, который вполне заслуживает уважения среди своих современников; имя этого художника—Вальтер фон-дер-Фогельвейде, и на нем следует остановиться подробнее, так как ему принадлежит первое место среди миннезингеров.

Вальтер фон-дер-Фогельвейде

К сожалению, тогда как французы хорошо знают жизнь своих трубадуров, материалы для биографий немецких средневековых поэтов крайне скудны, и все, что известно о жизни Вальтера фон-дер-Фогельвейде, почерпнуто большею частью из его же собственных сочинений. Родился он, как предполагают, в южном Тироле около 1168 года и юность свою провел при двор австрийского герцога Фридриха Католика; когда же этот последний умер в Палестине в 1198 году, Вальтер начал скитальческую жизнь, во время которой исходил не только Германию, но и многия чужия земли, при чем, становясь на сторону того или другого государя, принимал участие, благодаря своему уму и таланту, в политических событиях. Между прочим, в это время Вальтеру пришлось побывать и при дворе известного покровителя поэтов, ландграфа, Германа Тюрингенского и участвовать в знаменитом Вартбургском состязании поэтов. Вскоре он принимает сторону императора Оттона против папы Иннокентия II, и с этих пор в своих произведениях очень часто возвращается к вопросу о притязаниях Рима и о поведении духовенства. «Хорошо папе смеяться в Риме», восклицает между прочим Вальтер, «в то время как добродушные немцы опоражнивают кошельки на пользу его казны! Боюсь я только, что деньги эти никогда не увидят Святой Земли, и в одном Риме будут звать, сколько еще есть в Германии дураков и дур!» С течением времени Вальтер покинул Оттона и перешел на сторону Фридриха II, и от этого последнего получил в собственность ленное поместье, о котором давно умолял своих прежних покровителей. Однако, не долго прожил он на одном месте и снова принялся за свои странствия; когда же Фридрих II двинулся в Св. Землю, отправился вместе с ним и Вальтер. Умер Вальтер в Бюрцбурге после 1230 года.

Уже из сказанного можно заключить, что Вальтер фон-дер-Фогельвейде, не в пример другим миннезингерам, затрогивал в своих стихах предательство духовенства; но не в одном только этом отношении он был единственным в своем роде. Вальтер вообще принадлежал к более мужественным характерам и, не ограничиваясь обычной темой лирической поэзии своей эпохи, т. е. любовью, он с энтузиазмом воспевал свое отечество, столь горячо любимое им, и не был чужд в своих шпрыхх политики, при чем он пел всегда с убеждением, а не из того или другого расчета. О легкости и красоте стихов его, равно как и о силе его чувства и искренности, может свидетельствовать следующее стихотворение:

В чужих краях нередко я блуждал
Но, увлечен чарующею силой,
Я никогда нигде не забывал
Ни дев, ни жен своей отчизны милой.
К чему мне лгать? В сердечной глубине
Носил я образ женщины немецкой.
И был всегда он мил и дорог мне
Своею непорочною детской.

Чей жаждет дух любви и красоты,
Пускай спешит в наш край благословенный.
О край родной! могилой будь мне ты:
Тебя прекрасней нет во всей вселенной.

Вольфрам фон-Эшенбах

После Вальтера фон-дер-Фогельвейде, нельзя не упомянуть о Вольфраме фон-Эшенбахе, который, хотя и знаменит своими эпическими поэмами, но и по таланту и по характеру был чистейшим лириком. Не говоря уже о том, что Вольфрам—автор многих лирических стихотворений, и поэмы его—«Парциваль», «Виллегальм» и «Титурэль»—представляют из себя не что иное, как сборники лирических порывов, так как каждая отдельная строфа в них дышит самым горячим лиризмом. Таким образом, Вольфрам—в полном смысле слова миннезингер, и доказательством этого может послужить следующая песня Сигуны из поэмы «Титурэль»:

Бывало, под вечер с тоской в окошко на степь я глядела,
Долина, теряясь вдали, одна предо мною белела.
Он редко ко мне приходил, и горькой, обильной слезой
Платить приходилось мне за счастье минуты одной.

Брожу от окошка к стене я взад и вперед в нетерпении,
С востока на запад брожу, как будто в меня убеждение.
О том, что случилось со мной, уже поселилось давно,
И много ли, мало ль часов печалюсь я—все мне равно!

На бурных я волнах подчас плыву по пучине глубокой
И думаю: если б ко мне примчалась из дали широкой
Внезапно счастливая весть, в утеху печали живой,
Что горя сердечную боль утешит мне друг дорогой.

Куда улетели навек утехи мои золотые?
Где бодрость былая моя? где радости сердца живые?
Одна нам досталась судьба: он нужен один мне; но я—
Ведь также ему дорога—что ж он избегает меня?

К XIV веку проходит время процветания средневековой лирики во Франции, а немецкая рыцарская лирика, доведенная до смешных крайностей Ульрихом фон-Лихтенштейном в его «служении дамам» и вызвавшая ряд пародий со стороны Нитгарта и Тангейзера, сначала принимает дидактическое направление, потом изгоняется из княжеских дворцов и дворянских замков, ютится некоторое время в городах и, наконец, замирает, уступая место народной песне. Можно было бы посмотреть, как привилась провансальская лирика в других странах Европы, но повсюду это были только отзвуки лирики трубадуров. Во всяком случае, эта лирика сделала, свое дело: оставляя следы по всей Европе, она оказала большое влияние на образование всей средневековой и новейшей литературы.

И. Казанский.

XLVI. Театральные представления во Франции в конце XV века

Вопрос предоставления мистерии

В монотонной жизни средневекового города не было события, глубже захватывавшего общее внимание, сильнее увлекавшего все население, без различия сословия и состояния, чем представление мистерии, т. е. драмы с сюжетом из Св. Писания. Такое представление, вполне отвечая общей набожности эпохи и вместе с тем удовлетворяя наивной страсти к пышным зрелищам, считалось религиозным и общественным подвигом, за осуществление которого брались с благоговением, молитвою и горячим усердием. Все классы общества, начиная с блестящей знати и кончая серым деревенским людом, пылали истинным энтузиазмом к этому делу и, забыв на время сословные личные счеты и застарелые взаимные недоразумения, сходились,—лишь только зарождалась где-нибудь мысль о представлении мистерии,—в единодушном страстном желании содействовать всеми силами успеху и блеску сложного и грандиозного предприятия.

Мистерии были предметом горячей симпатии всей Западной Европы с XIV до начала XVI столетия, но нигде и никогда она не пользовалась такою популярностью, как во Франции во второй половине XV века. Перенесемся мыслью в какой-нибудь из французских городов этой эпохи; представим его себе со всеми особенностями средневековой своеобразной обстановки, свидетельствующей на каждом шагу о необеспеченной полу-военной жизни и тревожном, исполненном суеверия порывании к нетленному и вечному существованию. Войдем в один из домов, похожих на неприступные крепости, которые теснятся в узких и кривых улицах, почтительно уступив обширную площадь громадному, величественному и таинственному готическому собору, с возносящимися к небу остроконечными башнями, красноречиво говорящему о том, что здесь выше всего ставятся интересы веры и благочестия. В одной из комнат, по убранству которой легко догадаться о зажиточности и солидности владельца дома, собралось несколько почтенных, пожилых людей, принадлежащих к местной духовной и светской аристократии. Хозяин, серьезный и степенный старик, пред-

ставитель уважаемой буржуазной фамилии, члены которой нередко занимали видные судебные и административные должности в городе, пригласил их к себе для совместного обсуждения очень важного вопроса. Дело в том, что прошло уже около пятнадцати лет с того времени, как в городе была представлена в течение трех дней «великолепная и поучительная» мистерия «Страстей Господних». Воспоминание об этом торжественном и благочестивом зрелище начало уже бледнеть, вот почему было бы уместно и желательно позаботиться о новом представлении мистерии, назидательность которой для народа не подлежит сомнению. Кроме того, благополучное окончание разорительной войны, бремя которой тяготело несколько лет над населением, и счастливое избавление от моровой язвы, свирепствовавшей в других городах, обязывало всех истинно-верующих возблагодарить Бога достойным образом за все благодеяния. Но неужели возможно лучше почтить Создателя, как «представив в лицах земную жизнь, страдания, крестную смерть и воскресение Господа нашего Иисуса Христа?» Правда, это дело не легкое, поглощающее массу и труда и денег; но в христианском усердии горожан нельзя сомневаться, в средствах же, наверно, не будет недостатка: едва только в городе узнают о задуманном благочестивом предприятии, как отовсюду польются щедрые пожертвования. Что касается до самого текста мистерии (rollet), то сочинить его любезно согласился всем известный почтенный каноник, красноречивейший и ученейший доктор теологии, пользующийся литературною славой за свои духовные стихотворения, в особенности в честь Св. Девы Марии.

Собрание одобрило все приведенные соображения уважаемого хозяина; все были согласны в том, что ничто не содействует до такой степени преуспеянию веры, славе Св. Церкви и спасению души, как именно представление мистерии. Чтобы не затягивать дела, решено было завтра же обратиться к городским властям за разрешением и содействием.

Городской мэр и старшины (eschevins) отнеслись к проекту с величайшим сочувствием. «Принимая в соображение, что, по милости Божией, королевство французское обретается в добром мире, хлеб и вино дешевы и все припасы, слава Богу, в изобилии», они нашли вполне своевременным разрешить представление св. мистерии «для назидания верующих и в благодарность Господу за избавление от повальной болезни». Из городской кассы была ассигнована значительная сумма для постройки сцены и мест для зрителей, под открытым небом, на самой обширной из городских площадей. Для распоряжения хозяйственной стороной предприятия и общего заведывания всем делом была избрана комиссия из 12 лиц, честных и набожных граждан, в состав которой вошло большинство инициаторов предприятия, с титулом «главных распорядителей» (superintendants). Режиссером (meneur du jeu) назначен уже знакомый нам, «красноречивейший и ученейший доктор теологии», взявшийся написать мистирию, а декоратором и машинистом (maitre des secrets)—искуснейший мастер плотничьего цеха.

Составление пьес

Таким образом, осуществление затеянного предприятия было обеспечено, и ученый доктор мог приняться за сочинение обещанной мистерии. Понятия о литературной собственности в средние века не существовало, всякий брал свое добро, где его находил, пользуясь трудами предшественников, как общественным достоянием. Поэтому и наш автор, застав за литературную работу, мало заботился о самостоятельности. В основу своей пьесы он

положил две мистерии «Страстей Господних» Арнуля Гребана и Жана Мишеля, уже прославленные по всей Франции. Приходилось лишь несколько переделать их, сообразно с местными условиями и личным вкусом: кое-что сократить, исключив некоторые эпизоды, слишком затягивавшие ход действия, и кое-что прибавить, увлекшись некоторыми счастливыми находками собственной фантазии и желанием блеснуть обширной ученостью и начитанностью как в отцах церкви, так и в светских писателях. Таким образом, на старой канве были выведены опытной рукою новые узоры, и мистерия вышла на славу, превосходнейшая и поучительнейшая, написанная притом весьма искусно рифмованными стихами, общее число которых доходило до 20,000. Но этим литературные обязанности «красноречивейшего и ученейшего доктора» еще не кончились: ему предстояло выбрать или написать вновь два-три веселых фарса, без которых по принятому обычаю, требовавшему соединения полезного с приятным, не могло обойтись ни одно представление серьезной мистерии. В виду этого он выписал из Парижа несколько новых фарсов, игравшихся там с большим успехом «Базошскими клерками». Так называлось одно из обществ актеров-любителей, игравших исключительно веселые фарсы, шутки (*sotties*) и т. п., в противоположность «Братству Страстей Господних» (*Confreirise de la passion*), ставившему на своей сцене мистерии. Один из них, называвшийся «*Maitre Patelin*», показался ему забавнейшим и остроумнейшим; читая его, почтенный каноник посмеялся от души, забыв свою обычную серьезность и сдержанность. Итак один превосходный фарс был на лицо; второй сохранился в архиве городской ратуши после предыдущего представления мистерии; что касается до третьего, то наш автор решился пустить в ход, несколько исправив и переделав, фарс собственного сочинения, написанный в дни молодости, когда подобные «светские» произведения ему не казались еще греховными.

Оглашение.

Когда вся литературная работа, занявшая несколько месяцев, была окончена, распорядители назначили традиционное «оглашение» (*cry*) на первый день Пасхи. Так называлось объявление всему народу о задуманной постановке мистерии, совершавшееся с большою торжественностью.

Утром, после обедни, когда праздничные группы народа наполняли все улицы, тяжелые ворота растворились и выпустили блестящую кавалькаду, сразу приковавшую всеобщее внимание. Впереди ехали шесть трубачей, а за ними отряд городских стражников в кафтанах, обшитых серебряным галуном и украшенных гербами. Далее следовали два герольда, на обязанности которых собственно и лежало «оглашение»; их легко было узнать по одежде, сшитой из черного бархата и атласа трех, присвоенных себе устроителями мистерии, цветов: голубого, желтого и сераго. Затем ехали сами «распорядители» на конях, украшенных «сообразно их положению и состоянию» (*bien montes selon leus estat et capacite*); общее внимание привлекал «красноречивейший и ученейший доктор теологии», державший в руках тяжелый свиток своей мистерии. На каждом перекрестке всадники останавливались; после троекратного сигнала трубачей герольды выступали вперед и громогласно читали стихотворное объявление о том, что в ближайший праздник Св. Пятидесятницы и следующие за ним дни (в большинстве случаев мистерии разыгрывались в Троицын и Духов дни, но нередко представления бывали и в другое время, преимущественно летом или осенью после уборки жатв) иметь быть представлена «честно и благочестиво» (*honnestement et*

devostement) святая мистерия «Страстей Господних»; все верующие,—богатые и бедные, знатные и простые,—желавшие принять личное участие в таком душеспасительном и богоугодном деле, приглашались явиться в назначенную церковь, где будут происходить репетиции, под руководством самого автора мистерии (facteur de mystere). Объехав главные улицы города, блестящая кавалькада скрылась в воротах ратуши.

Роли

Не прошло и часа, как весть о необычайном и завлекательном предприятии достигла самых отдаленных городских закоулков. Все оживилось, встрепелось, зашумело и заговорило. Почти в каждой семье нашлись жаждавшие завидной чести хотя раз в жизни фигурировать на сцене в роли какого-нибудь святого, мученика или просто знатного лица. Для мистерии требовалось до двухсот исполнителей, но желающих было гораздо более: в назначенную церковь явилось такое количество претендентов, что громадному большинству пришлось уйти ни с чем, в полном разочаровании. Тем сильнее была радость счастливых, которых режиссер считал годными для какой-нибудь роли, хотя бы и очень маленькой и незначительной.

Наиболее важные и священные роли, как Спасителя, апостолов, пророков, были уже ранее поручены лицам духовного звания; роль Божией Матери была отдана красивому и моложавому священнику, так как обычай вплоть до XVI века не позволял женщинам участвовать в представлении мистерии. Другия женские роли были розданы юношам и мальчикам. Все удостоившиеся избрания должны были дать торжественную клятву на Св. Евангелие в том, что будут безпрекословно подчиняться режиссеру и исправно посещать репетиции; на нерадивых налагался штраф.

Разучивание ролей, из которых некоторые заключали в себе не одну тысячу стихов, было делом не легким. Поэтому прошло не мало времени, прежде чем явилась возможность приступить к репетициям. Последняя доставила почтенному режиссеру не мало труда и хлопот, так как неопытные любители, за исключением немногих, с большим трудом постигали даже элементарные тайны сценического искусства. Дело не обошлось и без досадных помех. Когда все уже было слажено, вдруг любитель, взявший на себя ответственную роль Иуды, обиженный чем-то, закапризничал и отказался играть. Это поставило режиссера в большое затруднение. Трудно было найти другого любителя, который бы так удачно совмещал в себе требуемые от этой роли качества: безобразную наружность и зычный голос. К тому же, роль предателя не принадлежала к числу популярных, и на нее немного находилось охотников: кому же приятно было провисеть добрый час на воздухе, изображая самоубийцу, а потом в аду получить изрядную потасовку от чересчур расхорившихся чертей. Недавно был случай в соседнем городе, окончившийся очень печально: Иуде, вынужтому из петли полуживым, дьяволы так усердно намяли бока, что через три дня он отдал Богу душу. Подобная неожиданность, не входившая в программу мистерии, хоть кого могла смутить. К счастью, наш любитель вовремя одумался: получив от дьяволов обещание обойтись с ним возможно деликатнее, он взял свой отказ назад.

Костюмы

Не мало также труда и времени было потрачено на сооружение сценических костюмов, отличавшихся в средние века такой роскошью и великолепием, какия почти неизвестны

современной сцене, довольствующейся нередко подделками всякого рода. На средневековой сцене блестело настоящее золото и серебро и настоящие драгоценные камни. По обычаю, каждый из играющих должен был сам позаботиться о своем костюме, но те, которые не имели для этого средств, получали поддержку от богатых сотоварищей и других граждан. О соблюдении исторической верности в костюмах никто и не думал, так как вообще в средние века на все предшествующие эпохи смотрели не иначе, как сквозь призму своего времени, и могли понять прошедшее только в формах современной жизни.

Вследствие этого, например, новозаветный Лазарь выезжал на сцену на богато убранном коне, в костюме средневекового рыцаря с охотничьим соколом на одной руке; весело напевая рыцарскую песенку, он ехал на охоту в сопровождении доезжачаго со сворою гончих. Точно также Мария Магдалина изображалась средневековой красавицей, прекрасной обладательницей феодального замка, одетой со всею роскошью средневековой моды и окруженной толпою поклонников-рыцарей, жаждущих преломить за нее копье на турнире. «Вифлеемские» пастухи были точною копиею с французских не только по костюму, но и по особенностям быта и т. д. Только костюмы наиболее священных для христиан лиц копировались не с живой современности, а с икон и скульптурных изображений, украшавших средневековые храмы. Соборная ризница, любезно предоставленная духовенством в распоряжение режиссера, давала возможность, с большим удобством и без значительных затрат, одеть порядочное количество играющих в приличные ролям костюмы. Бывали случаи, что для представления мистерии из церквей отпускались не только облачения, но и священные сосуды и даже мощи.

Смотр

Когда пьеса была срепетована и костюмы готовы, наступило время для второго торжественного акта предприятия, так называемого «смотра» (*monstre*), который должен был состояться ровно за неделю до Троицына дня. Утром городской герольд, сопровождаемый трубачем, объехал весь город, приглашая участников мистерии явиться, в своих сценических костюмах, в церковь, где происходили репетиции, откуда они должны были направиться в торжественной процессии к кафедральному собору. В ожидании этого великолепного зрелища, все попутные улицы были запружены народом. Имея во главе почтенного доктора, блестящая процессия в строгом порядке потянулась от церкви к собору, при всеобщем ликовании и звоне всех колоколов. Процессия была так длинна, что, когда апостолы, замыкавшие шествие, вышли из церкви, демоны, бывшие впереди всех, уже успели достигнуть соборной паперти, хотя расстояние между обоими храмами было довольно значительное. По общему признанию, костюмы были так великолепны, что лучшего невозможно было и представить. Масса бархату, атласу и шелку прелестнейших цветов, богатое и блестящее оружие, драгоценные камни, золотые и серебряные украшения—все это, при ярких лучах весеннего солнца, производило чарующее впечатление на восхищенные толпы народа. На светлом фоне процессии темным пятном выделялась группа дьяволов. Они имели рога, хвосты и раздвоенные копыта и были одеты в волчьи, бычачьи и бараньи шкуры, к поясам были привешены колокольчики и погремушки, производившие странный шум; в руках у них были длинные горящие головни, на которые они часто бросали воспламеняющиеся вещества, производившие огонь и дым. (Так описывает костюм «дьяволов» Раблэ в своем знаменитом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль»). Кроме своих прямых обязанностей,

дьяволы в мистериях исполняли роль шутов, потешавших публику; вот почему во время «смотра» их встречали взрывами смеха, хотя инстинктивно и сторонились от них подальше, тем более, что обитатели ада пользовались привилегией выделять и над публикой не особенно приятные шутки: случалось, что невнимательного слушателя дьяволы увлекали на сцену и немилосердно тормозили. Когда вся процессия, не исключая и дьяволов, разместилась в таинственном полумраке готического собора, начался торжественный молебен, все участвующие в представлении молились «с большою набожностью (*moult devostement*) о том, чтобы погода оказалась благоприятной для приведения в исполнение их доброго и благочестиваго намерения относительно мистерии». Из собора процессия в прежнем порядке проследовала обратно, вновь вызывая удивление и похвалы.

Полицейские распоряжения

В последнюю неделю перед представлением в городе замечалось необыкновенное оживление. Места для зрителей и сцена были уже выстроены; оставалось декорировать и украсить их дорогими материями, коврами и флагами. Богатые граждане доставили все необходимые для этого материалы, а также и разного рода вещи, требовавшиеся для обстановки сцены. Упомянутый «искуснейший мастер» плотничьего цеха превзошел самого себя в устройстве так называемых «секретов», т. е. механических приспособлений для поднятия некоторых актеров на воздух, для внезапного исчезновения, чудес и т. п., согласно с ходом действия. К концу недели стали уже съезжаться приглашенные из соседних городов, и толпами приходили крестьяне из окрестных деревень. В виду ожидаемого громадного стечения народа, городским мэром было издано распоряжение об экстренных мерах для поддержания порядка и безопасности. В дни представления все городские ворота должны быть заперты, исключая двух, охраняемых усиленною стражею; для защиты имущества горожан «от воров и иных недобрых людей» наряжаются частые патрули, некоторые улицы затягиваются цепями. Все жители приглашались выставлять по вечерам фонари в окнах своих домов для того, чтобы облегчить движение по улицам, а вместе с тем и выразить свою радость по случаю такого торжественного события. Занятие торговлею и ремеслами в эти дни, посвященные богоугодному делу, строго запрещалось; исключение делалось только для булочников, пирожников, трактирщиков и вообще торговцев съестными припасами и напитками, приглашавшихся, напротив того, расположиться с своими продуктами поближе к площади, чтобы зрители благочестивой мистерии имели возможность в антрактах подкрепляться пищею и напитками. Приезжим гостям угощение предлагалось от города, для чего было заготовлено несколько бочек вина и соответственное количество закусок. Позаботились также и о духовной пище: по распоряжению епископа, обычные часы церковных служб были изменены с тою целью, чтобы дать зрителям мистерии возможность посещать и богослужение.

Сцена

Наконец, наступил давно с нетерпением ожидаемый день Св. Троицы. С раннего утра на площадь, где возвышалась сцена, стали стекаться толпы народа, спешившего занять места; каждый час приливали все новые и новые волны зрителей. Еще было далеко до начала представления, когда не только уже самая площадь, но и все прилегающая к ней улицы и переулочки были переполнены; окна и даже крыши прилегающих к площади домов тоже были усеяны зрителями. Весь остальной город словно вымер, заперты ворота и вооружен-

ные отряды напоминали осадное положение. Вся жизнь сосредоточилась в одном месте. День выдался прекрасный. Под яркими лучами солнца обширная площадь представляла зрелище поистине великолепное. На одном конце ее возвышались построенные полукругом, в два яруса, места для зрителей, богато задрапированные дорогими разноцветными материями и коврами. Здесь собралось самое блестящее и избранное общество. Богатством убранства выделялась центральная ложа, украшенная городскими гербами; здесь находились почетные лица: городские власти, епископ, аббат и другие. Все обширное пространство площади, от этих привилегированных мест вплоть до барьера (*streteau*), отделявшего сцену, кишело бесчисленными зрителями из простого народа, расположившимися, как попало: кто стоя, кто сидя. Как гигантский пчелиный улей, гудела и волновалась многотысячная толпа, нетерпеливо ожидая начала и устремляя любопытные взоры на таинственные подмостки (*echafauds*), на которых должно было происходить действие. Бросим на них взгляд и мы.

Средневековая сцена поражала своими грандиозными размерами и сложным устройством. Подобно самим мистериям, она производила с первого раза впечатление чего-то безпредельного и хаотического; только присмотревшись внимательно, зритель начинал ориентироваться в массе мелких деталей и понимать ее общий план и расположение. Все обширное пространство средневековой сцены делилось обыкновенно на три части, из которых каждая имела свое специальное назначение. Первая часть (*champ* или *parloir*), ближайшая к зрителям, представляла свободную от всяких декораций площадку, игравшую роль нашей авансцены. По сторонам ее располагались те из актеров, которые в данный момент не были заняты в пьесе; следовательно, здесь стояли те, до которых не дошла еще очередь, а также и те, которые уже сыграли свою роль. Кулис на средневековой сцене не было, а все актеры, участвовавшие в представлении, оставались постоянно на глазах зрителей, исключая тех случаев, когда, по ходу пьесы, некоторых нужно было удалить непременно, чтобы не уничтожить сценической иллюзии. Здесь же находился режиссер, заправлявший всем представлением и дававший, в случае надобности, необходимые пояснения зрителям. На этой же передней части сцены сбоку был устроен «ад», имевший вид башни с окнами, защищенными железными решетками. Входом в ад служила огромная пасть дракона, которая раскрывалась и закрывалась сама собою и выпускала пламя и дым; по временам из этой пасти доносился до ушей зрителей оглушительный шум и рев: скрежет зубовный и стоны грешников смешивались с дикими завываниями дьяволов, лязгом железа и грохотом бочки, наполненной камнями, которую катали под сценой, производя шум, поистине адский.

Вторая часть сцены, лежавшая на одном уровне с предыдущей и непосредственно примыкавшая к ней, служила главным местом действия. Вся она почти сплошь была застроена особаго рода декорациями (*mansions*), из которых каждая имела вполне самостоятельное значение, изображая какой-нибудь город, храм, дворец, гору, сад и т. п., вообще один из пунктов действия. В этом и заключалось главное отличие средневековой сцены от современной нам: в настоящее время, для обозначения различных мест действия, меняются декорации; в средние века все последовательные места действия были сразу изображены на сцене соответствующими декорациями, которые были неподвижны и оставались неизменными на все время представления. Таким образом, не декорации менялись, а само действие

перемещалось последовательно, смотря по ходу пьесы, из одного пункта сцены в другой, из одной «mansion» в другую. Средневековая сцена являлась, так сказать, сокращенным изображением всей земли или, по крайней мере, значительной ее части; как на географической карте, зритель мог окинуть одним взглядом все находящиеся на ней страны, города, моря и т. д. Каким же образом могло все это поместиться на одних подмостках? Надо иметь в виду, что устройство всех этих декораций, изображавших отдельные пункты действия, было крайне просто и даже наивно, и каждая из них занимала очень небольшое пространство. Так, чтобы изобразить дворец Ирода, делали маленькое возвышение, на которое ставили царский трон,—вот и все. Для изображения Иерусалимского храма считался достаточным маленький павильон, крыша которого опиралась на легкие колонки. Труднее было представить целый город, но и это ничуть не смущало средневекового декоратора: он ставил стену, из-за которой виднелись две-три крыши, проделывал в ней дверь, а сверху помещал надпись «Назарет», «Вифлеем», «Рим» и т. д. При этом в его глазах не имело никакого значения то обстоятельство, что Рим поместился бок-о-бок с Назаретом, а от Иерусалима до Египта оказывалось не более пяти шагов. Такою же наивною простотою отличались все другие декорации: на фантазию зрителей тогда рассчитывали гораздо более, чем теперь. Если места на сцене не хватало, то некоторые из декораций, изображавшие ту или другую местность, устраивались прямо на площади, рядом со сценою.

На третьем плане от зрителей в самой глубине сцены на возвышении помещался рай, роскошно убранный шелковыми материями и уставленный красивыми растениями и цветами; за великолепным золоченым троном здесь был поставлен церковный орган, величественные звуки которого должны были раздаваться в известные моменты действия. Декоратор, уже известный нам «искуснейший мастер» плотничьего цеха, много потрудился над устройством и украшением рая, который, действительно, привел публику в полнейший восторг.

Пролог

Пока не началось представление, зрители, с величайшим любопытством смотрели на сцену, разглядывая все ее сложное устройство и стараясь угадать смысл и назначение декораций, в особенности тех, на которых не было надписи. Оживленный гул стоял на площади. Вдруг раздались звуки музыки, заставившие всех затихнуть и обратить глаза в одну сторону: по площади двигалась уже знакомая нам процессия исполнителей мистерии, казавшаяся теперь, при торжественной обстановке, еще великолепнее, чем во время «смотра». Под руководством режиссера, все играющие стали размещаться на сцене. На золоченом троне рая возсел священник, изображавший Бога Саваофа; у его ног поместились аллегорические фигуры Истины, Правосудия, Милосердия и Мира, направо и налево—ангелы с арфами, флейтами и другими инструментами. Музыкальная часть мистерии лежала на их обязанности, вследствие чего роли ангелов поручались обыкновенно хорошим музыкантам. У подножия рая стали Адам и Ева, которые должны были начинать действие. В средней части сцены, где были расположены так называемые «mansions», все заняли соответственные ролям места: Ирод поместился в своем «дворце», Иосиф в «Назарете», первосвященники Анна и Каиафа в «Иерусалиме» и т. д. Дьяволы, конечно, нашли себе пристанище в аду. Все актеры, игравшие второстепенные роли, а также фигуранты (лица без речей) столпились пока по сторонам передней части сцены. Сюда же вышел «красноречивейший и уче-

нейший» автор и режиссер мистерии в костюме Пролога (так называлось лицо, произносившее вступительную речь). Он был одет в бархатный камзол фиолетового цвета с красными рукавами, на ногах были желтые рейтузы и чулки и черные башмаки; в одной руке он держал палочку, в роде дирижерской, а в другой—свиток своей мистерии. Когда, таким образом, сцена, наполненная действующими лицами в ярких и роскошных костюмах, явилась во всем своем блеске, восторгу и удивлению зрителей не было пределов. Напрасно почтенный автор обращался к публике с просьбою не шуметь:

Silete! Silete! Silentium habeatis
Et per Dei Filium pacem faciatis!

Прошло не мало времени, прежде чем на площади водворилась тишина, и режиссер мог начать, в качестве Пролога, свою вступительную речь. В ней он объяснил публике все декорации, назвал и указал всех действующих лиц и очень обстоятельно рассказал содержание представляемой мистерии; но особенно подробно остановился он на доказательстве той мысли, что подобные зрелища являются высоким христианским подвигом, богоугодным и душеспасительным.

Пока толпа внимательно выслушивает длиннейшую проповедь «красноречивейшего и ученейшего доктора теологии», воспользуемся временем, чтобы заглянуть в прошлое мистерии и объяснить, как она возникли и развились в средневековой жизни.

Праздничное богослужение

Прежде чем занять выдающееся место в обиходе средневековой жизни, прежде чем стать общенародным делом, волнующим и увлекающим все сословия, мистерии пережили длинную и любопытную историю. Впервые зародились оне в стенах католического храма и долгое время развивались под исключительным влиянием католического духовенства. В первоначальном своем виде мистерии входили в состав богослужения; самое название их происходит от латинского «ministerium», т. е. служба. Назначением их было служить наглядной иллюстрацией к евангельскому тексту, поясняющей народу то, что, благодаря употреблению латинского языка в богослужении, не было ему вразумительно. В средние века была в большом ходу так называемая «Библия бедных» (Biblia pauperum), состоявшая из одних картин без текста, и назначавшаяся для «бедных духом», т. е. неграмотных, необразованных людей. Картины должны были, хотя отчасти, вознаградить их за невозможность читать Св. Писание. Приблизительно такую же цель преследовала литургическая драма, вставлявшаяся в богослужение и пояснявшая его для людей «бедных духом», т. е. не понимавших латинского языка. Проследим первые зачатки подобной драмы.

Праздничное богослужение в средние века, в особенности на Рождество и Пасху, отличалось необыкновенною торжественностью и великолепием. Обычный чин службы казался недостаточным в праздник; его старались продолжить и осложнить особыми приуроченными к празднику священными песнями, гимнами, затеями. Такие праздничные вставки, называвшиеся «тропами», послужили главным зерном, из которого выросла богослужебная мистерия. Причиной этого было то, что тропы мало-по-малу стали приобретать характер драматический. Праздничное чтение нередко являлось в форме драматического диалога, в котором участвовало несколько лиц; отсюда был один шаг до мысли сопровождать такое чтение, для большей наглядности, соответствующим действием. Во время пасхального бого-

служения, как только священник, читавший Евангелие, доходил до того места, где раз|сказывается, как жены мироносицы отправились ко гробу Спасителя, двое клериков, одетых в костюм мироносиц, направлялись к плащанице, около которой стоял священник, в белом хитоне, изображавший ангела. Между ними происходил диалог, заимствованный целиком из Евангелия. *Ангел.* Кого ищете в гробнице, христолюбивые жены? *Жены-мироносицы.* Иисуса Назарея распятого, о небожитель! *Ангел.* Его здесь нет, он воскрес в третий день, как предсказал, идите и возвестите о его воскресении.—После этого жены мироносицы уходили от плащаницы, распевая вместе со всем хором «Тебе Бога хвалим». Затем богослужение продолжалось обычным порядком. Подобная же драматическая вставка употреблялась и во время церковной службы на Рождество. Ставились за алтарем ясли, в которые клалось восковое изображение младенца; мальчик, одетый ангелом, возвещал пяти священникам, одетым пастухами, о рождении Спасителя словами Евангелия (Лук. II, 10—12); пастухи шли к яслям, распевая гимн; на вопрос, кого они ищут в яслях, они отвечали: «мы ищем Спасителя, Христа и Господа»; тогда им показывали младенца, они поклонялись ему и уходили, распевая «Аллилуйя». После этого начиналась обедня.

Два указанных «тропа» могут считаться истинными зародышами пасхальной и рождественской мистерии. Эти простейшие формы литургической драмы стали постепенно осложняться посредством прибавления новых лиц и новых событий. Так, на Рождестве, наряду с поклонением пастухов, стали также изображать драматически и поклонение волхвов и избивание младенцев Иродом (*officium pastorum, officium natorum, ordo Rachelis*), а затем и другие события, сопровождавшие, согласно евангельскому рассказу, Рождество Христова. С течением времени все эти миниатюрные драмы слились в одну, так называемую «рождественскую мистерию». Подобным же образом составила и пасхальная мистерия, соединившая в себе все те драматические вставки, которые имели место в пасхальном богослужении.

Итак, в начальный период своего существования (X—XI вв.), мистерия была составною частью праздничного богослужения на Рождество и на Пасху. Она исполнялась в церкви священниками и причтом на латинском языке и носила строго-религиозный характер. Возникнув в церкви, под крылом духовенства, преследовавшего цели назидания и наглядного поучения, эта христианская драма ревниво оберегалась от всякого соприкосновения с мирскою, светскою жизнью. Тем не менее, сохранить навсегда свой строго-религиозный характер мистерия не могла: чем популярнее она становилась у падкаго до зрелищ народа, тем более ей приходилось невольно подчиняться народным вкусам и требованиям. В течение XII и XIII столетий мистерия все более и более отступает от прежнего строго-религиозного типа и, порывая с богослужением, стремится сделаться светским зрелищем. Вместо латинского языка мистерии стали мало-по-малу писаться на язык народном; вместо церкви стали разыгрываться сначала на паперти, а затем около церкви в пределах церковной ограды, причем исполнителями являлись уже не одни духовные лица, как прежде, но и светские любители из горожан и других классов общества. Под влиянием сближения с народною жизнью, мистерия стала допускать в свою область светские песни и эпизоды комического содержания, которые с течением времени все более и более развивались. Свобода поэтического творчества, стесненная в литургической мистерии узкими рамками раз навсегда определенных текстов, начала заявлять свои права. Уже в XII в. в мистерии «Адам» мы ви-

дим попытку объяснить поступки действующих лиц психологическими мотивами, самостоятельно нарисовать и оттенить характеры; художественный инстинкт начинает вторгаться в мистику, и из сухих и бледных перечней библейских фактов они стремятся сделаться живыми и свободными произведениями искусства. К сожалению, дальнейшие робкие попытки в этом направлении мистерии не пошли.

В третий период своего существования (XIV и XV вв.) мистерии порывают окончательно всякую связь с богослужением. Перешагнув через церковную ограду, они разыгрываются на улицах и площадях, в самом центре городской шумной жизни, и становятся любимейшим общенародным зрелищем.

Такова была история мистерий до того момента, к которому относится наш рассказ.

Ветхозаветная драма

Между тем «красноречивейший и ученейший доктор» окончил вступительную речь, богатую назиданием и поучительностью, и пригласил всех присутствующих помолиться перед началом богоугодного дела. Все зрители и актеры, обнажив головы, опустились на колени и благоговейно прослушали пропетую три раза хором «ангелов», под аккомпанимент органа, флейт и арфы, молитву «Ave Maria». Лишь только замерли в воздухе последние звуки величественной церковной музыки, режиссер, еще раз убедительнейше попросив зрителей соблюдать тишину и спокойствие, подал знак актерам начинать действие.

Перед глазами зрителей стали проходить лица и события Ветхого Завета, представлявшие необходимый пролог к грандиознейшей христианской драме Искупления рода человеческого Сыном Божиим. Адам и Ева блаженствуют в раю, наслаждаясь первыми впечатлениями бытия. Но враг человеческого рода, сатана не дремлет и придумывает средства погубить первых людей. Темные адские силы торжествуют над беззащитною четою: грехопадение совершилось. Нет слов, чтобы выразить глубину раскаяния прародителей. Но божественное правосудие должно торжествовать: прародители изгнаны из рая и устами Создателя им произнесен строгий и неумолимый приговор, но вместе с тем дана и надежда, что грехопадение будет искуплено Сыном Божиим. Далее быстро мелькают главные факты ветхозаветной истории: Каин убивает Авеля, Ной спасается от потопа, Авраам приносит в жертву Исаака, Моисей выводит евреев из Египта и получает от Бога на горе Синае заповеди и т. д. В течение 3—4-х часов были представлены события нескольких тысячелетий. В заключение ветхозаветной истории на сцене была изображена «Процессия пророков». Один за другим: Валаам на ослице, Давид, Исайя, Иеремия, Аввакум, Даниил и др.; каждый из них произносил пророчество о пришествии Мессии. В числе «пророков» фигурировал римский поэт Вергилий, пользовавшийся в средние века репутацией чародея и предсказателя, а также и древне-римская волшебница Сивилла.

Около 12 часов дня утреннее представление окончилось. После краткого эпилога, режиссер предложил всем идти пообедать и затем вернуться на продолжение мистерии. Одни отправились домой, другие, боясь потерять место, наскоро поели тут же на площади, пользуясь услугами бесчисленных продавцов, обступивших со всех сторон площадь со всевозможными припасами и напитками.

Рождество Христово

Во втором часу дня представление возобновилось. Прежде всего зрители присутствуют

при «райском прении» (*Proces du paradis*) между аллегорическими фигурами Истины, Правосудия, Милосердия и Мира. Первые две приходят к престолу Бога и требуют примерного наказания человеческому роду за грехопадение прародителей, но Милосердие и Мир заступаются за человечество и молят о помиловании людей. Обе стороны вступают в спор, который оканчивается обещанием Бога послать в мир Искупителя, который принесет себя в жертву за грехи людей и тем удовлетворит божественное правосудие. В знак примирения Истина и Правосудие лобызаются с Милосердием и Миром. В средние века существовали особенные пьесы аллегорического характера, называвшиеся *моралите* (*moralite*); в XV в. они часто входили в состав мистерий, как в данном случае. На средневековой сцене время летело с изумительной быстротой. Поэтому едва успело прозвучать божественное слово об искуплении, как зрители уже присутствуют при исполнении обещания. Драматизируется сначала Рождество Богородицы и Благовещение, а затем Рождество Христово; вифлеемские пастухи идут поклониться Новорожденному; волхвы приносят свои дары; Ирод издает повеление об избии младенцев, которое немедленно и совершается, а Иосиф с Марией успевают спастись в Египет; вот уже Христу 12 лет, и он приводит всех в изумление толкованием Св. Писания в Иерусалимском храме. Ад, между тем, в отчаянии: дьяволы со злобы терзают друг друга, к великой радости благочестивых слушателей. В заключение первого дня представления на особых подмостках, поставленных на колеса и придвинутых к главной сцене, был разыгран фарс, сочиненный «красноречивейшим и учнейшим доктором теологии», который оказался далеко не лишенным комического дара и сатирической жилки. В фарс были выведены смешные сцены городской жизни, причем не было недостатка в сатирических намеках на всем известных личностей. Единодушный хохот публики свидетельствовал о том, что фарс пришелся по вкусу.

Шел уже седьмой час вечера, и обращенный к публике совет режиссера позаботиться об ужине был как нельзя более уместен. Народ стал шумно расходиться с площади, оживленно разговаривая о полученных впечатлениях. Вся ночь прошла в лихорадочном возбуждении; музыка и пение не прекращались; почти никто не спал. Едва разсвело, как народ уже потянулся на знакомую нам площадь.

Миракли

В Духов день, по примеру предыдущего, были также назначены два представления: до и после обеда. Утреннее представление началось по обычаю в семь часов утра и было посвящено изображению земной жизни Иисуса Христа от крещения и до момента, когда Богочеловек был предан Иудею. Не довольствуясь рассказом четырех Евангелистов, автор мистерии обставил главное действие массой подробностей, заимствованных из богатого средневекового запаса легенд и апокрифов. Зрители питали истинную страсть ко всему необыкновенному. С XIII в. во Франции пользовались популярностью пьесы, сюжетом которых служило чудо, совершенное каким-нибудь святым или Божией Матерью. Такие пьесы назывались *мираклями* (от лат. *miraculum*, т. е. чудо). Вот почему в мистерии с особенной обстоятельностью изображались чудеса, совершенные Иисусом Христом: исцеление слепорожденного, воскрешение Лазаря и др. Подобные эпизоды давали более простора личному творчеству автора как в рисовке характеров, так и в изображении действительной жизни. Наиболее священные лица, как Христос и апостолы, изображались двумя-тремя традиционными чертами, недостаточными для индивидуального различия. Характеристики были

крайне слабы: это были не живые лица, а бледные силуэты, напоминавшие безжизненные и безцветные барельефы в средневековых храмах. Напротив того, в изображении лиц, не священных или окруженных меньшим ореолом святости, мы находим гораздо более жизни и красок. Характеристики Марии Магдалины, Марфы, Иуды и Пилата принадлежали к числу наиболее удачных. Понятно, что все эти лица далекого прошлого являлись в современной автору средневековой оболочке, дававшей возможность рисовать современную жизнь и современные нравы. Питая страсть к чудесному и сверхъестественному, средневековая публика в то же время желала видеть на сцене воспроизведение собственного быта и обстановки во всех ее мелких реальных подробностях. Соединение чудесности с грубым реализмом, безудержного полета фантазии с рабским копированием действительности составляет одну из типичнейших черт средневекового театра.

Страсти

Посвятив много места эпизодам об обращении Марии Магдалины и воскрешении Лазаря, подавшим повод к нескольким сценам черезчур, может быть, мирского характера, автор вернулся к более строгому тону в изображении Входа Господня в Иерусалим. Приближается время Страстей, и настроение зрителей становится серьезнее и вдумчивее. Иуда решает предать Спасителя и входит в заговор с первосвященниками Анной и Каиафой. Отряжается несколько воинов, чтобы схватить Христа. Между тем, происходит Тайная вечеря; Христос открывает тайну о предстоящих Ему страданиях; Божия Мать трогательно умоляет Божественного сына отклонить от себя «чашу сию». Идя по следам своего талантлившего предшественника, Арнуля Гребана, наш автор сумел в этой сцене раскрыть всю глубину материнского любвеобильного сердца, всю нежность женской любящей души. Безутешно звучат ответы Спасителя, говорящие о неизбежной необходимости пострадать за грехи людей. Богомать умоляет Сына отсрочить, по крайней мере, крестную смерть и смягчить ужасы предстоящих страстей. Но все должно совершиться по воле Всевышнего. Эта сцена, исполненная трагического величия и душевного лиризма, взволновала и потрясла зрителей до глубины души; у многих на глазах виднелись слезы.

После обычного перерыва для обеда, все вновь стали следить, затаив дыхание, за дальнейшим ходом божественной драмы. Богочеловек в руках врагов. Допрос Христа и суд изображается согласно Евангельскому рассказу; раскаяние и самоубийство Иуды, напротив того, окружаются целым рядом легендарных сказаний. Следует сцена бичевания, представляемая с мельчайшими, нередко возмущающими душу подробностями, как и все другие мучения Христа, в созерцании которых средневековая публика, привыкшая к зрелищу физических страданий и кровопролития, находила какое-то болезненное наслаждение. Печальное, удручающее впечатление от этих сцен еще более усиливается грубыми шутками палачей, бывших одними из главных представителей комического элемента в мистериях. Смешение высоко-трагического с грубо-комическим составляет главную особенность средневековой мистерии, резко отличающую ее от драмы античной и ложно-классической.

Изображением крестной смерти Спасителя закончился второй день представления. Когда зрители стали расходиться, пошел дождь, не перестававший всю ночь и почти весь следующий день. По этому случаю представление, происходившее под открытым небом, не могло состояться. Только к самому вечеру, когда небо очистилось от туч, был разыгран веселый фарс, которым «красноречивейший и ученейший доктор» рассчитывал поднять на-

строение народа, начавшего приходить в уныние.

Затянувшееся благодаря дождю представление мистерии было окончено утром в четвертый день. Перед глазами зрителей Христос, висящий на кресте, а подле Божия Матерь и Св. Иоанн, горько оплакивающие кончину Сына Божия. Слепой сотник Лонгин прозревает, коснувшись копьем ребра Иисуса. После этого чуда действие вновь принимает аллегорический характер: Св. Церковь и Синагога оспаривают друг у друга власть над миром, победа остается за Св. Церковью. Следует снятие со креста, положение во гроб и погребение Спасителя. Ко гробу поставлена стража. Но вот хор ангелов возвещает о воскресении Христа. Сатана и Вельзевул укрепляют свои владения; но Христос нисходит в ад и выводит оттуда души праведных. Вознесением Христа на небо закончилась грандиозная мистерия.

Режиссер вновь вышел на сцену и обратился к зрителям с заключительной речью, которая, подобно прологу, представляла из себя длиннейшую проповедь, обильно уснащенную цитатами из Св. Писания. Затем все присутствовавшие пропели «Тебе Бога хвалим».

Фарс о Пателене

Но этим не все еще кончилось. После обеда было назначено представление фарса. По-прежнему была придвинута к сцене подвижная платформа, и на ней был сыграв фарс о Пателене, который учнейший доктор теологии приберег для конца. Вот, что увидели напоследок жители.

Адвокат Пателен беседует со своей женой Гильметой о печальном положении дел: клиентов нет и жить нечем, нет даже приличного платья, чтобы показаться в люди. Но нужда острит разум: в голове пройдохи быстро составляется план ловкой мошеннической проделки. Вот уже он стучится в дверь к купцу Гильому, торгующему сукнами. Первым долгом хитрец осведомляется о здоровье «почтеннейшего» хозяина, перебирает всю его родню, расточая ей похвалы, и с особенным чувством говорит об его отце, на которого Гильом похож, «как две капли воды». Со стариком они, ведь, были первые приятели! То-то был добрый человек! (Пателен и в глаза его не видел). Слово за слово, и почва для дальнейших действий подготовлена. Между тем, Пателен успел уже высмотреть штуку отличнейшего брюссельского сукна. Как будто невзначай протягивает он к ней руку—начинает разсыпаться в похвалах ее изумительным качествам, искусно перемешивая их с восхвалением покойного старика. Поторговавшись из приличия (за сукно он решил не платить ни су), Пателен просит отрезать от куска, сколько нужно на костюм ему и жене. Сукно отрезано и завернуто; настает самый критический момент: надо платить деньги. Чтобы выйти из затруднения, Пателен начинает распространяться о прелести истинной дружбы, в роде той, какая была у него с отцом Гильома. Он хотел бы и с сыном поддерживать такие же дружественные отношения; отчего бы Гильому сегодня же не прийти к нему на обед: жена жарит жирного гуся, да и вино у него недурное; кстати они там рассчитаются и за сукно. Перспектива пообедать на чужой счет побеждает нерешительность Гильома, так как он был человек расчетливый. Он придет, а вместе с тем захватит и купленное Пателеном сукно. Но Пателен не может допустить, чтобы такой почтенный человек затруднял себя тяжелой ношей; со свертком сукна под мышкой он уходит из лавки, не переставая разсыпаться в любезностях. Гильом очень доволен выгодной сделкой: он порядочно надул Пателена в цене, да сверх того, пообедает и выпьет даром. Между тем, Пателен, вернувшись домой, составляет план даль-

нейших действий. Придуманная им уловка вполне удастся. Предвкушая сытный обед и получение денег, Гильом стучится в дом Пателена и, к удивлению своему, узнает от Гильметы, что муж ее уже целый месяц лежит в горячке. «Да, ведь, он только что был у меня и купил шесть аршин сукна», возражает недоверчиво купец. «Грех смеяться над несчастными», прерывает его, всхлипывая, продувная Гильмета: «и бедняжка не нуждается в сукне: скоро ему придется надеть белый саван!» Гильом начинает думать, что не Пателен, а кто-нибудь другой сыграл с ним злую шутку, а может быть, все это ему только приснилось. Он уходит домой, чтобы вновь смерить штуку сукна. Убедившись, что шести аршин действительно не хватает, он, взбешенный, возвращается в дом Пателена. Последний искусно притворяется, будто бредит в горячке: он несет невообразимую галиматью, заговаривает на всех французских наречиях и т. д. Оглушенный всем этим, несчастный купец убегает домой, убежденный, что сам дьявол приходил к нему в лавку в образе Пателена. Дома его ждет новое горе: пастух Аньеле, которому он поручил свое стадо, докладывает хозяину, что, по воле Божией, все овцы в стаде подошли. Подозревая обман, Гильом тянет пастуха в суд. И вот Аньеле направляется к Пателену просить у него защиты. Продувной малый сознается адвокату, что овец извел он сам: частью распродал, частью съел в течение года. За приличную плату Пателен берется защищать пастуха на суде и рекомендует ему следующий образ действий: он должен притвориться идиотом и на все вопросы отвечать одним овечьим блеяньем. Увидев на суде Пателена, которого он только что оставил в сильнейшем бреде, Гильом совершенно теряет голову и перепутывает два своих иска: Пателена он обвиняет в краже овец, а пастуха в присвоении шести аршин сукна. Согласно инструкции адвоката, Аньеле на все вопросы судьи отвечает овечьим блеяньем: бе! Ничего не понимая, разсерженный судья прогоняет от себя и истца и ответчика. Выиграв процесс, Пателен напоминает пастуху об условленной плате, но тот побивает пройдоху его собственным оружием: на все вопросы о деньгах он отвечает все тем же «бе». Одураченный Пателен грозит позвать полицию. «Попробуй-ка догнать меня сначала», говорит Аньеле и убегает.

Когда фарс, заставивший публику хохотать от души, был сыгран, наступил заключительный акт колоссального празднества, несколько месяцев волновавшего все население: все участвовавшие в представлении мистерии, одетые попрежнему в сценические костюмы, а также и все зрители направились в собор, чтобы возблагодарить Господа за благополучное окончание богоугодного и торжественного предприятия.

Таково было значение мистерии в средние века. Самостоятельно возникнув на почве христианской набожности и возросши под влиянием оригинальных условий средневековой жизни, они могут быть рассматриваемы, как одно из наиболее ярких проявлений средневековой культуры.

М. Розанов.

Рис. 1. Наружный вид св. Софии в Константинополе.

XLVII. Средневековое искусство

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Условия, при которых зародилось византийское искусство

Эдиктом 312 года христианству, дотоле гонимому, Константин даровал полную свободу вероисповедания. 16 лет спустя, в 328—9 году, тот же император решил основать новую христианскую столицу и остановил свой выбор на Византии. По повелению императора, римские художники украсили ее великолепными палатами, форумами, фонтанами, цирками, театрами, храмами, а богатые греческие города для украшения новой столицы отдали все, что только оставалось в них из античной скульптуры. Сюда были свезены лучшие ста-

Пособия: *Strzygowski, J.*, Die Byzantinische Kunst в *Byzantinische Zeitschrift* 1892, 1. *Кондаков*, История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. *Байе*, Византийское искусство (из *Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts*). *Schnaase, C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, III Bd. Статьи Ф. Буслаева и Г. Филимонова в Сборнике Общества Древнерусского искусства за 1866 г. Чтение А. Поливанова — в Педагогическом сборнике 1890, № 3.

Табл. I.

Фотог. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

туи, изображавшая богов и героев классической древности. Эти два события—дарование свободы исповедания и перенесение столицы на почву древней Эллады, ближе к Востоку—имели большое значение для развития христианского искусства. Первое—дало ему возмож-

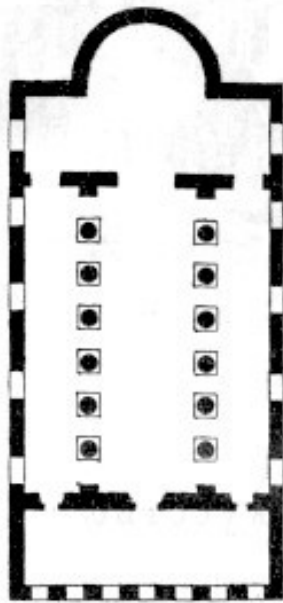

Рис. 2 Планъ гражданской базилики.

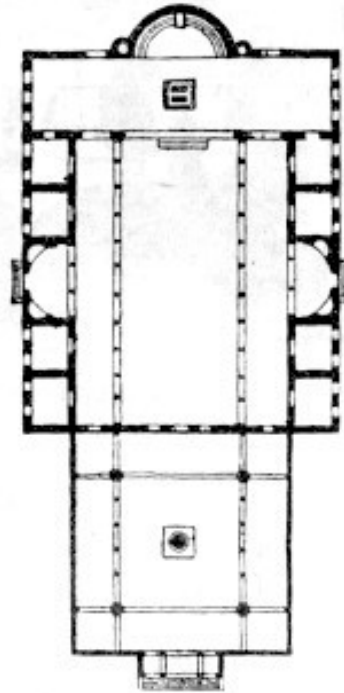

Рис. 3 Планъ христианской базилики.

ность развиваться во всей полноте и свободе, второе—обусловило характер его развития. В Византии, в преддверии Востока, в новой столице, где христианские догматы получили законченное развитие и сохранились непрерывно греко-римские художественные предания и вкус, создались впервые для воплощения христианских идей своеобразные новые христианские формы, наиболее совершенные в архитектуре и живописи и менее удачные в скульптуре.

Формы архитектуры: базилика и центрально-купольный храм

Не имея готовых форм, в самом начале христианская архитектура должна была обратиться, естественно, к формам языческим. Образцом для первых своих храмов она взяла базилику, здание, предназначенное для суда и торговых сделок, по своей величине наиболее подходившее к цели христианского храма, долженствующего быть местом собрания верующих (рис. 2). Но заимствовав основную форму, она значительно изменила ее, приспособив ее к потребностям христианского богослужения (рис. 3). Эта измененная базилика представляла продолговатое четырехугольное здание, разделенное рядами колонн вдоль на 3 или 5 частей—кораблей (рис. 4). Средний корабль, возвышаясь несколько над боковыми, освещал внутренность рядом окон, помещенных в верхней части стены. Пристроенный к поперечной стене для трибунала судьи, выступ, абсида, послужил местом для христианского алтаря. Боковые корабли были назначены, один—для мужчин, другой—для женщин. К собственно храму с западной стороны примыкал притвор, нартекс, для кающихся и оглашенных, а к нему обнесенный галлереею четырехугольный двор, атрий, с водоемом по середине для священных омовений. Когда после явления креста на небе Константину и об-

речения Еленою креста, на, котором пострадал Спаситель, крест повсеместно сделался предметом почитания, базилика через прибавление поперечного корабля получила новую,

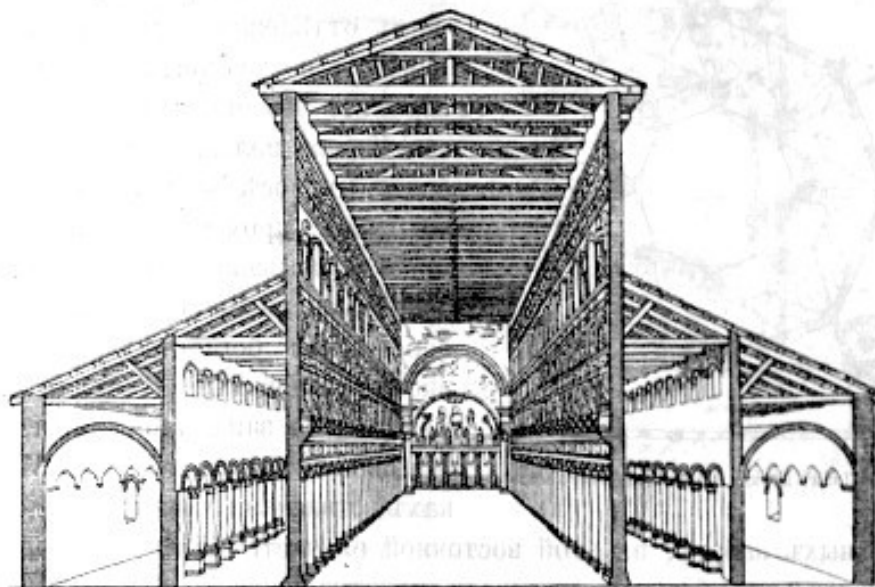

Рис. 4. Внутренний вид базилики св. Петра в Риме в разрезе.

более христианскую форму, форму продолговатого (латинского) креста. Длинные залы базилики были покрыты первоначально плоским потолком, или двускатною крышею с открытыми стропилами, а позднее—идущим во всю длину сводом.

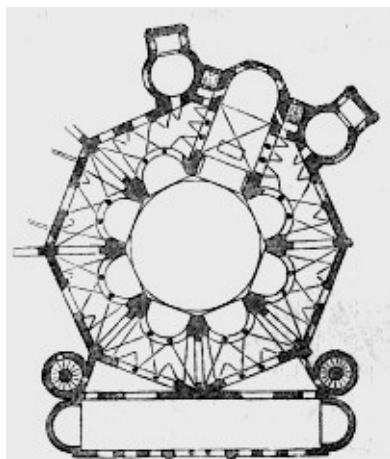

Рис. 5. План церкви св. Виталия в Равенне.

Рядом с этими церквами базиличной формы была попытка создать по образцу римской ротонды, согласно с потребностями христианского богослужения, храмы, увенчанные куполом, где, в противоположность длинной базилике, все главные части группировались около центрального пункта (рис. 5). Круглые или восьмиугольные храмы, покрытые куполом, в эпоху Константина и его ближайших преемников, появляются наряду с базиликами одинаково как на востоке, так и на западе. В IV-ом веке один общий стиль господствовал от одного конца империи до другого. Но с течением времени, с большим отделением западной половины от восточной, эта общность слабеет. По смерти Феодосия, византийская половина примыкает ближе к соседнему Востоку, с которым, кроме обширной торговли, связывали ее азиатские провинции, далеко превосходившие европейским богатством и блеском цивилизации. И в то время, как на западе несчастья, постигавшие империю в IV и V веках, отвлекали умы от художественных забот, в этой восточной ее части более спокойные обстоятельства, благоприятствовали развитию искусства. Вместо того, чтобы воспроизводить одне и те же формы, византийские архитекторы не перестают видоизменять и усовершенствовать ранее принятые планы базилик, пробуют разрешать разнообразными средствами задачу соединения купола не только с круглым или восьми-угольным основанием, но берутся за разрешение гораздо более трудной задачи—соединения купола с четырехугольным основанием храма.

Св. София

Эта задача была разрешена блестящим образом в храме св. Софии, воздвигнутом в VI веке, в царствование Юстиниана, в Константинополе (рис. 6).

Строителями этого храма были технически и эстетически образованные архитекторы, наследники античной цивилизации, Исидор из Милета и Анфимий из Траллеса—оба из тех азиатских провинций, в которых архитектура в IV и V вв. развивалась с наибольшей оригинальностью. Эти два строителя гармонично сумели сочетать элементы восточные, античные и христианские, и создали настоящий христианский храм, который положил резкую грань между языческой и христианской архитектурой и раз почти навсегда со всею полнотою определил восточный тип центрально-купольный, в противоположность типу базиличному, с этого времени окончательно утвердившемуся на Западе.

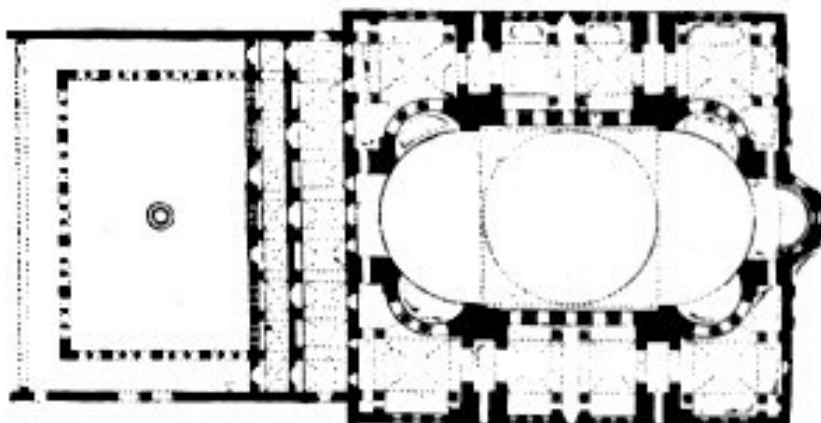

Рис. 6. Планъ св. Софіи въ Константинополѣ.

Внешность св. Софии, даже купол, при всей грандиозности и смелости своей конструкции, не производит особенного впечатления (рис. 1). Нужно войти внутрь храма, чтобы понять всю его оригинальность и величие.

Входя в св. Софию с западной стороны, мы проходим атрий, обнесенный с трех сторон колоннадой, а четвертою стороною примыкающий к самому зданию, и, минуя водоем по середине двора, чрез бронзовые двери вступаем в первый притвор для кающихся, менее, чем другая части храма, украшенный. Пять роскошных дверей ведут отсюда во второй, также продолговатый, но более просторный нартекс, который покрыт сводом и украшен пестрым мрамором и мозаиками. Здесь разделяется путь женщин и мужчин: первая по лестнице поднимаются в назначенный для них верхний ярус, а мужчины могут вступить через 9 широких и высоких дверей во внутренность храма (см. табл. I). Входящих встречает громадное открытое квадратное пространство среди четырех крепких столбов; эти столбы связаны наверху четырьмя мощными дугами, а на них покоится круглый карниз, над которым непосредственно и без подставки поднимается величественно, как бы вися в воздухе, необъятный купол, имеющий форму почти полушара, пронизанный 40 окнами при основании и весь залитый светом. С востока и запада примыкают к этому центральному квадрату полукруглая большая абсиды, покрытые полукуполом. В восточной большой абсиде, в глубине против входа, выступают еще три малых абсиды, покрытые также полукуполом, такие же две полукупольные малые абсиды находятся в западном большом полукружье, которое

примыкает прямо к нартексу и соединяется с ним входными дверями. Справа и слева от входа, по сторонам северной и южной, тянутся два ряда громадных колонн, связанных арками, на них встают попарно новые колонны, подпирающие своды другими рядами величественных арок (рис. 7). Эти ряды колонн отделяют от главного среднего корабля, покры-

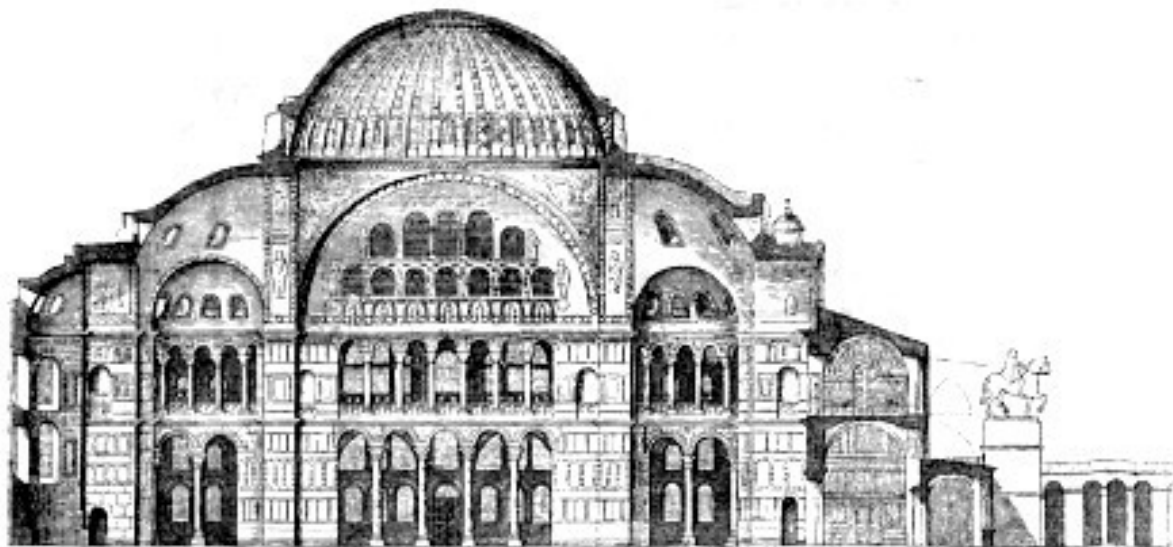

Рис. 7. Внутренний вид св. Софии (въ разрезѣ съ востока на западъ).

того куполом, два крытые сводами более низкие корабля, разделенные на два этажа, из которых верхний назывался гинекеем, так как был предназначен для женщин.

Впечатление разнообразно и художественно составленной постройки увеличивалось еще богатыми и блестящими украшениями, без которых не было оставлено ни одного места. Темные стержни свезенных отовсюду из античных построек мраморных колонн венча-

Рис. 8. Капитель колонны изъ св. Софии.

ют напоминающая опрокинутую усеченную пирамиду капители, окутанные тончайшей филигранной резьбой из белого мрамора (рис. 8). Эти белые капители и арки со сквозной вырезкой выделяются на темном фоне, словно серебряные. Своды абсид, полукуполов и купола заняли огромные величественные фигуры Христа, Богородицы, апостолов, херувимов, на золотом или синем фоне. Все, что мог придумать пышный Восток,—все было употреблено в изобилии для украшения храма. Но, несмотря на это излишество дорогих материалов, несмотря на все разнообразие мраморов и камней всякого цвета,—нет неприятного впечатления пестроты: над роскошью Востока царит здесь гармоничный эллинский вкус.

Но не блеск материала, не исполнение деталей давало то неотразимое впечатление, которое испытывали все вступающие в храм. Общность здания

так могущественно поглощает все, что нужно сильно напрячь внимание, чтобы заметить всю прелесть отдельных деталей. Это впечатление общности, единства, грандиозности, величия, дает господствующий над всем купол (см. табл. I). При создании св. Софии были приняты в расчет два течения, которые доселе руководили церковным зодчеством. С одной стороны, желали базилики, удобной для вмещения множества верующих, с длинными кораблями, идущими и устремляющими взор к алтарю. С другой стороны, стремление художников, светских и духовных владык направлялось к тому, чтобы в храме было достигнуто впечатление поражающего, мощного, всеобъемлющего единства. В св. Софии была дана впервые форма, которая, сколько возможно, слила преимущества базилики и центрально-купольного здания. Громадный средний корабль ведет и влечет к алтарю, а величественный купол, подчиняющий себе все полукуполы, ниши и дуги, дает впечатление величия и единства.

С окончанием этого громадного сооружения архитектура христианского Востока получила свой образец. С тех пор до конца XII в. на Востоке нельзя указать ни одного храма в виде базилики. Концентрическая постройка с куполами на столбах множатся самыми раз-

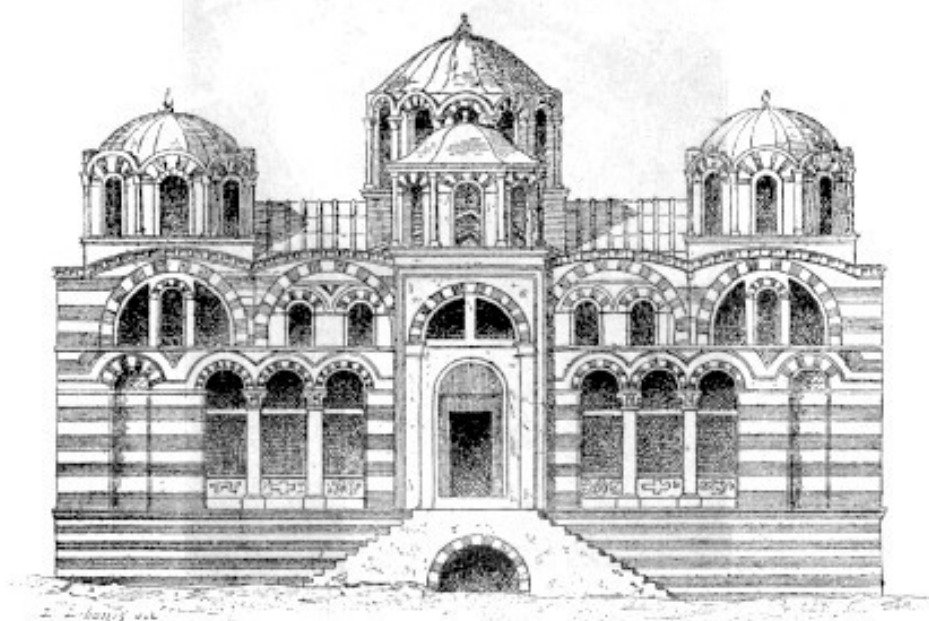

Рис. 9. Фасад церкви Теотокосъ въ Константинополѣ.

нообразными формами, как в планах, так и в фасадах. Но при всем разнообразии они подчинены одним и тем же выработавшимся условиям расположения. Квадрат с вписанным равноконечным (греческим) крестом в плане, увенчанный посередине куполом на четырех крепких столбах, ограниченный со стороны алтаря полукруглой абсидой, а с противоположной притвором, с отдельным помещением вверху для женщин, остался на долгое время принадлежностью восточной церкви.

Дальнейшее развитие форм византийской архитектуры

Дальнейшее развитие византийской архитектуры в после-юстиниановское время ограничивается почти только тем, что в церквях число куполов увеличивается, что купол, высоко поднявшись над своим основанием, получает форму цилиндра, крытого полусферой, и что на фасадах, представлявших прежде одни горизонтальные карнизы, начали выказы-

ваться главные своды внутренности церкви (рис. 9). Эти черты характеризуют памятники византийской архитектуры преимущественно X столетия. В XIV в. мы замечаем возвращение к главным мотивам базилики, замещение византийской круглой арки аркою стрельчатую, готическою и мавританскою.

Византийская живопись

Подобно архитектуре, живопись и скульптура первоначально для выражения христианских идей должна была прибегать к формам античным, языческим. И в этих двух видах искусства, чем дальше в древность, тем больше античных элементов, тем меньше индивидуальности в изображении священных лиц и событий. В искусстве первых четырех веков, в живописи катакомб и скульптуре саркофагов, мы не находим ни определившихся типов Христа и Богородицы, ни подробных изображений евангельских событий. Христос изображается юным, безбородым, в виде Орфея, играющего на лире, дивная гармония которой чарует птиц и зверей, или в виде «добраго пастыря», несущаго на плечах агнца. Когда Христос совершает чудеса, воскрешает Лазаря, претворяет воду в вино на брак в Кане. Он

Рис. 10. Изображение Юстиниана на мозаикѣ въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

изображается один, без исторической обстановки событий. Это не художественные типы, а символы.

Древне-христианский художник, хорошо владея техникою античнаго искусства, но не умея объять во всей ясности полноту и глубину идей новой религии, разными символическими намеками хочет только навести мысль на предметы, недоступные его изображению. С IV в. восторжествовавшая над гонениями церковь, освободившись от мрака катакомб, выступает в блестящих мозаичных изображениях на стенах громаднх храмов. Эти изображения не намекают уже на события и священныя лица, а напечатлевают их в ярких образах, стремясь к точнейшему, как бы историческому воспроизведению. И по мере того, как выясняется все подробнее содержание христианства, и христианскія изображения принимают все более и более точныя, соответственныя формы. Вместо заимствования готоваго из античнаго искусства, появляются новыя формы, уже христианскія. Таковы типы Христа,

Богоматери, мучеников, апостолов, некоторых отцов церкви с их индивидуальными характеристиками, с отличительными чертами лица, в определенном костюме; таковы изображения событий ветхого и нового завета, создаваемые византийским искусством с IV по VII век.

Монументальный характер изображений и христианские типы

Византийские художники этого времени охотно берутся за обширные композиции, в которых ясно выступают все подробности. Избегая сюжетов, в которых множество фигур мешается между собой, они предпочитают те, в которых почти нет движения, положение тела спокойно и правильно, фигуры можно расположить, не нарушая однообразия и единства впечатления, в строгой симметрии. Благодаря этим свойствам, теряя много в жизненности и свободе, эти композиции монументальны и превосходно гармонируют с монументальностью храмов. В этих композициях все строго, спокойно, величественно и производит сильное впечатление (рис. 10).

В полукруге над главными дверями в нартексе св. Софии сохранилась очень хорошо до

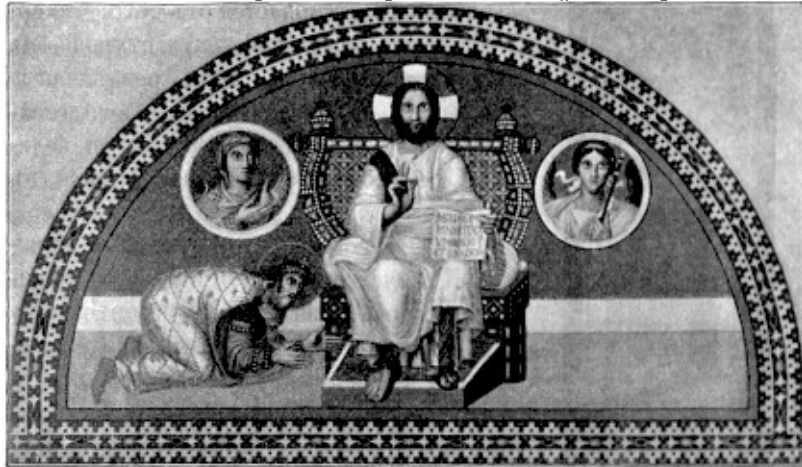

Рис. 11. Христос на престоле. Мозаика в св. Софии.

нашего времени такая монументальная мозаика (рис. 11). Она изображает Спасителя во всем блеске Его могущества, возседающим в белом одеянии на великолепном троне. Он благословляет одною рукою входящих в храм и держит в другой руке раскрытую книгу с начертанными на ее страницах словами: «Мир вам! Аз есмь свет миру». Его лицо, окруженное нимбом, исполнено строгости, смягченной кротостью выражения. Справа и слева в медальонах изображены Божия Мать и Архангел Михаил. У ног Христа распростерся поклоняющийся ему император в богатом одеянии, с диадемою на голове и с нимбом вокруг нея. В этом блеске и яркости приведенного к общей гармонии колорита, в торжественно выступающих на золотом или синем фоне резко очерченных ликах, в этом образе Христа, в торжестве своей славы возседающем на престоле, мы ясно чувствуем высокое воодушевление творчества торжествующей церкви. Эти лики вполне проникнуты новым христианским духом, но там, где не мешает ему, античное искусство входит в значительной степени. Оно проявляется в верном рисунке, в правильных, благородных пропорциях, в изяществе телесных форм, в драпировке одежды. Христианин-художник строго хранит предание античных скульптурных фриз, в христианских храмах замененных мозаиками.

Спокойная, величавая фигуры на одноцветном фоне, без грунта и задних планов, это—

перенесение на плоскость скульптурных изображений. Священные изображения со многими лицами без наблюдения правил перспективы, со многими отделами на первом плане, выражающими эпизоды одного и того же действия, это—барельефы, в которых обыкновенно не наблюдалось единства времени и места. Даже самая потребность в типическом обособлении священных личностей восходит к эстетическим законам античной скульптуры, которая так отчетливо определила все типы классического Олимпа.

Но черпая из художественной сокровищницы античного мира, византийский художник-христианин проходит мимо всего чувственного, случайного, заимствуя у антиков цветущей эпохи достоинство, величие, мощь. Создавая тип, например, Спасителя, он отклоняется от того, что создано было греческой скульптурой для типа Зевса. Высокий лоб, разделенные посредине, спускающиеся на плечи гладкие волосы, выражение кротости и величия, все это было совершенно ново в искусстве.

Скульптура

Заслуга создания этих новых, чуждых языческому миру, чисто христианских типов принадлежит византийскому искусству, тому его периоду, продолжавшемуся по VII век, когда, с одной стороны, оно было одушевлено творчеством в свободе верования торжествующей церкви, а с другой стороны—владело изяществом античной формы. Изящество это было прямым результатом того, что предания классического искусства были еще во всей свежести, что изучение памятников античной скульптуры, в изобилии распространенных перед глазами константинопольских мастеров, было во всей силе (рис. 12). Императоры не только покровительствовали художникам, но и сами упражнялись в живописи и ваянии. Скульптура, сближавшая искусство с природою, жила в Византии с IV в. по VII в. И хотя византийские ваятели еще любили античную скульптуру, и византийские живописцы часто вдохновлялись ею в позах, которые они придавали фигурам на композициях, однако в то время, как архитектура и живопись развивались параллельно с развитием христианского учения, скульптура приходила в упадок. Юное христианство наследовало от иудаизма боязнь скульптурных произведений. И по мере того, как телесная

Рис. 12. Ангел — резьба на слоновой кости VI вѣка.

красота во всем ее совершенстве, изображение которой составляло цель и содержание античной пластики, теряла для христианского художника цену, по мере того, как все сильнее и сильнее противопоставлялся дух в ущерб телу и требовалось умерщвление плоти, скульптура все менее и менее, конечно, могла делать успехов. В этих взглядах и отсутствии покровительства церкви нужно искать причину того, что скульптурные произведения в византийском искусстве занимают второстепенное место и не только не идут много вперед в сравнении с позднейшей римской скульптурой, но по степени приближаются к падению.

Решительный удар развитию пластики, а вместе с тем и развитию других изобразительных искусств был нанесен иконоборством, которое было начато Львом Исаврианином в 726 г. и в котором, быть может, не без вины восточное мусульманское влияние. Скульптура была лишена религиозных сюжетов и осуждена была питаться пустою роскошью. Статуи и рельефы монументального стиля были заменены красивым орнаментом и смелой резьбой.

Рис. 13. Богоматерь со Младенцем Христом (рельеф на слоновой кости).

И как ни велико было усердие византийских императоров после иконоборства восстановить изящество стиля, они не могли сделать более того, сколько оказалось средств в самих мастерских и господствующем вкусе публики. Изящное должно было замениться роскошным и монументальный стиль перейти в мелкие украшения. Скульптор становится золотых дел мастером, литейщиком, чеканщиком и, если занимается скульптурой, то в мелких размерах на слоновой кости. В этом роде, в барельефе, он еще производит работы высокого достоинства, как показывает рельеф, изображающий Богоматерь с

Рис. 14. Эмаль византийской работы.

Младенцем Христом, относящаяся, вероятно, к IX—X в. (рис. 13). Живописец украшает рукопись миниатюрами и дает картины мозаистам. В течение IX и X столетий художники исключительно занимаются искусством промышленным, напр., эмалью (рис. 14). Эти искусства, способствовавшие развитию восточного вкуса к роскоши и сами им вызванные к расцвету, вполне соответствовали тому характеру роскоши и торжественности, который носил на себе императорский двор при Константине Порфирородном.

Влияние падения скульптуры и аскетическо-богословского направления на живопись

Нанесенным скульптуре ударом теперь прерывалась непосредственная связь византийской живописи с античным преданием. Вспыхнувшее временно, непосредственно за окончанием иконоборства, возрождение живописи продолжалось недолго (рис. 15 и 16). Ли-

Рис. 15. Давид и Мелодия. Миниатюра из Псалтири IX или X вв.

шившись опоры в скульптуре, живопись начинает терять свою силу, и следуя общему направлению, поражает в миниатюрах превосходною техникою, тонкою законченностью и необычайным богатством орнаментации при начинающемся ослаблении античного изящества. Рукописи эпохи иконоборства показывают, что в это время совершился и другой переворот: подле исчезающего античного направления усиливается направление богословское, иконописное.

Опасение возбудить соблазн поставило художников под руководство и надзор духовенства. «Не изобретение живописцев производит иконы, а ненарушимый закон и предание православной церкви, не живописец, а св. отцы изобретают и предписывают; очевидно, им принадлежит сочинение, живописцу же только

Рис. 16. Давид и Иеремия. Миниатюра из св. Григория Нисского.

исполнение», — гласило постановление Никейского 2-го собора 787 г. И чем дальше жило византийское искусство, тем более оно теряло свободу художественного творчества и поэтического одушевления, тем более оно делалось скованным догматами учения, подпадая все больше и больше под влияние богословия и аскетизма. Очищенные богословскою критикою, разработанные до мельчайших подробностей иконописные сюжеты получают окончательную форму, точное сохранение которой становится обязательным для живописца, и его деятельность сводится к копированию. Наступление блестящего политического состояния империи вызывает вновь вторичное пробуждение византийского искусства, продолжающееся с конца XI в. по конец XII-го. Но в начале XIII в. крестоносцы наносят ему окончательный удар. Безценные статуи были переплавлены или увезены. Совершенно лишенное античных образцов, ослабшее и изжившее свои силы византийское искусство, среди бедствий и опустошений империи, не могло уже возродиться вновь. С XI в. найдя себе убежище на Афоне, оно здесь доживало последние дни. Просматривая византийские миниатюры XIII и XIV веков, мы присутствуем при самом ясном процессе разложения искусства, наблюдая, как техника ухудшается с каждым поколением мастеров, как краски мутнеют, и гамма светлых тонов сменяется более темной, как на смену изящных ликов выступают длинные худощавые фигуры, лица с впалыми щеками, с глубоко ушедшими глазами (рис. 17). Симметричность усиливается, движения делаются жесткими и неповоротливыми, окостеневшими, отделка волос головы и бороды, складок одежды получают оцепенелую правильность без малейших следов античного вкуса.

Рис. 17. Св. Иоанн Предтеча, апокалипсический живописец.

Положение византийского искусства в Европе X—XI века

И это с перерывами падающее после иконоборства искусство стояло во главе художественной жизни тогдашней Европы. В конце X века греческих мастеров вызывают к себе ко двору немецкие императоры. В начале второй половины XI столетия знаменитый аббат Монтекассинского монастыря Дезидерий, чтобы возстановить искусство в Италии, приглашает из Константинополя греческих мастеров и под их руководством основывает в своем

монастыре художественные школы.

Так жило и развивалось византийское искусство. Оно получило свое начало от искусства античного: оно родилось среди его памятников. Художники византийские глубоко понимали их прелесть и прониклись теми основными правилами искусства, которые обуславливали его процветание в древности. В лучшую пору они, подобно представителям цветущей эпохи античного искусства, искали величия и гармонии в расположении своих композиций, благородства в позах, красоты типов, изящества драпировок, хотя и не всегда достигали этого в должной степени.

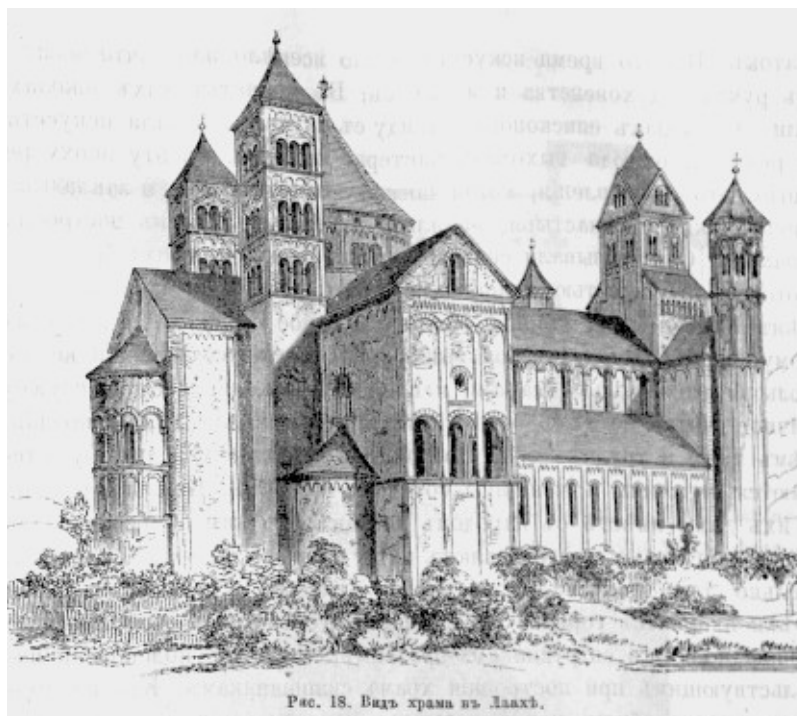
К элементам греческого происхождения примешались еще иные влияния, шедшие с крайнего Востока. В архитектуре эти влияния очень заметны, то же нужно сказать и об орнаментации, в которой постоянно встречаются заимствованные с Востока мотивы, разработанные в его духе и стиле. Отсюда особенно перешла к византийским художникам любовь к богатству и роскоши, которыми отличаются все их произведения, отсюда явилось стремление передавать все детали орнаментов условным образом. В нем те же сложные сплетения, те же небывалые цветы, какие часто встречаются на индийских и персидских памятниках.

Историческое значение византийского искусства

Но византийское искусство не ограничилось соединением этих элементов различного происхождения, а обнаружило при этом творческую способность, и именно в религиозной области. Благодаря гениальному соединению купола с четырехугольным основанием, византийская архитектура решила задачу христианского храма, придав внутренности здания большую полноту, воздушность, богатство и впечатление нераздельного единства в разнообразии. Подобно тому, в области живописи мы обязаны византийскому искусству первым и твердым созданием христианских типов и строгого церковного стиля. Красота античного искусства была освобождена от чувственности и внешности и сделалась в нем послушна выражению христианских идей.

Среди мира, опустошенного нашествиями варваров и населенного одичавшими народами, одной Византии было суждено хранить и развивать предания греко-римской культуры. И она выполнила это призвание. То, чему она научилась у древних, то, что могло служить для христианства, она сохранила, сообщила и передала приходящим в соприкосновение с ней народам. Правда, византийское искусство не удержалось на той высоте, какой оно достигло в VI и VII веках, но самое его падение послужило на пользу другим; павшее искусство сделалось более удобным для передачи, более доступным варварским народам. Во всей истории мы не видим другого искусства, которое имело бы такой широкий круг влияния и распространения. Византия являлась центром, от которого в разные стороны шел свет художественно-технических знаний, и чем ближе, тем больше, чем дальше, тем меньше. Совершенно различные народы в течение тысячи лет находили постоянно в ней исходный пункт для своей художественной деятельности. Италия и другие западные государства, входившие с Византией в общение, получали от нею художественные знания и технику. На северо-восток Европы и в азиатские страны византийское искусство нашло себе доступ вместе с христианством, которое было принято из Византии. Так получило начало искусство русское, славянское, искусство Грузии и Армении. Но влияние Византии не ограничивалось только христианскими народами. Когда мусульмане покорили страны от Персии

до Испании, повсюду они нашли родственные их духу византийские здания и в их стиле они сделали первые свои опыты.

РОМАНСКИЙ СТИЛЬ

Характер эпохи. Значение церкви.

Сильными, резкими чертами отмечены X и XI века. Это—время, когда среди непрерывных войн, при всеобщем невежестве и диких нравах у склонного часто к насилию общества просыпалась вдруг совесть, страх перед наказанием Божиим вызывал сознание собственного безсилia и искание высшей помощи; когда раскаяние в грехах и благочестие находило себе проявление в страстных порывах; когда, опираясь на это, создалось господство духовенства, и церковь положила на все явления жизни свой отпечаток. В это время искусство было всецело или почти всецело в руках духовенства и монахов. В монастырских школах или в школах епископов наряду с науками изучали искусства и ремесла: отсюда выходили мастера, которые, в эту эпоху религиозного одушевления, когда повсюду основывались и закладывались церкви и монастыри, являлись руководителями в построении храмов. Они призывали себе на помощь своих мирских братьев, которые с радостью принимали участие в этой благочестивой деятельности, видя в ней заслугу и самое верное средство к тому, чтобы загладить свои грехи. Эти мирские сотрудники не довольствуются только дарами и приношениями, но несут службу лично, считая ее тем более действительной для дела спасения, чем ниже и труднее она. Поэтому к строящемуся собору стекаются мужчины и женщины со

Пособия: *Schnaase, C.* Geschichte der bildenden Künste, 2 Aufl., IV Bd. *Rebel, F.* Kunstgeschichte der Millelalters. *Springer, A.* Handbuch der Kunstgeschichte, II, Mittelalter. *Corroyer, L.* L'architecture Romaine (из Bibliotheque de l'enseignement des beaux arts). Статьи *Ф. Буслаева* в «Моиx досугах». *Кутлер, Ф.* Руководство к истории живописи. *Любке, В.* История пластики. *Каррьер, М.* Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества, III.

Табл. II.

Фотог. К. Фишеръ, изъ Москвы.

СОВОРЪ ВЪ ШПЕЙЕРЪ.

всех сторон. Князья, рыцари и их дамы вместе с народом доставляют камень и дерево для построения храма, готовят пищу и раздают ее работникам. Только тот допускался к этому служению, кто сознал свои грехи и принес горячее раскаяние, свято обещал христианскую любовь ко всем сотрудникам-братьям, смиренное повиновение начальствующим при построении храма священникам. Кто не прощал охотно обиды, или выказывал неповиновение, тот делался недостойным членом и изгонялся из этой общины. Дневная работа начиналась исповедью и молитвой, и ночью при свете факелов в определенные часы раздава-

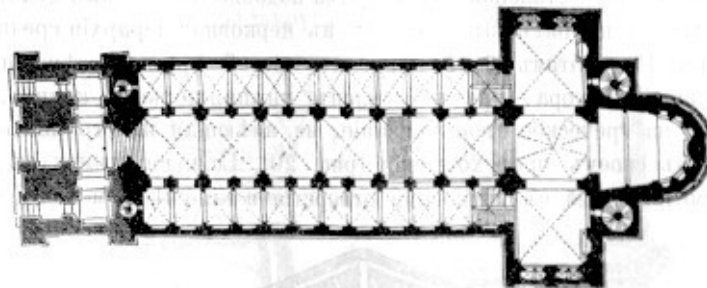

Рис. 19. План собора в Шассейр.

лись торжественные гимны. Это имело место преимущественно в Нормандии и северной Франции, где с конца XI до половины XII века особенно сильно было это благочестивое рвение. Но и в других местах повторялось то же, только, в менее крупных размерах.

Руководство при возведении постройки исключительно принадлежало духовенству: миряне были только помощниками и расходились, если они исполняли обетную работу и заслужили отпущение грехов.

Характерные черты романского стиля в архитектуре

Понятно, какие это будут храмы: они—грубоваты, как храмы, созданные недостаточно развитыми художниками грубого времени; они—крепки, массивны, как здания опасного времени и эпохи насилия; величественны и спокойны, как отражение спокойного величия церкви. Понятно, что эти художники в такое малоблагоприятное для развития искусства время не создадут сразу совершенно нового, а воспользуются в значительной степени готовым старым. И они действительно воспользовались римскими формами, которые и дают новому стилю название *романского*.

Но взяв для храма за основание римскую базилику, новое искусство под руководством представителей церкви мало-по-малу развивает новый тип, сливая античное предание с требованиями западного богослужебного обряда и настроением новых народов.

Продолговатая четырехугольная зала базилики изменяется и получает форму *продолговатого латинского креста* пересечением корабля продольного кораблем поперечным и удлинением восточной части, где помещается *хор*, обнесенный полукруглой крепкой стеною абсиды (рис. 19). Хор предназначен для многочисленного причта и алтаря; он приподнят и отделен несколькими ступенями от пола остальной части храма подобно тому, как духовные отделяются и стоят выше мирян в церковной иерархии средних веков. Под этим более других частей храма освещенным возвышением хора—мрачный склеп, нижняя церковь, крипта, несмотря на греческое свое название, не имеющая ничего византийского в своем происхождении (рис. 20). Если спустимся в это подземелье храма с немногими отверстиями для света, мы во мраке увидим сотни светящихся точек, будто звездочек, которые сла-

Рис. 20. Крива в Сент-Дени.

бым мерцанием освещают своды длинных переходов под храмом, которые можно рассмотреть настолько, чтобы увидеть гробницы с лежащими на них каменными фигурами здесь похороненных епископов, аббатов и князей—строителей храма, алтарь, увешанный множеством небольших зажженных лампад и положенные здесь мощи святых.

Поднявшись в верхний этаж храма, мы войдем в громадную залу с двумя или четырьмя продольными рядами столбов или колонн, которые делят залу на три или пять кораблей, из которых средний значительно возвышается над боковыми (рис. 21). Колонны массивны,

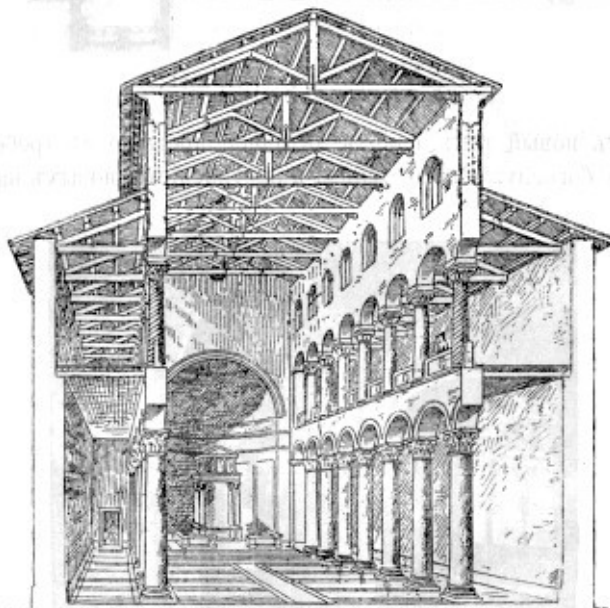

Рис. 21. Внутренний вид романского храма.

толсты, на, упругом базисе, укрепленном еще по четырем углам лапами льва или листьями (рис. 23), с коринфской или широкой кубической закругленной книзу капителью (рис. 22). Эти солидные колонны с солидными базисами и капителями нужны для того, чтобы поддержать при помощи широкой круглой арки массивные продольные стены главного

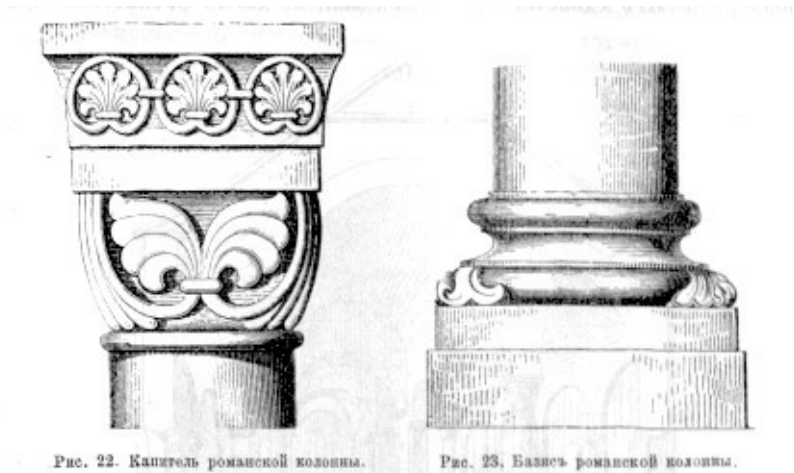

Рис. 22. Капитель романской колонны.

Рис. 23. Базис романской колонны.

среднего корабля, отделяющая его от боковых (рис. 24). Как и главный средний корабль, так и боковые, более низкие, накрыты или деревянным плоским потолком (рис. 21), или каменным полукруглым (рис. 25), или крестовым сводом (рис. 26). А там, где пересекаются корабль продольный кораблем поперечным, объединяя весь храм, высится массивный иногда многогранный купол, или башня, как бы отражая господствующее и давящее единство церкви (р. 27). Стены тоже массивны: в них немного окон, оне малы, и в храме царит полумрак (рис. 28).

В этих спокойных очертаниях храма мы поражены церковною строгостью; мы слышим здесь торжественные гимны, тихие шаги молящихся, видим торжественные шествия, в длинной власянице монаха, идущаго медлительной походкой, или всего закованного в тяжелую броню рыцаря.

По витой лестнице, очень удобной для восхода, с широкими ступенями, можно взобраться наверх на одну из башен собора. Их часто две у главного входа. Массивные, твердые, оне поддерживают здание собора

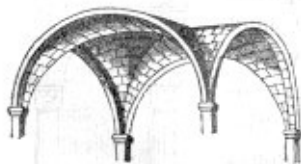

Рис. 26 Крестовый сводъ.

подобно тому, как папа и император поддерживают единство средневековья, не давая распасться христианскому миру. И чем выше вы поднимаетесь, тем шире и шире открываются далекия окрестности, и вам становится вполне понятно, почему средневековые соборы были не только храмы для молитвы, но и неприступныя крепости со сторожевыми башнями. Когда в войну

1870 года пруссаки заняли Шартр, жителям этого города запрещено было всходить на соборныя башни из опасения, чтобы они не могли сообщаться через сигналы с французскими отрядами (рис. 29).

Рис. 24. Круглая арка.

Скульптура.

Снаружи простые стены собора украшены фризом из ряда небольших полукруглых аркад (рис. 30). Все богатство скульптурных украшений сосредоточивается на главном фасаде здания с полукруглой романской аркою на невысоких столбах или колоннах широкаго портала (рис. 31). Над ним круглое окно—роза. А сам портал весь украшен орнаментом из

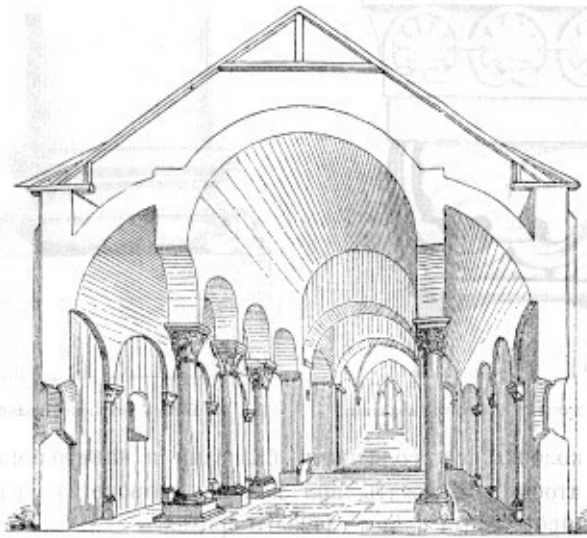

Рис. 25. Полукруглый свод.

листьев, фигурами чудовищ, животных, людей, которые вставлены в твердые строгия рамки, данные архитектурными линиями. Чтобы тронуть грубые сердца, глухия часто к словам учителя церкви, скульптор-монах старается подействовать на входящих в храм сильными резкими скульптурными изображениями мучений, страданий, чудес, вызвать ими ужас,

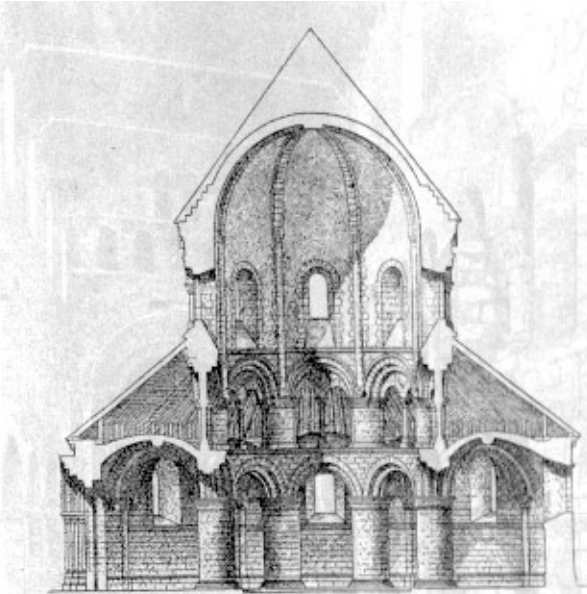

Рис. 27. Схема устройства купола в романском храме.

изумление, страх, мысль о наказании (рис. 32). Он заботится здесь не столько о красоте, изяществе, верности природе, сколько о силе впечатления, и он достигает этого. Небольшая рельефная изображения грехопадения, изгнания из рая, и другие сцены из св. истории на капителях колонн, тяжелые, короткия фигуры святых и апостолов и наверху в кругу над дверью пришедший мир судить Христос, окруженный символами евангелистов (рис. 33), уродливыя фигуры демонов и грешников (рис. 32)—все это ярко раскрашено и сильно говорит в камне о мысли художника. Скульптурой украшены алтарь, кафедра и капители колонн внутри храма. И здесь, под полутемными сводами храма, вы увидите фантастичных

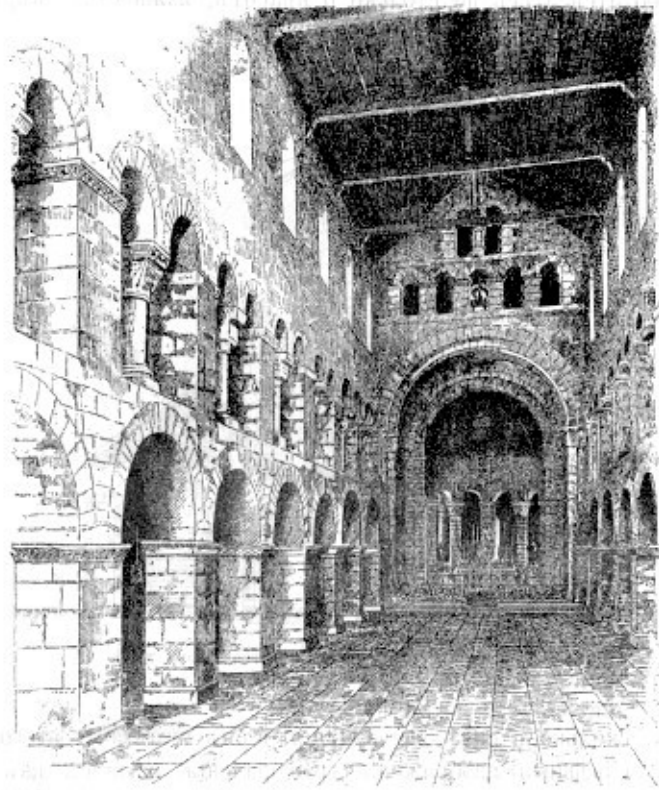

Рис. 28. Внутренний вид романского храма.

животных с рогами, когтями, страшные маски, кривляющегося демона и людей, подвергнутых ужасным мученьям (рис. 34). Это—ужасы, грезы, которые видел средневековый хри-

Рис. 29. Соборь Богоматери въ Пуатье.

стианский мир при наступлении почти каждого столетия и особенно при приближении тысячного года, когда ожидали кончины мира и наступления страшного суда. И этот ад, и эти чудовища, которые грезились, весь ужас, который испытывали люди, окаменел в фантасти-

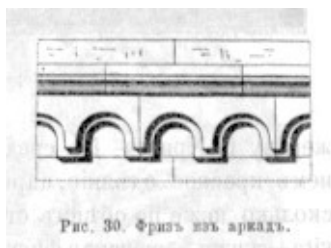

Рис. 30. Фриз над аркадой.

ческой, часто грубой, но всегда величавой скульптуре.

Скульптурные украшения и здесь раскрашены яркими сильными красками, чтобы привести их в гармонию с остальным пестрым убранством собора. Эту любовь к пестрому украшению храма романский стиль унаследовал от византийского и прибавил еще росписные окна. Изредка на стенах романского храма можно встретить другой остаток византийского влияния—мозаику, чаще шитые или тканые ковры покрывают алтарь, сидения на хоре и огромные стены храма, а оставшимися свободными частями стен овладела вполне живопись.

Живопись: античные элементы и народная фантазия

На темно-синем или золотом фоне возседает в абсиде Христос на престоле, по стенам стоят или движутся в сияниях, мантиях, иногда в костюмах средневекового покроя немного местного типа, аскетически строгия, важные фигуры святых, апостолов с неправильными,

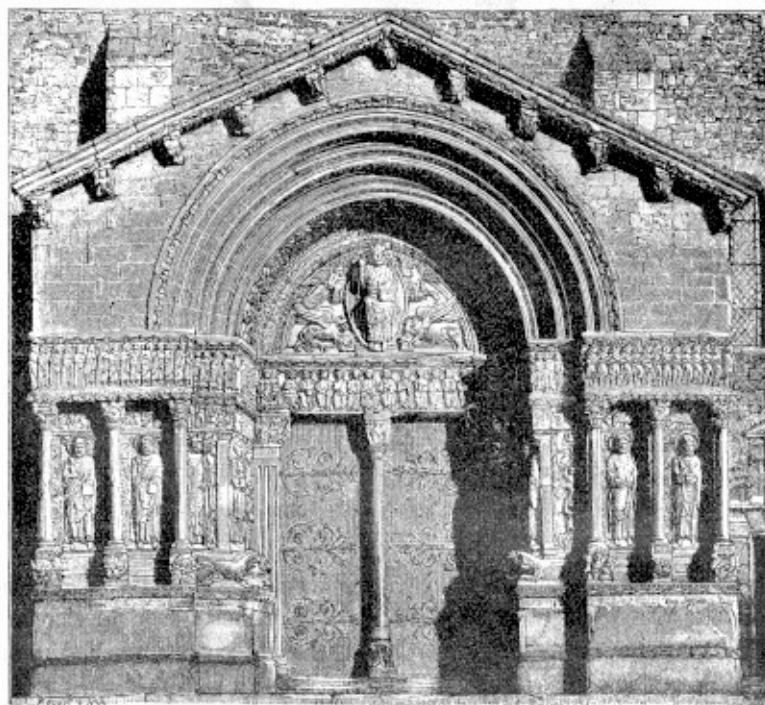

Рис. 31. Порталь собора св. Трофима в Арль.

схематически-сильными контурами, которые сплошь, без теней, покрыл краскою, иногда с золотыми бликами художник-монах (рис. 35). Чтобы дать себе более ясное представление о живописи романского стиля, нам нужно обратиться в библиотеку собора или монастыря и посмотреть рукописи древних писателей, бестиарии, молитвенники, извлечения из св. отцов и Евангелия (рис. 36). В миниатюрах, служащих к пояснению текста, мы найдем животных в позах, живо схваченных любящим охоту художником, аллегорические, житейские сцены, прихотливый орнамент заглавных букв, составленный из фантастических драконов, диких людей, кентавров, символические иллюстрации к Св. Писанию. В этих миниатюрах иногда сквозь формы, показывающие влияния античные и византийские, ясно отражается внутренняя работа, мысль и чувства художника. В великолепном евангелиарии,

хранящемся в Мюнхенской придворной библиотеке, есть очень интересная в этом отношении картина. Сюжет ее—победа над смертью чрез крестную жертву И. Христа. В середине картины И. Христос на кресте. На нем красное одеяние, царская корона и священническая

Рис. 32. Скульптура на портале собора из Огней (часть изображения Страшного суда).

риза. Несколько ниже по обеим сторонам крестового дерева стоят слева *vita*—жизнь—женская фигура в короне, украшенной крестом, и в богатой одежде, с поднятыми вверх лицом и руками; справа *mors*—смерть—бледная, с растрепанными волосами, лицо наполовину закрыто, глубокая рана на шее, тело полуобнаженное, она худо одета и готова упасть, с изломанным копьем и косою в руках. Дракон, выходящий из дерева, как будто кусает фигуру в руку. По обеим сторонам картины помещены мелкие изображения: вверху—*sol* и *luna*—

Рис. 33. И. Христос, окруженный символами евангелистов (с портала св. Трофима в Арле).

солнце и луна, закрывающие свое лицо. Потом справа—Новый Завет—женская фигура в короне с победным знаменем и чашею Евхаристии на короне; слева—Ветхий Завет, скрывающий свое лицо за рамку картины, со свитком закона и жертвенным ножом в руках. Внизу справа—воскресшие мертвецы, слева—разодранная церковная завеса. Несмотря на плохой рисунок, угловатые преувеличенные движения, мы понимаем в этих изображениях

идею замысла, глубину смирения, строгость мысли, благоговение перед тем священным лицом, которым был одушевлен художник. Мы видим в этих начальных шагах искусства стремление к сверхчувственному, которое ищет более выражения духа, чем красоты тела. Мы видим нарушение пропорций, борьбу между строгой правильностью и грубостью, отра-

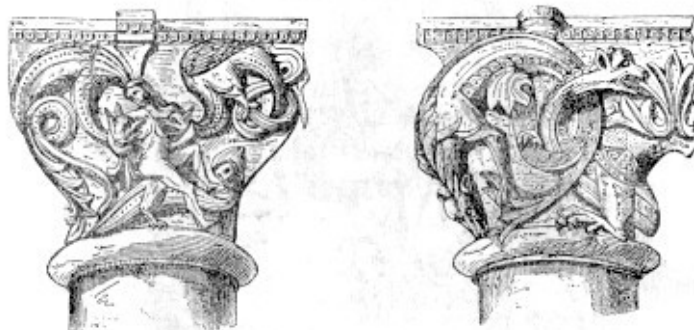

Рис. 34. Романские капители.

жение сомнений и аскетизма монаха, жизненность, детскую наивность и твердую веру того времени; мы чувствуем глубокую правдивость изображения даже там, где при первом взгляде оскорбляется чувство изящного.

Технические руководства

В той же библиотеке найдется и рецептурная книга жившаго в VIII—IX веке Ираклия, где помещены в стихах и прозе технические наставления, перемешанные с некоторыми магическими и суеверными формулами, и сборник наставлений знаменитого пресвитера Феофила XI—XII века по всем почти отраслям ремесел и искусств. Эти рукописи служили источниками, из которых черпали свои знания, подкрепляя их опытом, строители храмов. Здесь же в этой библиотеке собора можно найти и указание на то, как понимал средневековый человек тот храм, который он строил, и его отдельные части.

Рис. 35. Стенная роспись церкви в Шварцендорфе.

Символика храма

В рукописи XII века, озаглавленной позднее «Manuale Magistri Petri Carnotensis de misteriis ecclesiae», живший в Шартре названный магистр Петр излагает, как он понимает храм. При средневековой склонности к символике он в храме видел образ мира. В основании храма полагается, объясняет он, камень с изображением храма и 12 других камней в знамение того, что церковь покоится на Христе и 12 апостолах. Стены означают народы; их

четыре, потому что он принимают сходящихся с 4-х сторон. Камни имеют четыре угла, потому что главных добродетелей 4: мудрость, сила, умеренность и справедливость. Полировка их означает очищение святых через перенесение страданий. Камни, лежащие непосред-

Рис. 36. Генрих II. Миниатюра из служебника XI века.

ственно на фундаменте—прелаты, держащие на своих плечах всю церковь, которую составляют остальные камни—миряне. Цемент, который связывает камни—любовь; столбы—апостолы и отцы церкви: дверь—Христос, как Он Сам называет себя в притче. Кровля покрывает храм, как любовь покрывает бездну греха мира. Церковь делится на две части—хор и корабль. Последний должен быть ниже первого и назначен для мирян, ибо они еще в море мирской жизни.

Особенности и ход развития романского стиля

Характерной чертой романского стиля является то обстоятельство, что нельзя указать ни места его зарождения, ни такой области, где бы он преимущественно развивался самостоятельно и постоянно. Он появляется почти одновременно повсюду в Европе, и в различных местах идет очень неравномерно его развитие. Быстрее всего романский стиль достигает формальной законченности и могущественного величия в Германии и в соборах Шпейерском (см. табл. II), Майнцском и Вормском. Ближе всего к античным памятникам стоят соборы южно-французские—в Арле, Пуатье, Клермоне. Но все романские соборы, разсеянные по Европе, отмечены одной общей печатью, несмотря на все разнообразие местных особенностей. Впечатление величия и мощи, прочности и тяжести, грубоватости и силы, которое навевают они почти всегда, это впечатление есть отражение в искусстве романской эпохи величия и силы церкви и всего жизненного строя X, XI и XII веков.

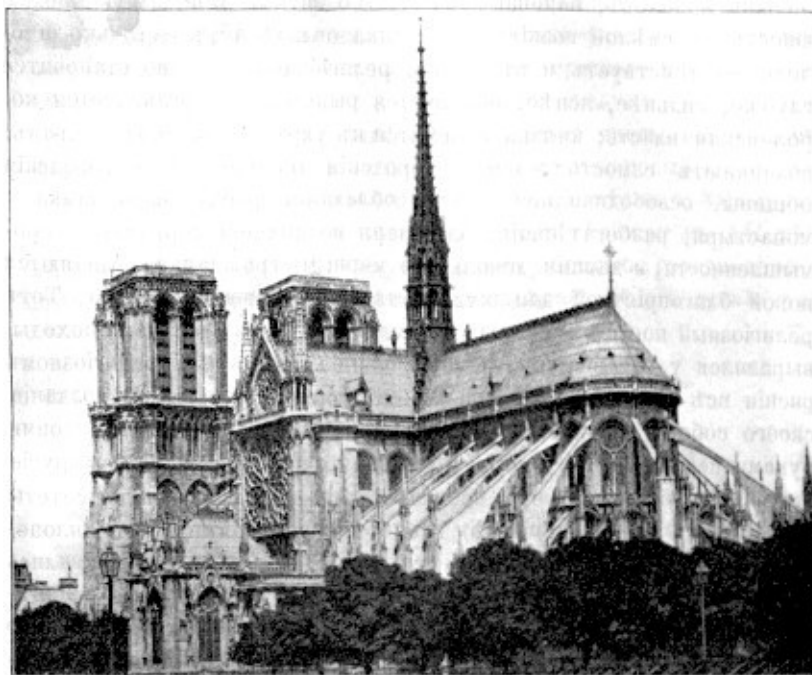

Рис. 37. Собор Парижской Богоматери.

ГОТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Характер эпохи. Значение городских общин. Цехи.

Эпоха, романского стиля, несмотря на отдельные резкие порывы, дает общее впечатление спокойствия. Эпоха же XIII, XIV и XV в., когда господствовал готический стиль, до самого своего конца представляет, напротив, непрерывное движение. Пробуждается национальное чувство; национальные языки, вытесняя варварскую латынь монахов, начинают радостно звучать и празднуют свою юность в смелой поэзии; схоластика овладевает не только школою, но действует и в жизни; религиозное чувство становится глубже, сильнее, яснее; образуется рыцарство; организуется королевская власть; князья стремятся к укреплению своих прав; возникают самостоятельные городские общины. Эти городские общины, освободившиеся от преобладания феодального замка и монастыря, разбогатевшие, благодаря возникшей торговле и промышленности, и давшие довольство мирным гражданам, являются новой благоприятной для художественного развития средой. Тот религиозный порыв, который поднял тысячи в крестовые походы, выразился у оставшихся в построении храмов. В религиозном рвении все жители города принимают горячее участие в создании своего собора, вменяют себе в благочестивый подвиг своими руками переносить для сооружения здания кирпичи, камни и другие материалы, а только что возникшие в городах университеты предлагают научные пособия в объяснении легенд, энциклопедических и схола-

Пособия: *Schnaase, C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, V Bd. *Springer, A.*, Handbuch der Kunstgeschichte, II, Mittelalter. *Rebel, F.*, Kunstgeschichte des Mittelalters. *Corroyer*, L'architecture gothique (из Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). *Goussier*, L'art gothique. *Кутлер, Ф.*, Руководство к истории живописи. *Любке, В.*, История пластики. *Каррьер М.*, Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества, т. III. Чтение А. Поливанова в Педагогическом сборнике 1890, № 4.

Табл. III.

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СОВОРЪ ВЪ РЕЙМСѢ.

стических сведений, которыми пользовались каменщики в скульптурных украшениях храма. Папы и богатые монашеские ордена, которые так способствовали развитию искусства в предшествовавшую эпоху, оставались теперь безучастны к художественной деятельности. Искусство из рук духовенства переходит совершенно в руки мирян. Среди мирян образуются умелые каменщики, каменотесы и архитекторы, которые, как и другие ремесленники, согласно с духом времени объединяются в отдельную корпорацию—цех. Здесь, в цехе, распределялся труд, выдавалась условная плата, решались все споры между рабочими. В цехах же производились испытания ученикам и подмастерьям, и тот, кто выдерживал искус, получал право выставлять свое имя на исполненных им строевых частях. Вступающий в цех обещал вести себя чинно, честно, давал клятву соблюдать цеховой устав, получал условный пароль и рукопожатие, которыми он мог всегда доказать свою принадлежность к цеху и в других городах. При щедрых пожертвованиях, благодаря цехам, преемственно передававшим друг другу тайны и усовершенствованные правила производства, благодаря целым артелям работников, трудолюбиво занимавшихся ремеслом, и явилась возможность

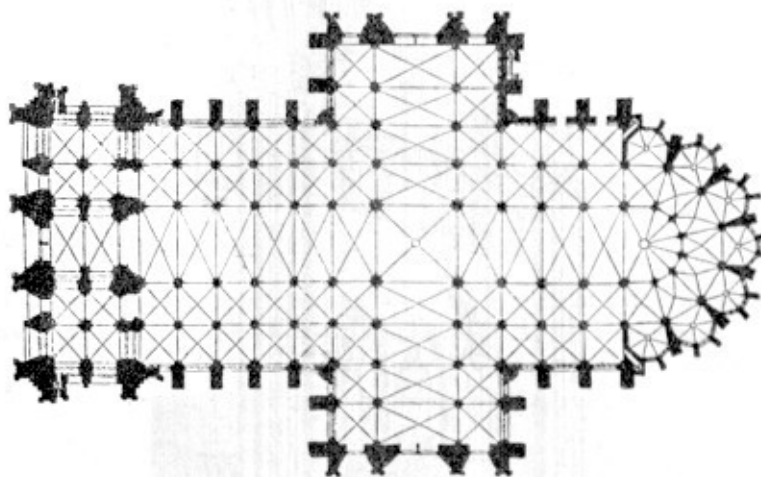

Рис. 38. План Кёльнского собора.

воздвигать эти сложные и многочисленные соборы. В каждом таком грандиозном соборе рядом с изступленным порывом художника виден самый мелочный расчет, строгая трезвая осмотрительность ремесленного производства. Так рыцарски-фантастическое увлечение поддерживалось солидной работой среднего городского сословия.

Ход развития готического стиля

Проникнувшись всей силою и теплотою вновь пробужденной жизни, искусство создало новый стиль. Этот новый стиль, без достаточного основания носящий название готического, зародился и сделал первые шаги в северо-восточной Франции в XII веке, в королевских областях, где к этому времени города достигли значительной степени процветания и началась энергическая строительная деятельность. В течение XIII века готический стиль во Франции получил полное развитие, создал пышные и изящные соборы в Амьене и Реймсе (см. табл. III) и разлился по всей католической Европе. В XIV и XV веках он достиг величественного расцвета в Германии в соборах Фрейбургском, Страсбургском и Кельнском (см. табл. IV) и до половины XVI в. господствовал в Англии, медленно уступая стилю Возрождения. Менее всего сочувствия готический стиль нашел в классической Италии. Итальянцы XV в., противники этого стиля, называли его варварским—готическим.

Архитектурные особенности готического храма, а) внутри.

Яснее всего готический стиль выразился в архитектуре, главным образом в храмах. Время теперь стало более безопасно, менее нужны крепкие стены, и здания стали не так массивны; в них вместо небольших отверстий прорезаны громадные окна. Нет в зданиях мрачности романского стиля: страшный тысячный год минул, не принеся с собой смерти и разрушения мира; нет той грубости, так как архитектор сделался опытнее, и развился значительно художественный вкус; нет давящего единства строгой церковности, ибо теперь духовенство во многих случаях начало уступать место мирянам и авторитет оно иногда делит с мирянами—рыцарями.

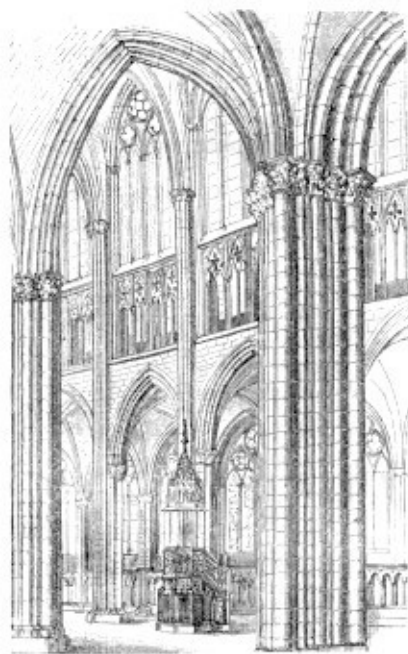

Рис. 39. Колонны из Страсбургского собора

Основау плана грандиозного храма нового стиля служит, как и раньше, продолговатый латинский крест, образованный пересечением двух наиболее высоких кораблей (рис. 38). Северный и южный концы креста—поперечные корабли—более короткие, чем продольный—заканчиваются каждый своим порталом. Восточный конец креста попрежнему занят хором и алтарем. Но уже здесь мы замечаем, что на эту старую основу новый стиль наложил свою печать. Стремление к воздушным светлым формам ясно сказывается в устройстве этой части собора. Мрачная крипта почти совершенно забыта, и если где еще сохраняется, то только как отзвук прошедшей романской эпохи. С криптой исчезло и значительное поднятие хора; в жизни духовные стали ближе к мирянам; на две, на три ступени поднимается хор, отделенный от остальной части храма высокой решоткой. Массивную полукруглую абсиду романского стиля в новом храме заменила более легкая полигонная. Вокруг этой абсиды можно пройти, выйдя из одного бокового корабля и вернувшись в другой по опоясывающему абсиду корридору с целым венком тоже полигонных часовен. В этой части храма стало светлее, просторнее, дух строгости, живший среди мощных стен прежней абсиды исчез, все оживилось благодаря игре света и отражений, которую дали большие окна, благодаря глубокой, уносящей мысль в даль перспективе, которую открыли просветы в часовне.

Западный, более длинный конец креста—от хора до портала—занят главным кораблем, к которому примкнули с боков более низкие корабли, а к ним—десятки еще более низких

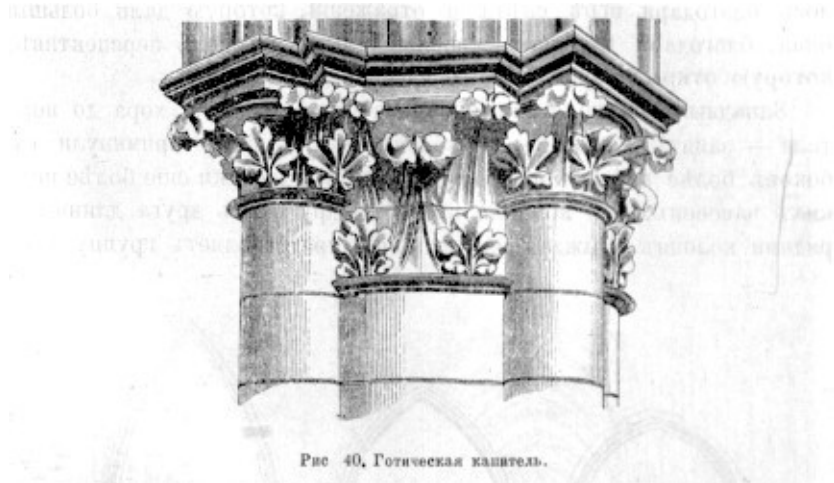

Рис. 40. Готическая капитель.

часовен. Эти корабли отделены друг от друга длинными рядами колонн. Каждая из колонн представляет группу тонких, выходящих из одного общего основания полуколонок, столпившихся вокруг главной центральной колонны (рис. 39). Верх этой сложной колонны

Рис. 41. Готическая капитель.

украшен общею капителью из легкой туземной листвы и цветов (рис. 40 и 41). Ни фантастических фигур животных, ни демонов, которых мы видели на широких капителях колонн

Рис. 42. Стрельчатые дуги.

романского стиля, здесь мы не встретим; тонкие полуколонны не дают для них места. Эти полуколонки сначала поддерживают поддугины стрельчатых арок¹ (рис. 42), затем идут

¹ Стрельчатая арка составлена из двух описанных одинаковыми радиусами дуг, образующих при пере-

далее вверх. Там, над капителью они соединяются с другими еще более тонкими, и все вместе снова тянутся вверх, разбегаясь, точно ветви деревьев, по своду храма навстречу таким же полуколоннам соседних колонн и, соединившись с ними, создают паутину стрельчатых арок, образующих стрельчатый свод (рис. 43). В этом стройном расчленении, в переплетенных арками, точно паутиной, высоких сводах—видна та же смелость, какая поражает нас в рыцарских подвигах, в нежных их очертаниях—то же мягкое, теплое чувство, которым веет от любовных рыцарских песен.

Рис. 43. Внутренность Амьенского собора.

И несущияся как будто безпредельно вверх колонки, и смелые с нежными очертаниями своды стали возможны потому, что архитектор всюду дает место *стрельчатой арке*. Насколько тяжелая полукруглая романская арка приковывала здание к земле, удерживая его в стремлении вверх, настолько легкая остроконечная стрельчатая арка дает не только средство поднять храм в высоту, почти не ставя пределов, но как бы постоянно сама влечет здание ввысь. В этой стрельчатой арке со всей силою выразился тот порыв от земли к небу, который был главной характерной чертой жизни и, как ее отражение, сделался главным принципом готической архитектуры. Этот принцип нашел выражение в стремлении всех частей храма подняться возможно выше, в постоянном преобладании линии вертикальной

сечении острый криволинейный угол.

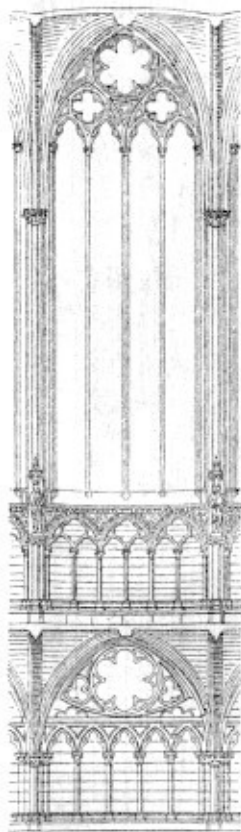

Рис. 44. Окно в Св. Капелле
в Париже.

над горизонтальной. Больше легкости, света и стремление ввысь— вот что главным образом отличает новый готический стиль. Чтобы дать более света высокому храму, чтобы облегчить его громадные стены, архитектор вырезал в них громадные окна. Длинными тонкими колонками расчленил он эти окна на узкие, как бы тянущиеся вверх полоски, а в самом верху эти колонки сомкнул он в острые арки и заполнил сложным, высеченным из камня тонким узором, придав его частям вид стеблей с распускившимися листьями и цветами (рис. 44). Узкие, заполненные стеклами полосы этих окон заняла живопись необычайной силы и яркости красок. В темных каменных рамах на ковровом фоне стоят длинные одинокие фигуры Христа и святых, среди красивого бордюра вырезаются сцены из Св. Писания или легенд (рис. 45). Неумение готовить большие стекла создало самые мелкие сочетания из стекол различных цветов. Благодаря этому сочетанию разноцветных стекол, даже тогда, когда солнце льет сильный свет, в храме нет ни глубоких теней, ни ярко и резко освещенных точек: всюду рассеян мягкий полусвет, заменивший суровый полумрак романского храма. В этих длинных, узких полосах с длинными фигурами святых, в тянущихся тонких колонках чувствуется движение вверх, господствует вертикальная линия. Даже прежний романский карниз, шедший внутри храма между арками столбов и окнами в виде простой горизонтальной линии, и тот потерпел теперь изменение. Вместо него, под окном идет галерея из остроконечной аркады с длинными вертикальными колонками, подобными оконным, только несколько более тяжелыми, чем те (рис. 46, d). Эта галерея (трифорий) часто фальшивая—по ней нельзя пройти, и служит она для того, чтобы облегчить высокую стену и сделать переход от более тяжелых энергично тянущихся вверх высоких столбов с стрельчатыми арками к более мелким воздушным колонкам и аркадам окон, чтобы показать лишний раз вертикальную линию и тем поддержать и усилить общее впечатление парения вверх.

в) снаружи

То же стремление вверх мы видим и в наружных частях собора.

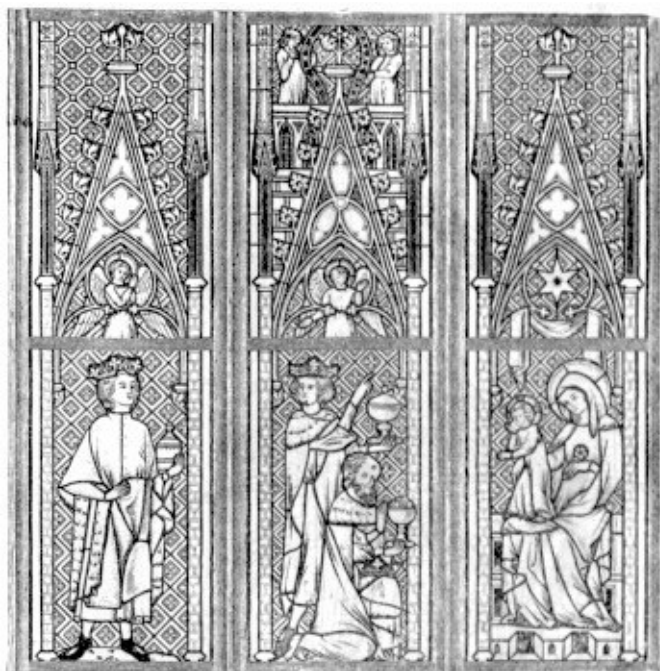

Рис. 45. Окно в Кёнигсфельдене. Поклонение царей.

Тяжесть громадного здания слишком велика: ей не в силах выдержать целые группы колонн и стены, в помощь им архитектор приставил снаружи стены упорные столбы, поднимающие на себя часть тяжести внутренних сводов (рис. 37 и 47). Но этого мало. В простенках окон боковых, более низких кораблей выдвинуты то же крепкие упорные столбы (рис. 46, а); они держат не только тяжесть сводов боковых кораблей, но, поднимаясь над ними почти в уровень с крышей среднего высокого корабля, через переброшенные от его стены провислые арки (рис. 46, с. и рис. 37), берут и несут еще часть тяжести сводов глав-

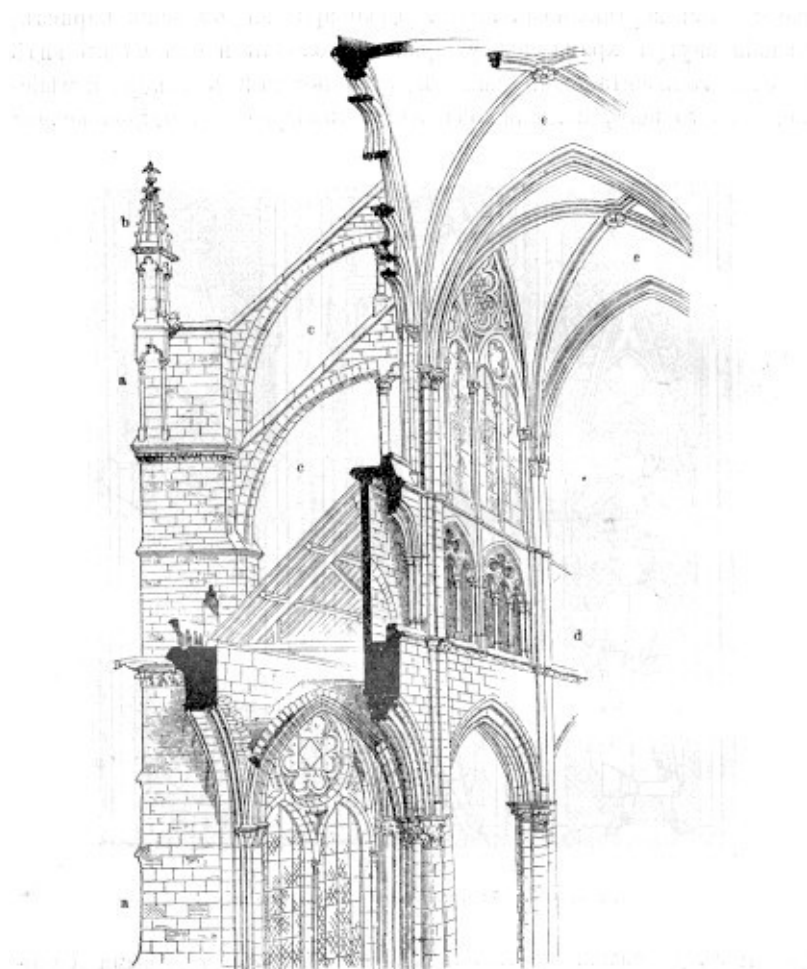

Рис. 46. Система готической постройки (Амьенск. соборъ). а. Опорные столбы, б. Филъ, с. Провислая арка, д. Трифорей, е. Крестовый сводъ.

ного корабля (р. 46, е). Все эти поднявшиеся высоко над боковыми капеллами и кораблями упорные столбы, обступившие храм, своими остроконечными пирамидальными крышами (рис. 46, б) говорят о движении вверх. То же стремление вверх чувствуется и в остроугольных фронтонах над окнами и дверями (вимбергах) (см. табл. III и IV) и в остроконечных крутых крышах главных частей храма, и в высоких башнях собора. Нижняя часть башен с упорными столбами по четырем углам во втором ярусе переходит в восьмигранную призму, а выше еще поднимается, круто суживаясь по мере поднятия, вся вырезанная из камня, сквозная восьмиугольная пирамида, острый шпиг которой, украшенный пышной розеткой, уходит далеко в глубь небес (см. табл. IV). Здесь, в этих башнях необычайной высоты и красоты, решительнее всего выразилось идеальное, не связанное ни с чем практическим,

Табл. IV.

Фотот. К. Фашеръ, въ Москвѣ.

стремление к небу. Если бы нужно было возвести постройку для колокола, чтобы далеко разносился его звук, было бы достаточно для того надстройки над храмом. Если, сверх того,

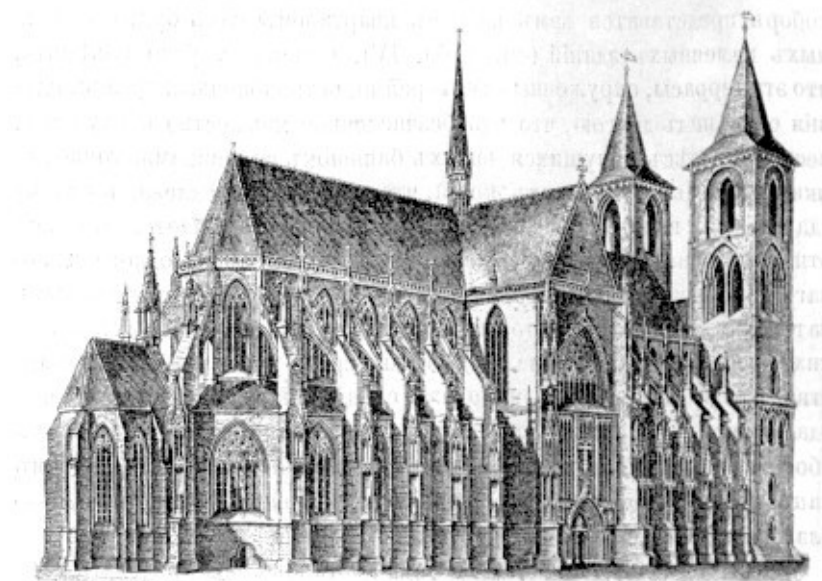

Рис. 47 Церковь въ Гальберштадѣ.

требовалось еще, чтобы башня служила и для наблюдения за ближайшими окрестностями, сторожа в них врага, для этого могла служить одна простая башня, не украшенная ничем,

но высокая. Но ни на том, ни на другом не остановились: башни должны были выйти за пределы необходимого, должны были доказать, что не житейская потребность, а слава Божия была главной целью для воздвигавшей собор городской общины.

Если с этой высокой башни вы бросите взгляд вниз, весь собор представится вам целым кварталом как будто отдельных каменных зданий (см. табл. III). Сначала трудно поверить, что эти террасы, окруженные галереями, остроконечные крыши, идущая одна над другою, что это бесчисленное множество вершущек, весь этот лес тянущихся вверх башенок со шпицами, точно сомкнутые ряды гигантских копий, что это все принадлежит одному зданию. Но, всмотревшись внимательнее, вы замечаете, что все эти отдельные самостоятельные части суть члены одного цельного организма, связанные одной основной формой—продолговатым латинским крестом, который образовали крыши главных высоких кораблей храма (рис. 47). Так, среди воинственного рыцарства, среди различных народов средневековья, разбитых феодализмом на группы, сословия и корпорации, стремящиеся к обособлению и идущая в разрез с объединяющим стремлением пап и императоров, было одно объединяющее всех начало—благочестивый религиозный порыв, стремление к небу.

Некоторые соборы точно внезапно остановились в своем смелом порыве к небесным высотам. Начатые страстно и энергично, когда был силен энтузиазм, они остались недовершенными, когда прекратился приток приношений, изсякнувший вместе с ослаблением религиозных порывов.

Скульптура

Весь готический собор точно оброс скульптурой. Во всей пышности и красе развернулась она снаружи храма, в особенности на главном фасаде собора (см. табл. III). На срезанных наискось стрельчатых аркадах трех порталов фасада стоит длинный ряд статуй святых, как бы приглашающих войти в храм. Оне стоят, как на балдахи, на кронштейнах, а над каждой из них балдахин, который покрывает статую и вместе с тем выполняет декоративную роль капители (рис. 48). По верхним линиям аркад приютилось бесчисленное множество статуй меньшего размера. С трудом глаз может пересчитать бесконечные ряды фигур от самого низа здания и до верхних гребней фронтонов, целые группы, которые на недостижимой высоте лепятся по сторонам или выступают из открытых галлерей между колоннами под готическими башенками, которыми, как зубчатым кружевом, убран верх здания. Каменной резьбой сквозят вимберги дверей и окон и громадная круглая роза—окно над средним порталом.

Рис. 48. Статуя на северном портале Шартрского собора (вторая треть XIII в.).

Табл. V.

СКУЛЬПТУРА

XIII ВѢКА.

II

III

IV

V

- I. Богоматерь (La Vierge dorée)
(Амьенский соборъ).
II. Христіанская церковь.
III. Синагога.
IV. Неразумная дѣва.
V. Мудрая дѣва.
(Страсбургскій соборъ).

В этих сонмах статуй, которые оживляют и одухотворяют массы стен и порталов, нарушая линейные очертания архитектуры и придавая зданию жизнь, богатство и движение—отразились с образцовой полнотою все достоинства, все прелести и недостатки скульптуры этой эпохи.

Для исполнения огромных скульптурных работ было необходимо пользоваться всеми бывшими налицо художественными силами, как ни различны они были по своему достоинству. Вот почему часто исполнение их представляет большие различия. Некоторые статуи неуклюжи и коротки; некоторые неприятно поражают вытянутыми не совсем складными пропорциями (рис. 48). Но большинство украшающих собор статуй передают человеческую натуру гораздо полнее, чем статуи романской эпохи. Движения развязнее; корпус и оконечности свободнее выступают своею жизненностью из каменных глыб, и самое одевание, послушное движениям фигуры, облекает ее широкими волнами складок. Важные, иногда осененные кроткой улыбкой лица красивее, выражение их глубже и душевнее. Самое размещение статуй как нельзя более грациозно: чтобы придать этому множеству статуй, занявших галереи фасада, более жизни, художник очень удачно выбрал для них такие позы, что почти ни одна статуя не стоит особняком от других, без всякого к ним отношения, а все они соединяются в свободные группы: они обращены друг к другу, и, кажется, они дружески беседуют между собой. В разстановке статуй, в движении их, в драпировке, в выражении лиц сказалась эпоха, та среда, которая окружала художника. Жизнь сделалась более удобною и приятной; нравы смягчились; красивая внешность и вежливость в обращении стали считаться достоинствами. Кавалеры и дамы оделись в длинные, падающие пышными складками одежды из мягких материй. Это окружало начинавшего присматриваться и изучать натуру художника, и он отразил в скульптуре свои впечатления. Мягкость чувств, рыцарский культ женщины, царившей в XII и XIII вв., весь вылился у него в статуе Богоматери. Она вся проникнута женственным характером: это прекрасная мать, безгранично любящая Сына, Которого она ласкает и прижимает к груди (см. табл. V).

Кроткая прелесть женщины, сердечность и чистота ангелов, тихое блаженство святых, строгость апостолов, покорность и смирение мучеников, милосердие Божественного Учителя и величие Всеминого Судии никогда не были изображены в скульптуре так возвышенно и с такою чистотою, как в XIII столетии.

Идеи и настроения, отразившиеся в храмовой готической скульптуре

Горячее религиозное чувство, пробивающееся стремление к изучению природы и громадная практика способствовали освобождению скульптуры от условности и косности предшествовавшего периода и создали особый пластический стиль, техника которого умела находить средства для выражения настроений, какие воодушевляли художника. Но на этом не остановился средневековый скульптор. Главною своею задачею он ставил, при помощи этих отдельных статуй, выразить сложный круг идей. Все, что схоластика развила в построенной ею догматической системе, основанной на глубоком изучении Евангелия, все, что средневековая мистерия представляла в действии,—все это выразил резец ваятеля на порталах и фасадах собора. Грехопадение и искупление составляют главную тему изображений. С новозаветными событиями сопоставляются события ветхого завета; рядом с изображениями Христа, апостолов и святых выступают характерные фигуры патриархов и пророков, аллегорические изображения христианской церкви и синагоги (см. табл. V). К этому

присоединяются изображения времен года и соответствующих им работ и занятий науками и искусствами, даже забав и удовольствий. Так все приводится в непосредственное отношение к основной мысли и образно выражает действие Божественного промысла на земле. В этих сотнях статуй разворачивается целая энциклопедия знания, вся сумма религиозных верований эпохи, выраженных символически. Эти символы служат для того, чтобы выразить глубочайшие мысли в живом, ясном пластическом образе, без тяжелых схоластических форм, и сделать тем самым их достоянием многих.

Рядом с выражением этих идей, врывается в скульптуру собора и остроумие, и морализующий юмор, и жгучие интересы эпохи. Часто мы видим сцены из Рейнеке-Лиса, рыцарских песен, романов, легенд, мистерий и сказок. Мы видим ворону в ветвях дерева, под которым сидит лиса; аиста, который из пасти волка тащит кость; лисицу, проповедующую курам; осла, читающего, учащего, играющего на арфе и в шахматы, в монашеском клобуке или совсем в одежде духовных. На надгробном памятнике архиепископа Петра фон-Аспельта в Майнцском соборе скульптор XIV века изобразил покойного представителя папы возлагающим короны на германских королей Генриха VII, Людовика Баварского и Иоанна Богемского и, чтобы еще нагляднее сделать превосходство духовной власти над светской, фигуры королей представил в несколько меньшем размере (рис. 49). Другое течение отразил скульптор на паперти монастыря в Лаахе: диавол держит перед пеликаном, символизирующим церковь, свиток, на котором написано «Pecata Romae» — грехи Рима.

Любовь к фантастическому, которая в жизни высказывалась даже в духовных мистериях в форме грубых, часто непристойных фарсов, вошла в скульптуру собора, который служил отражением всей жизни эпохи. Эта любовь к фантастическому нашла себе проявление и в причудливых фигурах (рис. 50), и в забавных формах, которые давались рыльцам водосточных труб, далеко выдвинувших свои пасти, чтобы отбросить дальше от стен стекающую с крутых крыш собора воду.

Живопись готического стиля

На этом оставим собор, где познакомились мы с архитектурой, скульптурой и отчасти в окнах его с живописью этой эпохи. Чтобы дополнить представление о живописи, нам нуж-

Рис. 49. Надгробный памятник архиепископа фон-Аспельта в Майнцском соборе.

Рис. 50. Фантастическая фигура с крыши собора Парижской Богоматери.

но взглянуть на миниатюры рукописей и иконы. Наше внимание должны остановить не рукописи, предназначенные для церковного употребления или набожных знатных особ с заботливо исполненными сильными красками и золотом миниатюрами: эти миниатюры большею частью сделаны в монастырской глуши, чуждой новых течений, и воспроизводят оне до конца XV в. древние образцы в старом романском стиле. Нам нужно остановиться на рукописях с рыцарскими или духовными стихотворениями, поэтическими легендами, даже на Апокалипсисе, вообще на всех тех писаниях, где художник не был связан благоговением перед преданием и имеет дело с предметами, которые возбуждают его чувство. В этих легких очерках пером, слегка покрытых краской без теней, новая жизнь бьет сильной струей.

Песнь миннезингера, в которой он пел прелесть своей дамы и прелесть весны, вела к тому, что понимание внутреннего мира постепенно усиливалось, природа открывалась глазам. И чем более рыцарская поэзия делается общим достоянием, тем сильнее развивается

Рис. 51. Королева, слушающая менестрелей. Миниатюра XIII вѣка.

понимание красоты человеческого лица, формы делаются полнее, выражения яснее, движения живее. Правда, иногда лица еще угловаты, глаза слишком велики, одежды с красивыми складками слишком развешаются, ноги почти всегда очень малы, деревья и постройки долго сохраняют свой условный вид. Воодушевленный текст художник стоит совершенно на почве поэта и отражает его достоинства и недостатки в рисунке—та же неопределенность выражения лиц, как у поэта, так же нет сильных характеристик, нет глубокого изучения натуры, и понимание ее обнаруживается более в лицах женских, чем мужских, более в милостивых и приятных, чем в выражающих спокойное достоинство (рис. 51). Но там, где требуется изобразить фантастичное, неожиданное, страстное, там рисунок живет. Существенное преимущество миниатюр этих рукописей состоит в их драматической живости и выражении страсти, страдания. Мы часто поражены, как рисунок, при всем несовершенстве пропорций тела, движением рук умеет выразить чувства, в известный момент совершенно понятно и ясно.

Прежние сюжеты из св. истории обрабатываются теперь глубже, полнее, к ним присоединяются новые, до сих пор не изображавшиеся, и здесь внутренняя жизнь начинает

сильнее себя заявлять, начинает сильнее отражаться действительность.

В библиотеке во Франкфурте на Майне есть маленькая икона начала XV века, которая наглядно представляет переход, совершившийся к этому времени от прежних типичных церковных воззрений к новым, иным. На этой иконе представлен райский сад. Богоматерь сидит возле каменного стола и читает; на столе стоят стакан и плоды. Перед Нею сидит одетый младенец Иисус посреди цветов и играет на гуслях, которые перед ним держит святая. Другая святая черпает воду из родника, третья собирает вишни в большую корзину. С другой стороны сидят архангел Михаил, покойно опершись на руку, и св. Георгий. Подле пер-

Рис. 52. Стефанъ Лохнеръ. Богоматерь съ Младенцемъ.

ваго—маленькая обезьяна, подле второго лежит опрокинутый навзничь пораженный дракон. Позади стоит, прислонившись к дереву ухом, святой, весь отдавшийся слуху. Наполненный цветами и птицами этот райский сад отделен от внешнего мира стеною. То же изменение настроения прекрасно показывает с менее сложным сюжетом икона Кёльнского Музея, приписываемая Стефану Лохнеру, выдающемуся кельнскому художнику первой половины XI в.,—Божия Матерь с младенцем Христом (рис. 52).

Светская городская архитектура готического стиля

Но не одни только грандиозные соборы с стремящимися в высь башнями характерны для эпохи готического стиля. Сознавшие свою силу и значение горожане на площади рядом с собором сооружают ратушу—думу, и скоро башня ратуши начинает соперничать с башней собора. Энергично и гордо она поднимается над городом, свидетельствуя о выросшем в горожанах чувстве собственного достоинства, благосостоянии и силе. Роскошные ратуши готического стиля сохранились до нашего времени в Брюгге, Брюсселе, Лёвене и многих других городах (см. таблицу IV).

Табл. VI.

Фотог. К. Фишеръ, въ Москвѣ

РАТУША ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Тесная связь готического стиля с жизнью

Такова архитектура, скульптура и живопись эпохи готического стиля. Нельзя, конечно, думать, чтобы созданное в течение трех столетий на всем пространстве Европы было совершенно похоже одно на другое: можно встретить массу отклонений в некоторых частях, то в силу местных привычек, то в силу слагающихся национальных особенностей, исторических преданий, то в силу условий обработки материала, особенного назначения здания, стремления к необычайности или желания сделать архитектурную попытку. Особенно большим разнообразием отличаются здания той переходной эпохи, когда готический стиль, образуясь постепенно, сменял прежний романский. Но в большей или меньшей степени основные характерные черты стиля остаются повсюду—в зданиях гражданских, религиозных, частных, общественных; мы встречаем их даже в оружии, одежде, мебели и других принадлежностях обиходной жизни, одним словом, во всем том, чего хоть слегка коснулось искусство. Эта общность стиля, охватывающая все стороны художественной жизни, ясно свидетельствует, что этот стиль был как бы завершением и цветом жизни, вышедшим непосредственно из нея самой и поэтому отразившим наиболее ясно, пластически ее главные течения.

Н. Тарасов.

МАВРИТАНСКИЙ СТИЛЬ

(Боткин, В. П.. Письма об Испании)

Рис. 53. Орнамент из Альгамбры

Восточные и античные элементы мавританского стиля

...Давно кочевали арабы в Азии бродячими племенами, занимаясь скотоводством, земледелием и разбоем или нанимаясь на службу у азиатских и африканских владетелей. В 610 г. по Р. Х. вдруг просыпаются они на голос Магомета. Неслыханный доселе энтузиазм потряс дикие племена пустынь; до того времени неподвижные, они встают, как неотразимый вихрь, разносить по всей земле слово пророка. В несколько лет исламизм владеет уже от берегов Атлантического океана до Гангеса.

Новая религия принесла с собой особый род богопочитания, а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, как и германцы, нахлынувшие на римскую империю, не имели никакой самостоятельной образованности и, следовательно, невольно должны были взять в образец те формы искусства, которые нашли в завоеванных ими странах. То были большей частью здания времен упадка римского зодчества; их-то преимущественно исламизм и должен был взять себе в образец:—он, также как и христианство, был врагом языческого богослужения. К этому присоединился еще и собственно восточный художественный элемент.

Даже на римских постройках в Азии и Африке лежал всегда более или менее ощутительный восточный колорит, и весьма естественно, что этот восточный элемент еще более развился у арабов в завоеваниях при соприкосновении их с старыми образованными народами Азии. А так как потом арабы начали уже развиваться самостоятельно, то из всех этих разнородных элементов, наконец, образовалось то, что теперь обыкновенно зовется *мавританским* стилем.

Особенности мавританского стиля в скульптуре и архитектуре

По своему источнику, искусство магометанское находится в близкой связи с древнехристианским. Но, вместе с тем, оно отличается в одном, а это одно так важно, что через него именно задушено было в самом зерне своем все дальнейшее совершенствование мусульманского искусства. Магомет до такой степени боялся, чтобы арабы не воротились к своему прежнему идолопоклонству, что непререкаемым догматом корана запретил правоверным представлять в живописи и ваянии людей и животных. Вот причина, почему эти оба искусства были пренебрежены арабами. Их искусство самое любимое, самое задушевное, была поэзия. Из пластических искусств оставалась им одна архитектура; в ней одной принуждена была во внешних формах разыгрываться пламенная фантазия их. Но архитектура неразрывно связана с религиозными идеями. Религиозные же идеи арабов кружились около: «нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его; Бог един, Бог всемогущ, накажет злых, награждает добрых». При таком одиноком догмате негде было разыгрываться религиозному воображению; при этом ни мифов, ни религиозных преданий—одно голое сухое единство. Вот отчего архитектурные памятники арабов далеко не соответствуют их образованности. Архитектура имеет характер однообразный и совершенно чужда развития.

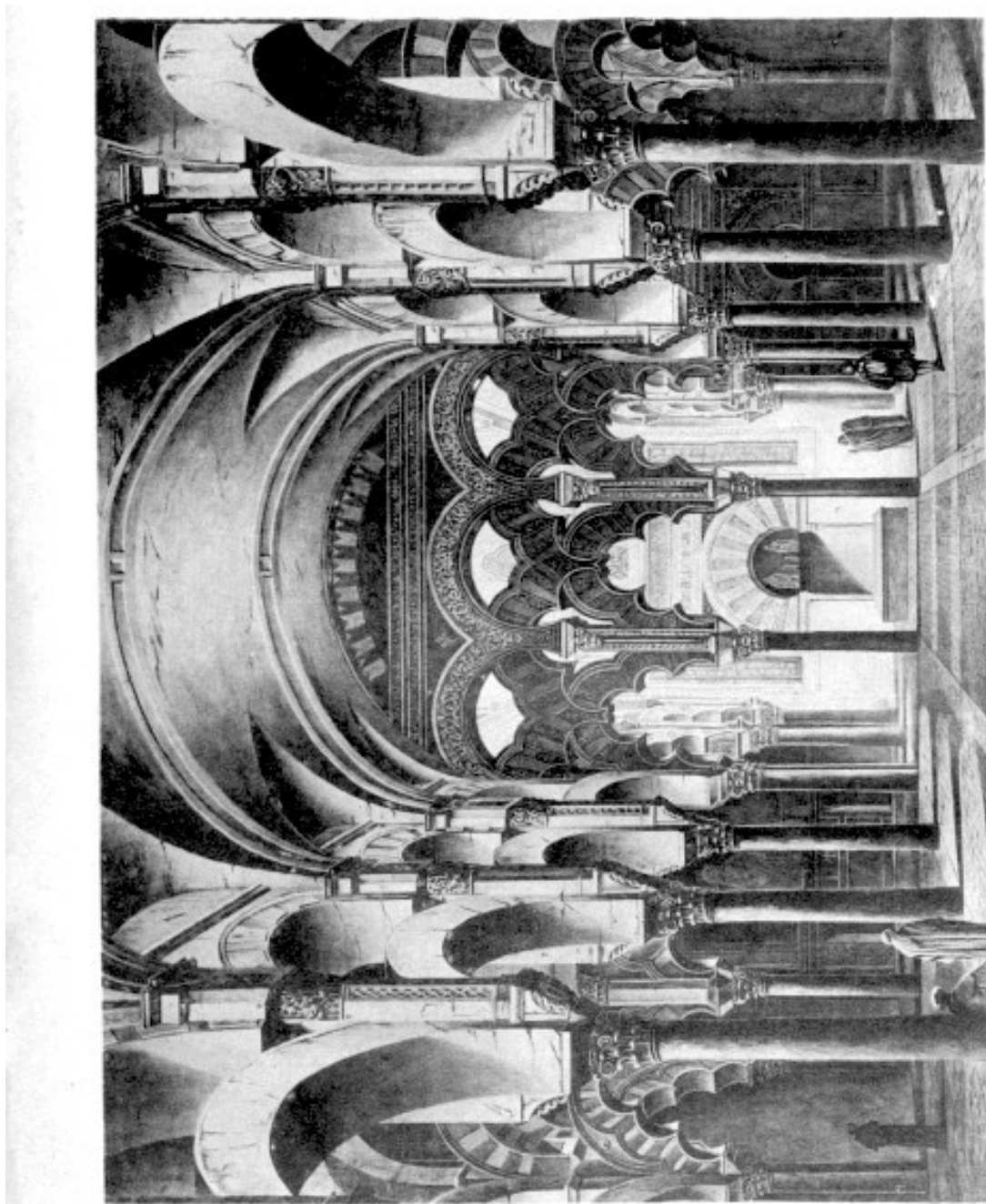
Впрочем, навсегда оставшись при одних формах древнехристианского зодчества, арабская архитектура запечатлела их своим особенным характером. Я имею здесь в виду высшее выражение мусульманской архитектуры—ее религиозные памятники—мечети. В них особенно заметны два стиля: один принадлежит древнехристианской базилике, другой более приближается к стилю византийскому. Памятники первого находятся в Европе; второй, сделавшийся потом общим мусульманским, принадлежит Востоку. Но этим первообразами своей архитектуры арабская фантазия следовала не рабски, она преобразила их по-своему, примешав еще к ним некоторые формы архитектуры индийской. Всего более оригинальность арабской фантазии выразилась в украшениях, в подробностях, где надобно было избегать всяких определенных форм и образов, находящихся в природе. То была задача, достойная арабской фантазии, и она чудно разрешила ее, создав свои бесконечно клубящиеся и перевивающиеся вереницы линий и фигур, известных теперь под названием арабесков.

Мечеть в Кордове

Мечеть в Кордове принадлежит к самым древнейшим постройкам арабов: она начата была в конце VIII века, вскоре после завоевания Кордовы. Первым делом арабов при завоевании всякого города было тотчас же построить мечеть и завести школу.

В противоположность другим народам, арабы как в своих колоссальных памятниках, так и в простых домах не только пренебрегали наружностью, но словно с намерением делали ее как можно проще, как можно обыкновеннее, сосредоточивая всю роскошь украшений на одну внутренность здания. Так, наружность мечети несколько не приготовляет к тому

поразительному впечатлению, которое испытываешь, войдя в нее. Вдруг вступаешь в лес мраморных колонн: глаза разбегаются в бесчисленных рядах их, теряющихся в сумрачной

фотот. К. Фшперс, въ Москвѣ.

Табл. VII.

дали; редкия маленькия окна едва пропускают свет, так что полусумрак, царствующий здесь, еще более увеличивает необыкновенность впечатления (см. табл. VII).

Верх этого огромнейшего храма состоит из полукруглых, подковою, арок, опирающихся на колонны из белого, желтого, зеленого мрамора, яшмы, порфира. Самым любимым украшением испанских мавров была эта арка подковою, они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античным и древнехристианским искусством, словно не удовлетворяла их: тревожный дух восточных племен требовал формы, которая представляла бы глазам живую игру силы, и, действительно, в арабской арке есть что-то смелое, игривое. Не стану говорить о прежних украшениях мечети. Довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христианскую переделку середины ее, здесь осталось более 900 колонн! При арабах храм днем и ночью освещалсяися лампадами; их было несколько тысяч. Ходишь словно по густому лесу колонн, разросшихся в бесчисленные, переплетающиеся своды. Он не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и без пьедесталов,—кажется, словно растут из земли. Колонны большею частью взяты из античных зданий, частью сделаны по их образцу, но с примесью арабской фантазии. Над ними и под навесом главных арок находятся еще небольшие четырехугольные колонки, соединенные между собою полукруглыми маленькими дугами, и сверх того плоская дубовая крыша, некогда украшенная роскошными резными и золочеными арабесками.... И теперь видны некоторые следы богослужения мечети: три или четыре фонтана, служившие для омовения и *mihrab*, часовня созерцания—довольно большая ниша, означавшая во всех мечетях ту сторону, где находится Мекка; сюда должны были обращаться правоверные в своих молитвах. Надобно видеть, с какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазия! Вся она из самого чистого белого мрамора, с маленькими колонками, окруженными мозаикою из цветных кристаллов; всюду разбросаны изречения Корана; буквы—из золоченых кристаллов, и около всего этого вьются самые роскошные, самые капризные арабески.

Алькасар в Севилье

В Севилье уцелел *Алькасар*, дворец местных арабских владетелей: снаружи—высокая стена с узкими воротами, внутри—изящные, фантастически-легкие залы. Нельзя себе представить, до какой степени легкости арабы преобразовывали камень: в их постройках он теряет всю свою массивную плотность. Это кружевная ткань, самая тонкая филигранная работа. Основной характер мавританской нерелигиозной архитектуры есть изобилие, расточительность мелких украшений, или точнее, вся эта архитектура их есть одно только украшение. Правда, что к ней скоро присматриваешься, но первое впечатление мило, увлекательно: точно все эти комнаты сделаны из кисеи. Комнаты обыкновенно выходят на внутренние дворы, с колоннами, галлереею и фонтаном. В некоторых потолки сделаны куполами, наподобие сталактитов, в иных дубовые с резными арабесками и золочены. Надобно заметить, что у арабов все эти стены, выделанные фантастическими узорами, были с необыкновенною тщательностью расписаны разноцветными красками с позолотою. К Алькасару примыкал сад в восточном вкусе с апельсинами, пальмами и кипарисами.

Альгамбра в Гренаде

Третий замечательный памятник мавританского стиля—это дворец *Альгамбра в Гренаде*. Несколько массивных без всякого порядка стеснившихся башен, соединенных высокою стеною с узкими отверстиями вместо окон: это мавританский дворец. Маленькая, дрянная дверь ведет внутрь этих стен, потом темный корридор и вдруг входит на открытый внутренний двор мавританского дворца.

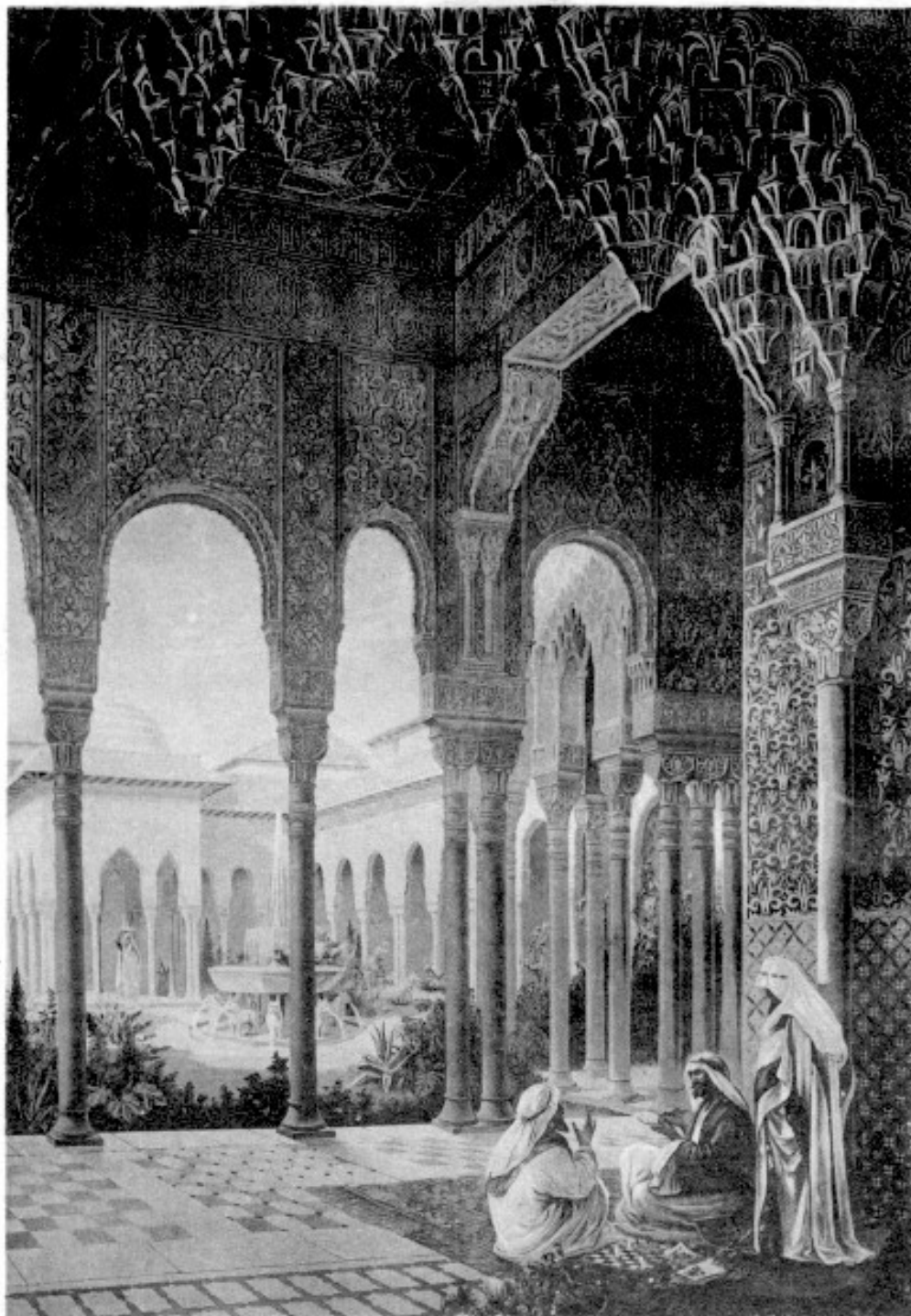
Этот первый двор мавританского дворца называется двояко—двором мирт и двором купанья. Пол устлан гладким белым мрамором; вокруг—галерея с легкими подковообразными арками, упирающимися на тонкие мраморные колонки по две в ряд. Пьедесталы у них низенькие и гладкие, а капители четырехугольные и покрыты узорчатыми арабесками (рис. 54). Вдоль карниза галереи идет арабская надпись. В надписи повторяются только слова Корана: «Един Бог повелитель». Среди двора бассейн с чистой водой, саженей в 10 длины. Вьющиеся арки на тоненьких колонках имеют необыкновенный характер легкости, а отражение их в воде еще более увеличивает воздушность впечатления. По обеим сторонам бассейна фонтаны; вокруг он густо обсажен миртами. Предполагают, что бассейн этот служил для омовения гранадским владетелям и присутствовавшим при молитве во

Рис. 54. Капитали колонн из Альгамбры.

внутренней мечети дворца, (теперь уже не существующей). От этого «двора мирт» по обеим сторонам идут комнаты; налево— башня, известная под именем «Комарес» от украшений ее в персидском вкусе, называвшихся у арабов комараки. Залы этой башни отделывали нарочно выписанные персидские мастера. Самая большая и великолепная из них называется «залом аудиенций». На стенах вылеплены уже не одни изречения из Корана, а целые стихотворения, в которых восхваляется строитель этого дворца. Арабские буквы надписей, сами похожие на арабески, совсем слиты с украшениями, так что нужно особенное внимание, чтобы отличить их (рис. 53). Одна из главных особенностей мавританского стиля—нигде не поражать глаза резкостью: только всмотревшись хорошенько в эти украшения, вы увидите всю отчетливую тонкость этой миниатюрной работы. С первого взгляда кажется, будто потолок и стены обтянуты персидскими коврами или вышитыми по канве обоями с мельчайшим рисунком. Из полусумрака залы вид в окна на сверкающая всею яркостью южных красок природу, город и окрестности удивительно эффектен. Справа от «двора мирт»—изящнейший портал со множеством тоненьких, точно из белейшего воска, колонок ведет в знаменитый «двор львов», главный внутренний двор дворца (см. табл. VIII). Это обширный и продолговатый четырехугольник, окруженный галереею с частыми подковообразно согнутыми арками, опирающимися на тонкие мраморные колонки (их 168). По обеим противоположным сторонам в длину сделаны два портала, где колонки сгруппированы и покрыты широким фризом с необыкновенною самою грациозною оригинальностью. Колонки, разсыпанные в каком-то симметрическом беспорядке то по 4, то по 3, то по 2 вместе, производят необыкновенный эффект игрою света и теней под арками. Капитали колонок и наружная сторона галереи покрыты мельчайшими арабесками из гипса, на которых еще сохранились следы красок. Мавры так искусно умели составлять этот гипс, что он теперь

Табл. VIII.

Фотог. К. Фашеръ, изъ Москвѣ.

ЛВІИНЫЙ ДВОРЪ ВЪ АЛЬГАМБРѢ.

крепче мрамора и лоснится, как он. Едва ли восток произвел что-нибудь лучше этого «двора львов» по легкости, грации и деликатности вкуса. В воздушности впечатления целого чувствуется характер подвижных жилищ пустыни, и тоненькие колонки эти по своей форме намекают на шесты, на которых укрепляют кочевые шатры. Между арабесками по фронтону галлерей идут арабские надписи: «хвала Богу», «слава нашему Повелителю», «хвала Богу за ниспослание ислама». Посреди двора (он 17-ти сажен в длину и десяти в ширину) стоит «фонтан львов» — большая чаша белого, прозрачного мрамора, покрытая арабесками и поддерживаемая 12-ю мраморными львами; над ней другая, поменьше, из середины которой бьет фонтан, так что струя его падает сначала в меньшую чашу; наполнив ее, вода бежит в большую и потом через пасти львов падает в нижний, обширный бассейн (см. табл. VIII). Львы сделаны очень дурно и но похожи ни на каких зверей, может быть, от того, что исламизм запрещал арабам представление живых существ. Вокруг большой чаши вырезаны арабские стихи (которые местами постерлись, отчего произошли пропуски и разногласия переводчиков). Вот их смысл. «Да будет благословен давший Магомету-повелителю жилище это, по красоте своей — украшение всем жилищам человеческим. Если же ты сомневаешься в этом, то взгляни на все, тебя окружающее; ты увидишь такие чудеса, что Бог не дозволил, чтобы существовали равные им даже и в самих храмах. Эта масса прозрачных перлов блестит и сияет в падении своем. Посмотри на воду и посмотри на чашу: невозможно отличить, вода ли стоит неподвижно, или то струится мрамор...».

Внутри одной из галлерей сзади портика, на потолке есть картина, в которой на позолоченном фоне представлена битва 4-х мавританских рыцарей с 4-мя кастильскими. В смежной комнате есть еще 2 картины тоже на потолке: на одной нарисованы мавры, сидящие кружком, на другой — сцена охоты за кабанами. Вероятно, они писаны каким-нибудь христианским художником, потому что Коран строго запрещал изображать людей, угрожая, что на том свете написанные люди будут себе требовать душ у писавших их. По рисунку картины, кажется, надобно отнести к XIV веку, и замечательны они только в том отношении, что андалузские мавры, несмотря на запрещение Корана, имели однакож у себя картины. По обеим сторонам «двора львов» находятся две большие комнаты, называемые: одна, — «залою сестер», другая — залом Абенсеррахов. Пол в «зале сестер» состоит из двух огромных мраморных плит, которые почему-то вздумалось назвать «сестрами». Нижняя часть ее четырехугольная; по стенам — мозаики, между которыми в медальонах сделаны гербы гренадских владетелей. Верх восьмиугольный, оканчивающийся изящнейшим куполом, покрытым самою фантастическою лепною работой в роде сталактитов и углублений, как кия бывают в пчелиных ульях¹. Все это было тщательно раскрашено синею и пунцовою красками с позолотою... Свет проходит в 8 маленьких окон, сделанных в куполе между углублениями лепных украшений и проходит так эффектно, придает такую необычайную воздушность куполу и стенным арабескам, что вся комната кажется сотканною из разноцветных кружев. Отсюда крытая галлерей ведет в женскую половину дворца — во внутренние комнаты гарема и спальни его, сделанные в земле, с мраморными ванными, альковами для постелей и неразлучными фонтанами. Свет сюда проникает сквозь маленькие отверстия сверху, так что в них была постоянная прохлада и сумрак, столь любимый восточною негой... В мраморном полу бельведера одной из башен проделаны маленькие скважинки,

1 Подобный потолок см. на табл. VIII.

сквозь которые проходил дым сожигаемых внизу ароматных курений: ясно, что обитатели таких комнат жили только для сладких чувственных ощущений.

Характер мавританской архитектуры

Мавританская архитектура совершенно чужда того характера величия, какой отличает античное искусство; вся прелесть ее в капризной изящности форм, в эффектной освещенности, в обилии и нежности украшений, всегда заключенных в самой грубой оболочке, какая обыкновенно наружность их зданий. Мавританскую архитектуру обыкновенно называют подражанием римской и византийской. Действительно, внутреннее расположение мавританских домов отчасти сходно с римскими, где также внутренние дворы играли главную роль. Свои арки с колонками могли они заимствовать у византийцев. Но у арабов арка имеет совсем другое назначение, и, кажется, в этом-то всего больше является особенность мавританской архитектуры; а в архитектуре всего больше отражается народный характер. У византийцев арка несет на себе верхнюю часть здания, у арабов она служит только одним украшением, потому что у них верх здания держится не на арках, а на одних колоннах (см. табл. VII и VIII). Арка у арабов только для красоты, для ласканья глаз. По своей подковообразной форме, эта арка безсилна что-нибудь держать на себе. У архитекторов арабских, кажется, была только одна цель—придать всему характер легкости и как бы безпрестанно напоминать о кочевом шатре пустынь. В этом именно и состоит величайшая оригинальность мавританской архитектуры, ее коренное отличие от всех других архитектурных стилей. Существенный характер ее—необыкновенная легкость и каприз, пренебрегающий всеми законами и правилами зодчества. Вероятно, отсюда происходит и такая непрочность их зданий. В самом деле, ни малейшего чувства долговечности, даже прочности не пробуждают здания арабов: это легко, это воздушно, это удивительно изящно, но все это, кажется, тотчас разлетится, как мираж.

XLVIII. Болгарская письменность

Начало славянской письменности

В 862 г. прибыло в Царьград посольство князей Моравии и Паннонии Ростислава, Святополка и Коцела с просьбой к императору и патриарху о присылке в эти земли учителя христианской веры, который на славянском языке, понятном народу, проповедывал бы христианское учение. Император и патриарх избрали для этой цели славного ученого миссионера Константина Философа с братом его Мефодием, как людей, знавших славянский язык, ибо они были родом из Солуни, где тогда все умели говорить по-славянски. Принимая на себя это поручение, Константин Философ заявил, что невозможно проповедывать и утверждать христианство только путем устной проповеди; для этого необходима письменность на том языке, на котором происходит проповедь. С этим согласилось и византийское правительство, но так как по справкам оказалось, что у славян письменности нет, то Константин Философ получил новое поручение—составить славянскую азбуку и применить ее к делу. Константин Философ тогда же взялся за осуществление этого поручения вместе со своими сотрудниками, удачно его выполнил и уже в Царьграде приступил к переводу на славянский язык Евангелия: «Искони бе Слово и Слово бе к Богу»—вот первые слова, написанные на славянском языке. Так положено было начало славянской письменности, по рассказу биографа Константина Философа, принадлежавшего, вероятно, к числу непосредственных его учеников.

В Моравии и Паннонии Константин и Мефодий, вместе со своими сотрудниками, как взятыми из Константинополя, так и набранными на месте своей новой деятельности, успели многое перевести с греческого языка на славянский. Переведены были необходимые для богослужения части Ветхаго и Новаго завета, суточное богослужение, молитвы при совершении таинств и важнейших обрядов, «книги отечныя», или собрание повестей о христианских подвижниках. Были переведены и некоторые другие книги, напр., Мефодий переводил обширное сочинение брата своего Константина Философа, содержащее его полемические беседы с еретиками, магометанами и иудеями при его прежних миссионерских хо-

ждениях.

Славянское богослужение в Болгарии

В период времени от 862 г. до 885 г.—года смерти Мефодия, возникла, таким образом на славянском языке весьма значительная церковная литература, и образовался литературный славянский язык, которые на много веков сделались достоянием всех славян, усвоивших христианство от греческих миссионеров и сохранивших его, т. е. у всех православных славян. Но это сделалось возможным только потому, что продолжатели дела Константина и Мефодия нашли радушный прием и благоприятную почву в Болгарии. По смерти Константина Философа, принявшего в монашестве имя Кирилла, а особенно по смерти Мефодия, вследствие изменившихся внутренних и внешних политических обстоятельств, введенное славянскими просветителями на обширном пространстве земель, входивших тогда в состав Моравского государства, славянское богослужение подверглось гонению, его стало вытеснять богослужение на латинском языке, за которое стояло немецкое духовенство, находившее сочувствие у князя Святополка и поддерживаемое немецкими королями. Многие ученики и сотрудники Мефодия должны были удалиться за пределы Моравского государства и разойтись по соседним славянским землям. Важнейшие из учеников славянских первоучителей ушли за Дунай в Болгарию и были радушно приняты болгарским князем Борисом.

Болгария тогда была самым сильным из всех принявших христианство славянских государств. Русское и Польское племена были еще в язычестве, сербы не имели государственного единства и самостоятельности и только-что приняли христианство, Моравское государство подверглось сильному политическому и церковному влиянию немцев и вскоре было разрушено вторжением мадьяр.

Болгаре приняли христианство от греков во главе со своим князем Борисом в 865 году. Богослужение сначала совершалось, по всей вероятности, на греческом языке, так как об употреблении славянского языка в богослужении известий нет, да и духовенство в начале было из греков. Но болгаре, как и славяне Моравии и Паннонии, конечно, должны были предпочесть богослужение на славянском языке. Прибывшие из Моравии ученики Мефодия: Климент, Горазд, Ангеларий, Савва и Наум нашли радушный прием и стали в Болгарии делать то же самое, что и в Моравии, т. е. вводить славянское богослужение и обучать славянской грамоте болгар. В Болгарии легче, чем в какой-либо другой славянской стране, могли найтись хорошие сотрудники и преемники в деле распространения и утверждения славянского богослужения и письменности. Из греческого пространного жития епископа Климента знаем, что он, а по другим известиям, и его сотрудники развивали свою деятельность в теперешней Македонии и южной Албании, в местах, которые находились неподалеку от родины Кирилла и Мефодия, значит, в такой области, где славянский язык в употреблении был тот самый, которым говорили Кирилл и Мефодий и который составил, конечно, основной элемент церковно-славянского литературного языка. Здесь всего легче можно было распространять славянскую грамоту и письменность. Здесь же легче, чем где-либо в других местах Болгарии, могли найтись ревностные последователи христианства, так как эти области незадолго перед тем приобретены были болгарскими князьями, а ранее входили в состав Византийской империи, и, несомненно, христианство существовало здесь и до формального крещения Болгарии при Борисе. Население Болгарии, особенно тех областей, которые находились в непосредственном соседстве с византийскими владениями, несомненно было бо-

лее развито, чем какое-либо другое славянское племя; среди этого населения могло найтись не мало таких славян, которые знали по-гречески, а, может быть, и таких, которые могли получить и греческое образование. Этим объясняется то важное обстоятельство, что славянская письменность, литература, основанная образованнейшим среди тогдашних греков Константином Философом, не только не заглохла в Болгарии, но получила быстрое и сильное развитие. Нужно также иметь в виду и то обстоятельство, что пример и поощрение в литературных трудах подавали представители власти. Преемник Бориса, сын его Симеон, был человек образованный. В молодости он долго жил при византийском дворе в качестве заложника и получил там и литературное образование. Впоследствии он переписывался с византийскими министрами на греческом языке и состязался с ними в риторическом искусстве. Славянские современники прославляют его, как великаго книголюбца, который собирал библиотеку, поощрял литературные труды и сам принимал в них участие, как, напр., в составлении сборника «Златоструй», содержащего выборку нравоучительных слов преимущественно из сочинений Иоанна Златоуста.

Упадок Болгарии

Век болгарскаго царя Симеона (893—927)—золотой век болгарской письменности. Но, к сожалению, он был непродолжителен. Развитие болгарской литературы стояло в тесной связи с политической историей Болгарии, которая испытала много превратностей. Между Болгарией и Византией происходила ожесточенная борьба. Болгарское государство образовалось на территории, составлявшей часть Византийской империи. Хотя Византия и признавала независимость Болгарии, но никогда не отказывалась от своих прежних прав на нее. С другой стороны, болгарский князь Симеон, производя новыя завоевания в пределах Византийской империи, заявлял притязание на титул царя, но не только болгар, но и греков; он стремился даже утвердиться в Константинополе и занять престол византийских императоров. Такие притязания, конечно, были не под силу болгарскому народу и только ожесточали греков, которые, превосходя болгар в культурном отношении, имели на них сильное влияние, как это обнаружилось при преемнике Симеона Петре (927—968). Ослабленная войнами с греками, внутренними несогласиями и походами русскаго князя Святослава Игоревича, Болгария в начале XI века в борьбе с греками лишилась своей политической независимости и династии; окончательное поражение нанесено было императором Василием, получившим прозвание Болгаробойцы, в 1019 году.

Потеря политической независимости повлекла за собой упадок славянской церкви и литературы. Хотя самостоятельность (автокефальность) болгарской церкви с архиепископом в Охриде (в Македонии) сохранилась, но высшее духовенство назначалось из греков. Таким образом, славянская литература не могла найти поддержки ни у высшаго духовенства, ни у династии, которая была уничтожена.

Некоторое возрождение болгарской литературы совершилось только с возстановлением политической независимости, что произошло через полтора столетия (1185 г.) вследствие возстания болгар под предводительством братьев Петра и Асеня. Благодаря последовавшему вскоре (1204 г.) завоеванию Константинополя западными крестоносцами, династия Асенов не только укрепила политическую независимость Болгарии, но и снова добилась полной церковной самостоятельности, вступивши в родственныя и договорныя отношения с никейскими греческими императорами; возстановлен был болгарский патриарх-

хат (в Тернове, в 1234 г.). Но хотя и теперь болгарские государи титуловали себя царями «всех болгар и греков», соперничать с греками болгаре, конечно, не могли, второе болгарское царство просуществовало не более двухсот лет. Недостаток внутреннего единства, набеги татар и усиление сербов подорвали могущество и прочность Болгарии. Когда в XIV веке появились на Балканском полуострове турки, то Болгария не могла оказать им сильного сопротивления и была завоевана к 1393 году, на полвека слишком ранее падения Византии от тех же турок. С потерей политической независимости вновь прекращается в ней и духовная деятельность. Болгария была страшно опустошена и разорена; в ее пределах расположились турки, чтобы отсюда нанести окончательный удар Константинополю. С утверждением турок на всем Балканском полуострове, болгаре не могли оказаться важным и влиятельным элементом в составе Турецкой империи, их превосходили сербы, а в культурном отношении оказались выше тех и других, конечно, греки, которые в духовном отношении снова забрали в свои руки Болгарию.

Итак, географические условия и исторические обстоятельства были причиной того, что болгарская литература не в состоянии была стать долговечной и органически развиваться, но все-таки в своем первоначальном периоде она достигла замечательного расцвета, и нажитое ею духовное богатство сделалось достояниемшедших за нею вслед литератур сербской и русской, пользовавшихся до новейшего времени (до XVIII в.) одним и тем же общим литературным славянским языком с некоторыми отличиями в подборе слов (лексиконе), выговоре (фонетике) и правописании.

Положение болгарской письменности

Хронологическое обозрение болгарской письменности встречает большие затруднения, потому что во многих случаях нет данных для определения времени появления как оригинальных, так и переводных памятников; по большей части неизвестны также и имена трудившихся над ними лиц. При общности основного литературного языка для болгар, сербов и русских иногда не легко определить, где появился тот или другой памятник первоначально. Многие произведения, появившиеся в Болгарии, сохранились только в сербских или русских списках. Возможны и такие случаи, когда дошедший до нас памятник в рукописи болгарской есть позднейшая копия с русского или сербского памятника. Поэтому затруднительным является и точное распределение памятников в их происхождении по народностям. Впрочем, это и не представляет иногда большой важности в виду однородности и даже тождественности культурных начал у всех православных славян.

Вызванная потребностями христианства славянская письменность, естественно вся носит христианско-религиозный характер и в своем содержании не может поэтому представлять оригинальности. Христианство пришло к славянам из Византии, где существовала уже огромнейшая многовековая христианская литература, явившаяся теперь непосредственным источником и образцом литературы славянской. Нужно было для славян уметь выбрать на этом обширном поле, где посреди пшеницы немало было и плевел, наиболее необходимое и наиболее ценное для новообращенного народа. Болгарская письменность в этом смысле представляет замечательное явление: из обзора ее увидим, что среди болгар нашлись люди, которые довольно удачно выбирали материал и предлагали его в хорошо обработанном виде. Конечно, не могло быть выдержанной системы и равномерности, но в общем заметно стремление дать наиболее ценное и необходимое.

Книги религиозного содержания

Прежде всего нужно и важно было иметь на славянском языке Священное Писание. Дело это в значительнейшей мере исполнено было уже при Кирилле и Мефодии, но продолжалось и потом: делались дополнения и исправления перевода библейских книг. Делались переводы не только одного текста книг Священного Писания, но и толкований на них отцов церкви. Продолжали пополняться переводы богослужебных книг, содержащих молитвы, песнопения и чтения. Переводилось очень много житий святых, сказаний о мучениках христианских и духовных легенд как в виде отдельных памятников, так и в составе специальных сборников, напр., миней-четьих, патериков. Эта литература, проникнутая нередко истинной поэзией, доставляла обильный материал не только для церковного, но и для домашнего чтения.

Для церковной проповеди византийская литература представляла неисчерпаемый источник; мы встречаем переводы произведений этого рода в большом изобилии, рано появляются и самостоятельные опыты. Так еп. Климент составляет торжественные и похвальные слова на важнейшие христианские праздники, пресвитер и потом епископ Константин выбирает из сочинений И. Златоуста и других отцов церкви беседы на евангельские чтения в церкви в воскресные дни на целый год, приспособляя этот материал к потребностям новообращенных. При участии царя Симеона составляется замечательный сборник «Златоуструй», содержащий по преимуществу выборку правоучительных отделов из бесед И. Златоуста. Переводится не мало и других слов Златоуста, напр., сборник «Андриатис», содержащий собрание слов знаменитого проповедника к антиохийскому народу по поводу низвержения статуй Феодосия. Дошло немало поучений безыменных, которые несомненно переведены были в Болгарии в очень раннее время.

Иоанн, экзарх болгарский

Одним из замечательнейших литературных деятелей века царя Симеона был пресвитер Иоанн, экзарх болгарский (т. е. уполномоченный от болгарского патриарха—наблюдатель за духовными делами). Он оставил несколько обширных трудов, в предисловиях к которым объясняет их задачи и характер. Зная, что трудами Кирилла и Мефодия переведено на славянский язык Священное Писание, Иоанн экзарх решился заняться переводом «учительских сказаний», поощряемый в этом деле одним знатным черноризцем Дуксом, который указывал на то, что первая обязанность священника есть учительство. «Учительскими сказаниями» экзарх называет руководства по наукам. Он прежде всего и перевел руководство по догматическому богословию, лучшее из существовавших в греческой литературе, именно знаменитую книгу св. Иоанна Дамаскина «О правой вере»—богословскую систему, послужившую образцом для всего позднейшего христианского богословия. Иоанн экзарх вполне сознавал трудность перевода глубокого и отвлеченного по содержанию своего сочинения,—перевода на язык, не имевший еще никакой литературы. Но помимо содержания книги, трудности перевода происходили и от свойств языка. Вот как Иоанн экзарх в предисловии излагает свой взгляд на труд переводчика: «Молю и прошу вас... извинять меня, где, по моему мнению, окажется, что я различно переводил одни и те же слова, ибо не может греческий язык переводиться на другой всегда одинаково; то же бывает при переводе и со всякого другого языка. Слово, красивое в одном языке, в другом не красиво, страшное в одном, в другом не страшно, имеющее в одном языке хороший смысл, в другом имеет дурной. В од-

ном языке слово мужеского рода, в другом—женского, напр., греческия слова «ватрахос» и «потамос» мужеского рода, а славянския слова «жаба» и «река»—женского и т. д. Нельзя везде обращать внимание только на греческое *слово*, но нужно наблюдать *смысл*, если случится иногда по гречески имя муж. рода, а по-славянски женского рода, и при этом перевести словом мужеского же рода, как в греческом, то перевод обратится в великое искажение. Вследствие этого и мы, отказываясь иногда от тожества в словах, наблюдали тожество смысла, ибо ради смысла переводим эти книги, а не ради тожества в словах». Сознательное и разумное отношение Иоанна экзарха к делу перевода сказалось и в том, что он не сполна перевел сочинение Дамаскина (из 100 глав только 48), выпустив те главы, в которых излагаются тонкости разногласий монофизитов и монофелитов.

Кроме «Богословия», в рукописях приписывается Иоанну экзарху перевод «Философских глав» или «Диалектики» Иоанна Дамаскина (составленной по Аристотелю) и книги «Об осмих частех слова», или «Грамматики», приписываемой тому же Иоанну Дамаскину. Таким образом, Иоанн экзарх в этих своих переводах дал руководства по трем важнейшим наукам—богословию, философии и грамматике.

Тому же Иоанну экзарху принадлежит обширное сочинение «Шестоднев», или объяснение библейского рассказа о шести днях творения мира, при чем сообщаются разнообразные сведения и мнения о Божестве, ангелах, мире и человеке. Иоанн экзарх воспользовался однокоронными трудами на греческом языке Василия Великого, Севериана Гевальскаго и других христианских писателей, а также сочинениями Аристотеля, преимущественно по естественной истории, при чем полемизирует с последним по некоторым вопросам. Это сочинение Иоанна экзарха, основанное на авторитетных греческих писателях и содержащее много интересных сведений о Божестве, природе и человеке, проникнуто все одной мыслью—прославления величия Божия, обнаруживающегося в творении.

В рукописях есть указания, что Иоанну экзарху принадлежит перевод обширных и интересных житий св. Антония Великого и св. мученика Панкратия. С именем Иоанна экзарха известно также церковное «Слово на Преображение Господне».

Трудам Иоанна экзарха принадлежит весьма важное значение: по своему содержанию, они доставили обширный образовательный материал, а по изложению много содействовали выработке славянского литературного языка; благодаря хорошему знанию греческого языка и здравым воззрениям на задачи переводчика, многие, употребленные экзархом научные термины и слова для выражения отвлеченных понятий, не только вошли в церковно-славянский литературный язык, но сохранились и до настоящего времени в литературном языке русском.

Подобное же значение в выработке славянского литературного языка имеют и другие переводы глубоких по содержанию сочинений греческих отцов церкви, появившиеся в то время; таковы, напр., переводы огласительных поучений Кирилла Иерусалимского и четырех слов Афанасия Александрийского против ариан, перевод последних принадлежит упомянутому уже Константину Пресвитеру и отличается замечательною ясностью языка, несмотря на отвлеченность содержания, требовавшего составления и применения множества новых слов.

Стихотворные опыты

Тому же Константину Пресвитеру принадлежит опыт сочинения стихов на славянском языке по образцу греческих, именно в стихах написан им «Пролог» к его «Учительному Евангелию». Греки того времени в теории стихотворства держались старой метрической системы, но на деле должны были ее видоизменять и искажать, так как греческий язык к тому времени утратил количество, т. е. долготу или краткость гласных звуков, принимались в расчет не звуки, а буквы; размер стихов сводился к известному числу слогов в стихе, особенно употребителен был шестистопный ямб или двенадцатисложный стих. Таким стихом написан и «Пролог» Константина Пресвитера. Начальные буквы стихов представляют акростих—славянский алфавит; в счет слогов входят буквы ъ, ь и й, впоследствии утратившие значение гласных звуков. Свойства славянского языка в расчет приняты не были, как не были они приняты и в переводе греческой грамматики Иоанна Дамаскина. Этим объясняется, что искусственное стихотворство в славянской литературе не привилось, хотя известны опыты и помимо «Пролога» Константина Пресвитера, напр., похвала болгарскому царю Симеону, принадлежащая неизвестному автору и помещенная в виде послесловия к переводному энциклопедическому сборнику, известному под названием «Святославова сборника 1073 года». Эта русская рукопись XI века представляет, однако, лишь копию с переводного труда, появившагося в Болгарии при царе Симеоне. Сборник этот принадлежит к числу весьма замечательных памятников древнейшего периода болгарской письменности, содержит большое число цельных статей и отрывков догматического, дидактического, философско-схоластического и исторического содержания, принадлежащих разным византийским писателям.

Исторические сочинения

Видное место занимают в болгарской письменности переводные исторические сочинения. Переводились византийские хроники, излагавшие историю человечества от Адама до позднейших времен по четырем великим монархиям. Сюда относятся хроники Иоанна Малалы, Георгия Амартола (переведенная вторично в Сербии) и Симеона Метафраста, а также краткий перечень византийских императоров патриарха Никифора. В период второго болгарского царства в XIV веке была переведена хроника Манассии, снабженная интересными заметками болгарского переводчика. Известен еще перевод «Паралипоменона Зонары», но он был сделан в Сербии. Из этих сочинений славянские читатели могли почерпнуть довольно обильные сведения по всеобщей истории, но в Болгарии историческая литература не развивалась. Переводными трудами по истории обильно воспользовались составители русских летописей и разнообразных компиляций по всеобщей истории, известных под именем «хронографов».

На ряду с сочинениями историческими в собственном смысле переводились и исторические повести. Важнейшая между ними—повесть о Троянской войне и Александрия, или повесть об Александре Македонском. Повесть о Троянской войне основана не на поэмах Гомера, а на позднейших сухих компиляциях, известных с именами Дактиса—грека с острова Крита—и Дарета—троянца. Сказания о Трое входят в состав содержания хроник Малалы и Манассии, но в последней помещается, сверх того, особая, совершенно отличная повесть, в языке которой есть указания на ее западное происхождение. Повесть о Трое при переписке не вызвала значительных переработок.—Древнейшие списки сказания об Алек-

сandre Македонском встречаются в рукописях хроники Малалы. Повесть эта есть перевод с греческого сочинения, ложно приписываемого сподвижнику Александра Каллисфену и поэтому известна под именем Псевдокаллисфена. Первоначальный славянский перевод впоследствии, в России, подвергался не раз переработкам, что свидетельствует о популярности этой повести. Она интересовала читателя не только личностью героя, обрисованной sympathetic чертами в христианском духе, но и рассказами о диковинках и чудесах Востока, встречающихся на пути Александру, который все хочет узнать, все исследовать. У сербов появился впоследствии перевод сказания об Александре Македонском в другой редакции, которая сделалась еще более популярною среди русских читателей и стала вытеснять первую.

Дидактические сочинения

Как в византийской литературе, так и в старо-славянской был чрезвычайно богат отдел дидактических сочинений в самых разнообразных формах. Переводились сочинения, написанные в форме «поучений» и «наставлений» отца к сыну, как безымянные, так и принадлежащие известным лицам, систематические сборники наставлений и разсуждений о добродетелях и пороках (напр., Пандект Антиоха, Лествица Иоанна Синайского), сборники афоризмов и изречений такого же характера (с именами Соломона, Иисуса—сына Сирахова, Исихия, Геннадия), и не только библейских и христианских лиц, но и языческих, напр., Менандра Мудраго.

В большом ходу был сборник (известный в различных редакциях) под названием «Пчела, речи и мудрости от евангелия, апостола, святых мужей и внешних философов». Дидактический характер имели также некоторые повести восточного происхождения; таковы: Стефанит и Ихниллат, Варлаам и Иоасаф, Акир Премудрый. Первая из этих повестей есть сборник восточных басен, восходящий к знаменитому индийскому сборнику Панчатантра или Пятикнижие. Название свое сборник получил от имени двух действующих лиц—Стефанита, т. е. Увенчанного, и Ихнилата, т. е. следящего, являющихся в греческом тексте, с которого был сделан перевод славянский; в арабском оригинале греческого перевода они называются Калила и Димна, т. е. Прямодушный и Лукавый, в Панчатантре играют видную роль два шакала Karataka и Damanaka. Рамку повести составляет рассказ об интригах Ихнилата при дворе царя Льва, который советуется с неким философом по разным вопросам нравственно-практической жизни. Философ отвечает в форме примеров и рассказов, в которые вводятся новые рассказы и басни. Действующими лицами являются различные животные, которые и высказывают разные нравственные правила и мнения, несколько не соответствующие их естественным качествам.

Духовный роман о Варлааме и Иоасафе по сюжету также восточного происхождения: он признается христианскою переработкою одного эпизода из жизни Будды. В нем рассказывается об обращении индийского царевича Иоасафа пустынноиком Варлаамом в истинную веру. В форме апологов Варлаам излагает христианское учение, заимствуя материал для них как из евангельских притч, так особенно из восточных рассказов, сопровождая их правоучительными иносказательными толкованиями. Это одно из самых поэтических произведений, развивающих аскетический идеал. На славянский язык оно переведено с греческого.

Повесть об Акире Премудром также переведена с греческого оригинала, который, однако, не отыскан; по происхождению же своему она принадлежит Востоку и находится в ближайшем родстве с арабской сказкой (в сборник «Тысяча и одна ночь») о Санхерибе и его мудром советнике Гейкаре. В славянской редакции повесть носит христианско-поучительный характер. Наставления Акира (Гейкара) племяннику его Анадану (Надану) напоминают многочисленные христианские поучения в форме нравственно-практических поучений отца к сыну.

Апокрифы

Особенное богатство в старо-славянской письменности представляет апокрифическая литература. Сюда относятся не только апокрифические сказания о ветхозаветных и новозаветных лицах и событиях, но также статьи и книга суеверного характера, напр., книги астрологические и гадательные. Некоторые из апокрифических сочинений возникли среди еретиков и преследовались церковью, другие же, притом огромное большинство, ничего еретического не представляют и свободно распространялись как в Византии, так и у славян. К числу апокрифов такие сочинения относятся лишь потому, что сообщают о библейских лицах такие подробности, которых нет в канонических книгах, но предлагают их иногда в художественной, поэтической обработке, что и делало их особенно популярными. Апокрифы давали поэтому нередко материал для церковной проповеди, поэзии (песнопений) и живописи. Славянская апокрифическая литература почти исключительно переводная. Но значение ее состоит не только в том, что она была любимым чтением и влияла на образование народных воззрений на различные предметы природы и жизни человеческой, а также на содержание народной устной словесности, но и в том, что в славянских текстах нередко сохранились древние и важные памятники, оригиналы которых утрачены или известны в других редакциях. Из ветхозаветных апокрифов особенно замечательны сказания об Адаме, Енохе, Мелхиседеке, Аврааме, Моисее, Давиде и Соломоне. Так славянская «Книга святых тайн Еноховых» представляет собою особую редакцию древней (до-христианской) книги Еноха, от которой дошли на греческом языке лишь отрывки, а более полный текст сохранился на эфиопском языке. В славянской редакции рассказывается о путешествии Еноха по семи сферам небесным, при чем сообщается своеобразная космография, учение об ангелах стихий, о падении ангелов; на седьмом небе Еноху сам Бог рассказывает о творении мира, и этот рассказ сильно отличается от библейского. Находясь на седьмом небе, Енох под диктовку ангела, в 366 книгах описал все, что было, есть и будет как относительно природы, так и каждого человека, и во всем нашел строго предустановленный порядок. Сошедши на землю, Енох поучает своих детей строгой нравственной жизни. Возвышенное нравственное учение книги Еноха очень близко к учению евангельскому. Продолжение книги Еноха составляет замечательный рассказ о рождении Мелхиседека от мертвой жены Нира Софонимы, неизвестный из других источников. Равным образом неизвестны греческие оригиналы для таких апокрифов, как «Откровение Авраама», «Исход Моисеев», «О Соломоне и Китоврасе» и мн. др. Из новозаветных апокрифов известно несколько апокрифических евангелий: очень популярное протоевангелие Иакова, Никодимово Евангелие, Евангелие Фомы (еретического происхождения и потому довольно редко попадающее в рукописях), апокрифические сказания о хождениях апостолов на проповедь. Особенно много известно апокрифических сочинений, трактующих о кончине мира, страшном суде и

загробной участи праведных и грешных; таковы: апокрифический апокалипсис Иоанна Богослова, Видение апостола Павла, Хождение Богородицы по мукам и др. Разного рода бедствия, особенно опустошения христианских земель мусульманами, внутренние смуты и физические бедствия как в Византии, так и у славян внушали мысль о наступлении последних времен и давали повод в современных событиях видеть те бедствия, которые предсказывались в сочинениях эсхатологического характера. Это вызвало переработку старых сочинений и составление новых в форме исторических пророчеств *post factum* с именами пророков, напр., Исаяи, Даниила; особенно популярностью пользовались «Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен», а также хризмы или проречения с именем Льва Мудрого. Такие сочинения, изображавшие преимущественно борьбу Византии с восточным мусульманским миром и западным—латинским, охотно переводились болгарами, у которых историческая литература в собственном смысле почти совсем не привилась, равно как и сербами, и подвергались вставкам и переработкам применительно к событиям своей истории. В одном из такого рода сочинений, в «Пандеховом пророческом сказании», между прочим, находится такая характеристика положения Византии и соседних народов и государств: «Византия град есть; приде Костадин из Рима и развали и созда град и нарече имя ему по своему созданию Константин град; и царствоваша в нем Ромен (т. е. греки) до кир Мануила царя, и потом не царствуют, дондеже придет число гнева летом». «Тарта река есть велия..., тем же халдеисци языци наричются Тартарие, два меча...; дважды бо им изыти на землю гневом». «Кумани (т. е. половцы) нигде же речени будут и погибнут». «Руси волчки (т. е. по-волчьи) повыют и розыдутся, люту казнь примут, истают аки воск от лица огна». «Угры маловременны будут». «Сербин маломерен и паки воззвенит; перво смирится с великим царем (т. е. византийским) и потом воздвигнет оружие на него и победит его, яко Иисус Амалика и Гаваониты, и вознесется имя его в живущих окрест его». «Болгарин млад; и двум виющимся третий будет первый; младость же есть пременение царства». Очевидно, что эта характеристика составлена около половины XIII века, и довольно верно рисует положение юго-востока Европы вскоре после нашествия татар, но еще во время занятия Константинополя латинянами. Подобного рода памятники, вращавшиеся в народной среде, представляют интерес, главным образом, в том отношении, что в них выражается настроение народных масс под гнетом тяжелых событий. Такое же значение имеют и другие сочинения апокрифического характера, особенно разного рода гадательные и астрологические книги, напр., громники, в которых появлению грома в том или другом месяце и числе предсказываются разные события и, главным образом—бедствия от врагов христианства—измаилитян, а также внутренние смуты, насилия вельмож, разбои на море и суше, землетрясения, голод, моровое поветрие и т. д.; очень редко предсказываются явления благоприятные; это показывает, что тяжелое настоящее мало сулило утешения и в будущем.

Богомильския книги

Распространению апокрифических сочинений между болгарами и сербами содействовало весьма раннее (около половины X в.) появление и продолжительное существование ереси богомильской, получившей свое название от имени ее основателя, болгарского попа Богумила. Учение богомилов признавало себя христианским, но в своем основании имело принцип дуализма, или признание двух начал, доброго (Бога) и злого (диавола), из которых злему началу приписывалось творение видимого мира и безраздельное господство над

людьми до пришествия Христа; богомилы однако, и воплощение Христа признавали не действительным, а призрачным, отрицательно относясь ко всему материальному миру, как произведению диавола, отвергали учреждения христианской церкви: таинства, обряды, иерархию, и проповедывали крайний аскетизм. Среди богомилов пользовались поэтому известностью такие сочинения древних еретиков, в которых развивалась та или другая черта их учения. Так очень популярно было апокрифическое «Видение Исайи», в котором рассказывается о сошествии Христа на землю с плотию, не действительною, а призрачною, и «Прение диавола с Господом», развивающее учение о силе и власти диавола. Собственно богомильских сочинений на славянском языке в подлинном виде до нас не дошло, но сохранились апокрифические памятники с богомильскими вставками, или же богомильские сочинения, переделанные православными, но удержавшие некоторые черты богомильских представлений. Таковы «Сказание о создании твари Божией на море Тивериадском», известное во многих вариантах, «Видение Варуха», некоторые редакции апокрифической «Беседы трех святителей». Во всех этих произведениях отразились преимущественно космогонические богомильские воззрения, приписывающая творение материального мира диаволу. В латинском переводе, сделанном со славянского, вероятно, болгарского оригинала для западных еретиков дуалистического толка—катаров или патарен, дошла «Книга св. Иоанна» (*Liber sancti Iohannis*), по своему содержанию оказывающаяся, несомненно, богомильским сочинением. В форме беседы Иоанна Богослова с И. Христом на Тайной вечери рассказывается в этой книге история творения мира и человека, явления Христа для избавления рода человеческого от власти диавола, и дается откровение о кончине мира. Богомильский автор воспользовался апокрифическим откровением Иоанна Богослова, известным в греческих и славянских текстах, книгой Еноха в славянской ее редакции, крестными легендами, «Видением Исайи», и при помощи этого материала изложил основные пункты богомильского учения.

Поп Иеремия

Апокрифы распространялись в Болгарии и не только проповедниками богомильского учения. Так, известен болгарский поп Иеремия, как усердный распространитель апокрифических сочинений, но нет прямых указаний на то, чтобы он принадлежал к богомильской секте; содержание распространявшихся им апокрифов не развивает богомильского учения и даже прямо противоречит ему. Индексом апокрифических книг, или «статьей о книгах истинных и ложных», Иеремия, болгарский поп, выделяется специально, как распространитель ложных книг. Так, ему приписывается распространение лживых молитв против болезней—трясавиц и нежита, олицетворенных в образе демонических существ, причиняющих разнородные болезни; такого рода молитвы до сих пор находятся в употреблении среди болгар, сербов и русских; подобные же молитвы-заговоры известны на Западе, да и приписываемая Иеремии не представляет ничего оригинального: это простые переводы с греческого. Гораздо важнее приписываемое индексом болгарскому попу Иеремии «Слово о древе крестном—извещение св. Троицы». Это довольно обширное сочинение, в котором по канве крестной легенды, т. е. истории происхождения и сохранения древа, из которого сделан был крест для распятия Спасителя и двух разбойников, пересказано несколько интересных легенд, отчасти известных по другим памятникам, а отчасти встречаемых только здесь. Большая часть этих легенд известны на греческом языке, но для некоторых

греческих оригиналов не отыскано. История крестного дерева в этом сочинении начинается от того дерева, которое выросло из посаженных Моисеем для услаждения горькой воды в Мерре крестообразно сплетенных трех ветвей (обозначавших Св. Троицу): кедра, певги и кипариса. Моисей пророчески предсказал назначение этого дерева, как дерева спасения, и оно с тех пор охранялось разбойниками, искавшими покаяния в своих грехах и проповедывавшими друг другу о назначении дерева; из этих разбойников один, Амвросий, был при Моисее, другой, Есром, при Давиде. В «Слове» Иеремии рассказаны интересные легенды о сообщении Давидовом Соломону модели иерусалимского храма, сделанной из восковых свечей, и о построении храма Соломоном, получившим через ангела перстень с таинственной надписью (для покорения демонов и привлечения их к работе по постройке храма, — как рассказывается в других крестных и иных легендах). Собирая редкие и дорогие материалы для построения храма, Соломон узнал о древе при Мерре, осмотрел его, удивился как его красоте, так еще более тому назначению, о котором пророчески предупреждал его разбойник Есром; с величайшими трудностями доставлено было дерево в Иерусалим, где возбуждало всеобщее удивление своею красотой и «извитием»; все попытки употребить его для постройки храма были напрасны, так как, несмотря на тщательные измерения, оно оказывалось то длинно, то коротко; дерево было положено подле храма для отдохновения проходящих; разбойник Есром пришел вслед за деревом и остался при нем до смерти; после него жили при древе другие разбойники и продолжали проповедывать о назначении дерева; самое место, где находилось дерево, стало называться «разбойщем», и всякий, оставшийся служить при древе, получал имя разбойника, хотя таковым и не был. Упомянув кратко о преемниках Соломона до Ирода, автор снова сообщает некоторые легенды, относящиеся к жизни Христа. Так, он рассказывает о нахождении Христом главы Адамовой на берегу Иордана, о споре двух царей из-за этой главы, отличавшейся огромными размерами, так что один из царей положил ее у ворот своего дома, входил в нее для отдыха и хотел сделать в ней себе усыпальницу, но Христос приказал похоронить ее за городом на месте, прозванном с тех пор Краниевым. Здесь же рассказывается особо отмечаемая в индексе легенда о том, «как Христос плугом орал»: при Августе шли обширные работы по постройке городов и дорог, никто не был без дела; тогда и Христос, встретив человека, орущего волами, взял плуг и провел три борозды и тем освятил ручной труд. Далее следует очень интересная легенда, как Пров, сын царя Селевка, назвал Христа братом во время купанья, как Пров желчью и утробой пойманной Христом рыбы исцелил слепого отца и бесноватую жену свою (рассказ близко напоминает библейскую историю Товита и Товии), как Христос помогал Прову в сборе дани. Далее в «Слове» излагаются известные легенды о сношениях со Христом Авгаря и о поставлении Иисуса в иерейство при иерусалимском храме. В конце «Слова» перед кратким рассказом о распятии передается история последнего разбойника, стерегшего крестное дерево, по имени Спутника, который, по завещанию отца, и был распят со Христом, как разбойник благоразумный. Все эти легенды, ничего не имеющие общего с библейскими и евангельскими повествованиями и потому отвергавшиеся церковью, как видно из индекса, однако не проводят никаких еретических мыслей и ничего не содержат такого, что свидетельствовало бы об их богомильском происхождении. Известны другие крестные легенды с именами свв. Севериана и Григория; в них встречаются отчасти те же мотивы, но история древа ведется не от древа при Мерре, а от райских древ, в насаждении которых участвовал Сатанаил.

Крестные легенды были известны богомилам, но они переделывали их по-своему: так, в «Книге св. Иоанна» (латинской) вручает Моисею три ветви для насаждения дерева креста диавол; он сам изобрел крест, как орудие своей мести.

Полемика против ересей

Распространение ложных сочинений и мнений не оставалось без протеста, который выражался не только в форме запрета, издания официального индекса, но и в форме полемических сочинений. Из этих последних особенно замечательны: одно—послание иерусалимского монаха Афанасия к некоему Панку, начитавшемуся басен попа Иеремии и распространявшему их; другое, более древнее и важное, именно «Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилю». Козьма пресвитер жил во 2-й половине X века, как видно из его увещания к духовенству, из которого многие знали знаменитого Иоанна экзарха, современника Симеона. Слово Козьмы пресвитера принадлежит к числу замечательнейших самостоятельных сочинений во всей старо-славянской литературе. Оно свидетельствует не только о хорошем знакомстве с богомильским учением и православной догматикой, но и с лучшими приемами полемики: опровергая учение еретиков, автор, обладая несомненной начитанностью, ссылается только на те книги, авторитет которых признавался и противниками. Вторая часть слова посвящена горячему обличению пороков среди православных, преимущественно духовенства и монашества, что особенно было важно в виду строгой жизни еретиков. Сочинение Козьмы пресвитера приобрело большое значение: из него делались выписки «отдельных мест в сборниках и заимствования как в полемических, так и обличительных сочинениях; особое внимание обращали на него у нас на Руси в XV веке, когда приходилось полемизировать с такими положениями учения жидовствующих, которые совпадали с богомильскими, хотя выходили из других начал. например, о церковной иерархии, иконопочитании, почитании святых, обрядах и пр. Вообще, на Руси обильно пользовались юго-славянскою письменностью, которая здесь принесла не меньшую, если не большую пользу, чем на своей родине.

М. Соколов.

XLIX. Болонский университет и римское право в средние века

Римское право от V по XI в.

Ко времени падения Западной Римской империи население ее провинций было вполне романизовано. Туземцы Африки, Испании, Галлии, частью Британии, все равно усвоили торгово-промышленную и земледельческую технику римлян, переняли говор Италии — народную, вульгарную латынь, и воспринимали римские юридические воззрения, в частности — римские понятия о гражданских сделках, порядке их совершения и об отношениях, из них вытекающих. Таково отпаивное положение средневековой истории Запаца.

Римская речь и римское право не вымерли и после вторжения варваров. Германцы-победители настолько отличались своим культурным развитием от населения, среди которого они осели, так ясно сознавали это отличие, что не попытались навязать даже покоренным «романам» своих воззрений, своего права. Само собою¹, как естественный исход из конфликта двух цивилизаций, в основанных варварами на римской почве государствах, установилось так называемое «личное начало»: несмотря на объединение населения одной государственной властью, общими для всех административными и судебными учреждениями, в области гражданских отношений каждая национальность продолжала жить и судиться согласно своему природному праву. Таким образом, знание римского права или его обломков, уцелевших при общем понижении культуры, сохранялось среди провинциального

Пособия: *Н. Сперанский*, Очерки по истории народной школы в Западной Европе. Москва 1896 (Роль школы, бытовые условия, положение учащихся и учеников). *P. Denifle*, Die Geschichte der Universitäten. I. Berlin 1885 (Обстоятельная история университетов всех стран до 1400 г.). *A. Esmein*, Cours elementaire d'histoire du droit francais. 2 ed. Paris 1895 (Значение римского права для Франции, роль легистов). *R. Schroder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2 Auf. Leipzig 1894 (Репция в Германии). *F. Pollock and Maitland*, The History of English law before the time of Edward I. T. I. Oxford 1895 (Есть превосходная глава о положении римского права в средние века вообще и в частности о его значении для Англии).

1 Была сделана только одна попытка — в обратном направлении: Теодорих подчинил готов римскому праву.

населения. Оно, правда, слабо, поддерживалось также народной школой, которая, будучи преемницей древне-римской школы, включала в свою программу, как часть риторики, *ars dictaminis*, искусство составлять деловые бумаги, в особенности применять юридические формулы. Местами, в Риме, например, сохранились специальные, как бы высшие, юридические школы.

Со временем, однако, применять «личное начало» становилось все труднее. Разноплеменные подданные одного государства жили в перемежку, в невольном экономическом общении, сближались, смешивались. Многие перенимали у варваров римляне (например, институт соприсяжников, *conjuratores*), но гораздо значительнее было влияние на германцев все еще более культурных римлян. Когда у германцев назрела потребность записать положения их обычного права и придать ему новую санкцию со стороны организованной государственной власти, они прибегли к готовым формулам, какими мог снабдить их соседний римский нотариус: ряд варварских Правд был отредактирован на латинском языке. Такой кодификаторский прием придавал зачаточным, неуклюжим еще юридическим представлениям германцев, которые были приравнены к отчетливым римским понятиям, более устойчивое, но видоизмененное значение. Не довольствуясь этим, варвары заимствовали ряд отдельных институтов, искажая, правда, и приноравливая их к своим потребностям. Первенствующее, громадное значение имело, например, заимствование письменной формы для сделок между живыми (договоров, дарений, передачи имущества) и распоряжений на случай смерти (завещаний). Последние раньше были совершенно чужды германскому праву и введены уже под влиянием церкви.

Первые века после вторжения варваров были эпохой разложения тех культурных центров, которые римская цивилизация создала в провинции: городов—муниципий—и поместий—вилл. Когда в X и XI веках, благодаря ряду внешних толчков (походы норманнов), этот процесс быстро завершился, когда старый, римский в своей основе, строй окончательно рушился, пали уцелевшие еще перегородки между различными группами населения. Они слились и выработали для каждой отдельной местности общий говор и ряд общих, несложных обычаев. Образовалось новое, территориальное, обычное право, особенности которого, как и местного говора, обуславливались привычками численно преобладавшей в округе национальности. Во Франции, например, преобладание германских начал на севере и римских на юге почти совпадает с распространением наречий *langue d'oïl* и *langue d'oc*—в зависимости от племенного состава населения по обе стороны пограничной линии этих областей.

Роль церкви

Римское право, тем не менее, сохранило практическое значение. При наступившем смятении, пока еще только нарождавшийся феодальный строй медленно стягивал новые узлы культурной жизни, пока вырабатывался новый уклад народной жизни и хозяйственного быта, среди общего хаоса окончательно сложилась могущественная и стройная общественная организация—католическая церковь. По ее учению, церковь есть *societas perfecta*, т. е., по современной терминологии, суверенное государство. Как таковое, она имеет свое особое право и только римским и весьма близким к нему каноническим могло быть право этого римского по происхождению, строю и духу учреждения. «*Secundum legem Romanam quam ecclesia vivit*», говорит уже Рипуарская Правда. При господстве так называемого «личного

начала» римское право стало как бы национальным правом церкви и ее служителей. Оно применялось притом не только по отношению к этим последним, но всегда, когда в деле затрагивались их интересы. Церковь даже расширила применение римского права, постепенно увеличивая, особенно в XII в., круг ведомства своих судов и подчиняя им ряд светских отношений.

Юридические познания духовенства были, однако, ничтожны. Уровень образования его глубоко пал, и научное возрождение и восстановление авторитета римского права в светских судах не было вызвано им.

Возрождение римского права

Первые следы изучения римского права мы можем проследить в Италии, в XI столетии. К тому времени города северной Италии, ближайшие преемники античной культуры, первые на Западе, достигли более высокой степени общественного развития. Политический строй их приобрел некоторую устойчивость и, вместе с тем, стало изумительно быстро увеличиваться народное благосостояние. Отдельные отрасли торговли и промышленности, получая самостоятельное значение, обособлялись и распределялись между различными хозяйствами, последние, чаще чем прежде, обменивались своими произведениями, и торговые сношения между ними росли и усложнялись. Возобновились также сношения с высококультурной еще Византией и с Востоком. Благодаря всему этому поднялся общий уровень образования, и сказалась потребность в более совершенном и развитом праве. В многочисленных вновь возникавших городских школах преподавание его оживилось. В Павии, например, в X столетии ряд юристов занялся истолкованием местных лангобардских обычаев и законов.

В северо-восточной Италии, в Равенской области, где население, во время продолжительного господства Византии, успело несколько освоиться с сборниками Юстиниана, введенными им в 554 году,—вновь обратились к изучению уцелевших частей этих сборников. Работы равенских юристов возбудили, однако, и за пределами Равенны общий интерес к заброшенным памятникам римского права, о высоких достоинствах которого в обществе сохранилось смутное предание, среди образованного духовенства, быть может, даже ясное представление. Этого было достаточно. Среда была подготовлена хозяйственным строем и общим умственным развитием, и ознакомление с древней юридической мыслью быстро вызвало широкое научное движение.

Глоссаторы

Уже в конце XI века в соседней с Равенной Болонье возникла школа «глоссаторов», которая произвела решительный переворот в приемах изучения права. Основатель этой школы Ирнерий был сначала преподавателем риторики; но по почину маркграфини Матильды Тосканской, союзницы папы Григория VII, он около 1088 года стал читать в Болонье римское право, как самостоятельный предмет, отдельно от риторики, в связи с которой оно преподавалось раньше. Сохранилось предание, что Ирнерию первому удалось по частям вновь собрать полный текст Юстиниановых сборников. Но допуская даже, что это предание неверно, что у него были неизвестные нам предшественники, все же за Ирнерием и его учениками мы должны признать великую заслугу возрождения после векового перерыва об-

ширной и плодотворной отрасли знания¹.

По словам одного из преемников его, Ирнерий был знаток логики (*logicus fuit*) и человек тонкого ума (*vir subtilis*). Он быстро занял влиятельное положение, как судья и как преподаватель. Число его слушателей было, вероятно, весьма значительно: уже в 1159 году папа Александр III, преподававший в молодости римское право в Болонье, шлет извещение о своем избрании целому ряду болонских ученых. Не зная, однако, как долго преподавал Ирнерий,—повидимому до 1125 года,—мы не можем решить, его ли учениками были те четыре глоссатора, которые, опираясь на римское учение о неограниченности государственной власти, отстаивали в 1158 году на Ронкальском сейме права императора Фридриха I, как законного преемника римских кесарей. Цена поддержке со стороны преподавателей римского права, императоры оказывали школе особое покровительство, которое много содействовало быстрому ее росту. С этого времени известные исследователи и преподаватели непрерывно сменяли друг друга в течение полутора столетий. Из них наиболее прославился Ацо, юрист начала XIII века. При нем в течение нескольких лет в Болонью со всех концов Европы собиралось до 10,000 слушателей ежегодно. Толкования Ацо пользовались общепризнанным, решающим значением в судах, применявших римское право. Учеником его Аккурсием (ум. 1260 году) заканчивается ряд глоссаторов. Как бы подводя итог деятельности своих предшественников, Аккурсий составил полный свод их толкований, и этим сводом, «*glossa ordinaria*», почти исключительно пользовались все позднейшие юристы.

Своим названием глоссаторы обязаны внешнему приему работы, привычке заносить свои объяснения между строк или на полях рукописи памятника в форме «глосс»². Но быстрый и прочный успех их объясняется новыми, для той эпохи, приемами исследования права. В отличие от своих предшественников, они стали изучать римское право во всем его объеме, как одно целое. Они подыскивали с изумительной и поныне едва ли превзойденной тщательностью сродные по содержанию отрывки и обнаружили, при истолковании их, много находчивости и остроумия. Значение их работ умаляется, правда, тем, что они, подобно всем средневековым ученым, как и художникам³, были лишены всякого представления об историческом развитии, ничем не смущаясь, отыскивали в законах римских императоров постановления о ленном владении или находили в них оправдание родовой мести. Но сознательно они не решались отступать от положений римского права. Они с набожною почтительностью усваивали его, как воплощенный разум, как *ratio scripta*. Уверенные в предстоящем возрождении Римской империи, глоссаторы думали и учили, что все христианские народы обязаны вновь подчиниться римскому праву. Поэтому они не ограничивались попытками найти в нем ответ на запросы местной жизни, разрешение отдельных, случайно возникавших юридических задач; с самого же начала они излагали римское пра-

1 В 1894 году немецкий ученый Фиттинг издал несколько юридических сборников, составленных около XI века, замечательных по своему высокому совершенству, которые он приписывает Ирнерию. Вопрос этот спорен, но сборники, во всяком случае, доказывают, что изучение римского права стало сразу на значительную высоту.

2 Glossa—на средневековой латыни—иностранный, непонятный слово, а также его истолкование.

3 Один итальянский художник, современник пост-глоссаторов, о которых будет речь ниже, изобразил Сципиона Младшего, в доспехах, рядом с пушкой, направленной против готических башен Карфагена,—не смотря на то, что, как не мог не знать и художник, пушки вошли в употребление за несколько десятков лет всего. Подобно этой картине разсуждения глоссаторов рисуют нам иногда быт средневековой Италии, а не древняго Рима.

во, как право единое и общее для всего латинского Запада. И в их аудиториях стали собираться ученики со всего Запада.

Первое увлечение римским правом

Не связанное более узкими рамками местных интересов, тщательное изучение римской юридической литературы, которая, к тому же, сохранилась почти полностью в отличие от литературы других наук¹, — изумительно быстро подняло уровень юридического мышления. В короткое время юристы перешли от применения отрывочных, скудных положений средневекового права к последовательному, подчас тонкому, разбору сложных (юридических) понятий. Глоссаторы, наряду с парижскими схоластиками, ознаменовали возрождение научного мышления, переход от механического усвоения безсвязных отрывков к сознательному, систематическому сопоставлению и согласованию унаследованных учений². То была первая, еще непосильная их уму, но смелая попытка варваров самостоятельно разобраться в богатом наследии древнего мира.

Подобную задачу первыми поставили себе юристы-глоссаторы. Благодаря их трудам, изучение права получило характер научной работы раньше, чем изучение других отраслей знания. В средние века, пока философия считалась как бы введением к богословию и изучалась только богословами, а естествознания, как науки, не существовало, право было единственной светской наукой, способной сообщить уму исследователя научную выправку и широкое развитие. Поразительные успехи юристов, столь же блестящие и более прочные, чем успехи парижских схоластиков, не могли не придать особаго обаяния римскому праву и не вызвать увлечения им в обществе, среди которого с необычайной силой пробудилась жажда научного знания³.

Движение, возникшее в Болонье, быстро охватило всю Западную Европу потому, конечно, что воззрения глоссаторов были последовательным выражением настроения средневекового общества, которое смотрело на свой мир, как на непосредственное продолжение мира римского. Обязанные Риму почти всем своим культурным багажом, своей литературной речью, письменностью, естествознанием и техникой, своими нравственными и религиозными идеалами, средние века, подчиняясь во всем влиянию Рима, не могли, очевидно, не подчиниться и его праву. Для них римское право имело значение не одной из юридических систем, между которыми возможен выбор; то было высшее, даже единственное культурное

1 Чтобы оценить значение этого обстоятельства, стоит вспомнить о влиянии, которое оказало на развитие (схоластической) философии, появление на Западе, хотя плохого, но полного перевода Аристотеля.

2 Мы привыкли обвинять глоссаторов и их учеников в слепом подчинении авторитетам. Этот упрек делали им уже в эпоху Возрождения (Рабле жестоко потешался над ними за это). Не то думали в XII столетии. Стефан, епископ Турнейский, в письме к папе, как водится, обличает новое направление в науке и жалуется, что-де «ныне в церковных судах простые, установленные издревле правила презираются новыми учеными; стали они противопоставлять им, к немалому смущению верующих, непроходимый лес декретов, папских посланий и тому подобных документов, выбирая из них, по своему усмотрению, то, что им кажется более подходящим».

3 Пусть читатель вспомнит тут значение и роль отвлеченных богословских споров в ту эпоху, готовность многотысячной толпы, например, учеников Абеяра, с напряженным вниманием, при самых неудобных внешних условиях, следить за сложными схоластическими разсуждениями. Ничего подобного никогда больше не наблюдалось. В 1228 г. доминиканцы включили в свои орденские правила обет воздержания от изучения права.

право, им доступное. Можно ли еще спрашивать, почему оно было реципировано?

Уже при первом ознакомлении с правом, изложенным в сборниках Юстиниана, глоссатора поражало превосходство его над средневековыми обычаями; он угадывал те высокие достоинства его, которые поныне заставляют юристов обращаться к этим сборникам, чтобы овладеть мастерством римлян в разработке юридических задач. На ряд вопросов и правовых задач, которые ставил впервые общественный или частный быт в своем поступательном развитии, средневековый юрист находил тут готовые ответы, находил их по двум причинам. В основу средневековой культуры легла та античная культура, которую некогда регулировало римское право, и привитая варварам античная гражданственность не могла не приводить к аналогичным отчасти результатам. Вторую причину был *универсальный* характер римского права. В эпоху Империи оно лишилось своих узко-национальных особенностей: развиваясь на почве тесного общения ряда высоко-культурных народностей, связанных господством Рима, воспринимая лучшие черты их права, оно, по мере разработки сменявшимися поколениями юристов-философов, выросло в право «общенародное», т. е. в право, общее для всех народов римской империи и тем самым для всего цивилизованного мира. В лучшую его эпоху оно регулировало отношения, основанные на товарном производстве и денежном хозяйстве, сложности и многообразия которых средние века стали достигать лишь весьма медленно и неравномерно в разных странах Европы.

По сборникам Юстиниана средневековые юристы знакомились и с основами римского государственного строя времен Империи, так успешно обеспечившего ей мирное развитие, ту *Рах Романа*, символ империи, которой многочисленные области ее были обязаны цветущим состоянием в течение первых веков нашей эры. Предание об этом сохранилось среди варваров, и долго государственные деятели их мечтали о возрождении искусно и крепко сложенного правительственного механизма Рима. Германский император, французский король, сотрудники их по осуществлению нелегкой для того времени задачи—усиления государственной власти и обеспечения политического и нравственного объединения народа,—все они поэтому неуклонно стремились поднять значение римского права.

Итак, научный интерес к римскому праву, нравственное обаяние его, практическая польза, поддержка свыше,—все это, действуя одновременно, побуждало лучшие силы того времени, как некогда в Риме, посвящать себя изучению права. XII век, в особенности, когда интересы общества еще не сосредоточились на богословских спорах, как в XIII и следующих столетиях, стал *веком юриспруденции*; на нем отозвалось первое, страстное увлечение римским правом. Большинство пап—наиболее даровитых личностей своей эпохи—вышло тогда из рядов юристов¹.

Болонская школа

В эту именно эпоху увлечения римским правом одни только болонские глоссаторы преподавали его как самостоятельную отрасль знания, как *науку*, систематически и в полном объеме; только болонская юридическая школа могла получить обще-европейское значение —и получила его. С самого же основания школы, в Болонью стали стекаться ученики не только из Италии, но также из-за Альп, из романских и славянских земель,—всех тех стран, умственная жизнь которых находилась под влиянием римской культуры. Число ино-

1 Например: Александр III, Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV.

странцев быстро превысило во много раз число местных учеников. Иностранцы получили решительное преобладание. Под их влиянием болонская школа из *городской*, какой она была первоначально, превратилась в школу *общую* для всех народов, в «*Studium generale*». Эта первая перемена в характере и значении школы повлекла за собою ряд других. Постараемся проследить теперь важнейшие из них, те, которые оказали заметное влияние на развитие школы и, вместе с тем, на судьбы римского права.

Ея покровители

Значение новой, высшей школы скоро было сознано светской и духовной властью. Нуждаясь в поддержке людей с научным образованием, император и папа даровали школе ряд «привилегий», т. е. преимуществ в правовом ее положении.

Чтобы обезопасить, по возможности, безопасность учеников-иностранцев, почти безправных, император Фридрих I издал в 1158 году закон, известный под названием «*Authenticia Habita*», в силу которого ученики и преподаватели школы ставились под особое покровительство императора на пути в школу и обратно и за все время учения. Слушатели получили также право требовать, чтобы возбуждавшиеся против них иски и обвинения разбирались перед местным епископом или тем преподавателем, у которого каждый из них занимался.

Еще серьезнее было значение поддержки, оказанной высшей школе папскою властью. У папы, могущественного покровителя научных занятий, университет искал защиты от притеснений со стороны города. Не раз папы прибегали к суровым (духовным) карам, чтобы заставить городскую общину отказаться от враждебных университету мер, и спасали его от грозившей ему гибели. К папе обращались за решением споров, возникавших между преподавателями и слушателями, среди которых долго преобладали клирики. Рядом мер папы облегчали последний доступ в высшую школу¹. Университету оказывалась, наконец, широкая помощь из церковных средств. Для бедных студентов был основан ряд общежитий (*collegia* или *bursae*), а преподавателям, плохо обеспеченным взносами слушателей, часто предоставлялись бенефиции, т. е. известные доходы с церковного имущества.

Происхождение ученых степеней

Заботливое попечение о высшей школе дало возможность папам упорядочить многое в ее быту—в особенности же значение так называемых «ученых степеней».

Болонский университет развился на почве городской, светской школы, и во главе его не стоял особый духовный сановник, каким был, например, в Париже канцлер университета. Но с 1215 года аналогичное положение занял архидиакон (затем епископ) болонский. Папа предоставил ему исключительное право сообщать «*licentiam docenti*», т. е. разрешал чтение лекций лицу, признанному преподавателями достойным соответствующего ученого звания. Мера эта не вызвала возражений, и подобные полномочия стали передаваться затем местному епископу всюду, где возникали высшие школы по образцу болонской,—в Падуе по просьбе самих слушателей. Тем самым представители духовной власти получили во всех

1 Папы делали исключение в пользу Болоньи. Вообще же они предупреждали богословов не увлекаться римским правом, иногда воспрещали слушать его. В булле *Dolentus* (1254 г.) папа с укоризною говорит: *tota clericorum multitudo ad audiendas seculares leges concurrat*, но признает, что—*nunc in plerisque mundi climatibus ad ecclesiasticas dignitates nullus assumitur, nisi qui secularis professor vel advocatus existat*.

университетах известное влияние на присуждение ученых степеней. Обычай этот установился рано. По примеру цеховых мастеров—ремесленников, преподаватели отдельных наук стали принимать в свою среду новых лиц только после предварительного испытания их по знаниям. Ученикам, успешно выдержавшим иску́с, они торжественно присуждали затем «ученое звание». Их было несколько и оне приобретались в известной последовательности, по степеням. Высшей степенью было звание «доктора» т. е. «ученаго». Оно соответствовало званию «мастера» и сообщало право преподавать вполне самостоятельно, в свою очередь брать в учение других.

Необходимость, сверх одобрения товарищей, получить особое разрешение от духовенства ограничивала права преподавателей, но это стеснение окупалось тем, что, благодаря участию в их присуждении духовной власти, ученые степени получили обще-европейское значение.

Прежде всего было признано право преподавать всюду за богословом, получившим разрешение от канцлера в Париже: доктор парижского университета был *doctor universalis ecclesiae*, доктором всей церкви. С начала XIII столетия, папы¹, подтвердив аналогичный обычай, установившийся в пользу болонских юристов, даровали всем вновь возникавшим университетам привилегии, в силу которых присужденная ими степень сообщала право преподавать и в других высших школах (*jus ubique docenti*).

Впоследствии, когда возник ряд новых университетов, указанное право очень много содействовало установлению тесной связи между ними. Лучшие университеты Запада стали привлекать еще большее число слушателей—без различия подданства. Установился даже обычай посещать, в течение многолетних иногда занятий, по несколько университетов, в разных странах. Часто, впрочем, беспечная и разгульная молодежь средних веков увлекалась не учением, а веселой бродячей жизнью во время этих кочевков. Сохранились сведения о «странствующих студентах», перебивавших в 15 и более университетах.

Одновременно и преподаватели, по особому приглашению или по своему почину, стали нередко переходить из университета в университет. Как и слушатели, они понимали, что работа кабинетная, над рукописью, не могла тогда дать уединенному исследователю того богатства познаний, как переезды из одного центра научной деятельности в другой.

Последствием всего этого было постоянное, живое общение между университетами, установление общеевропейской *respublica litterarum*. Средневековая наука, тесно связанная еще со школой, не знала национального обособления, и мы увидим на примере римского права, что новые познания и приемы исследования, несмотря на отсутствие печати, поразительно быстро распространялись по всей Западной Европе.

Происхождение и организация университетских корпораций

Папы оказали также заметное влияние на общее развитие строя болонской школы. Они первые приняли под свое покровительство возникшие при ней товарищества, общества преподавателей и слушателей. В XII столетии в Западной Европе, на развалинах прежнего строя, среди общего хаоса, зародилось настойчивое стремление к сплочению, к объединению вновь нарождавшихся политических и общественных групп. Возникали одни за дру-

1 Подобные привилегии давались иногда и светскою властью; но оне получили обще-европейское значение только тогда, когда их подтверждали папы.

гими городские коммуны (общины), купеческие ганзы (союзы), торгово-промышленные цехи и гильдии. Это движение сказалось также среди преподавателей и слушателей высших школ. Почти одновременно, притом независимо друг от друга, на исходе XII столетия, как в Париже, так и в Болонье, они стали соединяться в ряд «обществ» или «товариществ». Подобно упомянутым выше политическим и торгово-промышленным союзам, эти товарищества рассматривались как самостоятельные носители гражданских и публичных прав, отличных от прав отдельных участников. Они были, следовательно, «корпорациями» или «universitates», по терминологии римских юристов.

В Болонье особое значение получили союзы слушателей. В состав этих союзов долго входили одни лишь студенты-юристы, которые пользовались рядом привилегий на том основании, что болонская школа первоначально была исключительно юридической школой¹. Такой состав должен был возвысить значение болонских корпораций сравнительно с парижскими нациями, где преобладали студенты-артисты,—уже потому, что к изучению права переходили, пройдя предварительно курс свободных искусств (*artes*). Юристы были людьми сравнительно пожилыми, и болонское студенчество отличалось гораздо менее беспокойным нравом, чем парижское. Оно, наконец, могло свободнее развиваться в вольном итальянском городе, чем под суровой властью парижского канцлера, занимавшего по отношению к корпорациям положение сюзерена².

Таким образом, ряд причин содействовал тому, что в Болонье, в отличие от Парижа, вся власть со временем перешла в руки корпорации слушателей. В пределах университета повторился процесс, который можно проследить в истории городской общины: к концу средних веков власть переходит к одной из групп союзов, из которых слагалась община, к цехам.

Первое товарищество было образовано, вероятно, слушателями-немцами, по образцу «ганз» (союзов, гильдий) немецких купцов, торговавших за пределами отечества. Их примеру вскоре последовали представители других северных наций, а затем уроженцы Ломбардии и средней Италии (*Toschi*), так что всего возникло не менее четырех товариществ. Но около 1250 года, по неизвестным нам побуждениям, оне слились в две большие «корпорации». В состав одной, корпорации «ультрамонтанов», вошли студенты, родом из-за Альпийской цепи. Они делились на 14 наций, групп, сохранявших, повидимому, некоторую самостоятельность. То были: *Gallici*, *Picardi*, *Burgundiones*, *Pictavenses et Vascones*, *Turonenses et Cenomanenses*, *Normatti*, *Catelani*, *Ungari*, *Poloni*, *Theotonic*i, *Ispani*, *Provinciales*, *Anglici*—словом, представители всех областей средневековой Европы. Другая, корпорация «цитрамонтанов», объединяла всех уроженцев Италии, за исключением слушателей из самой Болоньи. Как граждане родного города, они не нуждались в защите и помощи, которую оказывала корпорация, и поэтому совсем не входили в состав обществ.

Наиболее древний устав болонской корпорации (нации), дошедший до нас полностью, относится к 1497 году. Но постановления его носят явный отпечаток эпохи происхождения корпораций. Общество студентов именует себя братством (*fraternitas*). Оно избирает из своей среды двух прокураторов, для представительства во вне и для управления ее делами.

1 Преподавание богословия было введено только с 1360 года.

2 По терминологии немецкого права, парижские корпорации были *hofrechtliche Genossenschaften*, а болонские—*stadtrechtliche*.

Этим прокураторам поручается также судебная власть над товарищами и, под страхом высокого денежного штрафа, воспрещается привлекать товарища к общему суду, помимо своего корпоративного суда. Устав обязывает товарищей питать друг ко другу братскую любовь (*fraterna caritas*), ухаживать за больными, оказывать поддержку нуждающимся товарищам, сопровождать их к докторскому испытанию и затем домой, складываться, чтобы справлять достойно похороны умерших товарищей, наконец, сообща праздновать торжественные в жизни общества дни. Каждый вновь поступающий член общества должен принести присягу строго соблюдать устав. Эта черта, в связи со всем вышеизложенным, доказывает, что корпорации были не чем иным, как древнегерманскими *Schwurbruderschaften* (присяжными братствами), обычной формой соединения средневековых купцов и ремесленников.

Борьба их с городом

Не так рано и легко, как внутренний распорядок корпорации, слушателям удалось упрочить внешнее положение их и влияние на общеуниверситетские дела. Этого влияния они добились только после продолжительной и упорной борьбы с городской общиной и с обществом (цехом) преподавателей.

Городские власти считали себя в праве вмешиваться в управление университетом на том основании, что он первоначально был городской школой. К студенческим же обществам оне относились враждебно преимущественно из опасения, что, сплотившись, слушатели легче могут исполнить обычную во время нередких столкновений с гражданами города угрозу—выселиться и перенести всю школу в другое место, к немалому ущербу доходов Болоньи и ее домовладельцев в особенности. Эти опасения не были лишены основания. Студенты на самом деле несколько раз уходили и торжественно клялись, что уже не вернуться более. В таких случаях в дело вмешивался постоянный покровитель студентов—папа. Он заставлял город уступать, а студентов разрешал от данной клятвы. Не все, однако, соглашались на компромисс, и некоторые оставались в соседних городах, образуя там ядро нового университета. Так возникли первые после Болоньи итальянские университеты—в Виченце (1204 г.) и в Падуе (1222 г.). После того как было улажено особенно резкое столкновение в 1321 г., долго угрожавшее окончательным закрытием болонского университета, студенты-юристы построили в память этого события церковь *S. Maria della Pace* (Марии Миротворицы). В этой церкви был поставлен сохранившийся поныне памятник, на котором рельефом изображено поклонение студентов Богоматери. По правую сторону стоят ректор ультрамонтанов, *nobilis vir dominus Bartholomaeus Lambertus*, каноник из Фамагусты, на острове Кипре¹, и помощники его—*Jaroslaus de Polonia* и *Petrus Revorii de Burgundia*. По левую сторону изображены ректор цитрамонтанов, *dominus Bernardus Catenacius*, каноник церкви св. Антония в Плаценции, и два помощника его. Этот памятник свидетельствует, между прочим, о том значении, которое клирики и в XIV столетии сохранили среди студентов-юристов.

Споры между преподавателями и слушателями

Преподаватели, которых слушателям к концу средних веков удалось даже подчинить власти избранного из своей среды ректора, имели, конечно, еще больше поводов бороться

¹ Кипр был в это время самостоятельным государством, основанным северными крестоносцами.

против возраставшего влияния обществ слушателей. Они опирались при этом, главным образом, на постановления римских императоров. Императоры, говорили глоссаторы, даровали право суда и власть над своими членами только обществам, состоящим из лиц, занятых какой-либо профессией. Такими являются однако не ученики, а только преподаватели, «доктора», и только их корпорация может пользоваться всеми правами цеха. В начале XIII столетия глоссатор Ацо напоминает слушателям, что «ни у скорняков, ни у других ремесленников ученики (подмастерья) не составляют товариществ, а цехи состоят из их мастеров». На каком же основании, спрашивает он, наши ученики считают себя в праве основывать особые общества? Но к концу XIV века начинают признавать законность общества студентов. Пост-глоссатор Бальдо, считая их вполне законными, лишь убеждает слушателей, что не следовало бы избирать ректора всего университета (*rector studii*) исключительно из своей среды. Выбор общего главы, думает Бальдо, должен быть предоставлен слушателям совместно с преподавателями, ибо они все части одного тела—*ad universitatem studentium, id est doctorum et scholarium, id est ad caput cum membris*.

Образование единого университета и значение корпоративного строя

Только что приведенная цитата указывает, между прочим, на знаменательный переворот, завершившийся в болонской школе к концу XIV века. Корпорации слушателей еще теснее сплотились и образовали из всех «*studentes*», как средние века называли не только слушателей, но также самостоятельных уже исследователей-преподавателей, одно общество с одним ректором во главе. Это охватывающее весь состав школы общеуниверситетское общество—*universitatis totius studii*—и привыкли тогда короче называть «*universitas*» (*studentium*), пока, к концу средних веков, это название не вытеснило прежнего «*studium generale*». Не случайно, конечно, произошла эта смена названий. В ней отразилась и метко указана наиболее характерная и ценная особенность средневековой школы. Корпоративные права учащихся и учеников были основной причиной и единственным залогом ее процветания и культурного влияния. И раньше, до возникновения университетов, в школах нередко вокруг даровитого преподавателя или известного ученого собирались многочисленные ученики. Но когда такой преподаватель сменялся или когда наступали неблагоприятные внешние условия, большинство их уходило, а школа, после непродолжительного расцвета, приходила в упадок и в забвение. Подобная же участь грозила школе, основанной глоссаторами, пока она не превратилась в самостоятельный и независимый общественный союз, с своей особой жизнью, особыми обычаями и преданием, связывавшими последующие поколения преподавателей и слушателей. Тогда только было обеспечено, на многие века, преемство научной работы и непрерывное существование школы среди смут и борьбы средних веков. Университетские города в Италии много раз переходили от одного завоевателя к другому и нередко при этом опустошались; но университеты в них развивались почти безостановочно.

Распространение университетов

Эта организация высшей школы, одновременно и независимо друг от друга возникшая в Болонье и в Париже, настолько соответствовала потребностям эпохи, что немедленно вызвала подражание. До конца XIV века в разных странах Западной Европы возникло около 50 университетов—и все они были основаны по образцу первых двух. Благодаря этому самая организация болонской школы оказала значительное влияние на распространение

римского права.

На юге, в Италии и в Испании, повсюду был заимствован строй болонского университета целиком. Вместе с ним получало преобладающее значение, как в Болонье, преподавание римского права. Особенно наглядно это влияние сказалось при основании в 1300 г. университета в Лериде Яковом II, королем Арагонским, который пожелал избавить от далекого и опасного путешествия многочисленных подданных своих, стремившихся получить высшее образование. В Арагонии в то время воспрещалось ссылаться в судах на римское право; дела решались на основании местных обычаев, *fueros*. Тем не менее в Лериде основным предметом преподавания было римское право и членами университетских корпораций могли быть только студенты-юристы—была, словом, создана точная копия знаменитой болонской школы. И вот, со временем увлечение римским правом привело в Арагонии к полной его рецепции.

Менее значительно было влияние Болоньи на севере¹, где образцом служил строй парижской школы. Но и там юридические факультеты всех университетов еще долго находились под сильным влиянием Болоньи, которой они следовали в приемах как научной работы, так и преподавания.

Комментаторы и рецепция

Болонский университет, таким образом, ознакомил средневековое общество с римским правом; он подготовил почву к восприятию его; он же воспитал лиц, которые должны были провести его в жизнь.

Эти лица, по крайней мере главная масса их, вышли уже не из школы глоссаторов. Последних сменили к концу XIII века пост-глоссаторы или «комментаторы»²; их учениками были французские «легисты» и немецкие «юристы», деятельные поборники господства римского права на своей родине. Этою активной, практической ролью ее определяется историческое значение школы комментаторов. Они нередко, безспорно гораздо чаще даже глоссаторов, искажали и перетолковывали постановления римского права. Но они делали это, удовлетворяя назревшей потребности применить его к жизни. Эту трудную задачу комментаторы в общем разрешили успешно, благодаря обширным знаниям и, несомненно, блестящим способностям отдельных представителей школы. Поэтому лучшие из них—назовем Бартола (ум. 1357 г.) и Бальдо (1400 г.)—пользовались небывалым почётом и как юристы практики. К ним обращались за решением не только споров в области частного права, но нередко также международных, даже церковных вопросов, и так велико было их влияние на общественное мнение, что их решениям приходилось подчиняться, хотя никто не обладал их судебной властью. Теперь только наступила эпоха, когда римское право получило внешний авторитет действующего права, когда его старались «реципировать», принять и, по возможности, целиком применить к жизни. Суды стали слепо преклоняться перед ним—даже там, где государственная власть не предписывала этого. В эту эпоху поэт, чтобы как можно ярче изобразить полную беспомощность грешника на Страшном суде, мог воскликнуть: ему не помогут даже ссылки на Кодекс и Дигесты—

1 Только в Оксфорде и Кембридже университеты развились до известной степени самостоятельно.

2 Это название объясняется обычным приемом литературного изложения их учений—в бесчисленных «комментариях».

ibi nihil proderit allegare,
ubi nullus Codici locus aut Digestis!

Но всюду равномерное, теоретическое увлечение римским правом не привело к столь же равномерному практическому применению его. Время и ход рецепции были весьма различны в зависимости, прежде всего, от степени развития хозяйственного быта отдельных стран.

Римское право во Франции

Остановимся несколько на судьбах римского права во Франции.

На юг Галлии после вторжения варваров старое провинциальное, римское население сохранило преобладающее значение. Сложившиеся здесь к XI веку обычаи воспроизводили основные черты привычного населению римского права. Когда возродилось научное изучение его, то под влиянием всеобщего увлечения сборники Юстиниана, *силою того же обычного права* и вопреки воле королей¹, получили значение действующего *закона*—и южную Францию стали называть «*paus de droit escrit*». Там, напротив, где сплошными массами осели франки, образовалось обычное право германского типа, и за область к северу от Луары (приблизительно) сохранилось название «*paus de droit coutumier*», так как эти обычаи применялись до самого падения «старого порядка». Впоследствии, однако, римское право оказало и на них сильное влияние, а в XIX столетии удалось уже объединить обычаи севера и юга в одно общепроанцузское право.

Французские короли признавали за римским правом в суде только силу местного обычая южных областей; но они желали, чтобы оно преподавалось во всем королевстве: и им оно казалось «*raison écrite*», идеальным правом. В указе 1312 года Филипп Красивый говорит: «Подобно тому как свободные искусства служат необходимой подготовкой к занятиям богословием, так учения римского права готовят к познанию того, что разумно, развивают добрые нравы, указывают путь к достижению справедливости и готовят к пониманию обычного права (*ad consuetudinem intellectum propriant*)».

Несмотря на ограниченное практическое применение его, интерес к римскому праву быстро возрастал во Франции. Как только первые ученики болонских глоссаторов стали читать его в Париже, в XII столетии, слышались жалобы на то, что им увлекаются все студенты-богословы. В 1219 году папа буллой «*Super speculam*» должен был закрыть юридический факультет парижского университета, чтобы устранить соблазн и заставить слушателей возвратиться к изучению богословия. Немедленно, однако, преподавание римского права оживилось в Орлеане, расположенном, подобно Парижу, в области кутюмного права. Одновременно на юге процветало несколько университетов (в Монпелье, Тулузе, Кагоре и др.), которые сохраняли тесное общение с итальянскими юридическими школами.

Легисты и их влияние на развитие гражданского права

Многочисленные воспитанные на римском праве «легисты», как назывались во Франции и в Англии ученые юристы, в своем увлечении были склонны придавать ему еще большее значение, чем сами короли. Многие из них думали, что всякий вообще пробел в обычном праве должен быть дополнен из римского права. Часть легистов признавала, однако, за римским правом лишь значение *ratio scripta*, наиболее разумного права, постановле-

1 Они опасались, как бы это обстоятельство не было истолковано в смысле доказательства принадлежности Прованса Римской империи.

ния которого нуждались для практического применения в особой санкции. Но как те, так и другие на деле широко черпали из богатых сокровищниц Юстиниановых сборников. Особенно много и успешно они заимствовала при составлении сборников обычного права, которые в разное время, с XIII по XVI век, были составлены почти для всех судебных округов северной Франции. Первые составители ограничивались простою вставкой, наряду с обычаями и королевскими указами, отдельных постановлений римского и близкого ему канонического права. Так поступили авторы древнейших сборников, например, так называемых *Establissemens de St. Louis* (сборника, составленного частным лицом около 1272 года). Обходя трудный вопрос об основании действия римского права, автор другого сборника—*Livre de Jostice et de Plet* (Книги о правде и суде)—прямо приписывает Людовику Святому рескрипт императора Адриана. Но уровень научных знаний французских легистов быстро возрастал под влиянием университетского преподавания. Бомануар, славный юрист и поэт, уже в конце XIII века пользовался римским правом при разработке обычаев округа города Бовэ, где он был наместником (балли), с замечательным искусством заимствуя не отрывки, а основные идеи римских юристов и дух их творений.

Особенно много римских понятий заимствовал сборник «*Coutumes de Beauvoisis*» (1283 года) в области обязательственного права, в частности по вопросу о порядке заключения и исполнения договоров. Вот пример. В течение тысячелетней истории своей римское право выработало весьма простые, целесообразные формы заключения сделок, которые теперь, но только теперь, когда он усвоены всеми цивилизованными народами, кажутся нам как бы естественными, почти неизбежными. Вместе с тем, римское право давало возможность в известных случаях оспаривать сделку, когда исполнение ее оскорбляло чувство справедливости,—но не жертвовало также, как древне-греческое право, прочностью гражданского оборота: оно разрешало, например, просить об уничтожении договора, заключенного под влиянием страха, возбужденного угрозами, если последние были противозаконны и серьезные. Древне-французские кутюмы, как всякое неразвитое право, были менее гибки и не содержали соответствующих постановлений. Договоры, которые они знали, требовали торжественной формы заключения, т. е. произнесения определенных формул при известной обстановке, и подлежали исполнению во всяком случае. Но Бомануар уже держится римских начал и говорит в своем сборнике: «Сделки, заключенной под влиянием принуждения или страха, можно не исполнять. Но принуждение и страх бывают различны. Говоря: «я сделал это по принуждению», следует указать принуждение и, в чем оно состояло, и доказать, если противная сторона будет отрицать его. Тогда надлежит рассмотреть, таково ли было принуждение, чтобы можно было уничтожить сделку. То же—если кто заключит договор под влиянием страха»¹.

Позже стали видоизменяться, под влиянием римских взглядов, и другие постановления обычного права, например, порядок наследования. Кутюмы, как все средневековые обычаи, при разделе наследства, в особенности недвижимого имущества, отдавали предпочтение сыновьям перед дочерьми (ср. так называемый Салический закон), а иногда еще старшему сыну в ущерб младшим. В сборниках Юстиниана указывалось другое более справедливое начало равного наделения всех детей без различия пола. По мере культурного роста страны

1 Beaum. 34, 26: *Convenience, qui est fete par force ou par peur n'est pas a tenir. Mais force et peur si sont de manieres car en dire «je le fis par force», il convient dire le force et quele et prover.*

эти постановления приобретали все большие симпатии населения. Применение их вместе с другими, тесно с ними связанными постановлениями, постоянно расширялось, пока оне, с конца прошлого столетия, не легли в основу общефранцузского права.

Политическая роль легистов

Во Франции легистов вывел на почву практической деятельности Людовик Святой. Он искал их содействия, думая, что они более способны водворить правду и справедливость на суде, чем невежественные феодалы; но он не предвидел еще той политической роли, которую им суждено было сыграть. При преемниках Людовика почти все отрасли государственного управления перешли в их руки. Они заседали в королевском совете (*conseil*) и в верховном суде (*parlement*). Они же занимали обыкновенно должности бальи и прево, которым поручалось местное управление, сбор податей и отправление суда. Постепенно легисты составили как бы особый класс—многочисленное и сомкнутое чиновничество, сильное своим знанием права и деловым навыком. Опираясь на авторитет римского права, легисты упорно проводили почерпнутые в нем идеалы, враждебные средневековым идеям и формам, но отвечавшие потребностям нового времени, стремлениям того класса (*tiers etat*), который шел на смену феодальному барону.

Так, вопреки средневековому представлению, что и в области частных, гражданских отношений лица разных состояний должны иметь различные права, дворянин—одни, мужик—другия, легисты стремились создать, по образцу римского, равное для всех, общее право Франции. Они последовательно старались освободить личность и собственность от стеснительных оков феодальной или общинной зависимости. В области государственного управления легисты ставили себе задачей возвышение королевской власти, которая одна могла побороть феодальную смуту и обезпечить Франции внутренний мир и общую безопасность, необходимые для роста народного благосостояния. Строй Римской империи, так удачно и крепко сочлененный, казался им идеалом и служил образцом, по которому они созидали строй французской монархии. Король не только верховный сюзерен—он император своих владений, источник и блюститель всего права,—таково основное положение легистов. Бомануар говорит: «*ce qui li plect a fere doit estre tenu por a loi*» (Beaum. 30, 29). Отсюда стремление последовательно ограничивать всеми средствами круг ведомства феодальных судов и подрывать самостоятельность как феодальных баронов, так и городских общин (коммун). На смену средневековому разновластию создавалось «централизованное» управление. Исподоволь подготавливая монархию Людовика XIV, они хотели, чтобы король, при помощи своих органов, из одного центра мог направлять и согласовать жизнь отдельных частей государства. Легисты отважились даже на столь опасную тогда открытую войну с церковною властью. Они оспаривали и последовательно суживали светския полномочия духовенства; они решились даже засудить своим светским судом духовный орден тамплиеров и папу Бонифация VIII. Правда, к насильственным приемам, как в этих случаях, они прибегали только в царствование Филиппа Красиваго. Но всегда они были неразборчивы на средства в борьбе с церковью и феодализмом и вызывали в своих противниках сильное озлобление. Ненависти их могущественных врагов каждый почти король должен был жертвовать помощниками своего предшественника. Ликовал и народ при виде казни легистов, так как он винил их в возрастании налогов. Но легисты упорно продолжали свою работу. «Сын казненного смело садился на место отца и действовал в том же духе и направлении,

не заботясь, повидимому, о предстоящей ему участи». Увлечение идеалами римской древности внушало этим жестким представителям закона непоколебимую уверенность в правоте своего дела. И они действительно способствовали прогрессу своего отечества.

«Теоретическая» рецепция в Германии

В Германии римское право стало оказывать заметное влияние на, общественный и частный быт страны позже, чем во Франции.

Правда, убеждение, что Германская империя есть продолжение империи Римской, уже рано, еще до возникновения болонской школы, заставляло императоров пользоваться римским правом для обоснования и расширения своих прав. Эти стремления ясно сказались в деятельности, например, Фридриха II в его сицилийских владениях и в попытке Карла IV дать Богемии гражданское уложение по римским образцам. Вполне определенно они изложены Фридрихом III в указе 1484 года: «Наша воля и самая энергичная усилия наши направлены к тому, чтобы безконечно мудрые законы и указы наших предков, священной памяти римских императоров, все более усваивались нашими подданными, так как мы убеждены, что только при последовательном применении их наше государство будет крепнуть и расти. Только могущественная королевская власть, опирающаяся на это право, может укротить необузданные страсти подданных и обеспечить будущность государства». Но долго условия экономического развития не создавали в Германии почвы для применения римского права — и когда они наступили, ими воспользовалась не имперская власть.

В Болонье студенты из Германии стали заниматься, как мы видели, с самого основания школы. Тогда итальянцы называли немцев еще *gens agrestis et indomita*, народом деревенским и диким, который на родине всюду еще довольствовался своими стародавними обычаями. Эти обычаи тогда еще не вполне даже сложились. Они только в XIII столетии были собраны, причем, например, автор наиболее ценного из сборников, «Саксонского Зерцала» (*Spiegel der Saxon*), знал о римском праве только по наслышке. В позднейшем «Швабском Зерцале» 1275 г. еле заметны следы знакомства с ним. Каким значительным не казалось бы число студентов, ежегодно отправлявшихся в болонскую школу, последняя не могла заменить своих местных школ, не могла воспитать, как многочисленные французские университеты, целого сословия юристов. Те *сравнительно* немногие юристы, которые кончали курс в Болонье, все поглощались дипломатической и канцелярской службой при императорском дворе. Да и так мало настоятельна была еще потребность в них, что первые немецкие университеты, в XIV столетии, были основаны по образцу парижского, и римское право, исключенное из программы последнего буллою 1219 года, не преподавалось в них до половины XV века.

Практическое усвоение римского права в Германии

Лишь около этого времени произошел решительный переворот в хозяйственном быту Германии¹. На юге ея, в особенности, горное дело и обрабатывающая промышленность достигли высокого развития. Выделка домашней утвари того времени, например, и поныне не превзойдена в Германии по роскоши и художественности исполнения. Города в Баварии,

1 См. книгу Янсена: Экономическое... состояние германского народа накануне реформации (СПб. 1898). Автор — ревностный католик и сгущает краски, чтобы доказать гибельные последствия реформации.

по Дунаю, на Рейне приняли широкое участие в международной торговле, служа посредниками между Венецией на юге и Брюгге и Антверпеном на севере и сосредоточивая в своих руках значительную часть торговли с Востоком и Новым Светом. По свидетельству француза Фруассара и итальянца Макиавелли, западная Германия временно превзошла уровень культуры Франции и Италии.

Этот переход совершился поразительно быстро. Старое, обычное право сразу оказалось совершенно непригодным для новых отношений, возникавших на почве торгово-промышленного оборота, техника которого (формы кредита и т. д.) была заимствована у итальянцев. Почти не пытались даже пополнить его пробелы или развить его, а пренебрежительно отбрасывали его совсем. Горожане нередко добровольно, минуя суды, прибегали к посредничеству юристов, чтобы регулировать взаимные права и обязанности согласно римскому праву. Теперь наступила действительная потребность в нем и в его истолкователях. Последние могли опереться теперь на могущественный, сочувствовавший им класс горожан, которые нуждались не только в более совершенном гражданском праве, но также в объединенной, сильной государственной власти, которая обеспечила бы им мир и безопасность. Аналогичное движение, как мы видели, усилило во Франции власть центрального правительства; но в Германии империя уже не могла или не сумела воспользоваться им. Напротив того, оно выдвинуло и укрепило в XV и XVI столетиях власть областных владетелей (Territorialfürsten). Последние взяли на себя задачу образовать на германской почве государство нового времени, они создали новое управление, новые суды и воспитали умелое чиновничество. При помощи и участии «юристов» областные владетельные князья поборолли как феодально-общинный мир, так и самостоятельность духовенства¹. По условиям развития Германии эта борьба была особенно жестока. Не было сильной единой верховной власти, и ни кем не уравниваемое развитие Германии шло чрезвычайно неравномерно. Деревня, иногда целые области продолжали жить прежнюю жизнью, вести хозяйство постарому. Дворянство и крестьянство с трудом применялись к новому строю. Вот основание тех резких протестов против введения римского права, которые раздавались со всех сторон в Германии в течение XVI столетия. Непрерывной цепью тянутся они и до наших дней находят себе отзвук в литературе—со времени учреждения имперского суда, (Reichskammergericht) в 1495 г. и окончательного при этом признания римского права действующим «des Reichs gemaines Recht». Продолжительность процесса рецепции объясняется тем, что, после кратковременного ее процветания, культурный уровень Германии опять понизился, и она возвратилась к простейшему натуральному хозяйству, обеднела. Рецепция частью приостановилась, частью приняла характер простого подражания. Окончательное, полное усвоение Германией римского права было делом лишь нового времени.

А. Вормс.

1 В Германии духовенство в ту эпоху пустило в оборот поговорку: «Juristen—böse Christen» (юристы—плохие христиане). Этого убеждения держится поныне только что цитированный автор. Но, как мы видели раньше, о какой-либо принципиальной, постоянной вражде католической церкви к римскому праву в средние века не может быть речи.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
XIX. Подготовка феодализма.....	3
XX. Альфред Великий.....	13
XXI. Набеги викингов.....	23
XXII. Феод и сенъерия.....	31
XXIII. Сельское население Германии в XI и XII вв.....	60
XXIV. Французские города в средние века.....	65
XXV. Свв. Кирилл и Мефодий первоучители славянские.....	93
1. Житие св. Кирилла.....	93
2. Житие св. Мефодия.....	115
3. Житие Климента, епископа болгарского.....	123
4. Житие и перенесение мощей св. Климента.....	145
XXVI. Симеон, царь Болгарский.....	151
XXVII. Никифор Фока.....	169
XXVIII. Папа Николай I.....	188
XXIX. Оттон Великий.....	194
XXX. Религиозно-общественный идеал папы Григория VII.....	216
XXXI. Ломбардские города в XII веке.....	249
XXXII. Папа Иннокентий III.....	264
XXXIII. Фридрих II Гогенштауфен.....	283
XXXIV. Подготовка первого крестового похода.....	303
XXXV. Вожди первого крестового похода.....	315
XXXVI. Иерусалимское королевство.....	330
I. Страна, население, земледелие, торговля, колонии, образованность.....	330
II. Учреждения и право. Иерусалимские ассизы.....	342
III. Духовно-рыцарские ордена. Процесс тампльеров.....	351
XXXVII. Андроник Комнин.....	372
I.....	372
II.....	380
III.....	388
IV.....	398
XXXVIII. Четвертый крестовый поход и Латинская империя.....	411
XXXIX. Цезарий Гейстербахский.....	425
XL. Франциск и Доминик.....	433
XLI. Средневековые ереси и инквизиция.....	442
XLII. Мистика и схоластика XI—XII веков.....	472
XLIII. Народное образование и университеты в средние века.....	485
XLIV. Рыцарство.....	505
1. Рыцарская поэзия.....	505
2. Происхождение рыцарства.....	509
3. Заповеди рыцарства.....	512
4. Детство барона.....	516
5. Юность барона.....	521
6. Посвящение в рыцари.....	525
7. Брак рыцаря.....	529
8. Рыцарский замок.....	531
9. Домашняя жизнь рыцаря.....	534
10. Военная жизнь рыцаря.....	537
11. Культ женщин. Утонченное рыцарство XIII в. и упадок старого феодального рыцарства.....	540
12. Рыцарство в эпоху Столетней войны и его конец.....	546

13. Войско и тактика рыцарской эпохи.....	550
XLV. Средневековая лирика.....	562
XLVI. Театральные представления во Франции в конце XV века.....	570
XLVII. Средневековое искусство.....	585
ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО.....	585
РОМАНСКИЙ СТИЛЬ.....	598
ГОТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ.....	609
МАВРИТАНСКИЙ СТИЛЬ.....	625
XLVIII. Болгарская письменность.....	633
XLIX. Болонский университет и римское право в средние века.....	646